РУССКАЯ ИСТОРІЯ

ВЪ

ЖИЗНЕОПИСАНІЯХЪ ЕЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ

Н. КОСТОМАРОВА

ТОМЪ ПЕРВЫЙ:

ГОСПОДСТВО ДОМА СВ. ВЛАДИМИРА.

X—XVI-ое СТОЛѢТІЯ.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л., 7.

1888

(1149)

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

I.

КНЯЗЬ ВЛАДИМИРЪ СВЯТОЙ.

Наша исторія о временахъ, предшествовавшихъ принятію христіанства, темна и наполнена сказаніями, за которыми нельзя признать несомнѣнной достовѣрности. Этому причиною то, что наши первые лѣтописцы писали не ранѣе второй половины XI в., и о событіяхъ, происходившихъ въ ихъ отечествѣ въ IX и X вѣкахъ, за исключеніемъ немногихъ письменныхъ греческихъ извѣстій, не имѣли другихъ источниковъ, кромѣ изустныхъ народныхъ преданій, которыя, по своему свойству, подвергались вымысламъ и измѣненіямъ. Съ достовѣрностью можно сказать, что, подобно всѣмъ сѣвернымъ европейскимъ народамъ, и русскій только съ христіанствомъ получилъ дѣйствительныя и прочныя основы для дальнѣйшей выработки гражданской и государственной жизни,— основы, безъ которыхъ собственно для народа нѣтъ исторіи. Съ давнихъ временъ восточная половина нынѣшней Европейской Россіи была населена народами племени чудскаго и тюркскаго, а въ западной половинѣ, кромѣ народовъ литовскаго и чудскаго племени, примыкавшихъ своими поселеніями къ балтійскому побережью, жили словяне подъ разными мѣстными названіями, держась береговъ рѣкъ: Западной Двины, Волхова, Днѣпра, Припети, Сожи, Горыни, Стыри, Случи, Буга, Днѣстра, Сулы, Десны, Оки съ ихъ притоками. Они жили небольшими общинами, которыя имѣли свое средоточіе въ городахъ — укрѣпленныхъ пунктахъ защиты, народныхъ собраній и управленія. Никакихъ установленій, связующихъ между собою племена, не было. Признаковъ государственной жизни мы не замѣчаемъ. Словянорусскія племена управлялись своими князьками, вели между собою мелкія войны и не въ состояніи были охранять себя взаимно и общими

силами противъ иноплеменниковъ, а потому часто были покоряемы. Религія ихъ состояла въ обожаніи природы, въ признаніи мыслящей человѣческой силы за предметами и явленіями внѣшней природы, въ поклоненіи солнцу, небу, водѣ, землѣ, вѣтру, деревьямъ, птицамъ, камнямъ и т. п., и въ разныхъ басняхъ, вѣрованіяхъ, празднествахъ и обрядахъ, создаваемыхъ и учреждаемыхъ на основаніи этого обожанія природы. Ихъ религіозныя представленія отчасти выражались въ формѣ идоловъ, но у нихъ не было ни храмовъ, ни жрецовъ; а потому ихъ религія не могла имѣть признаковъ повсемѣстности и неизмѣняемости. У нихъ были неясныя представленія о существованіи человѣка послѣ смерти; замогильный міръ представлялся ихъ воображенію продолженіемъ настоящей жизни, такъ что въ томъ мірѣ, какъ и въ здѣшнемъ, предполагались одни рабами, другіе господами. Они чествовали умершихъ прародителей, считали ихъ покровителями и приносили имъ жертвы. Вѣрили они также въ волшебство, т.-е. въ знаніе тайной силы вещей и питали большое уваженіе къ волхвамъ и волхвицамъ, которыхъ считали обладателями такого знанія; съ этимъ связывалось множество суевѣрныхъ пріемовъ, какъ-то: гаданій, шептаній, завязыванія узловъ, и тому подобнаго. Въ особенности была велика вѣра въ тайное могущество слова, и такая вѣра выражалась во множествѣ заговоровъ, уцѣлѣвшихъ до сихъ поръ у народа. Сообразно такому духовному развитію было состояніе ихъ житейской умѣлости. Они умѣли строить себѣ деревянныя жилища, укрѣплять ихъ деревянными стѣнами, рвами и земляными насыпями, дѣлать ладьи и рыболовныя снасти, воздѣлывать землю, водить домашнихъ животныхъ, прясть, ткать, шить, приготовлять кушанья и напитки — пиво, медъ, брагу, — ковать металлы, обжигать глину на домашнюю посуду; знали употребленіе вѣса, мѣры, монеты; имѣли свои музыкальные инструменты; на войну выходили съ метательными копьями, стрѣлами и отчасти мечами. Всѣ познанія ихъ переходили отъ поколѣнія къ поколѣнію, подвигаясь впередъ очень медленно; но сношенія съ Византійскою Имперіею и отчасти съ арабскимъ Востокомъ мало-по-малу оказывали на русскихъ словянъ образовательное вліяніе. Изъ Византіи заходило къ нимъ христіанство. Въ половинѣ IX вѣка русскіе, послѣ неудачнаго похода на Византію, когда буря истребила ихъ суда, приняли крещеніе, но вслѣдъ затѣмъ язычество опять взяло верхъ въ странѣ; однако и послѣ того многіе изъ русскихъ служили на службѣ византійскихъ императоровъ въ Греціи, принимали тамъ христіанство и вносили его въ свое отечество. Въ половинѣ X вѣка кіевская княгиня Ольга приняла

св. крещеніе. Все это, однако, были только предуготовительныя явленія. При князьяхъ такъ-называемаго Рюрикова дома господствовало полное варварство. Они облагали русскіе народы данью и до нѣкоторой степени, подчиняя ихъ себѣ, объединяли; но ихъ власть имѣла не государственныя, а наѣздническія или разбойничьи черты. Они окружали себя дружиною, шайкою удальцовъ, жадныхъ къ грабежу и убійствамъ, составляли изъ охотниковъ разныхъ племенъ рать и дѣлали набѣги на сосѣдей—на области Византійской Имперіи, на восточныя страны прикаспійскія и закавказскія. Цѣль ихъ была пріобрѣтеніе добычи. Съ тѣмъ же взглядомъ они относились и къ подчиненнымъ народамъ; послѣдніе присуждались платить дань, и чѣмъ болѣе можно было съ нихъ брать, тѣмъ болѣе брали; за эту дань бравшіе ее не принимали на себя никакихъ обязательствъ оказывать какую-нибудь выгоду съ своей стороны подданнымъ. Съ другой стороны, князья и ихъ дружинники, имѣя въ виду только дань и добычу, не старались вводить чего-нибудь въ жизнь платившихъ дань, ломать ихъ обычаевъ, и оставляли съ ихъ внутреннимъ строемъ, лишь бы только они давали дани и поборы.

Такой варварскій складъ общественной жизни измѣняется съ принятіемъ христіанской религіи, съ которою изъ Византіи — самой образованной въ тѣ времена державы—перешли къ намъ какъ понятія юридическія и государственныя, такъ и начала умственной и литературной дѣятельности. Принятіе христіанства было переворотомъ, обновившимъ и ожитворившимъ Русь и указавшимъ ей историческую дорогу.

Этотъ переворотъ совершенъ Владиміромъ, получившимъ наименованіе Святого, человѣкомъ великимъ по своему времени. Къ сожалѣнію, жизнь его намъ мало извѣстна въ подробностяхъ, и лѣтописи, сообщающія его исторію, передаютъ не мало такихъ чертъ, въ достовѣрности которыхъ можно скорѣе сомнѣваться, чѣмъ принимать ихъ на вѣру. Откидывая въ сторону все, что̀ можетъ подвергаться сомнѣнію, мы ограничимся короткими свѣденіями, которыя, при всей своей скудости, все-таки достаточно показываютъ чрезвычайную важность значенія Владиміра въ русской исторіи.

Владиміръ былъ сынъ воинственнаго Святослава, кіевскаго князя, который предпринялъ походъ на хазаръ, господствовавшихъ въ юго-восточной Россіи, взялъ ихъ городъ Саркелъ на Дону, побѣдилъ прикавказскихъ народовъ: ясовъ и касоговъ, завоевалъ Болгарію на Дунаѣ, но долженъ былъ, послѣ упорной защиты, уступить ее греческому императору. На возвратномъ

пути изъ Болгаріи въ Русь онъ былъ убитъ печенѣгами, народомъ тюркскаго племени. Будучи еще въ дѣтскомъ возрастѣ, Владиміръ былъ призванъ новгородцами на княженіе и уѣхалъ въ Новгородъ вмѣстѣ съ своимъ дядею Добрынею, братомъ его матери Малуши, ключницы его бабки Ольги. По смерти Святослава между дѣтьми его началось междоусобіе. Кіевскій князь Ярополкъ убилъ брата своего, древлянскаго князя Олега. Владиміръ съ своимъ дядею убѣжалъ въ Швецію и возвратился въ Новгородъ съ чужеземною ратью. Вражда у нихъ съ Ярополкомъ возникла оттого, что дочь Рогволода, князя полоцкаго, Рогнѣдь, которой руки просилъ Владиміръ, отказала ему такими словами: „не хочу разуть (разуть жениха — обрядъ свадебный; разуть — вмѣсто: выдти замужъ) сына рабы“, попрекнувъ его низостью происхожденія по матери, и собиралась выходить за Ярополка. Владиміръ завоевалъ Полоцкъ, убилъ Рогволода, полоцкаго князя, и женился насильно на Рогнѣди. Вслѣдъ затѣмъ онъ овладѣлъ Кіевомъ и убилъ своего брата Ярополка. Лѣтописецъ нашъ изображаетъ вообще Владиміра жестокимъ, кровожаднымъ и женолюбивымъ; но мы не можемъ довѣрить такому изображенію, такъ какъ по всему видно, что лѣтописецъ съ намѣреніемъ хочетъ наложить на Владиміра-язычника какъ можно болѣе черныхъ красокъ, чтобы тѣмъ ярче указать на чудотворное дѣйствіе благодати крещенія, представивъ того же князя въ самомъ свѣтломъ видѣ послѣ принятія христіанства.

Съ большою достовѣрностью можно принять вообще извѣстіе о томъ, что Владиміръ, будучи еще язычникомъ, былъ повелителемъ большого пространства нынѣшней Россіи и старался какъ о распространеніи своихъ владѣній, такъ и объ укрѣпленіи своей власти надъ ними. Такимъ образомъ онъ повелѣвалъ Новгородскою землею — берегами рѣкъ: Волхова, Невы, Мсты, Луги, — землею Бѣлозерскою, землею Ростовскою, землею Смоленскою въ верховьяхъ Днѣпра и Волги, землею Полоцкою на Двинѣ, землею Сѣверскою по Деснѣ и Семи, землею полянъ или Кіевскою, землею Древлянскою (восточною частью Волыни) и, вѣроятно, также западною Волынью. Радимичи, жившіе на Сожи, и вятичи, жители береговъ Оки и ея притоковъ, хотѣли отложиться отъ подданства и были укрощены. Владиміръ подчинилъ дани даже отдаленныхъ ятвяговъ, полудикій народъ, жившій въ лѣсахъ и болотахъ нынѣшней гродненской губерніи. Не должно, однако, думать, чтобы это обладаніе имѣло характеръ государственный: оно ограничивалось собираніемъ дани, гдѣ можно было собирать ее, и такое собираніе имѣло видъ грабежа. Самъ Вла-

димиръ укрѣпился въ Кіевѣ съ помощью чужеземцевъ-скандинавовъ, называемыхъ у насъ варягами, и роздалъ имъ въ управленіе города, откуда съ своими вооруженными дружинами они могли собирать дани съ жителей.

Въ 988 году Владимиръ принялъ христіанство. Обстоятельства, предшествовавшія этому событію и сопровождавшія его, разсказываются съ баснословными чертами, которыя вполнѣ свойственны изустнымъ преданіямъ, записаннымъ уже довольно долгое время спустя послѣ означеннаго событія. Достовѣрно только то, что Владимиръ крестился и въ то же время вступилъ въ бракъ съ греческою царевною Анною, сестрою императоровъ: Василія и Константина. Крещеніе его по всѣмъ вѣроятіямъ происходило въ Корсунѣ, или Херсонесѣ, греческомъ городѣ на юго-западномъ берегу Крыма; и оттуда Владимиръ привезъ въ Кіевъ первыхъ духовныхъ и необходимыя принадлежности для христіанскаго богослуженія. Въ Кіевѣ онъ крестилъ своихъ сыновей и народъ. Жители безъ явнаго противодѣйствія крестились въ Днѣпрѣ, отчасти потому, что въ самомъ Кіевѣ уже значительно распространено было христіанство и христіане не составляли тамъ незначительнаго меньшинства, а болѣе всего оттого, что у русскихъ язычниковъ не было жреческаго сословія, которое бы разъяснило народу преступность такого переворота съ языческой точки зрѣнія и возбуждало бы толпу къ сопротивленію. Самое древнее русско-словянское язычество не имѣло опредѣленнаго характера, общаго для всѣхъ, въ смыслѣ положительной религіи, и состояло изъ множества суевѣрій и представленій, которыя при невѣжествѣ и впослѣдствіи легко уживались съ наружнымъ принятіемъ христіанства. Большинство вступало въ новую вѣру и совершало обрядъ крещенія, не понимая что̀ дѣлаетъ. Борьба язычества съ христіанствомъ выражалась пассивно: продолжительнымъ соблюденіемъ языческихъ пріемовъ жизни и сохраненіемъ языческихъ суевѣрій; такая борьба происходила многіе вѣка послѣ Владимира; но она не мѣшала русскому народу принять крещеніе, въ которомъ сначала онъ не видѣлъ ничего противнаго, потому что не понималъ его смысла. Только постепенно и для немногихъ открывался дѣйствительно свѣтъ новаго ученія.

Владимиръ дѣятельно занимался распространеніемъ вѣры, крестилъ народъ по землямъ, подвластнымъ ему, строилъ церкви, назначалъ духовныхъ. Въ самомъ Кіевѣ онъ построилъ церковь св. Василія и церковь Богородицы, такъ-называемую „Десятинную“, названную такъ оттого, что князь назначилъ на содержаніе этой церкви и духовенства ея десятую часть княжескихъ до-

ходовъ. Для прочнаго укрѣпленія новопринятой вѣры, Владимиръ вознамѣрился распространить книжное просвѣщеніе, и съ этою цѣлью въ Кіевѣ и въ другихъ городахъ приказалъ набирать у значительныхъ домохозяевъ дѣтей и отдавать ихъ въ обученіе грамотѣ. Такимъ образомъ на Руси, въ какихъ-нибудь лѣтъ двадцать, возрасло поколѣніе людей, по уровню своихъ понятій и по кругозору своихъ свѣденій, далеко шагнувшихъ впередъ отъ того состоянія, въ какомъ находились ихъ родители; эти люди стали не только основателями христіанскаго общества на Руси, но также проводниками переходившей вмѣстѣ съ религіею образованности, борцами за начала государственныя и гражданскія. Эта одна черта уже показываетъ во Владимирѣ истинно великаго человѣка: онъ вполнѣ понялъ самый вѣрный путь къ прочному водворенію началъ новой жизни, которыя хотѣлъ привить своему полудикому народу, и проводилъ свое намѣреніе, несмотря на встрѣчаемыя затрудненія. Лѣтописецъ говоритъ, что матери, отпуская дѣтей въ школы, плакали о нихъ, какъ о мертвыхъ.

Владимиръ послѣ крещенія является чрезвычайно благодушнымъ. Проникнутый духомъ христіанской любви, онъ не хотѣлъ даже казнить злодѣевъ, и хотя сначала согласился-было на увѣщанія корсунскихъ духовныхъ, находившихся около него въ Кіевѣ, но потомъ, съ совѣта бояръ и городскихъ старцевъ, установилъ наказывать преступниковъ только денежною пенею—вирою, по старымъ обычаямъ, разсуждая при этомъ, что такого рода наказаніе будетъ способствовать умноженію средствъ для содержанія войска.

Сохраняя племенную словянскую веселость, Владимиръ примирялъ ее съ требованіями христіанскаго благочестія. Онъ любилъ пиры и празднества, но пировалъ не съ одними своими боярами, а хотѣлъ дѣлиться своими утѣхами со всѣмъ народомъ— и съ старыми и малыми; онъ отправлялъ пиршества преимущественно въ большіе церковные праздники или по случаю освященія церквей (что̀ въ то время было памятнымъ событіемъ). Онъ созывалъ народъ отовсюду, кормилъ, поилъ всѣхъ пришедшихъ, раздавалъ неимущимъ потребное, и даже заботясь о тѣхъ, которые почему-нибудь сами не въ состояніи были явиться на княжій дворъ, приказывалъ развозить по городу пищу и питье. Но такое мирное препровожденіе времени не мѣшало ему, однако, воевать противъ враговъ. Тогда кіевскую Русь безпокоили печенѣги, народъ кочевой и наѣзднической. Уже около столѣтія нападали они на русскій край, и при отцѣ Владимира, во время его отсутствія, чуть-было не взяли Кіева. Владимиръ отразилъ

ихъ съ успѣхомъ, и заботясь какъ объ умноженіи ратной силы, такъ и объ увеличеніи населенія въ краѣ, прилежащемъ Кіеву, населялъ построенные имъ по берегамъ рѣкъ Сулы, Стугны, Трубежа, Десны, города или укрѣпленныя мѣста переселенцами изъ разныхъ земель—не только русско-словянскихъ, но и чудскихъ. Въ 992 году онъ отнялъ у польскаго короля червенскіе города, нынѣшнюю Галицію, и присоединилъ къ Руси этотъ край, населенный хорватами, вѣтвью русско-словянскаго племени.

Передъ концомъ жизни Владимиръ понесъ сильное огорченіе: сынъ его Ярославъ оказалъ непослушаніе отцу, и Владимиръ готовился идти на него. „Теребите путь и мостите мосты", приказывалъ онъ; но смерть застигла его въ этихъ сборахъ. Онъ умеръ 15 іюля 1015 года въ своемъ подгородномъ селѣ Берестовѣ.

II.

КІЕВСКІЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВЪ ВЛАДИМИРОВИЧЪ.

Княженіе Ярослава можетъ назваться продолженіемъ Владимирова, какъ по отношеніямъ кіевскаго князя къ подчиненнымъ землямъ, такъ и по содѣйствію къ расширенію въ Руси новыхъ началъ жизни, внесенныхъ христіанствомъ.

Ярославъ является въ первый разъ въ исторіи мятежнымъ сыномъ противъ отца. По извѣстіямъ лѣтописи, будучи на княженіи въ Новгородѣ въ качествѣ подручника кіевскаго князя, Ярославъ собиралъ съ Новгородской земли три тысячи гривенъ, изъ которыхъ двѣ тысячи долженъ былъ отсылать въ Кіевъ къ отцу своему. Ярославъ не сталъ доставлять этихъ денегъ, и разгнѣванный отецъ собирался идти съ войскомъ наказывать непокорнаго сына. Ярославъ убѣжалъ въ Швецію набирать иноплеменниковъ противъ отца. Смерть Владимира помѣшала этой войнѣ. По соображеніямъ съ тогдашними обстоятельствами, можно, однако, полагать, что были еще болѣе глубокія причины раздора, возникшаго между сыномъ и отцомъ. Дѣти Владимира были отъ разныхъ матерей [1]).

---

[1]) Однѣ лѣтописныя извѣстія называютъ Ярослава сыномъ Рогнѣди, но другія противорѣчатъ этому, сообщая, что Владимиръ имѣлъ отъ несчастной княжны полоцкой одного только сына Изяслава и отпустилъ Рогнѣдь съ сыномъ въ землю отца ея Рогволода; съ тѣхъ поръ потомки Рогнѣди княжили особо въ Полоцкѣ и между ними и потомствомъ Ярослава существовала постоянно родовая непріязнь, поддерживаемая преданіями о своихъ предкахъ. Изъ рода въ родъ переходило такое преданіе: приживши отъ Рогнѣди сына Изяслава, Владимиръ покинулъ ее, увлекаясь другими женщинами. Рогнѣдь, изъ мщенія за своего отца и за себя, покусилась умертвить Владимира во время сна, но Владимиръ успѣлъ проснуться во-время и схватилъ ее за руку въ ту минуту, когда она заносила надъ нимъ ножъ. Владимиръ приказалъ ей одѣться въ брачный нарядъ, сѣсть въ богатоубранномъ покоѣ и ожидать его; онъ

Владиміръ передъ кончиною болѣе всѣхъ сыновей любилъ Бориса. Вмѣстѣ съ своимъ меньшимъ братомъ Глѣбомъ онъ въ нашихъ лѣтописяхъ называется сыномъ „болгарыни", а по другимъ, позднѣйшимъ, извѣстіямъ — сыномъ греческой царевны. Наши историки, желая сочетать эти извѣстія, полагали, что царевна, отданная въ замужство за Владиміра Святого, была не родная, а двоюродная сестра греческихъ императоровъ, дочь болгарскаго царя Петра. Была ли она двоюродная сестра Василія и Константина, или же родная—до сихъ поръ не рѣшено, но во всякомъ случаѣ очень вѣроятно, что Борисъ и Глѣбъ были дѣти этой царевны, и Владиміръ, какъ христіанинъ, оказывалъ имъ предпочтеніе передъ другими сыновьями, считая ихъ болѣе законными по рожденію, такъ какъ съ ихъ матерью онъ былъ соединенъ христіанскимъ бракомъ, и они, кромѣ того, предпочтительно передъ другими, имѣли право на знатность происхожденія по матери отъ царской крови.

Владиміръ, размѣстивши сыновей по землямъ, держалъ близъ себя Бориса, явно желая передать ему послѣ себя кіевское княжество. Это, какъ видно, и вооружало противъ отца Ярослава, который лѣтами былъ старше Бориса, но еще болѣе вооружало это обстоятельство Святополка, князя, который былъ по лѣтамъ старше Ярослава. Въ лѣтописи Святополкъ признается сыномъ монахини гречанки, жены Ярополка, которую Владиміръ взялъ себѣ послѣ брата, какъ говорятъ, беременною и потому неизвѣстно, былъ ли Святополкъ сынъ Ярополка или Владиміра; но въ томъ или другомъ случаѣ Святополкъ по возрасту былъ старше всѣхъ прочихъ сыновей Владиміра. Смерть не допустила Владиміра до войны съ сыномъ. Бориса въ то время не было въ

собственноручно обѣщалъ умертвить ее. Но Рогнѣдь научила малолѣтняго сына своего Изяслава взять въ руки обнаженный мечъ, и, вышедши на встрѣчу отцу, сказать: „отецъ, ты думаешь, что ты здѣсь одинъ!" Владиміръ тронулся видомъ сына: „Кто бы думалъ, что ты будешь здѣсь!"—сказалъ онъ, и бросилъ мечъ: затѣмъ, призвавши бояръ, передалъ на ихъ судъ свое дѣло съ женою. „Не убивай ее—сказали бояре—ради ея дитяти: возврати ей съ сыномъ отчину ея отца". Такъ разсказываетъ преданіе, безъ сомнѣнія общераспространенное въ древнія времена. Внуки Рогволода, помня, по преданію, объ этомъ событіи, находились во враждебныхъ отношеніяхъ къ внукамъ Владимирова сына, Ярослава, которымъ, кромѣ Полоцкой земли, оставшейся въ рукахъ потомковъ Рогволода съ материнской стороны, досталась въ княженіе вся остальная Русская земля. При существованіи такого преданія, подтверждаемаго вѣковымъ обособленіемъ полоцкихъ князей отъ Ярославова рода, едва ли можно считать Ярослава сыномъ Рогнѣди.

Но не будучи единоутробнымъ братомъ полоцкаго князя, уже при жизни Владиміра отдѣленнаго, Ярославъ не былъ единоутробнымъ братомъ и другихъ сыновей своего отца.

Кіевѣ: онъ былъ отправленъ отцомъ на печенѣговъ. Бояре, благопріятствовавшіе Борису, три дня скрывали смерть Владимира, вѣроятно, до того времени, пока можетъ возвратиться Борисъ, но, не дождавшись Бориса, должны были похоронить Владимира. Святополкъ дарами и ласкательствомъ расположилъ къ себѣ кіевлянъ; они признали его кіевскимъ княземъ: хотя старшинство рожденія давало ему право на княженіе, но нужно было еще утвердить его и народнымъ согласіемъ, особенно въ такое время, когда существовали другіе соискатели. Положеніе его, однако, и при этомъ было нетвердо. Купленное расположеніе кіевлянъ могло легко измѣниться. Дѣти христіанской царевны имѣли передъ нимъ нравственное преимущество, могли, кромѣ того, призвать чужеземцевъ, и особенно Борисъ могъ во всякомъ случаѣ быть для него опаснымъ соперникомъ. Святополкъ избавился отъ обоихъ, подославши тайныхъ убійцъ. Борисъ былъ умерщвленъ на берегахъ Альты, близъ Переяславля; Глѣбъ—на Днѣпрѣ, близъ Смоленска. Такая же участь постигла и третьяго брата, Святослава Древлянскаго, который, услышавъ объ опасности, бѣжалъ въ Венгрію, но былъ настигнутъ въ Карпатскихъ горахъ и убитъ. Двое первыхъ, впослѣдствіи, причислены къ лику святыхъ: описаніе ихъ смерти послужило предметомъ риторическихъ повѣствованій. Эти князья долго считались покровителями княжескаго рода и охранителями Русской земли, такъ что многія побѣды русскихъ надъ иноплеменниками приписывались непосредственному вмѣшательству святыхъ сыновей Владимира. Третій братъ Святославъ не удостоился такой чести,—вѣроятно оттого, что первыхъ возвысило въ глазахъ церкви рожденіе отъ матери, принесшей съ собой христіанство въ Русскую землю.

Ярославъ, ничего не зная о смерти отца, привелъ въ Новгородъ варяговъ и разставилъ ихъ по дворамъ [1]). Пришельцы начали безчинствовать; составился противъ нихъ заговоръ и послѣдовало избіеніе варяговъ во дворѣ какого-то Поромони. Ярославъ, въ отмщеніе за это, зазвалъ къ себѣ въ Ракомъ (близъ Новгорода, за Юрьевымъ монастыремъ) зачинщиковъ заговора подъ ви-

[1]) Варягами (Varingiar) назывались уроженцы скандинавскихъ полуостровов, служившіе у византійскихъ императоровъ и переходившіе изъ отечества въ Грецію черезъ русскія земли воднымъ путемъ, по рѣкамъ отъ Балтійскаго моря до Чернаго. Такъ какъ русскіе въ образѣ этихъ людей познакомились съ скандинавами, то перенесли ихъ сословное названіе на названіе вообще обитателей скандинавскихъ полуостровов, а впослѣдствіи это названіе расширилось въ своемъ значеніи и подъ именемъ варяговъ стали разумѣть вообще западныхъ европейцевъ, подобно тому, какъ въ настоящее время простой народъ называетъ всѣхъ западныхъ европейцевъ нѣмцами.

домъ угощенія, и приказалъ перебить. Въ слѣдующую ночь затѣмъ пришло ему изъ Кіева извѣстіе отъ сестры Предславы о смерти отца и объ избіеніи братьевъ. Тогда Ярославъ явился на вѣче (народная сходка), изъявлялъ сожалѣніе о своемъ вѣроломномъ поступкѣ съ новгородцами и спрашивалъ: согласятся ли ему помочь. „Хотя, князь, ты и перебилъ нашу братью, но мы можемъ за тебя бороться“, — отвѣчали ему. Новгородцамъ былъ разсчетъ помогать Ярославу; ихъ тяготила зависимость отъ Кіева, которая должна была сдѣлаться еще тягостнѣе при Святополкѣ, судя по его жестокому нраву; новгородцевъ оскорбляло и высокомѣрное поведеніе кіевлянъ, считавшихъ себя ихъ господами. Они поднялись за Ярослава, но вмѣстѣ съ тѣмъ поднялись и за себя, и не ошиблись въ разсчетѣ, такъ какъ впослѣдствіи Ярославъ, обязанный имъ своимъ успѣхомъ, далъ имъ льготную грамоту, освобождавшую ихъ отъ непосредственной власти Кіева и возвращавшую Новгороду съ его землею древнюю самобытность.

Ярославъ выступилъ въ походъ противъ кіевскаго князя въ 1016 году съ новгородцами, которыхъ лѣтописецъ считаетъ до 40,000; съ нимъ было также до 1,000 варяговъ подъ начальствомъ Эймунда, сына норвежскаго князя Ринга. Святополкъ выступилъ противъ Ярослава осенью съ кіевлянами и печенѣгами. Враги встрѣтились подъ Любечемъ и долго (по лѣтописямъ, три мѣсяца) стояли другъ противъ друга на разныхъ берегахъ Днѣпра; ни тѣ, ни другіе не смѣли первые перебраться черезъ рѣку; наконецъ, кіевляне раздражили новгородцевъ презрительными насмѣшками. Святополковъ воевода, выѣхавши впередъ, кричалъ: „Ахъ, вы, плотники этакіе, чего пришли съ этимъ хромцемъ? [1]) Вотъ, мы заставимъ васъ рубить намъ хоромы!“ — „Князь, — закричали новгородцы, — если ты не пойдешь, то мы сами ударимъ на нихъ“, — и они перевезлись черезъ Днѣпръ. Ярославъ, зная, что одинъ изъ воеводъ кіевскихъ расположенъ къ нему, послалъ къ нему ночью отрока и приказалъ сказать ему такого рода намекъ: — „Что дѣлать? меду мало варено, а дружины много“. — Кіевлянинъ отвѣчалъ: — „Хотя меду мало, а дружины много, но къ вечеру нужно дать“. — Ярославъ понялъ, что слѣдуетъ въ ту же ночь сдѣлать нападеніе и двинулся въ битву, отдавши такой приказъ своей дружинѣ: — „повяжите свои головы платками, чтобы отличать своихъ“. — Святополкъ заложилъ свой станъ между двумя озерами и, не ожидая нападенія, всю ночь пилъ и веселился съ дружиною. Новгородцы неожиданно ударили на

---

[1]) Быть можетъ: „хоромцемъ“ — охотникомъ строить.

него. Печенѣги стояли за озеромъ и не могли помочь Святополку. Новгородцы притиснули кіевлянъ къ озеру. Кіевляне бросились на ледъ, но ледъ былъ еще тонокъ, и многіе потонули въ озерѣ. Разбитый Святополкъ бѣжалъ въ Польшу къ своему тестю Болеславу, а Ярославъ вступилъ въ Кіевъ.

Болеславъ, прозванный Храбрый, стремился къ расширенію своихъ польскихъ владѣній. Онъ увидѣлъ благопріятный случай вмѣшаться въ междоусобія русскихъ князей для своихъ выгодъ, и въ 1018 году пошелъ вмѣстѣ съ Святополкомъ на Ярослава. Ярославъ, предупреждая враговъ, двинулся противъ нихъ на Волынь и встрѣтился съ ними на берегахъ Буга. Тутъ опять повторился русскій обычай поддразнивать враговъ. Кормилецъ и воевода Ярославовъ, Будый, ѣздя по берегу, кричалъ, указывая на Болеслава: „Вотъ, мы тебѣ щепкою проколемъ черево твое толстое". Не стерпѣлъ такого оскорбленія храбрый Болеславъ: „Если васъ не трогаетъ такой укоръ,—сказалъ онъ своимъ,— я одинъ погибну", и бросился въ бродъ черезъ Бугъ, а поляки за нимъ. Ярославъ не былъ готовъ къ бою, не выдержалъ напора и убѣжалъ съ четырьмя изъ своихъ людей въ Новгородъ.

Болеславъ овладѣлъ Кіевомъ, не возвратилъ его Святополку, а засѣлъ въ немъ самъ и приказалъ развести свою дружину по городамъ. Кіевъ представлялъ много привлекательнаго для завоевателей. Дань съ подчиненныхъ русскихъ земель обогащала этотъ городъ; торговля съ Греціей и Востокомъ скопляла въ немъ произведенія тогдашней образованности. Жить въ немъ было весело. Болеславъ хотѣлъ, пребывая въ Кіевѣ, править своимъ государствомъ и отправлялъ оттуда посольства въ западную и восточную имперіи. Но такое поведеніе скоро раздражило какъ Святополка, такъ и кіевлянъ. Святополкъ очутился въ своемъ княженіи подручникомъ иноземнаго государя, а поляки начали обращаться съ кіевлянами, какъ господа съ рабами. Тогда, съ согласія Святополка, русскіе начали избивать поляковъ. Разставленные по городамъ, поляки не въ силахъ были помогать другъ другу. Болеславъ бѣжалъ, но успѣлъ захватить съ собою княжеское имущество и сестеръ Ярославовыхъ. Онъ прежде сватался за одну изъ сестеръ Ярослава, Предславу, но получивъ отказъ, въ отмщеніе взялъ ее теперь къ себѣ насильно.

Тѣмъ временемъ Ярославъ, прибѣжавши въ-попыхахъ въ Новгородъ, хотѣлъ бѣжать дальше, за море. Но бывшій тогда новгородскимъ посадникомъ Коснятинъ, сынъ Добрыни, не пустилъ его и велѣлъ разрубить лодки; новгородцы кричали: „Будемъ еще биться за тебя съ Болеславомъ и Святополкомъ".

Наложили поголовную подать, съ каждаго человѣка по четыре куны, но старосты платили по 10 гривенъ, а бояре по восемнадцати [1]), наняли варяговъ, собрали многочисленную рать и двинулись на Кіевъ.

Святополкъ, освободившись отъ Болеслава вѣроломнымъ образомъ, не могъ уже болѣе на него надѣяться. Не въ силахъ будучи удержать Кіевъ, Болеславъ все-таки захватилъ червенскіе города, отнятые отъ Польши Владиміромъ. Святополкъ обратился къ печенѣгамъ: на помощь кіевлянъ, какъ видно, онъ также не разсчитывалъ. Ярославъ сталъ на берегу Альты, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ братъ его Борисъ. Тамъ, въ одну изъ пятницъ 1019 года, на восходѣ солнца, произошла кровавая сѣча. Святополкъ былъ разбитъ и бѣжалъ. По извѣстіямъ нашей лѣтописи, на него нашелъ какой-то безумный страхъ; онъ такъ разслабѣлъ, что не могъ сидѣть на конѣ и его тащили на носилкахъ. Такъ достигъ онъ Берестья (Брестъ). „Бѣжимъ, бѣжимъ, за нами гонятся!" —кричалъ онъ въ безпамятствѣ. Бывшіе съ нимъ отроки посылали провѣдать, не гонится ли кто за ними; но никого не было, а Святополкъ все кричалъ: „Вотъ, вотъ, гонится, бѣжимъ!" и не давалъ остановиться ни на минуту; и забѣжалъ онъ куда-то „въ пустыню между чеховъ и ляховъ" и тамъ кончилъ жизнь. „Могила его въ этомъ мѣстѣ и до сего дня", говоритъ лѣтописецъ, „и изъ нея исходитъ смрадъ" [2]). Память Святополка покрылась позоромъ между потомками и прозвище „Окаяннаго" осталось за нимъ въ исторіи.

Ярославъ сѣлъ на столѣ [3]) въ Кіевѣ и долженъ былъ выдержать борьбу и съ другими родичами. Полоцкій князь Брячиславъ, сынъ брата его Изяслава, въ 1021 году напалъ на Новгородъ, ограбилъ, взялъ въ плѣнъ многихъ новгородцевъ, и ушелъ къ Полоцку; но Ярославъ догналъ его на рѣкѣ Судомири, отбилъ новгородскихъ плѣнниковъ, отнялъ награбленное

---

[1]) Куна—первоначально куница, куній мѣхъ, такъ какъ мѣха были мѣриломъ цѣнности вещей; отсюда слово куна стало означать монетную единицу. Гривна—собственно вѣсовая единица, но въ перенесеніи понятія сдѣлалась крупною монетною единицею въ родѣ англійскаго фунта стерлинговъ. Первоначально гривна серебра= фунтъ, потомъ, уменьшаясь, дошла около полфунта; гривна кунъ приблизительно въ семь съ половиною разъ менѣе гривны серебра.

[2]) По скандинавскимъ извѣстіямъ, Святополкъ погибъ въ предѣлахъ Руси, убитый варягами.

[3]) Съ этихъ поръ о вступающемъ на княженіе князѣ почти всегда въ лѣтописяхъ говорится, что „онъ сѣлъ на столѣ". Выраженіе это согласовалось съ обрядомъ: новаго князя дѣйствительно сажали на столъ въ главной соборной церкви, что и знаменовало признаніе его княземъ со стороны земли.

въ Новгородѣ, а потомъ помирился съ нимъ, уступивъ ему во владѣніе Витебскъ и Усвятъ.

Въ 1023 году Ярославу пришлось бороться съ братомъ Мстиславомъ. Этотъ князь, по древнимъ извѣстіямъ, плотный тѣломъ, краснолицый, съ большими глазами, отважный въ битвѣ, щедрый къ дружинѣ, получилъ отъ отца удѣлъ въ отдаленной Тьмутаракани, прославился своею богатырскою удалью и въ особенности единоборствомъ съ касожскимъ княземъ Редедею, которое долго помнилось на Руси и составляло одинъ изъ любимыхъ предметовъ старинныхъ пѣснопѣній. Русскіе, владѣя тьмутараканскою страною, часто воевали съ сосѣдями своими касогами. Князь касожскій, по имени Редедя, предложилъ Мстиславу единоборство съ тѣмъ, чтобы тотъ изъ нихъ, кто въ борьбѣ останется побѣдителемъ, получилъ имущество, и жену, и дѣтей, и землю побѣжденнаго. Мстиславъ принялъ предложеніе. Редедя былъ исполинскаго роста и необыкновенный силачъ; Мстиславъ изнемогалъ въ борьбѣ съ нимъ, но взмолился къ пресв. Богородицѣ и далъ обѣтъ построить во имя ея церковь, если одолѣетъ своего врага. Послѣ того онъ собралъ всѣ силы свои, повалилъ Редедю на землю и зарѣзалъ ножомъ. По сдѣланному условію, Мстиславъ послѣ того овладѣлъ его имуществомъ, женою, дѣтьми и наложилъ на касоговъ дань, а въ благодарность пресв. Богородицѣ, оказавшей ему въ минуту опасности помощь свыше, построилъ храмъ во имя ея въ Тьмутаракани. Этотъ-то князь-богатырь поднялся на своего брата Ярослава съ подчиненными ему касогами и призвалъ на помощь хазаръ. Сначала онъ, пользуясь отъѣздомъ Ярослава въ Новгородъ, хотѣлъ-было овладѣть Кіевомъ, но кіевляне его не приняли; насильно покорять ихъ онъ, какъ видно, не хотѣлъ или не могъ. Ярославъ пригласилъ изъ-за моря варяговъ. Достойно замѣчанія, что почти всегда въ междоусобіяхъ князей этого времени они принуждены были приглашать какихъ-нибудь чужеземцевъ. Такъ было и теперь. Приглашенными варягами предводительствовалъ Якунъ (Гаконъ), который оставилъ по себѣ на Руси память тѣмъ, что на немъ былъ плащъ, затканный золотомъ. Ярославъ и Мстиславъ вступили въ бой въ Сѣверской землѣ близъ Листвена. Была ночь и страшная гроза. Бой былъ жестокій. Мстиславъ выставилъ противъ варяговъ сѣверянъ; варяги одолѣвали сѣверянъ, но бросился на варяговъ отважный князь Мстиславъ со своею удалою дружиною — и побѣжали варяги; Якунъ потерялъ даже свой золототканый плащъ. Утромъ, обозрѣвая поле битвы, Мстиславъ говорилъ: „ну, какъ этому не порадоваться! Здѣсь лежитъ ва-

рягъ, тамъ сѣверянинъ, а своя дружина цѣла!“ Русскіе князья еще долго проявляли свое древнее значеніе предводителей воинственныхъ шаекъ, и только принятое христіанство мало-по-малу преобразовало ихъ въ земскихъ правителей.

Побѣдитель не сталъ болѣе вести войны съ братомъ. Онъ послалъ Ярославу, забѣжавшему въ Новгородъ, такое слово: „ты старѣйшій братъ, сиди въ Кіевѣ, а мнѣ пусть будетъ лѣвая сторона Днѣпра!“ Ярославъ долженъ былъ согласиться. Мстиславъ избралъ себѣ столицею Черниговъ и заложилъ тамъ церковь Спаса. Съ тѣхъ поръ братья жили между собою душа въ душу, и въ 1031 году, пользуясь слабостью преемника Болеслава Храбраго, Мечислава, возвратили отнятые Болеславомъ червенскіе города (Галичину); тогда Ярославъ привелъ изъ Польши много плѣнниковъ и поселилъ ихъ у себя по берегамъ Роси; Мстиславу также достались плѣнники для поселенія въ своемъ удѣлѣ. Такимъ образомъ въ народонаселеніе Кіевской земли вливалась, между прочимъ, польская народная стихія.

Въ 1036 году Мстиславъ умеръ, выѣхавши на охоту. Онъ не оставилъ по себѣ дѣтей. Удѣлъ его достался Ярославу, и съ тѣхъ поръ кіевскій князь остался до смерти единымъ властителемъ русскихъ земель, кромѣ Полоцкой. Былъ, кромѣ него, въ живыхъ еще одинъ сынъ Владимира Святого, Судиславъ, жившій въ Псковѣ, но Ярославъ, по какому-то оговору, тотчасъ по смерти Мстислава, засадилъ его въ тюрьму въ томъ же Псковѣ, и несчастный сидѣлъ тамъ безвыходно до кончины Ярослава. Въ Новгородъ сначала Ярославъ самъ часто наѣзжалъ и живалъ тамъ по-долгу, а въ отсутствіи своемъ управлялъ чрезъ посадниковъ. Коснятинъ, сынъ Добрыни, не пустившій Ярослава бѣжать за море, впослѣдствіи подвергся его гнѣву, былъ сосланъ въ Ростовъ, а потомъ убитъ въ Муромѣ. Въ 1038 году Ярославъ посадилъ въ Новгородъ сына своего Владимира, а послѣ его смерти, въ 1052 г., посаженъ былъ сынъ Ярослава, Изяславъ, и съ тѣхъ поръ въ Новгородѣ постоянно уже были особые князья; преимущественно же въ первое время выбирались старшіе сыновья кіевскаго князя.

Ярославъ расширялъ область русскаго міра подчиненіемъ новыхъ земель. Кромѣ пріобрѣтенія червенскихъ городовъ отъ Польши, онъ счастливо воевалъ съ Чудью, и въ 1030 году основалъ въ Чудской землѣ городъ Юрьевъ, названный такимъ образомъ по христіанскому имени Ярослава, нареченнаго Юріемъ въ крещеніи. Въ 1038 и 1040 годахъ, онъ предпринималъ походы на ятвяговъ и Литву и заставилъ эти народы платить дань. Чер-

венскіе города все еще составляли спорную область между Польшею и Русью, но Ярославъ укрѣпилъ ихъ за Русью тѣмъ, что помирился и породнился съ польскимъ княземъ Казимиромъ. Ярославъ отдалъ за него сестру свою. Казимиръ возвратилъ вмѣсто вѣна [1]) восемьсотъ русскихъ плѣнныхъ, нѣкогда захваченныхъ Болеславомъ: въ тѣ времена очень дорожили людьми, по скудости рукъ, необходимыхъ для обработки полей и для защиты края. По всѣмъ вѣроятіямъ, въ это время Казимиръ уступилъ русскому великому князю окончательно и червенскіе города, а за то Ярославъ пособилъ ему подчинить себѣ Мазовію. Не такъ счастливо кончилась у Ярослава морская война съ Греціею, послѣдняя въ русской исторіи. Раздоръ произошелъ по поводу ссоры между русскими купцами и греками, во время которой убили одного русскаго. Ярославъ въ 1043 г. отправилъ противъ Византіи сына своего Владимира и воеводу Вышату, но буря разбила русскія суда и выбросила на берегъ Вышату съ шестью тысячами воиновъ. Греки окружили ихъ, взяли въ плѣнъ и привели въ Царьградъ. Тамъ Вышатѣ и многимъ русскимъ выкололи глаза. Но Владимиръ на морѣ счастливо отбилъ нападеніе греческихъ судовъ и воротился въ отечество. Черезъ три года заключенъ былъ миръ; слѣпцовъ отпустили со всѣми плѣнными, а въ утвержденіе мира греческій императоръ Константинъ Мономахъ отдалъ дочь свою за сына Ярославова, Всеволода. Это было не одно родство Ярослава съ иноземными государями своего времени. Одна дочь его, Елисавета, была за норвежскимъ королемъ Гаральдомъ, оставившимъ потомству стихотвореніе, въ которомъ, воспѣвая свои бранные подвиги, жаловался, что русская красавица холодна къ нему. Другая дочь Анна вышла за французскаго короля Генриха I, и въ новомъ отечествѣ присоединилась къ римско-католической церкви, тогда еще только-что отпавшей отъ единенія съ восточною. Сыновья Ярослава (вѣроятно Вячеславъ и Святославъ) были женаты на нѣмецкихъ княжнахъ.

Ярославъ болѣе всего оставилъ по себѣ память въ русской исторіи своими дѣлами внутренняго устроенія. Онъ имѣлъ страсть къ постройкамъ. Въ 1037 году напали на Кіевъ печенѣги. Ярославъ былъ въ Новгородѣ и поспѣшилъ на югъ съ варягами и новгородцами. Печенѣги огромною силою подступили къ Кіеву и были разбиты на-голову. (Съ тѣхъ поръ уже набѣги ихъ не повторялись. Часть печенѣговъ поселилась въ Русской землѣ и

[1]) Плата, даваемая женихомъ родителямъ или братьямъ невѣсты по древнему обычаю.

мы въ послѣдующія времена видимъ ихъ наравнѣ съ русскими въ войскахъ русскихъ князей). Въ память этого событія создана была Ярославомъ церковь св. Софіи въ Кіевѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ происходила самая жестокая сѣча съ печенѣгами.

Храмъ св. Софіи построенъ былъ греческими зодчими и украшенъ греческими художниками. Несмотря на всѣ послѣдующія перестройки и пристройки, храмъ этотъ до сихъ поръ можетъ служить образцомъ византійскаго зодчества того времени не только на Руси, но и во всей Европѣ. У насъ это единственное зданіе XI вѣка, сохранившееся сравнительно въ бо̀льшей цѣлости. Въ первоначальномъ своемъ видѣ это было продолговатое каменное зданіе, сложенное изъ огромныхъ кирпичныхъ плитъ и отчасти дикаго камня; оно длиною въ пятьдесятъ-одинъ аршинъ съ половиною, шириною около семидесяти-шести аршинъ, вышина его была отъ шестидесяти до семидесяти аршинъ. На сѣверной, западной и южной сторонахъ сдѣланы были каменные хоры, поддерживаемые толстыми столбами съ тремя арками внизу и вверху на южной и сѣверной сторонахъ; алтарь троечастный, полукруглый съ окнами, а рядомъ съ нимъ было два придѣла. Зданіе освѣщалось пятью куполами, изъ которыхъ самый большой приходился надъ срединой церкви, а четыре надъ хорами. Алтарныя стѣны, алтарные столбы и главный куполъ были украшены мозаикой, а прочія стѣны стѣнною живописью [1]). Снаружи церковь была обведена папертью, изъ которой на двухъ сторонахъ: южной и сѣверной, шли двѣ витыя лѣстницы на хоры. Эти лѣстницы были расписаны изображеніями разныхъ случаевъ изъ свѣтской жизни, какъ-то: княжеской охоты, княжескаго суда, народныхъ увеселеній и т. п. (фрески эти существуютъ и до сихъ поръ, хотя нѣсколько подправленныя).

Кромѣ св. Софіи, Ярославъ построилъ въ Кіевѣ церковь св. Ирины (теперь уже не существующую), монастырь св. Георгія, распространилъ Кіевъ съ западной стороны и построилъ такъ-называемыя Золотыя Ворота съ церковью Благовѣщенія надъ ними. По его повелѣнію, въ Новгородѣ, сынъ его Владиміръ

[1]) Въ настоящее время отъ прежней мозаики осталось на главномъ алтарномъ сводѣ изображеніе Богородицы съ поднятыми руками, а внизу, на той же стѣнѣ, часть Тайной Вечери, а еще ниже, подъ нею, часть изображеній разныхъ святыхъ. На алтарныхъ столбахъ изображенія Благовѣщенія: на лѣвой сторонѣ Ангелъ съ вѣтвью, а на противоположномъ столбѣ прядущая Богородица. Кромѣ того, уцѣлѣла часть мозаики въ куполѣ. Древняя стѣнная живопись въ XVII вѣкѣ была заштукатурена и на штукатуркѣ нарисованы были другія изображенія; въ XIX столѣтіи новая штукатурка была отбита, открыта старая и подправлена, но не совсѣмъ удачно и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слишкомъ произвольно.

въ 1045 году воздвигъ церковь св. Софіи въ Новгородѣ, по образцу кіевской, хотя въ меньшихъ размѣрахъ. Церковь эта сдѣлалась главною святынею Новгорода.

Время Ярослава ознаменовалось распространеніемъ христіанской религіи по всѣмъ русскимъ землямъ. Тогда уже выросло поколѣніе тѣхъ дѣтей, которыхъ Владиміръ отдавалъ въ книжное ученіе. Ярославъ въ этомъ отношеніи продолжалъ дѣло своего отца; по крайней мѣрѣ мы имѣемъ извѣстіе, что онъ въ Новгородѣ собралъ 300 дѣтей у старостъ и поповъ и отдавалъ ихъ „учиться книгамъ". Въ Суздальской землѣ въ 1024 году самъ Ярославъ боролся противъ язычества. Сдѣлался въ этой странѣ голодъ. Волхвы научали людей, будто старыя бабы скрываютъ въ себѣ жито и всякое обиліе. Народъ волновался, и нѣсколько женщинъ было убито. Ярославъ прибылъ въ Суздаль, казнилъ волхвовъ, ихъ соумышленниковъ засадилъ въ тюрьмы и поучалъ народъ, что голодъ происходитъ отъ кары Божіей, а не отъ чародѣйства старыхъ бабъ. Христіанство сильнѣе стало распространяться въ этой землѣ между народомъ Мерею. Всего глубже пустила свои корни новая вѣра въ Кіевѣ и потому тамъ строились одинъ за другимъ монастыри. Умноженіе епископскихъ каѳедръ потребовало установленія главной каѳедры надъ всѣми, или митрополіи. Ярославъ положилъ начало русской митрополіи вмѣстѣ съ основаніемъ св. Софіи. Первымъ митрополитомъ при немъ является Ѳеопемптъ, освящавшій въ 1039 году Десятинную церковь, вновь перестроенную Ярославомъ. Въ 1051 году, вмѣсто Ѳеопемпта, поставленъ былъ соборомъ русскихъ епископовъ Иларіонъ, родомъ русскій, человѣкъ замѣчательно ученый по своему времени, какъ показываетъ оставшееся отъ него сочиненіе: „О благодати и законѣ". Самъ Ярославъ любилъ чтеніе и бесѣды съ книжными людьми; онъ собралъ знатоковъ и поручилъ переводить съ греческаго на русскій языкъ разныя сочиненія духовнаго содержанія и переписывать уже переведенныя; такимъ образомъ, составилась библіотека, которую Ярославъ приказалъ хранить въ св. Софіи. Кіевскій князь, какъ видно, имѣлъ намѣреніе освятить въ глазахъ народа свой княжескій родъ, и съ этою цѣлью, вскорѣ по утвержденіи своемъ въ Кіевѣ, перенесъ тѣло Глѣба и положилъ рядомъ съ тѣломъ Бориса въ Вышгородѣ: съ этихъ поръ они начали привлекать къ себѣ народъ на поклоненіе; говорили, что тѣла ихъ были нетлѣнны и у гроба ихъ совершались исцѣленія. Въ 1044 году Ярославъ совершилъ странный обрядъ: онъ приказалъ выкопать изъ земли и крестить въ

Десятинной церкви кости своихъ дядей Олега и Ярополка, а потомъ похоронить ихъ въ церкви.

Ярославу принадлежитъ начало сборника древнихъ законовъ, подъ названіемъ „Русской Правды“. Сборникъ этотъ, существующій въ нѣсколькихъ различныхъ, то болѣе, то менѣе полныхъ редакціяхъ, заключаетъ законоположенія, установленныя въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ, чего въ точности опредѣлить невозможно. Самая старѣйшая дошедшая до насъ редакція не восходитъ ранѣе конца XIII вѣка. Несомнѣнно, что нѣкоторыя изъ статей были составлены при сыновьяхъ и внукахъ Ярослава, о чемъ прямо говорится въ самыхъ статьяхъ. Ученые признаютъ принадлежащими времени Ярослава первыя семнадцать статей этого сборника, хотя нельзя отрицать, что, быть можетъ, многія изъ послѣдующихъ статей первоначально относятся къ его же времени. Главнымъ предметомъ Ярославовыхъ законоположеній — случаи обидъ и вреда, наносимыхъ одними лицами другимъ. Вообще, какъ за убійство, такъ и за увѣчье и побои предоставлялась месть; за убійство могли законно мстить братъ за брата, сынъ за отца, отецъ за сына и племянникъ за дядю. Если же мести не было, тогда платилась князю „вира“, имѣвшая разные размѣры, смотря по свойству обиды и по званію обиженнаго: такимъ образомъ, за убійство всякаго свободнаго человѣка платилось 40 гривенъ, а за княжескаго мужа 80. Вѣроятно, ко временамъ Ярослава можно отнести постановленіе о „дикой“ вирѣ, которая платилась князю всею общиною или вервью (отъ веревки, которою обмѣрялась принадлежавшая общинѣ земля) въ томъ случаѣ, когда на землѣ общины совершено было убійство, но на убійцу не было представлено иска. Нашедшій у кого-нибудь украденную у него вещь могъ взять ее тотчасъ, если объявилъ предварительно о покражѣ на торгу, а если не объявилъ, то долженъ былъ вести вора на сводъ, т.-е. доискиваться, какимъ путемъ пришла къ нему вещь. Такой же порядокъ соблюдался по отношенію къ бѣглому или украденному холопу. Въ случаѣ запирательства отвѣтчика, дѣло рѣшалось судомъ 12 выбранныхъ человѣкъ.

Еще до своей смерти Ярославъ размѣстилъ по русскимъ землямъ своихъ сыновей. Въ Новгородѣ былъ старшій сынъ его Владиміръ, умершій еще при жизни отца въ 1052 году. Въ Туровѣ былъ второй сынъ Ярослава, Изяславъ, которому отецъ по смерти Владиміра отдалъ новгородское княженіе и назначилъ послѣ своей смерти кіевское; въ Черниговѣ—Святославъ, въ Пе-

2*

реяславѣ—Всеволодъ, во Владимирѣ Волынскомъ — Игорь, а въ Смоленскѣ—Вячеславъ.

Ярославъ скончался 20 февраля 1054 года на рукахъ у любимаго сына Всеволода и погребенъ въ церкви св. Софіи въ мраморной гробницѣ, уцѣлѣвшей до сихъ поръ.

III.

ПРЕПОДОБНЫЙ ѲЕОДОСІЙ ПЕЧЕРСКІЙ.

Въ эпоху, когда Русь приняла христіанство, православная Церковь была пропитана монашескимъ духомъ, и религіозное благочестіе находилось подъ исключительнымъ вліяніемъ монастырскаго взгляда. Сложилось представленіе, что человѣкъ можетъ угодить Богу болѣе всего добровольными лишеніями, страданіями, удрученіемъ плоти, отреченіемъ отъ всякихъ земныхъ благъ, даже самоотчужденіемъ отъ себѣ подобныхъ, — что Богу пріятна печаль, скорбь, слезы человѣка; и напротивъ, веселое, спокойное житье есть угожденіе діаволу и ведетъ къ погибели. Образцомъ богоугоднаго человѣка сдѣлался отшельникъ, отрѣшившійся отъ всякой связи съ людьми; въ примѣръ высокой христіанской добродѣтели ставили затворниковъ, добровольно сидѣвшихъ въ тѣсной кельѣ, пещерѣ, на столбѣ, въ дуплѣ и т. п., питавшихся самою скудною, грубою пищею, налагавшихъ на себя обѣтъ молчанія, истязавшихъ тѣло тяжелыми желѣзными веригами и предававшихъ его всѣмъ неудобствамъ неопрятности. Если не всѣ должны были вести такого рода жизнь, то всѣ, по крайней мѣрѣ, обязаны были, въ видахъ благочестія, приближаться къ такому идеалу. Слово *спасеніе* въ христіанскомъ смыслѣ тѣсно связывалось съ пріемами, выражавшими болѣе или менѣе такое стремленіе. Весь строй богослуженія сложился такъ, какъ будто былъ созданъ для монастырской жизни: продолжительныя чтенія, стоянія, множество молитвъ и правилъ, чрезвычайно сложная символика и обрядность — все приноравливалось къ такому людскому обществу, гдѣ бы человѣкъ могъ исключительно быть занятъ моленіемъ. Самое содержаніе молитвъ, вошедшихъ въ церковный обиходъ и сочиненныхъ отшельниками,

болѣе подходило къ признакамъ монастырской, чѣмъ мірской жизни. Совершенный отшельникъ былъ самымъ высшимъ идеаломъ христіанина; за нимъ, въ благочестивомъ воззрѣніи, слѣдовала монастырская община — общество безбрачныхъ постниковъ и тружениковъ, считавшееся настоящимъ христіанскимъ обществомъ, а за предѣлами его былъ уже „міръ", спасавшійся только молитвами отшельниковъ и монаховъ и посильнымъ приближеніемъ къ пріемамъ монастырскаго житья. Оттого-то постъ, какъ одинъ изъ этихъ пріемовъ, пользовался и до сихъ поръ продолжаетъ пользоваться въ народѣ важнѣйшимъ значеніемъ въ дѣлѣ спасенія. Оттого-то хожденіе въ монастыри считалось особенно богоугоднымъ дѣломъ, тѣмъ болѣе, когда къ этому присоединялись лишенія и трудности; оттого-то благочестивый мірянинъ думалъ передъ смертью избавиться отъ вѣчной муки, записавши въ монастырь свое имущество, или самъ спѣшилъ постричься. Хотя бракъ въ церкви и признавался священнымъ дѣломъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, монашеское безбрачіе ставилось гораздо выше брачной жизни, и благочестивый человѣкъ, въ назидательныхъ житіяхъ и проповѣдяхъ, могъ безпрестанно встрѣчать примѣры, выставляемые за образецъ, когда святой мужъ избѣгалъ брака или даже убѣгалъ отъ жены для отшельнической или монастырской жизни. Народный благочестивый взглядъ шелъ въ этомъ случаѣ далѣе самаго ученія Церкви и всякое сближеніе половъ, даже супружеское, называлъ грѣхомъ: извѣстно, что до сихъ поръ многіе изъ народа толкуютъ первородный грѣхъ Адама и Евы половымъ сближеніемъ, хотя такое толкованіе давно отвергнуто Церковью. Тѣмъ не менѣе, однако, безбрачная жизнь признавалась самою Церковью выше брачной и семейной.

Монастырю, съ его уставами, съ его благочестивыми воспоминаніями и преданіями, суждено было сдѣлаться средоточіемъ духовной жизни, высшимъ центромъ просвѣщенія, котораго лучи должны были падать на грѣшный міръ. По религіозному воззрѣнію, если Божіе долготерпѣніе щадило этотъ грѣшный міръ, достойный кары за всѣ свои пороки и беззаконія, то этимъ онъ былъ обязанъ именно заступничеству тѣхъ подвижниковъ, которые отреклись отъ него и презрѣли его широкій путь со всѣми временными наслажденіями. Они молились за грѣшный міръ и въ этомъ состояла ихъ любовь и служба обществу человѣческому.

Въ тѣ времена, когда духовная дѣятельность вращалась почти исключительно въ религіозной сферѣ или, по крайней мѣрѣ, находилась подъ сильнымъ вліяніемъ религіи, понятно, что монастырь сдѣлался школою для народа; монахи были его наставни-

ками; въ монастыряхъ сосредоточивалось книжное ученіе, и значительная часть дошедшей до насъ письменности носитъ на себѣ характеръ монашескій.

Такъ было въ византійскомъ мірѣ; то же перешло и къ намъ; хотя рядомъ съ этимъ заимствованнымъ направленіемъ проявлялись проблески самобытной духовной дѣятельности свѣжаго и даровитаго народа, но для потомства они не выдержали соперничества съ монастырскимъ духомъ: Печерскій Патерикъ, содержащій житія святыхъ иноковъ Печерскаго монастыря, въ теченіе вѣковъ оставался твореніемъ, извѣстнымъ всему русскому народу, даже неграмотному, тогда какъ поэтическое произведеніе XII вѣка „Слово о Полку Игоря", уцѣлѣвшее случайно въ одномъ спискѣ, служитъ печальнымъ свидѣтельствомъ о погибели другого рода литературы, не имѣвшей въ книжномъ мірѣ той крѣпости, какою обладали монастырскія произведенія.

Понятія объ отреченіи отъ міра, объ удрученіи плоти, отшельничествѣ и монастырскомъ житіи пришли къ намъ, конечно, разомъ съ крещеніемъ. Хотя во времена Владиміра въ старинныхъ спискахъ лѣтописи не говорится о монастыряхъ, но это, конечно, оттого, что христіанство только-что водворялось; однако, вѣроятно, и тогда уже появились начатки монашескаго житья. О временахъ Ярослава существуетъ положительное извѣстіе, что въ его княженіе начались монастыри и умножились черноризцы: этотъ князь любилъ духовныхъ и въ особенности монаховъ; при немъ въ Кіевѣ явилось нѣсколько монастырей; но первые начатки, по недостатку людей сильныхъ волею, оказались слабыми. Истинными утвердителями монастырскаго житья были: Антоній, а болѣе всего Ѳеодосій, основатели Печерскаго монастыря. Обычай выкапывать пещеры и поселяться въ нихъ, въ видахъ спасенія, возникъ въ Египтѣ и существовалъ на всемъ Востокѣ. Вмѣстѣ съ религіозными преданіями зашли къ намъ и повѣствованія объ угодившихъ Богу пещерникахъ: явились подражатели. Первый, начавшій копать пещеру близъ Кіева, съ религіозною цѣлію, былъ Иларіонъ, священникъ въ селѣ Берестовѣ, получившій потомъ санъ митрополита. Въ покинутой имъ пещерѣ поселился молодой Антоній, родомъ изъ Любеча, который ходилъ на Аѳонскую гору и получилъ тамъ монашеское постриженіе. По возвращеніи въ отечество, онъ не былъ доволенъ жизнью въ монастыряхъ, построенныхъ въ Кіевѣ, поселился въ пещерѣ, изнурялъ себя воздержаніемъ, вкушалъ только хлѣбъ и воду, и то черезъ день. Скоро, однако, слава его разнеслась по Кіеву, и благочестивые люди приносили ему потребное для жизни. При-

мѣръ его подѣйствовалъ на какого-то священника, по имени Никона: онъ присталъ къ Антонію и сталъ жить съ нимъ въ пещерѣ. За нимъ явился къ нему третій сподвижникъ; это былъ Ѳеодосій.

Намъ осталось житіе этого святого. Оно несомнѣнно старое, такъ какъ извѣстно по рукописямъ XII вѣка, и, какъ значится въ немъ, написано Несторомъ, печерскимъ лѣтописцемъ. По этому житію Ѳеодосій былъ уроженецъ города Василева (нынѣ Васильковъ), въ дѣтствѣ съ родителями переселившійся въ Курскъ. Онъ лишился отца на тринадцатилѣтнемъ возрастѣ и остался подъ властью матери, женщины суроваго нрава и упрямой. Съ дѣтства замѣтна была въ немъ молчаливость и задумчивость; онъ удалялся отъ дѣтскихъ игръ; религія стала привлекать къ себѣ эту сосредоточенную натуру: благочестивое чувство рано пробудилось въ немъ и овладѣло всѣмъ его бытіемъ. Первое, чѣмъ выразилось оно, было стремленіе къ простотѣ; ему противны казались внѣшнія отличія, которыя давало ему передъ низшими его общественное положеніе; онъ не терпѣлъ блестящихъ одеждъ, надѣвалъ на себя такое же платье, какое было на рабахъ, и вмѣстѣ съ ними ходилъ на работу. Мать сердилась за это и даже била своего сына. Какіе-то странствующіе богомольцы плѣнили его разсказами объ Іерусалимѣ, о мѣстахъ, гдѣ жилъ, училъ и страдалъ Спаситель, и Ѳеодосій тайно ушелъ съ ними. Но мать догнала его, прибила, заковала и держала въ оковахъ до тѣхъ поръ, пока онъ не далъ ей обѣщанія не убѣгать изъ дому. Оставшись на свободѣ, Ѳеодосій началъ печь просфоры. И за это мать сердилась на него, такъ какъ считала такое занятіе неприличнымъ его роду. Материнскій деспотизмъ вывелъ въ другой разъ изъ терпѣнія отрока: онъ убѣжалъ отъ нея въ какой-то городъ, присталъ къ священнику; но мать опять нашла его и опять подвергла побоямъ. Такое недовольство матери благочестіемъ сына объясняется тѣмъ еще языческимъ состояніемъ, въ какомъ были тогда русскіе люди, такъ какъ христіанство проникло къ нимъ недавно; въ Курскѣ, городѣ глухомъ, не первоклассномъ, не было ни одного монастыря; жители, хотя крещеные, не ознакомились еще съ монастырскимъ бытомъ; пріемы монашества для нихъ казались странными и дикими. Лицо, которое Житіе называетъ властителемъ города — вѣроятно княжій мужъ, посадникъ Ярославовъ; онъ полюбилъ Ѳеодосія, взялъ его къ себѣ въ домъ, одѣвалъ въ хорошее платье, но Ѳеодосій отдавалъ нищимъ это дареное платье, самъ ходилъ въ простомъ и наложилъ себѣ на тѣло желѣзныя цѣпи: онъ, конечно, слышалъ,

что святые отшельники носили вериги и сталъ подражать имъ. Мать нечаянно увидѣла эти цѣпи, которыя до крови разъѣдали тѣло ея сына, сняла ихъ и опять прибила его.

Тогда юноша рѣшился бѣжать во что бы то ни стало. Онъ слыхалъ, что въ Кіевѣ есть монастыри и туда направилъ путь, чтобы тамъ постричься. Путь былъ не короткій; дороги Ѳеодосій не зналъ; къ счастію онъ встрѣтилъ купеческій обозъ, шедшій съ товарами въ Кіевъ, и не теряя его изъ виду, шелъ за нимъ слѣдомъ, останавливаясь тогда, когда обозъ останавливался и снова продолжалъ путешествіе, когда обозъ снимался съ мѣста. Такъ добрался онъ до Кіева. Но кіевскіе монастыри еще менѣе оказались удовлетворительными для Ѳеодосія, чѣмъ для Антонія. Юноша былъ бѣденъ; нигдѣ въ монастыряхъ не хотѣли принять его. Онъ услыхалъ объ Антоніи, отправился къ нему и просилъ принять къ себѣ.

„Чадо, — сказалъ Антоній,—пещера это мѣсто скорбное и тѣсное, ты же молодъ: я думаю, не вытерпишь скорби въ семъ мѣстѣ“.

„Честный отче,—отвѣтилъ Ѳеодосій,—ты все проразумѣваешь, ты знаешь, что Богъ привелъ меня къ твоей святости. Все, что велишь, буду творить“.

„Чадо, — сказалъ Антоній,—благословенъ Богъ, укрѣпившій тебя къ такому намѣренію. Пребывай здѣсь“.

Онъ приказалъ Никону постричь Ѳеодосія. То было при князѣ Ярославѣ. Мать только черезъ четыре года напала на слѣдъ пропавшаго безъ вѣсти сына, пріѣхала въ Кіевъ и съ большимъ трудомъ добилась, при посредствѣ Антонія, свиданія съ сыномъ.

Ѳеодосій остался непреклоненъ ко всѣмъ моленіямъ и просьбамъ матери и уговорилъ ее принять постриженіе.

Она рѣшилась на это, лишь бы имѣть возможность видѣть иногда сына, и постриглась въ монастырѣ св. Николая (на такъ-наз. Аскольдовой могилѣ).

Мало-по-малу число отшельниковъ увеличивалось. Одинъ молодой человѣкъ, сынъ боярина, приходилъ слушать поученія отшельниковъ и, наконецъ, рѣшился присоединиться къ нимъ. Никонъ постригъ его. За нимъ постригся другой, принадлежащій къ княжескому двору, скопецъ Ефремъ. Эти случаи вооружили противъ пещерниковъ кіевскаго князя Изяслава Ярославича до того, что онъ грозилъ раскопать ихъ пещеру. Князь посердился, но оставилъ въ покоѣ отшельниковъ; за то сынъ боярина, постриженный подъ именемъ Варлаама, вытерпѣлъ большую борьбу

съ своимъ семействомъ. Онъ былъ женатъ. Отецъ взялъ его силою изъ пещеры, употреблялъ всѣ средства, чтобы отвлечь его отъ монашества и поручилъ его женѣ подѣйствовать на него своею любовью. Повѣствователь изображаетъ ласки жены точно такъ, какъ будто дѣло шло объ уловкахъ блудницы. Варлаамъ сидѣлъ въ углу, не вкушая предлагаемой пищи и не обращая вниманія на ласки жены: такъ пробылъ онъ три дня, молчалъ, и только мысленно просилъ Бога, чтобы укрѣпилъ и избавилъ его отъ женской прелести. Наконецъ, родители, видя, что ничего съ нимъ не подѣлаютъ, отпустили его со слезами; оплакивала его овдовѣвшая жена, плакали служители, любившіе его; Варлаамъ не тронулся ничѣмъ. Мѣсто это въ жизнеописаніи можетъ служить образчикомъ много разъ встрѣчаемаго въ сочиненіяхъ монаховъ чрезмѣрнаго предпочтенія монашескаго одиночнаго житія брачному союзу и семейнымъ связямъ, всегда одобряемымъ и освящаемымъ духомъ Христовой религіи и уставами православной Церкви.

Варлаамъ построилъ надъ пещерою церковь и былъ игуменомъ послѣ того, какъ Никонъ ушелъ изъ Кіева въ Тьму-таракань. Съ этихъ поръ здѣсь положено было начало монастырскаго житія. Скоро Варлаамъ, по желанію князя, былъ переведенъ игуменомъ въ монастырь св. Димитрія въ Кіевѣ, а вмѣсто него, по благословенію Антонія, братія избрала игуменомъ Ѳеодосія.

До сихъ поръ всѣ пещерники жили въ тѣснотѣ чрезвычайно скудно, питались хлѣбомъ и водою, разрѣшая себѣ сочиво по субботамъ и воскреснымъ днямъ, но часто, вмѣсто сочива, по недостатку, довольствовались вареным зельемъ. Ѳеодосій превосходилъ всѣхъ своими подвигами, такъ какъ онъ былъ очень крѣпкаго тѣлосложенія. Онъ всѣмъ служилъ, носилъ воду, таскалъ дрова: всѣ жили ручною работою и на вырученныя деньги покупали себѣ муку; каждый долженъ былъ измолоть свою часть; когда другіе, уставши, отдыхали, Ѳеодосій мололъ за нихъ. Въ лѣтнія ночи онъ выходилъ изъ пещеры, обнажалъ до пояса свое тѣло, плелъ шерсть на копытца (чулки) и клобуки (шапочки), которые потомъ продавалъ для своего пропитанія, а самъ во время работы пѣлъ псалмы, между тѣмъ, какъ мошки и комары кусали его до крови. Первымъ приходилъ онъ въ церковь къ богослуженію, послѣднимъ уходилъ изъ церкви, и во все время богослуженія простаивалъ на одномъ мѣстѣ, не двигаясь ни шагу. Такое подвижничество и смиреніе внушали къ нему уваженіе и прославили его.

Ѳеодосій, сдѣлавшись игуменомъ, выказалъ въ высокой сте-

пени талантъ устроителя и правителя. Внѣшніе знаки власти не только не плѣняли его, но были ему противны; за то онъ умѣлъ властвовать на самомъ дѣлѣ, какъ никто, и своимъ нравственнымъ вліяніемъ держалъ монастырь въ безусловномъ повиновеніи. Онъ отыскалъ удобное для построенія церкви мѣсто, неподалеку отъ пещеры, и въ короткое время построилъ тамъ другую церковь во имя Пресв. Богородицы, выстроилъ около нея кельи, переселился туда съ братіею изъ пещеръ и послалъ одного изъ братіи къ Ефрему скопцу въ Константинополь, съ просьбою прислать для новоустроеннаго монастыря уставъ. Ефремъ скопецъ, бывшій постриженникъ печерскій, прислалъ Ѳеодосію уставъ Студійскаго монастыря въ Константинополѣ, славившагося какъ святостью своихъ подвижниковъ, такъ и ревностью ихъ къ православію во времена иконоборства. Этотъ уставъ и послужилъ на многіе вѣка уставомъ Печерскаго монастыря.

Ѳеодосій былъ очень строгъ, требовалъ отъ братіи точнаго исполненія устава, постоянно наблюдалъ, чтобы братія не облегчала себѣ монашескихъ подвиговъ. Онъ по ночамъ обходилъ келіи, нерѣдко подслушивалъ у дверей, и если слышалъ, что монахи разговариваютъ между собою, то ударялъ палкою въ дверь. Никому не дозволялъ онъ имѣть никакой собственности и если находилъ что-либо подобное въ кельѣ монаха, то бросалъ въ огонь. Никто изъ братіи не смѣлъ ничего съѣсть кромѣ того, что̀ предлагалось на трапезѣ. Главное, чего требовалъ онъ—это безпредѣльное послушаніе волѣ игумена, послушаніе безъ всякаго размышленія. Оно ставилось выше поста, выше всякихъ подвиговъ изнуренія плоти, выше молитвъ. Всякое переиначеніе приказанія игумена объявлялось грѣхомъ. Однажды келарь предложилъ братіи на трапезѣ хлѣбы, которые игуменъ велѣлъ предложить въ предшествовавшій день; келарь допустилъ это измѣненіе потому, что въ предшествовавшій день въ монастырѣ были уже другіе хлѣбы. Ѳеодосій приказалъ предложенные не въ указанный день хлѣбы бросить въ воду, а келаря подвергнулъ епитиміи. Братія была пріучена къ строжайшему буквальному исполненію воли игумена: однажды вратарь не пустилъ въ монастырь князя Изяслава, потому что этотъ князь пріѣхалъ въ такое время, когда Ѳеодосій запретилъ вратарю пускать постороннихъ въ монастырскую ограду. Требуя отъ братіи строгой нищенской и постной жизни, онъ самъ показывалъ другимъ примѣръ: ѣлъ обыкновенно одинъ ржаной хлѣбъ, вареную зелень безъ масла, и пилъ одну воду; въ великую четыредесятницу, отъ заговѣнья до пятницы вербной недѣли, запирался въ тѣсной пещерѣ; всегда

носилъ на тѣлѣ власяницу, а сверхъ власяницы худую свитку и, кромѣ рукъ, никогда не мылъ своего тѣла.

Предписывая своимъ монахамъ строгое удаленіе отъ міра, который представлялся гнѣздилищемъ всѣхъ золъ, Ѳеодосій соприкасался съ мірскими людьми дѣлами христіанской любви: онъ устроилъ близъ монастыря дворъ для увѣчныхъ, слѣпыхъ, хромыхъ и давалъ на нихъ десятую часть монастырскихъ доходовъ, а по субботамъ посылалъ хлѣбы въ тюрьмы. Хотя въ монастырь поступали безпрестанно приношенія, но Ѳеодосій не скоплялъ богатствъ, тратилъ ихъ на добро другимъ, и нерѣдко бывали дни, когда монастырь внезапно находился въ большой скудости. Ѳеодосій въ этомъ отношеніи предавался волѣ Божіей, и часто въ оправданіе такой надежды неожиданныя приношенія выручали братію. Къ Ѳеодосію обращались мірскіе люди съ просьбами о заступленіи передъ князьями и судьями, и онъ помогалъ имъ своимъ ходатайствомъ, такъ какъ князья и судьи уважали голосъ Ѳеодосія, считая его праведникомъ.

Нерѣдко князья приходили къ нему, а также приглашали къ себѣ. Однажды, пришедши къ князю Святославу Ярославичу, онъ засталъ тамъ большое веселіе: одни играли на гусляхъ и органахъ, другіе пѣли пѣсни. Ѳеодосій сидѣлъ и слушалъ ихъ съ печальнымъ видомъ и, наконецъ, проговорилъ: „Будетъ-ли такъ на томъ свѣтѣ!“ Князь приказалъ немедленно остановить веселіе, изъ уваженія къ присутствію отшельника, и на будущее время Ѳеодосій уже не встрѣчалъ у него такихъ забавъ; но это не мѣшало князю предаваться забавамъ въ отсутствіе Ѳеодосія.

Добрыя отношенія къ князьямъ не мѣшали Ѳеодосію обличать ихъ за несправедливыя дѣянія. Когда Святославъ изгналъ брата своего Изяслава, Ѳеодосій порицалъ его, и въ своемъ посланіи къ нему уподоблялъ его Каину, убившему брата своего Авеля. Святославъ такъ разсердился за это, что грозилъ послать печерскаго игумена въ заточеніе. „Я этому радъ,—сказалъ Ѳеодосій,—для меня это самое лучшее въ жизни. Чего мнѣ страшиться: потери-ли имущества и богатствъ? разлучаться-ли мнѣ съ дѣтьми и селами? Нагими пришли мы въ міръ, нагими и выйдемъ изъ него!“ Князь не сталъ болѣе преслѣдовать Ѳеодосія, всѣми уважаемаго, но и Ѳеодосій пересталъ обличать Святослава, а только при всякомъ случаѣ просилъ его возвратить княженіе брату, и въ своемъ монастырѣ повелѣлъ поминать на ектеніяхъ сперва Изяслава, какъ великаго князя, и за нимъ, уже въ видѣ снисхожденія, Святослава.

Къ намъ дошло нѣсколько поученій игумена Ѳеодосія: одни

изъ нихъ обращены собственно къ монахамъ и касаются болѣе вопросовъ богослуженія и монашеской жизни; другіе — вообще къ христіанамъ. Въ одномъ изъ поученій послѣдняго рода: „О казняхъ Божіихъ“, Ѳеодосій признаетъ общественныя бѣдствія, какъ-то: голодъ, болѣзни, нашествіе враговъ послѣдствіями нашихъ грѣховъ, влекущихъ за собою кару небесную; онъ порицаетъ, между прочимъ, разныя языческія суевѣрія, господствовавшія въ обществѣ, еще недавно принявшемъ христіанство. Такимъ образомъ, встрѣча съ чернецомъ, черницею, лысымъ конемъ и свиньею считались дурнымъ предвѣстіемъ и побуждали идущаго возвращаться назадъ. Ѳеодосій нападаетъ также на вѣрованіе въ чиханіе, на чародѣйство, гаданія, примѣты, взиманіе процентовъ, на свѣтскія забавы, на музыку, состоявшую тогда изъ гуслей и сопѣлей, на скомороховъ, на языческій обычай цѣловаться съ женщинами во время пировъ; болѣе всего распространяется о пьянствѣ, какъ о порокѣ, господствовавшемъ въ тогдашнемъ обществѣ, но дозволяетъ, впрочемъ, пить умѣренно. Достойно замѣчанія, что, въ отвѣтѣ своемъ князю Изяславу о нѣкоторыхъ предметахъ благочестія, Ѳеодосій относится снисходительнѣе къ правиламъ о постѣ, чѣмъ обыкновенно церковные учители послѣдующихъ временъ. Въ среды и пятки онъ предписываетъ міряпамъ воздержаніе только отъ мяса и однимъ чернецамъ отъ молочнаго. Самое воздержаніе отъ мяса въ среды и пятки не было безусловно обязательнымъ и могло какъ налагаться, такъ и разрѣшаться духовнымъ лицомъ (аще связанъ еси отцомъ духовнымъ въ среду и пятокъ мясо не ясти, отъ того же и разрѣшеніе пріими). Вообще никто не долженъ самъ налагать на себя постовъ, но слѣдуетъ поститься тогда, когда велитъ духовный отецъ. Въ господскіе и богородичные праздники, также въ день 12-ти апостоловъ, если они приходятся въ среду и пятокъ, Ѳеодосій разрѣшаетъ ѣсть мясо. Ѳеодосій сурово относится къ иновѣрцамъ: „Живите мирно не только съ друзьями,— поучаетъ онъ,—но и съ врагами, однако только со своими врагами, а не съ врагами божіими; свой врагъ тебѣ тотъ будетъ, кто убилъ бы передъ твоими очами твоего сына или брата; прости ему все; но Божіе враги—жиды, еретики, держащіе кривую вѣру... Нѣтъ лучше вѣры нашей, чистой, честной, святой; живучи въ этой вѣрѣ, можно избавиться отъ грѣховъ, сдѣлаться причастникомъ вѣчной жизни, а тѣмъ, которые пребываютъ въ вѣрѣ латинской, армянской, срацинской, тѣмъ нѣтъ жизни вѣчной, ни части со святыми“. Онъ вооружался противъ вѣротерпимости: „кто хвалитъ чужую вѣру, тотъ свою хулитъ, а кто

хвалитъ и свою вѣру, и чужую разомъ, — тотъ двоевѣрецъ; и кто тебѣ скажетъ: и ту, и другую вѣру Богъ далъ — ты скажи ему: развѣ Богъ двоевѣренъ? Писаніе говоритъ: единъ Богъ, едина вѣра, едино крещеніе". По отношенію къ латинянамъ Ѳеодосій запрещаетъ православнымъ давать за нихъ дочерей и брать у нихъ женъ, брататься съ ними, кумиться, цѣловать ихъ, ѣсть съ ними и пить изъ одного сосуда: если будетъ латинянинъ просить ѣсть или пить, то дать ему изъ особаго сосуда, а потомъ выполоскать и сотворить молитву. Тѣмъ не менѣе, онъ приказываетъ князю всякаго невѣрнаго, какъ и правовѣрнаго, накормить, одѣть и избавить отъ бѣды. Болѣе всѣхъ ненавидѣлъ Ѳеодосій жидовъ, и жизнеописатель его говоритъ, что онъ ходилъ къ жидамъ укорять ихъ, досаждалъ имъ, называлъ беззаконниками и отступниками и хотѣлъ быть отъ нихъ убитымъ за Христа.

Уже не задолго до кончины Ѳеодосія положено было начало основанію каменной церкви на томъ мѣстѣ, гдѣ находится и теперь главный храмъ Печерской обители. Средства для этого, на первый разъ, доставлены были однимъ варягомъ, по имени Шимономъ. О немъ сохранился такой поэтическій разсказъ:

Шимонъ былъ изгнанъ изъ отечества своими дядями, и отправился на кораблѣ служить въ Русь. Былъ у него оставшійся отъ отца крестъ въ десять локтей съ поясомъ — по однимъ извѣстіямъ въ 50, по другимъ въ 8 гривенъ — и съ золотымъ вѣнцомъ на главѣ Распятаго. Шимонъ захватилъ съ собою поясъ и вѣнецъ, когда уходилъ изъ родины. Тогда былъ ему такой гласъ: „Не возлагай этого на главу свою, а неси на уготованное мѣсто, гдѣ строится церковь Матери Моей и отдай въ руки преподобнаго Ѳеодосія, а онъ повѣситъ надъ жертвенникомъ". Послѣ этого видѣнія, во время плаванія его по Балтійскому морю въ Русскую землю, сдѣлалась буря. Шимонъ испугался и полагалъ, что Богъ наказываетъ его за то, что онъ взялъ украшеніе съ Христова образа, и сталъ въ этомъ каяться; тогда увидѣлъ онъ на воздухѣ изображеніе церкви и услышалъ голосъ: „Вотъ церковь, которая будетъ создана во имя Божіей Матери, а ты будешь положенъ въ ней. Размѣръ поясомъ двадцать локтей въ высоту, тридцать въ длину и тридцать въ ширину". Несмотря на это, по прибытіи въ Кіевъ, Шимонъ долго не строилъ церкви, но ему было снова чудное видѣніе. Уже по смерти Ярослава, при которомъ онъ пріѣхалъ въ Русь, Шимонъ, съ его сыновьями: Изяславомъ, Святославомъ и Всеволодомъ, отправляясь противъ половцевъ, обращался къ Антонію за благословеніемъ. Преподобный Антоній

сказалъ: „О, чадо! многіе падутъ отъ острія меча, многіе падутъ попираемы и уязвляемы, многіе потонутъ въ водѣ, а ты останешься спасенъ; тебѣ суждено лежать въ Печерской церкви, которая здѣсь построится“. Русскіе были поражены на Альтѣ. Шимонъ былъ раненъ, лежалъ на полѣ посреди труповъ и умирающихъ и вдругъ увидѣлъ въ воздухѣ изображеніе той же церкви, которая являлась ему надъ балтійскими водами. Онъ исцѣлился отъ ранъ, разсказалъ Антонію о видѣніяхъ, и отдалъ ему вѣнецъ и поясъ. Антоній переименовалъ Шимона въ Симона и передалъ его даръ Θеодосію. Симонъ очень полюбилъ Θеодосія и доставилъ ему много средствъ для постройки новой церкви. Это было въ 1073 году.

Симонъ явился послѣ того къ Θеодосію и сказалъ ему: „Дай мнѣ, отче, слово, что душа твоя благословитъ меня не только въ этой жизни, но и по смерти моей и твоей“.

„Это прошеніе выше силы моей, отвѣчалъ Θеодосій. Но если по моемъ отшествіи отъ міра устроится эта церковь, если будутъ уважаться въ ней преданія и мои уставы, то это будетъ тебѣ знакомъ, что я имѣю дерзновеніе у Бога“.

„Господь свидѣтельствовалъ о тебѣ, сказалъ Симонъ, я самъ слышалъ отъ пречистыхъ устъ Его образа. Помолись также, какъ ты молишься о своихъ чернецахъ, обо мнѣ и о сынѣ моемъ Георгіѣ и о потомкахъ моихъ“.

„Я не объ однихъ чернецахъ молюсь, возразилъ ему Θеодосій, но и о всѣхъ, любящихъ это мѣсто“.

Симонъ поклонился до земли и сказалъ:

„Отче! не изыду отъ тебя, дай мнѣ на письмѣ свое благословеніе“.

Θеодосій далъ ему молитву, какую теперь влагаютъ въ руки покойникамъ. Съ этихъ-то поръ вошелъ на Руси обычай влагать въ руки покойникамъ рукописаніе.

Но Симонъ, готовясь строить храмъ, попросилъ еще у Θеодосія отпустить грѣхи его родителямъ.

Θеодосій, воздвигнувъ руки, сказалъ: „Да благословитъ тебя Господь отъ Сіона и да увидите вы красоты Іерусалима во всѣ дни жизни вашей въ третьемъ, въ четвертомъ родѣ до послѣдняго“.

Симонъ оставилъ латинскую вѣру и перешелъ къ восточному православію.

Церковь заложена была въ 1073 году Θеодосіемъ и епископомъ Михаиломъ во время бытности въ Царьградѣ митрополита Георгія. Основаніе ея также подало поводъ къ составленію раз-

сказовъ о томъ, какъ четыре мастера въ Царьградѣ получили отъ самой Богородицы приказаніе идти въ Русь и построить церковь,—что икона, которая впослѣдствіи сдѣлалась мѣстною, принесена изъ Греціи, вручена была самою Богородицею и есть произведеніе небеснаго искусства. Это было начало того благоговѣйнаго почитанія иконъ явленныхъ, такъ распространеннаго впослѣдствіи на Руси. Отысканіе мѣста для церкви также сопровождалось чудесами, подобными чудесамъ Ветхаго Завѣта въ исторіи Гедеона и Иліи. Ѳеодосій, желая узнать, какое мѣсто угодно будетъ Богу для поставленія церкви, молился, чтобы вездѣ была роса, а на томъ мѣстѣ, гдѣ слѣдуетъ быть церкви, не было росы, а на другую ночь просилъ обратнаго, чтобы тамъ была роса, когда повсюду не было росы;—и все исполнилось по его желанію. На томъ мѣстѣ, гдѣ высшее знаменіе указало быть церкви, росли кустарники; они были истреблены огнемъ, низведеннымъ съ неба силою молитвъ Ѳеодосія. Когда нужно было копать ровъ для закладки храма, эту работу первый предпринялъ князь Святославъ. Богатые люди жертвовали вклады, волости и села на созданіе храма съ тѣмъ, чтобы быть погребенными на этомъ мѣстѣ. Варягъ Симонъ первый удостоился этой чести.

Въ слѣдующемъ, 1074 году, 2 мая, скончался преподобный Ѳеодосій, назначивъ по выбору братіи, даже противъ своего собственнаго желанія, преемникомъ себѣ Стефана, приказавъ послѣ своей смерти не омывать свое тѣло и похоронить въ пещерѣ, въ той бѣдной одеждѣ, которую онъ носилъ и въ которой отошелъ въ вѣчность.

Преданіе говоритъ, что Ѳеодосій предъ смертью просилъ Святослава, чтобы церковь Печерская была освобождена отъ власти и князей, и владыкъ, потому что создала ее Богородица, а не люди; и обитель надолго пребывала независимою общиною. Мудрый Ѳеодосій установилъ твердую нравственную связь между всѣми, принадлежавшими къ обители. Если кто будетъ призванъ на какое-нибудь высшее духовное мѣсто на Руси, то онъ можетъ принимать его и выходить изъ обители только съ позволенія старшихъ, но всегда долженъ искать успокоенія въ Печерской обители, и только за такихъ святой основатель монастыря обѣщалъ молиться предъ Богомъ. Въ силу такого завѣта основателя, многіе печерскіе иноки, занимавшіе впослѣдствіи высокія мѣста въ русской Церкви, гдѣ бы они ни были, не теряли связи съ монастыремъ. Напутствуемый мысленными благословеніями св. Ѳеодосія, духовный питомецъ Печерской обители, будетъ ли онъ въ

Ростовѣ, Владимірѣ, Новгородѣ, Полоцкѣ, всегда обращался сердцемъ къ Кіеву, къ завѣтной обители, какъ обѣтованной землѣ спасенія, хранилъ правила, которыя получалъ въ этомъ монастырѣ и распространялъ ихъ вездѣ, куда простиралось его вліяніе. Это ярко проявляется въ одномъ памятникѣ духовной литературы XII вѣка, а именно въ посланіи владимірскаго епископа Симона къ печерскому монаху Поликарпу: „Кто не знаетъ меня, грѣшнаго епископа Симона, и соборной церкви красы владимірской и другой суздальской, которую я создалъ самъ? Сколько у нихъ городовъ и селъ, и собираютъ десятину со всей этой земли, и всѣмъ этимъ владѣетъ наша худость! Скажу тебѣ, что всю эту славу и честь я признаю каломъ (грязью) и хотѣлъ бы лучше щепкою торчать за воротами или сором валяться въ Печерскомъ монастырѣ и быть попираемымъ людьми, или быть однимъ изъ тѣхъ убогихъ, что просятъ милостыню предъ вратами честной лавры; лучше сей временной чести для меня одинъ день въ домѣ Божьей Матери, нежели тысяча лѣтъ въ селеніяхъ грѣшниковъ".

Тотъ же духъ, который проявилъ Ѳеодосій въ своей жизни и устройствѣ монастыря, надолго оставался въ его обители. За нимъ появился цѣлый рядъ подвижниковъ, которыхъ дѣянія записывались, передавались изустно, служили примѣромъ для другихъ монастырей и распространяли въ русскомъ народѣ извѣстное направленіе религіозныхъ воззрѣній и вѣру, что монастырь есть путь къ спасенію, а потому слѣдуетъ давать въ монастыри вклады и надѣлять ихъ богатствами, чтобы въ нихъ молились за грѣшниковъ.

Въ этомъ направленіи были свѣтлыя стороны. Онѣ состояли уже въ томъ, что монастыри были главные проводники христіанства, а въ благодѣтельномъ вліяніи христіанства едва ли могутъ сомнѣваться самые невѣрующіе люди. Но, съ другой стороны, предпочтеніе монашескаго званія и уваженія къ иноческой жизни вносили односторонность въ религіозное воззрѣніе. Мысль, что Богу всего угоднѣе одиночная, подвижническая жизнь инока, и человѣкъ тѣмъ ближе къ спасенію, чѣмъ далѣе отъ міра, вытѣсняла христіанскую добродѣтель изъ этого міра: благочестивые люди стремились не къ тому, чтобы въ людскомъ обществѣ, въ мірѣ, совершать подвиги любви Христовой; ихъ идеалъ богоугодной жизни былъ не въ средѣ человѣческихъ отношеній, а, напротивъ, внѣ ихъ. Спасеніе удобнѣе казалось одинокому, оторванному отъ людей затворнику, и, напротивъ, обращеніе съ людьми приводило къ неизбѣжному грѣху; — такъ думали рус-

скіе, тогда какъ, по духу Евангелія, слѣдовало наоборотъ. Словамъ Христа,—что тотъ недостоинъ Его, кто ради Его и Евангелія не оставитъ отца, матери, жены и всего, что̀ есть для него дорогого въ мірѣ—давали смыслъ вступленію въ монастырь, тогда какъ эти евангельскія слова означали требованіе отъ послѣдователя Христова предпочитать всякимъ родственнымъ и кровнымъ отношеніямъ правду, возвѣщенную ученіемъ Спасителя и подкрѣпленную примѣромъ его жизни и смерти. Всякій подвигъ страданія за правду, за ближнихъ, обратился въ подвигъ страданія ради самаго страданія: средство стало цѣлью; борьба съ діаволомъ, въ образѣ зла и растлѣнія человѣческаго общества, замѣнялась борьбою съ призраками, тревожившими разстроенные нервы истязавшаго себя пустынника. Безбрачіе,—нѣкогда предлагаемое апостоломъ какъ состояніе болѣе удобное, и то временно для нѣкоторыхъ, ему подобныхъ, въ тяжелую эпоху гоненій,—возведено было само по себѣ въ доблесть и тѣмъ униженъ былъ семейный союзъ; то, что̀ могло быть удѣломъ только очень немногихъ, одаренныхъ способностью „вмѣстить", становясь, если не обязательною, то все-таки высшею добродѣтелью, достойною стремленія, иногда превращалось въ чудовищное насилованіе природы; наконецъ, уваженіе къ слезамъ, скорби, болѣзни, нищетѣ, вообще къ несчастью, завѣщанное учителемъ въ видахъ облегченія отъ горести, для счастья человѣческаго, превращалось въ умышленное исканіе слезъ, скорби, болѣзни, нищеты, и такимъ образомъ логически выходила безцѣльность дѣлъ любви Христовой; если страданіе являлось само по себѣ цѣлью, то не зачѣмъ было стремиться къ уменьшенію его на землѣ; напротивъ, нужно, казалось, заботиться, чтобъ люди страдали: къ этому приводила односторонность, вытекавшая изъ господства монашескаго направленія въ христіанствѣ. Идеалъ христіанской доблести поставленъ былъ внѣ гражданскаго общества и подъ условіемъ насилованія человѣческой природы, и послѣдствіемъ стремленій къ такому идеалу нерѣдко являлось именно то, что̀ болѣе всего было противно духу Христова ученія: лицемѣріе, самообольщеніе, ханжество и отупѣніе. За исключеніемъ немногихъ личностей, которымъ дано было свыше достигать высшаго монашескаго идеала, за исключеніемъ бѣдняковъ, слабыхъ духомъ и тѣломъ, неспособныхъ къ труду въ обществѣ—монастыри наполнялись людьми, возмечтавшими о себѣ то, чего въ нихъ не было, жалкими самоистязателями, воображавшими, что Богу угодно насилованіе данной Богомъ же духовной и тѣлесной природы человѣка, а болѣе всего эгоистами, тунеядцами и лицемѣрами, надѣвавшими на себя

личину святости. За предѣлами же монастырей, весь міръ пребывалъ въ грубѣйшей чувственности и въ темнѣйшемъ невѣжествѣ, продолжали въ немъ господствовать и развиваться пороки, совершались насилія и злодѣянія, лилась рѣками кровь человѣческая, люди терзали другъ друга; а благочестивое чувство утѣшало себя тѣмъ, что такъ неизбѣжно должно быть на свѣтѣ по волѣ Божіей, и искало примиренія съ совѣстью и божествомъ въ соблюденіи кое-какихъ видимыхъ пріемовъ, приближающихъ жизнь къ монашескому идеалу, поставленному внѣ міра и гражданскаго общества.

IV.

КНЯЗЬ ВЛАДИМИРЪ МОНОМАХЪ.

Между древними князьями до-татарскаго періода послѣ Ярослава никто не оставилъ по себѣ такой громкой и доброй памяти, какъ Владимиръ Мономахъ, князь дѣятельный, сильный волею, выдававшійся здравымъ умомъ посреди своей братіи, князей русскихъ. Около его имени вращаются почти всѣ важныя событія русской исторіи во второй половинѣ XI и въ первой четверти XII вѣка. Этотъ человѣкъ можетъ, по справедливости, назваться представителемъ своего времени. Словянорусскіе народы, съ незапамятныхъ временъ жившіе отдѣльно, мало-по-малу подчинились власти кіевскихъ князей и, такимъ образомъ, задачею ихъ совокупной исторіи стало постепенное и медленное образованіе государственной цѣльности. Въ какихъ формахъ и въ какой степени могла проявиться эта цѣльность и достигнуть полнаго своего осуществленія — это зависѣло уже отъ послѣдующихъ условій и обстоятельствъ. Общественное устройство у этихъ народовъ имѣло тѣ общіе для всѣхъ признаки, что они составляли земли, которыя тянули къ городамъ, пунктамъ своего средоточія, и въ свою очередь дробились на части, хотя сохраняли до извѣстной степени связь, какъ между частями дробленія, такъ и между болѣе крупными единицами, и отсюда происходило, что города были двухъ родовъ: старѣйшіе и меньшіе; послѣдніе зависѣли отъ первыхъ, но съ признаками внутренней самобытности. Члены земли собирались въ городахъ совѣщаться о своихъ дѣлахъ, а творить расправу, защищать землю и управлять ею долженъ былъ князь. Сперва политическая власть кіевскихъ князей выражалась только тѣмъ, что они собирали дань съ подчиненныхъ, а потомъ шагомъ къ болѣе прочному единству и связи между землями было размѣ-

щеніе сыновей кіевскаго князя въ разныхъ земляхъ: послѣдствіемъ этого было развѣтвленіе княжескаго рода на линіи, болѣе или менѣе соотвѣтствовавшія расположенію и развѣтвленію земель.

Это размѣщеніе княжескихъ сыновей началось еще въ язычествѣ, но грубые варварскіе нравы не допускали развиться какому-нибудь новому порядку; сильнѣйшіе братья истребляли слабѣйшихъ. Такъ, изъ сыновей Святослава остался одинъ только Владимиръ; у Владимира было много сыновей и всѣхъ ихъ онъ размѣстилъ по землямъ; но Святополкъ, по образцу языческихъ предковъ, началъ истреблять братьевъ и дѣло кончилось тѣмъ, что, за исключеніемъ особо выдѣленной Полоцкой земли, которая досталась старшему сыну Владимира, Изяславу, какъ удѣлъ его матери, вся остальная Русь была подъ властью одного кіевскаго князя Ярослава. Это не было единодержавіе въ нашемъ смыслѣ слова и вовсе не вело къ прочному сцѣпленію земель между собою, а напротивъ, чѣмъ болѣе земель могло скопиться подъ властью единаго князя, тѣмъ менѣе было возможности этой единой власти наблюдать надъ ними и имѣть вліяніе на теченіе событій въ этихъ подвластныхъ земляхъ. Съ другой стороны, когда, послѣ принятія христіанства, вмѣстѣ съ одною вѣрою входилъ въ Русь и единый письменный языкъ и одинакія нравственныя, политическія и юридическія понятія, если въ различныхъ земляхъ и пребывали свои князья, то это не мѣшало внутренней связи между землями русскими. Князья, происходя изъ единаго княжескаго рода, сохраняли болѣе или менѣе одинакія понятія, привычки, преданія, воззрѣнія; руководила ихъ при этомъ единая Церковь — и они своимъ управленіемъ способствовали, хотя бы часто и мимо собственной воли, распространенію такихъ свойствъ и признаковъ, которые были одинаковы во всѣхъ земляхъ и, слѣдовательно, вели ихъ къ единенію между собою.

Послѣ Ярослава начинается уже непрерывно тотъ періодъ, который обыкновенно называютъ удѣльнымъ. Особые князья явились въ землѣ сѣверянъ или Черниговской, въ землѣ смоленскихъ кривичей, въ землѣ Волынской, въ землѣ Хорватской или Галицкой. Въ землѣ Новгородской сначала соблюдалось какъ-бы правило, что тамъ княземъ долженъ быть старшій сынъ кіевскаго князя, но это правило очень скоро уступило силѣ народнаго выбора. Земля Полоцкая уже прежде имѣла особыхъ князей. Въ землѣ Русской или Кіевской выдѣлилось княженіе переяславское, и къ этому княженію по раздѣлу Ярослава присоединена отдаленная Ростовская область. Собственно не было ни правилъ для размѣщенія князей, ни порядка ихъ преемственности, ни даже правъ

каждаго лица изъ княжескаго рода на княженіе, гдѣ бы то ни было, а потому естественно долженъ былъ возникать рядъ недоразумѣній, которыя приводили неизбѣжно къ междоусобіямъ. Само собою разумѣется, что это задерживало ходъ развитія тѣхъ началъ образованности, которыя Русь получила вмѣстѣ съ христіанскою вѣрою. Но еще болѣе препятствовало этому развитію сосѣдство съ кочевыми народами и непрестанныя столкновенія съ ними. Русь какъ будто приговоромъ судьбы осуждена была видѣть у себя приходившихъ съ востока гостей, смѣнявшихъ другъ друга: въ X вѣкѣ и въ первой половинѣ XI в. она терпѣла отъ печенѣговъ, а съ половины XI ихъ смѣнили половцы. При внутренней безладицѣ и княжескихъ усобицахъ, Русь никакъ не могла оградить себя и избавиться отъ такого сосѣдства, тѣмъ болѣе, когда князья сами приглашали иноплеменниковъ въ своихъ междоусобіяхъ другъ противъ друга.

При такомъ положеніи дѣлъ, важнѣйшею задачею тогдашней политической дѣятельности было, съ одной стороны, установленіе порядка и согласія между князьями, а съ другой—дружное обращеніе всѣхъ силъ Русской земли на свою защиту противъ половцевъ. Въ исторіи до-татарскаго періода мы не видимъ ни одной такой личности, которой бы удалось совершить прочно и плодотворно такой великій подвигъ; но изъ всѣхъ князей никто не стремился къ этой цѣли съ такою ясностью взгляда и съ такимъ, хотя временнымъ, успѣхомъ, какъ Мономахъ, и потому имя его пользовалось долго уваженіемъ. Кромѣ того, объ его жизни сложилось понятіе, какъ объ образцовомъ князѣ.

Владиміръ родился въ 1053 году, за годъ до смерти дѣда своего Ярослава. Онъ былъ сынъ Всеволода, любимѣйшаго изъ сыновей Ярослава; тогда какъ прочихъ сыновей Ярославъ размѣстилъ по землямъ, назначивъ имъ удѣлы, Всеволода отецъ постоянно держалъ подлѣ себя, хотя далъ ему въ удѣлъ близкій отъ Кіева Переяславль и отдаленный Ростовъ. Старикъ Ярославъ умеръ на рукахъ у Всеволода. Мать Владиміра, послѣдняя супруга Всеволода, была дочь греческаго императора Константина Мономаха; Владиміръ по дѣду со стороны матери получилъ имя Мономаха. Такимъ образомъ, у него было три имени: одно княжеское—Владиміръ, другое крестное—Василій, третье дѣдовское по матери—Мономахъ.

Будучи тринадцати лѣтъ отъ роду, онъ принялся за занятія, которыя, по тогдашнимъ понятіямъ, были приличны княжескому званію—войною и охотою. Владиміръ въ этомъ случаѣ не былъ исключеніемъ, такъ какъ въ тѣ времена князья вообще очень

рано дѣлали то, что, по нашимъ понятіямъ, прилично только возмужалымъ; ихъ даже женили въ отроческихъ лѣтахъ. Отецъ послалъ Владимира въ Ростовъ, и путь ему лежалъ черезъ землю вятичей, которые еще тогда не хотѣли спокойно подчиняться княжеской власти Рюрикова дома. Владимиръ не долго былъ въ Ростовѣ и скоро появился въ Смоленскѣ. На Руси тѣмъ временемъ начинались, одна за другою, двѣ бѣды, терзавшія страну цѣлые вѣка. Сперва поднялись княжескія междоусобія. Начало имъ было положено тѣмъ, что сынъ умершаго Ярославова сына, Владимира, Ростиславъ, бѣжалъ въ Тмутаракань, городъ, находившійся на Таманскомъ полуостровѣ и принадлежавшій тогда черниговскому князю, помѣстившему тамъ своего сына Глѣба. Ростиславъ выгналъ этого Глѣба, но и самъ не удержался послѣ него. Событіе это, само по себѣ одно изъ множества подобныхъ въ послѣдующія времена, кажется замѣчательнымъ именно потому, что оно было тогда первымъ въ этомъ родѣ. Затѣмъ прорвалась вражда между полоцкими князьями и Ярославичами. Въ 1067 году полоцкій князь Всеславъ напалъ на Новгородъ и ограбилъ его; за это Ярославичи пошли на него войною, разбили и взяли въ плѣнъ.

Въ слѣдующемъ 1068 году настала другого рода бѣда. Нахлынули съ востока половцы, кочевой народъ тюркскаго племени; они стали нападать на русскія земли. Первое столкновеніе съ ними было неудачно для русскихъ. Кіевскій князь Изяславъ былъ разбитъ и вслѣдъ затѣмъ прогнанъ самими кіевлянами, съ которыми онъ и прежде не ладилъ. Изяславъ возвратился въ Кіевъ съ помощью чужеземцевъ-поляковъ, а сынъ его варварски казнилъ и мучилъ кіевлянъ, изгнавшихъ его отца; потому-то кіевляне, при первой же возможности, опять избавились отъ своего князя. Изяславъ снова бѣжалъ, а вмѣсто него сѣлъ на кіевскомъ столѣ братъ его Святославъ, княжившій прежде въ Черниговѣ; тогда Черниговской землею сталъ управлять Всеволодъ, а сына его Владимира Мономаха посадили на княженіе въ Смоленскѣ.

Во все продолженіе княженія Святослава, Владимиръ служилъ ему, какъ старѣйшему князю, такъ какъ отецъ Владимира, Всеволодъ, находился въ согласіи съ Святославомъ. Такимъ образомъ Владимиръ, по порученію Святослава, ходилъ на помощь полякамъ противъ чеховъ, а также въ интересахъ всего Ярославова племени воевалъ противъ полоцкихъ князей. Въ 1073 году Святославъ умеръ и на кіевскомъ столѣ опять сѣлъ Изяславъ, на этотъ разъ, какъ кажется, поладившій съ кіевлянами и съ своимъ братомъ Всеволодомъ. Этотъ князь вывелъ прочь изъ

Владиміра-Волынскаго сына Святославова Олега, съ тѣмъ, чтобы тамъ посадить своего собственнаго сына. Олегъ, оставшись безъ удѣла, прибылъ въ Черниговъ къ Всеволоду; Владимиръ находился тогда въ дружелюбныхъ отношеніяхъ съ этимъ княземъ, и, пріѣхавъ изъ Смоленска въ Черниговъ, угощалъ его вмѣстѣ съ отцомъ своимъ. Но Олегу досадно было, что земля, гдѣ княжилъ его отецъ и гдѣ протекло его дѣтство, находится не у него во власти. Въ 1073 году онъ убѣжалъ изъ Чернигова въ Тмутаракань, гдѣ послѣ Ростислава жилъ уже подобный ему князь, бѣглецъ Борисъ, сынъ умершаго Вячеслава Ярославича. Не должно думать, чтобы такого рода князья дѣйствительно имѣли какія-нибудь права на то, чего добивались. Тогда еще не было установлено и не вошло въ обычай, чтобы всѣ лица княжескаго рода непремѣнно имѣли удѣлъ, какъ равнымъ образомъ не утвердилось правило, чтобы во всякой землѣ были князьями лица, принадлежавшія къ одной княжеской вѣтви въ силу своего происхожденія. Въ самомъ распоряженіи Ярослава не видно, чтобы, размѣщая своихъ сыновей по землямъ, онъ имѣлъ заранѣе въ виду распространить право посаженныхъ сыновей на ихъ потомство. Сыновья Ярослава также не установили такого права, какъ это видно въ Смоленскѣ и на Волыни [1]). Только въ Кривской землѣ держалась упорно и послѣдовательно вѣтвь полоцкая, хотя Ярославичи хотѣли ее вытѣснить оттуда. При совершенной неопредѣленности отношеній, при отсутствіи общепринятыхъ и освященныхъ временемъ правъ князей на княженіе, понятно, что всякій князь, какъ только обстоятельства давали ему силу, старался устроить своихъ ближнихъ,—главное сыновей, если у него они были,—и въ такомъ случаѣ не стѣснялся столкнуть съ мѣста иного князя, который былъ ему менѣе близокъ: отъ такихъ поступковъ не могла останавливать князей мысль о нарушеніи чужого права, потому что такого права еще не существовало. Съ своей стороны, очень естественно было князю искать княженія, такъ же, какъ княжили его родитель и родные и преимущественно тамъ, гдѣ былъ княземъ его отецъ, гдѣ, быть можетъ, онъ самъ

[1]) Еще раньше Вячеславъ, княжившій въ Смоленскѣ, умеръ; князья перевели туда изъ Волыни Игоря, а по смерти Игоря назначили туда княземъ Владимира Мономаха помимо дѣтей Игоря. Равнымъ образомъ на Волыни не было наслѣдственной преемственности между князьями, и кіевскіе князья помѣщали тамъ своихъ сыновей; такъ что, когда княжилъ въ Кіевѣ Изяславъ, на Волыни былъ его сынъ, а когда Святославъ овладѣлъ Кіевомъ, то помѣстилъ тамъ своего сына; когда же Святославъ умеръ и Изяславъ опять сдѣлался княземъ въ Кіевѣ, на Волыни сталъ княжить сынъ Изяслава.

родился и гдѣ съ дѣтства привыкалъ къ мысли заступить мѣсто отца. Такой князь легче всего могъ найти себѣ помощь у воинственныхъ иноплеменниковъ. И вотъ, бѣжавшіе въ Тмутаракань Олегъ и Борисъ обратились къ половцамъ. Не они первые вмѣшали этихъ враговъ Руси въ ея внутреннія междоусобія. Сколько намъ извѣстно, первый, показавшій имъ дорогу къ такому вмѣшательству, былъ Владиміръ Мономахъ, такъ какъ, по собственному его извѣстію, помѣщенному въ его поученіи, онъ еще прежде нихъ, при жизни своего дяди Святослава Ярославича, водилъ половцевъ на Полоцкую землю.

Олегъ и Борисъ съ половцами бросились на Сѣверскую землю. Всеволодъ вышелъ противъ нихъ изъ Чернигова и былъ разбитъ. Олегъ легко овладѣлъ Черниговомъ; черниговцы приняли его сами, такъ какъ знали его издавна: вѣроятно, онъ и родился въ Черниговѣ. Когда послѣ того Всеволодъ, вмѣстѣ съ кіевскимъ княземъ Изяславомъ, хотѣлъ отнять Черниговъ у Олега, черниговцы показали себя преданными Олегу и защищались до послѣднихъ силъ. Олега съ ними въ городѣ не было: упорство, съ которымъ тогда стояли за него черниговцы, не поддерживалось его присутствіемъ или стараніями, и, вѣроятно, происходило отъ искренней привязанности къ нему черниговцевъ. Владиміръ былъ тогда съ отцомъ. Услышавши, что Олегъ съ Борисомъ идетъ противъ нихъ на выручку Чернигова и ведетъ съ собою половцевъ, князья оставили осаду и пошли на встрѣчу врагамъ. Битва произошла на Нѣжатиной-Нивѣ, близъ села этого имени. Борисъ былъ убитъ; Олегъ бѣжалъ. Но ихъ побѣдители дорого заплатили за свою побѣду. Кіевскій князь Изяславъ былъ убитъ въ этой сѣчѣ.

Смерть Изяслава доставила Кіевъ Всеволоду. Черниговъ, потерявъ надежду на Олега, сдался, и въ этомъ городѣ посадили Владиміра Мономаха. Олегъ и братъ его Романъ Святославичъ въ 1079 году попытались выгнать Владиміра изъ Чернигова, но безуспѣшно. Всеволодъ вышелъ противъ нихъ съ войскомъ къ Переяславлю и безъ битвы избавилъ сына отъ соперниковъ; онъ заключилъ миръ съ половцами, помогавшими Святославичамъ. Половцы и находившіеся съ ними хазары предательски поступили съ своими союзниками: Олега отправили въ Царьградъ, а Романа убили.

Оставшись на княженіи въ Черниговѣ, Владиміръ со всѣхъ сторонъ долженъ былъ расправляться съ противниками. Тмутаракань опять ускользнула изъ-подъ его власти: тамъ утвердились два другіе безъудѣльные князя, сыновья Ростислава Владиміро-

вича. Половцы безпрестанно безпокоили Черниговскую землю. Союзъ съ ними, устроенный отцомъ Владимира подъ Переяславлемъ, не могъ быть проченъ: во-первыхъ, половцы, народъ хищническій, не слишкомъ свято держалъ всякіе договоры; во-вторыхъ, половцы разбивались на орды, находившіяся подъ предводительствомъ разныхъ князьковъ или хановъ и называемыхъ въ нашихъ лѣтописяхъ „чадью“: тогда какъ одни мирились съ русскимъ княземъ, другіе нападали на его область. Владимиръ расправлялся съ ними, сколько возможно было, удачно. Такимъ образомъ, когда двое половецкихъ князьковъ опустошили окрестности сѣверскаго пригорода Стародуба, Владимиръ, пригласивши на помощь другую орду, разбилъ ихъ, а потомъ подъ Новымъ-Городомъ (Новгородомъ-Сѣверскимъ), разсѣялъ орду другого половецкаго князя и освободилъ плѣнниковъ, которыхъ половцы уводили въ свои становища, называемыя въ лѣтописяхъ „вежами“. На сѣверѣ у Владимира были постоянные враги—полоцкіе князья. Князь Всеславъ напалъ на Смоленскъ, который оставался во власти Владимира и послѣ того, какъ отецъ посадилъ его въ Черниговѣ. Въ отмщеніе за это Владимиръ нанялъ половцевъ и водилъ ихъ опустошать землю Полоцкую: тогда досталось Минску; тамъ, по собственному свидѣтельству Владимира, не оставлено было ни челядина (слуги), ни скотины. Владимиръ расправлялся и съ вятичами: этотъ словянскій народъ все еще упорно не поддавался власти Рюрикова дома, и Владимиръ два раза ходилъ войною на Ходоту и сына его — предводителей этого народа. По приказанію отца, Владимиръ занимался дѣлами и на Волыни: сыновья Ростислава овладѣли было этою страною; Владимиръ выгналъ ихъ и посадилъ Ярополка, Изяславова сына, а когда этотъ князь не поладилъ съ кіевскимъ, то Владимиръ, по повелѣнію отца, прогналъ его и посадилъ на Волыни князя Давида Игоревича, и въ слѣдующемъ затѣмъ году (1086) опять посадилъ Ярополка. Тогда власть кіевскаго князя въ этомъ краѣ была еще сильна и князья ставились и смѣнялись по его верховной волѣ.

Въ 1093 году умеръ Всеволодъ. Владимиръ не захотѣлъ воспользоваться своимъ положеніемъ и овладѣть кіевскимъ столомъ, такъ какъ предвидѣлъ, что отъ этого произойдетъ междоусобіе; онъ самъ послалъ звать на кіевское княженіе сына Изяслава, Святополка (княжившаго въ Туровѣ), который былъ старше Владимира лѣтами и за котораго, повидимому, была значительная партія въ Кіевской землѣ. Во все продолженіе княженія Святополка, Владимиръ оставался его вѣрнымъ союзни-

комъ, дѣйствовалъ съ нимъ за-одно и не показалъ ни малѣйшаго покушенія лишить его власти, хотя кіевляне уже не любили Святополка, а любили Владимира.

Владимиръ сдѣлался, такъ-сказать, душою всей Русской земли; около него вращались всѣ ея политическія событія.

Едва только усѣлся Святополкъ въ Кіевѣ, какъ половцы прислали къ нему пословъ съ предложеніемъ заключить миръ. Святополкъ привелъ съ собой изъ Турова дружину, людей ему близкихъ. Съ ними онъ во всемъ совѣщался и они ему посовѣтовали засадить половецкихъ пословъ въ погребъ; когда послѣ того половцы начали воевать и осадили одинъ изъ пригородовъ Кіевской земли—Торцкій, Святополкъ выпустилъ задержанныхъ пословъ и самъ предлагалъ миръ, но половцы уже не хотѣли мира. Тогда Святополкъ началъ совѣщаться съ кіевлянами; совѣтники его раздѣлились въ мнѣніяхъ: одни, болѣе отважные, порывались на бой, хотя у Святополка было на-готовѣ съ оружіемъ только восемьсотъ человѣкъ; другіе совѣтовали быть осторожнѣе; наконецъ, порѣшили на томъ, чтобы просить Владимира помогать въ оборонѣ Кіевской земли отъ половцевъ.

Владимиръ отправился съ своею дружиною, пригласилъ также своего брата Ростислава, бывшаго на княженіи въ Переяславлѣ. Ополченіе трехъ князей сошлось на берегу рѣки Стугны и тамъ собрался совѣтъ.

Владимиръ былъ того мнѣнія, что лучше, какъ бы ни было, устроить миръ, потому что половцы были тогда соединены силами; то же доказывалъ бояринъ по имени Янъ и еще кое-кто изъ дружины, но кіевляне горячились и хотѣли непремѣнно биться. Имъ уступили.

Ополченіе перешло рѣку Стугну, пошло тремя отдѣлами, сообразно тремъ предводительствовавшимъ князьямъ, прошло Триполье и стало между валами. Это было 20 мая 1093 г.

Здѣсь половцы наступили на русскихъ, гордо выставивши въ ихъ глазахъ свои знамена. Сначала пошли они на Святополка, смяли его, потомъ ударили на Владимира и Ростислава. У русскихъ князей силы было мало въ сравненіи съ непріятелемъ; они не выдержали и бѣжали. Ростиславъ утонулъ при переправѣ черезъ Стугну; Владимиръ самъ чуть не пошелъ ко дну, бросившись спасать утопавшаго брата. Тѣло утонувшаго привезли въ Кіевъ и погребли у св. Софіи. Смерть Ростислава приписана была Божію наказанію за жестокій поступокъ съ печерскимъ инокомъ старцемъ Григоріемъ. Встрѣтивъ этого старца, о которомъ тогда говорили, что онъ имѣетъ даръ предвѣдѣнія, Рости-

славъ спросилъ его: отъ чего приключится ему смерть. Старецъ Григорій отвѣчалъ: отъ воды. Ростиславу это не полюбилось и онъ приказалъ Григорія бросить въ Днѣпръ; и за это злодѣяніе, какъ говорили, Ростислава постигла смерть отъ воды.

Дѣло этимъ не окончилось. Половцы дошли до Кіева и между Кіевомъ и Вышгородомъ, на урочищѣ Желани, въ другой разъ жестоко разбили русскихъ того же года 23 іюля.

Послѣ этой побѣды половцы разсѣялись по русскимъ селамъ и забирали плѣнниковъ. Современникъ въ рѣзкихъ чертахъ описалъ состояніе бѣдныхъ русскихъ, которыхъ толпами гнали враги въ свои вежи: „Печальные, измученные, истомленные голодомъ и жаждою, нагіе и босые, черные отъ пыли, съ окровавленными ногами, съ унылыми лицами, шли они въ неволю, и говорили другъ другу: я изъ такого-то города, я изъ такой-то деревни, разсказывали о родныхъ своихъ, и со слезами возводили очи на небо къ Всевышнему, вѣдущему все тайное“.

Въ слѣдующемъ, 1094 году, Святополкъ думалъ пріостановить бѣдствія русскаго народа, заключилъ съ половцами миръ и женился на дочери половецкаго хана Тугоркана. Но и этотъ годъ былъ не менѣе тяжелъ для Русской земли: саранча истребила хлѣбъ и траву на поляхъ, а родство кіевскаго князя съ половецкимъ не спасло Руси и отъ половцевъ. Когда одни половцы мирились и роднились съ русскими, другіе вели на Владимира его неумолимаго соперника Олега. Олегъ, засланный византійцами въ Родосъ, не долго тамъ оставался. Въ 1093 году онъ уже былъ въ Тмутаракани, выгналъ оттуда двухъ князей такихъ же безмѣстныхъ, какъ и онъ (Давида Игоревича и Володаря Ростиславича) и сидѣлъ нѣкоторое время спокойно въ этомъ городѣ; но въ 1094 году, пригласивши половцевъ, пустился добывать ту землю, гдѣ княжилъ отецъ его. Владимиръ не дрался съ нимъ, уступилъ ему добровольно Черниговъ, вѣроятно и потому, что въ Черниговѣ, какъ и прежде, были сторонники Олега. Самъ Владимиръ уѣхалъ въ Переяславль.

Тогда уже, какъ видно, выработался вполнѣ характеръ Владимира, и въ немъ созрѣла мысль дѣйствовать не для личныхъ своихъ видовъ, а для пользы всей Русской земли, насколько онъ могъ понимать ея пользу; главное же—энергически соединенными силами избавить Русскую землю отъ половцевъ. До сихъ поръ мы видѣли, что Владимиръ, насколько было возможно, старался устроить миръ между русскими и половцами, но съ этихъ поръ онъ становится постояннымъ и непримиримымъ врагомъ половцевъ, воюетъ противъ нихъ, подвигаетъ на нихъ всѣхъ рус-

скихъ князей и съ ними всѣ силы русскихъ земель. Вражду эту онъ открылъ поступкомъ съ двумя половецкими князьями: Китаномъ и Итларемъ. Князья эти прибыли къ Переяславлю договариваться о мирѣ, разумѣется съ намѣреніемъ нарушить этотъ миръ, какъ дѣлалось прежде. Китанъ сталъ между валами за городомъ, а Итларь съ знатнѣйшими лицами пріѣхалъ въ городъ; съ русской стороны отправился къ половцамъ заложникомъ сынъ Владимира, Святославъ.

Тогда же прибылъ отъ Святополка кіевлянинъ Славята и сталъ совѣтовать убить Итларя, пріѣхавшаго къ русскимъ. Владимиръ сначала не рѣшался на такое вѣроломство, но къ Славятѣ пристали дружинники Владимира и говорили: „нѣтъ грѣха въ томъ, что мы нарушимъ клятву, потому что сами они даютъ клятву, а потомъ губятъ Русскую землю и проливаютъ христіанскую кровь".

Славята съ русскими молодцами взялся проникнуть въ половецкій станъ за городомъ и вывести оттуда Мономахова сына Святослава, посланнаго къ половцамъ заложникомъ. Съ нимъ вмѣстѣ взялись за это дѣло торки—(народъ того же племени, къ которому принадлежали и половцы; но, будучи поселены на Кіевской землѣ, они вѣрно служили Руси). Въ ночь 24 февраля 1095 года они не только счастливо освободили Святослава, но умертвили Китана и перебили его людей.

Итларь находился тогда во дворѣ у боярина Ратибора; поутру 24 февраля Итларя съ его дружиною пригласили завтракать къ Владимиру; но только-что половцы вошли въ избу, куда ихъ позвали, какъ за ними затворили двери, и сынъ Ратиборовъ Ольбегъ перестрѣлялъ ихъ сверху черезъ отверстіе, сдѣланное въ потолкѣ избы. Послѣ такого вѣроломнаго поступка, который русскіе оправдывали тѣмъ, что ихъ враги были также вѣроломны, Владимиръ началъ созывать князей противъ половцевъ и въ томъ числѣ Олега, отъ котораго потребовалъ выдачи сына убитаго Итларя. Олегъ не выдалъ его и не шелъ къ князьямъ.

Кіевскій князь Святополкъ и Владимиръ звали Олега въ Кіевъ на совѣтъ объ оборонѣ Русской земли. „Иди въ Кіевъ— говорили ему князья—здѣсь мы положимъ порядъ о Русской землѣ предъ епископами, игуменами, передъ мужами отцовъ нашихъ и передъ городскими людьми, какъ намъ оборонять Русскую землю". Но Олегъ высокомѣрно отвѣтилъ: „не пристало судить меня епископамъ, игуменамъ и смердамъ" (т.-е. мужичью, переводя на нашъ способъ выраженія).

Тогда князья, пригласившіе Олега, послали ему отъ себя

такое слово: „если ты не идешь на невѣрныхъ и не приходишь на совѣтъ къ намъ, то значитъ ты мыслишь на насъ худое и хочешь помогать поганымъ. Пусть Богъ насъ разсудитъ“.

Это было объявленіе войны. Итакъ, вмѣсто того, чтобы идти соединенными силами на половцевъ, Владиміру приходилось идти войною на своихъ. Владиміръ со Святополкомъ выгнали Олега изъ Чернигова, осадили его въ Стародубѣ и держали въ осадѣ до тѣхъ поръ, пока Олегъ не попросилъ мира. Ему даровали миръ, но съ условіемъ, чтобъ онъ непремѣнно прибылъ въ Кіевъ на совѣтъ. Кіевъ—говорили князья—старѣйшій городъ въ Русской землѣ; тамъ надлежитъ намъ сойтись и положить порядъ. Обѣ стороны цѣловали крестъ. Это было въ маѣ 1096 года.

Между тѣмъ, раздраженные половцы дѣлали на Русь набѣги. Ханъ половецкій Бонякъ съ своею ордою жегъ окрестности Кіева, а тесть Святополка Тугорканъ, несмотря на родство съ кіевскимъ княземъ, осадилъ Переяславль. Владиміръ со Святополкомъ разбили его 19 мая; самъ Тугорканъ палъ въ битвѣ, и зять его Святополкъ привезъ тѣло тестя въ Кіевъ: его похоронили между двумя дорогами: одною ведущею въ Берестово, и другою—въ Печерскій монастырь. Въ іюлѣ Бонякъ повторилъ свое нападеніе, и 20 числа утромъ ворвался въ Печерскій монастырь. Монахи, отстоявъ заутреню, почивали по кельямъ; половцы выломали ворота, ходили по кельямъ, брали что̀ имъ попадалось подъ руки, сожгли церковныя южныя и сѣверныя двери, вошли въ церковь, таскали изъ нея иконы и произносили оскорбительныя слова надъ христіанскимъ Богомъ и закономъ. Тогда половцы сожгли загородный княжескій дворъ, называемый краснымъ, построенный Всеволодомъ на выдубичскомъ холмѣ, гдѣ впослѣдствіи выстроенъ былъ Выдубицкій монастырь.

Олегъ не думалъ исполнять договора и являться въ Кіевъ на княжескій съѣздъ. Вмѣсто того, онъ явился въ Смоленскѣ (гдѣ тогда, неизвѣстно какимъ путемъ, сѣлъ братъ его Давидъ), набралъ тамъ войска и, вышедши оттуда, пошелъ внизъ по Окѣ, ударилъ на Муромъ, который достался въ управленіе сыну Мономаха, Изяславу, посаженному на княженіе въ сосѣдней Ростовской землѣ. (Отецъ Олега Святославъ, сидя въ Черниговѣ, былъ въ то же время на княженіи и въ Муромѣ, и потому Олегъ считалъ Муромъ своею отчиною). 6 сентября 1096 года Изяславъ былъ убитъ въ сѣчѣ. Олегъ взялъ Муромъ и оковалъ всѣхъ найденныхъ тамъ ростовцевъ, бѣлозерцевъ и суздальцевъ: видно, что князь Изяславъ управлялъ муромцами при помощи людей своей земли. Въ Муромѣ и его волости въ то

время еще господствовало язычество; край былъ населенъ народомъ финскаго племени, муромою, и держался за князьями только страхомъ дружины, составлявшей здѣсь, вѣроятно, еще единственное словянское населеніе въ тѣ времена. Въ Ростовѣ, Суздалѣ и Бѣлозерскѣ, напротивъ, словяно-русская стихія уже прежде пустила свои корни и края эти имѣли свое мѣстное русское населеніе.

Олегъ, отвоевавши Муромъ, взялъ Суздаль и поступилъ сурово съ его жителями: однихъ взялъ въ плѣнъ, другихъ разослалъ по своимъ городамъ и отнялъ ихъ имущество. Ростовъ сдался Олегу самъ. Возгордившись успѣхами, Олегъ затѣвалъ подчинить своей власти и Новгородъ, гдѣ на княженіи былъ другой сынъ Мономаха, Мстиславъ, молодой князь, очень любимый новгородцами. Новгородцы предупредили покушеніе Олега, и прежде чѣмъ онъ могъ стать съ войскомъ на Новгородской землѣ, сами отправились на него въ Ростовско-суздальскую землю. Олегъ убѣжалъ изъ Суздаля, приказавши въ досадѣ сжечь за собою городъ, и остановился въ Муромѣ. Мстиславъ удовлетворился тѣмъ, что выгналъ Олега изъ Ростовско-суздальской земли, которая никогда не была удѣломъ ни Олега, ни отца его; предложилъ Олегу миръ и предоставлялъ ему снестись съ своимъ отцомъ. Мстислава располагало къ уступчивости то, что Олегъ былъ его крестнымъ отцомъ. Олегъ притворно согласился, а самъ думалъ внезапно напасть на своего крестника; но новгородцы узнали о его намѣреніи заблаговременно и, вмѣстѣ съ ростовцами и бѣлозерцами, приготовились къ бою. Враги встрѣтились другъ съ другомъ на рѣкѣ Колакшѣ. Олегъ увидѣлъ у противниковъ распущенное знамя Владимира Мономаха, подумалъ, что самъ Владимиръ Мономахъ пришелъ съ большою силою на помощь сыну, и убѣжалъ. Мстиславъ съ новгородцами и ростовцами пошелъ по слѣдамъ его, взялъ Муромъ и Рязань, мирно обошелся съ муромцами и рязанцами, только освободилъ людей Ростовско-суздальской области, которыхъ Олегъ держалъ въ городахъ Муромѣ и Рязани плѣнниками; послѣ того Мстиславъ послалъ къ своему сопернику такое слово: „не бѣгай болѣе, пошли съ мольбой къ своей братьи; они тебя не лишатъ русской земли“. Олегъ обѣщался сдѣлать такъ, какъ предлагалъ ему побѣдитель.

Мономахъ дружелюбно обошелся съ своимъ соперникомъ и памятникомъ тогдашнихъ отношеній его къ Олегу осталось современное письмо его къ Олегу, очень любопытное не только потому, что оно объясняетъ во многомъ личность князя Влади-

мира Мономаха, но и потому, что вообще оно составляетъ одинъ изъ немногихъ образчиковъ тогдашняго способа выраженія: „Меня—пишетъ онъ—принудилъ написать къ тебѣ сынъ мой, котораго ты крестилъ и который теперь недалеко отъ тебя; онъ прислалъ ко мнѣ мужа своего и грамоту и говоритъ такъ: сладимся и примиримся, а братцу моему судъ пришелъ; не будемъ ему мстителями; возложимъ все на Бога; пусть они станутъ предъ Богомъ, мы же русской земли не погубимъ. Я послушался и написалъ: примешь ли ты мое писаніе съ добромъ или съ поруганіемъ, — покажетъ отвѣтъ твой. Отчего, когда убили мое и твое дитя передъ тобою, увидавши кровь его и тѣло его, увянувшее подобно едва распустившемуся цвѣтку, отчего, стоя надъ нимъ, не вникъ ты въ помыслъ души своей и не сказалъ: зачѣмъ это я сдѣлалъ? Зачѣмъ ради кривды этого мечтательнаго свѣта причинилъ себѣ грѣхъ, а отцу и матери слезы? Тебѣ было бы тогда покаяться Богу, а ко мнѣ написать утѣшительное письмо и прислать сноху мою ко мнѣ... Она тебѣ не сдѣлала ни добра, ни зла; я бы съ нею оплакалъ мужа ея и свадьбу ихъ вмѣсто свадебныхъ пѣсенъ. Я не видѣлъ прежде ихъ радости, ни ихъ вѣнчанія; отпусти ее какъ можно скорѣе, я поплачу съ нею за-одно и посажу на мѣстѣ какъ грустную горлицу на сухомъ деревѣ, а самъ утѣшусь о Богѣ Такъ было и при отцахъ нашихъ. Судъ пришелъ ему отъ Бога, а не отъ тебя! Если бы ты, взявши Муромъ, не трогалъ Ростова, а прислалъ бы ко мнѣ, мы бы уладились: разсуди самъ, тебѣ ли слѣдовало послать ко мнѣ или мнѣ къ тебѣ? Если пришлешь ко мнѣ посла или попа и грамоту свою напишешь съ правдою, то и волость свою возьмешь, и сердце наше обратится къ тебѣ, и будемъ жить лучше, чѣмъ прежде; я тебѣ не врагъ, не мститель“.

Тогда, наконецъ, состоялось то, что долго замышлялось и никакъ не могло придти къ исполненію. Въ городѣ Любечѣ съѣхались князья Святославичи — Олегъ, Давидъ и Ярославъ, кіевскій Святополкъ, Владиміръ Мономахъ, волынскій князь Давидъ Игоревичъ и червонорусскіе князья Ростиславичи: Володарь и Василько. Съ ними были ихъ дружинники и люди ихъ земель. Цѣль ихъ совѣщанія была — устроить и принять мѣры къ охраненію русскихъ земель отъ половцевъ.

Всѣмъ дѣломъ заправлялъ Мономахъ.

„Зачѣмъ губимъ мы русскую землю—говорили тогда князья—зачѣмъ враждуемъ между собою? Половцы разоряютъ землю; они радуются тому, что мы другъ съ другомъ воюемъ. Пусть

же съ этихъ поръ будетъ у всѣхъ насъ единое сердце; соблюдемъ свою отчину".

На этомъ съѣздѣ князья положили, чтобы всѣ они владѣли своими волостями: Святополкъ Кіевомъ, Владиміръ удѣломъ отца своего, Всеволода: Переяславлемъ, Суздалемъ и Ростовомъ; Олегъ, Давидъ и Ярославъ — удѣломъ Святослава, отца ихъ: Сѣверскою землею и Рязанскою; Давидъ Игоревичъ—Волынью, а Василько и Володарь городами: Теребовлемъ и Перемышлемъ съ ихъ землями, составлявшими тотъ край, который впослѣдствіи назывался Галичиною. Всѣ цѣловали крестъ на томъ, что если кто-нибудь изъ князей нападетъ на другого, то всѣ должны будутъ ополчиться на зачинщика междоусобія. „Да будетъ на того крестъ честный и вся земля Русская". Такой приговоръ произнесли они въ то время.

До сихъ поръ Владиміръ находился въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ къ Святополку кіевскому. Послѣдній былъ человѣкъ ограниченнаго ума и слабаго характера, и подчинялся Владиміру, какъ вообще люди его свойствъ подчиняются лицамъ болѣе ихъ сильнымъ волею и болѣе ихъ умнымъ. Но извѣстно, что такіе люди склонны подозрѣвать тѣхъ, которымъ они невольно повинуются. Они имъ покорны, но въ душѣ ненавидятъ ихъ. Давидъ Игоревичъ былъ заклятый врагъ теребовльскаго князя Василька и хотѣлъ присвоить себѣ его землю. Возвращаясь на Волынь изъ Любеча, черезъ Кіевъ, онъ увѣрилъ Святополка, что у Василька съ Владиміромъ составился злой умыселъ лишить Святополка Кіевской земли. Самъ Василько былъ человѣкъ предпріимчиваго характера; уже онъ водилъ половцевъ на Польшу; затѣмъ, какъ онъ самъ послѣ сознавался, думалъ идти на половцевъ, но, если вѣрить ему, не думалъ дѣлать ничего дурного русскимъ князьямъ.

Натравленный Давидомъ, Святополкъ звалъ къ себѣ Василька на именины въ то время, когда послѣдній, возвращаясь изъ Любеча домой, проѣзжалъ мимо Кіева и, не заѣзжая въ городъ, остановился въ Выдубицкомъ монастырѣ, отославши свой обозъ впередъ. Одинъ изъ слугъ Василька, или подозрѣвая коварство, или, быть можетъ, даже предостерегаемый кѣмъ-нибудь, не совѣтовалъ своему князю ѣхать въ Кіевъ: „Тебя хотятъ схватить"—говорилъ онъ. Но Василько понадѣялся на крестное цѣлованіе, немного подумалъ, перекрестился и поѣхалъ.

Было утро 5 ноября 1097 года. Василько вошелъ въ домъ къ Святополку и засталъ у него Давида. Послѣ первыхъ привѣтствій, они сѣли. Давидъ молчалъ. „Оставайся у меня на

праздникъ", сказалъ Святополкъ.—„Не могу, братъ, отвѣчалъ Василько, я уже отослалъ свой обозъ впередъ".—„Ну, такъ позавтракай съ нами", сказалъ Святополкъ. Василько согласился. Тогда Святополкъ сказалъ: „Посидите здѣсь, а я пойду велю кое-что приготовить". Василько остался съ Давидомъ и сталъ-было вести разговоръ съ нимъ, но Давидъ молчалъ и какъ будто ничего не слышалъ. Наконецъ, Давидъ спросилъ слугъ: „Гдѣ братъ?"—Стоитъ на сѣняхъ,—отвѣчали ему.—„Я пойду за нимъ, а ты, братъ, посиди", сказалъ онъ Васильку и вышелъ. Тотчасъ слуги наложили на Василька оковы и приставили къ нему стражу. Такъ прошла ночь.

На другой день Святополкъ созвалъ вѣче изъ бояръ и людей Кіевской земли и сказалъ: „Давидъ говоритъ, что Василько убилъ моего брата Ярополка и теперь совѣщается съ Владимиромъ; хотятъ убить меня и отнять мои города". Бояре и люди кіевскіе сказали: „Ты, князь, долженъ охранять свою голову. Если Давидъ говоритъ правду, пусть Василько будетъ казненъ, а если неправду, то пусть Давидъ приметъ месть отъ Бога и отвѣчаетъ передъ Богомъ".

Отвѣтъ былъ двусмысленный и увертливый. Игумены были смѣлѣе и стали просить за Василька. Святополкъ ссылался на Давида. Самъ Святополкъ готовъ былъ отпустить Василька на свободу, но Давидъ совѣтовалъ ослѣпить его и говорилъ: „Если ты его отпустишь, то не будетъ княженія ни у меня, ни у тебя". Святополкъ колебался, но потомъ совершенно поддался Давиду и согласился на гнусное злодѣяніе.

Въ слѣдующую затѣмъ ночь Василька повезли въ оковахъ въ Бѣлгородъ, ввели въ небольшую избу. Василько увидалъ, что ѣхавшій съ нимъ торчинъ сталъ точить ножъ, догадался въ чемъ дѣло, началъ кричать и взывать къ Богу съ плачемъ. Вошли двое конюховъ: одинъ Святополковъ, по имени Сновидъ Изечевичъ, другой Давидовъ—Димитрій; они постлали коверъ и взялись за Василька, чтобы положить его на коверъ. Василько сталъ съ ними бороться; онъ былъ силенъ; двое не могли съ нимъ справиться; подоспѣли на помощь другіе, связали его, повалили и, снявши съ печи доску, положили на грудь; конюхи сѣли на эту доску, но Василько сбросилъ ихъ съ себя. Тогда подошли еще двое людей, сняли съ печи другую доску, навалили ее на князя, сами сѣли на доску и придавили до того, что у Василька затрещали кости на груди. Вслѣдъ затѣмъ торчинъ Беренда, овчарь Святополковъ, приступилъ къ операціи: намѣреваясь ударить ножомъ въ глазъ, онъ сперва промахнулся и порѣзалъ Васильку

лицо; но потомъ уже удачно вынулъ у него оба глаза одинъ за другимъ. Василько лишился чувствъ. Его взяли вмѣстѣ съ ковромъ, на которомъ онъ лежалъ, положили на возъ и повезли далѣе по дорогѣ во Владиміръ.

Проѣзжая черезъ городъ Звиждень, привезли его къ какой-то попадьѣ и отдали ей мыть окровавленную сорочку князя. Попадья вымыла, надѣла на Василька и горько плакала, тронутая этимъ зрѣлищемъ. Въ это время Василько очнулся и закричалъ: „Гдѣ я?" Ему отвѣчали: „Въ Звижденѣ городѣ". — „Дайте воды!" сказалъ Василько. Ему подали воды, онъ выпилъ и мало-по-малу совсѣмъ пришелъ въ себя, вспомнилъ, что̀ съ нимъ происходило и, ощупавъ на себѣ сорочку, спросилъ: зачѣмъ сняли? „Я бы въ этой окровавленной сорочкѣ принялъ смерть и сталъ передъ Богомъ".

Пообѣдавши, злодѣи повезли его во Владиміръ, куда прибыли на шестой день. Давидъ помѣстилъ Василька на дворѣ какого-то владимірскаго жителя Вакѣя и приставилъ къ нему тридцать сторожей подъ начальствомъ двухъ своихъ княжескихъ отроковъ, Улана и Колчка.

Услышалъ объ этомъ прежде другихъ князей Владимиръ Мономахъ и ужаснулся. „Этого не бывало ни при дѣдахъ, ни при прадѣдахъ нашихъ", говорилъ онъ. Немедленно позвалъ онъ къ себѣ черниговскихъ князей Олега и Давида на совѣщаніе въ Городецъ. „Надобно поправить зло, — говорилъ онъ, — а иначе еще большее зло будетъ, начнетъ братъ брата умерщвлять, и погибнетъ земля Русская, и половцы возьмутъ землю Русскую". Давидъ и Олегъ Святославичи также пришли въ ужасъ и говорили: „Подобнаго не бывало еще въ родѣ нашемъ". Дѣйствительно не бывало: въ родѣ княжескомъ прежде случались варварскія братоубійства, но ослѣпленій не бывало еще. Этотъ родъ злодѣянія принесла въ варварскую Русь греческая образованность.

Всѣ три князя отправили къ Святополку своихъ мужей съ такимъ словомъ: „Зачѣмъ надѣлалъ ты зла въ Русской землѣ, зачѣмъ ввергъ ножъ въ братью? Зачѣмъ ослѣпилъ брата? Если бы онъ былъ виноватъ передъ тобою, ты бы долженъ былъ обличить его передъ нами и доказать вину его; онъ былъ бы наказанъ, а теперь скажи: въ чемъ его вина?" Святополкъ отвѣчалъ: „Мнѣ сказалъ Давидъ Игоревичъ, что Василько убилъ брата моего Ярополка и меня хочетъ убить, чтобы захватить волость мою: Туровъ, Пинскъ, Берестье и Погорынье, говорилъ, что у него положена клятва съ Владимиромъ: чтобы Владимиру сѣсть въ Кіевѣ, а Васильку въ городѣ Владимірѣ. Я по-неволѣ обере-

галъ свою голову. Не я его ослѣпилъ, а Давидъ: онъ его и увезъ къ себѣ“.

„Этимъ не отговаривайся, — отвѣчали князья, — Давидъ его ослѣпилъ, но не въ Давидовомъ городѣ, а въ твоемъ“.

Владимиръ съ князьями и дружинами хотѣлъ переходить черезъ Днѣпръ противъ Святополка; Святополкъ въ страхѣ собирался бѣжать, но кіевляне не пустили его и послали къ Владимиру мачиху его и митрополита Николая съ такимъ словомъ:

„Молимъ тебя, князь Владимиръ, и вмѣстѣ съ тобою братію твою князей, не губите Русской земли; если вы начнете воевать между собою, поганые возрадуются и возьмутъ землю нашу, которую пріобрѣли отцы наши и дѣды ваши трудомъ и храбростью; они боролись за Русскую землю и чужія земли пріобрѣтали, а вы хотите погубить Русскую землю“.

Владимиръ очень уважалъ свою мачиху и склонился на ея мольбы. „Правда,—сказалъ онъ,—отцы и дѣды наши соблюдали русскую землю, а мы хотимъ ее погубить“.

Княгиня, возвратившись въ Кіевъ, принесла радостную вѣсть кіевлянамъ, что Владимиръ склоняется на миръ.

Князья стояли на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ бору, и пересылались съ Святополкомъ. Наконецъ послѣднее ихъ слово было таково: „Если это преступленіе Давидово, то пусть Святополкъ идетъ на Давида, пусть либо возьметъ его, либо сгонитъ съ княженія“.

Святополкъ цѣловалъ крестъ поступать по требованію Владимира и его товарищей.

Князья собрались идти на Давида, а Давидъ, узнавши объ этомъ, сталъ пытаться поладить съ Василькомъ и заставить его самого отклонить отъ Давида опасность, которой подвергался Давидъ за Василька.

Призвалъ ночью Давидъ какого-то Василія, котораго разсказъ включенъ въ лѣтопись цѣликомъ. Давидъ сказалъ ему:

„Василько въ эту ночь говорилъ Улану и Колчкѣ, что ему хочется послать отъ себя мужа своего къ князю Владиміру. Посылаю тебя, Василій, иди къ одноименнику своему и скажи ему отъ меня: если ты пошлешь своего мужа къ Владимиру и Владимиръ воротится, я дамъ тебѣ какой хочешь городъ: либо Всеволожь, либо Шепель, либо Перемиль“.

Василій отправился къ Васильку и передалъ ему рѣчь Давида.

„Я ничего такого не говорилъ,—сказалъ Василько.—но готовъ послать мужа, чтобъ не проливали изъ-за меня крови; дивно

только, что Давидъ даетъ мнѣ города свои, а мой Теребовль у него. Ступай къ Давиду и скажи, пусть пришлетъ ко мнѣ Кульмѣя. Я пошлю его къ князю Владимиру". Василій сходилъ къ Давиду и, воротившись, сказалъ, что Кульмѣя нѣтъ.

Василько сказалъ: „Посиди со мною немного". Онъ велѣлъ слугѣ выдти вонъ и говорилъ Василію:

Слышу, что Давидъ хочетъ меня отдать ляхамъ, не насытился онъ еще моею кровью; еще больше хочетъ упиться ею. Я много зла надѣлалъ ляхамъ и хотѣлъ еще надѣлать и мстить имъ за русскую землю. Пусть выдаетъ меня ляхамъ; смерти я не боюсь. Скажу только тебѣ по правдѣ. Наказалъ меня Богъ за мое высокомѣріе; ко мнѣ пришла вѣсть, что идутъ ко мнѣ берендичи, печенѣги, торки, и я сказалъ себѣ въ умѣ: какъ будутъ у меня берендичи, печенѣги, торки, скажу я брату своему Володарю и Давиду: дайте мнѣ свою меньшую дружину, а сами пейте себѣ и веселитесь; я же зимою пойду на лядскую землю, а на лѣто завоюю лядскую землю и отомщу за русскую землю. Потомъ я хотѣлъ овладѣть дунайскими болгарами и поселить ихъ у себя, а потомъ хотѣлъ проситься у Святополка и Владимира идти на половцевъ: либо славу себѣ найду, либо голову сложу за русскую землю; иного помышленія у меня въ сердцѣ не было, ни на Святополка, ни на Давида. Клянусь Богомъ и его пришествіемъ, не мыслилъ я никакого зла братьи: но за мое возношеніе низложилъ меня Богъ и смирилъ!"—Неизвѣстно, чѣмъ кончились эти сношенія Давида съ Василькомъ, но вѣроятно Василько остановилъ Владимира, потому что въ этомъ году не было отъ него нападенія на Давида. Наступила Пасха. Давидъ не выпустилъ Василька и, напротивъ, хотѣлъ захватить волость ослѣпленнаго; онъ пошелъ туда съ войскомъ, но у Божска встрѣтилъ его Володарь. Давидъ былъ такой же трусъ, какъ и злодѣй. Онъ не осмѣлился вступить въ бой и заперся въ Божска. Володарь осадилъ его и послалъ къ нему такое слово: „Зачѣмъ надѣлалъ зла и еще не каешься. Опомнись!"—„Развѣ я это сдѣлалъ,—отвѣчалъ Давидъ,—развѣ въ моемъ городѣ это сдѣлалось? Виною всему Святополкъ: я боялся, чтобы и меня не взяли и не сдѣлали со мной того же; по-неволѣ пришлось мнѣ пристать къ нему въ совѣтъ, я былъ у него въ рукахъ".

Володарь не перечилъ ему, стараясь только о томъ, какъ бы выручить брата изъ неволи. — „Богъ свидѣтель всему этому, — послалъ онъ сказать Давиду, — а ты выпусти моего брата, и я съ тобою примирюсь".

Давидъ обрадовался, приказалъ привести слѣпого и отдалъ его Володарю. Они заключили миръ и разошлись.

Но на другую весну (1098) Володарь и Василько съ войскомъ шли на Давида. Они подошли къ городу Всеволожу, взяли его приступомъ и зажгли; жители бѣжали. Василько приказалъ всѣхъ ихъ истреблять и мстилъ за себя невиннымъ людямъ, — замѣчаетъ лѣтописецъ. Василько показалъ, что хотя онъ и былъ несчастенъ, но вовсе не любилъ Русской земли въ той мѣрѣ, какъ говорилъ. Братья подошли къ Владиміру. Трусливый Давидъ заперся въ немъ. Братья князья послали къ владимірцамъ такое слово:

„Мы пришли не на вашъ городъ и не на васъ, а пришли мы на враговъ своихъ: на Туряка, Лазаря и Василія,—они подговорили Давида; онъ ихъ послушалъ и сдѣлалъ зло. Если хотите биться за нихъ, — и мы готовы; а не хотите, — такъ выдайте враговъ нашихъ“.

Владимірскіе граждане собрались на вѣче и такъ сказали Давиду:

„Выдай этихъ мужей, мы за нихъ не бьемся; за тебя же биться можемъ; если не выдашь, — мы отворимъ городъ, а ты самъ о себѣ промышляй, какъ знаешь“.

Давидъ отвѣчалъ: „Ихъ нѣтъ здѣсь, я послалъ ихъ въ Луцкъ; Турякъ бѣжалъ въ Кіевъ, Василій и Лазарь въ Турійскѣ“.

„Выдай тѣхъ, кого они хотятъ, крикнули горожане, а не то—мы сдадимся!“

Давиду нечего было дѣлать. Онъ послалъ за своими любимцами: Василіемъ и Лазаремъ, и выдалъ ихъ.

Братья Ростиславичи на зарѣ повѣсили Василія и Лазаря передъ городомъ, а сыновья Василька разстрѣляли ихъ стрѣлами. Совершивши казнь, они отступили отъ города.

Послѣ этой расправы, на Давида пошелъ Святополкъ, который до сихъ поръ медлилъ исполненіемъ княжескаго приговора наказать Давида за его злодѣяніе. Давидъ искалъ помощи у польскаго князя Владислава Германа, но послѣдній взялъ съ него деньги за помощь и не помогъ. Послѣ семинедѣльной осады во Владимірѣ, Давидъ сдался и уѣхалъ въ Польшу.

Въ великую субботу 1098 года Святополкъ вошелъ во Владиміръ. Овладѣвши Волынью, кіевскій князь разсчелъ, что не худо такимъ же способомъ овладѣть и волостьми Ростиславичей, за которыхъ онъ началъ войну съ Давидомъ.

Володарь, предупреждая нападеніе, вышелъ противъ кіевскаго князя и взялъ съ собою слѣпого брата. Враги встрѣтились

на урочищѣ, называемомъ Рожново-поле. Когда рати готовы были ударить другъ противъ друга, вдругъ явился слѣпой Василько съ крестомъ въ рукѣ и кричалъ, обращая рѣчь свою къ Святополку:

„Вотъ крестъ, который ты цѣловалъ передъ тѣмъ, какъ отнялъ у меня зрѣніе! Теперь ты хочешь отнять у меня душу. Этотъ честный крестъ разсудитъ насъ!“

Произошла жестокая битва. Ростиславичи побѣдили. Святополкъ бѣжалъ во Владиміръ. Побѣдители не погнались за нимъ. „Съ насъ довольно стать на своей межѣ“,—говорили они.

Тогда у Ростиславичей и у ихъ врага Давида явилось общее дѣло: защищать себя отъ Святополка, тѣмъ болѣе, что кіевскій князь не думалъ оставлять ихъ въ покоѣ и, посадивши одного изъ своихъ сыновей, Мстислава, во Владимірѣ-Волынскомъ, другого, Ярослава, послалъ къ униграмъ (венграмъ) подвигать ихъ на Володаря, а самъ ушелъ въ Кіевъ, вѣроятно замышляя посадить этого самаго Ярослава въ удѣлѣ Ростиславичей, выгнавши послѣднихъ. подобно тому, какъ онъ уже выгналъ Давида. Святополкъ хотѣлъ воспользоваться вспыхнувшею враждою между Давидомъ и Ростиславичами для того, чтобы доставить на ихъ счетъ владѣнія своимъ сыновьямъ. Давидъ прибылъ изъ Польши и сошелся съ Володаремъ. Заклятые враги помирились, и Давидъ оставилъ жену свою у Володаря, а самъ отправился нанимать половецкую орду, которою управлялъ воинственный и свирѣпый ханъ Бонякъ. Вѣроятно Давидъ успѣлъ увѣрить Володаря, что въ самомъ дѣлѣ виной злодѣянія, совершеннаго надъ Василькомъ, былъ не онъ, а Святополкъ.

Володарь сидѣлъ въ Перемышлѣ. Пришли венгры съ своимъ королемъ Коломаномъ, приглашенные Ярославомъ Святополковичемъ, и осадили Перемышль. На счастье Володаря Давиду не пришлось далеко ѣздить за половцами: онъ встрѣтилъ Боняка гдѣ-то недалеко и привелъ его къ Перемышлю.

Наканунѣ ожидаемой битвы съ венграми, Бонякъ въ полночь отъѣхалъ отъ войска въ поле и сталъ выть по-волчьи. Ему вторили голоса множества волковъ. Таково было половецкое гаданье. „Завтра,—сказалъ Бонякъ, —мы побѣдимъ угровъ“. Дикое предсказанье половецкаго хана сбылось. Бонякъ, — говоритъ современный лѣтописецъ, — сбилъ угровъ въ мячъ, какъ соколъ сбиваетъ галокъ. Венгры бѣжали. Много ихъ потонуло и въ Вагрѣ, и въ Санѣ. Давидъ двинулся къ Владиміру и овладѣлъ владимірскою волостью. Въ самомъ городѣ сидѣлъ Мстиславъ Святополковичъ съ засадою (гарнизономъ), состоявшею изъ жителей вла-

димірскихъ пригородовъ: берестьянъ, пинянъ и выгошевцевъ. Давидъ началъ дѣлать приступы: дождемъ сыпались съ обѣихъ сторонъ стрѣлы; осаждающіе закрывались подвижными вежами (башнями); осажденные стояли на стѣнахъ за досками; таковъ былъ тогдашній способъ войны. Въ одну изъ такихъ перестрѣлокъ, 12 іюня 1099 года, стрѣла сквозь скважину доски поразила на смерть князя Мстислава. Осажденные послѣ его смерти терпѣли тягостную осаду до августа: наконецъ, Святополкъ прислалъ къ нимъ на выручку войско. Августа 5-го Давидъ не устоялъ въ битвѣ съ присланнымъ войскомъ и бѣжалъ къ половцамъ. Побѣдители не надолго овладѣли Владиміромъ и Луцкомъ. Давидъ, пришедши съ Бонякомъ, отнялъ у нихъ и тотъ и другой городъ.

Намѣреніе Мономаха соединить князей на единое дѣло противъ половцевъ не только не привело къ желанной цѣли, а напротивъ, повело къ многолѣтней войнѣ между князьями; для Русской земли отъ этого умножилось горе. Однако, на слѣдующій 1100 годъ Мономаху таки-удалось опять устроить между князьями совѣщаніе и убѣдить Давида Игоревича отдаться на княжескій судъ. Давидъ самъ прислалъ къ князьямъ пословъ по этому дѣлу. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ подробностей подготовки къ этому новому княжескому съѣзду. 10 августа князья: Владимиръ Мономахъ, Святополкъ, Олегъ съ братомъ Давидомъ, сошлись въ Витичевѣ, а черезъ двадцать дней, 30 августа, они снова сошлись на томъ же мѣстѣ и уже тогда былъ съ ними Давидъ Игоревичъ.

„Кому есть на меня жалоба?“—спросилъ Давидъ Игоревичъ.

„Ты присылалъ къ намъ—сказалъ Владимиръ—объявилъ, что хочешь жаловаться передъ нами за свою обиду. Вотъ теперь ты сидишь съ братьею на одномъ коврѣ. На кого у тебя жалоба?“

Давидъ ничего не отвѣчалъ.

Тогда князья сѣли на лошадей и стали врознь каждый со своею дружиною. Давидъ Игоревичъ сидѣлъ особо. Князья разсуждали о Давидѣ: сначала каждый князь съ своею дружиною, а потомъ совѣщались между собою и послали Давиду отъ каждаго князя мужей. Эти мужи сказали Давиду такую рѣчь:

„Вотъ что говорятъ тебѣ братья: не хотимъ тебѣ дать стола владимірскаго за то, что ты ввергъ ножъ между насъ, сдѣлалъ то, чего еще не бывало въ русской землѣ; но мы тебя не беремъ въ неволю, не дѣлаемъ тебѣ ничего худого, сиди себѣ въ Бужскѣ и въ Острогѣ; Святополкъ придаетъ тебѣ Дубенъ и Чар-

торискъ, а Владимиръ даетъ тебѣ 200 гривенъ да еще Олегъ и Давидъ даютъ тебѣ 200 гривенъ".

Потомъ князья послали къ Володарю такое слово:

„Возьми къ себѣ брата своего Василька; будетъ вамъ обоимъ Перемышль. Хотите, живите вмѣстѣ, а не хотите—отпусти Василька къ намъ; мы будемъ его кормить!"

Володарь съ гнѣвомъ принялъ такое предложеніе; Святополкъ и Святославичи хотѣли выгнать Ростиславичей изъ ихъ волости и послали приглашать къ участію въ этомъ предпріятіи Владимира, который, послѣ съѣзда въ Витичевѣ, поѣхалъ въ сѣверныя свои области и былъ на Волгѣ, когда пришелъ къ нему вызовъ отъ Святополка идти на Ростиславичей: „Если ты не пойдешь съ нами, то мы будемъ сами по себѣ, а ты самъ по себѣ". Видно, что и на витичевскомъ съѣздѣ Владиміръ не ладилъ съ князьями и не совсѣмъ одобрялъ ихъ постановленія. „Я не могу идти на Ростиславичей—отвѣчалъ онъ имъ—и преступать крестное цѣлованіе. Если вамъ не нравится послѣднее, принимайте прежнее" (т.-е. постановленное въ Любечѣ). Владимиръ былъ тогда огорченъ, какъ показываютъ и слова въ его духовной, касающіяся описываемаго событія. По этому поводу онъ счелъ умѣстнымъ привести выраженіе изъ псалтыря: „не ревнуй лукавствующимъ, не завиди творящимъ беззаконіе!"

Въ самомъ дѣлѣ, то, чѣмъ покончили князья свои междоусобія, мало представляло справедливости. Владимиръ не противорѣчилъ имъ во многомъ, потому что желалъ какъ бы то ни было прекратить междоусобія, чтобы собрать силы русскихъ земель противъ общихъ враговъ—половцевъ.

Святополку, какъ кіевскому князю, хотѣлось, подобно своимъ предшественникамъ, власти надъ Новгородомъ и для этого желалъ онъ посадить въ Новгородѣ своего сына, между тѣмъ, тамъ уже былъ княземъ сынъ Мономаха, Мстиславъ. Владимиръ уступилъ Святополку, а вмѣсто новгородскаго княженія Святополкъ обѣщалъ Мстиславу владимірское.

Мономахъ призвалъ Мстилава изъ Новгорода въ Кіевъ, но вслѣдъ за Мстиславомъ пріѣхали новгородскіе послы и повели такую рѣчь Святополку:

„Приславшіе насъ велѣли сказать: не хотимъ Святополка и сына его; если у него двѣ головы, то посылай его. Намъ далъ Мстислава Всеволодъ, мы его вскормили, а ты, Святополкъ, уходилъ отъ насъ".

Святополкъ не могъ ихъ переспорить и не въ состояніи былъ принудить новгородцевъ исполнить его волю. Мстиславъ опять

вернулся въ Новгородъ. Новгородъ, по своему мѣстоположенію за неприступными болотами и дремучими лѣсами, чувствовалъ свою безопасность. Туда нельзя было навести ни половцевъ, ни ляховъ; нельзя было съ иноземною помощью овладѣть Новгородомъ.

Съ тѣхъ поръ Владимиръ непрерывно обращалъ свою дѣятельность на огражденіе Русской земли отъ половцевъ. Въ 1101 году Владимиръ поднялъ князей противъ нихъ, но половцы, услышавши о сборахъ русскихъ князей, одновременно отъ разныхъ ордъ прислали просьбу о мирѣ. Русскіе согласились на миръ, готовые наказать половцевъ за первое вѣроломство. Въ 1103 году этотъ миръ былъ нарушенъ половцами, и Мономахъ побудилъ русскихъ князей предпринять первый наступательный походъ на Половецкую землю соединенными силами. Въ лѣтописи этотъ походъ описанъ съ большимъ сочувствіемъ, и видно, что онъ сдѣлалъ впечатлѣніе на современниковъ. Кіевскій князь со своею дружиною и Владимиръ со своею сошлись на Долобскѣ (на лѣвой сторонѣ Днѣпра близъ Кіева). Князья совѣщались въ шатрѣ. Святополкова дружина была противъ похода. Тогда раздавались такіе голоса: „Теперь весна, какъ можно отрывать смерда отъ пашни; ему надобно пахать“.

Но Владимиръ на это возразилъ: „удивительно, что вы не жалѣете смерда, а жалѣете лошадь, на которой онъ пашетъ. Начнетъ смердъ пахать, прибѣжитъ половчинъ, и отыметъ у него лошадь и его самого ударитъ стрѣлою, и ворвется въ село, и жену и дѣтей его возьметъ въ полонъ“.

Дружина Святополкова ничего на это не могла возразить, и Святополкъ сказалъ: „я готовъ“.

„Ты много добра сдѣлаешь“, сказалъ ему на это Мономахъ.

Послѣ долобскаго совѣщанія князья стали приглашать черниговскихъ князей принять участіе въ походѣ, а за ними и другихъ князей. Давидъ послушался, а Олегъ отговорился нездоровьемъ. Онъ неохотно ссорился съ половцами, которые помогли ему взять Черниговъ, и быть можетъ разсчитывалъ, что дружба съ ними пригодится ему и его дѣтямъ. Прибылъ съ своей дружиной полоцкій князь Давидъ Всеславичъ, прибыли и нѣкоторые другіе князья. Русскіе шли конные и пѣшіе; послѣдніе на ладьяхъ по Днѣпру до Хортицы. Послѣ четырехдневнаго пути степью отъ Хортицы, на урочищѣ, называемомъ Сутѣнь, русскіе 4 апрѣля встрѣтили половцевъ и разбили ихъ наголову. Половцы потеряли до двадцати князей. Одинъ изъ ихъ князей Белдюзь попался въ плѣнъ и предлагалъ за себя большой выкупъ золотомъ, сереб-

ромъ, лошадьми и скотомъ, но Владимиръ сказалъ ему: „много разъ поставляли вы съ нами договоры, а потомъ ходили воевать русскую землю; зачѣмъ ты не училъ сыновъ своихъ и родъ свой не преступать договора и не проливать христіанской крови?“ Онъ приказалъ затѣмъ убить Белдюзя и разсѣчь по членамъ его тѣло. Русскіе набрали тогда много овецъ, скота, верблюдовъ и невольниковъ.

Въ 1107 году воинственный Бонякъ и старый половецкій князь Шаруканъ думали отмстить русскимъ за прежнее пораженіе, но были разбиты на-голову подъ Лубнами. Въ 1109 Владимиръ посылалъ воеводу Димитрія Иворовича къ Дону: русскіе нанесли большое разореніе половецкимъ вежамъ. За это на другой годъ половцы опустошали окрестности Переяславля, а на слѣдующій Владимиръ опять съ князьями предпринялъ походъ, который болѣе всѣхъ другихъ облекся славою въ глазахъ современниковъ. Преданіе связало съ нимъ чудодѣйственныя предзнаменованія. Разсказываютъ, что февраля 11, ночью, надъ Печерскимъ монастыремъ появился огненный столбъ: сначала онъ сталъ надъ каменною трапезою, перешелъ оттуда на церковь, потомъ сталъ надъ гробомъ Ѳеодосія, наконецъ, поднялся по направленію къ востоку и исчезъ. Явленіе это сопровождалось молніею и громомъ. Грамотѣи растолковали, что это былъ ангелъ, возвѣщавшій русскимъ побѣду надъ невѣрными. Весною, Владимиръ съ своими сыновьями, кіевскій князь Святополкъ съ своимъ сыномъ, Ярославъ и Давидъ съ сыномъ, на второй недѣлѣ поста, отправились къ Сулѣ, перешли черезъ Пселъ, Ворсклу и 23 марта пришли къ Дону, а 27, въ страстной понедѣльникъ, разбили наголову половцевъ на рѣкѣ Сальницѣ и воротились обратно со множествомъ добычи и плѣнниковъ. Тогда, говоритъ лѣтописецъ, слава о подвигахъ русскихъ прошла ко всѣмъ народамъ: грекамъ, ляхамъ, чехамъ и дошла даже до Рима. Съ тѣхъ поръ надолго половцы перестали тревожить Русскую землю.

Въ 1113 году умеръ Святополкъ, и кіевляне, собравшись на вѣче, избрали Владимира Мономаха своимъ княземъ; но Владимиръ медлилъ; между тѣмъ, кіевляне, недовольные поборами своего покойнаго князя, напали на домъ его любимца Путяты и разграбили жидовъ, которымъ потакалъ Святополкъ во время своего княженія, и повѣрялъ собраніе доходовъ. Въ другой разъ послали кіевляне къ Владимиру пословъ съ такою рѣчью: „иди, князь, въ Кіевъ, а не пойдешь, такъ разграбятъ и княгиню Святополкову, и бояръ, и монастыри; и будешь ты отвѣчать, если

монастыри ограбятъ". Владиміръ прибылъ въ Кіевъ и сѣлъ на столѣ по избранію Кіевской земли.

Время его княженія до смерти, послѣдовавшей въ 1125 году, было періодомъ самымъ цвѣтущимъ въ древней исторіи кіевской Руси. Уже ни половцы и никакіе другіе иноплеменники не безпокоили русскаго народа. Напротивъ, самъ Владиміръ посылалъ своего сына Ярополка на Донъ, гдѣ сынъ его завоевалъ у половцевъ три города и привезъ себѣ жену, дочь ясскаго князя, необыкновенную красавицу. Другой сынъ Владиміра, Мстиславъ, съ новгородцами нанесъ пораженіе Чуди на балтійскомъ побережьѣ; третій сынъ Юрій побѣдилъ на Волгѣ болгаръ. Удѣльные князья не смѣли заводить усобицъ, повиновались Мономаху и въ случаѣ строптивости чувствовали его сильную руку. Владиміръ прощалъ первыя попытки нарушить порядокъ и строго наказывалъ вторичныя. Такъ, напримѣръ, когда Глѣбъ Мстиславичъ, одинъ изъ кривскихъ князей, напалъ на Слуцкъ и сжегъ его, Владиміръ пошелъ на Глѣба войною; Глѣбъ поклонился Владиміру, просилъ мира и Владиміръ оставилъ его княжить въ Минскѣ; но нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1119 году, вѣроятно за такой же проступокъ, Владиміръ вывелъ Глѣба изъ Минска и привелъ въ Кіевъ, гдѣ тотъ и умеръ. Точно также въ 1118 году Владиміръ, собравши князей, пошелъ на волынскаго князя Ярослава Святополковича, и когда Ярославъ покорился ему и ударилъ челомъ, онъ оставилъ его во Владимірѣ, сказавъ ему: „всегда иди, когда я тебя позову". Но потомъ Ярославъ напалъ на Ростиславичей и навелъ на нихъ ляховъ; кромѣ того, онъ дурно обращался со своею женою; Владиміръ сердился на него и за это. Владиміръ выгналъ Ярослава, отдавши Владиміръ-Волынскій своему сыну Андрею. Ярославъ покушался возвратить себѣ Владиміръ съ помощью ляховъ, венгровъ и чеховъ, но не успѣлъ и былъ въ 1123 году измѣннически убитъ ляхами.

Не такъ удачны были дѣла Мономаха съ Греціею. Онъ отдалъ дочь свою за Леона, сына византійскаго императора Діогена; но вслѣдъ затѣмъ въ Византіи произошелъ переворотъ. Діогенъ былъ низвергнутъ Алексѣемъ Комненомъ. Леонъ съ помощью тестя хотѣлъ пріобрѣсть себѣ независимую область въ греческихъ владѣніяхъ на Дунаѣ, но былъ умерщвленъ убійцами, подосланными Комненомъ. Леонъ оставилъ сына, для котораго Мономахъ хотѣлъ пріобрѣсть то же самое владѣніе въ Греціи, котораго добивался Леонъ, и сначала воевода Владиміровъ Войтишичъ посадилъ-было Владиміровыхъ посадниковъ въ греческихъ дунайскихъ городахъ, но греки прогнали ихъ, а въ 1122 году

Владиміръ помирился съ преемникомъ Алексѣя, Іоанномъ Комненомъ, и отдалъ за него внуку свою, дочь Мстислава.

Владиміръ Мономахъ является въ русской исторіи законодателемъ. Еще ранѣе его, при дѣтяхъ Ярослава, въ „Русскую Правду“ вошли важныя измѣненія и дополненія. Важнѣйшее изъ измѣненій было то, что месть за убійство была устранена, а вмѣсто того введено наказаніе платежомъ виръ. Это повлекло къ усложненію законодательства и къ установленію многихъ статей, касающихся разныхъ случаевъ обидъ и преступленій, которыя влекли за собой платежъ виръ въ различномъ размѣрѣ. Такимъ образомъ различные размѣры вирныхъ платежей назначались за разнаго рода оскорбленія и побои, наносимыя одними лицами другимъ, какъ равно и за покражу разныхъ предметовъ. Независимо отъ платежа виры за нѣкоторыя преступленія, какъ напримѣръ, за разбойничество и зажигательство, виновный подвергался потоку и разграбленію — древнему народному способу наказанія преступника. Убійство вора не считалось убійствомъ, если было совершено при самомъ воровствѣ, когда воръ еще не былъ схваченъ. При Мономахѣ, на совѣтѣ, призванномъ имъ и составленномъ изъ тысяцкихъ: кіевскаго, бѣлогородскаго, переяславскаго и людей своей дружины, постановлено было нѣсколько важныхъ статей, клонившихся къ огражденію благосостоянія жителей. Ограничено произвольное взиманіе рѣзъ (процентовъ), которое при Святополкѣ доходило до большихъ злоупотребленій и вызвало по смерти этого князя преслѣдованіе жидовъ, бывшихъ ростовщиками. При Владимірѣ установлено, что ростовщикъ можетъ брать только три раза проценты, и если возьметъ три раза, то уже теряетъ самый капиталъ. Кромѣ того, постановленъ былъ дозволенный процентъ: 10 кунъ на гривну, что̀ составляло около трети или нѣсколько болѣе, если принимать упоминаемую гривну гривною куна [1]).

Частыя войны и нашествія половцевъ разоряли капиталы, являлись неоплатные должники а подъ видомъ ихъ были и плуты. Торговыя предпріятія подвергали купца опасностямъ; отъ этого и тѣ, которые давали ему деньги, также находились въ опас-

[1]) Гривна, какъ выше было замѣчено, была гривна серебра и гривна кунъ. Находимые нынѣ куски серебра, которые принимаютъ за гривну серебра, указываютъ, что гривна серебра была двоякая: большая, состоявшая въ серебреныхъ кускахъ, которые попадаются вѣсомъ отъ 43 до 49 золот., и гривна малая — въ кускахъ отъ 32 до 35 золот. Семь гривенъ кунъ составляло гривну серебра, слѣдовательно гривна кунъ составляла приблизительно отъ 6 до 7 или отъ 5 до 6 золотниковъ серебра.

ности потерять свой капиталъ. Отсюда и высокіе проценты. Нѣкоторые торговцы брали у другихъ купцовъ товары, не платя за нихъ деньги впередъ, а выплачивали по выручкѣ съ процентами; по этому поводу возникали обманы. При Владимирѣ положено было различіе между тѣмъ неоплатнымъ купцомъ, который потерпитъ нечаянно отъ огня, отъ воды или отъ непріятеля, и тѣмъ, который испортитъ чужой товаръ или пропьетъ его или „пробьется", т.-е. заведетъ драку, а потомъ долженъ будетъ заплатить виру или „продажу" (низшій видъ виры). При несостоятельности купца слѣдовало принимать во вниманіе: отъ какой причины онъ сталъ несостоятеленъ. Въ первыхъ случаяхъ, т.-е. при нечаянномъ разореніи, купецъ не подвергался насилію, хотя не освобождался совершенно отъ платежа долга. Нѣкоторые брали капиталъ отъ разныхъ лицъ, а также и у князей. Въ случаѣ несостоятельности такого торговца, его вели на торгъ и продавали его имущество. При этомъ гость, т.-е. человѣкъ изъ иного города или чужеземецъ, имѣлъ первенство передъ другими заимодавцами, а за нимъ князь, потомъ уже прочіе заимодавцы получали остальное. Набѣги половцевъ, процентщина, корыстолюбіе князей и ихъ чиновниковъ — все способствовало тому, что въ массѣ народа умножались бѣдняки, которые, не будучи въ состояніи прокормить себя, шли въ наемники къ богатымъ. Эти люди назывались тогда „закупами". Съ одной стороны эти закупы, взявши отъ хозяина деньги, убѣгали отъ него, а съ другой—хозяева взводили на нихъ разныя траты по хозяйству и на этомъ основаніи утѣсняли и даже обращали въ рабство. Законъ Мономаха дозволялъ закупу жаловаться на хозяина князю или судьямъ, налагалъ опредѣленную пеню за сдѣланныя ему обиды и утѣсненія, охранялъ его отъ притязанія господина въ случаѣ пропажи или порчи какой-нибудь вещи, когда на самомъ дѣлѣ закупъ былъ невиноватъ; но за то, съ другой стороны, угрожалъ закупу полнымъ рабствомъ въ случаѣ, если онъ убѣжитъ, не исполнивши условія. Кромѣ закуповъ, служащихъ во дворахъ хозяевъ, были закупы „ролейные" (поселенные на земляхъ и обязанные работою владѣльцу). Они получали плуги и бороны отъ владѣльца, что̀ показываетъ обѣдненіе народа; хозяева нерѣдко придирались къ такимъ закупамъ подъ предлогомъ, что они испортили данныя имъ земледѣльческія орудія, и обращали въ рабство свободныхъ людей. Отсюда возникла необходимость опредѣлить: кто именно долженъ считаться холопомъ. Законодательство Владимира Мономаха опредѣлило только три случая обращенія въ холопство: первый случай, когда человѣкъ самъ

добровольно продавалъ себя въ холопы или когда господинъ продавалъ его на основанiи прежнихъ правъ надъ нимъ. Но такая покупка должна была непремѣнно совершаться при свидѣтеляхъ. Второй случай обращенiя въ рабство было принятiе въ супружество женщины рабскаго происхожденiя (вѣроятно случалось, что женщины искали освобожденiя отъ рабства посредствомъ за мужства). Третiй случай, когда свободный человѣкъ безъ всякаго договора сдѣлается должностнымъ лицомъ у частнаго человѣка (тiунство безъ ряду или привяжетъ ключъ къ себѣ безъ ряду). Вѣроятно, это было постановлено потому, что нѣкоторые люди, принявъ должность, позволяли себѣ разные безпорядки и обманы, и за неимѣнiемъ условiй, хозяева не могли искать на нихъ управы. Только исчисленные здѣсь люди могли быть обращаемы въ холопы. За долги нельзя было обращать въ холопство и всякiй, кто не имѣлъ возможности заплатить, могъ отработать свой долгъ и отойти. Военноплѣнные, повидимому, также не дѣлались холопами, потому что объ этомъ нѣтъ рѣчи въ „Русской Правдѣ“ при исчисленiи случаевъ рабства. Холопъ былъ тѣсно связанъ съ господиномъ: господинъ платилъ его долги, а также уплачивалъ цѣну украденнаго его холопомъ. Прежде, при Ярославѣ, за побои, нанесенные холопомъ свободному человѣку, слѣдовало убить холопа, но теперь постановили, что въ такомъ случаѣ господинъ платилъ за раба пеню. Холопъ вообще не могъ быть свидѣтелемъ, но когда не было свободнаго человѣка, тогда принималось и свидѣтельство холопа, если онъ былъ должностнымъ лицомъ у своего господина. За холопа и рабу вира не полагалась, но убiйство холопа или рабы безъ вины наказывалось платежомъ князю „продажи“. По нѣкоторымъ даннымъ, ко временамъ Мономаха слѣдуетъ отнести постановленiя о наслѣдствѣ.

Вообще по тогдашнему русскому обычному праву, всѣ сыновья наслѣдовали поровну, а дочерямъ обязывались выдавать приданое при замужствѣ; меньшому сыну доставался отцовскiй дворъ. Каждому, однако, предоставлялось распорядиться своимъ имуществомъ по завѣщанiю. Въ правахъ наслѣдства бояръ и дружинниковъ и въ правахъ смердовъ существовала та разница, что наслѣдство бояръ и дружинниковъ ни въ какомъ случаѣ не переходило къ князю, а наслѣдство смерда (простого земледѣльца) доставалось князю, если смердъ умиралъ бездѣтнымъ. Женино имѣнiе оставалось неприкосновеннымъ для мужа. Если вдова не выходила замужъ, то оставалась полной хозяйкой въ домѣ покойнаго мужа и дѣти не могли удалить ее. Замужняя женщина пользовалась одинаковыми юридическими правами съ мужчиной: за

убійство или оскорбленія, нанесенныя ей, платилась одинаковая вира, какъ за убійства или оскорбленія, нанесенныя мужчинѣ.

Мѣстомъ суда въ древности были: княжескій дворъ и торгъ, и это означаетъ, что былъ судъ княжескій, но былъ судъ и народный—вѣчевой, и, вѣроятно, постановленія „Русской Правды", имѣющія главнымъ образомъ въ виду соблюденіе княжескихъ интересовъ, не обнимали всего вѣчевого суда, который придерживался давнихъ обычаевъ и соображеній, внушенныхъ данными случаями. Доказательствами на судѣ служили: показанія свидѣтелей, присяга и, наконецъ, испытаніе водою и желѣзомъ; но когда было введено послѣднее—мы не знаемъ.

Эпоха Владимира Мономаха была временемъ разцвѣта состоянія художественной и литературной дѣятельности на Руси. Въ Кіевѣ и въ другихъ городахъ воздвигались новыя каменныя церкви, украшенныя живописью: такъ, при Святополкѣ построенъ былъ въ Кіевѣ Михайловскій Золотоверхій монастырь, стѣны котораго существуютъ до сихъ поръ, а близъ Кіева—Выдубицкій монастырь на мѣстѣ, гдѣ былъ загородный дворъ Всеволода; кромѣ того, Владимиръ передъ смертью построилъ прекрасную церковь на Альтѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ Борисъ. Къ этому времени относится составленіе нашей первоначальной лѣтописи. Игуменъ Сильвестръ (около 1115 года) соединилъ въ одинъ сводъ прежде существовавшіе уже отрывки и, вѣроятно, самъ прибавилъ къ нимъ сказанія о событіяхъ, которыхъ былъ свидѣтелемъ. Въ числѣ вошедшихъ въ его сводъ сочиненій были и писанія лѣтописца Печерскаго монастыря Нестора, отчего весь Сильвестровъ лѣтописный сводъ носилъ потомъ въ ученомъ мірѣ названіе Несторовой лѣтописи, хотя и неправильно, потому что далеко не все въ ней написано Несторомъ и притомъ не все могло быть писано однимъ только человѣкомъ. Мысль описывать событія и разставлять ихъ послѣдовательно по годамъ явилась вслѣдствіе возникшаго знакомства съ византійскими лѣтописцами; нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Амартолъ и Малала были тогда извѣстны въ словянскомъ переводѣ. Сильвестръ положилъ начало русскому лѣтописанію и указалъ путь другимъ послѣ себя. Его сводъ былъ продолжаемъ другими лѣтописцами по годамъ и развѣтвился на многія отрасли, сообразно различнымъ землямъ русскаго міра, имѣвшимъ свою отдѣльную исторію. Непосредственнымъ и ближайшимъ по мѣстности продолженіемъ Сильвестрова лѣтописнаго свода была лѣтопись, занимающаяся преимущественно кіевскими событіями и написанная въ Кіевѣ разными лицами, смѣнявшими одно другое. Лѣтопись эта

называется „кіевскою“; она захватываетъ время Мономаха, идетъ черезъ все XII столѣтіе и прерывается на событіяхъ начальныхъ годовъ XIII столѣтія. Во времена Мономаха, вѣроятно, было переведено многое изъ византійской литературы, какъ показываютъ случайно уцѣлѣвшіе списки рукописей, которыя относятъ именно къ концу XI и началу XII вѣка. Изъ нашей первоначальной лѣтописи видно, что русскіе грамотные люди могли читать на своемъ языкѣ Ветхій завѣтъ и житія разныхъ святыхъ. Тогда же по образцу византійскихъ жизнеописателей стали составлять житія русскихъ людей, которыхъ уважали за святость жизни и смерти. Такъ въ это время уже написано было житіе первыхъ основателей Печерской обители Антонія и Ѳеодосія и положено было преподобнымъ Несторомъ, печерскимъ лѣтописцемъ, начало Патерика или сборника житій печерскихъ святыхъ, сочиненія, которое, расширяясь въ объемѣ отъ новыхъ добавленій, составляло впослѣдствіи одинъ изъ любимыхъ предметовъ чтенія благочестивыхъ людей. Въ этотъ же періодъ написаны были житія св. Ольги и св. Владиміра монахомъ Іаковомъ, а также два отличныхъ одно отъ другого повѣствованія о смерти князей Бориса и Глѣба, изъ которыхъ одно приписывается тому же монаху Іакову. Отъ современника Мономахова, кіевскаго митрополита Никифора, родомъ грека, осталось одно Слово и три Посланія: изъ нихъ два обращено къ Владиміру Мономаху, изъ которыхъ одно обличительное противъ латинъ. Тогда уже окончательно образовалось раздѣленіе церквей; вражда господствовала между писателями той и другой церкви и греки старались привить къ русскимъ свою ненависть и злобу къ западной церкви. Другой современникъ Мономаха, игуменъ Даніилъ, совершилъ путешествіе въ Іерусалимъ и оставилъ по себѣ описаніе этого путешествія. Несомнѣнно, кромѣ оригинальныхъ и переводныхъ произведеній собственно религіозной литературы, тогда на Руси была еще поэтическая самобытная литература, носившая на себѣ болѣе или менѣе отпечатокъ стариннаго язычества. Въ случайно уцѣлѣвшемъ поэтическомъ памятникѣ конца XII вѣка: „Слово о полку Игоря“ упоминается о пѣвцѣ Боянѣ, который прославлялъ событія старины и между прочимъ событія XI вѣка; по нѣкоторымъ признакамъ можно предположить, что Боянъ воспѣвалъ также подвиги Мономаха противъ половцевъ. Этотъ Боянъ былъ такъ уважаемъ, что потомство прозвало его Соловьемъ стараго времени. Самъ Мономахъ написалъ „Поученіе своимъ дѣтямъ“ или такъ-называемую Духовную. Въ ней Мономахъ излагаетъ подробно событія своей жизни, свои походы,

свою охоту на дикихъ коней (зубровъ?), вепрей, туровъ, лосей, медвѣдей, свой образъ жизни, занятія, въ которыхъ видна его неутомимая дѣятельность. Мономахъ даетъ дѣтямъ своимъ совѣты какъ вести себя. Эти совѣты, кромѣ общихъ христіанскихъ нравоученій, подкрѣпляемые множествомъ выписокъ изъ священнаго писанія, свидѣтельствующихъ о начитанности автора, содержатъ въ себѣ нѣсколько чертъ любопытныхъ, какъ для личности характера Мономаха, такъ и для его вѣка. Онъ вовсе не велитъ князьямъ казнить смертью кого бы то ни было. Если бы даже преступникъ и былъ достоинъ смерти, говоритъ Мономахъ, то и тогда не слѣдуетъ губить души. Видно, что князья въ то время не были окружены царственнымъ величіемъ и были доступны для всѣхъ, кому была до нихъ нужда: „Да не посмѣются приходящіе къ вамъ и дому вашему, ни обѣду вашему“. Мономахъ поучаетъ дѣтей все дѣлать самимъ, во все вникать, не полагаться на тіуновъ и отроковъ. Онъ завѣщаетъ имъ самимъ судить и защищать вдовъ, сиротъ и убогихъ, не давать сильнымъ губить слабыхъ, приказываетъ кормить и поить всѣхъ приходящихъ къ нимъ. Гостепріимство считается у него первою добродѣтелью: „Болѣе всего чтите гостя, откуда бы онъ къ вамъ ни пришелъ: посолъ-ли, знатный-ли человѣкъ или простой, всѣхъ угощайте брашномъ и питіемъ, а если можно дарами. Этимъ прославится человѣкъ по всѣмъ землямъ“. Онъ завѣщаетъ имъ посѣщать больныхъ, отдавать послѣдній долгъ мертвымъ, помня, что всѣ смертны, всякаго встрѣчнаго обласкать добрымъ словомъ, любить своихъ женъ, но не давать имъ надъ собою власти, почитать старшихъ себя какъ отцовъ, а младшихъ какъ братьевъ, обращаться къ духовнымъ за благословеніемъ, отнюдь не гордиться своимъ званіемъ, помня, что все поручено имъ Богомъ на малое время и не хоронить въ землѣ богатствъ, считая это великимъ грѣхомъ. Относительно войны Мономахъ совѣтуетъ дѣтямъ не полагаться на воеводъ, самимъ наряжать стражу, не предаваться пирамъ и сну въ походѣ, и во время сна въ походѣ не снимать съ себя оружіе, а проходя съ войскомъ по русскимъ землямъ, ни въ какомъ случаѣ не дозволять дѣлать вредъ жителямъ въ селахъ или портить хлѣбъ на поляхъ. Наконецъ, онъ велитъ имъ учиться и читать, и приводитъ въ примѣръ отца своего Всеволода, который, сидя дома, выучился пяти языкамъ.

19 мая 1125 года Мономахъ скончался близъ Переяславля у любимой церкви, построенной на Альтѣ, семидесяти-двухъ лѣтъ отъ роду. Тѣло его было привезено въ Кіевъ. Сыновья и бояре

понесли его къ св. Софіи, гдѣ онъ и былъ погребенъ. Мономахъ оставилъ по себѣ память лучшаго изъ князей. „Всѣ злые умыслы враговъ — говоритъ лѣтописецъ — Богъ далъ подъ руки его; украшенный добрымъ нравомъ, славный побѣдами, онъ не возносился, не величался, по заповѣди Божіей добро творилъ врагамъ своимъ и паче мѣры былъ милостивъ къ нищимъ и убогимъ, не щадя имѣнія своего, но все раздавая нуждающимся". Монахи прославляли его за благочестіе и за щедрость монастырямъ Это-то благодушіе, соединенное въ немъ съ энергическою дѣятельностью и умомъ, вознесло его такъ высоко и въ глазахъ современниковъ, и въ памяти потомства.

Вѣроятно народныя эпическія пѣсни о временахъ кіевскаго князя Владимира Красное-Солнышко, такъ-называемыя былины Владимирова цикла относятся не къ одному Владимиру Святому, но и къ Владимиру Мономаху, такъ что въ поэтической памяти народа эти два лица слились въ одно. Наше предположеніе можетъ подтверждаться слѣдующимъ: въ Новгородской лѣтописи подъ 1118 годомъ Владимиръ съ сыномъ своимъ Мстиславомъ, княжившимъ въ Новгородѣ, за безпорядки и грабежи призвалъ изъ Новгорода и посадилъ въ тюрьму сотскаго Ставра съ нѣсколькими соумышленниками его, новгородскими боярами. Между былинами Владимирова цикла есть одна былина о Ставрѣ бояринѣ, котораго кіевскій князь Владимиръ засадилъ въ погребъ (тюрьмами въ то время служили погреба), но Ставра освободила жена его, переодѣвшись въ мужское платье. Имя Владимира Мономаха было до того уважаемо потомками, что впослѣдствіи составилась сказка о томъ, будто византійскій императоръ прислалъ ему знаки царскаго достоинства, вѣнецъ и бармы, и черезъ нѣсколько столѣтій послѣ него спустя, московскіе государи вѣнчались вѣнцомъ, который назвали „шапкою" Мономаха.

Разсуждая безпристрастно, нельзя не замѣтить, что Мономахъ въ своихъ наставленіяхъ и въ отрывкахъ о немъ лѣтописцевъ является болѣе безупречнымъ и благодушнымъ, чѣмъ въ своихъ поступкахъ, въ которыхъ проглядываютъ пороки времени, воспитанія и среды, въ которой онъ жилъ. Таковъ, напримѣръ, поступокъ съ двумя половецкими князьями, убитыми съ нарушеніемъ даннаго слова и правъ гостепріимства; завѣщая сыновьямъ умѣренность въ войнѣ и человѣколюбіе, самъ Мономахъ, однако, мимоходомъ сознается, что при взятіи Минска, въ которомъ онъ участвовалъ, не оставлено было въ живыхъ ни челядина, ни скотины. Наконецъ, онъ хотя и радѣлъ о Русской землѣ, но и себя не забывалъ и, наказывая князей дѣйстви-

тельно виноватыхъ, отбиралъ ихъ удѣлы и отдавалъ своимъ сыновьямъ. Но за нимъ въ исторіи останется то великое значеніе, что, живя въ обществѣ, едва выходившемъ изъ самаго варварскаго состоянія, вращаясь въ такой средѣ, гдѣ всякій гонялся за узкими своекорыстными цѣлями, еще почти не понимая святости права и договора, одинъ Мономахъ держалъ знамя общей для всѣхъ правды и собиралъ подъ него силы Русской земли.

V.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКІЙ.

Во второй половинѣ XII-го вѣка въ Ростовско-Суздальской землѣ возникъ, такъ-сказать, зародышъ того направленія, которое развилось и стало господствовать въ русскомъ мірѣ во времена татарскаго порабощенія. Нашъ древній лѣтописецъ, перечисляя вѣтви словяно-русскаго племени, указываетъ на полянъ, древлянъ, сѣверянъ и т. д., но уже, говоря по преданіямъ о событіяхъ IX-го и X-го вѣка, причисляетъ къ системѣ русскаго міра Мерю, страну, населенную финскимъ племенемъ того же имени, занимавшую пространство въ нынѣшнихъ губерніяхъ: владимірской, ярославской, костромской и части московской и тверской, относя наравнѣ съ этимъ народомъ соплеменныя и сосѣднія ему племена: Мурому на югъ отъ Мери и Весь на сѣверъ отъ той же Мери, по теченію Шексны и около Бѣлоозера. Уже въ незапамятныя времена словянскіе поселенцы проникали въ страны этихъ народовъ и селились тамъ, какъ это показываютъ словянскія названія города Ростова въ землѣ Мери, и Бѣлоозера въ землѣ Веси. Намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстенъ ходъ словянской колонизаціи въ этихъ земляхъ; несомнѣнно, что съ принятіемъ христіанства она усиливалась, возникали города съ русскими жителями, а самые туземцы, принимая христіанство, утрачивали вмѣстѣ съ язычествомъ свою народность и постепенно сливались съ русскими, нѣкоторые же покидали свое прежнее отечество и убѣгали далѣе къ востоку. Недавнія раскопки могилъ, произведенныя гр. Уваровымъ въ землѣ Мери, показываютъ, что язычество и древняя народность уже угасали въ XII вѣкѣ, по крайней мѣрѣ позднѣйшія могилы съ признаками мерянской народности могутъ быть отнесены къ этому періоду. По

письменнымъ памятникамъ въ XII столѣтіи мы встрѣчаемъ въ этихъ мѣстахъ значительное число городовъ, безъ сомнѣнія, русскихъ: Ростовъ, Суздаль, Переяславль-Залѣсскій, Дмитровъ, Угличъ, Зубцовъ, Мологa, Юрьевъ, Владиміръ, Москву, Ярославль, Тверь, Галичъ-Мерьскій, Городецъ и др. Безпокойства въ Южной Руси побуждали ея тамошнихъ жителей переселяться въ эту страну. Народъ Меря стоялъ на низкой степени образованности, не составлялъ самобытнаго политическаго тѣла и притомъ не былъ воинственнымъ, какъ показываетъ скудость оружія въ его могилахъ; оттого-то онъ легко подчинился власти и вліянію русскихъ. Въ этомъ-то краѣ, колонизованномъ пришельцами изъ разныхъ словянорусскихъ земель, образовалась новая вѣтвь словянорусской народности, положившая начало великорусскому народу; вѣтвь эта въ теченіе послѣдующей исторіи охватила всѣ другія народныя вѣтви въ Русской землѣ, поглотила многія изъ нихъ совершенно и слила съ собою, а другія вѣтви подчинила своему вліянію. Недостатокъ свѣденій о ходѣ русской колонизаціи въ этомъ краѣ составляетъ важнѣйшій, ничѣмъ незамѣнимый пробѣлъ въ нашей исторіи. Тѣмъ не менѣе, однако, наблюдая отдаленныя времена, можно уже подмѣтить тѣ свойства, которыя вообще составляли отличительные признаки великорусской народности: сплоченіе силъ въ собственной землѣ, стремленіе къ расширенію своихъ жительствъ и къ подчиненію себѣ другихъ земель. Это проглядываетъ уже въ исторіи борьбы Юрія суздальскаго за Кіевъ съ Изяславомъ Мстиславичемъ. То былъ первый зачатокъ стремленія подчинить русскія земли первенству восточно-русской земли. Юрій хотѣлъ утвердиться въ Кіевѣ, потому что, повидимому, тяготился пребываніемъ въ восточной странѣ; но если мы вникнемъ въ смыслъ событій того времени, то увидимъ, что уже тогда вмѣстѣ съ этимъ соединялось стремленіе русскихъ жителей Суздальской земли властвовать въ Кіевѣ. Это видно изъ того, что Юрій, овладѣвъ Кіевомъ, держался въ немъ съ помощью пришедшихъ съ нимъ суздальцевъ. Кіевляне смотрѣли на княженіе Юрія, какъ на чуждое господство, а потому, послѣ смерти Юрія, въ 1157 году, перебили всѣхъ суздальцевъ, которымъ Юрій повѣрилъ управленіе края. Впослѣдствіи сынъ Юрія, Андрей, не думалъ уже переселяться въ Кіевъ, а хотѣлъ, оставаясь въ Суздальской землѣ, властвовать надъ Кіевомъ и прочими русскими землями такимъ образомъ, чтобы Суздальская земля пріобрѣла то значеніе первенствующей земли, какое было прежде за Кіевомъ. Съ Андрея начинаетъ обозначаться яркими чертами самобытность Суздальско-Ростовской земли

и вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе къ первенству въ русскомъ мірѣ. Въ эту-то эпоху выступилъ въ первый разъ на историческое поприще народъ великорусскій. Андрей былъ первый великорусскій князь; онъ своею дѣятельностью положилъ начало и показалъ образецъ своимъ потомкамъ; послѣднимъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, предстояло совершить то, что намѣчено было ихъ прародителемъ.

Андрей родился въ Суздальской или, точнѣе, Ростовско-Суздальской землѣ; тамъ провелъ онъ дѣтство и первую юность, тамъ усвоилъ онъ первыя впечатлѣнія, по которымъ сложились у него взгляды на жизнь и понятія. Судьба бросила его въ омутъ безвыходныхъ междоусобій, господствовавшихъ въ Южной Руси. Послѣ Мономаха, который былъ кіевскимъ княземъ по выбору земли, въ Кіевѣ княжили одинъ за другимъ два сына его, Мстиславъ и Ярополкъ; спора у нихъ за землю не было, и ихъ можемъ мы причислить къ истиннымъ земскимъ избраннымъ князьямъ, какъ и отца ихъ, потому что кіевляне дорожили памятью Мономаха и любили сыновей его. Но въ 1143 году черниговскій князь Всеволодъ Ольговичъ выгналъ третьяго сына Мономахова, слабаго и ограниченнаго Вячеслава, и овладѣлъ Кіевомъ посредствомъ оружія. Этимъ открытъ былъ путь нескончаемой неурядицѣ въ Южной Руси. Всеволодъ держался въ Кіевѣ при помощи своихъ черниговцевъ. Ему хотѣлось упрочить за своимъ родомъ Кіевъ: Всеволодъ предложилъ кіевлянамъ выбрать брата его Игоря. Кіевляне по-неволѣ согласились. Но какъ только Всеволодъ умеръ, въ 1146 году, кіевляне избрали себѣ княземъ сына старшаго Мономаховича, Изяслава Мстиславича, низложили Игоря; потомъ, когда за послѣдняго подняли войну его братья, кіевляне убили Игоря всенародно, несмотря на то, что онъ уже отрекся отъ міра и вступилъ въ Печерскій монастырь.

Изяславъ счастливо раздѣлался съ Ольговичами, но противъ него поднялся новый неугомонный соперникъ, дядя его, князь суздальскій Юрій Долгорукій, младшій сынъ Владиміра Мономаха. Началась долголѣтняя борьба, и въ этой борьбѣ участвовалъ Андрей. Дѣла запутывались такъ, что междоусобію, казалось, не будетъ конца. Кіевъ нѣсколько разъ переходилъ то въ руки Изяслава, то въ руки Юрія; кіевляне совершенно сбились съ толку: увѣрятъ Изяслава въ своей готовности умирать за него, а потомъ перевозятъ Юрія черезъ Днѣпръ къ себѣ и заставляютъ бѣжать Изяслава; принявъ къ себѣ Юрія, снова сносятся съ Изяславомъ; призвавши Изяслава къ себѣ, прогоняютъ Юрія; вообще, однако, легко уступаютъ всякой силѣ. Кіевляне, пе-

смотря на такое непостоянство, вынуждаемое обстоятельствами, неизмѣнно любили Изяслава и ненавидѣли Юрія съ его суздальцами. Въ теченіи этой усобицы Андрей не разъ показывалъ храбрость въ битвахъ, но также не разъ пытался установить миръ между раздраженными спорившими сторонами; все было напрасно. Въ 1151 году, когда Изяславъ временно взялъ рѣшительный перевѣсъ, Андрей убѣждалъ отца удалиться въ Суздальскую землю и самъ прежде него поторопился уйти въ этотъ край—во Владиміръ-на-Клязьмѣ, пригородъ, данный ему отцомъ въ удѣлъ. Но Юрій ни за что не хотѣлъ оставлять юга, опять началъ добиваться Кіева, наконецъ, по смерти Изяслава, въ 1154 г. овладѣлъ имъ и посадилъ Андрея въ Вышгородѣ. Юрію хотѣлось имѣть этого сына близъ себя, вѣроятно съ тѣмъ, чтобы передать ему кіевское княженіе, и съ этою цѣлью онъ назначилъ отдаленные отъ Кіева города Ростовъ и Суздаль меньшимъ своимъ сыновьямъ. Но Андрея не плѣняли никакія надежды въ Южной Руси. Андрей былъ столько же храбръ, сколько и уменъ, столько же разсчетливъ въ своихъ намѣреніяхъ, сколько и рѣшителенъ въ исполненіи. Онъ былъ слишкомъ властолюбивъ, чтобы поладить съ тогдашнимъ складомъ условій въ Южной Руси, гдѣ судьба князя постоянно зависѣла и отъ покушеній другихъ князей, и отъ своенравія дружинъ и городовъ; притомъ, сосѣдство половцевъ не давало и впередъ никакого ручательства на установленіе порядка въ южнорусскомъ краѣ, потому что половцы представляли собою удобное средство князьямъ, замышлявшимъ добывать себѣ силою города. Андрей рѣшился самовольно бѣжать навсегда въ Суздальскую землю. Шагъ былъ важный; современникъ-лѣтописецъ счелъ нужнымъ особенно замѣтить, что Андрей рѣшился на это безъ отцовскаго благословенія.

У Андрея, какъ видно, созрѣлъ тогда планъ не только удалиться въ суздальскую землю, но утвердить въ ней средоточіе, изъ котораго можно будетъ ворочать дѣлами Руси. Лѣтопись говоритъ, что съ нимъ въ соумышленіи были его свойственники, бояре Кучковы. Мы думаемъ, что у него было тогда много сторонниковъ какъ въ Суздальской землѣ, такъ и въ Кіевской. Первое оказывается изъ того, что въ Ростовско-Суздальской землѣ любили его и скоро потомъ выказали эту любовь тѣмъ, что посадили княземъ по избранію; о второмъ свидѣтельствуютъ признаки значительнаго переселенія жителей изъ Кіевской земли въ Суздальскую; но Андрею, дѣйствовавшему въ этомъ случаѣ противъ отцовской воли, нужно было освятить свои поступки въ глазахъ народа какимъ-нибудь правомъ. До сихъ поръ въ созна-

ніи русскихъ для князей существовало два права—происхожденія и избранія, но оба эти права перепутались и разрушились, особенно въ Южной Руси. Князья, мимо всякаго старѣйшинства по рожденію, добивались княжескихъ столовъ, а избраніе перестало быть единодушнымъ выборомъ всей земли и зависѣло отъ военной толпы—отъ дружинъ, такъ что, въ сущности, удерживалось еще только одно право—право быть князьями на Руси лицамъ изъ Рюрикова дома; но какому князю гдѣ княжить, — для того уже не существовало никакого другого права, кромѣ силы и удачи. Надобно было создаться новому праву. Андрей нашелъ его; это право было высшее непосредственное благословеніе религіи.

Была въ Вышгородѣ въ женскомъ монастырѣ икона св. Богородицы, привезенная изъ Цареграда, писанная, какъ гласило преданіе, св. евангелистомъ Лукою. Разсказывали о ней чудеса: говорили, между прочимъ, что, будучи поставлена у стѣны, она ночью сама отходила отъ стѣны и становилась посреди церкви, показывая какъ будто видъ, что желаетъ уйти въ другое мѣсто. Взять ее явно было невозможно, потому что жители не позволили бы этого. Андрей задумалъ похитить ее, перенести въ Суздальскую землю, даровать, такимъ образомъ, этой землѣ святыню, уважаемую на Руси, и тѣмъ показать, что надъ этою землею почіетъ особое благословеніе Божіе. Подговоривши священника женскаго монастыря Николая и діакона Нестора, Андрей ночью унесъ чудотворную икону изъ монастыря и вмѣстѣ съ княгинею и соумышленниками тотчасъ послѣ того убѣжалъ въ Суздальскую землю. Путешествіе этой иконы въ Суздальскую землю сопровождалось чудесами: на пути своемъ она творила исцѣленія. Уже въ головѣ Андрея была мысль поднять городъ Владиміръ выше старѣйшихъ городовъ Суздаля и Ростова, но онъ хранилъ эту мысль до поры до времени втайнѣ, а потому проѣхалъ Владиміръ съ иконою мимо, и не оставилъ ее тамъ, гдѣ, по его плану, ей впослѣдствіи быть надлежало. Но не хотѣлъ Андрей везти ее ни въ Суздаль, ни въ Ростовъ, потому что, по его разсчету, этимъ городамъ не слѣдовало давать первенства. За десять верстъ отъ Владиміра по пути въ Суздаль произошло чудо: кони подъ иконою вдругъ стали; запрягаютъ другихъ посильнѣе, и тѣ не могутъ сдвинуть воза съ мѣста.

Князь остановился; раскинули шатеръ. Князь заснулъ, а поутру объявилъ, что ему являлась во снѣ Божія Матерь съ хартіею въ рукѣ, приказала не везти ея икону въ Ростовъ, а поставить во Владимірѣ; на томъ же мѣстѣ, гдѣ произошло видѣ-

ніе, соорудить каменную церковь во имя Рождества Богородицы и основать при ней монастырь. Въ память такого видѣнія написана была икона, изображавшая Божію Матерь въ томъ видѣ, какъ она явилась Андрею съ хартіей въ рукѣ. Тогда на мѣстѣ видѣнія заложено было село, называемое Боголюбовымъ. Андрей состроилъ тамъ богатую каменную церковь; ея утварь и иконы украшены были драгоцѣнными камнями и финифтью, столпы и двери блистали позолотою. Тамъ поставилъ онъ временно икону; въ окладѣ, для нея сдѣланномъ Андреемъ, было пятнадцать фунтовъ золота, много жемчуга, драгоцѣнныхъ камней и серебра.

Заложенное имъ село Боголюбово сдѣлалось его любимымъ мѣстопребываніемъ и усвоило ему въ исторіи прозвище Боголюбскаго.

Мы не знаемъ, что̀ дѣлалъ Андрей до смерти отца, но, безъ сомнѣнія, онъ въ это время велъ себя такъ, что угодилъ всей землѣ. Когда отецъ умеръ въ Кіевѣ послѣ пира у какого-то Петрила, 15 мая 1157 года, ростовцы и суздальцы со всею землею, нарушивъ распоряженія Юрія, отдававшаго Ростовъ и Суздаль меньшимъ сыновьямъ, единодушно избрали Андрея княземъ всей своей земли. Но Андрей не поѣхалъ ни въ Суздаль, ни въ Ростовъ, а основалъ свою столицу во Владимірѣ, построилъ тамъ великолѣпную церковь Успенія Богородицы съ позолоченнымъ верхомъ [1]) изъ бѣлаго камня, привезеннаго водою изъ Болгаріи. Въ этомъ храмѣ поставилъ онъ похищенную изъ Вышгорода икону, которая съ тѣхъ поръ начала носить имя Владимірской.

Съ тѣхъ поръ Андрей явно показалъ свое намѣреніе сдѣлать Владиміръ, бывшій до того времени только пригородомъ, главнымъ городомъ всей земли и поставить его выше старыхъ городовъ—Ростова и Суздаля. Андрей имѣлъ въ виду то, что въ старыхъ городахъ были старыя преданія и привычки, которыя ограничивали власть князя. Ростовцы и суздальцы избрали Андрея на вѣчѣ. Они считали власть князя ниже своей вѣчевой власти; живя въ Ростовѣ или Суздалѣ, Андрей могъ имѣть постоянныя пререканія и долженъ былъ подлаживаться къ горожанамъ, которые гордились своимъ старѣйшинствомъ. Напротивъ, во Владимірѣ, который ему обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ, своимъ новымъ старѣйшинствомъ надъ землею, воля народная должна была идти объ руку съ волею

---

[1]) По однимъ извѣстіямъ, былъ одинъ куполъ, по другимъ пять; вѣроятнѣе первое, потому что въ тѣ времена обыкновенно строились церкви съ однимъ верхомъ.

князя. Городъ Владиміръ, прежде малый и незначительный, сильно разросся и населился при Андреѣ. Жители его состояли въ значительной степени изъ переселенцевъ, ушедшихъ къ Андрею изъ Южной Руси на новое жительство. На это явно указываютъ названія урочищъ во Владимірѣ; тамъ были: рѣка Лыбедь, Печерный городъ, Золотыя Врата съ церковью надъ ними, какъ въ Кіевѣ, и Десятинная церковь Богородицы; Андрей изъ подражанія Кіеву далъ построенной имъ во Владимірѣ церкви десятину отъ своихъ стадъ и отъ торга и сверхъ того городъ Гороховецъ и села. Андрей строилъ много церквей, основывалъ монастыри, не жалѣлъ издержекъ на украшеніе храмовъ. Кромѣ церкви Успенія, возбуждавшей удивленіе современниковъ великолѣпіемъ и блескомъ иконостаса, паникадилъ, стѣнной живописью и обильною позолотою, онъ построилъ во Владимірѣ монастыри Спасскій, Вознесенскій, соборный храмъ Спаса въ Переяславлѣ, церковь св. Θедора Стратилата, которому онъ приписывалъ свое спасеніе во время одной битвы, когда онъ вмѣстѣ съ отцомъ участвовалъ въ княжескихъ междоусобіяхъ на югѣ,—церковь Покрова при устьѣ Нерли и много другихъ каменныхъ церквей. Андрей приглашалъ для этого мастеровъ съ Запада, а между тѣмъ начало развиваться и русское искусство, такъ что при Андреевѣ преемникѣ русскіе мастера уже безъ пособія иностранцевъ строили и расписывали свои церкви.

Построеніе богатыхъ церквей указываетъ столько же на благосостояніе края, сколько и на политическій тактъ Андрея. Всякая новая церковь была важнымъ событіемъ, возбуждавшимъ вниманіе народа и уваженіе къ ея построителю. Понимая, что духовенство составляло тогда единственную умственную силу, Андрей умѣлъ пріобрѣсть любовь его, а тѣмъ самымъ укрѣплялъ свою власть въ народѣ. Въ пріемахъ его жизни современники видѣли набожнаго и благочестиваго человѣка. Его всегда можно было видѣть въ храмѣ на молитвѣ, со слезами умиленія на глазахъ, съ громкими воздыханіями. Хотя его княжескіе тіуны и даже покровительствуемые имъ духовные позволяли себѣ грабительства и безчинства, но Андрей всенародно раздавалъ милостыню убогимъ, кормилъ чернецовъ и черницъ и за то слышалъ похвалы своему христіанскому милосердію. Нерѣдко по ночамъ онъ входилъ въ храмъ, самъ зажигалъ свѣчи и долго молился передъ образами.

Въ то время къ числу благочестивыхъ подвиговъ князя, составлявшихъ его славу, относились и войны его съ невѣрными. По сосѣдству съ волостью Андрея, на Волгѣ было царство Бол-

гарское. Болгары, народъ финскаго, или, вѣроятнѣе, смѣшаннаго племени, еще въ десятомъ вѣкѣ приняли мугаммеданство Они давно уже жили не въ ладахъ съ русскими, дѣлали набѣги на русскія области, и русскіе князья не разъ ходили биться противъ нихъ; такія битвы считались богоугоднымъ дѣломъ. Андрей два раза воевалъ съ этимъ народомъ, и первый разъ отправился съ войскомъ противъ него въ 1164 году. Онъ взялъ съ собою св. икону Богородицы, привезенную изъ Вышгорода; духовенство шло пѣшее и несло ее подъ знаменами. Самъ князь и все войско передъ походомъ причащались св. Тайнъ. Походъ кончился удачно; князь болгарскій бѣжалъ; русскіе взяли городъ Ибрагимовъ (въ нашихъ лѣтописяхъ Бряхимовъ). Князь Андрей и духовные приписывали эту побѣду чудотворному дѣйствію иконы Богородицы; событіе это поставлено было въ ряду многочисленныхъ чудесъ, истекавшихъ отъ этой иконы, и въ память его было установлено празднество съ водоосвященіемъ, совершаемое до сихъ поръ 1 августа. Патріархъ цареградскій, по желанію Андрея, утвердилъ этотъ праздникъ тѣмъ охотнѣе, что русское торжество совпало съ торжествомъ греческаго императора Мануила, одержавшаго побѣду надъ сарацинами, которую приписывали дѣйствію животворящаго креста и хоругви съ изображеніемъ Христа Спасителя.

Но не такъ благосклонно отнесся къ желанію Андрея патріархъ Лука Хризоверхъ, когда Андрей обратился къ нему съ просьбою посвятить въ митрополиты во Владиміръ своего любимца Θеодора. Этимъ нововведеніемъ Андрей хотѣмъ рѣшительно возвысить Владиміръ, зависѣвшій отъ ростовской епархіи; тогда Владиміръ не только сталъ бы выше Ростова и Суздаля, а получилъ бы еще первенствующее духовное значеніе въ ряду русскихъ городовъ иныхъ земель. Но патріархи, слѣдуя давнему обычаю восточной церкви, не легко и не съ-разу соглашались на всякія измѣненія въ порядкѣ церковнаго управленія. И на этотъ разъ не согласился патріархъ на такую важную перемѣну тѣмъ болѣе, что ростовскій епископъ Несторъ былъ еще въ живыхъ и, преслѣдуемый нелюбившимъ его Андреемъ, бѣжалъ тогда въ Цареградъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, однако, 1168 года, любимецъ Андрея, Θеодоръ, съѣздивъ въ Цареградъ, выхлопоталъ себѣ посвященіе, если не въ санъ митрополита, то въ санъ епископа ростовскаго. По желанію Андрея, онъ хотя числился ростовскимъ, но долженъ былъ жить во Владимірѣ, такъ какъ на это патріархъ далъ дозволеніе. Такимъ образомъ, его любимый Владиміръ, если не могъ въ духовномъ управленіи получить того

первенства въ Руси, которое принадлежало Кіеву, по крайней мѣрѣ, дѣлался выше Ростова, какъ мѣстопребываніе епископа. Любимецъ Андрея, Ѳеодоръ, до того возгордился, что, подобно своему князю, ни во что ставившему Кіевъ, не хотѣлъ знать кіевскаго митрополита: не поѣхалъ къ нему за благословеніемъ и считалъ для себя достаточнымъ поставленіе въ епископы отъ патріарха. Такъ какъ это было нарушеніе давняго порядка на Руси, то владимірское духовенство не хотѣло ему повиноваться; народъ волновался. Ѳеодоръ затворилъ церкви и запретилъ богослуженіе. Если вѣрить лѣтописямъ, то Ѳеодоръ, по этому поводу, принуждая повиноваться своей верховной власти, позволялъ себѣ ужасныя варварства: мучилъ непокорныхъ игуменовъ, монаховъ, священниковъ и простыхъ людей, рвалъ имъ бороды, рубилъ головы, выжигалъ глаза, рѣзалъ языки, отбирая имѣнія у своихъ жертвъ. Хотя лѣтописецъ и говоритъ, что онъ поступалъ такимъ образомъ, не слушая Андрея, посылавшаго его ставиться въ Кіевъ, но трудно допустить, чтобы все это могло происходить подъ властью такого властолюбиваго князя противъ его воли. Если подобныя варварства не плодъ преувеличенія, то они могли совершаться только съ-вѣдома Андрея, или, по крайней мѣрѣ, Андрей смотрѣлъ сквозь пальцы на продѣлки своего любимца и пожертвовалъ имъ только тогда, когда увидѣлъ, что народное волненіе возрастаетъ и можетъ имѣть опасныя послѣдствія. Какъ бы то ни было, Андрей, наконецъ, отправилъ Ѳеодора къ кіевскому митрополиту, который приказалъ отрубить злодѣю правую руку, отрѣзать языкъ и выколоть глаза. Это—по византійскому обычаю.

Андрею не удалось возвысить свой Владиміръ въ церковномъ отношеніи на степень митрополіи. Тѣмъ не менѣе, Андрей въ этомъ отношеніи намѣтилъ заранѣе то, что̀ совершилось впослѣдствіи, при его преемникахъ.

Андрей былъ посаженъ на княженіе всею землею, въ ущербъ правамъ меньшихъ братьевъ, которые должны были княжить тамъ по распоряженію родителя. Рѣшительный въ своихъ дѣйствіяхъ, Андрей предупредилъ всякія со стороны ихъ попытки къ междоусобіямъ, разомъ выгналъ своихъ братьевъ: Мстислава, Василька, восьмилѣтняго Всеволода (1162) и удалилъ отъ себя двухъ племянниковъ Ростиславичей. Братья вмѣстѣ съ своею матерью, греческою царевною, отправились въ Грецію, гдѣ греческій императоръ Мануилъ принялъ ихъ дружелюбно. Это изгнаніе не только не было событіемъ противнымъ землѣ, но даже въ лѣтописяхъ оно приписывается какъ бы земской волѣ. Андрей выгонялъ также

и бояръ, которыхъ не считалъ себѣ достаточно преданными. Такія мѣры сосредоточивали въ его рукахъ единую власть надъ всею Ростовско-Суздальскою землею и черезъ то самое давали этой землѣ значеніе самой сильнѣйшей земли между русскими землями, тѣмъ болѣе, что, будучи избавлена отъ междоусобій, она была въ то время спокойна отъ всякаго внѣшняго вторженія. Но, съ другой стороны, эти же мѣры увеличивали число враговъ Андрея, готовыхъ, при случаѣ, погубить его всѣми возможными средствами.

Забравши въ свои руки власть въ Ростовско-Суздальской землѣ, Андрей ловко пользовался всѣми обстоятельствами, чтобы показывать свое первенство во всей Руси; вмѣшиваясь въ междоусобія, происходившія въ другихъ русскихъ земляхъ, онъ хотѣлъ разрѣшать ихъ по своему произволу. Главною и постоянною цѣлью его дѣятельности было унизить значеніе Кіева, лишить древняго старѣйшинства надъ русскими городами, перенеся это старѣйшинство на Владиміръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ подчинить себѣ вольный и богатый Новгородъ. Онъ добивался того, чтобы, по своему желанію, отдавать эти два важнѣйшихъ города съ ихъ землями въ княженіе тѣмъ изъ князей, которыхъ онъ захочетъ посадить, и которые, въ благодарность за то, будутъ признавать его старѣйшинство. Когда по смерти Юрія Долгорукаго возникъ споръ за Кіевъ между черниговскимъ княземъ Изяславомъ Давидовичемъ и Ростиславомъ, братомъ Изяслава Мстиславича, Андрей мирволилъ Изяславу, хотя прежде этотъ князь былъ врагомъ отца его. Въ 1160 году онъ съѣхался съ нимъ на Волокѣ и умыслилъ выгнать Ростиславова сына Святослава изъ Новгорода. Въ Новгородѣ уже нѣсколько лѣтъ происходила безурядица; призывали и выгоняли то тѣхъ, то другихъ князей. Незадолго до того, еще при Юріѣ, княжилъ тамъ братъ Андрея, Мстиславъ. Въ 1158 году новгородцы прогнали его и призвали сыновей Ростислава, Святослава и Давида: изъ нихъ перваго посадили въ Новгородѣ, а другого въ Торжкѣ, но и противъ нихъ скоро образовалась въ Новгородѣ враждебная партія. Разсчитывая на помощь этой партіи, Андрей послалъ въ Новгородъ такое требованіе: „Да будетъ вамъ вѣдомо, я хочу искать Новгорода добромъ или зломъ; чтобы вы цѣловали мнѣ крестъ имѣть меня своимъ княземъ, а мнѣ вамъ добра хотѣть“. Такой отзывъ усилилъ волненіе въ Новгородѣ, часто стали собираться бурныя вѣча. Сначала новгородцы, руководимые благопріятелями Андрея, придрались къ тому, что Новгородъ содержитъ разомъ двухъ князей, и требовали удаленія Давида изъ Торжка. Святославъ исполнилъ требованіе и выслалъ

брата изъ Новгородской земли, но послѣ того противники его не оставили Святослава въ покоѣ, подущали противъ него народъ и довели до того, что толпа схватила Святослава на Городищѣ и отправила подъ стражею въ Ладогу; его жену заключили въ монастырь св. Варвары; перековали лицъ, составлявшихъ княжескую дружину, имѣніе ихъ разграбили, а потомъ послали просить у Андрея сына на княженіе. Андрей разсчитывалъ давать имъ, по возможности, не тѣхъ князей, какихъ они пожелаютъ, а тѣхъ, какихъ онъ самъ имъ дать захочетъ. Андрей послалъ имъ не сына, а своего племянника Мстислава Ростиславича. Но въ слѣдующемъ году (1161), когда Изяславъ Давидовичъ былъ побѣжденъ Ростиславомъ и убитъ, а Ростиславъ укрѣпился въ Кіевѣ, Андрей поладилъ съ нимъ и приказалъ новгородцамъ взять опять къ себѣ на княженіе того Святослава Ростиславича, котораго они недавно выгнали и притомъ, какъ выражается лѣтописецъ, „на всей волѣ его". Андрею, очевидно, было все равно, тотъ или другой князь будетъ княжить въ Новгородѣ, лишь бы только этотъ князь былъ посаженъ отъ его руки, чтобы такимъ образомъ для новгородцевъ вошло въ обычай получать себѣ князей отъ суздальскаго князя. Въ 1166 году умеръ кіевскій князь Ростиславъ, человѣкъ податливый, подъ-конецъ поладившій съ суздальскимъ княземъ и угождавшій ему. На кіевское княженіе былъ избранъ Мстиславъ Изяславичъ. Кромѣ того, что этотъ князь былъ сынъ ненавистнаго Андрею Изяслава Мстиславича, съ которымъ такъ упорно боролся отецъ его, Андрей лично ненавидѣлъ этого князя, да и Мстиславъ былъ не изъ такихъ, чтобы угождать кому бы то ни было, кто бы вздумалъ показать надъ нимъ власть. У покойнаго Ростислава было пять сыновей: Святославъ, княжившій въ Новгородѣ, Давидъ, Романъ, Рюрикъ и Мстиславъ. Сначала Мстиславъ Изяславичъ былъ съ этими своими двоюродными братьями за-одно, но потомъ, къ большому удовольствію Андрея, между ними дружба стала нарушаться. Началось изъ-за Новгорода. Новгородцы по прежнему не поладили съ своимъ княземъ Святославомъ и прогнали его, а потомъ послали къ кіевскому Мстиславу просить у него сына. Мстиславъ, не желая ссориться съ Ростиславичами, медлилъ рѣшеніемъ. Тѣмъ временемъ оскорбленный Святославъ обратился къ Андрею; за Святослава стали смоленскіе князья, его братья. Къ нимъ присоединялись и полочане, которые прежде не ладили съ Новгородомъ. Тогда Андрей рѣшительно потребовалъ отъ новгородцевъ, чтобы они вновь приняли изгнаннаго ими Святослава: „не будетъ вамъ иного князя, кромѣ этого", приказалъ онъ сказать

имъ и прислалъ на помощь Святославу и его союзникамъ войско противъ Новгорода. Союзники сожгли Новый Торгъ, опустошали новгородскія села и перерѣзали сообщеніе Новгорода съ Кіевомъ, чтобы не дать новгородцамъ сойтись съ Мстиславомъ кіевскимъ. Новгородцы почувствовали оскорбленіе своихъ правъ, увидѣли черезъ-чуръ рѣшительное посягательство на свою свободу, разгорячились и не только не сдались на требованія Андрея, но убили посадника Захарія и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, сторонниковъ Святослава, за тайныя сношенія съ этимъ княземъ, выбрали другого посадника по имени Якуна, нашли возможность дать знать обо всемъ Мстиславу Изяславичу и еще разъ просили у него сына на княженіе. Въ это время кстати кіевскіе бояре Бориславичи успѣли поссорить Мстислава съ двумя Ростиславичами, Давидомъ и Рюрикомъ [1]). Когда вслѣдъ затѣмъ новгородцы снова прислали къ Мстиславу просить сына, онъ уже не колебался и послалъ къ нимъ сына своего Романа. Ростиславичи послѣ этого поступка сдѣлались отъявленными врагами Мстислава. Андрей тотчасъ воспользовался этимъ, чтобы идти на Мстислава. Рязанскіе и муромскіе князья уже прежде были съ Андреемъ за-одно, соединенные войною противъ болгаръ. Полочане вошли съ нимъ въ союзъ по враждѣ къ Новгороду; на Волыни былъ у него союзникъ, дорогобужскій князь Владиміръ, дядя Мстислава, бывшій его соперникомъ за Кіевъ. Андрей тайно снесся съ князьями сѣверскимъ Олегомъ и Игоремъ; въ Переяславлѣ Русскомъ близъ Днѣпра княжилъ братъ Андрея, Глѣбъ, неизмѣнно ему преданный; съ Глѣбомъ былъ также другой братъ, молодой Всеволодъ, вернувшійся изъ Цареграда и получившій княженіе въ Остерскомъ Городцѣ въ Южной Руси. Всего, такимъ обра-

[1]) Ссора началась изъ-за того, что слуги Ростиславичей украли Мстиславовыхъ коней и наложили на нихъ свои клейма. Бояре Бориславичи, Петръ и Несторъ, увѣрили Давида, что Мстиславъ въ отмщеніе за то хочетъ, зазвавши ихъ на обѣдъ, взять подъ стражу. Черезъ нѣсколько времени Мстиславъ дѣйствительно призвалъ на обѣдъ Давида и Рюрика. Эти князья, возбужденные наговорами бояръ, прежде всего потребовали, чтобы Мстиславъ поцѣловалъ крестъ, что имъ не будетъ ничего дурного. Мстиславъ обидѣлся, оскорбилась за него и его дружина: „не годится тебѣ крестъ цѣловать,—говорили его дружинники: —безъ нашего вѣдома тебѣ нельзя было ни замыслить, ни сдѣлать того, что они говорятъ, а мы всѣ знаемъ твою истинную любовь къ братьямъ, вѣдаемъ, что ты правъ передъ Богомъ и людьми. Пошли имъ и скажи: я цѣлую вашъ крестъ въ томъ, что не мыслилъ ничего дурного противъ васъ, только вы мнѣ выдайте того, кто на меня клевещетъ“. Обѣ стороны поцѣловали на этомъ другъ другу крестъ, но Давидъ потомъ не исполнилъ желаніе Мстислава. „Если я выдамъ тѣхъ, которые мнѣ говорили,—сказалъ онъ, то впередъ мнѣ никто ничего не скажетъ“. Отъ этого возникла холодность между Мстиславомъ и Ростиславичами.

зомъ, было до 11-ти князей съ ихъ дружинами и ратью. Суздальскимъ войскомъ предводительствовалъ сынъ Андрея, Мстиславъ и бояринъ Борисъ Жидиславичъ. На сторонѣ Мстислава былъ братъ Андрея, Михаилъ, княжившій въ Торжкѣ; не предвидя противъ себя ополченія, Мстиславъ Изяславичъ отправилъ его съ берендѣями на помощь къ сыну въ Новгородъ; но Романъ Ростиславичъ перерѣзалъ ему путь и взялъ въ плѣнъ.

Подручники Андрея съ войсками разныхъ русскихъ земель сошлись въ Вышгородѣ и, въ началѣ марта, заложили станъ подъ Кіевомъ, близъ Кирилловскаго монастыря, и, раздвигаясь, окружили весь городъ. Вообще кіевляне никогда и прежде не выдерживали осады и обыкновенно сдавались князьямъ, приходившимъ добывать Кіевъ силою. И теперь у нихъ достало выдержки только на три дня. Берендѣи и торки, стоявшіе за Мстислава Изяславича, склонны были къ измѣнѣ. Когда враги стали сильно напирать въ тылъ Мстиславу Изяславичу, кіевская дружина сказала ему: „что, князь, стоишь; намъ ихъ не пересилить“. Мстиславъ бѣжалъ въ Василевъ, не успѣвши взять съ собою жену и сына. За нимъ гнались, по немъ стрѣляли. Кіевъ былъ взятъ 12 марта, въ среду на второй недѣлѣ поста 1169 года, весь разграбленъ и сожженъ въ продолженіи двухъ дней. Не было пощады ни старымъ, ни малымъ, ни полу, ни возрасту, ни церквамъ, ни монастырямъ. Зажгли даже Печерскій монастырь. Вывезли изъ Кіева не только частное имущество, но иконы, ризы и колокола. Такое свирѣпство дѣлается понятнымъ, когда мы вспомнимъ, какъ за двѣнадцать лѣтъ передъ тѣмъ кіевляне перебили у себя всѣхъ суздальцевъ послѣ смерти Юрія Долгорукаго; конечно, между суздальцами были люди, мстившіе теперь за своихъ родственниковъ; что же касается до черниговцевъ, то у нихъ уже была давняя вражда къ Кіеву, возраставшая отъ долгой вражды между Мономаховичами и Ольговичами.

Андрей достигъ своей цѣли. Древній Кіевъ потерялъ свое вѣковое старѣйшинство. Нѣкогда городъ богатый, заслуживавшій отъ посѣщавшихъ его иностранцевъ названіе второго Константинополя, онъ уже и прежде постоянно утрачивалъ свой блескъ отъ междоусобій, а теперь былъ ограбленъ, сожженъ, лишенъ значительнаго числа жителей, перебитыхъ или отведенныхъ въ неволю, поруганъ и посрамленъ отъ другихъ русскихъ земель, которыя какъ будто мстили ему за прежнее господство надъ ними. Андрей посадилъ въ немъ своего покорнаго брата Глѣба, съ намѣреніемъ и напередъ сажать тамъ такого князя, какого ему будетъ угодно дать Кіеву.

Раздѣлавшись съ Кіевомъ, Андрей послѣдовательно хотѣлъ раздѣлаться и съ Новгородомъ. Тѣ же князья, которые ходили съ нимъ на Кіевъ, съ тѣми же ратями, которыя уничтожили древнюю столицу Русской земли, пошли на сѣверъ съ тѣмъ, чтобы приготовить ту же судьбу и Новгороду, какая постигла Кіевъ. „Не будемъ говорить — разсуждаетъ суздальскій лѣтописецъ, преданный Андрею и его политикѣ—что новгородцы правы, что они издавна отъ прародителей князей нашихъ свободны; а еслибъ и такъ было, то развѣ прежніе князья велѣли имъ преступать крестное цѣлованіе и ругаться надъ внуками и правнуками ихъ?“ Уже въ трехъ церквахъ новгородскихъ на трехъ иконахъ плакала Пресв. Богородица: она предвидѣла бѣду, собиравшуюся надъ Новгородомъ и его землею; она молила Сына своего не предавать новгородцевъ погибели какъ Содомъ и Гоморру, но помиловать ихъ какъ ниневитянъ. Зимою 1170 года явилась грозная рать подъ Новгородомъ—суздальцы, смольняне, рязанцы, муромцы и полочане. Въ теченіи трехъ дней они устраивали острогъ около Новгорода, а на четвертый начали приступъ. Новгородцы бились храбро, но потомъ стали ослабѣвать. Враги Новгорода, надѣясь на побѣду, заранѣе въ предположеніяхъ дѣлили между собою по жребію новгородскія улицы, женъ и дѣтей новгородскихъ, подобно тому, какъ это сдѣлали съ кіевлянами; но въ ночь со вторника на среду второй недѣли поста,— какъ гласитъ преданіе, — новгородскій архіепископъ Іоаннъ молился передъ образомъ Спаса и услышалъ гласъ отъ иконы: „Иди на Ильину улицу въ церковь Спаса, возьми икону Пресвятой Богородицы и вознеси на забрало (платформу) стѣны, и она спасетъ Новгородъ“. На другой день Іоаннъ съ новгородцами вознесъ икону на стѣну у Загороднаго конца между Добрыниной и Прусской улицами. Туча стрѣлъ посыпалась на него; икона обратилась назадъ; изъ глазъ ея потекли слезы и упали на фелонь епископа. На суздальцевъ нашло одурѣніе: они пришли въ безпорядокъ и стали стрѣлять другъ въ друга. Такъ гласитъ преданіе. Князь Романъ Мстиславичъ къ вечеру 25 февраля съ новгородцами побѣдилъ суздальцевъ и ихъ союзниковъ. Современный лѣтописецъ, разсказывая объ этомъ событіи, ничего не говоритъ объ иконѣ, но приписываетъ побѣду „силѣ честнаго креста, заступленію Богородицы и молитвамъ владыки“. Враги бѣжали. Новгородцы наловили такъ много суздальцевъ, что продавали ихъ за безцѣнокъ [по 2 нагаты] [1]). Легенда объ избавле-

[1]) Въ гривнѣ 20 нагатъ. По исчисленію Карамзина, 6 нагатъ приблизительно равняются 50 коп. Т. II, прим. 79.

ніи Новгорода имѣла важное значеніе на будущія времена, поддерживая нравственную силу Новгорода къ борьбѣ его съ суздальскими князьями. Впослѣдствіи она приняла даже общее церковное во всей Руси значеніе: икона, которой приписывали чудотворное избавленіе Новгорода отъ рати Андрея, сдѣлалась подъ именемъ Знаменской одною изъ первоклассныхъ иконъ Божьей Матери, уважаемыхъ всей Русью. Праздникъ въ честь ея былъ установленъ новгородцами 27 ноября; праздникъ этотъ и до сихъ поръ соблюдается православною русскою церковью.

Вскорѣ, однако, вражда остыла и новгородцы поладили съ Андреемъ. На слѣдующій же годъ они не взлюбили Романа Мстиславича и прогнали отъ себя. Тогда былъ неурожай и сдѣлалась дороговизна въ Новгородѣ. Новгородцамъ нужно было получать хлѣбъ изъ Суздальской области, и это было главною причиною скораго мира съ Андреемъ. Съ его согласія, они взяли себѣ въ князья Рюрика Ростиславича, а въ 1172 году, прогнавъ его отъ себя, выпросили у Андрея сына Юрія. Новгородъ всетаки остался въ выигрышѣ въ томъ отношеніи, что Андрей долженъ былъ показывать уваженіе къ правамъ Новгорода и хотя посылалъ ему князей, но уже не иначе, какъ на всей волѣ новгородской.

Несмотря на пораженіе, нанесенное Кіеву, Андрею пришлось еще разъ посылать туда войско съ цѣлью удержать его въ своей власти. Посаженный имъ князь Глѣбъ умеръ. Съ согласія Ростиславичей Кіевъ захватилъ-было дядя ихъ Владиміръ Дорогобужскій, бывшій союзникъ Андрея, но Андрей приказалъ ему немедленно выѣхать и объявилъ, что уступаетъ Кіевъ Роману Ростиславичу, князю кроткаго и покорнаго нрава. „Вы назвали меня отцомъ—приказалъ Андрей сказать Ростиславичамъ,—хочу вамъ добра и даю Роману, брату вашему, Кіевъ". Черезъ нѣсколько времени Андрей задумалъ прогнать Романа Ростиславича: былъ ли онъ недоволенъ Ростиславичами, находя, что они зазнаются, или же просто намѣревался посадить туда брата, и потому нужно было ему ихъ выгнать,—какъ бы то ни было, только онъ придрался къ этимъ князьямъ, послалъ къ нимъ своего мечника Михна съ требованіемъ выдачи Григорія Хотовича и двухъ другихъ лицъ; „они—говорилъ онъ—уморили брата моего Глѣба; они всѣ намъ враги". Ростиславичи, зная, что со стороны Андрея это не болѣе какъ придирка, не рѣшились выдать людей, которыхъ считали невиновными, и дали имъ средства спастись. Этого только и нужно было Андрею. Онъ писалъ имъ такое грозное слово: „если не живете по моей волѣ, то ты, Рюрикъ, ступай

вонъ изъ Кіева, а ты, Давидъ, ступай изъ Вышегорода, а ты, Мстиславъ, изъ Бѣлагорода; остается вамъ Смоленскъ; тамъ себѣ дѣлитесь какъ знаете". Романъ повиновался и уѣхалъ въ Смоленскъ. Андрей отдалъ Кіевъ брату Михаилу, съ которымъ помирился. Михаилъ остался пока въ Торческѣ, гдѣ находился прежде на княженіи и послалъ въ Кіевъ брата своего Всеволода съ племянникомъ Ярополкомъ Ростиславичемъ. Но другіе Ростиславичи не были такъ безгласны, какъ Романъ. Они отправили къ Андрею посла съ объясненіями; но Андрей не далъ отвѣта. Тогда они ночью вошли въ Кіевъ, схватили Всеволода и Ярополка, осадили самого Михаила въ Торческѣ, принудили его отказаться отъ Кіева и довольствоваться Переяславлемъ, который ему уступили, а сами возвратились въ Кіевъ и посадили на кіевскомъ столѣ одного изъ своей среды, Рюрика Ростиславича. Самъ непостоянный Михаилъ, котораго Андрей прочилъ въ Кіевъ, отступилъ снова отъ Андрея и присталъ къ Ростиславичамъ, также какъ онъ противъ Андрея и Ростиславичей уже стоялъ за Мстислава Изяславича. Андрей, услыхавши обо всемъ этомъ, сильно разгнѣвался, а тутъ кстати пришло къ нему предложеніе подать помощь противъ Ростиславичей: черниговскій князь Святославъ Всеволодовичъ, помышлявшій во время сумятицы овладѣть Кіевомъ, подстрекалъ Андрея на Ростиславичей; за-одно съ нимъ были и другіе князья, Ольговичи. Посолъ, присланный отъ имени этихъ князей, говорилъ Андрею: „кто тебѣ ворогъ, тотъ и намъ ворогъ; мы съ тобой готовы".

Гордый Андрей призвалъ своего мечника Михна и сказалъ: „поѣзжай къ Ростиславичамъ, скажи имъ вотъ что: вы не поступаете по моей волѣ; за это ты, Рюрикъ, ступай въ Смоленскъ къ брату, въ свою отчину, а ты, Давидъ, ступай въ Берладъ, не велю тебѣ быть въ Русской землѣ; а Мстиславу скажи такъ: ты всему зачинщикъ: я не велю тебѣ быть въ Русской землѣ".

Михно передалъ Ростиславичамъ порученіе своего князя. Всѣхъ болѣе не стерпѣлъ этой рѣчи Мстиславъ. „Онъ — говоритъ современникъ—отъ юности своей не привыкъ никого бояться, кромѣ единаго Бога!" Онъ приказалъ остричь Михну волосы на головѣ и бородѣ и сказалъ: „ступай къ своему князю и передай отъ насъ своему князю вотъ что: мы тебя до сихъ поръ считали отцомъ и любили, ты же прислалъ къ намъ такія рѣчи, что считаешь меня не княземъ, а подручникомъ и простымъ человѣкомъ; дѣлай, что̀ замыслилъ. Богъ всему судья"!

Андрей пришелъ въ ярость, когда увидѣлъ остриженнаго Михна и услышалъ, что̀ сказалъ Мстиславъ. Большое ополченіе

Суздальской земли—ростовцы, суздальцы, владимірцы, переяславцы, бѣлозерцы, муромцы и рязанцы, подъ главнымъ начальствомъ сына Андрея, Юрія и боярина Жидиславича, пошло въ путь. Андрей, отправляя ихъ, говорилъ: „Изгоните Рюрика и Давида изъ моей отчины, а Мстислава возьмите: ничего ему не дѣлайте и привезите ко мнѣ“. Къ нимъ пристали новгородцы. Они шли черезъ Смоленскую землю; бѣдный Романъ, видя у себя такихъ гостей, не могъ сопротивляться и долженъ былъ, по требованію Андрея, послать съ ними своихъ смольнянъ. Вся эта сила вступила въ Черниговскую землю и тамъ соединился съ нею Святославъ Всеволодовичъ съ братьями. Съ другой стороны, Андрей подвинулъ на Кіевъ силы Полоцкой земли: туровскихъ, пинскихъ и городенскихъ князей, подчиненныхъ Полоцку. Михаилъ Юрьевичъ отступилъ отъ Ростиславичей и вмѣстѣ со Всеволодомъ и двумя племянниками поспѣшилъ овладѣть Кіевомъ. Ростиславичи не препятствовали ему. Рюрикъ заперся въ Бѣлгородѣ, Мстиславъ въ Вышгородѣ, а Давида послали въ Галичъ просить помощи у Ярослава (Осмомысла). Все ополченіе главнымъ образомъ напирало на Вышгородъ, чтобы взять Мстислава, какъ приказалъ Андрей. Много было крику, шуму, треску, пыли, мало убитыхъ, но много раненыхъ. 9 недѣль стояло это ополченіе. Двоюродный братъ Ростиславичей, Ярославъ Изяславичъ Луцкій, пришедшій со всею Волынскою землею, искалъ для себя старѣйшинства и кіевскаго стола, чего добивался также Святославъ Всеволодовичъ черниговскій, старѣйшій князь въ ополченіи. Самого Андрея здѣсь не было, чтобы рѣшить этотъ споръ своею могучею волею; а всѣ эти князья, сами того не сознавая, только затѣмъ и явились подъ Вышгородъ, чтобы дать возможность Андрею назначить въ Кіевъ такого князя, какого ему будетъ угодно. Ярославъ, не поладивши съ Святославомъ Всеволодовичемъ, отступился отъ союзниковъ, передался къ Ростиславичамъ и двинулся къ Бѣлгороду, чтобы, соединившись съ Рюрикомъ Ростиславичемъ, ударить на осаждающихъ. Въ то же время союзникамъ угрожало прибытіе галичанъ, по призыву Давида, на помощь Ростиславичамъ. Съ своей стороны большая часть союзниковъ не имѣла ни поводовъ, ни охоты продолжать упорную войну. Смольняне завлечены были совершенно поневолѣ. Новгородцы, всегда безпокойные и перемѣнчивые, легко охладѣвали къ дѣлу, къ которому приступили мимоходомъ: вѣроятно, также полочане и другія ополченія изъ бѣлорусскихъ городовъ не отличались особеннымъ рвеніемъ, такъ какъ для нихъ въ то время былъ совершенно безразличенъ вопросъ о томъ, кому будетъ принадле-

жать Кіевъ. Все это вмѣстѣ было причиною того, что какъ только союзники увидали, что сила ихъ враговъ возрастаетъ, то въ станѣ ихъ сдѣлался переполохъ и они ночью, передъ разсвѣтомъ, бѣжали въ такомъ безпорядкѣ, что многіе, переправляясь черезъ Днѣпръ, утонули. Мстиславъ сдѣлалъ вылазку, погнался за ними, овладѣлъ ихъ обозомъ и захватилъ плѣнныхъ. Эта побѣда надъ двадцатью князьями и силами столькихъ земель прославила Мстислава Ростиславича между своими современниками и дала ему названіе Храбраго. „Такъ-то,—говоритъ лѣтописецъ,—князь Андрей какой былъ умникъ во всѣхъ дѣлахъ, а погубилъ смыслъ свой невоздержаніемъ: распалился гнѣвомъ, возгордился и напрасно похвалился; а похвалу и гордость діаволъ вселяетъ въ сердце человѣку".

Кіевъ былъ уступленъ Ростиславичами Ярославу Луцкому, который, какъ и слѣдовало ожидать, не долго просидѣлъ въ немъ, и бѣдная старая столица опять начала переходить изъ рукъ въ руки. Но судьба ея не зависѣла уже отъ воли суздальскихъ князей, какъ это хотѣлось Андрею. Въ слѣдующемъ году Ростиславичи готовы были помириться съ Андреемъ, если только на кіевскомъ престолѣ сядетъ братъ ихъ Романъ. Андрею, конечно, было бы пріятнѣе видѣть тамъ покорнаго себѣ Романа, чѣмъ ненавистную вѣтвь Изяслава Мстиславича или Ольговичей, родовыхъ враговъ Мономахова племени: вѣроятно, и Ростиславичи имѣли это въ виду, вступивши съ Андреемъ въ сношенія. Но Андрей медлилъ рѣшительнымъ отвѣтомъ. „Подождите немного,— сказалъ онъ, — пошлю къ братьямъ своимъ на Русь". Андрей, какъ видно, не рѣшилъ въ своемъ умѣ, въ чью пользу высказать приговоръ. Неожиданная насильственная смерть пресѣкла всѣ его планы.

При всемъ своемъ умѣ, хитрости, изворотливости, Андрей не установилъ ничего прочнаго въ русскихъ земляхъ. Единственнымъ побужденіемъ всей его дѣятельности было властолюбіе; ему хотѣлось создать около себя такое положеніе, въ которомъ бы онъ могъ перемѣщать князей съ мѣста на мѣсто, какъ пѣшки, посылать ихъ съ дружинами туда и сюда, по своему произволу, принуждать дружиться между собою и ссориться и заставить ихъ всѣхъ волею-неволею признавать себя старѣйшимъ и первенствующимъ. Для этой цѣли онъ довольно ловко пользовался неопредѣленными и часто безсмысленными отношеніями князей, существовавшею розныю между городами и землями, возбуждалъ и разжигалъ страсти партій; въ этомъ случаѣ ему оказывали услугу и новгородскія внутреннія неурядицы, и неурожаи Новгородской

земли, и давнее отчужденіе Полоцкой земли отъ другихъ русскихъ земель, и родовая непріязнь Ольговичей и Мономаховичей, и неожиданныя вспышки въ родѣ ссоры Ростиславичей со Мстиславомъ Изяславичемъ. Болѣе же всего помогли ему тѣ дикія противогражданственныя свойства еще неустановившагося общества, при которыхъ люди не умѣютъ согласить личныя цѣли съ общественными, и легко можно расшевелить страсти надеждою на взаимный грабежъ: все это однако были временныя средства и потому имѣли временный характеръ. Кромѣ желанія лично властвовать надъ князьями, у Андрея едва ли былъ какой-нибудь идеалъ новаго порядка для русскихъ земель. Что же касается до его отношеній къ собственно Суздальско-Ростовской волости, то онъ смотрѣлъ на нее какъ будто на особую землю отъ остальной Руси, но которая, однако, должна властвовать надъ Русью. Такимъ образомъ онъ заботился о благосостояніи своей земли, старался обогатить ее религіозною святынею и въ то же время предалъ на разореніе Кіевъ со всѣмъ тѣмъ, чтò было тамъ изстари святого для всей Руси. Въ какой степени оцѣнила его заботы сама Суздальско-Ростовская земля, показываетъ его смерть.

Властолюбивый князь, изгнавши братьевъ и тѣхъ бояръ, которые недостаточно ему повиновались, правилъ въ своей землѣ самовластно, забывши, что онъ былъ избранъ народомъ, отягощалъ народъ поборами черезъ своихъ посадниковъ и тіуновъ и по произволу казнилъ смертью всякаго, кого хотѣлъ. Ужасныя варварства, сообщаемыя лѣтописями объ епископѣ Ѳеодорѣ, его любимцѣ, достаточно бросаютъ мрачную тѣнь на эпоху Андреева княженія, если бы даже половина того, чтò разсказывалось, была правда. Андрей, какъ видно, часъ отъ часу становился болѣе и болѣе жестокимъ. Онъ постоянно жилъ въ селѣ Боголюбовѣ; тамъ постигъ его конецъ. Былъ у него любимый слуга Якимъ Ку́чковичъ. Князь приказалъ казнить его брата. Якимъ сталъ говорить своимъ пріятелямъ: „Сегодня того, другого казнилъ, а завтра казнитъ и насъ: раздѣлаемся-ка съ этимъ княземъ!“ Въ пятницу, 28 іюня 1175 года, собрался совѣтъ въ домѣ Ку́чкова зятя, Петра. Было тамъ человѣкъ 20 и въ числѣ ихъ ключникъ Андрея Амбалъ, родомъ ясинъ (ясы—народъ кавказскаго племени; полагаютъ, что это кабардинцы), и еврей, Ефремъ Моизичъ. Замѣчательно (какъ вообще черта подобныхъ людей), что приближенными Андрея были иноземцы: чувствуя, что свои имѣютъ поводъ не любить его, онъ, конечно, думалъ обезопасить себя этимъ средствомъ—и ошибся. На совѣтѣ порѣшили убить князя въ эту же ночь. Андрей, по извѣстію одной лѣтописи, спалъ

одинъ, заперши дверь, а по другимъ, близъ него находился кощей (мальчикъ). Заговорщики, отправляясь на свое дѣло, зашли прежде въ медушу (погребъ), напились для смѣлости вина и потомъ направились къ ложницѣ Андрея.

— „Господине, господине!“ сказалъ одинъ, толкаясь въ дверь.

— „Кто тамъ?“ откликнулся Андрей.

— „Прокопій“, отвѣчали ему. Прокопій былъ вѣрный слуга Андрея.

— „Нѣтъ, паробче, ты не Прокопій“, отвѣтилъ, догадавшись, Андрей и бросился искать меча. Былъ у него мечъ св. Бориса, которому онъ приписывалъ особую силу, но меча при немъ не оказалось: Амбалъ ключникъ заранѣе унесъ его.

Заговорщики выломали дверь и бросились на Андрея. Князь былъ силенъ, началъ бороться съ ними. Въ-потьмахъ убійцы ранили одного изъ своихъ, но потомъ, различивши князя, поражали его мечами, саблями и копьями. Думая, что уже покончили съ нимъ, они ушли, но князь, собравши послѣднія силы, выскочилъ за ними, спустился съ лѣстницы и спрятался подъ сѣни. Убійцы услышали его стоны.

„Князь сошелъ съ сѣней внизъ“, закричалъ одинъ.

„Посмотримъ“, сказали другіе и бросились назадъ въ ложницу. Князя тамъ не было.

„Мы погибли,—закричали, они—скорѣе, скорѣе ищите его!“

Зажгли поспѣшно свѣчи и по слѣдамъ крови на лѣстницѣ нашли князя; онъ сидѣлъ, прижавшись за лѣстничнымъ столбомъ, и молился.

Петръ Кучковичъ отсѣкъ ему правую руку. Князь успѣлъ проговорить: „Господи, въ руки твои предаю духъ мой!—и окончилъ жизнь.

Уже разсвѣтало. Убійцы нашли Прокопія, княжескаго любимца, и убили его. Оттуда опять взошли они на сѣни, набрали золота, драгоцѣнныхъ камней, жемчуга, разнаго имущества и отправили, взложивши на коней приготовленныхъ ихъ соумышленниками, а сами, надѣвъ на себя княжеское вооруженіе, собрали своихъ: „Что — говорили они—если на насъ пріѣдетъ дружина владимірская?“ — „Пошлемъ во Владиміръ“, порѣшили злоумышленники.

Они послали къ владимірцамъ, извѣщали о случившемся и велѣли сказать: „Если кто изъ васъ что-нибудь помыслитъ на насъ, то мы съ тѣми покончимъ. Не у насъ однихъ была дума; и ваши есть въ одной думѣ съ нами“.

Владимірцы отвѣчали: „кто съ вами въ думѣ, тотъ съ вами пусть и будетъ, а наше дѣло сторона".

Весь домъ Андрея былъ разграбленъ. Такъ поступали сообразно тогдашнимъ обычаямъ и понятіямъ. Имущество казненнаго общею волею все отдавалось на „потокъ и разграбленіе". Обнаженное тѣло князя было выброшено въ огородъ.

Былъ между слугами князя одинъ кіевлянинъ Кузьмище. Узнавши, что князь убитъ, онъ ходилъ и спрашивалъ то того, то другого: „Гдѣ мой господинъ?"

Ему отвѣчали: „Вонъ тамъ въ огородѣ лежитъ, да не смѣй его трогать. Это тебѣ всѣ говорятъ: хотимъ его бросить собакамъ. А кто приберетъ его, тотъ нашъ врагъ и того убьемъ".

Но Кузьмище не испугался угрозъ, нашелъ тѣло князя и началъ голосить надъ нимъ.

Къ нему шелъ Амбалъ.

„Амбалъ, врагъ! — закричалъ, завидѣвши его, Кузьмище — сбрось коверъ или чтò-нибудь—постлать, или чѣмъ-нибудь прикрыть нашего господина!"

„Прочь—сказалъ Амбалъ—мы его выбросимъ псамъ".

„Ахъ, ты еретикъ—воскликнулъ Кузьмище:—какъ псамъ выбросить? А помнишь-ли, жидъ, въ какомъ платьѣ ты пришелъ сюда? Ты весь въ бархатѣ стоишь, а князь лежитъ голый! Сдѣлай-же милость, брось что-нибудь".

Амбалъ бросилъ ему коверъ и корзно (верхній плащъ). Кузьмище обернулъ ими тѣло убитаго и пошелъ въ церковь.

„Отоприте божницу!" сказалъ Кузьмище людямъ, которыхъ тамъ встрѣтилъ. Эти люди были уже на-радости пьяны. Они отвѣчали: „брось его тутъ въ притворѣ. Вотъ нашелъ еще себѣ печаль съ нимъ!"

Кузьмище положилъ тѣло въ притворѣ, покрывъ его корзномъ, и причитывалъ надъ нимъ такъ:

„Уже, господине, тебя твои паробки не знаютъ, а прежде, бывало, гость придетъ изъ Царьграда или изъ иныхъ сторонъ Русской земли, а то хоть и латининъ, христіанинъ-ли, поганый, ты бывало, скажешь: поведите его въ церковь и на полаты, пусть видятъ всѣ истинное христіанство и крестятся; и болгары, и жиды, и всякая погань—всѣ, видѣвшіе славу Божію и церковное украшеніе, плачутъ о тебѣ, а эти не велятъ тебя въ церкви положить".

Тѣло Андрея лежало два дня и двѣ ночи въ притворѣ. Духовенство не рѣшалось отпереть церковь и совершать надъ нимъ

панихиды. На третій день пришелъ игуменъ монастыря Козьмы и Даміана, обратился къ боголюбскимъ клирошанамъ и говорилъ:

„Долго ли намъ смотрѣть на старѣйшихъ игуменовъ? Долго-ли этому князю такъ лежать? Отомкните божницу, я отпою его; вложимъ его въ гробъ, пусть лежитъ здѣсь, пока злоба перестанетъ: тогда пріѣдутъ изъ Владиміра и понесутъ его туда“.

По совѣту его, отперли церковь, положили тѣло въ каменный гробъ, пропѣли надъ нимъ панихиду. Этому, какъ видно, никто уже не мѣшалъ.

Между тѣмъ, оказалось, что убійцы совершили поступокъ, угодный очень многимъ. Правленіе Андрея было ненавидимо. Народъ, услыхавши, что его убили, бросился не на убійцъ, а, напротивъ, сталъ продолжать начатое ими. Боголюбовцы разграбили весь княжій домъ, въ которомъ накоплено было золота, серебра, дорогихъ одеждъ, перебили его дѣтскихъ и мечниковъ (посыльныхъ и стражу), досталось и мастерамъ, которыхъ собиралъ Андрей, заказывая имъ работу.

Грабежъ происходилъ и во Владимірѣ, но тамъ одно духовное лицо, по имени Микулица (быть можетъ, тотъ самый попъ Никола, который помогъ въ 1155 году Андрею похитить въ Вышгородѣ икону Богородицы), въ ризахъ прошелъ по городу съ чудотворною иконою; это произвело такое впечатлѣніе, что волненіе улеглось. Вѣсть объ убіеніи Андрея скоро разошлась по землѣ: вездѣ народъ волновался, нападалъ на княжескихъ посадниковъ и тіуновъ, которые всѣмъ омерзѣли способами своего управленія; ихъ домы ограбили, а иныхъ и убили.

Не ранѣе какъ черезъ шесть дней послѣ смерти князя, владимірцы, какъ-бы опомнившись, порѣшили привезти тѣло убитаго. 5 іюля они отправили игумена Богородицкаго монастыря Ѳеодула, съ деместникомъ (уставщикомъ) Лукою и съ носильщиками за тѣломъ въ Боголюбово, а Микулицѣ сказали: „собери всѣхъ поповъ, облачитесь въ ризы, станьте съ образомъ Богородицы передъ Серебряными воротами и ждите князя!“—Серебряными воротами назывались тѣ ворота города, которыя выходили на дорогу въ Боголюбово; съ противоположной стороны были Золотыя ворота.

Народная толпа вышла изъ города. Когда похоронное шествіе стало приближаться, показалось княжеское знамя, послышалось погребальное пѣніе, тогда злоба уступила мѣсто печали; вспомнили, что за умершимъ были не одни дурныя дѣла, но

были и добрыя, вспомнили его усердіе къ храмамъ, и оплакивали князя.

Его погребли въ церкви Богородицы. Несомнѣнно, что ненависть къ Андрею не была удѣломъ одной незначительной партіи, но была раздѣляема народомъ. Иначе нельзя объяснить того обстоятельства, что тѣло князя оставалось непогребеннымъ цѣлую недѣлю, и народъ, услыхавши о насильственной смерти своего князя, обратился не на убійцъ его, а на его довѣренныхъ и слугъ.

Ростовцы и суздальцы, въ особенности первые, были недовольны Анреемъ за предпочтеніе, оказываемое городу Владиміру, и чувство досады тотчасъ прорвалось послѣ смерти Андрея. Первые пригласили племянниковъ Андрея, Ростиславичей, которые, не смѣя явиться во владѣніяхъ дяди, проживали въ Рязанской землѣ; а владимірцы пригласили брата Андреева Михаила, проживавшаго въ Черниговѣ. Дошло-было дѣло до междоусобія; ростовцы взяли верхъ, принудили владимірцевъ принять одного изъ Ростиславичей, Ярополка, и отзывались о владимірцахъ такъ: „Они наши холопы и каменьщики: мы ихъ городъ сожжемъ или посадника въ немъ отъ себя посадимъ". Но посаженные князья Ростиславичи, угождая однимъ ростовцамъ, вооружили противъ себя несправедливыми поборами и владимірцевъ, и всю землю. „Мы вольныхъ князей принимаемъ къ себѣ", говорили владимірцы. По этой причинѣ, когда владимірцы прогнали отъ себя Ярополка Ростиславича и снова пригласили къ себѣ Михаила, то вся земля была на сторонѣ города Владиміра. Михаилъ вскорѣ умеръ и владимірцы на вѣчѣ выбрали меньшого сына Юрія Долгорукаго, Всеволода (крестное имя его было Димитрій). Ростовцы попытались подняться противъ него съ Ростиславичами, но неудачно. За Ростиславичей пошелъ противъ Всеволода рязанскій князь Глѣбъ, однако, былъ разбитъ на-голову и взятъ къ плѣнъ вмѣстѣ съ Ростиславичами и ростовскими боярами, которые ихъ поддерживали. Глѣбъ умеръ въ тюрьмѣ. Озлобленіе владимірцевъ противъ Ростиславичей было такъ велико, что они покусились-было ослѣпить ихъ противъ воли Всеволода. Причина этого озлобленія объясняется тѣмъ, что Ростиславичи, вмѣстѣ съ рязанцами, навели на землю половцевъ. Съ тѣхъ поръ волненія надолго утихаютъ въ Ростовско-Суздальской землѣ. По всему видно, что и въ Ростовѣ партія, ненавидѣвшая городъ Владиміръ, искавшая власти и первенства надъ всею землею, состояла главнымъ образомъ изъ бояръ, которые не могли пріобрѣсти любви всего народа и увлечь его за собою. Въ самомъ Ростовѣ жители вязали

бояръ и отдавали ихъ Всеволоду. Послѣ того, какъ съ пораженіемъ рязанцевъ разсѣяна была партія ростовскихъ бояръ, враждебная Всеволоду, Ростовъ оставался спокоенъ. Всеволодъ княжилъ долго (до 1212 года) и во многомъ продолжалъ политику Андрея, хотя поступалъ съ гораздо большею умѣренностью и мягкостью. Въ Ростовско-Суздальской землѣ онъ былъ вообще любимъ народомъ. По отношенію къ Новгороду, онъ пользовался всѣми обстоятельствами, чтобы поддерживать свое первенство и вліяніе надъ нимъ. Но онъ уступалъ новгородцамъ въ случаѣ крайняго упорства съ ихъ стороны и всегда показывалъ видъ, что уважаетъ новгородскую волю. Замѣчательно, при этомъ, что Всеволодъ въ дѣлахъ съ Новгородомъ долженъ былъ прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ не по личному побужденію, а по желанію дружины. Такимъ образомъ, когда онъ, не поладивши съ новгородцами, осадилъ Торжокъ и уже готовъ былъ отступить и помириться, дружина кричала: „князь, мы не цѣловаться съ ними пришли", и Торжокъ былъ взятъ и сожженъ. По многимъ чертамъ видно, что мысль о подчиненіи Новгорода была мыслью всей Ростовско-Суздальской земли, а не однихъ князей ея, и оттого-то впослѣдствіи новгородцы съ такимъ озлобленіемъ воевали не съ одними князьями, а вообще съ суздальцами и ненавидѣли ихъ даже тогда, когда ладили съ ихъ князьями. Съ другой стороны, Всеволодъ поддерживалъ первенство надъ рязанскими князьями, а въ 1208 году, воспользовавшись безурядицей въ Рязанской землѣ, посадилъ тамъ сына своего Ярослава. Но такъ какъ разомъ съ этимъ княземъ наводнили Рязанскую землю суздальцы и взяли въ свои руки все управленіе, то рязанцы, которые сами прежде выдали Всеволоду своихъ князей и добровольно выбрали Ярослава, вышли изъ терпѣнія, поднялись всею землею, заковами суздальцевъ и засадили въ погреба, гдѣ многіе задохлись. Поэтому Всеволодъ не въ состояніи былъ удержать Рязанской земли за собою.

Князь Всеволодъ пользовался уваженіемъ, и въ Южной Руси мирилъ между собою ссорившихся южнорусскихъ князей и даже въ отдаленномъ Галичѣ одинъ князь отдавался ему подъ покровительство. По смерти Всеволода произошло короткое междоусобіе, возбужденное главнымъ образомъ новгородцами. Но въ 1219 году, по смерти старшаго сына Всеволодова, Константина, посаженъ былъ во Владимірѣ на княженіе второй сынъ его, Юрій, и Ростовско-Суздальская земля до самаго татарскаго нашествія была избавлена отъ княжескихъ междоусобій. Достойно замѣчанія, что въ этой землѣ княжило разомъ нѣсколько князей,

братьевъ и племянниковъ Юрія, но всѣ они дѣйствовали за-одно. Всѣ они управляли въ согласіи съ народомъ и самая власть ихъ зависѣла отъ народа. Такимъ образомъ, когда Всеволодъ распредѣлилъ удѣлы между своими сыновьями и Ярославу отдалъ Переяславль-Залѣсскій, то Ярославъ, пріѣхавши въ этотъ городъ и созвавши народъ въ соборной церкви св. Спаса, сказалъ: „Братья переяславцы! Отецъ мой отошелъ къ Богу, васъ отдалъ мнѣ, а меня отдалъ вамъ на руки. Скажите, братья, желаете ли имѣть меня своимъ княземъ?“ Переяславцы отвѣчали: „Очень хотимъ, пусть такъ будетъ. Ты нашъ господинъ“. И всѣ цѣловали ему крестъ.

Это былъ періодъ благосостоянія Восточной Руси. Земля населялась; строились церкви и монастыри; искусство поднялось до такой степени, что русскіе не нуждались болѣе въ иностранныхъ мастерахъ: у нихъ были свои зодчіе и иконописцы. Вмѣстѣ съ тѣмъ распространялось тамъ и книжное просвѣщеніе. Ростовскій владыка Кириллъ составилъ книгохранилище; подъ его руководствомъ переводились съ греческаго и переписывались разныя сочиненія, принадлежащія духовной литературѣ. Нѣсколько рукописей, уцѣлѣвшихъ отъ этой эпохи, показываютъ, что искусство переписыванія доходило до значительнаго изящества. Княжна черниговская Евфросинія, дочь Михаила Всеволодовича, завела въ Суздалѣ училище для дѣвицъ, гдѣ учила грамотѣ, письму и церковному пѣнію. Правда, книжная образованность была односторонняя и вела къ монастырской жизни, а потому вращалась только въ избранномъ кругу духовныхъ, мало проникала въ народную массу, не обнимала жизненныхъ потребностей, но при всемъ этомъ нельзя не замѣтить, что Ростовско-Суздальская земля и съ этими бѣдными начатками просвѣщенія стояла тогда выше южныхъ земель, гдѣ прежде появившіеся зачатки всякой умѣлости погибали отъ внутреннихъ неурядицъ и половецкихъ разореній. Время Юрія было также періодомъ значительнаго расширенія Руси на сѣверо-востокъ. На мѣстѣ соединенія рѣкъ: Сухони и Юга, построенъ былъ городъ Устюгъ, вскорѣ получившій важное торговое значеніе. Камскіе болгары было-завладѣли имъ, но Юрій разбилъ ихъ, заставилъ заключить миръ, отпустить всѣхъ плѣнниковъ, дать заложниковъ и утвердить миръ клятвою. Съ другой стороны, русскіе двигались по Волгѣ, вошли въ землю Мордовскую и при сліяніи Оки съ Волгою основали Нижній-Новгородъ. Управляемая многими князьками, мордва не въ силахъ была устоять противъ натиска русскаго племени: тогда какъ одни мордовскіе князьки искали помощи болгаръ противъ

русскихъ, другіе, захваченные въ-расплохъ, отдавались русскимъ князьямъ въ подручники и назывались „ротниками“ (потому что произносили „роту“, т.-е. присягу). Такъ, въ 1228 году князья двухъ мордовскихъ племенъ Мокши и Эрзи: Пуреша и Пургасъ, отчаянно воевали между собою. Пуреша сдѣлался ротникомъ князя Юрія и просилъ у него помощи противъ своего соперника, а Пургасъ приглашалъ къ себѣ на помощь противъ Пуреши болгарскаго князя, но болгарскій князь не успѣлъ ничего сдѣлать, а русскіе вошли въ землю Пургаса — Эрзю (называемая въ лѣтописи Русь Пургасова), опустошили ее и загнали мордву въ неприступные дремучіе лѣса. Въ 1230 году Пургасъ покусился-было на Нижній-Новгородъ, но былъ отбитъ, а сынъ Пуреши напалъ на него съ половцами и въ конецъ опустошилъ его волость. Эти событія сильно способствовали русской колонизаціи на востокѣ. Инородцы покидали свои прежнія жилища, бѣжали на югъ или удалялись за Волгу, а остатки ихъ, удерживаясь въ прежней землѣ, принимали крещеніе и скоро передѣлывались въ русскихъ. Восточно-русская народная стихія, расширяясь далѣе на востокъ, вмѣстѣ съ тѣмъ принимала въ себя иноплеменную кровь и, такимъ образомъ, сохраняя основаніе словянской народности, являлась все болѣе и болѣе смѣшанною съ другими. Такъ развивался и устанавливался типъ великорусскаго народа.

VI.

КНЯЗЬ МСТИСЛАВЪ УДАЛОЙ.

Въ первой четверти XIII вѣка выдается блестящими чертами дѣятельность князя Мстислава Мстиславича, прозваннаго современниками „Удатнымъ", а позднѣйшими историками „Удалымъ". Эта личность можетъ по справедливости назваться образцомъ характера, какой только могъ выработаться условіями жизни до-татарскаго удѣльно-вѣчеваго періода. Этотъ князь пріобрѣлъ знаменитость не тѣмъ, чѣмъ другія передовыя личности того времени, которыхъ жизнеописанія мы представляемъ. Онъ не преслѣдовалъ новыхъ цѣлей, не далъ новаго поворота ходу событій, не создавалъ новаго первообраза общественнаго строя. Это былъ, напротивъ, защитникъ старины, охранитель существующаго, борецъ за правду, но за ту правду, которой образъ сложился уже прежде. Его побужденія и стремленія были такъ же неопредѣленны, какъ стремленія, управлявшія его вѣкомъ. Его доблести и недостатки носятъ на себѣ отпечатокъ всего, чтò въ совокупности выработала удѣльная жизнь. Это былъ лучшій человѣкъ своего времени, но не переходившій той черты, которую назначилъ себѣ духъ предшествовавшихъ вѣковъ, и въ этомъ отношеніи жизнь его выражала современное ему общество.

Въ тѣ времена сынъ наслѣдовалъ въ глазахъ современниковъ честь или безчестіе своего отца. Каковъ былъ отецъ, такимъ заранѣе готовы были считать сына. Этимъ опредѣлялось нравственное значеніе князя при вступленіи его въ дѣятельность. Отъ него всегда ожидали продолженія отцовскихъ дѣлъ, и только дальнѣйшая судьба зависѣла отъ его собственныхъ поступковъ. Отецъ этого князя, Мстиславъ Ростиславичъ пріобрѣлъ такую добрую память, какою пользовались рѣдкіе изъ князей. Онъ

былъ сынъ Ростислава Мстиславича смоленскаго князя, правнукъ Мономаха, прославился богатырскою защитою Вышгорода, отбиваясь отъ властолюбивыхъ покушеній Андрея Боголюбскаго, а потомъ, будучи призванъ новгородцами, одержалъ блестящую побѣду надъ Чудью, храбро и неутомимо отстаивалъ свободу Великаго-Новгорода и пользовался восторженною любовью новгородцевъ. Въ 1180 году онъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ въ Новгородѣ и былъ единственный изъ выбранныхъ новгородскихъ князей, которымъ досталась честь быть погребеннымъ въ св. Софіи. Память его до такой степени была драгоцѣнна для новгородцевъ, что гробъ его сталъ предметомъ поклоненія и онъ впослѣдствіи причисленъ былъ къ лику святыхъ. Современники прозвали его „Храбрымъ", и это названіе осталось за нимъ въ исторіи. И не только храбростью—отличался онъ и благочестіемъ и дѣлами милосердія,—всѣми качествами, которыми, въ глазахъ его вѣка, могла украшаться княжеская личность. До какой степени ссовременники любили этого князя—показываетъ отзывъ лѣтописца; кромѣ общихъ похвалъ, воздаваемыхъ и другимъ князьямъ по лѣтописному обычаю, говоря о немъ, лѣтописецъ употребляетъ такія выраженія, которыя явно могутъ быть отнесены только къ нему одному: „Онъ всегда порывался на великія дѣла. И не было земли въ Руси, которая бы не хотѣла его имѣть у себя и не любила его. И не можетъ вся земля Русская забыть доблести его. И черные клобуки не могутъ забыть приголубленія его". Эта-то слава родителя, эта-то любовь къ нему новгородцевъ и всей Русской земли проложили путь къ еще большей славѣ его сыну.

Мстиславъ Мстиславичъ дѣлается извѣстенъ въ исторіи тѣмъ, что, помогая дядѣ своему Рюрику противъ черниговскаго князя Всеволода, храбро защищалъ противъ него Торческъ, но принужденъ былъ уйти изъ Южной Руси. Онъ получилъ удѣлъ въ Торопцѣ, составлявшемъ часть Смоленской земли, и долго проживалъ тамъ, не выказавъ себя ничѣмъ особеннымъ. Онъ былъ уже не первой молодости и имѣлъ замужнюю дочь, когда новгородскія смятенія вывели его на блестящее поприще.

Великій-Новгородъ давно вошелъ въ тѣсную связь, но вмѣстѣ и въ столкновеніе съ Суздальско-Ростовскою землею и съ владимірскими князьями, получившими первенство въ этой землѣ. Со времени Андрея Боголюбскаго князья эти стремились наложить руку на Новгородъ, стараясь, чтобы въ Новгородѣ были князья изъ ихъ дома и оставались ихъ подручниками. Новгородъ упорно отстаивалъ свою свободу, но никакъ не могъ развязаться съ вла-

димірскими князьями, потому что въ самомъ Новгородѣ была партія, ради выгодъ тянувшая къ Суздальской землѣ. Къ этому побуждали новгородцевъ ихъ торговые интересы. Новгородская земля была до крайности бѣдна земледѣльческими произведеніями. Благосостояніе Новгорода опиралось единственно на торговлю. Поэтому для Новгорода было насущною потребностью находиться въ добрыхъ отношеніяхъ съ такою землею, откуда онъ могъ получать хлѣбъ для собственнаго продовольствія и разныя сырыя произведенія, служившія предметомъ вывоза за-границу, особенно воскъ, и куда съ своей стороны новгородцы могли сбывать заморскіе товары. Кіевская Русь приходила въ упадокъ: она была безпрестанно опустошаема кочевниками и сильно разстроена, какъ княжескими междоусобіями, такъ и пораженіемъ, нанесеннымъ Кіеву Андреемъ Боголюбскимъ; Суздальско-Ростовская земля, напротивъ, сравнительно съ другими землями, болѣе удалена была отъ нападенія иноплеменниковъ, менѣе страдала отъ междоусобій, приходила въ цвѣтущее состояніе, наполнялась жителями, и естественно стала удобнымъ краемъ для торговли. Притомъ же она была сравнительно ближе къ Новгороду, чѣмъ другія плодородныя земли, и сообщеніе съ нею представляло болѣе удобствъ. Всякая вражда Новгорода съ князьями этой земли отзывалась пагубно на хозяйствѣ Новгорода и его торговыхъ интересахъ: поэтому-то въ Новгородѣ были всегда богатые и вліятельные люди, хотѣвшіе, во что бы то ни стало, находиться въ ладахъ съ этимъ краемъ. Суздальскіе князья хорошо понимали такую зависимость новгородскихъ интересовъ отъ ихъ владѣній, и потому смѣло дозволяли себѣ насильственные поступки по отношенію къ Новгороду. Во все время продолжительнаго княженія суздальскаго князя Всеволода Юрьевича, Новгородъ не любилъ этого князя, ссорился съ нимъ, но отвязаться отъ него не могъ. Съ своей стороны, Всеволодъ, чтобы не ожесточить новгородцевъ, временами льстилъ ихъ самолюбію, оказывалъ наружное уваженіе къ свободѣ Великаго Новгорода, а потомъ, при случаѣ, заставлялъ ихъ чувствовать свою желѣзную руку. Въ 1209 году, угождая благопріятствующей ему партіи, онъ вывелъ изъ Новгорода старшаго своего сына Константина и послалъ другого сына, Святослава, безъ вольнаго избранія, какъ будто желая показать, что имѣетъ право назначать въ Новгородъ такого князя, какого ему будетъ угодно. Но въ Новгородѣ, кромѣ партіи, которая склонялась ради собственныхъ выгодъ къ суздальскому князю, была постоянно противная партія, которая ненавидѣла вообще князей Суздальской земли и не хотѣла, чтобъ

оттуда приходили князья на княженіе въ Новгородъ. Эта партія взяла тогда верхъ и обратилась на своихъ противниковъ,—сторонниковъ суздальскихъ князей. Народъ низложилъ посадника Дмитра, обвинилъ его въ отягощеніи людей, разграбилъ и сжегъ дворы богачей, державшихся изъ корысти суздальской партіи; а Всеволодъ, въ отмщеніе за такую народную расправу, приказалъ задерживать новгородскихъ купцовъ, ѣздившихъ по его волости, отбирать у нихъ товары и не велѣлъ пускать изъ своей земли хлѣба въ Новгородъ. Это было въ 1210 году.

Въ это время, какъ-бы внезапно является въ Новгородской землѣ торопецкій князь Мстиславъ. Въ древнихъ извѣстіяхъ не видно, чтобы его призывалъ кто-нибудь. Мстиславъ является борцомъ за правду, а правда для Новгорода была сохраненіе его старинной вольности. Зимою нежданно напалъ Мстиславъ на Торжокъ, схватилъ дворянъ Святослава Всеволодовича и новоторжскаго посадника, державшагося суздальской стороны, заковалъ, отправилъ въ Новгородъ и приказалъ сказать новгородцамъ такое слово:

„Кланяюсь св. Софіи и гробу отца моего, и всѣмъ новгородцамъ; пришелъ къ вамъ, услыхавши, что князья дѣлаютъ вамъ насиліе; жаль мнѣ своей отчины!“

Новгородцы воодушевились, умолкли партіи, притаились корыстныя побужденія. Всѣ волею-неволею стали за-одно. Князя Святослава, сына Всеволодова съ его дворянами посадили подъ стражу на владычномъ дворѣ и послали къ Мстиславу съ честною рѣчью: „иди, князь, на столъ“.

Мстиславъ прибылъ въ Новгородъ и былъ посаженъ на столѣ. Собралось ополченіе Новгородской земли: Мстиславъ повелъ его на Всеволода, но когда онъ дошелъ до Плоской—къ нему явились послы Всеволода съ такимъ словомъ отъ своего князя: „Ты мнѣ сынъ, я тебѣ отецъ; отпусти сына моего Святослава и мужей его, а я отпущу новгородскихъ гостей съ ихъ товарами и исправлю сдѣланный вредъ“.

Всеволодъ былъ остороженъ и умѣлъ во-время уступить. Мстиславу не за что было драться. Съ обѣихъ сторонъ цѣловали крестъ. Мстиславъ воротился въ Новгородъ побѣдителемъ, не проливши ни капли крови.

Въ слѣдующемъ году (1211), по настоянію Мстислава, былъ смѣненъ новгородскій владыка Митрофанъ, сторонникъ князя суздальскаго. Хотя онъ былъ поставленъ и съ согласія вѣча, но по предложенію Всеволода, и потому его выборъ казался тогда несвободнымъ. Его низложили и сослали въ Торопецъ, наслѣд-

ственный удѣлъ Мстислава. На его мѣсто избрали Антонія изъ Хутынскаго монастыря. Въ мірѣ онъ былъ бояринъ и назывался Добрыня Ядрейковичъ, ходилъ въ Цареградъ на поклоненіе святыни и описалъ свое путешествіе, а по возвращеніи постригся въ монахи; это былъ человѣкъ противный суздательской партіи. Мстиславъ ѣздилъ по Новгородской землѣ, учреждалъ порядокъ, строилъ укрѣпленія и церкви; потомъ предпринималъ два похода на Чудь вмѣстѣ со псковичами и торопчанами. Въ первый — взялъ онъ чудскій городъ Оденпе. Во второй—подчинилъ Новгороду всю Чудскую землю вплоть до моря. Взявши съ побѣжденныхъ дань, онъ далъ двѣ трети новгородцамъ, а треть своимъ дворянамъ (дружинѣ).

По возвращеніи Мстислава изъ чудскаго похода, къ нему пришло приглашеніе изъ Южной Руси рѣшить возникшее тамъ междоусобіе. Кіевскій князь Рюрикъ Ростиславичъ, дядя Мстислава, умеръ. Черниговскій князь Всеволодъ, прозванный Чермнымъ, выгналъ изъ Кіевской земли Рюриковыхъ сыновей и племянниковъ, и самъ овладѣлъ Кіевомъ: за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ Галичѣ народнымъ судомъ повѣсили его родственниковъ Игоревичей; Всеволодъ обвинялъ изгнанныхъ кіевскихъ князей въ соучастіи и принялъ на себя видъ мстителя за казненныхъ. Изгнанники обратились къ Мстиславу. Снова представился Мстиславу случай подняться за правду. Линія Мономаховичей издавна княжила въ Кіевѣ; народная воля земли не разъ заявляла себя въ ихъ пользу. Ольговичи, напротивъ, покушались на Кіевъ и овладѣли имъ только съ помощью насилія. Мстиславъ собралъ вѣче и сталъ просить новгородцевъ оказать помощь его изгнаннымъ родственникамъ.

Новгородцы въ одинъ голосъ закричали: „Куда, князь, взглянешь ты очами, туда обратимся мы своими головами!“

Мстиславъ съ новгородцами и своею дружиною двинулся къ Смоленску. Тамъ присоединились къ нему смольняне. Ополченіе пошло далѣе, но тутъ на дорогѣ новгородцы не поладили съ смольнянами. Одного смольнянина убили въ ссорѣ, а потомъ несогласіе дошло до того, что новгородцы не хотѣли идти далѣе. Какъ ни убѣждалъ ихъ Мстиславъ, новгородцы ничего не слушали; тогда Мстиславъ поклонился имъ и, распростившись съ ними дружелюбно, продолжалъ путь съ своей дружиной и смольнянами.

Новгородцы опомнились. Собралось вѣче. Посадникъ Твердиславъ говорилъ: „братья, какъ наши дѣды и отцы страдали за Русскую землю, такъ и мы пойдемъ съ своимъ княземъ“.

Всѣ опять пошли за Мстиславомъ, догнали его и соединились съ нимъ.

Они повоевали города черниговскіе по Днѣпру, взяли приступомъ Рѣчицу, подошли подъ Вышгородъ. Тутъ произошла схватка. Мстиславъ одолѣлъ. Двое князей Ольгова племени попались въ плѣнъ. Вышегородцы отворили ворота. Тогда Всеволодъ Черный увидѣлъ, что дѣло его проиграно, и бѣжалъ за Днѣпръ, а кіевляне отворили ворота и поклонились князю Мстиславу. На кіевскомъ столѣ былъ посаженъ его двоюродный братъ Мстиславъ Романовичъ. Установивши рядъ въ Кіевѣ, Мстиславъ отправился къ Чернигову, простоялъ подъ городомъ двѣнадцать дней, заключилъ миръ и взялъ со Всеволода дары, какъ съ побѣжденнаго.

Онъ со славою вернулся въ Новгородъ, и самъ Великій Новгородъ возвышался его подвигами, такъ какъ новгородская сила рѣшала судьбу отдаленныхъ русскихъ областей.

Но у Мстислава было слишкомъ много охоты къ трудамъ и подвигамъ, притомъ не по душѣ ему было и то, что въ Новгородѣ не исчезала партія, расположенная къ Суздальской землѣ. Явилось къ Мстиславу посольство изъ Польши, куда уже проникла его слава. Краковскій князь Лешко приглашалъ его отнять Галичъ у венгровъ, которые, пользуясь смутами въ Галицкой землѣ, посадили тамъ своего королевича.

Мстиславъ на вѣчѣ поклонился Великому Новгороду и сказалъ: „Есть у меня дѣла на Руси; а вы вольны въ князьяхъ".

Затѣмъ онъ уѣхалъ въ Галичъ съ дружиною.

Въ Галичѣ именемъ несовершеннолѣтняго венгерскаго королевича Коломана правили венгерскій воевода Бенедиктъ Лысый и бояринъ Судиславъ, глава боярской партіи, призвавшей венгровъ. Мстиславъ выгналъ ихъ обоихъ изъ Галича, сѣлъ въ этомъ городѣ и обручилъ дочь свою Анну за Данила, княжившаго во Владимірѣ-Волынскомъ. Данило былъ сынъ Романа, два раза княжившаго въ Галичѣ, и самъ въ юности уже не разъ былъ призываемъ и изгоняемъ галичанами.

Скоро пришлось Мстиславу поссориться съ Лешкомъ, который пригласилъ его въ Галичъ. Князь Данило обратился къ Мстиславу съ жалобою на Лешка, что онъ захватилъ себѣ часть Волынской земли, и просилъ содѣйствія, чтобъ отнять у него свое достояніе. Мстиславъ, всегда вѣрный данному слову, отвѣчалъ: „Лешко мой другъ, я не могу подняться на него; ищи себѣ иныхъ друзей!" Тогда Данило расправился самъ и отнялъ у польскаго князя присвоенный имъ край. Лешко думалъ, что

Мстиславъ мирволилъ поступкамъ своего зятя, заключилъ союзъ съ венграми и сталъ воевать разомъ и противъ Мстислава и противъ Данила. Мстиславовы воеводы, которые должны были первые отражать враговъ, вели дѣла плохо и сдали венграмъ и полякамъ Перемышль и Городокъ (Гродекъ). Мстиславъ оставилъ оборонять Галичъ князя Данила и его двоюроднаго брата Александра Бѣльзскаго, а самъ сталъ на Зубри. Александръ не послушалъ и ушелъ, а Данило храбро отбивался въ городѣ; но когда враги, оставивши осаду, двинулись на Мстислава, Мстиславъ приказалъ Данилу выдти изъ Галича. Данило геройски пробивался сквозь непріятельскую силу съ бояриномъ Глѣбомъ Зеремѣевичемъ и другими и съ большимъ трудомъ, терпя при этомъ голодъ, соединился съ Мстиславомъ. Похваливъ зятя за мужество, Мстиславъ сказалъ ему: „иди, князь, теперь въ свой Владиміръ, а я пойду къ половцамъ, будемъ мстить за свое посрамленіе“.

Но Мстиславъ отправился не къ половцамъ, а на сѣверъ. Пришла къ нему вѣсть, что князья опять творятъ насиліе надъ его дорогимъ Новгородомъ, и онъ поспѣшилъ выручить его изъ бѣды.

По уходѣ Мстислава изъ Новгорода, тамъ взяла верхъ суздальская партія: руководимая торговыми интересами, она рѣшила призвать къ себѣ княземъ одного изъ сыновей Всеволодовыхъ, Ярослава, человѣка нрава крутого. Къ нему отправились посадникъ, тысячскій и десять старѣйшихъ купцовъ. Владыка Антоній, хотя и не расположенный внутренно къ такой перемѣнѣ, долженъ былъ встрѣчать новаго князя съ почетомъ.

Этотъ князь тотчасъ же началъ расправляться съ недоброжелателями и противниками, приказалъ схватить двухъ изъ нихъ, Якуна Зуболомича и Ѳому Доброщинича, новоторжскаго посадника, и отправилъ ихъ въ оковахъ въ Тверь; затѣмъ, по наущенію Ярослава на вѣчѣ, сторонники его разграбили домъ тысячскаго Якуна, схватили жену его, и князь взялъ подъ стражу его сына. Противная ему партія взволновалась. Пруссы (жители Прусской улицы) убили Евстрата и сыну его Луготу, вѣроятно сторонниковъ Ярослава. Разсерженный такою народною расправою, Ярославъ оставилъ на Городищѣ намѣстника Хотя Григоровича, а самъ ушелъ въ Торжокъ и задумалъ большое дѣло— „обратить Торжокъ въ Новгородъ“.

Городъ Новый-Торгъ или Торжокъ, новгородскій пригородъ, въ предшествовавшее время получилъ важное торговое значеніе. Новоторжцы стали соперничать съ новгородцами и естественно

желали большей или меньшей независимости отъ Новгорода. Положеніе Торжка было таково, что добрыя отношенія съ Суздальскою землею были для его жителей крайнею необходимостью. Какъ только у Новгорода наступалъ разладъ съ суздальскими князьями и начинались враждебныя дѣйствія со стороны послѣднихъ противъ Новгорода, прежде всего доставалось Торжку: суздальскіе князья захватывали этотъ пограничный городъ Новгородской земли. Такъ, въ 1181 году, Всеволодъ Юрьевичъ, разсорившись съ новгородцами, не въ силахъ былъ добраться до самаго Новгорода, но взялъ Новый-Торгъ и разорилъ его. И прежде бывали примѣры, что тѣ новгородскіе князья, которые были подручниками суздальскихъ князей, будучи изгнаны изъ Новгорода, уходили въ Торжокъ, и находили себѣ тамъ упоръ, чтобы съ помощью, получаемою изъ Суздальской земли, вредить Новгороду. (Такъ въ 1196 году поступилъ князь Ярославъ Владимировичъ). На этотъ разъ Ярославъ Всеволодовичъ поступалъ рѣшительнѣе. У него уже былъ примѣръ въ Суздальской землѣ, гдѣ князья подняли значеніе пригорода Владиміра и унизили достоинство старыхъ городовъ: Ростова и Суздаля. По примѣру отца и дяди, Ярославъ хотѣлъ произвести то же въ Новгородской землѣ: сдѣлать Новый-Торгъ столицею земли, а Новгородъ низвести на степень пригорода. Обстоятельства помогали ему. Въ Новгородской землѣ морозъ побилъ хлѣбъ; сдѣлалась дороговизна, страшная для бѣдныхъ людей. Ярославъ не пускалъ въ Новгородъ ни одного воза съ хлѣбомъ. Въ Новгородѣ начался голодъ. Родители изъ-за куска хлѣба продавали дѣтей своихъ въ рабство. Люди умирали съ голоду на площадяхъ, на улицахъ; мертвые валялись по дорогамъ и собаки терзали ихъ. Новгородцы послали къ князю Ярославу просить его къ себѣ, но Ярославъ ничего не отвѣчалъ имъ и задержалъ посланныхъ. Новгородцы вторично послали къ этому князю съ такою рѣчью: „Иди въ свою отчину къ св. Софіи, а не хочешь идти — такъ скажи“. Ярославъ снова задержалъ посланныхъ и ничего не сказалъ Новгороду, но на этотъ разъ только позаботился о томъ, чтобы вывезти оттуда свою жену, дочь Мстислава Мстиславича. Онъ велѣлъ останавливать на дорогахъ новгородскихъ гостей и держалъ ихъ въ Торжкѣ. Тогда, по словамъ лѣтописца, въ Новгородѣ была великая печаль и вопль.

Въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ снова явился Мстиславъ выручать Великій Новгородъ, счастливо избѣгнувъ отряда изъ ста новгородцевъ, посланнаго Ярославомъ не допускать Мстислава до города. Этотъ отрядъ самъ передался Мстиславу.

11 февраля 1216 года Удалой прибылъ въ Новгородъ, приказалъ схватить и заковать Ярославовыхъ дворянъ, пріѣхалъ на Ярославовъ дворъ на вѣче, поцѣловалъ крестъ Великому Новгороду и сказалъ: „Либо возвращу новгородскихъ мужей и новгородскія волости, либо голову свою повалю за Великій Новгородъ!“ — „На жизнь и на смерть готовы съ тобой!“, отвѣчали новгородцы.

Прежде всего Мстиславъ отправилъ къ Ярославу священника Юрія, изъ церкви Іоанна на Торговищѣ, съ такою рѣчью: „сынъ мой, отпусти мужей и гостей новгородскихъ, уйди изъ Новаго-Торга и возьми со мною любовь!“ Ярославъ не только отпустилъ священника безъ мирнаго слова, но, какъ-бы въ поруганіе надъ требованіемъ своего тестя, приказалъ заковать захваченныхъ новгородцевъ и отправить въ заточеніе по разнымъ городамъ, а товары и имущество роздалъ своей дружинѣ. Число такихъ узниковъ, вѣроятно преувеличенное, лѣтописецъ простираетъ до двухъ тысячъ.

Когда вѣсть объ этомъ дошла въ Новгородъ, Мстиславъ велѣлъ звонить на вѣче на Ярославовомъ дворѣ, явился посреди народа и сказалъ:

„Идемъ, братья, поищемъ мужей своихъ, вашу братью, вернемъ волости наши, да не будетъ Новый-Торгъ Великимъ Новгородомъ, ни Новгородъ Торжкомъ! Гдѣ св. Софія—тутъ и Новгородъ; и въ многомъ Богъ, и въ маломъ Богъ и правда!“

Новгородцы были не одни. По призыву Мстислава, за нихъ шли псковичи съ братомъ Мстислава, Владиміромъ, а впослѣдствіи присоединились и смольняне съ племянникомъ Мстислава, Владиміромъ Рюриковичемъ. На счастье новгородцамъ, въ самой Суздальской землѣ послѣ смерти Всеволода Юрьевича шелъ тогда споръ между старшимъ сыномъ его Константиномъ ростовскимъ и меньшимъ Юріемъ, которому отецъ, вопреки правамъ старшаго брата, завѣщалъ старѣйшинство въ Суздальской землѣ. Мстиславъ объявилъ, что, защищая новгородское дѣло, онъ въ тоже время заступается за правду, и въ Суздальской землѣ хочетъ возстановить права старѣйшаго брата.

1-го марта 1216 года ополченіе двинулось въ походъ черезъ Селигеръ, а дня черезъ два нѣсколько знатныхъ новгородцевъ бѣжало къ Ярославу, забравъ съ собою свои семьи, которымъ бы пришлось плохо отъ народнаго негодованія. Проходя черезъ Торопецкую землю, Мстиславъ позволилъ своимъ воинамъ собирать кормъ для себя и лошадей, но строго запрещалъ трогать людей. Братъ Ярослава Святославъ прибылъ-было помогать

брату, но Мстиславъ прогналъ его отъ Ржева. Слѣдуя далѣе, Мстиславъ взялъ Зубцовъ, на рѣкѣ Вазузѣ соединился съ смольнянами, и, ставши на рѣкѣ Холохольнѣ, отъ имени своего, союзныхъ князей и Новгорода, предлагать Ярославу миръ и управу.

Ярославъ отвѣчалъ: „Не хочу мира; пошли, такъ идите — сто нашихъ будетъ на одного вашего!"

„Ты, Ярославъ, съ силою, а мы съ крестомъ!", сказали тогда между собою союзные князья.

Новгородцы кричали: „Идти къ Торжку!".—„Нѣтъ, не къ Торжку", отвѣчалъ Мстиславъ: „если пойдемъ къ Торжку, то опустошимъ Новгородскую землю; пойдемъ лучше къ Переяславлю; есть у насъ тамъ третій другъ".

Новгородцы не знали, гдѣ Ярославъ: въ Твери или Торжкѣ; пошли къ Твери и начали разорять и жечь села. Ярославъ услыхалъ объ этомъ и ушелъ въ Тверь, но, узнавши, что враги идутъ дальше въ Суздальскую землю, убѣжалъ въ Переяславль. Мстиславъ отправилъ боярина Явольда къ Константину ростовскому съ вѣстью, а самъ съ новгородцами шелъ въ саняхъ по льду. На этомъ пути они сожгли городки Шешю и Дубну, а псковичи и смольняне взяли городъ Коснятинъ. По дорогѣ къ нимъ прибылъ посланный отъ Константина съ поклономъ. Онъ посылалъ союзникамъ 500 человѣкъ ратниковъ въ помощь. Скоро ледъ сталъ таять. Они побросали сани, сѣли на лошадей и поѣхали къ Переяславлю, провѣдавши, что Ярославъ уже тамъ. У городища на рѣкѣ Сарѣ, апрѣля 9-го, въ великую субботу, пришелъ къ нимъ Константинъ съ своими ростовцами. Князья взаимно цѣловали крестъ, отрядили псковичей къ Ростову, а сами, отпраздновавъ пасху, подошли къ Переяславлю. Ярослава уже тамъ не было: онъ ушелъ къ брату Юрію во Владиміръ, гдѣ готовилось большое ополченіе.

Вся Суздальская земля вооружилась; изъ селъ погнали на войну земледѣльцевъ. Къ суздальцамъ пристали муромцы, городчане и бродники (послѣднимъ именемъ назывались сбродныя шайки восточныхъ степей). „Сынъ шелъ на отца, братъ на брата, рабы на господъ", говоритъ лѣтописецъ, намекая на то, что въ суздальскомъ ополченіи были новоторжцы и даже новгородцы, а съ новгородцами противъ Суздальской земли шли ростовцы съ своимъ княземъ.

Собранное суздальское ополченіе расположилось на рѣкѣ Гзѣ; Мстиславъ съ новгородцами и Владимиръ со псковичами стали у Юрьева, а Константинъ съ ростовцами сталъ на рѣкѣ Липицѣ. Мстиславъ послалъ сотскаго Ларіона къ Юрію:

„Кланяемся тебѣ, отъ тебя намъ нѣтъ обиды. Обида намъ отъ Ярослава“.

Князь Юрій отвѣчалъ: „Мы одинъ человѣкъ съ братомъ Ярославомъ“.

Тогда Мстиславъ послалъ того же Ларіона къ Ярославу съ такимъ словомъ: „Освободи мужей моихъ новгородцевъ и новоторжцевъ, верни волости новгородскія, что ты занялъ, Волокъ отдай; возьми съ нами миръ и цѣлуй намъ крестъ, а крови проливать не будемъ“.

Ярославъ отвѣчалъ: „Мира не хотимъ; мужи ваши у меня; издалека вы пришли, а вышли, какъ рыбы на сухо“.

Услышали отъ Ларіона рѣчь эту новгородцы, и Мстиславъ опять послалъ сказать князьямъ: „Братья Юрій и Ярославъ! Мы пришли не кровь проливать: не дай Богъ дойти то этого; мы пришли управиться между собою; мы одного племени: дадимъ старѣйшинство Константину и посадимъ его во Владимірѣ, а вамъ вся Суздальская земля“.

„Скажи братьямъ нашимъ Мстиславу и Владиміру,—отвѣчали Ярославъ и Юрій,—придти-то вы пришли, а куда-то думаете уйти? а брату Константину скажи: Пересиль насъ: твоя будетъ вся земля!“.

Самонадѣянные суздальскіе князья заранѣе хвалились будущею побѣдою и учредили у себя въ шатрѣ пиръ съ боярами. Нѣкоторыхъ изъ старыхъ бояръ смущало то, что на сторонѣ противниковъ была правда, освященная старыми обычаями. Одинъ изъ нихъ, Творимиръ, обратился къ князьямъ съ такою рѣчью: „Князья Юрій и Ярославъ! Меньшая братья въ вашей волѣ; но какъ по моему гаданію,—то лучше бы вамъ взять миръ и дать старѣйшинство Константину! Не смотрите, что ихъ меньше, чѣмъ нашихъ; Ростиславова племени князья мудры, рядны и храбры, и мужи ихъ новгородцы и смольняне дерзки въ бою; а про Мстислава Мстиславича сами знаете, что храбрость дана ему паче всѣхъ; подумайте, господа“.

Молодымъ князьямъ не полюбилась такая рѣчь. За то другіе бояре, помоложе, льстили имъ и говорили такъ: „Князья Юрій и Ярославъ! Никогда того не бывало, ни при отцахъ вашихъ, ни при дѣдахъ, ни при прадѣдахъ, чтобы кто вошелъ ратью въ сильную Суздальскую землю и вышелъ бы изъ нея цѣлъ; да хоть бы вся Русская земля пошла на насъ: и Галицкая, и Кіевская, и Смоленская, и Черниговская, и Новгородская, и Рязанская, да и тогда ничего съ нами не подѣлаютъ; а что эти полки,—такъ мы ихъ сѣдлами закидаемъ!“

Понравились такія слова князьямъ. Они созвали бояръ и начальныхъ людей и сказали имъ такую рѣчь:

„Самъ товаръ пришелъ въ руки: достанутся вамъ кони, брони, платье; а кто человѣка возьметъ живьемъ,—самъ убитъ будетъ; хоть у кого и золотомъ будетъ шито оплечье,—и того бей: двойная отъ насъ будетъ награда! Не оставимъ живымъ никого. А кто изъ полку убѣжитъ, да поймаемъ его, того прикажемъ вѣшать и распинать; а кто изъ князей попадетъ къ намъ въ руки, такъ ужъ мы о нихъ тогда потолкуемъ".

Отпустивши людей, князья вернулись въ свой шатеръ и въ несомнѣнной надеждѣ на побѣду стали дѣлить между собою волости побѣжденныхъ; и сказалъ Юрій: „Мнѣ, братъ Ярославъ, Володимірскую и Ростовскую землю, а тебѣ Новгородъ, а Смоленскъ брату нашему Святославу, а Кіевъ дадимъ черниговскимъ князьямъ, а Галичъ намъ же!" Лѣтописецъ говоритъ, что они даже писали грамоты въ такомъ смыслѣ, и эти грамоты, послѣ одержанной надъ ними побѣды, попали въ руки смольнянамъ.

Мстиславъ съ новгородцами, псковичами и смольнянами стоялъ все еще у Юрьева. Онъ не совсѣмъ довѣрялъ ростовскому князю; хотя общіе виды соединили ростовскаго князя съ новгородцами, но онъ все-таки былъ одинъ изъ суздальскихъ князей и если бы братья съ нимъ поладили, то и онъ, быть можетъ, пошелъ бы за-одно съ ними, когда дѣло приняло бы исключительно смыслъ борьбы всей Суздальской земли съ Новгородской.

Вечеромъ послѣ пира, происходившаго у суздальскихъ князей, прибылъ отъ нихъ ко Мстиславу гонецъ съ приглашеніемъ выступать на бой къ Липицѣ. Война имѣла видъ какъ-бы поединка; враги сходились на бой въ заранѣе условленное мѣсто.

Мстиславъ и его союзники пригласили тотчасъ Константина, потолковали съ нимъ обстоятельно и привели къ крестному цѣлованію: онъ присягнулъ въ томъ, что не перейдетъ къ братьямъ и не измѣнитъ союзникамъ. Вслѣдъ за тѣмъ ночью новгородцы и ихъ союзники двинулись къ Липицѣ.

Суздальскіе полки также выступили ночью; въ станѣ Константина заиграли на трубахъ и ратники его дружно крикнули. Тогда, если вѣрить новгородскому сказанію, на суздальцевъ нашелъ переполохъ, и сами князья, такъ недавно въ воображеніи дѣлившіе между собою волости побѣжденныхъ, чуть-было не побѣжали.

На разсвѣтѣ новгородцы съ союзниками были уже на Липицѣ. Враговъ, вызывавшихъ ихъ на бой въ это мѣсто, гдѣ была равнина, тамъ не было: они перешли черезъ лѣсъ и стали

на горѣ, которая называлась Авдова гора. Тогда новгородцы и ихъ союзники также пошли отъ рѣки Липицы въ сторону и стали на горѣ, которая называлась Юрьева. Внизу подъ нею протекалъ ручей, называемый Тунегъ, а на другой сторонѣ долины была гора Авдова, гдѣ стояли суздальцы. Нѣсколько времени враги смотрѣли другъ на друга при утреннемъ солнцѣ и не начинали битвы. Мстиславъ все еще сохранялъ видъ, что вышелъ на брань только по крайней необходимости, что виною всему упрямство и несправедливость суздальскихъ князей, и что онъ самъ всегда предпочитаетъ миръ брани. Онъ еще разъ отправилъ къ Юрію трехъ мужей съ такимъ словомъ:

„Дай миръ, а не дашь мира, то либо вы отсюда отступите на ровное мѣсто и мы на васъ пойдемъ, либо мы отступимъ къ Липицѣ, а вы на насъ нападайте".

Юрій отвѣчалъ:

„Мира не принимаю и не отступлю; вы прошли черезъ нашу землю, такъ развѣ этой заросли не перейдете!"

Суздальскіе князья приказали внизу вбить кольевъ и заплести плетень: они думали, что враги ударятъ на нихъ ночью.

Получивъ отвѣтъ отъ Юрія, Мстиславъ вызвалъ охотниковъ, удалую молодежь, и пустилъ ихъ открывать битву. Молодцы бились усердно до вечера: тогда былъ большой вѣтеръ и сдѣлалось очень холодно. Воины Мстислава досадовали, что враги уклоняются отъ рѣшительнаго боя.

Утромъ союзники рѣшили идти къ Владиміру и начали сниматься.

Суздальцы замѣтили въ непріятельскомъ лагерѣ суету и стремительно стали сходить съ горы, думая ударить новгородцамъ и ихъ союзникамъ въ тылъ; но новгородцы тотчасъ обратились на нихъ.

Тутъ князья начали держать совѣтъ. Ростовскій князь сказалъ: „когда мы пойдемъ мимо ихъ, они насъ возьмутъ въ тылъ, а люди мои не дерзки на бой: разойдутся въ города".

Въ отвѣтъ на это Мстиславъ возразилъ: „братья, гора намъ не можетъ помочь и гора не побѣдитъ насъ; воззрите на силу честнаго креста и на правду: пойдемъ къ нимъ!".

Воодушевленные его словами, союзные князья стали устанавливать ратныхъ въ боевой порядокъ. Съ своей стороны, суздальцы, видя, что противники нейдутъ далѣе, сами стали устанавливаться. Новгородцы со Мстиславомъ и псковичи съ своимъ княземъ занимали средину, на одномъ краѣ стояли смольняне, на другомъ—ростовцы съ Константиномъ. У Константина были

славные витязи Александръ Поповичъ съ слугою Торопомъ и Добрыня Рѣзаничъ, по прозванію „Золотой Поясъ". Напротивъ псковичей сталъ Ярославъ съ своими полками: въ ряду ихъ были бѣжавшіе новгородцы и новоторжцы, съ ними стояли муромцы, городчане и бродники. Противъ Мстислава и новгородцевъ стояла вся Суздальская земля съ княземъ Юріемъ, а противъ Константина и ростовцевъ его меньшіе братья.

Мстиславъ, проѣзжая между рядами новгородцевъ, говорилъ: „Братья! мы вошли въ землю сильную: воззримъ на Бога и станемъ крѣпко; не озирайтесь назадъ: побѣжавши, не уйдешь; забудемъ, братья, женъ, дѣтей и дома свои: идите на бой, какъ кому любо умирать, кто на конѣ, кто пѣшій!"

„Мы на коняхъ не хотимъ умирать, мы будемъ биться пѣшіе, какъ отцы наши бились на Колокшѣ!" говорили новгородцы.

Новгородцы сбросили съ себя верхнее платье, сапоги и босые побѣжали впередъ съ крикомъ. Ихъ примѣру послѣдовали смольняне, но, сбросивъ сапоги, обвили себѣ ноги. Смольнянами предводительствовалъ Иворъ Михайловичъ; онъ ѣхалъ верхомъ, такъ, чтобы его видѣли ратные. За нимъ слѣдовали князья съ дружиною также на коняхъ. Съ противной стороны устремились въ бой пѣшіе Ярославовы люди. Иворъ проѣзжалъ черезъ заросль и подъ нимъ споткнулся конь; пѣшіе новгородцы опередили его и сцѣпились съ непріятелемъ: пошли въ дѣло дубины и топоры. Поднялся страшный крикъ. Суздальцы побѣжали; новгородцы подсѣкли стягъ (знамя) Ярослава. Затѣмъ подоспѣлъ Иворъ со смольнянами. Добрались до другого стяга. Князья съ дружинами оставались позади. Тутъ Мстиславъ, увидя, что молодцы зашли слишкомъ далеко и непріятельская сила можетъ окружить и смять ихъ, закричалъ: „не дай Богъ, братья, выдавать этихъ добрыхъ людей!" И онъ пустился впередъ сквозь свою пѣхоту; за нимъ послѣдовали другіе князья. Настала жестокая сѣча. Юрій и Ярославъ бѣжали, бросивъ свой обозъ. Быть можетъ, это было сдѣлано въ надеждѣ, что противники бросятся на грабежъ, а тѣмъ временемъ можно будетъ обратиться и ударить на нихъ. Но Мстиславъ закричалъ: „братья новгородцы, не бросайтесь на обозъ, а бейте ихъ; не то—они вернутся и смятутъ насъ". Новгородцы послушались и продолжали крѣпко сражаться, а смольняне оставили бой и начали грабить обозъ. Самъ Мстиславъ трижды проѣхалъ сквозь непріятельскіе полки, поражая направо и налѣво топоромъ, который былъ у него привязанъ къ рукѣ „поворозкою" (снуркомъ).

Все пошло въ-разсыпную; много суздальцевъ пало подъ ударами топоровъ новгородскихъ и смоленскихъ, много утонуло во время бѣгства, много раненыхъ прибѣжало во Владиміръ, Переяславль, Юрьевъ и тамъ они умерли. „Такова-то была", говоритъ лѣтописецъ, „слава Юрія и Ярослава; напрасна была ихъ похвальба: въ прахъ обратились сильные полки ихъ". Семнадцать знаменъ Юрія, тринадцать Ярослава и до ста трубъ и бубенъ достались побѣдителямъ. Шестьдесятъ человѣкъ было взято въ плѣнъ; убитыхъ враговъ лѣтописецъ насчитываетъ 9203, а у новгородцевъ и смольнянъ было убито только 5 человѣкъ: цифры, разумѣется, баснословныя. Несомнѣнно только то, что суздальцы были разбиты на-голову.

Эта замѣчательная битва происходила въ четвергъ 21 апрѣля 1216 года.

Прежде всѣхъ бѣжалъ Ярославъ; Юрій послѣдовалъ за нимъ: онъ загналъ трехъ коней, прискакалъ безъ сѣдла на четвертомъ во Владиміръ въ полдень того-же дня, босой и въ одной рубашкѣ. Въ городѣ оставались одни попы, чернецы, женщины и дѣти, народъ невоинственный. Увидя своихъ, они обрадовались: думали, что возвращаются побѣдители; вѣдь и прежде увѣряли ихъ: „наши одолѣютъ!" Но не побѣдителемъ вернулся Юрій: растерянный ѣздилъ онъ вокругъ стѣнъ города и кричалъ: „укрѣпляйте городъ". Тогда вмѣсто веселія поднялся плачъ. Ввечеру усилилось смятеніе, когда съ несчастнаго побоища стали собираться бѣглецы: кто былъ раненъ, а кто нагъ и босъ. И всю ночь продолжали они сходиться одинъ за другимъ.

На утро князь собралъ вѣче и говорилъ: „братья владимірцы, затворимся въ городѣ и станемъ отбиваться".

„Съ кѣмъ затворимся?" возражали ему. „Братья наши избиты, другіе въ плѣнъ взяты, а тѣ, что прибѣжали, безоружны: съ кѣмъ станемъ на бой?"

„Все это я знаю", говорилъ Юрій. „Прошу только, не выдавайте меня, не выдавайте меня ни Мстиславу, ни брату моему Константину! Лучше я самъ по своей волѣ выйду изъ города". Владимірцы обѣщали.

Союзники подступили къ городу, въ воскресенье 24 апрѣля, и объѣхали его кругомъ.

Въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ загорѣлся княжескій дворъ во Владимірѣ. Новгородцы хотѣли взять городъ приступомъ, но Мстиславъ не пустилъ ихъ; на другую ночь опять сдѣлался пожаръ; смольняне хотѣли идти на приступъ, но ихъ остановилъ князь Владиміръ Рюриковичъ. Неизвѣстно, что было

причиною этихъ пожаровъ: случай-ли, зажигательство въ пользу осаждающихъ, или метаніе огня черезъ стѣну. Но послѣ второго пожара Юрій прислалъ поклонъ князьямъ и велѣлъ сказать: „Не дѣлайте мнѣ зла сегодня; завтра я выѣду изъ города". На утро Юрій съ двумя меньшими братьями явился къ Мстиславу и его союзникамъ и сказалъ: „Братья, кланяюсь вамъ и челомъ бью: животъ оставьте и хлѣбомъ накормите; а братъ мой Константинъ въ вашей волѣ!" Юрій поднесъ дары князьямъ, и они помирились съ нимъ.

Мстиславъ далъ такое рѣшеніе: Константину взять Владиміръ, а Юрію отдать Радиловъ-Городецъ.

Немедленно изготовили ладьи и посады. Въ нихъ сѣла дружина князя Юрія; одна ладья ожидала самого князя съ его женой. Юрій помолился въ послѣдній разъ въ церкви Богородицы, поклонился гробу отца и сказалъ: „Суди Богъ брату моему Ярославу: онъ меня довелъ до этого!" Съ нимъ отправился владыка.

Во Владиміръ въѣхалъ Константинъ. Граждане вышли къ нему на встрѣчу съ образами и цѣловали ему крестъ въ вѣрности. Онъ щедро одарилъ своихъ союзниковъ: новгородцевъ, псковичей и смольнянъ.

Упрямый и жестокій Ярославъ съ побоища бѣжалъ въ Переяславль такъ скоро, что загналъ четырехъ коней, а на пятомъ прискакалъ въ городъ. Въ порывѣ досады онъ приказалъ перековать всѣхъ новгородцевъ и смольнянъ, какіе только были въ городѣ по торговымъ и другимъ дѣламъ. Новгородцевъ велѣлъ онъ бросить въ погреба и тѣсныя избы; ихъ было человѣкъ полтораста и многіе изъ нихъ задохлись; пятнадцать человѣкъ смольнянъ держали въ заключеніи особо и они всѣ остались живы.

Мстиславъ съ союзниками 3 мая подходилъ къ Переяславлю. Рядомъ съ нимъ шелъ съ своимъ полкомъ и Константинъ. Не допустивши ихъ до Переяславля, Ярославъ самъ добровольно вышелъ и явился къ брату своему Константину.

„Братъ и господинъ", сказалъ онъ, „я въ твоей волѣ; не выдавай меня ни тестю моему Мстиславу, ни Владиміру, самъ накорми меня хлѣбомъ".

Константинъ взялся примирить Мстислава съ Ярославомъ. Ярославъ послалъ щедрые дары князьямъ и новгородцамъ. Но Мстиславъ не пошелъ къ городу, не хотѣлъ видѣть Ярослава, а потребовалъ только, чтобы дочь его, жена Ярослава, пріѣхала къ нему, и чтобы всѣ задержанные новгородцы, какіе остались въ живыхъ, были немедленно отпущены на свободу и доставлены

къ нему. Требованіе побѣдителя было исполнено. Напрасно послѣ того Ярославъ посылалъ къ Мстиславу съ мольбою отпустить жену. „По правдѣ меня крестъ убилъ!“ сознавался онъ. Мстиславъ оставался непреклоненъ и уѣхалъ съ дочерью въ Новгородъ.

Этою побѣдоносною войною Мстиславъ утвердилъ за Новгородомъ высокое нравственное значеніе и показалъ, что нельзя безнаказанно нарушать его права и самостоятельность; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ новгородцами установилъ рядъ въ Суздальской землѣ, какъ прежде сдѣлалъ онъ это въ Кіевской съ тѣми же новгородцами. Ни одинъ князь не сдѣлалъ того для новгородцевъ, что сдѣлалъ для нихъ Мстиславъ Удалой; но они, какъ показываетъ послѣдующая исторія, мало воспользовались его заслугами.

Въ слѣдующемъ году, оставивъ жену и сына въ Новгородѣ, Мстиславъ ходилъ съ новгородскими боярами въ Кіевъ, быть можетъ для приготовленія къ будущему походу въ Галичъ. По возвращеніи изъ Кіева въ Новгородъ онъ взялъ подъ стражу Станимира съ сыномъ. Вѣроятно, суздальская партія оживала, и противъ Мстислава замышлялись козни. Мстиславъ, впрочемъ, вскорѣ отпустилъ его. То же вслѣдъ затѣмъ произошло въ Торжкѣ, гдѣ посаженъ былъ сынъ Мстислава, Василій. Мстиславъ взялъ тамъ подъ стражу Борислава Некуришинича, но также простилъ его и отпустилъ. Эти случаи показываютъ, что и Мстиславъ, послѣ всего сдѣланнаго имъ для Новгорода, не могъ надѣяться долго оставаться тамъ въ ладу со всѣми: у него были зложелатели. Въ это время скончался въ Торжкѣ сынъ его Василій; тѣло его привезли въ Новгородъ и погребли близъ дѣдовскаго гроба у св. Софіи. Оплакавши сына, удалой князь вскорѣ послѣ того явился на вѣчѣ и сказалъ:

„Кланяюсь св. Софіи, гробу отца моего и вамъ! Хочу поискать Галича, а васъ не забуду. Дай Богъ лечь у гроба отца моего, у св. Софіи“.

Новгородцы упрашивали его остаться съ ними. Все было напрасно. Мстиславъ уѣхалъ, и навсегда. Не привелось ему лечь у св. Софіи.

Галичъ, оставленный Мстиславомъ, находился въ это время въ рукахъ венгровъ. Тамъ снова былъ посаженъ королевичъ Коломанъ, а главнымъ воеводою былъ назначенъ банъ Фильній, который въ лѣтописяхъ нашихъ называется „Филя прегордый“. Онъ относился съ крайнимъ презрѣніемъ къ русскимъ, сравнивалъ ихъ съ глиняными горшками, а себя съ камнемъ, приговаривая: „Одинъ

камень много горшковъ побиваетъ“. Была еще у него и другая поговорка: „острый мечъ, борзый конь—много Руси!“ (т.-е. покорю). Высокомѣріе его раздражало галичанъ и онъ не довѣрялъ имъ. Мстиславъ Удалой, между тѣмъ, пригласилъ половцевъ и шелъ на Галичъ (1218). Съ нимъ былъ Владиміръ Рюриковичъ, недавно помогавшій ему въ борьбѣ съ Суздальской землею. Услыхавши объ этомъ, Фильній укрѣпилъ Галичъ и внутри города обратилъ въ крѣпость церковь св. Богородицы, что̀ еще болѣе раздражило противъ него русскихъ, видѣвшихъ въ этомъ оскорбленіе святыни. Поляки помогали венграмъ. Не допуская Мстислава до города, Фильній, взявши съ собою галицкаго боярина Судислава и другихъ, вышелъ на встрѣчу Мстиславу. Поляки составляли правую сторону его войска, а галичане и венгры — лѣвую. Русская рать также раздѣлилась на двѣ половины. Одною начальствовалъ Мстиславъ, другою—Владиміръ, а половцы стали въ отдаленіи, чтобы ударить на непріятеля тогда, когда сцѣпятся съ ними русскіе. Мстиславъ замѣтилъ, что поляки стоятъ на довольно далекомъ разстояніи отъ венгровъ, сообразилъ, что̀ слѣдуетъ дѣлать, вдругъ отдѣлился отъ Владиміра, и отошелъ на возвышеніе; тамъ онъ укрѣплялъ свою рать именемъ честнаго креста. Владиміръ сильно роптал на него за это и говорилъ, что Мстиславъ погубитъ все русское войско. Поляки стремительно ударили на Владиміра, обратили его въ бѣгство и погнались за нимъ, такъ что венгерское войско скрылось у него изъ глазъ. Но тогда-то Мстиславъ и половцы разомъ бросились на венгровъ. Сѣча была злая, русскіе побѣдили венгровъ. Самъ Фильній былъ взятъ въ плѣнъ; всѣ его венгры упали духомъ. Поляки, прогнавши Владиміра, набравши добычи, возвращались со множествомъ плѣнныхъ и пѣли побѣдныя пѣсни, не зная, что̀ сдѣлалось съ союзниками, какъ вдругъ наткнулись на побѣдителей, а съ другой стороны бѣжавшіе русскіе обратились на нихъ же. Поляки были совершенно разбиты. Половцы забирали побѣжденныхъ въ плѣнъ, жадно бросались на лошадей, оружіе и одежды, но русскіе, по приказанію Мстислава, не кидаясь на добычу, били враговъ безъ всякой пощады. Вопль и крики убиваемыхъ достигали до Галича. По всему полю валялись тѣла, никѣмъ не погребаемыя; вода въ рѣкѣ побагровѣла отъ крови.

Мстиславъ, взявши съ собою плѣннаго Фильнія, требовалъ сдачи Галича и обѣщалъ полную пощаду. Самъ Фильній послалъ съ своей стороны совѣтъ сдаться, такъ какъ никакой надежды на побѣду не было. Три раза посылалъ Мстиславъ и предлагалъ сдаться. Но венгры, сидѣвшіе въ Галичѣ, упорствовали и даже

выгоняли изъ города галичанъ съ женами и дѣтьми, изъ боязни измѣны и вмѣстѣ для того, чтобы не кормить ихъ во время осады. Тогда Мстиславъ объявилъ, что теперь уже не будетъ никакой пощады осажденнымъ. Венгры, при своей самонадѣянности, такъ были оплошны, что обращали вниманіе только на одни ворота, а между тѣмъ русскіе сдѣлали подкопъ, подземнымъ путемъ проникли въ городъ, отбили отъ воротъ венгровъ, ошеломленныхъ внезапностью, и отворили Мстиславу ворота.

Рано утромъ Мстиславъ вступилъ въ Галичъ. Коломанъ съ женою и знатнѣйшіе венгры съ своими женами заперлись въ церкви св. Богородицы. Мстиславъ подошелъ къ церкви и требовалъ сдачи. Венгры не сдавались. Жажда томила ихъ. Мстиславъ самъ послалъ Коломану сосудъ холодной воды. Венгры благодарили за такое великодушіе, дѣлили между собою воду чуть-ли не по каплѣ, но все-таки не сдавались. Наконецъ, когда ихъ сталъ одолѣвать голодъ, они отворили церковныя двери, умоливши Мстислава даровать имъ по крайней мѣрѣ жизнь. Венгерскіе бароны съ своими женами и нѣсколько поляковъ достались въ плѣнъ половцамъ и русскимъ. Самого плѣннаго Коломана съ женою Мстиславъ отправилъ въ Торческъ. Галицкая земля съ восторгомъ признала побѣдителя своимъ княземъ. Поселяне добивали разбѣжавшихся съ битвы венгровъ. Русскіе величали Мстислава „своимъ свѣтомъ“, называли „сильнымъ соколомъ“, говорили, что самъ Богъ поручилъ ему мечъ для усмиренія гордыхъ иноплеменниковъ. Бояре, державшіеся венгровъ, отдавались на милость побѣдителя. Главнѣйшій изъ нихъ, Судиславъ, пришелъ къ Мстиславу, обнималъ его колѣни и просилъ помилованія. Мстиславъ не только простилъ его, но даже далъ въ управленіе Звенигородъ. Данило пріѣхалъ къ тестю съ малою дружиною и поздравлялъ его. Они пировали и радовались, и радовалась съ ними вся Галицкая земля.

Венгерскій король Андрей, услышавши о несчастіи, постигшемъ сына, отправилъ къ Мстиславу требованіе отпустить плѣнника, въ противномъ случаѣ грозилъ послать огромное войско. Но Мстислава нельзя было испугать угрозами. Онъ отвѣчалъ, что побѣда зависитъ отъ Бога, и онъ, Мстиславъ, надѣясь на Бога, готовъ встрѣтить непріятельскія силы. Король мало-по-малу оставилъ свой горделивый тонъ: супруга его особымъ посольствомъ умоляла Мстислава сжалиться и отпустить сына. Съ своей стороны, бояре, вскорѣ замѣтившіе слабыя стороны характера Мстислава, пріобрѣли на него вліяніе и всячески располагали къ миру съ венгерскимъ королемъ. Мстиславъ, при всей своей храбрости

и воинственности, всегда былъ расположенъ къ миру и прибѣгалъ къ войнѣ только тогда, когда противники не хотѣли мириться на условіяхъ, которыя онъ признавалъ согласными съ правдой. Въ 1221 году Мстиславъ не только помирился съ венграми и поляками, но заключилъ дружественный договоръ съ венгерскимъ королемъ, обручилъ дочь свою Марію съ его сыномъ Андреемъ, и отдалъ будущему зятю во владѣніе Перемышль.

Но черезъ два года судьба призывала Мстислава къ иному подвигу. Въ то время, какъ русскіе князья и дружины ихъ тратили силы въ междоусобіяхъ, въ невѣдомыхъ восточныхъ странахъ совершались великіе перевороты. На сѣверной границѣ Китайской имперіи ханъ Темучинъ, властитель монголовъ, народа прежде подвластнаго татарамъ-ніучамъ, сдѣлался самъ повелителемъ многочисленныхъ татарскихъ племенъ, разорилъ часть Китайской имперіи и взялъ Пекинъ, потомъ обратился на западъ, завоевалъ и разорилъ могущественную и цвѣтущую имперію турковъ харазскихъ [1]) и положилъ основаніе обширнѣйшей имперіи, когда-либо существовавшей въ Азіи. Онъ владѣлъ неизмѣримыми пространствами отъ Амура до Волги, повелѣвалъ множествомъ народовъ, составлявшихъ его военную силу, и былъ прозванъ Чингисъ-Ханомъ, т.-е. великимъ ханомъ. Его завоевательныя движенія достигли до половцевъ. Татары столкнулись съ половцами на восточномъ берегу Каспійскаго моря, гдѣ половцы были за-одно съ аланами (жителями Дагестана). Чтобы отвлечь половцевъ отъ этого союза, предводители полчища, посланнаго Чингисъ-Ханомъ, сначала коварно сдружились съ ними, увѣривши ихъ, что татары, будучи одного съ ними племени, не хотятъ дѣйствовать противъ нихъ враждебно. Половцы довѣрились имъ и отстали отъ алановъ; но потомъ монголы, раздѣлавшись съ аланами. покорили и половцевъ. Половецкіе князья, уже крещеные, Юрій Кончаковичъ и Данило Кобяковичъ были убиты. Татары гнались за ихъ товарищами до вала Половецкаго, отдѣлявшаго землю Половецкую отъ Русской.

Половецкій ханъ Котянъ, тесть Мстислава Удалого, прибѣжалъ въ Галичъ къ зятю съ страшнымъ извѣстіемъ, что идетъ съ востока несмѣтная сила невѣдомыхъ завоевателей: „Сегодня отняли нашу землю, завтра ваша взята будетъ“, говорилъ онъ.

Мстиславъ разослалъ вѣстниковъ къ разнымъ русскимъ князьямъ и созывалъ ихъ для совѣта объ общемъ дѣлѣ въ Кіевъ. Много князей съѣхалось туда. Тамъ были: Мстиславъ Романовичъ кіев-

---

[1]) Бухара, Самаркандъ, Гератъ, Балхъ, Хива и проч.

скій, Мстиславъ Удалой галицкій, Мстиславъ черниговскій, Даніилъ Романовичъ волынскій, Михаилъ Всеволодовичъ, сыны Всеволода Чермнаго и многіе другіе. Только суздальскій Юрій не пріѣхалъ на совѣтъ. Ханъ Котянъ щедро одарилъ русскихъ князей конями, верблюдами, буйволами и невольницами, а другой князь половецкій Бастый принялъ св. крещеніе. Мстиславъ Удалой умолялъ русскихъ князей спѣшить на помощь половцамъ: „Если мы имъ не поможемъ,—говорилъ онъ,—то половцы пристанутъ къ врагамъ, и сила ихъ станетъ больше". Послѣ долгихъ совѣщаній князья рѣшили соединенными силами идти въ походъ. „Лучше встрѣтить врага въ чужой землѣ, чѣмъ въ своей"—говорили русскіе.

Сборное мѣсто назначено было на днѣпровскомъ островѣ, называемомъ Варяжскій (вѣроятно Хортица). Туда стекались съ своими князьями кіевляне, черниговцы, смольняне, галичане, волынцы. Весь Днѣпръ покрылся ихъ ладьями. Изъ Курска, Трубчевска, Путивля шли туда князья съ своими дружинами, сухопутьемъ на коняхъ, а тысяча галичанъ съ воеводами Юріемъ Домажиричемъ и Держикраемъ Володиславичемъ поплыли по Днѣстру въ море и, вступивши въ Днѣпръ, стали у рѣки Хортицы.

У Заруба явились къ русскимъ князьямъ татарскіе послы съ такимъ словомъ: „Слыхали мы, что вы идете противъ насъ, послушавши половцевъ, а мы вашей земли не трогали, ни городовъ вашихъ, ни селъ вашихъ; не на васъ пришли, но пришли по волѣ Божіей на холоповъ и конюховъ своихъ половцевъ. Вы возьмите съ нами миръ; коли побѣгутъ къ вамъ, - гоните отъ себя и забирайте ихъ имѣніе; мы слышали, что и вамъ они надѣлали много зла; мы ихъ и за это бьемъ".

Но князья, вмѣсто отвѣта, перебили пословъ. Безъ сомнѣнія, они поступили такимъ образомъ оттого, что половцы разсказали имъ, какъ татары коварно обманули ихъ: предложили дружбу, чтобы разъединить съ аланами, потомъ напали на нихъ самихъ.

Сборъ происходилъ въ апрѣлѣ 1224 года. Когда всѣ сошлись, ополченіе двинулось внизъ по Днѣпру и стало станомъ, не доходя Олешья. Тутъ пришли къ нимъ другіе татарскіе послы и говорили такъ: „Вы послушали половцевъ и перебили пословъ нашихъ; теперь идете на насъ, ну, такъ идите; мы васъ не трогали: надъ всѣми нами Богъ".

Князья на этотъ разъ отпустили пословъ невредимыми. Передовые татарскіе отряды стали появляться у Днѣпра. Мстиславъ Удалой перешелъ черезъ Днѣпръ съ 1000 чел. воиновъ. Съ нимъ

пошли Данило Романовичъ, Мстиславъ Нѣмой, Олегъ курскій и другіе молодые князья. Они разбили и обратили въ бѣгство сторожевой отрядъ. Бѣглецы запрятали своего воеводу Гемебега въ яму въ какомъ-то половецкомъ курганѣ. Половцы отыскали его тамъ и упросили Мстислава позволить имъ убить его. Мстиславъ шелъ далѣе.

Между тѣмъ, въ станѣ русскихъ на Днѣпрѣ происходили толки о томъ, каковы враги. Юрій Домажиричъ говорилъ: „они отличные стрѣлки и отличные воины". Другіе же возражали ему: „нѣтъ, это народъ простой, хуже половцевъ". Молодые князья торопили старыхъ идти впередъ: „Мстиславъ и ты, другой Мстиславъ, пойдемте на нихъ".

Во вторникъ 21 мая русскіе снялись со стана и пошли въ степь. Они вскорѣ встрѣтились съ татарскимъ отрядомъ. Русскіе стрѣлки разсѣяли его и имъ досталось въ добычу множество скота. Восемь дней шли они до рѣки Калки, гдѣ снова встрѣтили татарскій отрядъ, который, побившись съ ними, скрылся. Мстиславъ Удалой, опередивши князей, приказалъ Данилѣ перейти Калку, и самъ перешелъ вслѣдъ за нимъ съ задней стражей. Вдругъ предъ ними предстали татарскія полчища. „Вооружайтесь!" закричалъ Мстиславъ. Русскіе вступили въ бой. Двадцатитрехлѣтній Данило бросился впередъ и былъ раненъ въ грудь, но, не замѣтивши этого, продолжалъ сражаться. Храбро бились и Мстиславъ Нѣмой, и Олегъ курскій. Но сила татарская одолѣла ихъ; Данило обратилъ своего коня назадъ; за нимъ побѣжали другіе. Бѣжалъ и Мстиславъ Удалой въ первый разъ въ своей жизни.

Между тѣмъ, остальные русскіе князья перешли черезъ Калку, расположились станомъ и выслали впередъ Яруна съ половцами. Татары стремительно ударили на половцевъ. Половцы бросились назадъ, обратились на русскій станъ и смяли его. Русскіе еще не успѣли вооружиться, началась страшная рѣзня; русскіе, приведенные въ безпорядокъ половцами, бѣжали.

Во время этого всеобщаго бѣгства русскихъ одинъ Мстиславъ Романовичъ не двигался съ мѣста, сталъ на высокомъ каменистомъ берегу Калки съ зятемъ своимъ Андреемъ и дубровицкимъ княземъ Александромъ. Большая часть татаръ преслѣдовала бѣгущихъ, а одинъ отрядъ съ бродниками окружилъ трехъ храбрыхъ князей, которые огородили себя кольями и отбивались отъ нихъ неустанно три дня и три ночи. Трудно стало татарамъ одолѣть ихъ силой, и они прибѣгли къ коварству. Какой-то Плоскыня, воеводствовавшій надъ бродниками, уговорилъ князей

сдаться татарамъ на выкупъ и цѣловалъ крестъ на томъ, что они останутся живы. Князья повѣрили и вышли, но Плоскыня тотчасъ связалъ ихъ и выдалъ татарамъ. Татары, взявши укрѣпленіе, перебили всѣхъ бывшихъ тамъ русскихъ воиновъ, а связанныхъ князей положили подъ доски, и сами сѣли на доскахъ обѣдать. Такъ кончили жизнь свою несчастные князья.

Татары гнались за бѣгущими до самаго Днѣпра и по дорогѣ убили шестерыхъ князей, и въ томъ числѣ Мстислава черниговскаго. Мстиславъ Удалой избѣжалъ погони и, достигши Днѣпра, истребилъ огнемъ и пустилъ по рѣкѣ стоявшія у берега ладьи, чтобы не дать возможности татарамъ переправиться черезъ рѣку, а самъ съ остатками разбитыхъ вернулся въ Галичъ [1]).

Пораженіе князей навело на Русь всеобщій ужасъ, который усиливался отъ внезапности появленія невѣдомаго врага. Впечатлѣніе, произведенное на умы этимъ событіемъ, наглядно отражается въ словахъ современнаго лѣтописца: „Пришли—говоритъ онъ—невѣдомые народы, о которыхъ никто хорошо не знаетъ, кто они такіе и откуда пришли, и какимъ языкомъ говорятъ, и какого они племени и какая у нихъ вѣра; одни говорятъ, что ихъ зовутъ татары, а иные — таурмены, а другіе — печенѣги“. Книжники толковали, что это тѣ самые народы, о которыхъ говорилъ Меѳодій Патарскій: „Гедеонъ когда-то загналъ ихъ въ пустыню Етріевскую, между востокомъ и сѣверомъ, и они должны выдти оттуда передъ концомъ свѣта и поплѣнить много земель“.

Послѣ несчастія, постигшаго Мстислава на Калкѣ, положеніе его въ Галичѣ не было прочнымъ: бояре не любили его и строили козни противъ него, да и онъ самъ, по своему простодушію, дѣлался не разъ жертвою ихъ козней. Въ слѣдующемъ 1225 году его чуть-было не поссорили съ зятемъ его Даниломъ. Князь Але-

---

[1]) Лѣтописецъ представляетъ Мстислава какъ-бы виновникомъ бѣдствія русскихъ на Калкѣ говоря, что онъ изъ зависти не извѣстилъ обоихъ Мстиславовъ о татарахъ въ то время, когда Даніилъ схватился съ ними, но это обвиненіе едва ли можно признать справедливымъ. Не говоримъ уже о томъ, что такая черта противорѣчитъ характеру Мстислава, насколько онъ намъ извѣстенъ изъ прежнихъ его дѣяній, самый ходъ событій таковъ, что поведеніе Мстислава въ тотъ день легко объясняется иными побужденіями. Мстиславъ, шедши впереди прочихъ князей, нѣсколько дней уже не имѣлъ съ ними сношеній. Перейдя черезъ Калку, онъ встрѣтилъ татарскія полчища неожиданно; ему пришлось сразиться съ непріятелемъ такъ внезапно, и его отрядъ былъ такъ малочисленъ, что, прежде чѣмъ давать знать князьямъ, нужно было думать о собственномъ спасеніи. Справедливѣе можно было бы поставить въ упрекъ Мстиславу излишнюю удаль и неблагоразуміе, при которомъ онъ, человѣкъ уже немолодой и опытный, пошелъ впередъ съ горячею молодежью, не раздумывая о томъ, что можетъ встрѣтить на пути, и наткнулся на силы непріятеля, далеко превосходящія его собственныя.

ксандръ бѣльскій, человѣкъ коварный, ненавидѣвшій Данила, наговорилъ Мстиславу, будто зять хочетъ убить его и подстрекаетъ на него ляховъ. Вспыльчивый Мстиславъ поддался клеветнику. Дошло дѣло до войны. Данило, въ отмщеніе Александру, опустошилъ Бѣльскую землю и разбилъ отрядъ Мстислава, посланный на помощь Александру. Раздраженный Мстиславъ приглашалъ уже было половецкаго хана Котяна, но, къ счастью, клевета открылась. Подосланный къ Мстиславу Александромъ какой-то Янъ началъ передъ нимъ лгать такъ неискусно, что Мстиславъ увидѣлъ обманъ. Тесть и зять помирились и Мстиславъ, въ знакъ дружбы, подарилъ Данилу рѣдкаго жеребца и одарилъ Данилову жену Анну, свою дочь. Съ этой поры онъ уже не ссорился съ Даниломъ.

Но въ Галичѣ безпокойства не кончались. Въ 1226 году одинъ бояринъ, Жирославъ, наговорилъ своей братьѣ боярамъ, будто Мстиславъ приглашаетъ своего тестя Котяна съ тѣмъ, чтобы побить бояръ. Бояре повѣрили и скрылись въ Карпатскія горы, откуда извѣстили Мстислава о томъ, что̀ имъ сказалъ Жирославъ. Мстиславъ послалъ къ нимъ духовную особу по имени Тимоѳея. Тимоѳей поклялся боярамъ, что князь ничего не замышляетъ противъ нихъ и первый разъ слышитъ объ этомъ. Онъ убѣдилъ бояръ пріѣхать къ Мстиславу. Мстиславъ обличилъ передъ ними Жирослава и прогналъ его отъ себя.

Наконецъ, бояре успѣли-таки выжить Мстислава изъ Галича. Королевичъ Андрей, которому Мстиславъ обручилъ свою дочь и отдалъ Перемышль, по наущенію боярина Семьюнка, бѣжалъ къ отцу и подстрекалъ его отнять у Мстислава Галичъ. Бояре съ своей стороны представляли королю, что они не хотятъ Мстислава, а желаютъ Андрея. Король пошелъ съ войскомъ въ Галичину. Поляки съ воеводою Пакославомъ помогали ему. Взявши Перемышль и Звенигородъ, король не посмѣлъ ѣхать въ Галичъ: волхвы предрекли ему, что если онъ увидитъ Галичъ, то не будетъ живъ. Король началъ забирать галицкіе пригороды. Ему удалось взять Теребовль, Тихомлю, но подъ Кременцомъ онъ былъ отбитъ и повернулъ назадъ къ Звенигороду. Здѣсь вышелъ противъ него Мстиславъ, вступилъ въ бой и разбилъ его. Король быстро убѣжалъ во-свояси. Мстиславъ сообразилъ, что ему не ужиться съ боярами и хотѣлъ отдать Галичъ Данилу, но бояре Судиславъ и Глѣбъ Зеремѣевичъ, игравшіе тогда главную роль между боярами, остановили его. „Ни тебя, ни Данила не хотятъ бояре,—говорили они,—отдай обрученную дочь твою за королевича Андрея и посади его въ Галичъ; отъ него всегда можешь

взять его обратно, когда захочешь, а отдашь Данилу — во вѣки не будетъ тебѣ Галича!“.

Мстиславъ, всегда уважавшій волю земли, поступилъ такъ, какъ желали эти люди, бывшіе тогда, по своей силѣ, представителями земли. Мстиславъ отдалъ дочь свою Андрею и вмѣстѣ съ нею Галичъ, а самъ удержалъ за собою Понизье (Подолье) и уѣхалъ въ Торческъ. Вскорѣ онъ раскаялся въ своей довѣрчивости, такъ какъ Данила ненавидѣли только бояре, а простой галицкій народъ желалъ его. Сознавши это, Мстиславъ черезъ посла Данилова, Демьяна, послалъ такое слово Данилу: „сынъ! согрѣшилъ я, не далъ тебѣ Галича“. Глѣбъ Зеремѣевичъ старался всѣми силами не допустить Мстислава видѣться съ Даниломъ и передать въ руки его землю, и домъ, и дѣтей.

На слѣдующій послѣ того годъ (1228) Мстиславъ скончался: изъ Торческа поѣхалъ онъ въ Кіевъ, заболѣлъ на пути и умеръ, успѣвши постричься въ схиму по тогдашнему обычаю благочестивыхъ князей. По извѣстію польскаго историка, тѣло его было погребено въ Кіевѣ въ *церкви св. Креста*, имъ построенной [1]).

[1]) Въ настоящее время этой церкви нѣтъ, и могила Мстислава неизвѣстна.

VII.

КНЯЗЬ ДАНИЛО РОМАНОВИЧЪ ГАЛИЦКІЙ.

Въ XIII вѣкѣ весь ходъ историческихъ событій въ юго-западной Руси долгое время вращается около личности Даніила Галицкаго. Чтобы понять значеніе этой личности въ свое время, необходимо бросить взглядъ на предшествовавшія событія въ этомъ краѣ.

Югозападная Русь, Галичина, какъ во внутреннемъ строѣ своей жизни, такъ и по внѣшней обстановкѣ, находилась въ такихъ условіяхъ, при которыхъ все болѣе и болѣе слабѣла связь, соединявшая ее съ остальными русскими землями. Хотя и здѣсь не угасало сознаніе народнаго сродства съ послѣдними, но исторія указывала имъ различные между собою пути; это видно уже въ XII вѣкѣ.

Галицкая земля до 1188 года находилась въ княженіи рода Ростислава Владимировича (внука Ярослава I). Володарь, сынъ Ростислава, по смерти несчастнаго Василька, сдѣлался единымъ княземъ и передалъ послѣ себя (1141) власть сыну своему Владиміру, обыкновенно называемому Владимиркомъ. Ему наслѣдовалъ сынъ Ярославъ, названный въ полку Игоревѣ „Осмомысломъ". Соединенная въ однѣхъ рукахъ, галицкая страна была долго избавлена отъ внутреннихъ княжескихъ междоусобій, и, благодаря счастливымъ условіямъ своей природы, находилась, сравнительно съ другими русскими землями, въ цвѣтущемъ состояніи. Власть княжеская совсѣмъ не имѣла здѣсь монархической силы. Князь былъ княземъ по старой словянской идеѣ; видно, что завоеваніе русскими князьями этой Хорватской земли и присоединеніе ея къ общей системѣ русскихъ земель подъ властью единаго княжескаго рода не измѣнили древнихъ общественныхъ

привычекъ. Князья, правившіе Галичемъ, были избираемы и зависимы отъ вѣча. Но само вѣче находилось въ рукахъ богатыхъ и сильныхъ владѣтелей земель бояръ. Они, какъ видно, успѣли до того возвыситься надъ остальною массою народа, что исключительно управляли дѣлами страны. Впрочемъ, есть извѣстія о томъ, что люди незнатнаго происхожденія попадали въ бояре, изъ чего надобно полагать, что галицкая аристократія основывалась не столько на знатности родовъ, сколько на удачѣ и богатствѣ. Галицкіе князья находились въ такой зависимости отъ вѣча, что оно судило не только ихъ политическую дѣятельность, но и домашнюю жизнь. Такимъ образомъ, когда Ярославъ, не взлюбивши своей жены Ольги, взялъ себѣ въ любовницы какую-то Анастасью, галичане не стерпѣли такого соблазна, сожгли Анастасью и принудили князя жить съ законною женою. Всѣ попытки Ярослава удалить своего законнаго сына и передать наслѣдство незаконному, остались напрасны. Ярославъ умеръ въ 1187 году. Галичане, вопреки его завѣщанію, изгнали этого незаконнаго сына, Олега, и поставили княземъ законнаго—Владимира. Но и этотъ князь вскорѣ подвергся строгому суду вѣча за свое соблазнительное поведеніе; онъ былъ преданъ пьянству, не любилъ совѣтниковъ, насиловалъ чужихъ женъ и дочерей, взялъ себѣ въ жены попадью отъ живого мужа и прижилъ съ нею двоихъ сыновей. Галичане такъ вознегодовали, что нѣкоторые хотѣли взять князя подъ стражу и казнить; но другіе потребовали отъ него развода съ попадьею, предлагая ему достать жену по нраву. Владимиръ, опасаясь за жизнь своей возлюбленной попадьи, убѣжалъ вмѣстѣ съ нею и дѣтьми въ Венгрію, а галичане призвали вмѣсто него князя изъ сосѣдней Волынской земли — Романа Мстиславича [1] (1188). Говорятъ, что самъ Романъ тайно дѣйствовалъ въ Галичѣ въ свою пользу, добиваясь избранія. Этотъ князь, умный и сильный волею, не долго удержался въ Галичѣ: король венгерскій Бѣла I, къ которому-было обратился изгнанный Владимиръ за помощью, заключилъ послѣдняго въ башню, завоевалъ Галичъ, посадилъ тамъ сына своего Андрея. Романъ принужденъ былъ бѣжать въ свой Владиміръ-Волынскій. Успѣхамъ венгровъ способствовало то, что въ самомъ Галичѣ образовалась партія, искавшая себѣ выгодъ отъ венгерской власти. Непрочно, однако, оказалось тамъ и могущество этихъ иноземцевъ; будучи католиками, они очень скоро успѣли раздражить противъ

[1]) Внука кіевскаго князя Изяслава Мстиславича, извѣстнаго въ исторіи своей упорной борьбой сначала съ суздальцами, а потомъ съ Юріемъ Долгорукимъ. Родъ Романа шелъ отъ Мстислава, старшаго сына Мономаха.

себя народъ неуваженіемъ къ православной религіи. Владиміръ, между тѣмъ, убѣжалъ изъ своего заключенія и, съ помощью польскаго короля Казиміра Справедливаго, снова овладѣлъ Галичемъ въ 1190 году. Тогда Владиміръ, чувствуя свое положеніе до крайности шаткимъ, обратился къ суздальскому князю Всеволоду и отдавался ему подъ начало, обѣщая навсегда быть въ его волѣ со всѣмъ Галичемъ: установлялась, повидимому, тѣсная связь между противоположными окраинами тогдашняго русскаго міра; но это явленіе не имѣло никакихъ прочныхъ послѣдствій, такъ какъ ничего прочнаго не было тогда въ отношеніяхъ русскихъ князей между собою. По смерти Владиміра, Романъ, уже не по вольному избранію, а съ помощью польской рати и оружія, добылъ себѣ снова Галичъ въ 1198 году.

По извѣстію польскаго писателя Кадлубка, Романъ жестоко отмстилъ своимъ недоброжелателямъ въ Галичѣ: онъ ихъ четверилъ, разстрѣливалъ, зарывалъ живьемъ въ землю и казнилъ другими изысканными муками, а тѣхъ, которые успѣвали убѣжать, приглашалъ воротиться, обѣщая разныя милости. Но когда нѣкоторые вернулись, то Романъ, сдержавъ сначала данное слово и осыпавши ласками и милостями легковѣрныхъ, находилъ предлогъ обвинить ихъ въ чемъ-нибудь и предавалъ мучительной казни. „Не передавивши пчелъ, меду не ѣсть“, приговаривалъ Романъ. Онъ навелъ такой страхъ на галичанъ, что тѣ просили польскаго короля, чтобъ онъ управлялъ ими самъ, или чрезъ своихъ намѣстниковъ. Всѣ эти извѣстія о жестокостяхъ Романа находятся исключительно у польскаго историка, но не встрѣчаются въ русскихъ лѣтописяхъ, въ которыхъ Романъ поэтически представляется удалымъ богатыремъ, страшнымъ, подобно Мономаху, только для невѣрныхъ иноплеменниковъ: „Онъ ходилъ по заповѣдямъ Божіимъ—говоритъ о немъ русскій современникъ—побѣждалъ поганыхъ язычниковъ, устремлялся на нихъ какъ левъ, гнѣвенъ какъ рысь, губителенъ какъ крокодилъ, пролеталъ по ихъ землѣ какъ орелъ“... И въ самомъ дѣлѣ, этотъ князь и въ другихъ случаяхъ показалъ свою силу и дѣятельность. Послѣ долгой борьбы и междоусобій въ кіевской Руси, онъ наконецъ успокоилъ ее, на время удержавъ въ своей власти; самъ онъ не сдѣлался кіевскимъ княземъ, но посадилъ въ Кіевѣ своимъ подручникомъ племянника. Не разъ побивалъ онъ половцевъ, побѣждалъ ятвяговъ и Литву [1]). Многаго еще можно было ожидать

[1]) У польско-литовскихъ историковъ сохранилось сказаніе, будто онъ запрягалъ побѣжденныхъ литовцевъ въ плуги, заставлялъ ихъ расчищать лѣса и обработывать

отъ такого князя для судьбы юго-западной Руси. Но въ 1205 году Романъ поссорился съ польскимъ княземъ Лешкомъ и былъ убитъ въ сраженіи подъ Завихвостомъ.

Романъ оставилъ по себѣ молодую вдову съ двумя малолѣтними сыновьями. Старшему Данилу было тогда четыре года, а младшій Василько былъ еще на рукахъ кормилицы.

На первыхъ порахъ галичане признали княземъ старшаго сына Романова и клялись вѣрно охранять его. Но удержаться младенцу въ такой безпокойной странѣ было рѣшительно невозможно. Галичина представляла слишкомъ лакомый кусокъ какъ для русскихъ князей, такъ и для иноплеменныхъ сосѣдей, а галицкіе бояре не отличались постоянствомъ, были падки на выгоды и далеко не всѣ могли любить племя Романово. Покушенія на Галичину начали слѣдовать за покушеніями. Сперва попытался овладѣть ею отецъ первой жены Романа, князь Рюрикъ Ростиславичъ кіевскій, котораго Романъ, послѣ варварскаго разоренія Кіева наведенными Рюрикомъ половцами, заманилъ къ себѣ на совѣтъ и постригъ въ монастырѣ. Теперь этотъ самый Рюрикъ, услыхавши, что Романа нѣтъ на свѣтѣ, снялъ съ себя монашеское одѣяніе, собралъ всю кіевскую дружину, нанялъ половцевъ и бросился на Галичъ. Вдова Романа обратилась подъ защиту названаго брата и друга ея покойнаго мужа. Этотъ названый братъ былъ прежній соперникъ Романа—тотъ венгерскій королевичъ Андрей, который нѣкогда вмѣстѣ съ своимъ отцомъ прогналъ его изъ Галича; впослѣдствіи, когда Романъ въ другой разъ овладѣлъ Галичемъ, они подружились, назвались братьями и постановили между собою такой уговоръ: если кто изъ нихъ умретъ прежде, то другой будетъ заботиться о его семьѣ.

Андрей только-что получилъ теперь венгерскую корону и не забылъ своего обѣщанія, даннаго Роману. Онъ свидѣлся съ княгинею въ Санокѣ и, обласкавши Данила, какъ родного сына, далъ ему войско на помощь противъ Рюрика. Рюрикъ бѣжалъ обратно въ Кіевъ.

Но въ слѣдующемъ году семьѣ Романа грозила новая бѣда. Въ Черниговѣ собрался княжескій съѣздъ: стеклись на совѣщаніе потомки Олега черниговскаго; къ нимъ присталъ смоленскій князь съ сыновьями; порѣшили они нанять половцевъ и идти

землю, и будто, по этому поводу, на Руси о немъ составилась пословица: „Злѣ Романе робишь, что литвиномъ орешь". Но это извѣстіе, передаваемое уже въ XVI вѣкѣ, болѣе чѣмъ черезъ 300 лѣтъ послѣ Романа, не имѣетъ никакой исторической достовѣрности.

добывать Галицкую землю. По пути присталъ къ нимъ Рюрикъ съ сыновьями и племянниками, поднявши съ собою жившихъ въ Кіевской землѣ берендѣевъ [1]). Союзники вошли въ совѣтъ и съ поляками, съ которыми еще не былъ у галичанъ заключенъ миръ по смерти Романа. Вдова опять обратилась къ Андрею, но пока изъ Венгріи пришла вспомогательная сила, она увидала себя въ такомъ положеніи, что оставаться на мѣстѣ казалось опаснымъ. Съ одной стороны—русскіе и половцы, съ другой—поляки, да и самъ Галичъ заволновался, и много въ Галичѣ было такихъ, отъ которыхъ можно было ждать, что ее выдадутъ вмѣстѣ съ дѣтьми. Она убѣжала съ дѣтьми во Владиміръ-Волынскій, наслѣдственный удѣлъ ея мужа. Галичане раздѣлились на партіи. Верхъ въ Галичѣ взялъ тогда бояринъ Володиславъ: изгнанный нѣкогда Романомъ, онъ проживалъ въ Сѣверской землѣ, спознался съ тамошними князьями Игоревичами и теперь подалъ галичанамъ совѣтъ пригласить ихъ на княженіе. Игоревичи находились тогда въ томъ ополченіи, которое шло на Галичъ; получивши приглашеніе, ночью скрылись они изъ союзнаго стана и явились въ Галичъ. Старшій братъ Владиміръ Игоревичъ посаженъ былъ на галицкомъ столѣ; другому брату Роману дали Звенигородъ. Оставался третій, Святославъ, безъ мѣста. Тогда Игоревичи послали какого-то попа во Владиміръ-Волынскій съ такою рѣчью къ владимірцамъ: „Выдайте намъ Романовичей и примите княземъ Святослава, а то—города вашего на свѣтѣ не будетъ!“ Владимірцы, услышавши это, пришли въ такую ярость, что хотѣли убить попа, присланнаго къ нимъ съ этимъ предложеніемъ. Нашлись благоразумные, говорившіе, что нельзя убивать посла. Однако, эти благоразумные говорили такъ потому, что готовы были исполнить требованіе Игоревичей. Княгиня это провѣдала и, посовѣтовавшись съ бояриномъ Мирославомъ, дядькою Данила, убѣжала изъ города ночью, тайкомъ, черезъ стѣнное отверстіе, боясь выйти черезъ ворота. Мирославъ несъ Данила, кормилица Василька. Съ ними былъ еще какой-то священникъ. Они бѣжали къ Лешку, отдавались подъ покровительство человѣка, который еще считался съ ними во враждѣ. Польскій князь принялъ ихъ съ рыцарскимъ великодушіемъ; княгиню съ Василькомъ оставилъ у себя, а Данила съ польскимъ бояриномъ Вячеславомъ Лысымъ отправилъ къ Андрею венгерскому и приказалъ сказать такъ: „Я не помянулъ злобы Романа, а ты былъ

---

[1]) Вѣтвь тюркскаго племени, близкая къ торкамъ, печенѣгамъ, чернымъ клобукамъ.

его другъ; ты клялся защищать ихъ; они теперь въ изгнаніи: пойдемъ, вернемъ ихъ достояніе“.

Но Лешко, однако, на дѣлѣ оказалъ для Романовичей менѣе участія, чѣмъ на словахъ: правда, онъ выгналъ изъ Владиміра Святослава Игоревича, пріѣхавшаго туда послѣ бѣгства княгини, но отдалъ княженіе не дѣтямъ Романа, а родному племяннику Романа, Александру Всеволодовичу, такъ какъ Лешко былъ женатъ на дочери его, Гремиславѣ; Василька Лешко отпустилъ съ матерью въ Брестъ. Берестяне сами выпросили его себѣ княземъ, были довольны, и говорили, что „они какъ будто видятъ у себя великаго Романа“.

Андрей венгерскій, послѣ бѣгства вдовы Романа, разсудилъ, что нельзя удержать Данила на княженіи и не мѣшалъ водворенію Игоревичей въ Галичѣ; но Игоревичи сами вскорѣ поссорились за свою добычу: Романъ Игоревичъ съ помощью другого брата своего прогналъ третьяго, Владимира, и овладѣлъ Галичемъ, но потомъ, по приказанію Андрея, венгерскій воевода Бенедиктъ Бора схватилъ Романа въ банѣ, отправилъ въ Венгрію и сталъ самъ управлять Галичемъ. Въ короткое время Бенедиктъ раздражилъ галичанъ разными насиліями и своимъ распутствомъ такъ, что, по приглашенію галичанъ, опять явились Игоревичи, прогнали Бенедикта и раздѣлили между собою Галичину, на этотъ разъ уже не ссорясь между собою какъ прежде, и уступили княженіе въ Галичѣ старшему изъ своей среды, брату Владимиру. Тогда, думая упрочить за собою власть, Игоревичи составили планъ истребить тѣхъ бояръ, которые, по своему непостоянству, казались имъ опасными. Коварный замыселъ надъ нѣкоторыми удался, но въ числѣ обреченныхъ на убійство былъ ихъ прежній благодѣтель, бояринъ Володиславъ, по милости котораго они получили княженіе въ странѣ. Володиславъ въ-пору узналъ о грозящей бѣдѣ, съ другими боярами успѣлъ убѣжать къ Андрею, и просилъ теперь на княженіе въ Галичъ Данила, проживавшаго у венгерскаго короля. Король далъ войско на помощь Данилу. Прежде всѣхъ сдался Перемышль и выдалъ Святослава Игоревича. Звенигородъ защищался, но сдался, послѣ того какъ Романъ Игоревичъ, бѣжавши оттуда, былъ схваченъ на мосту. Князь Владимиръ Игоревичъ счастливо убѣжалъ изъ Галича. Отрока Данила посадили на отеческомъ столѣ.

Плѣнныхъ Игоревичей осудили народнымъ судомъ и повѣсили—событіе, выходившее изъ ряду обычныхъ событій на Руси въ то время.

Малолѣтній Данило не долго могъ удержаться среди бояръ,

хотѣвшихъ править его именемъ. Въ Галичъ прибыла мать Данила, которую онъ не узналъ послѣ долгой разлуки. Бояре поспѣшили ее выпроводить, изъ боязни, чтобы она не отняла у нихъ власти. Когда Данило въ слезахъ бросился за матерью, одинъ изъ нихъ схватилъ за поводъ коня его. Раздраженный отрокъ ударилъ мечомъ коня и ранилъ. Мать сама вырвала изъ рукъ его мечъ и убѣдила его остаться въ Галичѣ, а сама уѣхала въ Бѣльзъ.

Услыхалъ объ этомъ король Андрей, поспѣшилъ съ войскомъ и привелъ обратно мать Данила въ Галичъ, а боярина Володислава, главнаго виновника ея изгнанія, увелъ съ собою въ Венгрію въ оковахъ. Но какъ только Андрей удалился, бояре опять составили заговоръ противъ Данила и призвали на княженіе пересопницкаго князя Мстислава. Данило долженъ былъ бѣжать. Андрей на этотъ разъ не могъ уже помочь ему, потому что въ это время въ самой Венгріи произошло возмущеніе, стоившее жизни королевѣ.

Призванный Мстиславъ пересопницкій, въ свою очередь, не усидѣлъ въ Галичѣ. Изъ Венгріи прибылъ отпущенный Андреемъ Володиславъ, и тогда въ Галичѣ, послѣ недавней казни князей, произошло событіе, также небывалое на Руси со времени утвержденія Рюрикова дома: бояринъ Володиславъ, не принадлежавшій къ княжескому роду, назвался княземъ въ Галичѣ. Но ему не дано было начать новаго княжескаго дома. Лешко, принявъ сторону Данила, согналъ съ княженія Володислава и заточилъ. Володиславъ умеръ въ заточеніи. Галичъ остался безъ правителя.

Казалось тогда, что ни Данилу и ни какому другому русскому князю не возможно было усидѣть въ этомъ безпокойномъ городѣ. Лешко предложилъ Андрею посадить тамъ малолѣтняго сына Андреева, Коломана, обручивъ его съ трехлѣтней дочерью Лешка Соломіею. Это дѣло устроилъ воевода Пакославъ, показывавшій до сихъ поръ расположеніе къ Романову семейству. Въ удовлетвореніе Романовичей, наслѣдственный удѣлъ Романа Владиміръ былъ отнятъ у Александра бѣльзскаго и отданъ Данилу (1214), котораго хотѣли имѣть княземъ и владимірскіе бояре. Такимъ образомъ, въ рукахъ Данила была теперь значительная часть Волыни. Города: Каменецъ, Тихомля и Перемиль отошли къ Романовичамъ.

Съ тѣхъ поръ Данило надолго былъ лишенъ Галича. Имъ овладѣлъ Мстиславъ Удалой, который отдалъ за Данила дочь свою Анну [1]).

---

[1]) См. жизнеописаніе Мстислава Удалого.

Данило собиралъ подъ свою власть Волынскую землю и возвратилъ отъ поляковъ Берестье, Угровескъ, Верещинъ, Столпье, Комовъ и всю такъ-называемую тогда „Украину“, т.-е. часть Волыни, прилегавшую къ Польшѣ по лѣвой сторонѣ Буга. Слѣдствіемъ этого была война, въ которую невольно впутался Мстиславъ Удалой. Хотя она велась сначала неудачно для Данила и Мстислава, но пріобрѣтенный Даниломъ край все-таки остался за нимъ.

Вслѣдъ затѣмъ Данило помирился съ Лешкомъ и обратился на Александра бѣльзскаго, который отступилъ отъ него во время обороны Галича и всячески вредилъ ему. За вѣроломство князя, по тогдашнимъ понятіямъ, должна была отвѣчать его земля. Данило и Василько напали на Бѣльзъ ночью и произвели тамъ страшное опустошеніе. Въ памяти жителей надолго осталась эта ночь подъ именемъ „злой“. По просьбѣ Мстистава, Данило оставилъ Александра въ покоѣ.

Въ 1224 году Данило, вмѣстѣ съ другими князьями, участвовалъ въ страшной для русскихъ битвѣ при Калкѣ, велъ себя геройски и былъ раненъ въ грудь. Онъ такъ увлекся тогда битвой, что долго не замѣчалъ своей раны и замѣтилъ ее только тогда, когда, бѣжавши, сталъ пить.

Вернувшись домой и оправившись отъ ранъ, Данило вновь принялся расширять свои владѣнія. Князь Мстиславъ пересопницкій, владѣвшій Луцкомъ, отдалъ Данилу свою отчину, поручивши ему сына, который вскорѣ умеръ. Луцкомъ поспѣшилъ овладѣть Ярославъ, сынъ двоюроднаго брата Романа Ингваря, нѣкогда княжившаго въ Луцкѣ. Данило, ѣдучи на богомолье въ Жидичинъ, встрѣтилъ Ярослава Ингварича на дорогѣ. Бояре подавали совѣтъ схватить его. Данило съ негодованіемъ отвергъ такую коварную мѣру: „Я ѣду на богомолье—этого не сдѣлаю“, отвѣчалъ онъ. Но возвратившись во Владиміръ, онъ послалъ своихъ бояръ въ Луцкъ. Они схватили Ярослава, а потомъ овладѣли Луцкомъ. Данило хотя и далъ въ другомъ мѣстѣ удѣлъ Ярославу, но уже въ качествѣ своего подручника. Въ это же время Данило отнялъ у него Дорогобужъ, а у пинскихъ князей—Чарторыйскъ, плѣнивши сыновей пинскаго князя Ростислава. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ Данило дѣйствовалъ за-одно съ Василькомъ, съ которымъ онъ всю жизнь былъ нераздѣленъ и неразлученъ—примѣръ очень рѣдкій въ исторіи русскихъ князей.

Въ 1228 году, по смерти Мстислава Удалого, Данило овладѣлъ Понизьемъ.

Такое возвышеніе Данила возбудило противъ него цѣлый

союзъ русскихъ князей. Ростиславъ пинскій сердился на него за отнятіе Чарторыйска, за плѣнъ сыновей, и возбуждалъ противъ него Владимира Рюриковича; послѣдній помнилъ насильственное постриженіе своего отца Романомъ. Къ союзу пристали черниговскіе и сѣверскіе князья. Но Данило услыхалъ объ этомъ во-время и пригласилъ ляховъ, которыми начальствовалъ расположенный къ нему воевода Пакославъ. Союзные князья осадили Каменецъ и ничего не могли сдѣлать, тѣмъ болѣе, что приглашенный ими половецкій князь Котянъ перешелъ на сторону Данила. Они принуждены были отступить. Данило погнался за ними, но кіевскіе и черниговскіе бояре пріѣхали къ нему отъ своихъ князей и убѣдили помириться. Такимъ образомъ Данило уничтожилъ всѣ замыслы соперниковъ, и этотъ успѣхъ еще болѣе поднялъ его въ ряду русскихъ князей; не только всѣ прежнія области остались за нимъ, но и пинскіе князья сдѣлались его подручниками, а Владимиръ Рюриковичъ съ этихъ поръ является постояннымъ другомъ и союзникомъ Данила.

Въ 1229 году убитъ былъ въ Польшѣ союзникъ Данила, Лешко. Данило отправился помогать брату его Конраду противъ Владислава (князя опольскаго), оставивъ подручника своего князя пинскаго оберегать предѣлы Волыни отъ вторженія ятвяговъ. Русскіе зашли въ глубь Польши такъ далеко, какъ еще никогда не заходили; они вмѣстѣ съ сторонниками Конрада осадили Калишъ и почти безъ боя принудили его сдаться Конраду. Тогда русскіе и поляки заключили между собою такое условіе: „если между ними будутъ впередъ усобицы, то русскіе не должны брать въ плѣнъ польскихъ простыхъ людей (челяди), а поляки—русскихъ“.

На возвратномъ пути изъ этого похода Данило услыхалъ, что бояринъ Судиславъ, властвовавшій въ Галичѣ именемъ королевича, думалъ воспользоваться тѣмъ, что Данило зашелъ такъ далеко въ Польшу, и въ его отсутствіе хотѣлъ овладѣть Понизьемъ. Но какъ только Судиславъ вышелъ изъ Галича, недовольные имъ галичане отправили посольство къ Данилу и просили прибыть къ нимъ какъ можно скорѣе, пока не вернулся Судиславъ. Данило, отправивши противъ Судислава тысячскаго Демьяна съ войскомъ задерживать его, самъ съ многочисленною дружиною поспѣшилъ на зовъ галичанъ, стараясь предупредить Судислава, и на третій день достигъ Галича. Но какъ ни спѣшилъ Данило, Судиславъ успѣлъ избѣгнуть стычки съ Демьяномъ, ранѣе Данила вошелъ въ Галичъ и затворился въ немъ. Данилу приходилось добывать Галичъ осадою. Къ счастію, Данило успѣлъ овладѣть загороднымъ дворомъ Судислава и нашелъ тамъ много продовольствія для

своего войска; это дало ему возможность рѣшиться на продолжительную осаду. Онъ расположился станомъ въ Углиничахъ, на другой сторонѣ Днѣстра. Тысячскій Демьянъ и старикъ Мирославъ привели къ нему нѣсколькихъ бояръ Галицкой земли, склонившихся на его сторону; прибыли къ нему свѣжія силы изъ Волынской земли. Данилу нужно было перейти на другой берегъ, чтобъ окружить городъ. Осажденные старались не допустить его до этого, дѣлали вылазки и бились на льду; но въ это время рѣка стала вскрываться; напрасно Семьюнко, котораго современникъ по наружному виду сравниваетъ съ красной лисицей, зажегъ мостъ на Днѣстрѣ, чтобы затруднить Данилу переходъ черезъ рѣку. Къ счастью Данила, пожаръ угасъ при самомъ концѣ моста; Данило съ усиленною ратью перешелъ рѣку и обложилъ городъ со всѣхъ сторонъ. Тѣмъ временемъ, по его призыву, стекался къ нему народъ изъ Галицкой земли отъ Боброка до Ушицы и Прута. Видимо, земля была за Данила. Это заставило осажденныхъ сдаться. Данило вошелъ въ городъ. Помня давнюю дружбу съ королемъ венгерскимъ Андреемъ, онъ отпустилъ королевича, свояка своего, домой и самъ проводилъ его до Днѣстра. Съ королевичемъ ушелъ и Судиславъ. Народъ металъ на него каменья и кричалъ: „Вонъ, вонъ, мятежникъ земли!“ Такимъ образомъ, Данило, послѣ долгихъ лѣтъ отсутствія, снова былъ признанъ княземъ въ городѣ, откуда былъ изгнанъ, еще будучи ребенкомъ.

Оскорбительно было для венгерской чести удаленіе королевича. Судиславъ усиленно подстрекалъ венгровъ возвратить потерянный Галичъ. И вотъ, сынъ Андрея, Бѣла, собралъ большое войско и пошелъ черезъ Карпаты. Но тутъ начались непрерывные дожди. Лошади вязли въ грязи, люди бросали лошадей и пробирались высокими мѣстами. Съ большимъ трудомъ добрались они до Галича. Данила тамъ не было; онъ напередъ вышелъ изъ города приглашать на помощь поляковъ и половецкаго хана Котяна, оставивши въ Галичѣ тысячскаго Демьяна. Венгерскій посолъ, подъѣхавъ къ городу, громко возгласилъ галичанамъ: „люди галицкіе! вамъ велитъ сказать великій король венгерскій: не слушайтесь Демьяна; пусть Данило не надѣется на Бога и свои силы. Столько странъ побѣдилъ нашъ король, и не удержится противъ него Галичъ!“ Демьянъ держался крѣпко; галичане стояли за Данила: Данило уже подходилъ къ Галичу съ собраннымъ войскомъ. Между тѣмъ, дожди не переставали, у венгерцевъ отъ постоянной сырости развалилась обувь, открылись болѣзни и смертность. Иные умирали, сидя на конѣ, другіе — у разведенныхъ

огней; иной испускалъ дыханіе, поднося кусокъ мяса ко рту... Отъ дождей сильно разлился Днѣстръ. „Злую игру сыгралъ онъ венграмъ“, — говорили современники. Король снялъ осаду и пошелъ къ Пруту. Дожди преслѣдовали его. Венгерцы погибали на дорогѣ.

Но едва только, благодаря непогодѣ, Данило избавился отъ враговъ, какъ опять начались противъ него въ самомъ Галичѣ боярскія крамолы. Зачинщикомъ и подстрекателемъ бояръ былъ все тотъ же Александръ бѣльзскій, постоянно тайный врагъ Данила. Бояре обращались такъ неуважительно съ князьями, что однажды на пиру какой-то бояринъ залилъ Данилу лицо виномъ. Данило стерпѣлъ это. Вслѣдъ затѣмъ, произошелъ такой случай. Василько, находясь въ собраніи бояръ, въ шутку обнажилъ мечъ на одного, называемаго въ лѣтописи „слугою королевскимъ“. Тотъ схватился за щитъ. Бояре послѣ этого бѣжали. Князья удивились этому бѣгству, не понимая, въ чемъ дѣло. Черезъ нѣсколько времени, когда Василько уѣхалъ во Владиміръ, одинъ бояринъ, по имени Филиппъ, приглашалъ Данила къ себѣ на пиръ въ Вишню. Данило поѣхалъ, но на дорогѣ его встрѣтилъ посланный отъ Демьяна съ такими словами: „не ѣзди, князь, на пиръ; бояринъ Филиппъ съ княземъ Александромъ хотятъ убить тебя“. Данило вернулся. Говорили, будто бояре Молибоговичи, подстрекаемые Александромъ бѣльзскимъ, совѣщались произвести пожаръ, чтобы въ суматохѣ убить Романовичей, но приключеніе съ Василькомъ внушило имъ опасеніе, что Романовичи провѣдали о заговорѣ и оттого-то они разбѣжались. Василько, по приказанію Данила, занялъ Бѣльзъ (удѣлъ Александра), а посланный сѣдельничій его, Иванъ Михайловичъ, схватилъ Молибоговичей съ ихъ соучастниками, всего 28 человѣкъ. Данило простилъ имъ; быть можетъ улики были недостаточны и все ограничивалось подозрѣніями.

Великодушіе не помогло Данилу. Узналъ онъ, что бояре опять строятъ противъ него козни съ Александромъ. Данило съ восемнадцатью вѣрныхъ себѣ „отроковъ“ созвалъ вѣче и спрашивалъ галичанъ: „хотите ли быть вѣрными мнѣ? я пойду на враговъ моихъ!“ Всѣ закричали: „мы вѣрны Богу и тебѣ, господинъ!“ Сотскій Микула привелъ при этомъ пословицу Романа, отца Данила: „Не передавивши пчелъ, меду не ѣсть“. Данило пошелъ въ Перемышль, но тѣ, которые шли за нимъ, не были на дѣлѣ ему вѣрны. Князь Александръ съ боярами уже успѣлъ бѣжать въ Венгрію, гдѣ ждалъ его Судиславъ. По ихъ подстрекательству, король Андрей съ сыновьями, Бѣлою и Андреемъ,

двинулись на Галичъ. Бояринъ Давидъ Вышатичъ, по убѣжденію своей тещи, преданной Судиславу, сдалъ королю Ярославль. Затѣмъ другой бояринъ, Климята, посланный съ войскомъ противъ венгровъ, передался врагамъ; за нимъ измѣнили и прочіе бояре.

Данило долженъ былъ покинуть Галичъ и ушелъ въ Кіевъ набирать войско у своего союзника, кіевскаго князя Владимира, а король водворилъ снова сына своего Андрея въ Галичѣ, но не надолго. Данило съ Владимиромъ кіевскимъ и половцами два раза разбилъ венгровъ и пошелъ прямо къ Галичу. Бояре, видя, что успѣхъ клонится на сторону Данила, стали переходить къ нему. Первый примѣръ подалъ бояринъ Глѣбъ Зеремѣевичъ. Данило обласкалъ ихъ, раздавалъ имъ волости, думалъ хотя на время привязать ихъ къ себѣ. Князь Александръ бѣльзскій отступилъ отъ венгровъ, присталъ къ Данилу и испросилъ у него прощенія. Данило осадилъ Галичъ, стоялъ подъ нимъ 9 недѣль, ожидая заморозовъ, когда можно будетъ перейти по льду черезъ Днѣстръ. Осажденные стали терпѣть голодъ. Судиславъ, находясь съ королевичемъ, успѣлъ соблазнить коварнаго Александра: прельщенный обѣщаніями получить Галичъ, Александръ, недавно приставшій къ Данилу, опять измѣнилъ ему и передался къ осажденнымъ; но осажденнымъ отъ этого не стало легче. Королевичъ Андрей умеръ въ осадѣ. Тогда всѣ галичане порѣшили на вѣчѣ призвать Данила, и одинъ изъ прежнихъ враговъ его, Семьюнка Красный выѣхалъ къ Данилу просить его въ городъ. Судиславъ и князь Александръ успѣли убѣжать: Судиславъ — къ венграмъ, Александръ хотѣлъ-было искать защиты у тестя своего, кіевскаго князя, но Данило гнался за нимъ три дня и три ночи, не зная сна, догналъ его у Полоннаго и схватилъ въ Хоморскомъ лѣсу. Неизвѣстно, что сдѣлалъ Данило съ этимъ человѣкомъ, такъ безчестно поступавшимъ съ нимъ много разъ—но съ тѣхъ поръ имя его не упоминается въ лѣтописяхъ.

Въ это время въ нашей исторіи являются мимоходомъ загадочные и до сихъ поръ необъясненные бологовскіе князья, владѣвшіе берегами Буга. Такъ какъ край этотъ совершенно ускользаетъ изъ лѣтописныхъ повѣтствованій о прежнихъ событіяхъ и нѣтъ возможности отыскать происхожденія этихъ князей въ развѣтвленіи Рюрикова дома, то, по всему видно, это были князья иныхъ древнихъ родовъ, остававшіеся неподвластными Рюриковичамъ. Въ этомъ насъ убѣждаетъ еще и то, что самъ Данило въ переговорахъ о нихъ съ поляками называетъ ихъ „особными" князьями. Овладѣвши Понизьемъ, Данило хотѣлъ подчинить ихъ

своей власти; они были постоянно его противниками и при всякомъ случаѣ принимали сторону его враговъ.

Избавившись отъ венгровъ, Данило долженъ былъ еще долго бороться съ русскими князьями за Галичъ. Тогда какъ князь кіевскій Владимиръ помогалъ Данилу, черниговскій князь Михаилъ, вступившій въ союзъ съ бологовскими князьями, напалъ на кіевскія владѣнія и подошелъ къ Кіеву. Данило поспѣшилъ на выручку союзника. Четыре мѣсяца вмѣстѣ съ Владимиромъ Рюриковичемъ воевалъ онъ Черниговскую землю и, возвращаясь назадъ черезъ Полѣсье, услыхалъ, что враги его навели половцевъ на Кіевскую землю. Войско Данила было очень утомлено, и старый Мирославъ, бывшій дядька его, отсовѣтовалъ ему идти на нихъ. Даже самъ князь кіевскій раздѣлялъ мнѣніе старика; но вѣрный себѣ Данило сказалъ имъ: „воину, устремившемуся на брань, слѣдуетъ или побѣдить, или пасть. Не говорилъ ли я вамъ прежде самъ, что надо дать отдыхъ усталымъ войскамъ? А теперь — нечего бояться! Пойдемъ!“ У Торческа произошла кровопролитная битва (въ 1234). Данило дрался отчаянно, пока подъ нимъ не убили его гнѣдого коня. Его воины обратились въ бѣгство; самъ Данило долженъ былъ послѣдовать за ними. Кіевскій князь и Мирославъ были взяты въ плѣнъ. Лѣтописецъ приписываетъ это несчастіе тайной измѣнѣ бояръ Молибоговичей.

Провѣдавши о несчастіи Данила, бояре галицкіе пригласили на княженіе Михаила черниговскаго, и тотъ занялъ Галичъ. Несмотря на добродушіе Данила, бояре галицкіе никакъ не могли полюбить его. Они видѣли въ немъ князя, который, какъ только утвердится, тотчасъ сломитъ ихъ силу, и это будетъ тѣмъ удобнѣе, что простой народъ оказывалъ Данилу расположеніе. Бояре, захвативши въ свои руки всю Галичину, подѣлили между собою всѣ доходы, хотѣли или лучше быть вовсе безъ князя, или имѣть такого, который находился бы у нихъ совершенно въ рукахъ. Но того и другого достигнуть имъ было трудно, потому что хотя всѣ они и дорожили своимъ сословнымъ могуществомъ, но жили между собою въ несогласіи. Одинъ тѣснилъ и толкалъ другого; у каждаго являлись свои виды, и потому одинъ хотѣлъ того князя, другой—иного; всякій надѣялся посредствомъ князя возвыситься надъ своими соперниками.

Михаилъ не долго удержался въ Галичѣ. Отправившись по своимъ дѣламъ въ Кіевъ, оставилъ онъ въ Галичѣ сына своего Ростислава (1235). Данило находился въ построенномъ имъ Холмѣ, когда къ нему пришла вѣсть изъ Галича, что Михаилъ

выѣхалъ изъ города и галичане хотятъ Данила. Простымъ жителямъ черезъ-чуръ опротивѣли боярскія смуты и они приняли твердое рѣшеніе не поддаваться болѣе наущенію бояръ, а держаться крѣпко за Данила для собственной пользы. Данило смѣло подъѣхалъ къ Галичу. Жители стояли толпою на стѣнѣ. Данило обратился къ нимъ: „О, мужи галицкіе, долго-ли еще будете терпѣть державу иноплеменныхъ князей?“ Всѣ они въ одинъ голосъ закричали: „вотъ онъ нашъ держатель, Богомъ данный!“ — „И всѣ—говоритъ лѣтописецъ—пустились къ нему, какъ пчелы къ маткѣ“. Епископъ Артемій и дворскій [1]) Григорій сначала удерживали народъ, но, видя, что ничего не сдѣлаютъ, со слезами на глазахъ, и, по выраженію того же лѣтописца, — „осклабляясь и облизывая губы“, вышли къ князю Данилу, поклонились и сказали: „приди, князь Данило, прими городъ!“ Данило вошелъ въ городъ и воткнулъ знамя свое на Нѣмецкихъ воротахъ въ знакъ побѣды. Съ торжествомъ вступилъ онъ въ церковь Богородицы и принялъ столъ отца своего. Бояре кланялись ему въ ноги и просили прощенья.—„Согрѣшили,—говорили они,— чужого князя держали“.—Данило отвѣчалъ: „вы получите милость, только впередъ такъ не дѣлайте, чтобы вамъ не было хуже“. Ростиславъ бѣжалъ въ Венгрію.

Такимъ образомъ, Данило, послѣ многолѣтнихъ трудовъ и непрестанной борьбы, сдѣлался властителемъ всей Галичины и Волыни. Онъ понялъ, что въ Галичѣ нельзя ему имѣть постояннаго пребыванія, и поселился въ построенномъ имъ Холмѣ. Однажды, ранѣе этого времени, ѣздивши на любимую имъ охоту, пріѣхалъ Данило на мѣсто, которое ему очень понравилось. „Какъ называется это мѣсто?“ спросилъ онъ. „Холмъ“ — отвѣчали ему. „Пусть здѣсь будетъ городъ Холмъ“, сказалъ онъ и посвятилъ будущій городъ св. Іоанну Златоусту, такъ какъ въ тѣ времена всякій новый городъ посвящался какому-нибудь святому. Здѣсь построилъ онъ себѣ усадьбу и красивую церковь св. Іоанна. По его призыву начали стекаться туда жители съ разныхъ сторонъ. Здѣсь власть Данила была тверже и безопаснѣе, не то, что въ старомъ городѣ; здѣсь не было преданій, противныхъ княжескимъ видамъ. Всѣ получали свое жительство по милости князя и потому были привязаны къ нему ради собственныхъ выгодъ. Удалиться изъ стараго города въ новый было въ то время удобнымъ средствомъ князю для своего спокойствія и безопасности. Здѣсь могъ онъ жить, окруженный вѣрною дру-

[1]) Выборная городская правительственная должность.

жиною, не страшась боярскихъ козней, отъ которыхъ было трудно уберечься, живучи среди бояръ.

Власть Данила распространялась и на Кіевскую землю; наконецъ, онъ подчинилъ себѣ и самый Кіевъ, который, будучи отнятъ у Владимира Рюриковича (умершаго въ 1236) Ярославомъ суздальскимъ, переходилъ потомъ изъ рукъ въ руки, наконецъ, былъ захваченъ Даниломъ, но это было уже наканунѣ страшнаго потрясенія, переворотившаго весь строй русской исторіи.

Уже татары, подъ предводительствомъ монгольскаго хана Батыя, внука Чингисханова, опустошили и завоевали Восточную Русь. Русскіе вездѣ защищались геройски: не сдался ни одинъ городъ, ни одинъ князь; но защита эта была безтолковая и потому совсѣмъ безуспѣшная. Прежде всего въ 1237 году совершенное опустошеніе постигло Рязанскую землю. Всѣ города этой земли были истреблены до-тла; страна обезлюдѣла, а между тѣмъ Суздальско-Ростовская земля не выручала ее изъ бѣды и вслѣдъ за нею подверглась тому же жребію. Татары сожгли Москву (тогда еще бывшую только пригородомъ Владиміра) и истребили въ ней стараго и малаго. 7 февраля 1238 года истребленъ былъ Владиміръ. Здѣсь въ соборной церкви погибла семья князя Юрія Всеволодовича со множествомъ бояръ и народа. Татарскія полчища разсѣялись по землѣ, разоряли города и села, вездѣ истребляли жителей. 4-го марта того же года, князь Юрій Всеволодовичъ съ другими князьями своей земли вступилъ въ отчаянную битву съ татарами на берегу Сити, но былъ пораженъ и убитъ. Опустошивши Восточную Русь, Батый хотѣлъ идти на Новгородъ, но дремучіе лѣса и болота не допустили его. Татары разорили одинъ только Торжокъ и поворотили на югъ. Вездѣ Батый встрѣчалъ отчаянное сопротивленіе. Небольшой городъ Козельскъ защищался семь недѣль и когда былъ взятъ, то въ немъ татары пролили столько крови, что малолѣтній тамошній князь Василій захлебнулся кровью. Въ 1239 году они взяли и сожгли Черниговъ и приближались къ Кіеву. Племянникъ Батыя, Менгу-Тимуръ, любовался красотою Кіева изъ Песочнаго городка на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Каменная стѣна верхняго города, изъ-за которой мелькали позолоченные верхи Десятинной церкви, Св. Софіи и Михайловскаго монастыря, цвѣтныя черепичныя кровли княжескихъ теремовъ, направо, внизу, вдоль Днѣпра, Подолъ со множествомъ церквей, налѣво — Никольскій монастырь, величественная Печерская обитель и Выдубицкій монастырь, отрѣзанные отъ города и другъ отъ друга дремучимъ лѣсомъ, раскинувшимся по крутой горѣ—вотъ что̀ поражало тогда глаза степного хищ-

ника. Онъ отправилъ въ Кіевъ пословъ требовать сдачи. Послы были убиты. Завоеватели отступили съ намѣреніемъ придти на слѣдующій годъ и наказать кіевлянъ.

Въ концѣ 1240 года прибыла страшная сила Батыя, перейдя, вѣроятно, по льду черезъ Днѣпръ. Татарское полчище облегло верхній городъ (занимавшій мѣсто нынѣшняго стараго города). За предѣлами его къ рѣкѣ Лыбеди были посады, конечно тогда до тла истребленные. На югъ, по направленію къ Никольскому и Печерскому монастырямъ, былъ густой лѣсъ. Лѣтописецъ говоритъ, что полчище враговъ было до того огромно, что въ городѣ нельзя было разслышать словъ отъ скрипа телѣгъ татарскихъ, рева верблюдовъ и ржанія коней. Батый началъ свой приступъ къ Лядскимъ воротамъ, находившимся на южной сторонѣ. Татары день и ночь били пороками [1]) стѣны, и, наконецъ, пробили ихъ. Кіевляне отчаянно защищали остатокъ стѣнъ, пока, наконецъ, татары не сбили ихъ со стѣнъ и сами не вошли на стѣны. Тогда кіевляне столпились у Десятинной церкви и въ одну ночь возвели около нея укрѣпленіе. Когда завоеватели стали разрушать и эти укрѣпленія, кіевляне, съ своимъ имуществомъ, кто что̀ успѣлъ схватить, взбирались на верхъ церкви и отбивались оттуда до послѣдней возможности; наконецъ, подъ ними рухнули стѣны церковныя, по сказанію лѣтописца—отъ тяжести, но вѣроятнѣе всего подбитыя татарскими пороками.

О разрушеніи Подола мы не имѣемъ извѣстій, но несомнѣнно, что весь городъ Кіевъ превращенъ былъ тогда въ кучу развалинъ. Надобно также полагать, что значительная часть жителей заранѣе бѣжала, такъ какъ прихода татаръ давно ждали.

Оставленный Даниломъ въ городѣ тысячскій Димитрій, весь израненный, достался татарамъ, но Батый велѣлъ его пощадить, вѣроятно для того, чтобы воспользоваться имъ при дальнѣйшихъ походахъ.

Завоевательныя полчища Батыя двинулись отъ Кіева на западъ, истребляя и разрушая все на пути своемъ. Городъ Колодяжный (нынѣшній Ладыжинъ), вопреки примѣру другихъ русскихъ городовъ, сдался добровольно, въ надеждѣ быть пощаженнымъ. Но татары истребили въ немъ всѣхъ жителей, хотя не рѣдко въ подобныхъ случаяхъ они оказывали побѣжденнымъ пощаду. Всѣ волынскіе города подверглись разоренію; только Кременецъ, расположенный на неприступной горѣ, не поддался татарамъ. Во Владимірѣ истреблены были поголовно всѣ жи-

[1]) Такъ назывались стѣнобитныя орудія того времени.

тели. Застигнутые врасплохъ, русскіе кидали свои жилища въ городахъ и селахъ, скрывались въ лѣсахъ или бѣжали, сами не зная куда. Данило въ это время былъ въ Венгріи; еще не слыхавъ ничего о приближеніи татаръ, онъ отправился въ Венгрію для сватовства своего сына, которое на тотъ разъ не удалось ему. Въ его отсутствіи татары разорили опустѣлый Галичъ. Тысячскій Димитрій, желая спасти свою землю отъ дальнѣйшаго разоренія, убѣдилъ Батыя спѣшить въ Венгрію и представлялъ, что, въ противномъ случаѣ, венгры и нѣмцы соберутся на него съ большою силою. Завоеватели раздѣлились на двѣ части: одни черезъ Карпаты пошли въ Венгрію, другіе черезъ Польшу въ Силезію и Моравію, откуда черезъ три года вернулись назадъ въ свои степи.

Данило пріѣхалъ изъ Венгріи, не зная, гдѣ находится его семья и братъ, и отправился въ Польшу. Тамъ свидѣлся онъ съ княгиней и Василькомъ, которые укрывались въ Польшѣ отъ татаръ. Мазовскій князь Болеславъ предоставилъ изгнанникамъ городъ Вышгородъ, гдѣ Данило пробылъ до тѣхъ поръ, пока не узналъ, что татаръ уже нѣтъ въ его волости.

Возвращаясь въ свою землю, онъ хотѣлъ остановиться въ Дрогичинѣ, но тамошній намѣстникъ не пустилъ своего князя; вѣроятно, онъ былъ за-одно съ боярами, которые думали воспользоваться общимъ смятеніемъ, чтобы опять начать свои козни противъ князя. Данило съ братомъ Василькомъ отправились затѣмъ къ Берестью, но не могъ приблизиться къ городу отъ смрада гніющихъ тѣлъ. То же представилось имъ во Владимірѣ; тамъ не встрѣтили они ни одной души; всѣ церкви были наполнены грудами труповъ. Видно, что жители, во время нашествія татаръ, искали убѣжища въ церквахъ и тамъ погибали. Данилу пришлось отстраивать жилища и собирать разогнанные остатки населенія.

Между тѣмъ, галицкіе бояре, захвативши въ свои руки всю землю, думали править ею самовольно. Но теперь они уже не сладили съ волею Данила. Бояринъ Доброславъ и Судьичъ, поповъ внукъ, самовольно захватили Понизье, а Григорій Васильевичъ овладѣлъ горною страною перемышльскою. Эти бояре отъ себя раздавали волости и доходы разнымъ своимъ подручникамъ; такъ, у Доброслава было двое подручниковъ: Лазарь Домажиричъ и Иворъ Молибожичъ, люди низкаго происхожденія (какъ говоритъ лѣтописецъ), которымъ этотъ бояринъ поручилъ Коломыю, дававшую прежде князю большой доходъ солью. Къ счастью Данила, эти бояре жили между собою во враждѣ и, ненавидя сво-

его князя, доносили ему другъ на друга. Такимъ образомъ Доброславъ обвинялъ передъ Даниломъ Григорія. Пользуясь ихъ враждою, Данило, не вѣря ни тому ни другому, приказалъ схватить обоихъ и послалъ своего печатника Кирилла сдѣлать опись всѣмъ грабительствамъ и злоупотребленіямъ бояръ во время ихъ управленія.

Неугомонный, задорный сынъ черниговскаго князя Ростиславъ Михайловичъ, въ свою очередь, продолжалъ безпокоить Данила. Въ то время, когда Кириллъ производилъ осмотръ въ Понизьи, Ростиславъ, соединившись съ князьями бологовскими, пытался-было овладѣть Бакотою въ Понизьи, но не успѣлъ. За это Данило расправился съ бологовскими князьями, которые вывели его наконецъ изъ терпѣнія. Онъ въ особенности былъ золъ на нихъ за то, что они поладили съ татарами. Татары оставили покойно этихъ князей въ землѣ ихъ для того, чтобы они сѣяли на нихъ пшеницу и просо. Продолжая злобствовать противъ Данила, они надѣялись на покровительство татаръ. Данило имѣлъ право упрекать ихъ въ неблагодарности къ себѣ, такъ какъ ранѣе этого времени онъ избавилъ ихъ изъ рукъ мазовецкаго князя Болеслава и даже чуть-было не воевалъ изъ-за нихъ съ Болеславомъ. Теперь, наказывая ихъ за союзъ съ Ростиславомъ, онъ вступилъ съ войскомъ въ ихъ землю, взялъ и предалъ огню города ихъ: Деревичъ, Губинъ, Кобудъ, Кудинъ, Городецъ, Божьскій и Дядьковъ. Ростиславъ безпокоилъ Данила до самаго 1249 года. Онъ женился на дочери венгерскаго короля Бѣлы и съ помощью тестя надѣялся овладѣть Галичемъ. Въ эти распри вмѣшались и поляки, такъ какъ другая дочь Бѣлы была за княземъ Болеславомъ; на этомъ основаніи Данило помогалъ сопернику Болеслава Конраду, женатому на его родственницѣ. Наконецъ, послѣ долгихъ мелкихъ дракъ произошло рѣшительное сраженіе 1249 года.

Ростиславъ съ войскомъ, составленнымъ изъ русскихъ, венгровъ и Болеславовыхъ поляковъ, подступилъ къ городу Ярославлю. Венграми начальствовалъ воевода Фильній, прозванный русскими „прегордый Филя“, тотъ самый, который былъ нѣкогда разбитъ Мстиславомъ Удалымъ. Хвастливый Ростиславъ говорилъ: „Если бы я зналъ, гдѣ теперь Данило и Василько, съ десятью воинами поѣхалъ бы на нихъ!“ Между тѣмъ, онъ устроилъ военную игру (турниръ) и сразился съ какимъ-то Воршемъ. Подъ нимъ споткнулся конь; Ростиславъ упалъ и повредилъ себѣ плечо. Это сочтено было дурнымъ предзнаменованіемъ. Тѣмъ временемъ Данило съ Василькомъ шли противъ него. За ними

на помощь слѣдовали литва и поляки Конрадовой стороны; тутъ было также нѣсколько русскихъ князей, пришедшихъ на службу къ Данилу. Имъ на дорогѣ также было предзнаменованіе: надъ ихъ войскомъ собралась цѣлая туча орловъ и вороновъ и съ крикомъ кружилась надъ войскомъ: „Это знаменіе на добро",— говорили русскіе. Битва произошла 17 августа. Венгерскій воевода Фильній находился въ заднемъ полку и, держа въ рукахъ знамя, кричалъ: „Русь плохо бьется; выдержимъ ихъ первый напоръ: они не вытерпятъ сѣчи на долгое время". Но Данило ударилъ своимъ полкомъ и смялъ его. Знамя Фильнія было отнято и разодрано пополамъ. Молодой сынъ Данила, Левъ, изломилъ объ его доспѣхи копье свое. Съ другой стороны, поляки, указывая на русскихъ, кричали: „Погонимъ великія бороды!". – „Лжете"—закричалъ имъ Василько,—Богъ намъ помощникъ!" Поляки, по своему обычаю, закричали „керылѣшь" (киріэ элейсонъ) и дружно бросились на Василька, но русскіе отбили ихъ и обратили въ бѣгство. Ростиславъ увидѣлъ, что и венгры и поляки бѣгутъ, побѣжалъ самъ. Побѣда была вполнѣ на сторонѣ Данила. Воевода Фильній былъ схваченъ Андреемъ дворскимъ, приведенъ къ Данилу и убитъ. Тогда же былъ казненъ взятый въ плѣнъ бояринъ Володиславъ, зачинщикъ смутъ. Ростиславъ съ тѣхъ поръ уже не дѣлалъ болѣе покушенія на галицкій столъ. Тесть его Бѣла далъ ему въ удѣлъ Мачву на Савѣ, и послѣ того его имя уже не встрѣчается въ русской исторіи.

На слѣдующій годъ Данило примирился съ венгерскимъ королемъ, при посредствѣ митрополита Кирилла, и король отдалъ за сына Данилова, Льва, дочь свою. Свадьбу праздновали въ Изволинѣ, и Данило, въ знакъ мира, привелъ съ собою и отдалъ королю венгерскихъ плѣнниковъ, взятыхъ во время ярославской битвы.

Такъ, наконецъ, Данило успокоилъ и себя, и свои земли, какъ отъ венгровъ, такъ и отъ русскихъ князей. Много труда и усилій, много тяжелыхъ лѣтъ и неутомимаго терпѣнія стоило ему это успокоеніе. Теперь онъ былъ одинъ изъ сильнѣйшихъ владѣтелей въ словянскомъ мірѣ. До сихъ поръ онъ не считалъ себя данникомъ хана. Монгольскія полчища пока только прошли по Южной Руси разрушительнымъ ураганомъ, оставивши по себѣ, хотя ужасные, но скоро-поправимые слѣды. Участь другихъ русскихъ князей, казалось, миновала Данила. Но не такъ вышло на дѣлѣ, какъ казалось. Въ 1250 году прибыли послы отъ Батыя съ грознымъ словомъ: „Дай Галичъ!"

Данило запечалился. Занятый безпрестанными войнами съ

своими соперниками, онъ не успѣлъ укрѣпить городовъ своихъ и не былъ въ состояніи дать отпора татарскому полчищу, если бы оно пошло на него. Обсудивши свое положеніе, Данило сказалъ: „не дамъ полуотчины своей, самъ поѣду къ хану". Въ самомъ дѣлѣ, Данилу приходилось, уступивши Галичъ, не только потерять землю, пріобрѣтенную такими многолѣтними кровавыми усиліями, но ему угрожала бо̀льшая бѣда: отнявши Галичъ, монголы не оставили бы его въ покоѣ съ остальными владѣніями; и потому благоразумнѣе было заранѣе признать себя данникомъ хана, чтобы удержать свою силу на будущее время, когда, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, можно будетъ заговорить иначе съ завоевателями Руси. 26 октября выѣхалъ Данило въ далекій путь.

Проѣзжая чрезъ Кіевъ, Данило остановился въ Выдубицкомъ монастырѣ, созвалъ къ себѣ соборныхъ старцевъ и монаховъ, просилъ молиться о немъ, отслужилъ молебенъ Архистратигу Михаилу, и напутствуемый благословеніями игумена, сѣлъ въ ладью и отправился въ Переяславль. Здѣсь встрѣтили его татары. Ханскій темникъ [1]) Куремса проводилъ его въ дальнѣйшій путь. Тяжело и страшно было ѣхать Данилу. Съ грустью смотрѣлъ онъ на языческіе обряды монголовъ, владычествовавшихъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде господствовало христіанство. Его страшили слухи, что монголы заставятъ православнаго князя кланяться кусту, огню и умершимъ прародителямъ. Слѣдуя по степи, доѣхалъ онъ до Волги. Здѣсь встрѣтилъ его нѣкто Сунгуръ и сказалъ: — „Братъ твой кланялся кусту, и тебѣ придется кланяться". — „Дьяволъ говоритъ твоими устами, — сказалъ разсерженный Данило,—чтобъ Богъ загородилъ твои уста и не слышалъ бы я такого слова!"

Батый позвалъ его къ себѣ и, къ утѣшенію Данила, его не заставляли дѣлать ничего такого, что̀ бы походило на служеніе идоламъ.

„Данило,—сказалъ ему Батый,—отчего ты такъ долго не приходилъ ко мнѣ? Теперь ты пришелъ и хорошо сдѣлалъ. Пьешь ли наше молоко, кобылій кумысъ?"

„До сихъ поръ не пилъ, а прикажешь—буду пить".

Батый сказалъ ему: „ты уже нашъ—татаринъ, пей наше питье".

Данило выпилъ, и сказалъ, что пойдетъ поклониться ханшѣ; Батый отвѣтилъ: „иди".

---

[1]) Предводитель десятитысячнаго войска.

Данило поклонился ханшѣ, и Батый послалъ ему вина со словами: „не привыкли вы пить кумысъ, пей вино“.

Данило пробылъ 25 дней въ Ордѣ и былъ отпущенъ милостиво. Батый отдалъ ему его владѣнія въ вотчину. Родные и близкіе встрѣтили его по возвращеніи съ радостью и вмѣстѣ съ грустью: они радовались, видя, что онъ воротился живъ и здоровъ, и скорбѣли объ его униженіи. Вмѣстѣ съ своимъ княземъ вся Русская земля чувствовала это униженіе, и оно-то прорвалось въ возгласѣ современника-лѣтописца: „О, злѣе зла честь татарская! Данило Романовичъ, князь великій, обладавшій Русскою землею, Кіевомъ, Волынью, Галичемъ и другими странами, нынѣ стоитъ на колѣняхъ, называется холопомъ, облагается данью, за жизнь трепещетъ и угрозъ страшится!“

Подчиненіе хану, хотя, съ одной стороны, унижало князей, но за то, съ другой, укрѣпляло ихъ власть. Ханъ отдавалъ Данилу, какъ и другимъ князьямъ, земли его въ вотчину. Прежде Данило, какъ и прочіе князья, называлъ свои земли отчинами, но это слово имѣло другое значеніе, чѣмъ впослѣдствіи слово вотчина. Прежде оно означало не болѣе, какъ нравственное право князя править и княжить тамъ, гдѣ княжили его прародители. Но это право зависѣло еще отъ разныхъ условій: отъ воли бояръ и народа, отъ удачи соперниковъ, въ которыхъ не было недостатка, отъ иноплеменнаго сосѣдства и отъ всякихъ случайностей. Князья должны были постоянно беречь и охранять себя собственными средствами. Теперь, князь, поклонившись хану, предавалъ ему свое княженіе въ собственность, какъ завоевателю, и получалъ его обратно, какъ наслѣдственное владѣніе; теперь онъ имѣлъ право на покровительство и защиту со стороны того, кто далъ ему владѣніе. Никто не могъ отнять у него княженія, кромѣ того, отъ кого онъ получилъ его. Вѣчевое право, выражаемое волею ли бояръ, волею ли всего народа, необходимо должно было смолкнуть, потому что князь могъ всегда припугнуть непокорныхъ татарами. Сосѣдній князь не отваживался уже такъ смѣло, какъ прежде, выгонять другого князя, потому что послѣдній могъ искать защиты въ сильной Ордѣ. Князья становились государями. Это положеніе сразу поняли восточные князья, и потому такъ легко примирились съ новымъ порядкомъ вещей. Но Данило слишкомъ привыкъ къ прежнему строю жизни, чтобы примириться съ новымъ положеніемъ. Онъ былъ гораздо ближе къ европейскимъ понятіямъ, чѣмъ восточные князья. Стыдъ рабскаго положенія не могъ для

него ничѣмъ выкупаться. Его задушевною мыслью стало освобожденіе отъ постыднаго ига.

Цѣль эта могла быть достигнута въ будущемъ, какъ матеріальнымъ усиленіемъ Данила, такъ и возвышеніемъ его нравственнаго значенія въ ряду европейскихъ владѣтелей. Вся остальная жизнь Данила была посвящена этой идеѣ, и, какъ увидимъ, неудачно.

Дружба и союзъ съ королемъ венгерскимъ вовлекли Данила въ дѣла Западной Европы. Послѣ смерти австрійско-штирійскаго герцога Фридриха, венгерскій король хотѣлъ не допустить нѣмецкаго императора взять себѣ Австрію и Штирію, страны, остававшіяся теперь безъ владѣтеля. Король въ 1252 году пригласилъ на помощь Данила. Дѣло уладилось-было черезъ императорскихъ пословъ въ Пожгѣ. Здѣсь Данило видѣлся съ нѣмецкими послами, которые удивлялись необычному для нихъ вооруженію русскихъ: ихъ конямъ, одѣтымъ въ кожаные доспѣхи, и ихъ блестящему, татарскому оружію. Самъ Данило ѣхалъ рядомъ съ королемъ, одѣтый по-русски; сѣдло подъ нимъ было обито чистымъ золотомъ, стрѣлы и сабли позолоченныя, съ узорами. На немъ былъ „кожухъ“ (конечно не тулупъ, такъ какъ тогда былъ знойный день) греческой матеріи, украшенный кружевами и золотой тесьмой; и былъ князь обутъ въ зеленыхъ сафьянныхъ сапогахъ, вышитыхъ золотомъ. Его превосходный породистый конь возбуждалъ удивленіе и похвалы. „Твой пріѣздъ, по обычаю русскихъ князей, дороже мнѣ тысячи серебра“, сказалъ ему въ привѣтствіе венгерскій король. Вскорѣ послѣ того поднялся новый споръ за австрійско-штирійское наслѣдство. У покойнаго Фридриха было двѣ дочери: одна изъ нихъ была за Оттокаромъ, сыномъ чешскаго короля Вацлава, а другая, по имени Гертруда, была вдова маркграфа баденскаго. Оттокаръ, съ согласія партіи, державшей его сторону въ Австріи, хотѣлъ овладѣть всѣмъ наслѣдствомъ. Гертруда обратилась къ покровительству Бѣлы. Здѣсь, при дворѣ его, познакомился съ нею сынъ Данила, Романъ, и женился на ней. Такимъ образомъ у Данила возникло притязаніе утвердить сына въ обладаніи Австріею и Штиріею. Для завѣтныхъ цѣлей Данила удача въ томъ случаѣ имѣла бы большое значеніе. Въ союзѣ съ Бѣлою и зятемъ Бѣлы, Болеславомъ Стыдливымъ, польскимъ княземъ, Данило совершилъ противъ Оттокара походъ въ чешскія владѣнія, въ землю Опавскую (Троппау). Походъ этотъ, безплодный по своимъ послѣдствіямъ, замѣчателенъ только тѣмъ, что, по выраженію лѣтописца, ни одинъ русскій князь не заходилъ такъ далеко на западъ.

Даниловы союзники, поляки, въ этой войнѣ вели себя очень не храбро, такъ что Данилу пришлось усовѣщевать ихъ. Наконецъ, потерявши терпѣніе, онъ сказалъ имъ: „Если хотите, идите прочь, а я останусь съ малою дружиною". Самъ Данило страдалъ тогда сильною глазною болѣзнью, но все-таки неутомимо разъѣзжалъ съ обнаженнымъ мечомъ, собиралъ и ободрялъ воиновъ. Союзники, не взявши города Опавы, овладѣли только городкомъ Насилье (Носельтъ), потомъ заставили чешскаго воеводу Герборта прислать мечъ Данилу въ знакъ покорности. Война эта, по всеобщему тогдашнему обычаю, сопровождалась варварскимъ разореніемъ края, но Данило смягчалъ ея жестокость. Такимъ образомъ, взявши городъ Насилье, онъ только освободилъ своихъ плѣнниковъ и не велѣлъ никому дѣлать зла.

Роману Даниловичу и впослѣдствіи не удалось овладѣть Австріею. Бѣла измѣнилъ своимъ видамъ относительно Романа. Оставивши у себя при дворѣ сына Гертруды отъ перваго брака, онъ задумалъ женить его на своей дочери и предоставить ему спорныя владѣнія, а потому и покинулъ безъ помощи Романа, боровшагося въ Австріи съ Оттокаромъ. Осажденный въ Нейбургѣ близъ Вѣны, Романъ вмѣстѣ съ женою терпѣлъ недостатокъ, напрасно ожидая выручки отъ Бѣлы. Тогда Оттокаръ сдѣлалъ ему такое предложеніе: „Оставь короля угорскаго: онъ тебѣ много обѣщаетъ, но ничего не исполнитъ; ты мнѣ свойкъ: раздѣлимъ землю пополамъ: а что я говорю правду, въ томъ ставлю тебѣ свидѣтелей: папу и двѣнадцать епископовъ". Но Романъ слѣдовалъ нравственнымъ правиламъ отца своего, никогда не измѣнявшаго своимъ союзникамъ, и сказалъ: „Я далъ обѣщаніе королю угорскому, своему тестю: не могу тебя послушать. Стыдно и грѣшно не исполнять даннаго слова". Сама жена вооружала его противъ Бѣлы: „Онъ взялъ моего сына къ себѣ,—говоритъ она,—хочетъ забрать нашу землю, а мы за него здѣсь голодъ терпимъ". Романъ былъ непреклоненъ. Преданная имъ женщина тайкомъ пробиралась изъ Нейбурга въ Вѣну и приносила имъ пищу. Наконецъ, какой-то Веренгеръ вывелъ ихъ изъ осады и Романъ отправился къ отцу.

Планъ Данила съ этой стороны окончательно рушился.

Удачнѣе шли дѣла Данила на сѣверѣ. Ятвяги, народъ воинственный, дикій и жестокій, жившій въ лѣсахъ и болотахъ нынѣшней гродненской губерніи, дѣлали опустошительные набѣги на русскія области и уводили множество плѣнниковъ, которыхъ держали въ тяжеломъ рабствѣ. Данило проникъ въ ихъ трущобы, разорилъ ихъ селенія, и освободилъ всѣхъ русскихъ плѣнниковъ,

наконецъ, умертвилъ въ битвѣ ихъ князя Стеконта, подчинилъ ихъ своей власти и наложилъ на нихъ дань.

Удачно также шли дѣла его съ литвою. Этотъ народъ, когда-то покорный русскимъ князьямъ, былъ выведенъ изъ терпѣнія нѣмецкими рыцарями, хотѣвшими жестокими мѣрами распространить между нимъ крещеніе. Столкновеніе съ этими новыми врагами пробудило спящія силы литвиновъ, и они не только упорно и мужественно отбивались отъ враговъ, но сдѣлались воинственнымъ и завоевательнымъ народомъ. Литва начала расширяться на счетъ Руси. Одинъ изъ ея князей, Миндовгъ, заложилъ свою столицу Новогродокъ на Русской землѣ и сдѣлался сильнѣйшимъ княземъ по всей Литвѣ. Двое племянниковъ его: Тевтивиллъ и Эдивидъ сдѣлались князьями—одинъ полоцкимъ, другой смоленскимъ, а дядя ихъ, Викинтъ — витебскимъ. Миндовгъ хотѣлъ подчинить ихъ своей власти; тогда они обратились за помощью къ Данилу. Данило, послѣ смерти первой жены своей Анны, женился на сестрѣ Тевтивилла и Эдивида, и теперь горячо принялъ ихъ сторону. Чтобы усмирить Миндовга, Данило заключилъ союзъ съ Ригою, вооружилъ противъ Миндовга половину жмуди (вѣтвь литовцевъ) и ятвяговъ и стѣснилъ Миндовга такъ, что послѣдній, съ намѣреніемъ разорвать союзъ Данила съ нѣмцами, изъявилъ желаніе принять католическую вѣру. Въ 1252 году онъ крестился въ присутствіи папскаго легата и магистра Нѣмецкаго Ордена, и былъ коронованъ королемъ. Крещеніе его было притворное: онъ въ душѣ оставался язычникомъ. Вскорѣ Миндовгъ убѣдился, что союзъ его съ нѣмцами приведетъ его къ порабощенію и что гораздо лучше будетъ сойтись съ русскими. Онъ помирился съ племянниками и предложилъ миръ и родственный союзъ Данилу, отдавши свою дочь за сына Данилова, Шварна. Союзъ этотъ устроилъ сынъ Миндовга, знаменитый Воишелкъ: сперва кровожадный и жестокій, этотъ литовскій князь потомъ принялъ христіанство, постригся въ монахи и сдѣлался строгимъ отшельникомъ. Преданный Данилу, онъ привелъ къ нему сестру свою, будущую жену Шварна. Миръ закрѣпленъ тѣмъ, что старшему сыну Данила, Роману, предоставили Новогродокъ, Слонимъ и Волковыйскъ, съ обязанностью, однако, признавать первенство Миндовга.

Но всѣ эти успѣхи были недостаточны для цѣлей Данила. Ему нужно было пріобрѣсть значеніе и силу въ Европѣ, заручиться надеждою на помощь со стороны Запада въ то время, когда онъ открыто рѣшился дѣйствовать противъ татаръ. Для этой цѣли нужно было сойтись ему съ такою центральною силою,

которая двигала всѣмъ западнымъ міромъ. Такою центральною силою казался ему папа. Постоянныя и долгія сношенія съ западными католическими государями неизбѣжно должны были внушить ему высокое мнѣніе о могуществѣ духовнаго римскаго престола, хотя въ то время это могущество въ сущности не могло произвести того, что̀ производило столѣтіемъ ранѣе. Сношенія съ папою начались еще съ 1246 года. Данило изъявлялъ желаніе отдать себя подъ покровительство св. Петра, чтобы идти подъ благословеніемъ римскаго престола, вмѣстѣ съ западнымъ христіанствомъ, на монголовъ. Послѣдствіемъ этого обращенія былъ цѣлый рядъ папскихъ посольствъ и буллъ. Желая прежде всего устроить присоединеніе русской Церкви, папа Иннокентій IV послалъ къ Данилу доминиканскихъ монаховъ Алексѣя Гецелона и другихъ, для совѣщанія о вѣрѣ и для постояннаго пребыванія при русскомъ князѣ, писалъ цѣлый рядъ буллъ, называлъ въ нихъ Данила королемъ, дозволялъ русскимъ сохранять ненарушимо служеніе литургіи на просфорахъ и соблюдать всѣ обряды греческой церкви и предлагалъ, между прочимъ, короновать его королемъ. Но Данило имѣлъ въ виду только одно: существенную помощь Запада для освобожденія Руси отъ монголовъ, а потому не поддавался ни на какія уловки. „Что мнѣ въ королевскомъ вѣнцѣ?—говорилъ онъ папскому послу:—татары не перестаютъ дѣлать намъ зло; зачѣмъ я буду принимать вѣнецъ когда мнѣ не даютъ помощи!“ Въ 1249 году, потерявши надежду на помощь папы, Данило изгналъ епископа Альберта, котораго папа назначилъ главою духовенства въ Южной Руси. Папскій легатъ съ неудовольствіемъ выѣхалъ изъ Галиціи. Тѣмъ и кончились тогда сношенія Данила съ папою. Въ 1252 году, король венгерскій помирилъ Данила съ Римомъ, и сношенія съ папою возобновились. Въ 1253 году папа издалъ буллу ко всѣмъ христіанамъ Богеміи, Моравіи, Сербіи и Помераніи, призывающую ихъ ко крестовому походу противъ татаръ, а въ слѣдующемъ, 1254 году—буллу къ архіепископу, епископамъ и другимъ духовнымъ особамъ Эстоніи и Пруссіи, чтобы они проповѣдывали крестовый походъ противъ татаръ. Въ глазахъ Данила вся восточная Европа готова была подняться противъ завоевателей Руси. Тогда же папа отправилъ пословъ къ Данилу съ королевскою короною, но Данило не очень горячо хватался за эту папскую милость. Когда онъ, возвращаясь изъ чешскаго похода, свидѣлся съ этими послами въ Краковѣ, то сказалъ имъ: „Не годится мнѣ видѣться съ вами въ чужой землѣ. Послѣ!“ Въ слѣдующемъ году пріѣхалъ въ Русь папскій легатъ Опизо съ королевскимъ

вѣнцомъ, скипетромъ и съ щедрыми обѣщаніями помощи противъ татаръ. Данило и теперь еще колебался; но его убѣдили принять предложеніе папы, съ одной стороны—его мать, а съ другой — польскіе князья Болеславъ и Земовитъ. Послѣдніе съ своими вельможами обѣщали Данилу, какъ только онъ приметъ вѣнецъ, тотчасъ идти противъ татаръ. Данило былъ торжественно коронованъ въ Дрогичинѣ и помазанъ папскимъ легатомъ (1255). Его успокоили увѣренія легата, что „папа уважаетъ греческую церковь, проклинаетъ тѣхъ, кто осуждаетъ ея обряды и намѣренъ скоро собрать соборъ для соединенія церквей".

Въ томъ же году начались непріязненныя дѣйствія съ татарами. Неизвѣстно, дошелъ ли до монголовъ слухъ, что на Западѣ собираются идти на нихъ, или же ихъ раздражило то, что Данило укрѣплялъ свои города. Ханскій темникъ Куремса подступилъ къ Бакотѣ. Ее сдалъ татарамъ Милѣй, вѣроятно русскій, и назначенъ былъ въ ней отъ татаръ баскакомъ. Данило, занятый въ то время дѣлами въ Литвѣ, послалъ въ Бакоту сына своего Льва. Левъ отвоевалъ Бакоту и привелъ плѣннаго Милѣя къ отцу. Измѣнникъ успѣлъ умилостивить князей. Левъ самъ поручился за него, и Данило, понадѣявшись на его увѣренія въ вѣрности, отпустилъ Милѣя, а послѣдній тотчасъ же отдалъ Бакоту опять татарамъ. Куремса подступилъ къ Кременцу, но не взялъ его. Нашелся русскій князь, увидавшій возможность воспользоваться гнѣвомъ татаръ противъ Данила для своихъ выгодъ: то былъ Изяславъ, князь новгородъ-сѣверскій, племянникъ тѣхъ Игоревичей, которые нѣкогда были повѣшены въ Галичѣ; онъ предложилъ татарамъ овладѣть Галичемъ и просилъ ихъ помощи. Куремса сказалъ ему: „какъ ты пойдешь на Галичъ? лютъ князь Данило, убьетъ тебя!" Изяславъ не послушался совѣта и пошелъ въ Галичъ. Услышавши объ этомъ, Данило послалъ туда съ отрядомъ сына своего Романа, а самъ у Грубѣшова съ своими людьми охотился за вепрями, собственноручно убилъ троихъ звѣрей рогатиной и отдалъ мясо воинамъ: „Если встрѣтятся вамъ хотя бы татары,—говорилъ онъ имъ,—не бойтесь!" Видно, что татары своимъ однимъ именемъ наводили ужасъ на русскихъ. Романъ напалъ на Изяслава такъ неожиданно, что тотъ, не будучи въ силахъ ни защищаться, ни убѣжать, взобрался на церковь и тамъ сидѣлъ три дня, а на четвертый, не стерпѣвъ жажды, сдался и былъ приведенъ къ Данилу.

Куремса, человѣкъ слабый и недѣятельный, не трогалъ долго Данила. Это ободрило русскаго князя. Онъ рѣшился отобрать у татаръ русскіе города до самаго Кіева. Литовскій князь Мин-

довгъ далъ обѣщаніе дѣйствовать съ нимъ за-одно. Данило отправилъ войско подъ начальствомъ сыновей своихъ: Шварна и Льва и воеводы Діонисія Павловича. Діонисій взялъ Межибожье; Левъ занялъ берега Буга и выгналъ оттуда татаръ; отряды Данила и Василька завоевали Бологовскій край, а Шварно овладѣлъ всѣми городами на востокъ по рѣкѣ Тетереву до Жидичева. Бѣлобережцы, чернятинцы, бологовцы, съ своей стороны, прислали пословъ своихъ къ Данилу, но городъ Звягель [1]), обѣщавшій принять къ себѣ Данилова тіуна, измѣнилъ и не сдавался. Данило самъ отправился вслѣдъ за своимъ сыномъ Шварномъ, взялъ Звягель приступомъ и разселилъ его жителей. Въ это время литовцы, вмѣсто того, чтобы помогать Данилу и идти съ нимъ по обѣщанію къ Кіеву, начали грабить и разорять его владѣнія около Луцка, совершенно неожиданно для Данила. Посланный противъ нихъ дворскій Олекса наказалъ ихъ жестоко, загнавъ и потопивши въ озеро. Но измѣна литовцевъ остановила дальнѣйшія движенія Данила.

Вражда татарамъ была объявлена. Силы Куремсы двинулись на Луцкъ, но этотъ городъ стоялъ на островѣ, и жители заранѣе истребили мостъ; татары черезъ рѣку Стырь хотѣли пускать камни въ городъ, но поднялась сильная буря и изломала ихъ пороки. Съ тѣхъ поръ Куремса не нападалъ на Данила. Но въ 1260 году на мѣсто Куремсы былъ назначенъ другой темникъ, по имени Бурандай, человѣкъ суровый, воинственный.

Вотъ уже пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Данилу обѣщали крестовый походъ, но обѣщаніе не исполнялось; Данило, между тѣмъ, понадѣявшись на помощь съ Запада, раздразнилъ татаръ и былъ теперь предоставленъ собственнымъ силамъ. Бурандай явился съ огромнымъ войскомъ на Волынь, не дѣлалъ никакихъ укоровъ Данилу за его послѣдніе дѣйствія, а послалъ приказаніе идти съ нимъ на Литву. Данило радъ былъ и тому, что могъ на время избавиться отъ такихъ гостей, и отправилъ на Литву къ Бурандаю брата своего Василька. Недавняя измѣна литовцевъ, остановившая успѣхи Данила, оправдываетъ поступокъ его. Татары разсѣялись по Литвѣ, жгли и опустошали ее. Бурандай, какъ будто довольный послушаніемъ Василька, ласково отпустилъ его во Владиміръ. Но въ слѣдующемъ 1261 году, возвратившись изъ Литвы, Бурандай послалъ къ Романовичамъ такое грозное посланіе: „Встрѣчайте меня, если вы въ мирѣ со мною, а кто меня не встрѣтитъ—съ тѣмъ я въ войнѣ“. Ва-

[1]) Нынѣ Новгородъ-Волынскій.

силько въ то время справлялъ свадьбу своей дочери съ черниговскимъ княземъ, и, оставивши свадебный пиръ, долженъ былъ ѣхать на поклонъ къ грозному темнику. Данило не поѣхалъ къ нему и послалъ на мѣсто себя сына Льва и холмскаго владыку Ивана.

Посланные явились къ Бурандаю подъ Шумскомъ и принесли ему дары. Бурандай встрѣтилъ ихъ грозно и началъ кричать на Василька и Льва. Владыка совершенно оторопѣлъ отъ страха. Наконецъ, Бурандай сказалъ князьямъ: „Если хотите жить съ нами въ мирѣ, размечите всѣ ваши города".

Помощи надѣяться было неоткуда; при малѣйшемъ упорствѣ Бурандай задержалъ бы князей и пустилъ бы татаръ истреблять въ краѣ старыхъ и малыхъ. Приходилось уступить.

Левъ разметалъ укрѣпленія города Львова, имъ самимъ построеннаго, и города Стожка, недавно воздвигнутаго Даниломъ, а Василько послалъ приказаніе уничтожить укрѣпленія Кременца и Луцка. Самъ Бурандай отправился съ Василькомъ во Владиміръ, желая быть свидѣтелемъ разрушенія укрѣпленій столицы волынскаго края. Не дойдя до этого города, татарскій темникъ остановился ночевать на Житанѣ и сказалъ Васильку: „Иди и размечи свой городъ".

Василько, прибывши къ Владиміру, увидѣлъ, что въ скоромъ времени нельзя разобрать всѣхъ стѣнъ до пріѣзда Бурандая и потому приказалъ зажечь ихъ. Бурандай, пріѣхавши вслѣдъ за нимъ, съ радостью смотрѣлъ, какъ потухали сгорѣвшія стѣны, обѣдалъ затѣмъ у Василька, обошелся съ нимъ милостиво и на ночь выѣхалъ изъ города, а утромъ послалъ къ Васильку татарина Баймура, который сказалъ ему такъ: „Василько, приказалъ мнѣ Бурандай раскопать твой городъ".

„Дѣлай то, что̀ тебѣ приказано!"—отвѣчалъ Василько.

Баймуръ раскопалъ владимірскіе окопы: это знаменовало побѣду татаръ надъ русскими.

Вслѣдъ за тѣмъ Бурандай призвалъ Василька и приказалъ, собравъ бояръ и слугъ, идти на Холмъ.

Данила уже не было тогда въ его столицѣ. Владыка Иванъ пріѣхалъ туда впередъ и разсказалъ Данилу о томъ, что̀ слышалъ отъ Бурандая въ Шумскѣ. Данило бѣжалъ въ Венгрію. Сопротивляться ему противъ татаръ было невозможно, а унижаться и раболѣпствовать было слишкомъ невыносимо.

Городъ Холмъ былъ хорошо укрѣпленъ пороками и самострѣлами; бояре и горожане готовы были отражать приступъ. Бурандай сказалъ Васильку: „Это городъ твоего брата, ступай

къ горожанамъ, уговори ихъ сдаться". Вмѣстѣ съ нимъ отправилъ онъ троихъ татаръ и толмача съ приказаніемъ наблюдать, что̀ будетъ говорить Василько съ русскими.

Василько набралъ въ руки камешковъ и, придя подъ городъ съ татарами, началъ кричать такъ: „Эй ты, холопъ Константинъ, и ты, другой холопъ Лука Иванковичъ, это городъ брата моего и мой, сдавайтесь"! и съ этими словами трижды бросилъ камни о-земь.

Бояринъ Константинъ, стоя на стѣнѣ съ горожанами, понялъ, что̀ означало это бросаніе камней: Василько, не смѣя сказать словами того, что̀ хотѣлъ, давалъ имъ знакъ, чтобы они не дѣлали того, что̀ онъ имъ приказывалъ на словахъ.

„Ступай прочь!—закричалъ бояринъ Константинъ:—а то мы тебя хватимъ камнемъ въ лицо; ты уже теперь не братъ своему брату, а врагъ его".

Татары разсказали Бурандаю то, что̀ слышали, и Бурандай былъ очень доволенъ Василькомъ. Брать укрѣпленные города осадою было не въ духѣ татаръ, и потому-то татары такъ настаивали, чтобы въ покоренной ими землѣ не было укрѣпленныхъ мѣстъ. Татары отступили.

Бурандай приказалъ Васильку идти съ собой на Польшу. Василько по-неволѣ долженъ былъ опять повиноваться и быть свидѣтелемъ и участникомъ разоренія края. Татары взяли приступомъ Судомиръ (Сендомиръ) и перебили всѣхъ жителей, не щадя ни пола, ни возраста, когда послѣдніе выбѣжали въ поле изъ разореннаго города. Надѣлавши опустошеній въ Польшѣ, Бурандай удалился въ свои становища въ приднѣпровской Украинѣ.

Итакъ, всѣ задушевныя предположенія Данила разрушились. Западъ обманулъ его. Онъ долженъ былъ понять, что съ этой стороны нельзя ждать Руси спасенія отъ татаръ. Его сношенія съ папою не привели ни къ какому желанному результату, ни для него, ни для папы. Данило хотѣлъ помощи противъ завоевателей и, только ради этой помощи, искалъ покровительства папы; папская политика имѣла въ виду одно: обольстить русскихъ и подчинить ихъ Церковь своей власти, въ какомъ бы матеріальномъ положеніи они ни оставались. Понятно, что Данило, видя себя обманутымъ со стороны Запада, и видя безсиліе папы для своихъ цѣлей, не хотѣлъ болѣе знать его. Папа Александръ IV еще въ 1257 году писалъ ему буллу съ горькими укорами за то, что онъ не оказываетъ никакого повиновенія папскому престолу и грозилъ церковнымъ проклятіемъ. Данило уже не обращалъ вниманія на эти угрозы. Въ этомъ дѣлѣ Данило

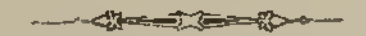
велъ себя вполнѣ честно и безукоризненно: онъ не хитрилъ, а говорилъ открыто, что ему нужна дѣйствительная помощь противъ враговъ, и только подъ этимъ условіемъ обѣщалъ признать духовную власть римскаго первосвященника, притомъ не иначе, какъ тогда, когда будетъ созванъ соборъ, долженствующій установить соединеніе церквей. Ни того, ни другого не было сдѣлано со стороны папы, который въ сущности не въ состояніи былъ исполнить того, что̀ обѣщалъ. Понятно, что Данило могъ считать свою совѣсть спокойною, отвернувшись отъ папы.

Обнаженная отъ своихъ укрѣпленій, Русь стала болѣе прежняго открытою для литовскихъ набѣговъ. Литовцы, отмщая русскимъ за татарскій походъ, сдѣлали вторженіе въ ихъ землю, но были прогнаны и разбиты Василькомъ. Вслѣдъ затѣмъ въ 1262 г. въ Литвѣ произошелъ переворотъ: Миндовгъ, обратившійся опять къ язычеству, былъ убитъ. Сынъ его Воишелкъ, оставивъ на время монашескій чинъ, принялъ званіе литовскаго князя, перебилъ враговъ Миндовга и готовился снова идти въ монастырь, предоставляя княженіе сыну Данила, Шварну. Среди этихъ событій въ 1264 году Данило, еще прежде впавшій въ болѣзнь, скончался въ Холмѣ и погребенъ тамъ въ построенной имъ церкви Богородицы.

Въ судьбѣ этого князя было что-то трагическое. Многаго добился онъ, чего не достигалъ ни одинъ южнорусскій князь, и съ такими усиліями, которыхъ не вынесъ бы другой. Почти вся Южная Русь, весь край, населенный южно-русскимъ племенемъ, былъ въ его власти; но, не успѣвши освободиться отъ монгольскаго ига и дать своему государству самостоятельнаго значенія, Данило тѣмъ самымъ не оставилъ и прочныхъ залоговъ самостоятельности для будущихъ временъ. По отношенію къ своимъ западнымъ сосѣдямъ, какъ и вообще во всей своей дѣятельности, Данило, всегда отважный, неустрашимый, но вмѣстѣ съ тѣмъ великодушный и добросердечный до наивности, былъ менѣе всего политикъ. Во всѣхъ его дѣйствіяхъ мы не видимъ и слѣда хитрости, даже той хитрости, которая не допускаетъ людей попадаться въ обманъ. Этотъ князь представляетъ совершенную противоположность съ осторожными и разсчетливыми князьями Восточной Руси, которые при всемъ разнообразіи личныхъ характеровъ, усвоивали отъ отцовъ и дѣдовъ путь хитрости и насилія, и привыкли не разбирать средствъ для достиженія цѣли.

Не прошло ста лѣтъ послѣ Данила, и въ то время, какъ въ Восточной Руси возникали прочныя начала государственнаго единенія, Южная Русь—явившись еще въ XIII вѣкѣ на короткое

время въ образѣ государства подъ властью князя, получившаго титулъ монарха между европейскими государями—не только распалась, но сдѣлалась добычею чужеземцевъ. Къ такой судьбѣ безспорно приводило ее географическое положеніе,—близкое сосѣдство съ Европою. Восточною частью Южной Руси завладѣли литовцы, западною—поляки, и, по соединеніи послѣднихъ между собою въ одну державу, Южная Русь на многіе вѣка была оторвана отъ русской семьи, подвергаясь насильственному давленію чуждыхъ стихій и выбиваясь изъ-подъ ихъ гнета тяжелыми, долгими и кровавыми усиліями народа. Но личность Данила Галицкаго, тѣмъ не менѣе, остается благородною, наиболѣе возбуждающею къ себѣ сочувствіе личностью во всей древней русской исторіи.



VIII.

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ ЯРОСЛАВИЧЪ НЕВСКІЙ.

XIII вѣкъ былъ періодомъ самаго ужаснаго потрясенія для Руси. Съ востока на нее нахлынули монголы съ безчисленными полчищами покоренныхъ татарскихъ племенъ, разорили, обезлюдили большую часть Руси и поработили остатокъ народонаселенія; съ сѣверо-запада угрожало ей нѣмецкое племя подъ знаменемъ западнаго католичества. Задачею политическаго дѣятеля того времени было поставить Русь по возможности въ такія отношенія къ разнымъ врагамъ, при которыхъ она могла удержать свое существованіе. Человѣкъ, который принялъ на себя эту задачу и положилъ твердое основаніе на будущія времена дальнѣйшему исполненію этой задачи, по справедливости можетъ назваться истиннымъ представителемъ своего вѣка.

Такимъ является въ русской исторіи князь Александръ Ярославичъ Невскій.

Отрочество и юность его большею частію протекли въ Новгородѣ. Отецъ его Ярославъ всю жизнь то ссорился съ новгородцами, то опять ладилъ съ ними. Нѣсколько разъ новгородцы прогоняли его за крутой нравъ и насиліе и нѣсколько разъ приглашали снова, какъ-бы не въ состояніи будучи обойтись безъ него. Князь Александръ уже въ молодыхъ лѣтахъ подвергался тому же вмѣстѣ съ отцомъ. Въ 1228 году, оставленный съ своимъ братомъ Ѳедоромъ, съ двумя княжескими мужами, въ Новгородѣ, онъ долженъ былъ бѣжать, не выдержавъ поднявшагося въ то время междоусобія—явленія, обычнаго въ вольномъ Новгородѣ. Въ 1230 году юноша снова вернулся въ Новгородъ съ отцомъ и съ тѣхъ поръ, какъ кажется, долго не покидалъ Новгорода. Съ 1236 года начинается его самобытная дѣятель-

ность. Отецъ его Ярославъ уѣхалъ въ Кіевъ; Александръ посаженъ былъ княземъ въ Великомъ Новѣгородѣ. Черезъ два года (1238) Новгородъ праздновалъ свадьбу своего молодого князя: онъ женился на Александрѣ, дочери Брячислава полоцкаго, какъ кажется послѣдняго изъ Рогволодовичей, скоро замѣненныхъ въ Полоцкѣ литовскими князьями. Вѣнчаніе происходило въ Торопцѣ. Князь отпраздновалъ два свадебныхъ пира, называемыхъ тогда „кашею"—одинъ въ Торопцѣ, другой въ Новгородѣ, какъ-бы для того, чтобы сдѣлать новгородцевъ участниками своего семейнаго торжества. Молодой князь былъ высокъ ростомъ, красивъ собою, а голосъ его, по выраженію современника, „гремѣлъ передъ народомъ какъ труба". Вскорѣ важный подвигъ предстоялъ ему.

Вражда нѣмецкаго племени съ словянскимъ принадлежитъ къ такимъ всемірнымъ историческимъ явленіямъ, которыхъ начало недоступно изслѣдованію, потому что оно скрывается во мракѣ до-историческихъ временъ. При всей скудости свѣдѣній нашихъ, мы не разъ видимъ въ отдаленной древности признаки давленія нѣмецкаго племени надъ словянскимъ. Уже съ IX вѣка въ исторіи открывается непрерывное многовѣковое преслѣдованіе словянскихъ племенъ; нѣмцы порабощали ихъ, тѣснили къ востоку и сами двигались за ними, порабощая ихъ снова. Пространный прибалтійскій край, нѣкогда населенный многочисленными словянскими племенами, подпалъ насильственному нѣмецкому игу для того, чтобы потерять до послѣднихъ слѣдовъ свою народность. За прибалтійскими словянами къ востоку жили литовскія и чудскія племена, отдѣлявшія первыхъ отъ ихъ русскихъ соплеменниковъ. Къ этимъ племенамъ въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка проникли нѣмцы въ образѣ воинственной общины подъ знаменемъ религіи и, такимъ образомъ, стремленіе нѣмцевъ къ порабощенію чужихъ племенъ соединилось съ распространеніемъ христіанской вѣры между язычниками и съ подчиненіемъ ихъ папскому престолу. Эта воинственная община былъ рыцарскій Орденъ крестоносцевъ, раздѣлявшійся на двѣ вѣтви: Орденъ Тевтонскій или св. Маріи и, позже его основанный въ 1202 году, Орденъ Меченосцевъ, предназначенный для поселенія въ чудскихъ и леттскихъ краяхъ, сосѣднихъ съ Русью. Оба эти Ордена впослѣдствіи соединились для совокупныхъ дѣйствій.

Полоцкій князь Владимиръ, по своей простотѣ и недальновидности, самъ уступилъ пришельцамъ Ливонію (нынѣшнія прибалтійскія губерніи) и этимъ поступкомъ навелъ на Сѣверную

Русь продолжительную борьбу съ исконными врагами словянскаго племени.

Властолюбивые замыслы нѣмцевъ послѣ уступки имъ Ливоніи обратились на Сѣверную Русь. Возникла мысль, что призваніемъ ливонскихъ крестоносцевъ было не только крестить язычниковъ, но и обратить къ истинной вѣрѣ русскихъ. Русскіе представлялись на Западѣ врагами св. отца и римско-католической церкви, даже самаго христіанства.

Борьба Новгорода съ нѣмцами была неизбѣжна. Новгородцы еще прежде владѣли значительнымъ пространствомъ земель, населенныхъ чудью, и постоянно, двигаясь на западъ, стремились къ подчиненію чудскихъ племенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они распространяли между послѣдними православіе болѣе мирнымъ, хотя и болѣе медленнымъ путемъ, чѣмъ западные рыцари. Какъ только нѣмцы утвердились въ Ливоніи, тотчасъ начались нескончаемыя и непрерывныя столкновенія и войны съ Новгородомъ; и такъ шло до самой войны Александра. Новгородцы подавали помощь язычникамъ, не хотѣвшимъ креститься отъ нѣмцевъ, и потому-то въ глазахъ западнаго христіанства сами представлялись поборниками язычниковъ и врагами Христовой вѣры. Такія же столкновенія явились у новгородцевъ съ католическою Швеціею по поводу Финляндіи, куда съ одной стороны проникали новгородцы съ православнымъ крещеніемъ, а съ другой шведы съ западнымъ католичествомъ; споръ между обѣими сторонами былъ также и за земное обладаніе финляндской страной.

Папа, покровительствуя Ордену, возбуждалъ, какъ нѣмцевъ, такъ и шведовъ, къ такому же покоренію Сѣверной Руси, какимъ уже было покореніе Ливоніи и Финляндіи. Въ завоеванной Ливоніи нѣмцы насильно обращали къ христіанству язычниковъ; точно также приневоливали они принимать католичество крещеныхъ въ православную вѣру туземцевъ; этого мало: они насиловали совѣсть и тѣхъ коренныхъ русскихъ поселенцевъ, которыхъ отцы еще прежде прибытія рыцарей водворились въ Ливоніи.

Силы Ордена Меченосцевъ увеличились отъ соединенія съ Тевтонскимъ Орденомъ. Между тѣмъ, рыцари, по рѣшенію папы, должны были уступить датчанамъ часть Ливоніи (Гаррію и Вирландію), а папа предоставилъ имъ вознаградить себя за это покореніемъ русскихъ земель. Вслѣдствіе этого, по призыву дерптскаго епископа Германа, рыцари и съ ними толпа нѣмецкихъ охотниковъ бросились на Псковъ. Одинъ изъ русскихъ князей

Ярославъ Владимировичъ велъ враговъ на своихъ соотечественниковъ. Въ 1240 году нѣмцы овладѣли Псковомъ: между псковитянами нашлись измѣнники; одинъ изъ нихъ Твердила Иванковичъ сталъ управлять городомъ отъ нѣмецкой руки.

Между тѣмъ, на Новгородъ ополчились шведы. Папская булла поручала шведамъ начать походъ на Новгородъ, на мятежниковъ, непокорныхъ власти намѣстника Христова, на союзниковъ язычества и враговъ христіанства. Въ Швеціи, вмѣсто больного короля, управлялъ тогда зять его Биргеръ. Этотъ правитель Биргеръ самъ взялъ начальство надъ священнымъ ополченіемъ противъ русскихъ. Въ войскѣ его были шведы, норвежцы, финны и много духовныхъ особъ съ ихъ вассалами. Биргеръ прислалъ въ Новгородъ ко князю Александру объявленіе войны надменное и грозное. „Если можешь сопротивляйся, знай, что я уже здѣсь и плѣню землю твою“.

У новгородцевъ война также приняла религіозный характеръ. Дѣло шло о защитѣ православія, на которое разомъ посягали враги, возбужденные благословеніемъ папы. Александръ Ярославичъ помолился у св. Софіи и выступилъ съ новгородскою ратью къ устью Волхова. Къ нему пристали ладожане, подручники Великаго Новгорода. Шведы вошли въ Неву и бросили якорь въ устьѣ Ижоры. Вѣроятно, это былъ роздыхъ: они намѣревались плыть черезъ озеро и достигнуть Ладоги врасплохъ: прежде всего слѣдовало взять этотъ новгородскій пригородъ, а потомъ вступить въ Волховъ и идти на Великій-Новгородъ. Въ Новгородѣ уже знали о нихъ. Александръ не медлилъ и, предупредивши ихъ, приблизился къ Ижорѣ въ воскресенье 15-го іюля (1240). Шведы не ждали непріятелей и расположились спокойно; ихъ шнеки стояли у берега; раскинуты были на побережьѣ шатры ихъ. Часовъ въ одиннадцать утра новгородцы внезапно появились передъ шведскимъ лагеремъ, бросились на непріятелей и начали ихъ рубить топорами и мечами, прежде, чѣмъ тѣ успѣвали брать оружіе. Не мало было молодцовъ, которые отличились здѣсь своею богатырскою удалью: между ними новгородецъ Савва бросился на шатеръ Биргера, что красовался посреди лагеря своимъ золотымъ верхомъ. Савва подсѣкъ столбъ у шатра. Новгородцы очень обрадовались, когда увидали, какъ упалъ этотъ шатеръ золотоверхій. Самъ Александръ нагналъ Биргера и хватилъ его острымъ копьемъ по лицу: „возложилъ ему печать на лицо“, говоритъ повѣствователь. У шведовъ было много убитыхъ и раненыхъ. Схоронили они наскоро часть убитыхъ на мѣстѣ, свалили остальныхъ на

свои шнеки, чтобы похоронить въ отечествѣ, и въ ночь до свѣта всѣ уплыли внизъ по Невѣ въ море [1]).

Велико было торжество новгородцевъ. Но вскорѣ не поладилъ съ ними Александръ и ушелъ въ Переяславль.

А тѣмъ временемъ на Новгородъ шли другіе такіе же враги. Нѣмцы, завоевавши Псковъ, заранѣе считали уже своимъ пріобрѣтеннымъ достояніемъ Водь, Ижору, берега Невы, Карелію (края нынѣшней петербургской, отчасти олонецкой губерніи); они отдавали страны эти католичеству, и папа присудилъ ихъ церковному вѣдомству эзельскаго епископа. 13-го апрѣля 1241 года эзельскій епископъ, по имени Генрихъ, заключилъ съ рыцарями договоръ: себѣ бралъ десятину отъ десятины со всѣхъ произведеній, а имъ отдавалъ все прочее, рыбныя ловли, управленія и всѣ вообще мірскіе доходы съ будущихъ владѣній.

Нѣмцы и покоренные ими латыши и эсты бросились на новгородскія земли, предавали ихъ опустошенію, взяли пригороды Лугу, Тесово, построили укрѣпленіе въ погостѣ Копорье. Вожане по-неволѣ приставали къ нимъ; тѣ, которые не хотѣли—разбѣжались въ лѣса и умирали съ голода. Непріятельскія шайки метались въ разныя стороны, достигали тридцати верстъ отъ Новгорода и убивали новгородскихъ гостей, ѣздившихъ за товарами. Въ такихъ обстоятельствахъ новгородцы послали къ Ярославу просить князя. Ярославъ прислалъ имъ сына Андрея. Нѣмцы причиняли имъ все болѣе и болѣе зла: у поселянъ по Лугѣ отобрали всѣхъ коней и скотъ, и не на чемъ было пахать поселянамъ. Новгородцы разсудили, что одинъ Александръ можетъ ихъ выручить и отправили къ нему владыку Спиридона. Дѣло каса-

---

[1]) У новгородцевъ былъ обычай ставить стражу при впаденіи Невы въ море. Начальство надъ этой стражей было тогда поручено какому-то крещенному вожанину (принадлежавшему къ води, народу чудскаго или финскаго племени, населявшему нынѣшнюю петербургскую губернію) Пельгусію, получившему въ крещеніи имя Филиппа. Пельгусій былъ очень благочестивъ и богоугоденъ, соблюдалъ посты и потому сдѣлался способнымъ видѣть видѣнія. Когда шведы явились, онъ пошелъ къ Александру извѣстить объ ихъ прибытіи и разсказалъ ему, какъ стали шведы. „Мнѣ было видѣніе—сказалъ онъ—когда я еще стоялъ на вскрай моря; только что стало восходить солнце, услышалъ я шумъ страшный по морю и увидѣлъ одинъ насадъ; посреди насада стояли святые братья Борисъ и Глѣбъ; одежда на нихъ была вся красная, а руки держали они на плечахъ; на краю ихъ ладьи сидѣли гребцы и работали веслами, ихъ одѣвала мгла и нельзя было различить лика ихъ, но я услышалъ, какъ сказалъ Борисъ мученикъ брату своему св. Глѣбу: „брате Глѣбе! вели грести, да поможемъ мы сроднику своему, великому князю Александру Ярославичу!“ И я слышалъ гласъ Бориса и Глѣба; и мнѣ стало страшно, такъ что я трепеталъ; и насадъ отошелъ изъ глазъ у меня“.—„Не говори же этого никому другому“, сказалъ ему Александръ. Такое благочестивое преданіе осталось объ этомъ событіи.

лось не одного Новгорода, а всей Руси, — Александръ не противился.

Немедленно отправился онъ съ новгородцами очищать Новгородскую землю отъ враговъ, разогналъ ихъ отряды, взялъ Копорье, милостиво обращаясь съ плѣнниками, перевѣшалъ, однако, измѣнившихъ Новгороду вожанъ и чудь. Затѣмъ онъ достигъ Пскова, освободилъ его отъ нѣмцевъ, отправилъ въ оковахъ въ Новгородъ двухъ нѣмецкихъ намѣстниковъ Пскова.

Оставаясь во Псковѣ, Александръ ждалъ противъ себя новой непріятельской силы и вскорѣ услышалъ, что она идетъ на него. Въ первыхъ числахъ апрѣля 1242 года Александръ двинулся на встрѣчу врагамъ и у скалы, называемой Вороній Камень на Узмени, произошла другая битва, знаменитая не менѣе Невской, извѣстная въ исторіи подъ названіемъ „Ледовое побоище“. Враги встрѣтились въ субботу 5-го апрѣля при солнечномъ восходѣ. Увидя приближающихся враговъ, Александръ поднялъ руки вверхъ и громко сказалъ: „Разсуди, Боже, споръ мой съ этимъ высокомѣрнымъ народомъ!“ Битва была упорная и жестокая. Съ трескомъ ломались копья. Ледъ побагровѣлъ отъ крови и трескался мѣстами. Многіе потонули. Потерявшіе строй, нѣмцы бѣжали; русскіе съ торжествомъ гнались за ними семь верстъ до Суболичскаго берега.

Съ торжествомъ возвращался Александръ въ освобожденный Псковъ. Близь коня его вели знатныхъ рыцарей; за нимъ гнали толпу простыхъ плѣнныхъ. На встрѣчу ему вышло духовенство. Народъ привѣтствовалъ побѣдителя радостными кликами.

Эти двѣ побѣды имѣютъ важное значеніе въ русской исторіи. Правда, проявленія вражды нѣмцевъ съ русскими не прекращались и послѣ того, въ особенности для Пскова, который не разъ вступалъ съ Орденомъ въ кровавыя столкновенія; но уже нѣмцы навсегда оставили мысль вслѣдъ за Ливоніею поработить сѣверныя русскія земли и подвергнуть ихъ участи прибалтійскихъ словянъ. Сами папы, вмѣсто грозныхъ буллъ, возбуждавшихъ крестовые походы на русскихъ наравнѣ съ язычниками, избрали другой путь, въ надеждѣ подчинить себѣ Русь,—путь посольствъ и убѣжденій, оказавшійся, какъ извѣстно, столько же безплоднымъ, какъ и прежнія воинственныя буллы.

Такимъ образомъ, папа Иннокентій IV прислалъ къ Александру въ 1251 (булла писана въ 1248) двухъ кардиналовъ Гальда и Гемонта. Папа увѣрялъ Александра, будто отецъ Александра изъявлялъ обѣщаніе монаху Плано-Карпини подчиниться римскому престолу, но смерть не допустила его до исполненія

этого намѣренія. Папа убѣждалъ Александра идти по слѣдамъ отца, представлялъ выгоды, какія русскій князь и Русь получатъ отъ этого подчиненія, и обѣщалъ противъ татаръ помощь тѣхъ самыхъ рыцарей, отъ которыхъ недавно Александръ освобождалъ русскія земли. Въ лѣтописяхъ есть отвѣтъ Александра папѣ, явно сочиненный впослѣдствіи, но не подлежитъ сомнѣнію, что Александръ не поддался увѣщаніямъ и отказалъ на-отрѣзъ. Посольство это повлекло за собою въ послѣдующей русской исторіи множество подобныхъ посольствъ, также безполезныхъ.

Александръ могъ оружіемъ перевѣдаться съ западными врагами и остановить ихъ покушенія овладѣть Сѣверною Русью; но не могъ онъ съ тѣми же средствами дѣйствовать противъ восточныхъ враговъ. Западные враги только намѣревались покорить Сѣверную Русь, а восточные уже успѣли покорить прочія русскія земли, опустошить и обезлюдить ихъ. При малочисленности, нищетѣ и разрозненности остатковъ тогдашняго русскаго населенія въ восточныхъ земляхъ нельзя было и думать о томъ, чтобы выбиться оружіемъ изъ-подъ власти монголовъ. Надобно было избрать другіе пути. Руси предстояла другая историческая дорога, для русскихъ политическихъ людей — другіе идеалы. Оставалось отдаться на великодушіе побѣдителей, кланяться имъ, признать себя ихъ рабами и тѣмъ самымъ, какъ для себя, такъ и для своихъ потомковъ, усвоить рабскія свойства. Это было тѣмъ легче, что монголы, безжалостно истреблявшіе все, что имъ сопротивлялось, были довольно великодушны и снисходительны къ покорнымъ. Александръ, какъ передовой человѣкъ своего вѣка, понялъ этотъ путь и вступилъ на него. Еще отецъ его Ярославъ отправился въ Орду, но не воротился оттуда. Его путешествіе не могло служить образцомъ, потому что не могло назваться счастливымъ: говорили даже, что его отравили въ Ордѣ. Александръ совершилъ свое путешествіе съ такимъ успѣхомъ, что оно послужило образцомъ и примѣромъ для поведенія князей.

Наши лѣтописцы говорятъ, что Батый самъ приказалъ Александру, въ качествѣ князя новгородскаго, явиться къ себѣ и далъ приказъ въ такихъ выраженіяхъ: „мнѣ покорилъ Богъ многіе народы: ты-ли одинъ не хочешь покориться державѣ моей? Но если хочешь сохранить за собою землю свою, приди ко мнѣ: увидишь честь и славу царства моего“. Александръ пріѣхалъ въ волжскую Орду вмѣстѣ съ братомъ Андреемъ въ 1247 году. Тогда, по смерти Ярослава, достоинство старѣйшаго

князя оставалось незанятымъ и отъ воли побѣдителей зависѣло дать его тому или другому.

Монголы жили тогда еще совершенно кочевою жизнью, хотя и окружали себя роскошью цивилизаціи тѣхъ странъ, которыя они покорили и опустошили. Еще постоянныхъ городовъ у нихъ на Волгѣ не было; зато были такъ сказать подвижные огромные города, состоявшіе изъ разбитыхъ по прихоти властелина кибитокъ, перевозимыхъ на телѣгахъ съ мѣста на мѣсто. Гдѣ пожелаетъ ханъ, тамъ устраивался и существовалъ болѣе или менѣе долгое время многолюдный кочевой городъ. Являлись ремесла и торговля; потомъ, по приказанію хана, все укладывалось и огромный обозъ въ нѣсколько сотъ и тысячъ телѣгъ, запряженныхъ волами и лошадьми, со стадами овецъ, скота, съ табунами лошадей, двигался для того, чтобы, черезъ нѣсколько дней пути, опять расположиться станомъ. Въ такой станъ прибыли наши князья. Ихъ заставили, по обычаю, пройти между двумя огнями для очищенія отъ зловредныхъ чаръ, которыя могли пристать къ хану. Выдержавши это очищеніе, они допускались къ хану, передъ которымъ они должны были явиться съ обычными земными поклонами. Ханъ принималъ завоеванныхъ подручниковъ въ разрисованной войлочной палаткѣ, на вызолоченномъ возвышеніи, похожемъ на постель, съ одною изъ своихъ женъ, окруженный своими братьями, сыновьями и сановниками; по правую руку его сидѣли мужчины, по лѣвую женщины. Батый принялъ нашихъ князей ласково и съ-разу понялъ, что Александръ, о которомъ уже онъ много слышалъ, выходитъ по уму своему изъ ряду прочихъ русскихъ князей.

По волѣ Батыя, Ярославичи должны были отправиться въ Большую Орду къ Великому хану. Путь нашимъ князьямъ лежалъ черезъ необозримыя степныя пространства Средней Азіи. Ханскіе чиновники сопровождали ихъ и доставляли перемѣнныхъ лошадей. Они видѣли недавно разоренные города и остатки цивилизаціи народовъ, порабощенныхъ варварами. До монгольскаго погрома многія изъ этихъ странъ находились въ цвѣтущемъ состояніи, а теперь были въ развалинахъ и покрыты грудами костей. Порабощенные остатки народонаселенія должны были служить завоевателямъ. Вездѣ была крайняя нищета и нашимъ князьямъ не разъ приходилось переносить голодъ; не мало терпѣли они тамъ отъ холода и жажды. Только немногіе города, и въ томъ числѣ Ташкентъ, уцѣлѣли. У самаго Великаго хана была столица Кара-Корумъ, городъ многолюдный, обнесенный глиняной стѣной съ четырьмя воротами. Въ немъ были большія

зданія для ханскихъ чиновниковъ и храмы разныхъ вѣроисповѣданій. Тутъ толпились пришельцы всевозможныхъ націй, покоренныхъ монголами; были и европейцы: французы и нѣмцы, приходившіе сюда съ европейскимъ знаніемъ ремеслъ и художествъ — самая пестрая смѣсь племенъ и языковъ. За городомъ находился обширный и богатый ханскій дворецъ, гдѣ ханъ зимою и лѣтомъ на торжественныя празднества являлся какъ божество, сидя съ одною изъ своихъ женъ на возвышеніи, украшенномъ массою золота и серебра. Но осѣдлое житье въ одномъ мѣстѣ было не во вкусѣ монголовъ. Являясь только по временамъ въ столицу, Великій ханъ, какъ и волжскіе ханы, проводилъ жизнь переѣзжая съ мѣста на мѣсто съ огромнымъ обозомъ: тамъ, гдѣ ему нравилось, располагались станомъ, раскидывались безчисленныя палатки, и одна изъ нихъ, обитая внутри листовымъ золотомъ и украшенная драгоцѣнностями, отнятыми у побѣжденныхъ народовъ, служила мѣстопребываніемъ властелина. Возникалъ многолюдный городъ и исчезалъ, появляясь снова въ иномъ мѣстѣ. Все носило видъ крайняго варварства, смѣшаннаго съ нелѣпою пышностью. Безобразные и нечистоплотные монголы, считавшіе опрятность даже порокомъ, питавшіеся такою грязною пищею, которой одно описаніе возбуждаетъ омерзѣніе, безвкусно украшали себя несмѣтными богатствами и считали себя по волѣ Бога обладателями всей вселенной.

Намъ неизвѣстно, гдѣ именно Ярославичи поклонились Великому хану, но они были приняты ласково и возвратились благополучно домой. Андрей получилъ княженіе во Владимірѣ, Александру дали Кіевъ; повидимому, въ этомъ было предпочтеніе Александру, такъ какъ Кіевъ былъ старше Владиміра, но Кіевская земля была въ тѣ времена до такой степени опустошена и малолюдна, что Александръ могъ быть только по имени великимъ княземъ. Вѣроятно, монголы сообразили, что Александръ, будучи умнѣе другихъ, могъ быть для нихъ опасенъ, и потому, не испытавши его вѣрности, не рѣшились дать ему тогда Владиміръ, съ которымъ соединялось дѣйствительное старѣйшинство надъ покоренными русскими землями.

Посѣщеніе монголовъ должно было многому научить Александра и во многомъ измѣнить его взгляды. Онъ познакомился близко съ завоевателями Руси и понялъ, съ какой стороны съ ними ужиться возможно. Свирѣпые ко всему, что сопротивлялось имъ, монголы требовали одного — раболѣпнаго поклоненія. Это было въ ихъ нравахъ и понятіяхъ, какъ и вообще у азіатскихъ народовъ. Чрезвычайная сплоченность силъ, безусловное повино-

веніе старшимъ, совершенная безгласность отдѣльной личности и крайняя выносливость — вотъ качества, способствовавшія монголамъ совершать свои завоеванія, качества, совершенно противоположныя свойствамъ тогдашнихъ русскихъ, которые, будучи готовы защищать свою свободу и умирать за нее, еще не умѣли сплотиться для этой защиты. Чтобы ужиться теперь съ непобѣдимыми завоевателями, оставалось и самимъ усвоить ихъ качества. Это было тѣмъ удобнѣе, что монголы, требуя покорности и дани, считая себя въ-правѣ жить на счетъ побѣжденныхъ, не думали насиловать ни ихъ вѣры, ни ихъ народности. Напротивъ, они оказывали какую-то философскую терпимость къ вѣрѣ и пріемамъ жизни побѣжденныхъ, но покорныхъ народовъ. Поклоняясь единому Богу, съ примѣсью грубѣйшихъ суевѣрій, естественно свойственныхъ варварскому состоянію умственнаго развитія, они не только дозволяли свободное богослуженіе иновѣрцамъ, но и отзывались съ извѣстнымъ уваженіемъ о всѣхъ вѣрахъ вообще. Проницательный умъ Александра, вѣроятно, понялъ также, что покорность завоевателю можетъ доставить такія выгоды князьямъ, какихъ они не имѣли прежде.

До тѣхъ поръ князья наши волею-неволею должны были раздѣлять власть свою съ народною властью вѣча или подбирать себѣ сторонниковъ въ рядахъ народа. Собственно они были только правителями, а не владѣльцами, не вотчинниками, не государями. Монголы, какъ по своимъ понятіямъ, такъ и по разсчету естественно усиливали власть и значеніе князей на счетъ вѣча: легче и удобнѣе имъ было вести дѣло съ покорными князьями, чѣмъ съ непостоянными собраніями вѣчъ. Вотъ отчего всѣ русскіе князья, побивши челомъ хану, получали тогда свои княженія въ вотчину и власть ихъ въ большей части русскихъ земель очень скоро подавила древнее вѣчевое право. Званіе старѣйшаго князя было прежде почти номинальнымъ: его слушались только тогда, когда хотѣли, теперь же это званіе вдругъ получило особую важность потому, что старѣйшаго самъ ханъ назначалъ быть выше прочихъ князей.

Александръ не поѣхалъ въ данный ему Кіевъ, а отправился въ Новгородъ. Пока онъ не былъ старѣйшимъ, еще онъ ладилъ съ новгородскою вольностью. Новгородцы считали себя независимыми отъ татаръ, но чрезъ два года произошелъ на Руси переворотъ.

Андрей не удержался на владимірскомъ княженіи. Этотъ князь не могъ такъ скоро измѣнить понятій и чувствованій, свойственныхъ прежнему русскому строю и шедшихъ въ-разрѣзъ съ

потребностями новой политической жизни. Ему тяжело было сдѣлаться рабомъ. Въ это время онъ женился на дочери Данила Галицкаго, который тогда еще не кланялся хану, не призналъ себя его данникомъ и искалъ средствъ избавиться отъ этой тяжелой необходимости. Лѣтописныя извѣстія объ этихъ событіяхъ до того сбивчивы, что не даютъ намъ возможности понять, какъ и чѣмъ Андрей вооружилъ противъ себя побѣдителей. Но извѣстно, что въ 1252 году Александръ отправился въ волжскую Орду и тамъ получилъ старѣйшинство и владимірское княженіе отъ Сартака, управлявшаго дѣлами за дряхлостью отца своего Батыя. Андрей, посовѣтовавшись съ своими боярами, счелъ лучшимъ бѣжать въ чужую землю, нежели „служить царю“. Но татары уже шли на него подъ начальствомъ Неврюя и другихъ предводителей, догнали его подъ Переяславлемъ и разбили. Андрей убѣжалъ въ Новгородъ, но тамъ его не приняли; изгнанникъ черезъ Псковъ и Колывань (Ревель) убѣжалъ съ женою въ Швецію. Татары опустошили Переяславль и разсѣялись по землѣ, истребляя людей и жилища, уводя плѣнныхъ и скотъ, такъ какъ, по правилу монгольскому, да и вообще какъ вездѣ дѣлалось въ тѣ времена, за вину князя должна была расплачиваться вся земля. Въ это время была схвачена и убита жена князя Ярослава Ярославича Александръ, получивъ старѣйшинство, сѣлъ во Владимірѣ и на первый разъ пришлось ему отстраивать церкви и людскія жилища, разоренныя полчищемъ Неврюя.

Съ этихъ поръ Александръ, чувствуя свое старѣйшинство и силу, готовый найти поддержку въ Ордѣ, поднялъ голову и иначе показалъ себя, что въ особенности видно въ его отношеніяхъ къ Новгороду. Живя во Владимірѣ, Александръ поставилъ княземъ въ Новгородѣ сына своего Василія. Въ 1255 году новгородцы не взлюбили Василія и прогнали его, призвавши вмѣсто него брата Александрова Ярослава, князя тверского, жившаго тогда во Псковѣ. Явленіе совершенно обычное, множество разъ повторявшееся; и самъ Александръ, испытывая то же въ былое время, уходилъ изъ Новгорода, когда его прогоняли, и опять являлся въ Новгородѣ по призыву и мирился съ новгородцами. Но на этотъ разъ Александръ уже не спустилъ Великому Новгороду. Василій убѣжалъ въ Торжокъ, гдѣ жители были за него. Отецъ тотчасъ собралъ въ своей Владимірской землѣ рать и отправился въ Торжокъ съ тѣмъ, чтобы по своей волѣ опять возстановить сына на княженіи. Призванный князь Ярославъ убѣжалъ изъ Новгорода. Новгородъ остался безъ князя, и какой-то перевѣт-

чикъ Ратишка далъ объ этомъ знать великому князю. Александръ съ Василіемъ пошелъ на Новгородъ.

Между тѣмъ внутри Новгорода происходила безладица. Прорвалась не разъ проявлявшаяся въ его исторіи вражда лучшихъ или вящихъ людей и меньшихъ,—иначе бояръ и черни. Посадникомъ былъ тогда Ананія, представитель и любимецъ меньшихъ людей, прямодушный ревнитель новгородской старины и вольности. Ожидая приближенія великаго князя, новгородцы вооружились и выставили полки за церковью Рождества и отъ св. Ильи противъ Городища, ограждая Торговую (на правомъ берегу Волхова) сторону, которая была главнымъ образомъ мѣстопребываніемъ меньшихъ людей. Но нѣкоторые вящіе люди замышляли иное: изъ нихъ составилась партія подъ начальствомъ Михалки Степановича, человѣка коварнаго и своекорыстнаго, смекнувшаго, что наступаютъ иныя времена, и сообразившаго на чьей сторонѣ сила. Въ тревогѣ собрались новгородцы на вѣче на обычномъ мѣстѣ у св. Николая (Дворищенскаго). „Братья—говорили они между собою—а что если князь скажетъ: выдайте моихъ враговъ?“ Тогда меньшіе по прадѣдовскому обычаю „цѣловали Богородицу“ на томъ, чтобы стоять всѣмъ на животъ и на смерть за правду новгородскую, за свою отчину. Но Михалка, замышлявшій убить Ананію и какими бы то ни было путями сдѣлаться самому посадникомъ, убѣжалъ съ своими единомышленниками въ Юрьевъ монастырь. Разнеслась вѣсть, что вящіе хотятъ напасть на Новгородъ и бить меньшихъ. Новгородцы кричали, что нужно убить Михалку и ограбить его дворъ, но тутъ заступился за него посадникъ Ананія. Онъ послалъ предостеречь своего тайнаго врага, и когда разсвирѣпѣвшіе новгородцы кричали: убить Михалку,—Ананія сказалъ имъ: „Братья, если его убьете, убейте прежде меня“.

Пріѣхалъ въ Новгородъ посолъ отъ Александра съ такими словами: „Выдайте мнѣ Ананію посадника, а не выдадите, я вамъ не князь: иду на городъ ратью!“ Новгородцы послали къ Александру владыку Далмата и тысячскаго Клима: „князь, иди на свой столъ, а злодѣевъ не слушай; не гнѣвайся на Ананію и на всѣхъ мужей новгородскихъ“.

Владыка и тысячскій возвратились съ отказомъ. Александръ упорно добивался своего. Тогда новгородцы приговорили на вѣчѣ: „Если князь такое задумалъ съ нашими клятвопреступниками,— пусть имъ судитъ Богъ и св. Софія, а на князя мы не кладемъ грѣха!“ Всѣ вооружились и три дня стояли наготовѣ. Выдавать міромъ своихъ было для новгородцевъ неслыханнымъ безчестнымъ

дѣломъ. Александръ разсудилъ, что раздражать долѣе народъ и доводить дѣло до драки нѣтъ нужды, когда главная цѣль его можетъ быть достигнута болѣе мирнымъ соглашеніемъ, и послалъ сказать новгородцамъ: „я не буду держать на васъ гнѣва; пусть только Ананія лишится посадничества“.

Ананія лишился посадничества, и новгородцы примирились съ Александромъ. Александръ прибылъ въ Новгородъ и былъ радушно встрѣченъ народомъ, издавна знавшимъ его. Василій былъ возстановленъ на княженіи. Новгородцы, въ угодность Александру, поставили посадникомъ Михалка.

Это событіе, несмотря на черты, слишкомъ обычныя въ новгородскомъ строѣ жизни, имѣло однако важное и новое значеніе въ новгородской исторіи. Новгородцы выгоняли князей своихъ, иногда терпѣли отъ нихъ и, забывая старое, опять приглашали, какъ, напр., было съ Ярославомъ, отцомъ Александра; но то дѣлалось по новгородской волѣ, при обычномъ непостоянствѣ новгородцевъ. Не было еще примѣра, чтобы великій князь силою заставилъ принять только-что изгнаннаго ими князя. Александръ показалъ новгородцамъ, что надъ ихъ судьбою есть внѣшняя сила, повыше ихъ вѣча и ихъ партій —сила власти старѣйшаго князя всей Руси, поставленнаго волею могущественныхъ иноземныхъ завоевателей и владыкъ Русской земли. Правда, что Александръ, вступивши въ Новгородъ, обласкалъ новгородцевъ, заключилъ съ ними миръ на всей вольности новгородской, но въ проявленіи его могучей воли слышались уже предвѣстники дальнѣйшаго наложенія на Новгородъ великокняжеской руки.

Черезъ нѣсколько времени Новгородъ увидалъ въ своихъ стѣнахъ того же Александра, уже не такъ мирно улаживающаго свои недоумѣнія съ новгородскою вольностью Въ Ордѣ произошелъ переворотъ: Батый умеръ. Сынъ его Сартакъ былъ умерщвленъ дядею Берке, объявившимъ себя ханомъ. Послѣдній ввѣрилъ дѣла Руси своему намѣстнику Улагчи. Тогда пришла вѣсть, что ханъ посылаетъ своихъ чиновниковъ для переписки народа и собранія дани. Александръ поспѣшилъ въ Орду, думая предотвратить грядущія бѣдствія; русскихъ страшилъ не самый платежъ дани; они покорялись необходимости платить ее черезъ своихъ князей, но долгое пребываніе татаръ въ землѣ Русской наводило всеобщій страхъ. Александръ не успѣлъ умилостивить хана. Въ землю Рязанскую, Муромскую и Суздальскую явились татарскіе численники, ставили своихъ десятниковъ, сотниковъ, тысячниковъ, темниковъ, переписывали жителей для обложенія ихъ поголовною данью, не включали въ перепись только духовныхъ

лицъ. Вводилось, такимъ образомъ, чуждое управленіе внутри Руси. Народу было очень тяжело. Въ слѣдующемъ 1257 году Александръ вновь отправился въ Орду съ братьями своими: Ярославомъ тверскимъ и суздальскимъ Андреемъ, съ которыми, недавно неладивши, помирился. Улагчи требовалъ, чтобы Новгородъ также подвергся переписи и платежу дани. Какъ ни близокъ былъ Александру Новгородъ, но онъ счелъ за лучшее покориться. Между тѣмъ въ Новгородъ уже достигла вѣсть о томъ, что туда идутъ татарскіе численники. Все лѣто тамъ была тревога и смятеніе. Новгородъ не былъ до сихъ поръ покоренъ, подобно прочимъ русскимъ землямъ, татарскимъ оружіемъ, и не помышлялъ, чтобы ему добровольно пришлось платить постыдную дань, наравнѣ съ покоренными. Вящіе люди и въ томъ числѣ посадникъ Михалка, готовые угождать силѣ для своихъ выгодъ и сохраненія своихъ богатствъ, уговаривали новгородцевъ покориться, но меньшіе слышать объ этомъ не хотѣли. Ихъ любимецъ Ананія скончался въ августѣ. Волненіе послѣ его смерти усилилось, и ненавистный для меньшихъ, насильно поставленный противъ ихъ воли, Михалко былъ убитъ. Князь Василій раздѣлялъ чувства новгородцевъ. Наконецъ, прибылъ въ Новгородъ Александръ съ татарскими послами, требовать десятины и тамги. Василій, съ одной стороны, не смѣлъ противиться отцу, съ другой—стыдился измѣнить новгородскому дѣлу и бѣжалъ во Псковъ. Новгородцы наотрѣзъ отказались платить дань, но ласково приняли ханскихъ пословъ и отпустили домой съ честью и дарами. Этимъ Великій Новгородъ заявлялъ, что онъ относится съ уваженіемъ къ ханской власти, но не признаетъ ее надъ собою. Тогда Александръ выгналъ своего сына изъ Пскова и отправилъ въ Суздальскую землю, а нѣкоторыхъ новгородскихъ бояръ, стоявшихъ за-одно съ меньшими и имѣвшихъ, по его мнѣнію, вліяніе на Василія, схватилъ и наказалъ безчеловѣчнымъ образомъ: инымъ обрѣзалъ носы, другимъ выкололъ глаза и т. п.

Такова была награда, какую получили эти защитники новгородской независимости въ угоду поработителямъ отъ того самаго князя, который нѣкогда такъ блистательно защищалъ независимость Новгорода отъ другихъ враговъ.

Зимою (съ 1258 на 1259 годъ) прибылъ съ Низу Михайло Пинещиничъ и объявилъ новгородцамъ, что ханскіе полки идутъ на Новгородъ и будутъ добывать его оружіемъ, если новгородцы не согласятся на перепись. Вѣсть эта была несправедлива, но правдоподобна. Само собою разумѣется, что ханъ не согласился бы удовольствоваться дарами. Вѣсть эта нагнала такой страхъ,

что съ перваго раза новгородцы согласились. Вѣроятно, объ этомъ было дано знать въ Орду, потому что тою же зимою прибыли въ Новгородъ ханскіе чиновники Беркай и Касачикъ съ женами и множество татаръ. Они остановились на Городищѣ [1]) и стали собирать тамгу по волости. Новгородцы, увидя необычное зрѣлище, снова возмутились. Бояре, наблюдая свои корыстныя цѣли, уговаривали народъ смириться и быть покорнымъ, но меньшіе собирались у св. Софіи и кричали: „умремъ честно за св. Софію и дома ангельскіе“. Тогда татары стали бояться за свою жизнь, и Александръ приставилъ посадничьяго сына и боярскихъ дѣтей стеречь ихъ по ночамъ. Такое положеніе скоро наскучило татарамъ и они объявили рѣшительно: „давайте намъ число или мы побѣжимъ прочь“. Вящіе люди стали домогаться уступки. Тогда въ Новгородѣ распространилась молва, что вящіе хотятъ вмѣстѣ съ татарами напасть на Новгородъ. Толпы народа собирались на Софійской сторонѣ поближе къ св. Софіи и кричали: „положимъ головы у св. Софіи“. Наконецъ, на другой день Александръ выѣхалъ изъ Городища съ татарами. Тогда вящіе люди убѣдили меньшихъ не противиться и не навлекать на Новгородъ неминуемой бѣды. Они—говоритъ лѣтописецъ—себѣ дѣлали добро, а меньшимъ людямъ зло: дань одинаково распредѣлялась, какъ на богатыхъ, такъ и на бѣдныхъ! Александръ прибылъ въ городъ съ татарами. Ханскіе чиновники ѣздили по улицамъ, переписывали дворы и, сдѣлавъ свое дѣло, удалились. Александръ посадилъ на княженіе сына своего Димитрія и уѣхалъ во Владиміръ.

Съ тѣхъ поръ Новгородъ, хотя не видалъ послѣ у себя татарскихъ чиновниковъ, но участвовалъ въ платежѣ дани, доставляемой великими князьями хану отъ всей Руси. Эта повинность удерживала Новгородъ въ связи съ прочими русскими землями.

Но не въ одномъ Новгородѣ—и въ покоренныхъ русскихъ земляхъ прежнія свободныя привычки не вынесли еще рабства и утѣсненія. Монгольскую дань взяли тогда на откупъ хивинскіе купцы, носившіе названіе бесерменъ — люди мугамеданской вѣры. Способъ сбора дани былъ очень отяготителенъ. Въ случаѣ недоимокъ, откупщики насчитывали большіе проценты, а при совершенной невозможности платить, брали людей въ неволю. Кромѣ того, они раздражали народъ неуваженіемъ къ христіан-

[1]) Въ двухъ съ половиною верстахъ отъ Новгорода, гдѣ по преданію былъ городъ прежде Новгорода.

ской вѣрѣ. Народъ вскорѣ пришелъ въ ожесточеніе; въ городахъ: Владимірѣ, Суздалѣ, Ростовѣ, Переяславлѣ, Ярославлѣ и другихъ по старому обычаю зазвонили на вѣче и по народному рѣшенію перебили откупщиковъ дани. Въ числѣ ихъ въ Ярославлѣ былъ одинъ природный русскій по имени Изосимъ. Прежде онъ былъ монахъ, пьяный и развратный; съѣздивши въ Орду, принялъ тамъ мугамеданство и, воротившись въ отечество, сдѣлался откупщикомъ дани, безжалостно утѣснялъ своихъ соотечественниковъ и нагло ругался надъ святынею христіанской церкви. Ярославцы убили его и бросили трупъ на растерзаніе собакамъ и воронамъ. За то въ Устюгѣ одинъ природный татаринъ, будучи также сборщикомъ дани, спасся отъ общей бѣды. Его звали Буга. Въ Устюгѣ онъ взялъ себѣ наложницу, дочь одного тамошняго обывателя, по имени Марію, которая полюбила его и заранѣе извѣстила о грозившей ему опасности. Буга изъявилъ желаніе креститься. Народъ простилъ его. Онъ былъ названъ въ крещеніи Іоанномъ, женился на Маріи, навсегда остался на Руси и пріобрѣлъ всеобщую любовь. Память его осталась навсегда въ мѣстныхъ преданіяхъ, а воспоминаніе о бесерменахъ до сихъ поръ слышится въ бранномъ словѣ: бусурманъ, которымъ русскій человѣкъ называетъ некрещеныхъ, а иногда только неправославныхъ людей.

Само собою разумѣется, что это событіе возбудило гнѣвъ властителей Руси. Въ Ордѣ уже собирали полки наказывать мятежниковъ; Александръ поспѣшилъ въ Орду. Кромѣ сбора дани, русскимъ угрожала еще иная тягость:—помогать войскомъ татарамъ въ ихъ войнахъ съ другими народами.

Тогда въ волжской Ордѣ происходило важное преобразованіе. Ханъ Берке принялъ мугамеданство, которое быстро распространялось въ его народѣ, тѣмъ легче, что и прежде въ полчищахъ монголовъ большинство народовъ, имъ покоренныхъ и за нихъ воевавшихъ, исповѣдывало мугамеданство. Въ то же время кочевая жизнь мало-по-малу начала смѣняться осѣдлою. На Волгѣ строился Кипчакъ, обширный городъ, который ханъ украшалъ всѣмъ великолѣпіемъ, какое только было возможно при его могуществѣ. Ханъ Берке оказался болѣе милостивъ къ русскимъ, чѣмъ можно было даже ожидать. Онъ не только простилъ русскимъ избіеніе бесерменовъ (которыхъ погибель, какъ народа подвластнаго, не могла раздражать его въ той мѣрѣ, въ какой подѣйствовало бы на него избіеніе ханскихъ чиновниковъ), но по просьбѣ Александра освободилъ русскихъ отъ обязанности идти на войну. Александръ, однако, прожилъ тогда въ Ордѣ

всю зиму и лѣто, и это заставляетъ предполагать, что не съразу удалось ему пріобрѣсти такую милость для своихъ соотечественниковъ. Возвращаясь оттуда по Волгѣ больнымъ, онъ остановился въ Нижнемъ Новгородѣ, черезъ силу продолжалъ путь далѣе, но пріѣхавъ въ Городецъ окончательно слегъ, и, принявъ схиму, скончался 14 ноября 1263 года.

Тѣло его встрѣчено народомъ близъ Боголюбова и было похоронено во Владимірѣ въ церкви Рождества Богородицы. Говорятъ, что митрополитъ Кириллъ, услыхавши во Владимірѣ о смерти Александра, громко сказалъ: „Зашло солнце земли Русской". Духовенство болѣе всего уважало и цѣнило этого князя. Его угодливость хану, умѣнье ладить съ нимъ, твердое намѣреніе держать Русь въ повиновеніи завоевателямъ и тѣмъ самымъ отклонять отъ русскаго народа бѣдствія и разоренія, которыя постигали бы его при всякой попыткѣ къ освобожденію и независимости,—все это вполнѣ согласовалось съ ученіемъ, всегда проповѣдуемымъ православными пастырями: считать цѣлью нашей жизни загробный міръ, безропотно терпѣть всякія несправедливости и угнетенія, покоряться всякой власти, хотя бы иноплеменной и поневолѣ признаваемой.

IX.

МОСКОВСКІЕ КНЯЗЬЯ БРАТЬЯ ДАНИЛОВИЧИ.

У Александра Невскаго было четыре сына: старшій, Василій, княжилъ въ юности въ Новгородѣ, а впослѣдствіи въ Костромѣ, гдѣ и умеръ. Димитрій и Андрей вели между собой кровавый споръ за великое княженіе; послѣдній отличился тѣмъ, что дважды наводилъ на Русь татаръ, которые произвели въ ней ужаснѣйшія опустошенія (1282 и 1294 гг.), отозвавшіяся на цѣлыя десятилѣтія. Четвертый сынъ Невскаго, Даніилъ, остался послѣ отца ребенкомъ. Ему въ удѣлъ досталась Москва.

Даніилъ былъ первый князь, поднявшій значеніе этого города, бывшаго до сихъ поръ незначительнымъ пригородомъ Владиміра. Участвуя въ междоусобіяхъ своихъ братьевъ, Даніилъ хитростью взялъ въ плѣнъ рязанскаго князя Константина, воспользовавшись измѣною рязанскихъ бояръ, и держалъ его въ неволѣ. Это событіе было первымъ проявленіемъ тѣхъ пріемовъ самоусиленія, которыми такъ отличалась Москва, теперь только-что возникавшая. Вмѣстѣ съ тѣмъ Даніилъ положилъ зачатокъ тому расширенію владѣній, которое такъ послѣдовательно вели всѣ его преемники. Племянникъ Даніила, Иванъ Димитріевичъ переяславскій, умирая бездѣтнымъ, завѣщалъ ему Переяславль. Даніилъ тотчасъ захватилъ его и отстоялъ отъ посягательствъ брата своего Андрея.

Даніилъ умеръ въ 1303 году, принявъ передъ смертью схиму.

По лѣтописнымъ извѣстіямъ, онъ былъ погребенъ въ деревянной церкви св. Михаила, которая стояла на мѣстѣ нынѣшняго Архангельскаго собора въ Москвѣ; а преданіе, записанное въ его житіи, помѣщаетъ его могилу въ Даніиловомъ монастырѣ, будто-бы имъ основанномъ. Какъ бы то ни было, имя Даніила

было въ большомъ уваженіи у его потомковъ, какъ родоначальника дома московскихъ князей [1]).

Даніилъ оставилъ сыновей: Юрія, Ивана, Александра, Бориса и Аѳанасія. Изъ нихъ Юрій и Иванъ по своей дѣятельности были важнѣйшими людьми въ исторіи Руси въ XIV вѣкѣ. Они подняли значеніе Москвы и твердо поставили историческую задачу, которую предстояло постепенно разрѣшить ихъ преемникамъ въ послѣдующія времена.

Великій князь Андрей Александровичъ умеръ въ 1304 году. Званіе великаго князя, которое при новыхъ условіяхъ татарскаго господства сдѣлалось гораздо важнѣе и знаменательнѣе, чѣмъ было прежде, зависѣло исключительно отъ воли хана, верховнаго повелителя и истиннаго государя Русской земли. Собственно никакихъ правъ, принадлежащихъ въ этомъ отношеніи тому или другому князю, той или другой княжеской вѣтви—не существовало. Князья могли считаться между собою старѣйшинствомъ; но эти счеты уже и въ прежнія времена, до татаръ, перестали быть обязательными, такъ что дѣйствительное старѣйшинство признавалось несомнѣннымъ только по отношенію къ возрасту. Въ Ордѣ эти счеты еще менѣе могли быть обязательными. Кто приходился по нраву властителю, того онъ, не стѣсняясь ничѣмъ, могъ назначить великимъ княземъ. Но въ Ордѣ, какъ вообще въ азіатскихъ деспотическихъ государствахъ, милость властителя и доступъ къ нему покупались угожденіемъ и задариваніемъ близкихъ къ царю вельможъ; и русскій князь, искавшій въ Ордѣ какой бы то ни было ханской милости, а тѣмъ болѣе первенствующаго сана, долженъ былъ достигать своей цѣли, во-первыхъ, обѣщаніемъ большого выхода (дани) хану, а во-вторыхъ, подарками и подкупомъ разныхъ лицъ, имѣвшихъ при ханскомъ дворѣ вліяніе. Отъ этого выходило, что собственно званіе великаго князя было

---

[1]) Разсказываютъ, что послѣ того, какъ сынъ Даніила, Иванъ, перенесъ построенную отцомъ его обитель внутрь Кремля при сооруженной имъ церкви Спаса на Бору, могила Даніила оставалась неизвѣстною до самаго Ивана III. Этотъ великій князь ѣхалъ однажды съ своею дружиною вдоль Москвы-рѣки, мимо того мѣста, гдѣ прежде былъ положенъ Даніилъ; вдругъ подъ однимъ изъ отроковъ споткнулся конь и передъ нимъ явился невѣдомый ему князь и сказалъ: „Я господинъ мѣсту сему, князь Даніилъ Московскій, здѣсь положенный; скажи великому князю Ивану: ты самъ себя утѣшаешь, а меня забылъ“. Съ этихъ поръ московскіе князья начали совершать панихиды по своемъ прародителѣ. Вслѣдъ затѣмъ, какъ разсказываетъ преданіе, были и другія видѣнія. Князь Иванъ Васильевичъ построилъ Даниловъ монастырь на мѣстѣ, гдѣ считали погребеннымъ Даніила и гдѣ, по преданію, стоялъ прежде монастырь, поставленный Даніиломъ; а при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ открыты были его мощи.

продажнымъ. Его могъ пріобрѣсть тотъ изъ князей, у кого въ рукахъ было болѣе богатствъ, и кто обладалъ умѣньемъ употребить эти богатства кстати. Не переставая зависѣть отъ произвола хана, званіе великаго князя могло, однако, утвердиться въ одной княжеской линіи и сдѣлаться фактически наслѣдственнымъ. Нужно было только, чтобы овладѣвшій этимъ званіемъ умѣлъ скоплять въ рукахъ своихъ богатства, поддерживать постоянно дарами доброе расположеніе къ себѣ вліятельныхъ лицъ въ Ордѣ и подготовить своему сыну пріобрѣтеніе этого званія послѣ своей смерти. Вмѣстѣ съ такимъ возвышеніемъ одной княжеской вѣтви неизбѣжно поднималась бы и получала въ ряду русскихъ земель первенство и та земля, гдѣ княжила эта болѣе счастливая княжеская вѣтвь. Городъ Владиміръ почти потерялъ уже признаки первенства: князья, получавшіе отъ хана старѣйшинство, не обязаны были пребывать во Владимірѣ; они могли быть великими князьями и жить въ прежнихъ своихъ удѣлахъ. Теперь-то для Руси предстоялъ важный вопросъ: въ какомъ городѣ утвердится великокняжеское достоинство, переходя отъ одного князя къ другому князю той же земли. Въ будущемъ — этому городу предстояло великое значеніе. Орда, несмотря на все свое видимое могущество, уже пошатнулась; признаки разложенія были ощутительны. Уже на берегахъ Чернаго моря возникла другая Орда, отложившаяся отъ волжской, иначе Золотой, Орда Нагая, не хотѣвшая признавать власти волжскихъ хановъ. Это было началомъ дальнѣйшихъ отложеній и распаденія монгольской монархіи. Въ самой волжской Ордѣ достоинство хана перестало переходить правильнымъ путемъ и подвергалось насильственнымъ переворотамъ. Ханъ Тудай-Менгу былъ умерщвленъ своими племянниками, которые въ свою очередь были умерщвлены ихъ двоюроднымъ братомъ Тохтою, сыномъ Менгу-Тимура. Эти событія были уже предвѣстниками того, что впослѣдствіи сдѣлалось въ Ордѣ обычнымъ дѣломъ. Пока еще Орда была сильна, власть великаго князя могла утвердиться въ одной княжеской вѣтви и въ одной изъ русскихъ земель, именно только при посредствѣ этой ордынской силы; но разъ получивши въ Руси твердость, великокняжеская власть не должна была уже потерять ее и тогда, когда Орда совершенно ослабнетъ, потому что въ самой Руси долженъ былъ устроиться такой порядокъ, который получитъ значеніе обычая. Однимъ изъ способовъ усиленія такой власти было то непремѣнное условіе, что съ возвышеніемъ князей неизбѣжно должны были приливать въ ихъ землю военныя силы изъ другихъ земель, а слѣдовательно другія земли ослабѣвали и князья

ихъ невольно должны были уступать тому, кто дѣлался сильнѣе ихъ средствами. Русскіе бояре приняли обычай переходить туда, гдѣ князь былъ сильнѣе и гдѣ, слѣдовательно, имъ предстояло болѣе выгоды. Бояре приходили въ такомъ случаѣ не одни, но тянули за собою и людей, составлявшихъ ихъ дружину и получившихъ въ эти времена названіе дѣтей боярскихъ. Съ паденіемъ Орды естественно должно было замѣнить для Руси хана то лицо, которому прежніе ханы во время своего могущества передали свою силу, лишь бы только тѣ, которые получали эту силу, умѣли усвоить отъ поколѣнія къ поколѣнію искусство поддерживать свое значеніе. Начало XIV вѣка было той роковой эпохой, когда былъ поставленъ къ разрѣшенію вопросъ: какая изъ княжескихъ линій выдвинется выше всѣхъ, и какая русская земля съ своимъ главнымъ городомъ сдѣлается средоточіемъ русскаго міра и будетъ стягивать къ себѣ разрозненныя его части?

По смерти Андрея тотчасъ началъ добиваться великокняжескаго достоинства двоюродный братъ его Михаилъ Ярославичъ тверской, сынъ Ярослава, брата Александра Невскаго. Но ему явился соперникъ, московскій князь Юрій Даниловичъ. Тверскіе бояре, по повелѣнію своего князя, хотѣли заступить Юрію путь въ Орду и схватить его на дорогѣ, но не успѣли въ этомъ; Юрій пробрался въ Орду инымъ путемъ.

Пока два соперника тягались въ Ордѣ за великое княженіе, на Руси во имя ихъ уже происходили усобицы. Князь Иванъ Даниловичъ отстаивалъ Переяславль отъ тверичей. Противъ него пошелъ съ тверичами бывшій его бояринъ Акинѳъ, который не захотѣлъ въ Москвѣ быть ниже другого боярина Родіона Несторовича, прибывшаго въ Москву изъ Кіева съ тысячью семьюстами человѣкъ дружины или дѣтей боярскихъ. Акинѳъ съ сыновьями перешелъ къ тверскому князю. Произошла кровопролитная свалка; москвичи одержали верхъ, и бояринъ Родіонъ собственноручно убилъ своего личнаго врага Акинѳа, воткнулъ голову его на копье и принесъ своему князю Ивану Даниловичу.

Въ Ордѣ взялъ верхъ тверской князь Михаилъ; Юрій тогда не въ состояніи былъ обѣщать хану выходу болѣе своего соперника. По возвращеніи въ Русь, Михаилъ (1305) тотчасъ пошелъ войною къ Москвѣ на Юрія: вѣроятно, его побуждали къ этому и дѣти убитаго Акинѳа. Тверской князь не могъ взять Москвы и заключилъ миръ съ московскими князьями. Но взаимная злоба отъ этого не улеглась.

Не успѣвши добиться великаго княженія, Юрій избиралъ

другіе пути къ усиленію своей власти и своей Москвы. Уже тотчасъ послѣ смерти отца, онъ захватилъ Можайскъ и привелъ плѣннымъ въ Москву тамошняго князя Святослава. Въ 1306 году онъ удушилъ рязанскаго князя Константина, взятаго въ плѣнъ отцомъ его Даніиломъ и содержавшагося въ Москвѣ въ неволѣ. Московскій князь думалъ вмѣстѣ съ тѣмъ присвоить себѣ и Рязань; но это не удалось ему: молодой рязанскій князь Ярославъ выпросилъ у хана ярлыкъ на рязанское княженіе. Юрій все-таки не остался въ проигрышѣ и присоединилъ къ Москвѣ Коломну, принадлежавшую до того времени Рязанской землѣ. Съ братомъ своимъ Иваномъ Юрій всю жизнь жилъ дружно, но съ другими братьями, Александромъ и Борисомъ, не поладилъ до того, что они убѣжали въ Тверь къ его непримиримому врагу. Этотъ врагъ въ 1308 году еще разъ покусился на Москву, и опять не взялъ ее. Взаимная злоба еще болѣе усилилась послѣ этого новаго нападенія на Москву и, наконецъ, прорвалась отчаянною борьбою по поводу Новгорода.

Со времени татарскаго завоеванія Новгородъ, пользуясь своею внутреннею самостоятельностью, принужденъ былъ допускать у себя пребываніе на Городищѣ великокняжескихъ намѣстниковъ и платить великому князю дань въ качествѣ участія въ общемъ платежѣ выхода хану. Съ этихъ поръ отношенія между Новгородомъ и великимъ княземъ всегда были натянутыя и нерѣдко дѣлались открыто враждебными. Великіе князья, пользуясь правомъ взиманія выхода, старались какъ можно больше сорвать съ Новгорода и какъ можно тяжелѣе наложить на него свою руку. Съ своей стороны Новгородъ старался допустить у себя какъ можно менѣе вліянія и власть великаго князя. Отсюда рядъ договоровъ Новгорода съ великими князьями; въ этихъ договорахъ мы видимъ постоянное стремленіе Новгорода всѣми силами избавиться отъ притязаній великихъ князей и оградить свою самостоятельность. Вопросы были до того усложнены, что кто бы ни былъ великимъ княземъ, отношенія между нимъ и Новгородомъ были, въ сущности, почти одинаковы. До самаго паденія Великаго Новгорода въ концѣ XV вѣка не было ни одного великаго князя, за исключеніемъ Юрія Даниловича, съ которымъ бы новгородцы находились въ дружелюбной и искренней связи. Съ Михаиломъ тверскимъ трудно было поладить Новгороду по причинѣ его придирчиваго и корыстолюбиваго характера. Какъ видно, они съ самаго начала не любили этого князя, не хотѣли, чтобы онъ получалъ великое княженіе и выразили это нежеланіе передъ поѣздкой его въ Орду. Когда Михаилъ возвратился изъ Орды, новгородцы

приняли его намѣстниковъ и заключили съ нимъ договоръ, по которому великому князю, по старинѣ, не дозволялось управлять новгородскими волостями посредствомъ своихъ, а не новгородскихъ мужей; не дозволялось, кромѣ того: пріобрѣтать въ новгородской области, какъ князю, такъ его княгинѣ, боярамъ и всѣмъ подданнымъ, селъ и угодій, выводить новгородскихъ людей въ свою волость, брать ихъ въ залогъ, давать безъ посадника грамоты, раздавать волости, творить судъ безъ посадника, отнимать волости у новгородскихъ мужей, стѣснять новгородскую торговлю и т. п. Эта грамота опредѣляла также и доходы, собственно предоставленные великому князю.

Но въ 1312 году Михаилъ тверской поссорился съ Новгородомъ, вывелъ оттуда своихъ намѣстниковъ, захватилъ пограничныя новгородскія волости: Торжокъ и Бѣжичи (Бѣжецкъ) и не пропускалъ въ Новгородъ подвозъ хлѣба, въ которомъ была большая нужда въ Новгородѣ, недавно пострадавшемъ отъ сильнаго пожара. Новгородцы послали своего владыку Давида въ Тверь. Михаилъ согласился на миръ только тогда, когда новгородцы заплатили ему 1500 гривенъ (около 700 фунтовъ серебра). По заключеніи мира Михаилъ вновь отправилъ къ новгородцамъ своихъ намѣстниковъ. Новгородцы, поплатившись такою данью, окончательно озлобились противъ Михаила и въ слѣдующемъ 1313 году, когда Михаилъ поѣхалъ въ Орду поклониться новому хану Узбеку, рѣшились поступить такъ, какъ дѣлывалось у нихъ встарь: призвать къ себѣ иного, вольнаго князя; они обратились къ Юрію Даниловичу. Московскій князь отправилъ къ нимъ предварительно своего боярина Ѳеодора Ржевскаго, который схватилъ Михайловыхъ намѣстниковъ, посадилъ ихъ подъ стражу на владычнемъ дворѣ, а самъ повелъ новгородцевъ на Волгу противъ Твери. За отсутствіемъ Михаила вышелъ противъ нихъ съ войскомъ сынъ его Димитрій. Обѣ стороны, простоявъ до морозовъ другъ противъ друга на противоположныхъ берегахъ Волги, заключили миръ. Условія этого мира неизвѣстны, но они были выгодны для Новгорода. Передъ заговѣньемъ прибылъ въ Новгородъ избранный князь Юрій съ братомъ своимъ Аѳанасіемъ. Новгородцы посадили его на столъ и радовались; въ этомъ видѣли они возрожденіе своей вольности.

Но не долго довелось имъ радоваться. Весною 1315 года пришло отъ хана Юрію приказаніе явиться въ Орду. Должно быть, Михаилъ нажаловался на него хану. Юрій не смѣлъ ослушаться и поѣхалъ, а въ Новгородѣ оставилъ брата своего Аѳанасія.

Тѣмъ временемъ Михаилъ возвращался на Русь не только обласканный ханомъ, но и велъ съ собою татаръ — карать непокорный Новгородъ. Къ нимъ присоединилась, по приказанію ханскому, рать Низовской земли. Михаилъ осадилъ Торжокъ. Новгородцы съ княземъ Аѳанасіемъ отправились къ Торжку. Произошла кровопролитная сѣча. Новгородцы потеряли много убитыхъ и, наконецъ, не выдержавъ, заперлись въ Торжкѣ. „Выдайте мнѣ князя Аѳанасія и князя Ѳеодора ржевскаго, а потомъ я съ вами стану мириться", послалъ сказать новгородцамъ Михаилъ. Новгородцы отвѣчали: „Не выдадимъ князя Аѳанасія, но умремъ честно за святую Софію". Михаилъ вторично послалъ къ нимъ требованіе: „Такъ выдайте князя Ѳеодора ржевскаго". Новгородцы, говоритъ лѣтописецъ, не хотѣли выдавать его, а выдали по-неволѣ и заключили миръ, обязавшись заплатить двѣнадцать тысячъ гривенъ серебра. Послѣ заключенія мира, Михаилъ пригласилъ къ себѣ князя Аѳанасія и новгородскихъ бояръ, и вѣроломно отправилъ ихъ въ Тверь заложниками платежа. Вдобавокъ Михаилъ ограбилъ остальныхъ новгородцевъ и новоторжцевъ, отнявъ у нихъ доспѣхи, оружіе и коней. Послѣ такого притѣсненія, новгородцы отправили своихъ пословъ въ Орду жаловаться на Михаила, но тверичи переловили этихъ пословъ на дорогѣ.

Такой миръ могъ только еще больше раздражить новгородцевъ. Война съ тверскимъ княземъ вспыхнула въ 1317 году. Намѣстники Михаила выѣхали изъ Новгорода. Михаилъ пошелъ на Новгородъ со всею Низовскою землею [1]), а новгородцы укрѣпили свой городъ острогомъ по обѣимъ сторонамъ Волхова и подняли на ноги свою землю: вооружились псковичи, ладожане, корѣла, жители Русы, ижора и водь. Но до Новгорода по неудобству путей Михаилу было добраться трудно. Дойдя до Устьянъ, Михаилъ поворотилъ назадъ и былъ жестоко наказанъ за свою смѣлость. Войско его заблудилось среди озеръ и болотъ и умирало отъ голода. Воины поѣли всѣхъ своихъ лошадей, грызли ремни, голенища, кожу со щитовъ, многіе перемерли отъ стужи и только жалкіе остатки вернулись домой съ своимъ княземъ, пѣшіе и больные. Думая, что великій князь будетъ теперь сговорчивѣе, новгородцы отправили къ нему владыку Давида, и умоляли отпустить ихъ коварно-задержанныхъ братьевъ. Михаилъ сначала

---

[1]) Низовскою землею назывался въ собственномъ смыслѣ край внизъ по теченію Волги, но новгородцы давали этому названію болѣе широкое значеніе, включая въ него Суздальско-Ростовскую землю съ ея развѣтвленіями, а впослѣдствіи даже Москву.

упрямился, но потомъ помирился съ новгородцами въ Торжкѣ, когда услыхалъ, что Юрій возвратился изъ Орды и идетъ на него. Новгородцы, съ своей стороны, заключили миръ, потому что не знали, гдѣ Юрій, и не догадывались, что онъ близко. Въ договорѣ, заключенномъ въ это время, говорится о возвращеніи плѣнныхъ, но не упоминается о платежѣ серебра, такъ что, вѣроятно, дань, наложенная Михаиломъ на Новгородъ подъ Торжкомъ, не была ему никогда уплачена.

Юрій, отправившись въ Орду по приказанію Узбека еще въ 1315 году, прожилъ тамъ болѣе двухъ лѣтъ. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, что онъ тамъ дѣлалъ, но послѣдствіемъ такого долгаго пребыванія было то, что Юрій вошелъ въ милость къ Узбеку и женился на его сестрѣ Кончакѣ, которая приняла въ крещеніи имя Агаѳіи. Самъ Узбекъ былъ мугамеданинъ, но, вѣрный преданіямъ предковъ, оказывалъ уваженіе ко всякимъ вѣрамъ, а съ христіанами былъ особенно милостивъ; при немъ въ Сараѣ жило много христіанъ: они отправляли свободно свое богослуженіе и имѣли тамъ мѣстнаго епископа. Съ такою терпимостью вполнѣ согласовалось то обстоятельство, что онъ породнился съ русскимъ княземъ и позволилъ своей сестрѣ принять вѣру своего мужа.

Юрій велъ теперь (1317 г.) на своего врага татаръ подъ начальствомъ татарскаго князя Кавгадыя, ѣхавшаго съ нимъ въ качествѣ татарскаго посла. Послы отъ хана бывали часто на Руси въ тѣ времена,—иные только подъ видомъ пословъ шатались по Руси. Всѣ они были настоящими бичами жителей. Когда имъ съ своими татарами приходилось идти посреди русскаго населенія, они на каждомъ шагу желали показать, что они господа, а русскіе рабы, грабили, дѣлали всякаго рода насилія жителямъ. Такъ было и теперь. Суздальскіе князья, сообразивши, что Юрій въ милости у царя, пристали къ нему, но это не помѣшало татарамъ безчинствовать на пути въ Костромѣ, Ростовѣ, Дмитровѣ и Клинѣ. Съ татарами были хивинцы и мордва. Путь ихъ лежалъ въ Тверскую землю. Юрій хотѣлъ наказать своего противника. Если, проходя по Суздальской землѣ, татары не слишкомъ уважали собственность и личность русскаго человѣка, то вступивши въ Тверскую землю, они безъ разбора жгли всякое жилье, попадавшееся на пути, и мучили разными муками людей, которыхъ захватывали въ свои руки. Михаилъ выступилъ противъ нихъ, и 22 декабря 1317 года встрѣтился съ ними за сорокъ верстъ отъ Твери на урочищѣ, называемомъ Бортенево. Рать Юрія была разбита. Самъ Юрій ушелъ въ Торжокъ: братъ его Борисъ, жена Агаѳія и Кавгадый попались въ плѣнъ.

Юрій изъ Торжка прибѣжалъ въ Новгородъ. Если извѣстіе о походѣ Юрія на Тверь не могло придти въ-пору къ новгородцамъ и побудить ихъ подать помощь Юрію, то теперь они дружно принялись за дѣло своего союзника; къ нимъ присоединились псковичи. Съ новгородскимъ ополченіемъ пошелъ и новгородскій владыка Давидъ. Недавно былъ заключенъ новгородцами миръ съ Михаиломъ; нападать на Михаила было безчестно; поэтому новгородцы рѣшили прежде послать къ Михаилу требованіе сдѣлать все угодное Юрію, а вступить съ нимъ въ войну предполагали только тогда, когда онъ откажетъ.

Михаилъ былъ сговорчивъ, потому что боялся ханскаго гнѣва. Отпустить жену Юрія было невозможно: она умерла въ плѣну; говорили, что ее тамъ уморили зельемъ. Михаилъ выдалъ Юрію только тѣло ея, которое отвезено было для погребенія въ Ростовъ, въ церковь пресв. Богородицы. При посредствѣ новгородцевъ, соперники порѣшили на томъ, чтобы имъ обоимъ идти въ Орду. Кавгадый, находясь въ плѣну у Михаила, увѣрилъ его, что онъ помогалъ Юрію и напалъ на Михаила безъ ханскаго дозволенія.

По своемъ освобожденіи изъ тверского плѣна, Кавгадый соединился съ Юріемъ и они положили между собою совѣтъ собрать всѣхъ князей низовскихъ (т.-е. Суздальско-Ростовской земли), пригласить бояръ отъ русскихъ городовъ, въ особенности отъ Новгорода, и ѣхать въ Орду съ обвиненіемъ на Михаила. Такъ и сдѣлалось. Всѣ они поѣхали къ Узбеку. Михаилъ, услышавши, что на него собирается такая гроза, послалъ въ Орду сына своего Константина, а самъ нѣсколько времени раздумывалъ, что̀ ему дѣлать и наконецъ рѣшился пуститься въ путь. Онъ отправился съ сыновьями: Димитріемъ и Александромъ. Во Владимірѣ встрѣтилъ онъ ханскаго посла Ахмыла, который ѣхалъ къ нему.

„Зоветъ тебя царь—сказалъ Ахмылъ—ступай скорѣе. Если не поспѣешь черезъ мѣсяцъ, то ханъ уже назначилъ послать войско на тебя и на твой городъ. Кавгадый оговорилъ тебя передъ ханомъ, увѣряетъ, что ты не пріѣдешь въ Орду“.

Бояре и сыновья уговаривали Михаила не ѣздить, а послать въ Орду еще одного изъ сыновей. „Не васъ, дѣтей моихъ, требуетъ царь къ себѣ — сказалъ Михаилъ — головы моей онъ хочетъ. Если я уклонюсь, вотчина моя будетъ полонена и множество христіанъ перебито. И послѣ того придется мнѣ умереть, такъ ужъ лучше положить свою душу за многія души!“ Онъ отправился, и 6-го сентября 1318 года достигъ устья Дона; тамъ былъ тогда ханъ Узбекъ съ Ордою, по обычаю предковъ

странствовавшій передвижными городами. Тамъ встрѣтилъ Михаила сынъ его Константинъ. Михаилъ по обычаю поднесъ дары царю, царицѣ и вельможамъ. Узбекъ приказалъ приставить къ Михаилу, какъ къ подсудимому, приставовъ, но велѣлъ обращаться съ нимъ почтительно.

Такъ прошло полтора мѣсяца. Наконецъ, ханъ приказалъ князьямъ разсудить дѣло Михаила Ярославича съ Юріемъ и представить хану: тогда ханъ оправданнаго пожалуетъ, а виновнаго казнитъ. И вотъ, по такому повелѣнію, собрались въ кибитку князья и положили разныя грамоты, свидѣтельствующія о преступности Михаила. Его обвиняли въ томъ, что онъ бралъ дани съ городовъ, управляемыхъ этими князьями и не отдавалъ царю [1]). На этомъ судѣ былъ и Кавгадый и старался всѣми способами очернить Михаила. Черезъ недѣлю Михаила поставили на другомъ судѣ (должно быть уже чисто татарскомъ) и тутъ ему произнесли такое обвиненіе: „не давалъ царевой дани, бился противъ царскаго посла и уморилъ княгиню, жену Юріеву“.

Послѣ этого осужденія, къ Михаилу приставили стражу, состоящую изъ семи человѣкъ отъ семи князей. Князю Михаилу на шею надѣли тяжелую колоду, которая столько же причиняла мученія, сколько означала поруганіе. Ханъ отправился въ походъ противъ Персіи; Михаила потащили за нимъ въ обозѣ. Когда ханъ на степи во время похода расположился станомъ и въ станѣ открылся торгъ, Кавгадый приказалъ поставить всенародно Михаила съ колодою и созвать заимодавцевъ, т.-е. тѣхъ, которые жаловались на его несправедливые поборы. Это былъ правежъ, обычай, который впослѣдствіи вошелъ въ русское судопроизводство: неисправнаго должника выставляли на торгу и били по ногамъ. Не видно, чтобъ Михаила при этомъ били; но колода на шеѣ имѣла смыслъ муки правежа. „Знай, Михаилъ, — сказалъ ему Кавгадый, — таковъ у нашего царя обычай: какъ разсердится на кого-нибудь, хоть бы на своего племянника, прикажетъ положить на него колоду, а какъ гнѣвъ его минетъ, то по прежнему чтитъ его; такъ и съ тобой будетъ: минетъ твоя

[1]) Хотя въ сказаніи объ убіеніи Михаила эти князья называются ордынскими и наши историки полагаютъ, что Михаила судили татарскіе вельможи, но по смыслу выходитъ, что слово „ордынскіе“ прибавлено послѣ, и здѣсь идетъ рѣчь о русскихъ князьяхъ. Татарскіе князья не могли обвинять Михаила въ томъ, что онъ бралъ съ ихъ городовъ дань, такъ какъ Михаилъ не могъ брать дани ни съ какихъ татарскихъ городовъ, тогда какъ дѣйствительно съ русскихъ городовъ бралъ Михаилъ дань въ званіи великаго князя для выхода въ Орду. Кромѣ того, въ этомъ же сказаніи говорится, что Юрій, уѣзжая судиться съ Михаиломъ, пригласилъ князей низовскихъ и бояръ отъ городовъ, которые должны были судить Михаила.

тягота, и ты будешь у царя еще въ большей чести". Кавгадый велѣлъ сторожамъ поддерживать колоду, висѣвшую на шеѣ Михаила, чтобы облегчить его. Наконецъ, послѣ двадцати-шестидневнаго томленія за рѣкою Терекомъ, по ту сторону горъ, 22-го ноября въ середу, Кавгадый и Юрій Даниловичъ съ людьми своими подъѣхали къ вежѣ (кибиткѣ), гдѣ находился несчастный Михаилъ; въ кибитку вошли убійцы, повалили князя на землю, и одинъ русскій, по имени Романецъ, вонзилъ ножъ въ сердце страдальца. Когда Юрій и Кавгадый вошли въ кибитку и увидѣли обнаженное тѣло Михаила, Кавгадый съ суровымъ видомъ сказалъ Юрію: „вѣдь онъ тебѣ старѣйшимъ братомъ былъ, словно отецъ; для чего же тѣло его лежитъ брошенное и голое!" Юрій приказалъ прикрыть трупъ епанчею. Видно, что ханъ колебался исполнить приговоръ суда, но Юрій настаивалъ и добивался смерти Михаила.

Юрій мстилъ Михаилу и послѣ смерти его: Юріевы бояре, которые повезли на Русь тѣло убитаго, не допускали ставить это тѣло въ церквахъ, а ставили въ хлѣву. Его привезли въ Москву и погребли въ Спасскомъ монастырѣ.

Юрій, получивъ отъ хана великое княженіе, возвратился въ Русь съ большою честью; онъ везъ съ собою, какъ плѣнныхъ, сына Михаилова, Константина, его бояръ и слугъ. Вдова Михаила и другіе сыновья его, узнавши о печальномъ концѣ тверского князя, обратились къ Юрію съ просьбою отдать имъ тѣло убитаго для погребенія въ Твери. Юрій согласился, но прежде поломался надъ ними. Одинъ изъ сыновей убитаго князя, Александръ, ѣздилъ за тѣломъ отца въ Москву. Михаила погребли въ церкви Спаса въ Твери.

Старшій сынъ Михаила, Димитрій (названный въ родословной: Грозныя-Очи), злобствовалъ на Юрія за смерть отца, но принужденъ былъ до поры до времени смириться. Въ 1321 году, при посредствѣ тверского епископа Варсонофія, между Димитріемъ и Юріемъ заключенъ былъ миръ; тверской князь заплатилъ двѣ тысячи гривенъ серебра и обязался не искать великаго княженія.

Юрій, сдѣлавшись великимъ княземъ, послалъ въ Новгородъ брата своего Аѳанасія, но послѣ смерти послѣдняго въ 1322 году самъ переѣхалъ въ Новгородъ и остался въ немъ. Онъ, повидимому, уступилъ Москву брату Ивану, и, считаясь великимъ княземъ, жилъ въ Новгородѣ. Юрій любилъ Новгородъ и новгородцы любили Юрія. Онъ воевалъ за новгородцевъ съ шведами, построилъ городъ Орѣшекъ (нынѣ Шлиссельбургъ), заключилъ отъ

имени Новгорода миръ съ шведскимъ королемъ и счастливо прогонялъ литву, дѣлавшую частые набѣги на новгородскія владѣнія; въ 1324 году, по поводу оскорбленій, причиненныхъ новгородскимъ промышленникамъ устюжанами, Юрій съ новгородцами ходилъ въ Устюгъ, взялъ этотъ городъ и заключилъ съ устюжанами миръ, выгодный для новгородцевъ. Здѣсь онъ навсегда простился съ ними: они отправились домой, а Юрій, доѣхавъ до Камы, спустился внизъ этой рѣкой въ Орду. Его позвали.

Димитрій Михайловичъ тверской обвинялъ Юрія въ томъ, что онъ, взявши выходъ съ тверскихъ князей, не отдалъ его татарскому послу, а уѣхалъ съ деньгами въ Новгородъ [1]). Юрій, прибывшій въ Орду 21-го ноября 1325 года, былъ умерщвленъ княземъ Димитріемъ Михайловичемъ. Тѣло Юрія было привезено въ Москву и предано землѣ митрополитомъ Петромъ и архіепископомъ новгородскимъ Моисеемъ. Ханъ казнилъ убійцу, но не ранѣе, какъ спустя десять мѣсяцевъ послѣ убійства.

Братъ Юрія, Иванъ, по прозванію Калита (отъ обычая носить съ собою кошелекъ съ деньгами для раздачи милостыни), оставался долго въ тѣни при старшемъ братѣ, но когда Юрій получилъ великое княженіе и уѣхалъ въ Новгородъ, Москва оставлена была въ полное управленіе Ивана; съ этихъ-то поръ онъ выступаетъ на историческое поприще. Восемнадцать лѣтъ его правленія были эпохою перваго прочнаго усиленія Москвы и ея возвышенія надъ русскими землями. Главнымъ способомъ къ этому усиленію было то, что Иванъ особенно умѣлъ ладить съ ханомъ, часто ѣздилъ въ Орду, пріобрѣлъ особенное расположеніе и довѣріе Узбека и оградилъ свою Московскую землю отъ вторженія татарскихъ пословъ, которые,—какъ уже сказано выше,—называясь этимъ именемъ, ѣздили по Руси, дѣлали безчинства и опустошенія. Въ то время, когда другія русскія земли поражены были этимъ несчастіемъ и, кромѣ того, подвергались другимъ бѣдствіямъ, владѣнія московскаго князя оставались спокойными, наполнялись жителями и, сравнительно съ другими русскими землями, находились въ цвѣтущемъ состояніи. „Перестали поганые воевать Русскую землю,—говоритъ лѣтописецъ,—пере-

---

[1]) Вообще событія этого времени и отношенія къ Ордѣ, какъ Юрія, такъ и Димитрія, для насъ остаются неясными по причинѣ скудости источниковъ. Есть извѣстіе, что Димитрій получилъ великое княженіе; мы не знаемъ навѣрно: утвердилъ ли ханъ Узбекъ на княженіи Димитрія, разсердившись на Юрія, самъ ли Димитрій присвоилъ себѣ имя великаго князя, или его ошибочно такъ называли лѣтописцы.

стали убивать христіанъ; отдохнули и опочили христіане отъ великой истомы и многой тягости, и отъ насилія татарскаго; и съ этихъ поръ наступила тишина по всей землѣ".

Городъ Москва расширялся въ княженіе Ивана. Кромѣ Кремля, составлявшаго ея центръ или внутреннее укрѣпленіе, посадъ за предѣлами Кремля уже при Иванѣ былъ обнесенъ дубовою стѣною. Вокругъ Москвы одно за другимъ возникали села.

Бояре оставляли другихъ князей, переходили къ московскому князю и получали отъ него земли съ обязанностью службы; за боярами слѣдовали вольные люди, годные къ оружію. Такимъ образомъ, сосѣдніе князья слабѣли и по-неволѣ должны были угождать московскому князю и подчиняться ему. Въ Москву переселялись и иноземцы, и даже татары приходили на поселеніе не врагами, не господами, а принимали крещеніе и становились русскими. Въ числѣ такихъ татарскихъ выходцевъ былъ мурза Четъ, родоначальникъ фамиліи Годуновыхъ и предокъ Бориса, царствовавшаго на русскомъ престолѣ. Иванъ заботился о внутренней безопасности, строго преслѣдовалъ и казнилъ разбойниковъ и воровъ, и тѣмъ самымъ онъ далъ возможность ѣздить торговымъ людямъ по дорогамъ. Москва тогда уже наполнялась торговцами съ разныхъ сторонъ. На устьѣ Мологи возникла славная въ тѣ времена моложская ярмарка, куда съѣзжались купцы съ востока и запада. Оживляя народное благосостояніе, эта ярмарка доставляла доходы великому князю.

Въ первыхъ же годахъ своего правленія Иванъ далъ Москвѣ нравственное значеніе переводомъ митрополичьей каѳедры изъ Владиміра въ Москву. Еще въ XIII столѣтіи русскіе первосвятители нашли невозможнымъ оставаться въ Кіевѣ, въ краѣ малолюдномъ, въ опустошенномъ и обнищаломъ городѣ, гдѣ древняя святыня находилась въ запустѣніи, гдѣ Десятинная церковь лежала въ развалинахъ, гдѣ отъ св. Софіи оставались однѣ стѣны, а Печерская обитель стояла безлюдная. Митрополиты: Кириллъ и Максимъ, хотя и считались кіевскими, но не жили въ Кіевѣ, вели странническую жизнь и болѣе всего пребывали во Владимірѣ. По смерти митрополита Максима было два соискателя митрополичьяго престола,—одинъ изъ Сѣверной Руси, владимірскій игуменъ Геронтій, другой изъ Южной Руси — Петръ, игуменъ ратскій, родомъ волынецъ. Галицкій князь Юрій Львовичъ, внукъ Даніила, послалъ Петра въ Константинополь для посвященія, съ цѣлью утвердить у себя митрополію въ Галичинѣ. Петръ былъ предпочтенъ Геронтію, получилъ санъ митрополита (1308), но вмѣсто того, чтобы жить въ Южной Руси, удержавъ титулъ кіев-

скаго митрополита, переселился на сѣверъ во Владиміръ; однако и тутъ не жилъ постоянно, а переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто, поставляя духовныхъ. Вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ тверскимъ Петръ совершилъ поѣздку въ Орду къ Узбеку и получилъ отъ него знаменитую грамоту, по которой православное русское духовенство съ своими семействами и со всѣми лицами, принадлежащими къ духовному вѣдомству, освобождалось отъ всякой дани и ограждалось отъ какихъ бы то ни было обидъ и притѣсненій со стороны ханскихъ чиновниковъ и подданныхъ.

Во время своихъ обычныхъ переѣздовъ съ мѣста на мѣсто Петръ сошелся съ княземъ Иваномъ Даниловичемъ и полюбилъ болѣе всѣхъ другихъ городовъ его Москву. Здѣсь онъ сталъ проживать по-долгу, заботился объ украшеніи Москвы святынею храмовъ и 4 августа 1325 года, вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ, заложилъ первую каменную церковь въ Москвѣ Успенія Богородицы (нынѣшній Успенскій соборъ). Этотъ храмъ долженъ былъ сдѣлаться главною святынею Москвы и перенести на нее то благословеніе, которое нѣкогда давала городу Владиміру построенная Андреемъ подобная церковь Богоматери во Владимірѣ: Близъ мѣста, на которомъ долженъ былъ стоять жертвенникъ, Петръ собственноручно устроилъ гробъ. „Богъ благословитъ тебя,—говорилъ онъ Калитѣ,—и поставитъ выше всѣхъ другихъ князей, и распространитъ городъ этотъ паче всѣхъ другихъ городовъ; и будетъ родъ твой обладать мѣстомъ симъ во вѣки; и руки его взыдутъ на плещи враговъ вашихъ; и будутъ жить въ немъ святители, и кости мои здѣсь положены будутъ“. Эти пророческія слова, переходя по преданію отъ поколѣнія къ поколѣнію, помнились и приводились для поддержанія могущества и величія Москвы. Въ слѣдующемъ 1326 году 21 декабря Петръ скончался, оставшись навсегда въ воспоминаніи потомковъ святымъ покровителемъ Москвы, первымъ виновникомъ ея нравственнаго возвышенія. Иванъ, исполняя завѣщаніе Петра, окончилъ постройку храма Успенія; кромѣ этого храма, онъ построилъ каменную церковь Архангела Михаила, на мѣсто прежней деревянной, и завѣщалъ себя похоронить въ ней: это былъ нынѣшній Архангельскій соборъ, послужившій мѣстомъ погребенія для всѣхъ потомковъ Ивана. Близъ своихъ палатъ Иванъ основалъ монастырь св. Преображенія и построилъ въ немъ каменную церковь (единственную изъ московскихъ церквей, которой стѣны до сихъ поръ существуютъ отъ тѣхъ временъ въ церкви Спаса на Бору) и кромѣ того церковь Іоанна Лѣствичника, на мѣстѣ нынѣшней коло-

кольни Ивана Великаго. Стремленію Ивана поднять церковное значеніе Москвы способствовало то, что преемникъ Петра, Ѳеогностъ, поселился въ Москвѣ, а за нимъ, впослѣдствіи, всѣ митрополиты одинъ за другимъ пребывали въ этомъ городѣ и такимъ образомъ сообщили ему значеніе столицы всей русской церкви.

Иванъ Даниловичъ во все продолженіе своего княженія ловко пользовался обстоятельствами, чтобы, съ одной стороны, увеличить свои московскія владѣнія, а съ другой—имѣть первенствующее вліяніе на князей въ прочихъ русскихъ земляхъ. Въ этомъ случаѣ помогла ему болѣе всего вновь вспыхнувшая вражда съ Тверью. Тамъ княжилъ другой сынъ Михаила тверского, Александръ. Послѣ казни брата, Александръ—какъ говоритъ лѣтописецъ—носилъ имя великаго князя [1]). Татары, какъ видно, не довѣряли Александру и находили нужнымъ особенно наблюдать надъ Тверью. Въ 1327 году пріѣхалъ въ Тверь ханскій чиновникъ Чолканъ съ вооруженною толпою татаръ, выгналъ Александра съ его двора и расположился въ немъ, какъ хозяинъ. Это естественно возбудило страхъ и ропотъ въ народѣ. Начали толковать, что татары хотятъ перебить русскихъ князей, управлять Русью посредствомъ своихъ чиновниковъ и насильно обращать христіанъ въ бусурманскую вѣру. Татары, по привычкѣ обращаться съ русскими, какъ съ рабами, дѣлали въ Твери разныя безчинства. 15 августа поднялся мятежъ противъ татаръ. По однимъ извѣстіямъ, самъ Александръ возбуждалъ тверичей изъ мести за своего отца и брата, по другимъ же онъ, напротивъ, приказывалъ имъ терпѣть, но неожиданный случай произвелъ вспышку въ народѣ. Татары хотѣли отнять у діакона Дюдка молодую и жирную кобылу. Діаконъ сдѣлалъ кличъ къ народу, который уже прежде былъ раздраженъ наглостью татаръ. Ударили въ вѣчевой колоколъ, народъ собрался и перебилъ Чолкана и его татаръ. Только немногіе табунщики успѣли уйти и дать знать въ Ордѣ о происшествіи.

Мщеніе было неизбѣжно. Князь Иванъ Даниловичъ, услы-

---

[1]) Фактъ этотъ представляется намъ до крайности страннымъ; какимъ образомъ Узбекъ, убивши отца и брата Александра, могъ повѣрить этому князю старѣйшинство на Руси? Такъ какъ болѣе старыя редакціи нашихъ лѣтописей ничего ровно не говорятъ о назначеніи его великимъ княземъ, а извѣстія объ этомъ назначеніи находятся только въ позднѣйшихъ редакціяхъ, то мы бы отвергли этотъ фактъ какъ ложный, если бы насъ въ этомъ случаѣ не останавливала новгородская грамота, изъ которой видно, что новгородцы въ 1327 году признавали надъ собою власть Александра въ качествѣ старѣйшаго или великаго князя. Во всякомъ случаѣ въ этомъ есть что-то для насъ неизвѣстное и непонятное.

шавши о томъ, что̀ сдѣлалось въ Твери, на̀скоро побѣжалъ въ Орду и оттуда въ званіи старѣйшаго князя шелъ съ татарами наказывать Тверь. Татарская рать была подъ предводительствомъ пяти темниковъ. Иванъ Даниловичъ потребовалъ, чтобы суздальскій князь присоединился къ нему,—суздальскій князь не посмѣлъ ослушаться. Рать зимою вошла въ Тверскую землю, жгла города, села, убивала жителей и старыхъ, и малыхъ; иныхъ брала въ неволю; другіе, лишенные пріюта, замерзали. Такъ разорены были Кашинъ и Тверь. Князь Александръ съ братомъ Константиномъ ушелъ въ Новгородъ; новгородцы не приняли Александра: онъ бѣжалъ въ Псковъ. Тѣмъ временемъ татары, вѣроятно не зная, что новгородцы прогнали Александра, напали на Новоторжскую землю, принадлежащую Новгороду, и опустошили ее. Дѣло разъяснилось тогда, когда монгольскіе послы прибыли въ Новгородъ и получили тамъ 2000 гривенъ серебра и много даровъ.

Тверская область была до того опустошена и обезлюдѣла, что цѣлое полстолѣтіе носила на себѣ слѣды этого погрома.

Расправившись съ Тверью, Иванъ поѣхалъ въ Орду явиться къ Узбеку. Узбекъ очень хвалилъ его, и съ тѣхъ поръ положеніе Ивана стало еще крѣпче. Тогда же явился къ Узбеку съ поклономъ братъ Александра, Константинъ. Узбекъ принялъ и его милостиво, не помянулъ вины, которую считалъ за братомъ его, утвердилъ на тверскомъ княженіи, но приказалъ Ивану и съ нимъ всѣмъ русскимъ князьямъ отыскать Александра и представить въ Орду на расправу. По ханскому приказу, Иванъ, въ 1329 году, съ митрополитомъ, суздальскимъ княземъ и двумя тверскими князьями, братьями Александра, прибылъ въ Новгородъ и оттуда послалъ къ Александру пословъ. Во Псковъ поѣхалъ самъ новгородскій владыка Моисей съ нѣкоторыми знатными новгородцами: онъ убѣждалъ Александра ѣхать добровольно въ Орду, „не давать христіанъ на погибель поганымъ“. Александръ совсѣмъ-было согласился, но псковичи удержали его и говорили: „Не ѣзди, господине, въ Орду; что̀ бы съ тобою ни было, за одно умремъ съ тобою!“

Иванъ Даниловичъ, получивши отказъ, поднялъ всю землю Новгородскую и пошелъ ратью на Псковъ, а митрополитъ Ѳеогностъ въ угожденіе Ивану наложилъ на псковичей проклятіе и отлученіе отъ церкви.

Тогда Александръ сказалъ псковичамъ: „Братья и друзья мои! пусть не будетъ на васъ изъ-за меня проклятія и отлученія; я уѣду, а вы цѣлуйте крестъ не выдавать моей княгини“.

Александръ уѣхалъ въ Литву, а псковичи послали пословъ къ Ивану съ такимъ словомъ: „Князь Александръ уѣхалъ, весь Псковъ кланяется тебѣ, князю великому, отъ мала до велика: и попы, и чернецы, и черницы, и сироты, и жены, и малыя дѣти“. Это было первое заявленіе покорности Пскова Москвѣ, новый шагъ къ возвышенію значенія московскаго князя.

Иванъ удовольствовался этимъ заявленіемъ, и митрополитъ снялъ со псковичей проклятіе, употребивши свою духовную власть въ пользу видовъ московскаго князя. Обстоятельства продолжали благопріятствовать Москвѣ. Александръ хотя вернулся во Псковъ и прожилъ тамъ десять лѣтъ, но былъ уже безсиленъ; его братъ Константинъ, управляя разоренною Тверскою землею, угождалъ московскому князю, любимцу царя, такъ какъ страшился повторенія надъ своею областью того, что она испытала при его братѣ. Въ собственно-Московской землѣ Иванъ уже владѣлъ Можайскомъ, Коломною, Рузою, Звенигородомъ, Серпуховымъ, къ ней присоединялся и Переяславль съ своею волостью. Князья другихъ русскихъ земель поставлены были въ такое положеніе, что должны были подчиняться Ивану съ своими землями. Суздальскій князь Александръ Васильевичъ и всѣ другіе удѣльные князья Ростовско-Суздальской земли стали его подручниками. По смерти Александра Васильевича, Иванъ удержалъ за собою Владиміръ, а новый суздальскій князь Константинъ Васильевичъ долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что ему оставилъ московскій князь. Иванъ отдалъ одну изъ своихъ дочерей за Василія Давидовича ярославскаго, а другую за Константина ростовскаго и самовластно распоряжался удѣлами своихъ зятьевъ. „Горе, горе городу Ростову и князьямъ его!—говоритъ одно старинное сказаніе:—отнялась у нихъ власть и княженіе; и не мало было ростовцевъ, которые по-неволѣ отдавали москвичамъ имущество свое, терпѣли побои и язвы на тѣлѣ своемъ“. Посланный въ Ростовъ отъ Ивана Даниловича бояринъ Кочева свирѣпствовалъ надъ жителями, какъ будто надъ завоеванными, и одного старѣйшаго боярина, по имени Аверкія, приказалъ всенародно повѣсить за ноги и нещадно бить палками. Подобные поступки совершались не въ одномъ Ростовѣ, но и во всѣхъ мѣстахъ, подпавшихъ подъ власть москвичей, которые, гдѣ только могли, показывали себя высокомѣрными господами надъ прочими русскими людьми. Эти поступки вывели изъ терпѣнія ярославскаго князя; несмотря на родство свое съ московскимъ княземъ, онъ соединился противъ него съ Александромъ Михайловичемъ тверскимъ. Князья рязанскіе по-неволѣ должны были повино-

ваться Ивану Даниловичу и ходить съ своею ратью куда онъ имъ прикажетъ: Иванъ былъ въ чести у хана, а Рязанская земля находилась на пути изъ Орды въ Москву и за строптивость своихъ князей первая могла подвергнуться жестокой карѣ отъ Орды, требовавшей повиновенія Москвѣ. Города: Угличъ, Галичъ и Бѣлозерскъ были пріобрѣтены Иваномъ посредствомъ купли отъ князей. Кромѣ того, онъ покупалъ и промѣнивалъ села въ разныхъ мѣстахъ: около Костромы, Владиміра и Ростова, на рѣкѣ Масѣ, Киржачѣ и даже въ Новгородской землѣ, вопреки новгородскимъ грамотамъ, запрещавшимъ князьямъ покупать тамъ земли. Онъ заводилъ въ Новгородской землѣ слободы, населялъ ихъ своими людьми, и такимъ образомъ имѣлъ возможность внѣдрять тамъ свою власть и этимъ путемъ.

Новгородъ, находившійся пока въ дружбѣ съ Москвою, скоро испыталъ на себѣ плоды ея усиленія, которому онъ такъ содѣйствовалъ. Новгородцы слишкомъ много оказали услугъ московскимъ князьямъ: казалось, нужно было пройти долгому времени и явиться очень важнымъ причинамъ и непредвидѣннымъ столкновеніямъ, чтобы между Новгородомъ и Москвою могло вспыхнуть несогласіе. Но Иванъ не задумывался въ выборѣ средствъ для своихъ выгодъ. Въ 1332 году возвратился онъ изъ Орды, гдѣ достаточно поистратился на подарки, и сталъ пріискивать средствъ, какъ бы и чѣмъ ему вознаградить себя. Онъ вспомнилъ, что у новгородцевъ есть закамское серебро. Въ сибирскихъ странахъ съ незапамятныхъ временъ велось добываніе руды и обработка металловъ. До сихъ поръ такъ-называемыя чудскія копи по берегамъ Енисея служатъ памятниками древней умѣлости народовъ алтайскаго племени. Новгородъ, владѣвшій сѣверо-востокомъ нынѣшней европейской Россіи, подъ названіемъ Заволочья (береговъ Двины), Печоры и Перми, и частью азіатской Россіи подъ именемъ Югры, получалъ оттуда серебро отчасти путемъ торговыхъ сношеній, отчасти же посредствомъ дани, взносимой туземцами подчиненной Новгороду Пермской страны. Иванъ Даниловичъ потребовалъ отъ Новгорода этой статьи дохода, которая въ то время называлась закамскимъ серебромъ, и, чтобы имѣть въ рукахъ своихъ залогъ своего требованія, захватилъ Торжокъ и Бѣжецкій-Верхъ съ ихъ волостями неожиданно и вѣроломно, не объявивши Новгороду, что онъ считаетъ мирный договоръ почему-нибудь нарушеннымъ. Въ Новгородѣ тогда происходили внутреннія смятенія: въ одинъ годъ смѣнили двухъ посадниковъ, ограбили дворы и села двухъ бояръ; вѣроятно, эти волненія состояли въ связи съ тогдашними непріяз-

ненными поступками московскаго князя, такъ какъ всегда во время размолвокъ съ великими князьями въ Новгородѣ были лица, считавшіяся ихъ сторонниками и благопріятелями и зато испытывавшія озлобленіе раздраженнаго народа. На другой годъ Иванъ Даниловичъ повторилъ свое требованіе, вошелъ въ Торжокъ съ подручными себѣ князьями земель Суздальской и Рязанской и сидѣлъ въ Торжкѣ около двухъ мѣсяцевъ. Новгородцы посылали къ нему дружелюбное посольство, просили пріѣхать въ Новгородъ мирно, но Иванъ не хотѣлъ слушать ихъ и уѣхалъ прочь. Новгородскимъ волостямъ не легко было отъ его посѣщенія. Иванъ вывелъ своихъ намѣстниковъ изъ Городища, и такимъ образомъ находился уже въ открытой враждѣ съ Новгородомъ, „въ розратьѣ", какъ тогда говорили.

Тогда новгородцы принялись укрѣплять свой городъ; владыка строилъ каменныя стѣны Дѣтинца; юрьевскій архимандритъ возводилъ около своего монастыря стѣны, а между тѣмъ еще разъ новгородцы пытались поладить съ московскимъ княземъ. Владыка Василій поѣхалъ къ нему съ двумя новгородскими боярами и засталъ его въ Переяславлѣ. Отъ лица Новгорода онъ предлагалъ великому князю пятьсотъ рублей серебра и просилъ, чтобы великій князь отступился отъ слободъ, заведенныхъ имъ на новгородской землѣ, противно договору, имъ же утвержденному крестнымъ цѣлованіемъ. Иванъ Даниловичъ не послушалъ его.

Тогда новгородцы пожалѣли, что въ угоду московской власти такъ преслѣдовали тверского князя. Александръ жилъ во Псковѣ; новгородцы изъ-за него были не въ ладахъ со Псковомъ; новгородскій владыка семь лѣтъ не бывалъ во Псковѣ и наказывалъ своимъ пастырскимъ неблагословеніемъ Псковъ непослушный Новгороду и великому князю; теперь онъ отправился въ Псковъ, былъ тамъ принятъ съ честью, благословилъ князя Александра и крестилъ у него сына Михаила. Этого было недостаточно. Новгороду нуженъ былъ сильный союзникъ, который бы могъ составить противовѣсъ могуществу московскому, и Новгородъ сошелся тогда съ литовскимъ княземъ Гедиминомъ, завоевавшимъ почти всю Западную Русь: онъ, заступившись за Новгородъ, одинъ могъ остановить Ивана. Въ октябрѣ 1333 года пріѣхалъ въ Новгородъ сынъ Гедимина Наримонтъ, нареченный при крещеніи Глѣбомъ и избранный новгородцами на княженіе. По обычаю своихъ дѣдовъ, новгородцы посадили его на столѣ у св. Софіи и дали ему въ отчину и дѣдину Ладогу, Орѣховскій городъ, Корѣльскъ и половину Копорья.

Иванъ Даниловичъ, между тѣмъ, снова съѣздилъ въ Орду, и, воротившись назадъ въ 1334 году, сталъ податливѣе. Если путешествіе московскаго князя въ Орду пугало новгородцевъ, такъ какъ они думали, что князь хочетъ подвинуть на нихъ татарскую силу, то съ своей стороны Иванъ, человѣкъ характера невоинственнаго, хотя и хитрый, тревожно смотрѣлъ на дружбу новгородцевъ съ его заклятымъ врагомъ Александромъ и еще болѣе на союзъ ихъ съ Гедиминомъ. Новгородъ, хотя и готовился отразить насильственныя покушенія Москвы, былъ не прочь помириться съ нею: новгородцы не могли быть увѣрены, что Гединимъ заступится за нихъ въ такой мѣрѣ, чтобы воевать съ ханомъ, да и при помощи Гедимина не легко было отважиться Новгороду на борьбу съ Ордою и съ силами русскихъ земель, находившихся подъ рукою Ивана Даниловича; притомъ же, призванный новгородцами Наримонтъ оказывался мало способнымъ къ доблестнымъ подвигамъ и къ геройской защитѣ земли, пригласившей его такъ радушно. Владыка Василій, еще до возвращенія Ивана изъ Орды, ѣздилъ къ митрополиту Ѳеогносту, видѣлся съ нимъ во Владимірѣ и располагалъ его дѣйствовать на Ивана примирительно. По своемъ возвращеніи изъ Орды Иванъ Даниловичъ, кромѣ другихъ соображеній, побуждаемый къ миру и митрополитомъ, принялъ новгородскаго посла Варѳоломея Юрьевича уже не такъ, какъ онъ принималъ прежнихъ пословъ, не высокомѣрно, а любовно, и вслѣдъ затѣмъ самъ пріѣхалъ въ Новгородъ 16 февраля 1334 года. Въ Новгородѣ примиреніе съ великимъ княземъ произвело большую радость. Люди, расположенные къ Москвѣ и несмѣвшіе до сихъ поръ проявить своего расположенія, теперь взяли верхъ и оказывали вліяніе на народъ. Въ угоду московскому князю новгородцы готовы были вмѣстѣ съ москвичами идти войною на Псковъ и доставать оттуда князя Александра Михайловича. Они забыли и недавно показанное неуваженіе московскаго князя ко всякаго рода договорамъ и крестному цѣлованію, и свою недавнюю дружбу со псковичами, вынужденную поступками московскаго князя. До войны со Псковомъ не дошло, но послѣ этого новгородцы со псковичами остались не въ мирныхъ отношеніяхъ. Иванъ Даниловичъ позвалъ къ себѣ въ Москву новгородскаго владыку, посадника, тысячскаго, бояръ и оказывалъ имъ большія почести. Казалось, возстановились самыя прочныя дружелюбныя отношенія между Новгородомъ и Москвою.

Но прошло три года, и въ 1337 году Иванъ Даниловичъ, опять нарушивши договоръ, послалъ войско свое въ Двинскую

землю съ цѣлью овладѣть этимъ важнымъ краемъ; покушеніе его не удалось; посланное войско вернулось оттуда пораженное со срамомъ. Новгородцы тогда опять обратились къ псковичамъ, владыка Василій отправился въ Псковъ, но уже его приняли тамъ не такъ, какъ прежде: псковичи научены были опытомъ, какъ новгородцы въ бѣдѣ обращаются къ нимъ, а потомъ, когда думаютъ, что бѣда для нихъ минула, готовы идти на нихъ вмѣстѣ съ тѣми, противъ которыхъ прежде искали опоры. Они не хотѣли дать владыкѣ „подъѣзда“ или части судныхъ пошлинъ, которыя собиралъ владыка въ свою пользу. Архіепископъ проклялъ псковичей.

Десять лѣтъ прожилъ Александръ Михайловичъ во Псковѣ, и несносна была ему изгнанническая судьба. Думалъ онъ и передумывалъ, что̀ дѣлать ему. Жаль ему было дѣтей и потомковъ своихъ, которые должны были не только лишиться владѣнія, но мало-по-малу выдти изъ рода князей. Продолжало, вѣроятно, томить его и то, что псковичи, даровавшіе ему пріютъ у себя, изъ-за него подвергались проклятію отъ своего архіепископа. Еще въ 1336 году отправилъ онъ въ Орду сына своего Өеодора, узнать: есть ли надежда ему получить прощеніе и милость хана Узбека. Өеодоръ, возвратившись изъ Орды, принесъ утѣшительныя извѣстія. Тогда въ 1337 году Александръ отправилъ посольство къ митрополиту Өеогносту и просилъ отъ него благословенія идти въ Орду. Өеогностъ далъ ему благословеніе, вѣроятно въ то время, когда не было близко него Ивана Даниловича, иначе послѣдній не допустилъ бы до этого. Александръ отправился въ Орду и явился прямо передъ Узбекомъ.

Наши лѣтописи представляютъ Александра произносящимъ такую рѣчь передъ царемъ своимъ: „Господинъ самовластный (вольный) царь! если я и много дурного сдѣлалъ тебѣ, то теперь пришелъ къ тебѣ принять отъ тебя либо жизнь, либо смерть. Какъ Богъ тебѣ на душу положитъ, а я на все готовъ!“

Узбеку очень понравилась такая прямота и вмѣстѣ рабская покорность. „Видите ли, — сказалъ Узбекъ окружающимъ его (такъ передаютъ лѣтописи),—какъ Александръ Михайловичъ смиренною мудростью избавилъ себя отъ смерти“.

Узбекъ простилъ Александра, оказалъ ему большой почетъ у себя и отпустилъ на Русь съ правомъ сѣсть на столѣ въ отеческой Твери. Двое вельможъ татарскихъ, Киндякъ и Авдулъ, провожали его. Братъ Константинъ, владѣвшій Тверью, добровольно уступилъ ее Александру.

Возвращеніе Александра было страшнымъ ударомъ для мо-

сковскаго князя. Если его заклятый врагъ, котораго онъ по приказанію хана преслѣдовалъ и добивался взять живьемъ для казни, теперь пріобрѣлъ милость того же хана, то отсюда могло произойти то, что помилованный князь поддѣлается къ хану и постарается, въ свою очередь, насолить своему сопернику. Иванъ Даниловичъ поспѣшилъ въ Орду, взялъ съ собою сыновей, чтобы представить хану, какъ будущихъ вѣрнѣйшихъ слугъ его, и старался всѣми мѣрами очернить и оклеветать тверского князя. Ему удалось. Узбекъ послалъ одного изъ своихъ приближенныхъ, по имени Истрочея, звать Александра.

Истрочей, по приказанію Узбека и по наставленію Ивана, принялъ передъ Александромъ самый ласковый видъ и говорилъ:

„Самовластный царь Узбекъ зоветъ тебя съ сыномъ Ѳеодоромъ; царь сдѣлаетъ для тебя много хорошаго; ты примешь великое княженіе и большой почетъ тебѣ будетъ".

Но Александръ догадался, что тутъ что-то не такъ. „Если я пойду въ Орду,—говорилъ онъ своимъ,—то буду преданъ смерти, а если не пойду, то придетъ татарская рать и много христіанъ будетъ убито и взято въ плѣнъ, и на меня вина падетъ: лучше мнѣ одному принять смерть".

И онъ началъ снаряжаться въ Орду и послалъ впередъ сына своего Ѳеодора узнать, что значитъ этотъ призывъ и чего можетъ онъ ждать въ Ордѣ. А между тѣмъ тверскіе бояре, разсудивъ, что служить московскому князю выгоднѣе, отъѣзжали отъ Александра къ его врагу. Къ этому, быть можетъ, побуждало ихъ еще и то, что Александръ воротился изъ Пскова съ новыми боярами и между прочимъ съ иноземцами; такъ былъ у него въ чести нѣмецъ Матвѣй Доль, и старымъ боярамъ не по сердцу было стать ниже этихъ новичковъ и пришельцевъ.

Ѳеодоръ не пріѣхалъ обратно; его удержали въ Ордѣ, но онъ извѣстилъ отца, что царь Узбекъ гнѣвается на него. Возврата не было Александру. Если онъ рѣшится бѣжать куда-нибудь по прежнему, то сынъ въ Ордѣ долженъ будетъ выпить за него горькую чашу. Онъ поѣхалъ въ Орду. Иванъ Даниловичъ, обдѣлавъ свои дѣла, воротился домой и наблюдалъ, что станется съ его соперникомъ, которому онъ, насколько силъ его было, подготовилъ гибель.

Осталось преданіе, что когда Александръ Михайловичъ плылъ по Волгѣ, тогда поднимался противный вѣтеръ и относилъ его судно назадъ, какъ будто давая несчастному князю предсказаніе, что будетъ ему бѣда тамъ, куда онъ держитъ путь. Когда Александръ Михайловичъ проплылъ съ большимъ трудомъ черезъ

русскія земли, вѣтеръ перестал̀ъ обращать его судно назадъ. Поѣхали одновременно съ нимъ князья: ярославскій и бѣлозерскій, ненавидѣвшіе Ивана Даниловича и готовые защищать Александра Михайловича; но никто не могъ ему тогда пособить: Ивану Даниловичу болѣе всѣхъ вѣрилъ властитель Руси и, вѣроятно, Иванъ Даниловичъ представилъ этому властителю какіе-то убѣдительные доводы противъ тверского князя, если Узбекъ такъ скоро измѣнилъ къ послѣднему свою милость.

Когда заранѣе осужденный на смерть князь прибылъ въ Орду, сынъ Θеодоръ первый со слезами извѣстилъ его, что дѣла плохи. Затѣмъ татары, расположенные къ нему, сказали: „Царь хочетъ тебя убить! Тебя крѣпко оклеветали передъ нимъ!“—„Что же я буду дѣлать!—отвѣчалъ Александръ.—Если Богъ захочетъ предать меня смерти, кто же можетъ меня избавить?“

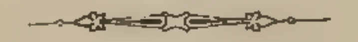
Александръ привезъ дары царю, царицѣ, вельможамъ. Прошелъ мѣсяцъ въ тревожномъ ожиданіи. 26 ноября 1338 года сказали Александру, что черезъ три дня ему будетъ конецъ. Александръ употребилъ это время на молитву. Наконецъ, насталъ роковой день. Отслушавъ заутреню, Александръ послалъ къ царицѣ узнать, что̀ его ожидаетъ, а самъ сѣлъ на коня и ѣздилъ, разспрашивая: долго ли ему ждать смерти. Ему сообщили, что черезъ часъ придетъ ему смерть. Александръ воротился въ свой шатеръ, обнялъ сына и своихъ бояръ, и причастился св. Тайнъ. Слуги его прибѣжали съ извѣстіемъ, что идутъ палачи, посланцы ханскіе: Берканъ и Черкасъ. Александръ вышелъ къ нимъ на встрѣчу. Его схватили, сорвали съ него одежды и повели нагого со связанными руками къ ханскому вельможѣ Тавлугбегу, сидѣвшему на конѣ. „Убейте!“ крикнулъ Тавлугбегъ. Татары повалили на землю Александра и сына его Θеодора, убили ихъ, а потомъ отрубили имъ головы. Александровы бояре и слуги въ страхѣ разбѣжались, но потомъ, съ дозволенія татаръ, взяли тѣла убитыхъ своихъ князей и повезли въ Тверь, гдѣ оба князя положены были рядомъ съ другими двумя, также убитыми въ Ордѣ.

Иванъ Даниловичъ радовался. Смерть Александра не только избавляла его отъ непримиримаго врага, но была новымъ свидѣтельствомъ чрезвычайнаго довѣрія къ нему хана Узбека. Иванъ Даниловичъ могъ быть надеженъ не только за себя, но и за сыновей своихъ. Онъ оставилъ ихъ въ Ордѣ. Послѣ смерти Александра они воротились изъ Орды съ большою честью. Великая радость, великое веселіе было тогда въ Москвѣ. Иванъ Данило-

вичъ, унижая ненавистную Тверь, приказалъ снять съ церкви тверского Спаса колоколъ и привезти въ Москву.

Когда Александръ Михайловичъ вошелъ-было въ милость у хана, Иванъ Даниловичъ, испугавшись этого, постарался поладить съ новгородцами и отправилъ къ нимъ сына Андрея. Всѣ притязанія его на Заволочье были тогда оставлены, но когда Александра убили, Иванъ, увѣрившись, что онъ болѣе чѣмъ когда-нибудь крѣпокъ ханскимъ благоволеніемъ, опять заговорилъ инымъ языкомъ съ новгородцами. Новгородцы привезли ему свою часть ордынскаго выхода. „Этого мало, — сказалъ имъ Иванъ, — царь съ меня еще больше запросилъ, такъ вы мнѣ дайте запросъ царевъ!“ — „Такъ и сначала никогда не бывало“, отвѣчали новгородцы: „ты, господинъ, цѣловалъ крестъ Новугороду поступать по старымъ пошлинамъ новгородскимъ, по грамотамъ прадѣда своего Ярослава Владимировича“. Иванъ не слушалъ, приказалъ своимъ намѣстникамъ уѣхать съ Городища и готовился идти на Новгородъ. Призваннаго новгородцами князя Наримонта (Глѣба) уже не было тамъ; ему не по вкусу былъ новгородскій хлѣбъ; онъ ушелъ въ свою Литву и утвердился княземъ въ Пинскѣ. Новгородцамъ надобно было искать другого князя. Но опасность войны съ Москвою на этотъ разъ миновала Новгородъ.

Пришло Ивану ханское приказаніе идти съ войскомъ въ другую сторону, противъ смоленскаго князя Ивана Александровича (племени Ростислава Мстиславича отъ сына его Давида), не хотѣвшаго повиноваться хану. Съ этою цѣлью прибылъ въ Москву ханскій посолъ Тавлугбегъ. По его требованію, Иванъ Даниловичъ послалъ на Смоленскъ разныхъ подручныхъ князей и московскую рать подъ начальствомъ своихъ воеводъ, но самъ не пошелъ на войну. Этотъ походъ окончился ничѣмъ; хорошо укрѣпленный Смоленскъ не былъ взятъ; осаждавшее его полчище отступило черезъ нѣсколько дней осады. Иванъ опять сталъ помышлять о Новгородѣ, но тутъ постигла его смертельная болѣзнь. 31 марта 1341 года онъ умеръ, принявъ передъ смертью схиму, и на другой день былъ погребенъ въ построенной имъ церкви Архангела Михаила, оставивши своимъ преемникамъ изъ рода въ родъ завѣтъ — продолжать прочно поставленное имъ дѣло возвышенія Москвы и распространенія ея власти надъ всѣми русскими землями.



X.

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГІЙ.

Монашество послѣ Θеодосія продолжало расширяться; гдѣ только распространялось христіанство, тамъ возникали и монастыри. Одни изъ нихъ строились и поддерживались князьями и богатыми частными лицами, другіе, по образцу, оставленному Кіево-Печерскимъ монастыремъ, созидались отшельниками, которые сначала уходили въ пустынныя мѣста, а потомъ славою своихъ подвиговъ невольно привлекали къ себѣ товарищей и послѣ обыкновенно дѣлались настоятелями образуемыхъ такимъ образомъ обителей. Послѣдняго рода монастыри представляютъ особенную важность для исторіи, потому что такіе монастыри привлекали населеніе въ пустынныя мѣста и были одними изъ главныхъ двигателей русской колонизаціи. Гдѣ являлся монастырь, тамъ около него образовывалось село или даже многолюдный посадъ; расчищались дикія лѣсныя мѣста, обработывались поля, а около нѣкоторыхъ монастырей учреждались ярмарки, образовывалось средоточіе промысла и торговли. Вмѣстѣ съ тѣмъ прокладывались новые пути сообщенія. Сами монахи вначалѣ подавали примѣръ трудолюбія и хозяйственности. Благочестивый обычай отдавать монастырямъ села дѣлалъ монастыри не только религіозными, но и хозяйственными учрежденіями. Надобно вообще замѣтить, что этотъ обычай, ослаблявшій впослѣдствіи строгость монашеской жизни и даже развращавшій монастыри, имѣлъ въ свое время благодѣтельныя послѣдствія; жители монастырскихъ волостей пользовались сравнительно бо̀льшею безопасностью, такъ какъ съ одной стороны князья, воюя между собою, изъ религіознаго страха нерѣдко щадили ихъ, не щадя другихъ волостей,

а при монгольскомъ владычествѣ монастырскія волости находились въ наиболѣе благопріятномъ положеніи: огражденные ханами, насколько исполнялись ханскія повелѣнія, отъ поборовъ и разореній, монастыри умножались непрерывно; но съ половины XIV вѣка умноженіе ихъ является въ несравненно бо̀льшемъ размѣрѣ противъ прежнихъ временъ; на Руси дѣлается замѣтнымъ сильное стремленіе къ монастырской жизни, и это стремленіе избираетъ для себя преимущественно послѣдній изъ указанныхъ нами способовъ основанія монастырей. Отшельники убѣгаютъ отъ людей въ дикія мѣста; къ нимъ присоединяются другіе; основывается обитель; народъ стремится туда на поклоненіе, возникаетъ около обители поселеніе; въ свою очередь, изъ этой обители выходятъ отшельники, удаляются въ новыя дикія мѣста, основываютъ тамъ другія обители и также привлекаютъ къ себѣ населеніе и т. д. Этимъ путемъ весь дикій, неприступный сѣверъ съ его непроходимыми лѣсами и болотами до самаго Ледовитаго моря усѣевается монастырями, и къ нимъ, какъ къ средоточіямъ жизни, приливаютъ колоніи смѣлыхъ и трудолюбивыхъ жителей, готовыхъ на тяжелую борьбу съ негостепріимною природою. Независимо объ общаго аскетическаго духа, всегда господствовавшаго въ религіозныхъ воззрѣніяхъ православной Руси, въ XIV столѣтіи были причины, особенно способствовавшія распространенію и процвѣтанію монашества. Въ это именно время кипчакскіе ханы выразили свою милость къ русской Церкви; Узбекъ и Чанибекъ оградили своими грамотами не только собственно духовенство, но вообще всѣхъ людей, принадлежащихъ къ церковному вѣдомству. Тогда было приманчиво быть причисленнымъ къ церкви; это былъ единственный путь достигнуть болѣе спокойной жизни! Въ то время, какъ суровые отшельники осуждали себя на произвольную нищету, къ основаннымъ ими обителямъ стремились люди, желавшіе сохранить свое скромное достояніе, или безопасно пользоваться плодами тяжелаго труда своего. Одни, надѣвая на себя монашеское платье и дѣйствительно или же только видимо удалялись отъ семейной жизни, другіе отдавали себя монастырямъ съ семьями. Была еще и другая временная причина, увлекавшая многихъ къ монашеству. То была страшная зараза, опустошавшая нѣсколько разъ русскія земли въ XIV вѣкѣ и описываемая современниками такими ужасными красками, что едва ли даже можно принимать буквально ихъ извѣстія; во всякомъ случаѣ, при всѣхъ преувеличеніяхъ, несомнѣнно, что эта зараза, нѣсколько разъ повторявшаяся, долго наводила ужасъ на русскихъ людей и обращала

ихъ чувства и помышленія къ благочестію. И прежде было въ обычаѣ, что русскій человѣкъ, чувствуя приближеніе смерти, думалъ загладить свои грѣхи постриженіемъ въ монахи и даже въ схиму; теперь, когда никто не могъ быть увѣреннымъ, что на другой день не подвергнется внезапной смерти, многіе и въ молодыхъ лѣтахъ поступали такъ, какъ отцы ихъ поступали: чувствуя смертельную болѣзнь, постригались въ монахи и отдавали въ монастыри свои имущества. Объ этомъ сохранились положительныя извѣстія въ нашихъ лѣтописяхъ. „Тогда—говоритъ лѣтописецъ, описавшій моръ 1352 года — многіе, промышляя о своемъ животѣ и душѣ, шли въ монастырь и постригались въ мнишескій чинъ, сподобляясь ангельскому чину, и такъ предавали душу свою пришедшимъ за ними ангеламъ, а тѣла свои отдавали гробу; другіе же, готовясь въ домахъ своихъ на исходъ души, отдавали имущества свои церквамъ и монастырямъ... Иные отъ богатства давали монастырямъ и церквамъ села, рыбныя ловли, изады, чтобы имѣть по себѣ вѣчную память". Наконецъ, примѣръ однихъ увлекалъ другихъ; усилившееся въ XIV вѣкѣ стремленіе къ основанію монастырей сдѣлалось обычаемъ на долгое время; оно уже продолжалось и въ послѣдующіе вѣка, и русская жизнь усвоила себѣ этотъ способъ колонизаціи сплошь до XVII вѣка. Этотъ способъ отразился и въ исторіи раскола. Монастыри оказывали великое нравственное вліяніе на народную жизнь; многіе изъ ихъ основателей пріобрѣли по смерти повсемѣстное уваженіе; толпы народа стекались у ихъ мощей, и это въ извѣстной степени способствовало сплоченію нравственныхъ силъ народа, что въ особенности оказывалось тамъ, гдѣ святые чествовались не мѣстно, а всею Русью. Такое значеніе прежде всего имѣла святыня кіевская; послѣ нея второе мѣсто занимала святыня Московской земли.

Ранѣе всѣхъ и болѣе всѣхъ святыхъ, явившихся въ Московской землѣ, пріобрѣлъ народное уваженіе всей Руси преподобный Сергій, основатель знаменитой Троицко-Сергіевской Лавры, получившій въ глазахъ великорусскаго народа значеніе покровителя, заступника и охранителя государства и церкви. Кромѣ того, личность Сергія представляется исторически важною потому, что онъ былъ отцомъ множества обителей; нѣкоторыя изъ нихъ были основаны при его жизни, а еще болѣе возникло ихъ послѣ смерти Сергія, основанныхъ его сподвижниками и учениками, или же учениками его учениковъ.

Жизнь Сергія, можно сказать, служитъ самымъ полнымъ образцомъ жизни и дѣятельности всѣхъ подобныхъ ему основа-

телей монашескихъ общинъ его времени. Всѣ они въ главныхъ чертахъ представляютъ съ нимъ подобіе, при всѣхъ отличіяхъ личныхъ характеровъ и условій мѣстности и времени. Замѣчательно, что этотъ святой мужъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи покровителемъ Москвы и ея властителей, происходилъ изъ рода, искавшаго спасенія въ бѣгствѣ изъ родной земли отъ начинавшихся проявленій московской власти. Въ біографіи „братьевъ Даниловичей“ мы говорили о притѣсненіяхъ, которыя терпѣлъ при Иванѣ Калитѣ подчиненный Москвѣ Ростовъ. Тогда въ числѣ бѣжавшихъ отъ начальства москвичей былъ бояринъ Кириллъ, человѣкъ знатнаго и богатаго рода, обѣднѣвшій подобно многимъ отъ поборовъ, отъ платежа выходовъ, отъ разорительныхъ посѣщеній ханскихъ пословъ и невольныхъ путешествій съ князьями въ Орду. Кириллъ съ супругою своею Маріею и сыновьями: Стефаномъ, Варѳоломеемъ и Петромъ перешелъ въ Радонежъ (въ 12-ти верстахъ отъ нынѣшней Лавры), удѣлъ, оставленный Иваномъ Калитою сыну своему Андрею. Въ тотъ вѣкъ владѣльцы старались привлечь къ себѣ населеніе изъ другихъ волостей и давали пришедшимъ разныя льготы; такъ поступалъ и князь Андрей. Двое сыновей Кирилла, Стефанъ и Петръ, женились; но средній, Варѳоломей, одаренный поэтическимъ воображеніемъ и наклонностью къ созерцательной жизни, съ отрочества порывался въ монастырь. Тяжелые труды подвижника, неустанная молитва и внутренняя борьба съ искушеніями молодой жизни представлялись привлекательными его горячей и крѣпкой натурѣ. Родители удерживали его: „Потерпи немного—говорили они ему — мы стары, бѣдны и немощны, братья твои болѣе заботятся о своихъ женахъ, нежели о насъ. Послужи намъ, проводи насъ во гробъ, а тамъ дѣлай, что хочешь“. Вскорѣ они, чувствуя приближеніе кончины, постриглись и умерли. Старшій братъ Стефанъ лишился жены и пошелъ въ монастырь. Варѳоломей уступилъ женатому брату Петру свою часть наслѣдства, покинулъ отеческій домъ и отправился по окрестностямъ искать мѣста для пустыннаго житья. Онъ сначала уговорилъ идти съ собою брата своего Стефана и, вмѣстѣ съ нимъ, построилъ деревянную келью и церковь въ лѣсу, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ богатый Троицкій соборъ Сергіевской Лавры; по просьбѣ Стефана, митрополитъ Ѳеогностъ отправилъ священниковъ освятить новую церковь во имя св. Троицы. Но вскорѣ Стефанъ оставилъ своего брата: ему тяжело показалось одинокое житье. Онъ уѣхалъ въ Москву въ Богоявленскій монастырь, и скоро сдѣлался тамъ игуменомъ, затѣмъ духовникомъ великаго князя Симеона, тысячскаго и раз-

ныхъ бояръ. Варѳоломей обратился къ какому-то игумену Митрофану, принялъ отъ него постриженіе подъ именемъ Сергія, такъ какъ въ день, когда совершилось это постриженіе, праздновалась память мучениковъ: Сергія и Вакха. Ему было тогда двадцать три года. Событіе это совершилось въ первыхъ годахъ княженія Симеона.

Сергій остался одинъ въ лѣсу, пробылъ тамъ болѣе года, подвергаясь чрезвычайнымъ лишеніямъ, опасности быть растерзаннымъ звѣрьми, страдая отъ видѣній, неразлучныхъ съ мукою подобнаго уединенія. Между тѣмъ, сдѣлалось извѣстнымъ, что въ такомъ-то мѣстѣ въ лѣсу спасается труженикъ, начали приходить къ нему монахи одинъ за другимъ, и строили около него келіи. Они служили въ деревянной церкви заутреню, вечерню и часы, для литургіи приглашали по временамъ сосѣдняго священника, а черезъ нѣсколько времени убѣдили Сергія принять игуменство надъ ними, угрожая разойтись, если онъ не согласится. Сергій, послѣ долгихъ отказовъ, былъ рукоположенъ въ священники и назначенъ игуменомъ отъ переяславскаго епископа Аѳанасія. Такъ положено было начало Троицко-Сергіевскаго монастыря.

На первыхъ порахъ новооснованный монастырь былъ крайне бѣденъ; въ немъ было всего двѣнадцать братій и, по скудости средствъ къ содержанію, болѣе этого числа братіи не допускалось; положено было правиломъ принимать новаго брата только тогда, когда выбудетъ кто-нибудь изъ числа двѣнадцати. Богослуженіе нерѣдко отправлялось у нихъ при свѣтѣ березовой лучины, а иногда литургія не могла совершаться по недостатку вина. Игуменъ, однако, строго запретилъ ходить и просить милостыню и постановилъ правиломъ, чтобы всѣ жили отъ своего труда или отъ добровольныхъ, невыпрошенныхъ даяній. Самъ Сергій показывалъ собою примѣръ трудолюбія: пекъ хлѣбы, шилъ обувь, носилъ воду, рубилъ дрова, во всемъ служилъ братіи, ни на минуту не предавался праздности, а питался хлѣбомъ и водою. Чрезвычайно крѣпкое и здоровое тѣлосложеніе способствовало ему переносить такой образъ жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ строгъ и къ другимъ, требовалъ отъ братіи такой же суровой жизни, какую велъ самъ. Черезъ нѣсколько времени, однако, положеніе монастыря улучшилось. Молва о святой жизни Сергія и его братіи расходилась все болѣе и болѣе, и вотъ пришелъ къ нимъ изъ Смоленска архимандритъ Симонъ. Онъ принесъ съ собою значительное имущество, которое пожертвовалъ въ монастырь Сергія. За нимъ прибылъ братъ Сергія, Стефанъ, и привелъ двѣнадцатилѣтняго сына своего Ивана, котораго от-

далъ подъ начало Сергія; послѣдній тотчасъ постригъ его, назвавши Ѳеодоромъ. Съ этихъ поръ Сергій не ограничивалъ числа братій въ своемъ монастырѣ, постригалъ всякаго желающаго, подвергнувъ предварительно строгому испытанію. Въ монастырь все болѣе и болѣе стало приходить богомольцевъ; были между ними нищіе-странники, которыхъ нужно было кормить, но были князья, воеводы и богатые люди, дававшіе на монастырь богатые вклады. О Сергіи распространилось мнѣніе, что онъ одаренъ свыше даромъ пророчества. Несмотря на эту славу, Сергій продолжалъ вести прежній простой образъ жизни и съ равною любовью обращался какъ съ князьями, которые обогащали монастырь, такъ и съ бѣдняками, питавшимися отъ монастыря.

Между тѣмъ, пустынныя окрестности обители стали заселяться: уже во времена княженія Ивана Ивановича возникъ около монастыря посадъ, а за нимъ заводились села и починки; люди вырубали лѣса и обращали дикую землю въ обработанную. Эти новопоселенцы въ своихъ взаимныхъ дѣлахъ обращались къ Сергію, какъ къ судьѣ и миротворцу. Жизнеописатель Сергія, замѣчая, что вообще въ обычаѣ сильныхъ было обижать убогихъ и присвоивать чужое у сосѣдей, разсказываетъ такой случай: одинъ житель монастырскаго посада взялъ у другого кабана себѣ на пищу и не заплатилъ за него денегъ. Обиженный прибѣгнулъ къ Сергію. Сергій призвалъ къ себѣ обидчика и сказалъ ему такъ: „Чадо мое, вѣришь ли ты, что есть Богъ? знай же, что онъ отецъ сиротамъ и вдовицамъ, судья праведнымъ и грѣшнымъ; тѣ, кто грабятъ другихъ и недовольны дарованнымъ отъ благости Божіей, безпрестанно желаютъ чужого, тѣ сами обнищаютъ и домы ихъ опустѣютъ и забудется сила ихъ, и въ будущей жизни ждетъ ихъ безконечное мученіе. Отдай же тому сиротѣ то, что̀ ему слѣдуетъ, и впередъ такъ не поступай“. Виновный послушался.

При княженіи Донского о Сергіи знали уже въ Константинополѣ; патріархъ Филоѳей прислалъ ему крестъ, парамандъ и схиму и грамоту на введеніе общежитія. Съ этихъ поръ Троицкій монастырь сдѣлался общежительнымъ.

Уваженіе къ Сергію побуждало великаго князя Димитрія нѣсколько разъ обращаться къ нему. Въ 1365 году, по поводу спора Димитрія Константиновича суздальскаго съ его братомъ Борисомъ за Нижній-Новгородъ, по повелѣнію Димитрія московскаго и митрополита Алексія, Сергій ѣздилъ въ Нижній Новгородъ, затворилъ въ немъ всѣ церкви и тѣмъ принудилъ Бориса уступить брату. Въ 1385 году Сергій, уже престарѣлый, устроилъ

вѣчный миръ между непримиримыми до того врагами: Димитріемъ московскимъ и Олегомъ рязанскимъ. Но самую громкую славу пріобрѣло его отношеніе къ Куликовской битвѣ. Димитрій, собираясь идти на Мамая, ѣздилъ къ нему за благословеніемъ. Сергій предрекъ ему побѣду и возбуждалъ, какъ великаго князя, такъ и весь русскій народъ, на священную брань за свободу Руси. Когда предсказаніе сбылось и русскіе побѣдили, святость Сергія возвысилась еще болѣе. Впослѣдствіи сложилось преданіе, будто святой игуменъ благословилъ идти на брань двухъ иноковъ своей обители: Александра Пересвѣта, бывшаго бояриnа, и Ослябя; и оба они пали въ битвѣ. Такъ какъ объ этомъ событіи нѣтъ извѣстія ни въ древнемъ житіи Сергія, ни въ старыхъ лѣтописныхъ редакціяхъ, то едва-ли можно признать его исторически вѣрнымъ; но оно, утвердясь въ воображеніи потомковъ, имѣло важное нравственное вліяніе, возвышавшее, въ памяти потомковъ, какъ Сергія, такъ и его монастырь.

Митрополитъ Алексій передъ смертью призвалъ Сергія къ себѣ и хотѣлъ передать ему послѣ себя митрополію. Сергій рѣшительно отказался и даже долго не хотѣлъ принять золотого креста отъ Алексія: „я отъ юности не носилъ золота, а въ старости тѣмъ болѣе подобаетъ мнѣ пребывать въ нищетѣ“, говорилъ Сергій. Несмотря на все свое смиреніе, Сергій, однако, возвышалъ свой голосъ въ церковныхъ дѣлахъ. Когда по смерти Алексія Димитрій хотѣлъ возвести на митрополичій престолъ своего любимца Митяя, Сергій открыто говорилъ противъ него.

Кромѣ Троицкой обители, Сергій еще при своей жизни былъ основателемъ нѣсколькихъ монастырей. Однажды у него произошла размолвка съ старшимъ братомъ Стефаномъ во время вечерняго богослуженія. Стефанъ, стоя на лѣвомъ клиросѣ, спросилъ канонарха: „Кто тебѣ далъ эту книгу?“ „Игуменъ“, отвѣчалъ канонархъ. „Кто здѣсь игуменъ, — сказалъ Стефанъ: — не я ли первый сѣлъ на этомъ мѣстѣ?“ Сергій услыхалъ эти слова и, окончивши вечерню, не зашелъ въ келью, а направилъ путь въ Махрищенскій монастырь къ своему другу, кіевлянину Стефану, основателю Махрищенскаго монастыря; посовѣтовавшись съ нимъ, Сергій вознамѣрился поселиться на пустынномъ берегу рѣки Киржачи и основать тамъ новый монастырь. Братія Троицкаго монастыря принялась искать своего игумена, и когда сдѣлалось извѣстнымъ, гдѣ онъ находится, то нѣкоторые изъ нихъ, одинъ за другимъ, стали переселяться къ нему. Сергій испросилъ у митрополита Алексія разрѣшенія построить церковь во имя Благовѣщенія. Когда разнеслась вѣсть, что Сергій основываетъ дру-

гую обитель, къ нему стеклось много людей, и монаховъ, и мірскихъ: они добровольно работали надъ постройкою церкви и келій; князья и бояре давали денежныя пособія на устроеніе новаго монастыря; но, по усиленной просьбѣ троицкой братіи, митрополитъ Алексій приказалъ Сергію возвратиться къ Троицѣ, а въ новопостроенномъ монастырѣ поставить одного изъ своихъ учениковъ. Сергій поставилъ тамъ игуменомъ Романа и съ тѣхъ поръ основался монастырь Благовѣщенія на Киржачѣ (покровскаго уѣзда, во владимірской губерніи). Изъ нынѣшнихъ московскихъ монастырей Андроньевъ и Симоновъ основаны были св. Сергіемъ. Первый построенъ былъ на берегахъ рѣки Яузы, по желанію митрополита Алексія, въ память его избавленія отъ морской бури во время плаванія изъ Цареграда, и посвященъ во имя Нерукотвореннаго Спаса. Сергій поставилъ въ немъ своего любимаго ученика и земляка Андроника. Этотъ монастырь сдѣлался вскорѣ знаменитою школою иконописанія для всей Руси. Симоновъ монастырь во имя Успенія Богородицы былъ основанъ, по благословенію Сергія и подъ его руководствомъ, племянникомъ его Ѳеодоромъ, который впослѣдствіи былъ владыкою въ Ростовѣ. Преподобный Сергій посѣщалъ свою родину Ростовъ и въ окрестностяхъ его (въ 15 верстахъ) устроилъ на берегахъ рѣки Устьи Борисоглѣбскій монастырь. Въ 1365 году, путешествуя въ Нижній по дѣлу между Димитріемъ и Борисомъ, онъ основалъ монастырь Георгіевскій на рѣкѣ Клязьмѣ (въ гороховецкомъ уѣздѣ). Въ 1374 году, по желанію князя Владимира Андреевича, Сергій въ двухъ верстахъ отъ Серпухова заложилъ Зачатейскій Высоцкій монастырь на рѣкѣ Нарѣ и поставилъ тамъ настоятелемъ ученика своего Аѳанасія. По желанію Димитрія Донского, Сергій въ 1378 году основалъ монастырь Дубенскій на Стромени (въ 30 верстахъ на юго-востокъ отъ Лавры), а въ 1380 (въ 40 верстахъ отъ Лавры и на сѣверо-западъ отъ нея), другой Дубенскій-Успенскій, въ память Куликовской битвы. Въ Коломнѣ былъ имъ построенъ монастырь Голутвенскій въ честь Богоявленія Господня. Во всѣ эти монастыри онъ поставилъ настоятелями своихъ учениковъ.

Нѣсколько знаменитыхъ монастырей въ разныхъ мѣстахъ Руси было воздвигнуто его учениками. Одинъ изъ учениковъ, Павелъ, происходившій изъ знатнаго московскаго рода, по благословенію Сергія, удалился изъ Троицкаго монастыря въ дремучій Комельскій лѣсъ на рѣкѣ Грязовицѣ и долгое время жилъ „въ липовомъ дуплѣ на подобіе птицы“, а потомъ перешелъ на рѣку Нурму (вологодской губерніи) и тамъ основалъ Обнорскую оби-

тель. Другой ученикъ Сергія, Аврамій, съ его благословенія, основалъ четыре монастыря близъ Галича (костромской губерніи): Успенскій на Озерѣ, Поясоположенскій, Покровскій чухломской и Собора Богоматери на рѣкѣ Вичѣ. Въ тѣхъ же мѣстахъ послѣ смерти Сергія, въ 40 верстахъ отъ Галича, ученикъ его Іаковъ основалъ Желѣзноборскій Предтеченскій монастырь. Ученикъ Сергія Меѳодій основалъ Николаевскій монастырь на рѣкѣ Песношѣ (въ 15 верстахъ отъ Дмитрова). Послѣ смерти Сергія, одинъ изъ любимыхъ учениковъ его Савва, бывшій нѣсколько лѣтъ преемникомъ Сергія на игуменствѣ въ Троицкомъ монастырѣ, вышелъ оттуда и основалъ свой собственный монастырь па горѣ Сторожѣ (въ звенигородскомъ уѣздѣ), который сдѣлался однимъ изъ уважаемыхъ на Руси монастырей подъ именемъ монастыря Саввы Сторожевскаго. Св. Димитрій прилуцкій, хотя не былъ ученикомъ св. Сергія, но, живя въ Переяславской Горицкой обители, приходилъ бесѣдовать съ Сергіемъ и съ его благословенія удалился на сѣверъ, гдѣ близъ Вологды основалъ монастырь Прилуцкій, который сдѣлался разсадникомъ монашескаго житья въ сѣверо-восточныхъ странахъ. Собесѣдникомъ св. Сергія былъ также знаменитый Стефанъ, просвѣтитель Перми. Объ отношеніяхъ его къ Сергію осталось такое преданіе: когда Стефанъ ѣхалъ изъ Перми въ Москву мимо Троицкаго монастыря, хотя вдалекѣ отъ него, то поклонился въ ту сторону, гдѣ былъ монастырь. Сергій сидѣлъ тогда за трапезой и, будучи прозорливъ, всталъ и поклонился въ ту сторону, гдѣ тогда находился св. Стефанъ. Въ память этого событія до сихъ поръ въ Троицкой Лаврѣ остался обычай братіи вставать съ мѣста послѣ третьей перемѣны кушанья за трапезой.

Изъ Сергіевыхъ учениковъ мы укажемъ на Ѳерапонта и въ особенности на Кирилла Бѣлозерскаго; оба они были основателями монашества въ пустынныхъ сѣверныхъ краяхъ, сосѣднихъ съ Бѣлоозеромъ. Первый основалъ монастырь Ѳерапонтовъ, второй — Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, пріобрѣвшій особенную знаменитость въ XV и XVI в., славный своею богатою библіотекою. Ученики Кирилла Бѣлозерскаго были въ свою очередь важными распространителями монашества. Таковы были между прочими Діонисій глушицкій и Корнилій комельскій, основатели монастырей въ дикихъ вологодскихъ странахъ. Не говоримъ уже о многихъ другихъ, которые, не будучи учениками Сергія или его учениковъ, были возбуждаемы его примѣромъ и всеобщимъ распространившимся стремленіемъ къ основанію монастырей въ пустынныхъ странахъ.

Сергій скончался, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, въ 1392 году, а по нѣкоторымъ — въ 1397 году. Послѣднее вѣроятнѣе, такъ какъ онъ, говорятъ, дожилъ до 78 лѣтъ. Непосредственнымъ преемникомъ его былъ Никонъ, а за нимъ Савва сторожевскій, о которомъ было говорено выше.

Основанная Сергіемъ Троицкая обитель осталась до сихъ поръ первенствующею среди всѣхъ другихъ, построенныхъ какъ имъ и его учениками, такъ и послѣдующими основателями монастырей. Великіе князья и цари имѣли обычай ежегодно ѣздить къ Троицѣ на праздникъ Пятидесятницы, и, кромѣ того, считали долгомъ отправляться туда передъ каждымъ важнымъ дѣломъ, нерѣдко пѣшкомъ, и просить содѣйствія и заступничества чудотворца Сергія. Великія событія Смутнаго Времени въ особенности возвысили историческое значеніе Троицкой Лавры.

XI.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ДИМИТРІЙ ИВАНОВИЧЪ ДОНСКОЙ.

Первенство Москвы, которому начало положили братья Даниловичи, опиралось, главнымъ образомъ, на покровительствѣ могущественнаго хана. Иванъ Калита былъ силенъ между князьями русскими и заставлялъ ихъ слушаться себя именно тѣмъ, что всѣ знали объ особенной милости къ нему хана и потому боялись его. Онъ умѣлъ воспользоваться какъ нельзя лучше такимъ положеніемъ. При двухъ преемникахъ его условія были все тѣ же. Ханъ Узбекъ, а по смерти сынъ его Чанибекъ, давали старѣйшинство московскимъ князьямъ одному за другимъ. Съ 1341 года по 1353 былъ великимъ княземъ старшій сынъ Калиты Симеонъ, а съ 1353 по 1359 другой сынъ Иванъ. Оба князя ничѣмъ важнымъ не ознаменовали себя въ исторіи. Послѣдній, какъ по уму, такъ и по характеру, былъ личностью совершенно ничтожною. Но значеніе Москвы для прочихъ князей держалось въ эти два княженія временною милостью хана къ московскимъ князьямъ. По смерти Ивана Москва подвергалась большой опасности потерять это значеніе. Преемникомъ Ивана былъ девятилѣтній Димитрій; тутъ-то оказалось, что стремленіе къ возвышенію Москвы не было дѣломъ однихъ князей, что понятія и поступки московскихъ князей были выраженіемъ той среды, въ которой они жили и дѣйствовали. За малолѣтняго Димитрія стояли московскіе бояре; бо̀льшею частью это были люди, по своему происхожденію, не принадлежавшіе Москвѣ; отчасти они сами, а отчасти ихъ отцы и дѣды пришли съ разныхъ сторонъ и нашли себѣ въ Москвѣ общее отечество; они-то и ополчились дружно за первенство Москвы надъ Русью. То обстоятельство, что они приходили въ Москву съ разныхъ сторонъ и не имѣли между

собой иной политической связи, кромѣ того, что всѣхъ ихъ пріютила Москва, способствовало ихъ взаимному содѣйствію въ интересахъ общаго для нихъ новаго отечества. Въ это время въ Ордѣ произошелъ переломъ, съ котораго быстро началось ея окончательное паденіе. Чанибека убилъ сынъ его Бердибекъ, а Бердибека убилъ полководецъ Наврусъ и объявилъ себя ханомъ. Суздальскій князь Димитрій Константиновичъ отправился въ Орду и получилъ тамъ великое княженіе. За него стояли новгородцы, чувствовавшіе тягость московскаго первенства, такъ какъ, по слѣдамъ Калиты, сынъ его Симеонъ тѣснилъ Новгородъ и обиралъ, выдумавши новый родъ поборовъ съ черныхъ людей Новоторжской волости подъ именемъ „чернаго бора" (т.-е. побора). Суздальскій князь, пріѣхавши съ ханскимъ ярлыкомъ, сѣлъ на великокняжескомъ столѣ во Владимірѣ, и этому городу опять, повидимому, предстояло возвратить себѣ отнятое Москвою первенство. Но покровитель суздальскаго князя Наврусъ былъ въ свою очередь убитъ другимъ полководцемъ Хидыремъ, и послѣдній объявилъ себя ханомъ. Московскіе бояре повезли къ нему десятилѣтняго Димитрія Ивановича. Было естественно новому повелителю измѣнить распоряженія прежняго: онъ далъ ярлыкъ на княженіе Димитрію. Такимъ образомъ, на этотъ разъ уже не лицо московскаго князя, неспособнаго по малолѣтству управлять, а сама Москва, какъ одна изъ земскихъ единицъ, пріобрѣтала первенствующее значеніе среди другихъ земель и городовъ на Руси; прежде ее возвышало то, что ея князь былъ по волѣ хана старѣйшимъ, а теперь наоборотъ—малолѣтній князь дѣлался старѣйшимъ именно потому, что былъ московскимъ княземъ. Но Хидырь былъ вскорѣ умерщвленъ своимъ сыномъ, котораго также немедленно убили. Орда раздѣлилась. Сильный темникъ Мамай выставилъ ханомъ какого-то Абдула, а сарайскіе вельможи — Хидырева брата Мюрида. Москвичамъ показалось сначала, что партія Мюрида сильнѣе, и они выхлопотали у него ярлыкъ для Димитрія, но въ слѣдующемъ 1362 году они увидѣли, что партія Мамая беретъ верхъ, и тотчасъ обратились къ нему и получили для Димитрія ярлыкъ на великое княженіе отъ имени Абдула. Такимъ образомъ, несовершеннолѣтній московскій князь былъ утвержденъ разомъ двумя соперниками, готовыми растерзать другъ друга. Мюридъ, узнавши, что московскій князь получилъ ярлыкъ отъ его врага, послалъ ярлыкъ суздальскому князю. Началась-было междоусобная война между двумя соискателями. Но у Димитрія суздальскаго въ то же время началась ссора съ своимъ братомъ Борисомъ за Нижній Новгородъ, и Ди-

митрій Константиновичъ, желая по смерти брата своего Андрея овладѣть Нижнимъ Новгородомъ, помирился съ Москвою; при ея помощи онъ утвердилъ за собой Нижній Новгородъ. Въ 1365 году пятнадцатилѣтній Димитрій сочетался бракомъ съ его дочерью Евдокіею.

Уже во время несовершеннолѣтія Димитрія бояре отъ его имени распоряжались судьбою удѣльныхъ князей. Въ 1363 году они стѣснили ростовскаго князя и выгнали князей галицкаго и стародубскаго изъ ихъ волостей. Гонимые и тѣснимые Москвою, князья прибѣгали къ суздальскому князю, но, послѣ примиренія съ Москвою, самъ суздальскій князь призналъ надъ собою первенство московскаго.

Въ числѣ тогдашнихъ руководителей дѣлами безспорно занималъ важное мѣсто митрополитъ Алексій, уважаемый не только Москвою, но и въ Ордѣ, такъ какъ еще прежде онъ исцѣлилъ жену Чанибека, Тайдулу, и на него смотрѣли какъ на человѣка, обладающаго высшею чудотворною силою. Подъ его благословеніемъ составленъ былъ въ 1364 году договоръ между Димитріемъ московскимъ и его двоюроднымъ братомъ Владимиромъ Андреевичемъ, получившимъ въ удѣлъ Серпуховъ. Этотъ договоръ можетъ до извѣстной степени служить образчикомъ тогдашнихъ отношеній зависимыхъ князей къ старѣйшему: Владимиръ Андреевичъ имѣлъ право распоряжаться своею волостью, какъ вотчинникъ, но обязанъ былъ повиноваться Димитрію, давать ему дань, слѣдуемую хану, считать врагами враговъ великаго князя, участвовать съ своими боярами и слугами во всѣхъ походахъ, предпринимаемыхъ Димитріемъ, получая отъ него во время походовъ жалованье. Бояре изъ удѣловъ обоихъ князей могли переходить свободно; но это позволеніе не простиралось на остальныхъ жителей; князья не имѣли права покупать имѣній въ чужомъ удѣлѣ и, въ случаѣ тяжбъ между жителями того и другого удѣла, производился совмѣстный судъ, какъ-бы между особыми государствами, а если судьи обѣихъ сторонъ не могли между собою согласиться, то назначался судъ третейскій. Такимъ образомъ въ то время, когда Москва возвышалась надъ прочими русскими землями и распоряжалась ихъ судьбою, въ самой Московской землѣ возникло удѣльное дробленіе, естественно замедлявшее развитіе единовластія, но въ то же время и принимались мѣры, чтобы, при такомъ дробленіи, сохранялась верховная власть лица, княжившаго въ самой Москвѣ.

Личность великаго князя Димитрія Донского представляется по источникамъ неясною. Мы видимъ, что въ его отрочествѣ,

когда онъ никакъ не могъ дѣйствовать самостоятельно, бояре вели дѣла точно въ такомъ же духѣ, въ какомъ бы ихъ велъ и совершеннолѣтній князь. Лѣтописи, уже описывая его кончину, говорятъ, что онъ во всемъ совѣтовался съ боярами и слушался ихъ, что бояре были у него какъ князья; такъ же завѣщалъ онъ поступать и своимъ дѣтямъ. Отъ этого невозможно отдѣлить: что̀ изъ его дѣйствій принадлежитъ собственно ему, и что̀ его боярамъ; по нѣкоторымъ чертамъ можно даже допустить, что онъ былъ человѣкъ малоспособный, и потому руководимый другими, и этимъ можно отчасти объяснить тѣ противорѣчія въ его жизни, которыя бросаются въ глаза: то смѣшеніе отваги съ нерѣшительностью, храбрости съ трусостью, ума съ безтактностью, прямодушія съ коварствомъ, что̀ выражается во всей его исторіи.

Изъ всѣхъ князей другихъ русскихъ земель всѣхъ опаснѣе для Москвы казался Михаилъ, сынъ Александра Михаиловича тверского. Онъ естественно питалъ родовую ненависть къ московскимъ князьямъ и былъ при этомъ человѣкъ предпріимчивый, упрямаго и крутого права. Бывши сначала княземъ въ Микулинѣ, онъ овладѣлъ Тверью, назывался великимъ княземъ тверскимъ и, въ качествѣ старѣйшаго, хотѣлъ подчинить своей власти своихъ ближайшихъ родственниковъ, князей Тверской земли. Между нимъ и его дядею Василіемъ кашинскимъ возникъ споръ за владѣніе умершаго князя Семена Константиновича, который завѣщалъ свое владѣніе Михаилу Александровичу. Такъ какъ дѣло по завѣщанію касалось Церкви, то дѣло это разбиралъ тверской епископъ Василій и рѣшилъ въ пользу Михаила Александровича. Первопрестольникъ русской церкви митрополитъ Алексій, сильно радѣвшій о величіи Москвы и ея выгодахъ, былъ очень недоволенъ такимъ рѣшеніемъ и призвалъ Василія въ Москву. Современники говорятъ, что тверской епископъ потерпѣлъ тамъ большія „протори". Между тѣмъ, Василію кашинскому послали изъ Москвы рать на помощь противъ Михаила Александровича и Василій отправился силою выгонять своего племянника изъ Твери; но у Михаила Александровича также былъ могучій покровитель, зять его, литовскій великій князь Ольгердъ, женатый на сестрѣ его Іуліаніи. Кашинцы и москвичи не взяли Твери, а только успѣли надѣлать разоренія Тверской волости, какъ явился Михаилъ съ литовскою помощью. Дядя и стоявшій за дядю племянникъ князь Іеремій уступили во всемъ Михаилу и цѣловали крестъ повиноваться ему, но Іеремій немедленно послѣ того бѣжалъ въ Москву и умолялъ московскаго князя распорядиться тверскими удѣлами.

Москвичи придумали инымъ способомъ расправиться съ Михаиломъ. Митрополитъ Алексій и великій князь приглашали „любовно“ Михаила пріѣхать въ Москву на третейскій судъ. Митрополитъ увѣрилъ его пастырскимъ словомъ въ безопасности. Михаилъ пріѣхалъ: его взяли подъ стражу и разлучили съ боярами, которыхъ также заточили. Но Москва не воспользовалась этимъ поступкомъ, а напротивъ, только повредила себѣ. Вскорѣ послѣ того прибыли изъ Орды татарскіе послы: неизвѣстно, требовали ли они освобожденія Михаила или же москвичи боялись, что татарамъ будетъ непріятенъ этотъ поступокъ,—только Михаилъ былъ выпущенъ и, какъ говорятъ, его принудили цѣловать крестъ на томъ, чтобы повиноваться московскому князю. Москва тѣмъ временемъ овладѣла Городкомъ (на рѣкѣ Старицѣ). Московскій князь послалъ туда князя Іеремія, а вмѣстѣ съ этимъ княземъ и своего намѣстника.

Съ этихъ поръ Михаилъ рѣшился во что бы то ни стало отмстить Москвѣ и нанести ей жестокій ударъ. Онъ въ особенности обвинялъ митрополита Алексія: „я всего болѣе любилъ митрополита и довѣрялъ ему,—говорилъ Михаилъ,—а онъ такъ посрамилъ меня и поругался надо мною“.

Михаилъ отправился въ Литву къ Ольгерду и побудилъ его идти на Москву. Раздраживши Михаила, москвичи не сообразили, что онъ можетъ навести на Москву опаснаго врага, и не приняли никакихъ мѣръ обороны. Въ Москвѣ узнали о нашествіи Ольгерда только тогда, когда литовскій князь уже приближался съ войскомъ къ границѣ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Кейстутомъ, племянникомъ Витовтомъ, разными литовскими князьями, смоленскою ратью и Михаиломъ тверскимъ. Въ обычаѣ этого воинственнаго князя было: не говорить заранѣе никому, куда собирается идти на войну, совершать походы скорые и нападать внезапно. Князья, подручные Димитрію, не успѣли по его призыву явиться на защиту Москвы. Оставалось обороняться силами одной Московской земли: Димитрій выслалъ противъ врага воеводу Димитрія Минина, а Владиміръ Андреевичъ—Акинѳа Шубу. Литовцы на пути своемъ жгли, грабили селенія, истребляли людей; высланная московская рать была ими разбита въ прахъ 21 декабря 1368 года на рѣкѣ Тростнѣ, воеводы пали въ битвѣ. „Гдѣ есть великій князь съ своею силою?“ спрашивалъ Ольгердъ плѣнныхъ. Всѣ въ одинъ голосъ давали такой отвѣтъ: „Князь въ городѣ своемъ Москвѣ, а рати не успѣли собраться къ нему“. Ольгердъ поспѣшилъ прямо къ Москвѣ. Великій князь Димитрій, князь Владиміръ Андреевичъ, митро-

полит, бояре со множеством народа заперлись въ Кремлѣ, который былъ только-что передъ тѣмъ укрѣпленъ каменною стѣною. Москвичи сами сожгли посадъ около Кремля. Ольгердъ три дня и три ночи простоялъ подъ стѣнами Кремля. Взять его приступомъ было трудно, а морить осажденныхъ голодомъ Ольгердъ не рѣшался, такъ какъ зимою стоять долгое время въ открытомъ полѣ было бы слишкомъ тяжело для осаждающихъ, притомъ же на выручку Москвѣ могли подоспѣть рати подручныхъ князей. Ольгердъ приказалъ сжечь кругомъ Москвы все, чтò еще не было сожжено самими русскими. Тогда, кромѣ посада, обнесеннаго дубовою стѣною, за предѣлами этого посада было поселеніе, носившее названіе Загородье, а за Москвою-рѣкою другое, называемое Зарѣчье. Литовцы сожгли все, не щадя ни церквей, ни монастырей; возвращаясь назадъ, они разоряли Московскую волость, жгли строенія, грабили имущества, забирали скотъ, убивали или гнали въ плѣнъ тѣхъ людей, которые не успѣвали спастись отъ нихъ въ лѣса. По извѣстію современника, Москва потерпѣла отъ Ольгерда такое бѣдствіе, какого не испытывала со времени нашествія Батыя. Таковы были послѣдствія неловкой московской политики: хотя москвичи и дѣйствовали въ духѣ, указанномъ Калитою, но способами до крайности неудачными; думая сломить силу опаснаго тверского князя, они сдѣлали его еще опаснѣе для себя и легкомысленно навлекли на свою землю бѣду отъ новаго врага, который, до этого времени постоянно занятый другими войнами и дѣлами собственной страны, не дѣлалъ никакихъ покушеній на Московскую землю.

Этимъ дѣло не окончилось. Москва за разореніе, нанесенное ей литовцами, хотѣла вознаградить себя разореніемъ земель: Тверской и Смоленской. Сначала москвичи и съ ними волочане (то-есть Волока-Ламскаго) пограбили Смоленскую волость, въ отмщеніе за то, что смольняне ходили съ литовцами на Москву, а потомъ великій князь московскій послалъ объявить войну тверскому. Михаилъ Александровичъ тотчасъ убѣжалъ въ Литву. Московская рать два раза вступала въ Тверскую землю, разоряла села и волости, взяла, подъ начальствомъ самого Димитрія, Зубцовъ и Микулинъ. Москвичи погнали тогда изъ Тверской земли множество плѣнныхъ и скота въ свою разоренную литовцами землю. Плѣнные изъ Тверской земли замѣняли въ Московской землѣ тѣхъ людей, которыхъ угнали литовцы въ свою сторону. Тверичи были „смирены до зѣла“, по выраженію лѣтописца.

Ольгердъ на этотъ разъ не могъ дать скорой помощи шурину, потому что занятъ былъ войною съ Орденомъ Крестоносцевъ. Михаилъ тверской, услыхавши о бѣдствіи своей земли, сильно опечалился и принялъ намѣреніе, вѣроятно съ согласія Ольгерда, инымъ путемъ отмстить своему врагу. Онъ отправился въ Орду и безъ труда выхлопоталъ себѣ тамъ великокняжеское достоинство отъ Мамантъ-Салтана, хана, посаженнаго Мамаемъ, но объ этомъ узнали въ Москвѣ и поставили заставы, чтобы изловить Михаила на возвратномъ пути. Къ счастію, у Михаила были доброжелатели въ Москвѣ; они дали ему знать и онъ опять пробрался въ Литву. По усиленной просьбѣ жены своей, Ольгердъ рѣшился, наконецъ, помогать ея брату. Онъ двинулся на Московскую землю съ братомъ Кейстутомъ, литовскими князьями, Святославомъ смоленскимъ и Михаиломъ тверскимъ. Простоявъ нѣсколько дней у Волока и не взявши его, литовцы и ихъ союзники пришли къ Москвѣ 6 декабря 1370 года. Димитрій заперся въ Кремлѣ, но Владиміръ Андреевичъ, собравъ свою рать, стоялъ въ Перемышлѣ. Съ нимъ были заодно рати: рязанская и пронская. Литовцы пожгли часть только-что возобновленнаго посада и окрестныя села, но, простоявъ 8 дней подъ Кремлемъ, Ольгердъ заключилъ съ московскимъ княземъ перемиріе до Петрова дня; онъ хотѣлъ даже вѣчнаго мира и предлагалъ родственный союзъ, обѣщая выдать дочь свою Елену за князя Владиміра Андреевича. Но дѣло на этотъ разъ пока ограничилось однимъ перемиріемъ. Въ этотъ годъ была необыкновенно теплая зима, преждевременно наступила оттепель и распустились рѣки; пути испортились; отступать было трудно; а между тѣмъ, на Ольгерда русскіе готовились ударить съ тыла. Кромѣ того, Ольгерда торопили домой дѣла съ нѣмецкимъ Орденомъ. Всѣ эти обстоятельства побудили его оставить дѣло Михаила.

Лишенный помощи зятя, тверской князь опять отправился въ Орду. На этотъ разъ ему предлагали тамъ татарское войско, но онъ не рѣшился подвергать русскія земли разоренію, соображая, что въ такомъ случаѣ возбудитъ къ себѣ всеобщую ненависть русскихъ. Михаилъ думалъ, что достаточно будетъ одного ханскаго посла съ ярлыкомъ, повелѣвающимъ русскимъ признавать Михаила великимъ княземъ. Но Орда до того ослабѣла отъ внутреннихъ междоусобій, что ее уже не боялись, какъ прежде, и Димитрій Московскій приводилъ къ присягѣ владимірцевъ и жителей другихъ городовъ сохранять ему вѣрность, не обращая вниманія на татарскіе ярлыки, повелѣвающіе пови-

поваться тверскому князю; самъ Димитрій сталъ съ войскомъ въ Переяславлѣ вмѣстѣ съ Владиміромъ Андреевичемъ. Михаилъ съ ханскимъ посломъ Сарыходжею прибылъ къ городу Владиміру; владимірцы не пустили ихъ. Сарыходжа звалъ Димитрія во Владиміръ слушать ярлыкъ; Димитрій отвѣчалъ ему такъ: „Къ ярлыку не ѣду, на великое княженіе не пущу, а тебѣ, послу цареву, путь чистъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ послалъ дары Сарыходжѣ. Сарыходжа оставилъ Михаила и поѣхалъ въ Москву. Его приняли тамъ съ такимъ почетомъ и такъ щедро одарили, что онъ совершенно перешелъ на сторону Димитрія, уговорилъ его ѣхать къ Мамаю и обѣщалъ ходатайствовать за него.

Михаилъ съ досады разорилъ Мологу, Угличъ, Бѣжецкій-Верхъ и вернулся въ Тверь, а въ Орду выслалъ сына своего Ивана. Тогда, по общему совѣту съ митрополитомъ и боярами, Димитрій самъ отправился вмѣстѣ съ Андреемъ ростовскимъ и московскими боярами и слугами искать милости Мамая. Митрополитъ Алексій проводилъ его до Оки и благословилъ на путь. Несмотря на то, что Димитрій уже раздражилъ Мамая, еще не трудно было пріобрѣсть его благосклонность, потому что Мамай былъ милостивъ къ тому, кто давалъ ему больше. Димитрій привезъ ему обильные дары; притомъ же Сарыходжа настраивалъ его въ пользу Димитрія. Москва, несмотря на разореніе, нанесенное Ольгердомъ, была все еще богата въ сравненіи съ прочими русскими землями; сборы ханскихъ выходовъ обогащали ея казну. Димитрій не только имѣлъ возможность подкупить Мамая, но даже выкупилъ за 10,000 рублей серебра [1]) Ивана, сына Михаилова, удержаннаго въ Ордѣ за долгъ, и взялъ его себѣ въ заложники въ Москву; тамъ этотъ князь находился въ неволѣ на митрополичьемъ дворѣ до выкупа. Димитрій получилъ отъ хана ярлыкъ на княженіе и даже Мамай сдѣлалъ ему такую уступку, что положилъ брать дань въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ платилось при Узбекѣ и Чанибекѣ, а Михаилу Мамай послалъ сказать такъ: „Мы дали тебѣ великое княженіе; мы давали рать и силу, чтобы посадить тебя на великомъ княженіи; а ты рати и силы нашей не взялъ, говорилъ, что своею силою сядешь на великомъ княженіи; сиди теперь съ кѣмъ любо, а отъ насъ помощи не ищи!"

Михаилъ снова обратился въ Литву. На Ольгерда была, повидимому, надежда плоха: во время поѣздки Димитрія въ Орду прибыли въ Москву послы Ольгердовы и обручили съ Владими-

---

[1]) Тогдашній рубль приблизительно равнялся гривнѣ, т.-е. полуфунту серебра.

ромъ Андреевичемъ Ольгердову дочь Елену, а слѣдующею зимою совершилась ихъ свадьба. За то Михаилъ уговорилъ Кейстута, сына его Витовта, Андрея Ольгердовича полоцкаго и другихъ литовскихъ князей идти съ нимъ на Московскую землю. Димитрій въ это время расправлялся съ Олегомъ рязанскимъ, вѣроятно благопріятствовавшимъ Михаилу. Этотъ князь не менѣе тверского питалъ родовую непріязнь къ московскому княжескому роду, преимущественно переходившую отъ прадѣда, нѣкогда задушеннаго въ Москвѣ Юріемъ Даниловичемъ. Рязанцы ненавидѣли москвичей за ихъ надменность и высокомѣрное обхожденіе съ русскими другихъ земель. Москвичи называли ихъ „полуумными людищами"; рязанцы обзывали москвичей „трусами" и говорили, что противъ нихъ надо брать на войну не оружіе, а веревки, чтобъ вязать ихъ. Олегъ потерпѣлъ пораженіе при Скорнищевѣ; Димитрій овладѣлъ Рязанью и отдалъ ее князю Владимиру пронскому въ надеждѣ, что новый князь будетъ ему повиноваться, но отъ этого не произошло никакой пользы для Москвы: Димитрій долженъ былъ обратиться на Михаила, который приближался съ литовскою ратью, а Олегъ, воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, выгналъ пронскаго князя и сталъ попрежнему княжить въ Рязани.

Весною 1372 года, Михаилъ съ литовцами захватилъ по дорогѣ у новгородцевъ Торжокъ, посадилъ тамъ своего намѣстника, а потомъ ворвался въ Московскую землю, покушался взять Переяславль, но былъ отбитъ, взявши, однако, Дмитровъ. Литовцы сожгли много селеній, наловили плѣнниковъ. Тѣмъ дѣло кончилось.

Михаилъ возвратился въ Тверскую землю и принудилъ кашинскаго князя дѣйствовать съ нимъ за-одно; потомъ двинулся на Торжокъ, узнавши что новгородцы выгнали оттуда его намѣстниковъ, которыхъ онъ тамъ только что посадилъ. Его союзники литовцы не слишкомъ дружелюбно обращались съ Тверскою землею, когда проходили черезъ нее: Михаилъ долженъ былъ все терпѣть, и спѣшилъ только скорѣе вывести ихъ изъ своихъ владѣній въ Новоторжскую волость.

У новгородцевъ были съ Михаиломъ давнія недоразумѣнія. Тверскіе бояре покупали земли въ Новгородской землѣ, а тверской князь, считая себя господиномъ надъ этими боярами, показывалъ притязанія на ихъ владѣнія, несмотря на то, что они находились въ чертѣ Новгородской волости. Новгородъ долго и напрасно добивался прекращенія этихъ злоупотребленій. Кромѣ того, когда Михаилъ собирался искать великаго княженія въ

Ордѣ, новгородцы, недовольные Москвою, обѣщали признать его великимъ княземъ, если его утвердитъ ханъ, но теперь не хотѣли знать его, когда услыхали, что великимъ княземъ остается Димитрій. По этимъ-то поводамъ Михаилъ захватилъ Торжокъ. Когда до него дошла вѣсть, что новгородцы не только выгнали его намѣстниковъ, но и пограбили тверскихъ купцовъ, Михаилъ сильно озлобился на Новгородъ и, оставивши войну съ Москвою, устремилъ всѣ свои силы противъ новгородцевъ. 31 мая 1372 года онъ подошелъ къ Торжку, требовалъ выдать тѣхъ, которые ограбили тверскихъ купцовъ, и принять вновь его намѣстниковъ. Начальствовалъ въ Торжкѣ новгородскій воевода Александръ Абакумовичъ, удалой предводитель ушкуйниковъ [1]); онъ отказалъ Михаилу на-отрѣзъ, вышелъ въ битву противъ него и палъ въ ней со многими товарищами. Новгородцы покинули Торжокъ и бѣжали въ Новгородъ, а тверичи и литовцы въ это время успѣли зажечь посадъ. Случилась буря, множество новоторжцевъ погибло въ пламени, другіе бросались въ воду, а тѣхъ, которые попадались въ плѣнъ непріятелю, убивали и мучили съ особеннымъ поруганіемъ. „Тверичи —говоритъ лѣтописецъ,—обнажали честныхъ женщинъ и дѣвицъ и заставляли ихъ отъ стыда бросаться въ воду“. Тогда ограбили и сожгли всѣ церкви, и весь Торжокъ былъ стертъ съ лица земли. Варварски мстилъ Михаилъ новгородцамъ, но за то нажилъ себѣ въ нихъ опасныхъ мстителей на будущее время.

Михаилъ возвратился съ добычею въ Тверь, долженъ былъ дожидаться прихода Димитрія, и опять умолялъ Ольгерда о помощи. Сестра Михаила еще разъ уговорила своего мужа Ольгерда заступиться за брата, несмотря на родство послѣдняго съ московскимъ княземъ, тѣмъ болѣе, что выданная за Владиміра Андреевича Елена была дочь Ольгерда отъ перваго брака. Ольгердъ пошелъ съ войскомъ на Москву лѣтомъ 1373 года. Этимъ походомъ онъ временно остановилъ походъ Димитрія на Тверь. Михаилъ присоединился къ Ольгерду. Москвичи на этотъ разъ не были такъ оплошны, какъ прежде, и не допустили враговъ къ Москвѣ. Они встрѣтили Ольгерда у Любутска (близъ Калуги). Обѣ рати долго простояли по обѣимъ сторонамъ крутого оврага, но битвы между ними не произошло. Великіе князья московскій и литовскій заключили перемиріе. Димитрій обязался не безпокоить Михаила въ Твери, а Михаилъ не долженъ былъ искать

[1]) Ушкуйники были удалые новгородскіе молодцы, ѣздившіе разбойничать по Камѣ и Волгѣ.

великаго княженія, обязался возвратить все похищенное въ землѣ Димитрія и вывесть оттуда своихъ намѣстниковъ, а если тверской князь не выполнитъ своихъ обѣщаній и если на него окажется какая-нибудь жалоба въ Ордѣ, то Ольгердъ не будетъ за него заступаться.

Михаилъ, лишившись въ другой разъ помощи Ольгерда, повидимому не могъ уже скоро надѣяться на нее, а все-таки онъ не оставилъ своей борьбы съ Москвою. Случилось, что люди, пришедшіе изъ Москвы, сами подстрекали его. Въ Москвѣ умеръ послѣдній тысячскій Василій Вельяминовъ. Великій князь рѣшился упразднить этотъ важный древній санъ вѣчевой Руси. Тысячскій выбирался землею мимо князя, предводительствовалъ земскою ратью, былъ представителемъ земской силы, опорою вѣчевого строя. Эта старинная должность съ ея правами стояла въ-разрѣзъ съ самовластными стремленіями князей; она также не по-сердцу была и боярамъ, которые окружали князя, хотѣли быть его единственными совѣтниками и раздѣлять съ нимъ управленіе землею, не обращаясь къ волѣ народной громады. У послѣдняго тысячскаго остался старшій сынъ Иванъ, недовольный новыми распоряженіями. Съ нимъ за-одно былъ богатый купецъ Некоматъ, торговавшій такъ-называемымъ суровскимъ товаромъ (то-есть дорогимъ, краснымъ). Они оба убѣжали въ Тверь къ Михаилу и побуждали его опять добиваться великаго княженія. Михаилъ препоручилъ имъ же выхлопотать для него новый ярлыкъ въ Ордѣ, а самъ уѣхалъ въ Литву, пытаясь все-таки найти тамъ себѣ пособіе. Изъ Литвы Михаилъ скоро вернулся съ одними обѣщаніями, но 14 іюля 1375 года Некоматъ привезъ ему ярлыкъ на великокняжеское достоинство, и Михаилъ, не думая долго, послалъ объявить войну Димитрію. Онъ надѣялся сокрушить московскаго князя силами Орды и Литвы и обманулся жестоко.

За Димитрія, кромѣ силъ Московской и Владимірской волостей, ополчились подручные Москвѣ князья, обязанные помогать ей на войнѣ. Его тесть, князь суздальскій, съ братьями и дѣтьми велъ рати суздальскія, нижегородскія и городецкія; шли князья: ростовскіе, ярославскіе; кромѣ того, къ Москвѣ пристали тогда князья: смоленскій, и южные; изъ древней земли вятичей: новосильскій, оболенскій, тарусскій. Послѣдніе не хотѣли подчиняться власти литовской, и потому добровольно признавали надъ собою первенство Москвы и вступили въ число ея подручниковъ. Были еще въ этомъ ополченіи и князья только по имени, называвшіеся именами бывшихъ удѣловъ, такъ какъ ихъ удѣлы

находились въ рукахъ другихъ князей, поставленныхъ Ольгердомъ: такъ, напримѣръ, стародубскій и брянскій; а иные, какъ бѣлозерскій и моложскій, не были уже владѣтелями своихъ удѣловъ, непосредственно присоединенныхъ къ Москвѣ, и находились на службѣ у великаго московскаго князя: эта участь впослѣдствіи постигла безразлично и всѣхъ удѣльныхъ князей. Наконецъ, за Димитрія былъ тогда Новгородъ, съ радостью увидѣвшій возможность отмстить Михаилу за разореніе Торжка. Новгородцы такъ горячо бросились помогать Москвѣ, что на призывъ Димитрія въ три дня собрали свою рать. Русскіе князья, какъ и вообще русскіе люди въ то время, негодовали на тверского князя за то, что онъ поднимаетъ смуту, призываетъ на Русь литовцевъ и, главное, возбуждаетъ Мамая; уже тогда на Руси созрѣло сознаніе, что приходитъ пора не кланяться татарамъ, а помѣряться съ ними силами. „Мамай дышетъ яростью на всѣхъ насъ,—говорили тогда,—если мы спустимъ тверскому князю, то онъ, соединившись съ Мамаемъ, надѣлаетъ намъ бѣды".

Въ августѣ 1375 года Димитрій съ союзниками вступилъ въ Тверскую землю, взялъ Микулинъ, осадилъ Тверь. Онъ простоялъ тамъ четыре недѣли, а между тѣмъ, его воины жгли въ Тверской области селенія, травили на поляхъ хлѣбъ, убивали людей или гнали ихъ въ плѣнъ. Михаилъ, не дождавшись ниоткуда помощи, выслалъ владыку Евфимія къ Димитрію просить мира. Казалось, пришла самая благопріятная минута покончить навсегда тяжелую и разорительную борьбу съ непримиримымъ врагомъ, уничтожить тверское княженіе, присоединить Тверскую землю непосредственно къ Москвѣ и тѣмъ самымъ обезпечить съ этой стороны внутреннее спокойствіе Руси. Но Димитрій удовольствовался вынужденнымъ смиреніемъ врага, который въ крайней бѣдѣ готовъ былъ согласиться на какой угодно унизительный договоръ, лишь бы оставалась возможность его нарушить въ будущемъ. Михаилъ обязался за себя и своихъ наслѣдниковъ находиться въ такихъ отношеніяхъ къ Москвѣ, въ какихъ былъ Владимиръ Андреевичъ, считать московскаго князя старѣйшимъ, ходить на войну или посылать своихъ воеводъ по приказанію московскаго князя, не искать и не принимать отъ хана великокняжескаго достоинства, отречься отъ союза съ Ольгердомъ и не помогалъ ему, если онъ пойдетъ на смоленскаго князя за его участіе въ войнѣ противъ Твери. Михаилъ обязывался не вступаться въ дѣла Кашинской земли и, такимъ образомъ, Тверская земля раздѣлялась съ этихъ поръ на двѣ независимыя половины, и власть Михаила Александровича простиралась только

на одну изъ этихъ половинъ. Въ удовлетвореніе Новгороду, тверского князя обязали возвратить церковное и частное имущество, пограбленное въ Торжкѣ, и освободить всѣхъ новгородскихъ людей, которыхъ онъ закабалилъ себѣ посредствомъ грамотъ. Михаилъ обязался возвратить Новгороду всѣ земли, купленныя его боярами, и всѣ товары, когда-либо захваченные у новгородскихъ гостей. Наконецъ, что̀ всего важнѣе въ этомъ договорѣ, постановлено было по отношенію къ татарамъ, что если рѣшено будетъ жить съ ними въ мирѣ и давать имъ выходъ, то и Михаилъ долженъ давать, а если татары пойдутъ на Москву или на Тверь, то обѣимъ сторонамъ быть за-одно противъ нихъ; если же московскій князь самъ захочетъ идти противъ татаръ, то и тверской долженъ идти вмѣстѣ съ московскимъ. Такимъ образомъ, Москва, возвысившись прежде исключительно татарскою силою, теперь уже имѣла настолько собственной силы, что обязывала князей другихъ земель повиноваться ей и въ войнѣ противъ самихъ татаръ.

Несчастные бѣглецы, подстрекнувшіе Михаила на новую борьбу съ Димитріемъ, были, по договору, преданы Михаиломъ на произволъ судьбы. Всѣмъ другимъ боярамъ и слугамъ обѣихъ земель предоставлялся вольный отъѣздъ, и князья не должны были „вступаться“ въ ихъ села, а имѣнія Ивана и Некомата предоставлялись безъ изъятія московскому князю. Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того ихъ самихъ заманили хитростью и привезли въ Москву. Такъ, на Кучковомъ полѣ, (гдѣ теперь Срѣтенскій монастырь), 30-го августа 1379 года надъ ними была совершена публичная смертная казнь, насколько извѣстно—первая въ Москвѣ. Народъ съ грустью смотрѣлъ на смерть Ивана, красиваго молодца; вмѣстѣ съ головою Ивана отсѣкались для него всѣ завѣтныя преданія старинной вѣчевой свободы. Казнь его, однако, не помѣшала братьямъ его служить Димитрію и воеводствовать у него.

Усмиреніе тверского князя раздражило Ольгерда, но не противъ Димитрія, а противъ смоленскаго князя, за то, что послѣдній, котораго онъ считалъ уже своимъ подручникомъ, участвовалъ въ войнѣ противъ Михаила. Ольгердъ опустошилъ въ отмщеніе Смоленскую землю и взялъ много людей въ плѣнъ. Гораздо сильнѣе раздражился за Тверь Мамай и притомъ на всѣхъ вообще русскихъ князей: онъ видѣлъ явное пренебреженіе къ своей власти; его послѣдній ярлыкъ, данный Михаилу, былъ поставленъ русскими ни во что̀. Тогда одинъ татарскій отрядъ напалъ на Нижегородскую землю, объявляя ей наказаніе за то, что рать ея ходила на Тверскую землю; другой отрядъ за то же самое опу-

стошилъ землю Новосильскую. Вслѣдъ затѣмъ, въ 1377 году, татарскій царевичъ Арапша, изъ Мамаемой Орды, сдѣлалъ опять нападеніе на Нижегородскую землю. Соединенная суздальская и московская рать по собственной оплошности была разбита у рѣки Пьяны, и послѣдствіемъ этого пораженія было взятіе и разореніе Нижняго Новгорода. Наконецъ, въ 1378 году Мамай послалъ мурзу Бегича на великаго князя. Ополченіе его шло черезъ Рязанскую землю. Великій князь предупредилъ Бегича, перешедши Оку, вступилъ въ Рязанскую землю; здѣсь, на берегахъ рѣки Вожи, 11-го августа, татары были разбиты на-голову.

Здѣсь сподвижникомъ Димитрія явился Ольгердовъ сынъ Андрей. Ольгерда уже не было въ живыхъ. Воинственный князь не только принялъ христіанство, но передъ смертью постригся въ монахи и умеръ, какъ говорятъ, схимникомъ. Андрей Ольгердовичъ не поладилъ съ преемникомъ отца, своимъ единокровнымъ братомъ Ягелломъ, и бѣжалъ во Псковъ, гдѣ былъ посаженъ княземъ, а потомъ со псковичами служилъ Москвѣ противъ татаръ. Послѣ вожской битвы этотъ князь, вмѣстѣ съ Владимиромъ Андреевичемъ и съ воеводою (называемымъ въ лѣтописяхъ иногда и княземъ) Димитріемъ Михайловичемъ Боброкомъ, волынцемъ, взяли бывшіе подъ властью Литвы города Трубчевскъ и Стародубъ въ Сѣверской землѣ съ ихъ волостями. Братъ Андрея, князь Димитрій Ольгердовичъ, княжившій въ Брянскѣ и Трубчевскѣ, также недовольный Ягелломъ, отдался добровольно подъ руку великаго князя, который далъ ему Переяславль-Залѣсскій со всѣми пошлинами, т.-е. доходами княжескими. Эти враждебныя отношенія къ Литвѣ вызвали со стороны преемника Ольгердова Ягелла вражду противъ Москвы и заставили его войти въ союзъ противъ нея съ Мамаемъ.

Послѣ вожской битвы Мамай прежде всего подвергнулъ карѣ Рязанскую землю — за то, что пораженіе татаръ произошло въ Рязанской землѣ. Татарскія полчища ворвались туда, разорили много селъ, угнали въ плѣнъ много людей и сожгли Переяславль. Рязанскій Олегъ не успѣлъ собрать своихъ силъ и убѣжалъ, а потомъ, чтобы не подвергать вновь опасности своей волости, поѣхалъ къ хану, поклонился ему и обѣщалъ вѣрно служить Мамаю противъ Москвы.

Мамай перестал уже возводить на престолъ призрачныхъ хановъ для того, чтобъ управлять подъ ихъ именемъ: самъ онъ назвался ханомъ. Димитрій не повиновался ему; русскіе оказывали явное пренебреженіе къ татарскому могуществу; это раздражило Мамая до крайности. Онъ замыслилъ проучить непо-

корныхъ рабовъ, напомнить имъ батыевщину, поставить Русь въ такое положеніе, чтобъ она долго не посмѣла помышлять объ освобожденіи отъ власти хановъ. Мамай собралъ всю силу волжской Орды, нанялъ хивинцевъ, буртасовъ, ясовъ, вошелъ въ союзъ съ генуэзцами, основавшими свои поселенія на Черномъ морѣ, и заключилъ съ литовскимъ княземъ Ягелломъ договоръ за-одно напасть на московскаго князя. И Олегъ рязанскій посылалъ отъ себя своего боярина къ Ягеллу, совѣщался о томъ, чтобы литовскій князь прибылъ въ срокъ на Донъ для соединенія съ Мамаемъ; но въ то же время Олегъ рязанскій посылалъ извѣстить Димитрія о замыслахъ Мамая и Ягелла. Димитрію уже прежде было извѣстно объ этихъ замыслахъ. Когда Мамай, лѣтомъ 1380 года, заложивъ свой станъ при устьѣ рѣки Воронежа, назначалъ тамъ сборное мѣсто для своихъ полчищъ и ждалъ Ягелла, Димитрій собиралъ подручныхъ князей на общее дѣло защиты Руси. Желаніе раздѣлаться съ поработителями настолько уже созрѣло и овладѣло народными чувствами русскаго народа, что московскому князю не предстояло необходимости ждать ратныхъ и понуждать къ скорѣйшему прибытію. Кромѣ тверского князя, непримиримаго врага Москвы, да кромѣ Олега, который поневолѣ долженъ былъ держаться Мамая изъ разсчета спасти свою землю, всѣ русскіе князья и всѣ русскія земли охотно готовы были участвовать въ предстоявшей борьбѣ русскаго народа съ татарами. Съ Димитріемъ были силы земли Московской, Владимірской, Суздальской, Ростовской, Нижегородской, Бѣлозерской, Муромской, псковичи съ своимъ княземъ Андреемъ Ольгердовичемъ, брянцы съ братомъ Андрея, Димитріемъ Ольгердовичемъ. Лѣтопись говоритъ, что у Димитрія набралось тогда 150,000 воиновъ. Если это число и преувеличено, то все-таки ополченіе, готовое выступить противъ Мамая, было, вѣроятно, очень велико, какъ можно судить по всеобщему сочувствію русскихъ къ этому дѣлу.

Митрополита Алексія уже не было въ живыхъ. Онъ скончался въ 1378 году. Этотъ архипастырь, главнѣйшій совѣтникъ Димитрія, во все время своего первосвятительства употреблялъ свою духовную власть для возвышенія Москвы и служилъ ея интересамъ. Такой образъ дѣйствій навлекъ на него враговъ. Послѣ задержанія Михаила Александровича въ Москвѣ, тверской князь жаловался на коварство Алексія цареградскому патріарху Калликсту и требовалъ надъ нимъ соборнаго суда. Съ своей стороны Ольгердъ жаловался тому же патріарху, что Алексій, посвятивъ себя исключительно Москвѣ, не хочетъ вовсе знать

ни Кіева, ни всего Литовскаго княжества. Патріархъ требовалъ Алексія къ себѣ на судъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтовалъ ему, для избѣжанія такого суда, помириться съ Михаиломъ и съ Ольгердомъ. „Мы — писалъ онъ Алексію — рукоположили тебя митрополитомъ всей Руси, а не одной какой-нибудь ея части“. Митрополитъ не обращалъ вниманія на эти убѣжденія. Послѣ смерти Калликста такія же жалобы на Алексія обращались и къ преемнику Калликста патріарху Филоѳею. Ольгердъ, между прочимъ, обвинялъ митрополита въ томъ, что онъ разрѣшаетъ отъ крестнаго цѣлованія убѣгающихъ изъ Литвы въ Москву, наоборотъ предаетъ проклятію тѣхъ, которые не хотятъ служить московскому князю и благословляетъ послѣдняго на кровопролитіе. Филоѳей и писалъ къ Алексію увѣщанія и требовалъ его на судъ: все было напрасно. Алексій твердо служилъ московскимъ видамъ, не хотѣлъ посѣщать ни Кіева, ни литовскихъ владѣній; наконецъ, по просьбѣ Ольгерда, въ 1376 году патріархъ посвятилъ въ санъ кіевскаго митрополита серба Кипріана, который еще прежде, будучи посланъ отъ патріарха для провѣрки жалобъ на Алексія, заявилъ себя недоброжелателемъ послѣднему. Новый митрополитъ покушался-было оторвать Новгородъ отъ власти Алексія, но это не удалось ему: новгородцы сказали, что они тогда признаютъ митрополитомъ Кипріана, когда его признаетъ великій князь московскій. Кипріанъ жилъ въ Кіевѣ, управлялъ церковью въ областяхъ, подчиненныхъ литовскому великому князю, а по смерти Алексія попытался-было пріѣхать въ Москву, но Димитрій прогналъ его. Великій князь представилъ для рукоположенія въ митрополиты природнаго москвича, давняго своего любимца архимандрита Михаила, извѣстнаго подъ именемъ „Митяя“. Московскому князю не хотѣлось имѣть въ Москвѣ иныхъ первосвятителей, кромѣ такихъ, какихъ само московское правительство будетъ представлять патріарху для посвященія. Но тогдашнее московское духовенство не терпѣло Митяя; самъ преподобный Сергій не благоволилъ къ нему; несмотря на это, все-таки Димитрій отправилъ Митяя въ Цареградъ въ полной надеждѣ на успѣхъ, потому что преемникъ Филоѳея патріархъ Макарій не терпѣлъ Кипріана и готовъ былъ исполнить желаніе московскаго великаго князя. Такимъ образомъ, въ то время, когда приходилось Димитрію идти на войну, Москва оставалась безъ митрополита: и это обстоятельство лишало предпринимаемый походъ обычнаго первосвятительскаго благословенія; но Димитрій обратился за благословеніемъ къ преподобному Сергію, хотя и былъ съ нимъ въ размолвкѣ по поводу

Митяя. Сергій пользовался всеобщимъ уваженіемъ; его молитвамъ приписывали большую силу; за нимъ признавали даръ пророчества. Сергій не только ободрилъ Димитрія, но и предсказалъ ему побѣду. Такое предсказаніе, сдѣлавшись извѣстнымъ, сильно возбудило въ войскѣ отвагу и надежду на побѣду.

Димитрій выступилъ изъ Москвы въ Коломну въ августѣ; русскія силы отовсюду приставали къ нему. Въ это время пришли къ нему послы отъ Мамая съ требованіемъ „выхода“ въ томъ размѣрѣ, въ какомъ русскіе платили дань при Узбекѣ и Чанибекѣ, но Димитрій отвѣчалъ, что онъ готовъ дать только такую дань, какую постановилъ въ свою послѣднюю поѣздку въ Орду. 20 августа коломенскій епископъ Герасимъ благословилъ Димитрія идти противъ „окаяннаго сыроядца Мамая, нечестиваго Ягелла и отступника Олега“ и Димитрій двинулся изъ Коломны на устье Лопастны; здѣсь пристали къ нему Владимиръ Андреевичъ и остальные отряды московскаго ополченія. 26 и 27 августа русскіе перевезлись чрезъ Оку и пошли по Рязанской землѣ къ Дону. На пути прискакалъ къ Димитрію гонецъ отъ преподобнаго Сергія съ благословенною грамотою: „Иди, господинъ, — писалъ Сергій, — иди впередъ, Богъ и св. Троица поможетъ тебѣ!“.

6 сентября русскіе увидѣли Донъ. Мамай уже шелъ отъ Воронежа на встрѣчу русской рати. Всѣ русскіе полки съ своими князьями и воеводами выстроились въ боевомъ порядкѣ, въ своихъ мѣстныхъ одеждахъ. Тогда князья, бояре и воеводы стали держать совѣтъ. Одни говорили: „перейдемъ черезъ Донъ“, другіе: „не ходи, князь, врагъ силенъ; съ татарами литва и рязанцы“. Болѣе всѣхъ побуждали русскихъ идти впередъ литовскіе князья Андрей и Димитрій Ольгердовичи. „Если, говорили они —останемся здѣсь, то слабо будетъ войско русское, а перейдемъ черезъ Донъ, такъ всѣ будутъ биться мужественно, не надѣясь спастись бѣгствомъ; одолѣемъ татаръ —будетъ тебѣ, князь, и всѣмъ слава, а если они перебьютъ насъ, то всѣ умремъ одною смертью!“ Димитрій согласился съ ними. 7 сентября онъ приказалъ наскоро мостить мосты черезъ Донъ и искать броду, а 8-го, въ субботу, на зарѣ русскіе уже были на другой сторонѣ рѣки и при солнечномъ восходѣ двигались стройно впередъ къ устью рѣки Непрядвы.

День былъ пасмурный; густой туманъ разстилался по полямъ, но часу въ девятомъ стало ясно. Около полудня показалось несмѣтное татарское полчище. Сторожевые (передовые) полки русскихъ и татаръ сцѣпились между собою, и самъ Димитрій

выѣхалъ вмѣстѣ съ своею дружиною „на первый суймъ“—открывать битву. По старинному прадѣдовскому обычаю, слѣдовало, чтобы князь, какъ предводитель, собственнымъ примѣромъ возбуждалъ въ воинахъ отвагу. Побившись недолго съ татарами, Димитрій вернулся назадъ устраивать полки къ битвѣ. Въ первомъ часу началась сѣча, какой, по выраженію лѣтописца, не бывало на Руси. На десять верстъ огромное Куликово поле было покрыто воинами. Кровь лилась какъ дождевые потоки; все смѣшалось, битва обратилась въ рукопашную схватку, трупъ валился на трупъ, тѣло русское на татарское, татарское на русское; тамъ татаринъ гнался за русскимъ, тамъ русскій за татариномъ. Въ московской рати было много небывалыхъ въ бою: на нихъ нашелъ страхъ и пустились они въ бѣгство. Татары съ страшнымъ крикомъ ринулись за ними и били ихъ на-поваль. Дѣло русскихъ казалось проиграннымъ, но къ тремъ часамъ пополудни все измѣнилось.

Въ дубравѣ на западной сторонѣ поля стоялъ избранный русскій отрядъ, отъѣхавшій туда заранѣе для засады. Имъ предводительствовали князь Владиміръ Андреевичъ и волынецъ Димитрій Михайловичъ Боброкъ, пріѣхавшій изъ литовскихъ областей служить Москвѣ. Увидѣвши, что русскіе пустились бѣжать, а татары погнались за ними, Владиміръ Андреевичъ порывался ударить на враговъ, но разсудительный Боброкъ удержалъ его до тѣхъ поръ, пока татарская рать, стремившись въ погоню за русскими, не повернулась къ нимъ окончательно тыломъ. Тогда, на счастье русскимъ, вѣтеръ, дувшій до того времени въ лицо сидѣвшимъ въ засадѣ, измѣнилъ свое направленіе. „Вотъ теперь часъ пришелъ, господинъ князь—сказалъ Боброкъ:—подвизайтесь отцы, и братья, дѣти и друзья“. Весь отрядъ стремительно бросился на татаръ, которые никакъ не ожидали нападенія сзади [1]).

---

[1]) Извѣстіе о засадѣ взято изъ „повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ“, которая существуетъ во множествѣ отдѣльныхъ списковъ и также вошла цѣликомъ въ Никоновскій сводъ лѣтописи. Повѣсть эта заключаетъ множество явныхъ выдумокъ, анахронизмовъ, равнымъ образомъ и преданій, образовавшихся въ народномъ воображеніи о Куликовской битвѣ уже позже. Эта повѣсть вообще въ своемъ составѣ никакъ не можетъ считаться достовѣрнымъ источникомъ, но извѣстіе о засадѣ мы считаемъ себя въ правѣ признавать достовѣрнымъ не только по своему правдоподобію, но по соображенію съ разсказомъ въ старѣйшихъ спискахъ лѣтописи. Въ послѣднихъ, такъ же какъ и въ повѣсти, говорится, что русскіе обратились въ бѣгство и татары гнались за ними, а потомъ въ девятомъ часу дня (т.-е. въ третьемъ или въ три часа по нашему времясчисленію) дѣло измѣнилось внезапно и, неизвѣстно по какой причинѣ, татары въ свою очередь обратились въ бѣгство. Лѣтописецъ приписываетъ такую перемѣну заступничеству Ангеловъ съ Архистратигомъ Михаиломъ и св.

Бѣгущіе русскіе ободрились и бросились па татаръ. Тогда, въ свою очередь, на полчище Мамая нашелъ паническій страхъ. Поражаемые съ двухъ сторонъ, татары бросали свое оружіе, покинули свой станъ, стада, обозъ и бѣжали опрометью. Множество ихъ перетонуло въ рѣкѣ. Бѣжалъ самъ тучный Мамай, бѣжали всѣ его князья. Русскіе гнали татаръ верстъ на тридцать до рѣки Красивой-Мечи.

Побѣда была совершенная, но за то много князей, бояръ и простыхъ воиновъ пало на полѣ битвы [1]). Самъ великій князь хотя не былъ раненъ, когда открывалъ битву съ татарами „па первомъ суймѣ", но доспѣхъ на немъ былъ помятъ [2]). Похо-

---

воинамъ: Георгію, Димитрію, Борису и Глѣбу. Разсматривая событія съ земной точки зрѣнія, мы невольно должны придти къ такому заключенію, что подобная перемѣна обстоятельствъ могла всего скорѣе произойти отъ движенія русскихъ въ тылъ непріятеля и, такимъ образомъ, извѣстіе о засадѣ дополняетъ для насъ то, о чемъ мы и безъ того должны были догадываться, тѣмъ болѣе, что въ описаніи самой битвы по старѣйшимъ спискамъ ничего не говорится о дѣйствіяхъ Владимира Андреевича, тогда какъ и по предыдущимъ событіямъ мы знаемъ, что онъ былъ храбрѣйшій изъ тогдашнихъ князей.

¹) Князь Ѳедоръ Романовичъ бѣлозерскій и сынъ его Иванъ, князь Ѳедоръ тарусскій, братъ его Мстиславъ, князь Димитрій Монастыревъ, Семенъ Михайловичъ Микула, сынъ Василія тысячскаго, Михайло, Иванъ, сыны Акинѳовичи, Иванъ Александровичъ, Андрей Серкизовъ, Тимоѳей Васильевичъ (другой сынъ тысячскаго), Акатьевичи, называемые Волуи, Михайло Бренокъ, Левъ Морозовъ, Семенъ Меликовъ, Димитрій Миничъ, Александръ Пересвѣтъ, бывшій прежде бояринъ брянскій и многіе другіе.

²) Въ „повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ" разсказывается, будто Димитрій еще предъ битвою надѣлъ свою княжескую „подволоку" (мантію) на своего любимца Михаила Бренка, самъ же въ одеждѣ простого воина замѣшался въ толпѣ, а впослѣдствіи, когда Бренокъ въ великокняжеской одеждѣ былъ убитъ и битва кончилась, Димитрій былъ найденъ лежащимъ въ дубравѣ подъ срубленнымъ деревомъ, покрытый его вѣтвями, едва дышащій, но безъ ранъ. Такое переряживаніе могло быть только изъ трусости, съ цѣлью подставить на мѣсто себя другого, во избѣжаніе опасности, грозившей великому князю, котораго черное знамя и особая одежда издали отличали отъ другихъ: естественно врагамъ было всего желательнѣе убить его, чтобы лишить войско главнаго предводителя. Если принимать это сказаніе, то надобно будетъ допустить, что Димитрій перерядился въ простого воина подъ предлогомъ биться съ татарами заурядъ съ другими, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы скрыться отъ битвы въ лѣсъ. Судя по поведенію Димитрія во время случившагося позже нашествія татаръ на Москву, можно было бы допустить вѣроятіе такого разсказа; но слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ той же повѣсти говорится, что русскіе гнали татаръ до рѣки Мечи и начали искать великаго князя уже возвратившись съ погони. Искали его долго, наконецъ нашли лежащимъ подъ вѣтвями срубленнаго дерева. Отъ мѣста побоища до рѣки Мечи верстъ тридцать слишкомъ; неужели, пока русскіе гнали татаръ до Мечи и возвращались оттуда (вѣроятно возвращались они медленно вслѣдствіе усталости и обремененные добычей), Димитрій, не будучи раненымъ, все это время пролежалъ подъ „срубленнымъ деревомъ"? Очевидная не-

ропивши своихъ убитыхъ, великій князь съ своимъ ополченіемъ не преслѣдовалъ болѣе разбитаго врага, а вернулся съ торжествомъ въ Москву и хотѣлъ немедленно послать войско въ Рязанскую землю, чтобы разорить ее за измѣну Олега; но рязанцы пріѣхали къ нему съ поклономъ, извѣщали, что князь ихъ бѣжалъ и изъявляли желаніе быть въ послушаніи у московскаго князя. Димитрій отправилъ къ нимъ своихъ намѣстниковъ.

Мамай бѣжавши въ свои степи, столкнулся тамъ съ новымъ врагомъ: то былъ Тохтамышъ, ханъ заяицкой Орды, потомокъ Батыя. Онъ шелъ отнимать у Мамая престолъ волжской Орды, какъ похищенное достояніе батыевыхъ потомковъ. Союзникъ Мамая, Ягелло, не поспѣвши въ-пору помогать ему противъ Димитрія, услыхалъ о куликовскомъ пораженіи, поспѣшно вернулся въ Литву и оставилъ Мамая на произволъ судьбы. Тохтамышъ разбилъ Мамая на берегахъ Калки и объявилъ себя владѣтелемъ волжской Орды. Мамай бѣжалъ въ Кафу (нынѣшняя Ѳеодосія, на восточномъ берегу Крыма) и тамъ былъ убитъ генуэзцами.

Тохтамышъ, воцарившись въ Сараѣ, отправилъ дружелюбное посольство къ Димитрію объявить, что общаго врага ихъ нѣтъ болѣе и что онъ, Тохтамышъ, теперь владыка кипчакской Орды и всѣхъ подвластныхъ ей странъ. Димитрій отпустилъ этихъ пословъ съ большою честью и дарами; но не изъявлялъ знаковъ рабской покорности. На другой годъ Тохтамышъ отправилъ ко всѣмъ русскимъ князьямъ царевича Акхозю съ требованіемъ покорности и дани; Акхозя, доѣхавши до Нижняго, не посмѣлъ ѣхать въ Москву. Это показываетъ, что въ Москвѣ считали дѣло съ Ордою поконченнымъ и не боялись ея, но между тѣмъ тамъ, по сокрушеніи Мамая, не брали никакихъ мѣръ ни къ дальнѣйшему истребленію, ни даже къ собственной оборонѣ.

Въ слѣдующемъ 1382 году Тохтамышъ двинулся наказывать Русь за попытку освободиться отъ татаръ. Онъ началъ съ того, что послалъ слугъ своихъ въ Болгары, приказалъ ограбить тамъ русскихъ купцовъ и задержать, чтобы они не дали вѣсти въ Москву, а суда ихъ привести къ себѣ на перевозъ. Переправившись черезъ Волгу, Тохтамышъ намѣревался сдѣлать такой быстрый набѣгъ, чтобы захватить Москву врасплохъ; по всему видно, онъ принялъ въ соображеніе оплошность русскихъ, слишкомъ возгордившихся своими побѣдами. Путь татаръ шелъ къ Рязанской землѣ; князь суздальскій, чтобы избавить свою Ниже-

---

лѣпость! Разсказъ о переряживаніи, какъ и о лежаніи подъ деревомъ есть чистый вымыселъ.

городскую землю отъ разоренія, отправилъ къ Тохтамышу двухъ сыновей своихъ, Василія и Семена—изъявить покорность; но Тохтамышъ не позволялъ своимъ татарамъ тратить время на обычныя разоренія по пути и такъ спѣшилъ, что нижегородскіе князья съ трудомъ успѣли догнать его. На границахъ Рязанской земли встрѣтилъ Тохтамыша рязанскій князь Олегъ, билъ ему челомъ и изъявлялъ готовность вести татарское войско, указывать ему пути и переправы: онъ увѣрялъ, что есть полная возможность взять Москву и захватить въ ней Димитрія. Ставши проводникомъ у татаръ, Олегъ намѣренно повелъ ихъ такъ, чтобы миновать Рязанскую землю; онъ навелъ ихъ на Серпуховъ, который былъ истребленъ.

Вѣсть о походѣ Тохтамыша, хотя поздно, но все-таки дошла къ Димитрію прежде, чѣмъ татары приблизились къ Москвѣ. Димитрій съ воеводами и ратью выѣхалъ изъ столицы, соединился съ нѣкоторыми князьями и совѣщался, какъ имъ отражать врага.

Внезапность нашествія произвела такое впечатлѣніе, что князья, воеводы и бояре совсѣмъ потеряли голову. Между ними началась рознь, взаимное недовѣріе; великій князь убоялся идти на встрѣчу хану, поворотилъ назадъ и, покинувши Москву на произволъ судьбы, бѣжалъ въ Переяславль, оттуда въ Ростовъ, а оттуда въ Кострому.

Отправленный Димитріемъ въ Царьградъ для посвященія въ митрополиты, Митяй утонулъ на пути, а одинъ изъ его спутниковъ, Пименъ, составивъ подложную грамоту отъ имени великаго князя, былъ посвященъ цареградскимъ патріархомъ, но по прибытіи въ Москву подвергся гнѣву Димитрія и былъ сосланъ въ Чухлому. Тогда великій князь пригласилъ въ Москву Кипріана и призналъ его первосвятителемъ: это было въ 1381 году. Теперь, во время нашествія татаръ, этотъ митрополитъ оставался въ Москвѣ. Кипріанъ былъ чужеземецъ, не могъ имѣть на народъ такого вліянія, какое оказалъ бы митрополитъ русскій по происхожденію, да и самъ Кипріанъ былъ чуждъ національныхъ русскихъ интересовъ и думалъ прежде всего о себѣ. Когда дошла вѣсть въ Москву, что великій князь убѣжалъ, народъ пришелъ въ ужасъ и смятеніе. Грозный врагъ не сегодня-завтра долженъ появиться, а въ столицѣ не было ни князя, ни воеводъ. Одни кричали, что надобно затвориться въ Кремлѣ, другіе хотѣли бѣжать. Зазвонили во всѣ колокола на вѣче. Поднялся вопль. Народъ кричалъ: затворять ворота и не пускать никого изъ города. Митрополитъ и бояре бросились первые изъ города;

ихъ выпустили, но ограбили, а когда за ними стали убѣгать другіе, то ворота затворили; одни стали у воротъ съ рогатинами и обнаженными саблями, угрожали бить бѣгущихъ, а другіе метали на нихъ камни со стѣнъ. Наконецъ, это смятеніе нѣсколько утишилъ пріѣхавшій въ Москву князь Остѣй, Ольгердовъ внукъ. Онъ убѣдилъ москвичей выпустить часть народа, и затворился въ Кремлѣ съ тѣми, которые рѣшились остаться; бояре, купцы суконники и сурожане сносили въ Кремль свои товары; кромѣ москвичей, въ городъ набѣжалъ народъ изъ окрестностей: всѣ надѣялись на крѣпость каменныхъ стѣнъ и спѣшили въ Кремль съ своими пожитками; женщины съ дѣтьми толпами бѣжали туда же. По позднѣйшимъ спискамъ лѣтописи, сами москвичи сожгли тогда посадъ около Кремля.

23-го августа, въ понедѣльникъ, подъѣхали передовые татарскіе конники къ кремлевскимъ стѣнамъ. Москвичи смотрѣли на нихъ со стѣнъ: „Здѣсь ли великій князь Димитрій?“ спрашивали татары. Имъ отвѣчали: „Нѣтъ“. Татары объѣхали кругомъ Кремля, осматривали рвы, стѣны, бойницы, заборолы, ворота. Въ городѣ благочестивые люди молились Богу, налагали на себя постъ, каялись во грѣхахъ, причащались Св. Таинъ, а удалые молодцы вытаскивали изъ боярскихъ погребовъ меды, доставали изъ боярскихъ кладовыхъ дорогіе сосуды и напивались изъ нихъ для бодрости: „Что намъ татары?—говорили они во хмѣлю:—не боимся поганыхъ; у насъ городъ крѣпокъ, стѣны каменныя, ворота желѣзныя. Не долго простоятъ подъ городомъ! Страхъ на нихъ найдетъ съ двухъ сторонъ: изъ города мы ихъ будемъ бить, а сзади князья наши на нихъ устремятся“.

Пьяные взлѣзали на стѣны, кричали на татаръ, ругали, плевали и всячески оскорбляли ихъ и ихъ царя, а раздраженные татары махали на нихъ саблями, показывая видъ, какъ будутъ рубить ихъ. Москвичи расхрабрились такъ, думая, что татаръ всего столько и пришло, сколько они ихъ видѣли подъ стѣнами. Но къ вечеру появилась вся ордынская громада съ ихъ царемъ, и тутъ многіе храбрецы пришли въ ужасъ. Началась перестрѣлка; стрѣлы изобильно летали съ обѣихъ сторонъ, словно дождь. Татарскіе стрѣлки были искуснѣе русскихъ: наѣздники на своихъ легкихъ коняхъ скакали взадъ и впередъ, то приближались къ стѣнамъ, то удалялись отъ нихъ, на всемъ скаку пускали стрѣлы въ стоявшихъ на стѣнахъ москвичей и не дѣлали промаха; много русскихъ на заборолахъ падало отъ стрѣлъ татарскихъ. Другіе татары тащили лѣстницы, приставляли къ стѣ-

намъ и лѣзли на стѣны; москвичи обдавали ихъ кипяткомъ, бросали на нихъ каменья, бревна, поражали самострѣлами. Одинъ москвичъ суконникъ, по имени Адамъ, запримѣтивъ татарина, знатнаго по виду, ударилъ его изъ самострѣла стрѣлою прямо въ сердце. Этотъ татаринъ былъ сынъ одного мурзы, любимецъ хана. Смерть его нанесла большую скорбь Тохтамышу. Три дня повторяли татары свои приступы; граждане упорно отбивали ихъ. Наконецъ, Тохтамышъ сообразилъ, что не взять ему Кремля силою; онъ порѣшилъ взять его коварствомъ. На четвертый день въ полдень подъѣхали къ стѣнамъ знатнѣйшіе мурзы и просили слова. Съ ними стояли двое сыновей суздальскаго князя, шурья великаго князя. Мурзы сказали: „Царь нашъ пришелъ показнить своего холопа Димитрія, а онъ убѣжалъ; приказалъ вамъ царь сказать, что онъ не пришелъ разорять своего улуса, а хочетъ соблюсти его, и ничего отъ васъ не требуетъ,—только выйдите къ нему съ честью и дарами. Отворите городъ; царь васъ пожалуетъ!“ Суздальскіе князья говорили: „Намъ повѣрьте: мы ваши христіанскіе князья; мы ручаемся за то, что это правда“. Москвичи положились на слово русскихъ князей, отворили ворота и вышли мѣрнымъ ходомъ; впереди князь Остѣй, за нимъ несли дары, потомъ шли духовные въ облаченіи, съ иконами и крестами, а за ними бояре и народъ. Татары, давши москвичамъ выдти изъ воротъ, бросились на нихъ и начали рубить саблями безъ разбора. Прежде всѣхъ палъ Остѣй. Духовные, умирая, выпускали изъ рукъ кресты и иконы: татары топтали ихъ ногами. Истребляя кого попало направо и налѣво, ворвались они въ средину Кремля: одни черезъ ворота, другіе по лѣстницамъ черезъ стѣны. Несчастные москвичи, мужчины, женщины, дѣти метались въ безпамятствѣ туда и сюда; напрасно думали они избавиться отъ смерти; множество ихъ искало спасенія въ церквахъ, но татары разбивали церковныя двери, врывались въ храмъ и истребляли всѣхъ отъ мала до велика. По извѣстію лѣтописца, рѣзня продолжалась до тѣхъ поръ, пока у татаръ не утомились плечи, не иступились сабли. Всѣ церковныя сокровища, великокняжеская казна, боярское имущество, купеческіе товары—все было ограблено. Тогда истреблено множество книгъ, снесенныхъ со всего города въ соборныя церкви; вѣроятно, въ это время погибло безвозвратно много памятниковъ древней литературы, которые представили бы намъ въ гораздо болѣе ясномъ свѣтѣ нашу прошедшую духовную жизнь, если бы уцѣлѣли до нашего времени. Наконецъ, городъ былъ зажженъ. Огонь истреблялъ тѣхъ немногихъ, которые успѣли избѣ-

жать татарскаго меча. Такъ покаравши Москву, татары отступили отъ нея.

Страшное зрѣлище представляла теперь русская столица, недавно еще многолюдная и богатая. Не было въ ней ни одной живой души; кучи труповъ лежали повсюду на улицахъ среди обгорѣлыхъ бревенъ и пепла, и растворенныя церкви были завалены тѣлами убитыхъ.

Некому было ни отпѣвать мертвыхъ, ни оплакивать ихъ, ни звонить по нимъ.

Татары разсѣялись и по другимъ городамъ: одни разоряли волости Звенигорода, Юрьева, другіе шли къ Дмитрову, иные къ Волоку и Можайску; полчище татарское сожгло Переяславль; жители, покинувши свой городъ, спаслись въ судахъ посреди озера. Повсюду татары убивали людей или гнали ихъ толпами въ плѣнъ. Припомнились давно забытыя времена Батыя, съ тою разницею, что въ батыевщину русскіе князья умирали съ своимъ народомъ, а теперь глава Руси сидѣлъ, запершись въ Костромѣ съ своею семьею; другіе князья или также прятались, или спѣшили раболѣпствомъ получить пощаду у разгнѣваннаго владыки. Только одинъ Владиміръ Андреевичъ не измѣнилъ себѣ: выѣхавши изъ Волока, ударилъ онъ на татарскій отрядъ, разбилъ его наголову и взялъ много плѣнниковъ. Этотъ подвигъ такъ подѣйствовалъ на хана, что онъ началъ отступать назадъ къ Рязанской землѣ, опасаясь, чтобы русскіе, собравшись съ силами, не ударили на него: вотъ доказательство, что это нашествіе не имѣло бы такого печальнаго исхода для Москвы и всей Руси, если бы русскіе не были такъ оплошны, и великій князь своимъ постыднымъ бѣгствомъ не предалъ своего народа на растерзаніе варварамъ. Татары, возвращаясь въ Орду черезъ Рязанскую землю, не пощадили владѣній своего союзника, разорили ихъ и увели изъ Рязанской земли много плѣнныхъ. Олегъ бѣжалъ.

Димитрій вмѣстѣ съ Владиміромъ Андреевичемъ, прибывши въ Москву, тотчасъ занялся погребеніемъ мертвыхъ, чтобы предупредить заразу. Онъ давалъ отъ восьмидесяти погребенныхъ тѣлъ по рублю и пришлось ему заплатить 300 рублей. Этотъ счетъ показываетъ, что въ Кремлѣ погибло отъ татарскаго меча 24,000 человѣкъ, не считая сгорѣвшихъ и утонувшихъ. Потомъ мало-по-малу начали собираться остатки населенія и отстраивать сожженный городъ. Тогда, за невозможностью мстить татарамъ, Димитрій обратилъ мщеніе на Рязанскую землю: московская рать вступила въ эту землю и въ конецъ разорила ее безъ всякаго милосердія, хуже татаръ. Олега въ ней не было.

Купріанъ былъ вызванъ изъ Твери. Онъ явился 7 октября; великій князь Димитрій укорялъ митрополита за малодушное бѣгство, хотя самъ былъ виновенъ въ этомъ болѣе Купріана. Прежняя ненависть великаго князя къ этому митрополиту возобновилась не столько оттого, что Купріанъ бѣжалъ, какъ оттого, что онъ бѣжалъ именно въ Тверь къ заклятому врагу Димитрія. Купріанъ покинулъ Москву и уѣхалъ въ Кіевъ, а Димитрій позвалъ на русскую митрополію сосланнаго Пимена; но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, не взлюбивши опять Пимена, отправилъ для посвященія въ митрополиты епископа суздальскаго Діонисія и вмѣстѣ съ нимъ послалъ просьбу о низложеніи Пимена. Здѣсь въ первый разъ является произволъ великаго московскаго князя въ духовныхъ дѣлахъ. Онъ, какъ самовластный государь, считаетъ себя въ-правѣ выбирать себѣ по нраву кандидатовъ въ митрополиты, отправлять въ заточеніе, возводить ихъ на каѳедру снова, когда захочетъ почтить своей милостью, и опять подвергать опалѣ.

Князья русскіе, напуганные страшною карою надъ Москвою, одинъ за другимъ ѣздили въ Орду кланяться хану. Надежда на свободу блеснула для русскихъ на короткое время и была уничтожена малодушіемъ Димитрія. Ханъ, уходя изъ Москвы, задержалъ при себѣ одного изъ сыновей суздальскаго князя, Василія, а другого отправилъ къ отцу; онъ, какъ видно, не довѣрялъ покорности Димитріева тестя и потому счелъ нужнымъ взять къ себѣ его сына въ заложники. Димитрій Константиновичъ, чтобъ показать свою покорность, по веснѣ отправилъ Симеона къ хану съ поклономъ и дарами. Туда же поѣхалъ сынъ Бориса городецкаго, Иванъ, а за нимъ поѣхалъ и отецъ его, Борисъ, и выпросилъ себѣ нижегородское княженіе послѣ скончавшагося въ это время Димитрія Константиновича (1383). Затѣмъ Михаилъ Александровичъ тверской съ сыномъ Александромъ отправился въ Орду окольною дорогою, чтобы не попасться въ руки Димитрія: онъ надѣялся вновь выпросить себѣ великое княженіе. Но Димитрій весною отправилъ къ хану сына своего Василія. Василій былъ удержанъ въ Ордѣ заложникомъ вѣрности и восьми тысячъ рублей долга, насчитаннаго на Димитрія. Московскій князь такъ усердно унижался тогда передъ ханомъ, что Тохтамышъ объявилъ ему свою царскую милость, но въ наказаніе наложилъ на его владѣнія тяжелую дань въ такомъ большомъ размѣрѣ, что со всякой деревни приходилось платить по полтинѣ, а въ тѣ времена деревня состояла изъ двухъ дворовъ, а иногда изъ одного. Городамъ приходилось давать золото. Но этого было

мало; по-прежнему стали шататься на Руси ханскіе послы и безчинствовать надъ жителями. Уступчивость московскаго князя была причиною, что тверской князь, несмотря на всѣ свои старанія, не могъ добиться великаго княженія. „Я свои улусы самъ знаю—сказалъ ему ханъ:—каждый князь русскій пусть служитъ мнѣ по старинѣ, а что мой улусникъ провинился предо мною, такъ я его поустрашилъ, а теперь онъ мнѣ служитъ правдою". Тохтамышъ никому не хотѣлъ давать потачки и не довѣрялъ тверскому князю, несмотря на всѣ его поклоны; отпустивши его въ Тверь, онъ удержалъ въ Ордѣ сына его Александра. Должно быть, Тохтамышъ разсчиталъ, что Димитрій, заявившій себя такимъ малодушнымъ трусомъ во время нашествія татарскаго хана на Москву, управляя разоренною землею, менѣе представлялъ опасности, чѣмъ предпріимчивый и упрямый тверской князь. Черезъ нѣсколько лѣтъ (въ 1385 году) сынъ Димитрія Донского, Василій, убѣжалъ изъ Орды, пробрался въ Молдавію, а оттуда въ Литву. Но не такъ удалась попытка Василія, сына суздальскаго князя: онъ былъ пойманъ татарами, приведенъ въ Орду и тамъ, по выраженію лѣтописца, „принялъ большую истому".

Вражда московскаго князя съ Олегомъ прекратилась въ 1385 году. Поводомъ къ уступчивости со стороны Димитрія было то, что Олегъ, овладѣвши снова Рязанскою землею, взялъ Коломну, и посланная противъ него московская рать ничего не могла съ нимъ сдѣлать. Миръ былъ заключенъ при посредствѣ преподобнаго Сергія. Въ утвержденіе этого мира, названнаго „вѣчнымъ", сынъ Олега Ѳедоръ женился на дочери Димитрія. Лѣтописцы наши постоянно рисуютъ этого Олега самыми черными красками и надѣляютъ его всякими ругательствами, но, разсуждая безпристрастно, мы должны признать, что этотъ князь былъ ничѣмъ не хуже другихъ. Онъ скорѣе былъ несчастенъ, чѣмъ преступенъ передъ судомъ исторіи. Ни одна русская земля въ то время не терпѣла столько разореній какъ Рязанская. Ее, какъ мы видѣли, безпрестанно опустошали то татары, то москвичи. Олегу приходилось избирать изъ двухъ золъ меньшее. Послѣ того, какъ Рязанскую землю разорили татары за пораженіе при Вожѣ, нанесенное имъ москвичами, Олегъ присталъ къ Мамаю поневолѣ, потому что иначе, прежде чѣмъ бы пришли къ нему на помощь русскіе изъ другихъ земель, онъ бы принужденъ былъ съ однѣми силами своей земли выдерживать напоръ всей Мамаевой Орды. То же повторилось и съ Тохтамышемъ. Заботливость, съ какою Олегъ удалилъ отъ своей земли татаръ во

время этого нашествія, показываетъ его любовь къ своимъ подвластнымъ. За то и рязанцы любили его.

Татарское разореніе Москвы и обязанность платить тяжелую дань естественно довели казну великаго князя до скудости, и Димитрій задумалъ поправить ее насчетъ Новгорода. Были благовидныя причины напасть на новгородцевъ. Въ послѣднее время сильно разгулялась новгородская вольница: ушкуйники два раза ограбили Кострому, нападали на Ярославль, на Нижній, на Вятку, и не только поживлялись чужимъ добромъ, но хватали людей и продавали въ неволю восточнымъ купцамъ. Эти поступки возбуждали вездѣ по Руси негодованіе и потому-то подъ знаменами великаго князя съ охотою стали противъ Новгорода рати 29-ти городовъ; даже изъ волостей новгородскихъ: Торжка, Бѣжичей, Вологды были рати съ Димитріемъ и только большіе люди новоторжскіе, вѣроятно и изъ другихъ волостей), оставались вѣрны Новгороду и убѣгали въ Новгородъ. Походъ предпринятъ былъ зимою передъ праздникомъ Рождества Христова въ 1386 году. Великій князь двинулся со всѣми своими ратями, на пути сожигая и разоряя села Новгородской земли. Новгородцы выслали къ нему своихъ пословъ просить мира. Димитрій не хотѣлъ ихъ слушать, шелъ далѣе и въ началѣ января 1387 года расположился за пятнадцать верстъ отъ Новгорода. Новгородцы въ отчаяніи зажгли около города посады. Сгорѣло 24 монастыря. Самый городъ наскоро укрѣпили острогомъ по земляному валу. Новгородцы еще разъ послали къ великому князю посольство съ владыкою Алексіемъ. „Господинъ князь,—говорилъ Алексій—я тебя благословляю, Великій Новгородъ бьетъ тебѣ челомъ: пусть не будетъ кровопролитія между нами, а за вину людей своихъ, что ходили на Волгу, Новгородъ заплатитъ тебѣ 8,000 рублей“. Димитрій не принялъ просьбы, грозилъ идти далѣе и взять Новгородъ. Страшный переполохъ произошелъ тогда въ Новгородѣ, когда прибылъ туда владыка съ такимъ извѣстіемъ. Всѣ рѣшились защищаться до послѣдняго. Въ Новгородѣ начальствовалъ тогда призванный новгородцами на княженіе литовскій князь Патрикій Наримонтовичъ (племянникъ Ольгерда). 10 января разнесся слухъ, что великій князь приблизился къ Жилотугу (одному изъ протоковъ Волхова на восточной сторонѣ города). Всѣ годные къ войнѣ, и пѣшіе, и конные, бросились за городъ, а между тѣмъ, еще разъ послали къ Димитрію двухъ архимандритовъ, семь поповъ и пять человѣкъ житьихъ людей отъ пяти концовъ города. Димитрій, разсудивши, что его упорство доведетъ Новгородъ до отчаянія, пересталъ ломаться и согласился на миръ. Новгородъ

положилъ заплатить 8,000 рублей, изъ которыхъ 3,000 отсчитали тотчасъ же, а остальные предоставили великому князю взять съ Заволочья (Двинская земля), потому что заволочане также участвовали въ поволжскихъ разбояхъ, и посылали туда своихъ новгородскихъ бояръ для собиранія этихъ денегъ. Это была пеня за разбой, но, кромѣ того, великій князь выговорилъ для себя еще и „черный боръ“ (каждогодную подать съ черныхъ людей, собираемую великокняжескими намѣстниками черезъ особыхъ чиновниковъ, называемыхъ „черноборцами“). Заключивши миръ на такихъ условіяхъ, великій князь повернулъ назадъ, но посѣщеніе его тяжело отозвалось на всей Новгородской землѣ: много мужчинъ, женщинъ и дѣтей увели москвичи въ неволю; много ограбленныхъ ратными людьми и выгнанныхъ изъ своихъ пепелищъ новгородцевъ погибло отъ стужи.

Тогда какъ Москва прикрѣпляла къ себѣ Новгородъ наложеніемъ на него дани, на западѣ отнимали у Москвы власть надъ Смоленскомъ. Въ Литвѣ произошелъ важный переворотъ: сынъ Ольгерда, литовскій великій князь Ягелло, въ 1386 году женился на польской королевѣ Ядвигѣ, принялъ католичество, крестилъ въ римско-католическую вѣру своихъ языческихъ литовскихъ подданныхъ и сдѣлался главою какъ Польши, такъ и всей Литвы и Западной Руси съ ея удѣльными князьями. Съ этихъ поръ начинается постепенно соединеніе Великаго Княжества Литовскаго съ Польшею и распространеніе католичества въ Западной Руси въ ущербъ православію. Подручникъ Ягелла, братъ его Скыргайло, человѣкъ свирѣпый, получивши отъ Ягелла право на Полоцкъ, схватилъ находившагося тамъ князя Андрея Ольгердовича, и убилъ сына его; тогда другъ Андрея, Святославъ, смоленскій князь, сталъ мстить за Андрея и производилъ жестокія разоренія въ Литвѣ, но потомъ былъ разбитъ Скыргайломъ и его братьями и палъ въ битвѣ. Побѣдители хотя и дали княженіе въ Смоленской землѣ сыну Святослава Юрію, но съ тѣмъ, чтобы онъ былъ подручникомъ Ягелла. Это было предвѣстіемъ дальнѣйшаго покоренія Смоленска: оно совершилось уже по смерти Димитрія (въ 1404 году), когда великій князь литовскій Витовтъ Кейстутовичъ прогналъ князя Юрія и посадилъ въ Смоленскѣ своихъ намѣстниковъ. (При Димитріѣ Смоленскъ съ своею землею нѣсколько времени признавалъ первенство Москвы, но со вступленіемъ на княженіе Василія Москва надолго лишилась его).

Димитрій скончался 19 мая 1389 года, на сороковомъ году отъ рожденія. Онъ оставилъ великимъ княземъ сына Василія,

надѣлилъ другихъ сыновей удѣлами и обязалъ ихъ находиться подъ рукой старѣйшаго брата, великаго князя.

Княженіе Димитрія Донского принадлежитъ къ самымъ несчастнымъ и печальнымъ эпохамъ исторіи многострадальнаго русскаго народа. Безпрестанныя разоренія и опустошенія, то отъ внѣшнихъ враговъ, то отъ внутреннихъ усобицъ, слѣдовали одни за другими въ громадныхъ размѣрахъ. Московская земля, не считая мелкихъ разореній,была два раза опустошена литовцами, а потомъ потерпѣла нашествіе Орды Тохтамыша; Рязанская — страдала два раза отъ татаръ, два раза отъ москвичей и была приведена въ крайнее разореніе; Тверскую — нѣсколько разъ разоряли москвичи; Смоленская — терпѣла и отъ москвичей, и отъ литовцевъ; Новгородская — понесла разореніе отъ тверичей и москвичей. Къ этому присоединялись физическія бѣдствія. Страшная зараза, отъ которой Русская земля страдала въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ XIV вѣка наравнѣ со всею Европою, повторялась и въ княженіе Димитрія съ большою силою въ разныхъ мѣстахъ Руси. Въ 1363—64 годахъ она поражала Нижній Новгородъ съ его волостью, потомъ Переяславль, Владиміръ, Тверь, Суздаль, Дмитровъ, Ростовъ, Можайскъ, Волокъ и другіе города. Изъ описаній признаковъ, сопровождавшихъ смерть пораженныхъ заразою, видно, что въ тѣ времена свирѣпствовало разомъ нѣсколько эпидемическихъ болѣзней. У однихъ больныхъ дѣлалась опухоль железъ на разныхъ частяхъ тѣла; у другихъ являлось кровохарканье; третьи чувствовали сперва жаръ, потомъ знобъ. Смерть постигала больного обыкновенно въ теченіе одного или двухъ дней болѣзни; рѣдкіе доживали до третьяго дня. Живые не успѣвали хоронить мертвыхъ. Въ одну могилу приходилось сваливать по сту и полтораста труповъ. Въ Бѣлозерскѣ вымерли всѣ жители; земля опустѣла. Подобное бѣдствіе повторялось и въ другіе годы. Въ 1387 году, въ Смоленскѣ, — если только вѣрить разсказу лѣтописи, вѣроятно преувеличенному, — былъ такой сильный моръ, что осталось всего пять человѣкъ, которые вышли изъ города и затворили за собою ворота. Вслѣдъ затѣмъ моръ поразилъ Псковъ, а потомъ Новгородъ. Къ заразѣ присоединялись неоднократныя засухи, какъ, напримѣръ, въ 1365, 1371 и 1373 г., которыя влекли за собою голодъ и, наконецъ, пожары—обычное явленіе на Руси. Если мы примемъ во вниманіе эти бѣдствія, соединявшіяся съ частыми разореніями жителей отъ войнъ, то должны представить себѣ тогдашнюю Восточную Русь страною малолюдною и обнищалою. Самъ Димитрій

не былъ княземъ, способнымъ мудростью правленія облегчить тяжелую судьбу народа; дѣйствовалъ ли онъ отъ себя или по внушеніямъ бояръ своихъ, — въ его дѣйствіяхъ видѣнъ рядъ промаховъ. Слѣдуя задачѣ подчинить Москвѣ русскія земли, онъ не только не умѣлъ достигать своихъ цѣлей, но даже упускалъ изъ рукъ то, что ему доставляли сами обстоятельства; онъ не уничтожилъ силы и самостоятельности Твери и Рязани, не умѣлъ и поладить съ ними такъ, чтобъ онѣ были за-одно съ Москвою для общихъ русскихъ цѣлей; Димитрій только раздражалъ ихъ и подвергалъ напрасному разоренію ни въ чемъ неповинныхъ жителей этихъ земель; раздражилъ Орду, но не воспользовался ея временнымъ разореніемъ, не предпринялъ мѣръ къ оборонѣ противъ опасности; и послѣдствіемъ всей его дѣятельности было то, что разоренная Русь опять должна была ползать и унижаться передъ издыхающей Ордой.

XII.

СОЛОВЕЦКІЕ ЧУДОТВОРЦЫ САВВАТІЙ И ЗОСИМА.

Стремленіе къ основанію новыхъ монастырей путемъ отшельничества направилось въ XV столѣтіи на крайній сѣверъ. Обители возникали за обителями, передавая въ грядущія поколѣнія память о святости и подвигахъ своихъ основателей. Но ни одна изъ обителей того времени не достигла такого важнаго значенія для русскаго народа, какъ Соловецкая. Основаніе ея относится къ половинѣ XV вѣка.

На сѣверѣ Руси, при немноголюдномъ и разсѣянномъ населеніи, возникъ обычай въ нѣкоторыхъ деревняхъ строить деревянныя часовни съ образами, гдѣ народъ молился за неимѣніемъ церквей. Иногда въ такую часовню пріѣзжалъ издалека священникъ или іеромонахъ съ святыми дарами, исповѣдывалъ и причащалъ народъ. Близъ такой часовни обыкновенно проживалъ какой-нибудь благочестивый старецъ, внушавшій къ себѣ уваженіе своимъ постничествомъ и благочестіемъ. У одной изъ такихъ часовенъ при устьѣ рѣки Выга, на мѣстѣ, называемомъ Сороки, жилъ старецъ по имени Германъ, который прежде бывалъ на Бѣломъ морѣ и зналъ Соловецкій островъ или Соловки, куда жители поморья пріѣзжали лѣтомъ ловить рыбу. Къ этому старцу, послѣ многихъ лѣтъ его уединенной жизни, прибылъ другой старецъ. Назывался онъ Савватій. Происхожденіе его неизвѣстно. Онъ давно уже постригся въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, но недовольный житіемъ тамошнихъ монаховъ, ушелъ на каменистый островъ на Ладожскомъ озерѣ, гдѣ существовала уже Валаамская обитель, въ которой иноки отличались чрезвычайнымъ постничествомъ и терпѣніемъ въ лишеніяхъ. Савватій пожилъ тамъ нѣсколько времени и задумалъ, по примѣру многихъ подвижни-

ковъ, уйти въ совершенное уединеніе и вести „безмолвное“ житіе. Онъ направился къ сѣверу и сошелся съ Германомъ. Узнавши отъ него о Соловецкомъ островѣ, онъ подалъ ему мысль идти вдвоемъ на отшельническій подвигъ. Старцы отправились туда на лодкѣ и достигши Соловецкаго острова, построили себѣ хижину на версту отъ моря, близъ озера, богатаго рыбою. До тѣхъ поръ на Соловки только наѣзжали временно рыбаки, но теперь два семейства съ поморья близъ Кеми, узнавши, что на Соловкахъ поселились постоянные обитатели, вздумали основаться рядомъ съ отшельниками близъ озера. Это было не по душѣ старцамъ и впослѣдствіи сложился такой разсказъ: одинъ разъ въ воскресенье, Савватій вмѣстѣ съ Германомъ отправлялъ всенощную и вышелъ покадить крестъ, который они воздвигли близъ озера. Вдругъ услышалъ онъ женскій вопль, сказалъ Герману, а Германъ, пошедши по голосу, увидѣлъ плачущую женщину. Это была жена одного изъ поселившихся на островѣ рыбаковъ. „Мнѣ—говорила она—встрѣтились двое свѣтлыхъ юношей и сказали: сойдите съ этого мѣста. Богъ устроилъ его для иноческаго житія, для прославленія имени Божьяго. Бѣгите отсюда, а не то—смерть васъ постигнетъ“. Послѣ этого рыбаки удалились съ острова и уже никто не осмѣливался заводить поселенія на Соловкахъ. Чрезъ нѣсколько времени, однако, старцы оставили Соловецкій островъ одинъ за другимъ. Сначала Германъ отошелъ на рѣку Онегу, а потомъ Савватій отправился на устье Выга къ часовнѣ, куда въ это время прибылъ одинъ игуменъ, ѣздившій съ святыми дарами по деревнямъ. Савватій причастился св. Таинъ и на другой день скончался. Причастившій его игуменъ и какой-то новгородецъ Иванъ, ѣздившій по торговымъ дѣламъ и случайно попавшій сюда, похоронили его.

Между тѣмъ, Германъ перешелъ на устье рѣки Сумы и тамъ поселился. Туда пришелъ къ нему новый подвижникъ. Это былъ Зосима, сынъ богатыхъ земцевъ (собственники земельныхъ участковъ) Гаврила и Маріи, изъ селенія Толвуй, на берегу Онежскаго озера. Будучи еще молодымъ, онъ лишился родителей и роздалъ нищимъ все свое имѣніе, а самъ обрекъ себя на пустынное житье. Скитаясь по сѣвернымъ странамъ, онъ нашелъ Германа, и услышавши отъ него о Соловецкомъ островѣ, уговорилъ его опять идти съ нимъ туда. Они обходили островъ; у Зосима явилась мысль основать тутъ современемъ монастырь. Они выбрали мѣсто близъ озера, неподалеку отъ морского берега, построили келью, ловили рыбу и молились Богу. Мало-по-малу начали приходить къ нимъ еще такіе же труженики, строили

кельи и также занимались рыбною ловлею. Наконецъ, когда число ихъ увеличилось, они построили деревянную церковь во имя Преображенія Господня, отправили одного изъ своей среды въ Новгородъ къ архіепископу Іонѣ просить у него антиминсъ, церковную утварь для новой церкви, и просили назначить имъ игумена для обители. Зосима принялъ монашество. Двое игуменовъ, посланныхъ одинъ за другимъ изъ Новгорода, не ужились на пустынномъ островѣ. Потомъ, братія упросила Зосима принять игуменство. Онъ долго отрекался, наконецъ отправился въ Новгородъ и былъ рукоположенъ. Тогда многіе изъ новгородскихъ бояръ пожертвовали въ новый монастырь серебряные сосуды, богатыя церковныя ризы и съѣстные припасы. Вскорѣ монастырь началъ входить въ славу, именно потому, что былъ основанъ въ такомъ необитаемомъ мѣстѣ, которое казалось неприступнымъ. Въ монастырь стали стекаться богомольцы, давать вклады, а Зосима отличался гостепріимствомъ и этимъ еще болѣе привлекалъ посѣтителей. Черезъ нѣсколько времени сооружена была новая, болѣе пространная церковь Преображенія, а потомъ другая—Успенія. Вспомнили они тогда Савватія; Зосима слышалъ о немъ отъ Германа, но никто не зналъ, гдѣ онъ похороненъ, какъ неожиданно кирилло-бѣлозерскій игуменъ извѣстилъ ихъ объ этомъ, узнавши о кончинѣ Савватія отъ того новгородца Ивана, которому случилось похоронить преподобнаго. Самъ Зосима отправился на Выгъ, отрылъ тѣло Савватія и перевезъ въ Соловки. Говорили, что мощи св. Савватія не только оказались нетлѣнными, но источали изъ себя благовонное муро.

Монастырь не избѣгъ столкновеній; монастырь считалъ островъ, на которомъ находился, своимъ достояніемъ, а жители поморья, привыкшіе пріѣзжать временно на островъ для рыбной ловли, продолжали свои посѣщенія. Въ числѣ посѣтителей, оспаривавшихъ монастырское достояніе, были люди знаменитой посадницы Мароы Борецкой. Зосима самъ отправился въ Новгородъ хлопотать у вѣча о грамотѣ на прикосновенность владѣній острова, являлся по этому дѣлу къ владыкѣ и къ разнымъ важнѣйшимъ лицамъ. Когда онъ пришелъ къ боярынѣ Мароѣ жаловаться на ея людей, она не приняла его и велѣла прогнать. Тогда Зосима покачалъ головою и сказалъ сопровождавшимъ его ученикамъ: „Вотъ наступаютъ дни, когда на этомъ дворѣ исчезнетъ слѣдъ жителей его, и затворятся двери дома сего и уже никогда не отворятся, и будетъ дворъ этотъ пустъ“. Тѣмъ временемъ владыка выхлопоталъ ему грамоту на владѣніе островомъ за печатями: владыки,

посадника, тысячскаго и пяти концовъ Великаго Новгорода. Бояре щедро одарили соловецкаго игумена. Тогда раскаялась и Мароа: „Я напрасно на него гнѣвалась—сказала она:—мнѣ наговорили, что онъ мою отчину отнимаетъ“. Она послала просить прощенія у Зосима и умоляла прибыть къ ней въ домъ на обѣдъ. Преподобный согласился.

Мароа по этому поводу устроила пиръ и назвала гостей. Она встрѣчала преподобнаго съ большимъ уваженіемъ, принимала отъ него благословеніе вмѣстѣ съ сынами и дочерьми. Мароа посадила Зосима на первое мѣсто. Вдругъ, посреди пира, Зосима взглянулъ на шестерыхъ бояръ, сидѣвшихъ за столомъ, затрепеталъ и заплакалъ. Можно было понять, что онъ видѣлъ что-то страшное. Онъ болѣе не принималъ пищи. По окончаніи стола Мароа еще разъ просила у него прощенія, завѣщала ему молить Бога за нее и за дѣтей, поднесла ему дары и пожертвовала на монастырь свою деревню на рѣкѣ Сумѣ. Зосима простилъ Мароу, благодарилъ ее, но былъ очень грустенъ.

По выходѣ изъ дома Мароы, одинъ ученикъ, по имени Даніилъ, спросилъ его: „отче! чтó значитъ, что ты, взглянувши на бояръ, ужасался, плакалъ и не вкушалъ пищи?“

„Я видѣлъ страшное видѣніе — сказалъ Зосима. Шестеро этихъ бояръ сидѣли за трапезою, а головъ на нихъ не было; и въ другой разъ я взглянулъ на нихъ и то же увидѣлъ, и третій разъ взглянулъ—и все то же. Съ ними сбудется это въ свое время, ты самъ еще увидишь это, но никому не разглашай неизреченныхъ судебъ Божіихъ!“

Одинъ изъ обѣдавшихъ у Мароы бояръ, по имени Памфилій, пригласилъ Зосиму къ себѣ на другой день обѣдать. Онъ также замѣтилъ смущеніе Зосимы. Онъ спрашивалъ Зосиму о причинѣ. И ему открылъ преподобный тайну видѣнія. Памфилій принялъ иночество, убѣгая отъ бѣды, угрожавшей Великому Новгороду. Черезъ нѣсколько времени въ уединенную обитель Зосимы дошли страшныя вѣсти. Новгородцы, защищавшіе свою свободу, были поражены на Шелони; бояре, сидѣвшіе съ нимъ за столомъ у Мароы, были обезглавлены. Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Зосима, чуждый всего земного, ослабѣвалъ и уже заблаговременно сдѣлалъ себѣ гробъ; новая, еще страшнѣйшая вѣсть возмутила его покой: Великій Новгородъ лишился своей самостоятельности; его богатства были ограблены; владыка Ѳеофилъ былъ низложенъ; множество бояръ и житьихъ людей, лишившись своего достоянія, были взяты въ неволю и отправлены въ чужую землю. Въ числѣ ихъ отвезли изъ Новгорода въ оковахъ боярыню Мароу съ дѣтьми.

Пророчество Зосимы сбылось: запустѣлъ ея дворъ и пропалъ слѣдъ его обитателей.

Недолго пережилъ Зосима горе, постигшее Новгородъ въ началѣ 1478 года. Въ тотъ же годъ, 17 апрѣля, онъ скончался, завѣщавши братіи миръ и соблюденіе устава, назначивши послѣ себя игуменомъ одного изъ братіи, по имени Арсенія.

Зосима былъ погребенъ за алтаремъ церкви Преображенія, и гробъ его сдѣлался предметомъ поклоненія благочестивыхъ людей. Составилась цѣлая книга о чудесахъ Зосимы.

Монастырь его всегда имѣлъ важное значеніе въ исторіи. Онъ былъ распространителемъ христіанства между поморскими язычниками. Въ половинѣ XVI вѣка игуменъ Филиппъ Колычевъ, впослѣдствіи бывшій митрополитомъ при Иванѣ Грозномъ, построилъ въ Соловецкомъ монастырѣ каменныя зданія и своими стараніями привелъ хозяйство острова въ замѣчательно-цвѣтущее состояніе. При царѣ Ѳеодорѣ Соловецкій монастырь былъ обнесенъ крѣпкими каменными стѣнами и бойницами. При Алексѣѣ Михайловичѣ Соловецкій монастырь игралъ важную роль въ исторіи раскола: въ немъ старообрядцы долго защищались отъ царскихъ войскъ.

По своей отдаленности отъ средоточія государства, этотъ монастырь постоянно былъ мѣстомъ заключенія опальныхъ. Но, тѣмъ не менѣе, благодаря щедрости царей и частныхъ лицъ, Соловецкій монастырь всегда отличался богатствомъ и гостепріимствомъ къ многочисленнымъ богомольцамъ, стекавшимся въ него ежегодно со всѣхъ концовъ Россіи. Имена Савватія и Зосимы сдѣлались одними изъ особенно извѣстныхъ и уважаемыхъ всѣмъ русскимъ народомъ. Неизвѣстно почему, — въ народномъ благочестіи оба эти святые считаются покровителями пчеловодства.

XIII.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ И ГОСУДАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Эпоха великаго князя Ивана Висильевича составляетъ переломъ въ русской исторіи. Эта эпоха завершаетъ собою все, что̀ выработали условія предшествовавшихъ столѣтій, и открываетъ путь тому, что̀ должно было выработаться въ послѣдующія столѣтія. Съ этой эпохи начинается бытіе самостоятельнаго монархическаго русскаго государства.

По смерти Димитрія Донского великимъ княземъ былъ сынъ его Василій (1385 — 1425), который, насколько мы его понимаемъ, превосходилъ отца своего умомъ. При немъ значительно двинулось расширеніе московскихъ владѣній. Москва пріобрѣла земли: Суздальскую и Нижегородскую. Получивши отъ хана великое княженіе, Василій Димитріевичъ такъ поддѣлался къ нему въ милость, что получилъ еще отъ него Нижній Новгородъ, Городецъ, Мещеру, Турусу и Муромъ. Москвичи взяли Нижній измѣною: нижегородскій бояринъ Румянецъ предалъ своего князя Бориса Константиновича; Василій Димитріевичъ приказалъ взять подъ стражу этого князя, жену его и дѣтей; Нижній-Новгородъ навсегда присоединенъ былъ непосредственно къ московскимъ владѣніямъ. Племянники Бориса князья суздальскіе были изгнаны, и Суздаль также достался Василію. Впослѣдствіи, хотя суздальскіе князья помирились съ московскимъ великимъ княземъ и получили отъ него вотчины, но уже изъ рода въ родъ оставались московскими слугами, а не самобытными владѣтелями. Въ 1395 году случилось событіе, поднявшее правственное значеніе Москвы: по поводу ожидаемаго нашествія Тамерлана, которое, однако же, не состоялось, Василій Димитріевичъ приказалъ перенести изъ Владиміра въ Москву ту знаменитую икону, кото-

рую Андрей нѣкогда унесъ изъ Кіева въ свой любимый городъ Владиміръ; теперь эта икона служила освященіемъ первенства и величія Москвы надъ другими русскими городами.

По слѣдамъ своихъ предшественниковъ, Василій Димитріевичъ притѣснялъ Новгородъ, но не достигъ, однако, вполнѣ цѣли своихъ замысловъ. Два раза онъ покушался отнять у Новгорода его двинскія колоніи, пользуясь тѣмъ, что въ Двинской землѣ образовалась партія, предпочитавшая власть великаго московскаго князя власти Великаго Новгорода. Новгородцы счастливо отстояли свои колоніи, но поплатились за это не дешево: великій князь произвелъ опустошеніе въ Новгородской волости, приказалъ передушить новгородцевъ, убившихъ въ Торжкѣ одного доброжелателя московскаго великаго князя, заставилъ новгородцевъ давать черный боръ, захватилъ въ свою пользу имѣнія въ волости Бѣжецкаго Верха и Вологды; а главное, Новгородъ самъ не могъ обойтись безъ великаго князя и долженъ былъ обращаться къ нему за помощью, такъ какъ другой великій князь, литовскій, покушался овладѣть Новгородомъ.

Орда въ это время до того уже разлагалась отъ внутреннихъ междоусобій, что Василій нѣсколько лѣтъ не платилъ выхода хану и считалъ себя независимымъ; но въ 1408 году напалъ нежданно на Москву татарскій князь Эдиги, который, подобно Мамаю, не будучи самъ ханомъ, помыкалъ носившими имя хана. Василій Димитріевичъ не остерегся, разсчитывая, что Орда ослабѣла, и не предпринялъ заранѣе мѣръ противъ хитраго врага, обольстившаго его лицемѣрнымъ благорасположеніемъ. Подобно отцу, Василій Димитріевичъ бѣжалъ въ Кострому, но лучше своего отца распорядился защитою Москвы, поручивъ ее храброму дядѣ, серпуховскому князю Владимиру Андреевичу. Москвичи сами сожгли посадъ свой. Эдиги не могъ взять Кремля, за то Орда опустошила много русскихъ городовъ и селъ. Москва испытала, что если Орда не въ силахъ была держать Русь въ порабощеніи, какъ прежде, за то еще долго могла быть ей страшною своими внезапными набѣгами, разореніями и уводомъ въ плѣнъ жителей. Впослѣдствіи уже, въ 1412 году, Василій ѣздилъ въ Орду, поклонился новому хану Джеладеддину, принесъ ему выходъ, одарилъ вельможъ, и ханъ утвердилъ за московскимъ княземъ великое княженіе, тогда какъ передъ тѣмъ намѣревался было отдать его изгнанному нижегородскому князю. Власть хановъ надъ Русью висѣла уже на волоскѣ; но московскіе князья еще нѣсколько времени могли пользоваться ею для усиленія своей власти на Руси и прикрывать свои поползновенія значеніемъ ея

старинной силы. Между тѣмъ, имъ же приходилось принимать мѣры обороны противъ татарскихъ вторженій, которыя могли быть тѣмъ безпокойнѣе, что дѣлались съ разныхъ сторонъ и отъ разныхъ обломковъ разрушающейся Орды.

На западѣ литовское могущество, возникшее при Гедиминѣ, выросшее при Ольгердѣ, достигло до своихъ крайнихъ предѣловъ при Витовтѣ. По праву, верховная власть надъ Литвою и покоренною ею Русью находилась въ рукахъ Ягелла, польскаго короля; но Литвою въ званіи его намѣстника самостоятельно управлялъ двоюродный братъ его Витовтъ, сынъ Кейстута, нѣкогда задушеннаго Ягелломъ. Витовтъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, стремился расширить предѣлы Литовскаго государства насчетъ русскихъ земель и постепенно подчинялъ себѣ послѣднія однѣ за другими. Василій Димитріевичъ былъ женатъ на дочери Витовта, Софіи; во все свое княженіе онъ долженъ былъ соблюдать родственныя отношенія и вмѣстѣ съ тѣмъ быть на-сторожѣ противъ властолюбивыхъ покушеній тестя. Московскій князь велъ себя съ большою осторожностью, насколько возможно было уступалъ тестю, но охранялъ себя и Русь отъ него. Онъ не помѣшалъ Витовту овладѣть Смоленскомъ; это происходило главнымъ образомъ оттого, что послѣдній смоленскій князь Юрій былъ злодѣй въ полномъ смыслѣ слова, и сами смольняне предпочитали лучше отдаться Витовту, чѣмъ повиноваться своему князю. Когда же Витовтъ показалъ слишкомъ явно свое намѣреніе овладѣть Псковомъ и Новгородомъ, московскій великій князь открыто вооружился противъ тестя, такъ что дошло-было до войны, однако, въ 1407 году дѣло окончилось между ними миромъ, по которому рѣка Угра поставлена была гранью между московскими и литовскими владѣніями.

Тесть пережилъ зятя, и при малолѣтнемъ наслѣдникѣ Василія споръ за первенство надъ Русью нѣкоторое время склонялся на сторону Литвы. Татарское порабощеніе образовало между русскими княженіями такой строй, который нѣсколько походилъ на феодальный, господствовавшій въ западной Европѣ: князья, получивши свои владѣнія отъ хановъ въ качествѣ вотчинъ, находились въ подчиненіи одни другимъ, и самое это подчиненіе, смотря по обстоятельствамъ, имѣло разныя степени. Московскій князь сдѣлался великимъ княземъ всей Руси, но въ его землѣ, въ его княженіи были князья подручные, обязанные ему повиновеніемъ: одни сохраняли болѣе самостоятельности надъ своими удѣлами, другіе становились уже его слугами. За предѣлами московскаго княженія были князья, также называв-

шіеся великими, считавшіе своими подручниками князей своей земли. Такимъ образомъ, послѣ уничтоженнаго великаго княжества суздальскаго, оставались еще довольно сильные великіе князья: тверской и рязанскій; кромѣ того, подручникъ рязанскаго, князь пронскій также началъ называться великимъ. Тотъ же титулъ носилъ старѣйшій изъ ярославскихъ князей. Эти такъ-называемые великіе князья, будучи старѣйшими надъ подручными князьями, сами должны были признавать надъ собою старѣйшинство московскихъ великихъ князей, и, видя со стороны Москвы дальнѣйшее посягательство на свою независимость, естественно искали ей противовѣса въ Литвѣ. Такимъ образомъ, по смерти Василія Димитріевича, рязанскій великій князь Иванъ Ѳедоровичъ, а за нимъ и князь пронскій отдались на службу Витовту (1427). Одновременно съ ними великій князь тверской Борисъ также отдался литовскому великому князю, выговоривъ себѣ право власти надъ своими подручниками, князьями Тверской земли. Сама Москва, находясь подъ властію несовершеннолѣтняго князя, котораго мать была дочерью Витовта, очутилась подъ рукою литовскаго великаго князя; по крайней мѣрѣ, самъ Витовтъ именно такъ смотрѣлъ на нее и писалъ нѣмцамъ, что Софія съ сыномъ и со всѣмъ великимъ княжествомъ московскимъ отдалась ему въ опеку и охраненіе. Витовту недоставало только полной независимости и королевскаго вѣнца; онъ усиленно добивался его и склонилъ уже на свою сторону императора Сигизмунда, но польскіе прелаты и вельможи не допустили до такой опасной новизны, представивши папѣ, что отдѣленіе Литвы и Руси отъ Польши можетъ поставить преграду распространенію римскаго католичества между православными. Папа отказалъ дать корону Витовту. Витовтъ умеръ въ 1430 году, не достигши своихъ цѣлей, а по смерти его въ Литвѣ начались междоусобія.

Долгое время и въ Москвѣ происходила безурядица.

Преемникъ Василія Димитріевича, Василій Васильевичъ, былъ человѣкъ ограниченныхъ дарованій, слабаго ума и слабой воли, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, способный на всякія злодѣянія и вѣроломства; члены московскаго княжескаго дома находились въ полномъ повиновеніи у Василія Димитріевича, а по смерти его подняли голову. Дядя Василія Васильевича, Юрій, добивался въ Ордѣ великаго княженія. Хитрый и ловкій бояринъ Иванъ Димитріевичъ Всеволожскій въ 1432 году съумѣлъ отстранить Юрія и доставить великое княженіе Василію Васильевичу. Когда Юрій ссылался на свое родовое старѣйшинство, какъ дядя, и

когда, по этому поводу, онъ указывалъ на прежніе примѣры предпочтенія дядей племянникамъ, какъ старшихъ лѣтами и степенью родства, Всеволожскій указалъ хану, что Василій уже получилъ княженіе по волѣ хана, и эта воля должна быть выше всякихъ законовъ и обычаевъ: не стѣсняясь ничѣмъ, ханъ можетъ кому хочетъ отдать улусъ свой. Это признаніе безусловной воли хана понравилось послѣднему; Василій Васильевичъ оставленъ великимъ княземъ. Чрезъ нѣсколько времени тотъ же бояринъ, разсердившись на Василія за то, что онъ, обѣщавши жениться на его дочери, женился на внучкѣ Владимира Андреевича серпуховскаго, Маріи Ярославнѣ,—самъ побудилъ Юрія отнять у племянника княженіе. Тогда возобновились на Руси междоусобія, ознаменованныя на этотъ разъ гнусными злодѣяніями. Юрій, захвативши Москву, снова былъ изгнанъ изъ нея и скоро умеръ. Сынъ Юрія, Василій Косой, заключилъ съ Василіемъ миръ, а потомъ, вѣроломно нарушивъ договоръ, напалъ на Василія, но былъ побѣжденъ, взятъ въ плѣнъ и ослѣпленъ (1435). Черезъ нѣсколько лѣтъ въ Золотой Ордѣ случилось такое событіе: ханъ Улу-Махметъ лишился престола и искалъ помощи великаго князя московскаго. Великій князь не только не подалъ ему помощи, но еще прогналъ его изъ предѣловъ Московской земли; тогда Улу-Махметъ съ своими приверженцами основался на берегахъ Волги въ Казани и положилъ начало татарскому Казанскому царству, которое въ продолженіи цѣлаго столѣтія причиняло Руси опустошенія. Улу-Махметъ, уже въ качествѣ казанскаго царя, мстилъ московскому государю за прошлое, побѣдилъ его въ битвѣ, взялъ въ плѣнъ. Василій Васильевичъ освободился отъ плѣна не иначе, какъ заплативши огромный выкупъ. Вернувшись на родину, онъ поневолѣ долженъ былъ облагать народъ большими податьми и, кромѣ того, началъ принимать въ свое княжество татаръ и раздавать имъ помѣстья. Это возбудило противъ него ропотъ, которымъ воспользовался братъ Косого, галицкій князь Димитрій Шемяка; соединившись съ тверскимъ и можайскимъ князьями, онъ въ 1446 году приказалъ вѣроломно схватить Василія въ Троицкомъ монастырѣ и ослѣпить. Шемяка овладѣлъ великимъ княженіемъ и держалъ слѣпого Василія въ заточеніи, но видя въ народѣ волненіе, уступилъ просьбѣ рязанскаго епископа Іоны и отпустилъ плѣннаго Василія, взявши съ него клятву не искать великаго княженія. Василій не сдержалъ клятвы: въ 1447 году приверженцы слѣпого князя опять возвели его на княженіе.

Замѣчательно, что характеръ княженія Василія Васильевича

съ этихъ поръ совершенно измѣняется. Пользуясь зрѣніемъ, Василій былъ самымъ ничтожнымъ государемъ, но съ тѣхъ поръ, какъ онъ потерялъ глаза, все остальное правленіе его отличается твердостью, умомъ и рѣшительностью. Очевидно, что именемъ слѣпого князя управляли умные и дѣятельные люди. Таковы были бояре: князья Патрикѣевы, Ряполовскіе, Кошкины, Плещеевы, Морозовы, славные воеводы: Стрига-Оболенскій и Ѳеодоръ Басенокъ, но болѣе всѣхъ митрополитъ Іона.

Духовныя власти всегда благопріятствовали стремленію къ единодержавію. Во-первыхъ, оно сходилось съ ихъ церковными понятіями: церковь русская, несмотря на политическое раздробленіе Русской земли, была всегда единая и недѣлимая, и постоянно оставалась образцомъ для политическаго единства. Во-вторыхъ, духовные, какъ люди, составлявшіе единственную умственную силу страны, лучше другихъ понимали, что раздробленіе ведетъ къ безпрестаннымъ междоусобіямъ и ослабляетъ силы страны, необходимыя для защиты противъ внѣшнихъ враговъ: только при сосредоточеніи верховной власти въ однѣхъ рукахъ представлялась имъ возможность безопасности для страны и ея жителей. Пока санъ митрополита возлагаемъ былъ на людей нерусскихъ, понятно, что, будучи чужды русскому краю по рожденію и по связямъ, они не принимали слишкомъ горячо къ сердцу его интересовъ, ограничиваясь преимущественно областью церковныхъ дѣлъ; но не такъ относились къ Русской землѣ природные русскіе, достигавшіе высшей духовной власти. Митрополиты Петръ и Алексій показали уже себя политическими дѣятелями; еще болѣе проявилъ себя въ этомъ отношеніи умный митрополитъ Іона, которому пришлось занимать важное мѣсто при слѣпомъ и ничтожномъ Василіѣ.

Іона былъ родомъ изъ Костромской земли, по прозвищу Одноушъ. Достигши рязанскаго епископства, онъ не сдѣлался однако приверженцемъ мѣстныхъ рязанскихъ видовъ; сочувствіе его клонилось къ Москвѣ, потому что Іона, сообразно тогдашнимъ условіямъ, въ одной Москвѣ видѣлъ центръ объединенія Руси. Въ 1431 году, по смерти митрополита Фотія, Іона избранъ былъ митрополитомъ, но цареградскій патріархъ вмѣсто него, еще прежде, назначилъ грека Исидора. Этотъ Исидоръ въ званіи русскаго митрополита былъ на Флорентійскомъ соборѣ, гдѣ провозглашена была унія или соединеніе греческой церкви съ римскою на условіяхъ признать римскаго первосвященника главою вселенской церкви. Исидоръ вмѣстѣ съ цареградскимъ патріархомъ и византійскимъ императоромъ подчинился папѣ: Исидоръ былъ

грекъ душою; всѣ цѣли его были обращены на спасеніе своего погибающаго отечества; онъ, какъ и нѣкоторые другіе греки, надѣялся при посредствѣ папы возбудить силы Европы противъ турокъ. Эти виды и побуждали тогдашнихъ грековъ жертвовать вѣковою независимостью своей церкви. Русь въ глазахъ Исидора должна была служить орудіемъ греческихъ патріотическихъ цѣлей. Но въ Москвѣ не приняли уніи и прогнали Исидора. Нѣсколько лѣтъ званіе московскаго митрополита оставалось незанятымъ. Въ Кіевѣ, послѣ учрежденія Витовтомъ отдѣльной митрополичьей каѳедры, были свои митрополиты, но Москва не хотѣла знать ихъ. Рязанскій епископъ Іона, какъ уже нареченный русскими духовными митрополитъ, имѣлъ между ними первенствующее значеніе и вліяніе, а наконецъ въ 1448 г. этотъ архіерей былъ поставленъ въ санъ митрополита соборомъ русскихъ владыкъ помимо патріарха. Событіе это было рѣшительнымъ переворотомъ: съ этихъ поръ восточно-русская церковь перестала зависѣть отъ цареградскаго патріарха и получила полную самостоятельность. Средоточіе ея верховной власти было въ Москвѣ. Обстоятельство это окончательно подняло то нравственное значеніе Москвы, которое намѣчено было еще митрополитомъ Петромъ, поддерживалось Алексіемъ, получило большой блескъ отъ перенесенія иконы Богородицы изъ Владиміра. Съ этихъ поръ русскія земли, еще непокорныя Москвѣ и думавшія оградить отъ нея свою самобытность—Тверь, Рязань, Новгородъ, привязывались крѣпче къ Москвѣ духовною связью.

Усѣвшись въ Москвѣ, слѣпой великій князь назначилъ своимъ соправителемъ старшаго сына Ивана, который съ тѣхъ поръ сталъ называться, какъ и отецъ его, великимъ княземъ: такъ показываютъ тогдашнія договорныя грамоты. Тогда началась и постепенно расширялась политическая дѣятельность Ивана; вошедши въ совершенный возрастъ, онъ, безъ сомнѣнія, вмѣсто слѣпого родителя, еще при жизни его руководилъ совершавшимися событіями, которыя клонились къ укрѣпленію Москвы. Князь Димитрій Шемяка, принужденный дать такъ-называемую „проклятую грамоту", въ которой клятвенно обѣщалъ отказаться отъ всякихъ покушеній на великое княженіе, не переставалъ оказывать вражду къ Василію Темному. Духовенство писало Шемякѣ увѣщательную грамоту; Шемяка не слушалъ нравоученій, и московское ополченіе, напутствуемое благословеніями Іоны, двинулось на Шемяку въ Галичъ вмѣстѣ съ молодымъ великимъ княземъ. Шемяка потерпѣлъ пораженіе и бѣжалъ въ Новгородъ, гдѣ новгородцы дали ему пріютъ. Галичъ съ своею волостью

былъ вновь присоединенъ къ Москвѣ. Шемяка продолжалъ зло-умышлять противъ Василія, взялъ Устюгъ и тамъ было утвердился, но молодой великій князь Иванъ Васильевичъ выгналъ его оттуда; Шемяка опять убѣжалъ въ Новгородъ. Митрополитъ Іона своею грамотою объявилъ Шемяку отлученнымъ отъ церкви, запрещалъ православнымъ людямъ съ нимъ ѣсть и пить и обвинялъ новгородцевъ за то, что они приняли его къ себѣ. Тогда въ Москвѣ рѣшили расправиться съ Шемякой тайнымъ убійствомъ: дьякъ Степанъ Бородатый, при посредствѣ Шемякина боярина Ивана Котова, въ 1453 году подговорилъ повара Шемяки приправить ему курицу ядомъ.

Вслѣдъ затѣмъ, въ 1454 году, союзникъ Шемяки князь Иванъ Андреевичъ можайскій, не дожидаясь прибытія московскаго войска, убѣжалъ въ Литву. Двое великихъ князей: тверской и рязанскій, искавшіе противъ Москвы опоры въ Литвѣ, увидали, что на Литву надежды мало, и пристали къ Москвѣ заблаговременно, прежде чѣмъ Москва употребила противъ нихъ насиліе. Первый отдалъ дочь свою Марію за молодого московскаго великаго князя Ивана Васильевича, а въ 1454 году, при посредствѣ митрополита Іоны, заключилъ договоръ, которымъ обѣщался съ дѣтьми своими быть во всемъ за-одно съ Москвою; послѣдній въ 1456 году, передъ своею смертью, отдалъ восьмилѣтняго сына на попеченіе великому князю московскому: московскій великій князь перевезъ отрока въ Москву, а въ Рязанскую землю послалъ своихъ намѣстниковъ. Тогда же князь Московской земли, серпуховскій Василій Ярославичъ, ревностный слуга и товарищъ въ несчастіи Василія Темнаго, по какому-то наговору былъ схваченъ и заточенъ въ Вологду, гдѣ и умеръ съ своими дѣтьми: его старшій сынъ убѣжалъ въ Литву. Затѣмъ, суздальскіе князья, получившіе отъ московскаго великаго князя вотчины, чуя надъ собою бѣду, сами убѣжали изъ дарованныхъ имъ вотчинъ, чтобы уклониться отъ опасныхъ столкновеній съ Москвою.

Въ 1456 году расправилась Москва съ Новгородомъ. Еще ранѣе этого времени великій князь наложилъ на Новгородъ 8000 рублей. Пріемъ, оказанный Шемякѣ Новгородомъ, раздражалъ московскихъ великихъ князей. Новгородцы досадовали на то, что Москва ихъ обираетъ, не хотѣли платить наложенной по договору суммы; кромѣ того, между Москвой и Новгородомъ возникали поземельныя недоразумѣнія: новгородскіе бояре покупали себѣ земли въ Ростовской и Бѣлозерской земляхъ, а Новгородъ оказывалъ притязаніе, чтобы эти владѣнія новгородцевъ тянули (подчинялись) къ Новгороду. Великій московскій князь

объявилъ Новгороду войну. Московскіе подручные князья: Стрига-Оболенскій и Ѳеодоръ Басенокъ овладѣли Русою; новгородцы, поспѣшившіе на выручку Русы, были разбиты. Великій князь съ сильнымъ войскомъ пошелъ къ Новгороду и сталъ въ Яжелбицахъ. Тогда Новгородъ выслалъ къ нему епископа Евѳимія со старыми посадниками, тысячскими и житыми (т.-е. зажиточными домовладѣльцами) отъ пяти концовъ Новгорода. Былъ заключенъ договоръ. Новгородъ, кромѣ прежнихъ 8000 рублей, долженъ былъ заплатить великому князю еще 8500 рублей, возвратить всѣ земли, пріобрѣтенныя новгородцами въ областяхъ, тянувшихъ къ Москвѣ, давать великому князю черный боръ въ своихъ волостяхъ и судныя пени; но главное—Новгородъ обязался отмѣнить „вѣчныя“ (вѣчевыя, исходившія отъ вѣча) грамоты, писать грамоты отъ имени великаго князя и употреблять великокняжескую печать. Послѣднимъ условіемъ поражалась сущность новгородской свободы и предвѣщалось скорое паденіе независимости Новгорода.

Новгородцы чувствовали свою близкую бѣду и ненавидѣли московскаго государя. Въ 1460 году Василій Темный прибылъ въ Новгородъ съ сыновьями Юріемъ и Андреемъ. Новгородцы собрались на вѣче у св. Софіи и замышляли убить его съ дѣтьми, но владыка новгородскій Іона отговорилъ ихъ: „Изъ этого намъ не будетъ пользы — представлялъ онъ: — останется еще одинъ сынъ, старшій, Иванъ: онъ выпроситъ у хана войско и разоритъ насъ“.

Стѣсняя Новгородъ, Москва налагала тяжелую руку и на двѣ его самостоятельныя колоніи: Псковъ и Вятку.

Псковъ не оказывалъ противъ Москвы никакой вражды, хотя московскимъ князьямъ не могло понравиться то, что псковичи въ 1459 году встрѣтили Шемякина сына съ крестнымъ ходомъ и въ продолженіе трехъ недѣль оказывали ему почести. Псковъ, какъ земля вольная, по прежнему принималъ къ себѣ князей отовсюду, и такимъ княземъ былъ тамъ Александръ Черторижскій, изъ литовскаго княжескаго рода.

Въ 1460 году московскій великій князь потребовалъ, чтобы Черторижскій, если хочетъ оставаться псковскимъ княземъ, присягнулъ въ вѣрности Москвѣ. Черторижскій не захотѣлъ присягать и уѣхалъ изо Пскова, а псковичи съ тѣхъ поръ стали принимать себѣ князьями намѣстниковъ московскаго государя.

Вятка, новгородская колонія, основанная въ XIII вѣкѣ выходцами, недовольными Новгородомъ, и потому постоянно остававшаяся независимою отъ Новгорода и даже враждебною къ

нему, помогала Шемякѣ въ его борьбѣ съ Василіемъ Темнымъ. За это она понесла наказаніе, когда Василій вышелъ изъ борьбы побѣдителемъ. Два раза отправлено было противъ нея московское войско—въ 1458 и въ 1459 годахъ. Первый походъ былъ неудаченъ; во второй—московскіе воеводы, князья Ряполовскій и Патрикѣевъ, взяли вятскіе города: Орловъ и Котельничъ, и заставили вятчанъ признавать надъ собою верховную власть Василія.

Василій Темный скончался 5 марта 1462 года отъ неудачнаго леченія тѣла зажженнымъ трутомъ. Онъ пережилъ однимъ годомъ своего важнѣйшаго совѣтника, митрополита Іону, умершаго 31 марта 1461 года.

Сынъ Василія, Иванъ, и безъ того уже управлявшій государствомъ, остался единымъ великимъ княземъ. Начало его единовластія не представляло въ сущности никакого новаго поворота противъ прежнихъ лѣтъ. Ивану оставалось идти по прежнему пути и продолжать то, что было имъ уже сдѣлано при жизни отца. Печальныя событія съ его отцомъ внушили ему съ дѣтства непримиримую ненависть ко всѣмъ остаткамъ старой удѣльно-вѣчевой свободы и сдѣлали его поборникомъ единодержавія. Иванъ былъ человѣкъ крутого нрава, холодный, разсудительный, съ черствымъ сердцемъ, властолюбивый, неуклонный въ преслѣдованіи избранной цѣли, скрытный, чрезвычайно осторожный; во всѣхъ его дѣйствіяхъ видна постепенность, даже медлительность; онъ не отличался ни отвагою, ни храбростью, за то умѣлъ превосходно пользоваться обстоятельствами; онъ никогда не увлекался, за то поступалъ рѣшительно, когда видѣлъ, что дѣло созрѣло до того, что успѣхъ несомнѣненъ. Забираніе земель и возможно-прочное присоединеніе ихъ къ Московскому государству было завѣтною цѣлью его политической дѣятельности; слѣдуя въ этомъ дѣлѣ за своими прародителями, онъ превзошелъ всѣхъ ихъ и оставилъ примѣръ подражанія потомкамъ на долгія времена. Рядомъ съ расширеніемъ государства Иванъ хотѣлъ дать этому государству строго самодержавный строй, подавить въ немъ древніе признаки земской раздѣльности и свободы, какъ политической, такъ и частной, поставить власть монарха единымъ самостоятельнымъ двигателемъ всѣхъ силъ государства и обратить всѣхъ подвластныхъ въ рабовъ своихъ, начиная отъ близкихъ родственниковъ до послѣдняго земледѣльца. И въ этомъ Иванъ Васильевичъ положилъ твердыя основы; его преемникамъ оставалось дополнять и вести далѣе его дѣло.

Въ первые годы своего единовластія, Иванъ Васильевичъ не

только уклонялся отъ рѣдкихъ проявленій своей главной цѣли— полнаго объединенія Руси, но оказывалъ при всякомъ случаѣ видимое уваженіе къ правамъ князей и земель, представлялъ себя ревнителемъ старины, и въ то же время заставлялъ чувствовать какъ силу тѣхъ правъ, какія уже давала ему старина, такъ и ту степень значенія, какую ему сообщалъ его великокняжескій санъ. У Ивана Васильевича, какъ показываютъ его поступки, было правиломъ прикрывать все личиною правды и законности, казаться противникомъ насильственнаго введенія новизны; онъ велъ дѣла свои такъ, что полезная для него новизна вызывалась не имъ самимъ, а другими.

Рѣшительный и смѣлый, онъ былъ до крайности остороженъ тамъ, гдѣ возможно было какое-нибудь противодѣйствіе его предпріятіямъ. Онъ не затруднился вскорѣ послѣ смерти отца, въ 1463 году, покончить съ ярославскимъ княженіемъ, потому что тамъ не могло быть никакого сопротивленія. До тѣхъ поръ Ярославль съ своею волостью находился во власти особыхъ князей, хотя уже давно подручныхъ московскому великому князю. Князья эти происходили изъ рода Өедора Ростиславича, князя племени смоленскихъ князей, жившаго въ XIII вѣкѣ и причисленнаго къ лику святыхъ; въ описываемое нами время родъ ихъ раздѣлился на многія княжескія фамиліи, какъ-то: Курбскіе, Засѣкины, Прозоровскіе, Львовы, Шехонскіе, Сонцевы, Щетинины, Сицкіе, Шаховскіе, Кубенскіе, Троекуровы, Шастуновы, Юхотскіе и пр. Всѣ владѣнія ихъ составляли Ярославскую землю и надъ всѣми ими, точно какъ въ другихъ земляхъ, напримѣръ, въ Тверской или въ Рязанской, былъ изъ ихъ рода главный старѣйшій князь, носившій титулъ великаго: ему принадлежалъ Ярославль. Такимъ великимъ княземъ Ярославской земли былъ въ то время князь Александръ Өедоровичъ. Этотъ великій князь ярославскій былъ столько же безсиленъ, какъ и его многочисленные подручники. Иванъ Васильевичъ пріобрѣлъ Ярославль со всею землею стараніемъ дьяка Алексѣя Полуэктова; неизвѣстно, всѣ ли князья Ярославской земли подчинились московскому государю добровольно: мы не знаемъ обстоятельствъ этого событія; само собою разумѣется, что волею-неволею эти князья должны были дѣлать все, чего хотѣлъ отъ нихъ сильный властитель, и всѣ они поступили въ число его слугъ.

Но не такъ относился Иванъ Васильевичъ къ болѣе сильнымъ князьямъ: тверскому и рязанскому. Съ тверскимъ, своимъ шуриномъ, онъ тотчасъ по смерти отца своего заключилъ договоръ, въ которомъ положительно охранялось владѣтельное право

тверского князя надъ своею землею; не въ политикѣ Ивана Васильевича было раздражать безъ нужды сосѣда, жившаго на перепутьи между Москвою и Новгородомъ, въ то время, когда московскій великій князь предвидѣлъ неминуемую раздѣлку съ Новгородомъ и долженъ былъ подготовлять союзниковъ себѣ, а не Новгороду противъ себя. Рязанскій великій князь уже прежде былъ въ рукахъ Москвы. Иванъ Васильевичъ не отнялъ у него земли его, а въ 1464 году женилъ его на своей сестрѣ, призналъ самостоятельнымъ владѣтелемъ, но совершенно взялъ въ свои руки; никогда уже послѣ того Иванъ Васильевичъ не имѣлъ повода обращаться съ своимъ зятемъ иначе, такъ какъ рязанскій князь не выходилъ изъ повиновенія у московскаго.

Возникло у Ивана дѣло со Псковомъ; и тутъ-то Иванъ столько же показалъ наружнаго уваженія къ старинѣ, сколько и заставилъ псковичей уважать свою власть и значеніе своего сана. Въ 1463 году псковичи прогнали отъ себя присланнаго къ нимъ противъ ихъ воли великокняжескаго намѣстника и отправили къ Ивану пословъ просить другого. Иванъ Васильевичъ гнѣвался, три дня не пускалъ къ себѣ на глаза псковскихъ пословъ; наконецъ, на четвертый день какъ-бы смиловался и, допустивши ихъ, сначала пригрозилъ имъ, а потомъ сказалъ: „я хочу жаловать отчину Псковъ по старинѣ: какого князя хотите, такого вамъ и дамъ!“ И онъ далъ имъ тогда того самаго (звенигородскаго) князя, котораго псковичи сами желали. Иванъ Васильевичъ въ этомъ случаѣ хотя и сдѣлалъ угодное псковичамъ, по обычаямъ старины, однако вмѣстѣ съ тѣмъ внушилъ имъ, что они обязаны этимъ соблюденіемъ ихъ старинныхъ правъ единственно его волѣ и милости, а еслибъ онъ захотѣлъ, то могло быть и иначе. Сдѣлавши псковичамъ угодное какъ-бы изъ уваженія къ старинѣ, онъ потомъ поступилъ и противъ ихъ желанія, также изъ уваженія къ старинѣ. Псковичи, недовольные новгородскимъ владыкою, затѣвали отложиться отъ этого владыки и просили себѣ особаго епископа. Иванъ Васильевичъ, опираясь на старину, отказалъ имъ въ ихъ просьбѣ вмѣстѣ съ митрополитомъ Ѳеодосіемъ, заступившимъ мѣсто Іоны. Не въ видахъ московской политики было вооружать противъ московскаго великаго князя высшую новгородскую духовную власть, которая, напротивъ, склоняясь, въ силу своихъ интересовъ, къ Москвѣ, могла обезсиливать новгородскія стремленія, противодѣйствовавшія московскому единовластію. Псковичи въ этомъ дѣлѣ принуждены были сообразоваться съ волею великаго князя и отказались отъ своихъ плановъ именно потому, что въ Москвѣ рѣшили такъ

великій князь и митрополитъ. Но не давалъ московскій государь по этому дѣлу слишкомъ зазнаться и Новгороду. Когда Новгородъ попросилъ у него воеводъ, чтобы дѣйствовать оружіемъ противъ Пскова, за то, что Псковъ не повинуется новгородскому владыкѣ, Иванъ Васильевичъ сдѣлалъ новгородцамъ выговоръ за такую просьбу.

Въ 1467 году наступило тяжелое время для Руси. Открылась повальная болѣзнь, такъ-называемая въ тѣ времена „желѣза“ (чума); она свирѣпствовала въ Новгородской и Псковской землѣ, захватила зимою и Московскую землю: множество людей умирало и по городамъ, и по селамъ, и по дорогамъ. На умы нашло уныніе и страхъ. Толковали о близкомъ концѣ міра; говорили, что скоро окончится шестая тысяча лѣтъ существованія міра и тогда настанетъ страшный судъ; разсказывали о чудныхъ явленіяхъ въ природѣ, предзнаменующихъ что-то роковое: Ростовское озеро двѣ недѣли выло ночью, не давая спать людямъ, а потомъ былъ слышенъ въ немъ страшный стукъ. Среди этой всеобщей тревоги и унынія умерла жена Ивана, тверская княжна Марія. Говорили, что она была отравлена [1]). Смерть этой княгини остается темнымъ событіемъ: она развязала Ивана и дала ему скоро возможность вступить въ другой бракъ, важный по своимъ послѣдствіямъ.

Былъ у Ивана въ то время какой-то итальянецъ; его называютъ въ современныхъ лѣтописяхъ Иванъ Фрязинъ [2]); онъ занималъ при дворѣ московскаго великаго князя должность денежника (т.-е. чеканщика монетъ). По всѣмъ вѣроятіямъ, ему принадлежала первая мысль сочетать великаго князя съ греческою царевною, и онъ далъ знать въ свое отечество, въ Италію, что московскій государь овдовѣлъ. Черезъ два года, въ 1469, явилось въ Москву посольство отъ римскаго кардинала Виссаріона. Кардиналъ этотъ, природный грекъ, былъ прежде митрополитомъ никейскимъ и на Флорентійскомъ соборѣ, вмѣстѣ съ

---

[1]) Видѣли доказательство въ томъ, что ея трупъ необыкновенно раздулся, такъ что положенный на него покровъ сначала висѣлъ до земли, а потомъ оказался недостаточнымъ для прикрытія трупа. Послѣ погребенія ея въ Вознесенскомъ монастырѣ въ Кремлѣ, великій князь разгнѣвался на жену дьяка Алексѣя Полуэктова Наталью, которая посылала къ ворожеѣ поясъ покойной княгини, и самого мужа ея, Алексѣя, Иванъ Васильевичъ не пускалъ къ себѣ шесть лѣтъ на глаза.

[2]) Прозвище фрязинъ означало не болѣе какъ принадлежность къ западнымъ европейцамъ: фрягами называли вообще послѣднихъ, и названіе это, какъ кажется, было не что иное, какъ переиначенное съ теченіемъ вѣковъ древнее названіе варягъ, сначала означавшее сѣверныхъ скандинавовъ, а впослѣдствіи перешедшее въ значеніе европейца вообще.

русскимъ митрополитомъ Исидоромъ, принялъ унію. Тогда какъ товарищъ его Исидоръ воротился въ отечество и палъ, сражаясь противъ турокъ, въ роковой день взятія Константинополя, Виссаріонъ остался въ чести въ Римѣ. Отъ него въ посольствѣ пріѣхалъ грекъ, именемъ Юрій, и два итальянца: одинъ Карлъ, старшій братъ денежника Ивана, а другой — ихъ племянникъ, по имени Антоній. Они отъ имени своего кардинала сообщали великому князю, что въ Римѣ проживаетъ племянница послѣдняго греческаго императора Константина Палеолога, дочь его брата Ѳомы, который, державшись нѣсколько времени въ Пелопонесѣ съ званіемъ деспота морейскаго, былъ принужденъ, наконецъ, по примѣру многихъ своихъ соотечественниковъ, искать убѣжища въ чужой землѣ, перешелъ въ Италію съ двумя сыновьями Андреемъ и Мануиломъ и умеръ въ Римѣ. Дочь его, по имени Зинаида-Софія (впослѣдствіи извѣстная подъ послѣднимъ именемъ) не хотѣла выходить замужъ за принца римско-католической вѣры. Ее сватали французскій король и миланскій герцогъ, но она отказала обоимъ; и было бы подручно — представляли послы кардинала — великому князю московскому, какъ государю православной восточной церкви, сочетаться съ нею бракомъ. Иванъ Васильевичъ въ 1469 году послалъ сватомъ къ папѣ Павлу II и кардиналу Виссаріону своего денежника Ивана, прозываемаго Фрязиномъ.

Между тѣмъ, политическая дѣятельность московскаго государя обратилась тогда на востокъ. Казанское царство, недавно еще основанное и такъ грозно заявившее себя при Василіи Темномъ, сильно безпокоило Русь: изъ его предѣловъ дѣлались безпрестанные набѣги на русскія земли; уводились русскіе плѣнники. Набѣги эти производили татары и подвластные татарамъ черемисы — самое свирѣпое изъ финско-турскихъ племенъ, населявшихъ востокъ нынѣшней Европейской Россіи. Иванъ отправлялъ отряды разорять Черемисскую землю, а въ 1468 году ему представлялся случай посадить въ Казани своего подручника и такимъ образомъ сдѣлать ее подвластною себѣ. Нѣкоторые казанскіе вельможи, недовольные тогдашнимъ своимъ ханомъ Ибрагимомъ, приглашали къ себѣ Касима, одного изъ тѣхъ царевичей, которымъ еще Василій Темный далъ пріютъ и помѣстья въ Русской землѣ. Иванъ Васильевичъ отправилъ два войска противъ Казани. Предпріятіе не удалось, отчасти потому, что Вятка боялась усиленія Москвы и не хотѣла помогать ей противъ Казани, а стала на сторону послѣдней. Иванъ не остановился на первыхъ неудачахъ, и въ 1470 году послалъ

снова подъ Казань рать съ своими братьями. Ханъ Ибрагимъ заключилъ миръ съ Москвою, освободивши всѣхъ русскихъ плѣнниковъ, какіе находились въ неволѣ за протекшія сорокъ лѣтъ. Современныя извѣстія сообщаютъ, что Ибрагимъ заключилъ миръ на всей волѣ великаго князя; условія этого мира намъ неизвѣстны, но, вѣроятно, миръ этотъ служилъ подготовкою къ тому, что̀ съ бо̀льшимъ успѣхомъ достигнуто было Иваномъ позже.

Затѣмъ обстоятельства обратили дѣятельность Ивана Васильевича къ сѣверу. Цѣлые полтора вѣка Москва подтачивала самостоятельность и благоденствіе Новгорода; Новгородъ терпѣлъ частыя вымогательства денегъ, захваты земель, разореніе новгородскихъ волостей, и потому вполнѣ было естественно, что въ Новгородѣ издавна ненавидѣли Москву. Озлобленіе къ Москвѣ дошло до высокой степени въ княженіе Василія Темнаго. Самостоятельность Великаго Новгорода уже была подточена. Была пора прибѣгнуть къ послѣднимъ средствамъ. Въ Новгородѣ, какъ часто бывало въ купеческой республикѣ, было очень велико число тѣхъ, которые личную выгоду предпочитали всему на свѣтѣ и подчиняли ей патріотическія побужденія. Еще за двадцать пять лѣтъ передъ тѣмъ лѣтописецъ жаловался, что въ Новгородѣ не было ни правды, ни суда; ябедники стакивались между собою, поднимали тяжбы, цѣловали ложно крестъ; въ городѣ, по селамъ и волостямъ — грабежъ, неумѣренные поборы съ народа, вопль, рыданія, проклятіе на старѣйшихъ и на весь Новгородъ, и стали новгородцы предметомъ поруганія для сосѣдей. Такія явленія неизбѣжны тамъ, гдѣ выше всего цѣнятся своекорыстные интересы. Но когда слишкомъ очевидно приближалась опасность паденія независимости, въ Новгородѣ образовался кружокъ, соединившійся во имя общаго дѣла, думавшій во что бы то ни стало спасти свое отечество отъ московскаго самовластія. Душою этого кружка была женщина, вдова посадника, Мароа Борецкая. Къ сожалѣнію, источники даютъ намъ чрезвычайно мало средствъ опредѣлить ея личность; во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что она имѣла тогда важнѣйшее вліяніе на ходъ событій. Она была мать двухъ взрослыхъ женатыхъ сыновей, имѣла уже внука [1]). Мароа была очень богата; въ своемъ новгородскомъ дворѣ на Софійской сторонѣ, который современники прозвали „чюднымъ", она привлекала своимъ хлѣбосольствомъ и собирала около себя людей,

[1]) Ея двое другихъ сыновей утонули въ морѣ, и въ память этого грустнаго событія Мароа основала монастырь на Бѣломъ морѣ (Корельскій, въ 34 верстахъ отъ Архангельска).

готовыхъ стоять за свободу и независимость отечества. Кромѣ сыновей Марѳы, съ нею за-одно были люди знатныхъ боярскихъ фамилій того времени: Арбузовы, Аѳанасьевы, Астафьевы, Григоровичи, Лошинскіе, Немиры и др. Люди этой партіи имѣли вліяніе на громаду простого народа и могли, по крайней мѣрѣ до первой неудачи, ворочать вѣчемъ. Такъ какъ имъ ясно казалось, что Великій Новгородъ не въ силахъ самъ собою защитить себя отъ Москвы, которая могла двинуть на него, сверхъ силъ своей земли, еще силы другихъ, уже подчиненныхъ ей земель, то патріоты пришли къ убѣжденію, что лучше всего отдаться подъ покровительство литовскаго великаго князя и короля польскаго Казимира.

Иванъ Васильевичъ узналъ обо всемъ, что дѣлается и замышляется въ Новгородѣ, не заявилъ гнѣва Новгороду, напротивъ, кротко послалъ сказать: „Люди новгородскіе, исправьтесь, помните, что Новгородъ — отчина великаго князя. Не творите лиха, живите по старинѣ!“

Новгородцы на вѣчѣ оскорбили пословъ великаго князя и дали такой отвѣтъ на увѣщаніе Ивана Васильевича: „Новгородъ не отчина великаго князя, Новгородъ самъ себѣ господинъ!“

И послѣ того не показалъ гнѣва великій князь, но еще разъ приказалъ сказать Великому Новгороду такое слово:

„Отчина моя, Великій Новгородъ, люди новгородскіе! исправьтесь, не вступайтесь въ мои земли и воды, держите имя мое честно и грозно, посылайте ко мнѣ бить челомъ, а я буду жаловать свою отчину по старинѣ“.

Бояре замѣчали великому князю, что Новгородъ оскорбляетъ его достоинство. Иванъ хладнокровно сказалъ:

„Волны бьютъ о камни и ничего камнямъ не сдѣлаютъ, а сами разсыпаются пѣною и исчезаютъ какъ-бы въ посмѣяніе. Такъ будетъ и съ этими людьми новгородцами“.

Въ концѣ 1470 года новгородцы пригласили къ себѣ князя изъ Кіева, Михаила Олельковича. Это былъ такъ-называемый „кормленый“ князь, какихъ прежде часто приглашали къ себѣ новгородцы, уступая имъ извѣстные доходы съ нѣкоторыхъ своихъ волостей.

Въ это время скончался владыка новгородскій Іона. Избранный на его мѣсто по жребію Ѳеофилъ былъ человѣкъ слабый и безхарактерный; онъ колебался то на ту, то на другую сторону; патріотическая партія взяла тогда верхъ до того, что заключенъ былъ отъ всего Великаго Новгорода договоръ съ Казимиромъ: Новгородъ поступалъ подъ верховную власть Казимира, отсту-

палъ отъ Москвы, а Казимиръ обязывался охранять его отъ покушеній московскаго великаго князя.

Узнавши объ этомъ, Иванъ Васильевичъ не измѣнилъ своему прежнему хладнокровію. Онъ отправилъ въ Новгородъ кроткое увѣщаніе и припоминалъ, что Новгородъ отъ многихъ вѣковъ зналъ одинъ только княжескій родъ, Св. Владимира: „Я князь великій—приказалъ онъ сказать Новгороду черезъ своего посла,—не чиню надъ вами никакого насилія, не налагаю на васъ никакихъ тягостей болѣе того, сколько было налагаемо при моихъ предкахъ, я еще хочу больше васъ жаловать, свою отчину“.

Вмѣстѣ съ этимъ послалъ новгородцамъ увѣщаніе и митрополитъ Филиппъ, заступившій мѣсто Ѳеодосія, удалившагося въ монастырь. Архипастырь представлялъ имъ, что отдача Новгорода подъ власть государя латинской вѣры есть измѣна православію. Это увѣщаніе зашевелило-было религіозное чувство многихъ новгородцевъ, но ненависть къ Москвѣ на время взяла верхъ. Патріотическая партія пересилила. „Мы не отчина великаго князя—кричали новгородцы на вѣчѣ:—Великій Новгородъ извѣка вольная земля! Великій Новгородъ самъ себѣ государь!“

Великокняжескихъ пословъ отправили съ безчестіемъ.

Иванъ Васильевичъ и послѣ этого не разгнѣвался и еще разъ послалъ въ Новгородъ своего посла, Ивана Ѳедоровича Торопкова, съ кроткимъ увѣщаніемъ: „Не отступай, моя отчина, отъ православія; изгоните, новгородцы, изъ сердца лихую мысль, не приставайте къ латинству, исправьтесь и бейте мнѣ челомъ; я васъ буду жаловать и держать по старинѣ“.

И митрополитъ Филиппъ еще разъ послалъ увѣщаніе; насколько хватало у него учености, обличалъ онъ латинское невѣріе и убѣждалъ новгородскаго владыку удерживать свою паству отъ соединенія съ латинами.

Это было весною 1471 года. Ничто не помогло, хотя въ это время призванный новгородцами изъ Кіева князь ушелъ отъ нихъ, и оставилъ по себѣ непріятныя воспоминанія, такъ какъ его дружина позволяла себѣ разныя безчинства. Партія Борецкихъ поддерживала надежду на помощь со стороны Казимира.

Только тогда рѣшился Иванъ Васильевичъ дѣйствовать оружіемъ.

31 мая онъ отправилъ рать свою подъ начальствомъ воеводы Образца, на Двину, отнимать эту важную волость у Новгорода; 6 іюня двинулъ другую рать въ двѣнадцать тысячъ, подъ предводительствомъ князя Данила Димитріевича Холмскаго къ Ильменю, а 13 іюня отправилъ за нимъ, на побережье рѣки Мсты,

третій отрядъ подъ начальствомъ князя Василія Оболенскаго-Стриги. Великій князь далъ приказаніе сожигать всѣ новгородскіе пригороды и селенія и убивать безъ разбора и старыхъ, и малыхъ. Цѣль его была обезсилить до крайности Новгородскую землю. Разомъ съ этими войсками подвигнуты были великимъ княземъ па Новгородъ силы Пскова и Твери.

Московскіе ратные люди, исполняя приказаніе Ивана Васильевича, вели себя безчеловѣчно; разбивши новгородскій отрядъ у Коростыня, на берегу Ильменя, московскіе военачальники приказывали отрѣзывать плѣнникамъ носы и губы, и въ такомъ видѣ отправляли ихъ показаться своимъ собратьямъ. Главное новгородское войско состояло бо̀льшею частью изъ людей непривычныхъ къ битвѣ: изъ ремесленниковъ, земледѣльцевъ, чернорабочихъ. Въ этомъ войскѣ не было согласія. 13 іюля, на берегу рѣки Шелони, близъ устья впадающей въ Шелонь рѣки Дряни, новгородцы были разбиты на-голову. Иванъ Васильевичъ, прибывши съ главнымъ войскомъ вслѣдъ за высланными имъ отрядами, остановился въ Яжелбицахъ и приказалъ отрубить голову четверымъ, взятымъ въ плѣнъ, предводителямъ новгородскаго войска и въ числѣ ихъ сыну Мароы Борецкой, Димитрію Исакіевичу [1]). Изъ Яжелбицъ Иванъ двинулся въ Русу, оттуда къ Ильменю и готовился добывать Новгородъ оружіемъ.

Пораженіе новгородскаго войска произвело переворотъ въ умахъ. Народъ въ Новгородѣ былъ увѣренъ, что Казимиръ явится или пришлетъ войско на помощь Новгороду; но изъ Литвы не было помощи. Ливонскіе нѣмцы не пропустили новгородскаго посла къ литовскому государю. Народъ завопилъ и отправилъ своего архіепископа просить у великаго князя пощады.

Владыка съ послами отъ Великаго Новгорода прежде всего одарилъ братьевъ великаго князя и его бояръ, а потомъ былъ допущенъ въ шатеръ великаго князя, и въ такихъ выраженіяхъ просилъ его милости:

„Господине великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси, помилуй, Господа ради, виновныхъ передъ тобою людей Великаго Новгорода, своей отчины! Покажи, господине, свое жалованье, уйми мечъ и огонь, не нарушай старины земли своей, дай видѣть свѣтъ безотвѣтнымъ людямъ твоимъ. Пожалуй, смилуйся, какъ Богъ тебѣ на сердце положитъ“.

Братья великаго князя, а за ними московскіе бояре, при-

---

[1]) Кромѣ него, Василію Селезневу-Губѣ, Кипріану Арбузьеву (или Арзубьеву) и Іеремею Сухощоку, архіепископскому чашнику.

нявшіе подарки отъ новгородцевъ, кланялись своему государю и просили за Новгородъ.

Передъ этимъ Иванъ Васильевичъ получилъ отъ митрополита грамоту: московскій архипастырь просилъ оказать пощаду Новгороду. Какъ-бы снисходя усиленному заступничеству за виновныхъ митрополита, своихъ братьевъ и бояръ, великій князь объявилъ новгородцамъ свое милосердіе:

„Отдаю нелюбіе свое, унимаю мечъ и грозу въ землѣ Новгородской и отпускаю полонъ безъ окупа".

Заключили договоръ. Новгородъ открекся отъ связи съ литовскимъ государемъ, уступилъ великому князю часть Двинской земли, гдѣ новгородское войско было разбито московскимъ. Вообще въ Двинской землѣ (Заволочье), которую Новгородъ считалъ своею собственностью, издавна была черезполосица. Посреди новгородскихъ владѣній были населенныя земли, на которыя предъявляли права другіе князья, особенно ростовскіе. Это было естественно, такъ какъ населеніе подвигалось туда изъ разныхъ странъ Руси. Великій князь московскій, какъ верховный глава всѣхъ удѣльныхъ князей и обладатель ихъ владѣній, считалъ всѣ такія спорныя земли своею отчиною и отнялъ ихъ у Новгорода, какъ-бы опираясь на старину. Новгородъ, кромѣ того, обязался заплатить „копейное" (контрибуцію). Сумма копейнаго означалась въ пятнадцать съ половиною тысячъ, но великій князь скинулъ одну тысячу. Во всемъ остальномъ договоръ этотъ былъ повтореніемъ того, какой заключенъ при Василіи Темномъ. „Вѣчныя" грамоты также уничтожались.

Вѣрный своему правилу дѣйствовать постепенно, Иванъ Васильевичъ не уничтожилъ самобытности Новгородской земли, а предоставилъ новгородцамъ подать ему вскорѣ поводъ сдѣлать дальнѣйшій шагъ къ тому, чего вѣками домогалась Москва надъ Великимъ Новгородомъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ этой несчастной войны было то, что Новгородская земля была такъ разорена и обезлюдена, какъ еще не бывало никогда во время прошлыхъ войнъ съ великими князьями. Этимъ разореніемъ московскій государь обезсилилъ Новгородъ, и на будущее время подготовилъ себѣ легкое уничтоженіе всякой его самобытности.

Иванъ Васильевичъ удержалъ за собою Вологду и Заволочье, а въ слѣдующемъ 1472 году отнялъ у Великаго Новгорода Пермь. Эта страна управлялась подъ верховною властью Новгорода своими князьками, принявшими христіанство, которое съ XIV вѣка, со времени проповѣди св. Стефана, распространилось въ этомъ краѣ. Въ Перми обидѣли какихъ-то москвичей. Иванъ Васильевичъ при-

драился къ этому и отправилъ въ Пермскую землю рать подъ начальствомъ Өедора Пестраго Московское войско разбило пермскую военную силу, сожгло пермскій городъ Искоръ и другіе городки; пермскій князь Михаилъ былъ схваченъ и отосланъ въ Москву. Пермская страна признала надъ собою власть великаго князя московскаго. Иванъ Васильевичъ и здѣсь поступилъ согласно своей обычной политикѣ: онъ оставилъ Пермь подъ управленіемъ ея князей, но уже въ подчиненіи Москвѣ, а не Новгороду; по крайней мѣрѣ до 1500 года тамъ управлялъ сынъ Михаила, князь Матвѣй, и только въ этомъ году былъ сведенъ съ княженія и замѣненъ русскимъ намѣстникомъ.

Между тѣмъ, посланный въ Римъ Иванъ Фрязинъ обдѣлалъ данное ему порученіе. Папа отпустилъ его, давши полное согласіе на бракъ московскаго великаго князя съ греческою царевною и вручилъ грамоту на свободный пріѣздъ московскихъ пословъ за невѣстою. Возвращаясь назадъ, Иванъ Фрязинъ заѣхалъ въ Венецію, назвался тамъ большимъ посломъ великаго князя московскаго и былъ принятъ съ честью венеціанскимъ правителемъ (дожемъ) Николаемъ Троно. Венеція вела тогда войну съ Турціею; представилось соображеніе отправить вмѣстѣ съ московскимъ посломъ посла отъ Венеціанской республики къ хану Золотой Орды, чтобы подвигнуть его на турокъ. Посломъ для этой цѣли избранъ былъ Джованни Баттиста Тревизано. Иванъ Фрязинъ почему-то счелъ за лучшее скрыть передъ великимъ княземъ цѣли этого посольства и настоящее званіе посла, котораго назвалъ купцомъ, своимъ родственникомъ. Онъ отправилъ его частнымъ образомъ въ дальнѣйшій путь.

Иванъ Васильевичъ, получивши съ Фрязиномъ отъ папы согласіе на бракъ, немедленно отправилъ за невѣстою въ Римъ того же Ивана Фрязина съ другими лицами. Когда уже Иванъ Фрязинъ уѣхалъ, вдругъ открылось, что Тревизано не купецъ, а посолъ; за нимъ отправили погоню, догнали въ Рязани и привезли въ Москву. Великій князь естественно подозрѣвалъ, что тутъ кроется что-то дурное, и приказалъ посадить Тревизано въ тюрьму. Ивану Фрязину, по возвращеніи въ Москву, готовилась заслуженная кара за обманъ.

Иванъ Фрязинъ явился въ Римъ уполномоченнымъ представлять лицо своего государя. Папою, вмѣсто недавно умершаго, былъ тогда Сикстъ IV. Этотъ папа и всѣ его кардиналы увидѣли въ сватовствѣ московскаго великаго князя случай провести завѣтныя цѣли римской церкви: во-первыхъ, ввести въ Русской землѣ флорентійскую унію и подчинить русскую церковь папѣ, во-вторыхъ—

двинуть силы Русской земли противъ турокъ, такъ какъ въ тотъ вѣкъ мысль объ изгнанiи турокъ изъ Европы была ходячею на Западѣ. У римскаго двора было вообще въ обычаѣ, что если къ нему обращались или хотѣли съ нимъ сблизиться тѣ, которые не признавали власти папы, то это толковалось готовностью со стороны послѣднихъ добровольно подчиниться власти римскаго первосвященника. И теперь достаточно было одного сватовства московскаго великаго князя и, по поводу этого сватовства, отправки посольства въ Римъ, чтобы въ такомъ событiи видѣть не только желанiе присоединенiя, но уже какъ-бы совершившееся присоединенiе московскаго государя къ римско-католической церкви. Папа въ своемъ отвѣтѣ Ивану Васильевичу прямо хвалилъ его за то, что онъ принимаетъ флорентiйскую унiю и признаетъ римскаго первосвященника главою церкви; папа, какъ будто по желанiю великаго князя московскаго, отправлялъ въ Москву легата изслѣдовать на мѣстѣ тамошнiе религiозные обряды и направить на истинный путь великаго князя и его подданныхъ. Вѣроятно, Иванъ Фрязинъ съ своей стороны подалъ къ этому поводъ неосторожнымъ заявленiемъ преданности папѣ отъ лица великаго князя; наши лѣтописи увѣряютъ, что онъ самъ прикидывался католикомъ, тогда какъ, находясь въ Русской землѣ, уже принялъ восточное православiе.

24-го iюня, 1472 года, нареченная невѣста, подъ именемъ царевны Софiи, выѣхала изъ Рима въ сопровожденiи папскаго легата Антонiя. Съ нею отправилась толпа грековъ: между ними былъ посолъ отъ братьевъ Софiи, по имени Димитрiй. Она плыла моремъ, высадилась въ Ревелѣ и 13-го октября прибыла во Псковъ, а оттуда въ Новгородъ. Въ обоихъ городахъ встрѣчали ее съ большимъ почетомъ; во Псковѣ пробыла Софiя пять дней, благодарила псковичей за гостепрiимство и обѣщала ходатайствовать предъ великимъ княземъ о ихъ правахъ; но псковичи съ удивленiемъ смотрѣли на папскаго легата въ красной кардинальской одеждѣ, въ перчаткахъ; болѣе всего поражало ихъ то, что этотъ высокопоставленный духовный сановникъ не оказывалъ уваженiя къ иконамъ, не полагалъ на себя крестнаго знаменiя, и только, подходя къ образу Пречистой Богородицы, перекрестился, но и то, какъ было замѣчено, сдѣлалъ это по указанiю царевны.

Такое поведенiе легата еще соблазнительнѣе должно было показаться въ Москвѣ, гдѣ менѣе, чѣмъ во Псковѣ и въ Новгородѣ, имѣли возможность знать прiемы западныхъ католиковъ. Уже невѣста приближалась къ Москвѣ, какъ въ Москву дошла вѣсть о томъ, что вездѣ, гдѣ невѣста останавливается, передъ

папскимъ легатомъ, который сопровождалъ ее, несли серебряное литое распятіе—„латинскій крыжъ"; великій князь сталъ совѣтоваться со своими боярами: можно ли допустить такое шествіе легата съ его распятіемъ по Москвѣ? Нѣкоторые полагали, что не слѣдуетъ ему препятствовать; другіе говорили: въ землѣ нашей никогда того не бывало, чтобы латинская вѣра была въ почетѣ. Великій князь послалъ спросить объ этомъ митрополита. „Нельзя тому статься—сказалъ митрополитъ—чтобъ онъ такъ входилъ въ городъ, да и приближаться къ городу ему такъ не слѣдуетъ: если ты его почтишь, то онъ—въ одни ворота въ городъ, а я въ другія ворота вонъ изъ города! Не только видѣть, и слышать намъ о томъ не годится; кто чужую вѣру хвалитъ, тотъ надъ своею вѣрою ругается". Тогда великій князь послалъ къ легату сказать, чтобъ онъ спряталъ свое литое распятіе. Легатъ, подумавши, повиновался. Иванъ Фрязинъ при этомъ усиленно доказывалъ, что слѣдуетъ оказать честь папѣ въ лицѣ его легата, такъ какъ папа оказывалъ у себя честь русскому посольству. Бѣдный итальянецъ былъ слишкомъ смѣлъ, надѣялся на свои услуги, оказанныя великому князю, и не зналъ, что̀ его ожидаетъ. За пятнадцать верстъ отъ Москвы выѣхалъ на встрѣчу невѣстѣ бояринъ великаго князя Ѳедоръ Давидовичъ: тутъ Ивана Фрязина заковали и отправили въ Коломну; его домъ и имущество разграбили, его жену и дѣтей взяли въ неволю.

12-го ноября прибыла невѣста въ Москву; тамъ все уже было готово къ бракосочетанію. Митрополитъ встрѣтилъ ее въ церкви; онъ благословилъ крестомъ какъ царевну, такъ и православныхъ людей, сопровождавшихъ ее. Изъ церкви она отправилась къ матери великаго князя; туда прибылъ Иванъ Васильевичъ. Тамъ происходило обрученіе. Лѣтописецъ говоритъ, что и вѣнчаніе совершилось въ тотъ же день [1]). Митрополитъ служилъ литургію въ деревянной церкви Успенія, поставленной временно вмѣсто обвалившейся каменной до постройки новой, а послѣ литургіи коломенскій протопопъ Іосія обвѣнчалъ московскаго великаго князя съ греческою царевною.

Посольство пробыло въ Москвѣ одиннадцать недѣль. Великій князь угощалъ его, честилъ и щедро дарилъ, но легатъ увидѣлъ, что не было надежды на подчиненіе русской церкви папѣ. Великій князь предоставлялъ это церковное дѣло митрополиту; митрополитъ выставилъ противъ легата для состязанія о вѣрѣ какого-то Никиту, книжника поповича. Но изъ этого состязанія

[1]) День былъ четвертокъ.

не вышло ничего. Русскіе говорили, будто легатъ сказалъ книжнику: „нѣтъ книгъ со мною", и потому не могъ съ нимъ спорить.

Иванъ Васильевичъ отправилъ въ Венецію Антона Фрязина за объясненіемъ по поводу Тревизано: „Что это дѣлаютъ со мною?—укорялъ онъ венеціанское правительство—съ меня честь снимаютъ; черезъ мою землю посылаютъ посла, а мнѣ о томъ не объявляютъ!" Венеціанскій дожъ отправилъ Антона назадъ съ извиненіями и съ убѣдительною просьбою отпустить задержаннаго Тревизано. Иванъ Васильевичъ по этой просьбѣ освободилъ венеціанскаго посла и не только отпустилъ его исполнить свое порученіе въ Ордѣ, но еще придалъ ему и своего собственнаго посла: вступивши въ бракъ съ греческою царевною, Иванъ Васильевичъ, такъ-сказать, взялъ съ нею въ приданое непріязнь къ Турціи, и потому съ своей стороны желалъ побуждать Ахмата къ войнѣ противъ Турціи. Посольство это не имѣло успѣха.

Иванъ Васильевичъ, отпуская венеціанскаго посла, далъ ему на дорогу семьдесятъ рублей, а потомъ отправилъ своего посла въ Венецію и велѣлъ сказать, что венеціанскому послу дано семьсотъ рублей. Этотъ посолъ Ивана Васильевича, Толбузинъ, былъ первый московскій посолъ русскаго происхожденія на Западѣ и открылъ собою рядъ русскихъ посланниковъ. Посольство это еще замѣчательно и тѣмъ, что Иванъ Васильевичъ поручилъ Толбузину найти въ Италіи мастера, который бы могъ строить церкви. Много было тогда въ Италіи архитекторовъ, но не хотѣли они ѣхать въ далекую, невѣдомую землю; сыскался одинъ только Фіоравенти, названный Аристотелемъ за свое искусство, родомъ изъ Болоньи. За десять рублей жалованья въ мѣсяцъ, отправился онъ въ Москву съ Толбузинымъ и взялъ съ собою сына Андрея и ученика, по имени Петра. Этотъ Аристотель былъ первый, открывшій дорогу многимъ другимъ иноземнымъ художникамъ. Ему поручили строить Успенскій соборъ. Церковь эта была построена еще при Калитѣ; она обветшала, была разобрана; вмѣсто нея, русскіе мастера, Кривцовъ и Мышкинъ, взялись строить новую, да не съумѣли вывести сводъ. Аристотель нашелъ, что русскіе не умѣютъ ни обжигать кирпичей, ни приготовлять извести. Онъ приказалъ все построенное разбить стѣнобитною машиною, которая возбуждала простодушное удивленіе русскихъ. „Какъ это?—говорили они—три года церковь строена, а онъ ее меньше чѣмъ въ недѣлю развалилъ!" Еще болѣе удивлялись русскіе колесу, которымъ Аристотель поднималъ камни при постройкѣ верхнихъ стѣнъ зданія. Церковь окончена была

въ 1479 году и освящена съ большимъ празднествомъ. Аристотель былъ полезнымъ человѣкомъ въ Москвѣ не только по строительному дѣлу: онъ умѣлъ лить пушки, колокола и чеканить монету.

Бракъ московскаго государя съ греческою царевною былъ важнымъ событіемъ въ русской исторіи. Собственно какъ родственный союзъ съ византійскими императорами, это не было новостью: много разъ русскіе князья женились на греческихъ царевнахъ, и такіе браки, кромѣ перваго изъ нихъ, брака св. Владимира, не имѣли важныхъ послѣдствій, не измѣняли ничего существеннаго въ русской жизни. Бракъ Ивана съ Софіею заключенъ былъ при особыхъ условіяхъ. Во-первыхъ, невѣста его прибыла не изъ Греціи, а изъ Италіи, и ея бракъ открылъ путь сношеніямъ московской Руси съ Западомъ. Во-вторыхъ—Византійскаго государства уже не существовало; обычаи, государственныя понятія, пріемы и обрядность придворной жизни, лишенные прежней почвы, искали себѣ новой и нашли ее въ единовѣрной Руси. Пока существовала Византія, Русь хотя усвоивала всю ея церковность, но въ политическомъ отношеніи оставалась всегда только Русью, да и у грековъ не было поползновенія передѣлать Русь въ Византію; теперь же, когда Византіи не стало, возникла мысль, что Греція должна была воплотиться въ Руси, и Русское государство будетъ преемственно продолженіемъ Византійскаго настолько, насколько русская церковь преемственно была костію отъ костей и плотію отъ плоти греческой церкви. Кстати, Восточная Русь освобождалась отъ порабощенія татарскаго именно въ ту эпоху, когда Византія порабощена была турками. Являлась надежда, что молодая русская держава, усилившись и окрѣпши, послужитъ главнымъ двигателемъ освобожденія Греціи. Бракъ Софіи съ русскимъ великимъ княземъ имѣлъ значеніе передачи наслѣдственныхъ правъ потомства Палеологовъ русскому великокняжескому дому. Правда, у Софіи были братья, которые иначе распорядились своими наслѣдственными правами: одинъ изъ ея братьевъ, Мануилъ, покорился турецкому султану; другой, Андрей, два раза посѣщалъ Москву, оба раза не ужился тамъ, уѣхалъ въ Италію и продавалъ свое наслѣдственное право, то французскому королю Карлу VIII, то испанскому—Фердинанду Католику. Въ глазахъ православныхъ людей передача правъ византійскихъ православныхъ монарховъ какому-нибудь королю латинику не могла казаться законною, и въ этомъ случаѣ гораздо болѣе права представлялось за Софіею, которая оставалась вѣрна православію, была супругою право-

славнаго государя, должна была сдѣлаться и сдѣлалась матерью и праматерью его преемниковъ, и при своей жизни заслужила укоръ и порицанія папы и его сторонниковъ, которые очень ошиблись въ ней, разсчитывая черезъ ея посредство ввести въ московскую Русь флорентійскую унію. Первымъ видимымъ знакомъ той преемственности, какая образовалась въ отношеніи московской Руси къ Греціи, было принятіе двуглаваго орла, герба восточной Римской имперіи, сдѣлавшагося съ тѣхъ поръ гербомъ русскимъ. Съ этихъ поръ многое на Руси измѣняется и принимаетъ подобіе византійскаго. Это дѣлается не вдругъ, происходитъ во все время княженія Ивана Васильевича, продолжается и послѣ смерти его. Въ придворномъ обиходѣ является громкій титулъ царя, цѣлованіе монаршей руки, придворные чины: ясельничаго, конюшаго, постельничаго (явившіеся, впрочемъ, къ концу княженія Ивана); значеніе бояръ, какъ высшаго слоя общества, упадаетъ передъ самодержавнымъ государемъ; всѣ дѣлались равны, всѣ одинаково были его рабами. Почетное наименованіе „бояринъ" становится саномъ, чиномъ: въ бояре жалуетъ великій князь за заслуги; кромѣ боярина былъ уже другой, нѣсколько меньшій чинъ—окольничаго. Такимъ образомъ положено было начало чиновной іерархіи. Къ эпохѣ Ивана Васильевича, какъ думать должно, слѣдуетъ отнести начало учрежденія приказовъ съ ихъ дьяками. По крайней мѣрѣ, тогда уже былъ „разрядъ", наблюдавшій надъ порядкомъ службы, былъ и посольскій приказъ: послѣднее можно заключать изъ того, что существовалъ посольскій дьякъ. Но всего важнѣе и существеннѣе была внутренняя перемѣна въ достоинствѣ великаго князя, сильно ощущаемая и наглядно видимая въ поступкахъ медлительнаго Ивана Васильевича. Великій князь сдѣлался государемъ самодержцемъ. Уже въ его предшественникахъ видна достаточная подготовка къ этому, но великіе князья московскіе все еще не были вполнѣ самодержавными монархами: первымъ самодержцемъ сталъ Иванъ Васильевичъ и сталъ особенно такимъ послѣ брака съ Софіею. Вся дѣятельность его съ этихъ поръ была послѣдовательнѣе и неуклоннѣе посвящена укрѣпленію единовластія и самодержавія.

И ближайшіе къ его времени потомки сознавали это. При его сынѣ Василіѣ, который такъ послѣдовательно продолжалъ отцовское дѣло, русскій человѣкъ Берсень сказалъ греку Максиму: „Какъ пришла сюда мати великаго государя, то наша земля замѣшалася". Грекъ замѣтилъ, что Софія была особа царскаго происхожденія. Берсень на это сказалъ: „Максиме госпо-

дине, какая бы она ни была, да къ нашему нестроенію пришла; а мы отъ разумныхъ людей слыхали: которая земля переставляетъ свои обычаи, и та земля не долго стоитъ, а у насъ князь великій обычаи перемѣнилъ". Главная сущность такихъ перемѣнъ въ обычаяхъ, какъ показываютъ слова того же Берсеня, состояла во введеніи самодержавныхъ пріемовъ, въ томъ, что государь перестал по старинѣ совѣтоваться со старѣйшими людьми, а, запершись у постели, всѣ дѣла самъ-третей дѣлалъ. Позже Берсеня, спустя столѣтіе послѣ брака Ивана Васильевича съ Софіею, Курбскій, ненавидѣвшій самовластіе внука этой четы, приписывалъ начало противнаго ему порядка вещей Софіи, называлъ ее чародѣйницею, обвинялъ въ злодѣяніяхъ, совершенныхъ надъ членами семьи великаго князя. Несомнѣнно, что сама Софія была женщина сильная волею, хитрая, и имѣла большое вліяніе какъ на своего мужа, такъ и на ходъ дѣлъ въ Руси.

Однимъ изъ важнѣйшихъ событій послѣ брака съ Софіею была окончательная расправа съ Новгородомъ. Иванъ воспользовался давнимъ правомъ княжескаго суда, чтобъ лишить Новгородъ нѣкоторыхъ лицъ, въ которыхъ видѣлъ противниковъ своихъ самодержавныхъ стремленій. Въ 1475 году онъ отправился въ Новгородъ и былъ принятъ тамъ съ большимъ почетомъ. Въ Новгородѣ, какъ всегда бывало, происходили несогласія, и не было недостатка въ такихъ лицахъ, которыя готовы были своими жалобами возбуждать великаго князя къ производству суда надъ новгородскими людьми. Явились жалобщики (старосты Славковой и Никитиной улицы и два боярина); случилось, что они жаловались на тѣхъ именно лицъ, которыя были особенно ненавистны великому князю по прежней его ссорѣ съ Новгородомъ. Великій князь, какъ будто уважая новгородскую старину, давши на обвиняемыхъ своихъ великокняжескихъ приставовъ, велѣлъ дать на нихъ же еще приставовъ отъ вѣча, и, назначивъ день суда на Городищѣ, приказалъ быть при судѣ своемъ новгородскому владыкѣ и посадникамъ. Иванъ Васильевичъ призналъ тѣхъ, которыхъ противная сторона обвиняла, виновными въ наѣздахъ на дворы, въ грабежахъ и убійствахъ, и приказалъ своимъ боярамъ взять подъ стражу изъ числа обвиненныхъ четырехъ человѣкъ (Василья Онаньина, Богдана Есипова, Ѳедора Борецкаго и Ивана Лошинскаго), противниковъ Москвы, какими они показали себя въ 1471 году. Великій князь тутъ же приказалъ присоединить къ нимъ еще двухъ человѣкъ, не подвергавшихся его суду (Ивана Аѳанасьевича и сына его Елевѳерія), припомнивши имъ, что они затѣвали отдать Новго-

родъ польскому королю. Но на этомъ судѣ только для вида присутствовали посадники, и только по формѣ судъ этотъ былъ, сообразно старинѣ, двойственнымъ, то-есть и княжескимъ и вмѣстѣ народнымъ; на самомъ дѣлѣ, судъ этотъ былъ судомъ одного только великаго князя, какъ видно изъ того, что впослѣдствіи и владыка, и посадники нѣсколько разъ просили московскаго великаго князя, чтобы онъ выпустилъ задержанныхъ новгородцевъ. Великій князь былъ неумолимъ: шестерыхъ взятыхъ подъ стражу приказалъ отправить въ Москву, а оттуда на заточеніе въ Муромъ и Коломну; прочихъ же обвиненныхъ этимъ судомъ отдалъ на поруки, наложивши на нихъ въ уплату истцамъ и себѣ за ихъ вину большую сумму въ полторы тысячи рублей. Затѣмъ Иванъ Васильевичъ пировалъ у новгородцевъ, и эти пирушки тяжело ложились на ихъ карманы: не только тѣ, которые устроивали пиры для великаго князя, дарили его деньгами, виномъ, сукнами, лошадьми, серебряною и золотою посудою, рыбьимъ зубомъ,—даже тѣ, которые не угощали его пирами, приходили на княжескій дворъ съ подарками, такъ что изъ купцовъ и житыхъ людей не осталось никого, кто бы тогда не принесъ великому князю отъ себя даровъ.

По возвращеніи Ивана Васильевича въ Москву, въ концѣ марта 1476 года, пріѣхалъ къ нему новгородскій архіепископъ съ посадниками и житыми людьми бить челомъ, чтобъ онъ отпустилъ задержанныхъ новгородцевъ. Иванъ Васильевичъ взялъ отъ нихъ дары, но не отпустилъ взятыхъ въ неволю новгородцевъ, о которыхъ они просили. Великокняжескій судъ, произведенный на Городищѣ, естественно понравился тѣмъ, которые были оправданы этимъ судомъ; это побуждало нѣкоторыхъ новгородцевъ явиться въ Москву и также искать великокняжескаго суда на свою братію. Издавна однимъ изъ важнѣйшихъ правъ новгородской вольности было то, что великому князю нельзя было вызывать новгородца изъ его Земли и судить не въ Новгородской Землѣ. Это право теперь нарушалось. Великій князь выслушивалъ новгородскихъ истцовъ въ Москвѣ и отправлялъ въ Новгородъ своихъ московскихъ, а не новгородскихъ приставовъ за отвѣтчиками. Въ числѣ такихъ челобитчиковъ и отвѣтчиковъ было двое чиновниковъ новгородскаго вѣча: подвойскій (чиновникъ по порученіямъ) по имени Назаръ и дьякъ вѣча (секретарь) Захаръ Овиновъ. Въ Москвѣ ихъ разумѣли какъ пословъ отъ вѣча. Вмѣсто того, чтобы по старинѣ назвать великаго князя и его сына (котораго имя уже ставилось въ грамотахъ какъ имя соправителя) господами, они назвали ихъ го-

сударями. Великій князь ухватился за это, и 24 апрѣля 1477 года отправилъ своихъ пословъ спросить: какого государства хочетъ Великій Новгородъ, такъ какъ объ этомъ государствѣ говорили въ Москвѣ, пріѣхавшіе отъ всего Великаго Новгорода, послы.

Новгородцы на вѣче отвѣчали, что не называли великаго князя государемъ и не посылали къ нему пословъ говорить о какомъ-то новомъ государствѣ; весь Новгородъ, напротивъ, хочетъ, чтобы все оставалось безъ перемѣны по старинѣ.

Еще послы великаго князя не успѣли уѣхать изъ Новгорода, какъ тамъ поднялось волненіе: 31 мая вѣче казнило троихъ лицъ—Василія Никифорова, Захара Овинова и брата его Козьму. Услыхавши объ этомъ, великій князь испросилъ благословенія у митрополита Геронтія, заступившаго мѣсто умершаго Филиппа, и въ началѣ октября 1477 года двинулся съ войскомъ наказывать Новгородъ огнемъ и мечомъ. И Тверь, и Псковъ должны были посылать свою рать на Новгородъ. Къ ополченію московскаго великаго князя пристали люди изъ новгородскихъ волостей, бѣжечане, новоторжцы, волочане (жители Волока-Ламскаго), такъ какъ въ этихъ пограничныхъ волостяхъ были въ черезполосности владѣнія неновгородскія. Непріятельскіе отряды распущены были по всей Новгордской землѣ отъ Заволочья до Наровы и должны были жечь людскія поселенія и истреблять жителей. Для защиты своей свободы у новгородцевъ не было ни матеріальныхъ средствъ, ни нравственной силы. Они отправили владыку съ послами просить у великаго князя мира и пощады.

Послы встрѣтили великаго князя въ Сытынскомъ погостѣ близъ Ильменя. Великій князь не принялъ ихъ, а велѣлъ своимъ боярамъ представить имъ на видъ вину Великаго Новгорода: „сами новгородцы послали въ Москву пословъ, которые назвали великаго князя государемъ, а теперь Новгородъ отрекается отъ этого!“ Въ заключеніе бояре сказали: „если Новгородъ захочетъ бить челомъ, то онъ знаетъ, какъ ему бить челомъ“.

Вслѣдъ затѣмъ великій князь 27 ноября переправился черезъ Ильмень и сталъ за три версты отъ Новгорода въ селѣ, принадлежавшемъ опальному Лошинскому, близъ Юрьева монастыря.

Новгородцы еще разъ послали пословъ своихъ къ великому князю, но московскіе бояре, не допустивши ихъ, какъ и прежде, до великаго князя, сказали имъ все тѣ же загадочныя слова: „если Новгородъ захочетъ бить челомъ, то онъ знаетъ, какъ ему бить челомъ“.

Великокняжескія войска, захвативши подгородные манастыри, окружили весь городъ; Новгородъ очутился замкнутымъ со всѣхъ сторонъ.

Опять отправился владыка съ послами. Великій князь и на этотъ разъ не допустилъ ихъ къ себѣ; но бояре теперь не говорили имъ загадокъ а объявили напрямикъ: „вѣчу и колоколу не быть, посаднику не быть, государство Новгородское держать великому князю точно такъ же, какъ онъ держитъ государство въ Низовой землѣ, а управлять въ Новгородѣ его намѣстникамъ". За это ихъ обнадеживали тѣмъ, что великій князь не станетъ отнимать у бояръ земель и не будетъ выводить жителей изъ Новгородской земли.

Шесть дней прошло въ волненіи. Новгородскіе бояре, ради сохраненія своихъ вотчинъ, рѣшились пожертовать земскою свободою, хотя, въ сущности, съ потерею этой свободы не оставалось никакого ручательства въ цѣлости достоянія частныхъ лицъ. Народъ не въ силахъ былъ защищаться оружіемъ; не у кого было просить помощи и не могла она ни откуда придти къ Новгороду: городъ былъ отрѣзанъ отъ всего.

Владыка съ послами снова поѣхалъ въ станъ великаго князя и объявилъ, что Новгородъ соглашается на все. Послы предложили написать договоръ въ этомъ же смыслѣ и утвердить его съ обѣихъ сторонъ крестнымъ цѣлованіемъ. Но бояре сказали, что великій князь не станетъ цѣловать креста.

„Пусть бояре поцѣлуютъ крестъ" — сказали новгородскіе послы.

„И боярамъ не велитъ государь цѣловать креста"—отвѣчали бояре, доложивши прежде объ этомъ великому князю.

„Такъ пусть намѣстникъ великаго князя поцѣлуетъ крестъ"— говорили новгородцы.

„И намѣстнику не велитъ государь цѣловать креста"—отвѣчали бояре.

Новгородскіе послы съ такимъ отвѣтомъ хотѣли идти въ Новгородъ, но ихъ задержали, не сказавши причины, за что задерживаютъ.

Иванъ Васильевичъ нарочно медлилъ для того, чтобы тѣмъ временемъ новгородцы въ осадѣ дошли до крайняго положенія отъ голода и распространившихся болѣзней, а Новгородская земля потерпѣла бы еще сильнѣе отъ его рати. Наконецъ, въ январѣ, 1478 года, потребовали отъ пословъ, чтобы Новгородъ отдалъ великому князю половину владычнихъ и монастырскихъ волостей и всѣ новоторжскія волости, чьи бы онѣ ни были.

Новгородъ на все согласился, выговоривши только льготу для бѣдныхъ монастырей. Условились, чтобы съ каждой сохи, т.-е. съ пространства въ три обжи или въ три раза болѣе того, сколько одинъ человѣкъ можетъ спахать одною лошадью, брать дань по полугривнѣ.

15-го января всѣ новгородцы были приведены къ присягѣ на полное повиновеніе великому князю. По этой присягѣ каждый новгородецъ былъ обязанъ доносить на своего брата новгородца, если услышитъ отъ него что-нибудь о великомъ князѣ хорошаго или худого. Въ этотъ день снятъ былъ вѣчевой колоколъ и отвезенъ въ московскій станъ.

Несмотря на обѣщаніе никого не выводить изъ Новгородской земли, великій князь въ февралѣ того же года приказалъ схватить, заковать и отправить въ Москву нѣсколько лицъ, стоявшихъ еще прежде во главѣ патріотическаго движенія. Въ числѣ ихъ была Марѳа Борецкая съ внукомъ—сыномъ, уже умершаго тогда въ заточеніи въ Муромѣ, Ѳедора. Имущество опальныхъ досталось великому князю—было „отписано на государя“, какъ тогда начали выражаться.

Великій князь назначилъ въ Новгородъ четырехъ намѣстниковъ и уѣхалъ въ Москву. Современники говорятъ, что по его приказанію отправилось туда триста возовъ съ добычею, награбленною у новгородцевъ. Повезли въ Москву и вѣчевой колоколъ Великаго Новгорода; „и вознесли его на колокольницу—говоритъ лѣтописецъ—съ прочими колоколы звонити“.

Москва, расширяя предѣлы своей волости, со временъ Ивана Калиты еще не пріобрѣтала такой важной добычи: все огромное пространство сѣвера нынѣшней Европейской Россіи, отъ Финскаго залива до Бѣлаго моря, теперь принадлежало ея государю. Но этотъ успѣхъ навлекъ на нее бурю. Казимиръ пропустилъ удобное время, не помогъ Новгороду тогда, когда бы еще могъ овладѣть имъ и тѣмъ поставить преграду распространяющемуся могуществу Москвы; теперь, казалось, онъ испугался этого могущества и думалъ исправить испорченное дѣло. Онъ отправилъ посла къ хану Золотой Орды возбуждать его на Москву, обѣщалъ дѣйствовать съ нимъ за-одно съ своими силами литовскими и польскими. Въ то же время онъ сталъ ласкать и обнадеживать новгородцевъ. Естественно, въ Новгородѣ, послѣ покоренія, должна была оставаться партія, готовая на всякія покушенія къ возстановленію павшаго зданія. Составился заговоръ. Заговорщики вошли въ сношенія съ Литвою. У новгородцевъ явились союзниками даже братья великаго князя, Андрей Старшій и Борисъ; они

были недовольны Иваномъ Васильевичемъ: съ нимъ за-одно покоряли они Новгородъ, но Иванъ Васильевичъ присоединилъ покоренную землю къ своей державѣ, а братьямъ не далъ части въ добычѣ [1]).

Иванъ Васильевичъ узналъ впору объ опасности и поспѣшилъ въ Новгородъ осенью 1479 года. Онъ утаивалъ свое настоящее намѣреніе и пустилъ слухъ, будто идетъ на нѣмцевъ, нападавшихъ тогда на Псковъ; даже сынъ его не зналъ истинной цѣли его похода. Новгородцы, между тѣмъ, понадѣявшись на помощь Казимира, прогнали великокняжескихъ намѣстниковъ, возобновили вѣчевой порядокъ, избрали посадника и тысячскаго.

Великій князь подошелъ къ городу съ своимъ иноземнымъ мастеромъ Аристотелемъ, который поставилъ противъ Новгорода пушки; его пушкари стрѣляли мѣтко. Тѣмъ временемъ великокняжеская рать захватила посады, и Новгородъ очутился въ осадѣ. Поднялась въ Новгородѣ безладица; многіе сообразили, что нѣтъ надежды на защиту и поспѣшили заранѣе въ станъ великаго князя съ поклономъ. Наконецъ, патріоты, не въ силахъ будучи обороняться, послали къ великому князю просить „опаса", т.-е. грамоты на свободный проѣздъ пословъ для переговоровъ. Но времена переговоровъ съ Москвою уже минули для Новгорода.

„Я вамъ опасъ,—сказалъ великій князь—я опасъ невиннымъ; я государь вамъ, отворяйте ворота, войду—никого невиннаго не оскорблю".

Новгородъ отворилъ ворота; архіепископъ вышелъ съ крестомъ; новый посадникъ, новый тысячскій, старосты отъ пяти концовъ Новгорода, бояре, множество народа, всѣ пали на землю и молили о прощеніи. Иванъ пошелъ въ храмъ св. Софіи, молился, потомъ помѣстился въ домѣ новоизбраннаго посадника Ефрема Медвѣдева.

Доносчики представили Ивану Васильевичу списокъ главныхъ заговорщиковъ. По этому списку онъ приказалъ схватить пятьдесятъ человѣкъ и пытать. Они подъ пытками показали, что владыка съ ними былъ въ соумышленіи; владыку схватили 19-го января 1480 года и безъ церковнаго суда отвезли въ Москву, гдѣ заточили въ Чудовомъ монастырѣ. „Познаваю — написалъ

---

[1]) Кромѣ того онъ не дозволилъ боярамъ отъѣзжать къ его братьямъ: одного изъ нихъ, князя Оболенскаго-Лыка, приказалъ схватить во владѣніяхъ Бориса. Меньшой братъ Андрей не присталъ къ своимъ братьямъ, когда они сговаривались противъ Ивана; онъ задолжалъ великому князю 30,000 р. и впослѣдствіи завѣщалъ ему за это свой удѣлъ.

онъ—убожество моего ума и великое смятеніе моего неразумѣнія". Архіепископская казна досталась государю. Обвиненные наговорили на другихъ, и такимъ образомъ схвачено было еще сто человѣкъ; ихъ пытали, а потомъ всѣхъ казнили. Имѣніе казненныхъ отписано было на государя.

Вслѣдъ затѣмъ болѣе тысячи семей купеческихъ и дѣтей боярскихъ выслано было и поселено въ Переяславлѣ, Владимірѣ, Юрьевѣ, Муромѣ, Ростовѣ, Костромѣ, Нижнемъ-Новгородѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, московское войско погнало болѣе семи тысячъ семей изъ Новгорода въ Московскую землю. Все недвижимое и движимое имущество переселяемыхъ сдѣлалось достояніемъ великаго князя. Многіе изъ сосланныхъ умерли на дорогѣ, такъ какъ ихъ погнали зимою, не давши собраться; оставшихся въ живыхъ разселили по разнымъ посадамъ и городамъ; новгородскимъ дѣтямъ боярскимъ давали помѣстья, а вмѣсто нихъ поселяли въ Новгородскую землю москвичей. Точно также вмѣсто купцовъ, сосланныхъ въ Московскую землю, отправили другихъ изъ Москвы въ Новгородъ.

Расправившись съ Новгородомъ, Иванъ спѣшилъ въ Москву; приходили вѣсти, что на него двигается ханъ Золотой Орды.

Собственно говоря, великій князь московскій на дѣлѣ уже былъ независимъ отъ Орды: она пришла тогда къ такому ослабленію, что вятскіе удальцы, спустившись по Волгѣ, могли разграбить Сарай, столицу хана. Великій князь перестаъ платить вынужденную опредѣленную дань, ограничиваясь одними дарами; а это не могло уже имѣть смысла подданства, такъ какъ подобнымъ образомъ дары отъ московскихъ государей и впослѣдствіи долго давались татарскимъ владѣтелямъ, во избѣжаніе разорительныхъ татарскихъ набѣговъ. Такимъ образомъ, освобожденіе Руси отъ нѣкогда страшнаго монгольскаго владычества совершилось постепенно, почти незамѣтно. Бывшая держава Батыя, распавшись на многія царства, была постоянно раздираема междоусобіями, и если одно татарское царство угрожало Москвѣ, то другое мѣшало ему поработить Москву; ханъ Золотой Орды досадовалъ, что рабъ его предковъ, московскій государь, не повинуется ему; но Иванъ Васильевичъ нашелъ себѣ союзника въ крымскомъ ханѣ Менгли-Гиреѣ, врагѣ Золотой Орды. Только послѣ новгородскаго дѣла, обстоятельства сложились временно такъ, что ханъ Золотой Орды увидѣлъ возможность сдѣлать покушеніе возстановить свои древнія права надъ Русью. Союзникъ Ивана Васильевича Менгли-Гирей былъ изгнанъ и замѣненъ другимъ ханомъ—Зенибекомъ. Литовскій великій князь и польскій король

Казимиръ побуждалъ Ахмата противъ московскаго государя, обѣщая ему большую помощь, да вдобавокъ, московскій государь поссорился съ своими братьями [1]); для Ахмата представлялись надежды на успѣхъ. Многое измѣнилось, когда Ахматъ собрался въ походъ. Менгли-Гирей прогналъ Зенибека и снова овладѣлъ крымскимъ престоломъ; московскій государь помирился съ братьями, давши имъ обѣщаніе сдѣлать прибавку къ тѣмъ наслѣдственнымъ удѣламъ, которыми они уже владѣли. Наконецъ, когда ханъ Золотой Орды шелъ изъ волжскихъ странъ степью, къ берегамъ Оки, Иванъ Васильевичъ отправилъ внизъ по Волгѣ на судахъ рать подъ начальствомъ звенигородскаго воеводы Василія Ноздреватаго и крымскаго царевича Нордоулата, брата Менгли-Гирея, чтобы потревожить Сарай, оставшійся безъ обороны.

Несмотря на всѣ эти мѣры, показывающія благоразуміе Ивана Васильевича, нашествіе Ахмата сильно безпокоило его: онъ по природѣ не былъ храбръ; память о посѣщеніи Москвы Тохтамышемъ и Эдиги сохранялась въ потомствѣ. Народъ былъ въ тревогѣ; носились слухи о разныхъ зловѣщихъ предзнаменованіяхъ: въ Алексинѣ, куда направлялись татары, люди видѣли, какъ звѣзды, словно дождь, падали на землю и разсыпались искрами, а въ Москвѣ ночью колокола звонили сами собою; въ церкви Рождества Богородицы упалъ верхъ и сокрушилъ много иконъ: все это сочтено было предвѣстіемъ бѣды, наступавшей отъ татаръ. Иванъ Васильевичъ отправилъ впередъ войско съ сыномъ Иваномъ, а самъ оставался шесть недѣль въ Москвѣ, между тѣмъ, супруга его выѣхала изъ Москвы въ Дмитровъ и оттуда водянымъ путемъ отправилась на Бѣлоозеро. Вмѣстѣ съ нею великій князь отправилъ свою казну. Народъ съ недовольствомъ узналъ объ этомъ; народъ не терпѣлъ Софіи, называлъ ее римлянкою; тогда говорили, что отъ сопровождавшихъ ее людей и боярскихъ холоповъ, „кровопійцъ христіанскихъ", хуже было русскимъ жителямъ, чѣмъ могло быть отъ татаръ. Напротивъ того, мать великаго князя инокиня Маронa изъявила рѣши-

---

[1]) Существуютъ такія извѣстія: ханы, посылая своихъ пословъ въ Москву, отправляли съ ними свое изображеніе, такъ-наз. „басму"; великіе князья должны были кланяться этому изображенію и выслушивать ханскую грамоту, стоя на колѣняхъ. Иванъ Васильевичъ уклонялся отъ этой церемоніи, сказываясь больнымъ; наконецъ, когда Ахматъ послалъ потребовать дани, Иванъ Васильевичъ изломалъ ханскую басму, растопталъ ее ногами и велѣлъ умертвить пословъ: вслѣдствіе этого Ахматъ пошелъ на Москву. Сказаніе это не имѣетъ достовѣрности, и гораздо правдоподобнѣе, что Ахматъ былъ возбужденъ на московскаго государя Казимиромъ, какъ объясняютъ другія современныя извѣстія.

мость остаться съ народомъ въ осадѣ, и за то пріобрѣла общія похвалы отъ народа, который видѣлъ въ ней русскую женщину въ противоположность чужеземкѣ. Побуждаемый матерью и духовенствомъ, Иванъ Васильевичъ оставилъ Москву подъ управленіемъ князя Михаила Андреевича Можайскаго и намѣстника своего Ивана Юрьевича Патрикѣева, а самъ поѣхалъ къ войску въ Коломну; но тамъ окружили его такіе же трусы, какимъ онъ былъ самъ: то были, какъ выражается лѣтописецъ, „богатые сребролюбцы, брюхатые предатели"; они говорили ему: „Не становись на бой, великій государь, лучше бѣги; такъ дѣлали прадѣдъ твой Димитрій Донской и дѣдъ твой Василій Димитріевичъ". Иванъ Васильевичъ поддался ихъ убѣжденіямъ, которыя сходились съ тѣми ощущеніями страха, какія испытывалъ онъ самъ. Онъ рѣшился послѣдовать примѣру прародителей, уѣхалъ обратно въ Москву и встрѣтилъ тамъ народное волненіе; въ ожиданіи татаръ, толпы перебирались въ Кремль; народъ съ ужасомъ увидѣлъ нежданно своего государя въ столицѣ, въ то время, когда всѣ думали, что онъ долженъ былъ находиться въ войскѣ. Народъ и безъ того не любилъ Ивана, а только боялся его; теперь этотъ народъ далъ волю долго сдержаннымъ чувствамъ и завопилъ: „Ты, государь, княжишь надъ нами такъ, что пока тихо и спокойно, то обираешь насъ понапрасну, а какъ придетъ бѣда, такъ ты въ бѣдѣ покидаешь насъ. Самъ разгнѣвалъ царя, не платилъ ему выходу, а теперь насъ всѣхъ отдаешь царю и татарамъ!"

Духовенство, съ своей стороны, подняло голосъ; всѣхъ смѣлѣе заявилъ себя ростовскій архіепископъ Вассіанъ Рыло: „Ты боишься смерти,—говорилъ онъ Ивану,—но вѣдь ты не безсмертенъ! Ни человѣкъ, ни птица, ни звѣрь не избѣгнутъ смертнаго приговора. Если боишься, то передай своихъ воиновъ мнѣ. Я хотя и старъ, но не пощажу себя, не отвращу лица своего, когда придется стать противъ татаръ". Невыносимы были эти обличительныя слова великому князю: онъ и въ Москвѣ трусилъ, но уже не враговъ, а своихъ, боялся народнаго возстанія, уѣхалъ изъ столицы въ Красное-Село и послалъ къ сыну Ивану приказаніе немедленно пріѣхать къ нему. Къ счастью, сынъ былъ храбрѣе отца и не послушался его. Иванъ Васильевичъ, раздраженный этимъ непослушаніемъ, приказалъ князю Холмскому силою привезти къ нему сына; но и Холмскій не послушался его и не рѣшился употребить насилія, когда сынъ великаго князя сказалъ ему: „Лучше здѣсь погибну, чѣмъ поѣду къ отцу". Время было роковое для самодержавныхъ стремленій Ивана; онъ чувствовалъ, что народная воля способна еще проснуться и по-

казать себя выше его воли. Опаснѣе было оставаться или куда-нибудь бѣжать, чтобы скрыться отъ татаръ, чѣмъ отправиться на войну съ татарами. Иванъ уѣхалъ къ войску, въ сущности побуждаемый тою же трусостью, которая заставила его покинуть войско.

Между тѣмъ, ханъ Ахматъ шелъ медленно по окраинѣ Литовской земли, мимо Мценска, Любутска, Одоева, и сталъ у Воротынска, ожидая себѣ помощи отъ Казимира. Литовская помощь не пришла къ нему; союзникъ Ивана Васильевича Менгли-Гирей напалъ на Подоль и тѣмъ отвлекъ литовскія силы. Великій князь московскій пришелъ съ войскомъ въ Кременецъ, гдѣ соединился съ братьями. Ахматъ двинулся къ рѣкѣ Угрѣ: начались стычки съ передовыми русскими отрядами; между тѣмъ рѣка стала замерзать. Великій князь перешелъ отъ Кременца къ Боровску, объявивши, что здѣсь на пространномъ полѣ намѣренъ вступить въ бой; но тутъ на него опять нашла боязнь. Были у него приближенные совѣтники, которые поддерживали въ Иванѣ Васильевичѣ трусость и побуждали вмѣсто битвы просить милости у хана. Иванъ Васильевичъ отправилъ къ Ахмату Ивана Товаркова съ челобитьемъ и дарами, просилъ пожаловать его и не разорять своего „улуса“, какъ онъ называлъ передъ ханомъ свои русскія владѣнія. Ханъ отвѣчалъ: „Я пожалую его, если онъ пріѣдетъ ко мнѣ бить челомъ, какъ отцы его ѣздили къ нашимъ отцамъ съ поклономъ въ Орду“. Въ это-то время пришло къ Ивану посланіе отъ ростовскаго архіепископа Вассіана, одинъ изъ краснорѣчивыхъ памятниковъ нашей древней литературы: пастырь ободрялъ Ивана Васильевича примѣрами изъ св. писанія и изъ русской исторіи, убѣждалъ не поддаваться коварнымъ совѣтамъ трусовъ, которые покроютъ его срамомъ. Видно, что тогда нѣкоторые представляли великому князю такой доводъ, что татарскіе цари—законные владыки Руси, и русскіе князья, прародители Ивана Васильевича, завѣщали потомкамъ не поднимать рукъ противъ царя. Вассіанъ по этому вопросу говоритъ: „Если ты разсуждаешь такъ: прародители закляли насъ не поднимать руки противъ царя, — то слушай, боголюбивый царь: клятва бываетъ невольная, и намъ повелѣно прощать и разрѣшать отъ такихъ клятвъ; и святѣйшій митрополитъ, и мы, и весь боголюбивый соборъ разрѣшаемъ тебя и благословляемъ идти на него, не такъ какъ на царя, а какъ на разбойника и хищника и богоборца. Лучше солгать и получить жизнь, нежели истинствовать и погибнуть, отдавши землю на разореніе, христіанъ на истребленіе, святыя церкви на запустѣніе и оскверненіе, и уподобиться окаянному Ироду, который погибъ, не хотя

преступить клятвы. Какой пророкъ, какой апостолъ, какой святитель научилъ тебя, христіанскаго царя великихъ русскихъ странъ, повиноваться этому богостудному, скверному и самозванному царю? Не только за наше согрѣшеніе, но и за нашу трусость и ненадѣяніе на Бога попустилъ Богъ на твоихъ прародителей и на всю землю Русскую окаяннаго Батыя, который пришелъ, разбойнически поплѣнилъ нашу землю, поработилъ насъ и воцарился надъ нами: тогда мы прогнѣвали Бога и Богъ наказалъ насъ. Но Богъ, потопившій Фараона и избавившій Израиля, все тотъ же Богъ вовѣки! Если ты, государь, покаешься отъ всего сердца и прибѣгнешь подъ крѣпкую руку Его и дашь обѣтъ всѣмъ умомъ и всею душою своею перестать дѣлать то, что̀ ты прежде дѣлалъ, будешь творить судъ и правду посреди Земли, любить ближнихъ своихъ, никого не будешь насиловать и станешь оказывать милость согрѣшающимъ, то и Богъ будетъ милостивъ къ тебѣ въ злое время; только кайся не одними только словами, совсѣмъ иное помышляя въ своемъ сердцѣ. Такого покаянія Богъ не принимаетъ: истинное покаяніе состоитъ въ томъ, чтобы перестать дѣлать дурное“.

Не знаемъ, подѣйствовала ли эта смѣлая обличительная рѣчь, или, быть можетъ, гордое требованіе Ахмата задѣло заживое Ивана, или, какъ говорятъ лѣтописцы, страхъ опасности лично явиться къ хану не допустилъ Ивана до послѣдняго униженія. Самъ Ахматъ прислалъ къ нему съ такимъ словомъ: „Если не пріѣдешь самъ, то пришли сына или брата“. Иванъ не сдѣлалъ этого. Тогда Ахматъ прислалъ къ нему еще разъ: „Если не пришлешь ни сына, ни брата, то пришли Никифора Басенкова“. Этотъ Никифоръ бывалъ въ Ордѣ и ханъ зналъ его. Великій князь не послалъ Басенкова, а быть можетъ только не успѣлъ послать его, прежде чѣмъ пришла къ нему нежданная вѣсть: ханъ бѣжалъ со всѣми татарами отъ Угры. Въ то время, когда великій князь и его совѣтники были одержимы страхомъ передъ татарскими силами, сами татары боялись русскихъ. Ахматъ рѣшился предпринять свой походъ потому, что надѣялся на помощь Казимира; но Казиміръ не приходилъ, наступали морозы: татары— по выраженію современниковъ—были и босы, и ободраны. Челобитье великаго князя сначала ободрило Ахмата, но когда послѣ того московскій князь не исполнилъ его требованія, Ахматъ понялъ дѣло такъ, что русскіе не боятся его, а между тѣмъ, посланный внизъ по Волгѣ отрядъ подъ начальствомъ Ноздреватаго и Нордоулата напалъ на Сарай, разграбилъ его, и до Ахмата, быть можетъ, дошли объ этомъ слухи. Ахматъ, повернувши на-

задъ, шелъ по Литовской землѣ и съ досады разорялъ ее за то, что Казимиръ не помогъ ему во-время.

Иванъ Васильевичъ съ торжествомъ вернулся въ Москву. Москвичи радовались, но говорили: „Не человѣкъ спасъ насъ, не оружіемъ избавили мы Русскую землю, а Богъ и Пречистая Богородица“. Тогда воротилась и Софья съ Бѣлоозера съ своею толпою. „Воздай имъ, Господи, по дѣламъ ихъ и по лукавству ихъ“, говоритъ по этому поводу лѣтописецъ.

Къ большему торжеству Москвы скоро пришла вѣсть, что у рѣки Донца на Ахмата напалъ Ивакъ, ханъ шибанской или тюменской Орды, соединившись съ ногайскими мурзами; онъ собственноручно убилъ соннаго Ахмата 6 января 1481 года и извѣстилъ объ этомъ великаго князя московскаго, который за то послалъ ему дары.

Эту эпоху обыкновенно считаютъ моментомъ окончательнаго освобожденія Руси отъ монгольскаго ига, но въ сущности, какъ мы замѣтили выше, Русь на самомъ дѣлѣ уже прежде стала независимою отъ Орды. Во всякомъ случаѣ событіе это важно въ нашей исторіи, какъ эпоха окончательнаго паденія той Золотой Орды, которой ханы держали въ порабощеніи Русь и назывались въ Руси ея царями. Преемники Ахмата были уже совершенно ничтожны. Достойно замѣчанія, что Казимиръ, подвигнувшій послѣднія силы Золотой Орды, не только не достигъ цѣли своего желанія—остановить возрастающее могущество Москвы, но еще навлекъ на свои собственныя области двойное разореніе: и отъ Менгли-Гирея, и отъ самаго Ахмата, а тѣмъ самымъ способствовалъ усиленію враждебнаго Московскаго Государства. Скоро послѣ того, думая поправить испорченное дѣло, Казимиръ пытался поднять на Москву безсильныхъ сыновей Ахмата, и въ то же время выставилъ противъ Москвы свое войско въ Смоленскѣ; но прежде чѣмъ онъ могъ нанести московскимъ владѣніямъ какой-либо вредъ, союзникъ Москвы Менгли-Гирей напалъ на Кіевъ, опустошилъ его, сжегъ, между прочимъ, Печерскій монастырь, ограбилъ церкви и прислалъ въ даръ своему пріятелю, московскому государю, золотую утварь—потиръ и дискосъ изъ Софійскаго храма. Между тѣмъ подручные Казимиру князья передавались Ивану Васильевичу. Трое изъ нихъ: Ольшанскій, Михаилъ Олельковичъ и Ѳедоръ Бѣльскій намѣревались отторгнуть отъ Литвы русскія Сѣверскія земли вплоть до Березины и передать во владѣніе московскому великому князю. Казимиръ успѣлъ схватить двухъ первыхъ и казнилъ, а Бѣльскій ушелъ въ Москву и получилъ отъ Ивана Васильевича въ отчину въ

Новгородской землѣ Демонъ и Мореву; Казимиръ отмстилъ бѣглецу тѣмъ, что задержалъ его жену, съ которою Бѣльскій только-что вступилъ въ бракъ.

Тогда же непріятель Казимира, венгерскій владѣтель Матѳей Корвинъ, завелъ сношенія съ московскимъ государемъ, и великій князь московскій, черезъ посланнаго къ Матѳею дьяка Курицына, просилъ его прислать въ Москву инженеровъ и горныхъ мастеровъ: въ послѣднихъ московскій государь видѣлъ нужду, потому что узналъ о существованіи металлическихъ рудъ на сѣверѣ, но не было у него въ Московскомъ Государствѣ людей, умѣющихъ добывать руду и обращаться съ нею. Въ то же время молдавскій господарь Стефанъ, который боялся Казимира и хотѣлъ оградить свое владѣніе отъ властолюбивыхъ покушеній Литвы и Польши, предложилъ свою дочь Елену за сына московскаго государя Ивана Ивановича. Иванъ Васильевичъ послалъ за Еленою боярина своего Плещеева. Елена ѣхала черезъ Литву, и Казимиръ не только не остановилъ ее, но послалъ ей дары. Такимъ образомъ, въ тайнѣ покушаясь дѣлать вредъ московскому государю и терпя за такія покушенія вредъ, наносимый своимъ областямъ, Казимиръ явно боялся своего соперника и оказывалъ ему наружно знаки дружбы.

Сынъ Ивана Васильевича обвѣнчался съ Еленою 6 января 1483, а въ октябрѣ того же года родился у нихъ сынъ, по имени Димитрій. Иванъ Васильевичъ очень радовался рожденію внука, не предвидя, что настанетъ время, когда онъ сдѣлается мучителемъ этого внука.

Замѣтно возрастала жестокость характера московскаго государя по мѣрѣ усиленія его могущества. Тюрьмы наполнялись; битье кнутомъ, позорная торговая казнь—стала частымъ повсемѣстнымъ явленіемъ; этого рода казнь была неизвѣстна въ древней Руси; сколько можно прослѣдить изъ источниковъ, она появилась въ концѣ XIV вѣка и стала входить въ обычай только при отцѣ Ивана Васильевича; теперь отъ нея не избавлялись ни мірскіе, ни духовные, навлекшіе на себя гнѣвъ государя. Страшныя пытки сопровождали допросы. Иванъ Васильевичъ сознавалъ нужду въ иноземцахъ и вслѣдъ за Аристотелемъ появилось ихъ уже нѣсколько въ Москвѣ; но московскій властитель не слишкомъ цѣнилъ ихъ безопасность, когда что-нибудь было не по его нраву. Былъ у него врачъ нѣмецъ, по имени Антонъ; онъ пользовался почетомъ у великаго князя, но въ то время когда совершалась свадьба Иванова сына, этотъ врачъ лечилъ одного татарскаго князька Каракуча, находившагося при царе-

вичѣ Даніарѣ, служившемъ Москвѣ: вылечить его не удалось. Великій князь не только выдалъ этого бѣднаго нѣмца сыну умершаго князька, но когда послѣдній, помучивши врача, хотѣлъ отпустить его, взявши съ него окупъ, Иванъ Васильевичъ настаивалъ, чтобъ татары убили Антона; и татары, исполняя волю великаго князя московскаго, повели Антона подъ мостъ на Москву-рѣку и тамъ на льду зарѣзали ножомъ какъ овцу, по выраженію лѣтописца. Это событіе навело такой страхъ на Аристотеля, что онъ сталъ проситься у Ивана Васильевича—отпустить его на родину, но московскій властитель считалъ своимъ рабомъ всякаго, кто находился у него въ рукахъ; онъ приказалъ ограбить все имущество архитектора и засадилъ въ заключеніе на дворѣ нѣмца Антона. Итальянецъ былъ выпущенъ для того, чтобы по неволѣ продолжать службу въ землѣ, въ которую онъ имѣлъ легкомысліе заѣхать добровольно.

Чѣмъ далѣе, тѣмъ послѣдовательнѣе и смѣлѣе прежняго Иванъ Васильевичъ занялся расширеніемъ предѣловъ своего государства и укрѣпленіемъ единовластія. Раздѣлался онъ съ верейскимъ княземъ по слѣдующему поводу: по рожденіи внука Димитрія, Иванъ Васильевичъ хотѣлъ подарить своей невѣсткѣ, матери новорожденнаго, жемчужное украшеніе, принадлежавшее нѣкогда его первой женѣ, Маріи. Вдругъ онъ узналъ, что Софія, которая вообще не щадила великокняжеской казны на подарки своимъ роднымъ, подарила это украшеніе своей племянницѣ, гречанкѣ Маріи, вышедшей за Василія Михайловича верейскаго. Иванъ Васильевичъ до того разсвирѣпѣлъ, что приказалъ отнять у Василія все приданое его жены и хотѣлъ взять подъ стражу его самого. Василій убѣжалъ въ Литву вмѣстѣ съ женою. Отецъ Василія, Михаилъ Андреевичъ, вымолилъ себѣ самому пощаду единственно тѣмъ, что отрекся отъ сына, обязался не сноситься съ нимъ и выдавать великому князю всякаго посланца, котораго вздумаетъ сынъ его прислать къ нему; наконецъ, написалъ завѣщаніе, по которому отказывалъ великому князю по своей смерти свои владѣнія—Ярославецъ, Верею и Бѣлоозеро, съ тѣмъ, чтобы великій князь съ своимъ сыномъ поминали его душу. Смерть не замедлила постигнуть этого князя (весною 1485 г.); говорили впослѣдствіи, что Иванъ Васильевичъ втайнѣ ускорилъ ее.

Упрочивъ за собою владѣнія верейскаго князя, въ 1484 г., великій князь обратился еще разъ къ Новгороду: нашлись такіе новгородцы, которые подали ему доносъ на богатыхъ людей, будто они хотятъ обратиться къ Казимиру. Московскому властелину хотѣлось пріобрѣсти имущество обвиненныхъ: предлогъ былъ

благовиденъ. По такому доносу привезли изъ Новгорода человѣкъ тридцать самыхъ „большихъ“ изъ житыхъ людей и отписали на государя ихъ дома и имущества въ Новгородѣ. Привезенныхъ посадили во дворѣ Товаркова, одного изъ приближенныхъ Ивана Васильевича; великокняжескій подъячій Гречневикъ, по приказанію государя, принялся мучить ихъ, чтобы вынудить сознаніе въ томъ, въ чемъ ихъ оговорили. Новгородцы подъ пытками наговорили другъ на друга. Великій князь приказалъ ихъ перевѣшать. Когда ихъ повели къ висѣлицѣ, они стали просить взаимно другъ у друга прощенія и сознавались, что напрасно наклепали одни на другихъ, не въ силахъ будучи вытерпѣть мукъ пытки. Услышавъ объ этомъ, Иванъ Васильевичъ не велѣлъ ихъ вѣшать; онъ поступилъ тогда такъ, какъ часто поступали самовластители, когда, отмѣняя смертную казнь и замѣняя ее томительнымъ пожизненнымъ заключеніемъ, на самомъ дѣлѣ усиливали кару своимъ врагамъ, а чернь прославляла за то милосердіе своихъ владыкъ. Иванъ Васильевичъ приказалъ засадить новгородцевъ въ тюрьму въ оковахъ и они, вмѣсто короткихъ смертныхъ страданій на висѣлицѣ, должны были многіе годы томиться въ тюрьмѣ; женъ ихъ и дѣтей Иванъ отправилъ въ заточеніе.

Въ 1485 году, похоронивши мать свою, инокиню Мареу, Иванъ Васильевичъ раздѣлался съ Тверью. Зимою въ началѣ этого года великій князь московскій обвинилъ великаго князя тверского въ томъ, что онъ сносится съ Казимиромъ. Сперва Иванъ Васильевичъ взялъ съ тверского князя договорную запись, въ которой какъ будто признавалъ тверского князя владѣтельнымъ лицомъ, только обязалъ его не сноситься съ Литвою. Потомъ, дѣло умышленно ведено было такъ, чтобъ можно было опять придраться. Князь Тверской земли, подручники тверского великаго князя: Андрей микулинскій и Іосифъ дорогобужскій, оставили службу своему великому князю и передались московскому; Иванъ Васильевичъ обласкалъ ихъ и надѣлилъ волостями: первому далъ городъ Дмитровъ, другому—Ярославль. По ихъ примѣру, тверскіе бояре одинъ за другимъ стали переходить къ Москвѣ; имъ нельзя уже было—говоритъ современникъ—терпѣть обидъ отъ великаго князя московскаго, его бояръ и дѣтей боярскихъ: гдѣ только сходились ихъ межи съ межами московскими, тамъ московскіе землевладѣльцы обижали тверскихъ, и не было нигдѣ на московскихъ управы; у Ивана Васильевича въ такомъ случаѣ свой московскій человѣкъ былъ всегда правъ; а когда московскій жаловался на тверскихъ, то Иванъ Васильевичъ тотчасъ посылалъ къ тверскому великому князю съ угрозами и не

принималъ въ уваженіе отвѣтовъ тверского. Въ концѣ августа того же года Иванъ Васильевичъ двинулся на Тверь ратью вмѣстѣ со своими братьями; онъ взялъ и своего порабощеннаго итальянца Аристотеля съ пушками. Предлогъ былъ таковъ: перехватили гонца тверского съ грамотами къ Казимиру. Михаилъ Борисовичъ присылалъ оправдываться подручнаго своего князя Холмскаго, но московскій государь не пустилъ его къ себѣ на глаза. 8 сентября, Иванъ Васильевичъ подступилъ къ Твери; 10 числа тверскіе бояре оставили своего великаго князя, пріѣхали толпою къ Ивану Васильевичу и били челомъ принять ихъ на службу. Несчастный Михаилъ Борисовичъ въ слѣдующую затѣмъ ночь бѣжалъ въ Литву, а 12 сентября, остававшійся въ Твери его подручникъ князь Михаилъ Холмскій, съ своими братьями, съ сыномъ и съ остальными боярами, съ земскими людьми и съ владыкою Кассіаномъ, пріѣхалъ къ Ивану Васильевичу; они ударили московскому государю челомъ и просили пощады. Иванъ Васильевичъ послалъ въ городъ своихъ бояръ и дьяковъ привести къ цѣлованію всѣхъ горожанъ и охранить отъ разоренія. Потомъ, московскій государь самъ въѣхалъ побѣдителемъ въ Тверь, такъ долго соперничествовавшую съ Москвою. Онъ отдалъ Тверь своему сыну Ивану Ивановичу и тѣмъ, какъ будто, все еще сохранялъ уваженіе къ наслѣдственнымъ удѣльнымъ правамъ: Иванъ Ивановичъ былъ сынъ тверской княжны и по матери происходилъ отъ тѣхъ тверскихъ князей, которыхъ память еще могла для тверичей быть исторической святыней. Михаилъ Борисовичъ напрасно просилъ помощи у Казимира; польскій король далъ пріютъ изгнаннику, но отрекся помогать ему и заявилъ объ этомъ Ивану Васильевичу.

Въ 1487 году московскій государь снова обратился на Казань и на этотъ разъ удачнѣе, чѣмъ прежде. Партія вельможъ, недовольная своимъ царемъ Алегамомъ, обратилась къ московскому великому князю. Она хотѣла возвести на престолъ меньшого брата Алегамова, Махметъ-Аминя, котораго мать Нурсалтанъ, по смерти своего мужа, казанскаго царя Ибрагима, вышла за крымскаго хана Менгли-Гирея, друга и союзника Иванова. По приказанію московскаго государя, русскіе послѣ полуторамѣсячной осады взяли Казань и посадили тамъ Махметъ-Аминя. Это подчиненіе Казани, еще далеко неполное, сопровождалось со стороны московскаго государя жестокостями; онъ приказалъ передушить князей и улановъ казанскихъ, державшихся Алегама; самого плѣненнаго Алегама съ женою заточилъ въ Вологдѣ, а мать его и сестеръ сослалъ на Бѣлоозеро.

Овладѣвая новыми землями, Иванъ Васильевичъ продолжалъ добивать Новгородъ. Тамъ составился заговоръ противъ намѣстника Якова Захарьевича; подробности его неизвѣстны, но по этому поводу множество лицъ было схвачено: инымъ отрубили головы, другихъ повѣсили, а затѣмъ болѣе семи тысячъ житыхъ людей было выведено изъ Новгорода. На другой годъ вывели и поселили въ Нижнемъ еще до тысячи житыхъ людей. Иванъ Васильевичъ вывелъ изъ Новгородской земли тамошнихъ землевладѣльцевъ и раздавалъ имъ помѣстья въ Нижнемъ, Владимірѣ, Муромѣ, Переяславлѣ, Юрьевѣ, Ростовѣ, Костромѣ, а въ Новгородскую землю переводилъ такъ-называемыхъ дѣтей боярскихъ изъ Московской земли и тамъ раздавалъ имъ помѣстья. Первоначально дѣти боярскіе были дѣйствительно потомки бояръ, обѣднѣвшіе и лишенные возможности поддерживать значеніе, какое имѣли ихъ предки, но помнившіе свое знатное происхожденіе, и потому назывались не боярами, какъ ихъ предки, а только дѣтьми боярскими. Впослѣдствіи этимъ именемъ стали называться служилые люди, получавшіе земли съ обязанностію нести службу; такое полученіе земли называлось „испомѣщеніемъ". Этою системою испомѣщеній Иванъ Васильевичъ устроилъ новый родъ военнаго сословія; получавшіе земли отъ великаго князя пріобрѣтали ихъ не въ потомственную собственность, а пожизненно, съ условіемъ являться на службу, когда прикажутъ. Учрежденіе помѣстнаго владѣнія не было новостью: по своему основанію, оно существовало издавна, но Иванъ Васильевичъ далъ ему болѣе широкій размѣръ, замѣняя такимъ образомъ господство вотчиннаго права господствомъ помѣстнаго. Мѣра эта была выгодна для его самодержавныхъ цѣлей: помѣщики были обязаны кускомъ хлѣба исключительно государю; земля ихъ каждую минуту могла быть отнята: они должны были заботиться заслужить милость государя, для того, чтобы избѣжать несчастія потерять землю. Дѣти ихъ не могли по праву наслѣдства надѣяться на средства къ существованію, и, подобно своимъ отцамъ, должны были только въ милости государя видѣть свою надежду.

Въ 1489 году окончательно присоединена была Вятка. Сначала митрополитъ написалъ вятчанамъ грозное пастырское посланіе, въ которомъ укорялъ ихъ за образъ жизни, несообразный съ христіанскою нравственностію; потомъ великій князь отправилъ туда войско подъ начальствомъ Данила Щени (изъ рода литовскихъ князей) и Григорія Морозова. Они взяли Хлыновъ почти безъ сопротивленія. Иванъ Васильевичъ приказалъ сѣчь кнутомъ и казнить смертію главныхъ вятчанъ, которые

имѣли вліяніе на народъ и отличались приверженностью къ старой свободѣ; съ остальными жителями московскій государь сдѣлалъ то же, что съ новгородцами: онъ вывелъ изъ Вятской земли землевладѣльцевъ и поселилъ въ Боровскѣ, Алексинѣ, Кременцѣ, а на ихъ мѣсто послалъ помѣщиковъ Московской земли; вывелъ онъ также оттуда торговыхъ людей и поселилъ въ Дмитровѣ.

Иванъ Васильевичъ щадилъ Псковъ, потому что Псковъ боялся его. Не разъ испытывалъ онъ терпѣніе псковичей и пріучалъ ихъ къ покорности. Передъ покореніемъ Новгорода псковичи были очень недовольны московскимъ намѣстникомъ, княземъ Ярославомъ Васильевичемъ: „Отъ многихъ временъ—говоритъ мѣстный лѣтописецъ—не бывало во Псковѣ такого злосердаго князя". Четыре года тяготились имъ псковичи, умоляли Ивана Васильевича перемѣнить его; долго все было напрасно: Иванъ Васильевичъ то нарочно тянулъ дѣло и откладывалъ свое рѣшеніе, то бралъ сторону своего намѣстника. Когда вражда къ этому намѣстнику во Псковѣ дошла, наконецъ, до драки между его людьми и псковичами, тогда великій князь обвинилъ псковичей, хотя и видѣлъ, что виноватъ былъ намѣстникъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ вывелъ этого намѣстника и положилъ на него свой гнѣвъ, но давалъ псковичамъ знать, что дѣлаетъ это по своему усмотрѣнію, а не по просьбѣ псковичей. Послѣ покоренія Новгорода Иванъ Васильевичъ обѣщалъ псковичамъ держать ихъ по старинѣ; „а вы, наша отчина,—прибавилъ онъ—держите слово наше и жалованіе честно надъ собою, знайте это и помните". И дѣйствительно, псковичи старались помнить это и заслужить милость великаго князя. Братья великаго князя, призванные псковичами для защиты отъ нѣмцевъ, прибыли во Псковъ съ своими ратями. Вдругъ псковичи узнали, что они поссорились съ старшимъ братомъ. Тогда псковичи не только просили ихъ удалиться, но даже не позволили оставить во Псковѣ ихъ женъ и дѣтей. Иванъ, однако, не выказалъ псковичамъ большой благодарности за такое послушаніе: псковичи жаловались на безчинные поступки великокняжескихъ пословъ, а Иванъ Васильевичъ сдѣлалъ псковичамъ же за эту жалобу строгій выговоръ и оправдалъ своихъ пословъ.

Въ 1485 году возникло во Псковѣ волненіе между черными и большими людьми. Намѣстникъ великаго князя, князь Ярославъ Владимировичъ съ посадниками составилъ грамоту, какъ кажется, опредѣлявшую работу смердовъ. Грамота эта не понравилась чернымъ людямъ. Они взволновались, убили одного посадника, на лицъ, убѣжавшихъ отъ народной злобы, написали

мертвую грамоту, т.-е. осуждавшую ихъ на смерть, опечатали дворы и имущества своихъ противниковъ, а нѣсколькихъ человѣкъ посадили въ тюрьму. Иванъ Васильевичъ, по жалобѣ большихъ людей и своего намѣстника, разсердился за такое самовольство, приказалъ немедленно уничтожить постановленія вѣча, состоявшаго изъ черныхъ людей, и всѣмъ велѣлъ просить прощенія у намѣстника. Черные люди не повѣрили, что дѣйствительно такое рѣшеніе далъ великій князь, и отправили къ нему посольство съ своей стороны. Иванъ Васильевичъ не хотѣлъ слушать никакихъ объясненій, требовалъ, чтобы псковскіе черные люди немедленно исполнили его волю и просили прощенія у намѣстника. Псковичи сдѣлали все угодное князю, а потомъ послали въ Москву просить у него прощенія. Дѣло это тянулось цѣлыхъ два года и стоило Пскову до тысячи рублей. Такимъ образомъ, Иванъ давалъ чувствовать псковичамъ, как разорительно для нихъ ослушиваться распоряженій московскихъ намѣстниковъ. Послѣ того псковичи приносили жалобы на великокняжескаго намѣстника и на намѣстниковъ послѣдняго, которыхъ тотъ разсадилъ по пригородамъ и волостямъ. Жалобъ этихъ было такое множество, что, по словамъ лѣтописца, и счесть ихъ было невозможно. Иванъ Васильевичъ не принялъ этихъ жалобъ, а сказалъ, что пошлетъ бояръ разузнать обо всемъ. Великокняжескій намѣстникъ вслѣдъ затѣмъ умеръ отъ мора, свирѣпствовавшаго во Псковѣ, и дѣло это прекратилось само собою; но съ тѣхъ поръ великій князь назначалъ и смѣнялъ намѣстниковъ уже не по просьбѣ псковичей, а по своей волѣ, и псковичи не смѣли на нихъ жаловаться; такъ было до самой смерти великаго князя. Во всей Русской землѣ единственно въ одномъ Псковѣ существовало еще вѣче и звонилъ вѣчевой колоколъ, но то была только форма старины: она была въ сущности безвредна для власти Ивана надъ Псковомъ. Псковичамъ дозволялось совѣщаться объ однихъ внутреннихъ земскихъ дѣлахъ, но и то въ своихъ рѣшеніяхъ они должны были сообразоваться съ волею намѣстниковъ. Присылаемые противъ воли народа, эти намѣстники и ихъ довѣренные по пригородамъ позволяли себѣ разныя насилія и грабительства, подстрекали ябедниковъ подавать на зажиточныхъ людей доносы, самовольно присвоивали однимъ себѣ право суда, вопреки вѣковымъ мѣстнымъ обычаямъ, обвиняли невинныхъ съ тѣмъ, чтобы сорвать что-нибудь съ обвиненныхъ, при требованіи съ жителей повинностей обращались съ ними грубо; ихъ слуги дѣлали всякаго рода безчинства, и не было на ихъ слугъ управы. Даже тѣ, которые были менѣе на-

хальны въ своемъ обращеніи съ жителями, не пріобрѣтали ихъ любви. Псковичи не могли освоиться съ московскими пріемами, но съ болью терпѣли тяжелую руку Ивана Васильевича.

Утверждая свою власть внутри Русской земли, великій князь заводилъ первыя дипломатическія сношенія съ Нѣмецкой имперіей. Русская земля, нѣкогда извѣстная западной Европѣ въ дотатарскій періодъ, мало-по-малу совершенно исчезла для нея и явилась какъ-бы новооткрытою землею, наравнѣ съ Остъ-Индіей. Въ Германіи знали только, что за предѣлами Польши и Литвы есть какая-то обширная земля, управляемая какимъ-то великимъ княземъ, который находится, какъ думали, въ зависимости отъ польскаго короля. Въ 1486 году, одинъ знатный господинъ, кавалеръ Поппель, пріѣхалъ въ Москву съ цѣлью узнать объ этой загадочной для нѣмцевъ странѣ. Но въ Москвѣ не слишкомъ любили, чтобъ иноземцы наѣзжали туда узнавать о житьѣ-бытьѣ русскихъ людей и о силахъ государства. Несмотря на то, что Поппель привезъ грамоту отъ императора Фридриха III, въ которой Поппель рекомендовался какъ человѣкъ честный, ему не довѣряли и выпроводили отъ себя. Черезъ два года тотъ же Поппель явился уже посломъ отъ императора и сына его, римскаго короля Максиміліана. На этотъ разъ его приняли ласково, хотя все-таки не совсѣмъ довѣрчиво. Поппель облекалъ свое посольство таинственностью, просилъ, чтобъ великій князь слушалъ его наединѣ, и не могъ добиться этого. Иванъ Васильевичъ далъ ему свиданіе не иначе, какъ въ присутствіи своихъ бояръ: князя Ивана Юрьевича Патрикѣева, князя Данила Васильевича Холмскаго и Якова Захарьича.

Поппель предлагалъ отъ имени императора и его сына дружбу и родственный союзъ—отдать дочь московскаго государя за императорскаго племянника, маркграфа баденскаго. На это отвѣчалъ не самъ государь, а отъ имени государя дьякъ Ѳедоръ Курицынъ, что государь пошлетъ къ цезарю своего посла. Поппель еще разъ просилъ дозволенія сказать государю нѣсколько словъ наединѣ, и на этотъ разъ добился только того, что государь отошелъ съ нимъ отъ тѣхъ бояръ, которые до этихъ поръ находились вмѣстѣ съ нимъ, однако все-таки былъ не одинъ-на-одинъ съ Поппелемъ, а приказалъ записывать своему посольскому дьяку Курицыну то, что̀ будетъ говорить иноземный посолъ. Тайна, съ которою тогда носился Поппель, заключалась въ слѣдующемъ: „Мы слыхали,—говорилъ посолъ,—что великій князь посылалъ къ римскому папѣ просить себѣ королевскаго титула, а польскій король посылалъ отъ себя къ папѣ большіе

дары и упрашивалъ папу, чтобы папа этого не дѣлалъ и не давалъ великому князю королевскаго титула. Но я скажу твоей милости, что папа въ этомъ дѣлѣ власти не имѣетъ; его власть надъ духовенствомъ, а въ свѣтскомъ имѣетъ власть возводить въ короли, князья и рыцари только нашъ государь, цезарь римскій: такъ если твоей милости угодно быть королемъ въ своей землѣ, и тебѣ, и дѣтямъ твоимъ, то я буду вѣрнымъ служебникомъ твоей милости у цезаря римскаго. Только прошу твою милость молчать и ни одному человѣку объ этомъ не говорить, а иначе твоя милость и себѣ вредъ сдѣлаешь, и меня погубишь. Если король польскій объ этомъ узнаетъ, то будетъ денно и нощно посылать къ цезарю съ дарами и просить, чтобъ цезарь этого не дѣлалъ. Ляхи очень боятся, чтобъ ты не сталъ королемъ на Руси; они думаютъ, что тогда вся Русская земля, которая теперь находится подъ польскимъ королемъ, отъ него отступитъ".

Поппель разсчитывалъ на простоту московскаго государя и очевидно пытался вкрасться въ его довѣренность, но ошибся, не понявши ни мѣстныхъ обычаевъ и преданій, ни характера Ивана Васильевича. Великій князь похвалилъ его за готовность служить ему, а на счетъ королевскаго титула далъ такой отвѣтъ: „Мы—говорилъ онъ—Божіею милостію государь на своей Землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей, и поставленіе имѣемъ отъ Бога, какъ наши прародители, такъ и мы, и просимъ Бога, чтобъ и впередъ далъ Богъ и намъ, и нашимъ дѣтямъ до вѣка такъ быть, какъ мы теперь есть государи въ своей Землѣ, а поставленія ни отъ кого не хотѣли и теперь не хотимъ".

Въ переговорахъ съ Курицынымъ Поппель еще разъ заговорилъ о сватовствѣ и предлагалъ въ женихи двумъ дочерямъ великаго князя саксонскаго курфюрста и маркграфа бранденбургскаго, но на это не получилъ никакого отвѣта. 22 марта 1489 года Иванъ Васильевичъ отправилъ къ императору и къ сыну его Максиміліану посломъ Юрія Траханіота, грека, пріѣхавшаго съ Софіею: своихъ русскихъ людей, способныхъ отправлять посольства къ иноземнымъ государямъ, у великаго князя московскаго было немного; нравы московскихъ людей были до того грубы, что и впослѣдствіи, когда посылались русскіе послы за-границу, нужно было имъ написать въ наказѣ, чтобы они не пьянствовали, не дрались между собою и тѣмъ не срамили Русской земли. И на этотъ разъ только въ товарищахъ съ грекомъ отправились двое русскихъ. Подарки, отправленные къ императору, были скупы и состояли только въ сорокѣ соболей

и двухъ шубахъ, одной горностаевой, а другой бѣличьей. Грекъ повезъ императору отъ великаго князя московскаго желаніе быть съ императоромъ и его сыномъ въ дружбѣ, а относительно предложенія о сватовствѣ грекъ долженъ былъ объяснить, что московскому государю отдавать дочь свою за какого-нибудь маркграфа не пригоже, потому что отъ давнихъ лѣтъ прародители московскаго государя были въ пріятельствѣ и въ любви съ знатнѣйшими римскими царями, которые Римъ отдали папѣ, а сами царствовали въ Византіи; но если бы захотѣлъ посватать дочь московскаго государя сынъ цезаря, то посолъ московскій долженъ былъ изъявить надежду, что государь его захочетъ вступить въ такое дѣло съ цезаремъ. Иванъ Васильевичъ передъ чужеземцами цѣнилъ важность своего рода и сана болѣе чѣмъ у себя дома, такъ какъ онъ впослѣдствіи отдалъ дочь свою за своего подданнаго, князя Холмскаго.

Посольство Траханіота имѣло еще и другую цѣль. Великій князь поручилъ ему отыскивать въ чужихъ земляхъ такого мастера, который бы умѣлъ находить золотую и серебряную руду, и другого мастера, который бы зналъ, какъ отдѣлять руду отъ земли, и еще такого хитраго мастера, который бы умѣлъ къ городамъ приступать, да такого, который бы умѣлъ стрѣлять изъ пушекъ; сверхъ того—каменьщика, умѣющаго строить каменныя палаты и наконецъ „хитраго“ серебрянаго мастера, умѣющаго отливать серебряную посуду и кубки, чеканить и дѣлать па посудѣ надписи. Юрій Траханіотъ имѣлъ порученіе подрядить ихъ и дать имъ задатокъ: для этой цѣли, за недостаткомъ въ тогдашнемъ Московскомъ Государствѣ монеты, онъ получилъ два сорока соболей и три тысячи бѣлокъ; если же не найдется такихъ мастеровъ, которые бы согласились ѣхать въ Москву, то посолъ могъ продать мѣха и привезти великому князю червонцевъ, которыми тогда дорожили, какъ рѣдкостью.

Еще Траханіотъ не возвратился изъ своего посольства, какъ въ семьѣ Ивана Васильевича произошла важная перемѣна: старшій сынъ его, тридцати двухъ лѣтъ отъ роду, его соправитель и наслѣдникъ, заболѣлъ болѣзнью ногъ, которую тогда называли „камчюгомъ“. Былъ тогда при дворѣ лекарь, незадолго передъ тѣмъ привезенный изъ Венеціи, мистеръ Леонъ, родомъ іудей. Онъ началъ лечить царскаго сына прикладываніемъ стклянищъ, наполненныхъ горячей водой, давалъ ему пить какую-то траву и говорилъ Ивану Васильевичу: „я непремѣнно вылечу твоего сына, а если не вылечу, то вели казнить меня смертною казнью“. Больной умеръ 15 марта 1490 года, а сорокъ дней спустя

Иванъ Васильевичъ приказалъ врачу за неудачное леченіе отрубить голову на Болвановкѣ. Черезъ три недѣли послѣ такого поступка, служившаго образчикомъ тому, чего могли ожидать приглашаемые иностранцы въ Москвѣ, вернулся Траханіотъ изъ Германіи и привезъ съ собою новаго врача и съ нимъ разныхъ дѣлъ мастеровъ: стѣнныхъ, палатныхъ, пушечныхъ, серебряныхъ и даже „арганнаго игреца". Вмѣстѣ съ нимъ прибылъ посолъ отъ Максимиліана, Юрій Делаторъ, съ предложеніемъ дружбы и сватовства Максимиліана на дочери Ивана Васильевича. Ивану Васильевичу было очень лестно отдать дочь за будущаго императора, но онъ не показалъ слишкомъ явно своей радости, а напротивъ, по своему обычаю, прибѣгнулъ къ такимъ пріемамъ, которые только могли затягивать дѣло. Когда посолъ пожелалъ видѣть дочь Ивана и заговорилъ о приданомъ, государь приказалъ дать ему такой отвѣтъ черезъ Бориса Кутузова: „у нашего государя нѣтъ такого обычая, чтобы раньше дѣла показывать дочь, а о приданомъ мы не слыхивали, чтобы между великими государями могла быть ряда объ этомъ". Московскій государь во всю свою жизнь любилъ брать, но не любилъ давать. Съ своей стороны Иванъ Васильевичъ задалъ послу такое условіе, которое поставило послѣдняго втупикъ. Онъ требовалъ, чтобы Максимиліанъ далъ обязательство, чтобы у его жены была греческая церковь и православные священники. Делаторъ отвѣчалъ, что у него на это нѣтъ наказа. Тогда былъ заключенъ между Максимиліаномъ и московскимъ государемъ дружественный союзъ, направленный противъ Литвы и Польши. Посольство Делатора повело къ дальнѣйшимъ сношеніямъ. Траханіоту еще два раза приходилось ѣздить въ Германію, а Делаторъ еще разъ пріѣзжалъ въ Москву. Максимиліанъ между тѣмъ посватался на Аннѣ Бретанской, и московскій государь такъ сожалѣлъ о прежнемъ, что наказывалъ Траханіоту узнать: не разстроится ли какъ-нибудь сватовство Максимиліана съ бретанскою принцессою, чтобы снова начать переговоры о своей дочери; но Максимиліанъ женился на Аннѣ и съ 1493 года сношенія съ Австріею прекратились надолго. Достойно замѣчанія, что въ этихъ сношеніяхъ великому князю давали титулъ царя и даже цезаря, и онъ самъ называлъ себя „государемъ и царемъ всея Руси"; но иногда титулъ царя опускался, и онъ называлъ себя только государемъ и великимъ княземъ всея Руси.

Во время этихъ сношеній Иванъ раздѣлался съ своимъ братомъ Андреемъ. Помирившись съ братьями послѣ ихъ возмущенія, Иванъ долго не трогалъ ихъ, но не довѣрялъ имъ, обязы-

валъ новыми договорными грамотами и крестнымъ цѣлованіемъ сохранять ему вѣрность и не сноситься ни съ внутренними, ни съ внѣшними врагами. Братья боялись его и постоянно ждали надъ собою бѣды. Однажды Андрей Васильевичъ готовился-было бѣжать, но при посредствѣ боярина князя Патрикѣева объяснился съ братомъ: Иванъ Васильевичъ успокоилъ его и приказалъ высѣчь кнутомъ слугу, предостерегавшаго Андрея. Но великій князь ждалъ только предлога, чтобы сдѣлать съ Андреемъ то, чего Андрей боялся. Въ 1491 году разнесся слухъ, что сыновья Ахмата идутъ на союзника Иванова Менгли-Гирея. Государь послалъ противъ нихъ свои войска и приказалъ братьямъ послать противъ нихъ своихъ воеводъ. Борисъ повиновался; Андрей не исполнилъ приказанія. Этого ослушанія было достаточно. Андрея пригласили въ Москву. Великій князь принялъ его ласково; цѣлый вечеръ они бесѣдовали и разстались дружески. На другой день дворецкій князь Петръ Шестуновъ пригласилъ Андрея на обѣдъ къ великому князю вмѣстѣ съ его боярами. Когда Андрей вошелъ во дворецъ, его попросили въ комнату, называемую „западнею", а бояръ Андреевыхъ отвели въ столовую гридню: тамъ ихъ схватили и развели по разнымъ мѣстамъ. Андрей ничего не зналъ о судьбѣ своихъ бояръ. Великій князь, вошедши въ западню, повидался съ братомъ очень ласково, потомъ вышелъ въ другую комнату, называемую „повалушу", а вмѣсто него вошелъ въ западню бояринъ князь Ряполовскій и сквозь слезы сказалъ: „государь князь Андрей Васильевичъ, поиманъ еси Богомъ и государемъ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всея Руси, твоимъ старшимъ братомъ!" Андрей на это отвѣтилъ: „Воленъ Богъ да государь, Богъ насъ будетъ судить, а я неповиненъ". Его оковали цѣпями и посадили въ тюрьму. Иванъ Васильевичъ послалъ въ Угличъ боярина Патрикѣева схватить двухъ сыновей Андреевыхъ: Ивана и Димитрія, заковать и отправить въ Переяславль въ тюрьму. Андрей умеръ въ темницѣ въ 1493 году; сыновья его томились долго въ тяжеломъ заключеніи, никогда уже не получивши свободы. Другой братъ былъ пощаженъ, потому что во всемъ повиновался великому князю наравнѣ съ прочими служебными князьями и боярами, но пребывалъ постоянно въ страхѣ.

Со времени сношеній съ Австріею развились дипломатическія сношенія съ другими странами; такъ, въ 1490 году чагатайскій царь, владѣвшій Хивою и Бухарою, заключилъ съ московскимъ государемъ дружественный союзъ. Въ 1492 г. обратился къ Ивану иверскій (грузинскій) царь Александръ, просилъ его покровитель-

ства въ письмѣ, въ которомъ, разсыпаясь на восточный ладъ въ самыхъ изысканныхъ похвалахъ величію московскаго государя, называлъ себя холопомъ. Это было первое сношеніе съ Москвою той страны, которой впослѣдствіи суждено было присоединиться къ Россіи. Въ томъ же году начались сношенія съ Даніею, а въ слѣдующемъ заключенъ былъ дружественный союзъ между Даніею и Московскимъ Государствомъ. Наконецъ, въ 1492 году было первое обращеніе къ Турціи. Передъ этимъ временемъ Кафа и другія генуэзскія колоніи на Черномъ морѣ подпали подъ власть Турціи; русскихъ купцовъ стали притѣснять въ этихъ мѣстахъ. Московскій государь обратился къ султану Баязету съ просьбою о покровительствѣ русскимъ торговцамъ. То было началомъ сношеній; черезъ нѣсколько лѣтъ, при посредствѣ Менгли-Гирея, начались взаимныя посольства. Въ 1497 году Иванъ посылалъ къ Баязету посломъ своимъ Плещеева. Тогда хотя Баязетъ и замѣтилъ Менгли-Гирею, что московскій посолъ поразилъ турецкій дворъ своею невѣжливостью, но въ то же время отвѣчалъ Ивану очень дружелюбно и обѣщалъ покровительство московскимъ купцамъ. Всѣ эти сношенія пока не имѣли важныхъ послѣдствій, но они замѣчательны, какъ первыя, въ своемъ родѣ, въ исторіи возникшаго Московскаго Государства.

Важнѣе всѣхъ были сношенія съ Литвою. Казимиръ во все свое царствованіе старался, насколько возможно, дѣлать вредъ своему московскому сосѣду, но уклонялся отъ явной, открытой вражды; подъ конецъ его жизни враждебныя дѣйствія открылись сами собою между подданными Москвы и Литвы. Несмотря на крутое обращеніе Ивана со служебными князьями, власть Казимира для нѣкоторыхъ православныхъ князей не казалась лучше власти Ивана, и вслѣдъ за княземъ Бѣльскимъ передались московскому государю съ своими вотчинами князья Одоевскіе, князь Иванъ Васильевичъ Бѣлевскій, князья Иванъ Михайловичъ и Димитрій Ѳедоровичъ Воротынскіе; сдѣлавшись подданными московскаго великаго князя, они нападали на владѣнія князей своихъ родичей, остававшихся подъ властію Казимира, отнимали у нихъ волости. Противники ихъ дѣлали съ ними то же. Кромѣ этихъ пограничныхъ столкновеній, были еще и другія: въ пограничныхъ мѣстахъ, какъ Московскаго Государства, такъ и Литовскаго, развелось такое множество разбойниковъ, что купцамъ не было проѣзда, а въ то время вся торговля Московскаго Государства съ югомъ шла черезъ литовскія владѣнія и черезъ Кіевъ, такъ какъ прямой путь изъ Москвы къ Азовскому морю лежалъ черезъ безлюдныя степи, по которымъ бродили хищни-

ческія орды, и былъ совершенно непроходимъ. Москвичи жаловались на литовскихъ разбойниковъ, литовскіе подданные на московскихъ. Эти взаимныя жалобы, продолжаясь уже значительное время послѣ смерти Казимира, въ 1492 году привели, наконецъ, къ войнѣ. Польша и Литва раздѣлились между сыновьями умершаго Казимира: Альбрехтъ избранъ польскимъ королемъ; Александръ оставался наслѣдственнымъ литовскимъ великимъ княземъ. Иванъ разсчиталъ, что теперь держава Казимира ослабѣла, послалъ на Литву своихъ воеводъ и направилъ на нее своего союзника Менгли-Гирея съ крымскими ордами. Дѣла пошли счастливо для Ивана. Московскіе воеводы взяли Мещовскъ, Серпейскъ, Вязьму; Вяземскіе и Мезецкіе князья и другіе литовскіе владѣльцы волею-неволею переходили въ службу московскаго государя. Но не всѣмъ приходилось тамъ хорошо: въ январѣ слѣдующаго 1493 года одинъ изъ прежнихъ перебѣжчиковъ, Иванъ Лукомскій, былъ обвиненъ въ томъ, будто бы покойный Казимиръ присылалъ ему ядъ для отравленія московскаго государя; Лукомскаго сожгли живьемъ въ клѣткѣ на Москвѣрѣкѣ, вмѣстѣ съ полякомъ Матвѣемъ, служившимъ латинскимъ переводчикомъ. Съ ними вмѣстѣ казнили двухъ братьевъ Селевиныхъ, обвинивши въ томъ, что они посылали вѣсти на Литву: одного засѣкли кнутомъ до смерти, другому отрубили голову. Досталось и прежнему бѣглецу Θедору Бѣльскому, обласканному Иваномъ: его ограбили и заточили въ тюрьму въ Галичъ.

Литовскій великій князь Александръ сообразилъ, что трудно будетъ ему бороться разомъ съ Москвою и съ Менгли-Гиреемъ: онъ задумалъ жениться на дочери Ивана, Еленѣ, и, такимъ образомъ, устроить прочный миръ между двумя соперничествующими государствами. Переговоры о сватовствѣ начались между литовскими панами и главнѣйшимъ московскимъ бояриномъ Иваномъ Патрикѣевымъ. Эти переговоры шли вяло до января 1494 года; наконецъ, въ это время присланные отъ Александра въ Москву послы заключили миръ, по которому уступили московскому государю волости перешедшихъ къ нему князей. Тогда Иванъ согласился выдать дочь за Александра, съ тѣмъ, чтобы Александръ не принуждалъ ее къ римскому закону. Въ январѣ 1495 года Иванъ отпустилъ Елену къ будущему мужу съ литовскими послами, но съ условіемъ, чтобы Александръ не позволялъ ей приступить къ римскому закону даже и тогда, когда бы она сама этого захотѣла, и чтобы построилъ для нея греческую церковь у ея хоромъ.

Для Ивана Васильевича выдача дочери замужъ была только

средствомъ, которымъ онъ надѣялся наложить свою руку на Литовское государство и подготовить въ будущемъ расширеніе предѣловъ своего государства насчетъ русскихъ земель, подвластныхъ Литвѣ. Съ этихъ поръ начался рядъ разныхъ придирокъ со стороны Ивана. Александръ не стѣснялъ своей жены въ вѣрѣ и жилъ съ нею въ любви, но не строилъ для нея особой православной церкви, предоставляя ей посѣщать церковь, находившуюся въ городѣ Вильнѣ; свѣтскіе паны-католики, а преимущественно католическіе духовные и безъ того были недовольны, что ихъ великая княгиня не католичка, и пуще бы зароптали, еслибъ король построилъ для нея особую православную церковь. Александръ не хотѣлъ держать при Еленѣ московскаго священника и московскую прислугу, какъ этого требовалъ тесть съ явною цѣлью имѣть при дворѣ зятя соглядатаевъ. Сама Елена не только не жаловалась отцу на мужа, какъ бы этого хотѣлось Ивану, но увѣряла, что ей нѣтъ никакого притѣсненія, что священника московскаго ей не нужно, что есть другой православный священникъ въ Вильнѣ, которымъ она довольна; что ей также не надобно московской прислуги и боярынь, потому что онѣ не умѣютъ себя держать прилично, да и жаловать ихъ не чѣмъ, такъ какъ она не получила отъ отца никакого приданаго. Иванъ этимъ не довольствовался, придирался по прежнему ко всему, къ чему только могъ придраться, и, между прочимъ, требовалъ, чтобы зять титуловалъ его государемъ всея Руси. Само собою разумѣется, что Александру нельзя было согласиться на послѣднее, потому что самъ Александръ владѣлъ значительною частью Руси, а Иванъ, опираясь на титулъ, могъ заявить новыя притязанія на русскія земли, состоявшія подъ властью Литвы. Въ то же время Иванъ сохранялъ прежнія отношенія съ Менгли-Гиреемъ и не только не жертвовалъ ими для зятя, но давалъ своимъ посламъ, отправляемымъ въ Крымъ, наказъ не отговаривать Менгли-Гирея, если онъ захочетъ идти на Литовскую землю, и объяснить ему, что у московскаго государя нѣтъ прочнаго мира съ литовскимъ, потому что московскій государь хочетъ отнять у литовскаго всю свою отчину, Русскую землю. Такимъ образомъ, относясь двоедушно къ зятю, Иванъ Васильевичъ былъ искреннѣе и откровеннѣе съ крымскимъ ханомъ, который платилъ ему вѣрною службою.

Таковы-то были отношенія Ивана Васильевича къ зятю и Литвѣ вплоть до 1500 года.

Послѣдніе годы XV вѣка особенно ознаменовались многими новыми явленіями внутренней жизни Дипломатическія сношенія

сближали мало-по-малу съ европейскимъ міромъ Восточную Русь, долгое время отрѣзанную и отчужденную отъ него; являлись начатки искусствъ, служившіе главнымъ образомъ государю, укрѣпленію его власти, удобствамъ его частной жизни, а также и благолѣпію московскихъ церквей. Вслѣдъ за церковью Успенія, построенною Аристотелемъ, построены были одна за другой каменныя церкви въ Кремлѣ и за предѣлами Кремля въ Москвѣ. Въ 1489 году оконченъ и освященъ былъ Благовѣщенскій соборъ, имѣвшій значеніе домóваго храма великаго князя; около того же времени построена была церковь Ризъ Положенія. До тѣхъ поръ великіе князья московскіе жили не иначе, какъ въ деревянныхъ домахъ, да и вообще на всемъ русскомъ сѣверѣ каменными зданіями были только церкви, жилыя строенія были исключительно деревянныя. Иванъ Васильевичъ, заслышавши, что въ чужихъ краяхъ, куда ѣздили его послы, владѣтели живутъ въ каменныхъ домахъ, что у нихъ есть великолѣпныя палаты, гдѣ они даютъ торжественныя празднества и принимаютъ иноземныхъ пословъ, приказалъ построить себѣ каменную палату для торжественныхъ пріемовъ и собраній; она была построена венеціанцемъ Маркомъ и другими итальянцами, его помощниками (1487—1491) и до сихъ поръ сохранилась подъ названіемъ Грановитой палаты. Въ 1492 году Иванъ Васильевичъ приказалъ построить для себя каменный жилой дворецъ, который вскорѣ послѣ того былъ поврежденъ пожаромъ, а въ 1499 году возобновленъ миланскимъ мастеромъ Алевизомъ [1]). Кремль былъ вновь обведенъ каменною стѣною; итальянцы построили въ разные годы башни и ворота, устроили посреди Кремля подземные тайники, въ которыхъ государи скрывали свои сокровища. Отъ Москвы-рѣки до Неглинной проведенъ былъ ровъ, выложенный камнемъ. Слѣдуя примѣру государя, митрополиты Геронтій и Зосима строили себѣ кирпичныя палаты, а также трое бояръ сдѣлали для себя каменные дома въ Кремлѣ. Но это было исключеніе: каменные дома не вошли въ обычай у русскихъ. На Руси образовалось убѣжденіе, что жить въ деревянныхъ домахъ— полезнѣе для здоровья. Самъ государь и преемники его долго раздѣляли это мнѣніе и держали у себя каменные дворцы только для пышности, а жить предпочитали въ деревянныхъ домахъ.

Иванъ Васильевичъ имѣлъ особую любовь къ металлическому

[1]) Достойно замѣчанія, что во время построекъ дворца, государь нѣкоторое время проживалъ въ частныхъ домахъ: въ домѣ боярина Патрикѣева и въ домахъ московскихъ жителей у Николы Подкопай и близъ Яузы.

дѣлу во всѣхъ его видахъ. Иноземные мастера лили для него пушки (таковы были, между прочимъ, итальянцы Дебосисъ, Петръ и Яковъ; Дебосисъ въ 1482 г. слилъ знаменитую царь-пушку, которая и теперь изумляетъ своею огромностью). Въ 1491 году Траханіотъ вывезъ изъ Германіи рудокоповъ Іогана и Виктора. Вмѣстѣ съ русскими людьми они нашли серебряную и мѣдную руду на рѣкѣ Цильмѣ въ трехъ верстахъ отъ Печоры; но мѣстонахожденіе этихъ рудъ было не велико — не болѣе десяти верстъ.

Тогда же начали плавить металлы и чеканить серебряныя мелкія монеты изъ *русскаго* серебра. Великій князь любовался серебряными и золотыми издѣліями, и при его дворѣ было нѣсколько иноземныхъ мастеровъ серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ: итальянцевъ, нѣмцевъ и грековъ.

Но собственно для распространенія всякаго рода умѣлости въ русскомъ народѣ не сдѣлано было ничего. Достойно замѣчанія, что въ тотъ вѣкъ, когда греки, разсѣявшись по западной Европѣ, обновляли ее, знакомя съ плодами своего древняго просвѣщенія, и положили начало великому умственному перевороту, извѣстному въ исторіи подъ именемъ эпохи Возрожденія, въ Московскомъ Государствѣ, гдѣ исповѣдывалась греческая вѣра и гдѣ государь былъ женатъ на греческой царевнѣ, они почти не оказали образовательнаго вліянія. Долговременное азіатское варварство не давало для этого плодотворной почвы; къ тому же, деспотическія наклонности Ивана Васильевича и безцеремонное обращеніе съ иноземцами не привлекали послѣднихъ въ значительномъ числѣ въ Москву и не предоставляли имъ необходимой свободы для дѣятельности. Торговля при Иванѣ вовсе не была въ цвѣтущемъ состояніи; хотя въ Москву и пріѣзжали иноземные купцы, привлекаемые желаніемъ великаго князя имѣть рѣдкія издѣлія, неизвѣстныя въ Руси, но народъ русскій почти не покупалъ ихъ товаровъ. Торговля вообще въ это время упала противъ прежняго. На югѣ Кафа, бывшая нѣкогда средоточіемъ черноморской торговли, досталась въ руки турокъ. При новыхъ владѣтеляхъ, она не могла уже быть въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, какъ при генуэзцахъ; купцы не пользовались тамъ прежнею безопасностью, а сообщеніе Москвы съ Чернымъ моремъ чрезмѣрно было затруднительно по причинѣ татарскихъ ордъ и враждебныхъ столкновеній Литвы съ Москвою. На сѣверѣ, Новгородъ лишился своего прежняго торговаго населенія, своей свободы, благопріятствовавшей торговлѣ, и наконецъ въ 1495 году Иванъ Васильевичъ окончательно добилъ тамошнюю

торговлю. Придравшись къ тому, что нѣмцы въ Ревелѣ сожгли русскаго человѣка, пойманнаго на совершеніи гнуснаго преступленія, Иванъ Васильевичъ приказалъ схватить въ Новгородѣ всѣхъ нѣмецкихъ купцовъ, и притомъ не изъ одного Ревеля, а изъ разныхъ нѣмецкихъ городовъ, засадить въ погреба, запечатать новгородскіе гостиные дворы (ихъ было два, готскій и нѣмецкій), все имущество и товары этихъ купцовъ отписать на государя. Черезъ годъ ихъ выпустили въ числѣ 49 человѣкъ и отпустили на родину совершенно ограбленныхъ. Само собою разумѣется, что подобные поступки не могли благопріятствовать ни развитію торговли, ни благосостоянію русской страны.

Московское государство при Иванѣ получило правильное земельное устройство: земли были разбиты на сохи. Эта единица не была новостью, но теперь вводилась съ бо́льшею правильностью и однообразіемъ; такимъ образомъ, въ 1491 году Тверская земля была разбита на сохи, какъ Московская; въ Новгородской оставлена своя соха, по размѣру отличная отъ московской. Московская соха раздѣлялась на три вида, смотря по качеству земли. Поземельною мѣрою была четь, т.-е. такое пространство земли, на которомъ можно было посѣять четверть бочки зерна. Такимъ образомъ, на соху доброй земли полагалось 800, средней 1000, а худой 1200 четвертей. Сообразно трехпольному хозяйству, здѣсь принималось количество земли тройное. Такъ, напр., если говорилось 800 четей, то подъ этимъ разумѣлось 2400. Сѣнокосы и лѣса не входили въ этотъ разсчетъ, а приписывались особо къ пахатной землѣ. Въ сохи входили села, сельца и деревни, которыя были очень малолюдны, такъ что деревня состояла изъ двухъ, трехъ и даже одного двора. Населенныя мѣста, гдѣ занимались промыслами, назывались посадами: это были города въ нашемъ смыслѣ слова. Они также включались въ сохи, но считались не по „четямъ", а по дв рамъ. Для приведенія въ извѣстность населенія и имуществъ посылались чиновники, называемые писцами: они составляли писцовыя книги, въ которыхъ записывались жители по именамъ, ихъ хозяйства, размѣръ обработываемой земли и получаемые доходы. Сообразно доходамъ, налагались подати и всякія повинности: въ случаѣ нужды съ сохъ бралось опредѣленное число людей въ войско и это называлось посошною службою. Кромѣ налагаемыхъ податей, жители платили чрезвычайное множество различныхъ пошлинъ. Внутренняя торговля обложена была также множествомъ мелкихъ поборовъ. При переѣздѣ изъ земли въ землю, изъ города въ городъ, торговцы принуждены были пла-

тить таможенныя и проѣзжія пошлины, такъ-называемые тамгу и мыта, не считая другихъ болѣе мелкихъ поборовъ, взимаемыхъ при покупкѣ и продажѣ разныхъ предметовъ. Все устраивалось такъ, чтобы жители, такъ сказать, при каждомъ своемъ шагѣ доставляли доходъ государю. Иванъ Васильевичъ, уничтожая самобытность земель, не уничтожалъ, однако, многихъ частностей, принадлежавшихъ древней раздѣльности, но обращалъ ихъ исключительно въ свою пользу. Оттого соединеніе земель подъ одну власть не избавляло народа отъ многихъ тѣхъ невыгодъ, которыя онъ терпѣлъ прежде вслѣдствіе раздробленія Русской земли.

1497-й годъ ознаменовался въ исторіи государствованія Ивана Васильевича изданіемъ Судебника, заключавшаго въ себѣ разныя отрывочныя правила о судѣ и судопроизводствѣ. Судъ поручался отъ имени великаго князя боярамъ и окольничимъ. Нѣкоторымъ дѣтямъ боярскимъ давали „кормленіе", т.-е. временное владѣніе населенною землею съ правомъ суда. Въ городахъ судъ поручался намѣстникамъ и волостелямъ съ разными ограниченіями; имъ придавались „дворскіе", старосты и выборные изъ такъ-называемыхъ лучшихъ людей (т.-е. зажиточныхъ). При судьяхъ состояли дьяки, занимавшіеся дѣлопроизводствомъ и „недѣльщики"—судебные приставы, исполнявшіе разныя порученія по приговору суда. Судьи получали въ вознагражденіе судныя пошлины съ обвиненной стороны въ видѣ извѣстнаго процента съ рубля, въ различныхъ размѣрахъ, смотря по существу дѣла, и не должны были брать „посулы" (взятки). Тяжбы рѣшались посредствомъ свидѣтелей и судебнаго поединка или „поля", а въ уголовныхъ дѣлахъ допускалась пытка, но только въ томъ случаѣ, когда на преступника будутъ улики, а не по одному наговору. Судебный поединокъ облагался высокими пошлинами въ пользу судей; побѣжденный, называемый „убитымъ", считался проигравшимъ процессъ. Въ уголовныхъ преступленіяхъ только за первое воровство, и то кромѣ церковнаго и головнаго (кража людей), назначалась торговая казнь, а за всѣ другія уголовныя преступленія опредѣлялась смертная казнь. Свидѣтельство честныхъ людей цѣнилось такъ высоко, что показаніе пяти или шести дѣтей боярскихъ или черныхъ людей, подтверждаемое крестнымъ цѣлованіемъ, было достаточно къ обвиненію въ воровствѣ. Относительно холоповъ оставались прежнія условія, т.-е. холопомъ былъ тотъ, кто самъ себя продалъ въ рабство или былъ рожденъ отъ холопа, или сочетался бракомъ съ лицомъ холопскаго происхожденія. Холопъ, попавшійся въ плѣнъ и убѣжавшій изъ плѣна, дѣлался свободнымъ. Но въ бытѣ сель-

скихъ жителей произошла перемѣна. Судебникъ опредѣлилъ, чтобы поселяне (крестьяне) переходили съ мѣста на мѣсто, изъ села въ село, отъ владѣльца къ владѣльцу, только однажды въ годъ въ продолженіе двухъ недѣль около осенняго Юрьева дня (26 ноября). Это былъ первый шагъ къ закрѣпощенію.

Въ 1498 году начался въ великокняжескомъ семействѣ раздоръ, стоившій жизни многимъ изъ приближенныхъ Ивана. Протекло болѣе семи лѣтъ послѣ смерти старшаго его сына, оставившаго по себѣ сына Димитрія. Мы не знаемъ подробностей, какъ держалъ себя великій князь по отношенію къ вопросу о томъ, кто послѣ него долженъ быть наслѣдникомъ: второй ли сынъ его Василій отъ Софіи, или внукъ Димитрій, котораго отецъ уже былъ объявленъ соправителемъ государя. Всеобщее мнѣніе современниковъ и потомковъ приписывало смерть старшаго сына великой княгинѣ Софіи; несомнѣнно, что она не любила ни сына первой супруги Ивана, ни ея внука, и желала доставить престолъ своему сыну Василію. Но противъ Софіи существовала сильная партія, и во главѣ ея было два могучихъ боярина: князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ и зять его, князь Семенъ Ивановичъ Ряполовскій; они были самыми довѣренными и притомъ самыми любимыми людьми государя; всѣ важнѣйшія дѣла переходили черезъ ихъ руки. Они употребляли всѣ усилія, чтобы охладить Ивана къ женѣ и расположить къ внуку. Съ своей стороны дѣйствовала на Ивана невѣстка Елена: свекоръ въ то время очень любилъ ее. Но и противная сторона имѣла своихъ ревностныхъ слугъ. Когда Иванъ, еще не дѣлая рѣшительнаго шага, оказывалъ большія ласки Димитрію, сторонники Софіи стали пугать Василія, что родитель его вскорѣ возведетъ на великое княженіе внука, и отъ этого Василію придется со временемъ плохо. Составился заговоръ: къ нему пристали: князь Иванъ Палецкій, Хруль, Скрябинъ, Гусевъ, Яропкинъ, Поярокъ и др. Рѣшено было, что Василій убѣжитъ изъ Москвы; у великаго князя, кромѣ Москвы, сберегалась казна въ Вологдѣ и на Бѣлоозерѣ: Василій захватитъ ее, а потомъ погубитъ Димитрія. Заговоръ этотъ, неизвѣстно какимъ образомъ, открылся въ декабрѣ 1497 года; въ то же время государь узналъ, что къ женѣ его Софіи приходили какія-то лихія бабы съ зельемъ. Иванъ Васильевичъ разсвирѣпѣлъ, не хотѣлъ видѣть жены, приказалъ взять подъ стражу сына; всѣхъ поименованныхъ выше главныхъ заговорщиковъ казнили, отрубали сперва руки и ноги, потомъ головы; женщинъ, приходившихъ къ Софіи, утопили въ Москвѣрѣкѣ и многихъ дѣтей боярскихъ заточили въ тюрьмы. Нако-

нецъ, на зло Софіи и ея сыну, 4 января 1498 года, Иванъ Васильевичъ торжественно вѣнчалъ своего пятнадцатилѣтняго внука въ Успенскомъ соборѣ такъ-называемою шапкою Мономаха и бармами. Это было первое коронованіе на Руси.

Но прошелъ годъ и все измѣнилось. Иванъ Васильевичъ помирился съ женою и сыномъ, охладѣлъ къ Еленѣ и внуку, разгнѣвался на своихъ бояръ, противниковъ Софіи. Самолюбіе его было оскорблено тѣмъ, что Патрикѣевъ и Ряполовскіе взяли большую силу; вѣроятно, Иванъ Васильевичъ хотѣлъ показать и себѣ самому и всѣмъ другимъ свою самодержавную власть, предъ которою всѣ безъ изъятія должны поклоняться. 5 февраля 1498 года князю Семену Ряполовскому отрубили голову на Москвѣрѣкѣ за то, что онъ „высокоумничалъ" съ Патрикѣевымъ, какъ выражался Иванъ. Та же участь суждена была Патрикѣевымъ, но митрополитъ Симонъ выпросилъ имъ жизнь. Князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ и старшій сынъ его Василій должны были постричься въ монахи, а меньшой Иванъ былъ посаженъ подъ стражу.

Послѣ того Иванъ Васильевичъ провозгласилъ своего сына Василія великимъ княземъ, государемъ Новгорода и Пскова. Такое странное выдѣленіе двухъ земель поразило псковичей, недавно признавшихъ своимъ будущимъ государемъ Димитрія Ивановича. Они не понимали, что̀ все это значитъ, и рѣшили послать своихъ посадниковъ и по три боярина съ конца къ великому князю за объясненіями. „Пусть — били они челомъ — великій государь держитъ свою отчину по старинѣ: который будетъ великій князь на Москвѣ, тотъ и намъ былъ бы государемъ". Въ то же время псковичи не дозволили пріѣхавшему къ нимъ владыкѣ Геннадію поминать на ектеніяхъ Василія. Великій князь принялъ псковскихъ пословъ гнѣвно и сказалъ: „развѣ я не воленъ въ своихъ дѣтяхъ и внукахъ? Кому хочу, тому и дамъ княженіе". Съ этимъ отвѣтомъ онъ послалъ назадъ во Псковъ одного изъ посадниковъ, а прочихъ пословъ засадилъ въ тюрьму. Псковичи покорились, позволили поминать въ церкви Василія и послали новыхъ пословъ съ полною покорностью волѣ великаго князя. Тогда Иванъ Васильевичъ перемѣнилъ тонъ, сдѣлался ласковымъ и отпустилъ заключенныхъ.

Вѣнчанный Димитрій продолжалъ нѣсколько времени носить титулъ великаго князя владимірскаго и московскаго, но находился съ матерью въ отдаленіи отъ дѣда; наконецъ, 11 апрѣля 1502 года государь вдругъ положилъ опалу на него и на его мать. Какъ видно, въ этомъ случаѣ дѣйствовали внушенія не

только Софіи, но и духовныхъ лицъ, обвинявшихъ Елену въ томъ, что она принимала участіе въ явившейся въ то время „жидовской ереси". Василій объявленъ былъ великимъ княземъ всея Руси. Запретили поминать Димитрія на ектеніяхъ. Черезъ два года Елена умерла въ тюрьмѣ въ то самое время, когда только-что въ Москвѣ совершены были (1504) жестокія казни надъ еретиками. Несчастный сынъ ея долженъ былъ пережить мать и дѣда и изнывать въ тяжкомъ заключеніи по волѣ своего дяди, преемника Иванова. Событіе съ Димитріемъ и Василіемъ было проявленіемъ самаго крайняго, небывалаго еще на Руси самовластія; семейный произволъ соединялся вмѣстѣ съ произволомъ правительственнымъ. Ничѣмъ не стѣснялся тотъ, кто былъ въ данное время государемъ; не существовало право наслѣдія; кого государь захочетъ,—того и облечетъ властію, тому и передастъ свой санъ; вѣнчанный сегодня преемникъ завтра томился въ тюрьмѣ; другой, сидѣвшій въ заключеніи, возводился въ санъ государя; подвластныя земли дѣлились и соединялись по произволу властелина и не смѣли заявлять своего голоса. Государь считалъ себя въ-правѣ раздать по частямъ Русскую землю кому онъ захочетъ, какъ движимое свое имущество. Въ это время Иванъ Васильевичъ, привыкшій такъ долго повелѣвать и пріучившій такъ долго и многообразно всѣхъ повиноваться себѣ, выработался окончательно въ восточнаго властелина: одно его явленіе наводило трепетъ. Женщины—говорятъ современники—падали въ обморокъ отъ его гнѣвнаго взгляда; придворные, со страхомъ за свою жизнь, должны были въ часы досуга забавлять его, а когда онъ, сидя въ креслахъ, предавался дремотѣ, они раболѣпно стояли вокругъ него, не смѣя кашлянуть или сдѣлать неосторожно движенія, чтобы не разбудить его. Таковъ былъ Иванъ Васильевичъ, основатель московскаго единоначалія.

Въ послѣдніе годы XV вѣка Иванъ Васильевичъ, заключивши союзъ съ Даніею, въ качествѣ помощи союзникамъ, велъ войну съ Швеціею: война эта, кромѣ взаимныхъ разореній, не имѣла никакихъ послѣдствій. Важнѣе былъ въ 1499 г. походъ московскаго войска въ отдаленную Югру (въ сѣверо-западный уголъ Сибири и восточный край архангельской губерніи). Русскіе построили крѣпость на Печорѣ, привезли взятыхъ въ плѣнъ югорскихъ князей и подчинили югорскій край Москвѣ. Это было первымъ шагомъ къ тому послѣдовательному покоренію Сибири, которое рѣшительно началось уже съ конца XVI вѣка.

Въ 1500 году вспыхнула война съ Польшею и Литвою. Натянутыя отношенія между тестемъ и зятемъ разразились явною

враждою по поводу новыхъ переходовъ на сторону Москвы князей, подручныхъ Литвѣ. Сначала отрекся отъ подданства Александру и поступилъ въ службу къ Ивану Васильевичу князь Семенъ Ивановичъ Бѣльскій, за нимъ передались потомки бѣглецовъ изъ Московской земли,—внукъ Ивана Андреевича Можайскаго, Семенъ — и внукъ Шемяки Василій; они отдавали подъ верховную власть московскаго государя пожалованныя ихъ отцамъ и дѣдамъ владѣнія: первый владѣлъ Черниговомъ, Стародубомъ, Гомелемъ и Любечемъ, второй—Новгородъ-Сѣверскимъ и Рыльскомъ. Также поступили князья Мосальскіе, Хотетовскіе, мценскіе и серпейскіе бояре. Предлогомъ выставлялось гоненіе православной вѣры. Александръ дозволялъ римско-католическимъ духовнымъ совращать православныхъ и хотѣлъ посадить на упраздненный престолъ кіевской митрополіи смоленскаго епископа Іосифа, ревностнаго сторонника флорентійскаго соединенія церквей. Прежніе митрополиты, кромѣ преемника Исидорова, Григорія, всѣ сохраняли восточное православіе. Иванъ Васильевичъ нарушилъ договоръ съ зятемъ; по этому договору запрещено было принимать съ обѣихъ сторонъ князей съ вотчинами, а Иванъ Васильевичъ ихъ принялъ.

Иванъ Васильевичъ послалъ зятю разметную грамоту и вслѣдъ затѣмъ отправилъ на Литву войско. Русская военная сила въ тѣ времена дѣлилась на отдѣлы, называемые полками: большой или главный полкъ, по бокамъ его — полки правой и лѣвой руки, передовой и сторожевой. Ими начальствовали воеводы. Между начальниками уже въ то время существовалъ обычай мѣстничества: воеводы считали долгомъ своей родовой чести находиться въ такой должности, которая бы не была ниже по разряду другой, занимаемой лицомъ, котораго отецъ или дѣдъ были ниже отца или дѣда перваго. Этотъ счетъ переходилъ и на родственниковъ, а также принимались во вниманіе случаи, когда другіе, посторонніе, но равные по службѣ, занимали мѣста выше или ниже. Въ татарскій періодъ между князьями нарушилось древнее равенство: одни стали выше, другіе ниже; то же, вѣроятно, перешло и къ боярамъ; когда же князья и бояре сдѣлались слугами московскаго государя, тогда понятіе объ ихъ родовой чести стало измѣряться службою государю. Обычай этотъ, впослѣдствіи усложнившійся въ томъ видѣ, въ какомъ мы застаемъ его въ періодъ Московскаго Государства, могъ быть еще недавнимъ при Иванѣ Васильевичѣ. Съ одной стороны, онъ былъ полезенъ для возникавшаго самодержавія, такъ какъ потомки людей свободныхъ и родовитыхъ стали болѣе всего гордиться службою госу-

дарю, и потому понятно, отчего всѣ государи до конца XVII вѣка не уничтожали его; но, съ другой стороны, этотъ обычай приносилъ также много вреда государственнымъ дѣламъ, потому что начальники спорили между собою въ такое время, когда для успѣха дѣла нужно было дружно дѣйствовать и сохранять дисциплину. Иванъ Васильевичъ, конечно, могъ бы уничтожить мѣстничество въ самомъ его зародышѣ. Онъ этого не сдѣлалъ, но умѣрялъ его своею самодержавною волею. Такимъ образомъ, когда въ походѣ противъ Литвы бояринъ Кошкинъ, начальствуя сторожевымъ полкомъ, не хотѣлъ быть ниже князя Даніила Щени, то государь приказалъ ему сказать: „Ты стережешь не Даніила Щеню, а меня и мое дѣло. Каковы воеводы въ большомъ полку, таковы и въ сторожевомъ. Это тебѣ не позоръ“. Итакъ, Иванъ Васильевичъ на этотъ разъ лишилъ мѣстничество своей силы на время войны. Этимъ онъ оставилъ примѣръ своимъ преемникамъ въ извѣстныхъ случаяхъ прекращать силу мѣстничества, объявляя напередъ, что всѣ начальники будутъ безъ мѣстъ, но все-таки не уничтожая мѣстничества въ своемъ основаніи. Кромѣ русскаго войска, московскій государь отправилъ на Литву татарскую силу подъ начальствомъ бывшаго казанскаго царя Махметъ-Аминя, котораго онъ, по желанію казанцевъ, недавно замѣнилъ другимъ. Съ своей стороны, неизмѣнный союзникъ Ивана Менгли-Гирей сдѣлалъ нападеніе на Южную Русь. Война шла очень успѣшно для Ивана; русскіе брали города за городами; многіе подручные Александру князья попались въ плѣнъ или же сами предавались Москвѣ: такъ сдѣлали князья трубчевскіе (Трубецкіе). 14 іюля 1500 года князь Даніилъ Щеня поразилъ на-голову литовское войско и взялъ въ плѣнъ гетмана (главнаго предводителя) князя Острожскаго, потомка древнихъ волынскихъ князей: Иванъ силою заставилъ его вступить въ русскую службу. Владѣнія Александра страшно потерпѣли отъ разоренія. Мало помогло Александру то, что въ слѣдующемъ году, по смерти брата своего Альбрехта, онъ былъ избранъ польскимъ королемъ и заключилъ союзъ съ Ливонскимъ Орденомъ. Ливонскіе рыцари подъ начальствомъ своего магистра Плеттенберга, спачала, вступавши въ русскіе края, одерживали-было верхъ надъ русскими, но потомъ въ ихъ войскѣ открылась жестокая болѣзнь; рыцари, потерявши множество людей, ушли изъ Псковской области, а русскіе воеводы, вслѣдъ за ними; ворвались въ Ливонскую землю и опустошили ее. Также мало оказалъ Александру помощи союзъ съ Шигъ-Ахметомъ, послѣднимъ ханомъ, носившимъ названіе царя Золотой Орды. Шигъ-Ахметъ

колебался и, служа Александру, въ то же время предлагалъ свои услуги московскому государю противъ Александра, если московскій государь отступитъ отъ Менгли-Гирея. Но Иванъ Васильевичъ естественно нашелъ болѣе выгоднымъ дорожить союзомъ съ крымскимъ ханомъ. Менгли-Гирей поразилъ Шигъ-Ахмета и въ-конецъ разорилъ остатки Золотой Орды. Шигъ-Ахметъ бѣжалъ въ Кіевъ, но Александръ, вѣроятно узнавшій объ его предательскихъ намѣреніяхъ, заточилъ его въ Ковно, гдѣ онъ и умеръ.

Положеніе дочери Ивана, жены Александра, было самое печальное. Она не могла отвратить войны, несмотря на все благоразуміе, которое она до сихъ поръ выказывала въ сношеніяхъ съ отцомъ, всѣми средствами стараясь увѣрить его, что ей нѣтъ никакого оскорбленія и притѣсненія въ вѣрѣ, что ему, слѣдовательно, нѣтъ необходимости защищать ее. Польскіе и литовскіе паны не любили ее, называли причиною несчастія страны, подозрѣвали ее въ сношеніяхъ съ отцомъ, вредныхъ для Литвы. До насъ дошли ея письма къ отцу, къ матери и братьямъ, очень любопытныя, такъ какъ въ нихъ высказывается и личность Елены, и ея отца, и духъ того времени, когда они были писаны. „Вспомни, господинъ государь отецъ,—писала она—что я служебница и дѣвка твоя, и ты отдалъ меня за такого же брата, какъ и ты самъ. Вѣдаешь, государь отецъ мой, что̀ ты за мною далъ и что̀ я ему принесла; однако, государь и мужъ мой король и великій князь Александръ, ничего того не жалуючи, взялъ меня съ доброю волею и держалъ въ чести и въ жалованіи и въ той любви, какая прилична мужу къ своей подругѣ; и теперь держитъ въ той же мѣрѣ, ни мало не нарушая первой ласки и жалованія, позволяетъ мнѣ сохранять греческую вѣру, ходить по своимъ церквамъ, держать на своемъ дворѣ священниковъ, дьяконовъ и пѣвцовъ для совершенія литургіи и другой службы божіей, какъ въ Литовской землѣ, такъ и въ Польшѣ и въ Краковѣ и по всѣмъ городамъ. Мой государь мужъ не только въ этомъ, да и въ другихъ дѣлахъ, ни въ чемъ передъ тобою не отступилъ отъ своего договора и крестнаго цѣлованія; слыша великій плачъ и докуку украинныхъ людей своихъ, онъ много разъ посылалъ къ тебѣ пословъ, но не только, господинъ, его людямъ никакой управы не было, а еще пущена тобою рать, города и волости побраны и пожжены. Король, его мать, братья, зятья, сестры, паны-рада, вся Земля,—всѣ надѣялись, что со мною изъ Москвы въ Литву пришло все доброе, вѣчный миръ, любовь кровная, дружба, помощь на поганство; а нынѣ, госу-

дарь отецъ, видятъ всѣ, что со мною все лихо къ нимъ пришло: война, рать, осада, сожженіе городовъ и волостей; проливается христіанская кровь, жены остаются вдовами, дѣти сиротами, плѣнъ, плачъ, крикъ, вопль. Вотъ каково жалованье, какова любовь твоя ко мнѣ... Чего на всемъ свѣтѣ слыхомъ не слыхать, то намъ, дѣтямъ твоимъ, отъ тебя, государя христіанскаго, дѣется: если бы государь мой у кого другого взялъ себѣ жену, то оттого была бы дружба и житье доброе и вѣчный покой землямъ... Коли, государь отецъ, Богъ не положилъ тебѣ на сердце жаловать своей дочери, зачѣмъ меня изъ земли своей выпускалъ и отдавалъ за такого брата, какъ ты самъ? Люди бы изъ-за меня не гибли и кровь христіанская не лилась бы. Лучше бы мнѣ подъ ногами твоими въ твоей землѣ умереть, нежели такую славу о себѣ слышать; всѣ только то и говорятъ: затѣмъ отдалъ дочь свою въ Литву, чтобы безпечнѣе было землю высмотрѣть... Писала бы я и шире, да отъ великой бѣды и жалости ума не могу приложить, только съ горькими и великими слезами тебѣ, государю отцу, челомъ бью. Опомнись Бога ради, помяни меня, служебницу и кровь свою. Оставь гнѣвъ безвинный и нелюбье съ сыномъ и братомъ своимъ, соблюди прежнюю любовь и дружбу, какую самъ записалъ ему своимъ крѣпкимъ словомъ въ докончальныхъ грамотахъ, чтобы отъ вашей нелюбви не лилась христіанская кровь и поганство бы не смѣялось, и не радовались бы измѣнники предатели ваши, которыхъ отцы измѣняли предкамъ нашимъ въ Москвѣ, а дѣти ихъ дѣлаютъ то же въ Литвѣ. Дай Богъ имъ, измѣнникамъ, того, что̀ родителю нашему было отъ ихъ отцовъ. Они-то промежъ васъ, государей, замутили, а съ нимъ Семенъ Бѣльскій іуда, который, будучи здѣсь, на Литвѣ, братью свою князя Михаила и князя Ивана перевелъ, а князя Ѳедора на чужую сторону загналъ. Самъ смотри, государь, годно-ли такимъ вѣрить, которые государямъ своимъ измѣнили и братью свою перерѣзали, и теперь по шею въ крови ходятъ, вторые Каины, а между васъ, государей, мутятъ... Вся вселенная, государь, ни на кого, а только на меня вопіетъ, что это кровопролитіе сталось отъ моего прихода въ Литву, будто я государю моему пишу и тебя на это привожу; колибъ, говорятъ, она хотѣла, никогда бы того лиха не было! Мило отцу дитя; какой отецъ врагъ дѣтямъ своимъ! И сама разумѣю и вижу по міру, что всякій печалуется дѣтками своими, только одну меня по моимъ грѣхамъ Богъ забылъ. Слуги наши черезъ силу свою, трудно повѣрить какую казну даютъ за дочерьми своими, и не только даютъ, но потомъ каждый мѣсяцъ навѣщаютъ и посылаютъ, и

дарятъ, и тѣшатъ, и не одни паны, всѣ простые люди дѣтокъ своихъ утѣшаютъ; только на одну меня Господь Богъ разгнѣвался, что пришло твое нежалованіе. Я, господинъ государь, служебница твоя, ничѣмъ тебѣ не согрубила, ничѣмъ передъ тобою не согрѣшила, и изъ слова своего не выступила. А если кто иное скажетъ—пошли, господинъ, пословъ своихъ, кому вѣришь: пусть обо всемъ испытно довѣдаются и тебѣ откажутъ... За напрасную нелюбовь твою нельзя мнѣ и лица своего показать передъ родными государя моего мужа, и потому съ плачемъ тебѣ, государю моему, челомъ бью, смилуйся надъ убогою дѣвкою своею. Не дай недругамъ моимъ радоваться о бѣдѣ моей и веселиться о плачѣ моемъ. Когда увидятъ твое жалованье ко мнѣ, то я всѣмъ буду и грозна и честна, а не будетъ ласки твоей—самъ, государь отецъ, можешь разумѣть, что всѣ родные и подданные государя моего покинутъ меня... Служебница и дѣвка твоя, королева польская и великая княгиня литовская Олена со слезами тебѣ, государю отцу своему, низко челомъ бьетъ".

Въ такомъ же смыслѣ и почти въ такихъ же выраженіяхъ писала она матери своей Софіи и братьямъ. Письма доставлены были черезъ королевскаго посла, канцлера Ивана Сапѣгу. Отвѣтъ Ивана Васильевича также очень характеристиченъ. „Что ты, дочка, къ намъ писала, то тебѣ не пригоже было намъ писать,—отвѣчалъ Иванъ.—Ты пишешь, будто тебѣ о вѣрѣ греческаго закона не было отъ мужа никакой посылки, а намъ гораздо вѣдомо, что мужъ твой не разъ къ тебѣ посылалъ отметника греческаго закона владыку смоленскаго и бискупа виленскаго и чернецовъ бернардиновъ, чтобы ты приступила къ римскому закону. Да не къ тебѣ одной посылалъ, а ко всей Руси посылалъ, которая держитъ греческій законъ, чтобъ приступали къ римскому закону. А ты бы, дочка, помнила Бога и наше родство и нашъ наказъ, и держала бы греческій законъ крѣпко, и къ римскому закону не приступала, и римской церкви и папѣ не была бы послушна ни въ чемъ, и не ходила бы къ римской церкви, и не норовила бы никому душою, и мнѣ, и себѣ, и всему роду нашему не чинила бы безчестія. Хотя бы тебѣ, дочка, пришлось за это и до крови пострадать—пострадай. Бей челомъ нашему зятю, а своему мужу, чтобы тебѣ церковь греческаго закона поставилъ на сѣнѣхъ и пановъ и паней далъ бы тебѣ греческаго закона, а пановъ и паней римскаго закона отъ тебя отвелъ. А если ты поползнешься и приступишь къ римскому закону волею или неволею, погибнетъ душа твоя отъ Бога и быть тебѣ отъ насъ въ неблагословеніи, и я тебя не благословлю и мать тебя

не благословитъ, а зятю своему мы того не спустимъ. Будетъ у насъ съ нимъ непрерывная ратъ".

Одновременно съ Еленою, папа Александръ VI и король венгерскій Владиславъ, братъ Александра, ходатайствовали у московскаго государя о примиреніи съ Литвою. Польскіе послы отъ имени Александра просили вѣчнаго мира съ тѣмъ, чтобы Иванъ возвратилъ Александру завоеванныя мѣста. Иванъ отказалъ. Заключено было только перемиріе на шесть лѣтъ. Иванъ Васильевичъ удержалъ земли князей, передавшихся Москвѣ, и тогда уже ясно заявилъ притязаніе на то, что Москва, сдѣлавшись средоточіемъ русскаго міра, будетъ добиваться присоединенія древнихъ русскихъ земель, доставшихся Литвѣ. „Отчина королевская,—говорилъ онъ,—земля Польская и Литовская, а Русская земля наша отчина. Кіевъ, Смоленскъ и многіе другіе города—давнее наше достояніе, мы ихъ будемъ добывать". Въ томъ же смыслѣ черезъ годъ отвѣчалъ онъ посламъ своего зятя, пріѣхавшимъ хлопотать о превращеніи перемирія въ вѣчный миръ: „когда хотите вѣчнаго мира, отдайте Смоленскъ и Кіевъ".

7-го апрѣля 1503 г. скончалась Софія, а 27 декабря того же года произведена была въ Москвѣ жестокая казнь надъ приверженцами жидовской ереси (о ней мы разскажемъ въ біографіи Геннадія). Въ числѣ пострадавшихъ былъ одинъ изъ способнѣйшихъ слугъ Ивана, дьякъ Курицынъ, одинъ изъ немногихъ русскихъ, которымъ можно было давать дипломатическія порученія. Между тѣмъ Иванъ слабѣлъ здоровьемъ и чувствуя, что ему жить недолго, написалъ завѣщаніе. Въ немъ онъ назначилъ преемникомъ старшаго сына Василія, а тремъ остальнымъ сыновьямъ: Юрію, Семену и Андрею, далъ по нѣскольку городовъ, но уже далеко не на правахъ независимыхъ владѣтелей. Братья великаго князя не имѣли права въ своихъ удѣлахъ ни судить уголовныхъ дѣлъ, ни чеканить монеты, ни вступаться въ государственный откупъ; только старшій братъ обязанъ былъ давать меньшимъ по сту рублей съ таможенныхъ сборовъ. Меньшіе братья должны были признавать старшаго своимъ господиномъ *честно* и *грозно*. Младшіе братья московскаго государя являлись теперь не болѣе какъ богатыми владѣльцами, такими же подданными, какъ прочіе князья и бояре. Единственное, чѣмъ обезпечивалъ ихъ отецъ, было то, что великій князь не долженъ былъ покупать въ ихъ удѣлахъ земель и вообще не вмѣшиваться въ управленіе ихъ владѣніями. Но то же предоставлялось по духовной всѣмъ боярамъ и князьямъ и дѣтямъ боярскимъ, которымъ государь далъ свои жалованныя грамоты; и въ ихъ села не долженъ былъ всту-

паться новый государь. Такимъ образомъ, при укрѣпленіи единовластія и самодержавія, не уничтожалось, однако, право свободной частной собственности, хотя на дѣлѣ самодержавный государь всегда имѣлъ возможность и всегда могъ имѣть поползновеніе подъ всякимъ предлогомъ нарушить его. Назначивъ опредѣленнымъ способомъ достояніе своимъ меньшимъ сыновьямъ, Иванъ Васильевичъ отдавалъ исключительно старшему сыну все свое богатое движимое имущество, состоявшее въ дорогихъ каменьяхъ, золотыхъ, серебряныхъ вещахъ, мѣхахъ, платьѣ и вообще въ томъ, что тогда носило названіе *казны*. Все это хранилось у разныхъ лицъ: у казначеевъ, дворецкихъ, дьяковъ, приказчиковъ и, кромѣ Москвы, въ Твери, Новгородѣ и Бѣлоозерѣ.

Василію, между тѣмъ, приходило время жениться. Отцу хотѣлось женить его на какой-нибудь особѣ царственнаго рода. Въ этихъ видахъ онъ поручалъ своей дочери, королевѣ Еленѣ, найти для ея брата невѣсту. Но Елена прежде всего замѣтила, что ей самой трудно взять на себя хлопоты по этому дѣлу, такъ какъ отецъ не заключилъ съ ея мужемъ прочнаго мира, а кромѣ того извѣщала, что на Западѣ не любятъ греческой вѣры, считаютъ православныхъ нехристями и не отдадутъ дочери за православнаго государя. Иванъ Васильевичъ пытался сватать за сына дочь датскаго короля, своего постояннаго союзника, которому въ угоду онъ дѣлалъ вторженіе въ Швецію. Но датскій король, сдѣлавшись и шведскимъ королемъ послѣ Кольмарской уніи, отказалъ ему. Пришлось брать Василію жену изъ числа дочерей его подданныхъ. Говорятъ, что первый совѣтъ къ этому далъ одинъ изъ грековъ, жившихъ при дворѣ Ивана, Юрій, по прозванію Малый (вѣроятно, Траханіотъ). Примѣръ имъ былъ взятъ изъ византійской исторіи: византійскіе императоры не разъ собирали ко двору дѣвицъ для выбора изъ нихъ себѣ жены. Грекъ Юрій надѣялся, что Василій женится на его дочери. Вышло не такъ. Ко двору велѣли привести 1500 дѣвицъ на смотръ. Изъ нихъ выбрали наилучшихъ; ихъ приказано было осмотрѣть повивальнымъ бабкамъ; вслѣдъ затѣмъ, изъ числа такимъ образомъ освидѣтельствованныхъ Василій выбралъ Соломонію, дочь незнатнаго дворянина Юрія Сабурова. Этотъ бракъ имѣетъ вообще важное историческое значеніе, по отношенію къ положенію женщины въ московской странѣ. Бракъ этотъ способствовалъ тому униженію и затворничеству, которое составляло рѣзкій признакъ домашней жизни высшихъ классовъ въ XVI и XVII в. Прежде князья женились на равныхъ себѣ по сословію,

но съ тѣхъ поръ, какъ государи стали выбирать себѣ женъ стаднымъ способомъ, жены ихъ, хотя и облекались высокимъ саномъ, а въ сущности не были уже равны мужьямъ; бракъ не имѣлъ значенія связи между двумя равными семействами, не существовало понятія о приличіи или неприличіи соединиться бракомъ съ особою того или иного рода, не знали того, что на Западѣ называлось mésalliance. Жена государя, взятая изъ какой бы то ни было семьи, отрѣшалась отъ своихъ родныхъ; отецъ не смѣлъ называть ее дочерью, братья—сестрою. Она не приносила съ собою никакого родового достоинства; съ другой стороны, о выборѣ жены по сердцу не могло быть и рѣчи. Государь не зналъ ея нравственныхъ качествъ и не нуждался въ этомъ; свидѣтельствовали только ея тѣло; она была въ сущности не болѣе, какъ самкою, обязанною производить дѣтей для государя. Какъ подданная по происхожденію, она постоянно чувствовала себя рабою того, кто былъ ея супругомъ. Государь выбиралъ ее по произволу, государь могъ и прогнать ее: вступаться въ ея права было некому. Но, будучи вѣчною рабою своего мужа, вмѣстѣ съ тѣмъ она была царица и, по возложенному на нее сану, ей не было ровни между окружающими; такимъ образомъ, она всегда была одинока и находилась въ затворничествѣ. Зато самовластный супругъ ея былъ также одинокъ на своемъ престолѣ; избранная жена не могла быть ему равной подругой. Въ монархическихъ государствахъ пріемы и нравы двора всегда перенимаются подданными, преимущественно высшими классами. Въ Москвѣ, гдѣ всѣ уже начали называться холопами государя, такое вліяніе придворныхъ нравовъ было неизбѣжнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Это время вообще было эпохою, когда утвердилось всеобщее порабощеніе, обезличеніе и крайнее самоуниженіе русскихъ людей: понятно, что и женщина должна была переживать періодъ своего крайняго семейнаго порабощенія.

Бракъ Василія совершился 4 сентября 1505 года; самъ митрополитъ Симонъ вѣнчалъ его въ Успенскомъ соборѣ, а 27 октября умеръ Иванъ Васильевичъ на 67 году своей жизни, прогосударствовавши 43 года и 7 мѣсяцевъ. Тѣло его погребено было въ каменной церкви Михаила Архангела, которую онъ въ послѣдніе годы своего царствованія построилъ на мѣстѣ прежней.

Русскіе историки называютъ Ивана Великимъ. Дѣйствительно, нельзя не удивляться его уму, сметливости, устойчивости, съ какою онъ умѣлъ преслѣдовать избранныя цѣли, его умѣнью

кстати пользоваться благопріятными обстоятельствами и выбирать надлежащія средства для достиженія своихъ цѣлей; но при сужденіи о заслугахъ Ивана Васильевича не слѣдуетъ упускать изъ вида, что истинное величіе историческихъ лицъ въ томъ положеніи, которое занималъ Иванъ Васильевичъ, должно измѣряться степенью благотворнаго стремленія доставить своему народу возможно-бо́льшее благосостояніе и способствовать его духовному развитію: съ этой стороны государствованіе Ивана Васильевича представляетъ мало данныхъ. Онъ умѣлъ расширять предѣлы своего государства и скрѣплять его части подъ своею единою властью, жертвуя даже своими отеческими чувствами; умѣлъ наполнять свою великокняжескую сокровищницу всѣми правдами и неправдами, но эпоха его мало оказала хорошаго вліянія на благоустроеніе подвластной ему страны. Сила его власти переходила въ азіатскій деспотизмъ, превращающій всѣхъ подчиненныхъ въ боязливыхъ и безгласныхъ рабовъ. Такой строй политической жизни завѣщалъ онъ сыну и дальнѣйшимъ потомкамъ. Его варварскія казни развивали въ народѣ жестокость и грубость. Его безмѣрная алчность способствовала не обогащенію, а обнищанію русскаго края. Покоренный имъ Новгородъ былъ ограбленъ точно такъ, какъ будто его завоевала разбойничья орда, вмѣсто того, чтобы, съ пріобрѣтеніемъ спокойствія подъ властью могучаго государя, ему получить новыя средства къ увеличенію своихъ экономическихъ богатствъ. Поступки Ивана Васильевича съ нѣмецкими купцами, какъ и съ иноземцами, приглашаемыми въ Москву, могли только отстранять отъ сношеній съ Русью и отъ прилива въ нее полезныхъ людей, въ которыхъ она такъ нуждалась. Ни малѣйшаго шага не было сдѣлано Иваномъ ко введенію просвѣщенія въ какомъ бы то ни было видѣ, и если въ послѣднихъ годахъ XV и въ первой четверти XVI вѣка замѣчается нѣкотораго рода оживленная умственная и литературная дѣятельность въ религіозной сферѣ, то это вызвано было не имъ. На народную нравственность Иванъ своимъ примѣромъ могъ оказывать скорѣе зловредное, чѣмъ благодѣтельное вліяніе. Нашествіе Ахмата представляло единственный случай въ жизни Ивана Васильевича, когда онъ могъ показать собою примѣръ неустрашимости, твердости и готовности жертвовать жизнью за отечество; но тутъ онъ явился трусомъ и себялюбцемъ. До какой степени онъ понималъ честныя отношенія между людьми, и какой примѣръ могъ подавать своимъ подданнымъ въ ихъ взаимныхъ дѣлахъ—показываетъ его продѣлка съ представителемъ Венеціанской республики, когда, давши ему 70 рублей,

приказалъ сказать пославшему его государству, что далъ 700— плутовство, достойное мелкаго торгаша. Безчисленные случаи его грабительства прикрывались разными благовидными предлогами, но современники очень хорошо понимали настоящую цѣль ихъ. Поступки государя распространяли въ нравахъ подданныхъ пороки хищничества, обмана и насилія надъ слабѣйшимъ. Возвышая единовластіе, Иванъ не укрѣплялъ его чувствомъ законности. По произволу заключилъ онъ сначала въ тюрьму сына, вѣнчалъ на царство внука, потомъ заточилъ внука и объявилъ наслѣдникомъ сына; этимъ поступкомъ онъ создалъ правило, что престолъ на будущее время зависитъ не отъ какого-нибудь права, а отъ своенравія лица, управляющаго въ данное время государствомъ, правило, сродное самому деспотическому строю и вовсе не представлявшее прочнаго залога государственнаго благоустройства и безопасности. При такихъ порядкахъ могъ господствовать безсмысленный рабскій страхъ передъ силою, а не сознательное уваженіе къ законной власти. Можно было бы поставить въ похвалу ему то, что онъ, какъ пишутъ иностранцы, хотѣлъ уменьшить пьянство въ народѣ; но этотъ фактъ неясенъ, такъ какъ изъ сообщающихъ его иностранцевъ одинъ говоритъ, что Иванъ совсѣмъ запретилъ частнымъ лицамъ варить пиво и медъ съ хмѣлемъ, а другой—что онъ дозволялъ это не всѣмъ. Мы знаемъ, что впослѣдствіи въ Московской землѣ продажа хмѣльныхъ напитковъ производилась отъ казны, а въ видѣ исключенія дозволялось разнымъ лицамъ и при разныхъ случаяхъ варить ихъ въ частныхъ домахъ;—это даетъ намъ поводъ предположить, что и при Иванѣ стѣснительныя мѣры, по отношенію къ производству горячихъ напитковъ, предпринимались болѣе въ видахъ обогащенія казны, чѣмъ съ цѣлію улучшенія народной нравственности. Да и самое извѣстіе о господствовавшемъ тогда пьянствѣ едва ли не преувеличено: въ то время еще не было распространено хлѣбное вино, которое впослѣдствіи споило русскій народъ.

Истинно великіе люди познаются тѣмъ, что опережаютъ свое общество и ведутъ его за собою; созданное ими имѣетъ прочные задатки не только внѣшней крѣпости, но и духовнаго саморазвитія. Иванъ въ области умственныхъ потребностей ничѣмъ не сталъ выше своей среды. Онъ создалъ государство, но безъ задатковъ самоулучшенія, безъ способовъ и твердаго стремленія къ прочному народному благосостоянію; простояло оно два вѣка, вѣрное образцу, созданному Иваномъ, хотя и дополняемое но-

выми формами въ томъ же духѣ, но застылое и закаменѣлое въ своихъ главныхъ основаніяхъ, представлявшихъ смѣсь азіатскаго деспотизма съ византійскими, выжившими свое время, преданіями. И ничего не могло произвести оно, пока могучій умъ Петра не началъ пересоздавать его на иныхъ культурныхъ началахъ.

XIV.

НОВГОРОДСКІЙ АРХІЕПИСКОПЪ ГЕННАДІЙ И ЖИДОВСТВУЮЩАЯ ЕРЕСЬ.

Конецъ XV вѣка представляетъ переломъ въ области русской мыслительности, направленной главнымъ образомъ на религіозные предметы: съ одной стороны, здѣсь являются начала тѣхъ споровъ и толковъ объ обрядахъ и буквѣ, которые, развившись впослѣдствіи, произвели явленіе громадной важности — расколъ старообрядчества со всѣми его видоизмѣненіями; съ другой—въ это время ярко высказываются признаки религіознаго свободомыслія, стремившагося къ отпаденію отъ основныхъ догматовъ православія. Въ исторіи того и другого направленія игралъ важнѣйшую роль новгородскій архіепископъ Геннадій, человѣкъ стойкаго характера и съ замѣчательнымъ образованіемъ по своему времени. Къ сожалѣнію, многое въ жизни и дѣятельности этого человѣка намъ остается неизвѣстнымъ. Мы не знаемъ ни мѣста его рожденія, ни его юности. Осталось только извѣстіе, что фамильное его прозвище было Гонозовъ или Гонзовъ, и что, вступивши въ монашество, онъ былъ ученикомъ преподобнаго Савватія Соловецкаго, а потомъ возведенъ въ санъ архимандрита Чудовскаго монастыря въ Кремлѣ. Въ это время онъ явился участникомъ въ спорѣ митрополита Геронтія съ великимъ княземъ.

До сихъ поръ, какъ мы видѣли, высшая духовная власть шла рука объ руку съ высшею мірскою властью и содѣйствовала возвышенію и усиленію послѣдней. При Иванѣ Васильевичѣ мірская власть достигла своей полной силы. Теперь уже она не нуждалась въ опекѣ со стороны духовной власти въ такой степени, какъ это было прежде; теперь мірская власть могла не только показать передъ духовною властью свою самостоятельность, но

и покуситься на господство надъ нею, когда представится случай. Такая попытка ощутительна въ спорѣ между митрополитомъ Геронтіемъ и Иваномъ Васильевичемъ.

Геронтій былъ, какъ видно, человѣкъ, чувствовавшій вѣковую силу своего первосвятительскаго сана, но Иванъ Васильевичъ, какъ мірской государь, также не расположенъ былъ уступать своего права. Прежде всего у нихъ произошло столкновеніе въ 1478 году по поводу Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Новопоставленный игуменъ этого монастыря, Нифонтъ, съ нѣкоторыми изъ монастырской братіи, тяготился зависимостью отъ ростовскаго архіепископа Вассіана, и просилъ своего удѣльнаго князя Михаила верейскаго взять монастырь въ свое непосредственное вѣдѣніе. Митрополитъ Геронтій, по просьбѣ верейскаго князя, изъявилъ на это свое согласіе и выразилъ его въ своей грамотѣ. Но въ монастырѣ были другіе старцы, которые вовсе того не хотѣли и были расположены къ ростовскому епископу. Послѣдній обратился къ великому князю. Иванъ Васильевичъ принялъ сторону Вассіана. Митрополитъ сначала попытался ослушаться великаго князя, но Иванъ приказалъ своему подручнику Михаилу верейскому отдать ему данную митрополитомъ грамоту и грозилъ созвать соборъ духовныхъ для рѣшенія дѣла между митрополитомъ и епископомъ. Митрополитъ испугался, не допустилъ до созванія собора и уступилъ во всемъ великому князю. Иванъ Васильевичъ, однако, не простилъ митрополиту попытки къ ослушанію своей волѣ и въ слѣдующемъ 1479 году нашелъ поводъ придраться къ нему. Было освященіе Успенской соборной церкви. Митрополитъ ходилъ вокругъ церкви противъ солнца, отъ запада къ востоку. Тогда великій князь, по чьему-то наущенію, заявилъ, что слѣдуетъ ходить крестнымъ ходомъ отъ востока къ западу, какъ тогда называлось „посолонь“ (т.-е. по солнцу). Такимъ образомъ, былъ брошенъ вопросъ, который сильно занялъ духовенство и нѣкоторыхъ мірянъ. Книжники принялись отыскивать правду по книгамъ. Въ это время великій князь призвалъ участвовать въ возникшемъ спорѣ архимандрита Геннадія, который, какъ видно, и тогда былъ уже извѣстенъ своею ученостью. Отвѣтъ, данный имъ вмѣстѣ съ ростовскимъ епископомъ Вассіаномъ, хотя какъ будто и склонялся на сторону митрополита, но былъ до крайности теменъ и уклончивъ [1]). Видно было, что Геннадій не хотѣлъ раздражать ни ту, ни дру-

---

[1]) „Солнце праведное Христосъ на адъ наступи и смерть связа и души освободи, и того ради, рече, исходитъ на Пасху, то же преобразуютъ на утреніи“.

гую изъ споръвшихъ сторонъ; быть можетъ, онъ разсчитывалъ, что вопросъ этотъ самъ собою забудется. Дѣйствительно, въ продолженіе трехъ лѣтъ споръ не возобновлялся, но въ 1482 году великій князь опять поднялъ его и требовалъ, чтобы впередъ при освященіи церквей митрополитъ ходилъ „посолонь". Митрополитъ упорствовалъ. Великій князь, желая поставить на своемъ, не давалъ ему освящать новопостроенныхъ храмовъ. Тогда Геронтій оставилъ въ Успенскомъ соборѣ свой посохъ, забравши, однако, съ собой ризницу, и уѣхалъ въ Симоновъ монастырь, думая наказать великаго князя тѣмъ, что церковь останется безъ главнаго правителя. Геронтій говорилъ, что не вернется на свою каѳедру до тѣхъ поръ, пока самъ князь не станетъ бить ему челомъ. Всѣ иноки, священники и книжники міряне стояли за митрополита; только двое духовныхъ были противъ всѣхъ за великаго князя: ростовскій владыка князь Іоасафъ (преемникъ Вассіана) и нашъ Геннадій. Видно, они разсчитывали, что если сторона митрополита и возьметъ верхъ, то все-таки они найдутъ себѣ сильнаго покровителя въ великомъ князѣ на будущее время. Иванъ Васильевичъ умѣлъ всегда уступать во-время и на этотъ разъ сообразилъ, что невозможно идти противъ всего тогдашняго книжнаго міра. Сперва послалъ онъ своего сына просить митрополита возвратиться. Митрополитъ отказалъ. Тогда Иванъ принужденъ былъ самъ ѣхать къ митрополиту, просилъ его вернуться и предоставлялъ ему совершать крестные ходы по своей волѣ. Состязаніе между духовной и свѣтской властями окончилось, такимъ образомъ, къ торжеству первой. Митрополитъ, однако, озлобился на Геннадія за то, что послѣдній осмѣлился заявить себя противъ него; митрополитъ искалъ случая отомстить ему, архимандриту, и нашелъ предлогъ въ томъ, что Геннадій, въ канунъ Богоявленія, случившійся въ воскресный день, дозволилъ своей братіи пить богоявленскую воду послѣ трапезы. Митрополитъ приказалъ представить Геннадія къ себѣ. Геннадій, опасаясь гнѣва митрополита, бѣжалъ къ великому князю. Митрополитъ самъ отправился къ великому князю, требовалъ выдачи архимандрита. Великій князь и на этотъ разъ уступилъ митрополиту. Геронтій поступилъ съ Геннадіемъ со всею жестокостью, обычною въ то время: чудовскаго архимандрита заковали и посадили въ ледникъ подъ палатою; великій князь заступился за Геннадія настолько, что просилъ пощадить его, и не дѣлать съ нимъ ничего хуже, и митрополитъ отпустилъ заключеннаго, удовольствовавшись тѣмъ, что сталось такъ, какъ онъ хотѣлъ.

Съ 1485 года открылась новая, болѣе широкая область дѣятельности для Геннадія; онъ получилъ санъ новгородскаго владыки. Еще въ 1482 году, послѣ низложенія Ѳеофила, Иванъ Васильевичъ хотѣлъ помѣстить на эту каѳедру Геннадія, вѣроятно, полюбивши его за то, что, въ спорѣ великаго князя съ митрополитомъ, чудовскій архимандритъ, въ-разрѣзъ со всѣмъ духовенствомъ, самъ-другъ стоялъ за мнѣніе великаго князя. Но Иванъ Васильевичъ дѣйствовалъ и въ этомъ вопросѣ съ обычною постепенностью, не разрушая съ-разу старыхъ формъ, хотя уже рѣшилъ въ своемъ умѣ измѣнить или уничтожить эти формы со временемъ. Встарину новгородскіе владыки выбирались изъ трехъ кандидатовъ по жребію. Иванъ Васильевичъ не довѣрялъ болѣе архіепископскаго сана въ Новгородѣ природному новгородцу и положилъ посылать туда москвичей, но соблюлъ на первый разъ форму, обычную издавна при выборѣ новгородскихъ владыкъ. Имена трехъ лицъ, изъ которыхъ одинъ долженъ былъ получить санъ архіепископа, были положены въ церкви на престолѣ; въ числѣ ихъ было имя чудовскаго архимандрита. Жребій палъ не на него. Владыкою новгородскимъ сдѣлался троицкій монахъ Сергій (бывшій прежде протопопомъ), но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ сошелъ съ ума. Послѣ него, Геннадій былъ уже безъ выбора назначенъ владыкою 12 декабря 1484 года. Съ этихъ поръ о жребіи при поступленіи новгородскихъ владыкъ уже не говорится въ лѣтописяхъ.

Въ своей епархіи Геннадій встрѣтилъ церковные толки, подобные тѣмъ, какіе были въ Москвѣ. Здѣсь умы книжниковъ заняты были споромъ объ аллилуіѣ. Во Псковѣ былъ поднятъ вопросъ (какъ говорятъ, игуменомъ Евфросиномъ), слѣдуетъ ли на всенощной пѣть: „аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже!“. или: „аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже!“ Принимавшіе первый способъ „трегубили“ аллилуію, а принимавшіе второй — „сугубили“ ее. Сугубившіе опирались на томъ, будто аллилуіа въ переводѣ значитъ: слава тебѣ Боже! (между тѣмъ аллилуіа, какъ извѣстно, означаетъ: хвалите Господа) и укоряли своихъ противниковъ, что они, произнося аллилуію, вмѣсто трехъ разъ, четыре раза, четверятъ Троицу и, такимъ образомъ, впадаютъ въ ересь. Ожесточеніе между партіями дошло до того, что трегубившіе, составлявшіе большинство, запрещали на рынкѣ продавать съѣстные припасы сугубившимъ. Книжники или такъ-называемые „философы“, державшіеся трегубія, толковали, что ихъ противники заимствовали отъ латинъ свое сугубіе. Споръ этотъ изъ Пскова перешелъ и въ Новгородъ. Геннадій принялъ въ немъ участіе

и поручилъ переводчику Димитрію Герасимову, ѣздившему за границу, изслѣдовать: дѣйствительно ли въ западной Церкви двоятъ аллилуію? Но Герасимовъ привезъ ему отвѣтъ, что по воззрѣнію западной Церкви все равно, что двоить, что троить аллилуію. Споръ этимъ, конечно, не порѣшился: сугубившіе, съ своей стороны, обвиняли трегубившихъ не только въ латинствѣ, но въ жидовствѣ и даже въ язычествѣ. Вопросъ объ аллилуіѣ перешелъ въ грядущія столѣтія и соединился со многими другими вопросами, составившими въ свое время сущность старообрядческаго раскола.

Въ православной Церкви во всѣ времена господствовала обширная обрядность, сложная символика, поклоненіе священнымъ предметамъ и монашескій взглядъ на богоугодную нравственность. При невѣжествѣ народа, это, естественно, давало русской религіозности характеръ перевѣса формы надъ содержаніемъ, выраженія надъ мыслью. Все это перешло къ намъ съ византійскою литературою, но принесло у насъ своеобразные плоды: такія явленія, какъ споры о „хожденіи посолонь" или объ „аллилуіи" исключительно принадлежатъ русской жизни. Но съ тою же византійскою литературою заходили къ намъ и взгляды совершенно противоположные: ихъ можно прослѣдить въ разныхъ переводныхъ и подражательныхъ сочиненіяхъ, доступныхъ въ свое время только немногимъ, по причинѣ малограмотности. Взгляды эти клонились, обратно, къ перевѣсу содержанія надъ формою, ставили внутреннее благочестіе выше внѣшняго, христіанскую нравственность выше многомоленія и поста, и обличали безплодность обряда самого по себѣ, неосмысленнаго. Въ то время, когда монашествующая набожность боялась діавола, находились люди, писавшіе: „все въ человѣкѣ, какъ доброе, такъ и злое— отъ самого человѣка; а діаволъ не можетъ отвлечь человѣка отъ добра и привлечь на зло". Тогда какъ большинство проповѣдывало, что для спасенія души нужно безпрестанно читать молитвы, удручать плоть постомъ, подвергать себя добровольной нищетѣ и лишеніямъ, раздавались такія смѣлыя рѣчи: „Ты думаешь, что молишься Богу, а на самомъ дѣлѣ молишься воздуху; Богъ внимаетъ уму, а не словамъ. Ты думаешь найти себѣ спасеніе въ томъ, что не ѣшь мяса, не моешься и лежишь на голой землѣ, но вѣдь и скотъ не ѣстъ мяса и лежитъ на голой землѣ безъ постели"... Или: „Какой успѣхъ человѣку морить себя голодомъ и не дѣлать добрыхъ дѣлъ? Угоднѣе Богу—кормить голоднаго, чѣмъ изсушать свою собственную плоть, оказывать помощь вдовицамъ, нежели изнурять свои члены, избавлять отъ

томленія бѣдняковъ, чѣмъ томиться самому... Старайся лучше внутренній постъ хранить, чѣмъ воздерживаться отъ яствъ по внѣшнему образу. Какъ тѣло безъ духа мертво, такъ и внѣшнее подвижничество безъ внутренняго храненія и соблюденія. Лучше съѣсть кусокъ сухого мяса, запрещаемаго святыми отцами, чѣмъ изъ тщеславія, воздерживаясь отъ мяса, искать другого рода вкусной пищи“... Въ то время, когда большинство нравоучителей говорило, что для умилостивленія Бога и отпущенія грѣховъ надобно строить церкви и давать вклады въ монастыри, встрѣчались въ книгахъ сужденія о томъ, что „кто дастъ село монастырю, тотъ устраиваетъ пагубу душѣ своей“; или что „нѣтъ пользы созидать неправдою и украшать церкви, и Богу не пріятны богатства, жертвуемыя въ церковь, если онѣ пріобрѣтены порабощеніемъ сиротъ и насиліемъ убогихъ“; что церкви украшать никому не запрещено, но надобно помнить прежде всего, что за утѣсненіе убогихъ обѣщана огненная мука. Подрывалась мысль, что монашескій образъ жизни особенно угоденъ Богу: „если бы иноческое жительство дѣйствительно было угодно Богу, то самъ Христосъ и божественные апостолы носили бы иноческій образъ, но мы видимъ и Христа и апостоловъ его въ мірскомъ, а не въ иноческомъ образѣ“. Даже противъ раздачи милостыни нищимъ встрѣчаются рѣзкія обличенія: „ты, богачъ, даешь милостыню убогимъ, но посмотри, вонъ рабы твои, которые пасутъ твоихъ воловъ, потравили ниву твоихъ бѣдныхъ сосѣдей; ты мучишь злымъ томленіемъ и неправедными наказаніями работающихъ тебѣ; о безумный, лучше тебѣ миловать домочадцевъ твоихъ, не творить имъ насилія и томленія, чтобы они не ходили печальные, чѣмъ разсыпать милостыню, собранную несправедливымъ томленіемъ другихъ“. Тогда какъ духовные проповѣдывали слѣпую вѣру къ священнымъ книгамъ, появлялись намеки, которые зароняли подозрѣніе въ справедливости того, что̀ вошло цѣлою массою въ церковную письменность: „О томъ не вѣдаютъ и не догадываются, что многіе книжники иноки выписываютъ мѣста изъ божественныхъ книгъ и изъ житій святыхъ и, вмѣсто нихъ, вписываютъ то, что считаютъ для себя лучшимъ и полезнымъ, и увѣряютъ другихъ, что это подлинное писаніе святыхъ“. Вопреки общему вѣрованію о силѣ молитвъ и заступленіи святыхъ передъ Богомъ, встрѣчались такія умствованія: „если человѣкъ самъ не дѣлаетъ добра, то святые, хотя бы молились за него, не сдѣлаютъ ему пользы: сбудется только пословица: одинъ строитъ, другой разоряетъ“.

Все это не заключало въ себѣ въ сущности ничего неправо-

славнаго, но все это показываетъ, что въ самой благочестивой письменности были сѣмена противодѣйствія тому строю понятій о благочестіи, который былъ усвоенъ вѣками и принятъ большинствомъ: злоупотребленія въ духовенствѣ всегда могли обращать эти сѣмена въ противодѣйствіе самой Церкви. Такъ и сдѣлалось. Нигдѣ это противодѣйствіе не могло такъ легко прорваться, какъ во Псковѣ. Псковичи тяготились зависимостью отъ новгородскаго владыки по церковному управленію и суду, а между тѣмъ отсутствіе епархіальнаго начальника давно уже лишало во Псковѣ область благочестія правильнаго надзора. Во Псковѣ свободнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, могло воспитаться противодѣйствіе противъ существующаго церковнаго порядка, были постоянныя причины къ этому. Съ одной стороны, духовенство роптало на вмѣшательство вѣча въ церковныя дѣла, съ другой — новгородскій владыка и его софійскій дворъ подавали постоянный поводъ къ жалобамъ, какъ на свою бездѣйственность въ дѣлѣ управленія и суда, такъ и на свою жадность въ собираніи пошлинъ: Псковская земля въ церковномъ отношеніи казалась какою-то оброчною статьею новгородскаго владыки. Духовные, посвящаясь въ санъ и получая мѣста, платили пошлины. Нерѣдко добрыя отношенія къ чиновникамъ владыки, пошлины и подарки, пролагали путь къ священническому сану удобнѣе, чѣмъ личныя достоинства ищущаго этого сана. Могло всегда случиться, что бѣдный человѣкъ, достойный быть священникомъ по своимъ качествамъ и способностямъ, не получалъ мѣста потому только, что не могъ заплатить, тогда какъ другой, имѣвшій состояніе, покупалъ священный санъ. Нападки на эти пошлины, упреки, дѣлаемые духовному управленію въ томъ, что оно посвящаетъ священнослужителей за деньги, положили начало ереси, извѣстной подъ названіемъ „Стригольниковъ“.

Намъ неизвѣстно ни точное время явленія этой ереси, ни обстоятельства, служившія ближайшимъ поводомъ къ ея возникновенію; знаемъ только, что около 1374 года изъ Пскова въ Новгородъ бѣжали отъ преслѣдованія трое главныхъ проповѣдниковъ этой ереси: одинъ изъ нихъ неизвѣстенъ по имени, другой былъ діаконъ Никита, третій—мірянинъ, по имени Карпъ. Въ сочиненіи конца XV вѣка, въ „Просвѣтителѣ“ Іосифа Волоцкаго, Карпъ названъ художествомъ „стригольникъ“ [1]). Что

---

[1]) Въ современномъ посланія патріарха константинопольскаго Антонія (Акты Ист., т. I, стр. 9) говорится объ этомъ довольно темно: „възвѣщено ми бысть о васъ, моему смиренію и всему священному събору предсѣдящу, о прежевáрившихъ въ васъ ересѣхъ, яже суть расколы, занеже съблазнистеся въ время онаго Карпа, діакона отлученаго отъ службы стриголника, и глаголете: недостойни суть презвитеры по

такое „стригольникъ“, мы не знаемъ, но ересь эта получила кличку стригольниковъ. Трое проповѣдниковъ нашли себѣ въ Новгородѣ послѣдователей, но вскорѣ возмутили противъ себя народъ и были сброшены съ мосту въ Волховъ въ 1375 году. Посѣянное ими сѣмя ереси, однако, не пропало безслѣдно. Въ продолженіе XV вѣка еретики не разъ подвергались преслѣдованію во Псковѣ и Новгородѣ; ихъ умерщвляли, запирали въ тюрьмы; другіе изъ нихъ разбѣгались и разносили съ собою свои еретическія мнѣнія. Достойно замѣчанія, что православные до того озлобились противъ нихъ, что митрополитъ Фотій, въ 1427 году, хотя и повелѣваетъ не ѣсть и не пить съ еретиками, но сдерживаетъ фанатизмъ псковичей и порицаетъ ихъ за то, что они казнили смертью стригольниковъ. Какъ всегда бываетъ, гонимая секта укрѣплялась и распространялась отъ гоненій. Въ Новгородѣ, въ послѣднихъ годахъ XV вѣка, Геннадій, несмотря на громадное выселеніе прежнихъ жителей и приливъ новыхъ, указывалъ, что между чернецами есть стригольники.

Ересь стригольниковъ своею исходною точкою имѣла порицаніе обычая платить пошлины при посвященіи, а затѣмъ еретики нападали на жадность и корыстолюбіе духовенства, употребляя такія выраженія, какія до сихъ поръ можно слышать въ народѣ: „попы пьяницы, дерутъ съ живого, съ мертваго!“ Стригольники начали учить, что таинства, совершенныя недостойными священниками, недѣйствительны, а затѣмъ дошли до того, что признали все существующее и прежнее духовенство не имѣвшимъ дара Духа Святого, отвергали вселенскіе соборы, дозволяли, вмѣсто священниковъ, учить и проповѣдывать каждому, вооружались противъ монастырей, противъ вкладовъ по душамъ, поминокъ, и вообще противъ того, что̀ на благочестивомъ языкѣ называлось „строить душу“. Они, какъ видно, какъ-то по-своему толковали таинство причащенія, а вмѣсто исповѣди передъ священникомъ вводили свой обрядъ покаянія припаденіемъ къ землѣ. Отвергая церковныя постановленія, сами стригольники, однако, уважали произвольный постъ, отличались суровымъ воздержаніемъ, молитвою и книжностью.

Ересь стригольниковъ, распространяясь, развѣтвилась и разбилась на многіе толки, такъ что въ XV вѣкѣ люди различныхъ

мъздѣ поставляеми“ и пр. Во-первыхъ, неизвѣстно, говорится ли здѣсь объ одномъ лицѣ Карпѣ, который былъ разомъ и дьякономъ и стригольникомъ, или же имѣлось намѣреніе сказать о трехъ лицахъ: Карпѣ, отлученномъ діаконѣ и стригольникѣ, а если объ одномъ, то въ такомъ случаѣ не значило ли стригольникъ — названіе той ереси, къ которой принадлежалъ Карпъ, названіе, уже прежде существовавшее.

мнѣній назывались общимъ именемъ „стригольниковъ“. Одни, напримѣръ, не расходились совершенно съ Церковью, а только вольнодумствовали надъ ея постановленіями, и такихъ-то стригольниковъ разумѣлъ митрополитъ Фотій, предписывая духовнымъ не брать отъ нихъ приношеній; конечно, здѣсь идетъ рѣчь не объ отпадшихъ отъ Церкви совершенно, такъ какъ подобные люди не приносили бы уже ничего въ церковь. Другіе, соблазняясь способомъ поставленія духовныхъ лицъ, разошлись съ существующею въ ихъ время Церковью, но не отвергали необходимости православной церкви и готовы были присоединиться къ существующей, если бы въ ней не было того, что имъ казалось злоупотребленіемъ. Третьи отвергали монашество; говорили, что иноки выдумали себѣ сами житіе, отступили тѣмъ самымъ отъ евангельскихъ и апостольскихъ преданій, и что ангелъ, который, какъ гласитъ монашеское преданіе, далъ Пахомію иноческій образъ—схиму, былъ не ангелъ, а бѣсъ, и потому-то явился не въ свѣтломъ, а въ черномъ видѣ. Четвертые, оторвавшись отъ Церкви, учреждали свое собственное богослуженіе. Пятые, не признавая ни соборовъ, ни церковныхъ уставовъ и преданій, опирались на одномъ только св. писаніи, какъ дѣлали впослѣдствіи протестанты. Шестые доходили до чистаго деизма, отвергали уже евангельскія и апостольскія писанія и поклонялись одному Отцу, Богу небесному; наконецъ—уже самые крайніе отрицали воскресеніе мертвыхъ и будущую жизнь. Были еще и такіе, которыхъ ученіе Іосифъ Волоцкій называетъ „массаліанскою ересью“; изъ этого видно, что были такіе, которые признавали твореніе міра дѣломъ злого духа [1]).

Такое броженіе умовъ господствовало въ пятнадцатомъ вѣкѣ на русскомъ сѣверѣ, когда, передъ паденіемъ независимости Новгорода, занесена была туда ересь раціоналистическаго жидовства. Въ 1470 году, вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ Олельковичемъ, прибылъ въ Новгородъ изъ Кіева ученый іудей Схарія. Въ Новгородѣ въ то время были во всеобщемъ ходу религіозные толки: люди всякаго сословія, и мужчины, и женщины сходились не

---

[1]) Быть можетъ, эти представленія зашли въ древнюю Русь черезъ вліяніе болгарской секты богумиловъ, составлявшей почти одно и то же съ массальянскою, а можетъ быть образовались и позже при всеобщемъ броженіи умовъ. Тѣмъ не менѣе, однако, достойно замѣчанія, что слѣды такихъ представленій, чисто въ духѣ массальянской или богумильской ереси, до сихъ поръ существуютъ въ народныхъ суевѣріяхъ на русскомъ сѣверѣ. Существуетъ легенда, что Богъ и дьяволъ творили человѣка: дьяволъ создалъ тѣло, а Богъ вдунулъ въ него душу; отъ этого человѣкъ плотію покушается угодить бѣсу, а духомъ стремится къ Богу.

только въ домахъ, но и на торжищахъ, говорили о духовныхъ предметахъ и часто съ желаніемъ критиковать существующее въ Церкви преданіе и постановленіе. Во всеобщемъ хаосѣ споровъ и толковъ удобно было и ученому іудею пустить въ ходъ еще одно еретическое ученіе, имѣвшее цѣлію распространеніе основъ іудейской вѣры. Онъ совратилъ сперва одного попа, по имени Дениса; потомъ послѣдній привелъ къ нему другого попа, по имени Алексія, имѣвшаго приходъ на Михайловской улицѣ. Это были люди мыслящіе и начитанные по тогдашнему времени. Они приняли іудейство. Семейства этихъ священниковъ послѣдовали ихъ примѣру. Увидѣвши, что пропаганда можетъ идти успѣшно, Схарія пригласилъ въ Новгородъ еще двухъ іудеевъ: Шмойла Скаряваго и Моисея Хапуша. Вслѣдъ за Денисомъ и Алексіемъ, обратились къ новой ереси зять Алексія Иванъ Максимовъ, отецъ его попъ Максимъ, зять Дениса Васька Сухой, софійскій протопопъ Гавріилъ и еще много другихъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ. Новообращенные хотѣли-было обрѣзаться, но ихъ іудейскіе учителя велѣли держать іудейство въ тайнѣ, а явно прикидываться христіанами. Сдѣлавши свое дѣло, іудеи исчезли безслѣдно: вѣроятно, они уѣхали изъ Новгорода. Когда Иванъ III былъ въ Новгородѣ, то взялъ поповъ Дениса и Алексія къ себѣ въ Москву; какъ книжные люди, они вскорѣ заняли видныя мѣста: Алексій сдѣланъ протопопомъ Успенскаго собора, а Денисъ—Архангельскаго. Никто не могъ подозрѣвать въ нихъ и тѣни какого бы то ни было неправовѣрія.

Ученіе, проповѣданное іудеями, имѣло чисто еврейскія основанія. Они учили отвергать св. Троицу, божество Іисуса Христа и всѣ церковныя постановленія: неизвѣстно только, передавали ли они новообращеннымъ Талмудъ и принадлежали ли сами къ вѣрующимъ въ Талмудъ, но за то учили астрологіи и кабалистическимъ гаданіямъ: этимъ, вѣроятно, они въ особенности и привлекали къ себѣ. Но по отшествіи іудеевъ, ученіе ихъ въ Русской землѣ не могло сохраниться во всей своей старозавѣтной чистотѣ. Русскіе послѣдователи смѣшали его съ разными вольнодумными толками, и отсюда-то произошло явленіе, приводившее въ недоумѣніе многихъ ученыхъ. Іосифъ, игуменъ волоколамскій, оставившій намъ описаніе жидовствующей ереси, употребляетъ противъ нея такія обличенія, которыя скорѣе показываютъ заблужденія, несообразныя съ чистымъ іудействомъ, и заставляютъ предполагать или оттѣнки христіанской секты, или чистый матеріализмъ. Такимъ образомъ, онъ обличаетъ между ними такихъ, которые, опираясь на примѣръ Іисуса Христа и апостоловъ,

отвергали въ принципѣ монашество и думали подкрѣпить свои мнѣнія тѣми же текстами изъ апостола Павла (наприм., посл. къ Тимоѳ. IV, 1—3), которыми въ XVI вѣкѣ обыкновенно западные протестанты доказывали несообразность учрежденія монашества съ духомъ христіанскаго ученія. Для послѣдователей іудейства не нужно было ссылаться на Павла, такъ какъ онъ имъ ни въ какомъ отношеніи не могъ быть авторитетомъ. Ясно, что Іосифъ Волоцкій, ратуя противъ жидовствующихъ, поражалъ вмѣстѣ съ ними и другія существовавшія въ его время еретическія мнѣнія. Согласно съ этимъ и Геннадій жаловался, что въ Новгородѣ, кромѣ „мудрствующихъ по жидовски“, есть еретики, держащіе ереси маркіанскую (отвергающую Троицу), массальянскую, саддукейскую (отвергающую будущую жизнь) и др. Для ревнителя православія всѣ эти ереси равнымъ образомъ были ненавистны и достойны истребленія.

Ознакомившись со своею епархіею, и замѣтивши, что въ ней гнѣздятся ереси, Геннадій дѣятельно принялся ихъ отыскивать. Не легко ему это было. Еретики вели себя хитро и распространяли свои лжеученія, пользуясь благопріятными обстоятельствами, а передъ людьми, твердыми въ православіи, казались сами не только православными, но и свирѣпыми врагами ересей и щедро разсыпали на нихъ проклятія;—клясться и увѣрять въ своемъ православіи у нихъ не считалось грѣхомъ. Зато при всякомъ случаѣ они совращали слабаго и потакали разнымъ порокамъ, чтобы привлекать къ себѣ. Главною цѣлью ихъ было проводить на священническія мѣста своихъ единомышленниковъ, и это удавалось имъ. Не только въ городахъ, но и въ селахъ были на священнослужительскихъ мѣстахъ заклятые еретики, и они завлекали мірянъ, несвѣдущихъ въ дѣлахъ вѣры, прельщали ихъ ласковымъ обращеніемъ и дѣлали имъ всякаго рода послабленія, чтобы привлечь къ себѣ. Согрѣшитъ ли кто и придетъ каяться, — такой попъ прощаетъ грѣшника, не стращаетъ его вѣчными муками; напротивъ, иной успокоивалъ встревоженную совѣсть кающагося тѣмъ, что на томъ свѣтѣ ничего не будетъ. Еретики выказывали себя глубокими книжниками и мудрецами; они хвалились, что у нихъ есть такія священныя книги, которыя, при всеобщемъ невѣжествѣ, были незнакомы большинству: имъ легко было приводить изъ нихъ мѣста и давать произвольныя толкованія. Понятно, что съ такими врагами предстояла трудная борьба, и не ранѣе, какъ въ 1487 году Геннадію удалось попасть на явный слѣдъ. Случилось, что еретики въ пьяномъ видѣ стали болтать и упрекать другъ друга. Дали знать объ этомъ

Геннадію; тотъ извѣстилъ митрополита Геронтія и приступилъ къ обыску. Одинъ изъ попавшихся, попъ Наумъ, открылъ Геннадію все и принесъ ему псалмы, которые пѣли еретики въ своихъ тайныхъ собраніяхъ по іудейскому способу. Геннадій отдалъ подозрѣваемыхъ на поруки до окончанія слѣдствія и прислалъ митрополиту и великому князю свой первый обыскъ; онъ извѣщалъ, что трое еретиковъ: попы Григорій и Герасимъ и дьякъ Самсонъ, обличаются, по показаніямъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, въ томъ, что хвалили жидовскую вѣру, хулили Сына Божія и Пречистую Богородицу и всю православную вѣру, и ругались надъ иконами, а противъ четвертаго, дьяка Гриди, находится одно только свидѣтельство попа Наума. Между тѣмъ, четверо изъ отданныхъ на поруки бѣжали въ Москву. Геннадій еще не подозрѣвалъ, что въ самой Москвѣ ересь уже пустила корни. Денисъ и Алексій совратили въ Москвѣ любимца великокняжескаго, дьяка Ѳеодора Курицына, архимандрита Симоновскаго монастыря Зосиму, крестовыхъ дьяковъ Истому и Сверчка и другихъ лицъ. Эти лица дѣйствовали на великаго князя и на митрополита, вѣроятно, представляли имъ, что Геннадій преувеличиваетъ дѣло, и новгородскій архіепископъ долго не получалъ изъ Москвы никакого отвѣта: Геннадій сталъ усиленно добиваться отъ великаго князя и митрополита приказанія преслѣдовать еретиковъ. Геннадій хлопоталъ черезъ епископовъ, находившихся въ Москвѣ. Онъ писалъ сначала къ сарскому (сарайскому) епископу (носившему этотъ титулъ и жившему постоянно въ Москвѣ на Крутицахъ), а потомъ къ епископамъ суздальскому и пермскому; указывалъ, что въ Москвѣ послабляютъ еретикамъ, а между тѣмъ въ Новгородѣ они становятся отважнѣе и ругаются надъ святынею: привязываютъ къ вòронамъ и ворòнамъ деревянные и мѣдные крестики; „вòроны и ворòны садятся на стерво и на калъ и крестомъ по немъ волочатъ“. Настойчивость Геннадія привела, наконецъ, къ тому, что великій князь приказалъ созвать соборъ, и на соборѣ постановили троихъ обвиненныхъ предать торговой казни въ Москвѣ, а потомъ послать къ Геннадію на покаяніе; если же они не покаятся, то отослать ихъ къ намѣстникамъ великаго князя въ Новгородъ для „градской“ казни. Кромѣ того, Геннадію поручалось дѣлать дальнѣйшій обыскъ, и тѣхъ, которые окажутся виновными, предавать намѣстникамъ для „градской“ казни. Такому же обыску подлежалъ и дьякъ Гридя. Соображаясь съ этимъ рѣшеніемъ собора, Геннадій продолжалъ обыскъ (слѣдствіе) и хваталъ подозрительныхъ. Тѣ, которые приносили покаяніе и сами на себя писали признаніе, подвергаемы

были церковной эпитеміи; Геннадій оставилъ ихъ на свободѣ, запретивши имъ только ходить въ церковь, а нераскаявшихся и продолжавшихъ хвалить жидовскую вѣру отсылалъ къ намѣстникамъ для преданія ихъ торговой казни. Но всѣ тѣ, которые принесли предъ нимъ притворное покаяніе, бѣжали потомъ въ Москву, и тамъ не только жили на свободѣ, но и распространяли ересь. Духовныя лица, которыхъ Геннадій уже считалъ несомнѣнно еретиками, совершали въ Москвѣ богослуженіе; попъ Денисъ, взятый Иваномъ въ Москву вмѣстѣ съ Алексіемъ, дошелъ до крайней дерзости, и если вѣрить извѣстію, сообщаемому Геннадіемъ, во время богослуженія плясалъ за престоломъ и ругался надъ крестомъ. Сильно возмущала Геннадія безнаказанность еретиковъ, да и послѣдніе болѣе всего ненавидѣли новгородскаго владыку. Но особеннымъ врагомъ Геннадія былъ чернецъ Захаръ. Былъ онъ прежде въ Новгородской землѣ въ монастырѣ, называемомъ Нѣмчиновъ. Однажды явились къ Геннадію чернецы этого монастыря и донесли ему, что чернецъ Захаръ сманилъ ихъ къ себѣ въ монастырь отъ князя Ѳеодора Бѣльскаго, у котораго они служили въ дѣтяхъ боярскихъ, и вотъ уже три года не допускаетъ ихъ до святого причащенія, да и самъ не причащается. Геннадій призвалъ къ себѣ Захара, и спрашивалъ: точно ли правда то, что́ говорятъ чернецы. „Грѣшенъ есмь, владыка“, сказалъ Захаръ. Геннадій сталъ его укорять и наставлять, а Захаръ сказалъ: „Да у кого причащаться-то? Вѣдь всѣ попы, и владыки, и митрополиты по мздѣ поставлены?“ — „Какъ! и митрополитъ?“ спросилъ Геннадій.—Захаръ отвѣчалъ: „прежде митрополиты ходили въ Цареградъ къ патріарху за посвященіемъ и патріарху деньги давали, а теперь митрополиты даютъ боярамъ тайно посулы; и владыки митрополиту даютъ деньги“. — Геннадій за такіе отзывы призналъ Захара стригольникомъ и сослалъ его въ пустынь на Горнечно, но вскорѣ послѣ того онъ получилъ отъ великаго князя грамоту о томъ, чтобы наказать Захара и отпустить въ его монастырь. Геннадій опять призвалъ Захара и взялъ съ него запись въ томъ, что онъ впередъ будетъ причащаться св. Таинъ и изберетъ себѣ духовнаго отца. Захаръ, давши такую запись, ушелъ въ Москву и не только остался тамъ цѣлъ и невредимъ, но водился съ знатными людьми и былъ въ состояніи вредить самому Геннадію. Онъ обвинялъ его самого въ ереси и разсылалъ въ Новгородъ и въ другія мѣста письма, въ которыхъ старался всякими способами очернить новгородскаго владыку. Этотъ Захаръ былъ, вѣроятно, человѣкъ знатнаго происхожденія и съ большими связями, а Нѣмчиновъ

монастырь, въ которомъ онъ жилъ, былъ его собственностью и этимъ объясняется: почему онъ, не будучи самъ въ священническомъ санѣ, начальствовалъ надъ монахами.

Въ 1489 году скончался митрополитъ Геронтій, человѣкъ несомнѣнно православный по своимъ убѣжденіямъ, но дававшій потачку еретикамъ: быть можетъ, ненавидя Геннадія, онъ неохотно принимался за дѣло, поднятое послѣднимъ, и не довѣрялъ справедливости всего, что̀ выставлялъ новгородскій владыка. Еретики до того взяли верхъ при дворѣ Ивана Васильевича, что своимъ ходатайствомъ могли доставить митрополичью каѳедру такому лицу, какое имъ было нужно. Протопопъ Алексій, взятый Иваномъ Васильевичемъ изъ Новгорода въ Москву, скончался. Незадолго до своей смерти онъ указывалъ на архимандрита Симоновскаго Монастыря Зосиму, какъ на самаго достойнаго быть преемникомъ Геронтія. Великій князь очень любилъ Алексія и поддался его внушеніямъ. Въ сентябрѣ 1490 года состоялся выборъ: духовныя власти избирали митрополитомъ Зосиму, зная, что этого хочетъ „державный“, какъ они величали великаго князя. Геннадія не пригласили на соборъ; онъ хотѣлъ ѣхать, но великій князь приказалъ ему оставаться на мѣстѣ; отъ него потребовали только письменнаго согласія, такъ-называемой „повольной“ грамоты. Геннадій не противился выбору Зосимы, потому что еще не имѣлъ ничего сказать противъ него, но сильно оскорбился тѣмъ, что его не пустили лично присутствовать на выборѣ.

Какъ только Зосима усѣлся на митрополичьемъ столѣ, тотчасъ потребовалъ отъ Геннадія исповѣданія вѣры. Это значило, что Геннадія подозрѣваютъ въ неправовѣріи. Геннадій ясно видѣлъ, что къ нему придираются, что враги составляютъ противъ него козни: враги эти — еретики, и главнымъ изъ нихъ считалъ онъ Захара, — и новгородскій владыка усилилъ противъ нихъ свою ревность. Геннадій не послалъ Зосимѣ исповѣданія, объяснивши, что онъ уже далъ его, по обычаю, при своемъ поставленіи въ архіерейскій санъ, а съ своей стороны настоятельно требовалъ приняться немедленно за строжайшій обыскъ надъ еретиками и казнить ихъ безъ милосердія. Геннадій напоминалъ митрополиту, что онъ обязанъ настаивать передъ великимъ княземъ на преслѣдованіи еретиковъ: „Если великій князь того не обыщетъ и не казнитъ этихъ людей, то какъ намъ тогда свести срамъ съ своей земли! Вонъ — фряги какую крѣпость держатъ по своей вѣрѣ; сказывалъ мнѣ цесарскій посолъ про шпанскаго короля, какъ онъ свою землю-то очистилъ!“ Геннадій указывалъ

на государева дьяка и любимца Өеодора Курицына, какъ на корень всего зла: „отъ него вся бѣда стала; онъ отъявленный еретикъ и заступникъ еретиковъ передъ государемъ“. Геннадій этимъ не ограничивался; онъ смѣло обличалъ распоряженія самого великаго князя, касающіяся Церкви. По поводу перестроекъ въ Москвѣ были разобраны ветхія церкви и перенесены на другія мѣста; — кости мертвыхъ свезены были на Дорогомилово, а на мѣстѣ церковной ограды, служившей для погребенія, разведенъ былъ садъ. Этотъ поступокъ Геннадій называлъ „бѣдою земскою“ и „нечестью государскою“ и сообщалъ свои разсужденія, очень любопытныя какъ образчикъ умствованій того времени. „Кости мертвыхъ — писалъ Геннадій — вынесены, а тѣла остались на прежнемъ мѣстѣ, разсыпавшись въ прахъ; и на нихъ садъ посаженъ; а Моисей во Второзаконіи не велѣлъ садить садовъ и деревьевъ подлѣ требника Господа Бога. Гробокопателямъ какова казнь писана: а вѣдь это оттого, что будетъ воскресенье мертвыхъ; не велѣно мертвыхъ съ мѣста двигать, опричь тѣхъ великихъ святыхъ, коихъ Богъ чудесами прославилъ. Гдѣ столько лѣтъ стояли Божьи церкви, гдѣ стоялъ престолъ и жертвенникъ, — эти мѣста не огорожены: собаки ходятъ по нимъ и всякій скотъ!..“ Зосима требовалъ отъ Геннадія согласія на поставленіе коломенскаго владыки, но не сообщалъ ему имени того, кто будетъ этимъ владыкою. Геннадій догадывался, что могутъ на это мѣсто посадить такое лицо, которое станетъ мирволить еретикамъ, и наотрѣзъ сказалъ: „не управивши дѣла еретическаго — писалъ онъ — нельзя ставить владыку; не изъ иной земли добывать намъ человѣка на владычество, а тутошнимъ нашимъ нужно обыскъ учинить и тѣмъ, что съ еретиками служили или съ ними были въ общеніи, назначить разныя эпитеміи, кому отлученіе, а кому до конца изверженіе“.

Настойчивыя требованія Геннадія, обращаемыя къ митрополиту, могли остаться безъ вниманія, такъ какъ и прежде того Геннадій не разъ уже писалъ въ Москву, присылалъ разные доносы и улики на еретиковъ, а имъ въ Москвѣ не давали ходу: очевидно, люди, принадлежавшіе къ ереси и приближенные къ государю, представляли Геннадія вздорнымъ, безпокойнымъ человѣкомъ. Но Геннадій, защищая православіе, защищалъ разомъ и самого себя отъ подкопа, который вели противъ него враги. Вслѣдъ за письмомъ къ митрополиту разразился онъ посланіемъ, обращеннымъ къ русскимъ архіереямъ: ростовскому, суздальскому, тверскому и пермскому; онъ убѣждалъ ихъ всѣхъ не соглашаться на поставленіе коломенскаго владыки, требовать немедленнаго

созванія собора и суда надъ еретиками, и притомъ суда самаго строгаго. По мнѣнію Геннадія, современныхъ ему еретиковъ слѣдовало наказывать строже, чѣмъ наказывали проклятіемъ прежнихъ еретиковъ на соборахъ: „отъ явнаго еретика человѣкъ бережется,—писалъ онъ,—а отъ сихъ еретиковъ какъ уберечься, если они зовутся христіанами. Человѣку разумному они не объявятся, а глупаго какъ разъ съѣдятъ.“ Геннадій давалъ своимъ товарищамъ владыкамъ совѣтъ, ни подъ какимъ видомъ не допускать на предстоящемъ соборѣ преній о вѣрѣ. „Люди у насъ просты—писалъ онъ—не умѣютъ по обычнымъ книгамъ говорить, такъ лучше о вѣрѣ никакихъ рѣчей не плодить, только для того и соборъ учинить, чтобы еретиковъ казнить, жечь и вѣшать. Они, еретики, взяли у меня было покаяніе и эпитимію, а потомъ убѣжали: надобно ихъ пытать накрѣпко, чтобъ дознаться, кого они прельстили, чтобы искоренить ихъ совсѣмъ и отрасли ихъ не оставить“. Уликами для еретиковъ должны были служить показанія, отобранныя Геннадіемъ подъ пыткою у тѣхъ, которыхъ прежде выслали къ нему изъ Москвы. Уже онъ посылалъ эти показанія въ Москву, но имъ не вѣрили, говорили, что они вынуждены были муками; и на это недовѣріе горько жаловался Геннадій архіереямъ. „При допросѣ—писалъ онъ—былъ я, святитель, двое бояръ великаго князя, да мой бояринъ, да опричь того нѣсколько дѣтей боярскихъ, да игумены и священники, и все-таки тому не вѣрятъ, да еще и на меня со лжою. Говорятъ, что я Самсонка мучилъ; не я его мучилъ, а сынъ боярскій великаго князя; мои сторожи только стояли, чтобы кто-нибудь посула не взялъ. Самсонко объявилъ, какъ онъ бывалъ у Ѳедора Курицына, какъ приходили къ нему Алексій протопопъ, да Истома, да Сверчокъ, да Ивашка Черный, что книги пишетъ, и ругались надъ православіемъ. Ка̀къ бы тотъ смердъ Самсонко зналъ, что̀ у Курицына дѣлается, если бы къ Курицыну не ходилъ? Вотъ онъ знаетъ, что у Курицына живетъ венгерецъ Мартынка, что изъ Угорской земли съ нимъ пріѣхалъ: почемъ бы Самсонко зналъ это, если бы не былъ вхожъ въ домъ къ Курицыну?“ Геннадій убѣждалъ архіереевъ стараться, чтобы великій князь непремѣнно послалъ за новгородскимъ архіепископомъ, и убѣждалъ ихъ безъ него не начинать никакого дѣла.

Въ показаніяхъ Самсонка и другихъ были признанія въ томъ, что еретики изрекали хулу на Христа, Пречистую Богородицу и всѣхъ святыхъ, ругались надъ иконами и надъ другими священными вещами. Самъ Самсонко сознавался, что онъ съ попомъ Наумомъ разщеплялъ святыя иконы, а Наумъ, проходя

мимо иконы Богородицы, показалъ ей кукишъ. Другой еретикъ, Алексѣй Костевъ, вытащивши изъ часовни икону Успенія, бросилъ на землю и началъ поливать скверною водою. Третій, Юрка, бросилъ икону въ лахань. Иные спали на иконахъ, другіе мылись на нихъ. Макаръ дьякъ, который ѣлъ въ постъ мясо, плевалъ на икону, а Самсонко вырѣзывалъ изъ просфоръ кресты и бросалъ кошкамъ и собакамъ и проч.

Геннадіево посланіе оказало немедленное дѣйствіе. Зосима не хотѣлъ собирать собора, но не могъ противиться общему требованію архіереевъ и большинства духовенства, которое единогласно домогалось суда надъ еретиками. Соборъ открылся 17-го октября. Геннадія опять не пригласили, и архіереи рѣшились приступить къ дѣлу безъ Геннадія, хотя онъ просилъ ихъ добиваться, чтобъ его непремѣнно пригласили на соборъ. Кромѣ архіереевъ, здѣсь было нѣсколько монастырскихъ настоятелей, священниковъ и старцевъ, и между ними знаменитый въ свое время Нилъ Сорскій. До насъ, къ сожалѣнію, не дошли подробныя извѣстія о ходѣ дѣлъ на этомъ соборѣ; мы знаемъ только его приговоръ. Основываясь на показаніяхъ, присланныхъ Геннадіемъ, и на нѣкоторыхъ свидѣтельствахъ, собранныхъ въ Москвѣ, соборъ обвинилъ новгородскаго протопопа Гавріила, священниковъ: Дениса, Максима (ивановскаго), Василія (покровскаго), діакона Макара, зятя Денисова Васюка, чернеца Захара и дьяковъ Гридю и Самсона въ томъ, что они не поклонялись иконамъ, ругались надъ ними, называя ихъ, заурядъ съ идолами, дѣлами рукъ человѣческихъ, признавали тѣло и кровь Христову простымъ хлѣбомъ и виномъ съ водою. Уличили ли ихъ при этомъ въ прямомъ „жидовствѣ“—мы не знаемъ. Еретики упорно отпирались отъ обвиненій, а въ томъ, въ чемъ нельзя было отпереться, каялись и просили прощенія. Соборъ лишилъ ихъ духовнаго сана, предалъ проклятію и осудилъ на заточеніе. Нѣкоторыхъ изъ нихъ—неизвѣстно кого именно, но вѣроятно тѣхъ, которые были изъ Новгорода,—отправили къ Геннадію въ Новгородъ. Архіепископъ приказалъ встрѣтить ихъ за 40 верстъ отъ города, надѣть на нихъ вывороченную одежду, посадить на вьючныхъ лошадей лицомъ къ хвосту, въ берестовыхъ шлемахъ съ мочальными кистями, въ соломенныхъ вѣнцахъ съ надписью: „се есть сатанино воинство“. Въ такомъ видѣ ввезли ихъ въ городъ. Со связанными руками, они сидѣли, обращенные лицомъ на западъ, по выраженію Іосифа Волоцкаго, смотря въ ту сторону, гдѣ ихъ ожидалъ вѣчный огонь. Владыка велѣлъ народу плевать на нихъ, ругаться надъ ними и кричать: „вотъ враги Божіи, хулители хри-

стіанскіе!“ Послѣ такого обряда на головахъ ихъ зажжены были берестовые шлемы. По извѣстію Іосифа, Денисъ скоро умеръ, за мѣсяцъ предъ смертью лишившись разсудка. Подобная участь постигла и Захара.

Но для искорененія еретическаго духа этимъ еще сдѣлано было немного. Соборное осужденіе постигло указанныхъ нами лицъ собственно не за жидовскую или какую-нибудь опредѣленную ересь, а за противные Церкви поступки и выраженія, которые могли одинаково быть послѣдствіемъ разныхъ заблужденій и даже просто безпутной жизни и пьянства. Важные еретики оставались безъ преслѣдованія и жили въ Москвѣ, пользуясь покровительствомъ властей. Таковы были: Ѳедоръ Курицынъ, братъ его Волкъ, Сзерчокъ, Семенъ Кленовъ, Максимовъ и другіе. Иванъ Максимовъ нашелъ возможность совратить въ ересь невѣстку великаго князя, вдову Елену. Распространенію всякаго рода безвѣрія, а тѣмъ самымъ и всякихъ еретическихъ толкованій, способствовало то обстоятельство, что въ это время окончилась седьмая тысяча лѣтъ, считаемая отъ сотворенія міра. Уже долгое время было въ ходу вѣрованіе, не только на Руси, но и на православномъ Востокѣ, что міру должно существовать только 7000 лѣтъ. Вѣрованіе это чрезвычайно древнее и исходитъ еще отъ первыхъ вѣковъ христіанства: одинъ изъ раннихъ отцовъ церкви, Ириней, конца II вѣка, писалъ, что во сколько дней созданъ міръ, черезъ столько тысячъ лѣтъ послѣдуетъ его конецъ; съ тѣхъ еще поръ это мнѣніе повторялось многими и въ различныхъ видахъ. Сообразно съ этимъ мнѣніемъ, пасхалія, которою руководствовались для преходящихъ праздниковъ, составлена была на 7000 лѣтъ, и русскіе сроднились съ мыслью, что конецъ пасхаліи согласуется съ концомъ міра. Но пасхалія была на исходѣ, конецъ міра не приходилъ, и надобно было составлять дальнѣйшую пасхалію. Митрополитъ Зосима изложилъ пасхалію только на слѣдующіе двадцать лѣтъ, но въ то же время поручилъ Геннадію, пріѣхавшему для того въ Москву, составить свою пасхалію, чтобы согласіе между тою и другою послужило мѣриломъ истины. Геннадій написалъ пасхалію на семьдесятъ лѣтъ. Она оказалась дословно сходною въ тѣхъ годахъ, на которые составилъ пасхалію Зосима, и Геннадіева пасхалія была разослана по всей Руси съ предисловіемъ, гдѣ объяснялся процессъ составленія пасхаліи и проводилась мысль, что нельзя человѣку знать времени кончины міра. „Мы написали это для простыхъ людей—говоритъ Геннадій—думающихъ о скончаніи міра; пугаться его не должно, а слѣдуетъ ждать пришествія Христова

во всякое время, потому что оно никому не вѣдомо, какъ установлено. Какъ седьмая тысяча изошла и пасхалія рядовая окончилась, а тутъ еще кто-то написалъ: вотъ будетъ страхъ, скорбь, какъ при распятіи Христовомъ; вотъ послѣдній годъ, кончина явится, ожидаемъ всемірнаго пришествія Христова;—и сдѣлалась тревога не только между простыми, но и не простыми, и многихъ взяло сомнѣніе. Вотъ мы и написали это въ обхожденіе временамъ, поставили круги солнечные и лунные и „рукамъ числа": почемъ можно знать и лунное теченіе, и пасху, и мясопусты и всѣ праздники".

Но составленіе пасхаліи не отняло у еретиковъ возможности пользоваться для своихъ цѣлей исходомъ семитысячныхъ годовъ. „Какъ же это—говорили они—апостолы написали, что Христосъ родился въ послѣднее лѣто, а вотъ уже 1500 лѣтъ проходитъ по Рождествѣ Христовѣ, міру же все конца нѣтъ; стало быть, апостолы неправду писали. Говорили, что Христосъ скоро придетъ, а его все нѣтъ! Ефремъ Сиринъ давно уже написалъ: пророчества и писанія скончались, и ничего не осталось дожидаться, кромѣ второго пришествія Господа нашего Іисуса Христа. Но вотъ уже 1100 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ писалъ Ефремъ Сиринъ, а второго пришествія все нѣтъ!" Такія замѣчанія вызывали со стороны православныхъ необходимость опровергать ихъ и вдаваться въ объясненія, какъ священнаго писанія, такъ и св. отцовъ. Геннадій опровергалъ эти замѣчанія, ходившія въ то время въ народѣ и, кромѣ книгъ, признаваемыхъ Церковью, ссылался даже на апокрифическія или отреченныя сочиненія, которыя были тогда въ большомъ ходу между духовными, не всегда умѣвшими отличать ихъ отъ каноническихъ. Страсть къ религіознымъ разсужденіямъ все болѣе и болѣе усиливалась. Иные, не завлекая людей ни въ жидовство, ни въ какую-либо другую опредѣленную ересь, возбуждали только въ народѣ сомнѣніе въ вѣрѣ; толковали по-своему мѣста св. писанія и сочиненій св. отцовъ, и говорили, что въ искусствѣ наблюдать теченіе звѣздъ и по нимъ отгадывать судьбу человѣческую можно найти болѣе мудрости, нежели въ писаніяхъ, признаваемыхъ Церковью, которыя оказываются ложными, такъ какъ ихъ пророчества о скончаніи міра и второмъ пришествіи Христа не сбылись. Митрополитъ Зосима явно показывалъ видъ, что защищаетъ православіе, а на самомъ дѣлѣ былъ опорою для еретиковъ.

Это былъ человѣкъ, преданный обжорству, пьянству, всякимъ чувственнымъ удовольствіямъ, и потому склонный къ безвѣрію и матеріализму. Въ тѣ минуты, когда вино дѣлало его откровен-

нымъ, онъ высказывалъ самыя соблазнительныя мнѣнія: что Христосъ самъ себя назвалъ Богомъ, что евангельскіе, апостольскіе и церковные уставы и преданія — все вздоръ; иконы и кресты, все равно что болваны. „Чтò такое царство небесное, чтò такое второе пришествіе, чтò такое воскресеніе мертвыхъ? — говорилъ онъ. — Ничего этого нѣтъ: кто умеръ, тотъ умеръ, и только; дотолѣ и былъ, пока жилъ на свѣтѣ“. Его причисляли также къ послѣдователямъ жидовства, но едва ли было такъ на самомъ дѣлѣ: отрицаніе будущей жизни несогласимо было съ общепринятыми іудейскими вѣрованіями, и, кажется, Зосима не принадлежалъ ни къ какой ереси, а просто ничему не вѣрилъ, потому что ни о чемъ не заботился, кромѣ чувственныхъ удовольствій. Отъ этого онъ готовъ былъ смотрѣть сквозь пальцы на всякую ересь и говорилъ: не слѣдуетъ наказывать еретиковъ и отыскивать ихъ. Въ томъ же духѣ говорили не только сами еретики, но и православные, побуждаемые добродушіемъ: „зачѣмъ осуждать и истязать еретиковъ и отступниковъ? Господь сказалъ: не судите, да не судимы будете; и св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: не слѣдуетъ никого ненавидѣть и осуждать, ни невѣрнаго, ни еретика, а тѣмъ болѣе не убивать ихъ; — если же надобно судить ихъ и казнить, то пусть судятъ ихъ цари, князья и земскіе судьи, а не иноки и не простые люди; притомъ же еретикъ и отступникъ только тотъ, кто самъ исповѣдалъ свою ересь и отступленіе, а доискиваться: нѣтъ ли въ комъ ереси, и предавать человѣка пыткѣ изъ-за этого — не слѣдуетъ“. Такія разсужденія направлены были противъ доносчиковъ и соглядатаевъ; хотя и не отнималось у верховной мірской власти право судить еретиковъ, но отнималась возможность ихъ отыскивать и предавать свѣтскому суду, если они сами будутъ осторожны. Противъ такихъ-то мнѣній вооружались въ то время строгіе ревнители православія, и главнымъ изъ нихъ былъ неутомимый Геннадій. Онъ, напротивъ, доказывалъ, что не только слѣдуетъ всѣми возможными средствами отыскивать еретиковъ, но даже не вѣрить ихъ покаянію, когда оно приносится по-неволѣ обличенными въ ереси. Геннадій требовалъ, чтобы ихъ жгли и вѣшали. Тогда вопросъ о томъ, какъ относиться къ еретикамъ, занималъ умы. Геннадій придавалъ ему огромную важность и для противодѣйствія своимъ противникамъ нашелъ себѣ дѣятельнаго и энергическаго товарища въ игуменѣ Волоколамскаго монастыря Іосифѣ. Онъ былъ сынъ землевладѣльца близъ Волоколамска, по прозвищу Санина, и происходилъ изъ крайне благочестивой семьи. Его дѣдъ и бабка, отецъ и мать, окончили жизнь въ монаше-

ствѣ. Его всѣ братья были монахами, а двое изъ нихъ епископами. Самъ Іосифъ въ молодости постригся въ Боровскомъ монастырѣ у знаменитаго и уважаемаго за свою святую жизнь игумена Пафнутія, а впослѣдствіи, еще при жизни послѣдняго, сдѣлался его преемникомъ. Онъ хотѣлъ ввести въ монастырѣ чрезвычайную строгость, но вооружилъ противъ себя всю братію и потому удалился изъ Боровска, скитался около года по разнымъ монастырямъ, наконецъ, основалъ собственный монастырь на своей родинѣ, близъ Волоколамска. Великій князь лично зналъ его и уважалъ за строгое постничество и необыкновенную по тому времени ученость. Съ Іосифомъ сошелся Геннадій, знакомый съ нимъ еще прежде и пожертвовавшій въ Волоколамскій монастырь свое село Мечевское.

Зосима не долго могъ скрываться. Ревнители благочестія скоро разгадали его, соблазнились его поведеніемъ, его двусмысленными выходками, о которыхъ слухъ расходился въ народѣ, и стали обличать его. Митрополитъ, прежде проповѣдывавшій милость ко всѣмъ, теперь самъ сталъ жаловаться великому князю на своихъ враговъ, и великій князь подвергъ нѣкоторыхъ заточенію; но въ 1493 году смѣло и рѣшительно поднялся противъ Зосимы Іосифъ Волоцкій, написавшій въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ посланіе къ суздальскому епископу Нифонту, призывая его со всѣми товарищами, русскими іерархами, стать за православную вѣру противъ отступника митрополита. „Въ великой церкви Пречистой Богородицы, на престолѣ св. Петра и Алексія,—писалъ онъ,—сидитъ скверный, злобѣсный волкъ, въ пастырской одеждѣ, Іуда Предатель, бѣсамъ причастникъ, злодѣй, какого не было между древними еретиками и отступниками“. Затѣмъ, изобразивши развратное поведеніе митрополита и упомянувши о соблазнительныхъ рѣчахъ, которыя онъ произносилъ въ кругу приближенныхъ, Іосифъ убѣждалъ всѣхъ русскихъ іерарховъ свергнуть отступника и спасти Церковь. „Если не искоренится этотъ второй Іуда,—писалъ онъ,—то мало-по-малу отступничество утвердится и овладѣетъ всѣми людьми. Какъ ученикъ учителя, какъ рабъ государя, молю тебя: поучай все православное христіанство, чтобъ не приходили къ этому скверному отступнику за благословеніемъ, не ѣли и не пили съ нимъ“. Это посланіе, вѣроятно написанное за-одно съ Геннадіемъ, произвело свое дѣйствіе. Въ 1494 году митрополитъ, увидѣвши, что вся Церковь противъ него вооружается, добровольно отказался отъ митрополіи, всенародно положилъ свой омофоръ на престолъ въ Успенскомъ соборѣ, объявилъ, что по немощи не можетъ быть

митрополитомъ, и удалился сначала въ Симоновъ, а потомъ въ Троицкій монастырь. Великій князь не сталъ его преслѣдовать, быть можетъ потому, что считалъ его только пьяницею, но человѣкомъ безвреднымъ для вѣры по удаленіи своемъ отъ управленія дѣлами Церкви. Не ранѣе, какъ въ сентябрѣ слѣдующаго года, избранъ былъ новый митрополитъ Симонъ, бывшій игуменомъ Троицко-Сергіевскаго монастыря. Геннадій и на этотъ разъ не участвовалъ въ поставленіи новаго митрополита. Достойно замѣчанія, какъ велъ себя великій князь въ этомъ случаѣ: предшествовавшія событія показали ему, что Церковь, такъ сильно содѣйствовавшая усиленію верховной мірской власти, способна была, однако, заявлять свою независимость противъ этой власти. Мысль эта уже тяготила Ивана и этимъ-то, должно быть, пользовались приближенные къ нему еретики, отклоняя его отъ слишкомъ ревностнаго преслѣдованія вольнодумцевъ. Иванъ былъ отчасти доволенъ: охлажденіе къ духовенству, распространявшееся въ народѣ, могло содѣйствовать видамъ Ивана. Во-первыхъ, онъ видѣлъ въ этомъ средство поставить свою власть выше всякаго противодѣйствія со стороны представителей Церкви, во-вторыхъ — возможность осуществить со временемъ свое тайное желаніе овладѣть церковными имуществами; а это желаніе уже давно онъ выказалъ своими поступками, отнявши у новгородскаго владыки и у новгородскихъ монастырей значительную часть ихъ имѣній. Въ дополненіе къ этому, онъ въ послѣднее время запретилъ Геннадію пріобрѣтать куплею новыя земли. Чтобы пріучать русскихъ къ мысли о первенствѣ государя надъ Церковью, послѣ нареченія Симона митрополитомъ, Иванъ въ Успенскомъ соборѣ всенародно взялъ новаго митрополита за руку и „предалъ его епископамъ", знаменуя тѣмъ, что соизволеніе государя даетъ Церкви первопрестольника. Подобное повторилось и при посвященіи: государь громогласно „повелѣлъ" митрополиту „принять жезлъ пастырства и взойти на сѣдалище старѣйшинства". Это былъ новый, невиданный до сихъ поръ обрядъ, имѣвшій тотъ ясный смыслъ, что поставленіе митрополита, а тѣмъ самымъ и всѣхъ духовныхъ властей, исходитъ отъ воли государя.

При такомъ настроеніи Ивана Васильевича, еретикамъ удобно было поддѣлываться къ нему и пользоваться его покровительствомъ, увѣряя, что всѣ обвиненія въ ереси есть не что иное, какъ слѣдствіе изувѣрства духовныхъ. Иванъ Васильевичъ давно уже не любилъ Геннадія; Іосифа Волоцкаго онъ уважалъ, но когда послѣдній началъ докучать ему просьбами объ отысканіи

и преслѣдованіи еретиковъ, государь и ему велѣлъ замолчать. Еретическое направленіе въ особенности укрѣпилось тогда, когда государь охладѣлъ къ своему сыну Василію и оказывалъ расположеніе къ своей невѣсткѣ и ея сыну. Въ это время Курицынъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Волкомъ, на зло ненавистному Геннадію, упросили государя послать въ Юрьевскій новгородскій монастырь архимандритомъ своего единомышленника Кассіана. Въ Новгородѣ, благодаря Геннадію, ереси совершенно было замолкли: теперь, послѣ прибытія Кассіана, Юрьевъ монастырь сдѣлался средоточіемъ всякаго рода отступниковъ отъ Церкви. Тамъ происходили еретическія совѣщанія и совершались поруганія надъ священными предметами; Геннадій не въ силахъ былъ преслѣдовать ихъ. Московскіе еретики, а вмѣстѣ съ ними и бояре Патрикѣевы, благопріятели Елены и ея сына, подстрекали великаго князя присвоить себѣ церковное имущество, что̀ было очень по душѣ Ивану Васильевичу, и государь началъ съ имѣній новгородскаго владыки: онъ отнялъ у Геннадія часть архіепископскихъ земель и отдалъ своимъ дѣтямъ боярскимъ.

Между тѣмъ Геннадій, ведя неутомимую войну противъ еретиковъ, первый понялъ, что православію нельзя бороться съ ересями только тѣми средствами насилія, какія до сихъ поръ употреблялись. Въ ереси уходило изъ православія то, что̀ по умственному развитію стояло выше общаго уровня; еретики были всѣ люди начитанные и книжные. Глубокое невѣжество господствовало между духовенствомъ. Во всякомъ свободномъ спорѣ еретика съ православнымъ первый всегда могъ взять верхъ. Геннадій понялъ это и требовалъ заведенія училищъ. Нѣсколько разъ билъ онъ объ этомъ челомъ великому князю, просилъ ходатайствовать и митрополита Симона. Въ своемъ любопытномъ посланіи къ митрополиту Геннадій изложилъ тогдашнее состояніе просвѣщенія духовенства. „Вотъ,—пишетъ онъ,—приведутъ ко мнѣ мужика на посвященіе: я ему дамъ читать апостолъ, а онъ и ступить не умѣетъ; я ему дамъ псалтырь, онъ и тутъ едва бредетъ. Я его прогоню, а на меня за это жалуются. Земля, говорятъ, такова; не можемъ достать человѣка, который бы грамотѣ умѣлъ: всю землю, видишь ты, излаялъ, нѣтъ человѣка въ землѣ, кого бы избрать на поповство. Бьютъ мнѣ челомъ: пожалуй, господинъ, вели учить! Я прикажу его учить ектеньи, а онъ и къ слову не можетъ пристать. Ты говоришь ему то, а онъ тебѣ иное. Велю я ему учиться азбукѣ, а онъ поучится мало азбукѣ, да просится прочь. Не хотятъ учиться азбукѣ, а иные учатся, да не отъ усердія, и долго дѣло

идетъ. Меня бранятъ за ихъ нерадѣніе, а моей силы нѣтъ. Вотъ я и бью челомъ государю, чтобъ велѣлъ училище устроить: чтобъ его разумомъ и грозою, а твоимъ благословеніемъ это дѣло исправилось. Попечалуйся, господинъ отецъ, передъ государями нашими великими князьями, чтобъ велѣли училища устроить. Мой совѣтъ таковъ, чтобъ учить въ училищѣ сперва азбуку съ истолкованіемъ, потомъ псалтырь со слѣдованіемъ хорошенько, чтобы потомъ могли читать всякія книги; а то мужики невѣжды ребятъ учатъ, только портятъ; первое выучатъ его вечернѣ; за это мастеру принесутъ кашу и гривну денегъ, потомъ заутреню—за это еще поболѣе; а за часы особенно; да кромѣ того могарычъ, какъ рядятся. А отъ мастера отойдетъ—ничего не умѣетъ, только по книгѣ бредетъ! Такое нерадѣніе въ землю вошло; а какъ послышатъ, что государь укажетъ учить все, чтó выше писано, и сколько за это брать, такъ и учащимся будетъ легко, и никто не посмѣетъ отговариваться, и съ усердіемъ примутся за ученіе"... Мы не знаемъ, въ какой степени приняты были эти совѣты.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Геннадій видѣлъ необходимость распространенія св. писанія. До этихъ поръ книги Ветхаго Завѣта составляли рѣдкость. Геннадій собралъ разныя части Ветхаго Завѣта, существовавшія въ древнихъ переводахъ, и присовокупилъ къ нимъ новые переводы другихъ частей. Такимъ образомъ, кромѣ внесенныхъ въ его сводъ книгъ древнихъ переводовъ, переведены были вновь съ латинской Vulgata двѣ книги Паралипоменонъ, три книги Эздры, Неэміи, Товита, Іудиѳь, Соломонова Премудрость, Притчи, Маккавейскія книги; четыре книги Царствъ носятъ на себѣ слѣды новаго перевода съ греческаго, а книга Есѳири прямо переведена съ еврейскаго. Равнымъ образомъ, въ древнихъ переводахъ, гдѣ были пропуски, встрѣчаются новые переводы. Главными сотрудниками Геннадія въ этомъ дѣлѣ были: переводчикъ великаго князя Димитрій Герасимовъ и доминиканецъ, принявшій православіе, по имени Веньяминъ. Библія эта носитъ на себѣ сильный отпечатокъ вліянія латинскаго текста. Несмотря на недостатки этого перевода, Геннадій совершилъ очень важный подвигъ въ дѣлѣ умственнаго развитія на Руси: во всѣхъ христіанскихъ странахъ переводы священнаго писанія на языкъ страны и распространеніе его имѣли болѣе или менѣе важное вліяніе на дальнѣйшій ходъ умственной дѣятельности. Хотя, при малограмотности русскаго народа, священное писаніе очень долго еще оставалось достояніемъ немногихъ, но эти немногіе, послѣ Геннадія, имѣли возможность познакомиться съ

священнымъ писаніемъ въ его цѣломъ объемѣ, пріобрѣтали сравнительно большую широту и правильность взгляда на отвлеченные предметы и получали средства къ возбужденію работы мысли.

Торжество еретиковъ было недолговременно. Въ 1499 году опала поразила Патрикѣевыхъ и ихъ партію; Иванъ охладѣлъ къ невѣсткѣ и внуку, примирился съ Софьею и съ Василіемъ, это дѣлалось медленно, и не прежде какъ въ апрѣлѣ 1502 года дѣло приняло рѣшительный оборотъ: Елена съ сыномъ были посажены въ темницу; Василій объявленъ государемъ всея Руси; въ Еленѣ потеряли еретики свою важнѣйшую опору. Но настроеніе, сообщенное Ивану еретиками въ прежнее время, все еще оставалось въ немъ и послѣ того. Еретики первые возбуждали Ивана противъ духовенства, нападали на разныя злоупотребленія, на соблазнительное поведеніе духовныхъ, въ особенности выставляли на видъ старинныя, поднятыя еще стригольниками обвиненія въ томъ, что духовные поставляются за деньги, „по мздѣ". Во многомъ нападки еретиковъ невольно сходились съ требованіями самой противоположной для нихъ стороны, требованіями ревностныхъ православныхъ, желавшихъ улучшенія нравственности духовенства. Въ 1503 году состоялся соборъ подъ предсѣдательствомъ митрополита Симона. На немъ были русскіе епископы и въ числѣ ихъ Геннадій, затѣмъ многіе архимандриты и игумены, и между ними знаменитыя въ свое время лица: Іосифъ Волоцкій, Нилъ Сорскій, Паисій Ярославовъ, игуменъ троицкій. Этотъ соборъ сдѣлалъ постановленіе, отсѣкавшее, повидимому, у вольнодумцевъ исходный пунктъ нападокъ на духовенство: соборъ запретилъ брать какія бы то ни было пошлины отъ поставленій на священнослужительскія мѣста. „И отъ сего дня впередъ", сказано въ соборномъ опредѣленіи, „кто изъ насъ или послѣ насъ во всѣхъ земляхъ русскихъ дерзнетъ преступить это уложеніе и взять что-нибудь отъ поставленія или отъ священническаго мѣста, тотъ будетъ лишенъ своего сана по правиламъ св. апостоловъ и св. отецъ: да извержется и самъ, и тотъ, кого онъ поставилъ, безъ всякаго отвѣта". Для избѣжанія напередъ укора въ безнравственности, падавшаго на духовенство, соборъ подтвердилъ уже прежде бывшія распоряженія русскихъ митрополитовъ о томъ, чтобы черпецы и черницы не жили вмѣстѣ въ одномъ монастырѣ, а овдовѣвшіе священники и дьяконы лишались права священнослуженія: изъ нихъ тѣмъ, которые, послѣ смерти женъ, вели себя цѣломудренно, давалось право причащаться въ алтарѣ въ епитрахиляхъ и сти-

харяхъ, а тѣ, которые обличались въ держаніи наложницъ, записывались въ разрядъ мірскихъ людей съ обязанностью отпустить отъ себя наложницъ, въ противномъ случаѣ предавались гражданскому суду. Чтобы священнослужительскія должности не доставались людямъ слишкомъ молодымъ, соборъ постановилъ въ священники поставлять не ранѣе 30 лѣтъ отъ роду, а въ дьяконы не ранѣе 25. Это строгое распоряженіе относительно вдовцовъ вызвало энергическій протестъ со стороны одного вдоваго священника города Ростова, Георгія Скрипицы, замѣчательный памятникъ современной литературы [1]). При окончаніи этого собора, Нилъ Сорскій поднялъ вопросъ объ отобраніи имѣній у монастырей, о чемъ мы будемъ говорить въ біографіи послѣдняго.

Лицо, которое первое подверглось строгости постановленія соборнаго о безплатномъ поставленіи священниковъ, былъ архіепископъ Геннадій. Едва онъ прибылъ въ Новгородъ, какъ его обвинили въ томъ, что онъ бралъ „мзду" со священниковъ еще въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ прежде. Это сдѣлалось по совѣту Геннадіева любимца, дьяка Михаила Алексѣева. Великій князь и митрополитъ произвели обыскъ и свели Геннадія въ Москву. Вѣроятно, во избѣжаніе соблазнительнаго суда надъ Геннадіемъ, ему позволили или велѣли подать отъ себя митрополиту „отреченную грамоту" (въ іюнѣ 1504 года). Въ ней онъ отказывался отъ управленія, какъ будто по причинѣ немощи. Дѣло это остается для насъ темнымъ. Геннадій имѣлъ столько враговъ, что взводимое на него обвиненіе могло быть несправедливымъ или по крайней мѣрѣ преувеличеннымъ. Геннадій поселился въ Чудовомъ монастырѣ, гдѣ и умеръ черезъ полтора года (въ декабрѣ 1505).

Въ то время, когда уже Геннадій доживалъ свой вѣкъ въ

---

[1]) „Господа мои, вы знаете божественное писаніе и знать вамъ его подобаетъ, но странно, что вы, зная, не хотите знать. Господь сказалъ: „осуждайте безъ лицепріятія, судите праведно"; а вы, господа, всѣхъ іереевъ и дьяконовъ безъ испытанія осудили: у какого попа есть жена, тотъ чистъ, у котораго нѣтъ, тотъ нечистъ; а у чернеца нѣтъ жены, тотъ все-таки чистъ. Что же, господа, вы духомъ прозрѣли, кто чистъ, кто нечистъ? Какъ вы это испытали: святъ ли попъ съ женою, или безъ жены? Чернецъ святъ или бѣлецъ? Какъ вы можете знать человѣка безъ свидѣтелей? Ваше дѣло, господа, обличать явные грѣхи, а тайнымъ грѣхамъ Богъ судья. Чернецамъ попамъ можно служить въ городахъ и селахъ, а вдовцамъ попамъ, хотя бы чистымъ, не слѣдуетъ служить и въ пустыняхъ, не только въ городахъ; если у попа жена есть, онъ достоинъ служить: стало быть, онъ освящается женою! Кто не подивится, кто не посмѣется вашему собору и въ другихъ земляхъ. Если бы вы одного человѣка неповинно осудили, такъ и тогда дали бы отвѣтъ Богу въ день судный, а вы всѣхъ іереевъ божіихъ безъ свидѣтелей признали нечистыми"...

уединеніи, дѣло, начатое имъ, доканчивалъ другъ его, Іосифъ Волоцкій. Послѣ собора, будучи въ Москвѣ, онъ видѣлся съ Иваномъ Васильевичемъ наединѣ и до того подѣйствовалъ на него своими рѣчами, что великій князь сталъ говорить откровенно:

„Прости меня, отче, какъ митрополитъ и владыки простили меня. Я зналъ про новгородскихъ еретиковъ“.

„Мнѣ ли тебя прощать?“—сказалъ Іосифъ.

„Нѣтъ, отче, пожалуй, прости меня“.

„Государь,—сказалъ ему на это Іосифъ,—если ты подвигнешься на нынѣшнихъ еретиковъ, то и за прежнихъ Богъ тебѣ проститъ“.

Черезъ нѣсколько времени государь опять призвалъ къ себѣ Іосифа и сталъ говорить о томъ же. Видно, что религіозная совѣсть Ивана Васильевича была возмущена.

„Митрополитъ и владыки простили меня“, сказалъ Іосифу государь.

„Государь и великій князь!—возразилъ Іосифъ — въ этомъ прощеніи нѣтъ тебѣ пользы, если ты на словахъ просишь прощенія, а дѣломъ не ревнуешь о православной вѣрѣ. Пошли въ Великій Новгородъ и въ другіе города, да вели обыскать еретиковъ“.

„Этому быть пригоже,—сказалъ Иванъ Васильевичъ,—а я зналъ про ихъ ересь“.

Иванъ Васильевичъ разсказалъ при этомъ Іосифу, какой ереси держался протопопъ Алексій и какой—Ѳедоръ Курицынъ. „У меня—говорилъ великій князь—Иванъ Максимовъ и сноху мою въ жидовство свелъ“. Тутъ открылось Іосифу, что Ивану давно уже было извѣстно, какъ еретики хулили Сына Божія, Пресвятую Богородицу и святыхъ, какъ жгли, разсѣкали топоромъ, кусали зубами и бросали въ нечистыя мѣста иконы и кресты. „Теперь—говорилъ Иванъ—я непремѣнно пошлю по всѣмъ городамъ обыскать еретиковъ и искоренить ересь“.

Но послѣ даннаго обѣщанія Иванъ долго ничего не дѣлалъ, и снова, призвавши къ себѣ Іосифа обѣдать, спросилъ: „какъ писано: нѣтъ ли грѣха еретиковъ казнить?“

На это Іосифъ сказалъ, что у апостола Павла въ посланіи къ евреямъ написано: „Кто отвергнется Моисеева закона, тотъ при двухъ свидѣтеляхъ умретъ. Кольми паче тотъ, кто попираетъ Сына Божія и укоряетъ благодать Святаго Духа!“ Иванъ замолчалъ и не велѣлъ Іосифу болѣе говорить объ этомъ.

Изъ этого можно заключить, что Иванъ отчасти самъ подпадалъ вліянію еретиковъ и склонялся къ ереси, а потомъ, хотя

и раскаявался, но все еще колебался. Лѣта брали свое. Иванъ слабѣлъ здоровьемъ и приближался ко гробу. Страхъ замогильной жизни побуждалъ его искать примиренія своей души съ Церковью; но въ немъ еще боролись прежнія еретическія внушенія, нашедшія къ нему доступъ, потому что были согласны съ его практическою натурою. Вѣроятно, ихъ поддерживали и православные, предпочитавшіе кроткія мѣры жестокимъ. Іосифъ дѣйствовалъ на Ивана черезъ его духовника, андрониковскаго архимандрита Митрофана. „Я много разъ—писалъ къ нему Іосифъ—билъ челомъ государю, чтобы послалъ по городамъ обыскивать еретиковъ. Великій князь говорилъ: пошлю, сейчасъ пошлю! Но вотъ уже отъ велика дня другой годъ наступаетъ, а онъ все не посылалъ. Еретики же по всѣмъ городамъ умножились, и православное христіанство гибнетъ отъ ихъ ереси!“ Іосифъ представлялъ Митрофану множество примѣровъ изъ византійской исторіи, когда православные императоры мучили и убивали еретиковъ, и убѣждалъ доказать великому князю, что нѣтъ грѣха мучить ихъ. „Стόитъ только схватить двухъ-трехъ еретиковъ—замѣчалъ онъ—и они обо всѣхъ скажутъ“. Но противъ Іосифа ополчалась и православная партія, смотрѣвшая на дѣло иначе. Ея главою былъ преподобный Нилъ Сорскій. Его послѣдователи, старцы Кирилло-бѣлозерскаго монастыря и вологодскихъ монастырей, доказывали противное въ своемъ посланіи къ Іосифу. Они упрекали его въ томъ, что онъ руководствуется примѣрами Ветхаго Завѣта, а забываетъ Евангеліе и христіанское милосердіе. „Господь—писали они—не велѣлъ осуждать брату брата, а одному Богу надлежитъ судить человѣческія согрѣшенія; Господь сказалъ: не судите и не осуждены будете, и когда къ нему привели жену, взятую въ прелюбодѣяніи, тогда премилостивый судья сказалъ: кто не имѣетъ грѣха, тотъ пусть на нее первый броситъ камень; потомъ, преклонивши главу, Господь писалъ на землѣ прегрѣшенія каждаго и тѣмъ отвратилъ отъ нея убійственную жидовскую руку. Пусть же каждый приметъ отъ Бога по своимъ дѣламъ въ день судный! Если ты, Іосифъ, повелѣваешь брату убивать согрѣшившаго брата, то значитъ: ты держишься субботства и Ветхаго Завѣта. Ты говоришь: Петръ апостолъ Симона волхва поразилъ молитвою; сотвори же самъ, господинъ Іосифъ, молитву, чтобы земля пожрала недостойныхъ еретиковъ или грѣшниковъ! Но не услышана будетъ отъ Бога молитва твоя, потому что Богъ спасъ кающагося разбойника, очистилъ милостію мытаря, помиловалъ плачущую блудницу и назвалъ ее дочерью. Апостолъ написалъ, что готовъ получить анаѳему отъ

Христа, т.-е. быть проклятымъ, лишь бы братья его израильтяне спаслись: видишь ли, господинъ, апостолъ душу свою полагаетъ за соблазнившуюся братію, а не говоритъ, чтобы огнь ихъ пожогъ или земля пожрала. Ты говоришь, что катанскій епископъ Левъ связалъ епитрахилью волхва Ліодора и сжегъ при греческомъ царѣ. Зачѣмъ же, господинъ Іосифъ, не испытаешь своей святости: свяжи архимандрита Кассіана своею мантіею, чтобы онъ сгорѣлъ, а ты бы его въ пламени держалъ, а мы тебя извлечемъ изъ пламени, какъ единаго отъ трехъ отроковъ!.. Петръ апостолъ спрашивалъ Господа: можно ли прощать своего согрѣшившаго брата семь разъ на день? а Господь сказалъ: не только семь, но семью-семьдесятъ разъ прости его. Вотъ каково милосердіе Божіе!"

Несмотря на этотъ протестъ, настойчивость Іосифа и государева духовника Митрофана взяла верхъ. Иванъ Васильевичъ, долго колебавшись, въ декабрѣ 1504 года созвалъ соборъ и предалъ на его рѣшеніе дѣло объ ереси. Соборъ обвинилъ и предалъ проклятію нѣсколькихъ уличенныхъ еретиковъ. Іосифъ настаивалъ, чтобы не обращали вниманія на ихъ раскаяніе, потому что оно вынужденное, и требовалъ самой жестокой казни надъ наиболѣе виновными. Иванъ Васильевичъ не могъ уже, если бы даже хотѣлъ, спасти ихъ противъ воли всего собора, уступившаго во всемъ убѣжденіямъ Іосифа. Дьякъ Волкъ Курицынъ, Димитрій Коноплевъ и Иванъ Максимовъ были сожжены въ клѣткахъ, 28 декабря въ Москвѣ. Некрасу Рукавому отрѣзали языкъ и отправили въ Новгородъ; тамъ сожгли Рукаваго, архимандрита Кассіана, его брата и съ ними многихъ другихъ еретиковъ. Менѣе виновныхъ отправили въ заточеніе въ тюрьмы, а еще менѣе виновныхъ—въ монастыри. Но Іосифъ вообще не одобрялъ отправленія еретиковъ въ монастыри. „Этимъ ты, государь, говорилъ онъ, творишь мірянамъ пользу, а инокамъ погибель". Впослѣдствіи, когда въ его монастырь присланъ былъ еретикъ Семенъ Кленовъ, онъ роптал на это и доказывалъ, что не слѣдуетъ предавать покаянію еретиковъ, а надлежитъ ихъ казнить. Споръ съ послѣдователями Нила Сорскаго объ обращеніи съ еретиками продолжался долго послѣ, даже и по смерти Іосифа, у его послѣдователей, носившихъ на Руси названіе „Осифлянъ".

Послѣ казни, совершенной надъ еретиками въ 1504 году, всѣ они, какъ и ихъ соумышленники и послѣдователи, преданы были церковному проклятію. Спустя почти два столѣтія, въ недѣлю православія предавались анаѳемѣ имена: Кассіана, Курицына, Рукаваго, Коноплева и Максимова со „всѣми ихъ поборниками и

соумышленниками“. Со времени казней, совершенныхъ въ послѣднее время царствованія Ивана, въ оффиціальныхъ памятникахъ не упоминается болѣе о жидовствующей ереси. Но она не была истреблена совершенно и продолжала существовать въ народѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе, въ ряду другихъ уклоненій отъ господствующей Церкви: это ясно изъ того, что до сихъ поръ существуетъ въ русскомъ народѣ жидовствующая ересь, которой послѣдователи признаютъ себя преемниками новгородскихъ еретиковъ.

XV.

МОСКОВСКІЙ ГОСУДАРЬ ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Историки называютъ царствованіе Василія продолженіемъ Иванова. Въ самомъ дѣлѣ, мало въ исторіи примѣровъ, когда бы царствованіе государя могло назваться продолженіемъ предшествовавшаго въ такой степени, какъ это. Василій Ивановичъ шелъ во всемъ по пути, указанномъ его родителемъ, доканчивалъ то, на чемъ остановился предшественникъ, и продолжалъ то, что̀ было начато послѣднимъ. Самовластіе шагнуло далѣе при Василіѣ. Если при Иванѣ именовались всѣ „государевыми холопами“, и приближенные раболѣпно сдерживали дыханіе въ его присутствіи, то современники Василія, сравнивая сына съ отцомъ, находили, что отецъ все-таки совѣтовался съ боярами и позволялъ иногда высказывать мнѣніе, несогласное съ его собственнымъ, а сынъ (какъ выражался Берсень, одинъ изъ его любимцевъ, подвергнувшійся опалѣ) не любилъ противъ себя „встрѣчи“, былъ жестокъ и немилостивъ къ людямъ, не совѣтовался съ боярами и старыми людьми, допускалъ къ себѣ только дьяковъ, которыхъ самъ возвышалъ, приблизивши къ себѣ, и которыхъ во всякое время могъ обратить въ прежнее ничтожество. „Государь—говорилъ Берсень—запершись самъ-третей, у постели всѣ дѣла дѣлаетъ“. Посѣщавшій Москву императорскій посолъ Герберштейнъ, оставившій намъ подробное и правдивое описаніе тогдашнихъ русскихъ нравовъ и внутренняго быта, также подмѣтилъ эту черту въ Василіѣ. Онъ не терпѣлъ ни малѣйшаго противорѣчія; всѣ должны были безмолвно соглашаться съ тѣмъ, что̀ онъ скажетъ; всѣ были полными рабами и считали волю государя волею самого Бога, называли государя „ключни-

комъ и постельничимъ Божіимъ"; все, что ни дѣлалъ государь, по ихъ понятію, все это дѣлалъ самъ Богъ; и если говорилось о чемъ-нибудь сомнительномъ, то прибавлялось, въ видѣ пословицы: „объ этомъ вѣдаетъ Богъ да государь". Никто не смѣлъ охуждать поступковъ государя; если что явно было дурное за нимъ—подданные обязаны были лгать, говорить не то, что было, и хвалить то, что въ душѣ порицали. Такъ, когда Василій, самъ лично вовсе неспособный къ войнѣ, возвращался изъ похода съ большою потерею, всѣ должны были прославлять его побѣдоносные подвиги и говорить, что онъ не потерялъ ни одного человѣка. Жизнь и имущество всѣхъ подданныхъ находились въ безотчетномъ распоряженіи государя. Василій не стѣснялся присвоивать себѣ все, что ему нравилось, и вообще въ безцеремонности способовъ пріобрѣтенія не только не уступалъ своему родителю, но даже въ иномъ и превосходилъ его. Такъ, напримѣръ, по возвращеніи русскихъ пословъ отъ императора Карла V, онъ отобралъ у нихъ себѣ всѣ подарки, которые собственно имъ дали императоръ и его братъ. Своимъ служилымъ людямъ онъ большею частью не давалъ ни пособій, ни жалованья. Каждый долженъ былъ отправляться на службу, исполнять безропотно всякія порученія на собственный счетъ; только одни дѣти боярскіе, люди бѣдные, получали отъ великаго князя помѣстья; кромѣ того, инымъ изъ нихъ давалось денежное жалованье, но и то съ обязанностью имѣть собственное оружіе и лошадей. Число дѣтей боярскихъ, которымъ велся списокъ и разверстка черезъ годъ и чрезъ два, значительно увеличилось противъ прежняго, такъ что при Василіѣ ихъ насчитывали уже до 300,000, и большая часть изъ нихъ довольствовалась одною землею, не получая денежнаго жалованья; земля ихъ, данная въ пожизненное пользованіе, за всякое упущеніе по службѣ могла быть отнята и отдана другому. Въ отличіе отъ такихъ пожизненныхъ участковъ, называемыхъ помѣстьями, люди родовитые владѣли наслѣдственными имѣніями, называемыми вотчинами; но въ отношеніи къ произволу государя собственно не было различія между тѣмъ и другимъ родомъ поземельнаго владѣнія, потому что Василій, положивши опалу на вотчинника, лишалъ его вотчины такъ же легко, какъ и помѣстья. Такъ поступилъ онъ съ однимъ изъ полезнѣйшихъ людей своихъ, дьякомъ Далматовымъ: отправляемый государемъ къ императору Максимиліану, онъ осмѣлился заявить, что у него нѣтъ средствъ на путешествіе: за это Василій Ивановичъ приказалъ отобрать у него все движимое и недвижимое имущество, оставивъ его наслѣдниковъ въ нищетѣ,

а самого Далматова заслалъ на Бѣлоозеро въ тюрьму, гдѣ онъ и умеръ. Впрочемъ, смертныхъ казней мы не встрѣчаемъ слишкомъ много при Василіѣ. Онъ прощалъ знатныхъ лицъ, обвиненныхъ имъ въ намѣреніи учинить побѣги: отъ его времени осталось нѣсколько записей, даваемыхъ князьями (Бѣльскими, Шуйскимъ, Мстиславскимъ, Воротынскимъ, Ростовскими и другими), о томъ, что они не убѣгутъ изъ Московскаго Государства. Въ случаѣ попытокъ къ побѣгу, онъ бралъ съ нихъ значительныя денежныя пени и отдавалъ провинившихся на поруки другимъ, которые обязывались платить за того, за кого они поручились. Василій не отнималъ удѣловъ у своихъ братьевъ: Семена, Андрея, Димитрія и Юрія, и даже одного изъ нихъ, Семена, простилъ, когда тотъ хотѣлъ бѣжать въ Литву; но при этомъ Василій не давалъ братьямъ ни въ чемъ воли, держалъ въ строгомъ повиновеніи, такъ что они были на ряду съ прочими владѣльцами вотчинъ, и, кромѣ того, окружалъ ихъ шпіонами, которые доносили ему о каждомъ шагѣ братьевъ. Будучи, повидимому, расположенъ и милостивъ къ подданному, онъ нежданно поражалъ его опалою, когда тотъ вовсе не чаялъ этого, и съ другой стороны, иногда подвергши опалѣ, вдругъ возвращалъ опальному милость. Такъ, одинъ изъ самыхъ приближенныхъ ему людей, Шигона, былъ нѣсколько лѣтъ въ опалѣ, а подъ конецъ жизни Василія сдѣлался у него первымъ человѣкомъ. Гдѣ Василій видѣлъ для себя помѣху или опасность, тамъ онъ не отличался снисходительностью: его племянникъ Димитрій (сынъ Ивана Молодого) содержался въ строгомъ заключеніи и умеръ въ 1509 году, по сказанію лѣтописца, „въ нужѣ, въ тюрьмѣ“, хотя духовное завѣщаніе, оставленное Димитріемъ, показываетъ, что дядя оставлялъ за нимъ въ законномъ владѣніи не только движимое имущество, но и села. Не менѣе сурово поступилъ Василій Ивановичъ съ мужемъ сестры своей, княземъ Василіемъ Холмскимъ: неизвѣстно за что великій князь засадилъ его въ тюрьму, гдѣ тотъ и умеръ.

Таковъ былъ по своему характеру преемникъ Ивана III. Василій отъ отца своего наслѣдовалъ страсть къ постройкамъ, и въ первые годы своего царствованія воздвигъ въ Москвѣ нѣсколько церквей, между ними церковь Николы Гостунскаго и Благовѣщенскій соборъ; обѣ церкви поражали современниковъ своею позолотою, серебряными и золотыми окладами иконъ, а Благовѣщенскій соборъ своими позолочеными куполами. Къ послѣднему примыкалъ новый дворецъ, внутри расписанный, открытый для жилья въ маѣ 1508 года. Наибольшее число построекъ относится къ

1514 году. Тогда разомъ воздвигнутъ былъ въ Москвѣ цѣлый рядъ каменныхъ церквей. Въ 1515 году былъ расписанъ Успенскій соборъ такою чудною живописью, что Василій и бояре его, вошедши первый разъ въ церковь, сказали, что имъ кажется „будто они на небесахъ". При Василіѣ, въ началѣ его царствованія, оконченъ былъ каменный Архангельскій соборъ и перенесены были туда гробы всѣхъ великихъ московскихъ князей. Но болѣе всего Василій отличился постройками многихъ каменныхъ стѣнъ въ городахъ, гдѣ были прежде только деревянныя, какъ напримѣръ, въ Нижнемъ-Новгородѣ, Тулѣ, Коломнѣ и Зарайскѣ. Въ Новгородѣ, кромѣ стѣнъ, перестроены были улицы, площади и ряды. Въ самой Москвѣ выложенъ былъ камнемъ ровъ около Кремля, а гостиный дворъ обведенъ каменною стѣною.

Въ августѣ 1506 года умеръ литовскій великій князь Александръ, и смерть его открыла Василію предлогъ продолжать по отношенію къ Литвѣ то, что началъ отецъ. Василію блеснула мысль разомъ достигнуть цѣли, намѣченной родителемъ; черезъ своего посланника Наумова онъ сообщилъ Еленѣ свою мысль: нѣтъ ли возможности, чтобы паны польскіе и литовскіе избрали на упраздненный престолъ Польши и Литвы московскаго государя? Въ такомъ случаѣ, онъ дастъ клятву покровительствовать римскому закону. Наумову было дано порученіе передать то же самое виленскому епископу Войтеху, князю Радзивиллу и другимъ знатнымъ панамъ. Намѣреніе Василія не удалось. Сама Елена, какъ кажется, не расположена была содѣйствовать брату. Она извѣстила Василія, что преемникомъ Александра назначенъ братъ его Сигизмундъ, по волѣ покойнаго короля. Василію было досадно; въ Сигизмундѣ онъ видѣлъ себѣ соперника и искалъ благопріятнаго случая, чтобы начать съ нимъ ссору. Случай тотчасъ представился. Былъ въ Литвѣ знатный и могучій вельможа православнаго исповѣданія, князь Михаилъ Глинскій. Онъ былъ любимцемъ покойнаго Александра, носилъ санъ придворнаго маршалка и имѣлъ такъ много приверженцевъ между русскими, что возбуждалъ даже у литовскихъ пановъ римской вѣры опасеніе, чтобы онъ современемъ не овладѣлъ всѣмъ Литовскимъ княжествомъ. Новый король Сигизмундъ не имѣлъ къ нему такого расположенія, какъ его покойный братъ, и не хотѣлъ давать ему предпочтенія передъ другими панами, какъ дѣлалъ Александръ. Глинскій требовалъ передъ королемъ суда съ своимъ заклятымъ врагомъ паномъ Яномъ Заберезскимъ. Король медлилъ судомъ, явно склоняясь на сторону соперника Глинскаго. Тогда Глинскій самъ расправился съ своимъ врагомъ,—напалъ

на него въ его усадьбѣ близъ Гродно, отрубилъ ему голову, а вслѣдъ затѣмъ сдѣлалъ наѣзды на другихъ пановъ, враждебныхъ ему, и перебилъ ихъ. Послѣ такого самоуправства, Глинскому ничего болѣе не оставалось, какъ поднять открытый мятежъ противъ короля, и Глинскій началъ набирать войско, вступилъ въ союзъ съ Менгли-Гиреемъ и молдавскимъ господаремъ, а тутъ кстати пришло къ нему отъ московскаго государя предложеніе милости и жалованья со всѣми его родными и приверженцами. Въ Москвѣ знали, что происходитъ въ Литвѣ, и увидѣли возможность сдѣлать вредъ Сигизмунду. Михаилъ Глинскій пріѣхалъ въ Москву, былъ принятъ съ большимъ почетомъ, надѣленъ селами въ Московской землѣ и двумя городами: Ярославцемъ и Медынью. Это послужило поводомъ къ войнѣ между Москвою и Литвою. Война эта, однако, ограничивалась взаимными разореніями и тянулась недолго. Съ обѣихъ сторонъ была надежда на татаръ, и обѣ стороны обманулись. Литва надѣялась на то, что казанскій царь Махметъ-Аминь взбунтовался противъ московской власти, а московскій государь надѣялся на Менгли-Гирея. Но хотя московскія войска дѣйствовали противъ Казани плохо и потерпѣли неудачу, однако взбунтовавшійся казанскій царь Махметъ-Аминь, боясь внутреннихъ враговъ, самъ принесъ повинную московскому государю, и, такимъ образомъ, Москва со стороны Казани была уже спокойна; съ другой стороны, надежда Москвы на Менгли-Гирея не оправдывалась: этотъ вѣрный союзникъ Ивана явно охладѣвалъ, его крымскіе татары безнаказанно дѣлали набѣги на русскія области. Вообще въ это время Крымъ усвоивалъ ту хищническую политику, которой слѣдовалъ постоянно впослѣдствіи: стравливать между собою Литву и Москву, манить ту и другую своимъ союзомъ и разорять волости обоихъ государствъ. На этотъ разъ между Василіемъ и Сигизмундомъ, въ 1508 году, заключенъ былъ союзъ, по которому король отказывался отъ всѣхъ отчинъ, принадлежавшихъ князьямъ, перешедшимъ при Иванѣ III подъ власть Москвы, а Глинскимъ словесно позволилъ выѣхать изъ Литвы въ Московское Государство.

По окончаніи этой первой размолвки съ Литвою, Василій покончилъ со Псковомъ.

Покойный Иванъ Васильевичъ, какъ мы видѣли, исподволь пріучалъ Псковъ къ холопскому повиновенію, но не уничтожалъ признаковъ стариннаго свободнаго порядка. По примѣру родителя, назначавшаго во Псковъ намѣстниковъ и непринимавшаго отъ псковичей жалобъ на этихъ намѣстниковъ, Василій Ивановичъ въ 1508 году назначилъ туда намѣстникомъ князя Ивана Ми-

хайловича Оболенскаго, выбравши нарочно такое лицо, которое бы не ужилось со псковичами и, раздраживъ ихъ, дало поводъ московскому государю уничтожить псковскую вѣчевую старину. Этотъ новый намѣстникъ, когда прибылъ во Псковъ,—не далъ впередъ знать о себѣ, чтобы его встрѣтили съ крестами, какъ всегда дѣлалось въ подобныхъ случаяхъ, а остановился въ загородномъ дворѣ, такъ что псковичи, узнавши объ его пріѣздѣ, сами нашли его тамъ, привели къ св. Троицѣ, гдѣ посадили на княженіе по давнему обычаю, и прозвали его по этому поводу „найденомъ". Намѣстникъ на первыхъ же порахъ возбудилъ къ себѣ ненависть—сталъ судить и распоряжаться безъ воли вѣча, разсылалъ по волостямъ своихъ людей, которые грабили и притѣсняли жителей, да вдобавокъ отправилъ великому князю на псковичей доносъ, будто они держатъ его нечестно, вступаются въ доходы и пошлины, принадлежащія намѣстнику, и наносятъ безчестіе его людямъ. На первый разъ великій князь только отправилъ къ псковичамъ нравоученіе, чтобъ они такъ впередъ не дѣлали.

Но въ сентябрѣ 1509 года Василій Ивановичъ отправился въ Новгородъ и повелъ за собою значительный отрядъ войска, состоявшаго изъ дѣтей боярскихъ. Псковичи, услышавши объ этомъ, стали побаиваться, догадываясь, что государь замыслилъ что-то противъ нихъ. Они отправили къ нему пословъ съ челобитною. Въ этой челобитной псковичи прежде всего благодарили великаго князя за то, что онъ жалуетъ ихъ и держитъ по старинѣ, а потомъ просили оборонить отъ намѣстника и отъ его людей, которые причиняли псковичамъ обиды.

Государь чрезъ своихъ бояръ отвѣчалъ: „мы хотимъ держать нашу отчину Псковъ, какъ и прежде, по старинѣ, и оборонять ее отовсюду, какъ намъ Богъ поможетъ; а что вы били челомъ на нашего намѣстника и на его людей, будто онъ у васъ сидитъ не по старинѣ и дѣлаетъ вамъ насильства, такъ и нашъ намѣстникъ прислалъ намъ бить челомъ на васъ въ томъ, что вы ему творите безчестье и вступаетесь въ его суды и пошлины. Я посылаю своего окольничаго и дьяка во Псковъ выслушать и его и васъ, и управить васъ съ нашимъ намѣстникомъ".

Присланныя вслѣдъ затѣмъ великимъ княземъ лица во Псковъ, по возвращеніи въ Новгородъ донесли государю, что не могли учинить никакой управы между намѣстникомъ и псковичами. За ними прибыли въ Новгородъ новые псковскіе послы и били челомъ избавить ихъ отъ намѣстника.

Великій князь приказалъ черезъ бояръ сказать такой отвѣтъ псковичамъ:

„Жалуя свою отчину Псковъ, мы велимъ быть передъ нами нашему намѣстнику, а Псковъ пусть пришлетъ къ намъ людей, которые жалуются на обиды отъ намѣстника; мы выслушаемъ и намѣстника и обидныхъ людей и учинимъ управу. Когда мы увидимъ, что на него будетъ много челобитчиковъ, тогда обвинимъ его передъ вами“.

Псковичи, услышавши такое повидимому благоразумное и безпристрастное рѣшеніе, разсчитали, что чѣмъ больше будетъ жалобъ на ихъ намѣстника, тѣмъ больше надежды, что великій князь смѣнитъ его; посадники и бояре, ненавидѣвшіе намѣстника, оповѣстили по всѣмъ десяти псковскимъ пригородамъ [1]), чтобъ собирались всѣ, кто только можетъ въ чемъ-нибудь пожаловаться на намѣстника и его людей. Этимъ воспользовались и такіе, которые ссорились не съ намѣстникомъ, а между собою, и отправились къ великому князю съ жалобами другъ на друга. Каждый день прибывало ихъ болѣе и болѣе въ Новгородъ; великій князь не выслушивалъ изъ нихъ никого, а говорилъ имъ чрезъ своихъ бояръ: „копитесь, копитесь, жалобные люди, придетъ Крещеніе Господне; вотъ тогда я всѣмъ дамъ управу!“ Псковичи въ простотѣ сердца ждали Крещенія и писали въ свою землю, чтобъ какъ можно болѣе пріѣзжало челобитчиковъ съ жалобами на намѣстника. Между тѣмъ, прибылъ самъ намѣстникъ; государь выслушалъ его и повѣрилъ ему во всемъ, или, по крайней мѣрѣ, счелъ умѣстнымъ повѣрить.

Наступило, наконецъ, Крещеніе. Великій князь приказалъ всѣмъ псковичамъ быть съ собою на водоосвященіи, и когда, по окончаніи обряда, духовенство шло къ св. Софіи, великокняжескіе бояре крикнули псковичамъ: „псковскіе посадники, бояре, и всѣ псковичи жалобные люди! Велѣлъ вамъ государь собраться на владычній дворъ. Сегодня государь дастъ вамъ управу всѣмъ“. Всѣ пошли какъ было приказано: посадники, бояре, купцы— вообще люди познатнѣе и побогаче, такъ-называемые лучшіе люди, вошли во владычнюю палату, а такъ-называемые молодшіе люди, то-есть простые, стали толпою на владычнемъ дворѣ. Когда уже псковичи перестали входить во дворъ, великокняжескіе бояре спросили: сполна ли всѣ собрались?

— Всѣ сполна—отвѣчали псковичи.

---

[1]) Пригороды псковскіе въ это время были: Изборскъ, Опочка, Выборъ, Вревъ, Вороночъ, Велье, Красный, Островъ, Гдовъ, Владиміредъ.

Тогда имъ провозгласили:

— Поимани есте Богомъ и великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ всея Руси!

Вслѣдъ затѣмъ дворъ затворили и начали поименно переписывать стоявшихъ на дворѣ молодшихъ людей, а по окончаніи переписи развели ихъ по домамъ и приказали стеречь домохозяевамъ. Къ тѣмъ, которые были во владычней палатѣ, то-есть къ лучшимъ людямъ, вошли отъ имени великаго князя его бояре и дьяки, и объявили имъ, что тогда, какъ они бьютъ челомъ на намѣстника, другіе псковичи бьютъ челомъ на посадниковъ, бояръ и земскихъ судей, и жалуются, что отъ нихъ людямъ нѣтъ никакой управы. Поэтому, слѣдовало бы наложить на нихъ великую опалу, но государь хочетъ показать имъ милость и жалованье, если они сотворятъ государеву волю: снять прочь вѣчевой колоколъ и болѣе не быть вѣчамъ во Псковѣ, а быть во Псковѣ и по пригородамъ и держать судъ государевымъ намѣстникамъ. Если же вы—было имъ прибавлено—не учините государевой воли, то государь будетъ свое дѣло дѣлать, какъ ему Богъ поможетъ, и кровь христіанская взыщется на тѣхъ, которые презираютъ государево жалованье и не творятъ государевой воли.

Невольникамъ ничего не оставалось дѣлать, какъ благодарить за такую милость, и они въ первый разъ назвали себя государевыми холопами. Ихъ заставили еще написать отъ себя во Псковъ убѣжденіе исполнить государеву волю. Въ заключеніе, они поцѣловали крестъ на вѣрность государю, и были допущены къ великому князю. Василій Ивановичъ принялъ ихъ ласково и пригласилъ на обѣдъ. Ихъ отпустили свободно въ свои помѣщенія, но не велѣли выѣзжать изъ Новгорода до окончанія дѣла. Пожертвовавши свободою своей земли, они надѣялись, что не потеряютъ своей личной свободы, и думали, что ихъ благополучно отпустятъ во-свояси.

Между тѣмъ во Псковѣ все скоро узнали. Одинъ псковской купецъ ѣхалъ съ товаромъ въ Новгородъ и, услыхавши, что сдѣлалось съ его земляками, бросилъ свой товаръ, а самъ поспѣшно воротился во Псковъ и кричалъ по улицамъ: „великій князь нашихъ переловилъ въ Новгородѣ!“

Сдѣлалась тревога; у псковичей отъ ужаса и горло пересохло, и уста слѣпились—говоритъ современный повѣствователь. Зазвонили на вѣче; смѣльчаки кричали: „Ставьте щитъ противъ государя! Запремте городъ!“ Но благоразумные останавливали ихъ и говорили: „вѣдь наша братія, посадники и бояре и всѣ лучшіе люди, у него въ рукахъ!“ Среди суматохи пріѣхалъ посланецъ

отъ задержанныхъ въ Новгородѣ псковичей и привезъ увѣщаніе не противиться и не доводить до кровопролитія. Послѣ многихъ толковъ, умѣренные взяли верхъ, и въ Новгородъ отправленъ былъ гонецъ съ такимъ словомъ: „мы не противны тебѣ, государь; Богъ воленъ и ты, государь, надъ нами, своими людишками!“

12 января 1510 г. пріѣхалъ во Псковъ дьякъ Третьякъ Далматовъ. Зазвонили на вѣче. Дьякъ взошелъ на ступени вѣча и объявилъ, что государь велитъ снять вѣчевой колоколъ, а иначе у него на-готовѣ много силы и станется кровопролитіе надъ тѣмъ, кто не сотворитъ государевой воли. Передавши псковичамъ государево слово, дьякъ сѣлъ на ступени вѣча. Псковичи отвѣчали, что дадутъ отвѣтъ завтра.

На другой день опять зазвонили на вѣче, и уже послѣдній разъ. Третьякъ взошелъ на ступени. Посадникъ отъ имени всѣхъ псковичей сказалъ:

„У насъ въ лѣтописяхъ записано такое крестное цѣлованіе съ прародителями великаго князя. Псковичамъ отъ государя, который будетъ на Москвѣ, не отходить ни къ Литвѣ, ни къ Польшѣ, ни къ нѣмцамъ, никуда, а иначе будетъ на насъ гнѣвъ Божій, и гладъ, и огнь, и потопъ, и нашествіе невѣрныхъ; а если государь не станетъ хранить крестнаго цѣлованія, то и на него тотъ же обѣтъ, что на насъ. Теперь Богъ и государь вольны надъ Псковомъ и надъ нашимъ колоколомъ; мы не измѣнили крестному цѣлованію“.

Дьякъ ничего не отвѣчалъ на такую знаменательную рѣчь и приказалъ спустить вѣчевой колоколъ. Псковичи плакали по своей волѣ; развѣ только грудной младенецъ не плакалъ— говоритъ современникъ. Колоколъ отвезли къ государю въ Новгородъ.

Самъ великій князь пріѣхалъ во Псковъ съ вооруженною силою: вѣроятно, онъ не довѣрялъ покорности псковичей. Черезъ два дня послѣ пріѣзда, 27 января, государь созвалъ такъ-называемыхъ лучшихъ людей въ „гридню“ (мѣсто сбора дружины), а простой народъ на дворъ. Бояре объявили первымъ, что государь ихъ жалуетъ, не вступается въ ихъ имущества, но такъ какъ были государю жалобы на ихъ неправды и обиды, то имъ жить въ Псковѣ не пригоже: государь ихъ пожалуетъ въ Московской землѣ и имъ слѣдуетъ тотчасъ ѣхать въ Москву съ своими семействами. Простому народу объявили, что его оставятъ на мѣстѣ прежняго жительства подъ управленіемъ великокняжескихъ намѣстниковъ, которымъ псковичи должны повиноваться.

До трехъ-сотъ семействъ было отправлено немедленно въ Москву; женамъ и дѣтямъ ихъ дали сроку собраться въ путь одинъ только день. Отправлены были также жены и дѣти тѣхъ псковичей, которые прежде были задержаны въ Новгородѣ. Хотя великій князь и объявилъ, что онъ не вступается въ ихъ достояніе, но дѣло у него расходилось съ обѣщаніемъ: изгнанники потеряли свои дворы, свои земли, все было роздано московскимъ людямъ, которыхъ Василій Ивановичъ перевелъ во Псковъ вмѣсто сосланныхъ, а послѣднихъ водворили въ Московской землѣ и частію въ самой Москвѣ. Но онъ не тронулъ церковныхъ имѣній, какъ сдѣлалъ отецъ его въ Новгородѣ.

Московское управленіе казалось невыносимымъ для псковичей, пока они съ нимъ не свыклись. Намѣстники и дьяки судили ихъ несправедливо, обирали ихъ безъ зазрѣнія совѣсти, а кто осмѣливался жаловаться и ссылаться на уставную великокняжескую грамоту, того убивали. Иноземцы, жившіе прежде во Псковѣ, удалились оттуда. Многіе изъ псковичей, не въ силахъ будучи сжиться съ московскимъ порядкомъ вещей, разбѣгались или постригались въ монастыряхъ. Торговля и промыслы упали. Псковичи пришли въ нищету; только переселенцы изъ Московской земли, которымъ намѣстники и дьяки покровительствовали, казались нѣсколько зажиточными. На обиду отъ москвича негдѣ было псковичу найти управы: при московскихъ судьяхъ, говоритъ лѣтописецъ, правда улетѣла на небо, а кривда осталась на судѣ. Впрочемъ, и правители Пскова поневолѣ работали не для себя, а для великаго князя. Былъ во Псковѣ, послѣ уничтоженія вѣчевого устройства, въ теченіе семнадцати лѣтъ дьякъ Михаилъ Мунехинъ, и когда умеръ,—государь захватилъ его имущество, и началъ разыскивать что кому онъ былъ долженъ при жизни; его родные и пріятели по этому поводу подвергались пыткамъ. Послѣ него, говоритъ лѣтописецъ, было много дьяковъ, и ни одинъ по-здорову не выѣзжалъ изъ Пскова; каждый доносилъ на другого; дьяки были „мудры“, казна великаго князя размножалась, а земля пустѣла. Черты эти не были принадлежностью одного Пскова, но составляли характеръ московскаго строя, во Псковѣ же казались болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, поразительными, по несходству старыхъ нравовъ и воззрѣній съ московскими. Современникъ Герберштейнъ замѣчаетъ, что прежніе гуманные и общительные нравы псковичей, съ ихъ искренностію, простотою, чистосердечіемъ, стали замѣняться грубыми и развращенными нравами.

Раздѣлавшись со Псковомъ, Василій опять обратился на Литву.

Тотчасъ послѣ мира съ Сигизмундомъ возникли взаимныя недоразумѣнія. Сигизмундъ домогался, чтобы ему выдали Михаила Глинскаго, а сообщниковъ послѣдняго казнили передъ королевскими послами. Вдовствующая королева Елена съ своей стороны просила о томъ и сообщала брату, что Михаилъ своими чарами былъ причиною смерти мужа ея, Александра. Великій князь московскій не удовлетворилъ этимъ требованіямъ. Глинскій сносился съ датскимъ королемъ и возбуждалъ его противъ Сигизмунда. Письма его были перехвачены. Сигизмундъ жаловался и снова просилъ казнить Глинскаго. Василій не только не сдѣлалъ угодное Сигизмунду, но держалъ Глинскаго въ большой милости. На границахъ двухъ государствъ происходили между подданными разныя столкновенія, подававшія поводы къ безпрестаннымъ жалобамъ. Наконецъ, въ 1512 году, въ октябрѣ, Василій придрался къ Сигизмунду, будто сестра его Елена терпитъ оскорбленія отъ воеводъ виленскаго и троцкаго, будто бы они взяли у нея казну, отослали отъ нея людей, не даютъ воли управлять городами и волостями, данными ей покойнымъ мужемъ. Сигизмундъ отрицалъ все это и говорилъ московскому послу: „поѣзжай съ нашимъ писаремъ къ невѣсткѣ нашей и спроси ее самъ; пусть она при немъ и при тебѣ скажетъ, правда ли это или нѣтъ, и что̀ отъ нея услышишь, передай нашему брату“. Грамоты Елены, писанныя около этого времени, показываютъ, что Елена невозбранно управляла и судила въ жмудскихъ волостяхъ, которыя были даны ей во владѣніе. Но Василію нужно было къ чему-нибудь прицѣпиться. Нашелся еще одинъ поводъ. Менгли-Гирей заключилъ союзъ съ Сигизмундомъ, а сыновья хана сдѣлали набѣгъ на южныя области московскаго государя. Хотя Менгли-Гирей увѣрялъ, что сыновья поступали безъ его повелѣнія и вѣдома, Василій объявлялъ, что этотъ набѣгъ сдѣланъ съ подущенія Сигизмунда, и отправилъ къ польскому королю „складную“ грамоту, т. е. объявленіе войны, выставляя самымъ благовиднымъ предлогомъ къ этому оскорбленія, нанесенныя сестрѣ его Еленѣ.

Въ распоряженіи московскаго государя было большое количество войска (онъ могъ выставить далеко болѣе 100,000). Главная сила состояла въ дѣтяхъ боярскихъ, спеціально составлявшихъ военное служилое сословіе. Они выходили на войну на своихъ малорослыхъ, слабоуздыхъ коняхъ и на такихъ сѣдлахъ, на которыхъ нельзя было поворачиваться на сторону. Оружіе у нихъ составляли главнымъ образомъ стрѣлы, бердыши и палицы; за поясомъ у московскаго воина заткнутъ былъ большой ножъ, а люди знатные носили и сабли. Русскіе воины умѣли

ловко обращаться, держа въ рукахъ въ одно и то же время и узду, и лукъ, и стрѣлы, и сабли, и плеть. Длинный поводъ съ прорѣзью былъ намотанъ вокругъ пальца лѣвой руки, а плеть висѣла на мизинцѣ правой. У нѣкоторыхъ были и копья. Для защиты отъ непріятельскихъ ударовъ, тѣ, которые были побогаче, носили кольчуги, ожерелья, нагрудники, и немногіе—остроконечный шлемъ. Другіе подбивали себѣ платье ватой. При Василіѣ учреждался новый отрядъ войска, называемый „пищальники“, вооруженные огнестрѣльнымъ оружіемъ. Артиллерія (нарядъ) употреблялась собственно при осадѣ или защитѣ городовъ; но Василій началъ вводить мало-по-малу, какъ артиллерію, такъ и пѣхоту въ битвахъ. Кромѣ пищальниковъ была еще „посоха“ изъ жителей разнаго рода, набранныхъ по особымъ распоряженіямъ. У воина были свои запасы, обыкновенно на вьючныхъ лошадяхъ, которыхъ онъ велъ съ собою. Запасы состояли чаще всего изъ пшена, солонины и толокна; иные бѣдняки дня по два, по три говѣли; но воеводы и вообще начальники часто кормили наиболѣе бѣдныхъ. Въ битвахъ русскіе того времени были очень смѣлы и порывисты, и выходили въ бой подъ музыку, которая состояла у нихъ изъ трубъ и такъ-называемыхъ сурьмъ или сурьнъ, на которыхъ они играли, не переводя духъ. Но вообще русскіе неспособны были выдерживать долгаго боя и, по выраженію Герберштейна, вступая въ бой, будто хотѣли сказать непріятелю: бѣгите или мы побѣжимъ; легко поддавались они паническому страху и, захваченные въ бѣгствѣ непріятелемъ, отдавались ему въ руки безъ сопротивленія или просьбы о пощадѣ.

Московскій государь разсчитывалъ на успѣхъ въ войнѣ главнымъ образомъ потому, что при посредствѣ Михаила Глинскаго вошелъ въ сношенія съ императоромъ Максимиліаномъ, который надѣялся овладѣть, послѣ смерти Сигизмундова брата, Владислава, Венгерскою землею. Еще не дождавшись формальнаго договора съ императоромъ, Василій началъ войну и, главнымъ образомъ, домогался овладѣть Смоленскомъ. Въ теченіи 1513 года онъ два раза подступалъ къ этому городу, но безуспѣшно. Въ февралѣ 1514 года императорскій посланникъ Сницеръ-Памеръ заключилъ въ Москвѣ договоръ, по которому австрійскому двору уступались прусскія области, прежнія владѣнія Тевтонскаго Ордена, принадлежавшія со времени Казимира Польшѣ, а Москвѣ—Кіевъ и прочіе русскіе города. Это былъ первый въ исторіи договоръ о раздѣлѣ польскихъ земель между сосѣдями, предвѣстникъ того, чѣмъ должна была порѣшиться судьба Польши въ отдаленномъ

будущемъ. Въ связи съ дружелюбными отношеніями Московскаго Государства состоитъ договоръ, заключенный съ Ганзейскимъ союзомъ нѣмецкихъ городовъ, по которому возобновлялась старинная торговля. Въ іюлѣ того же года Василій въ третій разъ подступилъ къ Смоленску, и такъ сильно началъ палить въ него изъ пушекъ, что на осажденныхъ нашелъ страхъ. Начальствовавшій тамъ Юрій Сологубъ былъ человѣкъ неспособный, не могъ утишить волненія и сдалъ городъ. Смоленскій владыка Варсонофій со всѣмъ духовенствомъ, намѣстникомъ и многими изъ народа прибылъ въ станъ московскаго государя и просилъ принять свою отчину съ тихостью. Василій въѣхалъ въ Смоленскъ. Радость для Москвы была чрезвычайная. Въ противность обычной своей бережливости, московскій государь жаловалъ не только своихъ служилыхъ, но даже далъ по рублю литовцамъ и отпустилъ ихъ всѣхъ съ ихъ начальникомъ Сологубомъ, которому въ Литвѣ тотчасъ отрубили голову. Взятіе Смоленска внушило такое уваженіе къ силѣ московскаго государя, что князь мстиславскій добровольно поддался Москвѣ, а за нимъ мѣщане и черные люди Дубровны и Кричева. Василій никого не переводилъ изъ Смоленска въ Московскую землю, дарилъ смольнянамъ мѣха, бархаты, камки, ковши и утверждалъ всѣ уставы литовскихъ князей, къ которымъ смольняне уже привыкли. Только Глинскій въ это время сдѣлался недоволенъ Василіемъ. Польскіе историки преимущественно его внушеніямъ приписываютъ сдачу Смоленска. Онъ надѣялся, что Василій дастъ ему Смоленскъ въ удѣлъ, но московскій государь, получивши отъ прародителей завѣщаніе уничтожать удѣлы, не расположенъ былъ плодить ихъ вновь Глинскій написалъ къ Сигизмунду, приносилъ повинную за прежнее преступленіе, предлагалъ свои услуги, обѣщалъ снова привести Смоленскъ подъ власть короля и подвести на погибель московское войско. Сигизмундъ согласился на его предложенія; но кто-то изъ близкихъ Глинскаго далъ объ этомъ знать московскому воеводѣ Булгаку, который поймалъ Глинскаго и доставилъ великому князю московскому, а Василій отправилъ его въ Москву. Вслѣдъ затѣмъ литовское войско, шедшее по приглашенію Глинскаго, напало на московское войско подъ Оршею. Предводительствовалъ имъ князь Константинъ Острожскій, въ началѣ царствованія Василіева убѣжавшій въ Литву изъ Москвы, гдѣ онъ былъ связанъ насильно данною присягою служить московскому государю. Острожскій, хотя русскій по вѣрѣ и предкамъ, ненавидѣлъ Москву, страстно желалъ отмстить ей и теперь достигъ своей цѣли. Все московское войско поражено было на-голову. Пало до 30,000

человѣкъ. Воеводы, знамена, пушки—все досталось побѣдителю. Острожскій шелъ къ Смоленску. Вѣсть о его побѣдѣ произвела тамъ переворотъ. Смольняне составили заговоръ сдать городъ Литвѣ. Владыка Варсонофій былъ въ соумышленіи съ ними. Но оставленный въ Смоленскѣ воеводою князь Василій Васильевичъ Шуйскій узналъ объ этомъ заранѣе, и какъ только Острожскій подступилъ къ городу, приказалъ повѣсить въ виду его на стѣнахъ всѣхъ заговорщиковъ и надѣть на нихъ тѣ самые подарки, которые они получили отъ московскаго великаго князя. Пощаженъ былъ владыка Варсонофій, котораго Шуйскій отправилъ потомъ въ Москву. Острожскій отошелъ отъ Смоленска, не взявши его, но побѣда, одержанная имъ подъ Оршею, поднимала въ дѣлѣ войны сторону Литвы. Недавно передавшійся Москвѣ князь мстиславскій, а также жители Дубровны и Кричева опять присягнули Сигизмунду. Видно, тогдашнему населенію этого края было все равно: что̀ Москва, что̀ Литва, и оно преклонялось передъ силою.

Послѣ оршинской битвы война съ Литвою долго не представляла ничего замѣчательнаго. Сигизмундъ подстрекалъ на Москву крымскаго хана Махметъ-Гирея, наслѣдовавшаго послѣ Менгли-Гирея въ 1515 году, а великій князь московскій заключилъ договоръ съ магистромъ Тевтонскаго Ордена Альбрехтомъ, обѣщаясь ему давать деньги за содѣйствіе противъ Польши. Но Альбрехтъ не принесъ никакой пользы Москвѣ. Прежній союзникъ Василія, Максимиліанъ, вмѣсто того, чтобы воевать противъ Сигизмунда, какъ ожидали въ Москвѣ, взялъ на себя роль посредника и прислалъ въ Москву въ 1517 году извѣстнаго барона Герберштейна, автора драгоцѣннаго сочиненія „О Московскомъ государствѣ“, написаннаго по его личнымъ наблюденіямъ. Герберштейнъ не успѣлъ примирить враговъ, такъ какъ Москва добивалась древнихъ русскихъ городовъ: Кіева, Витебска, Полоцка и другихъ, а Герберштейнъ уговаривалъ Василія возвратить Смоленскъ. Неудачѣ въ заключеніи мира способствовала смерть королевы Елены. Въ Москвѣ твердили, будто ее отравили ядомъ. Максимиліанъ, послѣ того какъ примиреніе не состоялось, не расположенъ былъ усиливать Московское Государство, удерживалъ тевтонскаго магистра отъ войны съ Польшею и писалъ къ нему, что нехорошо будетъ, если польскій король унизится, а московскій возвысится.

Тѣмъ временемъ Василій покончилъ съ Рязанью. Рязанская земля во все царствованіе Ивана III была покорна московскому государю. Въ началѣ царствованія Василія тамъ управляла тетка его Агриппина именемъ своего малолѣтняго сына Ивана. Но

когда выросъ этотъ князь, по имени Иванъ Ивановичъ, то вспомнилъ о прежней независимости своихъ предковъ и сталъ тяготиться зависимостью отъ Москвы. Донесли московскому государю, что рязанскій князь сносится съ татарами и хочетъ жениться на дочери крымскаго хана Махметъ-Гирея. Московскій князь позвалъ его къ себѣ и засадилъ подъ стражу, а мать его — въ монастырь. Рязань утратила свою отдѣльность и присоединена была къ Москвѣ. По общей московской политикѣ, и съ Рязанью сдѣлали то же, что съ Новгородомъ, Тверью, Вяткою и Псковомъ: и оттуда было выселено множество жителей, а вмѣсто нихъ переведены были въ Рязань на жительство московскіе люди. Нѣсколько лѣтъ спустя (въ 1521 году) рязанскому князю удалось убѣжать въ Литву.

Уничтожая земскую самобытность Рязани и Пскова, Василій возвращалъ Новгороду нѣкоторые признаки старины. Великокняжескіе намѣстники и ихъ тіуны въ Новгородѣ управляли такъ неправосудно, и Василій слышалъ столько жалобъ на нихъ, что, для огражденія ихъ произвола, приказалъ выбрать такъ-называемыхъ цѣловальниковъ, которые должны были сидѣть на судѣ вмѣстѣ съ намѣстниками. Выбиралось 48 лучшихъ людей изъ новгородскихъ улицъ, и изъ нихъ каждый мѣсяцъ 4 человѣка должны были поочереди засѣдать на судѣ. При вступленіи въ должность они приводились къ крестному цѣлованію, отчего и получили свое названіе. Это было, однако, не въ полной мѣрѣ выборное начало, потому что избраніе предоставлялось не народу, а правительственнымъ лицамъ: дворецкому и дьякамъ.

Поворотъ къ миру Москвы съ Литвою произвелъ крымскій ханъ. Въ декабрѣ 1518 года умеръ казанскій ханъ Махметъ-Аминь, изъѣденный, какъ говорили тогда, заживо червями. Еще до его смерти крымскій ханъ Махметъ-Гирей, желая посадить въ Казань своего брата Саипъ-Гирея, предлагалъ дружбу Москвѣ, обѣщалъ воевать Литву, съ тѣмъ однако, чтобы великій князь московскій воевалъ противъ Ахматова потомства—заклятыхъ враговъ Гиреевъ. Московскій государь обѣщалъ, но, какъ только Махметъ-Аминя не стало, онъ назначилъ въ Казань одного изъ внуковъ Ахмата, по имени Шигъ-Алея, который съ своимъ отцомъ выѣхалъ изъ Астрахани на службу московскому государю и получилъ въ помѣстье Мещерскій городокъ. Крымскій ханъ естественно былъ озлобленъ и рѣшился отмстить московскому государю. Прежде всего, братъ его Саипъ-Гирей отправился съ войскомъ къ Казани. Казанцы измѣнили Шигъ-Алею и признали своимъ царемъ Саипъ-Гирея. Шигъ-Алея и всѣхъ русскихъ, на-

ходившихся въ Казани, ограбили и выгнали, никого, однако, не убивши. Вслѣдъ затѣмъ крымскій ханъ съ многочисленною ордою двинулся на Московское Государство. Съ нимъ шелъ знаменитый Евстафій Дашковичъ съ днѣпровскими козаками, только-что начинавшими свою историческую дѣятельность. Въ то же время братъ крымскаго хана Саипъ-Гирей, избранный въ казанскіе цари, выступилъ съ своими казанцами. Московское войско, выставленное противъ крымскаго хана подъ начальствомъ брата великаго князя Андрея и боярина князя Димитрія Бѣльскаго, бѣжало. Другіе, болѣе мужественные воеводы (кн. Курбскій, Шереметевъ) пали въ бою. Великій князь покинулъ столицу и ушелъ на востокъ собирать силы; въ столицѣ оставилъ онъ начальствовать крещенаго татарскаго царевича Петра, своего зятя. Въ этомъ случаѣ Василій Ивановичъ пошелъ буквально по стопамъ своихъ прародителей и поступилъ такъ, какъ поступали его отецъ, прадѣдъ и прапрадѣдъ, убѣгая изъ Москвы, когда приближались къ ней татарскія полчища. Много народу побѣжало въ Кремль, спасаясь отъ непріятеля; наступилъ іюль—время очень знойное; опасались, чтобы отъ тѣсноты не открылась зараза.

Махметъ-Гирей подошелъ за нѣсколько верстъ къ Москвѣ и послалъ требованіе, чтобы великій князь обязался платить ему дань. Въ отвѣтъ на это требованіе Махметъ-Гирею привезли письменное обязательство платить дань, скрѣпленное великокняжескою печатью. Неизвѣстно, съ-вѣдома ли государя дано было это обязательство. Скорѣе надобно полагать, что съ-вѣдома, потому что едвали бы рѣшились царевичъ Петръ и бояре сдѣлать такой важный шагъ самовольно. Махметъ-Гирей, отступивши отъ Москвы, подошелъ къ Рязани и приказалъ тамошнему воеводѣ явиться къ нему въ станъ, такъ какъ его государь, великій князь, уже сдѣлался данникомъ хана. Начальствовавшій въ Рязани воевода Хабаръ Симскій просилъ представить ему доказательство того, что великій князь дѣйствительно обязался платить дань. Ханъ послалъ ему грамоту; Хабаръ Симскій удержалъ грамоту у себя, а потомъ разсѣялъ пушечными выстрѣлами толпу татаръ, собравшуюся подъ городомъ и заставилъ удалиться Махметъ-Гирея; крымскій ханъ долженъ былъ спѣшить назадъ: онъ услышалъ, что на Крымъ идутъ астраханцы. Унизительная грамота, попавшись въ руки Хабара Симскаго, была такимъ образомъ уничтожена; но Русской землѣ не легко отзывалось посѣщеніе Махметъ-Гирея, потому что татары набрали много плѣнниковъ и продавали ихъ въ Кафѣ. То же дѣлали и казанцы, и продавали толпы русскихъ невольниковъ въ Астрахани.

Эти печальныя событія, происходившія въ 1521 году, побудили Василія прекратить войну съ Литвою, и въ мартѣ слѣдующаго 1522 года заключено было перемиріе на пять лѣтъ, безъ отпуска плѣнныхъ. Въ 1526 году это перемиріе было продолжено до 1533 года при стараніи Герберштейна, вторично пріѣзжавшаго въ Москву и на этотъ разъ посломъ отъ императора Карла V. Плѣнники обѣихъ сторонъ оставались въ неволѣ, носили цѣпи и питались Христовымъ именемъ. Московскій государь не хотѣлъ ни за что отдавать назадъ Смоленска и, въ противность своему обѣщанію не переводить оттуда жителей, перевелъ изъ Смоленска въ Москву значительное ихъ число, давши однимъ изъ нихъ дворы и лавки, а другимъ помѣстья.

Казань ускользнула изъ-подъ прежней власти Москвы. Саипъ-Гирей перебилъ тамъ русскихъ купцовъ, умертвилъ и великокняжескаго посла. Старанія великаго князя посадить тамъ Шигъ-Алея были неудачны; русскіе потерпѣли пораженіе. Къ счастью, самъ Саипъ-Гирей ушелъ въ Крымъ, гдѣ, по смерти Махметъ-Гирея, убитаго нагаями, царствовалъ братъ его Сайдетъ-Гирей. Казанцы выбрали ихъ тринадцатилѣтняго брата Сафа-Гирея и предложили Москвѣ миръ. Василій долженъ былъ принять его, но въ то же время предпринималъ мѣры къ стѣсненію Казани, построилъ въ Казанской землѣ на устьѣ рѣки Суры городъ Васильсурскъ, и, чтобы ослабить благосостояніе Казани, завелъ ярмарку близъ монастыря Макарія Унженскаго (въ 1524 году), приказавъ русскимъ купцамъ съѣзжаться туда, вмѣсто Казани, куда они прежде ѣздили на лѣтнюю ярмарку. Такимъ образомъ, было положено начало знаменитой макарьевской ярмаркѣ (теперь переведенной въ Нижній). Впослѣдствіи, она имѣла благодѣтельное вліяніе на торговлю, но въ первые годы возбуждала жалобы торговыхъ людей, потому что вздорожали многіе товары, которые въ то время получались изъ Казани, и въ особенности соленая волженская рыба.

Около того же времени Василій покончилъ и съ послѣднимъ удѣльнымъ княземъ, Василіемъ Шемячичемъ (внукомъ Шемяки), княземъ сѣверскимъ. Князь этотъ въ продолженіе многихъ лѣтъ вѣрно служилъ Василію, храбро бился противъ поляковъ и крымцевъ, но въ 1523 году Василій потребовалъ его къ себѣ. Шемячича обвиняли въ тайныхъ сношеніяхъ съ Литвою. Онъ боялся ѣхать въ Москву, но митрополитъ Даніилъ (преемникъ Варлаама, заточеннаго великимъ княземъ въ монастырь) увѣрилъ его своимъ словомъ, что ему не будетъ ничего дурного. Шемячичъ поѣхалъ, былъ закованъ цѣпями, засаженъ въ тюрьму; тамъ онъ и кончилъ

жизнь. Троицкій игуменъ Порфирій рѣшился-было ходатайствовать за него. Воспользовавшись пріѣздомъ Василія въ Троицкій монастырь на храмовой праздникъ, онъ сказалъ ему смѣло: „Если ты пріѣхалъ сюда въ храмъ Безначальной Троицы просить милости за грѣхи свои, будь самъ милосердъ надъ тѣми, которыхъ гонишь ты безвинно, а если ты, стыдясь насъ, станешь увѣрять, что они виновны передъ тобой, то отпусти по Христову слову какіе-нибудь малые динаріи, если самъ желаешь получить отъ Христа прощенія многихъ талантовъ". Василій сначала приказалъ выгнать Порфирія изъ монастыря, а потомъ, по доносу нѣкоторыхъ монаховъ, велѣлъ привезти изъ пустыни, куда онъ удалился, въ Москву, и засадилъ въ тюрьму въ оковахъ. Жена темничнаго стража, сжалившись надъ Порфиріемъ, освободила его отъ оковъ и доставила ему возможность убѣжать, но Порфирій, выжидая удобнаго времени для бѣгства, спрятался въ потаенномъ мѣстѣ и увидѣлъ, что сторожъ, не найдя его въ темницѣ, хотѣлъ зарѣзаться, боясь гнѣва Василіева. Тогда Порфирій вышелъ къ нему и сказалъ: „не убивай себя, господинъ Павелъ (такъ звали сторожа), я цѣлъ, дѣлай со мною, что хочешь!" Василій, узнавши объ этомъ, отпустилъ Порфирія на свободу, но не возвратилъ ему игуменства. Порфирій удалился въ бѣлозерскія пустыни, гдѣ жили его друзья: Артемій, которому суждено было играть такую видную роль при Иванѣ Грозномъ, и Ѳеодоритъ, просвѣтитель лопарей. Митрополитъ Даніилъ поступилъ въ этомъ дѣлѣ не такъ, какъ Порфирій; несмотря на свое святительское слово, данное Шемячичу, онъ, всегдашній угодникъ власти, одобрялъ поступки великаго князя съ своею жертвою.

Противно такому христіанскому человѣколюбивому взгляду, существовалъ, однако, другой взглядъ въ русскомъ народѣ на уничтоженіе удѣловъ. По поводу заключенія того же Шемячича, какой-то юродивый кричалъ на улицѣ: „время очистить Московское Государство отъ послѣдняго сора". Юродивые въ то время выражали то, что думалъ народъ. Шемячичъ былъ послѣдній изъ удѣльныхъ князей съ старыми преданіями. Владѣнія братьевъ великаго князя не могли уже называться удѣлами въ прежнемъ смыслѣ.

Государство окончательно образовалось въ это время, но будущность его подвергалась неизвѣстности. У Василія не было дѣтей, хотя онъ уже двадцать лѣтъ былъ женатъ. Было у Василія въ обычаѣ путешествовать по своимъ владѣніямъ. Это называлось на тогдашнемъ языкѣ „объѣздомъ". Государь отправлялся въ объѣздъ въ сопровожденіи своихъ бояръ и вооружен-

наго отряда дѣтей боярскихъ. Ѣздилъ онъ на ямскихъ лошадяхъ, для чего, какъ и вообще для всякихъ служебныхъ сношеній, устроены были „ямы"; существовалъ особый классъ людей, называемыхъ ямщиками, обязанный, въ видѣ государственной повинности, доставлять ѣдущимъ по государеву повелѣнію готовыхъ лошадей и за это освобожденный отъ другихъ повинностей. Въ одинъ изъ такихъ объѣздовъ Василій, ѣдучи—какъ говоритъ лѣтописецъ—въ позолоченной колесницѣ, окруженный воинами, увидѣлъ на деревѣ птичье гнѣздо, прослезился и сказалъ: „тяжело мнѣ! кому уподоблюсь я? Ни птицамъ небеснымъ—онѣ плодовиты, ни звѣрямъ земнымъ—и они плодовиты, ни даже водамъ—и онѣ плодовиты: онѣ играютъ волнами, въ нихъ плещутся рыбы!"—Взглянулъ онъ на землю и сказалъ: „Господи! и землѣ я не уподоблюсь: земля приноситъ плоды свои на всякое время и благословляютъ они тебя, Господи!" Вернувшись изъ объѣзда въ Москву, Василій началъ совѣтоваться съ боярами о томъ, что супруга его неплодна, и спрашивалъ: „кому царствовать послѣ меня въ Русской землѣ и во всѣхъ городахъ и предѣлахъ? Братьямъ ли отдамъ ихъ? но они и своихъ удѣловъ не умѣютъ устраивать!" Бояре отвѣчали ему: „Государь, неплодную смоковницу отсѣкаютъ и выбрасываютъ изъ винограда!" Государь рѣшился развестись съ Соломоніею. Поводъ къ этому выставлялся государственный: отсутствіе прямого законнаго наслѣдника угрожало смутами государству; но на самомъ дѣлѣ Василію приглянулась другая женщина. Соломонія уже видѣла, что государь не любитъ ее. Черезъ посредство своего брата, Ивана Юрьевича Сабурова, она безпрестанно отыскивала себѣ „и жонокъ, и мужиковъ", чтобы какими-нибудь чародѣйственными средствами привлечь къ себѣ любовь мужа. Одна такая жонка изъ Рязани, по имени Стефанида, осмотрѣвши Соломонію, рѣшила, что у ней дѣтей не будетъ, но дала ей наговорную воду, велѣла ею умываться и дотрогиваться мокрою рукою до бѣлья великаго князя. Другая, безносая черница, давала ей наговореннаго масла или меда, велѣла натираться имъ, и увѣряла, что не только великій князь полюбитъ ее, но она будетъ имѣть дѣтей.

Государь созвалъ духовныхъ и бояръ и предложилъ имъ на разсужденіе: слѣдуетъ ли ему развестись съ Соломоніей? Это было сказано съ увѣренностью, что всѣ должны дать отвѣтъ, согласный съ его желаніемъ. Митрополитъ Даніилъ, ученикъ Іосифа Волоцкаго, успокоилъ совѣсть великаго князя, сказавши, какъ говорятъ, что беретъ его грѣхъ на свою душу. Но тутъ

поднялся противъ него инокъ Вассіанъ Косой, бывшій князь Патрикѣевъ. Онъ смѣло заявлялъ, что великій князь хочетъ совершить беззаконное и безсовѣстное дѣло. Василій сильно ошибся въ этомъ человѣкѣ: онъ приблизилъ его къ себѣ, уважалъ за умъ и ученость, думалъ, что онъ будетъ потакать ему во всемъ, и теперь въ такомъ близкомъ для него дѣлѣ Вассіанъ оказался его противникомъ. Мнѣніе Вассіана сталъ поддерживать другой духовный, извѣстный Максимъ Грекъ. Изъ бояръ, вмѣстѣ съ ними, вооружался противъ развода князь Семенъ Ѳедоровичъ Курбскій, почтенный благочестивый старикъ, нѣкогда славный воинъ, покоритель Перми и Югры, теперь уже нѣсколько лѣтъ не ѣвшій мяса и только три раза въ недѣлю позволявшій себѣ употреблять рыбу, что̀ въ то время считалось большою добродѣтелью. Голосъ этихъ ревнителей справедливости не былъ уваженъ. Василій Ивановичъ не сталъ ихъ прямо преслѣдовать за противодѣйствіе разводу, а отмстилъ Вассіану и Максиму другимъ путемъ: онъ предалъ ихъ злобѣ Даніила и прочихъ „осифлянъ", которые нашли возможность обвинить ихъ въ неправославіи, а Василій, послѣ того, заточилъ ихъ.

Заручившись одобреніемъ митрополита и большей части духовенства, Василій повелѣлъ постричь свою супругу. Въ нашихъ лѣтописяхъ есть извѣстіе, будто сама Соломонія добровольно согласилась удалиться въ монастырь. Но это извѣстіе, очевидно ложное, внесено въ лѣтопись изъ страха разгнѣвать государя. Всѣ другія современныя извѣстія единогласно говорятъ, что Соломонія была пострижена насильно. Герберштейнъ передаетъ въ такомъ видѣ обстоятельства этого постриженія:

Когда великой княгинѣ начали стричь волосы—она голосила и плакала; митрополитъ поднесъ ей монашескій кукуль; она вырвала его изъ рукъ, бросила на землю и стала топтать ногами.

Стоявшій тутъ, близкій совѣтникъ Василія, Иванъ Шигона ударилъ ее плетью и сказалъ: „Такъ ты еще смѣешь противиться волѣ государя и не слушать его повелѣній!"

„А ты—сказала Соломонія—по какому праву смѣешь бить меня?"

„По приказанію государя!"—отвѣтилъ ей Шигона.

„Свидѣтельствую передъ всѣми—громко сказала тогда Соломонія,—что не желаю постриженія и на меня насильно надѣваютъ кукуль. Пусть Богъ отмститъ за такое оскорбленіе!"

Постриженіе произошло въ 1525 году въ Москвѣ, въ Рождественскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. По русскимъ извѣстіямъ,

постригалъ ее никольскій игуменъ Давидъ, но, вѣроятно, въ присутствіи митрополита, какъ видно изъ Герберштейна. Оттуда ее отправили подъ именемъ Софіи въ Покровскій суздальскій монастырь (гдѣ она прожила семнадцать лѣтъ и умерла въ 1542 году).

Въ январѣ 1526 года великій князь женился на Еленѣ Глинской, дочери Василія, брата Михаила Глинскаго, тогда еще сидѣвшаго въ тюрьмѣ за попытку бѣжать въ Литву. Никакого выбора невѣстъ въ то время не было; это показываетъ, что Василій уже прежде рѣшился жениться на Еленѣ и потому развелся съ прежнею женою [1]).

---

[1]) Сохранилось описаніе свадьбы великаго князя Василія съ Еленою, любопытное, потому что представляетъ картину тогдашнихъ обрядовъ. Въ средней царской палатѣ устроено было возвышенное мѣсто, обтянутое бархатомъ и камками, съ широкими изголовьями, на которыхъ положено было по сороку соболей. Передъ мѣстомъ поставленъ былъ столъ, накрытый скатертью, съ калачами и солью. У жениха и невѣсты былъ свой свадебный поѣздъ: у великаго князя—такъ-называемый свадебный тысячскій съ боярами (тысячскимъ былъ братъ Василія, Андрей) и дружка со своими боярами; у княжны Елены—жена тысячскаго, дружка, свахи и боярыни. Невѣсту одѣвали въ ея покояхъ. По присланному приказу великаго князя, невѣста съ своими боярынями отправилась въ среднюю палату. Передъ нею несли свѣчи жениха и невѣсты и коровай, на которомъ лежали золотыя монеты. Княгиню посадили на приготовленное мѣсто, а близъ нея, на мѣстѣ, которое долженъ былъ потомъ занять великій князь, посадили ея меньшую сестру Анастасію. Всѣ боярыни сѣли на лавкахъ, а на лѣвой сторонѣ отъ невѣсты стали несшіе свѣчи и коровай. Вслѣдъ затѣмъ, по приказанію великаго князя, вошелъ въ палату братъ его Юрій Ивановичъ съ боярами и дѣтьми боярскими, разсажалъ ихъ по мѣстамъ, а самъ сѣлъ на такъ-называемомъ „большомъ мѣстѣ", и послалъ звать великаго князя, ожидавшаго въ брусяной столовой избѣ. Великій князь вошелъ съ тысячскимъ и со своими свадебными боярами, поклонился образамъ, а потомъ приподнялъ съ мѣста сестру невѣсты и сѣлъ на мѣсто ея возлѣ невѣсты. Священникъ читалъ молитву; свѣчи съ обручами, перевязанныя соболями, зажигались богоявленской свѣчой. Жена тысячскаго расчесывала волосы жениху и невѣстѣ и возлагала на голову невѣстѣ „кику" съ навѣшеннымъ на ней покровомъ, а потомъ осыпала великаго князя хмѣлемъ изъ большой золотой мисы, въ которой, кромѣ хмѣля, положены были въ трехъ мѣстахъ соболи и шелковые платки въ знаменательномъ числѣ трижды девять. Дружка великаго князя рѣзалъ „перепечю" и сыръ, ставилъ передъ новобрачными и разсылалъ присутствующимъ, а дружка невѣсты раздавалъ ширинки.

Посидѣвши немного, великій князь отправился въ церковь къ вѣнчанію со всѣми своими боярами, а на мѣстѣ, на которомъ онъ передъ тѣмъ сидѣлъ, положилъ сорокъ соболей. За нимъ вслѣдъ отправилась Елена со всѣми своими поѣзжанами въ саняхъ, а передъ ея санями несли свѣчи и коровай. Вѣнчаніе совершалъ въ Успенскомъ соборѣ самъ митрополитъ Даніилъ. Когда послѣ вѣнчанія новобрачнымъ дали пить вино, великій князь бросилъ скляницу на землю, разбилъ и потопталъ ногами. Никто не смѣлъ послѣ того ступить ногою на эти стекла. Послѣ вѣнчанія, митрополитъ, а за нимъ бояре, поздравляли новобрачныхъ. Они возвращались тѣмъ же

Черезъ нѣсколько времени послѣ бракосочетанія, въ Москвѣ разнесся слухъ, будто насильно постриженная Соломонія беременна. Народу не нравился новый бракъ Василія, а потому легко выдумалось то, чего желалось. Придворныя женщины начали объ этомъ поговаривать, но услыхалъ объ ихъ рѣчахъ великій князь и одну изъ нихъ, вдову Траханіота, приказалъ высѣчь, а самъ, между тѣмъ, послалъ своихъ дьяковъ навести справки. Неизвѣстно, чѣмъ окончилось слѣдствіе, но и послѣ того въ Москвѣ носились слухи, будто Соломонія родила сына Георгія, котораго она бережно укрывала въ надеждѣ, что когда онъ выростетъ, то отмститъ за свою мать.

Новая супруга Василія была совсѣмъ другого воспитанія и свойствъ, чѣмъ тогдашнія русскія женщины. Ея отецъ и дядя были люди западныхъ понятій. Михаилъ Глинскій провелъ всю юность въ Германіи и Италіи. Безъ сомнѣнія, Елена усвоила отъ родныхъ иноземные понятія и обычаи, и, вѣроятно, своими свойствами, представлявшими новизну для великаго князя, плѣнила его. Желаніе понравиться ей было такъ велико, что, какъ говорятъ, Василій Ивановичъ обрилъ для нея свою бороду, а это, по тогдашнимъ понятіямъ, было большимъ уклоненіемъ отъ обычаевъ, не только съ народной, но и съ религіозной точки зрѣнія. Свидѣтельствомъ этого могутъ служить современныя сочиненія благочестивыхъ соблюдателей старины: „Смотрите—го-

---

порядкомъ порознь. Свѣчи и коровая унесены были къ постели и поставлены у изголовья въ кадь со пшеницею. Комната, гдѣ приготовлялась постель на тридевяти снопахъ, называлась „сѣнникъ“, облекалась тканями и по четыремъ угламъ втыкались стрѣлы съ сорока соболями на каждой, а подъ ними на лавкахъ ставился пивной медъ. Великій князь съ своимъ поѣздомъ, на возвратномъ пути изъ церкви, объѣзжалъ монастыри, а потомъ посылалъ звать великую княгиню со всѣмъ ея поѣздомъ къ столу. Конь, на которомъ ѣздилъ по монастырямъ великій князь, передавался конюшему. Послѣдній долженъ былъ въ продолженіе всего стола и всей ночи ѣздить вокругъ спальни съ обнаженною саблею. Важную должность конюшаго исполнялъ тогда князь Ѳедоръ Васильевичъ Овчина-Телепневъ-Оболенскій, отецъ Ивана, бывшаго потомъ любимцемъ Елены, который и самъ участвовалъ въ свадебномъ чинѣ. Во время стола ставили передъ новобрачными жареную курицу. Дружка обертывалъ ее скатертью и уносилъ въ спальню. Это служило знакомъ, что великой княгинѣ съ поѣзжанами слѣдуетъ идти въ спальню. За нею шелъ великій князь, и неслись иконы. У постели жена тысячскаго, одѣвши на себя двѣ шубы, и верхнюю шерстью вверхъ, осыпала новобрачныхъ. На другой день великій князь съ особыми обрядами ходилъ въ мыльню. Для этого по свадебному чину наряжены были знатныя особы и въ числѣ ихъ молодой Иванъ Телепневъ-Оболенскій, которому тогда пришлось „колпакъ держать, съ княземъ въ мыльнѣ мыться и у постели съ княземъ спать“. Близость этого человѣка къ царственной четѣ объясняетъ, почему онъ могъ впослѣдствіи сойтись съ Еленой.

ворится въ одномъ изъ такихъ сочиненій—вотъ икона страшнаго пришествія Христова: всѣ праведники одесную Христа стоятъ съ бородами, а ошуюю бусурманы и еретики, обритые, съ одними только усами, какъ у котовъ и псовъ. Одинъ козелъ самъ себя лишилъ жизни, когда ему въ поруганіе обрѣзали бороду. Вотъ, неразумное животное умѣетъ свои волосы беречь лучше безумныхъ брадобрѣйцевъ!“ Такія обличенія не сдерживали, однако, тогдашнихъ записныхъ щеголей: они не только брили себѣ бороды, но выщипывали волосы на лицѣ, стараясь уподобиться женщинамъ; подобные щеголи не менѣе возбуждали негодованіе суровыхъ нравоучителей и своимъ нарядомъ: они носили красные сапоги, расшитые шелкомъ, до того узкіе, что ноги болѣли у нихъ; навѣшивали на себя пуговицы, ожерелья, на рукахъ носили множество перстней, мазались благовоніями, притирали себѣ щеки и губы и щеголяли вычурными манерами, состоявшими въ извѣстнаго рода киваніи головы, разставленіи пальцевъ, подмигиваніи глазъ, выставленіи впередъ ногъ, особеннаго рода походкѣ и т. п. Василій, женившись на Еленѣ, началъ также щеголять. Вообще замѣтно, что Василій склонялся къ сближенію съ Западомъ и къ усвоенію его обычаевъ, хотя, по скудости источниковъ, мы должны ограничиваться въ этомъ отношеніи отрывочными чертами. Папскій дворъ, съ большою надеждою на Василія, дѣлалъ свои обычныя попытки къ присоединенію русской церкви. При посредствѣ тевтонскаго магистра Альбрехта, папа Левъ X поддѣлывался къ Василію и внушалъ ему надежду на обладаніе Литвою и даже Константинополемъ: „У Сигизмунда нѣтъ наслѣдника—представлялъ онъ;—послѣ его смерти Великое Княжество Литовское не захочетъ государя изъ поляковъ и отдастся подъ власть московскаго государя. Константинополь—отчина московскаго государя, и если московскій государь захочетъ стоять за нее, то у насъ для этого готовы и пути, и средства“. Папа изъявлялъ готовность дать Василію королевскій титулъ, митрополита русскаго возвести въ патріархи и принять русскую церковь такъ въ единеніе съ римскою, чтобы отнюдь не умалять и не перемѣнять обычаевъ восточной церкви. Послѣ того, въ 1519 году, тотъ же папа писалъ Василію и выражался въ своемъ письмѣ о желаніи Василія признать папскую власть, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ. „Достойныя вѣры лица—писалъ онъ—извѣстили насъ, что твое благородіе, по божественному внушенію свыше, возжелалъ соединенія со святою римскою церковью и хочешь быть ей покорнымъ, со всѣми своими землями, областями и подданными, послѣ многихъ

лѣтъ раздѣленія, оставляя тьму и возвращаясь къ свѣту истиннаго ученія православной вѣры". Вмѣстѣ съ тѣмъ, папа обнадеживалъ его помощью въ исполненіи намѣренія воевать съ невѣрными. По смерти Льва X, папа Климентъ VII отправилъ къ Василію посломъ одного генуэзца, капитана Павла. Еще ранѣе того этотъ капитанъ Павелъ былъ въ Москвѣ по торговымъ дѣламъ. Его занимала мысль найти сообщеніе Европы съ Индіею черезъ области Московскаго Государства, съ цѣлью подорвать торговую монополію португальцевъ, которые, послѣ открытія пути въ Индію кругомъ Африки, снабжали изъ своихъ рукъ всю Европу индѣйскими товарами. Мысль эта, хотя небезплодная для будущихъ поколѣній, основывалась въ тѣ времена на незнаніи географіи, такъ какъ самъ Павелъ полагалъ, что рѣка Оксусъ или Аму-Дарья впадаетъ въ то же море, въ какое впадаетъ Волга. Ему хотѣлось повѣрить собственнымъ опытомъ свои предположенія, но Василій не пустилъ его ѣздить по своимъ областямъ, такъ какъ въ то время вообще полагали, что не слѣдуетъ знакомить иноземцевъ со своею страною. Однако, Василій далъ ему грамоту къ папѣ съ выраженіемъ самаго дружескаго расположенія. Этому-то капитану Павлу папа Климентъ VII далъ свою грамоту къ Василію, узнавши, что капитанъ Павелъ опять собирается въ Москву съ прежними цѣлями. Въ своей грамотѣ Климентъ VII, по примѣру Льва X, убѣждалъ присоединиться къ римской церкви и заключить съ римскимъ дворомъ дружескій союзъ, обѣщалъ королевскій титулъ, регаліи и помощь противъ невѣрныхъ. Василій, вмѣстѣ съ этимъ капитаномъ Павломъ, отправилъ къ папѣ (въ 1526) толмача Димитрія Герасимова, человѣка ученаго, который нѣкогда помогалъ Геннадію въ его работахъ надъ Библіею. Василій изъявлялъ желаніе быть съ папою въ дружественномъ союзѣ, воевать вмѣстѣ съ христіанскими государями противъ невѣрныхъ, но ничего не говорилъ о вѣрѣ—не изъявлялъ желанія соединенія, однако, не отвергалъ предложенія и давалъ свободный пропускъ въ Московскую землю подданнымъ всѣхъ европейскихъ христіанскихъ государей. Эта благосклонность къ папскому престолу, какъ и вообще ко всему Западу, была поводомъ къ тому, что католическое духовенство считало Василія сильно расположеннымъ къ уніи, негодовало на Польшу, которой, по его разсчету, было бы непріятно такое соединеніе, потому что угрожало признаніемъ со стороны папы правъ московскаго государя на русскія области, и даже въ послѣдующія времена смотрѣло на эпоху

Василія, какъ на время самое благопріятное и близкое къ достиженію завѣтныхъ цѣлей римскаго престола.

Несмотря на бракъ Василія съ Еленой, дядя ея Михаилъ еще нѣсколько времени сидѣлъ въ тюрьмѣ и былъ освобожденъ только по усиленной просьбѣ великой княгини. Но за то, вскорѣ послѣ освобожденія, все прежнее простилось Михаилу Глинскому и болѣе не поминалось; онъ сдѣлался приближеннымъ человѣкомъ Василія. Великая княгиня все болѣе и болѣе овладѣвала своимъ супругомъ; но время проходило, а желанная цѣль Василія — имѣть наслѣдника, не достигалась. Было опасеніе, что и Елена будетъ такъ же безплодна, какъ Соломонія. Великій князь вмѣстѣ съ нею безпрестанно совершалъ путешествія по разнымъ русскимъ монастырямъ. Въ сопровожденіи новгородскаго владыки Макарія, былъ онъ у Тихвинской Божіей Матери, ѣздилъ по монастырямъ: въ Переяславль, Ростовъ, Ярославль, въ Спасовъ-Каменный монастырь на Кубенскомъ озерѣ, въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь, устраивалъ братіи „веліе утѣшеніе“, раздавалъ милостыню нищимъ. Во всѣхъ церквахъ русскихъ молились о чадородіи Василія. Изъ монастырей доставляли ему и его великой княгинѣ хлѣбъ и квасъ — ничто не помогало. Прошло такимъ образомъ четыре года съ половиною, пока, наконецъ, царственная чета не прибѣгла въ молитвахъ своихъ къ преподобному Пафнутію Боровскому. Тогда только Елена сдѣлалась беременною. Радость великаго князя не имѣла предѣловъ. Еще не родился ребенокъ, а уже о немъ заранѣе составлялись предзнаменованія. Духовные говорили, что „когда отроча во чревѣ матери растяше, то печаль отъ сердца человѣкомъ отступаше; когда отроча во чревѣ матери двигалось, то стремленіе иноплеменной рати на царство низлагалось. „Одинъ юродивый, по имени Дементій, на вопросъ беременности Елены: кого она родитъ? отвѣчалъ: „Родится сынъ Титъ, широкій умъ“. Наконецъ, 25 августа 1530 года Елена разрѣшилась отъ бремени сыномъ, и въ часъ ея разрѣшенія, какъ разсказывалось, по Русской землѣ прокатился страшный громъ, молнія блеснула, земля поколебалась! Новорожденный нареченъ былъ Іоанномъ въ честь ближайшаго ко времени его рожденія праздника Усѣкновенія Іоанна Предтечи. Воспреемниками его были монахи осифляне: Кассіанъ Босый и Даніилъ переяславскій. Мамкою къ новорожденному царевичу была приставлена боярыня Аграфена Челяднина, родная сестра князя Ивана Овчины-Телепнева-Оболенскаго, который все болѣе входилъ въ милость и около этого времени, по смерти отца, получилъ

важный санъ конюшаго. Черезъ два года послѣ рожденія Ивана, Елена родила другого сына, Юрія.

Въ послѣдніе годы царствованія Василія, Казань снова отдалась подъ прежнюю власть Москвы. Сами казанцы выгнали Сафа-Гирея, заклятаго врага Москвы, и изъявили желаніе принять царя отъ руки московскаго государя, но просили не посылать къ нимъ прежняго, Шигъ-Алея, опасаясь отъ него мести за изгнаніе. Василій Ивановичъ въ 1531 году послалъ имъ въ цари брата Шигъ-Алеева, Еналея, а Шигъ-Алею далъ Каширу и Серпуховъ, но въ январѣ 1532 года, за сношенія съ Казанью безъ его вѣдома, государь лишилъ Шигъ-Алея этихъ городовъ и сослалъ вмѣстѣ съ женою на Бѣлоозеро, гдѣ велѣлъ держать подъ стражею. Изгнаніе Сафа-Гирея изъ Казани усилило непріязненныя отношенія съ Крымомъ, гдѣ царствовалъ братъ его Саипъ-Гирей, бывшій нѣкогда царемъ въ Казани. Крымцы сдѣлали набѣгъ на предѣлы Московскаго Государства въ 1533 году, но были отбиты. Противъ нихъ отличился Иванъ Овчина-Телепневъ-Оболенскій.

Кончина великаго князя Василія на пятьдесятъ-пятомъ году жизни послужила поводомъ къ ея подробному описанію въ нашихъ лѣтописяхъ, замѣчательному по обилію чертъ нравовъ и быта того времени.

Лѣтомъ 1533 года отправился Василій съ женою и дѣтьми къ Троицкой обители, а оттуда на охоту въ Волокъ-Ламскій, и тутъ постигла его болѣзнь: на лѣвой ногѣ сдѣлался у него подкожный нарывъ. Однако, Василій послалъ за ловчими и, переѣзжая изъ села въ село, охотился. Доѣхавъ до Колпя, онъ послалъ пригласить на охоту брата своего Андрея Ивановича, который тотчасъ же прибылъ на зовъ его. Желая скрыть отъ него болѣзнь, Василій выѣхалъ съ нимъ на поле съ собаками, но, отъѣхавъ версты двѣ, совершенно изнемогъ, принужденъ былъ вернуться обратно въ Колпь и слегъ въ постель. Тутъ велѣлъ онъ послать въ Москву за Михаиломъ Глинскимъ и своими лекарями: Николаемъ Люевымъ и Феофиломъ. Тѣ пріѣхали и съ общаго совѣта принялись лечить его припарками; но пользы было мало. Такъ прошло двѣ недѣли. Василій послалъ въ Москву стряпчаго своего Мансурова и дьяка Меньшого Путятина за своею и отцовскою духовною, настрого заказавъ имъ не говорить ничего митрополиту, княгинѣ и боярамъ. Они исполнили приказъ. Василій тайкомъ отъ всѣхъ велѣлъ сжечь свою духовную и сталъ думать со своими боярами: какъ бы ему вернуться въ Москву. Изъ бояръ были съ нимъ тогда: князь Димитрій Бѣль-

скій, Иванъ Васильевичъ Шуйскій, Михаилъ Глинскій и дворецкіе его: князь Иванъ Кубенскій и Иванъ Шигона. Великій князь рѣшилъ ѣхать изъ Волока въ Іосифовъ монастырь. Больного повезли въ каптанѣ (возкѣ); съ нимъ сѣли двое людей, которые переворачивали его съ боку на бокъ. Въ монастырѣ у воротъ встрѣтилъ Василія игуменъ съ братіею, съ образами и свѣчами. Великаго князя взяли подъ руки и повели въ церковь, гдѣ уже ждала его великая княгиня съ дѣтьми. Василій слушалъ литургію, лежа на одрѣ, на паперти церковной. На другое утро великій князь отпустилъ брата своего Андрея и собрался въ Москву. Его повезли тѣмъ же порядкомъ. Остановки были частыя. Великому князю становилось все хуже, и сталъ онъ думать съ боярами, какъ бы ему пріѣхать тайкомъ въ Москву, такъ какъ тамъ было много иноземцевъ и пословъ. Наконецъ, доѣхали они до Москвы. Великій князь велѣлъ призвать всѣхъ своихъ бояръ, сталъ говорить имъ о своемъ малолѣтнемъ сынѣ Иванѣ, о томъ, какъ строиться царству послѣ него; и тутъ же приказалъ своимъ дьякамъ писать новую духовную. Въ это время съѣхались и братья его. Василій поручалъ имъ великую княгиню и дѣтей, напоминая имъ крестное цѣлованіе, и приказывалъ служить вѣрно сыну его, „неподвижно", какъ ему служили. Съ тѣмъ же обращался онъ многократно къ митрополиту и боярамъ и молилъ митрополита постричь его. Къ боярамъ своимъ онъ, кромѣ того, обратился съ такой рѣчью: поручаю вамъ Михаила Львовича Глинскаго; человѣкъ онъ пріѣзжій; и вы бы того не говорили, что онъ пріѣзжій: держите его за здѣшняго уроженца, потому что онъ мнѣ вѣрный слуга...

Василій, между тѣмъ, испытывалъ страшныя мученія: рана его воспалилась; отъ нея шелъ сильный смрадъ. Боязнь за будущность сына усиливала его мученія. Въ тоскѣ обратился онъ къ своему лекарю Николаю Люеву и сказалъ ему: „Брате Миколае! ты видѣлъ мое великое жалованье къ себѣ: можно ли тебѣ сдѣлать мазь или иное-что, чтобы облегчить болѣзнь мою?"

Николай отвѣчалъ великому князю: „Видѣлъ я, государь, твое государево жалованье великое; если бы можно, тѣло свое раздробилъ бы тебя ради, государя, но дума моя немощна безъ Божьей помощи".

Великій князь отвернулся и, обратившись къ окружающимъ, сказалъ: „братіе! Миколай гораздо понялъ болѣзнь мою, ей ничто не пособитъ; нужно, братіе, думать, чтобы душа не погибла во вѣки.".

Василій началъ готовиться къ смерти, причастился св. Таинъ. Къ нему пріѣхалъ троицкій игуменъ Іоасафъ; онъ и его просилъ о женѣ и дѣтяхъ.

Къ Василію пришли братья и стали понуждать его вкусить пищи: великій князь поднесъ къ губамъ миндальной каши, но тотчасъ же оставилъ ее. Кромѣ братьевъ, были еще при немъ: Михайло Юрьевъ, князь Михайло Глинскій и Шигона. Василій сказалъ имъ: „вижу самъ, что животъ мой къ смерти приближается, хочу послать за сыномъ моимъ Иваномъ и благословить его крестомъ Петра Чудотворца, хочу послать за женой своей великой княгиней и наказать ей, какъ ей быть по моей смерти", но потомъ одумался и сказалъ: „не хочу посылать за сыномъ моимъ, за великимъ княземъ за Иваномъ: сынъ мой малъ, а я лежу въ великой немочи, а то—испугается меня сынъ мой".

Князь Андрей и бояре начали уговаривать его, чтобы онъ послалъ за сыномъ и княгиней. Великій князь велѣлъ себѣ принести напередъ сына и надѣлъ на себя крестъ Петра Чудотворца. Малолѣтняго Ивана принесъ шуринъ его, князь Иванъ Глинскій; за нимъ шла мамка Аграфена Челяднина. Великій князь снялъ съ себя крестъ Петра, благословилъ сына и отпустилъ, сказавъ Челяднинои: „чтобы ты, Аграфена, отъ сына моего Ивана не отступала ни пяди". Затѣмъ ввели великую княгиню; она громко плакала, билась, едва держась на ногахъ. Великій князь сталъ утѣшать ее, говоря, что ему легче и у него ничего не болитъ. Поуспокоившись, Елена спросила мужа: „Государь князь великій! на кого меня оставляешь и кому, государь, дѣтей приказываешь?" Великій князь отвѣтилъ: „Благословилъ я сына своего Ивана государствомъ и великимъ княженіемъ: а тебѣ написалъ въ духовной своей грамотѣ, какъ въ прежнихъ духовныхъ грамотахъ отцовъ нашихъ и прародителей, по достоянію, какъ прежнимъ великимъ княгинямъ". Елена стала просить мужа благословить второго сына. Великій князь послалъ за Юріемъ, благословилъ его Паисіевскимъ крестомъ, а о вотчинѣ, назначенной ему, сказалъ: „приказалъ я, и въ духовной грамотѣ написалъ объ этомъ по достоянію". Хотѣлъ-было Василій наказать женѣ о житьѣ ея послѣ него, но она такъ кричала и вопила, что не дала ему сказать ни слова, и онъ отослалъ ее. Тутъ великій князь сдѣлалъ еще нѣкоторыя посмертныя распоряженія, и, наконецъ, призвавъ къ себѣ митрополита Даніила и владыку коломенскаго Вассіана, сказалъ имъ: „видите сами, изнемогъ и къ концу приблизился, а желаніе мое давно было постричься: постригите меня". Митрополитъ Даніилъ и бояринъ Михайло

Юрьевичъ похвалили его за намѣреніе, но нѣкоторые изъ бояръ стали отговаривать великаго князя, припоминая, что не всѣ великіе князья преставились въ чернецахъ, и самъ святой князь Владиміръ кіевскій умеръ не въ чернецахъ. И былъ между ними большой споръ. Василій стоялъ на своемъ. Надъ нимъ совершили обрядъ постриженія. Когда обрядъ оканчивался, Василій отошелъ въ вѣчность.

Тогда митрополитъ Даніилъ повелъ братьевъ великаго князя Юрія и Андрея въ переднюю избу и привелъ къ крестному цѣлованію на томъ, чтобы они служили великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и матери его великой княгинѣ Еленѣ и жили бы въ своихъ удѣлахъ; чтобы государства имъ подъ великимъ княземъ Иваномъ не хотѣть, ни людей имъ отъ великаго князя Ивана къ себѣ не отзывать, и чтобы стоять имъ за-одинъ противъ недруговъ великаго князя и своихъ: латинства и бесерменства. Затѣмъ Даніилъ привелъ къ крестному цѣлованію бояръ, боярскихъ дѣтей и княжатъ, и пошелъ къ Еленѣ утѣшать ее. Елена — разсказываетъ лѣтописецъ — видя идущихъ къ ней митрополита, Васильевыхъ братьевъ и бояръ, упала на землю какъ мертвая, и, пролежавши два часа, насилу очнулась.

Троицкій игуменъ Іоасафъ и старцы Іосифова монастыря наряжали усопшаго: расчесали ему бороду, подостлали подъ него черную тафтяную постель, положили тѣло на одрѣ, начали надъ усопшимъ служить заутреню, часы и каноны, какъ дѣлалось при живомъ. Приходило къ нему прощаться много народу: и боярскіе дѣти, и княжата, и гости, и другіе люди, и былъ плачъ великій. Наконецъ, митрополитъ велѣлъ звонить въ большой колоколъ. Троицкіе и Іосифовскіе старцы понесли тѣло великаго князя на головахъ въ переднюю избу, а оттуда на крыльцо и вынесли на площадь. Дѣти боярскіе вынесли великую княгиню Елену изъ ея хоромъ въ саняхъ; позади шли князья Василій и Иванъ Шуйскіе, Михайло Львовичъ Глинскій. Василія схоронили возлѣ отца, въ каменномъ гробѣ, въ Архангельскомъ соборѣ.

XVI.

ПРЕПОДОБНЫЙ НИЛЪ СОРСКІЙ И ВАССІАНЪ КНЯЗЬ ПАТРИКѢЕВЪ.

Тогда какъ еретическое направленіе, начавши нападками на злоупотребленія въ іерархіи, дошло, наконецъ, до отрицанія основныхъ началъ вѣры, въ нѣдрахъ строго вѣрнаго догматамъ православія явилось направленіе, расходившееся съ усвоеннымъ на Руси складомъ религіозныхъ воззрѣній. Направленіе это преимущественно нашло себѣ пріютъ и развивалось въ сѣверномъ краѣ, сосѣднемъ Бѣлоозеру, отчего послѣдователи его въ XVI столѣтіи носили названіе бѣлозерскихъ или заволжскихъ старцевъ. Первымъ представителемъ этого направленія былъ преподобный Нилъ Сорскій. Родился онъ въ 1433 году. Жизнь его чрезвычайно проста и несложна. Родители его намъ неизвѣстны; знаемъ только, что мірское прозвище его было Майковъ, и самъ онъ называетъ себя поселяниномъ. Въ юности онъ постригся въ Кирилло-бѣлозерскомъ монастырѣ, и, проживши тамъ нѣсколько времени, отправился странствовать на Востокъ, вмѣстѣ съ другомъ своимъ Иннокентіемъ Охлябининымъ; пробылъ, между прочимъ, нѣсколько лѣтъ на Аѳонѣ, изучилъ, какъ показываютъ его сочиненія, греческій языкъ, основательно познакомился съ твореніями св. отцовъ и со многими произведеніями духовной литературы. Послѣ многихъ лѣтъ странствованія, онъ воротился въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь, но не ужился тамъ. Его поэтическая натура не могла довольствоваться тѣмъ господствомъ внѣшности, которое онъ встрѣчалъ въ русскомъ монашествѣ и вообще въ русскомъ благочестіи. Онъ удалился за пятнадцать верстъ отъ монастыря, къ рѣкѣ Сорѣ, соорудилъ себѣ часовню и келью, а потомъ, когда къ нему сошлось нѣсколько братій, построилъ церковь. Такимъ образомъ, основалось монашеское това-

рищество, но совсѣмъ на другихъ началахъ, чѣмъ всѣ русскіе монастыри. Нилъ взялъ себѣ за образецъ такъ-называемое „скитское житье“, существовавшее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Востокѣ, но неизвѣстное до той поры на Руси. Въ своихъ сочиненіяхъ Нилъ изложилъ сущность отшельничества по своимъ понятіямъ [1]). Нилъ имѣетъ въ виду однихъ только монаховъ; до міра ему нѣтъ дѣла. Въ своемъ посланіи къ князю Вассіану онъ представляется человѣкомъ, который пришелъ къ убѣжденію, что въ мірѣ все обманчиво и не стоитъ того, чтобы дорожить имъ. „Міръ—говоритъ онъ—ласкаетъ насъ сладкими вещами, послѣ которыхъ бываетъ горько. Блага міра только кажутся благами, а внутри исполнены зла. Тѣ, которые искали въ мірѣ наслажденія, все потеряли: богатство, честь, слава—все минетъ, все опадетъ, какъ цвѣтъ. Того Богъ возлюбилъ, кого изъялъ отъ міра“ (то-есть — въ иночество). Но иноческій идеалъ у Нила внутренній, а не внѣшній. Все внѣшнее благочестіе у него занимаетъ мѣсто еще менѣе, чѣмъ второстепенное. Цѣль инока — внутренняя переработка души. Нилъ опирается на слова св. Варсонофія: если внутреннее дѣланіе не поможетъ человѣку, напрасно онъ трудится во внѣшнемъ. Тогда какъ другіе подвигоположники для спасенія души предписываютъ продолжительное моленіе, постъ, всяческое изнуреніе плоти, Нилъ не придаетъ этому никакого значенія безъ внутренняго духовнаго подвига. „Напрасно—говоритъ онъ—думаютъ, что дѣлаетъ доброе дѣло тотъ, кто соблюдаетъ постъ, метаніе, бдѣніе, псалмопѣніе, на землѣ лежаніе—онъ только согрѣшаетъ, воображая, что все это угодно Богу. Чтеніе молитвъ и всякое прилежное богослуженіе не ведетъ само по себѣ къ спасенію безъ внутренняго дѣланія“, и для этого у Нила есть готовая опора въ словахъ апостола Павла: лучше пять словъ сказать умомъ, нежели тьму словъ языкомъ. „Тотъ не только не погубляетъ своего правила, кто оставитъ всякіе псалмопѣнія, каноны и тропари, и все свое вниманіе обращаетъ на умственную молитву; тотъ еще болѣе умножаетъ его“. Постъ у Нила есть только воздержаніе и умѣренность. Всякій богоугодный человѣкъ можетъ вкушать всякую хорошую пищу, но только съ воздержаніемъ. Кто съ разумомъ вкушаетъ и съ разумомъ удаляется отъ пищи, тотъ не грѣшитъ... „Лучше—говоритъ онъ—съ разумомъ пить вино, чѣмъ пить глупо воду. Если человѣкъ

---

[1]) Изъ сочиненій его извѣстны: „Посланіе къ брату вопросившему его о помыслѣхъ“; „Посланіе къ брату о пользѣ души“; „Посланіе отъ божественныхъ писаній во отцѣ скорбящему брату“; „Преданіе о жительствѣ скитскомъ ученикамъ своимъ“; „Завѣщаніе преподобнаго Нила“; „Посланіе иноку о пользѣ“.

замѣчаетъ, что та или другая пища, утучняя его тѣло, возбуждаетъ въ немъ дурныя наклонности, воспитываетъ въ немъ сластолюбіе, онъ долженъ удалятъся отъ нея; а если тѣло требуетъ поддержки, то онъ долженъ принимать всякую пищу и питье, какъ цѣлебное средство. Безмѣрный постъ и пресыщеніе равнымъ образомъ предосудительны"... „Но—говоритъ Нилъ—безмѣрный постъ и безмѣрное воздержаніе приносятъ еще болѣе вреда, чѣмъ яденіе до сытости". Заглядывая въ человѣческую душу, Нилъ понялъ, что исполненіе внѣшнихъ подвиговъ благочестія ведетъ къ тщеславію, самому ненавистному для него грѣху. Весь монашескій подвигъ у него сосредоточивается на „умномъ дѣланіи", которое есть не что иное, какъ борьба съ дурными помыслами, которыхъ онъ насчитываетъ восемь (чревообъяденіе, блудъ, сребролюбіе, гнѣвъ, печаль, уныніе, тщеславіе и гордость). Всякій помыселъ незамѣтно входитъ въ душу, и это называется у него „прилогомъ". Если человѣкъ останавливается надъ дурнымъ помысломъ — это „сочетаніе"; если человѣкъ склоняется въ пользу его, — это „сложеніе". Если помыселъ овладѣваетъ душою, — такое состояніе называется у него „плѣненіемъ", а если человѣкъ совершенно и надолго предается ему — это страсть. Въ этихъ-то различныхъ состояніяхъ души слѣдуетъ иноку вести съ собою внутреннюю борьбу, стараясь болѣе всего пресѣкать вліяніе дурныхъ помысловъ въ самомъ ихъ зародышѣ. Побѣда надъ помыслами приводитъ къ высочайшему, блаженному, спокойному состоянію души и приближаетъ къ божеству. Нилъ представляетъ въ самомъ поэтическомъ образѣ такое состояніе души, подкрѣпляя свое описаніе выписками изъ разныхъ греческихъ сочиненій о созерцательной жизни. Онъ требуетъ, чтобы монахъ постоянно читалъ священное писаніе и духовныя сочиненія и руководствовался ими. „Ничего — пишетъ онъ Вассіану—не твори безъ свидѣтельства писанія. Такъ и я, когда что̀ хочу дѣлать, то прежде поищу въ божественныхъ писаніяхъ, и если не найду согласія моему разуму въ начинаемомъ дѣлѣ, отлагаю его до тѣхъ поръ, пока найду, а когда найду, то съ благодатью Божіею смѣло приступаю къ дѣлу; самъ собою я ничего не смѣю творить: я невѣжда и поселянинъ".

Сообразно съ такимъ взглядомъ на значеніе иночества, Нилъ составилъ и свой уставъ скитскаго житія. Въ Церкви было три способа иноческой жизни: общежитіе, скитское житіе и совершенное уединеніе. Общежитіе господствовало во всѣхъ русскихъ монастыряхъ и довело до такихъ злоупотребленій, съ которыми Нилъ не могъ помириться. Уединенное житье годилось только

для немногихъ. Напротивъ, тотъ, кто не вполнѣ отрѣшился отъ всякихъ страстей, по мнѣнію Нила, пріобрѣтаетъ въ уединеніи только злобу и воспитываетъ внутри себя пороки, которые тотчасъ проявятся наружу, какъ отшельникъ войдетъ въ общеніе съ людьми. „Аспидъ ядовитый и лютый звѣрь,—говоритъ Нилъ— укрывшись въ пещерѣ, остается все-таки лютымъ и вреднымъ. Онъ никому не вредитъ, потому что некого кусать ему, но онъ не дѣлается добронравнымъ оттого, что въ пустынномъ и безлюдномъ мѣстѣ не допускаютъ его дѣлать зла: какъ только придетъ время, онъ тотчасъ выльетъ свой сокровенный ядъ и покажетъ свою злобу. Такъ и живущій въ пустынѣ не гнѣвается на людей, когда ихъ нѣтъ, но злобу свою изливаетъ надъ бездушными вещами: надъ тростью, зачѣмъ она толста или тонка, на тупое орудіе, на кремень, нескоро дающій искру. Уединеніе требуетъ ангельскаго житія, а неискусныхъ убиваетъ". Третій родъ житія, скитскій, состоялъ въ томъ, что иноки поселялись вдвоемъ или втроемъ, питались и одѣвались отъ трудовъ собственныхъ рукъ, каждый по своимъ заработкамъ и другъ друга поддерживали во внутренней борьбѣ и „умномъ дѣланіи"; такой способъ жизни Нилъ считалъ самымъ удобнымъ для той цѣли, которую онъ видѣлъ въ монашествѣ. Скитъ могъ состоять изъ нѣсколькихъ особыхъ келій, гдѣ жило отдѣльно по два или по три пустынника. Изъ среды ихъ избирался ими же настоятель; но онъ былъ не болѣе, какъ руководитель, къ которому они добровольно обращались. Нилъ позволялъ принимать подаянія только въ самомъ незначительномъ размѣрѣ, и, притомъ, въ случаѣ крайней нужды или болѣзней. Недвижимое имущество и капиталы никакъ не могли быть достояніемъ скита, такъ какъ въ скитѣ не было никакого общаго имѣнія. Церковь въ скитѣ отнюдь не должна была имѣть никакихъ богатствъ и украшеній; серебро и золото изгоня... изъ нея строго. „Лучше бѣднымъ помогать, чѣмъ церкви украшать", говорилъ Нилъ. Хотя находились многіе, желавшіе присоединиться въ скитъ преподобнаго Нила, но онъ принималъ ихъ съ большимъ выборомъ и охотно отпускалъ изъ скита, такъ что въ его скитѣ, даже послѣ его смерти, оказалось не болѣе двѣнадцати старцевъ. Женщинамъ не дозволялось входить въ скитъ. Нелюбовь Нила къ роскоши была такъ велика, что по смерти его составилось такое преданіе: когда царь хотѣлъ построить въ его пустыни каменную церковь, то преподобный явился во снѣ и не приказалъ строить каменной церкви, а велѣлъ воздвигнуть деревянную.

Съ такими понятіями естественно было Нилу сдѣлаться про-

тивникомъ Іосифа Волоколамскаго и заявить протестъ противъ любостяжанія монаховъ и монастырскихъ богатствъ. Великій князь Иванъ уважалъ старца Нила и призывалъ на соборы. Въ 1503 году, въ концѣ бывшаго тогда собора, Нилъ сдѣлалъ предложеніе отобрать у монастырей всѣ недвижимыя имущества. По его воззрѣнію, вообще только то достояніе и признавалось законнымъ и богоугоднымъ, которое пріобрѣталось собственнымъ трудомъ. Иноки, обрекая себя на благочестивое житье, должны были служить примѣромъ праведности для всего міра; напротивъ, владѣя имѣніями, они не только не отрекаются отъ міра, но дѣлаются участниками всѣхъ неправдъ, соединенныхъ съ тогдашнимъ вотчиннымъ управленіемъ. Такъ поставленъ былъ вопросъ о нестяжательности. Ивану III было по душѣ такое предложеніе, хотя изъ своекорыстныхъ побужденій. Иванъ Васильевичъ распространялъ вопросъ о владѣніи недвижимымъ имѣніемъ не только на монастырскія, но и на архіерейскія имущества. Соборъ, состоящій изъ архіереевъ и монаховъ, естественно вооружился противъ этого предложенія всѣми силами и представилъ цѣлый рядъ доказательствъ законности и пользы монастырской власти надъ имѣніями, доказательствъ, составленныхъ, главнымъ образомъ, Іосифомъ Волоцкимъ. Въ его сочиненіи указывалось на то, что монастыри на собственныя средства содержатъ нищихъ, странниковъ, совершаютъ поминовенія по тѣмъ, которые давали вклады, и потому для нихъ нужны свѣчи, хлѣбъ и ладонъ; авторъ приводилъ примѣры изъ Ветхаго Завѣта, изъ византійскихъ законовъ, изъ соборныхъ опредѣленій; вспоминалъ о томъ, что русскіе князья, начиная съ самыхъ первыхъ, давали въ монастыри вклады, записывали села и, наконецъ, приводилъ самыя убѣдительныя доказательства, что если за монастырями не будетъ селъ, то нельзя постригаться въ нихъ знатнымъ и благороднымъ людямъ, а въ такомъ случаѣ неоткуда будетъ взять на Руси митрополитовъ и прочихъ архіереевъ. Соборъ взялъ верхъ. Иванъ ничего не могъ сдѣлать противъ его рѣшенія. Съ этихъ поръ Іосифъ сдѣлался отъявленнымъ и непримиримымъ врагомъ Нила. Къ вопросу о монастырскихъ имуществахъ присоединился вопросъ объ еретикахъ. Нилъ, сообразно своему благодушію, возмущался жестокими мѣрами, которыя проповѣдывалъ Іосифъ противъ еретиковъ, въ особенности же тѣмъ, что послѣдній требовалъ казни и такимъ еретикамъ, которые приносили покаяніе. Тогда, конечно, съ-вѣдома Нила, а можетъ быть и имъ самимъ, написано было отъ лица бѣлозерскихъ старцевъ то остроумное посланіе, обличавшее Іосифа, о которомъ мы говорили въ біогра-

фіи Геннадія. Іосифъ разразился обличительнымъ посланіемъ противъ Нила, укорялъ его и его послѣдователей въ мнѣніяхъ, противныхъ православію, въ томъ, что онъ, сострадая еретикамъ, называетъ ихъ мучениками, не почитаетъ и хулитъ древнихъ чудотворцевъ русскихъ, не вѣруетъ ихъ чудесамъ, научаетъ монаховъ чуждаться общежительства, не велитъ заботиться о благолѣпіи церквей и украшать иконъ златомъ и сребромъ. Такимъ образомъ, Іосифъ хотѣлъ дать преступный смыслъ тому предпочтенію, которое оказывалъ Нилъ внутреннему благочестію передъ внѣшнимъ. Іосифъ обвинялъ Нила въ неуваженіи къ чудотворцамъ, на томъ основаніи, что дѣйствительно Нилъ, какъ и его ученики, опираясь на сочиненія древнихъ святыхъ отцовъ, особенно на Никона Черной Горы, вооружался противъ ханжей, распускавшихъ извѣстія о ложныхъ чудесахъ, знаменіяхъ и сновидѣніяхъ. Въ своемъ (неизданномъ до сихъ поръ) короткомъ сочиненіи „О мнихахъ кружающихъ" (т.-е. шатающихся), Нилъ обличалъ тѣхъ бродягъ, въ видѣ монаховъ, которые всюду скитались и нагло надоѣдали домохозяевамъ своимъ попрошайствомъ. Этимъ задѣвались вообще старцы, ходившіе изъ монастырей за милостынею, и игумены, выпрашивавшіе отъ сильныхъ міра сего разныхъ вкладовъ и даяній. Кромѣ того, Нилъ подавалъ поводъ къ толкованію въ худую сторону его поступковъ и тѣмъ, что относился критически къ разнымъ житіямъ святыхъ и выбрасывалъ изъ нихъ то, что̀ считалъ позднѣйшею прибавкою. Нилъ не отвѣчалъ своимъ врагамъ и скоро потомъ скончался (въ 1508). Но за него велъ ожесточенную письменную борьбу съ Іосифомъ его ученикъ, князь Патрикѣевъ, инокъ Вассіанъ, бывшій бояринъ Василій Ивановичъ, постриженный насильно Иваномъ Васильевичемъ, прозванный Косымъ, внукъ сестры великаго князя Василія Димитріевича. Находясь въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, онъ познакомился съ Ниломъ и предался его ученію. Великій князь Василій Ивановичъ перевелъ его въ Симоновъ монастырь и очень уважалъ его за ученость и нравственную жизнь. Вассіанъ оставилъ нѣсколько любопытныхъ сочиненій, направленныхъ противъ Іосифа и монашескихъ злоупотребленій своего времени, преимущественно противъ любостяжанія. Вѣрный основнымъ взглядамъ своего наставника Нила, Вассіанъ за исходную точку зрѣнія на монашеское благочестіе принимаетъ то правило, что для разумѣющихъ истину благочестіе познается не въ церковномъ пѣніи, не въ быстромъ чтеніи, не въ сѣдальняхъ, тропаряхъ и гласахъ, а въ умиленіи молящихся, въ изученіи божественныхъ пророковъ, евангелистовъ, апостоловъ,

твореній святыхъ отецъ и въ согласномъ съ ученіемъ Христа образомъ жизни. Обладаніе селами влечетъ монаховъ къ порокамъ, противнымъ духу евангельскому. „Входя въ монастырь,— говорилъ онъ,—мы не перестаемъ всякимъ образомъ присвоивать себѣ чужое имущество. Вмѣсто того, чтобы питаться отъ своего рукодѣлія и труда, мы шатаемся по городамъ и заглядываемъ въ руки богачей, раболѣпно угождаемъ имъ, чтобъ выпросить у нихъ село или деревеньку, серебро или какую-нибудь скотинку. Господь повелѣлъ раздавать неимущимъ, а мы, побѣждаемые сребролюбіемъ и алчностію, оскорбляемъ различными способами убогихъ братій нашихъ, живущихъ въ селахъ, налагаемъ на нихъ лихву на лихву, безъ милосердія отнимаемъ у нихъ имущество, забираемъ у поселянина коровку или лошадку, истязуемъ братій нашихъ бичами, или прогоняемъ ихъ съ женами и дѣтьми изъ нашихъ владѣній, а иногда предаемъ княжеской власти на конечное разореніе. Иноки, уже посѣдѣлые, шатаются по мірскимъ судилищамъ и ведутъ тяжбы съ убогими людьми за долги, даваемые въ лихву, или съ сосѣдями за межи селъ и мѣстъ, тогда какъ апостолъ Павелъ укорялъ коринѳянъ, людей мірскихъ, а не иноковъ, за то, что они ведутъ между собою тяжбы, поучалъ ихъ, что лучше было бы имъ самимъ сносить обиды и лишенія, чѣмъ причинять обиды и лишенія своимъ братьямъ. „Вы говорите, что благовѣрные князья дали вклады въ монастыри ради спасенія душъ своихъ и памяти родителей, и что, давши, сами они уже не могутъ взять обратно данное изъ рукъ Божіихъ. Но какая польза можетъ быть благочестивымъ князьямъ, принесшимъ Богу даръ, когда вы неправедно устраиваете ихъ приношеніе: часть годовыхъ сборовъ съ вашихъ имѣній превращаете въ деньги и отдаете въ ростъ, а часть сберегаете для того, чтобы во времена скудости земныхъ произведеній продать по высокой цѣнѣ? Сами богатѣете, обжираетесь, а работающіе вамъ крестьяне, братья ваши, живутъ въ послѣдней нищетѣ, не въ силахъ удовлетворить васъ тягостною службою, изнемогаютъ отъ лихвы вашей и изгоняются вами изъ селъ вашихъ, нагіе и избитые! Хорошее воздаяніе даете вы благочестивымъ князьямъ, принесшимъ даръ Богу! Хорошо исполняете вы заповѣдь Христову не заботиться объ утреннемъ днѣ!..“ Іосифъ написалъ очень строгій уставъ для своего монастыря, и во избѣжаніе того, чтобы монаховъ не обвиняли въ занятіяхъ мірскими дѣлами, постановилъ, чтобы все управленіе и расправы надъ монастырскими подданными происходили не въ самомъ монастырѣ. Вассіанъ, дѣлая намекъ на это распоряженіе, громитъ противника такими сло-

вами: „отвергшись страха Божія и своего спасенія, повелѣваютъ нещадно мучить и истязать неотдающихъ монастырскіе долги, только не внутри монастыря, а гдѣ-нибудь за стѣнами, передъ воротами!... По ихнему, казнить христіанина внѣ монастыря—не грѣхъ! О законоположитель! или лучше назвать тебя — законопреступникъ! Если считаешь грѣхомъ внутри монастыря мучить братію свою, то и за монастыремъ также грѣхъ! Область Бога, почитаемаго въ монастырѣ, не ограждается мѣстомъ. Всѣ концы земли въ рукахъ Его. Откуда же взялъ ты власть нещадно мучить братій, а особенно неправедно? Какой же ты хорошій хранитель евангельской заповѣди и апостольскихъ правилъ!...“

Вассіанъ, поражая современные монастыри, касался и святителей. Правда, онъ предоставлялъ имъ, сообразно священнымъ правиламъ соборовъ, нѣкоторыя „движимыя и недвижимыя стяжанія“, но приводилъ въ примѣръ древнихъ святыхъ іерарховъ, отличавшихся нестяжательностью, и, между прочимъ, Василія Великаго, который сказалъ грозившему ему императорскому чиновнику: „Что ты можешь взять у меня, кромѣ бѣдныхъ одеждъ и книгъ моихъ, для тебя ненужныхъ, а въ нихъ вся моя жизнь!“. Въ противоположность этимъ примѣрамъ, Вассіанъ изображалъ современныхъ ему святителей такъ: „Наши же предстоящіе, владѣя множествомъ церковныхъ имѣній, только и помышляютъ о различныхъ одеждахъ и яствахъ; о христіанахъ же, братіяхъ своихъ, погибающихъ отъ мороза и голода, не прилагаютъ никакого попеченія; даютъ бѣднымъ и богатымъ въ лихву церковное серебро, а если кто не въ состояніи платить лихвы, не покажутъ милости бѣдняку, а до конца его разорятъ. Вотъ сколько нарядныхъ батогоносныхъ слугъ стоятъ передъ ними, готовые на мановеніе владыкъ своихъ! Они бьютъ, мучатъ и всячески терзаютъ священниковъ и мірянъ, ищущихъ суда передъ владыками“. По мнѣнію Вассіана, монахи, какъ люди, отшедшіе отъ міра, должны жить въ молитвѣ и уединеніи, питаясь исключительно отъ трудовъ рукъ своихъ, а святительскія имѣнія должны быть управляемы экономами и доходы съ нихъ, кромѣ отлагаемаго на содержаніе святителей, и то съ согласія всего собора духовенства, должны идти на пріютъ сиротамъ, вдовамъ, калѣкамъ и на выкупъ плѣнныхъ.

Эти обличенія вызывали со стороны Іосифа, а потомъ, послѣ смерти его, со стороны его послѣдователей, не менѣе горячія опроверженія [1]), въ которыхъ старались уличить Вассіана въ

[1]) Самое вѣское изъ этихъ опроверженій было то, что обитель Волоколамская пропитывала толпу народа во время голода. Это служило несомнѣннымъ доводомъ,

ереси. Вассіанъ снова писалъ противъ нихъ, опровергалъ ихъ доводы, пунктъ за пунктомъ, между прочимъ касаясь и давняго вопроса относительно преслѣдованія еретиковъ. Очевидно, остерегаясь раздражить великаго князя, онъ не осмѣливался отрицать власти государя казнить нераскаянныхъ еретиковъ, но горячо стоялъ за тѣхъ изъ еретиковъ, которые приносили покаяніе, смѣло называлъ такихъ казненныхъ мучениками; впрочемъ, и относительно милосердія надъ еретиками вообще приводилъ, по возможности, мѣста изъ древнихъ духовныхъ сочиненій. „Что-же— писалъ онъ—по вашему и блаженный Іоаннъ Златоустъ достоинъ осужденія, когда онъ возбраняетъ смерть еретиковъ, опираясь на притчи о плевелахъ? Онъ сказалъ вотъ что̀: „не слѣдуетъ убивать еретика, потому что отъ этого вводится въ міръ безконечная вражда. Если вы поднимете оружіе и начнете убивать еретиковъ, то неизбѣжно погубите вмѣстѣ съ ними и многихъ святыхъ людей. Притомъ же самые плевелы могутъ обратиться въ пшеницу“. И въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ: „Не слѣдуетъ стѣснять еретиковъ, заушать ихъ и ссылать“.

Преслѣдуя свою любимую идею о монастырскихъ вотчинахъ, Вассіанъ обратилъ вниманіе на Кормчую книгу или Номоканонъ — сводъ церковныхъ законоположеній, къ которымъ присоединялись разные гражданскіе законы Византійской имперіи, а также и русскія статьи. Отъ разныхъ дополненій естественно вошли въ Кормчую разныя противорѣчія. Вассіанъ замѣтилъ это относительно занимавшаго его вопроса. Въ однихъ правилахъ запрещалось инокамъ держать села, въ другихъ — дозволялось. Вассіанъ доложилъ объ этомъ митрополиту Варлааму и духовному собору, и говорилъ: „чему же вѣрить, и какъ разрѣшить, когда въ святыхъ правилахъ есть супротивное Евангелію и Апостоламъ?“ Митрополитъ Варлаамъ далъ благословеніе Вассіану составить новый сводъ правилъ, но съ условіемъ ничего не выкидывать. Вассіанъ выбралъ одинъ сербскій списокъ Кормчей, въ которомъ было менѣе статей, благопріятствовавшихъ защитникамъ монастырскихъ вотчинъ, а потомъ, сошедшись съ пріѣхавшимъ тогда въ Россію ученымъ Максимомъ Грекомъ, сдѣлалъ сличеніе съ греческимъ подлинникомъ и нашелъ неправильности въ словянскомъ переводѣ (состоявшія, между прочимъ, въ томъ, что словомъ „села“, подъ которымъ разумѣлись населенныя мѣстности, переведено было то, что̀ соотвѣтственно означало „угодья“, т.-е.

что если обличенія Вассіана были справедливы, то не во всемъ, и не относительно всѣхъ монастырей, владѣвшихъ имѣніями.

пашни, поля, виноградники и т. д.). Это было въ 1518 году. Вассіанъ приложилъ къ своей Кормчей такъ-называемое „Собраніе“, направленное противъ своихъ противниковъ. Кормчая была поднесена самому великому князю. Василій Ивановичъ ласкалъ Вассіана, однако, не дѣлалъ никакого шага въ его духѣ. Правда, присвоеніе богатыхъ монастырскихъ имѣній было соблазнительно для верховной свѣтской власти, но Василій соображалъ, что, обогатившись временно захватомъ имѣній, онъ потеряетъ нравственную поддержку со стороны большинства духовенства. Притомъ-же „осифляне“, ратовавшіе о сохраненіи монастырскихъ имѣній, отличались угодливостью свѣтской власти и готовностью поддерживать самовластныя стремленія московскаго государя, тогда какъ ихъ противники показывали болѣе или менѣе нерасположеніе къ той безусловной власти, которая не знаетъ нигдѣ себѣ предѣла [1]).

Наступило важное въ свое время событіе—разводъ великаго князя. Василій обратился за разрѣшеніемъ къ духовенству. Митрополита Варлаама уже не было. Василій не любилъ его за то, что онъ во все вмѣшивался, давалъ совѣты и хлопоталъ за опальныхъ. Онъ удалилъ Варлаама. Мѣсто его заступилъ Даніилъ изъ волоколамскихъ игуменовъ, ученикъ Іосифа Волоцкаго. Этотъ „осифлянинъ“, взявши себѣ за правило ни въ чемъ не противорѣчить власти, а восхвалять все, что̀ отъ нея исходитъ, безпрекословно одобрилъ желаніе Василія; но когда великій князь спросилъ о томъ же Вассіана, то бывшій бояринъ смѣло сказалъ государю: „ты мнѣ, недостойному, даешь такое вопрошеніе, какого я нигдѣ въ священномъ писаніи не встрѣчалъ, кромѣ вопрошенія Иродіады о главѣ Іоанна Крестителя“. Онъ доказывалъ великому князю несообразность его намѣренія съ евангельскими и апостольскими правилами.

Сдѣлалось не такъ, какъ говорилъ Вассіанъ, а такъ, какъ хотѣлъ князь и какъ одобрили „осифляне“.

Василій былъ остороженъ и не мстилъ тотчасъ тѣмъ, на кого былъ недоволенъ; ему не хотѣлось, чтобы всѣ видѣли и понимали, за что̀ онъ мститъ; въ такомъ случаѣ, Василій откладывалъ мщеніе до возможности придраться къ чему-нибудь другому. Уже Максимъ Грекъ былъ обвиненъ въ порчѣ книгъ и сосланъ въ Волоколамскій монастырь. Вассіанъ оставался пока въ покоѣ. Между тѣмъ, послѣ своего второго брака, Василій

[1]) Это въ особенности видно изъ того, что впослѣдствіи Курбскій, явный врагъ самодержавія, до крайности враждебно относится къ „осифлянамъ“ и съ большимъ уваженіемъ и любовью—къ ихъ противникамъ.

окончательно сталъ на сторону „осифлянъ“. Не имѣя долго дѣтей отъ второй жены, великій князь безпрестанно ѣздилъ по монастырямъ, давалъ вклады и жаловалъ имѣнія. Его расположеніе къ партіи „осифлянъ“ еще болѣе увеличилось, когда беременность Елены приписана была чудотворной силѣ Пафнутія Боровскаго, у котораго въ монастырѣ Іосифъ Волоцкій принялъ постриженіе и гдѣ онъ былъ нѣкоторое время преемникомъ Пафнутія. Благодаря монашескимъ молитвамъ, Василій, наконецъ, получилъ то, чего такъ долго желалъ: у него родился сынъ Иванъ. Вскорѣ послѣ того, въ 1531 году, Вассіанъ былъ преданъ соборному суду подъ предсѣдательствомъ его заклятаго врага митрополита Даніила, одновременно со вторичнымъ судомъ надъ Максимомъ Грекомъ. Тогда ему пришлось поплатиться за всѣ свои спорныя писанія, за всѣ смѣлыя рѣчи, произнесенныя десять или даже двадцать лѣтъ тому назадъ. И обвинителемъ, и судьею Вассіана былъ Даніилъ, во всемъ угождавшій мірскому властелину.

„Вѣдома ли тебѣ—сказалъ Даніилъ—великая книга, священныя правила апостольскія и отеческія, и семи вселенскихъ соборовъ, и помѣстныхъ, и градскихъ законовъ, къ нимъ присоединенныхъ? Этой книги никто не смѣлъ поколебать отъ седьмого собора до русскаго крещенія, а въ нашей Русской землѣ эта книга болѣе пятисотъ лѣтъ содержитъ соборную церковь и все православное христіанство просвѣщаетъ и спасаетъ; отъ равноапостольнаго Владимира до нынѣшняго царя Василія, она была непоколебима и неразрушена; всѣ святые по тѣмъ правиламъ жили и спасались, и людей учили. А ты дерзнулъ: ты малую часть изъ этой книги, угодную твоему малоумію, написалъ, а иное все разметалъ. Ты не апостолъ, не святитель, не священникъ. Какъ смѣлъ ты дерзнуть на это?“

„Меня,—отвѣчалъ Вассіанъ—побудилъ на это митрополитъ Варлаамъ съ освященнымъ соборомъ“.

Онъ сослался на трехъ свидѣтелей архіереевъ, изъ которыхъ двухъ уже не было на свѣтѣ [1]), а третій, крутицкій епископъ Досиѳей, спрошенный митрополитомъ, показалъ, что Вассіанъ лжетъ: митрополитъ ему не приказывалъ и епископы не были ему совѣтниками.

„Воленъ Богъ, да ты, господинъ митрополитъ“, сказалъ тогда Вассіанъ.

„Ты—говорилъ митрополитъ—въ своихъ сотвореніяхъ написалъ, что въ правилахъ есть противное Евангелію, Апостолу

[1]) Ростовскаго Вассіана и Суздальскаго Симеона.

и святыхъ отецъ жительству; ты писалъ и говорилъ, что правила писаны отъ діавола, а не отъ Святого Духа, называлъ правило—кривиломъ, а чудотворцевъ—смутотворцами за то, что они дозволяли монастырямъ владѣть селами и людьми".

„Я—сказалъ Вассіанъ—писалъ о селахъ: въ Евангеліи не велѣно держать селъ монастырямъ".

Митрополитъ велѣлъ ему прочитать рядъ доводовъ и примѣровъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что дозволялось монастырямъ держать села, и святые мужи ихъ держали.

Вассіанъ сказалъ: „если они и держали, то пристрастія къ нимъ не имѣли".

„А почему же ты нынѣшнихъ чудотворцевъ считаешь пристрастными?"—спросилъ митрополитъ.

„Я не знаю, были ли они чудотворцы",—отвѣчалъ Вассіанъ.

Митрополитъ продолжалъ: „отъ семи соборовъ и до нынѣ не бывало въ священныхъ правилахъ еллинскаго ученія, а ты написалъ въ своихъ правилахъ еллинскихъ мудрецовъ: Омира, Аристотеля, Филиппа, Александра, Платона".

„Я этого не помню—зачѣмъ написалъ,—сказалъ Вассіанъ:—если что̀ не гораздо, исправь".

Митрополитъ укорялъ его за то, что онъ писалъ, будто божественное писаніе и священныя правила называютъ отступниками тѣхъ, которые, будучи иноками, не хранятъ своего обѣщанія не держать селъ и не владѣть ими.

„Ты—говорилъ митрополитъ—оболгалъ тѣмъ божественное писаніе и священныя правила".

„Я писалъ себѣ, на воспоминаніе своей душѣ,—сказалъ Вассіанъ,—но тѣхъ не похваливаю, что села держатъ".

Послѣ того митрополитъ сталъ придираться къ разнымъ опискамъ, чтобъ обвинить Вассіана въ явно еретическихъ мнѣніяхъ.

„У тебя—говорилъ митрополитъ—въ правилахъ приведено правило Кирилла Александрійскаго: Аще кто не нарицаетъ Пречистую Дѣву Марію, да будетъ проклятъ и вмѣсто: не нарицаетъ, сказано: нарицаетъ".

Вассіанъ на это сказалъ:

„Я Госпожу Богородицу не хулю; вѣрно, писецъ описался".

Подобно тому указано было на житіе св. Богородицы Метафраста, переведенное Максимомъ Грекомъ, гдѣ также отъ неисправности въ перепискѣ оказались такія ошибки, которыя давали еретическій смыслъ написанному. Поставленный на очную ставку монахъ (Вассіанъ Рушанинъ) обличалъ Вассіана, будто

онъ, вмѣстѣ съ Максимомъ Грекомъ, объ этихъ ошибкахъ сказалъ: „такъ и надобно".

Вассіанъ на это сказалъ: „я этого не говорилъ; онъ лжетъ на меня".

„Ты—продолжалъ митрополитъ,—живучи въ Симоновѣ, въ разговорѣ съ однимъ старцемъ назвалъ Христа тварію, а когда тебѣ старецъ сказалъ: святые отцы на всѣхъ соборахъ Святымъ Духомъ писали, ты отвѣтилъ: діавольскимъ духомъ они писали, а не святымъ".

„Никогда этого я не говорилъ—сказалъ Вассіанъ — покажи мнѣ того старца, который на меня наговариваетъ".

„Ты говорилъ со старцемъ Іосифова монастыря" — сказалъ Даніилъ.

„У меня—отвѣчалъ на это Вассіанъ—не бывали въ кельѣ старцы Іосифова монастыря: я ихъ къ себѣ не пускаю; мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ".

Тутъ митрополитъ указалъ на одного старца, по имени Досиѳея.

„Досиѳей старецъ великій, добрый; онъ у меня въ кельѣ бывалъ не разъ",—сказалъ Вассіанъ.

Этотъ „великій добрый старецъ" явился обличителемъ Вассіана, показывалъ, будто Вассіанъ называлъ Христа тварію и говорилъ: святые отцы писали не Святымъ Духомъ, а діавольскимъ.

„Я ничего этого не говорилъ—сказалъ Вассіанъ—душа твоя пусть подыметъ (это). Богъ меня съ тобой разсудитъ".

„Ты, Вассіанъ—продолжалъ Даніилъ—говорилъ про Макарія Колязинскаго: что это за чудотворцы? Макаръ чудеса творитъ, а мужикъ былъ сельской!"

„Я его зналъ — сказалъ Вассіанъ — простой былъ человѣкъ; а если онъ чудотворецъ,—пусть будетъ какъ вамъ любо. Чудотворецъ ли онъ или не чудотворецъ—не знаю".

Митрополитъ объяснялъ бывшему боярину, что могутъ быть святые мужи и изъ рабовъ, изъ самаго низкаго званія, что слѣдуетъ уважать не тѣлесное благородіе, а духовное.

„Про то знаетъ Богъ, да ты со своими чудотворцами" — сказалъ Вассіанъ.

Митрополитъ далѣе продолжалъ: „Всѣ православные покланяются гробу и честнымъ мощамъ митрополита Іоны, а ты не покланяешься ему и не почитаешь его".

„Я не знаю: чудотворецъ ли Іона", сказалъ Вассіанъ.

„Ты—говорилъ митрополитъ—и самъ мудрствовалъ, и дру-

гихъ поучалъ мудрствовать неправедно, говоря: плоть Господня до Воскресенія была нетлѣнною".

Вассіанъ подтвердилъ это.

„Гдѣ ты слыхалъ и видалъ то, что̀ говоришь: будто плоть Господня была нетлѣнною отъ Воплощенія до Воскресенія?"

„И слыхалъ, и видалъ—сказалъ Вассіанъ. А то вѣдаетъ Богъ да ты".

Тогда послѣдовало длинное обличеніе Вассіана въ томъ, что его мнѣніе о Христовой плоти сходно съ древнею ересью, которая признавала плоть Іисуса Христа только кажущеюся, а не дѣйствительною.

Въ силу всего этого, Вассіанъ былъ осужденъ на заточеніе въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь. Злоба враговъ его, и въ томъ числѣ великаго князя, не могла выдумать бо̀льшаго наказанія, какъ отдать Вассіана подъ власть тѣхъ, съ которыми борьба составляла главную задачу всей его дѣятельности.

Онъ скоро умеръ въ заточеніи. Курбскій говоритъ, что „осифляне", по повелѣнію великаго князя, уморили его.

XVII.

МАКСИМЪ ГРЕКЪ.

Съ судьбою Вассіана Патрикѣева связана судьба другого лица, не русскаго по происхожденію, но знаменитаго въ исторіи умственной дѣятельности древней Руси, лица, извѣстнаго подъ именемъ Максима Грека.

Вольнодумство, задѣвавшее то съ той, то съ другой стороны непоколебимость церковнаго преданія и такъ напугавшее благочестивую Русь жидовствующею ересью, вызывало со стороны православія потребность противодѣйствія путемъ разсужденія и словесныхъ состязаній. Сожженія и пытки не искореняли еретическаго духа. Еретики дѣлались только осторожнѣе и совращали русскихъ людей въ-тайнѣ: имъ было это тѣмъ удобнѣе, что они сами были лучшими книжниками и говорунами, чѣмъ тѣ, которые хотѣли бы съ ними вести споры. Ревнителямъ православія предстояло обличать еретическія мнѣнія, указывать ихъ неправильность, защищать истину вселенской церкви, но для этого необходимы были знанія, нужна была наука. На Руси былъ недостатокъ какъ въ людяхъ, такъ и въ книгахъ. Глубокое невѣжество тяготило русскій умъ уже много вѣковъ. Остатки прежней литературы, которыми могли руководствоваться книжники и грамотѣи, пострадали отъ невѣжественныхъ переписчиковъ, отъ умышленныхъ исказителей, а иногда переводы сами по себѣ носили признаки неправильности. Многое важное не находилось въ распоряженіи у благочестивыхъ книжниковъ на словянскомъ языкѣ: оно оставалось только на греческомъ, для нихъ недоступномъ. Уже они чувствовали, что одной обрядности мало для благочестія и благоустройства церкви; нужно было ученіе, но гдѣ взять ученыхъ? Не на Западѣ же было искать ихъ: Западъ

давно разошелся съ христіанскимъ Востокомъ. Русь могла только пытаться идти по своей давней стезѣ, протоптанной св. Владиміромъ и его потомками — обратиться къ Греціи, которая, лишившись самобытности, была почти въ такомъ же состояніи невѣжества, какъ и Русь, съ тою разницею, что греки, при всей непріязни къ Западу, ѣздили туда учиться, а потому между ними можно было найти ученыхъ людей, которыхъ на Руси напрасно было искать.

Въ этихъ видахъ, конечно, по совѣту книжниковъ, Василій Ивановичъ отправилъ посольство на Аѳонъ, къ которому русскіе еще со временъ Антонія печерскаго питали благоговѣніе и гдѣ уже въ XII вѣкѣ былъ русскій монастырь. Въ Москвѣ узнали, что въ аѳонскомъ Ватопедскомъ монастырѣ есть искусный книжникъ Савва, и приглашали его прибыть въ Москву для переводовъ и, главнымъ образомъ, для перевода Толковой Псалтыри, т.-е. сборника объясненій и примѣчаній къ псалмамъ Давида, составленныхъ разными древними отцами церкви. Такой переводъ казался тогда необходимостью первой важности. Псалтырь былъ издавна любимою книгою русскихъ грамотѣевъ, но смыслъ его былъ во многихъ мѣстахъ непонятенъ, и это давало поводъ къ разгулу фантазіи, завлекавшей читателей въ еретическія заблужденія. Знакомыя того времени русскимъ книжнымъ людямъ толкованія были недостаточны. Надобно было доставить благочестивымъ читателямъ такое сочиненіе, которое помогало бы имъ понимать любимую часть священнаго писанія, согласно съ древнимъ ученіемъ церкви. Кромѣ этой причины, великій князь нуждался въ ученомъ грекѣ для разбора греческихъ книгъ въ своей библіотекѣ. Въ-старину на Руси было довольно людей, знакомыхъ съ греческимъ языкомъ, не только между духовными, но и между князьями. Поэтому, греческія книги не были рѣдкостью. Въ періодъ татарскаго порабощенія оскудѣло всякаго рода знаніе; рукописи греческія, какъ и словянскія, исчезали въ разныхъ мѣстахъ отъ разныхъ печальныхъ обстоятельствъ. Въ Москвѣ погибла книгохранительница во время нашествія Тохтамыша, но Москва забирала себѣ сокровища другихъ русскихъ земель, и потому неудивительно, если великокняжеская книгохранительница опять наполнилась; быть можетъ, и пріѣхавшіе съ Софіей греки привезли съ собою кое-что изъ образцовъ своей старой литературы.

Инокъ Савва не поѣхалъ въ Москву, одолѣваемый старостью; аѳонскій игуменъ предложилъ московскому государю другого ученаго грека, по имени Максима, изъ той же Ватопедской оби-

чели. Этотъ монахъ по-словянски не зналъ, но при своей способности къ языкамъ могъ скоро выучиться. Съ нимъ вмѣстѣ отправились монахъ Неофитъ и Лаврентій болгаринъ. Они примкнули къ другимъ духовнымъ, которые ѣхали въ Москву за милостынею, и, пробывши нѣсколько времени, по неизвѣстной намъ причинѣ, въ Крыму, прибыли въ Москву въ 1518 году.

Максимъ былъ родомъ изъ албанскаго города Арты, сынъ знатныхъ родителей эллинскаго происхожденія, по имени Эммануила и Ирины. Въ молодости онъ отправился учиться въ Италію, пробылъ болѣе десяти лѣтъ, учился во Флоренціи и Венеціи, слушалъ знаменитаго филолога, своего соотечественника Ласкариса, былъ близокъ со многими учеными и въ томъ числѣ съ Альдомъ Мануччи, типографомъ и издателемъ древнихъ классиковъ, который образовалъ около себя кружокъ ученыхъ и образованныхъ людей. Молодой грекъ увлекался на первыхъ порахъ тогдашнимъ просвѣщеніемъ, но впослѣдствіи началъ къ нему охладѣвать. Оно не могло наполнить его честной, сердечной натуры, склонной къ идеализму и съ младенчества пропитанной духомъ отечественнаго православія. Европа тогда искала для себя обновленія въ просвѣщеніи антическаго міра. Все, что только интересовалось умственною дѣятельностью, устремлялось къ изученію этого міра и прилѣплялось къ нему всею душою; но увлеченіе классическою древностью скоро дошло до сумасбродства, особенно въ Италіи. Въ древнемъ мірѣ видѣли идеалъ совершенства общественныхъ отношеній, науки, искусства, нравственности. Христіанская религія потеряла свою цѣну. Почитаніе святыхъ уступало мѣсто богамъ Греціи и Рима; языческіе философы стали выше отцовъ церкви; распространилось легкомысленное модное невѣріе и кощунство; знатные и образованные люди, не только свѣтскіе, но и духовные, подобно древнимъ римскимъ философамъ, считали религію только пригодною для черни, которую, ради выгодъ, слѣдуетъ держать въ заблужденіи. Изъ подражанія древнему образу жизни стали предаваться грязному разврату; эгоизмъ, безсердечіе къ ближнему—самые неудержимые пороки и злодѣянія находили для себя оправданіе въ примѣрахъ изъ классическихъ писателей. Ко всему этому присмотрѣлся и прислушался Максимъ въ Италіи и возненавидѣлъ отъ всей души такое направленіе просвѣщенія. Умственные успѣхи Италіи не выкупали для него зловреднаго вліянія древности на общественную нравственность. Искусство, при всемъ совершенствѣ техники, служило чувственности и снабжало самыя церкви соблазнительными картинами. Философія приводила только къ діалектикѣ, доставлявшей

умѣнье сдѣлать изъ чернаго бѣлое, изъ бѣлаго черное; наука, мало опираясь на положительныхъ знаніяхъ природы, при всемъ вольномысліи въ отношеніи религіи, не отрѣшалась отъ грубѣйшихъ суевѣрій; астрологія со всѣми нелѣпостями, облеченная въ научную форму, была самою модною наукою вѣка и возбуждала къ себѣ вѣру и уваженіе ученыхъ людей того времени. Понятно, что вся сфера тогдашней образованности стала наконецъ душною и смрадною для Максима, и онъ бѣжалъ отъ нея, подобно тому, какъ лучшіе люди послѣднихъ вѣковъ Рима убѣгали отъ образованности своего времени подъ сѣнь гонимаго и презираемаго христіанства.

Максимъ воротился на родину, но, вѣроятно, увидѣлъ, что со всѣмъ тѣмъ запасомъ знаній, который онъ принесъ съ собою изъ чужого края, нечего было дѣлать въ порабощенномъ отечествѣ, гдѣ, по его словамъ, наука была доведена до послѣдняго издыханія. Въ Италіи онъ не ужился съ западнымъ просвѣщеніемъ, потому что не вынесъ безнравственности и лживости; не сдѣлался онъ папистомъ, потому что, зная греческую литературу, слишкомъ былъ свѣдущъ въ исторіи церкви и смотрѣлъ на нее прямѣе, чѣмъ западные люди. Еще менѣе могъ онъ въ Греціи ужиться съ поработителями своего племени и, въ угоду имъ, утѣснять своихъ собратій, какъ дѣлали иные его соотечественники. Максимъ былъ съ одной стороны слишкомъ образованъ, съ другой слишкомъ прямодушенъ, чтобы играть какую-нибудь роль въ тогдашнемъ мірскомъ обществѣ на своей родинѣ. Онъ ушелъ въ монастырь на Аѳонъ; онъ былъ очень религіозенъ и принадлежалъ къ той церкви, которая давно уже ставила иночество высшимъ идеаломъ. Монашескій обѣтъ чистоты соотвѣтствовалъ его цѣломудренной душѣ: онъ ни за что не хотѣлъ допустить, подобно другимъ, чтобы родъ человѣческій размножался обычнымъ животнымъ способомъ, если бы первая чета не подвергалась грѣхопаденію; подобіе человѣка съ остальными животными въ этомъ отношеніи казалось ему унижающимъ человѣческое достоинство.

Но Максимъ не сдѣлался, однако, безусловнымъ врагомъ просвѣщенія и науки: онъ уважалъ знаніе. Вооружаясь противъ астрологіи, онъ не смѣшивалъ ее съ астрономическими изысканіями, со стремленіемъ извѣдать теченіе небесныхъ тѣлъ и уразумѣть законы природы. Какъ ни возмущало его увлеченіе классическою древностію, доводившее Италію до уродства, но все это не мѣшало ему цѣнить свѣтлыя стороны антическаго міра, ссылаться на греческихъ поэтовъ и философовъ. По примѣру

отцовъ церкви, онъ, уважая земную мудрость, хотѣлъ подчинить ее религіи, выше всего ставилъ богословіе; оно было для него внутреннею мудростью, а всѣ прочія науки—внѣшнею.

Изъ своей жизни въ Италіи вынесъ онъ одно завѣтное воспоминаніе—воспоминаніе объ Іеронимѣ Савонаролѣ. Среди всеобщаго развращенія нравовъ въ Италіи, въ виду гнуснѣйшаго лицемѣрія, господствовавшаго во всей западной церкви, управляемой папою Александромъ VI, чудовищемъ разврата и злодѣянія, смѣлый и даровитый доминиканскій монахъ Іеронимъ Савонарола началъ во Флоренціи грозную проповѣдь противъ пороковъ своего вѣка, во имя нравственности, Христовой любви и состраданія къ униженнымъ классамъ народа. Его слово раздавалось пять лѣтъ и оказало изумительное дѣйствіе. Флорентійцы до такой степени прониклись его ученіемъ, что, отрекаясь отъ прежняго образа жизни, сносили предметы роскоши, соблазнительныя картины, карты и т п. въ монастырь св. Марка и сожигали передъ глазами Савонаролы, жертвовали своимъ состояніемъ для облегченія участи неимущихъ братьевъ, налагали на себя обѣты воздержанія, милосердія и трудолюбія. Одинъ развѣ примѣръ библейскаго пророка Іоны въ Ниневіи могъ сравниться съ тѣмъ, что̀ дѣлалось тогда во Флоренціи. Но обличенія Іеронима вооружили противъ него сильныхъ земли. Его обвинили въ ереси, и въ 1498 году онъ былъ сожженъ по повелѣнію папы Александра VI. Максимъ зналъ Іеронима лично, слушалъ его проповѣди, и надолго остался напечатлѣннымъ въ душѣ Максима образъ проповѣдника-обличителя, когда тотъ, въ продолженіи двухъ часовъ, стоя на каѳедрѣ, расточалъ свои поученія и не держалъ въ рукахъ книги для подтвержденія истины своихъ словъ, а руководствовался только обширною своею памятью и „богомудрымъ“ разумомъ. „Если бы — говоритъ Максимъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій — Іеронимъ и пострадавшіе съ нимъ два мужа не были латыны вѣрою, я бы съ радостью сравнилъ ихъ съ древними защитниками благочестія. Это показываетъ, что хотя латыны и во многомъ соблазнились, но не до конца еще отпали отъ вѣры, надежды и любви“...

Іеронимъ Савонарола, какъ обличитель людскихъ неправдъ, остался на всю жизнь идеаломъ Максима: онъ вездѣ готовъ былъ подражать ему, вездѣ хотѣлъ говорить правду сильнымъ, разоблачать лицемѣріе, поражать ханжество, заступаться за угнетенныхъ и обиженныхъ. Съ такимъ настроеніемъ духа прибылъ онъ въ Москву, гдѣ управлялъ государь, отличавшійся тѣмъ, что не терпѣлъ ни малѣйшаго себѣ противорѣчія, гдѣ христіанство для

массы существовало только во внѣшнихъ обрядахъ, гдѣ духовенство отличалось грубостью нравовъ, ревниво держалось за свои земныя выгоды и не въ состояніи было, при своемъ невѣжествѣ, ни учить народа, ни руководить его пользою.

Василій принялъ Максима и его товарищей очень радушно и ничто, повидимому, не могло лишить пришельцевъ надежды возвратиться въ отечество, когда они исполнятъ свое порученіе. Говорятъ, что Максимъ, увидавши великокняжескую библіотеку, удивился изобилію въ ней рукописей и сказалъ, что такого богатства нѣтъ ни въ Греціи, ни въ Италіи, гдѣ латинскій фанатизмъ истребилъ многія творенія греческихъ богослововъ; быть можетъ, въ этихъ словахъ было нѣсколько преувеличенія, по свойственной грекамъ изысканной вѣжливости.

Максимъ приступилъ къ дѣлу перевода Толковой Псалтыри; такъ какъ онъ по-русски еще не зналъ, то ему дали въ помощники двухъ образованныхъ русскихъ людей; одинъ былъ знакомый намъ толмачъ Димитрій Герасимовъ, другой Власій, исправлявшій прежде того дипломатическія порученія. Оба знали по-латыни и Максимъ переводилъ имъ съ греческаго на латинскій, а они писали пословянски. Для письма приставлены были къ нимъ иноки Сергіевой Лавры: Силуанъ и Михаилъ Медоварцевъ. Черезъ полтора года Максимъ окончилъ свой трудъ; кромѣ того, перевелъ нѣсколько толкованій на Дѣянія Апостольскія и представилъ свою работу великому князю съ посланіемъ, въ которомъ излагалъ свой взглядъ и правила, которыми руководствовался. Затѣмъ, онъ просилъ отпустить его на Аѳонъ, вмѣстѣ со своими спутниками. Василій Ивановичъ отпустилъ спутниковъ, пославши съ ними и богатую милостыню на Аѳонъ, но Максима удержалъ для новыхъ ученыхъ трудовъ. Не такъ легко было иностранцу выбраться изъ Москвы, какъ въѣхать въ нее, если этого иностранца считали полезнымъ въ Московской землѣ, или почему-либо опаснымъ для нея по возвращеніи его домой.

Съ этихъ поръ судьба Максима, противъ его воли, стала принадлежать русскому міру. Онъ продолжалъ заниматься переводами разныхъ сочиненій и составлялъ объясненія разныхъ недоразумѣній, относившихся къ смыслу священныхъ книгъ и богослужебныхъ обрядовъ; напримѣръ, объяснялъ, что слова въ концѣ Іоаннова Евангелія о невмѣстимости въ цѣломъ мірѣ книгъ, въ которыхъ были бы подробно изложены дѣянія Іисуса Христа, слѣдуетъ понимать не буквально, а въ смыслѣ преувеличенія; объяснялъ, что въ ектеньи о свышнемъ мирѣ не слѣдуетъ понимать міра ангельскаго, но должно понимать миръ въ смыслѣ

спокойствія и т. п. Научившись достаточно по-русски, онъ принялся за исправленіе разныхъ неправильностей, замѣченныхъ имъ въ богослужебныхъ книгахъ. Это уже было дѣло не безопасное, такъ какъ русскіе держались упорно буквы и противопоставляли Максиму такой доводъ: „Ты своимъ исправленіемъ досаждаешь возсіявшимъ въ нашей землѣ преподобнымъ чудотворцамъ; они въ такомъ видѣ священными книгами благоугодили Богу и прославились отъ Него святостью и чудотвореніемъ".—„Не я,—говорилъ имъ Максимъ,—а блаженный Павелъ научитъ васъ: каждому дается явленіе духа въ пользу; тому слово премудрости, тому вѣра, тому даръ исцѣленія, тому пророчество, дѣйствіе силъ, а тому языки; все же это даруетъ одинъ и тотъ же Духъ. Видите, не всякому даются всѣ духовныя дарованія; святымъ чудотворцамъ русскимъ, за ихъ смиренномудріе, кротость и святую жизнь, данъ даръ исцѣлять, творить чудеса, но дара языковъ и сказанія они не принимали свыше; иному же, какъ мнѣ, хотя и грѣшенъ паче всѣхъ земнородныхъ, дано разумѣть языки и сказаніе (даръ выраженія), и потому не удивляйтесь, если я исправляю описки, которыя утаились отъ нихъ". Какъ возраженіе, такъ и отвѣтъ Максима знаменательны въ нашей исторіи; здѣсь мы видимъ зародышъ того громаднаго явленія, взволновавшаго русскую жизнь уже въ XVII вѣкѣ, которое называется расколомъ. И до сихъ поръ у раскольниковъ служитъ важнѣйшею опорою доводъ, приведенный противниками Максима, а равнымъ образомъ и противъ нихъ на разные лады повторяется отвѣтъ, данный Максимомъ своимъ противникамъ.

Но если не безопасно было для пріѣзжаго грека посягать на букву богослужебныхъ книгъ, то гораздо опаснѣе сдѣлалось для него то, что, выучившись русскому языку, онъ началъ подражать своему старому идеалу, Савонаролѣ, и разразился обиліемъ обличеній всякаго рода, касавшихся и духовенства, и нравовъ, и вѣрованій, и обычаевъ и, наконецъ, злоупотребленій власти въ Русской землѣ. Превратившись по-неволѣ изъ грека въ русскаго, Максимъ оставилъ по себѣ множество отдѣльныхъ разсужденій и посланій, которыя, за небольшимъ исключеніемъ, носятъ полемическій и обличительный характеръ. О многихъ изъ его сочиненій трудно рѣшить: написаны ли онѣ прежде или послѣ опалы, постигшей Максима, тѣмъ болѣе, что, подвергнутый заключенію, онъ продолжалъ писать свои обличенія и въ числѣ другихъ причинъ былъ позванъ вторично на судъ и за это. Нѣкоторыя его полемическія сочиненія обращены противъ иновѣрцевъ, латинъ, іудеевъ, магометанъ, армянъ, лютеранъ и язычниковъ. Обличенія

противъ латинъ писаны по поводу „писаній Николая Нѣмчина“ о соединеніи церквей [1]). Они имѣютъ обычный догматическій характеръ такого рода сочиненій. Обличенія противъ іудеевъ, вызванныя появившимися на русскомъ языкѣ писаніями, не обширны и поверхностны; одно изъ нихъ, слово противъ Исаака волхва и чародѣя и прелестника, есть воззваніе къ собору духовенства о томъ, чтобы съ жидовствующими еретиками поступать какъ можно суровѣе. Максимъ въ этомъ вопросѣ совершенно расходится съ своимъ почитателемъ Вассіаномъ, и, вмѣсто снисхожденія къ еретикамъ, совѣтуетъ святителямъ предавать еретиковъ внѣшней (то-есть мірской) власти на казнь, чтобы соблюсти Русскую землю отъ бѣшеныхъ псовъ. Максимъ подкрѣпляетъ свой суровый совѣтъ такими же примѣрами, на какіе указывалъ прежде него Іосифъ Волоцкій. Его обличенія противъ лютеранъ касаются иконопоклоненія и почитанія Божіей Матери, и могли въ свое время имѣть прямое отношеніе къ русской жизни, такъ какъ на Руси, мимо всякаго непосредственнаго вліянія западнаго протестантства, являлись мнѣнія, сходныя съ протестантствомъ, особенно относительно иконопочитанія. Въ обличеніяхъ противъ армянъ Максимъ повторяетъ выраженія той злобы, которую уже давно греки старались посѣять на Руси къ армянамъ, внушая русскимъ всѣми способами отвращеніе къ армянскому народу, а полемика Максима противъ древняго классическаго язычества не имѣетъ къ Руси прямого отношенія и есть плодъ воспоминаній его объ Италіи, гдѣ Максимъ видѣлъ увлеченіе язычествомъ. Максимъ писалъ также противъ астрологіи, которая стала понемногу заходить въ Русь и совращать умы даже грамотѣевъ. Максимъ доказывалъ, что вѣрить будто человѣческая судьба зависитъ отъ звѣздъ и будто онѣ имѣютъ вліяніе на образованіе такихъ или другихъ свойствъ человѣка,—противно религіи, такъ какъ этимъ, съ одной стороны, подрывается вѣра въ промыселъ и всемогущество Божіе, съ другой, отнимается свободная воля у человѣка. На основаніи астрологическихъ вычисленій, въ Европѣ образовалось предсказаніе, что будетъ новый всемірный потопъ.

[1]) Существуетъ мнѣніе, что этотъ Николай Нѣмчинъ есть папскій легатъ Николай Шомбергъ, но г. Иконниковъ въ своемъ изслѣдованіи о Максимѣ Грекѣ приводитъ довольно убѣдительные доводы, что подъ этимъ именемъ слѣдуетъ разумѣть Люева, иначе Булева, иноземнаго врача и любимца великаго князя Василія. Это мнѣніе подтверждается и старинною припискою на рукописи сочиненія Максима Грека, въ которой объясняется, что Николай Нѣмчинъ есть не кто иной, какъ Николай Булевъ, который „отъ государя превелію честь получилъ врачебныя ради хитрости“.

Это ожиданіе заходило и въ тогдашнюю Русь. Максимъ опровергалъ его, какъ основанное на суевѣрной астрологіи, и подтверждалъ смысломъ Божія обѣщанія Ною свои доказательства о невозможности новаго потопа.

Важнѣе всѣхъ сочиненій этого рода тѣ, въ которыхъ Максимъ имѣлъ цѣлію обличать признаки, принадлежавшіе исключительно или преимущественно странѣ, куда бросила его судьба, и здѣсь-то сочиненія Максима Грека заключаютъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о нашей духовной жизни и ея порокахъ, обратившихъ на себя вниманіе обличителя. На Руси издавна ходило множество такъ-называемыхъ апокрифическихъ сочиненій, зашедшихъ къ намъ съ Востока, и заключавшихъ въ себѣ разныя выдумки, касавшіяся событій Ветхаго и Новаго Завѣта; онѣ были любимы читателями, представляя много заманчиваго для воображенія. Ихъ называли у насъ отреченными; церковь запрещала читать ихъ. Къ нимъ во времена Максима присоединились апокрифы, заходившіе съ Запада въ появившемся тогда на русскомъ языкѣ сочиненіи подъ названіемъ „Люцидарія“. Максимъ коснулся немногихъ изъ апокрифовъ, вѣроятно попавшихся ему подъ руку и обратившихъ его особенное вниманіе по причинѣ своей распространенности. Такъ, Максимъ обличалъ сказаніе, приписываемое Афродитіану о волхвахъ, поклонявшихся Христу, гдѣ благочестиваго Максима особенно соблазняло то, что идолы въ персидскомъ языческомъ храмѣ разыгрались при рожденіи Спасителя;— опровергалъ онъ сказаніе объ Іудѣ, будто бы жившемъ много лѣтъ послѣ Христа, и сказаніе о томъ, будто бы Адамъ далъ на себя рукописаніе дьяволу, обязавшись вѣчно служить и работать ему. Максимъ также доказывалъ несправедливость распространеннаго издавна у насъ мнѣнія, будто бы во время воскресенія Христова солнце не заходило цѣлыя восемь сутокъ. Достойно замѣчанія, что здѣсь Максимъ установилъ пріемы критики, которыми слѣдуетъ руководствоваться при оцѣнкѣ подобнаго рода сочиненій; необходимо, по ученію Максима, чтобы сочиненіе было составлено извѣстнымъ церкви писателемъ, было согласно съ священнымъ Писаніемъ, и само въ себѣ не заключало противорѣчія. Подвергая сужденію разныя богословско-космографическія бредни, заключающіяся въ „Люцидаріи“, Максимъ опровергаетъ ихъ несходствомъ съ священнымъ Писаніемъ и отцами церкви, которые для него были авторитетами въ области не только вѣры, но и естествознанія: „держись крѣпко Дамаскиновой книги, и будешь великій богословецъ и естествословецъ“. Между благочестивыми, на основаніи апокрифическихъ сказаній,

были толки о томъ, кому прежде всѣхъ была послана съ небеси грамота. Максимъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ, говоря, что никогда и никому не было послано такой грамоты, ссылаясь на то, что объ этомъ нигдѣ не упоминается въ св. Писаніи.

Рядомъ съ апокрифами Максимъ писалъ противъ разныхъ суевѣрій, замѣченныхъ имъ въ русскомъ обществѣ: такъ, напримѣръ, на Руси распространилось вѣрованіе, будто отъ погребенія утопленныхъ или убитыхъ происходятъ неурожаи. Бывали случаи, когда выкапывали изъ земли тѣла и бросали на поле. Максимъ убѣждаетъ скрывать всѣхъ въ нѣдрахъ земли, общей матери, и доказываетъ, что гнѣвъ Божій посылается за грѣхи, а не за погребеніе утопленныхъ. Онъ порицалъ вѣру въ сновидѣнія, а также въ существованіе добрыхъ и злыхъ дней и часовъ,—вѣру, истекавшую изъ астрологіи; нападалъ на разныя суевѣрныя примѣты, наблюденія птичьяго полета, движенія глаза, явленія облаковъ, на вѣру во встрѣчу, въ окликъ, на разныя гаданія: на бобахъ, на ячмени; въ особенности вооружался онъ противъ ворожбы, допускаемой по случаю судебнаго поединка (поля), причемъ охуждалъ самый этотъ обычай. „Наши властители и судьи, отринувши праведное Божье повелѣніе, не внимаютъ свидѣтельству цѣлаго города противъ обидчика, а приказываютъ оружіемъ разсудиться обидчику съ обиженнымъ, и кто у нихъ побѣдитъ, тотъ и правъ; рѣшаютъ оружіемъ тяжбу: обѣ стороны выбираютъ хорошаго драчуна полевщика; обидчикъ находитъ еще чародѣя и ворожея, который бы могъ пособить его полевщику“... „О безпримѣрное беззаконіе и неправда! и у невѣрныхъ мы не слыхали и не видали такого безумнаго обычая“.

Самое большое значеніе изъ обличительныхъ сочиненій Максима Грека имѣютъ для насъ тѣ, которыя относятся непосредственно къ нравамъ тогдашняго русскаго общества. Максимъ былъ недоволенъ духовенствомъ. „Кто можетъ достойно оплакать мракъ, постигшій родъ нашъ! говоритъ онъ; нечестивые ходятъ какъ скимны рыкающіе и удаляютъ отъ Бога благочестивыхъ, а наши пастыри безчувственнѣе камней; они устроились себѣ и думаютъ только о томъ, какъ бы самимъ себя спасти... Нѣтъ ни одного, кто бы прилежно поучалъ и вразумлялъ безчинныхъ, утѣшалъ малодушныхъ, заступался за безсильныхъ, обличалъ противящихся слову благочестія, запрещалъ безстыднымъ, обращалъ уклонявшихся отъ истины и честнаго образа христіанской жизни. Никто по смиренномудрію не откажется отъ священническаго сана, никто и не ищетъ его по божественной ревности, чтобы исправлять беззаконныхъ и безчинствующихъ людей; па-

противъ того, всѣ готовы купить его за большіе дары, чтобы прожить въ почетѣ, въ удовольствіи".

Максимъ оставался всегда инокомъ и былъ пропитанъ отшельническимъ взглядомъ на жизнь: „возлюби—говоритъ онъ—душа моя, худыя одежды, худую пищу, благочестивое бдѣніе, обуздай наглость языка своего, возлюби молчаніе, проводи безсонныя ночи надъ боговдохновенными книгами... Огорчай плоть свою суровымъ житьемъ, гнушайся всего, что услаждаетъ ее... Не забывай, душа, что ты привязана къ лютому звѣрю, который лаетъ на тебя; укрощай его душетлительное устремленіе постомъ и крайнею нищетою. Убѣгай вкусныхъ напитковъ и сладкихъ яствъ, мягкой постели, долговременнаго сна. Иноческое житіе подобно полю пшеницы, требующему трудолюбія; трезвись и тружайся, если хочешь принести Господу твоему обильный плодъ, а не терніе и не сорную траву". Но при этомъ отшельническомъ взглядѣ, Максимъ требовалъ отъ иноковъ дѣйствительно суроваго подвига, отреченія отъ міра; и потому во многихъ своихъ сочиненіяхъ онъ съ жаромъ нападаетъ на лицемѣріе русскихъ монаховъ. Не отдѣляя себя отъ всего монашества, онъ дѣлаетъ своей душѣ упреки, въ которыхъ обличаетъ дурной образъ жизни въ монастыряхъ: „убѣгай губительной праздности, ѣшь хлѣбъ, пріобрѣтенный собственными трудами, а не питайся кровью убогихъ, среброрѣзоимствомъ (взиманіемъ процентовъ)... Не пытайся высасывать мозги изъ сухихъ костей, подобно псамъ и воронамъ. Тебѣ велѣно самой питать убогихъ, служить другимъ, а не властвовать надъ другими. Ты сама всегда веселишься и не помышляешь о бѣднякахъ, погибающихъ съ голоду и морозу; ты согрѣваешься богатыми соболями и питаешь себя всякій день сладкими яствами. Тебѣ служатъ рабы и слуги. Ты, противясь божественному закону, посылаешь на человѣкогубительную войну ратные полки, вооружая ихъ молитвами и благословеніями на убійство и плѣненіе людей. Ты страшишься вкусить вина и масла въ среду и пятокъ, повинуясь отеческимъ уставамъ, а не боишься грызть человѣческое мясо, не боишься языкомъ своимъ тайно оговаривать и клеветать на людей, показывая имъ лицемѣрно образъ дружбы. Ты хочешь очистить мыломъ отъ грязи руки свои, а не бережешь ихъ отъ оскверненія лихоимствомъ. За какой-нибудь малый клочокъ земли тащишь соперниковъ къ судилищу и просишь разсудить свою тяжбу оружіемъ, когда тебѣ заповѣдано отдать послѣднюю сорочку обижающему тебя! Ни Бога, ни ангеловъ ты не стыдишься, давши обѣщаніе нестяжательнаго житія. Молитвы твои и черныя ризы

только тогда благопріятны Богу, когда ты соблюдаешь заповѣди Божіи... А ты. треокаянная, напиваясь кровью убогихъ, пріобрѣтая въ изобиліи все тебѣ угодное лихвами и всякимъ неправеднымъ способомъ, разъѣзжаешь по городамъ на породистыхъ коняхъ, съ толпою людей, изъ которыхъ одни слѣдуютъ за тобою сзади, а другіе впереди и крикомъ разгоняютъ народъ. Неужели ты думаешь, что угодишь Христу своими долгими молитвами и черною власяницею, когда въ то же время собираешь неправильнымъ лихоимствомъ жидовское богатство, наполняешь свои амбары съѣстными запасами и дорогими напитками, накопляешь въ своихъ селахъ высокіе стога жита съ намѣреніемъ продать подороже во времена голода?“ Вопросъ о владѣніи монастырскими имѣніями, занимавшій умы еще прежде Максима, разработанъ имъ въ сочиненіи объ иноческомъ жительствѣ, въ формѣ разговоровъ между любостяжательнымъ (Филоктимономъ) и нестяжательнымъ (Актіономъ). Здѣсь Максимъ привелъ доказательства, какъ въ защиту права монастырей владѣть имѣніями, такъ и противъ этого права. Нестяжательный, котораго доказательства представляются сильнѣе доказательствъ противника, главнымъ образомъ напираетъ на то, что монахи, владѣя населенными имѣніями, обременяютъ крестьянъ тяжелыми работами, даютъ деньги въ ростъ и потомъ расхищаютъ имѣніе должниковъ, продаютъ и доводятъ до послѣдней нищеты, тогда какъ иноки, по своему званію, вступая въ монастырь, отрекаются отъ всякаго имущества и стяжанія. Сочиненіе Максима имѣетъ почти тотъ же смыслъ, какъ и обличеніе Вассіана, касающееся того же самаго предмета, но написано съ меньшею рѣзкостью.

Какъ ни уважалъ Максимъ монашеское житіе, если оно было согласно своему идеалу, но порицалъ тѣхъ, которые пренебрегали семейную жизнь, думая, что только въ монашескомъ чинѣ можно получить спасеніе. Въ числѣ сочиненій Максима есть одно „Слово“, обращенное „къ хотящимъ оставлять жёны своя безъ вины законныя и идти въ иноческое житіе“. Оно замѣчательно не только потому, что Максимъ считалъ возможнымъ угодить Богу и получить спасеніе въ мірѣ съ женою и дѣтьми, но и потому, что самому иноческому житію давалъ высшій внутренній смыслъ. „Если кто изъ васъ—говоритъ онъ—задумаетъ предаться иноческому житію, то пусть прежде испытаетъ себя въ мірскомъ житіи: можетъ ли онъ быть добродѣтельнымъ и жить праведно со страхомъ Божіимъ и истиною; и если можетъ, то, не разлучаясь со своею женою. пусть благодаритъ Бога и пребываетъ въ исправленіи добрыхъ дѣлъ. Пусть онъ знаетъ, что

иноческое житіе, котораго онъ желаетъ, есть не что иное, какъ прилежное исполненіе евангельскихъ заповѣдей... Тотъ, кто исполняетъ заповѣди Христа съ желаніемъ угодить Богу, а не людямъ, тотъ у Него назовется настоящій инокъ; христіанское благовѣріе состоитъ не въ измѣненіи одежды, не въ воздержаніи отъ пищи, а въ воздержаніи отъ всякой злобы и душетлительныхъ страстей плоти и духа". По отношенію къ посту Максимъ Грекъ произноситъ такое сужденіе: „истинный постъ, пріятный Богу, состоитъ въ воздержаніи отъ душетлительныхъ страстей, а одно воздержаніе отъ пищи не только не приноситъ пользы, но еще болѣе меня осуждаетъ и уподобляетъ бѣсамъ... Не достойно ли слезъ, что нѣкоторые обрекаются не ѣсть мяса въ понедѣльникъ ради бóльшаго спасенія, а на винопитіи сидятъ цѣлый день, и только ищутъ: гдѣ братчина или пированіе, упиваются до-пьяна и безчинствуютъ; лучше бы имъ отрекаться отъ всякаго питія, потому что лишнее винопитіе причина всякому злу; отъ мясоядѣнія ничего такого не бываетъ. Всякое созданіе Божіе добро и ничто не отвергается принимаемое съ благодареніемъ".

Самое сильное слово въ этомъ родѣ написано было Максимомъ уже послѣ его заточенія, по поводу происшедшаго въ это время пожара въ Твери. Тверской епископъ Акакій представляется бесѣдующимъ съ самимъ Христомъ. „Мы всегда, Господи (говоритъ епископъ), радѣли о твоей боголѣпной службѣ, совершали тебѣ духовные праздники съ прекраснымъ пѣніемъ и шумомъ доброгласнымъ колоколовъ, украшали иконы твои и Пречистой твоей Матери золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями, думали благоугодить тебѣ, а испытали твой гнѣвъ, въ чемъ же мы согрѣшили?" „Вы (отвѣчаетъ ему Господь) наипаче прогнѣвали меня, предлагая мнѣ доброгласное пѣніе и шумъ колоколовъ, и украшеніе иконъ, и благоуханіе мѵрры... Вы приносите мнѣ все это отъ неправедной и богомерзкой лихвы, отъ хищенія чужого имущества; ваши дары смѣшаны со слезами сиротъ, съ кровью убогихъ. Я истреблю ваши дары огнемъ или отдамъ на расхищеніе скиѳамъ, какъ и сдѣлалъ съ иными. Пусть примѣромъ вамъ послужитъ внезапная погибель всеславнаго и всесильнаго царства Греческаго. И тамъ всякій день приносилось мнѣ боголѣпное пѣніе, съ свѣтлошумящими колоколами и благовонною мѵррою, совершались праздничныя торжества, строились предивные храмы съ цѣльбоносными мощами апостоловъ и мучениковъ и скрывались въ храмахъ сокровища высокой мудрости и разума; и ничто это не принесло имъ

пользы, потому что они возненавидѣли убогихъ, убивали сиротъ, не любили праваго суда, за золото оправдывали обидящаго; ихъ священники получали свой санъ черезъ подкупъ, а не по достоинству. Что мнѣ въ томъ, что вы меня пишете съ золотымъ вѣнцомъ на головѣ, когда я среди васъ погибаю отъ голода и холода, тогда какъ вы сладко насыщаете себя и украшаете разными нарядами? Удовлетвори меня въ томъ, въ чемъ я скуденъ; я не прошу у тебя золотого вѣнца; посѣщеніе и довольное пропитаніе убогихъ, сиротъ и вдовицъ—вотъ мой кованый золотой вѣнецъ... Не для доброшумныхъ колоколовъ, пѣснопѣній и благоцѣнныхъ мурръ сходилъ я на землю, принялъ страданіе и смерть. Моя вся поднебесная; я исполняю небо и землю всѣми благами и благоуханіями; я отверзаю руку свою и насыщаю всякую тварь земную!.. Я оставилъ вамъ книгу спасительныхъ заповѣдей, поученій и наставленій, чтобы вы знали, чѣмъ можете угодить мнѣ; вы же украшаете книгу моихъ словъ золотомъ и серебромъ, а силу написанныхъ въ ней повелѣній не принимаете и исполнять не хотите, но поступаете противно имъ. Я не приказалъ вамъ скрывать на землѣ сокровища и прилагать къ нимъ сердца свои, а вы расхищаете убогихъ, нещадно, безъ состраданія обижаете, убиваете, всякимъ способомъ мерзкаго лихоимства; сами пируете съ богачами, а бѣднымъ, стоящимъ у вашихъ воротъ, изнемогающимъ отъ холода и голода кидаете кусокъ гнилого хлѣба... Я нарекъ сынами Божіими рачителей мира, а вы, какъ дикіе звѣри, бросаетесь другъ на друга съ яростью и враждою! Священники мои, наставники новаго Израиля! вмѣсто того, чтобы быть образцами честнаго житія,—вы стали наставниками всякаго безчинія, соблазномъ для вѣрныхъ и невѣрныхъ, объѣдаетесь, упиваетесь, другъ другу досаждаете; во дни божественныхъ праздниковъ моихъ, вмѣсто того, чтобы вести себя трезво и благочинно, показывать другимъ примѣръ, вы предаетесь пьянству и безчинству... Моя вѣра и божественная слава дѣлается предметомъ смѣха у язычниковъ, видящихъ ваши нравы и ваше житіе, противное моимъ заповѣдямъ“ и пр.

Обличенія Максима коснулись мірской власти и суда. Въ одномъ изъ своихъ поученій онъ говоритъ: „Страсть іудейскаго сребролюбія и лихоиманія до такой степени овладѣла судьями и начальниками, посылаемыми отъ благовѣрныхъ царей по городамъ, что они приказываютъ слугамъ своимъ вымышлять разныя вины на зажиточнымъ людей, подбрасываютъ въ домы ихъ чужія вещи; или: притащатъ трупъ человѣка и бросятъ на улицѣ, а

потомъ, какъ будто отмщая за убитаго, начнутъ истязать не только одну улицу, но всю часть города, по поводу этого убійства, и собираютъ себѣ деньги такимъ неправеднымъ и богомерзкимъ способомъ. Слышанъ ли когда-нибудь у невѣрныхъ язычниковъ такой гнусный способъ лихоиманія? Разжигаемые неистовствомъ несытаго сребролюбія, они обижаютъ, лихоимствуютъ, расхищаютъ имущества вдовицъ и сиротъ, вымышляютъ всякія обвиненія на невинныхъ, не боятся Бога, страшнаго мстителя обиженныхъ, не срамятся людей окрестъ ихъ живущихъ, ляховъ и нѣмцевъ, которые хоть и латынники по ереси, но управляютъ подручниками своими съ правосудіемъ и человѣколюбіемъ". Указать на превосходство латынъ предъ православными въ то время было до крайности рѣзкою выходкою. Рѣшившись такъ смѣло обличать лицъ, посылаемыхъ верховною особою, онъ дѣлалъ обличенія и самой верховной особѣ, хотя гораздо мягче и въ болѣе утонченной формѣ въ видѣ общихъ правоученій, но въ нихъ, однако, чувствовался прямой укоръ. Такъ въ поученіи „начальствующимъ правовѣрно", которое обращено къ лицу государя, Максимъ изображаетъ идеалъ добраго правителя, указывая на разные примѣры священнаго Писанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ порицаетъ и пороки, свойственные государямъ: властолюбіе, славолюбіе, сребролюбіе, и дѣлаетъ, между прочимъ, намекъ на тѣхъ, которые, узнавши, что кто нибудь изъ подданныхъ подсмѣется надъ ними или порицаетъ ихъ поступки, неистовствуютъ хуже всякаго дикаго звѣря и хотятъ тѣмъ, которые ихъ злословили, отмстить. Порокъ этотъ, какъ извѣстно, былъ за Василіемъ. Равнымъ образомъ, московскій государь могъ видѣть свои качества и въ образѣ ненасытнаго государя-сребролюбца, собирающаго всякимъ способомъ богатства, не останавливаясь ни передъ хищеніемъ, ни передъ неправдою, ни передъ клеветою.

„Что можетъ быть гнуснѣе — говоритъ поучитель — когда тотъ, кто думаетъ владѣть знаменитыми городами и безчисленными народами, самъ находится подъ властью безсловесныхъ страстей, руководится ими и именуется рабомъ отъ святыхъ устъ Спасителя? Разумѣвающій пусть разумѣетъ сказанное ясно".

Въ другомъ своемъ словѣ „О нестроеніи и безчиніи царей и властей", Максимъ дѣлается обличителемъ вообще всякой верховной власти безотносительно къ мѣсту. Максимъ рисуетъ государство въ образѣ женщины, которая сидитъ на распутьи; она въ черной одеждѣ, положила голову на руку, опирающуюся на колѣни; она безутѣшно плачетъ; кругомъ ея дикіе звѣри. На

вопросъ Максима: кто она? женщина отвѣчаетъ: „Мою горькую судьбу нельзя передать словами и люди не исцѣлятъ ее; не спрашивай, не будетъ тебѣ пользы: если услышишь, только навлечешь на себя бѣду“. Но когда Максимъ упорно желалъ знать, кто она, женщина сказала ему: „Имя мое не одно: называютъ меня начальство, власть, владычество, господство. Самое же настоящее мое имя „Василія“ (ΒΑΣΗΛΕΙΑ)—государство.

Максимъ палъ къ ногамъ ея, и Василія проговорила ему длинное обличеніе на царей и властителей, подкрѣпляя его примѣрами и изреченіями изъ священнаго Писанія. „Меня, говорила она, дщерь Царя и Создателя, стараются подчинить люди, которые всѣ славолюбцы и властолюбцы; и слишкомъ мало такихъ, которые были бы моими рачителями и украсителями, которые устраивали бы, сообразно съ волею Отца моего, судьбу живущихъ на землѣ людей; но большая часть ихъ, одолѣваемая сребролюбіемъ и лихоимствомъ, мучатъ своихъ подданныхъ всякими истязаніями, денежными поборами, отяготительными постройками пышныхъ домовъ, вовсе ненужныхъ къ утвержденію ихъ державы и только служащихъ къ угодѣ и веселію ихъ развратныхъ душъ... Нѣтъ болѣе мудрыхъ царей и ревнителей Отца моего небеснаго. Всѣ только живутъ для себя, думаютъ о расширеніи предѣловъ державъ своихъ, другъ на друга враждебно ополчаются, другъ друга обижаютъ и льютъ кровь вѣрныхъ народовъ, а о церкви Христа Спасителя, терзаемой и оскорбляемой отъ невѣрныхъ, ни мало не пекутся! Какъ не уподобить окаянный нашъ вѣкъ пустынной дорогѣ, а меня — бѣдной вдовѣ, окруженной дикими звѣрьми; болѣе всего меня ввергаетъ въ крайнюю печаль то, что некому заступиться за меня по Божіей ревности и вразумить моихъ безчинствующихъ обручниковъ. Нѣтъ великаго Самуила, ополчившагося противъ преступнаго Саула; нѣтъ Наѳана, исцѣлившаго остроумною притчею царя Давида, нѣтъ Амвросія чуднаго, неубоявшагося царственной высоты Ѳеодосія; нѣтъ Василія Великаго, мудрымъ поученіемъ ужаснувшаго гонителя Валента; нѣтъ Іоанна Златоуста, изобличившаго корыстолюбивую Евдоксію за горячія слезы бѣдной вдовицы. И вотъ, подобно вдовствующей женѣ, сижу я на пустынномъ распутьи, лишенная поборниковъ и ревнителей. О прохожій, безгодна и плачевна судьба моя“.

Мы указали на болѣе сильныя мѣста въ обличеніяхъ Максима, но вообще его посланія загромождены риторическимъ многословіемъ, множествомъ излишнихъ текстовъ и примѣровъ, частыми повтореніями и вычурными оборотами. Слогъ его не рѣдко вялъ,

языкъ его крайне тяжелъ и во многихъ мѣстахъ теменъ; видно на каждомъ шагу, что авторъ думалъ на иномъ языкѣ, а не на томъ, на которомъ писалъ; поэтому можно сомнѣваться, чтобы въ свое время Максимовы сочиненія могли имѣть много читателей и были для всѣхъ удобопонятны. Только въ послѣдующее время, когда самъ Максимъ остался въ памяти народа, какъ богоугодный страдалецъ за правду, его сочиненія переписывались и пользовались уваженіемъ между русскими книжниками. Но онѣ не могли укрыться отъ среды, окружавшей дворъ и высшее духовенство. Неудивительно, что съ такимъ направленіемъ Максимъ навлекъ на себя преслѣдованія отъ власти. Обыкновенно признаютъ, что великій князь Василій возненавидѣлъ его за то, что онъ не одобрялъ его рѣшимости развестись съ Соломоніей и жениться на другой женѣ. Быть можетъ, и вѣроятно, это было одною изъ причинъ гоненія, но Максимъ долженъ былъ раздражить противъ себя, какъ великаго князя, такъ и многихъ московскихъ начальныхъ людей, духовныхъ и свѣтскихъ, тою ролью обличителя, которую онъ взялъ на себя изъ подражанія Савонаролѣ.

Въ февралѣ 1525 года, Максимъ Грекъ былъ притянутъ къ слѣдственному дѣлу политическаго характера. Его обвиняли въ сношеніяхъ съ опальными людьми: Иваномъ Беклемишевымъ-Берсенемъ и Ѳедоромъ Жаренымъ. Первый былъ прежде любимцемъ великаго князя и навлекъ на себя гнѣвъ его тѣмъ, что совѣтовалъ ему не воевать, а жить въ мирѣ съ сосѣдями. Такое миролюбивое направленіе было совершенно въ духѣ Максима, который и въ своемъ посланіи государю совѣтовалъ не внимать рѣчамъ тѣхъ, которые будутъ подстрекать его на войну, а хранить миръ со всѣми. Видно что Берсеня съ Максимомъ соединяла одинаковость убѣжденій. Максимовъ келейникъ показалъ, что къ Максиму ходили многія лица, толковали съ нимъ объ исправленіи книгъ, но бесѣдовали съ нимъ при всѣхъ; а когда приходилъ Берсень, то Максимъ высылалъ всѣхъ вонъ и долго сидѣлъ съ Берсенемъ одинъ-на-одинъ. Максимъ на допросѣ высказалъ меньшую твердость, чѣмъ можно было ожидать по его писаніямъ; онъ сообщилъ о всемъ, что говорилъ съ нимъ Берсень, какъ порицалъ вліяніе матери великаго князя, Софьи, какъ скорбѣлъ о томъ, что великій князь не слушаетъ никакихъ совѣтовъ; какъ жаловался, что великій князь отнялъ у него дворъ въ городѣ; какъ упрекалъ великаго князя за то, что ведетъ со всѣми войну и держитъ землю въ нестроеніи. На этомъ допросѣ Максимъ говорилъ: „то, что у меня на сердцѣ, о томъ я ни отъ кого не слыхалъ и ни

съ кѣмъ не говаривалъ; а только держалъ себѣ въ сердцѣ такую думу: идетъ государь въ церковь, а за нимъ идутъ вдовы и плачутъ, а ихъ бьютъ! Я молилъ Бога за государя и просилъ, чтобы Богъ положилъ ему на сердце и показалъ надъ нимъ свою милость". Максимъ этими сообщеніями повредилъ Берсеню: послѣдній сначала запирался, потомъ во всемъ сознался. Берсеня и дьяка Жаренаго казнили, а Максима снова притянули къ слѣдствію по другимъ дѣламъ: его обвиняли въ сношеніи съ турецкимъ посломъ Скиндеромъ; онъ зналъ похвальбы турецкаго посла, зналъ, что этотъ посолъ грозилъ Москвѣ нападеніемъ турокъ; Максима даже обвиняли въ писаніи грамотъ въ Турцію, съ цѣлью поднять турокъ на Русь. Его уличали въ томъ, что онъ называлъ великаго князя Василія гонителемъ и мучителемъ, порицалъ за то, что Василій предалъ землю свою татарскому хану на расхищеніе, и предсказывалъ, что если на Москву пойдутъ турки, то московскій государь изъ трусости или обяжется платить дань или убѣжитъ. Кромѣ того, великій князь предалъ его суду духовнаго собора подъ предсѣдательствомъ митрополита Даніила, и на этомъ соборѣ присутствовалъ самъ. До какой степени Василій былъ озлобленъ противъ него, показываютъ слова опальнаго дьяка Жаренаго, который говорилъ Берсеню, что великій князь черезъ троицкаго игумена приказывалъ ему наклепать что-нибудь на Максима, и за то обѣщалъ его пожаловать. Максима обвиняли въ порчѣ богослужебныхъ книгъ и выводили изъ словъ отысканныхъ въ его переводѣ еретическія мнѣнія; находили важнымъ то, что онъ вмѣсто: „Христосъ сѣде одесную Отца", написалъ „сѣдѣвъ одесную Отца" [1]). Максимъ не призналъ себя виновнымъ, но былъ сосланъ въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь, подъ надзоръ старца Тихона Ленкова; дали ему въ духовные отцы старца Іону. Такъ какъ Максимъ уже успѣлъ раздражить монаховъ своими обличеніями и проповѣдью о нестяжательности, то его содержали умышленно дурно; „меня морили дымомъ, морозомъ и голодомъ за грѣхи мои премногіе, а не за какую-нибудь ересь", писалъ онъ. Отправляя Максима въ монастырь, соборъ обязалъ его никого не учить, никому не писать, ни отъ кого не принимать писемъ, и велѣлъ отобрать привезенныя имъ съ собой греческія книги. Но Максимъ не думалъ каяться и признавать себя виновнымъ, продолжалъ писать посланія съ преж-

[1]) Отсюда выходилъ такой смыслъ, что „Христово сѣденіе одесную Отца мимошедшее есть". Максимъ подтвердилъ это, вѣроятно разумѣя историческій евангельскій фактъ Вознесенія Христова, а не безконечнаго пребыванія со Отцомъ, но не умѣлъ выразить это ясно.

нимъ обличительнымъ характеромъ. Это вызвало противъ него новый соборный судъ въ 1531 году. На этотъ разъ, кромѣ прежняго вопроса „о сѣденіи одесную Отца“, его обвиняли, будто онъ въ переводѣ Житія св. Богородицы Метафраста употребилъ выраженіе, заключающее смыслъ хулы на св. Богородицу, что онъ приказалъ „загладить“ (выбросить) изъ Дѣяній Апостольскихъ разговоръ Филиппа Апостола съ каженикомъ (Дѣянія Апост. гл. VIII ст. 37), и кромѣ того, еще изъ богослужебной книги велѣлъ загладить отпустъ троицкой вечерни. Максимъ отъ всего этого отпирался и увѣрялъ, что никогда не имѣлъ еретическихъ мнѣній, какія на него взваливали. На Максима между прочимъ показывалъ его бывшій писецъ Медоварцевъ, и желая оправдать себя самого, выражался, что „на него дрожь великая нападала“, когда Максимъ велѣлъ заглаживать слова троицкаго отпуста. Все это были не болѣе, какъ недобросовѣстныя придирки. Характеръ всего суда ясно свидѣтельствуетъ объ этомъ: на томъ же судѣ Максима обвиняли въ волхвованіи, показывали на него, будто онъ хвалился, что все знаетъ, гдѣ что дѣлается; будто говорилъ, что на немъ нѣтъ ни единаго грѣха; будто хвалился „еллинскими и жидовскими хитростями и чернокнижными волхвованіями“, будто, при посредствѣ волшебныхъ эллинскихъ хитростей, писалъ водкою на своихъ ладоняхъ и протягивалъ ладони, волхвуя противъ великаго князя и другихъ лицъ. Если въ этомъ судѣ было что-нибудь справедливаго, то развѣ то, что Максимъ дѣйствительно укорялъ монастыри въ любостяжаніи, порицалъ русское духовенство, выбросилъ изъ Сvмвола Вѣры выраженіе „истиннаго“ о св. Духѣ (чего дѣйствительно не было въ греческомъ подлинникѣ, хотя Максимъ въ этомъ на первый разъ и заперся отъ страха) и, наконецъ, что Максимъ находилъ нужнымъ, чтобы русскіе митрополиты ставились съ патріаршаго благословенія. По поводу послѣдняго вопроса Максимъ объяснилъ: „я спрашивалъ, зачѣмъ митрополиты русскіе не ставятся по прежнему патріархами? Мнѣ сказали, что патріархъ далъ благословенную грамоту, чтобы русскій митрополитъ ставился по избранію своихъ епископовъ, но я этой грамоты не видалъ“. И здѣсь Максимъ былъ опять-таки правъ.

Несмотря на сознаніе своей правоты, Максимъ думалъ покорностью смягчить свою судьбу; онъ, по собственному выраженію, „падалъ трижды ницъ передъ соборомъ“ и признавалъ себя виновнымъ, но не болѣе, какъ въ „нѣкихъ малыхъ описяхъ“. Самоуниженіе не помогло ему. Его отослали въ оковахъ въ новое заточеніе, въ тверской Отрочь-монастырь. Несчастный узникъ

находился тамъ двадцать-два года. Напрасно онъ присылалъ исповѣданіе своей вѣры, доказывалъ, что онъ вовсе не еретикъ, сознавался, что могъ ошибаться невольно, дѣлая описки, или по забывчивости, или по скорби, или наконецъ отъ излишняго „винопитія"; увѣрялъ, что онъ не врагъ русской державы и десять разъ въ день молится за государя. Смѣнялись правительства, смѣнялись митрополиты: Даніилъ, враждебно относившійся къ Максиму на соборѣ, самъ былъ сосланъ въ Волоколамскій монастырь, и Максимъ, забывъ всѣ его оскорбленія, написалъ ему примирительное посланіе. Правили Москвою бояре во время малолѣтства царя Ивана—Максимъ умолялъ ихъ отпустить его на Аѳонъ, но на него не обратили вниманія. Возмужалъ царь Иванъ, митрополитомъ сдѣлался Макарій; за Максима хлопоталъ константинопольскій патріархъ,—Максимъ писалъ юному царю наставленіе и просился на Аѳонъ; о томъ же просилъ онъ и Макарія, разсыпаясь въ восхваленіяхъ его достоинствъ—все было напрасно. Макарій послалъ ему „денежное благословеніе" и писалъ ему: „узы твои цѣлуемъ, но пособить тебѣ не можемъ". Максимъ добился только того, что ему, черезъ семнадцать лѣтъ, позволили причаститься св. Таинъ и посѣщать церковь. Когда вошли въ силу Сильвестръ и Адашевъ, Максимъ обращался къ нимъ и, повидимому, находился съ ними въ хорошихъ отношеніяхъ, но не добился желаемаго, хотя и пользовался уже лучшимъ положеніемъ въ Отрочь-монастырѣ. Наконецъ, въ 1553 году его перевели въ Троицкую Лавру. Говорятъ, что, вмѣстѣ съ боярами, ходатайствовалъ за него троицкій игуменъ Артемій, впослѣдствіи самъ испытавшій горькую судьбу заточенія. Максимъ оставался у Троицы до смерти, постигшей его въ 1556 году. Не довелось ему увидѣть Аѳона: Москва боялась его отпустить, потому что онъ узналъ въ Московскомъ Государствѣ „все доброе и лихое" и былъ слишкомъ склоненъ къ обличенію. Въ Москвѣ не любили, чтобъ о русскихъ порядкахъ и правахъ дурно толковали за границей, а этого отъ Максима, конечно, можно было ожидать послѣ той горькой чаши, которую онъ выпилъ въ землѣ, на пользу которой посвятилъ свою жизнь.

XVIII.

СИЛЬВЕСТРЪ И АДАШЕВЪ.

По смерти Василія, за малолѣтствомъ новаго государя, правленіе перешло въ руки вдовствующей великой княгини; дѣла рѣшались, подъ ея властію, боярскою думою. Въ Московскомъ Государствѣ еще въ первый разъ верховная власть сосредоточилась въ рукахъ женщины. Это, однако, не противорѣчило русскимъ понятіямъ, по которымъ, по смерти отца семейства, вдова вполнѣ замѣняла мужа на время малолѣтства дѣтей. Елена совершенно отдалась своему любимцу Ивану Овчинѣ-Телепневу-Оболенскому. Онъ былъ человѣкъ крутаго нрава, не останавливался ни передъ какими злодѣяніями. Именемъ Елены правилъ онъ государствомъ; бояре должны были сносить его произволъ. Совершались варварства, превосходившія все, что̀ представляла въ этомъ отношеніи прежняя московская исторія. Одного брата покойнаго государя, Юрія, по подозрѣнію, засадили въ тюрьму и тамъ уморили голодомъ. Другой братъ, Андрей, испугавшись той же участи, убѣжалъ; ради собственнаго спасенія онъ замышлялъ возстаніе, но былъ схваченъ и задушенъ; жену его и сына засадили въ тюрьму. Вмѣстѣ съ нимъ было казнено много бояръ и дѣтей боярскихъ, которыхъ обвинили въ расположеніи къ Андрею; другихъ били кнутомъ. Дядя Елены, Михаилъ Львовичъ Глинскій, сталъ укорять племянницу за ея связь съ Телепневымъ; за это его посадили въ тюрьму и уморили голодомъ. Знатные бояре за противорѣчіе любимцу тотчасъ подвергались тяжелому тюремному заключенію. Но во внѣшнихъ дѣлахъ Телепневъ поддерживалъ достоинство Московскаго Государства. Открывшаяся, по истеченіи перемирія, война съ Литвою ведена была счастливо, и окончилась въ 1537 году новымъ перемиріемъ.

на пять лѣтъ, съ уступкою Москвѣ двухъ крѣпостей: Себежа и Заволочья, построенныхъ на Литовской землѣ. Татарскія нападенія были отражены. Такіе успѣхи еще болѣе возвышали любимца Елены, но это возвышеніе ускорило его гибель. Враги отравили Елену 3 апрѣля 1538 года.

Правленіемъ овладѣли князья Шуйскіе. Телепнева уморили въ тюрьмѣ голодомъ. Сестру его Аграфену заковали и засадили въ тюрьму. Вслѣдъ за ними низложили митрополита Даніила, угождавшаго Еленѣ, а на мѣсто его возвели троицкаго игумена Іосафа.

Въ 1540 году, при содѣйствіи новаго митрополита, благодѣтель его, глава правительства, Иванъ Шуйскій былъ низверженъ. На мѣсто Шуйскаго поставленъ врагъ его, бояринъ князь Иванъ Бѣльскій, сидѣвшій до того времени въ тюрьмѣ. Этотъ новый правитель не поступалъ подобно прежнему: оставилъ на свободѣ своихъ враговъ Шуйскихъ, выпустилъ изъ тюрьмы племянника покойнаго государя, Владимира Андреевича съ матерью, освободилъ другихъ узниковъ, возвратилъ Пскову его старинный самосудъ, дозволивши судить уголовныя дѣла выборнымъ цѣловальникамъ, мимо великокняжескихъ намѣстниковъ и ихъ тіуновъ. Крымскій ханъ Саипъ-Гирей, услышавши, что въ Москвѣ нѣтъ болѣе единодержавной власти, попытался-было сдѣлать нашествіе на предѣлы Московскаго Государства, но былъ отбитъ. Правленіе Бѣльскаго обѣщало много хорошаго, но скоро пало. Князь Иванъ Шуйскій, склонивши на свою сторону нѣкоторыхъ бояръ и дѣтей боярскихъ, 3 января 1542 года, схватилъ Бѣльскаго и потомъ велѣлъ задушить, а его сторонниковъ засадилъ въ тюрьму. Митрополитъ Іосафъ былъ низложенъ; на мѣсто его возведенъ новгородскій архіепископъ Макарій, одинъ изъ знаменитыхъ духовныхъ русской исторіи.

Князь Иванъ Шуйскій, захватившій верховную власть, по болѣзни скоро удалился отъ двора, передавши правленіе своимъ родственникамъ, Ивану и Андрею Михайловичамъ Шуйскимъ и Ѳедору Ивановичу Скопину-Шуйскому [1]). Но не долго пришлось править и этимъ Шуйскимъ. Молодому государю исполнилось въ 1544 году тринадцать лѣтъ. Онъ находился подъ вліяніемъ братьевъ Елены: Юрія и Михаила Васильевичей Глинскихъ. Митрополитъ Макарій сталъ на ихъ сторону, измѣнивши Шуйскимъ, подобно тому, какъ имъ измѣнилъ его предшественникъ. По наущенію своихъ дядей, отрокъ Иванъ приказалъ схватить

---

[1]) Дѣду знаменитаго героя Смутнаго времени, Михаила Скопина-Шуйскаго.

Андрея Шуйскаго и отдать своимъ псарямъ, которые тотчасъ же растерзали его. Өедора Скопина-Шуйскаго и другихъ бояръ его партіи сослали. Правленіемъ овладѣли Глинскіе.

При смутахъ, происходившихъ въ малолѣтство Ивана, отрокъ-государь получилъ самое дурное воспитаніе. Онъ отъ природы не имѣлъ большого ума, но за то одаренъ былъ въ высшей степени нервнымъ темпераментомъ, и, какъ всегда бываетъ съ подобными натурами, чрезмѣрною страстностью и до крайности впечатлительнымъ воображеніемъ. Въ младенчествѣ съ нимъ какъ будто умышленно поступали такъ, чтобы образовать изъ него необузданнаго тирана. Съ молокомъ кормилицы всосалъ онъ мысль, что онъ рожденъ существомъ высшимъ, что со временемъ онъ будетъ самодержавнымъ государемъ, что могущественнѣе его нѣтъ никого на свѣтѣ, и въ то же время его постоянно заставляли чувствовать свое настоящее безсиліе и униженіе. Его разлучили съ мамкою, къ которой онъ былъ привязанъ, убили Телепнева, къ которому онъ привыкъ; на его глазахъ, его именемъ, бояре свергали другъ друга, а зазнавшіеся Шуйскіе обращались съ нимъ высокомѣрно и нагло. „Помню—писалъ впослѣдствіи Иванъ Васильевичъ,—какъ, бывало, мы съ братомъ Юріемъ играемъ подѣтски, а князь Иванъ Шуйскій сидитъ на лавкѣ, локтемъ опершись на постель отца нашего, да еще ногу на нее положитъ, а съ нами не то по-родительски, а по-властелински обращается, какъ съ рабами. Ни въ одеждѣ, ни въ пищѣ не было намъ воли; а сколько-то казны отца нашего и дѣда они перебрали, да на нашъ счетъ сосуды себѣ золотые и серебряные подѣлали и на нихъ имена родителей своихъ подписали, будто это ихъ родительское достояніе! Всѣмъ людямъ вѣдомо, какъ, при матери нашей, у князя Ивана Шуйскаго была шуба кунья, покрыта зеленымъ мухояромъ, да и та ветха: если бы у нихъ было прежде столько богатствъ, чтобы сдѣлать сосуды, такъ лучше было шубу перемѣнить!“ Отрокъ-государь привязался-было къ боярину Семену Воронцову. Андрей Шуйскій, изъ опасенія, чтобы Воронцовъ не взялъ на себя слишкомъ многаго, приказалъ схватить его въ присутствіи государя, и только слезныя прошенія Ивана да ходатайство митрополита спасли Воронцова отъ смерти, но все-таки его сослали. Раздражая такими поступками отрока, бояре въ то же время дозволяли ему усвоивать самыя вредныя привычки: молодой Иванъ для забавы бросалъ съ крылецъ или съ вышекъ животныхъ и тѣшился ихъ муками; а когда власть перешла въ руки Глинскихъ, то Иванъ набралъ около себя отроковъ изъ знатныхъ семействъ и съ ихъ толпою скакалъ верхомъ

во всю прыть по городу, топталъ и билъ людей, а опекуны и ихъ угодники похваливали его за это и говорили: „Вотъ будетъ храбрый и мужественный царь!“ Со вступленіемъ въ юношескій возрастъ все болѣе и болѣе развивались въ Иванѣ дикія наклонности. Къ дѣлу его никто не пріучалъ. Онъ—то ѣздилъ по монастырямъ, предпринимая для этой цѣли даже отдаленныя путешествія, какъ, напримѣръ, на Бѣлоозеро, въ Новгородъ, Вологду, Тихвинъ, Псковъ и т. п., то увлекался охотою, или же пьянствовалъ и буйствовалъ съ своими удальцами. Его шатанія по Русской землѣ, какъ благочестивыя, такъ и грѣшныя, тяжело отзывались на жителяхъ. Между тѣмъ, отвѣдавши крови на Шуйскомъ, онъ получалъ къ ней вкусъ, а Глинскіе пользовались этимъ и подстрекали его давать волю своей впечатлительной натурѣ. По минутному расположенію духа, онъ то клалъ опалы на сановниковъ, то прощалъ ихъ. Однажды, когда четырнадцатилѣтній Иванъ выѣхалъ на охоту, къ нему явились пятьдесятъ новгородскихъ пищальниковъ жаловаться на намѣстниковъ. Ивану стало досадно, что они прерываютъ его забаву; онъ приказалъ своимъ дворянамъ прогнать ихъ; но когда дворяне принялись ихъ бить, пищальники стали имъ давать сдачи, и нѣсколько человѣкъ легло на мѣстѣ. Взбѣшенный Иванъ приказалъ изслѣдовать, кто подущалъ пищальниковъ. Дьякъ Василій Захаровъ, сторонникъ Глинскихъ, которому дано было это порученіе, обвинилъ князя Кубенскаго и двухъ Воронцовыхъ; одинъ изъ послѣднихъ былъ Θедоръ, любимецъ царя. Иванъ немедленно приказалъ отрубить имъ головы. Иванъ неспособенъ былъ къ долгимъ привязанностямъ и для него ничего не значило убить человѣка, котораго еще не такъ давно считалъ своимъ другомъ. Молодымъ сверстникамъ государя, раздѣлявшимъ его забавы, была небезопасна его милость. Иванъ, разсердившись на нихъ, не затруднялся изрекать имъ смертные приговоры. По его приказанію были удавлены: одинъ изъ князей Трубецкихъ и сынъ любимца Елены, Θедоръ.

Такъ достигъ Иванъ семнадцати лѣтъ. 16 января 1547 года онъ вѣнчался царскимъ вѣнцомъ въ Успенскомъ соборѣ. Уже прежде московскіе властители считали себя преемственно царями, съ одной стороны, потому что заступили для Руси мѣсто хановъ Золотой Орды, которыхъ русскіе въ теченіе вѣковъ привыкли называть царями, а съ другой—потому, что считали себя по женской линіи преемниками византійскихъ императоровъ, которыхъ титулъ по-русски издавна переводился словомъ „царь“. Выдумана была сказка о присылкѣ царскаго вѣнца византійскимъ императоромъ Константиномъ Мономахомъ внуку своему

Владимиру Мономаху, на котораго будто бы возложилъ царскій вѣнецъ, цѣпь и бармы ефесскій митрополитъ. Говорили, что Владимиръ Мономахъ завѣщалъ эти регаліи своему сыну Юрію Долгорукому и приказалъ хранить изъ поколѣнія въ поколѣніе, до тѣхъ поръ, пока Богъ не воздвигнетъ на Руси достойнаго самодержца. Митрополитъ Макарій вѣнчалъ на царство Ивана такъ-называемою шапкою, бармами и цѣпью Мономаха. Для приданія большей важности царскому роду придумали вывести происхожденіе прадѣда св. Владимира, Рюрика, отъ цезаря Августа. Для этого воспользовались сочиненною въ Литвѣ сказкою, будто братъ римскаго императора Октавія-Августа переселился въ Литву, признали потомками этого вымышленнаго Августова брата трехъ братьевъ, Рюрика, Синеуса и Трувора, которыхъ, по нашимъ древнимъ лѣтописямъ, новгородцы, вмѣстѣ съ другими русскими племенами, призвали къ себѣ на княженіе въ половинѣ IX вѣка.

Сказанія эти составлялись, вѣроятно, съ участіемъ митрополита Макарія: его время особенно отпечатлѣлось составленіемъ всякихъ подложныхъ сказаній о событіяхъ давнихъ вѣковъ. Вслѣдъ за вѣнчаніемъ Ивана, Макарій съ соборомъ причислилъ къ лику святыхъ цѣлый рядъ русскихъ князей, епископовъ и отшельниковъ, уважаемыхъ болѣе или менѣе народною памятью; и такъ какъ жизнь многихъ изъ нихъ оставалась неизвѣстною или мало извѣстною, то сочинены были разными духовными лицами ихъ біографіи. Самъ Макарій былъ большой любитель старины, собиралъ памятники древней письменности и древней исторіи, самъ продолжалъ Степенную Книгу—историческое сочиненіе, начатое митрополитомъ Кипріаномъ, и составилъ огромный сборникъ біографій, сказаній, поученій и богословскихъ сочиненій, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ, расположивъ ихъ по мѣсяцамъ и днямъ года, и далъ этой книгѣ названіе Минеи Четьихъ. Въ своихъ ученыхъ трудахъ Макарій не только не руководствовался ни малѣйшею критикою въ признаніи подлинности собираемыхъ сочиненій, но допускалъ всякіе вымыслы и не заботился о правильности редакціи сочиненій, помѣщенныхъ въ его Великихъ Минеяхъ.

Въ началѣ 1547 года, по царскому повелѣнію, собраны были со всего государства дѣвицы, и молодой царь выбралъ изъ нихъ дочь умершаго окольничаго Романа Юрьевича Захарьина. Имя царской невѣсты было Анастасія. Свадьба происходила 3 февраля. Женитьба не измѣнила характера царя. Онъ продолжалъ свою буйную, безпорядочную жизнь, не занимался дѣлами

правленія, но постоянно заявлялъ, что онъ самодержавный государь и можетъ дѣлать, что̀ ему угодно. Всѣмъ заправляли родные его Глинскіе, повсюду сидѣли ихъ намѣстники, не было нигдѣ правосудія, вездѣ происходили насилія и грабежи. Самъ царь не терпѣлъ, чтобъ его безпокоили жалобами. 3-го іюня семьдесятъ псковскихъ людей прибыли въ Москву жаловаться на своего намѣстника князя Турунтая-Пронскаго, угодника Глинскихъ. Они явились къ царю въ его сельцѣ Островкѣ. Ивану Васильевичу до того не понравилось это, что онъ велѣлъ раздѣть псковичей, положить на землѣ, поливать горячимъ виномъ и палить имъ свѣчами волосы и бороды. Во время такого занятія государю пришла неожиданная вѣсть, что въ Москвѣ, когда начали благовѣстить къ вечернѣ, упалъ колоколъ. Иванъ бросилъ свои жертвы и поспѣшилъ въ Москву.

Паденіе колокола считалось на Руси,—какъ и теперь считается—предвѣстіемъ общественнаго бѣдствія. Послѣдовало и другое предвѣстіе предъ совершеніемъ ожидаемой уже бѣды. Былъ въ Москвѣ юродивый, по имени Василій. О немъ ходили чудные слухи. Онъ являлся на московскихъ улицахъ, и въ лѣтній зной, и въ зимнюю стужу, нагишомъ, „какъ Адамъ первозданный“. 20 іюня, въ полдень, увидали его близъ церкви Воздвиженія на Арбатѣ. Онъ смотрѣлъ на церковь и горько плакалъ. Всѣ догадывались, что онъ чуетъ что̀-то недоброе. На другой день, 21 іюня, въ этой самой церкви вспыхнулъ пожаръ и распространился съ чрезвычайною быстротою по деревяннымъ зданіямъ города; сильная буря помогла ему. Въ продолженіе часа все Занеглинье [1]) и Чертолье (нынѣшняя Пречистенка) обратились въ пепелъ. Буря понесла пламя на Кремль, загорѣлся верхъ соборной церкви, а потомъ занялись деревянныя кровли на царскихъ службахъ (палатахъ); сгорѣли: оружничая палата, постельная палата съ домашнею казною, царская конюшня и разрядныя избы (гдѣ велось дѣлопроизводство о всякихъ назначеніяхъ по службѣ); огонь даже проникъ въ погреба подъ палатами. Пострадала придворная церковь Благовѣщенія: внутри ея сгорѣлъ иконостасъ, работы знаменитаго русскаго художника Андрея Рублева. Успенскій соборъ и митрополичій дворъ остались цѣлы. Митрополитъ чуть было не задохся въ церкви и едва успѣлъ убѣжать изъ Кремля черезъ подземный ходъ (тайникъ). Сгорѣли монастыри и многіе дворы въ Кремлѣ.

---

[1]) Мѣсто по ту сторону отъ Кремля, за рѣкою Неглинною, теперь заложенною сводомъ и застроенною зданіями.

Пожаръ сдѣлался еще ужаснѣе, когда дошелъ до пороха, хранившагося въ стѣнахъ Кремля, и произошли взрывы. Огонь распространился по Китай-городу, и эта часть города сгорѣла, исключая двухъ церквей и десяти лавокъ. Пожаръ охватилъ большой посадъ вплоть до Воронцовскаго сада на Яузѣ. Тогда, говорятъ, сгорѣло тысяча семьсотъ взрослыхъ людей и несчетное множество дѣтей. Царь съ супругою и съ приближенными не былъ въ Москвѣ во время пожара, а послѣ пожара проживалъ въ своемъ загородномъ селѣ Воробьевѣ; онъ мало заботился о потерпѣвшихъ жителяхъ столицы, и велѣлъ прежде всего поправлять церкви и палаты на своемъ царскомъ дворѣ.

Между тѣмъ, большая часть москвичей находилась въ ужасномъ положеніи, безъ хлѣба, безъ крова; многіе не могли отыскать своихъ ближнихъ, пропавшихъ безъ вѣсти. Отчаяніе овладѣло народомъ. Въ тѣ времена всегда готовы были приписать общественное бѣдствіе лихимъ людямъ и колдовству. Разнеслась молва, что лихіе люди вражьимъ навѣтомъ вынимали изъ человѣческихъ труповъ сердца, мочили ихъ въ водѣ, и этою водою кропили московскія улицы, и оттого Москва сгорѣла. Донесли объ этомъ царю. Царь самъ повѣрилъ такой причинѣ пожара и приказалъ своимъ боярамъ сдѣлать розыскъ.

Тогда знатные люди, ненавидѣвшіе Глинскихъ, воспользовались случаемъ погубить ихъ. Эти враги Глинскихъ были—братъ царицы Анастасіи Григорій, благовѣщенскій протопопъ Ѳедоръ Бирлинъ, бояринъ Иванъ Ѳедоровъ, князь Ѳедоръ Скопинъ-Шуйскій, князь Юрій Темкинъ, Ѳедоръ Нагой и другіе. Они пустили въ народѣ слухъ, что злодѣи, учинившіе своимъ чародѣйствомъ пожаръ въ Москвѣ, были не кто иные, какъ Глинскіе. Легко было увѣрить народъ, такъ какъ всѣ не любили Глинскихъ и были недовольны ихъ могуществомъ. У Глинскихъ въ милости было много людей не московскаго происхожденія—переселенцевъ изъ Сѣверской земли и Южной Руси; Глинскіе нѣкоторымъ изъ нихъ раздавали должности. Любимцы эти пользовались своимъ возвышеніемъ; гдѣ только могли, доставляли они себѣ выгоды на счетъ народа; другіе, опираясь на покровительство Глинскихъ, дозволяли себѣ въ Москвѣ разныя своеволія и безчинства. На пятый день послѣ пожара, настроенная заговорщиками народная толпа бросилась къ Успенскому собору и кричала: „кто зажигалъ Москву?“ На этотъ вопросъ послѣдовалъ изъ толпы такой отвѣтъ: „княгиня Анна Глинская со своими дѣтьми и со своими людьми вынимала сердца человѣческія и клала въ воду, да тою водою, ѣздячи по Москвѣ, кропила, и

оттого Москва выгорѣла“. Толпа, услышавши такую рѣчь, пришла въ неистовство. Изъ двухъ Глинскихъ, братьевъ умершей великой княгини Елены, Михайло съ матерью Анною, бабкою государя, былъ во Ржевѣ, а другой, Юрій, не подозрѣвая, какія сѣти ему сплели бояре, пріѣхалъ къ Успенскому собору вмѣстѣ со своими тайными врагами. Услышалъ онъ страшные крики и вопли противъ его матери и всего ихъ рода, и скрылся въ церкви. Народъ вломился за нимъ въ церковь. Его вытащили оттуда, убили дубьемъ, повлекли трупъ его по землѣ и бросили на торгу.

Истребили всѣхъ людей Глинскихъ. Досталось и такимъ, которые вовсе не принадлежали къ числу ихъ. Въ Москвѣ были тогда на службѣ дѣти боярскіе изъ Сѣверской земли. Народъ перебилъ ихъ, потому только, что въ ихъ рѣчи слышался тотъ же говоръ, какъ и у людей Глинскаго. „Вы всѣ ихъ люди—кричала толпа—вы зажигали наши дворы и товары“.

Такъ прошло два дня. Народъ не унимался.

Изъ Глинскихъ погибъ только одинъ; народу нужны были еще жертвы. Раздались такіе крики: „Государь спряталъ у себя на Воробьевѣ княгиню Анну и сына ея Михаила!“

Толпа хлынула на Воробьево.

Событіе было поразительное. Самодержавіе верховной власти, казалось, въ эти минуты утрачивало свое обаяніе надъ народомъ, потерявшимъ терпѣніе. Иванъ до сихъ поръ слишкомъ вѣрилъ въ свое всемогущество, и потому держалъ себя нагло и необузданно; теперь онъ впалъ въ крайнюю трусость и совершенно растерялся. Тутъ явился передъ нимъ человѣкъ въ священнической одеждѣ, по имени Сильвестръ. Намъ неизвѣстна прежняя жизнь этого человѣка. Говорятъ только, что онъ былъ пришлецъ изъ Новагорода Великаго. Въ его рѣчи было что-то потрясающее. Онъ представилъ царю печальное положеніе Московской земли, указывалъ, что причиною всѣхъ несчастій пороки царя: небесная кара уже висѣла надъ Иваномъ Васильевичемъ въ образѣ народнаго бунта. Въ довершеніе всего Сильвестръ поразилъ малодушнаго Ивана какими-то чудесами и знаменіями. „Не знаю—говоритъ Курбскій—истинныя ли то были чудеса... Можетъ быть, Сильвестръ выдумалъ это, чтобы ужаснуть глупость и ребяческій нравъ царя. Вѣдь и отцы наши иногда пугаютъ дѣтей мечтательными страхами, чтобы удержать ихъ отъ зловредныхъ игръ съ дурными товарищами“. Царь началъ каяться, плакалъ и далъ обѣщаніе съ этихъ поръ во всемъ слушаться своего наставника.

Толпу разогнали выстрѣлами, нѣсколько человѣкъ убили. Остальные разбѣжались.

Съ тѣхъ поръ Иванъ Васильевичъ очутился подъ опекою Сильвестра, и въ то же время сдружился съ Алексѣемъ Адашевымъ, однимъ изъ молодыхъ людей, уже извѣстныхъ царю. Адашевъ случайно попалъ въ число тѣхъ, которыхъ Иванъ приближалъ къ себѣ ради забавы. Это былъ человѣкъ большого ума и въ высокой степени нравственный и честный. „Если бы—говоритъ Курбскій—все подробно писать объ этомъ человѣкѣ, то это показалось бы совсѣмъ невѣроятнымъ посреди грубыхъ людей; онъ, можно сказать, былъ подобенъ ангелу". Подъ вліяніемъ Сильвестра, Иванъ предался Адашеву всею душою. Сильвестръ и Адашевъ подобрали кружокъ людей, болѣе другихъ отличавшихся широкимъ взглядомъ и любовью къ общему дѣлу. То были люди знатныхъ родовъ: князь Димитрій Курлятовъ, князья: Андрей Курбскій, Воротынскій, Одоевскій, Серебряный, Горбатый, Шереметевы и другіе. Кромѣ того, Адашевъ и Сильвестръ стали извлекать изъ толпы людей незнатныхъ, но честныхъ, и повѣряли имъ разныя должности. Такимъ образомъ, изъ дѣтей боярскихъ возвышались люди, какихъ нужно было Сильвестру и Адашеву; для этого употребили они существовавшій уже обычай раздавать помѣстья и вотчины; а владѣя всѣми помыслами царя, любимцы могли приближать къ царю и возвышать кого хотѣли. Несмотря на то, что въ кругу людей, окружившихъ тогда царя, были знатные потомки удѣльныхъ князей, возвышеніе новыхъ людей вначалѣ не оскорбляло ихъ гордости. Самъ Алексѣй Адашевъ, всѣми уважаемый и нѣсколько лѣтъ всѣмъ заправлявшій, былъ человѣкъ незнатнаго происхожденія и небогатый. „Я изъ батожниковъ его поднялъ, отъ гноища учинилъ наравнѣ съ вельможами", говорилъ о немъ впослѣдствіи Иванъ.

И вотъ, государство стало управляться кружкомъ любимцевъ, который Курбскій называетъ „избранною радою". Безъ совѣщанія съ людьми этой избранной рады, Иванъ не только ничего не устраивалъ, но даже не смѣлъ мыслить. Сильвестръ до такой степени напугалъ его, что Иванъ не дѣлалъ шагу, не спросившись у него совѣта; Сильвестръ вмѣшивался даже въ его супружескія отношенія. При этомъ, опекуны Ивана старались по возможности вести дѣло такъ, чтобы онъ не чувствовалъ тягости опеки, и ему бы казалось, что онъ по прежнему самодержавенъ. Впослѣдствіи, когда Иванъ сбросилъ съ себя власть этихъ людей, онъ въ такихъ словахъ изображалъ горькое униженіе своего

самодержавія: „Они отняли у насъ данную намъ отъ прародителей власть возвышать васъ, бояръ, по нашему изволенію, но все положили въ свою и вашу власть; какъ вамъ нравилось, такъ и дѣлалось; вы утвердились между собою дружбою, чтобы все содержать въ своей волѣ; у насъ же ни о чемъ не спрашивали, какъ будто насъ на свѣтѣ не было; всякое устроеніе и утвержденіе совершалось по волѣ ихъ и ихъ совѣтниковъ. Мы, бывало, если что-нибудь и доброе посовѣтуемъ, то они считаютъ это ни къ чему ненужнымъ, а сами хоть что-нибудь неудобное и развращенное выдумаютъ, такъ ихнее все хорошо! Во всѣхъ малыхъ и ничтожныхъ вещахъ, до обуванія и до спанья, мнѣ не было воли, а все по ихъ хотѣнію дѣлалось. Что же тутъ неразумнаго, если мы не захотѣли остаться въ младенчествѣ, будучи въ совершенномъ разумѣ?"

„Избранная рада" не ограничивалась исключительно кружкомъ бояръ и временщиковъ; она призывала къ содѣйствію себѣ и цѣлый народъ. „Царь—говоритъ одинъ изъ членовъ этой оффиціальной избранной рады, Курбскій—долженъ искать совѣта не только у своихъ совѣтниковъ, но у всенародныхъ человѣковъ". Съ такимъ господствующимъ взглядомъ тогдашніе правители именемъ государя собрали земскій соборъ или земскую думу изъ выборныхъ людей всей Русской земли. Явленіе было новое въ исторіи. Въ-старину существовали вѣча въ земляхъ по-одиночкѣ, но никто не додумался до великой мысли образовать одно вѣче всѣхъ русскихъ земель, вѣче вѣчъ. Раздоры между землями и князьями не допускали до этого. Теперь, когда уже столько русскихъ земель собрано было во-едино, естественно было явиться такому учрежденію. Къ большому сожалѣнію, мы не знаемъ не только подробностей, но даже главныхъ чертъ этого знаменитаго событія. Мы не знаемъ, какъ избирали выборныхъ, кого выбирали, съ какимъ полномочіемъ посылали— все это для насъ остается безотвѣтнымъ; передъ нами только блестящая картина народа, собраннаго на площади, и образъ царя посреди этого народа. Было это въ одинъ изъ воскресныхъ дней. Послѣ обѣдни, царь съ митрополитомъ и духовенствомъ вышелъ на площадь, кланялся народу, каялся въ томъ, что правленіе его было дурно, приписывалъ это боярамъ и вельможамъ, пользовавшимся его юностью, и говорилъ: „Люди божіи, дарованные намъ Богомъ! Умоляю васъ, ради вѣры къ Богу и любви къ намъ! Знаю, что нельзя уже исправить тѣхъ обидъ и разореній, которыя вы понесли во время моей юности, и пустоты и безпомощества моего, отъ неправедныхъ властей, неправосудія,

лихоимства и сребролюбія; но умоляю васъ: оставьте другъ къ другу вражды и взаимныя неудовольствія, кромѣ самыхъ большихъ дѣлъ; а въ этомъ, какъ и во всемъ прочемъ, я вамъ буду, какъ есть моя обязанность, судьею и обороною". Тогда Иванъ пожаловалъ въ окольничіе Адашева и повелѣлъ ему принимать и разсматривать челобитныя, сказавши (вѣроятно по мысли другихъ): „не бойся сильныхъ и славныхъ, насилующихъ бѣдняковъ и погубляющихъ немощныхъ. Но не вѣрь и ложнымъ слезамъ бѣднаго, который напрасно клевещетъ на богатаго. Все разсматривай съ испытаніемъ и доноси мнѣ истину".

Тогда были избраны и „судьи правдивые": вѣроятно, подъ этимъ слѣдуетъ разумѣть составителей будущаго Судебника. Мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, какъ и кѣмъ составлялись послѣдовавшія за этимъ земскимъ соборомъ законоположенія. Намъ остались только: редакція Судебника (собранія свѣтскихъ законоположеній), Стоглавъ и Уставныя Грамоты—плодъ законодательной дѣятельности этого славнаго времени.

Недаромъ Иванъ жаловался на неправду, укоренившуюся въ управленіи. Лѣтописцы того времени свидѣтельствуютъ то же. И въ Судебникѣ, и въ Уставныхъ грамотахъ видно, что составленіе ихъ вызвано насущною потребностью охранить народъ отъ произвола правителей и судей. Болѣе всего рѣзко поражаетъ насъ въ этихъ памятникахъ развитіе двоевластія и двоесудія, что въ очень малыхъ признакахъ видно даже въ Судебникѣ Ивана III, но что глубоко замѣтно во всей жизни древней удѣльно-вѣчевой Руси Являются двѣ отличныя, хотя взаимно дѣйствующія стихіи: государство и земщина. Дѣло можетъ быть государское, но можетъ быть и земское. Свадьба государя или вѣнчаніе его на царство есть дѣло государево, походъ подъ Казань—дѣло земское. Служба можетъ быть государева, можетъ быть земская. Много разъ можно встрѣтить и въ послѣдующія времена эту двоякость общественной жизни; но она является всего ярче въ то время, когда самовластіе Ивана подпало подъ вліяніе Адашева и Сильвестра.

Въ Судебникѣ ощутительны два источника судопроизводства: государственный и земскій.

Государственное правосудіе и управленіе сосредоточивается въ столицѣ, гдѣ существуютъ чети или приказы, къ которымъ приписаны русскія земли. Въ нихъ судятъ бояре или окольничіе; дьяки ведутъ дѣла, а подъ вѣдомствомъ дьяковъ состоятъ подъячіе. Въ областяхъ—судебное и административное дѣленіе на города и волости. При городахъ обыкновенно посады (города въ ны-

нѣшнемъ смыслѣ); иногда и безъ города посады: они составляли до извѣстной степени особое управленіе, такъ какъ посадскіе люди, занимающіеся ремеслами, промыслами и торговлей, отличались отъ волостныхъ. Волости были собраніемъ земледѣльческихъ селъ. Городъ съ волостями составлялъ уѣздъ, раздѣлявшійся въ полицейскомъ отношеніи на станы. Уѣздъ замѣнилъ старинное понятіе о землѣ: какъ прежде городу нельзя было быть безъ земли, такъ теперь городу нельзя было быть безъ уѣзда, по выраженію одного акта XVI вѣка, подобно тому, какъ деревнѣ нельзя быть безъ полей и угодьевъ. Въ городахъ и волостяхъ управляли намѣстники и волостели, которые могли быть и съ боярскимъ судомъ (съ правомъ судить подвѣдомственныхъ имъ людей, подобно боярамъ въ своихъ вотчинахъ) или безъ боярскаго суда. Они получали города и волости себѣ „въ кормленіе“—т.-е. въ пользованіе. Судъ былъ для нихъ доходною статьею, но это былъ собственно доходъ государя, который передавалъ его своимъ слугамъ вмѣсто жалованья за службу. Тамъ, гдѣ они сами не могли управлять, посылали своихъ довѣренныхъ и тіуновъ. На судѣ намѣстниковъ были дьяки и разные судебные приставы съ названіями: праветчиковъ (взыскателей), доводчиковъ (звавшихъ къ суду и также производившихъ слѣдствіе), приставовъ (которые стерегли обвиненныхъ) и недѣльщиковъ (посылаемыхъ отъ суда съ разными порученіями).

Рядомъ съ этимъ государевымъ судебнымъ механизмомъ существовалъ другой, выборный, народный. Представителями послѣдняго были въ городахъ городовые приказчики и дворскіе, а въ волостяхъ (впослѣдствіи и въ посадахъ) старосты и цѣловальники. Старосты были двоякаго рода: выборные полицейскіе и выборные судебные. Общества были раздѣлены на сотни и десятки и выбирали себѣ блюстителей порядка: старостъ, сотскихъ и десятскихъ; они распоряжались раскладкою денежныхъ и натуральныхъ повинностей и вели разметныя книги, гдѣ записаны были всѣ жители съ дворами и имуществами. Старосты и цѣловальники, которые должны были сидѣть на судѣ намѣстниковъ и волостелей, выбирались волостями, или же вмѣстѣ съ ними и тѣми городами, гдѣ не было дворскаго. Всякое дѣло, производившееся въ судѣ, писалось въ двухъ экземплярахъ, и, въ случаѣ надобности, повѣрялось тождество между ними; какъ у намѣстниковъ и волостелей были свои дьяки, такъ у старостъ—свои земскіе дьяки, занимавшіеся письмоводствомъ, а у этихъ дьяковъ—свои земскіе подъячіе.

Важныя уголовныя дѣла подлежали особымъ лицамъ—губ-

нымъ старостамъ, избраннымъ всѣмъ уѣздомъ изъ дѣтей боярскихъ; въ описываемое время ихъ суду подлежали только разбойники. Это учрежденіе явилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще въ малолѣтство Ивана и вызвано было усилившимися разбоями. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ было по два губныхъ старостъ. Власть ихъ была велика, и всѣ равно должны были подчиняться ихъ суду.

Судебникъ заботился объ огражденіи народа отъ тягости государственнаго суда и отъ произвола намѣстниковъ и волостелей: послѣдніе, въ случаѣ жалобъ на нихъ, подвергались строгому суду. Выборные судьи могли посылать приставовъ за людьми намѣстниковъ и волостелей, и еслибы намѣстники и волостели взяли кого-либо подъ стражу и заковали, не заявивши о томъ выборнымъ судьямъ, послѣдніе имѣли право силою освободить арестованныхъ. Только служилые государевы люди подлежали одному суду намѣстниковъ и волостелей.

При желаніи обезопасить народъ отъ произвола, законодатели, составляя Судебникъ, уже имѣли въ виду постепенно устранить земство отъ суда намѣстниковъ и волостелей и замѣнить чѣмъ-нибудь другимъ отдачу имъ въ кормленіе городовъ и волостей. Это, отчасти, видно изъ того, что въ 1550 году раздавали во множествѣ дѣтямъ боярскимъ земли въ помѣстья, раздѣляя ихъ на три статьи и принимая во вниманіе, чтобы получали помѣстья тѣ, которые своихъ отчинъ не имѣли. Современное извѣстіе объясняетъ, что это дѣлалось именно съ цѣлью замѣнить доходы кормленія намѣстниковъ и волостелей дачею имъ земельныхъ угодій. Мѣра эта, принятая въ то время, вообще значительно увеличила военную силу. Къ этому времени относится и образованіе стрѣльцовъ изъ прежнихъ пищальниковъ; они составляли особый военный классъ, жили при городахъ слободами, раздѣлялись на приказы и вооружены были огнестрѣльнымъ оружіемъ и бердышами.

Что̀ намѣчено было Судебникомъ, то продолжали и доканчивали Уставныя грамоты того времени. Судебникъ пока только вводилъ двоесудіе. Уставныя грамоты дали перевѣсъ въ судѣ выборному началу. Это доказывается исторіею Уставныхъ грамотъ. По одной изъ нихъ, устюженской, видно, что прежде намѣстники и волостели судили-рядили произвольно. При Василіѣ Ивановичѣ дана Уставная грамота, опредѣляющая обязанности волостелей; въ 1539 году—при боярскомъ управленіи—дана другая грамота, гдѣ доходы волостелей опредѣлялись нѣсколько точнѣе; а въ 1551 году, сообразно Судебнику, волостелямъ запрещалось творить

судъ безъ участія старосты и цѣловальниковъ. Мало-по-малу управленіе намѣстниковъ и волостелей совершенно замѣнялось предоставленіемъ жителямъ права самимъ управляться и судиться посредствомъ выборныхъ лицъ, за взносимую въ царскую казну, какъ-бы откупную, сумму оброка. Въ 1552 году дана грамота Важской землѣ. Замѣтимъ, что въ этомъ краѣ древнее понятіе о выборномъ правѣ могло укорениться болѣе, чѣмъ во многихъ мѣстахъ, такъ какъ это была изстари Новгородская земля. Жители сами подали объ этомъ челобитную, жаловались на тягости, которыя терпѣли они отъ намѣстниковъ и волостелей; послѣдніе въ этой челобитной изображаются покровителями воровъ и разбойниковъ; многіе изъ жителей, не находя возможнымъ сносить такое управленіе, разбѣгались, а на оставшихся ложилось все бремя налоговъ, въ которыхъ уже не участвовали убѣжавшіе. Жители просили дозволить имъ избрать десять человѣкъ излюбленныхъ судей, которые бы, вмѣсто намѣстниковъ, судили у нихъ, какъ уголовныя дѣла (въ душегубствѣ и татьбѣ и въ разбоѣ съ поличнымъ и костыремъ [1]), такъ и земскія, а за это жители будутъ ежегодно вносить въ царскую казну оброка полторы тысячи рублей за всѣ судныя намѣстничьи пошлины, не отказываясь, однако, при этомъ отъ исполненія государственныхъ повинностей и взносовъ (*посошной службы*, т.-е. обязанности идти къ рать; *городского дѣла*, т.-е. постройки укрѣпленій; *денегъ полоняночныхъ*, т.-е. на выкупъ плѣнныхъ, и *ямскихъ*, т.-е. на содержаніе почтъ). Правительство дало согласіе на такую перемѣну управленія съ тѣмъ, что весь валовой сборъ оброка будетъ разложенъ по имуществу и по промысламъ жителей, какъ посадскихъ, такъ и волостныхъ. Вмѣсто намѣстниковъ явились излюбленные головы или земскіе старосты, имѣвшіе право суда и смертной казни, а для предотвращенія злоупотребленій должны были выбираться цѣловальники, засѣдавшіе въ судѣ — свидѣтели и участники суда. Управленіе въ краѣ поручалось сотскимъ, пятидесятскимъ и десятскимъ, которые обязаны были наблюдать за благочиніемъ, хватать подозрѣваемыхъ и отдавать суду излюбленныхъ судей или головъ. Вслѣдъ затѣмъ одни уѣзды за другими стали получать подобныя грамоты. Такъ въ той же Устюжнѣ, упомянутой выше, вмѣсто прежняго двоесудія по Судебнику, явилась грамота, по которой устюжане вовсе освобождались отъ суда волостеля. Наконецъ, въ 1555 году, эта мѣра сдѣлалась всеобщею, какъ показываетъ одна грамота того времени, въ

[1]) Судить игроковъ въ кости и карты.

которой говорится, что правительство совсѣмъ изъяло посадскихъ и волостныхъ людей отъ суда намѣстниковъ и волостелей, предоставивъ имъ выбрать излюбленныхъ старостъ съ платежемъ за то оброка въ казну. Но разбойныя дѣла были изъяты отъ новаго выборнаго суда и оставлялись за другими выборными судьями—губными старостами. Впослѣдствіи, мы опять встрѣчаемъ признаки строя, противнаго этому нововведенію, изъ чего слѣдуетъ заключить, что распространеніе выборнаго самосуда не на долгое время принялось въ своей полнотѣ, хотя измѣненные признаки его видимы и позже того, даже въ XVII столѣтіи. Во время господства этого учрежденія оно не одинаково примѣнялось въ вотчинныхъ владѣніяхъ монастырей, церковныхъ властей и частныхъ собственниковъ; видоизмѣненія его зависѣли отъ мѣстныхъ владѣльцевъ, которые вводили между крестьянами, поселенными въ ихъ земляхъ, выборное самоуправленіе съ разными отличіями.

Выборное право суда и управленія развивало общественныя сходбища, которыя, по закону, отправлялись въ уѣздахъ съ цѣлію принятія мѣръ общей безопасности. Всѣ сословія—князья, дѣти боярскіе, крестьяне всѣхъ вѣдомствъ, — присылали изъ своей среды выборныхъ на сходбища, гдѣ предсѣдательствовалъ губной староста. Каждый могъ и долженъ былъ говорить на этихъ сходбищахъ, указывать на лихихъ людей и предлагать мѣры къ ихъ обузданію. Дьякъ записывалъ такія рѣчи, и онѣ принимались въ руководство при поискахъ и слѣдствіяхъ. Всѣ члены общества обязаны были принимать дѣятельное участіе въ благоустройствѣ и содѣйствовать своимъ выборнымъ лицамъ въ отправленіи ихъ должности. Очень важное значеніе получилъ тогда обыскъ. Отъ него зависѣлъ способъ суда надъ подсудимымъ. Если по обыску показывали, что подсудимый человѣкъ дурного поведенія, то его подвергали пыткѣ; также показаніе преступника о соучастіи съ нимъ въ преступленіи какого-нибудь лица повѣрялось обыскомъ, и обвиняемый предавался пыткѣ въ такомъ случаѣ, если по обыску оказывался худымъ человѣкомъ, а въ противномъ случаѣ рѣчамъ преступника не давали вѣры. Въ сомнительныхъ положеніяхъ судебнаго дѣла, когда не было ни сознанія, ни уликъ, дѣло, по жалобѣ истца, рѣшалось въ его пользу тогда, когда обыскъ давалъ неудовлетворительный отзывъ о поведеніи отвѣтчика.

Судебникъ допускалъ поле или судный поединокъ, но обыскъ въ значительной степени вытѣснялъ его изъ судопроизводства, такъ какъ во многихъ случаяхъ, когда прежде прибѣгали къ полю, теперь рѣшали дѣло посредствомъ обыска. Несмотря, од-

нако, на уваженіе къ формѣ обыска, законодатели сознавали, конечно по опыту и по близкому знакомству съ нравами своего народа, что обыскъ будетъ производиться съ злоупотребленіями, а потому, для предотвращенія этихъ злоупотребленій, установлено было жестокое наказаніе наравнѣ съ разбойниками (слѣдовательно смертная казнь [1]) тѣмъ, которые окажутся солгавшими по обыску; самимъ старостамъ и цѣловальникамъ обѣщано наказаніе, если они окажутся нерадивыми въ преслѣдованіи и открытіи такого рода преступленія; въ той же степени отвѣчали бояре и дѣти боярскіе за своихъ людей (холоповъ и служителей) и крестьянъ, жившихъ на ихъ земляхъ, если послѣдніе окажутся виновными въ дачѣ ложнаго показанія по обыску. Впослѣдствіи, когда уже минуло господство Сильвестра и Адашева, значеніе обыска совершенно упало, хотя форма его не уничтожилась; отзывы, собранные по обыску, не служили уже главною нитью для избранія способовъ суда и почти не имѣли значенія, такъ какъ одобренныхъ по обыску можно было предавать пыткѣ и казнить на основаніи показаній, вынужденныхъ пыткою. Въ описываемую нами эпоху пытка допускалась единственно только въ томъ случаѣ, когда приговоръ по обыску признавалъ подсудимаго худымъ человѣкомъ, если не причислять къ пыткѣ (такъ какъ не причислялся онъ къ пыткѣ въ свое время) правежа—варварскаго обычая, возникшаго въ татарскія времена, по которому неоплатнаго должника въ опредѣленное время всенародно били палками по ногамъ, чтобъ истребовать лежащій на немъ долгъ: по Судебнику самый высшій срокъ держанія на правежѣ могъ продолжаться мѣсяцъ за сто рублей долга, а по истеченіи этого срока должникъ выдавался заимодавцу головою и долженъ былъ отслуживать свой долгъ работою. Вскорѣ, вмѣсто мѣсяца, за сто рублей долга назначено было два мѣсяца правежа. Въ выборномъ судопроизводствѣ не существовало никакихъ судныхъ пошлинъ; правосудіе удѣлялось прибѣгавшимъ къ нему безденежно.

Изъ всего этого можно видѣть, что характеръ законодательной дѣятельности этой эпохи отличается духомъ общинности, намѣреніемъ утвердить широкую общительность и самодѣятельность русскаго народа и дать ему возможно бо́льшія льготы, способствующія его благоденствію. При ближайшей оцѣнкѣ этихъ учрежденій нельзя не замѣтить вліянія старыхъ земскихъ преданій, подавленныхъ предшествовавшими обстоятельствами, но еще

---

[1]) По Судебнику наказанія за уголовныя преступленія были: денежная пеня, заключеніе въ тюрьму, торговая (кнутъ) казнь и смертная, постигавшая разбойниковъ, государевыхъ измѣнниковъ, зажигателей, церковныхъ татей и пр.

не совершенно исчезнувшихъ изъ народной жизни. Тогдашнее земское самоуправленіе было не чѣмъ-нибудь новымъ, а старымъ, существовавшимъ прежде повсюду и долѣе сохранявшимся въ земляхъ Новгородской и Псковской. Въ судебникѣ Ивана III уже видно участіе земскихъ лицъ на судѣ намѣстниковъ и волостелей; но это участіе не имѣло силы, такъ мы встрѣчаемъ постоянныя жалобы, что намѣстники и волостели судили произвольно. Василій Ивановичъ возвратилъ Новгороду тѣнь его прежнихъ учрежденій, установивъ въ немъ судныхъ цѣловальниковъ, хотя назначаемыхъ, а не выбираемыхъ; а во Псковѣ сдѣлалъ подобное князь Иванъ Бѣльскій во время своего непродолжительнаго правленія государствомъ (при малолѣтствѣ Ивана) и въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ то было сдѣлано Василіемъ для Новгорода. Наконецъ, какъ мы видѣли, первая грамота такого рода дана была землѣ, нѣкогда принадлежавшей Новгороду и притомъ по просьбѣ жителей: само собою разумѣется, что этимъ жителямъ уже было извѣстно то, о чемъ они просили, а изъ этого можно заключить, что сущность того устройства, которое вводилось грамотами, еще ранѣе существовала въ земляхъ, подвластныхъ Новгороду. Недаромъ Сильвестръ, дававшій всему починъ въ то время, былъ новгородецъ.

По Судебнику, кромѣ духовныхъ, всѣ прочіе составляли два отдѣла: служилыхъ и неслужилыхъ. Первые дѣлились на два разряда: высшихъ и низшихъ. Къ высшимъ принадлежали князья, бояре, окольничіе, дьяки и дѣти боярскіе. Ко вторымъ—простые ратные люди, ямщики и всѣ казенные служители разныхъ наименованій (пушкари, воротники, кузнецы и т. п.). Къ неслужилымъ или земскимъ причислялись: купцы, посадскіе и волостные крестьяне, жившіе какъ на казенныхъ земляхъ (черносошные), такъ и на дворцовыхъ и на частныхъ земляхъ. Служилые перваго разряда пользовались явными преимуществами. Они занимали видныя мѣста и должности, владѣли поземельною собственностью, имѣли преимущество въ судебныхъ процессахъ; такъ, если кто въ судѣ ссылался на ихъ свидѣтельство, то оно считалось сильнѣе свидѣтельства простыхъ людей. Бояре, окольничіе и дьяки освобождались отъ позорной торговой казни. Оттѣнки сословій изображались установленными размѣрами „безчестія“ за оскорбленіе. Бояринъ получалъ 600 руб., дьякъ 200; дѣти боярскіе—сообразно получаемому на службѣ доходу. Изъ торговыхъ людей гость (первостатейный купецъ) считался вдесятеро выше обыкновеннаго торговца и получалъ 50 руб., тогда какъ всякій посадскій получалъ только 5 руб. Волостной чело-

вѣкъ, крестьянинъ, былъ поставленъ въ пять разъ ниже посадскаго, получая „безчестія“ всего одинъ рубль; но, находясь на должности, получалъ наравнѣ съ посадскимъ. Женщинѣ платилось „безчестіе“ вдвое противъ мужчины ея званія.

Во всякомъ судебномъ искѣ бралось въ соображеніе имущество истца и отвѣтчика и количество платимыхъ ими податей. Въ тяжбахъ между посадскими и крестьянами вовсе не допускались иски на такую сумму, которой не имѣлъ тотъ, кто подавалъ жалобу, или искалъ на томъ, кто не могъ ее имѣть. Это совпадало со способомъ наложенія податей и повинностей. Облагались не лица, а имущества и доходы, причемъ руководствомъ служили писцовыя книги, въ которыхъ въ точности приводились въ извѣстность промыслы, средства и доходы жителей. Старое значеніе боярина, какъ землевладѣльца, еще удерживалось въ это время, хотя слово бояринъ имѣло смыслъ сановника. Какъ владѣтель вотчины, назывался бояриномъ тотъ, кто не носилъ боярскаго сана въ царской службѣ. Вотчины были боярскія (вообще частныхъ служилыхъ владѣльцевъ) и монастырскія; къ нимъ слѣдуетъ причислить еще и владѣнія новгородскихъ земцевъ (крестьяне-собственники). Поземельныя владѣнія, какъ боярскія вотчины, такъ и всѣ помѣстья, дѣлали службу обязательною для ихъ владѣльцевъ. Кромѣ послѣднихъ, всѣ земледѣльцы не владѣли землями въ качествѣ частной собственности: у черносошныхъ земли были въ общинномъ владѣніи. Крестьянамъ вообще предоставлялось прежнее право перехода съ земли на землю въ Юрьевъ день.

Относительно холопства въ это время сдѣлано было нѣсколько распоряженій, видимо клонившихся къ уменьшенію числа холоповъ. Отмѣнялось древнее правило, что поступившій въ должность къ хозяину безъ ряда дѣлался его холопомъ. Дѣтямъ боярскимъ запрещалось продаваться въ холопство, не только во время службы, но и ранѣе. (Впослѣдствіи это распоряженіе было отмѣнено для тѣхъ изъ нихъ, которые еще не поступили въ дѣйствительную службу). Судебникъ запрещалъ отдаваться въ холопство за ростъ; слѣдовательно, предотвращалъ случаи, когда человѣкъ въ нуждѣ дѣлался рабомъ. Впрочемъ, неоплатный должникъ послѣ правежа отдавался головою заимодавцу, но, чтобы меньше было такихъ случаевъ, постановлено было давать на себя кабалы не болѣе, какъ на пятнадцать рублей. При всякой отдачѣ головою, излюбленные судьи должны были дѣлать особый докладъ государю. Наконецъ, бѣглый кабальный холопъ не былъ возвращаемъ прямо хозяину, а ему предлагали прежде запла-

тить долгъ, и только въ случаѣ рѣшительной несостоятельности выдавали его головою.

Замѣчательно, что въ совѣтѣ людей, правившихъ тогда на дѣлѣ государствомъ, очевидно были разногласія, проистекавшія отъ различныхъ взглядовъ. Это въ особенности ощутительно по вопросу о мѣстничествѣ. Такимъ образомъ, въ 1550 году являются распоряженія, показывающія намѣреніе вовсе уничтожить мѣстничество: было постановлено, чтобы въ полкахъ князьямъ, воеводамъ и дѣтямъ боярскимъ ходить безъ мѣстъ „и въ томъ отечеству ихъ униженія нѣтъ". Одинъ только первый воевода большого полка считался выше прочихъ; всѣ же остальные были между собою равны. Но въ слѣдующемъ году другимъ распоряженіемъ установлялась разница въ достоинствѣ воеводъ между собою, и въ одномъ современномъ спискѣ лѣтописи по этому поводу сказано: „а воеводъ государь прибираетъ, разсуждая отечество" (т.-е подбираетъ воеводъ, принимая во вниманіе службу ихъ отцовъ). Видно, что люди съ болѣе широкимъ взглядомъ не могли сразу сладить съ предразсудками: впослѣдствіи, когда господство Сильвестра и Адашева кончилось, мѣстничество водворилось опять во всей силѣ.

Выборное земское начало, такъ широко развившееся въ этотъ короткій промежутокъ времени, естественно не могло достигнуть полной независимости, и только съ теченіемъ времени могли разрѣшиться чрезвычайно сложные вопросы по управленію, вызывавшіе вмѣшательство царскихъ чиновниковъ. Еще большая масса служилыхъ подлежала суду намѣстниковъ и волостелей. Когда происходили ссоры между волостями и частными владѣльцами, и волости обращались съ жалобою къ царю, то царь естественно возлагалъ разбирательство дѣла на такихъ лицъ, отъ которыхъ выборное право освобождало посадскихъ и крестьянъ. То же было и тогда, когда волостные крестьяне тягались между собою: тогда малыя деревни, не будучи въ состояніи противостать большинству, обращались сами подъ защиту суда намѣстниковъ. Наконецъ, люди, управлявшіеся выборными властями, находились во власти царскихъ чиновниковъ по государственнымъ повинностямъ, какими, напримѣръ, были: городовое дѣло, посошная служба и т. п. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что вездѣ принимались во вниманіе мѣстныя условія, права и обязанности, чрезвычайно разнообразившія отношенія жителей какъ къ государству, такъ и взаимно между собою.

Вслѣдъ за земскими учрежденіями приступлено было къ церковному устройству. Въ 1551 году собрался соборъ для пере-

смотра порядковъ церкви, ея управленія и религіозныхъ обычаевъ. При открытіи собора, Иванъ говорилъ длинную рѣчь, каялся въ своемъ прежнемъ поведеніи и приглашалъ содѣйствовать ему въ управленіи государствомъ, какъ духовенство, такъ и свѣтскихъ людей. Иванъ былъ настроенъ тогда въ духѣ крайняго смиренія и говорилъ совершенно противоположное тому, что онъ высказывалъ впослѣдствіи въ защиту своего самодержавія. Выше всего онъ почиталъ тогда церковь и отдавалъ ей на разсмотрѣніе даже все земское устройство, составленное по Судебнику и Уставнымъ грамотамъ. Акты этого знаменитаго собора дошли до насъ въ формѣ вопросовъ, предлагаемыхъ отъ имени царя на соборѣ, и отвѣтовъ на эти вопросы, заключающихъ въ себѣ соборные приговоры. Такъ какъ этихъ вопросовъ и отвѣтовъ было сто, то и соборъ получилъ въ исторіи названіе Стоглава.

По отношенію къ церковному управленію предложено было исправить порядокъ, схожій съ управленіемъ намѣстниковъ и волостелей въ земскомъ дѣлѣ. Владыка въ своей епархіи въ соборѣ напоминалъ собою удѣльнаго князя. У него былъ совѣтъ изъ собственныхъ бояръ, которые управляли и судили въ епархіи съ докладомъ владыкѣ. Судьями отъ владыки были его намѣстники и десятильники; при нихъ были, такъ какъ и въ земствѣ, недѣльщики и доводчики. Бѣлое духовенство и монастыри были обложены множествомъ разнообразныхъ пошлинъ [1]), отъ которыхъ нѣкоторые освобождались по благоволенію владыки. Владыки раздавали свои земли въ помѣстья дѣтямъ боярскимъ—эти земли переходили отъ владѣльца къ владѣльцу не по наслѣдству, а по волѣ архіерея. Дѣти боярскіе были обязаны службою владыкѣ, хотя въ то же время призывались и на государственную службу. Судъ у святителей, соотвѣтственно подлежавшимъ этому суду предметамъ, былъ двухъ родовъ: духовный—въ дѣлахъ, относившихся къ области вѣры и благочестія, какъ надъ духовенствомъ, такъ и надъ мірскими людьми, и мірской—надъ лицами, исключительно состоявшими въ церковномъ вѣдомствѣ. Вообще, какъ судъ, такъ и управленіе въ церковномъ вѣдомствѣ страдали въ тѣ времена большими злоупотребленіями. Вла-

---

[1]) Напримѣръ, дани зимняя и лѣтняя, заѣздничье, въѣзжее, благословенная куница (подать со священника при вступленіи въ должность), переходная куница (при переходѣ изъ одного прихода въ другой), явленная куница (при явкѣ ставленной грамоты), соборная куница, людское, полюдная пшеница, казенные алтыны, вѣнечная пошлина (съ невѣсты), новоженный убрусъ (съ жениха), десятильничьи пошлины, и проч.

дычные бояры, дьяки и десятильники всѣми неправдами притѣсняли сельскихъ священниковъ. Соборъ не рѣшился отмѣнить суда бояръ и десятильниковъ, потому что и при великихъ чудотворцахъ Петрѣ, Алексіѣ и Іонѣ были десятильники, но учредилъ изъ священниковъ старостъ и десятскихъ, которые, между прочими обязанностями, должны были присутствовать на судѣ десятильниковъ; да кромѣ того, на этотъ судъ допускались еще и земскіе старосты и цѣловальники вмѣстѣ съ земскимъ дьякомъ. Всякое дѣло писалось въ двухъ экземплярахъ, и одна сторона повѣряла другую. Избираемые изъ священниковъ поповскіе старосты и десятскіе должны были, каждый въ своемъ предѣлѣ, наблюдать за церковнымъ благочиніемъ и за исполненіемъ обязанностей духовенства. Они же собирали и доставляли къ владыкѣ всѣ установленные сборы и пошлины. Соборъ обратилъ вниманіе и на книги. Издавна переводились книги съ греческаго языка, отчасти съ латинскаго, переписывались старыя сочиненія и переводы, и продавались. Какъ переводы, такъ и переписки исполнялись плохо [1]). Тогда все письменное безъ разбора относили къ церкви; и оттого-то книги отреченныя и апокрифы считались, по невѣжеству, наравнѣ съ каноническими книгами священнаго писанія, и нерѣдко приписывалось отцамъ церкви то, чего тѣ никогда не писали. Это неизбѣжно вело къ заблужденіямъ. Соборъ устанавливалъ родъ духовной цензуры, повѣряя ее поповскимъ старостамъ и десятскимъ. Книгописцы состояли подъ ихъ надзоромъ. Старосты и десятскіе имѣли право просматривать и одобривать переписанныя книги и отбирать изъ продажи неисправленныя. Такъ какъ въ тѣ времена во всеобщемъ понятіи ученіе грамотѣ связывалось съ благочестіемъ, то это ученіе вообще поставлено было въ зависимость отъ духовныхъ властей. Во времена Стоглава оставалась память, что нѣкогда на Руси существовали училища, но потомъ исчезли: не многіе теперь знали вполнѣ грамотѣ, учились какъ нибудь, и святители поневолѣ посвящали въ священники людей малограмотныхъ. Соборъ постановилъ завести училища и повѣрилъ ихъ устройство избраннымъ духовнымъ, которые должны были открывать училища въ своихъ домахъ; православные христіане приглашались отдавать дѣтей своихъ въ обученіе грамотѣ, письму и церковному пѣнію. Занимаясь вопросомъ о писаніи книгъ, Стоглавный соборъ коснулся вопроса объ иконописаніи, замѣтилъ большія

---

[1]) До сихъ поръ въ нашихъ библіотекахъ можно видѣть старые переводы съ греческаго, въ которыхъ нельзя добраться смысла.

злоупотребленія и опредѣлилъ установить особый классъ иконописцевъ подъ надзоромъ святителей, такъ чтобы, кромѣ ихъ, никто не смѣлъ заниматься иконописаніемъ.

Монастыри съ существовавшими въ нихъ злоупотребленіями составили одну изъ главныхъ заботъ Стоглавнаго собора. Надѣленные селами и пользуясь большими доходами, монастыри были земнымъ раемъ для своихъ начальствующихъ лицъ, которыя всегда могли принудить къ молчанію своихъ подчиненныхъ, если бы со стороны послѣднихъ раздавались обличенія. Архимандриты и игумены окружали себя своими родными и клевретами и превращали монастырское достояніе въ выгодныя для себя аренды. Ихъ родня, подъ именемъ племянниковъ, поселялась въ монастыряхъ; настоятель раздавалъ имъ монастырскія села, посылая ихъ туда въ качествѣ приказчиковъ. Управленіе монастырскими имѣніями, вмѣсто того, чтобы производиться соборомъ старцевъ, зависѣло отъ произвола одного настоятеля. Въ его безусловной власти находились и братія, и священнослужители монастырскихъ селъ, и часто терпѣли нужду, хотя и находились въ вѣдомствѣ очень богатаго монастыря, такъ какъ никто изъ нихъ не пользовался доходами и не смѣлъ требовать участія въ пользованіи. За то настоятели жили въ полномъ удовольствіи. Въ рѣдкихъ монастыряхъ удерживалось общежитіе въ строгой его формѣ; если гдѣ и была скудная трапеза, то развѣ для бѣдняковъ, питавшихся отъ крупицъ, падавшихъ со стола властей. Нерѣдко вкладчики, въ порывѣ благочестія, отдавали въ монастырь все свое достояніе съ тѣмъ, чтобы тамъ доживать свою старость; лишившись добровольно имущества, они терпѣли и голодъ, и холодъ, и всяческія оскорбленія отъ властвующихъ, которые не дорожили ими, зная, что съ нихъ, послѣ отдачи всего въ монастырь, уже болѣе нечего взять. За то тѣ, которые хотя и отдали въ монастырь часть своего достоянія, но оставили значительный запасъ у себя, пользовались вниманіемъ и угодливостью. Въ монастыряхъ курили вино, варили пиво и меды, отправлялись пиры; въ монастыри пріѣзжали знатные и богатые господа, и настоятели раболѣпствовали предъ ними, стараясь что-нибудь выманить отъ нихъ. Вольное обращеніе съ женскимъ поломъ доходило до большого соблазна: были монастыри, въ которыхъ чернецы и черницы жили вмѣстѣ. Не рѣдко можно было встрѣтить въ монастыряхъ мальчиковъ, „ребятъ голоусыхъ“, какъ выражались въ то время.

Отъ деспотизма и алчности настоятелей, вообще снисходительныхъ къ себѣ и строгихъ къ другимъ, нерѣдко братія ухо-

дила изъ монастыря; бѣдняки иногда скитались съ мѣста на мѣсто, не находя пріюта; въ другихъ монастыряхъ ихъ принимали неохотно; иные находили себѣ убѣжище у мірскихъ церквей, построенныхъ христолюбцами не для прихода, а для себя. Такихъ церквей было множество, но бо̀льшая часть ихъ стояла пустою. То была своеобразная черта русскаго благочестія: состроить церковь ради спасенія своей души, вслѣдствіе какого-нибудь сна или видѣнія, назначить „ругу“ на содержаніе ея, то-есть на свѣчи, просфоры и вино, договорить какого-нибудь бродячаго монаха, а то и свѣтскаго іерея, которыхъ тогда также скиталось не мало на Руси, а впослѣдствіи порывы благочестія минуютъ, — въ церкви нѣтъ служенія, и договоренный священникъ не можетъ служить и жить при церкви, потому что ему перестали давать содержаніе. Часто бродячіе чернецы и въ особенности черницы промышляли пророчествами и видѣніями; нагіе, босые, съ отрощенными и нечесаными волосами, ходили они по селамъ и погостамъ, привлекали своимъ появленіемъ толпу, всенародно тряслись, бились, кричали, что имъ являлись святая Пятница или святая Анастасія и будто бы заповѣдали имъ объявить всѣмъ христіанамъ, чтобы въ среду и пятницу ничего не дѣлали, чтобъ женщины не пряли, бѣлья не мыли и камня не разжигали и т. п. Случалось, что бродяга-чернецъ строилъ маленькую деревянную церковь, ходилъ просить милостыню, выпрашивалъ себѣ ругу, постоянное содержаніе, а потомъ пропивалъ все собранное имъ.

У насъ часто думаютъ, что въ древности господствовало благочестіе, по крайней мѣрѣ наружное; но Стоглавъ представляетъ намъ въ этомъ отношеніи совсѣмъ иной образъ. При невѣжествѣ духовенства, богослуженіе происходило самымъ нестройнымъ образомъ, особенно заутреня и вечерня: въ одно и то же время одинъ читалъ канонъ, другой каѳизмы; духовные машинально исполняли заученное, не имѣя никакого внутренняго благочестія, и потому позволяли себѣ во время богослуженія непристойныя выходки, приходили въ церковь пьяные, ругались и даже дрались между собою. Глядя на нихъ, міряне не оказывали никакого уваженія къ церкви: входили въ храмъ въ шапкахъ, громко разговаривали между собою, смѣялись, перебранивались, даже нерѣдко среди божественнаго пѣнія можно было услышать срамныя слова. Въ поминальные дни церковь представляла совершенный рынокъ, — приносились туда яйца, калачи, пироги, печеная рыба, куры, блины, караваи; попы уносили все это въ алтарь и ставили даже на жертвенникъ. Въ монастыряхъ въ

этомъ отношеніи было не лучше; ожирѣвшіе отъ изобилія настоятели часто вовсе не священнодѣйствовали, братія пьянствовала, и по цѣлымъ недѣлямъ не бывало въ монастырѣ богослуженія. Соборъ осудилъ всѣ эти злоупотребленія, между прочимъ совсѣмъ запретилъ держать въ монастыряхъ пьянственное питье, кромѣ „фрязскихъ винъ"; запрещалось совмѣстное жительство черпецовъ и черницъ; для сохраненія монастырской казны соборъ опредѣлилъ давать по книгамъ отчеты царскимъ дворецкимъ. Издано постановленіе противъ заводителей новыхъ пустынь, которыя тогда сильно размножались: велѣно было такія мелкія пустыни соединять между собою, подчинять монастырямъ, или даже уничтожать ихъ вовсе. Соборъ поставилъ предѣлъ увеличенію церковныхъ вотчинъ, хотя право владѣнія за владыками и монастырями было оставлено, но впередъ церковныя власти безъ особаго царскаго разрѣшенія не могли уже покупать земель. Постановлено было также, чтобы люди служилые не давали по душѣ своихъ вотчинъ безъ воли государя, и всѣ вотчины, отданныя боярами въ монастыри со смерти великаго князя Василія, велѣно отобрать. Кромѣ того, оказывалось, что владыки и монастыри беззаконно присвоили у дѣтей боярскихъ земли подъ предлогомъ долговъ, и такія земли велѣно обратить въ собственность тѣхъ лицъ, за кѣмъ онѣ были прежде.

Изъ Стоглава видно, что въ то время въ церковномъ порядкѣ и въ пріемахъ благочестія существовали многія особенности, отличныя отъ того, что̀ мы видимъ въ настоящее время. При крещеніи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ соблюдалось, вмѣсто погруженія, обливаніе, которое и воспрещено было правилами Стоглавнаго собора. Обычай брать воспріемниками мужчину и женщину, кума и куму, — въ настоящее время всеобщій — тогда только началъ входить и былъ зепрещенъ Стоглавнымъ соборомъ, постановившимъ, чтобы воспріемникомъ было одно лицо: мужескаго или женскаго пола. Вѣнчаніе положено было совершать непремѣнно послѣ обѣдни и вѣнцы полагать только на первобрачныхъ. Жениху должно было быть не менѣе пятнадцати, а невѣстѣ не менѣе двѣнадцати лѣтъ отъ роду. Языческій обычай наговариванія примѣнился къ христіанскимъ обрядамъ: просфирни наговаривали на просфоры, и такимъ просфорамъ приписывалась особая врачебная сила; подобно тому въ великій четвергъ приносили въ церковь соль, которую священники клали подъ престолъ и держали до седьмого четверга по Пасхѣ — день народнаго праздника семика: этой соли приписывали цѣлебную силу противъ болѣзни скота. Такія суевѣрія воспрещены были Сто-

главнымъ соборомъ, какъ равно различныя гаданія и гадательныя книги: Рафли, Аристотелевы врата, наблюденія по звѣздамъ и „планидамъ“, „шестокрылъ, вороноград, альманахъ“ и иныя „составныя и мудрости еретическія и коби бѣсовскія“.

Въ вопросахъ, предложенныхъ на этомъ соборѣ, встрѣчается много любопытныхъ чертъ, указывающихъ на языческіе обычаи, еще довольно сильные въ то время, какъ, напримѣръ: на поминкахъ сходились мужчины и женщины на кладбищахъ; туда приходили скоморохи и гудцы (музыканты); справлялось веселье, шла попойка, пляска, пѣсни. Такимъ веселымъ днемъ была въ особенности суббота передъ пятидесятницею; въ великій четвертокъ отправлялся языческій обычай „кликать мертвыхъ“, теперь уже совершенно исчезнувшій; онъ сопровождался сожженіемъ соломы. Въ этотъ же день клали трутъ въ разсѣлину дерева, зажигали его съ двухъ концовъ, полагали въ воротахъ домовъ или раскладывали тамъ-и-сямъ передъ рынкомъ и перескакивали черезъ огонь съ женами и дѣтьми. Ночь наканунѣ Рождества Іоанна Предтечи повсемѣстно проводилась народомъ въ плясках и пѣсняхъ: то было древнее празднество Купалы. Подобныя языческія празднества указываются, кромѣ того, наканунѣ Рождества Христова и Богоявленія и въ понедѣльникъ Петрова поста: въ послѣдній изъ этихъ дней былъ обычай ходить въ рощу и тамъ отправлять „бѣсовскія потѣхи“. Запрещая эти языческія увеселенія, соборъ вообще охуждалъ всякія забавы — шахматы, зернь (карты), гусли, сопѣли, всякое гудѣнье, позорища (сценическія представленія), переряживанье и публичное плясанье женщинъ.

Стоглавный соборъ узаконилъ выкупъ русскихъ людей, попадавшихся въ плѣнъ татарамъ. Прежде такихъ плѣнниковъ выкупали греки, армяне, а иногда и турки, и приводили въ Московское Государство, предлагая выкупить, но если не находилось охотниковъ, то уводили ихъ назадъ. Теперь же постановлено было выкупать ихъ изъ казны, и издержки на выкупъ разложить по сохамъ на весь народъ. Никто не долженъ увольняться отъ такой повинности, потому что это общая христіанская милостыня. Мы не знаемъ, въ какой мѣрѣ введены были и удержались всѣ преобразованія Стоглава, тѣмъ болѣе, что до насъ не дошли его ранніе списки, а тѣ, которыми мы принуждены довольствоваться, писаны уже въ XVII вѣкѣ и въ нихъ есть разнорѣчія [1]).

[1]) Сюда, напримѣръ, включено постановленіе о сугубой аллилуіѣ, которое очевидно внесено раскольниками, такъ какъ въ сочиненіяхъ Макарія, предсѣдательствовавшаго на этомъ соборѣ, признавалась правильною трегубая аллилуіа и т. п.

Послѣ внутреннихъ преобразованій правители занялись покореніемъ Казанскаго царства. Прежде подручное московскому государю, это царство находилось теперь въ рукахъ злѣйшаго врага русскихъ—Сафа-Гирея. Тогда Казань, по выраженію современниковъ, „допекала Руси хуже Батыева разоренія; Батый только одинъ разъ протекъ Русскую землю словно горящая головня, а казанцы безпрестанно нападали на русскія земли, жгли, убивали и таскали людей въ плѣнъ“. Ихъ набѣги сопровождались варварскими жестокостями; они выкалывали плѣнникамъ глаза, обрѣзывали имъ уши и носы, обрубливали руки и ноги, вѣшали за ребра на желѣзныхъ гвоздяхъ. Русскихъ плѣнниковъ у казанцевъ было такое множество, что ихъ продавали огромными толпами, словно скотъ, разнымъ восточнымъ купцамъ, нарочно пріѣзжавшимъ для этой цѣли въ Казань. Но Сафа-Гирей не крѣпко сидѣлъ въ Казани, которая была постоянно раздираема внутренними партіями. Въ 1546 году враждебная ему партія выгнала его и опять пригласила въ цари Шигъ-Алея, освобожденнаго Еленою изъ заточенія. Не могъ ужиться съ казанцами этотъ новый царь и скоро бѣжалъ отъ нихъ. Сафа-Гирей опять сѣлъ на престолъ, но не надолго. Напившись пьянъ, онъ зацѣпился за умывальникъ и расшибъ себѣ голову. Казанцы провозгласили царемъ его малолѣтнаго сына Утемишъ-Гирея, подъ опекою матери Сююнъ-Беки [1]). Въ это время русскіе послѣдовали примѣру Василія, построившаго Васильсурскъ, и построили въ 1550 году, въ тридцати-семи верстахъ отъ Казани, крѣпость Свіяжскъ. Послѣдствіемъ такой постройки было полное покореніе горной черемисы или чувашей. Этотъ народъ, хотя и единоплеменный луговой черемисѣ или настоящимъ черемисамъ, былъ, однако, совершенно отличенъ отъ послѣднихъ по нравамъ. Тогда какъ черемисы, жившіе на лѣвой сторонѣ Волги, отличались дикостью и воинственностью, чуваши былъ народъ смирный и земледѣльческій. Чуваши легко покорились русской власти, особенно когда имъ дали льготу на три года отъ платежа ясака, а царь въ Москвѣ подарилъ ихъ князьямъ шубы, крытыя шелковой матеріей. Близость русскаго поселенія и подчиненіе праваго берега Волги, находившагося прежде подъ властью Казани, произвели такое волненіе въ столицѣ Казанскаго царства, что казанцы, въ августѣ 1551 года, выдали Сююнъ-Беку съ сыномъ, отпустили часть содержавшихся у нихъ русскихъ плѣнниковъ, и снова призвали Шигъ-Алея, въ надеждѣ, что русскіе возвратятъ

---

[1]) До сихъ поръ въ Казани уцѣлѣла башня, называемая ея именемъ.

имъ владѣніе надъ горнымъ берегомъ Волги. Русскіе посадили Шигъ-Алея на казанскомъ престолѣ, но не думали отдавать горной страны. Шигъ-Алей черезъ то не ладилъ съ казанцами; они безпрестанно требовали отъ него, чтобы онъ старался возстановить прежніе предѣлы царства, не хотѣли отпускать остававшихся у нихъ русскихъ плѣнниковъ и, наконецъ, составили заговоръ убить своего царя за его преданность Москвѣ; но этотъ царь предупредилъ враговъ, зазвалъ значительнѣйшихъ изъ нихъ къ себѣ и приказалъ ихъ перебить находившимся при немъ русскимъ стрѣльцамъ. Тогда многіе казанцы поспѣшили въ Москву жаловаться на Шигъ-Алея, и вслѣдствіе этихъ жалобъ въ Казань пріѣхалъ Адашевъ.

„Мнѣ въ Казани нельзя оставаться — сказалъ Шигъ-Алей Адашеву—я согрубилъ казанцамъ: я обѣщалъ имъ выпросить у царя нагорную сторону; пусть государь пожалуетъ намъ нагорную сторону, тогда мнѣ можно будетъ оставаться здѣсь; а пока я живъ—царю Казань будетъ крѣпка".

„Тебѣ уже сказано,—отвѣчалъ Адашевъ,— что горной стороны государю тебѣ не отдавать, Богъ намъ ее далъ. Самъ знаешь, сколько безчестія и убытка надѣлали государямъ нашимъ казанцы; и теперь они держатъ русскій полонъ у себя, а вѣдь когда тебя на царство посадили, то съ тѣмъ, чтобы весь полонъ отдать".

„Если горной страны не отдадутъ,—сказалъ Шигъ-Алей, — то мнѣ придется бѣжать изъ Казани".

„Коли тебѣ изъ Казани бѣжать,—возразилъ Адашевъ,—то лучше укрѣпи Казань русскими людьми".

„Я своему государю не измѣню,—сказалъ Шигъ-Алей,—но я мусульманинъ: на свою вѣру не встану. Если мнѣ не въ мѣру будетъ жизнь въ Казани, я лихихъ людей еще изведу и самъ поѣду къ государю".

Адашевъ съ тѣмъ и уѣхалъ. Но вслѣдъ затѣмъ прибыли въ Москву враждебные Шигъ-Алею казанскіе князья и просили, чтобы царь удалилъ Шигъ-Алея, а на мѣсто его прислалъ своего намѣстника. Въ Москвѣ это предложеніе, естественно, понравилось.

Адашевъ снова поѣхалъ въ Казань, свелъ Шигъ-Алея съ престола, захватилъ восемьдесятъ четыре человѣка противной Шигъ-Алею партіи и уѣхалъ въ Свіяжскъ, объявивши казанцамъ, что къ нимъ будетъ присланъ царскій намѣстникъ. Казанцы показали видъ согласія, но когда, вслѣдъ затѣмъ, изъ Свіяжска ихъ извѣстили, что къ нимъ ѣдетъ назначенный воево-

дою въ Казань князь Семенъ Микулинскій, они заперли городъ, не пустили русскихъ и кричали имъ со стѣнъ: „Ступайте, дураки, въ свою Русь, напрасно не трудитесь; мы вамъ не сдадимся, мы еще и Свіяжскъ у васъ отнимемъ, что̀ вы поставили на чужой землѣ“.

Пробудилось чувство національности и вѣры. Въ крайнюю минуту всѣ партіи примирились. Вся земля Казанская вооружалась, даже чуваши измѣнили Москвѣ, испытавши надъ собою управленіе воеводъ московскихъ. Казанцы пригласили къ себѣ въ цари нагайскаго царевича Едигера, который прибылъ въ Казань съ десятью тысячами нагайцевъ.

Опытъ показывалъ, что Москвѣ невозможно управлять Казанью посредствомъ подручныхъ князей, а предоставить ее на волю—значило подвергать восточную Русь нескончаемымъ разореніямъ. Въ Москвѣ рѣшили идти съ сильнымъ ополченіемъ, покончить навсегда съ непріязненнымъ царствомъ и обратить его земли въ русскія области. Собрано было войско, огромное по тому времени, болѣе 100,000. Самъ царь долженъ былъ идти въ походъ, хотя ему этого очень не хотѣлось, какъ онъ самъ впослѣдствіи сознавался въ письмѣ своемъ къ Курбскому: „Вы меня, какъ плѣнника, посадивши въ судно, повезли сквозь безбожную и невѣрную землю. Если бы не всемогущая десница Божія защитила мое смиреніе, то я бы непремѣнно лишился жизни“.

Крымскій ханъ Девлетъ-Гирей хотѣлъ-было помогать Казани и напасть на Москву съ юга, но былъ отбитъ отъ Тулы. Русскіе осадили Казань 20 августа 1552 года и вели осаду до 1 октября. Способъ осады состоялъ въ томъ, что русскіе кругомъ города поставили деревянные туры на колеса и все ближе и ближе подвигались къ стѣнамъ города; между тѣмъ, ихъ безпокоили съ тыла отряды черемисовъ и чувашей, а казанцы со стѣнъ пугали своими чарами, будто бы наводившими дождь, докучавшій осажденнымъ. „Бывало—говоритъ Курбскій—солнце восходитъ, день ясный; мы и видимъ: взойдутъ на стѣны старики и старухи, машутъ одеждами, произносятъ какія-то сатаническія слова и неблагочинно вертятся; вдругъ поднимается вѣтеръ и прольется такой дождь, что самыя сухія мѣста обратятся въ болото“. Противъ бѣсовъ оставалось употребить духовное оружіе. Послали въ Москву за крестомъ, въ которомъ была вдѣлана частичка Животворящаго Древа. Духъ войска ободрился, когда чрезъ двѣнадцать дней привезли это сокровище. Дѣло рѣшилъ нѣмецкій розмыслъ (инженеръ), который сдѣлалъ подкопъ и заложилъ подъ

стѣны порохъ. 1-го октября разрушена была взрывомъ стѣна; русскіе ворвались въ городъ и взяли его. Самъ царь не участвовалъ въ битвахъ, а только торжественно въѣхалъ въ покоренную Казань, наполненную трупами. Плѣнный казанскій царь Едигеръ поклонился побѣдителю, просилъ прощенія и изъявилъ намѣреніе креститься. Русскіе обращались милостиво съ побѣжденными, но казнили тѣхъ, которые оказались виновными въ вѣроломствѣ. Въ Казани найдено было нѣсколько тысячъ христіанскихъ плѣнниковъ, удержанныхъ казанцами вопреки договору, по которому давно уже они были обязаны ихъ отпустить. Инородцы черемисы и чуваши покорились и обѣщали платить наложенный на нихъ ясакъ. Замѣчательно, что бояре старались удержать на всю зиму Ивана въ Казани, и находили это необходимымъ для того, чтобы пріучить къ повиновенію разнородныя племена, населявшія обширное Казанское царство: мордву, чувашей, черемисовъ, вотяковъ и башкирцевъ. Но Иванъ на этотъ разъ впервые не послушалъ своихъ опекуновъ. Царица Анастасія была на послѣднихъ дняхъ беременности; Ивану хотѣлось домой; шурья поддерживали его желаніе, и тутъ-то между ними и боярами произошло столкновеніе. „Шурья государя— говоритъ Курбскій—направили къ нему еще и другихъ ласкателей, вмѣстѣ съ попами". Иванъ не только уѣхалъ, вопреки желанію бояръ, но еще распорядился противъ ихъ воли: онъ отправилъ конницу въ осеннее время по такой дорогѣ, на которой пропали чуть не всѣ лошади.

Въ Москвѣ царя ожидали торжественныя встрѣчи, поздравленія. Царица Анастасія благополучно разрѣшилась отъ бремени сыномъ Димитріемъ. Царь Едигеръ принялъ крещеніе и нареченъ Симеономъ. Тогда же крестилось много казанскихъ князей, увеличившихъ собою число татарскихъ родовъ въ русскомъ дворянствѣ. Въ память завоеванія Казани былъ заложенъ въ Москвѣ храмъ Покрова Богородицы на Красной площади, храмъ очень своеобразной и затѣйливой архитектуры (теперь извѣстный подъ именемъ Василія Блаженнаго, отъ мощей этого юродиваго, почивающихъ въ этомъ храмѣ). Строитель его, безъ сомнѣнія человѣкъ съ большимъ талантомъ, остался неизвѣстенъ. Въ народѣ сохранилось преданіе, что царь, въ награду за построеніе храма, приказалъ выколоть ему глаза, для того, чтобы онъ уже не могъ построить чего-нибудь подобнаго въ иномъ мѣстѣ.

Покореніе Казанскаго царства подчинило русской державѣ значительное пространство на востокъ до Вятки и Перми, а на

югъ до Камы, и открыло путь дальнѣйшему движенію русскаго племени. Но много еще нужно было труда, чтобы усмирить безпокойныя племена этой страны. Русь должна была нѣсколько разъ бороться съ возстаніями татаръ и черемисовъ; но уже въ слѣдующемъ 1553 году учрежденіе казанской епархіи послужило важнымъ залогомъ господства русской стихіи въ ново-покоренномъ краѣ. Первымъ архіепископомъ назначенъ былъ всѣми уважаемый игуменъ селижарскій [1]) Гурій. Начались строиться церкви, монастыри, стали переселяться русскіе люди—и Казань мало-по-малу приняла характеръ русскаго города.

Въ душѣ царя уже шевелилось чувство недовольства своимъ зависимымъ положеніемъ. Иногда, въ минуты своенравія, онъ проявлялъ его; такъ, однажды, скоро послѣ завоеванія Казани, по поводу этого событія, онъ сказалъ своимъ опекунамъ: „Богъ меня избавилъ отъ васъ!“ Наступили обстоятельства, которыя еще болѣе развивали и поддерживали это долго-сдерживаемое чувство.

Въ 1553 году Иванъ заболѣлъ горячкою, и, пришедши въ себя послѣ бреда, приказалъ написать завѣщаніе, въ которомъ объявлялъ младенца Димитрія своимъ наслѣдникомъ. Но когда въ царской столовой палатѣ собрали бояръ для присяги, многіе отказывались присягать. Отецъ Алексѣя Адашева смѣло сказалъ больному государю: „мы рады повиноваться тебѣ и твоему сыну, только не хотимъ служить Захарьинымъ, которые будутъ управлять государствомъ именемъ младенца, а мы уже испытали, чтò значитъ боярское правленіе“. Споръ между боярами шелъ горячій. Въ числѣ нехотѣвшихъ присягать былъ двоюродный братъ государя Владиміръ Андреевичъ. И это впослѣдствіи подало царю поводъ толковать, что отказъ бояръ въ присягѣ происходилъ отъ тайнаго намѣренія по смерти его возвести на престолъ Владиміра Андреевича. Споръ о присягѣ длился цѣлый день и ничѣмъ не рѣшился. На другой день, Иванъ, призвавши къ себѣ бояръ, обратился къ Мстиславскому и Воротынскому, которые прежде всѣхъ присягнули и уговаривали присягнуть другихъ: „не дайте боярамъ извести моего сына, бѣгите съ нимъ въ чужую землю“, а Захарьинымъ царь сказалъ: „а вы, Захарьины, чего испугались? думаете, что бояре васъ пощадятъ? Нѣтъ, вы будете первые у нихъ мертвецы!“ Послѣ этихъ словъ царя, всѣ бояре одинъ за другимъ присягнули. Владиміръ Андреевичъ— тоже. Трудно рѣшить: дѣйствительно ли было у нѣкоторыхъ на-

---

[1]) Селижарскій монастырь въ Тверской губерніи въ осташковскомъ уѣздѣ.

мѣреніе возвести Владимира на престолъ въ случаѣ смерти царя, или упорство бояръ происходило отъ нелюбви къ Захарьинымъ, отъ боязни подпасть подъ ихъ власть, и бояре искали только средства, въ случаѣ смерти Ивана, устроить дѣло такъ, чтобы не дать господства его шурьямъ. Владимиру Андреевичу поставили въ вину, что въ то время, когда государь лежалъ больной, онъ раздавалъ жалованье своимъ дѣтямъ боярскимъ. Нелюбившіе его бояре стали тогда же подозрѣвать его и вздумали не пускать къ больному государю. За Владимира заступился всемогущій тогда Сильвестръ, и этимъ поступкомъ подготовилъ враждебное къ себѣ отношеніе царя Ивана на будущее время.

Иванъ не умеръ, какъ ожидали; онъ выздоровѣлъ и показывалъ видъ, что ничего не помнитъ, ни на кого не сердится, но въ сердцѣ у него заронилась ожесточенная злоба. Люди такого склада, какъ Иванъ Васильевичъ, столько же боязливы въ началѣ всякаго предпріятія, пока не увѣрены въ удачѣ, сколько неудержимо наглы впослѣдствіи, когда перестаютъ бояться. За то, чѣмъ долѣе боязнь заставляетъ ихъ сдерживать свою страсть, тѣмъ сильнѣе эта страсть прорывается тогда, когда они освободятся отъ страха. Иванъ уже ненавидѣлъ Сильвестра и Адашева, не любилъ бояръ, не довѣрялъ имъ, но у него не изглаживались еще воспоминанія ужасныхъ дней московскаго пожара, когда разсвирѣпѣвшій народъ не поцеремонился съ государевою роднею и недалекъ былъ, повидимому, отъ того, чтобъ идти на самого государя. Иванъ не былъ еще увѣренъ, что съ нимъ не сдѣлаютъ чего-нибудь подобнаго, если онъ пойдетъ противъ своихъ опекуновъ и раздражитъ ихъ. Притомъ Сильвестръ внушалъ ему суевѣрную боязнь и умѣлъ постоянно оковывать его волю „дѣтскими страшилами“, какъ самъ царь сознавался послѣ. Бояре, хотя уже не отличались прежнимъ согласіемъ, не заявляли себя ничѣмъ такимъ, за что́ можно было бы ихъ укорить въ измѣнѣ царю; напротивъ, когда одинъ изъ нихъ, князь Семенъ Ростовскій, слишкомъ рѣзко говорившій противъ присяги во время болѣзни царя, испугался, бѣжалъ и былъ пойманъ, бояре единогласно осудили его на смертную казнь, и самъ царь (вѣроятно, по ходатайству Сельвестра) ограничилъ ему наказаніе ссылкою въ Бѣлозерскъ. Иванъ еще нѣсколько лѣтъ повиновался Сильвестру и его кружку, хотя все болѣе и болѣе ненавидѣлъ ихъ, пока, наконецъ, увѣрившись въ своей безопасности, могъ дать своей злобѣ полную волю. Между тѣмъ, произошли случаи, развившіе въ Иванѣ сознаніе своего униженія и усилившіе въ немъ желаніе освободиться отъ опеки.

По выздоровленіи своемъ, царь Иванъ Васильевичъ поѣхалъ съ женою и ребенкомъ по монастырямъ, съ цѣлью, посѣщая ихъ одинъ за другимъ, доѣхать до отдаленнаго Кирилло-бѣлозерскаго монастыря. У Троицы жилъ тогда знаменитый Максимъ Грекъ, освобожденный при Иванѣ изъ заточенія. Иванъ посѣтилъ его. Максимъ откровенно сказалъ царю, что не одобряетъ его путешествія по монастырямъ. „Богъ вездѣ,—говорилъ онъ,—угождай лучше ему на престолѣ. Послѣ казанскаго завоеванія осталось много вдовъ и сиротъ; надобно ихъ утѣшать". Эти слова говорилъ Максимъ, вѣроятно, въ согласіи съ Адашевымъ, Сильвестромъ и ихъ сторонниками, которые всѣ любили и уважали старца. Они всѣ боялись, чтобы царь, скитаясь по монастырямъ, не наткнулся на ненавистныхъ для нихъ осифлянъ, которые умѣли льстить и угождать властолюбію и щекотать дурныя склонности сильныхъ міра сего. Адашевъ и Курбскій говорили Ивану, будто Максимъ имъ пререкалъ, что государь потеряетъ сына, если не послушаетъ его и будетъ ѣздить по монастырямъ. Опасеніе ихъ было не напрасно. Иванъ не послушался Максима Грека, продолжалъ свое набожное странствіе и въ Пѣсношскомъ монастырѣ (въ нынѣшнемъ дмитровскомъ уѣздѣ) увидался съ однимъ изъ самыхъ первостатейныхъ осифлянъ—бывшимъ коломенскимъ владыкою Вассіаномъ. Этотъ Вассіанъ былъ когда-то въ большой милости у Василія Ивановича; но во время боярскаго правленія его удалили. „Если хочешь быть настоящимъ самодержцемъ,—сказалъ царю Вассіанъ,—не держи около себя никого мудрѣе тебя самого; ты всѣхъ лучше. Если такъ будешь поступать, то будешь твердъ на своемъ царствѣ, и все у тебя въ рукахъ будетъ, а если станешь держать около себя мудрѣйшихъ, то по-неволѣ будешь ихъ слушаться". Замѣчаніе попало въ самое сердце. Царь поцѣловалъ его руку и сказалъ: „если бы отецъ родной былъ живъ, такъ и тотъ не сказалъ бы мнѣ ничего лучшаго!" Предсказаніе Максима сбылось. Сынъ Ивана умеръ; это, безъ сомнѣнія, должно было поразить Ивана и снова подчинить его своимъ опекунамъ, хотя онъ не переставалъ ими тяготиться. Пользуясь этимъ, они еще успѣли именемъ государя совершить нѣсколько важныхъ дѣлъ.

Необходимость сблизиться съ Европою и усвоить ея культуру чувствовалась русскими. Еще въ 1547 году, когда уже наступило вліяніе Сильвестра и Адашева, слѣдовательно съ ихъ участіемъ отъ имени царя, поручено было одному саксонцу Шлитту, знавшему по-русски, вызвать изъ Нѣмецкой земли всякаго рода умѣлыхъ людей: ремесленниковъ, художниковъ, медиковъ, пла-

вильщиковъ, юристовъ, аптекарей, типографовъ и даже богослововъ. Порученіе это не удалось по зависти Ганзейскаго Союза и Ливонскаго Ордена, которые полагали, что введеніе европейскаго образованія, возвысивъ силы Московской земли, сдѣлаетъ ее опасною для Европы. Любекскіе сенаторы не пустили Шлитта въ Москву, засадили его въ тюрьму и разогнали толпу нѣмцевъ, которыхъ онъ везъ съ собою (123 чел.). Обстоятельства нежданно открыли путь къ сближенію съ Европою совсѣмъ инымъ путемъ. Въ Англіи образовалось общество подъ названіемъ „The Mistery". Его основателемъ былъ знаменитый Себастіанъ Кабатъ, открывшій материкъ Сѣверной Америки. Ближайшею цѣлью этой компаніи было открытіе пути въ Китай и Индію черезъ сѣверныя страны стараго полушарія. Общество это снарядило три корабля: двое изъ нихъ были затерты льдомъ, экипажъ ихъ погибъ вмѣстѣ съ адмираломъ Гуго Виллоуби; третій корабль „Эдуардъ Бонавентура", подъ начальствомъ Ричарда Ченслера, присталъ, 24 августа 1553 года къ русскимъ берегамъ у посада Неноксы въ устьѣ Двины. Ченслеръ съ людьми отправился въ Москву и представилъ грамоту Эдуарда VI, написанную вообще ко всѣмъ владыкамъ сѣверныхъ странъ. Англичане были приняты и обласканы какъ нельзя лучше. Царь отвѣчалъ Эдуарду дружелюбною грамотою, которою позволялъ англичанамъ пріѣзжать свободно въ его государство для торговли. Въ мартѣ 1554 года Ченслеръ возвратился въ отечество. Англичане смотрѣли на его путешествіе, какъ на открытіе новой страны, наравнѣ съ открытіями, совершавшимися въ Америкѣ. Явились самыя блестящія надежды на выгоды отъ торговли съ невѣдомою Московскою землею. Устроилась компанія, уже спеціально съ цѣлью „торговли съ Московіею, Персіею и сѣверными странами"; она сокращенно называлась „русскою компаніею". Ея правленіе состояло изъ governor'а (первымъ пожизненно былъ назначенъ Кабатъ) и изъ двадцати-восьми правительствующихъ членовъ, выбираемыхъ ежегодно. Она получила право покупать земли, но не болѣе какъ на 60 фунтовъ стерл. въ годъ, имѣть свой самосудъ, строить корабли, нанимать матросовъ, пріобрѣтать земли въ новооткрытыхъ странахъ, и, торгуя въ Россіи при покровительствѣ русскаго государя, противодѣйствовать совмѣстничеству не только торгующихъ иностранцевъ, но и англійскихъ подданныхъ, непринадлежащихъ компаніи. Въ 1555 году Ченслеръ снова прибылъ въ Москву, но уже въ качествѣ посла, и выхлопоталъ льготную грамоту для англійской компаніи. Ей дозволялась безпошлинная торговля оптомъ и въ розницу, давалось право

заводить дворы въ Холмогорахъ и въ Вологдѣ, а въ Москвѣ ей былъ подаренъ дворъ отъ царя у церкви Максима Исповѣдника: въ каждомъ дворѣ члены компаніи могли держать у себя по одному русскому приказчику; они имѣли свой судъ и расправу; никакіе царскіе чиновники не могли вмѣшиваться въ ихъ торговыя дѣла, кромѣ царскаго казначея, которому принадлежалъ судъ между компаніей и русскими торговцами. Когда Ченслеръ отправился въ отечество, то съ нимъ вмѣстѣ отправился русскій посолъ по имени Непея. У береговъ Шотландіи Ченслеръ потерпѣлъ кораблекрушеніе, а Непея благополучно избѣгъ опасности и былъ принятъ королевою Маріею со знаками особеннаго вниманія. Съ тѣхъ поръ между Англіей и Россіей завязались дружественныя сношенія. Съ тѣхъ поръ каждый годъ приходили къ устью Двины англійскіе корабли съ товарами. Пустынные и дикіе берега Сѣвернаго Моря оживлялись, населялись; московская Русь разомъ познакомилась со множествомъ предметовъ, о которыхъ не имѣла понятія; закипѣла новая торговая жизнь. Права англійской компаніи и ея дѣятельность расширялись съ каждымъ годомъ и превращались въ монополію, которая отзывалась уже непріятно для русскихъ, потому что выгода отъ торговли клонилась преимущественно на сторону иноземцевъ, особенно вслѣдствіе распоряженій, сдѣланныхъ въ позднѣйшее время царствованія Ивана и послѣ него. Во всякомъ случаѣ, завязавшаяся торговля съ Англіею имѣла чрезвычайно важное значеніе въ исторіи русской культуры и составляетъ въ ней переломъ.

Между тѣмъ, правители продолжали расширеніе предѣловъ государства на счетъ татарскаго племени и, какъ видно, признали настоятельною задачею Руси подчинить татарскіе народы однихъ за другими. Покончили съ Астраханью. Царство Астраханское было въ рукахъ нагайскихъ князей, къ которымъ принадлежалъ и Едигеръ, послѣдній царь казанскій. Въ Астрахани царемъ былъ Ямгурчей. Онъ дружилъ съ Девлетъ-Гиреемъ и нанесъ оскорбленіе московскому послу. За это, весною 1554 года, отправлено было въ Астрахань русское войско подъ начальствомъ князя Пронскаго-Шемякина и Вешнякова. Они изгнали Ямгурчея и посадили въ Астрахани царемъ другого нагайскаго князя Дербыша, но уже въ качествѣ московскаго подручника и оставивши при немъ русское войско. Дербышъ на другой же годъ сошелся съ Девлетъ-Гиреемъ и началъ открытую войну противъ Москвы, но въ мартѣ 1556 г. русскіе, находившіеся въ Астрахани съ головою Черемисиновымъ, разбили и прогнали Дербыша. Астрахань

была непосредственно присоединена къ Московскому Государству и туда были назначены московскіе намѣстники. Это завоеваніе передало московской державѣ огромныя степи Поволжья, и вся Волга отъ истока до устья вошла во владѣніе Москвы.

Оставалось раздѣлаться съ Крымомъ. Это было труднѣе, чѣмъ покореніе Казани и Астрахани, но дѣло все-таки возможное. Удачѣ этого предпріятія помѣшало то, что между совѣтниками Ивана началась рознь. Тогда какъ Сильвестръ и нѣкоторые его единомышленики, въ числѣ ихъ Адашевъ и Курбскій, были того мнѣнія, что слѣдуетъ, не развлекая ничѣмъ силъ, обратиться исключительно на Крымъ и уничтожить Крымское царство, подобно Казанскому и Астраханскому, другимъ представилась возможность владѣть Ливоніею. Ливонскій Орденъ былъ въ полномъ разложеніи; нѣмцы, избалованные долгимъ миромъ, отвыкли отъ войны, а большинство народонаселенія, состоя изъ порабощенныхъ чухонъ и латышей, готово было безотпорно покориться власти Москвы. Иванъ Васильевичъ колебался между тѣмъ и другимъ предпріятіемъ и рѣшился на то и другое разомъ, хотя самъ болѣе склонялся къ послѣднему. Это раздвоеніе военныхъ силъ вредило расправѣ съ Крымомъ, несмотря на то, что обстоятельства благопріятствовали русскимъ. Въ союзѣ съ Москвою были днѣпровскіе козаки, которые тогда усиливались съ каждымъ годомъ. Предводителемъ у нихъ былъ князь Димитрій Вишневецкій, одинъ изъ потомковъ Гедимина, человѣкъ храбрый, предпріимчивый и до чрезвычайности любимый подчиненными. Онъ просилъ прислать ему войско и предлагалъ московскому царю свою службу со всѣми козаками, съ городами Черкасами, Каневомъ, съ козацкою Украиною на правомъ побережьѣ Днѣпра, составлявшую ядро той Малой Россіи, которая черезъ столѣтіе поклонилась другому московскому царю. Вишневецкій хотя считался подданнымъ великаго князя литовскаго и короля польскаго Сигизмунда-Августа, но не обращалъ вниманія на запрещеніе послѣдняго воевать съ татарами, и дѣйствовалъ совершенно независимо со своими козаками. Въ это время въ Крыму и въ степяхъ между нагаями свирѣпствовали разныя естественныя бѣдствія: сначала жестокій холодъ, потомъ засуха, скотскій падежъ и, наконецъ, моръ на людей и на животныхъ. Современники говорили, что во всей ордѣ не осталось десяти тысячъ лошадей. Изъ Москвы въ 1557 году къ козакамъ былъ посланъ дьякъ Ржевскій съ отрядомъ. Онъ соединился съ тремя-стами козаковъ, разорилъ Исламъ-Кермень и Очаковъ, разбилъ татаръ и бывшихъ съ ними

турокъ. По удаленіи Ржевскаго, Девлетъ-Гирей пошелъ съ ордою на Вишневецкаго, который тогда укрѣпился на островѣ Хортицѣ. (То былъ зародышъ Запорожской Сѣчи, которая черезъ нѣсколько лѣтъ утвердилась ниже Хортицы, на другомъ островѣ, Томаковкѣ). Вишневецкій двадцать-четыре дня отбивался отъ хана и, наконецъ, прогналъ его. Въ слѣдующемъ 1558 году, Сильвестръ и бояре его партіи убѣждали Ивана двинуть всѣ силы на Крымъ и самому идти во главѣ. Сильвестръ, желая отвлечь его отъ ливонской войны, рѣзко охуждалъ ее, особенно за варварскій образъ, съ какимъ она велась, за истребленіе старыхъ и малыхъ, за безчеловѣчныя муки надъ нѣмцами, совершаемыя татарами, распущенными по Ливонской землѣ подъ начальствомъ Шигъ-Алея; Сильвестръ называлъ Ливонію „бѣдною, обижаемою вдовицею". Иванъ, какъ прежде, колебался, слушалъ съ большею охотою совѣты противниковъ Сильвестра, не думалъ въ угожденіе послѣднему щадить Ливоніи, однако не совсѣмъ рѣшался дѣйствовать въ-разрѣзъ съ нимъ и людьми его партіи; онъ ограничился полумѣрами. Царь принялъ въ свою службу Вишневецкаго, подарилъ ему городъ Бѣлевъ, но приказалъ ему сдать королю Черкасы и Каневъ, не желая принимать въ подданство Украины и ссориться съ королемъ. Онъ отправилъ брата Адашева, Данила, съ 5000 челов. на Днѣпръ противъ крымцевъ для содѣйствія Вишневецкому, отправленному на Донъ, но самъ не двинулся съ мѣста, и не посылалъ болѣе войска. Между тѣмъ обстоятельства стали еще болѣе благопріятствовать Москвѣ. Черкесскіе князья, отдавшіеся московскому государю послѣ завоеванія Астрахани, собрались громить владѣнія Девлетъ-Гирея съ востока. Въ Крыму, въ довершеніе всѣхъ несчастій, поднялось междоусобіе. Недовольные Девлетъ-Гиреемъ мурзы хотѣли его низвергнуть и возвести на престолъ Тохтамышъ-Гирея. Покушеніе это не удалось. Тохтамышъ бѣжалъ въ Москву. Удобно было московскому государю покровительствовать этому претенденту и найти для себя партію въ Крыму. Царь Иванъ этимъ не воспользовался. Данило Адашевъ спустился на судахъ по Псёлу, потомъ по Днѣпру, вошелъ въ море и опустошилъ западный берегъ Крыма, а черкесскіе князья завоевали Таманскій полуостровъ. Весь Крымъ былъ пораженъ ужасомъ. Но такъ какъ новыхъ московскихъ силъ не было противъ него послано, то дѣло этимъ и ограничилось. Царь Иванъ имѣлъ тогда возможность уничтожить Девлетъ-Гирея, но только раздражилъ его и приготовилъ себѣ со стороны врага мщеніе на будущее время. Самая удобная минута къ покоренію Крыма была пропущена. Надобно замѣтить, что для удержанія

Крыма въ русской власти въ тѣ времена представлялось болѣе удобства, чѣмъ впослѣдствіи, потому что значительная часть тогдашняго населенія Крыма состояла еще изъ христіанъ, которые естественно были бы довольны поступленіемъ подъ власть христіанскаго государя. Впослѣдствіи потомки ихъ перешли въ мусульманство и переродились въ татаръ.

Крымскій вопросъ еще болѣе разъединилъ царя Ивана съ людьми Сильвестровой партіи. Ихъ вліяніе видимо упадало. Ливонская война велась противъ желанія многихъ, хотя нѣкоторые, исполняя долгъ службы, не только участвовали въ ней, но даже своими подвигами рѣшали ее въ пользу Москвы. Рыцари претерпѣвали пораженіе за пораженіемъ, городъ сдавался за городомъ; наконецъ, въ 1559 году Ливонскій Орденъ заключилъ договоръ съ Сигизмундомъ-Августомъ, по которому отдавалъ ему часть своихъ владѣній и просилъ содѣйствія противъ московскаго государя. Это событіе готовило неизбѣжное столкновеніе съ Польшею, и уже Сигизмундъ-Августъ въ слѣдующемъ 1560 году писалъ царю Ивану, что долженъ будетъ оружіемъ защищать страну, которая отдалась ему въ подданнство. Царь отвѣчалъ на это высокомѣрно: называлъ ливонцевъ, отдавшихся Сигизмунду-Августу, измѣнниками, и требовалъ, чтобы Сигизмундъ-Августъ вывелъ своихъ воеводъ изъ Ливонской земли. Русскіе, между тѣмъ, продолжали счастливо войну съ Ливоніей. Въ этой войнѣ отличались преимущественно друзья Сильвестра: Курбскій и Данило Адашевъ.

Въ это время въ московскомъ правительствѣ совершился рѣшительный переломъ. Враги Сильвестра и Адашева постепенно довели царя до того, что онъ рѣшился сбросить съ себя опеку. Главными врагами Сильвестра были Захарьины и вооружили противъ него сестру свою, царицу Анастасію. „Царь—нашептывали Ивану—долженъ быть самодержавенъ, всѣмъ повелѣвать, никого не слушаться; а если будетъ дѣлать то, что̀ другіе постановятъ, то это значитъ, что онъ только почтенъ честью царскаго предсѣданія, а на дѣлѣ не лучше раба. И пророкъ сказалъ: горе граду тому, имъ же мнози обладаютъ. Русскіе владѣтели и прежде никому не повиновались, а вольны были подданныхъ своихъ миловать и казнить. Священникамъ отнюдь не подобаетъ властвовать и управлять; ихъ дѣло священнодѣйствовать, а не творить людскаго строенія“. Въ довершеніе всего Ивана убѣдили, что Сильвестръ чародѣй, силою волшебства опуталъ его и держитъ въ неволѣ. Сторонники Сильвестра сознаются, что Сильвестръ обманывалъ царя, представлялся въ гла-

захъ его богоугоднымъ человѣкомъ, облеченнымъ необыкновенною силою чудотворенія, что онъ, однимъ словомъ, дурачилъ царя ложными чудесами, и оправдываютъ его поступки только тѣмъ, что все это дѣлалось для хорошихъ цѣлей. Враги Сильвестра также представляли его царю чудотворомъ, но только получившимъ силу не отъ Бога, а отъ темныхъ властей. Такой путь могъ всего скорѣе поколебать суевѣрнаго царя. Сильвестра не терпѣли многіе за его проницательность и желали удалить его для того, чтобы невозбранно можно было брать посулы и умножать всякими способами свое достояніе. Уже охладѣвшій къ Сильвестру, царь рѣшительно разошелся съ нимъ по случаю своего путешествія по монастырямъ съ больною женою, предпринятаго зимою въ концѣ 1559 года. Тогда произошло у царя съ Сильвестромъ и Адашевымъ какое-то крупное столкновеніе; подробностей его мы не знаемъ [1]); извѣстно только, что Сильвестръ и его друзья старались удержать Ивана отъ путешествія по монастырямъ и отъ принесенія благочестивыхъ обѣтовъ; но, послѣ этого столкновенія, и Сильвестръ, и Адашевъ сами нашли невозможнымъ оставаться при царѣ. Сильвестръ (вѣроятно, тогда уже овдовѣвшій) удалился въ какой-то отдаленный, пустынный монастырь, а Алексѣй Адашевъ отправился къ войску въ Ливонію. Въ этомъ дѣлѣ участіе Анастасіи почти несомнѣнно; сторонники Сильвестра, по поводу его удаленія, сравнивали его съ Іоанномъ Златоустомъ, потерпѣвшимъ отъ злобы царицы Евдоксіи. До царя доходили всѣ эти толки и еще болѣе раздражали его противъ прежнихъ опекуновъ. Но примиреніе съ ними было бы еще возможно, если бы не случилось рокового обстоятельства: въ іюлѣ 1560 года, царица Анастасія, уже давно хворавшая, перепугалась пожара, опустошившаго всю Арбатскую часть въ Москвѣ. Болѣзнь ея усилилась и она умерла 7-го августа, оставивши послѣ себя двухъ сыновей: Ивана и Ѳедора. Царь былъ въ отчаяніи; народъ сожалѣлъ объ Анастасіи, считая ее добродѣтельною и святою женщиною, такъ какъ она отличалась набожностью и благотворительностью. Понятно, что, съ потерею любимой особы, стали царю ненавистнѣе тѣ, которые не любили ее при жизни. Этимъ воспользовались враги и начали увѣрять царя, что Анастасію извели лихіе люди, Сильвестръ и Адашевъ, своими чарами. Друзья сообщили объ этомъ тотчасъ тому и другому; послѣдніе, черезъ посредство митрополита Макарія, просили суда надъ собою и дозволенія прибыть въ Москву для

---

[1]) На него намекаетъ царь въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Курбскому.

оправданія. Но враги не допустили до этого: „Если ты, царь,—говорили ему—допустишь ихъ къ себѣ на глаза, они очаруютъ тебя и дѣтей твоихъ; да кромѣ того народъ и войско любятъ ихъ, взбунтуются противъ тебя и насъ перебьютъ каменьями. Хотя бы этого не случилось—опять обойдутъ тебя и возьмутъ въ неволю. Эти негодные чародѣи уже держали тебя, какъ будто въ оковахъ, повелѣвали тебѣ въ мѣру ѣсть и пить, не давали тебѣ ни въ чемъ воли, ни въ малыхъ, ни въ большихъ дѣлахъ. Не могъ ты ни людей своихъ миловать, ни царствомъ своимъ владѣть. Если бы не было ихъ при тебѣ, при такомъ славномъ, храбромъ и мудромъ государѣ, если бы они не держали тебя, какъ на уздѣ, ты бы почти всею вселенною обладалъ, а то они своимъ чародѣйствомъ отводили тебѣ глаза, не давали тебѣ ни на что смотрѣть, сами желали царствовать и всѣми нами владѣть. Только допусти ихъ къ себѣ, тотчасъ тебя ослѣпятъ! Вотъ теперь, отогнавши ихъ отъ себя, ты истинно пришелъ въ свой разумъ; открылись у тебя глаза; теперь—ты настоящій помазанникъ Божій; никто иной—ты самъ одинъ всѣмъ владѣешь и правишь“.

Такъ говорили не только шурья царя и нѣкоторые бояре, но и тѣ духовные, которые проповѣдывали изъ своекорыстныхъ видовъ деспотизмъ всякаго рода и старались угождать земной власти ради личныхъ выгодъ. Это были всѣ такъ-называемые „осифляне“. Всего болѣе ярились противъ Сильвестра: Вассіанъ, чудовскій архимандритъ Левкій и какой-то Мисаилъ Сукинъ. Царь созвалъ соборъ для осужденія Сильвестра. Епископы, завидовавшіе возвышенію Сильвестра, пристали къ врагамъ его, когда видѣли, что и царю угодно было, чтобъ всѣ выказали себя противниками павшаго любимца. Одинъ митрополитъ Макарій заявилъ, что нельзя судить людей заочно и что слѣдуетъ выслушать ихъ оправданіе. Но угодники царя завопили противъ него: „Нельзя допускать вѣдомыхъ злодѣевъ и чародѣевъ: они царя околдуютъ и насъ погубятъ“. Соборъ осудилъ Сильвестра на заточеніе въ Соловки. Онъ былъ взятъ изъ своей пустыни, отвезенъ туда на тяжелое заключеніе. Но положеніе его тамъ не могло быть очень тяжелымъ: игуменомъ въ Соловкахъ былъ Филиппъ Колычевъ, впослѣдствіи митрополитъ, человѣкъ, какъ оказывается, сходившійся въ убѣжденіяхъ съ Сильвестромъ. Съ тѣхъ поръ имя Сильвестра уже не встрѣчается въ памятникахъ того времени. Отъ Сильвестра осталось сочиненіе: „Домострой“, заключающее въ себѣ рядъ наставленій сыну—религіозныхъ, нравственныхъ, общежительныхъ и хозяйственныхъ. Въ этомъ сочи-

неніи, которое драгоцѣнно какъ матеріалъ для знакомства съ понятіями, нравами и домашнимъ бытомъ древней московской Руси, встрѣчаются любопытныя черты, объясняющія личность Сильвестра. Мы видимъ человѣка благодушнаго, честнаго, строгонравственнаго, добраго семьянина и превосходнаго хозяина. Самая характеристическая черта „Домостроя“—это заботливость о слабыхъ, низшихъ, подчиненныхъ и любовь къ нимъ, не теоретическая, не лицемѣрная, а чуждая риторики и педантства, простая, сердечная, истинно христіанская. „Какъ слѣдуетъ свою душу любить,—поучаетъ онъ—такъ слѣдуетъ кормить слугъ своихъ и всякихъ бѣдныхъ. Пусть хозяинъ и хозяйка всегда наблюдаютъ и разспрашиваютъ своихъ слугъ и подчиненныхъ объ ихъ нуждахъ, объ ѣдѣ и питьѣ, объ одеждѣ, о всякой потребѣ, о скудости и недостаткѣ, объ обидѣ и болѣзни; слѣдуетъ помышлять о нихъ, пещись сколько Богъ поможетъ, отъ всей души, все равно какъ о своихъ родныхъ“. Вотъ такія-то правила внушались и царю по отношенію къ подвластнымъ ему людямъ. Отсюда-то истекаютъ грамоты и распоряженія лучшихъ лѣтъ Иванова царствованія, въ которыхъ явно видно желаніе дать народу какъ можно болѣе льготъ и средствъ къ благосостоянію. Авторъ „Домостроя“ сознаетъ гнусность рабства, самъ лично уже отрѣшился отъ владѣнія рабами и то же заповѣдуетъ сыну: „Я не только всѣхъ своихъ рабовъ освободилъ и надѣлилъ, но и чужихъ выкупалъ изъ рабства и отпускалъ на свободу. Всѣ бывшіе наши рабы свободны и живутъ добрыми домами; а домочадцы наши, свободные, живутъ у насъ по своей волѣ. Многихъ оставленныхъ сирыхъ и убогихъ мужескаго и женскаго пола и рабовъ въ Новгородѣ, и здѣсь въ Москвѣ, я вскормилъ и воспоилъ до совершеннаго возраста и выучилъ ихъ кто къ чему былъ способенъ: многихъ выучилъ грамотѣ, писать и пѣть, иныхъ писать иконы, иныхъ книжному рукодѣлію, а нѣкоторыхъ научилъ торговать разною торговлею. Твоя мать воспитала многихъ дѣвицъ и вдовъ, оставленныхъ и убогихъ, научила ихъ рукодѣлію и всякому домашнему обиходу, надѣлила приданымъ и замужъ повыдавала, а мужескій полъ поженила у добрыхъ людей. И всѣ тѣ, далъ Богъ,—свободны: многіе въ священническомъ и дьяконскомъ чинѣ, во дьякахъ, въ подъячихъ, во всякомъ званіи, кто къ чему способенъ по природѣ, и чѣмъ кому Богъ благословилъ быть; тѣ рукодѣльничаютъ, тѣ въ лавкахъ торгуютъ, а иные ѣздятъ для торговли въ различныя страны со всякими товарами. И Божьею милостью всѣмъ нашимъ воспитанникамъ и послуживцамъ не было никакой сра-

моты, ни убытка, ни продажи отъ людей; и людямъ отъ насъ не бывало никакой тяжбы: во всемъ насъ до сихъ поръ соблюдалъ Богъ; а отъ кого намъ, отъ своихъ воспитанниковъ, бывали досады и убытки—все это мы на себѣ понесли; никто этого не слыхалъ, а намъ Богъ все пополнилъ! И ты, дитя мое, также поступай: всякую обиду перетерпи—Богъ тебѣ все пополнитъ!" Нигдѣ у Сильвестра не видно того поклоненія монастырю и безбрачію, которое, какъ извѣстно, проповѣдывали благочестивцы. Если онъ совѣтуетъ давать милостыню въ монастыри, то только на заключенныхъ тамъ, равно какъ на содержавшихся въ тюрьмахъ и больницахъ; но онъ врагъ всякаго разврата и безчинства. „Я—пишетъ онъ—не зналъ никакой женщины, кромѣ твоей матери. Какъ мы съ нею обѣщались, такъ я и сдержалъ свое обѣщаніе; и ты, дитя мое, храни законный бракъ, и кромѣ жены своей не знай никого, берегись пьянственнаго недуга: отъ этого порока все зло". И царю Ивану, безъ сомнѣнія, подавалъ Сильвестръ такіе совѣты; и они, конечно, тягостны были для горячей и порывистой натуры Ивана. Идеаломъ государя, до котораго хотѣлъ возвести Сильвестръ Ивана, былъ трезвый, строго-нравственный, дѣятельный и благодушный человѣкъ; по освобожденіи отъ узъ Сильвестрова ученія, Иванъ, пьяный, развратный, кровожадный, какъ мы увидимъ, показалъ собою прямую противоположность этому идеалу.

Вмѣстѣ съ паденіемъ Сильвестра постигъ конецъ и Адашева. Сначала ему велѣно было оставаться въ недавно завоеванномъ гор. Феллинѣ, но вскорѣ царь приказалъ перевести его въ Дерптъ и посадить подъ стражу. Черезъ два мѣсяца послѣ своего заключенія онъ заболѣлъ горячкою и скончался. Естественная смерть избавила его отъ дальнѣйшаго мщенія царя, но клеветники распустили слухъ, будто онъ отъ страха отравилъ себя ядомъ. Долговременная близость его къ царю и управленіе государственными дѣлами давали ему возможность пріобрѣсть большія богатства, но онъ не оставилъ послѣ себя никакого состоянія: все, что пріобрѣталъ, раздавалъ онъ нуждающимся.

XIX.

МАТВѢЙ СЕМЕНОВИЧЪ БАШКИНЪ И ЕГО СОУЧАСТНИКИ.

Направленіе, данное Ниломъ и Вассіаномъ, не обошлось, однако, безъ того, чтобы не выработаться въ ученіе, дѣйствительно противное православной церкви. Эти святые мужи ставили сущность выше формы, внутреннее выше внѣшняго, ополчались противъ злоупотребленій существующаго порядка, возбуждали къ мышленію и къ самобытному изученію основъ вѣры, и своею снисходительностью къ еретикамъ, хотя даже, быть можетъ, противъ собственной воли, требовали уваженія къ полной свободѣ мысли. Такое направленіе не могло остановиться на полдорогѣ. Всегда и вездѣ подобные зародыши несогласія съ существующимъ порядкомъ въ области религіи, съ порядкомъ, освященнымъ вѣками, открывали путь къ дальнѣйшимъ попыткамъ критики, приводившимъ, наконецъ, къ полному отпаденію отъ авторитета, къ тому, что на церковно-историческомъ языкѣ называется ересью. Прежде, чѣмъ въ XVI вѣкѣ образовалось протестантство, выражавшее явную борьбу съ католическою церковью и полное отпаденіе отъ послѣдней, являлись одинъ за другимъ ученые и благочестивые люди, недовольные какъ злоупотребленіями церкви, такъ и господствомъ формы надъ содержаніемъ въ области религіи, хотя эти люди всею глубиною души были преданы этой же католической церкви. Тотъ же путь долженъ былъ послѣдовать и у насъ, хотя въ незначительной степени въ сравненіи съ Западомъ. Уже „осифляне“ старались набросить тѣнь неправославія на самого Нила. Ученика его Вассіана и единомышленника Максима Грека они обвинили въ ереси, хотя и неосновательно съ нынѣшней точки зрѣнія. Но съ тѣхъ поръ образовалось мнѣніе, что въ Ниловой пустыни и въ другихъ монастыряхъ Бѣлозерья

гнѣздятся еретическія мнѣнія между старцами и оттуда распространяются по всей Руси.

Возникло очень любопытное дѣло, объясняющее намъ способъ тогдашняго вольномыслія—это судъ надъ сыномъ боярскимъ Матвѣемъ Семеновичемъ Башкинымъ и его соумышленниками. Къ большому сожалѣнію, дѣло, производившееся объ этомъ лицѣ и его соумышленникахъ, не сохранилось вполнѣ и извѣстно намъ только по отрывкамъ. Изъ нихъ мы узнаемъ, что, въ великій постъ 1554 года, Башкинъ явился къ священнику Благовѣщенскаго собора, Симеону, на исповѣдь, объявилъ себя православнымъ христіаниномъ, вѣрующимъ въ св. Троицу и поклоняющимся иконамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ задавать такіе вопросы, которые показались священнику „недоумѣнными"; Симеона поразило то, что Башкинъ самъ же началъ разрѣшать передъ нимъ вопросы, которыхъ не могъ разрѣшить священникъ. Въ заключеніе Матвѣй напомнилъ ему высокую обязанность духовнаго сана въ такихъ словахъ: „великое дѣло ваше, сказано въ писаніи; ничто же сея любви больше, еже положити душу свою за други своя; вы за насъ души свои полагаете и печетесь о душахъ нашихъ и за насъ будете отвѣчать въ день судный". Послѣ этой исповѣди Башкинъ пріѣхалъ на домъ къ священнику, привезъ „Бесѣды Евангельскія" и говорилъ: „Ради Бога, пользуй меня душевно, надобно читать написанное въ евангельскихъ бесѣдахъ, но на одно слово не надѣяться, а совершать его дѣломъ. Все начало отъ васъ, священники, вамъ слѣдуетъ показать собою примѣръ и насъ научать. Видишь ли, въ Евангеліи стоитъ: научитеся отъ меня, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ; иго мое бо благо и бремя мое легко есть. Все это на васъ лежитъ". Послѣ того Башкинъ пригласилъ къ себѣ священника на домъ и показалъ ему Апостолъ, измѣченный восковыми пятнами по тѣмъ текстамъ, которые возбуждали въ немъ размышленія. Симеонъ становился втупикъ; Башкинъ самъ ему предлагалъ собственныя объясненія, которыя казались Симеону подозрительными. Между прочимъ, Башкинъ сказалъ: „написано: весь законъ заключается въ словахъ — возлюби искренняго своего, какъ самъ себя; если вы себя грызете и терзаете, то смотрите, чтобы вы не съѣли другъ друга. Вотъ, мы Христовыхъ рабовъ держимъ у себя рабами, а Христосъ всѣхъ называетъ братіею; а у насъ на иныхъ кабалы нарядныя (фальшивыя), на иныхъ полныя, а другіе бѣглыхъ держатъ. Благодарю Бога моего, у меня были кабалы полныя, да я ихъ всѣхъ изодралъ, держу людей у себя добровольно; кому хорошо у меня —

пустѣ живетъ, а не нравится, пусть идетъ куда хочетъ; а вамъ, отцамъ, надобно посѣщать насъ, мірянъ, почаще, да научать насъ, какъ самимъ жить и какъ людей у себя держать, чтобы ихъ не томить".—„Я этого не знаю", сказалъ Симеонъ.—„Такъ спроси Сильвестра",—отвѣчалъ Башкинъ,—„онъ тебѣ скажетъ, а ты пользуй этимъ душу мою. Я самъ знаю: тебѣ некогда объ этомъ думать, ты въ суетѣ мірской, и день, и ночь покоя не знаешь".

Симеонъ передалъ объ этомъ Сильвестру: „Пришелъ,—говорилъ онъ,—ко мнѣ духовный сынъ необычный; спрашиваетъ у меня недоумѣнное, да самъ меня и учитъ; а мнѣ показалось это развратно".—„Не знаю, какой это духовный сынъ,—отвѣчалъ Сильвестръ,—только про него нехорошо говорятъ".

Черезъ нѣсколько времени разнесся между духовными слухъ, что около Башкина собирается кружокъ людей, которые неправильно умствуютъ о существѣ Сына Божія, о таинствахъ, о церкви, о всей православной вѣрѣ. Царя въ то время не было въ Москвѣ. Онъ ѣздилъ въ Кирилловскій монастырь. Когда царь воротился, то ему донесли, что „прозябе ересь и явися шатаніе въ людѣхъ".

У Башкина вытребовали Апостолъ, измѣченный восковыми пятнами; самъ Башкинъ, увѣренный въ правотѣ своихъ толкованій, подалъ его Симеону. Царь разсматривалъ книгу, но, какъ видно, въ помѣткахъ Башкина не было еще явныхъ уликъ. Башкина не трогали. Онъ продолжалъ сходиться со своими пріятелями и толковать о религіозныхъ предметахъ. Духовные узнали объ этомъ и требовали преслѣдованія Башкина и его друзей, говорили, что все это выходитъ изъ Бѣлозерскихъ монастырей, которые сдѣлались гнѣздомъ всякаго еретичества. Башкина взяли подъ стражу съ двумя братьями Борисовыми: Григоріемъ и Иваномъ Тимоѳеевичами и захватили еще двухъ лицъ, по имени Тимоѳея и Ѳому. На всѣ вопросы они отвѣчали, что они православные христіане. Царь приказалъ помѣстить ихъ въ подклѣти своихъ палатъ. Рѣшили созвать соборъ.

Соборъ состоялся подъ предсѣдательствомъ митрополита Макарія [1]).

Подсудимыхъ обличали въ томъ, что они признавали Іисуса Христа неравнымъ Отцу, называли тѣло и кровь Господню простымъ хлѣбомъ и простымъ виномъ, отрицали святую соборную

[1]) На немъ были: архіепископъ ростовскій Никандръ, суздальскій епископъ Аѳанасій, рязанскій Кассіанъ, тверской Акакій, коломенскій Ѳеодосій, сарскій и подонскій Савва и многіе архимандриты, игумены и протопопы.

и апостольскую церковь, выражаясь, что церковь есть только собраніе вѣрныхъ, а созданная (вещественная) ничего не значитъ; отвергали поклоненіе иконамъ, называя ихъ идолами; отрицали силу покаянія, выражаясь такъ: какъ перестанетъ грѣхъ творить, такъ хоть у священника не покается, такъ не будетъ ему грѣха;—считали церковныя преданія и житія святыхъ баснословіемъ; отзывались съ пренебреженіемъ о постановленіяхъ семи соборовъ, говоря: это все они для своихъ выгодъ написали; наконецъ, и въ самомъ Священномъ Писаніи видѣли баснословіе, излагали Евангеліе и Апостолъ такъ, какъ бы эти книги содержали истину въ неправдѣ.

До насъ не дошли отвѣты Башкина и его соумышленниковъ, а изъ соборной грамоты того времени видно, что съ Башкинымъ сдѣлалось на соборѣ какое-то разстройство или припадокъ, что онъ говорилъ какую-то безсмыслицу, что ему потомъ представлялся голосъ Богородицы, и онъ въ испугѣ во всемъ сознался и открылъ своихъ единомышленниковъ. За неимѣніемъ подлинныхъ отвѣтовъ подсудимаго, мы не можемъ сдѣлать объ этомъ никакого заключенія.

Соборъ призналъ его виновнымъ. Дальнѣйшая его участь неизвѣстна; соумышленниковъ его сослали по монастырямъ на вѣчное заточеніе, „посудиша ихъ неисходно имъ быти".

Къ дѣлу Башкина привлеченъ былъ троицкій игуменъ Артемій. Объ этомъ человѣкѣ мы знаемъ то, что онъ былъ родомъ изъ Пскова, избранъ въ игумены Троицкаго монастыря, пріобрѣлъ тамъ общую любовь, но вскорѣ на него пало подозрѣніе въ вольнодумствѣ. Онъ снялъ съ себя игуменство и удалился въ Нилову пустынь, вмѣстѣ съ другомъ своимъ Порфиріемъ. Когда началось дѣло Башкина, ихъ обоихъ вызвали оттуда, какъ будто затѣмъ, чтобы присутствовать на соборѣ, а на самомъ дѣлѣ затѣмъ, что считали ихъ подозрительными. Еще Башкинъ, какъ видно, не сознавался, а Артемія побуждали спорить съ нимъ и обличать его. Артемій уклонялся отъ спора и говорилъ: „это не мое дѣло". Но когда Башкинъ пришелъ въ разстройство и началъ оговаривать и себя, и другихъ, Артемій ушелъ изъ Москвы въ свою пустынь, но былъ возвращенъ и преданъ соборному суду. Ему ставили въ вину эту самовольную отлучку. Онъ сказалъ, что убѣжалъ отъ „навѣтующихъ на него", но не хотѣлъ указывать, кто эти навѣтующіе. Повидимому, Артемій не признавалъ Башкина еретикомъ и говорилъ только, что Матвѣй дѣлаетъ ребячество. „Меня,—говорилъ онъ,—призвали судить еретиковъ, а еретиковъ нѣтъ".—„Какже Матвѣй не еретикъ?—

сказалъ митрополитъ,—когда онъ написалъ молитву единому началу, Богу Отцу, а Сына и Святого Духа отставилъ".

„Нечего ему и врать—сказалъ Артемій,—такая молитва готова, молитва Манассіи къ Вседержителю".

„То было до Христова пришествія—отвѣчали ему,—а теперь кто напишетъ молитву къ единому началу, тотъ еретикъ. Ты виноватъ, кайся".

„Мнѣ нечего каяться, я вѣрую въ единосущную Троицу"—сказалъ Артемій.

Эти отвѣты Артемія поставили ему въ обвиненіе. Затѣмъ явился доносчикъ на Артемія, игуменъ Ѳерапонтова монастыря, Нектарій, который обвинялъ Артемія въ томъ, что онъ въ постные дни ѣлъ рыбу.

„Я ѣлъ рыбу,—отвѣчалъ Артемій—когда мнѣ приходилось быть у христолюбцевъ, и у царя ѣлъ за столомъ рыбу".

„Это ты чинилъ не гораздо—сказалъ митрополитъ отъ лица собора,—это тебѣ вина: значитъ, ты самъ, вопреки божественныхъ уставовъ и священныхъ правилъ, разрѣшаешь себѣ постъ, а на тебя смотря, и люди соблазняются".

„Артемій—продолжалъ Нектарій—ѣздилъ изъ Псково-печерскаго монастыря въ нѣмецкій Новый-Городокъ, говорилъ тамъ съ нѣмецкимъ княземъ и хвалилъ тамъ нѣмецкую вѣру".

„Я спрашивалъ—отвѣчалъ Артемій:—не найдется ли у нѣмцевъ человѣка, кто бы поговорилъ со мною книгами. Хотѣлось мнѣ узнать: у нихъ христіанскій законъ такой ли, какъ у насъ; но мнѣ не указали тогда такого книжнаго человѣка".

„А зачѣмъ тебѣ его?—сказали на соборѣ. — Самъ вѣдаешь, что наша вѣра греческаго закона сущая православная вѣра, а латинская вѣра св. отцами отречена и проклятію предана. Это ты чинилъ не гораздо, это тебѣ вина".

Нектарій обвинялъ Артемія еще въ разныхъ богохульствахъ и ссылался на старцевъ Ниловой пустыни; но старцы, призванные на соборъ, не подтвердили доноса Нектарія.

Другой обвинитель, троицкій игуменъ Іона, поднялся на Артемія. „Артемій — показывалъ онъ — произносилъ такія слова: нѣтъ въ томъ ничего, что не положить на себя крестное знаменіе. Прежде клали на челѣ иное знаменіе, а нынче большіе кресты кладутъ; на соборѣ о крестномъ знаменіи толковали, да ни на чемъ не порѣшили".

Артемій отвѣчалъ: „Я только говорилъ о соборѣ, что на немъ ничѣмъ не порѣшили о крестномъ знаменіи, а про самое крестное знаменіе такъ не говорилъ".

Соборъ далъ такой приговоръ: „Ты самъ сознаешься, что говорилъ о соборѣ; стало быть, и то говорилъ, что въ крестномъ знаменіи нѣтъ ничего; надобно повѣрить Іонѣ. Это тебѣ вина“.

Третій обвинитель, троицкій келарь Адріанъ Ангеловъ доносилъ слѣдующее:

„Артемій въ Корниліевомъ монастырѣ говорилъ: нѣтъ помощи умершимъ, когда по нимъ поютъ панихиду и служатъ обѣдню; тѣмъ они муки не минуютъ на томъ свѣтѣ“.

„Я говорилъ — объяснилъ Артемій, — что если люди жили растлѣннымъ житіемъ и грабили другихъ, а потомъ послѣ ихъ смерти, хоть и станутъ пѣть за нихъ панихиду и служить обѣдню, Богъ не принимаетъ за нихъ приношенія; нѣтъ пользы отъ того: тѣмъ имъ не избавиться отъ муки“.

Артемію на соборѣ объявили такъ:

„Это ты говорилъ не гораздо; значитъ, ты отсѣкалъ у грѣшниковъ надежду спасенія и уподобился Арію. Надобно вѣрить во всемъ Адріану. Это тебѣ вина“.

Четвертый обвинитель, троицкій старецъ Игнатій Курачевъ, доносилъ: „Артемій говорилъ про Іисусовъ канонъ: такой Іисусе; и про акаѳистъ Богородицѣ говорилъ: радуйся! да рудуйся!“

Артемій сказалъ: „Я говорилъ такъ: въ канонѣ читаютъ: Іисусе сладчайшій! а какъ услышатъ слово Іисусово и о его заповѣдяхъ, какъ Іисусъ велѣлъ пребывать и какъ житіе вести, такъ горько дѣлается заповѣди Іисусовы исполнять; а про акаѳистъ я такъ говорилъ: читаютъ: радуйся да радуйся, Чистая! а сами не радятъ о чистотѣ и пребываютъ въ празднословіи; стало быть, только наружно обычай исполняютъ, а не истинно“.

„Это ты говорилъ не гораздо—произнесли на соборѣ,—ты про Іисусовъ канонъ и акаѳистъ говорилъ развратно и хульно; всякому христіанину подобаетъ Іисусовъ канонъ и акаѳистъ Пречистой Богородицы держать честно и молиться всякій день, сколько силы достанетъ“.

Пятый обвинитель, кирилловскій игуменъ Симеонъ, объявилъ: „Когда Матвѣя Башкина поймали въ ереси, Артемій былъ въ Кирилловскомъ монастырѣ; я ему сказалъ о томъ, а онъ мнѣ отвѣчалъ: „не знаю, что это за ереси; вотъ сожгли Курицына и Рукаваго, а до сихъ поръ сами не знаютъ, за что̀ и сожгли“.

„Не могу вспомнить—отвѣчалъ Артемій—былъ ли разговоръ о новгородскихъ еретикахъ; не за моей памяти сожгли ихъ; и точно я не знаю, за что̀ ихъ сожгли. Можетъ быть, я такъ и

сказалъ, но я не говорилъ, что другіе этого не знали, а говорилъ только про себя одного".

Съ Артемія сняли санъ и приговорили сослать на тяжелое заключеніе въ Соловецкій монастырь. Онъ долженъ былъ жить одиноко и безвыходно въ кельѣ, не имѣть ни съ кѣмъ сообщенія и ни съ кѣмъ не переписываться. Ему позволяли причаститься св. Таинъ только въ случаѣ смертельной болѣзни.

Но Артемій не долго пробылъ въ Соловкахъ, убѣжалъ оттуда и очутился въ Литвѣ. Тамъ онъ ратовалъ за православіе и писалъ опроверженія противъ еретика Симона Буднаго [1]), отвергавшаго божество Іисуса Христа: это оправдываетъ отзывъ о немъ князя Курбскаго, называющаго Артемія „мудрымъ и честнымъ мужемъ", жертвою лукавства злыхъ и любостяжательныхъ монаховъ, оклеветавшихъ его изъ зависти за то, что царь любилъ Артемія и слушалъ его совѣты.

Вмѣстѣ съ Артеміемъ приговоренъ былъ монахъ Савва Шахъ, человѣкъ ученый, и сосланъ въ Суздаль.

Къ дѣлу Башкина и Артемія привлечены были: архимандритъ суздальскаго Спасо-евѳимьева монастыря, Ѳеодоритъ и дьякъ Иванъ Висковатый. Первый прославился обращеніемъ въ христіанскую вѣру лопарей, жилъ нѣкогда въ бѣлозерскихъ пустыняхъ и былъ давній пріятель Артемія, по ходатайству котораго получилъ санъ архимандрита въ Суздалѣ. Онъ былъ человѣкъ строгой жизни и обличалъ монашескіе пороки. За это монахи не терпѣли его, въ особенности злобствовалъ на Ѳеодорита суздальскій владыка, потому что Ѳеодоритъ обличалъ его въ сребролюбіи и пьянствѣ. Хотя Феодоритъ ни въ чемъ не былъ уличенъ, но, тѣмъ не менѣе, какъ согласникъ и товарищъ Артемія, былъ сосланъ въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь, гдѣ ему дѣлали всякія поруганія пріятели суздальскаго владыки, бывшаго прежде кирилло-бѣлозерскимъ игуменомъ. Черезъ полтора года, по ходатайству бояръ, Ѳеодоритъ былъ освобожденъ. Дьякъ Висковатый подпалъ суду въ томъ же дѣлѣ, но совсѣмъ по иному вопросу. Онъ изъявлялъ разныя сомнѣнія по поводу пріемовъ тогдашняго иконописанія; между прочимъ, соблазнялся тѣмъ, что Христа изображали въ ангельскомъ образѣ съ крыльями, что писали образъ Бога Отца, тогда какъ, по его мнѣнію, не слѣдовало вовсе изображать невидимаго Божества, какъ равно и безплотныхъ силъ; не одобрялъ также человѣковидныхъ изображеній добродѣте-

---

[1]) Будный былъ авторомъ аріанскаго Катехизиса на латинскомъ и русскомъ языкѣ и переводчикомъ св. Писанія на польскій языкъ.

лей и пороковъ. Его осудили на трехлѣтнее церковное покаяніе. Это обвиненіе особенно замѣчательно тѣмъ, что въ немъ видна злоба духовенства, хотѣвшаго запретить мірянамъ свободное сужденіе о предметахъ религіи. „Вамъ—сказалъ Висковатому митрополитъ—не велѣно о божествѣ и божьихъ дѣлахъ испытывать. Знай свои дѣла, которыя на тебѣ положены. Не разроняй своихъ списковъ" (дьяческихъ дѣлъ). Въ соборномъ приговорѣ о Висковатомъ сказано: „всякій человѣкъ долженъ вѣдать свой чинъ; когда ты овца, не твори изъ себя пастыря. Когда ты нога, не воображай, что ты голова, но повинуйся установленному отъ Бога чину; отверзай свои уши на слушаніе благодатныхъ учительскихъ словесъ".

Во время производства этого дѣла, или, быть можетъ, тотчасъ по окончаніи его, привезенъ былъ въ Москву изъ бѣлозерскихъ монастырей монахъ Ѳеодосій Косой съ нѣсколькими товарищами, также обвиняемыми въ еретическихъ мнѣніяхъ. Ихъ посадили подъ стражу въ одномъ изъ московскихъ монастырей; но Косой склонилъ на свою сторону стражей и бѣжалъ вмѣстѣ со своими товарищами. Онъ нашелъ себѣ убѣжище въ Литвѣ, женился на еврейкѣ и проповѣдывалъ ересь съ большимъ успѣхомъ, тѣмъ болѣе, что въ литовско-русскихъ владѣніяхъ распространялись тогда съ запада такъ-называемыя аріанскія мнѣнія. Объ этомъ еретикѣ мы знаемъ изъ сочиненія отенскаго монаха Зиновія (Отенъ-монастырь въ 50 верстахъ отъ Новгорода), подъ названіемъ: „Истины Показаніе". Авторъ представляетъ, что къ нему приходятъ три послѣдователя ереси Косого и излагаютъ ученіе своего наставника, а Зиновій опровергаетъ ихъ. Изъ этого сочиненія мы узнаемъ, что Косой былъ рабъ, убѣжавшій отъ своего господина на господскомъ конѣ и захватившій съ собою одежду и еще кое-какія вещи. Послѣдователи его доказывали, что это было не воровство, а напротивъ, вознагражденіе, которое слѣдовало бѣжавшему за его службу господину. Ѳеодосій постригся въ одномъ изъ монастырей Бѣлозерья и своимъ умомъ пріобрѣлъ къ себѣ такое уваженіе, что даже прежній господинъ, узнавши о немъ, относился къ нему съ пріязнью. По извѣстіямъ, передаваемымъ книгою Зиновія, Ѳеодосій отвергалъ св. Троицу, божество Іисуса Христа, считая его только богоугоднымъ человѣкомъ, посланникомъ свыше. „Вы толкуете—говорилъ Косой,— что Богъ создалъ рукою своею Адама, а обновить и исправить созданіе свое пришелъ Сынъ Божій и воплотился. Зачѣмъ ему приходить въ плоть: если Всемогущій Богъ создалъ все своимъ словомъ, то словомъ же могъ обновить свой образъ и подобіе

и безъ вочеловѣченія. Никакого обветшанія и паденія образа и подобія Божьяго въ человѣкѣ не было. Человѣкъ созданъ смертнымъ, какъ и всѣ другія животныя—рыбы, гады, птицы, звѣри. Какъ до пришествія Христова, такъ и послѣ пришествія человѣкъ все былъ однимъ человѣкомъ, также рождался, пользовался здоровьемъ, подвергался недугамъ, умиралъ и истлѣвалъ". Косой называлъ иконы идолами и подводилъ къ нимъ разныя изреченія Ветхаго Завѣта, направленныя противъ богослуженія, вооружался противъ поклоненія мощамъ, и, по этому поводу, указывалъ на Антонія Великаго, который порицалъ египетскій обычай сохранять тѣла мертвыхъ. Монастыри онъ называлъ человѣческимъ изобрѣтеніемъ и указывалъ, что ни въ Евангеліи, ни въ апостольскихъ сочиненіяхъ нѣтъ о нихъ ни слова. „Плотское мудрованіе—говорилъ онъ—господствуетъ у вашихъ игуменовъ, митрополитовъ, епископовъ. Они повелѣваютъ не ѣсть мяса, вопреки словамъ Христа: не входящее во уста сквернитъ человѣка. Они запрещаютъ жениться, прямо противъ словъ Апостола, который заранѣе называлъ „сожженными совѣстью" тѣхъ, которые будутъ возбранять жениться и удаляться отъ разной пищи. Они знаютъ только пѣніе да каноны, чего въ Евангеліи не показано творить, а отвергаютъ любовь христіанскую; нѣтъ у нихъ духа кротости: они не даютъ узнать намъ истину, гонятъ насъ, запираютъ въ тюрьмы. Въ Евангеліи не велѣно мучить даже и неправыхъ. Господь самъ указалъ это въ своей притчѣ о плевелахъ, а они насъ гонятъ за истину".

Въ Литвѣ Ѳеодосій и его соучастники успѣшно распространяли свою ересь. Конецъ Ѳеодосія неизвѣстенъ.

XX.

ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГРОЗНЫЙ.

Иванъ Васильевичъ, одаренный, какъ мы уже сказали, въ высшей степени нервнымъ темпераментомъ и съ дѣтства нравственно испорченный, уже въ юности началъ привыкать ко злу и, такъ сказать, находить удовольствіе въ картинности зла, какъ показываютъ его вычурныя истязанія надъ псковичами. Какъ всегда бываетъ съ ему подобными натурами, онъ былъ до крайности труслив, въ то время, когда ему представлялась опасность, и безъ удержу смѣлъ и наглъ тогда, когда былъ увѣренъ въ своей безопасности: самая трусость нерѣдко подвигаетъ такихъ людей на поступки, на которые не рѣшились бы другіе, болѣе разсудительные. Пораженный московскимъ пожаромъ и народнымъ бунтомъ, онъ отдался безотвѣтно Сильвестру, который умѣлъ держать его въ суевѣрномъ страхѣ и окружилъ совѣтниками. Съ тѣхъ поръ Иванъ надолго является совершенно безличнымъ; русская держава правится не царемъ, а совѣтомъ людей, окружающихъ царя. Но мало-по-малу, тяготясь этою опекою, Иванъ сначала робко освобождался отъ нея, подчиняясь вліянію другихъ лицъ, а наконецъ, когда вполнѣ почувствовалъ, что онъ сильнѣе и могущественнѣе своихъ опекуновъ, имъ овладѣла мысль поставить свою царскую власть выше всего на свѣтѣ, выше всякихъ нравственныхъ законовъ. Его мучилъ стыдъ, что онъ, самодержецъ по рожденію, былъ долго игрушкою хитраго попа и бояръ, что съ правомъ на полную власть онъ не имѣлъ никакой власти, что все дѣлалось не по его волѣ; въ немъ загорѣлась свирѣпая злоба не только противъ тѣхъ, которые прежде успѣли стѣснить его произволъ, но и противъ всего, что̀ впередъ могло имѣть видъ покушенія на стѣсненіе самодержавной

власти и на противодѣйствіе ея произволу. Иванъ началъ мстить тѣмъ, которые держали его въ неволѣ, какъ онъ выражался, а потомъ подозрѣвалъ въ другихъ лицахъ такія же стремленія, боялся измѣны, создавалъ въ своемъ воображеніи небывалыя преступленія, и, смотря по расположенію духа, то мучилъ и казнилъ однихъ, то страннымъ образомъ оставлялъ цѣлыми другихъ послѣ обвиненія. Мучительныя казни доставляли ему удовольствіе: у Ивана онѣ часто имѣли значеніе театральныхъ зрѣлищъ; кровь разлакомила самовластителя: онъ долго лилъ ее съ наслажденіемъ, не встрѣчая противодѣйствія, и лилъ до тѣхъ поръ, пока ему не пріѣлось этого рода развлеченіе. Иванъ не былъ безусловно глупъ, но, однако, не отличался ни здравыми сужденіями, ни благоразуміемъ, ни глубиною и широтою взгляда. Воображеніе, какъ всегда бываетъ съ нервными натурами, брало у него верхъ надъ всѣми способностями души. Напрасно старались бы мы объяснить его злодѣянія какими-нибудь руководящими цѣлями и желаніемъ ограничить произволъ высшаго сословія; напрасно пытались бы мы создать изъ него образъ демократическаго государя. Съ одной стороны, люди высшаго званія въ Московскомъ Государствѣ совсѣмъ не стояли къ низшимъ слоямъ общества такъ враждебно, чтобы нужно было изъ-за народныхъ интересовъ начать противъ нихъ истребительный походъ; напротивъ, въ періодъ правленія Сильвестра, Адашева и людей ихъ партіи, большею частью принадлежавшихъ къ высшему званію, мы видимъ мудрую заботливость о народномъ благосостояніи. Съ другой стороны, свирѣпость Ивана Васильевича постигала не одно высшее сословіе, но и народныя массы, какъ показываетъ бойня въ Новгородѣ, травля народа медвѣдями для забавы, отдача опричникамъ на расхищеніе цѣлыхъ волостей, и т. п. Иванъ былъ человѣкъ въ высшей степени безсердечный: во всѣхъ его дѣйствіяхъ мы не видимъ ни чувства любви, ни привязанности, ни состраданія; если, среди совершаемыхъ злодѣяній, повидимому, находили на него порывы раскаянія и онъ отправлялъ въ монастыри милостыни на поминовеніе своихъ жертвъ, то это дѣлалось изъ того же, скорѣе суевѣрнаго, чѣмъ благочестиваго, страха божьяго наказанія, которымъ, между прочимъ, пользовался и Сильвестръ для обузданія его дикихъ наклонностей. Будучи вполнѣ человѣкомъ злымъ, Иванъ представлялъ собою также образецъ чрезмѣрной лживости, какъ-бы въ подтвержденіе того, что злость и ложь идутъ рука объ руку. Такимъ образомъ, Иванъ Васильевичъ въ своихъ письмахъ сочинялъ небывалыя событія, явно опровергаемыя извѣстнымъ намъ

ходомъ дѣлъ, какъ, напримѣръ въ своемъ завѣщаніи онъ говорилъ: „изгнанъ есмь отъ бояръ, самовольства ихъ ради, отъ своего достоянія и скитаюся по странамъ“; или въ посланіи въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь обвинялъ въ измѣнѣ своихъ бояръ, которымъ въ то же время поручалъ важныя должности; или же передъ польскимъ посломъ сваливалъ вину разоренія Москвы татарами на своихъ полководцевъ, а себя выставлялъ храбрецомъ, когда на дѣлѣ было совсѣмъ не то.

Обыкновенно думаютъ, что Иванъ горячо любилъ свою первую супругу; дѣйствительно, на ея погребеніи онъ казался внѣ себя отъ горести, и спустя многіе годы послѣ ея кончины, вспоминалъ о ней съ нѣжностью въ своихъ письмахъ. Но тѣмъ не менѣе оказывается, что черезъ восемь дней послѣ ея погребенія Иванъ уже искалъ себѣ другой супруги, и остановился на мысли сватать сестру Сигизмунда-Августа, Екатерину, а между тѣмъ, какъ-бы освободившись отъ семейныхъ обязанностей, предался необузданному разврату: такъ не поступаютъ дѣйствительно любящіе люди. Царь окружилъ себя любимцами, которые расшевеливали его дикія страсти, напѣвали ему о его самодержавномъ достоинствѣ и возбуждали противъ людей Адашевской партіи. Главными изъ этихъ любимцевъ были: бояринъ Алексѣй Басмановъ, сынъ его Ѳедоръ, князь Аѳанасій Вяземскій, Малюта-Скуратовъ, Бѣльскій, Василій Грязной и чудовской архимандритъ Левкій. Они теперь заняли мѣсто прежней „избранной рады“ и стали царскими совѣтниками въ дѣлахъ разврата и злодѣяній. Подъ ихъ наитіемъ царь началъ въ 1561 г. свирѣпствовать надъ друзьями и сторонниками Адашева и Сильвестра. Тогда казнены были родственники Адашева: братъ Алексѣя Адашева Данило съ двѣнадцатилѣтнимъ сыномъ, тесть его Туровъ, трое братьевъ жены Алексѣя Адашева, Сатины, родственникъ Адашева Иванъ Шишкинъ съ женою и дѣтьми, и какая-то знатная вдова Марія, пріятельница Адашева, съ пятью сыновьями: по извѣстію Курбскаго, Марія была родомъ полька, перешедшая въ православіе, и славилась своимъ благочестіемъ. Эти люди открыли собою рядъ безчисленныхъ жертвъ Иванова свирѣпства. Сватовство Ивана Васильевича на польской принцессѣ не удалось. Король Сигизмундъ-Августъ, хотя не отказывалъ рѣшительно московскому государю въ рукѣ сестры, но отговаривался подъ разными предлогами и наконецъ, приславши своего посла, поставилъ условіемъ брака мирный договоръ, по которому Москва должна уступить Польшѣ: Новгородъ, Псковъ, Смоленскъ и Сѣверскія земли. Само собою разумѣется, что подобныя условія

не могли быть приняты, и заявленіе ихъ могло повести не къ союзу, а къ враждѣ. Иванъ Васильевичъ пересталъ думать о польской принцессѣ и, намѣреваясь въ свое время отмстить сосѣду за свое неудачное сватовство, 21 августа 1561 года женился на дочери черкесскаго князя Темгрюка, названной въ крещеніи Маріею. Братъ новой царицы, Михайло, необузданный и развратный, поступилъ въ число новыхъ любимцевъ царя.

Женитьба эта не имѣла хорошаго вліянія на Ивана, да и не могла имѣть: сама новая царица оставила по себѣ память злой женщины. Царь продолжалъ вести пьяную и развратную жизнь, и даже, какъ говорятъ, предавался разврату противуестественнымъ образомъ съ Ѳедоромъ Басмановымъ. Одинъ изъ бояръ, Димитрій Овчина-Оболенскій, упрекнулъ этимъ любимца. „Ты служишь царю гнуснымъ дѣломъ содомскимъ, а я, происходя изъ знатнаго рода, какъ и предки мои, служу государю на славу и пользу отечеству“. Басмановъ пожаловался царю. Иванъ задумалъ отмстить Овчинѣ, скрывши—за что̀. Онъ ласково пригласилъ Овчину къ столу и подалъ большую чашу вина съ приказомъ выпить однимъ духомъ. Овчина не могъ выпить и половины. „Вотъ такъ-то—сказалъ Иванъ—ты желаешь добра своему государю! Не захотѣлъ пить, ступай же въ погребъ, тамъ есть разное питье. Тамъ напьешься за мое здоровье“. Овчину увели въ погребъ и задушили, а царь, какъ будто ничего не зная, послалъ на другой день въ домъ Овчины приглашать его къ себѣ и потѣшался отвѣтомъ его жены, которая, не вѣдая, что̀ сталось съ ея мужемъ, отвѣчала, что онъ еще вчера ушелъ къ государю. Другой бояринъ, Михаилъ Рѣпнинъ, человѣкъ степенный, не позволилъ царю надѣть на себя шутовской маски въ то время, когда пьяный Иванъ веселился со своими любимцами. Царь приказалъ умертвить его. Люди Адашевскаго совѣта исчезали одинъ за другимъ по царскому приказу: князь Димитрій Курлятовъ, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ людей прежняго времени, вмѣстѣ съ женою и дочерьми, былъ сосланъ въ каргопольскій Челмскій монастырь (въ 1563 г.), а черезъ нѣсколько времени, какъ говоритъ Курбскій, царь вспомнилъ о немъ и приказалъ умертвить со всею семьею. Другой бояринъ, князь Воротынскій, также одинъ изъ вліятельныхъ лицъ Адашевскаго кружка, былъ сосланъ со всею семьею на Бѣлозеро: къ нему царь былъ милостивѣе, приказывалъ содержать его хорошо и впослѣдствіи освободилъ, чтобъ снова замучить, какъ увидимъ ниже. Третій изъ опальныхъ бояръ, князь Юрій Кашинъ, былъ безъ ссылки умерщвленъ вмѣстѣ съ братомъ.

Тогда же Иванъ началъ преслѣдовать семейство Шереметевыхъ: одинъ изъ нихъ, Никита, былъ умерщвленъ, другой, Иванъ Васильевичъ (старшій), былъ сначала засаженъ въ тюрьму, но потомъ выпущенъ; вмѣстѣ съ братомъ своимъ Ив. Вас. Шереметевымъ (меньшимъ), онъ оставался въ постоянномъ страхѣ: царь подозрѣвалъ ихъ въ намѣреніи бѣжать и измѣнить [1]).

Неудовольствія съ Польшею, естественно возникавшія послѣ неудачнаго сватовства Иванова, усилились отъ политическихъ обстоятельствъ. Ливонскій Орденъ не въ силахъ былъ бороться съ Москвою; завоевывая городъ за городомъ, русскіе взяли крѣпкій Феллинъ, плѣнили магистра Фирстенберга и овладѣли почти всею ливонскою страною. Тогда новый магистръ Готгардъ Кетлеръ, съ согласія всѣхъ рыцарей, архіепископа рижскаго и городовъ Ливоніи отдался польскому королю Сигизмунду-Августу. Ливонія признала польскаго короля своимъ государемъ; Орденъ прекращалъ свое существованіе въ смыслѣ военно-монашескаго братства (секуляризировался); самъ Кетлеръ вступалъ въ бракъ и дѣлался наслѣдственнымъ владѣтелемъ Курляндіи и Семигаліи; Ревель съ Эстляндіей не захотѣлъ поступать подъ власть Польши и отдался Швеціи; кромѣ того, островъ Эзель, въ значеніи епископства эзельскаго, отдался датскому королю, который посадилъ тамъ брата своего Магнуса. Сигизмундъ-Августъ, сознавая себя государемъ страны, которая ему отдавалась добровольно, естественно возымѣлъ притязанія на города, завоеванные Иваномъ. Уже въ 1561 году, до формальнаго объявленія войны, начались непріязненныя дѣйствія между русскими и литовцами въ Ливоніи. Сигизмундъ-Августъ подстрекалъ на Москву крымскаго хана, а между тѣмъ, показывалъ видъ, что не хочетъ войны съ Иваномъ, и только требовалъ, чтобъ московскій государь оставилъ Ливонію, такъ какъ она отдалась подъ защиту короля. Московскіе бояре не только отвѣчали отъ имени царя, что онъ не уступитъ Ливоніи, но припомнили польскому посольству, что всѣ русскія земли, находившіяся во власти Сигизмунда-Августа, были достояніемъ предковъ государя, кіевскихъ князей, и самая Литва платила дань сыновьямъ Мономаха, а потому все Литовское Великое Княжество есть вотчина государя. Послѣ такихъ заявленій началась война.

Въ началѣ 1563 года самъ царь двинулся съ войскомъ къ

---

[1]) Иванъ Васильевичъ (старшій) спасся тѣмъ, что постригся въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, но и тамъ царь не оставлялъ его въ покоѣ и ставилъ на видъ игумену, что Шереметеву дѣлаютъ послабленія: и по прошествіи многихъ лѣтъ царь не могъ забыть въ немъ прежняго друга Сильвестрова.

Полоцку. Въ городѣ начальствовалъ королевскій воевода Довойна. Замѣчая, вѣроятно, въ народѣ сочувствіе къ московскому государю, онъ приказалъ сжечь посадъ и выгналъ изъ него хлоповъ или такъ-называемую чернь, т.-е. простой тамошній русскій народъ. Эти хлопы перебѣжали въ русскій лагерь и указали большой складъ запасовъ, сохраняемыхъ въ лѣсу, въ ямахъ. Овладѣвши этимъ складомъ, московское войско приступило къ замку, и вскорѣ отъ стрѣльбы произошелъ тамъ пожаръ. Тогда Довойна, въ совѣтѣ съ полоцкимъ епископомъ Гарабурдою, рѣшились отдаться московскому царю. Находившіеся въ городѣ поляки подъ предводительствомъ Вершхлейскаго упорно защищались, наконецъ сдались, когда московскій государь обѣщалъ выпустить ихъ съ имуществомъ. 15 февраля 1563 года Иванъ въѣхалъ въ Полоцкъ, именовалъ себя великимъ княземъ полоцкимъ и милостиво отпустилъ поляковъ въ числѣ пятисотъ человѣкъ съ женами и дѣтьми, одарилъ ихъ собольими шубами, но ограбилъ полоцкаго воеводу и епископа и отправилъ ихъ въ Москву плѣнными съ другими литовцами. Иванъ не упустилъ здѣсь случая потѣшиться кровопролитіемъ и приказалъ перетопить въ Двинѣ всѣхъ іудеевъ съ ихъ семьями [1]). Тогда же, по приказанію Ивана, татары перебили въ Полоцкѣ всѣхъ бернардинскихъ монаховъ. Всѣ латинскія церкви были разорены [2]). Царь оставилъ въ Полоцкѣ воеводою Петра Шуйскаго съ товарищами, приказалъ укрѣплять городъ и не впускать въ него литовскихъ людей, но дозволилъ послѣднимъ жить на посадѣ, находясь подъ судомъ воеводъ, которые должны были творить судъ, примѣняясь къ мѣстнымъ обычаямъ.

Царь Иванъ, сообразно своему характеру, тотчасъ же возгордился до чрезвычайности этой важной, но легко доставшейся побѣдой, и, въ переговорахъ съ литовскими послами, искавшими примиренія, по прежнему обычаю запрашивалъ и Кіева, и Волыни, и Галича, потомъ — великодушно уступалъ эти земли, ограничиваясь требованіемъ себѣ Полоцка и Ливоніи, и чванился своимъ мнимымъ происхожденіемъ отъ Пруса, небывалаго брата римскаго Цезаря Августа.

---

[1]) Уже прежде Иванъ былъ предубѣжденъ противъ этого народа и не терпѣлъ его: когда-то въ Москвѣ пріѣхавшіе для торговли іудеи были выгнаны за то, что торговали „муміею", продавали отравныя зелья и отводили людей отъ христіанства.

[2]) Въ числѣ убитыхъ въ Полоцкѣ Иваномъ былъ тогда Ѳома, товарищъ извѣстнаго проповѣдника ереси Ѳеодосія Косого, бѣжавшій съ нимъ изъ Москвы въ Литву.

Примиреніе на-долго не состоялось; война продолжалась, но шла очень вяло, такъ что нѣсколько лѣтъ, ни съ той, ни съ другой стороны, не произошло ничего замѣчательнаго. Между тѣмъ произошли событія, подѣйствовавшія на Ивана и усилившія его кровожадныя наклонности. Раздраженный противъ бояръ, сторонниковъ Адашева и Сильвестра, онъ боялся измѣны отъ всѣхъ тѣхъ, кого подозрѣвалъ въ дружбѣ со своими прежними опекунами. Ему казалось, что, за невозможностью овладѣть снова царемъ, они перейдутъ къ Сигизмунду-Августу или къ крымскому хану, или же будутъ, въ соумышленіи съ врагами, дѣйствовать во вредъ царю. При такой подозрительности, царь бралъ съ нихъ поручныя записи въ томъ, чтобы служить вѣрно государю и его дѣтямъ, не искать другого государя и не отъѣзжать въ Литву и иныя государства. Подобныя записи взяты были еще въ 1561 году съ князя Василія Глинскаго, съ бояръ: князя Ивана Мстиславскаго, Василія Михайлова, Ивана Петрова, Ѳедора Умнаго, князя Андрея Телятевскаго, князя Петра Горенскаго, Данила Романова и Андрея Васильева. Всего замѣчательнѣе дошедшія до насъ поручныя записки князя Ивана Димитріевича Бѣльскаго. Въ мартѣ 1562 года царь заставилъ за него поручиться множество знатныхъ лицъ, съ обязанностью уплатить 10,000 рублей въ случаѣ его измѣны, а въ апрѣлѣ 1563 года съ этого же боярина взята новая запись, въ которой онъ сознается, что преступилъ крестное цѣлованіе, ссылался съ Сигизмундомъ-Августомъ и хотѣлъ бѣжать къ нему. Едва ли Бѣльскій справедливо показалъ на себя; едва ли бы Иванъ могъ простить такую измѣну, которую не простилъ бы и болѣе добрый государь! Судя по тому, что̀ дѣлалось и послѣ, вѣроятно въ угоду подозрительному и жадному Ивану, бояринъ самъ наговорилъ на себя, а поручники поплатились за него; царь же простилъ его, зная, что онъ не виноватъ. Подобная запись взята была съ князя Александра Ивановича Воротынскаго, и въ числѣ поручителей былъ обвиненный Иванъ Димитріевичъ Бѣльскій; но за самихъ поручителей Воротынскаго, въ случаѣ несостоятельности въ уплатѣ за него 15,000 рублей, взята еще запись съ разныхъ другихъ лицъ въ качествѣ поручителей за поручителей. Подозрительность и злоба царя естественно усилились, когда произошли случаи дѣйствительнаго, а не только воображаемаго отъѣзда въ Литву. Князь Димитрій Вишневецкій, прибывшій въ Московское Государство съ цѣлью громить Крымъ, увидѣлъ, что цѣль его не достигается, ушелъ къ Сигизмунду-Августу и примирился съ

нимъ [1]). Иванъ притворялся, будто это бѣгство ни мало его не тревожило, и въ наказѣ своему гонцу велѣлъ говорить въ Литвѣ, когда спросятъ про князя Вишневецкаго: „Притекъ онъ къ нашему государю, какъ собака, и утекъ какъ собака, и нашему государю и землѣ не причинилъ онъ никакого убытка“. Но тогда же царь приказалъ развѣдывать о Вишневецкомъ подъ рукою. Въ то же время бѣжали въ Литву Алексѣй и Гаврило Черкасскіе. Царь такъ былъ занятъ ихъ отъѣздомъ, что стороною развѣдывалъ, не захотятъ ли они опять воротиться, и обѣщалъ имъ милость. Все это показываетъ, какъ сильно тревожила его мысль о побѣгахъ изъ его государства. Болѣе всего подѣйствовало на Ивана бѣгство князя Курбскаго. Этотъ бояринъ, одинъ изъ самыхъ даровитыхъ и вліятельныхъ членовъ Адашевскаго кружка́, начальствуя войскомъ въ Ливоніи, въ концѣ 1563 года бѣжалъ изъ Дерпта въ городъ Вольмаръ, занятый тогда литовцами, и отдался королю Сигизмунду-Августу, который принялъ его ласково, далъ ему въ помѣстье городъ Ковель и другія имѣнія. Поводомъ къ этому бѣгству было (какъ можно заключить изъ словъ Курбскаго и самого Ивана) то, что Иванъ глубоко ненавидѣлъ этого друга Адашевыхъ, взваливалъ на него подозрѣніе въ смерти жены своей Анастасіи, ожидалъ отъ него тайныхъ злоумышленій, всякаго противодѣйствія своей власти, и искалъ только случая, чтобы погубить его. Курбскій не ограничился бѣгствомъ, но посылалъ изъ новаго отечества къ царю укоризненныя, ѣдкія письма, дразнилъ его, а царь писалъ ему длинные отвѣты, и хотя называлъ въ нихъ Курбскаго „собакою“, но старался оправдать передъ нимъ свои поступки. Переписка эта представляетъ драгоцѣнный матеріалъ, объясняющій болѣе, чѣмъ все другое, характеръ царя Ивана. Поступокъ Курбскаго, но болѣе всего его письма и невозможность наказать „бѣглаго раба“ за дерзость, довели раздражительнаго и подозрительнаго царя до высшей степени злости и тиранства, граничившаго уже съ потерею разсудка. Въ 1564—1565 годахъ царь продолжалъ брать поручныя записи въ своихъ бояръ въ томъ, чтобы они не бѣгали въ Литву [2]), а между тѣмъ происходили новые побѣги; бѣжали уже не одни знатные люди. Убѣжали въ Литву первые московскіе типографы: Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Мсти-

---

[1]) Черезъ два года съ своими козаками пустился на турокъ, овладѣлъ Молдавіею, но былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и умеръ мученическою смертью въ Константинополѣ.

[2]) См. записи, взятыя съ Ив. Вас. Шереметева-Большого, бояръ: Яковлева, Салтыкова, князя Серебрянаго и другихъ, въ С. Г. Г., ч. I., стр. 496—525.

славецъ; бѣжали многіе дворяне и дѣти боярскіе, между прочимъ Тетеринъ и Сарыхозинъ. Послѣдніе написали дерптскому намѣстнику боярину Морозову замѣчательное письмо, показывающее, какія перемѣны въ тогдашнемъ управленіи возбуждали неудовольствіе. Поставляя на видъ боярамъ, что царь плохо цѣнитъ ихъ службу и окружаетъ себя новыми людьми, дьяками, Тетеринъ говоритъ: „Твое юрьевское намѣстничество не лучше моего Тимохина невольнаго чернечества" (т.-е., что Тетеринъ былъ также неволею постриженъ въ монахи, какъ Морозовъ посаженъ намѣстникомъ); „тебя государь жалуетъ такъ, какъ турецкій султанъ молдавскаго; жену у тебя взялъ въ закладъ, а доходу тебѣ не сказалъ ни пула (мелкая монета), повелѣлъ еще 2,000 запять себѣ на ѣду, а заплатить-то нечѣмъ; невѣжливо сказать: чай не очень тебѣ вѣрятъ. Есть у великаго князя новые вѣрники, дьяки: они его половиною кормятъ, а бо́льшую половину себѣ берутъ. Ихъ отцы вашимъ отцамъ и въ холопство не годились, а нынѣ не только землею владѣютъ, а и головами вашими торгуютъ. Богъ, видно, у васъ умъ отнялъ, что вы за женъ и дѣтей и вотчины головы свои кладете, а ихъ губите, а себѣ все-таки не пособите! Смѣю, государь, спросить: каково тѣмъ, у кого мужей и отцовъ различною смертью побили неправедно?..." Дѣйствительно, это была эпоха, когда значеніе породы уступало сильно значенію службы. Изъ сословія дѣтей боярскихъ выдвигались прежде называемые дѣти боярскіе дворовые и стали называться дворянами: они составляли высшій слой между дѣтьми боярскими и скоро образовали отдѣльное сословіе. Ихъ значеніе состояло въ относительной близости къ царю; въ званіе дворянъ возводились изъ дѣтей боярскихъ по царской милости. Дьяки, прежде занимавшіеся письмоводствомъ подъ начальствомъ бояръ и окольничихъ, стали важными людьми: царь довѣрялъ имъ болѣе, чѣмъ родовитымъ людямъ.

Курбскій давалъ Сигизмунду-Августу совѣты, какъ воевать московскаго царя, и самъ предводительствовалъ отрядомъ противъ своихъ соотечественниковъ. Въ концѣ 1564 года разнесся слухъ, что огромная сила двигается изъ Литвы къ Полоцку; а между тѣмъ Девлетъ-Гирей, побуждаемый Сигизмундомъ-Августомъ, идетъ въ южные предѣлы Московскаго Государства. Крымцамъ на этотъ разъ не посчастливилось: они подходили къ Рязани и отступили; но царь ожидалъ съ двухъ сторонъ новаго нашествія враговъ, а внутри государства ему мерещелись измѣнники. Онъ желалъ проливать кровь, но трусилъ и измыслилъ такое средство, которое бы въ народныхъ глазахъ придавало законность самымъ

необузданнымъ его неистовствамъ. Трусость привела Ивана къ мысли устроить, такъ сказать, комедію, въ которой народу выпало бы на долю просить царя мучить и казнить кого угодно царю.

Въ концѣ 1564 года царь приказалъ собрать изъ городовъ въ Москву съ женами и дѣтьми дворянъ, дѣтей боярскихъ и приказныхъ людей, выбравъ ихъ поименно. Разнесся слухъ, что царь собирался ѣхать неизвѣстно куда. Иванъ вотъ что̀ объявилъ духовнымъ и свѣтскимъ знатнымъ лицамъ. Ему сдѣлалось извѣстнымъ, что многіе не терпятъ его, не желаютъ, чтобы царствовалъ онъ и его наслѣдники, злоумышляютъ на его жизнь; поэтому, онъ намѣренъ отказаться отъ престола и передать правленіе всей землѣ. Говорятъ, что съ этими словами Иванъ положилъ свою корону, жезлъ и царскую одежду. На другой день со всѣхъ церквей и монастырей духовные привозили къ Ивану образа; Иванъ клапялся передъ ними, прикладывался къ нимъ, бралъ отъ духовныхъ благословеніе, потомъ нѣсколько дней и ночей ѣздилъ онъ по церквамъ; наконецъ, 3 декабря пріѣхало въ Кремль множество саней; начали изъ дворца выносить и укладывать всякія драгоцѣнности: иконы, кресты, одежды, сосуды, и пр. Всѣмъ прибывшимъ изъ городовъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ приказано собираться въ путь съ царемъ. Выбраны были также нѣкоторые изъ бояръ и дворянъ московскихъ для сопровожденія царя, съ женами и дѣтьми. Въ Успенскомъ соборѣ велѣно было служить обѣдню митрополиту Аѳанасію, заступившему мѣсто Макарія († 31 декабря 1563). Отслушавши литургію въ присутствіи всѣхъ бояръ, царь принялъ благословеніе митрополита, далъ цѣловать свою руку боярамъ и прочимъ присутствовавшимъ въ церкви; затѣмъ сѣлъ въ сани съ царицею и двумя сыновьями. Съ нимъ отправились любимцы его: Алексѣй Басмановъ, Михайло Салтыковъ, князь Аѳанасій Вяземскій, Иванъ Чоботовъ, избранные дьяки и придворные. Вооруженная толпа выборныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ сопровождала ихъ. Всѣ въ Москвѣ были въ недоумѣніи. Ни митрополитъ, ни святители, съѣхавшіеся тогда въ столицу, не смѣли просить у царя объясненія. Двѣ недѣли, по причинѣ оттепели, царь долженъ былъ пробыть въ селѣ Коломенскомъ, потомъ переѣхалъ со всѣмъ своимъ обозомъ въ село Тайнинское, а оттуда черезъ Троицкій монастырь прибылъ въ Александровскую слободу, свое любимое мѣстопребываніе.

Никто изъ Москвы не осмѣлился обратиться къ удалившемуся государю. Наконецъ, 3 января пріѣхалъ отъ него въ сто-

лицу Константинъ Поливановъ съ грамотою къ митрополиту. Иванъ объявлялъ, что онъ положилъ гнѣвъ свой на богомольцевъ своихъ, архіепископовъ, епископовъ и все духовенство, на бояръ, окольничихъ, дворецкаго, казначея, конюшаго дьяковъ, дѣтей боярскихъ, приказныхъ людей; припоминалъ, какія злоупотребленія, расхищенія казны и убытки причиняли они государству во время его малолѣтства, жаловался, что бояре и воеводы разобрали себѣ, своимъ родственникамъ и друзьямъ государевы земли, собрали себѣ великія богатства, помѣстья, вотчины, не радятъ о государѣ и государствѣ, притѣсняютъ христіанъ, убѣгаютъ отъ службы; а когда царь—сказано было въ грамотѣ—захочетъ своихъ бояръ, дворянъ, служилыхъ и приказныхъ людей понаказать, архіепископы и епископы заступаются за виновныхъ; они за-одно съ боярами, дворянами и приказными людьми покрываютъ ихъ передъ государемъ. Поэтому, государь отъ великой жалости не хочетъ болѣе терпѣть ихъ измѣнныхъ дѣлъ и поѣхалъ поселиться тамъ, гдѣ его Господь Богъ наставитъ.

Гонецъ привезъ отъ государя другую грамоту къ гостямъ, купцамъ и ко всему московскому народу. Въ ней государь писалъ, чтобы московскіе люди ни мало не сомнѣвались: на нихъ нѣтъ отъ царя ни гнѣва, ни опалы.

Понятно, что такое посольство произвело неописанный ужасъ въ Москвѣ; не говоря уже о томъ, что государство оставалось безъ главы въ то время, когда находилось въ войнѣ съ сосѣдями, внутри его можно было ожидать междоусобій и безпорядковъ. Однимъ Иванъ объявлялъ гнѣвъ, другимъ милость и, этимъ способомъ, разъединялъ народъ, вооружалъ большинство противъ меньшинства, чернилъ передъ толпою народа весь служилый классъ и даже духовенство, и такимъ образомъ заранѣе предавалъ огуломъ и тѣхъ и другихъ народному суду, котораго исполнителемъ долженъ быть онъ самъ. Царь какъ-бы становился за-одно съ народомъ противъ служилыхъ. Само собою разумѣется, что ни служилые, ни духовные не могли ни оправдываться, ни возвышать за себя голоса. Весь народъ возопилъ: „Пусть государь не оставляетъ государства, не отдаетъ на расхищеніе волкамъ, избавитъ насъ изъ рукъ сильныхъ людей. Пусть казнитъ своихъ лиходѣевъ! Въ животѣ и смерти воленъ Богъ и государь!..“ Бояре, служилые люди и духовные, волею-неволею должны были произносить то же, и говорили митрополиту: „Всѣ своими головами ѣдемъ за тобою бить государю челомъ и плакаться“. Нѣкоторые изъ простого народа говорили: „Пусть царь укажетъ своихъ измѣнниковъ и лиходѣевъ; мы сами ихъ истребимъ“.

Положили, чтобы митрополитъ остался въ столицѣ, гдѣ начинался уже безпорядокъ. Вмѣсто него поѣхали святители, а главнымъ между ними новгородскій архіепископъ Пименъ; въ числѣ этихъ духовныхъ былъ давній Ивановъ наушникъ архимандритъ Левкій; съ духовенствомъ отправились бояре, князья: Иванъ Димитріевичъ Бѣльскій, Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій и другіе. Были съ ними дворяне и дѣти боярскіе. Какъ только они появились, то были тотчасъ, по царскому приказанію, окружены стражею. Царь принималъ ихъ какъ будто враговъ въ военномъ лагерѣ. Посольство въ льстивыхъ выраженіяхъ восхваляло его заслуги, его мудрое правленіе, величало его грозой и побѣдителемъ враговъ, распространителемъ предѣловъ государства, единымъ правовѣрнымъ государемъ по всей вселенной, обладающимъ богатою страною, надъ которою почіетъ свыше благословеніе Божіе и явно показывающее свою силу во множествѣ святыхъ, ихъ же нетлѣнныя тѣлеса почіютъ въ русскомъ царствѣ.

„Если, государь,—говорили они,—ты не хочешь помыслить ни о чемъ временномъ и преходящемъ, ни о твоей великой землѣ и ея градахъ, ни о безчисленномъ множествѣ покорнаго тебѣ народа, то помысли о святыхъ чудотворныхъ иконахъ и единой христіанской вѣрѣ, которая твоимъ отшествіемъ отъ царства подвергнется, если не конечному разоренію и истребленію, то оскверненію отъ еретиковъ. А если тебя, государь, смущаетъ измѣна и пороки въ нашей землѣ, о которыхъ мы не вѣдаемъ, то воля твоя будетъ и миловать и строго казнить виновныхъ, все исправляя мудрыми твоими законами и уставами“.

Царь сказалъ имъ, что онъ подумаетъ, и, черезъ нѣсколько времени, призвалъ ихъ снова и далъ такой отвѣтъ:

„Съ давнихъ временъ, какъ вамъ извѣстно изъ русскихъ лѣтописцевъ, даже до настоящихъ лѣтъ, русскіе люди были мятежны нашимъ предкамъ, начиная отъ славной памяти Владиміра Мономаха, пролили много крови нашей, хотѣли истребить достославный и благословенный родъ нашъ. По кончинѣ блаженной памяти родителя нашего, готовили такую участь и мнѣ, вашему законному наслѣднику, желая поставить себѣ иного государя, и до сихъ поръ я вижу измѣну своими глазами; не только съ польскимъ королемъ, но и съ турками и крымскимъ ханомъ входятъ въ соумышленіе, чтобы насъ погубить и истребить; извели нашу кроткую и благочестивую супругу Анастасію Романовну; и если бы Богъ насъ не охранилъ, открывая ихъ замыслы, то извели бы они и насъ съ нашими дѣтьми. Того ради, избѣгая

зла, мы по-неволѣ должны были удалиться изъ Москвы, выбравъ себѣ иное жилище и опричныхъ совѣтниковъ и людей".

Иванъ подалъ имъ надежду возвратиться и снова принять жезлъ правленія, но не иначе, какъ окруживши себя особо выбранными, „опричными" людьми, которымъ онъ могъ довѣрять и посредствомъ ихъ истреблять своихъ лиходѣевъ и выводить измѣну изъ государства.

2-го февраля царь прибылъ въ Москву и явился посреди духовенства, бояръ, дворянъ и приказныхъ людей. Его едва узнали, когда онъ появился. Злоба исказила черты лица, взглядъ былъ мраченъ и свирѣпъ: безпокойные глаза безпрестанно перебѣгали изъ стороны въ сторону; на головѣ и бородѣ вылѣзли почти всѣ волосы. Видно было, что передъ этимъ онъ понесъ потрясеніе, которое зловредно подѣйствовало на его здоровье. Съ этихъ поръ поступки его показываютъ состояніе души, близкое къ умопомѣшательству. Вѣроятно, такой перемѣнѣ въ его организмѣ содѣйствовала и его развратная жизнь, неумѣренность во всѣхъ чувственныхъ наслажденіяхъ, которымъ онъ предавался въ этотъ періодъ своего царствованія. Иванъ объявилъ, что онъ, по желанію и челобитью московскихъ людей, а наипаче духовенства, принимаетъ власть снова, съ тѣмъ, чтобъ ему на своихъ измѣнниковъ и непослушниковъ вольно было класть опалы, казнить смертью и отбирать на себя ихъ имущество, и чтобы духовные впередъ не надоѣдали ему челобитьемъ о помилованіи опальныхъ. Иванъ предложилъ уставъ Опричнины, придуманный имъ или, быть можетъ, его любимцами. Онъ состоялъ въ слѣдующемъ: государь поставитъ себѣ особый дворъ и учинитъ въ немъ особый обиходъ, выберетъ себѣ бояръ, окольничихъ, дворецкаго, казначея, дьяковъ, приказныхъ людей, отберетъ себѣ особыхъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, стольниковъ, стряпчихъ, жильцовъ; поставитъ въ царскихъ службахъ (во дворцахъ—Сытномъ, Кормовомъ и Хлѣбенномъ) всякаго рода мастеровъ и приспѣшниковъ, которымъ онъ можетъ довѣрять, а также особыхъ стрѣльцовъ. Затѣмъ всѣ владѣнія Московскаго Государства раздвоялись: государь выбиралъ себѣ и своимъ сыновьямъ города съ волостями [1]),

---

[1]) Города: Можайскъ, Вязьму, Козельскъ, Перемышль, два жеребья, Бѣлевъ, Лихвинъ обѣ половины, Ярославецъ и съ Суходровью, Медынь и съ Товарковою, Суздаль и съ Шуею, Галичъ со всѣми пригородки, съ Чухломою и съ Унжею и съ Коряковымъ и съ Бѣлогородьемъ, Вологду, Юрьевецъ Повольской, Балахну и съ Узолою, Старую Русу городъ, Вышегородъ на Поротвѣ, Устюгъ со всѣми волостьми, гор. Двину, Каргополе, Вагу, а волости: Олешню, Хотунь, Гусь, Муромское сельцо, Аргуново, Гвоздну, Опаковъ на Угрѣ, Кругъ Клинской, Числяки, Ординскія деревни

которые должны были покрывать издержки на царскій обиходъ и на жалованье служилымъ людямъ, отобраннымъ въ Опричнину. Въ волостяхъ этихъ городовъ помѣстья исключительно раздавались тѣмъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, которые были записаны въ Опричнину, числомъ 1000; тѣ изъ нихъ, которыхъ царь выберетъ въ иныхъ городахъ, переводятся въ опричные города, а всѣ вотчинники и помѣщики, имѣвшіе владѣнія въ этихъ опричныхъ волостяхъ, но невыбранные въ Опричнину, переводятся въ города и волости за предѣлами Опричнины. Царь сдѣлалъ оговорку, что если доходы съ отдѣленныхъ въ Опричнину городовъ и волостей будутъ недостаточны, то онъ будетъ брать еще другіе города и волости въ Опричнину. Въ самой Москвѣ взяты были въ Опричнину нѣкоторыя улицы и слободы, изъ которыхъ жители, невыбранные въ Опричнину, выводились прочь.

Вмѣсто Кремля царь приказалъ строить себѣ другой дворъ за Неглинною (между Арбатскою и Никитскою улицами), но главное мѣстопребываніе свое назначалъ онъ въ Александровской слободѣ, гдѣ приказалъ также ставить дворы для своихъ выбранныхъ въ Опричнину бояръ, князей и дворянъ. Вся затѣмъ остальная Русь называлась Земщиною, повѣрялась земскимъ боярамъ: Бѣльскому, Мстиславскому и другимъ. Въ ней были старые чины такихъ же названій, какъ въ Опричнинѣ: конюшій, дворецкій, казначей, дьяки, приказные и служилые люди, бояре, окольничій, стольники, дворяне, дѣти боярскіе, стрѣльцы и пр. По всѣмъ земскимъ дѣламъ въ Земщинѣ относились къ боярскому совѣту, а бояре въ важнѣйшихъ случаяхъ докладывали государю. Земщина имѣла значеніе опальной земли, постигнутой царскимъ гнѣвомъ. За подъемъ свой государь назначилъ 100,000 рублей, которые надлежало взять изъ земскаго приказа, а у бояръ, воеводъ и приказныхъ людей, заслужившихъ за измѣну гнѣвъ царскій или опалу, опредѣлено было отбирать имѣнія въ казну.

Царь усѣлся въ Александровской слободѣ, во дворцѣ, обведенномъ валомъ и рвомъ. Никто не смѣлъ ни выѣхать, ни въѣхать безъ вѣдома Иванова: для этого въ трехъ верстахъ отъ Слободы стояла воинская стража. Иванъ жилъ тутъ окруженный своими любимцами, въ числѣ которыхъ Басмановы, Малюта Скуратовъ и Аѳанасій Вяземскій занимали первое мѣсто. Любимцы набирали въ Опричнину дворянъ и дѣтей боярскихъ и, вмѣсто 1000 человѣкъ, вскорѣ наверстали ихъ до 6000, которымъ раз-

---

и станъ Пахрянской въ Московскомъ уѣздѣ, Бѣлгородъ въ Кашинѣ, да волости: Вселунь, Ошту, Порогъ Ладожской, Тотму, Прибутъ и иныя волости.

давались помѣстья и вотчины, отнимаемыя у прежнихъ владѣльцевъ, долженствовавшихъ терпѣть разореніе и переселяться со своего пепелища. У послѣднихъ отнимали не только земли, но даже дома и все движимое имущество; случалось, что ихъ въ зимнее время высылали пѣшкомъ на пустыя земли. Такихъ несчастныхъ было болѣе 12,000 семействъ; многіе погибали на дорогѣ. Новые землевладѣльцы, опираясь на особенную милость царя, дозволяли себѣ всякія наглости и произволъ надъ крестьянами, жившими на ихъ земляхъ, и вскорѣ привели ихъ въ такое нищенское положеніе, что казалось, какъ будто непріятель посѣтилъ эти земли. Опричники давали царю особую присягу, которою обязывались не только доносить обо всемъ, что они услышатъ дурного о царѣ, но не имѣть никакого дружескаго сообщенія, не ѣсть и не пить съ земскими людьми. Имъ даже вмѣнялось въ долгъ, какъ говорятъ лѣтописцы, насиловать, предавать смерти земскихъ людей и грабить ихъ домы. Современники иноземцы пишутъ, что символомъ опричниковъ было изображеніе собачьей головы и метла въ знакъ того, что они кусаются какъ собаки, оберегая царское здравіе, и выметаютъ всѣхъ лиходѣевъ. Самыя наглыя выходки дозволяли они себѣ противъ земскихъ. Такъ, напримѣръ, подошлетъ опричникъ своего холопа или молодца въ какому-нибудь земскому дворянину или посадскому: подосланный опредѣлится къ земскому хозяину въ слуги и подкинетъ ему какую-нибудь цѣнную вещь; опричникъ нагрянетъ въ домъ съ приставомъ, схватитъ своего мнимо-бѣглаго раба, отыщетъ подкинутую вещь и заявитъ, что его холопъ вмѣстѣ съ этою вещью укралъ у него большую сумму. Обманутый хозяинъ безотвѣтенъ, потому что у него найдено поличное. Холопъ опричника, которому для вида прежній господинъ обѣщаетъ жизнь, если онъ искренно сознается, показываетъ, что онъ укралъ у своего господина столько-то и столько и передалъ новому хозяину. Судъ изрекаетъ приговоръ въ пользу опричника; обвиненнаго ведутъ на правежъ на площадь и бьютъ по ногамъ палкою до тѣхъ поръ, пока не заплатитъ долга или же въ противномъ случаѣ выдаютъ головою опричнику.

Такимъ или подобнымъ образомъ многіе теряли свои дома, земли и бывали обобраны до ниточки; а иные отдавали женъ и дѣтей въ кабалу и сами шли въ холопы. Всякому доносу опричника на земскаго давали вѣру; чтобъ угодить царю, опричникъ долженъ былъ отличаться свирѣпостью и безсердечіемъ къ земскимъ людямъ; за всякій признакъ состраданія къ ихъ судьбѣ опричникъ былъ въ опасности отъ царя потерять свое помѣстье,

подвергнуться пожизненному заключенію, а иногда и смерти. Случалось, ѣдетъ опричникъ по Москвѣ и завернетъ въ лавку; тамъ боятся его какъ чумы; онъ подброситъ что-нибудь, потомъ придетъ съ приставомъ и подвергнетъ конечному разоренію купца. Случалось—заведетъ опричникъ съ земскимъ на улицѣ разговоръ, вдругъ схватитъ его и начнетъ обвинять, что земскій ему сказалъ поносное слово; опричнику вѣрятъ. Обидѣть царскаго опричника было смертельнымъ преступленіемъ; у бѣднаго земскаго отнимаютъ все имущество и отдаютъ обвинителю, а нерѣдко сажаютъ на всю жизнь въ тюрьму, иногда же казнятъ смертію. Если опричникъ вездѣ и во всемъ былъ высшимъ существомъ, которому надобно угождать, земскій былъ — существо низшее, лишенное царской милости, которое можно какъ угодно обижать. Такъ стояли другъ къ другу служилые, приказные и торговые люди на одной сторонѣ въ Опричнинѣ, на другой—въ Земщинѣ. Что касается до массы народа, до крестьянъ, то въ Опричнинѣ они страдали отъ произвола новопоселенныхъ помѣщиковъ; состояніе рабочаго народа въ Земщинѣ было во многихъ отношеніяхъ еще хуже, такъ какъ, при всякихъ опалахъ владѣльцевъ, разореніе постигало массу людей, связанныхъ съ опальными условіями жизни, и мы видимъ примѣры, что мучитель, казнивши своихъ бояръ, посылалъ разорять ихъ вотчины. При такомъ новомъ состояніи дѣлъ на Руси, чувство законности должно было исчезнуть. И въ этотъ-то печальный періодъ потеряли свою живую силу начатки общиннаго самоуправленія и народной льготы, недавно установленныя правительствомъ Сильвестра и Адашева: правда, многія формы въ этомъ родѣ оставались и послѣ; но духъ, оживлявшій ихъ, испарился подъ тиранствомъ царя Ивана. Учрежденіе Опричнины очевидно было такимъ чудовищнымъ орудіемъ деморализаціи народа русскаго, съ которымъ едва ли что-нибудь другое въ его исторіи могло сравниться, и глядѣвшіе на это иноземцы справедливо замѣчаютъ: „если бы сатана хотѣлъ выдумать что-нибудь для порчи человѣческой, то и тотъ не могъ бы выдумать ничего удачнѣе“.

Свирѣпыя казни и мучительства возрастали со введенія Опричнины чудовищнымъ образомъ. На третій день послѣ появленія царя въ Москвѣ казненъ былъ зять Мстиславскаго, одного изъ первыхъ бояръ, которому повѣрена была Земщина, —Александръ Горбатый Шуйскій съ семнадцатилѣтнимъ сыномъ и другіе. Иные были насильно пострижены; другіе сосланы. Съ нѣкоторыхъ Иванъ Васильевичъ бралъ новыя записи въ вѣрности. Царскій образъ жизни сталъ вполнѣ достоинъ полупомѣшаннаго.

Иванъ завелъ у себя въ Александровской слободѣ подобіе монастыря, отобралъ 300 опричниковъ, надѣлъ на нихъ черныя рясы сверхъ вышитыхъ золотомъ кафтановъ, на головы тафьи или шапочки; самъ себя назвалъ игуменомъ, Вяземскаго назначилъ келаремъ, Малюту-Скуратова пономаремъ, самъ сочинилъ для братіи монашескій уставъ и самъ лично съ сыновьями ходилъ звонить на колокольню. Въ двѣнадцать часовъ ночи всѣ должны были вставать и идти къ продолжительной полуночницѣ. Въ четыре часа утра ежедневно по царскому звону вся братія собиралась къ заутрени къ богослуженію, и кто не являлся, того наказывали восьмидневною эпитиміею. Утреннее богослуженіе, отправляемое священниками, длилось по царскому приказанію отъ четырехъ до семи часовъ утра. Самъ царь такъ усердно клалъ земные поклоны, что у него на лбу образовались шишки. Въ восемь часовъ шли къ обѣднѣ. Вся братія обѣдала въ трапезѣ; Иванъ, какъ игуменъ, не садился съ нею за столъ, читалъ предъ всѣми житіе дневного святого, а обѣдалъ уже послѣ одинъ. Всѣ наѣдались и напивались досыта; остатки выносились нищимъ на площадь. Нерѣдко, послѣ обѣда, царь Иванъ ѣздилъ пытать и мучить опальныхъ; въ нихъ у него никогда не было недостатка. Ихъ приводили цѣлыми сотнями и многихъ изъ нихъ передъ глазами царя замучивали до смерти. То было любимое развлеченіе Ивана: послѣ кровавыхъ сценъ онъ казался особенно веселымъ. Современники говорятъ, что онъ всегда дико смѣялся, когда смотрѣлъ на мученія своихъ жертвъ. Сама монашествующая братія его служила ему палачами и у каждаго подъ рясою былъ для этой цѣли длинный ножъ. Въ назначенное время отправлялась вечерня; затѣмъ братія собиралась на вечернюю трапезу, отправлялось повечеріе и царь ложился въ постель, а слѣпцы попеременно разсказывали ему сказки. Иванъ хотя и старался угодить Богу прилежнымъ исполненіемъ правилъ внѣшняго благочестія, но любилъ по временамъ и иного рода забавы. Узнаетъ, напр., царь, что у какого-нибудь знатнаго или незнатнаго человѣка есть красивая жена, прикажетъ своимъ опричникамъ силою похитить ее въ собственномъ домѣ и привезти къ нему. Поигравши нѣсколько времени со своею жертвою, онъ отдавалъ ее на поруганіе опричникамъ, а потомъ приказывалъ отвезти къ мужу. Иногда, изъ опасенія, чтобы мужъ не вздумалъ мстить, царь отдавалъ тайный приказъ убить его или утопить. Иногда же царь потѣшался надъ опозоренными мужьями. Ходилъ въ его время разсказъ, что у одного дьяка [1]) онъ такимъ образомъ

---

[1]) У историка Гванини онъ называется Мяссѣдовскимъ.

отнялъ жену, потомъ, вѣроятно узнавши, что мужъ изъявлялъ за это свое неудовольствіе, приказалъ повѣсить изнасилованную жену надъ порогомъ его дома и оставить трупъ въ такомъ положеніи двѣ недѣли; а у другого дьяка была повѣшена жена по царскому приказу надъ его обѣденнымъ столомъ. Нерѣдки были также случаи изнасилованія дѣвицъ и онъ самъ хвастался этимъ впослѣдствіи. Царю особенно хотѣлось уличить своихъ главныхъ бояръ въ измѣнѣ. И вотъ, князья Бѣльскій, Мстиславскій, Воротынскій и конюшій Иванъ Петровичъ Челяднинъ получили отъ короля Сигизмунда и литовскаго гетмана Ходкѣвича письма, приглашавшія ихъ перейти въ Литву на службу. Бояре доставили эти письма Ивану и отвѣчали королю съ-вѣдома царя не только отказомъ, но даже съ бранью и насмѣшками въ родѣ слѣдующихъ: „Будь ты на Польскомъ королевствѣ—пишетъ Бѣльскій Сигизмунду—а я на Великомъ Княжествѣ Литовскомъ и на Русской землѣ, и оба будемъ подъ властію царскаго величества“; или какъ написалъ конюшій Иванъ Петровичъ: „я старъ для того, чтобы ходить въ твою спальню съ распутными женщинами и потѣшать тебя „машкарствомъ“ (отъ слова маска). Отвѣты эти отъ четырехъ лицъ обличаютъ одну и ту же сочинившую ихъ руку и, вѣроятно, писаны подъ диктовку царя; сомнительно, чтобы въ самомъ дѣлѣ существовали пригласительныя письма къ московскимъ боярамъ; они, по крайней мѣрѣ, не сохранились въ польскихъ дѣлахъ: видно, все это была хитрость Ивана, желавшаго испытать своихъ бояръ и, при малѣйшемъ подозрѣніи, погубить ихъ. Но бояре представили письма царю. Царю не было повода придраться къ нимъ; но не трудно было ему выдумать другой поводъ погубить конюшаго, котораго онъ особенно не терпѣлъ. Царь обвинилъ несчастнаго старика, будто онъ хочетъ свергнуть его съ престола и самъ сдѣлаться царемъ; царь призвалъ конюшаго къ себѣ, приказалъ одѣться въ царское одѣяніе, посадилъ на престолъ, самъ сталъ кланяться ему въ землю и говорилъ: „здравъ буди, государь всея Руси! Вотъ ты получилъ то, чего желалъ; я самъ тебя сдѣлалъ государемъ, но я имѣю власть и свергнуть тебя съ престола“. Съ этими словами онъ вонзилъ ножъ въ сердце боярина и приказалъ умертвить его престарѣлую жену. Вслѣдъ затѣмъ, Иванъ приказалъ замучить многихъ знатныхъ лицъ, обвиненныхъ въ соумышленіи съ конюшимъ. Тогда погибли князья: Куракинъ-Булгаковъ, Димитрій Ряполовскій, трое князей Ростовскихъ, Петръ Щенятевъ, Турунтай-Пронскій, казначей Тютинъ, думный дьякъ Казаринъ-Дубровскій и много другихъ. По приказанію царя, опричники хватали женъ

опальныхъ людей, насиловали ихъ, нѣкоторыхъ приводили къ царю, врывались въ вотчины, жгли дома, мучили, убивали крестьянъ, раздѣвали до-нага дѣвушекъ и въ поруганіе заставляли ихъ ловить куръ, а потомъ стрѣляли въ нихъ. Тогда многія женщины отъ стыда сами лишали себя жизни.

Земщина представляла собою какъ-бы чужую покоренную страну, преданную произволу завоевателей, но въ то же время Иванъ допускалъ поразительную непослѣдовательность и противорѣчіе, вообще отличавшее его характеръ и соотвѣтствовавшее нездоровому состоянію души. Ту же Земщину, въ которой онъ на каждомъ шагу видѣлъ себѣ измѣнника, царь собиралъ для совѣщанія о важнѣйшихъ политическихъ дѣлахъ. Въ 1566 году, по поводу литовскихъ предложеній о перемиріи, царь Иванъ созвалъ земскихъ людей разныхъ званій и предложилъ имъ главнымъ образомъ на обсужденіе вопросъ: уступать ли, по предложенію Сигизмунда-Августа, Литвѣ нѣкоторые города и лѣвый берегъ Двины, оставивши за собою городъ Полоцкъ на правой сторонѣ этой рѣки? Мнѣнія отбирались по сословіямъ. Сначала подали свой голосъ духовные, начиная съ новгородскаго архіепископа Пимена, три архіепископа, шесть епископовъ и нѣсколько архимандритовъ, игуменовъ и старцевъ, потомъ—бояре, окольничіе, казначеи, печатникъ и дьяки, всего 29 человѣкъ; изъ нихъ печатникъ Висковатый подавалъ особое мнѣніе, впрочемъ въ сущности схожее въ главномъ съ остальными, за ними 193 человѣка дворянъ, раздѣленныхъ на первую и вторую статью; за ними особо нѣсколько торопецкихъ и луцкихъ помѣщиковъ, потомъ 31 чел. дьяковъ и приказныхъ людей, а наконецъ, торговые люди, изъ которыхъ отмѣчено 12 гостей, 40 торговыхъ людей, и нѣсколько смольнянъ, спрошенныхъ особо, вѣроятно по причинѣ ихъ близости къ границѣ. Всѣ они говорили въ одномъ смыслѣ: не отдавать ливонскихъ городовъ и земли на правомъ берегу Двины, принадлежавшей Полоцку, но въ сущности предоставляли государю поступить по своему усмотрѣнію („вѣдаетъ Богъ да государь: какъ ему государю угодно, такъ и намъ, холопемъ его“). Въ заключеніе всѣ должны были цѣловать крестъ на томъ, чтобы служить царю, его дѣтямъ и ихъ землямъ, кто во что приходится, и стоять противъ государевыхъ недруговъ. Дума эта, какъ намъ кажется, была плодомъ подозрительности Ивана; вездѣ видѣлъ онъ тайныхъ измѣнниковъ, мерещились ему тайные доброжелатели Литвы, и онъ пытался этимъ путемъ какъ-нибудь отыскать ихъ по ихъ словамъ, если кто нечаянно проговорится, иначе трудно объяснить совѣщаніе съ народомъ того

царя, который предалъ уже этотъ народъ своей опалѣ. По крайней мѣрѣ, нельзя предполагать, чтобы на соборѣ этомъ была одна Опричнина безъ Земщины. Созванные говорили то, что̀, по ихъ соображенію, было угодно Ивану.

Замѣчательно, что, во время сумасбродства московскаго царя, въ сосѣдней странѣ, въ Швеціи, царствовалъ также полупомѣшанный сынъ Густава-Вазы, Эрикъ. Изъ страха за престолъ, онъ засадилъ въ тюрьму брата своего Іоанна, женатаго на той самой польской принцессѣ Екатеринѣ, за которую нѣкогда сватался московскій царь. Иванъ не могъ забыть своего неудачнаго сватовства: неуспѣхъ свой онъ считалъ личнымъ оскорбленіемъ. Онъ сошелся съ Эрикомъ, уступалъ ему навѣки Эстонію съ Ревелемъ, обѣщалъ помогать противъ Сигизмунда и доставить выгодный миръ съ Даніею и Ганзою, лишь бы только Эрикъ выдалъ ему свою невѣстку Екатерину. Эрикъ согласился, и въ Стокгольмъ пріѣхалъ бояринъ Воронцовъ съ товарищами, а другіе бояре готовились уже принимать Екатерину на границѣ. Но члены государственнаго совѣта въ Швеціи цѣлый годъ не допускали русскихъ до разговора съ Эрикомъ и представляли имъ невозможность исполнить такое беззаконное дѣло; наконецъ, въ сентябрѣ 1568 года—низложили съ престола своего сумасшедшаго тирана, возвели брата его Іоанна. Русскіе послы, задержанные еще нѣсколько мѣсяцевъ въ Швеціи, какъ-бы въ неволѣ, со стыдомъ вернулись домой. Иванъ былъ внѣ себя отъ ярости и намѣревался мстить шведамъ; а чтобъ развязать себѣ руки со стороны Польши, онъ рѣшился на перемиріе съ Сигизмундомъ-Августомъ, тѣмъ болѣе, что война съ Литвою велась до крайности лѣниво, и русскіе не имѣли никакихъ успѣховъ. Иванъ на этотъ разъ сдѣлалъ первый шагъ къ примиренію, выпустилъ изъ тюрьмы польскаго посланника, котораго задержалъ прежде, вопреки народнымъ правамъ, и, отправляя въ Польшу своихъ гонцовъ, приказалъ имъ обращаться тамъ вѣжливо, а не такъ грубо, какъ бывало прежде.

Въ это время Ивану пришлось вступить въ борьбу съ церковною властью за свой произволъ, доведенный до сумасбродства. Иванъ задался убѣжденіемъ, что самодержавный царь можетъ дѣлать все, что̀ ему вздумается, что не должно быть на землѣ права, которое бы могло поставить преграды его произволу или даже охуждать его дѣянія, какъ бы они ни были безнравственны и неразумны. Митрополитъ Макарій былъ человѣкъ уклончивый. Въ былое время онъ былъ заодно съ Адашевской партіей, но когда государь разогналъ ее, Макарій скромно

глядѣлъ на то, чтó дѣлалъ царь, и хотя не присталъ изъ подобострастія къ врагамъ своихъ прежнихъ друзей, но однако и не пошелъ съ ними. Когда заочно судили Сильвестра, Макарій возвысилъ-было за него голосъ, но очень слабый. Сильвестръ былъ заточенъ, его друзья и сторонники были истребляемы или подвергались гоненію. Макарій оставался митрополитомъ и только скромно и смиренно дерзалъ просить Ивана о милосердіи къ опальнымъ; царю и это было не по-сердцу. Преемникъ Макарія, Аѳанасій, бывшій царскій духовникъ, былъ, какъ кажется, еще покорнѣе, но царь былъ недоволенъ и имъ: и онъ осмѣливался иногда печаловаться объ опальныхъ. Когда Иванъ оставлялъ Москву для Александровской слободы, и прикидывался, будто хочетъ покинуть престолъ, то въ числѣ причинъ, побуждавшихъ его къ отреченію, выставлялъ и то обстоятельство, что митрополитъ и епископы бьютъ ему челомъ за опальныхъ. Опричнина была введена; Аѳанасій не смѣлъ прекословить. Но не долго этотъ пастырь выносилъ новый порядокъ вещей и удалился въ Чудовъ монастырь на покой. Это было въ 1566 году. Надлежало выбрать новаго первопрестольника. Выборъ палъ на казанскаго архіепископа Германа, изъ рода бояръ Полевыхъ, старца святой жизни, прославившагося своими подвигами распространенія христіанства въ Казанской землѣ. Представившись первый разъ царю, нареченный митрополитъ хотя не укорялъ Ивана прямо за его жизнь, но началъ съ нимъ бесѣду о христіанскомъ покаяніи; бесѣда его очень не понравилась царю. Воспользовавшись этимъ, Алексѣй Басмановъ досказалъ царю то, чтó было въ душѣ Ивана: этотъ Германъ походилъ на Сильвестра, говорилъ съ царемъ какъ Сильвестръ. Иванъ прогналъ Германа. Старецъ вскорѣ умеръ. Разнесся слухъ, будто царь приказалъ тайно спровадить его.

Тогда царь предложилъ въ митрополиты соловецкаго игумена Филиппа. Духовные и бояре единогласно говорили, что нѣтъ человѣка болѣе достойнаго.

Филиппъ происходилъ изъ знатнаго и древняго боярскаго рода Колычевыхъ. Отецъ его, бояринъ Стефанъ, былъ важнымъ сановникомъ при Василіи Ивановичѣ. Мать его Варвара наслѣдовала богатыя владѣнія Новгородской земли. Во время правленія Елены, Колычевы держались стороны князя Андрея, и трое изъ нихъ были казнены съ паденіемъ этого князя.

Молодой сынъ умершаго Стефана, Ѳедоръ, служилъ въ ратныхъ и земскихъ дѣлахъ. Царь Иванъ, будучи малолѣтнимъ, видалъ его и, какъ говорятъ, любилъ. Достигши тридцатилѣтняго возраста, Ѳедоръ Колычевъ удалился отъ міра и постригся

въ Соловецкомъ монастырѣ. Что собственно побудило его къ этому—неизвѣстно, но такъ какъ, вопреки всеобщему обычаю жениться рано, онъ оставался безбрачнымъ, то должно думать, что причиною этого было давнее недовольство тогдашнею жизненною средою и расположеніе къ благочестію. Черезъ десять лѣтъ, Филиппъ былъ поставленъ игуменомъ Соловецкой обители.

Во всей исторіи русскаго монашества нѣтъ другого лица, которое бы, при обычномъ благочестіи, столько же помнило обязанность заботиться о счастіи и благосостояніи ближнихъ и умѣло соединять съ примѣрною набожностью практическія цѣли въ пользу другихъ. Филиппъ былъ образцовый хозяинъ, какого не было ему равнаго въ Русской землѣ въ его время. Дикіе, неприступные острова Бѣлаго моря сдѣлались въ его время благоустроенными и плодородными. Пользуясь богатствомъ, доставшимся ему по наслѣдству, Филиппъ прорылъ каналы между множествомъ озеръ, осушилъ ихъ, образовалъ одно большое озеро, прочистилъ заросли, засыпалъ болота, образовалъ превосходныя пастбища, удобрилъ каменистую почву, навозилъ, гдѣ было нужно, землю, соорудилъ каменную пристань, развелъ множество скота, завелъ сѣверныхъ оленей и устроилъ кожевенный заводъ для обдѣлки оленьихъ кожъ,—построилъ каменныя церкви, гостинницы, больницы, подвинулъ производство соли въ монастырскихъ волостяхъ, ввелъ выборное управленіе между монастырскими крестьянами, пріучалъ ихъ къ труду, порядку, ограждалъ отъ злоупотребленій, покровительствуя трудолюбію, заботился о ихъ нравственности, выводилъ пьянство и тунеядство, однимъ словомъ, былъ не только превосходнымъ настоятелемъ монастыря, но выказалъ рѣдкія способности правителя надъ обществомъ мірскихъ людей.

Неудивительно, что этого человѣка вездѣ знали и уважали, а потому естественно было всѣмъ считать его самымъ достойнымъ для занятія митрополичьяго престола. Но выборъ со стороны подозрительнаго царя человѣка изъ боярскаго рода, который нѣкогда заявлялъ себя противъ его матери Елены, можетъ быть отнесенъ къ тѣмъ противорѣчіямъ, которыя были такъ нерѣдки въ поступкахъ полуумнаго Ивана. Какъ бы то ни было, Филиппъ былъ призванъ въ Москву. Когда онъ проѣзжалъ черезъ Новгородъ, къ нему сошлись жители и молили ходатайствовать за нихъ передъ царемъ, такъ какъ носился слухъ, что царь держитъ гнѣвъ на Новгородъ. При первомъ представленіи царю, Филиппъ только просилъ отпустить его назадъ въ Соловки. Это имѣло видъ обычнаго смиренія. Царь, епископы и бояре уговаривали

его. Тогда Филиппъ открыто началъ укорять епископовъ, что они до сихъ поръ, молча, смотрятъ на поступки царя и не говорятъ царю правды. „Не смотрите на то,—говорилъ онъ—что бояре молчатъ; они связаны житейскими выгодами, а насъ Господь для того и отрѣшилъ отъ міра, чтобъ мы служили истинѣ, хотя бы и души наши пришлось положить за паству, иначе вы будете истязаемы за истину въ день судный". Епископы, непривычные къ такой смѣлой рѣчи, молчали, а тѣ, которые старались угодить царю, возстали на Филиппа за это.

Никто не смѣлъ говорить царю правды; одинъ Филиппъ явился къ нему и сказалъ: „Я повинуюсь твоей волѣ, но отставь Опричнину, иначе мнѣ быть въ митрополитахъ невозможно. Твое дѣло не богоугодное; самъ Господь сказалъ: аще царство раздѣлится, запустѣетъ! На такое дѣло нѣтъ и не будетъ тебѣ нашего благословенія".

„Владыка святый,—сказалъ царь:—возсташа на меня „мнози", мои же меня хотятъ поглотить".

„Никто не замышляетъ противъ твоей державы, повѣрь мнѣ,— отвѣтилъ Филиппъ.—Свидѣтель намъ всевидящее око Божіе; мы всѣ приняли отъ отцовъ нашихъ заповѣдь чтить царя. Показывай намъ примѣръ добрыми дѣлами, а грѣхъ влечетъ тебя въ геенну огненную. Нашъ общій владыка Христосъ повелѣлъ любить Бога и любить ближняго какъ самого себя: въ этомъ весь законъ".

Иванъ разсердился, грозилъ ему своимъ гнѣвомъ, приказывалъ ему быть митрополитомъ.

„Если меня и поставятъ, то все-таки мнѣ скоро потерять митрополію,—говорилъ Филиппъ.—Пусть не будетъ Опричнины, соедини всю землю воедино, какъ прежде было".

Царь разгнѣвался. Епископы съ одной стороны умоляли Филиппа не отказываться, съ другой—кланялись царю и просили объ утоленіи его гнѣва на Филиппа. Царь требовалъ, чтобы Филиппъ непремѣнно ставился въ митрополиты и далъ бы запись не вступаться въ Опричнину. Филиппъ, наконецъ, согласился. Неизвѣстно, что̀ было поводомъ къ этой уступкѣ, но всего менѣе ее можно объяснить трусостью, такъ какъ это не оправдывается ни предыдущимъ, ни послѣдующимъ поведеніемъ Филиппа. Вѣрнѣе всего, царь подалъ ему какую-нибудь надежду на свое исправленіе. Филиппъ далъ грамоту не вступаться въ царскій домовый обиходъ, и былъ поставленъ въ митрополиты 25 іюля 1566 года. Нѣсколько времени послѣ того царь дѣйствительно воздерживался отъ своей кровожадности, но потомъ опять принялся

за прежнее, опять начались пытки, казни, насилія и мучительства. Филиппъ не требовалъ уже больше уничтоженія Опричнины, но не молчалъ, являлся къ царю ходатаемъ за опальныхъ и старался укротить его свирѣпость своими наставленіями. Царь оправдывалъ себя тѣмъ, что кругомъ его тайные враги. Филиппъ доказывалъ ему, что страхъ его напрасенъ. „Молчи, отче,—говорилъ Иванъ, —молчи, повторяю тебѣ, и только благословляй насъ по нашему изволенію!“—„Наше молчаніе—отвѣчалъ Филиппъ—ведетъ тебя къ грѣху и всенародной гибели. Господь заповѣдалъ намъ душу свою полагать за други свои“.—„Не прекословь державѣ нашей, сказалъ царь, а не то—гнѣвъ мой постигнетъ тебя, или оставь свой санъ!„—„Я, отвѣчалъ Филиппъ, не просилъ тебя о санѣ, не посылалъ къ тебѣ ходатаевъ, никого не подкупалъ; зачѣмъ самъ взялъ меня изъ пустыни? Если ты дерзаешь поступать противъ закона,—твори, какъ хочешь, а я не буду слабѣть, когда приходитъ время подвига“.

Царь вскорѣ не взлюбилъ настойчиваго митрополита и не допускалъ его къ себѣ. Митрополитъ могъ видѣть царя только въ церкви. Царскіе любимцы возненавидѣли Филиппа еще пуще царя. 31 марта 1568 года, въ воскресенье, Иванъ пріѣхалъ къ обѣдни въ Успенскій соборъ съ толпою опричниковъ. Всѣ были въ черныхъ ризахъ и высокихъ монашескихъ шапкахъ. По окончаніи обѣдни, царь подошелъ къ Филиппу и просилъ благословенія. Филиппъ молчалъ и не обращалъ вниманія на присутствіе царя. Царь обращался къ нему въ другой, въ третій разъ. Филиппъ все молчалъ. Наконецъ, царскіе бояре сказали: „Святый владыка! царь Иванъ Васильевичъ требуетъ благословенія отъ тебя“. Тогда Филиппъ, взглянувъ на царя, сказалъ: „Кому ты думаешь угодить, измѣнивши такимъ образомъ благолѣпіе лица своего? Побойся Бога, постыдись своей багряницы. Съ тѣхъ поръ какъ солнце на небесахъ сіяетъ, не было слышно, чтобъ благочестивые цари возмущали такъ свою державу. Мы здѣсь приносимъ безкровную жертву, а ты проливаешь христіанскую кровь твоихъ вѣрныхъ подданныхъ. Доколѣ въ Русской землѣ будетъ господствовать беззаконіе? У всѣхъ народовъ, и у татаръ, и у язычниковъ, есть законъ и правда, только на Руси ихъ нѣтъ. Во всемъ свѣтѣ есть защита отъ злыхъ и милосердіе, только на Руси не милуютъ невинныхъ и праведныхъ людей. Опомнись: хотя Богъ и возвысилъ тебя въ этомъ мірѣ, но и ты смертный человѣкъ. Взыщется отъ рукъ твоихъ невинная кровь. Если будутъ молчать живыя души, то каменія возопіютъ подъ твоими ногами и принесутъ тебѣ судъ“.

„Филиппъ!—сказалъ царь—ты испытываешь наше благодушіе. Ты хочешь противиться нашей державѣ; я слишкомъ долго былъ кротокъ къ тебѣ, щадилъ васъ, мятежниковъ, теперь я заставлю васъ раскаяваться“.

„Не могу—возразилъ ему Филиппъ—повиноваться твоему повелѣнію паче Божьяго повелѣнія. Я пришлецъ на землѣ и пресельникъ, какъ и всѣ отцы мои. Буду стоять за истину, хотя бы пришлось принять и лютую смерть“.

Иванъ былъ взбѣшенъ, но отвелъ свой гнѣвъ на другихъ и на другой же день, какъ-бы въ досаду Филиппу, замучилъ князя Василія Пронскаго, только-что принявшаго монашество. Свирѣпость царя въ это время все болѣе и болѣе возрастала. Въ іюлѣ того же года происходили описанныя нами выше отвратительныя сцены разоренія вотчинъ опальныхъ бояръ. Царь съ пьяною толпою пріѣхалъ въ Новодѣвичій монастырь. Тамъ былъ храмовой праздникъ и совершался крестный ходъ. Служилъ митрополитъ. Когда, по обряду, читая Евангеліе, митрополитъ обратился, чтобъ сказать: „Миръ всѣмъ!“ то замѣтилъ, что одинъ опричникъ стоялъ въ тафьѣ; митрополитъ воскликнулъ: „Царь, развѣ прилично благочестивому держать агарянскій законъ?“—„Какъ? что? кто?“ завопилъ ему въ отвѣтъ царь.—„Одинъ изъ ополченія твоего, изъ лика сатанинскаго“ — сказалъ всенародно Филиппъ. Опричникъ поспѣшно спряталъ свою тафью. Царь былъ внѣ себя отъ злости и, воротившись домой, собралъ духовныхъ для того, чтобы судить митрополита. Царскій духовникъ, протопопъ Евстафій, врагъ Филиппа, чернилъ митрополита, стараясь угодить Ивану. Составился планъ произвести слѣдствіе въ Соловкахъ и собрать разныя показанія монаховъ, которые бы могли уличить бывшаго игумена въ разныхъ нечистыхъ дѣлахъ. Царю хотѣлось, чтобъ митрополитъ былъ низложенъ какъ будто за свое дурное поведеніе. Въ Соловки отправился за этимъ суздальскій епископъ Пафнутій съ архимандритомъ Ѳеодосіемъ и княземъ Темкинымъ. Соловецкіе иноки сначала давали только хорошіе отзывы о Филиппѣ. Но Пафнутій соблазнилъ игумена Паисія обѣщаніемъ епископскаго сана, если онъ станетъ свидѣтелемъ противъ митрополита. Къ Паисію присоединилось нѣсколько старцевъ, склоненныхъ угрозами. Пафнутій привезъ ихъ къ царю. Собрали соборъ. Первенствовалъ на немъ изъ духовныхъ Пименъ новгородскій: изъ угожденія царю онъ заявилъ себя врагомъ Филиппа, не подозрѣвая, что черезъ два года и его постигнетъ та же участь, какую теперь готовилъ митрополиту. Призванъ былъ митрополитъ, и, не дожидаясь суда, сказалъ: „Ты думаешь, царь,

что я боюсь тебя, боюсь смерти за правое дѣло? Мнѣ уже за шестьдесятъ лѣтъ; я жилъ честно и безпорочно. Такъ хочу и душу мою предать Богу, судьѣ твоему и моему. Лучше мнѣ принять безвинно мученіе и смерть, нежели быть митрополитомъ при такихъ мучительствахъ и беззаконіяхъ! Я творю тебѣ угодное. Вотъ мой жезлъ, бѣлый клобукъ, мантія: я болѣе не митрополитъ. А вамъ, архіепископы, епископы, архимандриты, іереи и всѣ духовные отцы, оставляю повелѣніе: пасите стадо ваше, помните, что вы за него отвѣчаете передъ Богомъ; бойтесь убивающихъ душу болѣе, чѣмъ убивающихъ тѣло! Предаю себя и душу свою въ руки Господа!“ Онъ повернулся къ дверямъ, намѣреваясь уйти, но царь остановилъ его и сказалъ: „Ты хитро хочешь избѣгнуть суда; нѣтъ, не тебѣ судить самого себя; дожидайся суда другихъ и осужденія; надѣвай снова одежду, ты будешь служить на Михайловъ день обѣдню“. Митрополитъ, молча, повиновался, надѣлъ одежду и взялъ свой жезлъ. Въ день архангела Михаила Филиппъ въ полномъ облаченіи готовился начинать обѣдню. Вдругъ входитъ Басмановъ съ опричниками; богослуженіе пріостанавливается; читаютъ всенародно приговоръ церковнаго собора, лишающій митрополита пастырскаго сана. Вслѣдъ затѣмъ, воины вошли въ алтарь, сняли съ митрополита митру, сорвали облаченіе, одѣли въ разодранную монашескую рясу, потомъ вывели изъ церкви, заметая за нимъ слѣдъ метлами, посадили на дровни и повезли въ Богоявленскій монастырь. Народъ бѣжалъ за нимъ слѣдомъ и плакалъ: митрополитъ осѣнялъ его на всѣ стороны крестнымъ знаменіемъ. Опричники кричали, ругались и били ѣдущаго митрополита своими метлами.

Черезъ нѣсколько дней привезли на телѣгѣ низложеннаго митрополита слушать окончательный приговоръ. Игуменъ Паисій проговорилъ рядъ обвиненій. Пименъ также говорилъ противъ Филиппа. Филиппъ сказалъ: „Да будетъ благодать Божія на устахъ твоихъ. Что сѣетъ человѣкъ, то и пожнетъ. Это не мое слово—Господне“. Его обвиняли, между прочимъ, въ волшебствѣ и приговаривали къ вѣчному заключенію. Филиппъ не оправдывался, не защищался, а только сказалъ царю: „Государь, перестань творить богопротивныя дѣла. Вспомни прежде бывшихъ царей. Тѣ, которые творили добро,—и по смерти славятся, а тѣ, которые дурно правили своимъ царствомъ, и теперь вспоминаются недобрымъ словомъ. Смерть не побоится твоего высокаго сана; опомнись, и прежде ея немилостиваго пришествія принеси плоды добродѣтели и собери сокровище себѣ на небесахъ, потому что все собранное тобою въ этомъ мірѣ здѣсь и останется“.

Его увели. По царскому приказанію ему забили ноги въ деревянныя колодки, а руки въ желѣзные кандалы, посадили въ монастырѣ св. Николая Стараго и морили голодомъ.

Разсказываютъ, что царь приказалъ отрубить голову племяннику его Ивану Борисовичу Колычеву, зашить въ кожанный мѣшокъ и принесть къ Филиппу. „Вотъ твой сродникъ, — сказали ему—не помогли ему твои чары“.

Черезъ нѣсколько дней царь приказалъ отправить Филиппа въ Отрочь-монастырь въ Тверь; съ досады онъ казнилъ еще нѣсколькихъ Колычевыхъ. Вмѣсто Филиппа, царь велѣлъ избрать въ санъ митрополита троицкаго архимандрита Кирилла. Бѣдному Пимену не удалось сѣсть на митрополичій престолъ, чего онъ надѣялся.

Мужество Филиппа раздразнило Ивана; оно подѣйствовало на него не менѣе писемъ Курбскаго; оно усилило въ немъ склонность искать измѣны и лить кровь мнимыхъ враговъ своихъ. Въ характерѣ царя, какъ мы уже замѣтили, было медлить гибелью тѣхъ, которыхъ онъ особенно ненавидѣлъ; его воображеніе какъ-бы тѣшилось образами будущихъ мукъ, которыя ожидали ненавистныхъ ему людей, а между тѣмъ онъ срывалъ злобу на другихъ. Уже давно не терпѣлъ онъ своего двоюроднаго брата Владимира Андреевича: послѣдній въ глазахъ подозрительнаго царя былъ для измѣнниковъ готовымъ лицомъ, котораго бы они, еслибъ только была возможность, посадили на престолъ, низвергнувъ Ивана, но Иванъ не рѣшался съ нимъ покончить, хотя уже въ 1563 году положилъ свою опалу какъ на него, такъ и на мать его; послѣ того мать Владимира постриглась. Иванъ держалъ Владимира подъ постояннымъ надзоромъ, отнялъ у него всѣхъ его бояръ и слугъ, окружилъ своими людьми, съ тѣмъ, чтобы знать о всѣхъ его поступкахъ и замыслахъ. Въ 1566 году царь отнялъ у него удѣлъ и далъ вмѣсто него другой. Наконецъ, въ началѣ 1569 года, послѣ суда надъ Филиппомъ, царь покончилъ съ Владимиромъ. Было подозрѣніе, быть можетъ и справедливое, что Владимиръ, постоянно стѣсняемый недовѣріемъ царя, хотѣлъ уйти къ Сигизмунду-Августу. Царь заманилъ его съ женою въ Александровскую слободу и умертвилъ обоихъ. О родѣ смерти этихъ жертвъ показанія современниковъ не сходятся между собою: по однимъ—ихъ отравили, по другимъ — зарѣзали. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что они были умерщвлены [1]). Вслѣдъ затѣмъ была утоплена въ Шекснѣ подъ Го-

---

[1]) Иностранцы говорятъ, что съ ними были убиты ихъ дѣти, но это извѣстіе

рицкимъ монастыремъ мать Владимира, монахиня Евдокія. Та же участь вмѣстѣ съ нею постигла инокиню Александру, бывшую княгиню Іуліанію, вдову брата Иванова Юрія, какую-то инокиню Марію, также знатнаго рода, и съ ними двѣнадцать человѣкъ.

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ. Жажда крови усиливалась въ Иванѣ. Его разсудокъ все болѣе и болѣе затмѣвался. Въ сентябрѣ 1569 года умерла вторая жена его, Марія Темрюковна, никѣмъ нелюбимая. Ивану вообразилось, что и она, подобно Анастасіи, отравлена лихими людьми. Постоянный ужасъ, ежеминутная боязнь за свою жизнь все болѣе и болѣе овладѣвали царемъ. Онъ былъ убѣжденъ, что кругомъ его множество враговъ и измѣнниковъ, а отыскать ихъ былъ не въ силахъ; онъ готовъ былъ, то истреблять повально чуть не весь русскій народъ, то бѣжать отъ него въ чужіе края. Уже и своимъ опричникамъ онъ не вѣрилъ; уже онъ чувствовалъ, что Басмановы, Вяземскіе и братія ихъ овладѣли имъ не хуже Адашева и Сильвестра; ненавидѣлъ онъ и ихъ: уже близокъ былъ конецъ ихъ. Въ это время царь приблизилъ къ себѣ голландскаго доктора Бомелія. Изъ угожденія Ивану, этотъ пришлецъ поддерживалъ въ немъ страхъ астрологическими суевѣріями, предсказывалъ бунты и измѣны: онъ-то, какъ говорятъ, внушилъ Ивану мысль обратиться къ англійской королевѣ. Иванъ писалъ къ Елисаветѣ, что измѣнники составляютъ противъ него заговоры, соумышляютъ съ враждебными ему сосѣдями, хотятъ истребить его со всѣмъ родомъ. Иванъ просилъ англійскую королеву дать ему убѣжище въ Англіи. Елисавета отвѣчала, что московскій царь можетъ пріѣхать въ Англію и жить тамъ сколько угодно, на всемъ своемъ содержаніи, соблюдая обряды старо-греческой церкви. Но въ то же время, готовясь убѣгать отъ русскаго народа, Иванъ нашелъ предлогъ до-сыта удовлетворить своей кровожадности и совершить надъ русскимъ народомъ такое чудовищное дѣло, которому равнаго мало можно найти въ исторіи.

Московскій царь давно уже не терпѣлъ Новгорода. При учрежденіи Опричнины, какъ выше было сказано, онъ обвинялъ весь русскій народъ въ томъ, что, въ прошедшіе вѣка, этотъ народъ не любилъ царскихъ предковъ. Видно, что Иванъ читалъ лѣтописи и съ особеннымъ вниманіемъ останавливался на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ описывались проявленія древней вѣчевой сво-

---

невѣрно: двѣ дочери Владимира и единственный сынъ были живы черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того. Правдоподобнѣе извѣстіе о томъ, что вмѣстѣ съ Владимиромъ и его женою были истреблены ихъ слуги.

боды. Нигдѣ, конечно, онъ не видѣлъ такихъ рѣзкихъ, ненавистныхъ для него чертъ, какъ въ исторіи Новгорода и Пскова. Понятно, что къ этимъ двумъ землямъ, а особенно къ Новгороду, развилась въ немъ злоба. Новгородцы уже знали объ этой злобѣ и чуяли надъ собою бѣду, а потому и просили Филиппа ходатайствовать за нихъ передъ царемъ. Собственно тогдашніе новгородцы не могли брать на себя исторической отвѣтственности за прежнихъ, такъ какъ они происходили большею частью отъ переселенныхъ Иваномъ III въ Новгородъ изъ жителей другихъ русскихъ земель, но для мучителя это обстоятельство проходило безслѣдно. Въ 1569 году Иванъ началъ выводить изъ Новгорода и Пскова жителей съ ихъ семьями: изъ Новгорода взялъ стопятьдесятъ, изъ Пскова пятьсотъ. Новгородъ и Псковъ были въ большомъ страхѣ. Въ это время какой-то бродяга, родомъ волынецъ, наказанный за что-то въ Новгородѣ, вздумалъ разомъ и отмстить новгородцамъ, и угодить Ивану. Онъ написалъ письмо, какъ будто отъ архіепископа Пимена и многихъ новгородцевъ къ Сигизмунду-Августу, спряталъ это письмо въ Софійской церкви за образъ Богородицы, а самъ убѣжалъ въ Москву и донесъ государю, что архіепископъ со множествомъ духовныхъ и мірскихъ людей отдается литовскому государю. Царь съ жадностью ухватился за этотъ доносъ и тотчасъ отправилъ въ Новгородъ искать указанныхъ грамотъ. Грамоты дѣйствительно отыскались. Чудовищно-развитое воображеніе Ивана и любовь къ злу не допустили его до какихъ-нибудь сомнѣній въ дѣйствительности этой продѣлки.

Въ декабрѣ 1569 года предпринялъ Иванъ Васильевичъ походъ на сѣверъ. Съ нимъ были всѣ опричники и множество дѣтей боярскихъ. Онъ шелъ какъ на войну: то была не только странная, но еще и сумасбродная война съ прошлыми вѣками, дикая месть живымъ за давно умершихъ. Не только Новгородъ и Псковъ, но и Тверь была осуждена на кару, какъ бы въ воспоминаніе тѣхъ временъ, когда тверскіе князья боролись съ московскими предками Ивана. Городъ Клинъ, нѣкогда принадлежавшій Твери, долженъ былъ первый испытать царскій гнѣвъ. Опричники, по царскому приказанію, ворвались въ городъ, били и убивали кого попало. Испуганные жители, ни въ чемъ неповинные, непонимавшіе, что все это значитъ, разбѣгались куда ни попало. Затѣмъ царь пошелъ на Тверь. На пути все разоряли и убивали всякаго встрѣчнаго, кто не нравился. Подступивши къ Твери, царь приказалъ окружить городъ войскомъ со всѣхъ сторонъ и самъ расположился въ одномъ изъ ближнихъ

монастырей. Малюта Скуратовъ отправился, по царскому приказу, въ Отрочь-монастырь къ Филиппу и собственноручно задушилъ его, а монахамъ сказалъ, что Филиппъ умеръ отъ угара. Иноки погребли его за алтаремъ [1]).

Иванъ стоялъ подъ Тверью пять дней. Сначала ограбили всѣхъ духовныхъ, начиная съ епископа. Простые жители думали, что тѣмъ дѣло и кончится, но, черезъ два дня, по царскому приказанію, опричники бросились въ городъ, бѣгали по домамъ, ломали всякую домашнюю утварь, рубили ворота, двери, окна, забирали всякіе домашніе запасы и купеческіе товары: воскъ, ленъ, кожи и пр., свозили въ кучи, сожигали, а потомъ удалились. Жители опять начали думать, что этимъ дѣло кончится, что, истребивши ихъ достояніе, имъ по крайней мѣрѣ оставятъ жизнь, какъ вдругъ опричники опять врываются въ городъ и начинаютъ бить кого ни попало: мужчинъ, женщинъ, младенцевъ, иныхъ жгутъ огнемъ, другихъ рвутъ клещами, тащутъ и бросаютъ тѣла убитыхъ въ Волгу. Самъ Иванъ собираетъ плѣнныхъ полочанъ и нѣмцевъ, которые содержались въ тюрьмахъ, а частью помѣщены были въ домахъ. Ихъ тащатъ на берегъ Волги, въ присутствіи царя разсѣкаютъ на части и бросаютъ подъ ледъ. Изъ Твери уѣхалъ царь въ Торжокъ, и тамъ повторялось то же, что̀ дѣлалось въ Твери. Въ помянникѣ Ивана записано убитыхъ тамъ православныхъ христіанъ 1490 чел. Но въ Торжкѣ Иванъ едва избѣжалъ опасности. Тамъ содержались въ башняхъ плѣнные нѣмцы и татары. Иванъ явился прежде къ нѣмцамъ, приказалъ убивать ихъ передъ своими глазами и спокойно наслаждался ихъ муками; но, когда оттуда отправился къ татарамъ, мурзы бросились въ отчаяніи на Малюту, тяжело ранили его, потомъ убили еще двухъ человѣкъ, а одинъ татаринъ кинулся-было на самого Ивана, но его остановили. Всѣ татары были умерщвлены.

Изъ Торжка Иванъ шелъ на Вышній-Волочокъ, Валдай, Яжелбицы. По обѣ стороны отъ дороги, опричники разбѣгались по деревнямъ, убивали людей и разоряли ихъ достояніе.

Еще до прибытія Ивана въ Новгородъ пріѣхалъ туда его передовой полкъ. По царскому повелѣнію, тотчасъ окружили городъ со всѣхъ сторонъ, чтобъ никто не могъ убѣжать изъ него. Потомъ, нахватали духовныхъ изъ новгородскихъ и окрестныхъ

---

[1]) Въ первый годъ по смерти Ивана гробъ Филиппа перевезенъ былъ въ Соловки, гдѣ онъ долго былъ предметомъ народнаго почитанія, а въ 1652 году, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, онъ былъ причисленъ къ лику святыхъ, и открытыя мощи его были поставлены въ московскомъ Успенскомъ Соборѣ, гдѣ они находятся до сихъ поръ.

монастырей и церквей, заковали въ желѣза и въ Городищѣ поставили на правежъ; всякій день били ихъ на правежѣ, требуя по 20 новгородскихъ рублей съ каждаго, какъ-бы на выкупъ. Такъ продолжалось дней пять. Дворяне и дѣти боярскіе, принадлежащіе къ Опричнинѣ, созвали въ Дѣтпнецъ знатнѣйшихъ жителей и торговцевъ, а также и приказныхъ людей, заковали и отдали приставамъ подъ стражу, а дома ихъ и имущество опечатали. Это дѣлалось въ первыхъ числахъ января 1570 года.

6 января, въ пятницу, вечеромъ, пріѣхалъ государь въ Городище съ остальнымъ войскомъ и съ 1500 московскихъ стрѣльцовъ. На другой день дано повелѣніе перебить дубинами до смерти всѣхъ игуменовъ и монаховъ, которые стояли на правежѣ, и развезти тѣла ихъ на погребеніе, каждаго въ свой монастырь. 8 января, въ воскресенье, царь далъ знать, что пріѣдетъ къ св. Софіи къ обѣднѣ. По давнему обычаю, архіепископъ Пименъ со всѣмъ соборомъ, съ крестами и иконами, сталъ на Волховскомъ мосту у часовни Чуднаго креста встрѣчать государя. Царь шелъ вмѣстѣ съ сыномъ Иваномъ, не цѣловалъ креста изъ рукъ архіепископа, и сказалъ такъ: „Ты, злочестивецъ, въ рукѣ держишь не крестъ животворящій, а вмѣсто креста оружіе; ты, со своими злыми соумышленниками, жителями сего города, хочешь этимъ оружіемъ уязвить наше царское сердце; вы хотите отчину нашей царской державы, Великій Новгородъ, отдать иноплеменнику, польскому королю Жигимонту-Августу; съ этихъ поръ ты уже не назовешься пастыремъ и сопрестольникомъ св. Софіи, а назовешься ты волкъ, хищникъ, губитель, измѣнникъ нашему царскому вѣнцу и багру досадитель!“ Затѣмъ, не подходя къ кресту, царь приказалъ архіепископу служить обѣдню.

Иванъ отслушалъ обѣдню со всѣми своими людьми, а изъ церкви пошелъ въ столовую палату. Тамъ былъ приготовленъ обѣдъ для высокаго гостя. Едва усѣлся Иванъ за столъ и отвѣдалъ пищи, какъ вдругъ завопилъ. Это былъ условный знакъ (ясакъ): архіепископъ Пименъ былъ схваченъ; опричники бросились грабить его владычную казну; дворецкій Салтыковъ и царскій духовникъ Евстафій съ царскими боярами овладѣли ризницею церкви св. Софіи, а отсюда отправились по всѣмъ монастырямъ и церквамъ забирать въ пользу царя церковную казну и утварь. Царь уѣхалъ въ Городище.

Вслѣдъ затѣмъ Иванъ приказалъ привести къ себѣ въ Городище тѣхъ новгородцевъ, которые до его прибытія были взяты подъ стражу. Это были владычные бояре, новгородскіе дѣти боярскіе, выборные городскіе и приказные люди и знатнѣйшіе

торговцы. Съ ними вмѣстѣ привезли ихъ женъ и дѣтей. Собравши всю эту толпу передъ собою, Иванъ приказалъ своимъ дѣтямъ боярскимъ раздѣвать ихъ и терзать „неисповѣдимыми“, какъ говоритъ современникъ, муками, между прочимъ, поджигать ихъ какимъ-то изобрѣтеннымъ имъ составомъ, который у него назывался „поджаръ“ („нѣкоею составною мудростью огненною“), потомъ онъ велѣлъ измученныхъ, опаленныхъ привязывать сзади къ санямъ, шибко везти вслѣдъ за собою въ Новгородъ, волоча по замерзшей землѣ, и метать въ Волховъ съ мосту. За ними везли ихъ женъ и дѣтей; женщинамъ связывали назадъ руки съ ногами, привязывали къ нимъ младенцевъ и въ такомъ видѣ бросали въ Волховъ; по рѣкѣ ѣздили царскіе слуги съ баграми и топорами и добивали тѣхъ, которые всплывали. „Пять недѣль продолжалась неукротимая ярость царева“, говоритъ современникъ. Когда, наконецъ, царю надоѣла такая потѣха на Волховѣ, онъ началъ ѣздить по монастырямъ и приказалъ передъ своими глазами истреблять огнемъ хлѣбъ въ скирдахъ и въ зернѣ, рубить лошадей, коровъ и всякій скотъ. Осталось преданіе, что, пріѣхавши въ Антоніевъ монастырь, царь отслушалъ обѣдню, потомъ вошелъ въ трапезу и приказалъ побить все живое въ монастырѣ. Расправившись такимъ образомъ съ иноческими обителями, Иванъ началъ прогулку по мірскому жительству Новгорода, приказалъ истреблять купеческіе товары, разметывать лавки, ломать дворы и хоромы, выбивать окна, двери въ домахъ, истреблять домашніе запасы и все достояніе жителей. Въ то же самое время царскіе люди ѣздили отрядами по окрестностямъ Новгорода, по селамъ, деревнямъ и боярскимъ усадьбамъ, разорять жилища, истреблять запасы, убивать скотъ и домашнюю птицу. Наконецъ, 13 февраля, въ понедѣльникъ на второй недѣлѣ поста, созвалъ государь оставшихся въ живыхъ новгородцевъ; ожидали они своей гибели, какъ вдругъ царь окинулъ ихъ милостивымъ взглядомъ и ласково сказалъ: „жители Великаго Новгорода, молите всемилостиваго, всещедраго человѣколюбиваго Бога о нашемъ благочестивомъ царскомъ державствѣ, о дѣтяхъ нашихъ и о всемъ христолюбивомъ нашемъ воинствѣ, чтобъ Господь подаровалъ намъ свыше побѣду и одолѣніе на видимыхъ и невидимыхъ враговъ! Судитъ Богъ измѣннику моему и вашему архіепископу Пимену и его злымъ совѣтникамъ и единомышленникамъ; на нихъ, измѣнникахъ, взыщется вся пролитая кровь; и вы объ этомъ не скорбите: живите въ городѣ семъ съ благодарностью; я вамъ оставляю намѣстника князя Пронскаго“. Самого Пимена Иванъ отправилъ въ оковахъ

въ Москву. Иностранныя извѣстія говорятъ, что онъ предавалъ его поруганію, сажалъ на бѣлую кобылу и приказывалъ водить, окруженнаго скоморохами, игравшими на своихъ инструментахъ. „Тебѣ пляшущихъ медвѣдей водить, а не сидѣть владыкою", говорилъ ему Иванъ. Несчастный Пименъ былъ отправленъ въ Веневъ въ заточеніе, и жилъ тамъ подъ вѣчнымъ страхомъ смерти.

Число истребленныхъ показывается современниками различно, и, вѣроятно, преувеличено [1]). Псковскій лѣтописецъ говоритъ, что Волховъ былъ запруженъ тѣлами. Въ народѣ до сихъ поръ осталось преданіе, что Иванъ Грозный запрудилъ убитыми новгородцами Волховъ и съ тѣхъ поръ, какъ-бы въ память этого событія, отъ обилія пролитой тогда человѣческой крови, рѣка никогда не замерзаетъ около моста, какъ бы ни были велики морозы. Послѣдствія царскаго погрома еще долго отзывались въ Новгородѣ. Истребленіе хлѣбныхъ запасовъ и домашняго скота произвело страшный голодъ и болѣзни не только въ городѣ, но въ окрестностяхъ его; доходило до того, что люди поѣдали другъ друга и вырывали мертвыхъ изъ могилъ. Все лѣто 1570 года свозили кучами умершихъ къ церкви Рождества въ Полѣ вмѣстѣ съ тѣлами утопленныхъ, выплывавшихъ на поверхность воды, и нищій старецъ Иванъ Жегальцо погребалъ ихъ [2]).

До сихъ поръ Новгородъ, оправившись послѣ Ивана III, былъ сравнительно городомъ богатымъ; новый торговый путь чрезъ Бѣлое море не убилъ его; англичане сами посѣщали его и имѣли въ немъ, какъ во Псковѣ, Ярославлѣ, Казани и Вологдѣ, свое подворье. Новгородъ отправлялъ значительный отпускъ воска, кожъ и льна. Новгородскіе купцы (а именно купцы изъ новгородскихъ пригородовъ Орѣшка и Корѣлы) въ большомъ числѣ ѣздили въ Швецію. Такимъ образомъ, въ Новгородѣ были люди съ капиталами и жители пользовались благосостояніемъ; съ этимъ обстоятельствомъ, конечно, совпадаетъ и то, что Новгородъ предъ другими краями русскими и въ этотъ періодъ сла-

[1]) Таубе и Крузе назначаютъ до 15,000; Курбскій говоритъ, будто бы онъ въ одинъ день умертвилъ 15,000 чел.; у Гванини показано число 2770, кромѣ женщинъ и простого народа. Въ Псковскомъ лѣтописцѣ число казненныхъ увеличено до 60,000; въ Новгородской „повѣсти" говорится, что царь топилъ въ день по 1000 чел., и въ рѣдкій по 500. Въ помянникѣ глухо записано 1505 чел. новгородцевъ, но ничто не даетъ повода заключать, чтобъ эта была полная сумма убитыхъ, тѣмъ болѣе, что въ томъ же помянникѣ приписано выраженіе: „ихъ же Ты Господи вѣси".

[2]) Мѣсто погребенія (скудельницу) и теперь легко примѣтить у церкви Рождества; стоитъ только слегка покопать палкою землю, и тотчасъ оказывается, что она вся переполнена человѣческими костями.

вился преимущественно признаками умѣлости: такъ, въ предшествовавшіе годы, приглашали въ Москву изъ Новгорода каменьщиковъ, кровельщиковъ, рѣзчиковъ на камнѣ и деревѣ, иконописцевъ и мастеровъ серебряныхъ дѣлъ. Съ Иванова посѣщенія новгородскій край упалъ, обезлюдѣлъ; недобитые имъ, ограбленные, новгородцы стали нищими и осуждены были плодить нищія поколѣнія.

Изъ Новгорода царь отправился во Псковъ, съ намѣреніемъ и этому городу припомнить его древнюю свободу. Жители были въ оцѣпенѣніи, исповѣдывались, причащались, готовились къ смерти. Псковскій воевода князь Юрій Токмаковъ велѣлъ поставить на улицахъ столбы съ хлѣбомъ-солью и всѣмъ жителямъ приказалъ земно кланяться и показывать знаки полнѣйшей покорности, какъ будетъ въѣзжать царь. Иванъ подъѣхалъ къ Пскову ночью и остановился въ монастырѣ св. Николая на Любатовѣ. Здѣсь онъ услышалъ звонъ въ псковскихъ церквахъ и понялъ, что псковичи готовятся къ смерти. Когда утромъ онъ въѣхалъ въ городъ, его пріятно поразила покорность народа, лежавшаго ницъ на землѣ, но болѣе всего подѣйствовалъ на него юродивый Никола, по прозвищу Салосъ (что̀ значитъ погречески „юродивый"). Этого рода люди, представлявшіе изъ себя дурачковъ и пользовавшіеся всеобщимъ уваженіемъ, часто осмѣливались говорить сильнымъ людямъ то, на что̀ бы не рѣшился никто другой. Никола поднесъ Ивану кусокъ сырого мяса.— „Я христіанинъ, и не ѣмъ мяса въ постъ", сказалъ Иванъ.— „Ты хуже дѣлаешь,—сказалъ ему Никола,—ты ѣшь человѣческое мясо". По другимъ извѣстіямъ, юродивый предрекалъ ему бѣду, если онъ начнетъ свирѣпствовать во Псковѣ, и, вслѣдъ затѣмъ, у Ивана издохъ его любимый конь. Это такъ подѣйствовало на царя, что онъ никого не казнилъ, но все-таки ограбилъ церковную казну и частныя имѣнія жителей.

По возвращеніи Ивана въ Москву, заключено было, наконецъ, перемиріе съ Литвою литовскими послами. Срокъ перемирія назначенъ былъ три года, и въ продолженіе этого времени предполагали заключить окончательный миръ. Одинъ изъ находившихся въ этомъ посольствѣ [1]) описываетъ выходки московскаго царя, подтверждающія наше убѣжденіе, что онъ былъ тогда не въ полномъ умѣ. Такъ, напримѣръ, когда послы шли къ нему на аудіенцію, государь стоялъ у окна съ жезломъ въ рукахъ, окруженный стрѣльцами, и громко закричалъ: „Поляки,

---

[1]) Англійскій пріоръ, итальянецъ Джеріо.

поляки, если не заключите со мною мира, прикажу всѣхъ васъ изрубить въ куски". Взявши у одного изъ литовской свиты соболью шапку, онъ надѣлъ ее на своего шута, приказывалъ ему кланяться по-польски, приказалъ изрубить приведенныхъ ему въ подарокъ лошадей. Послы были свидѣтелями, какъ онъ возвращался въ Москву изъ своего новгородскаго похода: онъ сидѣлъ на конѣ съ лукомъ за спиною, а къ шеѣ коня была привязана собачья голова; возлѣ него ѣхалъ шутъ на быкѣ. Какъ-бы желая опохмѣлиться отъ новгородской крови, онъ, во время пребыванія пословъ, топилъ татарскихъ плѣнниковъ.

Послѣ новгородской бойни Ивану взбрело на умъ, что въ Москвѣ были соучастники новгородской измѣны. Онъ началъ розыскъ. Уже, какъ мы сказали, онъ ненавидѣлъ Вяземскаго и Басмановыхъ. Первый былъ передъ тѣмъ до того любимъ царемъ, что Иванъ иногда ночью, вставши съ постели, приходилъ къ нему побесѣдовать, а когда царь бывалъ боленъ, то отъ него только принималъ лекарство. Когда царь измѣнился къ нему, человѣкъ, облагодѣтельствованный Вяземскимъ и порученный имъ царской милости, нѣкто Ѳедоръ Ловчиковъ, донесъ на своего благодѣтеля, будто онъ предувѣдомилъ архіепископа Пимена о грозившей Новгороду опасности отъ царя. Иванъ призвалъ къ себѣ Вяземскаго, говорилъ съ нимъ очень ласково, а въ это время по его приказанію были перебиты домашніе слуги Вяземскаго. Вяземскій ничего не зналъ; воротившись домой, увидѣлъ трупы своихъ служителей, и не показалъ вида, чтобъ это производило на него дурное впечатлѣніе. Вслѣдъ затѣмъ его схватили, засадили въ тюрьму, убили нѣсколькихъ его родственниковъ, а его самого подвергли пыткѣ, допрашивая, гдѣ у него сокровища.

Вяземскій отдалъ все, что̀ награбилъ и нажилъ во времена своего благополучія; кромѣ того, показалъ на многихъ богатыхъ людей, что они ему должны. Послѣдніе были ограблены царемъ. Вяземскій умеръ въ тюрьмѣ, въ невыносимыхъ мукахъ. Другой любимецъ, Иванъ Басмановъ, вмѣстѣ съ сыномъ, также подверглись обвиненію. Говорятъ, что Иванъ приказалъ сыну убить своего отца. Къ сыскному дѣлу привлечено было множество лицъ и въ томъ числѣ знатные государственные люди: думный дьякъ Висковатый, казначей Фуниковъ, князь Петръ Оболенскій-Серебряный, Воронцовъ и другіе.

25 іюля, на Красной площади поставлено было 18 висѣлицъ и разложены разныя орудія казни: печи, сковороды, острые желѣзные когти („кошки"), клещи, иглы, веревки для перетиранія тѣла пополамъ, котлы съ кипящей водой, кнуты, и пр. На-

родъ, увидѣвши всѣ эти приготовленія, пришелъ въ ужасъ и бросился въ безпамятствѣ бѣжать куда ни попало. Купцы побросали въ отворенныхъ лавкахъ товаръ и деньги. Выѣхалъ царь съ опричниками, за ними вели 300 чел. осужденныхъ на казнь въ ужасающемъ видѣ отъ слѣдовъ пытки; они едва держались на ногахъ. Площадь была совершенно пуста, какъ будто все вымерло. Царю не понравилось это; царь разослалъ гонцовъ по всѣмъ улицамъ и велѣлъ кричать: „Идите безъ страха, никому ничего не будетъ, царь обѣщаетъ всѣмъ милость". Москвичи стали выползать, кто съ чердака, кто изъ погреба, и сходиться на площадь. „Праведно ли я караю лютыми муками измѣнниковъ? Отвѣчайте!"—закричалъ Иванъ народу. „Будь здоровъ и благополученъ! - закричалъ народъ.—Преступникамъ и злодѣямъ достойная казнь!" Тогда царь велѣлъ отобрать 180 человѣкъ и объявилъ, что даруетъ имъ жизнь по своей великой милости. Остальныхъ всѣхъ казнили мучительными казнями. Изобрѣтательность царя была такъ велика, что почти каждому была особая казнь; такъ, напримѣръ, Висковатаго повѣсили вверхъ ногами и разсѣкали на части; Фуникова обливали попеременно, то кипящею, то ледяною водою, и т. п. На другой же день послѣ казни потоплены были жены казненныхъ [1]), и нѣкоторыя передъ тѣмъ подвергались изнасилованію и поруганію. Тѣла казненныхъ лежали нѣсколько дней на площади, терзаемыя собаками.

Безумное бѣшенство, овладѣвшее Иваномъ, въ это время доводило его до того, что, какъ говорятъ иностранцы, онъ для забавы пускалъ медвѣдей въ народъ, собравшійся на льду. Сказаніе это вѣроятно, такъ какъ намъ извѣстно, что Иванъ прибѣгалъ къ такому способу мученій [2]).

Русская земля, страдая отъ мучительства царя Ивана, терпѣла въ то же время и отъ другихъ причинъ: нѣсколько лѣтъ съ-ряду были неурожаи, свирѣпствовали заразительныя болѣзни, повсюду была нищета, смертность, всеобщее уныніе („туга и скорбь въ людяхъ велія"). Ливонская война истощала силы и трудъ русскаго народа. Посошные люди, сгоняемые въ Ливонію, погибали тамъ отъ голода и мороза. Ихъ высылали изъ далекихъ замосковскихъ краевъ съ запасами, заставляли тянуть байдаки и лодки, а средствъ къ содержанію не давали. Они бросали работу, разбѣгались по лѣсамъ и погибали. Толпы русскихъ были насильно переселяемы въ ливонскіе города на жительство,

---

[1]) Число ихъ, по словамъ Гванини, доходило до восьмидесяти.

[2]) Надъ архіепископомъ Леонидомъ, какъ мы увидимъ позже.

замѣняя переведенныхъ въ Московское Государство нѣмцевъ, и пропадали на новосельѣ отъ недостатка средствъ или отъ нѣмецкаго оружія. Народъ русскій проклиналъ ливонскую войну, и современникъ-лѣтописецъ замѣчаетъ по этому поводу, что черезъ нея чужіе города наполнялись русскими людьми, а свои пустѣли. Къ довершенію всѣхъ бѣдствій, недоставало давняго бича русскаго народа—татарскаго нашествія, и это суждено было испытать русскому народу.

Не послушавшись своихъ совѣтниковъ и Вишневецкаго, Иванъ пропустилъ удобный случай покончить съ Крымомъ, но раздразнилъ Девлетъ-Гирея. Крымскій ханъ съ тѣхъ поръ постоянно злобствовалъ противъ Москвы и дожидался случая отмстить ей за прежнее самымъ чувствительнымъ образомъ. Нѣсколько лѣтъ онъ уговаривалъ турецкаго падишаха Солимана Великолѣпнаго нагрянуть на Москву съ турецкими и татарскими силами, отнять Казань и Астрахань. Солиманъ былъ слишкомъ занятъ другими дѣлами, но сынъ его Селимъ въ 1569 году послалъ, вмѣстѣ съ крымцами, турецкое войско для завоеванія Астрахани. Этотъ походъ былъ веденъ до того нелѣпо, что не могъ имѣть успѣха. Турки доходили до Астрахани, но, по недостатку припасовъ, при безладицѣ, господствовавшей между ними и татарами, чуть всѣ не погибли. Девлетъ-Гирей послѣ этого хотѣлъ во что бы то ни стало поправить неудачу успѣхомъ другого рода и нашелъ, что лучше всего послѣдовать примѣру предковъ и напасть прямо на Москву. Разбойникъ Кудеяръ Тишенковъ да нѣсколько дѣтей боярскихъ, вѣроятно, его шайки (въ числѣ ихъ были природные татары), сообщили хану о плачевномъ состояніи Русской земли, о варварствахъ Ивана, о всеобщемъ уныніи русскаго народа, указывали ему, что наступаетъ самое удобное время напасть на Москву. Тогда какъ силы Руси истощались, орда, бывшая прежде въ разстройствѣ, поправилась. Девлетъ-Гирей съ необыкновенною скоростью собралъ до ста-двадцати тысячъ крымцевъ и нагаевъ и, весною 1571 года, бросился въ средину Московскаго Государства. Земскіе воеводы не успѣли загородить ему путь черезъ Оку. Ханъ обошелъ ихъ, направился къ Серпухову, гдѣ былъ въ то время царь съ опричниками.

Иванъ Васильевичъ бѣжалъ и предалъ столицу на произволъ судьбы, какъ въ подобныхъ случаяхъ поступали и всѣ предшественники Ивана, прежніе московскіе государи.

Земскіе воеводы (князья Бѣльскій, Мстиславскій и другіе) приготовились-было отстаивать столицу. Но татары успѣли пустить огонь въ слободы; пожаръ распространился съ изумитель-

ною быстротою по сухимъ деревяннымъ строеніямъ; въ какіе-нибудь три-четыре часа вся Москва сгорѣла. Уцѣлѣлъ одинъ Кремль, куда не пускали народа; — тамъ сидѣлъ митрополитъ Кириллъ съ царскою казною. Тогда въ Москвѣ погибло такое множество людей, что современники въ своихъ извѣстіяхъ преувеличили число погибшихъ до 80,000. Трудно было бѣжать изъ обширнаго города, куда, кромѣ жителей, набилось много народа изъ окрестностей; тѣхъ захватилъ пламень, другіе задохлись отъ дыма и жара. Въ числѣ послѣднихъ былъ главный воевода, князь Иванъ Бѣльскій. Огромныя толпы народа бросились въ ворота, находившіяся въ той сторонѣ, которая была удалена отъ непріятеля; толпа напирала на толпу, передніе попадали, задніе пошли по нимъ, за ними другіе повалили ихъ, и такимъ образомъ многія тысячи были задавлены и задушены. Москва-рѣка была запружена тѣлами. Въ два мѣсяца, говорилъ англичанинъ очевидецъ, едва можно будетъ убрать кучи людскихъ и конскихъ труповъ. Татары не могли ничего награбить; все имущество жителей Москвы сгорѣло. Ханъ не сталъ осаждать Кремля, отступилъ и послалъ Ивану Васильевичу письмо въ такомъ тонѣ:

„Жгу и пустошу все за Казань и за Астрахань. Будешь помнить. Я богатство сего свѣта примѣняю къ праху, надѣюсь на величество божіе, на милость для вѣры Ислама. Пришелъ я въ твою землю съ войсками, все пожегъ, людей побилъ; пришла вѣсть, что ты въ Серпуховѣ, я пошелъ на Серпуховъ, а ты изъ Серпухова убѣжалъ; я думалъ, что ты въ своемъ государствѣ въ Москвѣ, и пошелъ туда; ты и оттуда убѣжалъ. Я въ Москвѣ посады сжегъ и городъ сжегъ и опустошилъ, много людей саблею побилъ, а другихъ въ полонъ взялъ, все хотѣлъ вѣнца твоего и головы; а ты не пришелъ и не сталъ противъ меня. А еще хвалишься, что ты московскій государь! Когда бы у тебя былъ стыдъ и способность (дородство), ты бы противъ насъ стоялъ! Отдай же мнѣ Казань и Астрахань, а не дашь, такъ я въ государствѣ твоемъ дороги видѣлъ и узналъ, и опять меня въ готовности увидишь".

Иванъ Васильевичъ былъ униженъ, пораженъ, но, сообразно своему характеру, столько же падалъ духомъ, когда постигало его бѣдствіе, сколько чванился въ счастіи. Иванъ послалъ къ хану гонца съ челобитьемъ, предлагалъ деньги, писалъ, что готовъ отдать ему Астрахань, только просилъ отсрочки; онъ хотѣлъ какъ-нибудь хитростью и проволочкою времени оттянуть обѣщаемую уступку земель. Это ему и удалось. Ни Казани, ни Астрахани не пришлось отдать; на слѣдующій годъ, ханъ, по-

нявши, что Иванъ Васильевичъ волочитъ дѣло, опять пошелъ на Москву, но былъ отбитъ на берегу Лопасни княземъ Михайломъ Воротынскимъ. Эта побѣда не могла, однако, загладить бѣдствія, нанесенныя въ 1571 году. Русская земля потеряла огромную часть своего народонаселенія, а столица помнила посѣщеніе Девлетъ-Гирея такъ долго, что даже въ XVII вѣкѣ, послѣ новыхъ бѣдствій Смутнаго времени, это событіе не стерлось изъ памяти потомства. Иванъ, всегда подозрительный, боязливый, всегда страшившійся то заговоровъ, то измѣнъ и возстаній, теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь въ правѣ былъ ожидать вспышки народнаго негодованія: оно могло прорваться, подобно тому, какъ это сдѣлалось нѣкогда послѣ московскаго пожара. Иванъ Васильевичъ,—вѣроятно изъ желанія оградить себя на случай и подставить другихъ вмѣсто себя въ жертву народной злобѣ,—взялъ съ воеводы, начальствовавшаго земскимъ войскомъ, князя Мстиславскаго (второго послѣ Бѣльскаго, лишившагося жизни при московскомъ пожарѣ во время нашествія хана) запись въ томъ, что онъ и воеводы, его товарищи, измѣннически сносились съ ханомъ и подвели послѣдняго на разореніе Русской земли и ея столицы. Давши на себя такую странную запись, Мстиславскій и его товарищи остались не только цѣлы и невредимы, но потомъ начальствовали войсками. Нелѣпость этого обвиненія видна сама собою, но царь, послѣ того, могъ уже безъ удержу объявлять даже иноземцамъ, что русскіе бояре, измѣнники, навели на него крымцевъ.

Бѣдствіе постигшее тогда Москву, повело, однако, къ принятію на будущее время лучшихъ мѣръ безопасности. Съ этихъ поръ въ южныхъ предѣлахъ государства образовалась сторожевая и станичная служба: изъ дѣтей боярскихъ, казаковъ, стрѣльцовъ, а частію изъ охотниковъ, посадскихъ людей выбирались сторожи и станичники; первые, товариществами, поперемѣнно держали сторожу на извѣстныхъ мѣстахъ; вторые, также товариществами, ѣздили отъ города до города, отъ сторожи къ сторожѣ. Тогда на югѣ возникали новые города; такъ появились Веневъ, Епифань, Чернь, Данковъ, Ряжскъ, Болховъ, Орелъ. Города эти были сначала небольшіе острожки, съ деревянными стѣнами и съ башнями, окруженные рвами. Они мало-по-малу привлекали къ себѣ населеніе людей смѣлыхъ и отважныхъ. Туда стекались такъ-называемые гулящіе и вольные люди, то-есть незаписанные въ тягло и не обязанные нести повинностей: то были молодые сыновья и племянники людей всякаго званія, и служилыхъ, и посадскихъ, и крестьянъ.

Но Иванъ, оставивши живыми тѣхъ, которыхъ принудилъ сознаться въ небываломъ преступленіи, все-таки тогда же нашелъ себѣ поводъ мучить и убивать другихъ людей. Въ это время онъ задумалъ жениться въ третій разъ, и изъ собранныхъ двухъ тысячъ дѣвицъ выбралъ себѣ въ жены—Маѳу Васильевну Собакину. Прежде чѣмъ совершенъ былъ бракъ, царская невѣста занемогла; тотчасъ явилось подозрѣніе въ отравленіи, въ порчѣ. Подозрѣніе это прежде всего пало на родственниковъ прежнихъ царицъ, такъ какъ съ новою супругою царя обыкновенно возвышались и новые люди, ея родные, а родственники прежнихъ царскихъ супругъ должны были терять свое близкое къ царю положеніе. Иванъ Васильевичъ посадилъ на колъ брата предшествовавшей жены своей Маріи, Михайла Темрюковича, одного изъ кровожадныхъ исполнителей царскихъ приговоровъ; умерщвленъ былъ и другой любимецъ Григорій Грязной; казнено было нѣсколько знаменитыхъ лицъ. Царь женился на своей больной невѣстѣ, но Маѳа умерла чрезъ нѣсколько дней послѣ брака. Царь вопилъ, что ее извели лихіе люди. На другой годъ Иванъ Васильевичъ собралъ духовенство на соборъ и принудилъ его составить странную грамоту—грамоту, разрѣшающую царю вступить въ четвертый бракъ, издавна запрещенный церковными уставами, но съ тѣмъ, однако, чтобъ никто изъ подданныхъ не осмѣлился поступать по примѣру царя. Митрополитъ Кириллъ тогда умеръ; на соборѣ предсѣдательствовалъ преемникъ Пимена, новгородскій архіепископъ Леонидъ, трусъ, корыстолюбивый, низкопоклонный льстецъ. Никто не осмѣлился поднять голоса за непоколебимость церковныхъ постановленій; задумали только для вида устроить сдѣлку съ Церковью. Соборъ дозволялъ царю противозаконный бракъ, но налагалъ на него эпитимію, да и ту, отчасти, брали на себя духовные, разрѣшая отъ нея царя на время военныхъ походовъ. Царь женился въ четвертый разъ на Аннѣ Алексѣевнѣ Колтовской. Черезъ годъ она ему надоѣла; царь постригъ ее подъ именемъ Дарьи. Съ тѣхъ поръ царь, ободренный разрѣшеніемъ собора на четвертый бракъ, разрѣшалъ себѣ самъ нѣсколько супружествъ одно за другимъ. По извѣстію одного стараго сказанія, въ ноябрѣ 1573 года, Иванъ Васильевичъ женился на Марьѣ Долгорукой, а на другой день, подозрѣвая, что она до брака любила кого-то иного, приказалъ ее посадить въ колымагу, запречь дикихъ лошадей и пустить на прудъ, въ которомъ несчастная и погибла. „Этотъ прудъ—замѣчаетъ современникъ, англичанинъ Горсей, — была настоящая геена, юдоль смерти, подобная той, въ которой приносились человѣческія

жертвы; много жертвъ было потоплено въ этомъ прудѣ; рыбы въ немъ питались въ изобиліи человѣческимъ мясомъ и оказывались отмѣнно вкусными и пригодными для царскаго стола". Въ память событія съ Долгорукой, какъ говоритъ то же сказаніе, царь велѣлъ провести черныя полосы на позолоченномъ куполѣ церкви въ Александровской слободѣ. Вслѣдъ затѣмъ царь женился на Аннѣ Васильчиковой; она не долго прожила съ нимъ; конецъ ея неизвѣстенъ; царь послѣ нея женился на Василисѣ Мелентьевой, которая также скоро исчезла.

Между тѣмъ, въ управленіи государства явилось еще новое сумасбродство. Вмѣсто того, чтобы, какъ прежде, оставлять Земщину въ управленіе боярамъ, Иванъ повѣрилъ ее крещеному татарскому царю Симеону Бекбулатовичу, и нарекъ его великимъ княземъ всея Руси; это произошло въ 1574 году. Намъ неизвѣстенъ ближайшій поводъ къ этому событію, но, вѣрно, оно связано какъ-нибудь съ другимъ событіемъ: царь на кремлевской площади казнилъ многихъ бояръ, чудовскаго архимандрита и благовѣщенскаго протопопа — своихъ прежнихъ любимцевъ; вслѣдъ затѣмъ онъ создалъ изъ плѣннаго татарина призрачнаго русскаго государя. Писались грамоты отъ имени великаго князя всея Руси Симеона. Самъ Иванъ титуловалъ себя только московскимъ княземъ и наравнѣ съ подданными писалъ Симеону челобитныя съ общепринятыми унизительными формами, напримѣръ: „Государю, великому князю Симеону Бекбулатовичу Иванецъ Васильевъ со своими дѣтишками съ Иванцемъ, да съ Ѳедорцемъ челомъ бьетъ. Государь, смилуйся, пожалуй!" Черезъ два года Иванъ низложилъ этого великаго князя всея Руси и сослалъ въ Тверь.

Въ эти годы въ Польшѣ и Литвѣ совершались событія чрезвычайной важности по своимъ послѣдствіямъ. Въ іюлѣ 1572 года скончался король Сигизмундъ-Августъ и съ нимъ прекратилась мужская линія Ягеллоновъ. Незадолго до своей смерти, въ 1569 году этотъ король съ большимъ трудомъ устроилъ вѣчное соединеніе Великаго Княжества Литовскаго съ Польскимъ королевствомъ въ одно федеративное государство. Много было препятствій, которыя приходилось преодолѣть, много ихъ еще оставалось для того, чтобы это дѣло вполнѣ окрѣпло. Литовско-русскіе паны, еще въ то время сохранявшіе и православную вѣру и русскій языкъ (хотя уже начинавшій значительно видоизмѣняться отъ вліянія польскаго), боялись за свою народность, какъ равно и за свои владѣтельскія права; они хотя согласились на соединеніе, но все еще не довѣряли полякамъ и хотѣли дер-

жаться особо. Въ самомъ актѣ соединенія Великому Княжеству Литовскому оставлялось устройство вполнѣ самобытнаго государства и даже особое войско. Правда, всякое упорство литовско-русскаго высшаго сословія въ охраненіи своей вѣры и народности, по неизбѣжному стеченію обстоятельствъ, никакъ не могло быть продолжительнымъ, такъ какъ превосходство польской цивилизаціи предъ русской неизбѣжно должно было тянуть къ себѣ русско-литовскій высшій классъ и смѣшать его съ польскимъ, что̀ и сдѣлалось впослѣдствіи. Но во времена Ивана стремленіе къ удержанію своей особности было еще сильно. Предстояло выбрать новаго государя. Русско-литовскіе паны находили выгоднымъ для своихъ стремленій избрать государя изъ московскаго дома преемникомъ послѣднему изъ дома Ягеллоновъ. Съ этимъ соединялись и другіе виды: кромѣ православныхъ, естественно желавшихъ имѣть государя своей вѣры, въ Польшѣ было много протестантовъ, которые боялись посадить католика на престолъ. Люди съ широкимъ политическимъ взглядомъ видѣли, что избраніе короля изъ московскаго дома повлекло бы впослѣдствіи къ такому же сближенію, а впослѣдствіи и къ такому соединенію московской Руси съ Польшею, какое послѣдовало уже съ литовскою Русью, вслѣдствіе воцаренія династіи Ягеллоновъ. Наконецъ, паны были падки на деньги и подарки, а московскаго государя считали богачомъ. Иванъ Васильевичъ самъ очень желалъ этого, но, какъ увидимъ, не съумѣлъ достигнуть цѣли своихъ желаній и воспользоваться обстоятельствами.

Вскорѣ послѣ смерти Сигизмунда-Августа, Ѳедоръ Зенкевичъ-Воропай пріѣхалъ въ Москву и объявилъ, что польско-литовская рада (совѣтъ) желаетъ имѣть королемъ сына Иванова Ѳедора. Это Ивану не полюбилось: ему хотѣлось, чтобы избрали не сына, а его самого. „Если бы вы — сказалъ послу московскій государь — избрали меня своимъ государемъ, то увидѣли бы, какой добрый государь и защитникъ былъ бы у васъ. Не запавались бы уже поганые! Да, что̀ я говорю: поганые? Ни Римъ, ни другое какое-нибудь королевство не могло бы ничего сдѣлать противъ насъ, если бы ваши земли стали съ нашими за-одно. Я знаю, что у васъ говорятъ, будто я злой и запальчивый человѣкъ; правда, я гнѣвливъ и золъ, не хвалю себя за это. Но спросите: на кого я золъ? На того, кто противъ меня золъ. На злыхъ и я злой, а кто—добрый, тому я не пожалѣю снять цѣпь и одежду съ себя“. Тутъ стоявшій близъ царя Малюта-Скуратовъ сказалъ: „Благочестивый царь, преславный государь, казна твоя не убога: найдешь, чѣмъ кого жаловать!“ Иванъ продол-

жалъ: „Литовскіе и польскіе паны знаютъ, какъ богаты были мои предки, а я вдвое ихъ богаче. Неудивительно, что ваши государи милуютъ своихъ людей; вѣдь и ваши люди любятъ своихъ государей! А мои люди подвели на меня крымскаго хана и татаръ: ихъ было 40,000, а у меня только 6,000. Ну, равныя ли силы, сами посудите! Я ничего не зналъ; впередъ отправилъ шесть воеводъ съ большими полками, а они мнѣ не дали знать о крымцахъ; положимъ—трудно было имъ справиться съ большими непріятельскими силами: пусть бы нѣсколько тысячъ людей потеряли, да мнѣ принесли хотя бы одну плеть татарскую; я бы имъ и за то спасибо сказалъ! Я и тутъ ни на волосъ не испугался татаръ, а только увидѣлъ, что мои люди мнѣ измѣняютъ и предаютъ меня, и потому немного свернулъ въ сторону отъ татаръ. Тѣмъ временемъ татары напали на Москву: если бы въ Москвѣ была только тысяча человѣкъ для обороны, и тогда бы Москву отстояли; а то: когда большіе не хотѣли обороняться, то куда ужъ было обороняться меньшимъ?— и что-же? Москву сожгли, а меня объ этомъ даже не оповѣстили! Видишь, какіе измѣнники мои люди! Послѣ этого, если кто и казненъ, то за свою вину. А у васъ развѣ милуютъ измѣнниковъ? Вѣрно знаю, что ихъ казнятъ. Скажи же панамъ польскимъ и литовскимъ, чтобы они, посовѣтовавшись, поскорѣе послали ко мнѣ пословъ. Если, Богъ дастъ, я буду вашимъ государемъ, то обѣщаюсь передъ Богомъ не только въ цѣлости сохранять ваши права и вольности, но еще умножу ихъ. Не стану много говорить о своей добротѣ и злости. Если Богъ дастъ—пусть литовскіе и польскіе паны пошлютъ своихъ сыновей на службу ко мнѣ и дѣтямъ моимъ. Тогда узнаютъ, каковъ я: злой государь или добрый и милосердый? А что измѣнники мои говорятъ обо мнѣ, то это у нихъ ужъ такой обычай, чтобы говорить дурно о своихъ государяхъ. Почти его, одари, какъ только возможно,—а онъ все-таки не перестанетъ говорить про тебя дурное!“

Царь просилъ только, чтобъ ему уступили Ливонію по Двину, и за то соглашался отдать назадъ Полоцкъ со всею его областью. „Если бы только паны захотѣли меня избрать своимъ государемъ, тогда и Ливонія, и Новгородъ, и Псковъ, и Москва—все будетъ едино“. Онъ отклонялъ намѣреніе избрать въ короли своего сына: „У меня—говорилъ онъ—ихъ два, какъ два глаза въ головѣ. Если мнѣ отдать вамъ одного изъ нихъ въ короли—это все равно, что изъ человѣка сердце вырвать“.

Предложеніе московскаго царя не понравилось многимъ па-

намъ, особенно польскимъ. Тѣ, которые готовы были избрать царевича Ѳеодора, совсѣмъ неохотно мирились съ мыслью избрать въ короли свободнаго народа государя, который такъ ославился своимъ тиранствомъ. Горячихъ католиковъ соблазняло и то, что царь исповѣдуетъ греческую вѣру, хотя, впрочемъ, въ этомъ отношеніи многіе ласкали себя надеждою, что царь соединитъ греческую вѣру съ латинскою. Прошло шесть мѣсяцевъ. Въ Польшѣ не остановились ни на какомъ выборѣ. Литовско-русскіе паны начали уже отчасти склоняться къ выбору отдѣльнаго государя отъ Польши и хотѣли его искать непремѣнно въ единовѣрной Москвѣ. Папскій легатъ и вся католическая партія видѣли съ этой стороны большую опасность. Но московскій царь, такъ сказать, и пальцемъ не шевельнулъ въ пользу дѣла, котораго исполненія онъ прежде такъ добивался. Литовско-русскіе паны въ февралѣ 1573 года отправили въ Москву изъ своей среды пана Михайла Гарабурду изъявить царю желаніе выбрать по волѣ самого Ивана или его, или его сына, но съ тѣмъ, чтобы царь уступилъ Литвѣ Смоленскъ, Полоцкъ, Усвятъ и Озерище, а если онъ отпуститъ въ короли сына, то пусть дастъ ему нѣсколько волостей. Иванъ говорилъ ни то, ни сё, явно колебался, хотя не считалъ невозможнымъ отпустить сына, но замѣчалъ, что онъ „не дѣвка", чтобъ давать за нимъ приданое, и прибавлялъ, по прежнему, что лучше бы было, еслибъ не сына, а его самого выбрали въ короли. Гарабурда, видя, что Ивану самому хочется быть королемъ, сказалъ ему, что паны и все шляхетство склонны къ тому, чтобъ выбрать его на престолъ Великаго Княжества Литовскаго, но пусть онъ покажетъ средства, какъ сдѣлать это. Иванъ требовалъ Ливоніи, отдавалъ Полоцкъ, просилъ Кіева, говоря при этомъ, что онъ добивается его только ради имени; хотѣлъ, чтобъ въ титулѣ Москва стояла выше Польши и Литвы, чтобъ вѣнчалъ его на королевство православный митрополитъ, и въ то же время дѣлалъ странныя замѣчанія, противорѣчившія одно другому: онъ изъявлялъ подозрѣніе, что поляки и литовцы для того-то и хотятъ взять у него сына, чтобы выдать турецкому государю; что онъ самъ въ старости пойдетъ въ монастырь, и тогда паны польскіе и литовскіе должны будутъ выбрать одного изъ его сыновей; что лучше было бы, если бы само Великое Княжество Литовское безъ Польши избрало его, а еще лучше было бы, еслибъ поляки и литовцы выбрали себѣ въ короли австрійскаго принца Эрнеста, Максимиліанова сына. Все это перепутывалось въ рѣчи Ивана несвязнымъ образомъ. Въ заключеніе, Иванъ требовалъ, чтобы не выбирали французскаго принца, грозя въ такомъ случаѣ войною.

Понятно, что такой способъ поведенія не могъ умножить въ Польшѣ и Литвѣ число сторонниковъ Ивана. Между тѣмъ хитрый и ловкій французскій посолъ Монлюкъ краснорѣчіемъ и подарками составилъ въ пользу французскаго принца сильную партію въ Польшѣ. Случилось то, чего особенно не хотѣлъ московскій государь: избранъ былъ французскій принцъ Генрихъ д'Анжу.

Не долго пришлось быть этому государю въ Польшѣ. Не зная ни по-польски, ни по-латыни, и плохо объясняясь по-итальянски, этотъ государь неспособенъ былъ къ управленію и игралъ самую жалкую роль. Польскіе нравы были ему не подъ-стать. Проскучалъ онъ со своими французами около четырехъ мѣсяцевъ въ Польшѣ и услыхавши, что бездѣтный братъ его Карлъ IX умеръ, Генрихъ, 18 іюня 1574 года, убѣжалъ тайно изъ Кракова во Францію, гдѣ и получилъ французскій престолъ. Теперь въ Польшѣ и Литвѣ, по поводу выбора другого короля, снова складывалась партія въ пользу московскаго дома. Главою ея былъ человѣкъ очень сильный, примасъ королевства, гнѣзнинскій архіепископъ Яковъ Уханскій. Онъ сносился съ царемъ и научалъ его, какъ слѣдуетъ расположить обѣщаніями и дарами знатнѣйшихъ пановъ. Но Иванъ дѣйствовалъ очень лѣниво, а въ это время императоръ Максимиліанъ прислалъ къ нему посольство съ просьбою ходатайствовать въ Польшѣ, чтобы въ короли былъ выбранъ эрцгерцогъ Эрнестъ. Иванъ думалъ-было сначала устроить такъ, чтобы въ Польшѣ былъ выбранъ Эрнестъ, а въ Литвѣ—онъ. Но такой планъ не нашелъ сочувствія въ большинствѣ пановъ Литвы, не говоря уже о польскихъ панахъ; планъ этотъ не былъ по сердцу и самому австрійскому дому: и тамъ было желаніе владѣть совокупно Польшею и Литвою; притомъ же Иванъ, намекая на такое раздѣленіе, противорѣчилъ себѣ, говоря, что онъ будетъ доволенъ, если Эрнестъ будетъ вмѣстѣ королемъ польскимъ и литовскимъ. Такое колебаніе было причиною, что партія, желавшая избранія короля изъ московскаго дома, совершенно исчезла. Одни паны хотѣли Эрнеста, другіе—седмиградскаго князя Стефана Баторія. Большинство осталось за послѣднимъ. Въ апрѣлѣ 1576 года избранный Стефанъ Баторій прибылъ въ Краковъ и получилъ польскую корону на условіяхъ, явно враждебныхъ Московскому Государству,—отнять все, что̀ въ послѣднее время было захвачено царемъ. Такимъ образомъ, вмѣсто желаннаго соединенія и мира, Ивану Васильевичу со стороны Польши и Литвы угрожала упорная рѣшительная война, тѣмъ болѣе опасная, что теперь въ сосѣдней странѣ власть сосредоточивалась не въ рукахъ вялаго и слабаго тѣломъ и душою Сигизмунда-Августа,

а въ рукахъ воинственнаго, дѣятельнаго и умнаго Стефана Баторія.

По восшествіи своемъ на престолъ, новый король отправилъ посольство въ Москву. Иванъ Васильевичъ разсердился за то, что Баторій называлъ себя ливонскимъ государемъ и не давалъ московскому государю ни царскаго титула, ни титула смоленскаго и полоцкаго князя. Мало этого: Иванъ поставилъ себѣ въ оскорбленіе и то, что польскій король назвалъ царя своимъ братомъ. Иванъ замѣтилъ, что Стефанъ Баторій ничуть не выше какихъ-нибудь князей Острожскихъ, Бѣльскихъ и Мстиславскихъ.

Гордый вызовъ былъ этимъ сдѣланъ со стороны московскаго государя. Месть была уже рѣшена въ умѣ Баторія; онъ отложилъ ее только до укрощенія внутреннихъ безпорядковъ въ польскихъ владѣніяхъ.

Иванъ тѣмъ временемъ поспѣшилъ покончить съ Ливоніею. Уже нѣсколько лѣтъ дѣло покоренія этой страны шло очень вяло. Еще въ 1570 году, вскорѣ послѣ бойни въ Новгородѣ, по призыву Ивана, пріѣхалъ въ Москву владѣтель острова Эзеля, Магнусъ, братъ датскаго короля. Иванъ женилъ его на своей племянницѣ Марьѣ Владимировнѣ, дочери убитаго имъ Владимира Андреевича, и назвалъ Магнуса королемъ ливонскимъ, съ тѣмъ, чтобъ Магнусъ съ своимъ королевствомъ оставался подъ верховною властью московскаго государя. Сначала Иванъ Васильевичъ покушался-было отнять для него у шведовъ Эстонію. Покушеніе не удалось.

Въ 1577 году приступилъ Иванъ Васильевичъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ въ Ливоніи. Такъ какъ эта страна отдалась частью шведамъ, частью полякамъ, то московскій государь снова вооружалъ противъ себя разомъ и тѣхъ, и другихъ. Начали съ Ревеля, принадлежавшаго Швеціи. Русскіе, подъ начальствомъ князя Өедора Мстиславскаго и Ивана Васильевича Шереметева Меньшого, зимою, въ продолженіи шести недѣль, пытались овладѣть этимъ городомъ—и не успѣли. Не только шведы и нѣмцы, но чухны дрались противъ русскихъ. Крестьянское населеніе, терпѣвшее утѣсненія отъ нѣмецкихъ бароновъ, было прежде расположено признать власть Москвы; но свирѣпость, съ какою, по приказанію царя, русскіе обращались вообще съ жителями Ливоніи безъ различія ихъ происхожденія, до того раздражила чухонъ, что они составили большое ополченіе подъ начальствомъ Ива Шенкенберга, прозваннаго Аннибаломъ за свою храбрость, и отличались противъ русскихъ безчеловѣчною жестокостію: не было пощады ни одному русскому, попавшемуся имъ въ плѣнъ. Рус-

скіе, не взявши Ревеля и потерявши подъ этимъ городомъ своего воеводу Шереметева, вышли изъ Ливоніи. Вслѣдъ затѣмъ, весною, самъ Иванъ вступилъ въ Ливонію съ такимъ огромнымъ войскомъ, какого еще не посылалъ въ эту землю. Царь направился не въ шведскую, а въ польскую Ливонію. Успѣхъ былъ чрезвычайный. Городъ за городомъ сдавались. Одни города взялъ самъ царь, другіе—Магнусъ; въ числѣ взятыхъ послѣднимъ были: Кокенгузенъ, Венденъ и Вольмаръ. Тогда Магнусъ, котораго Иванъ хотя и величалъ королемъ, но держалъ въ черномъ тѣлѣ, не давая ему ни въ чемъ воли, написалъ царю изъ Вендена письмо, и въ письмѣ замѣтилъ, что пора уже отдать ему королевство его во владѣніе. Царь отвѣчалъ Магнусу со злою насмѣшкою: „не хочешь ли въ Казань, а не то—ступай себѣ за море!“ Затѣмъ онъ приказалъ призвать къ себѣ Магнуса изъ Вендена, обвинилъ его въ измѣнѣ, въ сношеніяхъ съ курляндскимъ герцогомъ и съ поляками, обругалъ его и посадилъ подъ стражу. Преданные Магнусу нѣмцы, услышавши, что̀ сдѣлалось съ ихъ королемъ, заперлись въ венденскомъ замкѣ, страшась свирѣпства московскихъ людей; они начали-было стрѣлять въ нихъ; за это царь приказалъ взять замокъ приступомъ и осудилъ на избіеніе всѣхъ жителей Вендена. Всѣ, сидѣвшіе въ замкѣ, не видали возможности устоять противъ русскихъ и сами взорвали себя на воздухъ. Жители города Вендена подверглись жестокимъ мукамъ и смерти; ратные люди, по царскому приказанію, изнасиловали всѣхъ женщинъ и дѣвицъ.

Взявши, между прочимъ, городъ Вольмаръ, Иванъ вспомнилъ Курбскаго, бѣжавшаго въ этотъ городъ, написалъ ему письмо, въ которомъ величался своими успѣхами, вмѣстѣ съ тѣмъ чванился своимъ смиреніемъ, называлъ себя блудникомъ и мучителемъ, и совѣтовалъ Курбскому покаяться. Съ торжествомъ воротился царь въ Александровскую слободу, простилъ Магнуса, по обложилъ его на будущее время данью, и не думалъ о томъ, какія послѣдствія можетъ имѣть то обстоятельство, что онъ раздражилъ польскаго короля своимъ нашествіемъ на польскую Ливонію.

Царь опять принялся за казни—свое любимое занятіе. Еще передъ отъѣздомъ въ Ливонію, онъ пригласилъ къ себѣ новгородскаго архіепископа Леонида, человѣка корыстолюбиваго, возбудившаго противъ себя ненависть въ своей епархіи, приказалъ зашить его въ медвѣжью шкуру и затравить собаками. Идя въ Ливонію, или возвращаясь оттуда, Иванъ Васильевичъ заѣхалъ въ Псково-печерскій монастырь: тамошній игуменъ Корнилій встрѣ-

тилъ его; Ивану бросились въ глаза сильныя укрѣпленія монастыря, сооруженныя на свой счетъ Корниліемъ, происходившимъ изъ боярскаго рода. Ивану это показалось подозрительно; вспомнилось былое, закипѣло сердце, и онъ убилъ Корнилія жезломъ своимъ—„предпослалъ его царь земной царю небесному", какъ гласитъ надгробная надпись надъ Корниліемъ. Прибывши въ Слободу, царь раздѣлывался съ боярами. Холопъ князя Михаила Воротынскаго обвинилъ своего господина въ чародѣйствѣ. Иванъ давно уже ненавидѣлъ этого боярина. Его недавніе успѣхи надъ татарами только увеличивали подозрительность Ивана. Царь приказалъ его подвергнуть пыткѣ огнемъ въ своемъ присутствіи; самъ, какъ разсказываютъ, подгребалъ жезломъ своимъ уголья подъ его тѣло, а потомъ отправилъ измученнаго Воротынскаго въ ссылку на Бѣлоозеро. Воротынскій умеръ на пути. Тогда же казнены были князья: Никита Романовичъ Одоевскій, Петръ Куракинъ, бояринъ Иванъ Бутурлинъ, нѣсколько окольничихъ и другихъ лицъ: въ числѣ ихъ были дядя и братъ одной изъ бывшихъ царицъ Маѳы, Собакины. Въ это же время замученъ былъ любимецъ Ивана, князь Борисъ Тулуповъ: по разсказу англичанина Горсея, его посадили на колъ и передъ глазами его съ варварскимъ безстыдствомъ истязали старую мать его. Нѣсколько позже замученъ былъ любимецъ Ивана, врачъ Елисей Бомелій. Очевидецъ англичанинъ разсказываетъ, что ему выворотили изъ суставовъ руки, вывихнули ноги, изрѣзали спину проволочными плетьми, потомъ въ этомъ видѣ привязали къ деревянному столбу и поджаривали, наконецъ, еле-живого посадили на сани, повезли черезъ Кремль и бросили въ тюрьму, гдѣ онъ тотчасъ умеръ.

Ливонскій походъ не могъ остаться безъ отмщенія со стороны Баторія, давшаго при своемъ восшествіи на польскій престолъ обѣщаніе возвратить Польшѣ то, что̀ еще прежде было въ рукахъ московскаго царя. Баторій отправилъ къ царю посольство съ требованіемъ возвратить отнятые ливонскіе города. На это отвѣчали въ Москвѣ, что царь не только требуетъ Ливоніи и Курляндіи, но еще Кіева, Витебска, Канева и другихъ городовъ. Посламъ объявили, что бывшій домъ Ягеллоновъ происходилъ отъ полоцкихъ князей Рогволодовичей и на этомъ основаніи московскій государь, какъ родичъ послѣднихъ, считаетъ Великое Княжество Литовское и королевство Польское своимъ наслѣдіемъ. Царь не хотѣлъ называть Баторія братомъ, а называлъ его только сосѣдомъ и приказывалъ черезъ своихъ бояръ передъ польскими послами говорить разныя оскорбительныя рѣчи его

именемъ. „Вашъ король Стефанъ не ровня намъ и братомъ быть не можетъ. Мало кого выберете вы себѣ въ короли! Носились слухи, что вы хотите посадить себѣ на королевство Яна Костку или Николая Радзивилла. Что-жъ, по вашему избранію развѣ и этихъ считать намъ братьями? Вашъ король недостоинъ такого великаго сана; можно бы и хуже что-нибудь сказать про него, да не хотимъ для христіанства“.

Послѣ такого пріема, война была рѣшена. Вести ее Баторію было не легко, поляки и литовцы вовсе не отличались воинственнымъ духомъ и не давали королю денегъ. Баторій, при помощи канцлера и гетмана Яна Замойскаго, преодолѣвъ большія трудности, употребилъ на военныя издержки собственныя деньги, пригласилъ опытную пѣхоту венгерскую и нѣмецкую, снарядилъ исправную артиллерію. Къ счастью Польши, Швеція также взялась за оружіе противъ Ивана. Первое столкновеніе произошло въ Ливоніи. Магнусъ,—которому Иванъ, простивши его, далъ Оберпаленъ,—передался Баторію. Русскіе воеводы по царскому приказу двинулись на Венденъ, но были окружены и разбиты на-голову соединенными польскими и шведскими войсками. Главные предводители пали въ битвѣ [1]); другіе попались въ плѣнъ; иные бѣжали. Царь Иванъ тѣмъ временемъ съ большимъ войскомъ выступилъ въ Новгородъ, и вдругъ услышалъ, что его войска разбиты, и Баторій подступаетъ къ Полоцку. 29 августа 1579 года, венгерская пѣхота зажгла стѣны Полоцка. Одинъ изъ бывшихъ тамъ русскихъ воеводъ Петръ Волынскій со стрѣльцами послалъ сказать Баторію, что они сдаются. Другіе воеводы и съ ними полоцкій владыка Кипріанъ не соглашались и хотѣли взорвать себя на воздухъ, но ихъ не допустили до этого, вытащили изъ церкви св. Софіи и привели къ королю. Многіе перешли тогда въ службу Баторію; другіе были отпущены въ отечество и ворочались съ полною увѣренностью, что царь казнитъ ихъ. Вслѣдъ за Полоцкомъ былъ взятъ приступомъ городъ Соколъ; воевода Ѳедоръ Шереметевъ былъ взятъ въ плѣнъ, другой воевода—Борисъ Шеинъ, убитъ; кровопролитіе было сильное; русскіе бросали оружіе, молили о пощадѣ, но ихъ кололи и били. Въ то же время князь Константинъ Острожскій забиралъ города въ Сѣверской области, а Кмита опустошилъ Смоленскую область. Баторій давалъ своимъ военачальникамъ строгое приказаніе не дозволять мучить мирныхъ жителей, не истреблять ихъ полей, объявлялъ въ своемъ мани-

---

[1]) Князь Василій Сицкій, окольничій Василій Воронцевъ и другіе.

фестѣ, что воюетъ съ московскимъ царемъ, а не съ народомъ. Къ довершенію несчастій для русскихъ, шведы захватили Корелію и Ижорскую землю.

Царь находился съ войскомъ во Псковѣ и услышалъ тамъ о новомъ пораженіи своихъ войскъ. Все его высокомѣріе исчезло. Онъ пришелъ въ ужасъ и ушелъ въ Москву. На этотъ разъ онъ не казнилъ бѣглецовъ; онъ боялся возстанія народнаго и приказалъ въ Москвѣ дьяку Щелкалову успокоивать народъ. На зло ему и къ большей его досадѣ Курбскій прислалъ ему тогда язвительное письмо; противопоставлялъ прежнюю славу своего отечества съ настоящимъ посрамленіемъ: „Вмѣсто храбрыхъ и опытныхъ мужей, избитыхъ и разогнанныхъ тобою, ты посылаешь войско съ каликами, воеводишками твоими, и они, словно овцы или зайцы, боятся шума листьевъ, колеблемыхъ вѣтромъ; вотъ ты потерялъ Полоцкъ съ епископомъ, клиросомъ, войскомъ, народомъ, а самъ, собравшись съ военными силами, прячешься за лѣсъ, хороняка ты и бѣгунъ! Еще никто не гонится за тобою, а ты уже трепещешь и исчезаешь. Видно—совѣсть твоя вопіетъ внутри тебя, обличая за гнусныя дѣла и безчисленныя кровопролитія!“

Въ январѣ 1580 года царь созвалъ соборъ изъ всѣхъ главнѣйшихъ церковныхъ сановниковъ, представилъ имъ, что невѣрные сосѣдніе государи: литовскій, турецкій, крымскій, шведскій, нагаи, поляки, угры, лифляндскіе нѣмцы, какъ дикіе звѣри, распалившись гордостью, хотятъ истребить православіе, а между тѣмъ множество селъ, земельныхъ угодій находятся у епископій и монастырей, служатъ только для пьянственнаго и непотребнаго житія монаховъ; иныя остаются въ крайнемъ запустѣніи, а черезъ это служилое военное званіе терпитъ недостатокъ. Соборъ не смѣлъ противорѣчить; постановлено было, чтобы впередъ епископіи и монастыри не принимали вотчинъ по душамъ, не брали ихъ въ залогъ, а равнымъ образомъ не продавали вотчинъ и не давали на выкупъ тѣхъ изъ нихъ, которыя уже за ними утверждены крѣпостями. Это уже было не первое распоряженіе въ такомъ родѣ, и замѣчательно, что самъ царь, дѣлая постановленія объ ограниченіи правъ епископій и монастырей пріобрѣтать вотчины, самъ нарушалъ свои постановленія и давалъ то тому, то другому монастырю грамоты на вотчины. Главное, чего добивался Иванъ, было намѣреніе попользоваться временно насчетъ Церкви. Постановленіемъ этого же собора царю предоставлялось забрать на себя всѣ княжескія вотчины, какія прежде были отданы или проданы церковному вѣдомству, также и всѣ

заложенныя земли, а денежное вознагражденіе за нихъ предоставлялось милости государя. Наконецъ, приговорено было въ видѣ проекта составить подробный инвентарь доходамъ епископовъ и монастырей и оставить имъ по ровной части, сообразно ихъ сану, т.-е. одинакую часть всѣмъ архіепископамъ и одинакую всѣмъ епископамъ, а также всѣмъ монахамъ и монахинямъ оставить поровну, столько, чтобы они имѣли достаточное одѣяніе и пропитаніе и ни въ чемъ не терпѣли скудости, а все излишнее брать на устройство войска. Но для этого нужно было время. Современникъ англичанинъ говоритъ, что послѣ этого собора, кромѣ многихъ недвижимыхъ имѣній, которыя по соборному постановленію переходили на государя, царь взялъ съ духовенства огромную сумму на военныя издержки [1]).

Такими мѣрами доискивался Иванъ Васильевичъ средствъ для веденія войны, а между тѣмъ, отправилъ къ Баторію посольство, но уже не приказывалъ своимъ посламъ какихъ-нибудь оскорбительныхъ выходокъ, напротивъ, велѣлъ имъ не обращать вниманія, если король не спроситъ о царскомъ здоровьи и не встанетъ съ мѣста, когда они будутъ отдавать ему поклонъ отъ московскаго государя. Въ другое время, по общепринятымъ обычаямъ, это было бы сочтено большимъ оскорбленіемъ. Мало того: если пословъ станутъ безчестить и бранить, то имъ слѣдовало на это жаловаться приставу слегка, а не говорить „прытко“. Униженіе не помогло. Баторій обращался съ послами гордо и готовился снова идти на Ивана. Поляки, какъ и прежде, не давали своему королю денегъ, даже упрекали его и не хотѣли вовсе войны. Замойскому съ трудомъ удалось уговорить сеймъ не заключать мира. Баторій и теперь жертвовалъ въ пользу Польши свои собственныя деньги; и Замойскій далъ ему на войну свои средства. Изъ Венгріи выписали еще пѣхоты. Наконецъ, Баторій и Замойскій выдумали новое средство набрать войско: они объявили крестьянамъ королевскихъ имѣній со всѣмъ ихъ потомствомъ свободу отъ всякихъ повинностей, если тѣ пойдутъ въ военную службу: положили такимъ образомъ взять съ двадцати человѣкъ одного.

Прошла зима и весна въ приготовленіяхъ, и только 16 іюня 1580 года Баторій выступилъ съ войскомъ изъ Вильны. Московскіе послы являлись одни за другими. Ихъ не слушали; надъ ними ругались. Баторій требовалъ Новгорода, Пскова и Великихъ-Лукъ со всѣми ихъ землями, само собою разумѣется не

---

[1]) До 300,000 ф. стер. Вѣроятно англичанинъ преувеличиваетъ эту сумму.

ожидая удовлетворительнаго отвѣта на свой запросъ. Походъ Баторія былъ успѣшенъ, какъ нельзя болѣе. Замойскій взялъ Велижъ; покорены были и другіе города. Въ августѣ самъ Баторій осадилъ Великія-Луки. 6-го сентября этотъ городъ былъ взятъ, затѣмъ взяты были: Невель, Озерище, Заволочье, Торопецъ. Шведскій полководецъ Делагарди отнялъ у русскихъ Везенбергъ и началъ покорять другіе ливонскіе города. Съ наступленіемъ осени Баторій уѣхалъ въ Польшу, но партизанская война продолжалась и зимою. Литовцы взяли Холмъ и Старую Русу, а запорожскіе козаки съ своимъ гетманомъ Оришевскимъ врывались въ южные предѣлы Московскаго Государства и опустошали ихъ.

Въ то время, когда Баторій бралъ у Ивана городъ за городомъ, самъ Иванъ отпраздновалъ у себя разомъ два брака. Сначала женился сынъ его Ѳедоръ на Иринѣ Ѳедоровнѣ Годуновой (вслѣдствіе этого брака былъ приближенъ къ царю и получилъ боярство знаменитый въ будущемъ Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ). Затѣмъ Иванъ выбралъ изъ толпы дѣвицъ себѣ въ жены Марью Ѳедоровну Нагую [1]). Торжества по поводу свадебъ (имѣвшихъ въ исторіи печальныя послѣдствія) вскорѣ замѣнились скорбью и униженіемъ, когда царь узналъ, что̀ дѣлается съ его войскомъ. Еще разъ отправилъ онъ посольство просить пріостановки военныхъ дѣйствій для заключенія мира, и не только называлъ Стефана Баторія братомъ, но далъ своимъ гонцамъ наказъ терпѣливо сносить всякую брань, безчестіе и даже побои. Иванъ отказывался отъ Ливоніи, но Баторій требовалъ 400,000 червонцевъ контрибуціи. Польскій король, потѣшаясь униженіемъ и малодушіемъ врага, отправилъ къ московскому царю своего гонца Лопатинскаго съ письмомъ, очень характеристичнымъ: „Какъ смѣлъ ты попрекать насъ бусурманствомъ, писалъ онъ московскому властелину (т.-е. тѣмъ, что Баторій былъ вассаломъ турецкаго султана), ты, который кровью своею породнился съ бусурманами; твои предки, какъ конюхи, служили подножками царямъ татарскимъ, когда тѣ садились на коней, — лизали кобылье молоко, капавшее на гривы татарскихъ клячъ. Ты себя выводишь не только отъ Пруса, брата Цезаря Августа, но еще производишь отъ племени греческаго; если ты дѣйствительно изъ грековъ, то развѣ—отъ Тіэста, тирана, который кормилъ своего

[1]) Замѣчательно распредѣленіе свадебныхъ чиновъ на этой царской свадьбѣ: посаженымъ отцомъ царя былъ сынъ его Ѳедоръ, будущій московскій царь, а дружками со стороны жениха князь Василій Ивановичъ Шуйскій, а со стороны невѣсты Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ: оба будущіе московскіе цари.

гостя тѣломъ его ребенка! Ты—не одно какое-нибудь дитя, а народъ цѣлаго города, начиная отъ старшихъ до наименьшихъ, губилъ, разорялъ, уничтожалъ, подобно тому, какъ и предокъ твой предательски жителей этого же города перемучилъ, изгубилъ или взялъ въ неволю... Гдѣ твой братъ Владиміръ? Гдѣ множество бояръ и людей? Побилъ! Ты не государь своему народу, а палачъ; ты привыкъ повелѣвать надъ подданными, какъ надъ скотами, а не такъ, какъ надъ людьми! Самая величайшая мудрость: познать самого себя; и чтобы ты лучше узналъ самого себя, посылаю тебѣ книги, которыя во всемъ свѣтѣ о тебѣ написаны; а если хочешь, — еще другихъ пришлю: чтобы ты въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, увидѣлъ и себя, и родъ свой... Ты довольно почувствовалъ нашу силу; дастъ Богъ, почувствуешь еще! Ты думаешь: вездѣ такъ управляютъ, какъ въ Москвѣ? Каждый король христіанскій, при помазаніи на царство, долженъ присягать въ томъ, что будетъ управлять не безъ разума, какъ ты. Правосудные и богобоязненные государи привыкли сноситься во всемъ со своими подданными, и съ ихъ согласія ведутъ войны, заключаютъ договоры; вотъ и мы: велѣли созвать со всей земли нашей пословъ, чтобъ охраняли совѣсть нашу и учинили бы съ тобою прочное установленіе; но ты этихъ вещей не понимаешь"... Баторій предлагалъ Ивану, во избѣжаніе пролитія крови, сразиться съ нимъ на поединкѣ. „Курица—писалъ между прочимъ Баторій—защищаетъ отъ орла и ястреба своихъ птенцовъ, а ты, орелъ двуглавый, отъ насъ прячешься", и пр.

Иванъ сталъ себѣ искать посредниковъ и отправилъ гонца Шевригина въ Вѣну и въ Римъ — просить ходатайства императора и папы о заключеніи мира съ Баторіемъ. Императоръ Рудольфъ отклонилъ свое посредничество, но папа Григорій XIII съ радостью ухватился за это дѣло, потому что увидѣлъ возможность попытаться: нельзя ли склонить московскаго царя къ соединенію церквей и къ признанію папской власти. Папа выбралъ для этой цѣли знаменитаго въ свое время ученаго богослова Антонія Поссевина.

Пока составлялись планы примиренія, Баторій и Замойскій всѣми силами старались склонить сеймъ къ продолженію войны; они представляли необходимость воспользоваться счастливымъ временемъ, чтобы надолго сломить силу Московскаго Государства и остановить завоевательныя стремленія царя. Поляки, хотя и расхваливали короля за его военныя доблести, но по прежнему не расположены были вести долгой войны и дали позволеніе своему королю еще на одинъ походъ, но неиначе, какъ съ усло-

віемъ, чтобы этотъ походъ противъ Москвы былъ послѣдній и послѣ него непремѣнно было заключено перемиріе. Баторій занялъ денегъ у прусскаго герцога и у другихъ владѣтелей нѣмецкихъ, вызвалъ изъ Европы свѣжее наемное войско, числомъ до ста-семидесяти тысячъ, и лѣтомъ 1581 г. двинулся на Псковъ. Съ своей стороны Московское Государство ополчалось до послѣднихъ силъ, такъ что у Ивана могло набраться, какъ показываютъ современники, ратныхъ людей тысячъ до трехъсотъ; но это войско было непривычное къ бою и неопытное, притомъ же тогда боялись нашествія крымскаго хана: невозможно было сосредоточить всѣхъ силъ противъ Баторія, а нужно было составить оборону противъ татаръ. Сверхъ того, приходилось защищаться и противъ шведовъ.

Во Псковѣ было до 30,000 русскихъ. Главное начальство надъ ними было поручено князьямъ Василію Ѳедоровичу Скопину-Шуйскому и Ивану Петровичу Шуйскому.

Походъ Баторія былъ сначала очень успѣшенъ. Онъ взялъ псковскіе пригороды Опочку и Красный; 20-го августа поляки и венгры пробили каменную стѣну Острова, разрушили башню, и старый воевода, начальствовавшій въ Островѣ, сдался на милосердіе короля. Въ концѣ августа 1581 года Баторій появился подъ стѣнами Пскова. Удобное время уже было пропущено; весна и лѣто прошли въ приготовленіяхъ и сборахъ: иначе и быть не могло, такъ какъ поляки не давали королю своему никакихъ средствъ. Началась продолжительная осада. Русскіе на этотъ разъ защищались упорно. 8-го сентября Баторій сдѣлалъ проломъ въ стѣнѣ, взялъ двѣ башни, войско его уже врывалось въ городъ; но русскіе, ободряемые княземъ Шуйскимъ, выгнали враговъ и подняли на воздухъ Свиную башню, которою овладѣли-было королевскіе воины. Баторій потерялъ разомъ до 5000 человѣкъ. Послѣ этой неудачи, король и Замойскій съ большимъ трудомъ поддерживали дисциплину въ войскѣ. Наступила глубокая осень; началась дурная погода; еще другой-третій разъ дѣлали приступъ, рыли подкопы—ничто не удавалось! Баторій отправилъ отрядъ овладѣть Псковопечерскимъ монастыремъ; и тамъ не было удачи. Король объявилъ, что рѣшается во что бы то ни стало взять Псковъ осадою и будетъ зимовать подъ городомъ, приказывалъ копать землянки и строить избы для воиновъ; а тѣмъ временемъ въ его станѣ ощущался недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, сдѣлалась дороговизна, падали лошади, убѣгали люди. Отойти отъ Пскова, не взявши его и не заключивши мира, было бы срамомъ для Баторія: ропоту въ Польшѣ не было бы и пре-

дѣла. Баторій потерялъ бы свою воинскую честь и свое нравственное вліяніе.

Но и положеніе московскаго государя отъ неудачъ Баторія не улучшалось. Шведы одерживали надъ русскими побѣду за побѣдою. Шведскій генералъ взялъ Нарву, захватилъ часть Новгородской земли, овладѣлъ Корѣлою, берегами Ижоры, городами Ямою и Копорьемъ. Магнусъ взялъ Киремпель; ливонскіе города были отняты у русскихъ почти всѣ. Радзивиллъ, сынъ виленскаго воеводы, съ козаками и литовскими татарами, вступивши въ глубину непріятельской земли, доходилъ почти до Старицы, гдѣ находился тогда Иванъ Васильевичъ. Долгія мучительства и развращеніе, посѣянное въ народѣ опричниною, приносили свои плоды: русскіе легко сдавались непріятелю и переходили въ службу къ Стефану Баторію; одинъ Псковъ представлялъ счастливое исключеніе, благодаря тому, что тамъ находился умный и дѣятельный Иванъ Петровичъ Шуйскій. Иванъ Васильевичъ трепеталъ измѣны, боялся посылать отъ себя войско: ему представлялось, что его самого схватятъ и отвезутъ къ Баторію. Понятно, что Ивану Васильевичу нуженъ былъ миръ, какъ можно скорѣе. Упорство Пскова и нежеланіе поляковъ давать средства своему королю на продолженіе войны невольно приводили и Стефана Баторія къ тому же.

Посредникъ, назначенный папою, іезуитъ Антоній Поссевинъ, посѣтилъ сначала Баторія, далъ ему, какъ католику, свое благословеніе на бранные подвиги, а потомъ прибылъ къ московскому государю и видѣлся съ нимъ въ Старицѣ. Какъ духовное лицо и какъ посланникъ папы, Поссевинъ сразу заявилъ, что его гораздо болѣе занимаетъ вопросъ о соединеніи церквей, чѣмъ о примиреніи съ поляками. Въ числѣ подарковъ, привезенныхъ имъ отъ папы, была книга о флорентійскомъ соборѣ, которому западная церковь придавала смыслъ великаго вселенскаго собора, уже соединившаго восточную церковь съ западною. Поссевинъ представлялъ царю Ивану Васильевичу большія выгоды отъ соединенія, указывалъ на возможность всеобщаго ополченія христіанскихъ державъ противъ турокъ. Царь принялъ іезуита чрезвычайно ласково и почтительно, не лишалъ его надежды на предполагаемое церковное соединеніе, но не обѣщалъ ничего положительнаго и просилъ его прежде всего о заключеніи мира, сколько-нибудь выгоднаго для московскаго государя. Антоній уѣхалъ отъ царя съ надеждою опять пріѣхать къ нему послѣ заключенія мира, уже исключительно по дѣламъ вѣры.

При посредствѣ Антонія, въ деревню Киверова Горка, въ

пятнадцати верстахъ отъ Запольскаго Яма, въ декабрѣ 1581 г. съѣхались съ обѣихъ сторонъ уполномоченные [1]). Имъ пришлось жить въ крестьянскихъ курныхъ избахъ, терпѣть зимній холодъ и недостатокъ, даже пить снѣжную воду. Кругомъ все было опустошено.

Антоній Поссевинъ явно мирволилъ польской сторонѣ; московскіе послы упрямились, желая выговорить себѣ болѣе выгодныя условія; шли споры о титулахъ и словахъ, такъ что однажды іезуитъ разгорячился, вырвалъ у нихъ изъ рукъ бумагу, даже схватилъ одного изъ нихъ за воротникъ шубы, повернулъ, пуговицы оборвалъ на шубѣ, и сказалъ: „ступайте вонъ! я съ вами ничего не буду говорить!“ Наконецъ, послѣ трехъ недѣль безполезныхъ споровъ, 6-го января 1582 года обѣ стороны подписали перемиріе на десять лѣтъ. По этому перемирію московскій государь отказался отъ Ливоніи, уступилъ Полоцкъ и Велижъ, а Баторій согласился возвратить взятые имъ псковскіе пригороды.

По заключеніи мира, Поссевинъ отправился въ Москву съ давно желанною цѣлью привести царя къ соединенію съ западною церковью.

Въ Александровской слободѣ случилось, между тѣмъ, потрясающее событіе: въ ноябрѣ 1581 года, царь Иванъ Васильевичъ въ порывѣ запальчивости убилъ желѣзнымъ посохомъ своего старшаго сына, уже пріобрѣвшаго подъ руководствомъ отца кровожадныя привычки и подававшаго надежду, что, по смерти Ивана Васильевича, будетъ въ его государствѣ совершаться то же, что̀ совершалось при немъ. Современные источники выставляютъ разно причину этого событія. Въ нашихъ лѣтописяхъ говорится, что царевичъ началъ укорять отца за его тру́сость, за готовность заключить съ Бато̀ріемъ унизительный договоръ, и требовалъ выручки Пскова; царь, разгнѣвавшись, ударилъ его такъ, что тотъ заболѣлъ и черезъ нѣсколько дней умеръ. Согласно съ этимъ повѣствуетъ современный историкъ ливонской войны Гейденштейнъ; онъ прибавляетъ, что въ это время народъ волновался и оказывалъ царевичу особое передъ отцомъ расположеніе, и черезъ то отецъ раздражился на сына. Антоній Поссевинъ (бывшій черезъ три мѣсяца послѣ того въ Москвѣ) слышалъ объ этомъ событіи иначе: приличіе того времени требовало, чтобы знатныя женщины надѣвали три одежды одна на

---

[1]) Отъ Баторія, Янъ Збаражскій, князь Альбрехтъ Радзивилъ и секретарь В. К. Литовскаго Гарабурда. Отъ Ивана Васильевича князь Елецкій и Алферьевъ.

другую. Царь засталъ свою невѣстку, жену Ивана, лежащею на скамьѣ въ одной только исподней одеждѣ, ударилъ ее по щекѣ и началъ колотить жезломъ. Она была беременна и въ слѣдующую ночь выкинула. Царевичъ сталъ укорять за то отца: „ты— говорилъ онъ—отнялъ уже у меня двухъ женъ, постригъ ихъ въ монастырь, хочешь отнять и третью, и уже умертвилъ въ утробѣ ея моего ребенка". Иванъ за эти слова ударилъ сына изъ всѣхъ силъ жезломъ въ голову [1]). Царевичъ упалъ безъ чувствъ, заливаясь кровью. Царь опомнился, кричалъ, рвалъ на себѣ волосы, вопилъ о помощи, звалъ медиковъ... Все было напрасно: царевичъ умеръ на пятый день, и былъ погребенъ 19 ноября въ Архангельскомъ соборѣ. Царь въ унынiи говорилъ, что не хочетъ болѣе царствовать, а пойдетъ въ монастырь; онъ собралъ бояръ, объявилъ имъ, что второй сынъ его Ѳедоръ неспособенъ къ правленiю, предоставлялъ боярамъ выбрать изъ среды своей царя. Но бояре боялись: не испытываетъ ли ихъ царь Иванъ Васильевичъ и не перебьетъ ли онъ послѣ и того, кого они выберутъ, и тѣхъ, кто будетъ выбирать новаго государя. Бояре умоляли Ивана Васильевича не идти въ монастырь, по крайней мѣрѣ, до окончанiя войны. Съ тѣхъ поръ много дней царь ужасно мучился, не спалъ ночи, метался какъ въ горячкѣ. Наконецъ, мало-по-малу онъ сталъ успокоиваться, началъ посылать богатыя милостыни по монастырямъ, отправлялъ дары и на Востокъ, чтобы молились объ успокоенiи души его сына. Въ это время усиленно припоминалъ онъ погубленныхъ и замученныхъ имъ, вписывалъ имена ихъ въ синодики, а когда не могъ пересчитать ихъ и припомнить по именамъ, писалъ просто: „ихъ же ты, Господи, вѣси!"

Антонiй прiѣхалъ въ Москву три мѣсяца спустя послѣ убiйства царевича; онъ засталъ еще царя и весь дворъ въ черныхъ одеждахъ, съ отрощенными волосами, по придворному обычаю. Iезуиту хотѣлось устроить религiозное пренiе о вѣрѣ съ царемъ и убѣдить его силою своихъ доводовъ. Но Иванъ не изъявлялъ на то большой охоты. „Что спорить о вѣрѣ", говорилъ онъ, „каждый свою вѣру хвалитъ. Мнѣ уже пятьдесятъ-первый годъ, воспитался я въ истинной христiанской вѣрѣ и перемѣнять мнѣ ее не годится! Придетъ страшный судъ, и тогда Господь разсудитъ: какая вѣра правая, наша или латинская?".—„Святой отецъ", сказалъ Антонiй, „вовсе не хочетъ, чтобы ты мѣнялъ

---

[1]) Царевичъ былъ три раза женатъ: первая жена его была Евдокiя Сабурова, вторая—Соловая, третья—Шереметева, по имени Елена Ивановна. По русскому извѣстiю, царь отколотилъ Бориса Годунова, который вздумалъ защищать царевича.

древнюю греческую вѣру, основанную на ученіи св. отцовъ и постановленіяхъ св. соборовъ. Онъ хочетъ только, чтобъ ты изслѣдовалъ: что̀ есть истиннаго, и то утвердилъ въ своемъ царствѣ. Онъ хочетъ, чтобы во всемъ мірѣ была одна церковь; и мы бы ходили въ греческую къ вашимъ священникамъ, и ваши ходили бы къ нашимъ". Антоній распространился объ исторіи церкви, а въ особенности о флорентійскомъ соборѣ, и заключилъ свою рѣчь такими словами: „Если ты, великій государь, вступишь съ папою въ соединеніе, то не только будешь государемъ на прародительской отчинѣ своей въ Кіевѣ, но и въ царствующемъ градѣ Константинополѣ; и папы, и цезарь и всѣ государи будутъ объ этомъ стараться".—„Не сойтись намъ съ тобою", сказалъ на это Иванъ, „наша вѣра христіанская, а не греческая, была издавна сама по себѣ, а римская сама по себѣ, греческою наша вѣра называется оттого, что пророкъ Давидъ за много лѣтъ до Рождества Христова пророчествовалъ: „отъ Еѳіопіи предваритъ рука ея къ Богу, а Еѳіопія то мѣсто, что Византія, а Византія первое государство греческое просіяло въ христіанствѣ".

Показавши такимъ образомъ свою ученость, царь повторилъ, что не хочетъ спорить о вѣрѣ, дабы черезъ то не сдѣлалась рознь съ папою и не порвалась бы взаимная любовь между папою Григоріемъ и московскимъ государемъ.

Антоній увѣрялъ, что розни не будетъ, и просилъ государя вести съ нимъ преніе о вѣрѣ.

Иванъ Васильевичъ сказалъ: „О большихъ дѣлахъ мы съ тобою говорить не хотимъ, чтобы тебѣ не было досадно, а вотъ малое дѣло. У тебя борода подсѣчена, а бороды подсѣкать и подбривать не велѣно, ни попу, ни мірскимъ людямъ. Ты въ римской вѣрѣ попъ, а бороду сѣчешь. Откуда это взялъ и по какому ученію?"

„Я бороды не сѣку и не брѣю"—сказалъ Антоній.

Иванъ продолжалъ: „Сказывалъ намъ нашъ паробокъ Шевригинъ, что папа Григорій сидитъ на престолѣ, и носятъ его и цѣлуютъ ногу; а на сапогѣ крестъ, а на крестѣ распятіе. Прилично ли это?"

Поссевинъ распространялся о достоинствѣ и величіи папы, объ особенной благодати надъ Римомъ, о которой свидѣтельствовало множество мощей въ этомъ городѣ; доказывалъ, что папа садится на престолъ не для гордости, а для благословенія многочисленнаго народа, что поклоненіе ему дѣлается въ воспоминаніе того, какъ въ древнія времена народъ падалъ къ но-

гамъ апостоловъ, проповѣдывавшихъ ему вѣру, заключилъ, наконецъ, рѣчь свою тѣмъ, что и государя слѣдуетъ величать, славить и припадать къ его ногамъ. Съ этими словами іезуитъ поклонился Ивану Васильевичу въ ноги.

Но Иванъ Васильевичъ на это сказалъ: „Насъ, великихъ государей, пригоже почитать по царскому величеству, а святителямъ надо смиреніе показывать и не возноситься выше царей. Папа Григорій называется сопрестольникомъ Петру Апостолу, а по землѣ не ходитъ и велитъ себя на престолѣ носить; значитъ—онъ хочетъ Христу подобиться! Папа не Христосъ, и престолъ, на чемъ папу носятъ, не облако, и тѣ, что носятъ его, не ангелы! Который папа поступаетъ по Христову ученію и по апостольскому преданію, — тотъ сопрестольникъ великимъ папамъ и апостоламъ; а который папа начнетъ жить не по Христову ученію и не по апостольскому преданію,—тотъ папа волкъ, а не пастырь“.

„Если папа волкъ, а не пастырь,—сказалъ Антоній,—то мнѣ и говорить нечего; зачѣмъ же ты и посылалъ къ нему о своихъ дѣлахъ? И ты, и его предшественники всегда называли его пастыремъ церкви“.

Царь начиналъ сердиться. Зная его нравъ, Поссевинъ и его товарищи боялись, чтобы онъ не хватилъ кого-нибудь своимъ жезломъ, и потому Поссевинъ старался успокоить его льстивыми словами. Царь тогда сказалъ: „вотъ я говорилъ, что намъ нельзя говорить о вѣрѣ. Безъ раздорныхъ словъ не обойдется. Оставимъ это“.

5 марта, въ воскресенье великаго поста, царь пригласилъ Антонія идти въ церковь смотрѣть богослуженіе. Іезуитъ догадался, что царь это дѣлаетъ для того, чтобы присутствіе папскаго посла въ церкви служило для народа доказательствомъ уваженія иновѣрцевъ въ русской вѣрѣ. Антоній отвѣчалъ, что ему извѣстны обряды греческой церкви, а участвовать въ нихъ наравнѣ съ митрополитомъ онъ не можетъ до тѣхъ поръ, пока митрополитъ не будетъ укрѣпленъ въ вѣрѣ тѣмъ, кто сидитъ на престолѣ Петра, которому Господь сказалъ: утверждай братью свою. „Вы—говорилъ онъ—упрекаете насъ въ томъ, что святой отецъ сидитъ на престолѣ, а у васъ митрополитъ моетъ себѣ руки и этою водою люди окропляютъ себѣ глаза и другія части тѣла, и передъ вашими епископами кланяются въ землю“.

„Эта вода — отвѣчалъ царь — знаменуетъ воскресеніе Христово“.

Поссевинъ, однако, долженъ былъ изъ уваженія къ царю

идти въ церковь, причемъ Иванъ сказалъ: „Смотри, чтобы за тобой лютеране не вошли“.

„Мы съ лютеранами общенія не имѣемъ“, отвѣчалъ іезуитъ.

Приблизившись къ церкви, Антоній постарался тотчасъ улизнуть. Всѣ думали, что царь разсердится, но Иванъ Васильевичъ потеръ себѣ лобъ и сказалъ: „Ну, пусть дѣлаетъ какъ знаетъ“.

Антоній никакъ не могъ добиться не только обѣщанія подчиниться папѣ, но даже и дозволенія строить для католиковъ костелы, хотя позволялось пріѣзжать священникамъ римско-католической вѣры. Антоній уѣхалъ.

Запольскій миръ, заключенный съ Баторіемъ, оставилъ войну царя Ивана Васильевича со Швеціею нерѣшенною. Мало этого: Баторій готовъ былъ самъ воевать со шведами, такъ какъ считалъ всю Ливонію достояніемъ Польши и Литвы, а Швеція удерживала въ своей власти Эстонію. Сеймъ не допустилъ Баторія до войны, потому что поляки не хотѣли воевать ни съ кѣмъ. Непріязненныя отношенія Московскаго Государства со Швеціею продолжались до мая 1583 года, безъ всякихъ важныхъ успѣховъ съ той и другой стороны, наконецъ прекратились перемиріемъ на три года, заключеннымъ на р. Плисѣ. Швеція оставалась въ выигрышѣ и удерживала за собою не только Эстонію, но и русскіе города Яму и Копорье съ ихъ землями, захваченные во время войны. Такимъ образомъ, западные предѣлы государства съуживались, терялись плоды долговременныхъ усилій; на востокѣ, за Волгою было безпокойно. Черемиса, съ начала покоренія Казани, не хотѣла повиноваться русской власти, безпрестанно возставала, а въ послѣднее время горячо и единодушно поднялась за свою свободу и вела войну съ упорствомъ. Воеводы съ ратьми посылались одни за другими и долго не могли укротить черемисъ, которые защищались отъ ихъ покушеній въ своихъ дремучихъ лѣсахъ, не хотѣли и слышать о платежѣ наложеннаго на нихъ ясака, а при случаѣ дѣлали набѣги и разоренія. Покорить ихъ можно было только построеніемъ русскихъ городовъ: тогда съ этой цѣлью былъ построенъ Козьмодемьянскъ.

Мало-по-малу сталъ освобождаться Иванъ отъ своей тоски по убитомъ сынѣ, а съ нею вмѣстѣ начали проходить угрызенія совѣсти, и царь началъ опять проявлять признаки обычнаго свирѣпства. Ратные люди, такъ трусливо сдававшіеся Баторію, оставались на первыхъ порахъ безъ наказанія, но по заключеніи мира вспомнилъ о нихъ Иванъ, собралъ и казнилъ мучи-

тельнѣйшимъ образомъ. По сказанію одного иностраннаго историка, ихъ погибло до 2,300 человѣкъ. Царь страдалъ подъ гнетомъ своего униженія. Ливонія, которой онъ такъ добивался, ускользнула изъ рукъ его; онъ хотѣлъ вылить свою злобу надъ ливонскими плѣнниками, которыхъ у него было очень много. Онъ приказалъ привести толпу этихъ несчастныхъ, пустилъ на нихъ медвѣдей и самъ, стоя у окна, любовался, какъ плѣнники напрасно старались отбиться отъ звѣрей, и какъ медвѣди рвали ихъ въ куски. Иванъ Васильевичъ тогда и надъ близкими къ себѣ людьми придумывалъ затѣйливыя мучительства. Такъ, однажды царскій тесть Ѳедоръ Нагой наговорилъ на Бориса Годунова, что тотъ не является ко двору, притворяясь больнымъ, послѣ того, какъ Иванъ отколотилъ его своимъ жезломъ. Царь самъ внезапно прибылъ къ Борису, который показалъ ему свои раны и заволоки, сдѣланныя врачомъ. Тогда царь Иванъ приказалъ сдѣлать заволоки на рукахъ и груди царскаго тестя, совершенно здороваго.

Женившись на Маріи Нагой, Иванъ вскорѣ не взлюбилъ ее, хотя она уже была беременна. Онъ задумалъ жениться на какой-нибудь иностранной принцессѣ царской крови. Англичанинъ медикъ, по имени Робертъ, сообщилъ ему, что у англійской королевы есть родственница Марія Гастингсъ, графиня Гонтингтонская. Иванъ отправилъ въ Лондонъ дворянина Ѳедора Писемскаго узнать о невѣстѣ, поговорить о ней съ королевой и вмѣстѣ съ тѣмъ изъявить желаніе отъ имени царя заключить тѣсный союзъ съ Англіей. Условіемъ брака было то, чтобы будущая супруга царя приняла греческую вѣру и чтобы всѣ, пріѣхавшіе съ нею, бояре и боярыни, также послѣдовали ея примѣру. Хотя царь и заявлялъ у себя дома о неспособности царевича Ѳедора, но Писемскому не велѣлъ говорить этого королевѣ; напротивъ, приказывалъ объявить, что дѣтямъ новой царицы дадутся особые удѣлы. Достойно замѣчанія, что на случай, если бы королева замѣтила, что у царя уже есть жена, Писемскій долженъ былъ сказать, что она не какая-нибудь царевна, а простая подданная и для королевиной племянницы можно ее и прогнать.

Писемскій былъ принятъ съ почестями, но королева на вопросъ о невѣстѣ сказала, что она была недавно въ оспѣ, видѣть ее и списывать портрета скоро нельзя, и не прежде какъ въ маѣ 1583 года доставила послу случай увидѣть невѣсту въ саду. Марія Гастингсъ, тридцатилѣтняя дѣва, сначала соблазнилась-было честью быть московской царицей, но потомъ, когда услышала о злодѣяніяхъ Ивана, то наотрѣзъ отказалась отъ этой

чести. Королева отпустила Писемскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ отправила посломъ къ Ивану Жерома Боуса. Этотъ посолъ долженъ былъ объявить, что дѣвица, на которой хотѣлъ жениться Иванъ, больна и притомъ не хочетъ перемѣнять вѣры. Королева добивалась исключительной и безпошлинной торговли для англичанъ, а царь, соглашаясь на это, хотѣлъ, чтобы Елисавета помогла ему завоевать снова Ливонію. Между тѣмъ мысль жениться на иностранкѣ не оставляла царя, и онъ все развѣдывалъ: нѣтъ ли у англійской королевы какой-нибудь другой родственницы, съ которою онъ могъ бы вступить въ бракъ.

То было въ концѣ 1583 года. Царь мечталъ о женитьбѣ. Бѣдная женщина, носившая имя царицы и недавно родившая сына Димитрія, каждый часъ трепетала за свою судьбу, а между тѣмъ здоровье царя становилось все хуже и хуже. Развратная жизнь и свирѣпыя страсти разстроили его. Ему только было пятьдесятъ лѣтъ съ небольшимъ, а онъ казался дряхлымъ, глубокимъ старикомъ. Въ началѣ 1584 года, открылась у него страшная болѣзнь: какое-то гніеніе внутри; отъ него исходилъ отвратительный запахъ. Иноземные врачи расточали надъ нимъ все свое искусство; по монастырямъ раздавались обильныя милостыни, по церквамъ велѣно молиться за больного царя, и въ то же время суевѣрный Иванъ приглашалъ къ себѣ знахарей и знахарокъ. Ихъ привозили изъ далекаго сѣвера; какіе-то волхвы предрекли ему, какъ говорятъ, день смерти. Иванъ былъ въ ужасѣ. Въ эти, вѣроятно, дни, помышляя о судьбѣ царства и находя, что Ѳедоръ, по своему малоумію, неспособенъ царствовать, Иванъ придумывалъ разные способы устроить послѣ себя наслѣдство и составлялъ разныя завѣщанія. Тогда изъ близко стоявшихъ къ нему людей, кромѣ Бориса Годунова, были: князь Иванъ Мстиславскій, князь Петръ Шуйскій, Никита Романовъ, Богданъ Бѣльскій и дьякъ Щелкаловъ. Всѣ не любили Бориса Годунова, опасаясь, что онъ, какъ братъ жены Ѳедора, человѣкъ способный и хитрый, неизбѣжно овладѣетъ одинъ всѣмъ правленіемъ. Сначала Иванъ составилъ завѣщаніе, въ которомъ объявлялъ наслѣдникомъ Ѳедора, а около него устраивалъ совѣтъ; въ этомъ совѣтѣ занималъ мѣсто Борисъ Годуновъ. Потомъ Богданъ Бѣльскій, вкравшійся въ довѣренность царя, настроилъ его противъ Бориса Годунова, и царь (какъ впослѣдствіи открылось) составилъ другое завѣщаніе: оставляя престолъ полуумному Ѳедору, онъ назначалъ правителемъ государства эрцгерцога Эрнеста, того самаго, котораго прежде онъ такъ хотѣлъ посадить на польскій престолъ. Эрнестъ долженъ былъ получить въ удѣлъ: Тверь, Вологду и

Угличъ, а если Ѳедоръ умретъ бездѣтнымъ, то сдѣлаться наслѣдникомъ русскаго престола. Къ этому располагало его уваженіе, какое онъ питалъ въ знатности Габсбургскаго дома. Онъ считалъ членовъ его наслѣдниками священной Римской Имперіи, въ которой родился самъ Іисусъ Христосъ. Тайна этого завѣщанія не была имъ открыта Борису, но ее знали вышеупомянутые бояре. Дьякъ Щелкаловъ измѣнилъ своимъ товарищамъ и тайно сообщилъ объ этомъ Борису. Они вдвоемъ составили планъ уничтожить завѣщаніе, когда не станетъ Ивана [1]).

Иванъ то падалъ духомъ, молился, раздавалъ щедрыя милостыни, приказывалъ кормить нищихъ и плѣнныхъ, выпускалъ изъ темницъ заключенныхъ, то опять порывался къ прежней необузданности... Но болѣзнь брала свое, и онъ опять начиналъ каяться и молиться. Была половина марта. Иванъ съ трудомъ могъ ходить: его носили въ креслахъ. 15 марта онъ приказалъ нести себя въ палату, гдѣ лежали его сокровища. Тамъ перебиралъ онъ драгоцѣнные камни и опредѣлялъ таинственное достоинство каждаго, сообразно тогдашнимъ вѣрованіямъ, приписывая тому или другому разное вліяніе на нравственныя качества человѣка.

Ему казалось, что его околдовали, потомъ онъ воображалъ, что это колдовство было уже уничтожено другими средствами. Онъ то собирался умирать, то съ увѣренностью говорилъ, что будетъ живъ. Между тѣмъ тѣло его покрывалось волдырями и ранами. Вонь отъ него становилась невыносимѣе.

Наступило 17 марта [2]). Около третьяго часа царь отправился въ приготовленную ему баню, мылся съ большимъ удовольствіемъ; тамъ его тѣшили пѣснями. Послѣ бани царь чувствовалъ себя свѣжѣе. Его усадили на постели; сверхъ бѣлья на немъ былъ широкій халатъ. Онъ велѣлъ подать шахматы, самъ сталъ разставлять ихъ, никакъ не могъ поставить шахматнаго короля на свое мѣсто, и въ это время упалъ. Поднялся крикъ; кто бѣжалъ за водкой, кто за розовой водой, кто за врачами и духовенствомъ. Явились врачи съ своими снадобьями, начали растирать его; явился митрополитъ и наскоро совершилъ обрядъ постриженія, нарекая

---

[1]) Такъ сообщаетъ Лука Павлюсъ, бывшій въ Москвѣ при Борисѣ, знавшій хорошо русскій языкъ и положеніе русскихъ дѣлъ.

[2]) Англичанинъ Горсей говоритъ, что это былъ день, въ который, по предсказанію волхвовъ, его должна была постигнуть смерть. Чувствуя себя лучше, Иванъ послалъ Бѣльскаго объявить колдунамъ, предсказавшимъ ему смерть, что онъ зароетъ ихъ живьемъ, или сожжетъ за ложное предсказаніе. „Не гнѣвайся, бояринъ—отвѣчали волхвы—день только-что наступилъ, а кончится онъ солнечнымъ закатомъ“.

Іоанна Іоною. Но царь уже былъ бездыханенъ. Ударили въ колоколъ на исходъ души. Народъ заволновался, толпа бросилась въ Кремль. Борисъ приказалъ затворить ворота.

На третій день тѣло царя Ивана Васильевича было предано погребенію въ Архангельскомъ соборѣ, рядомъ съ могилою убитаго имъ сына.

Имя Грознаго осталось за нимъ въ исторіи и въ народной памяти.

XXI.

ЕРМАКЪ ТИМОѲЕЕВИЧЪ.

Въ старинной Руси мірскіе люди, по отношенію къ государству, дѣлились на служилыхъ и неслужилыхъ. Первые обязаны были государству службою воинскою или гражданскою (приказною); вторые—платежомъ налоговъ и отправленіемъ повинностей: обязанности этого рода назывались тягломъ; исполнявшіе ихъ „тянули“, были „тяглые“ люди. Но тягло опредѣлялось не ручною силою и, слѣдовательно, не числомъ душъ, а размѣромъ имущества, приносящаго доходъ, опредѣляемаго писцовыми книгами. Тяглые были посадскіе (горожане) и волостные или крестьяне; первые облагались по своимъ промысламъ, вторые по землямъ, которыми владѣли. Отвѣтственность передъ правительствомъ возлагалась не отдѣльно на хозяевъ, а на цѣлыя общины, которыя уже сами у себя дѣлали распредѣленія: сколько какой изъ членовъ общины долженъ былъ участвовать въ исполненіи обязательствъ цѣлой общины передъ правительствомъ. Внутреннее раздробленіе всего, дающаго доходъ, имущества цѣлой общины совершалось по вытямъ. Каждое тягло составляло часть общаго тягла и называлось вытью [1]); но тягло лежало собственно только на хозяевахъ, записанныхъ въ писцовыхъ книгахъ. Одни хозяева несли на себѣ обязательства къ міру. Въ семьяхъ были лица, не входившія въ тягло; они могли со временемъ быть записаны въ тягло и получать особыя выти; до тѣхъ же поръ они были не тяглые или гулящіе люди. Эти нетяглые люди имѣли право переселяться, наниматься, поступать въ холопы, закладываться,

---

[1]) Слово „выть“ употреблялось вообще въ смыслѣ части цѣлаго, принимаемой въ извѣстныхъ отношеніяхъ въ самостоятельномъ значеніи.

верстаться въ служилые люди и вообще располагать собою, какъ угодно. Въ грамотахъ о населеніи новыхъ жилыхъ мѣстностей обыкновенно дозволялось набирать такихъ гулящихъ людей. Въ XVI вѣкѣ изъ этихъ гулящихъ людей началъ образовываться классъ, принявшій названіе „казаковъ“. Въ половинѣ этого столѣтія мы видимъ появленіе казаковъ въ разныхъ краяхъ русскаго міра, противоположныхъ по мѣстоположенію и принадлежащихъ разнымъ государствамъ. Такимъ образомъ, мы видимъ казаковъ въ украинскихъ староствахъ Великаго Княжества Литовскаго на берегахъ Днѣпра, сначала въ званіи промышленниковъ, ходившихъ на пороги ловить рыбу, потомъ въ званіи военныхъ людей, составлявшихъ дружины Дашковича и Димитрія Вишневецкаго, потомъ—организованныхъ литовскимъ правительствомъ въ видѣ военнаго сословія подъ особой командою и въ то же время самовольно основавшихъ за днѣпровскими порогами вольное военное братство, подъ названіемъ Запорожской Сѣчи. То же явленіе мы встрѣчаемъ въ Восточной Руси. Казаки являются и на отдаленномъ сѣверѣ, и на югѣ. На сѣверѣ, въ странахъ, прилегавшихъ къ морю, жители начинаютъ дѣлиться на тяглыхъ, бобылей и казаковъ. Тяглые были хозяева, владѣвшіе вытями, приносившими доходъ, съ котораго они вносили въ казну налоги. Бобыли,—бѣдные люди, бывшіе не въ состояніи держать цѣлой выти и владѣвшіе только дворами, съ которыхъ вносили небольшой налогъ. Казаками же назывались люди совершенно бездомовные, не имѣвшіе постояннаго мѣста жительства и переходившіе по найму отъ одного хозяина къ другому, изъ одного села въ другое. На югѣ казаки имѣли другое значеніе; тутъ они были люди военные, подобно тѣмъ, которые появились въ днѣпровскихъ странахъ. Различіе это понятно. На сѣверѣ, гдѣ все было спокойно, гулящіе нетяглые люди могли заниматься мирными промыслами, шатаясь съ мѣста на мѣсто; на югѣ, гдѣ безпрестанно можно было ожидать татарскихъ набѣговъ, подобные гулящіе люди должны были ходить съ оружіемъ и пріучиться къ воинскому образу жизни. По разрушеніи Золотой Орды и по раздробленіи ея на множество кочевыхъ ордъ, привольныя степи Дона представляли приманку для русскихъ людей; удалыя головы, не только не боявшіяся опасностей, но находившія въ нихъ особую прелесть жизни, стали удаляться туда, селились и образовали воинское братство, подобное тому, которое явилось на Днѣпрѣ подъ именемъ Запорожской Сѣчи. Должно думать даже, что послѣдняя имѣла большое вліяніе на образованіе подобнаго же братства на Дону, какъ показываетъ одинаковость устройства

запорожскихъ и донскихъ казаковъ во многихъ чертахъ. Такъ мы видимъ и тамъ и здѣсь одни и тѣ же названія выборныхъ начальниковъ: атамановъ, есауловъ, одинакое управленіе, судъ, казну, строгое товарищество. У тѣхъ и другихъ ощутительно — стремленіе удержать свою корпоративность противъ государственной власти, но вмѣстѣ съ тѣмъ и готовность служить государству съ сохраненіемъ своей вольности. Московское правительство вскорѣ само завело казаковъ въ своихъ южныхъ городахъ, въ смыслѣ особаго военнаго сословія. Такимъ образомъ, образовалось два рода военныхъ казаковъ: одни, въ большей зависимости отъ правительства, стали населять южные города и уже перестали быть бездомовными, гулящими людьми, а получали земли, не платя за нихъ налоговъ, но обязываясь отбывать воинскую службу и поступая въ этомъ отношеніи въ разрядъ служилаго сословія. Съ казацкою службою, въ отличіе отъ службы другихъ разрядовъ служилыхъ людей, соединялось понятіе о легкости и удобоподвижности; особеннымъ занятіемъ казаковъ было держать караулы, провожать пословъ и гонцовъ, провѣдывать о непріятелѣ, нападать на него врасплохъ, переносить вѣсти изъ одного города въ другой, и исполнять разныя порученія, требующія скорости. Но кромѣ этихъ казаковъ, на дальнемъ югѣ продолжали умножаться казаки въ смыслѣ самостоятельнаго братства вольныхъ военныхъ людей, которые управлялись сами собою, считали себя независимыми, и если изъявляли готовность служить царю, то какъ-бы добровольно. Такіе казаки распространялись не только на Дону, но и на Волгѣ; оказывая иногда услуги правительству, они уже въ это время заявляли себя къ нему непріязненно: вопреки царскому запрещенію, вели войны съ сосѣдями, нападали на царскихъ посланцевъ, грабили царскіе товары и купцовъ и давали у себя пріютъ опальнымъ и бѣглымъ.

Самое раннее начало казачества для насъ теряется въ исторіи. Вѣроятно, однако, что это названіе возникло на югѣ при столкновеніи съ татарами. Слово „казакъ“ чисто татарское и означало сперва вольнаго бездомовнаго бродягу, а потомъ низшій родъ воиновъ, набранныхъ изъ такихъ бродягъ. На югѣ Руси, какъ литовской [1]), такъ и московской, прежде появленія рус-

---

[1]) Южная Русь или Малороссія, т.-е. Волынь, Подоль и Украина, только до 1569 года принадлежала Великому Княжеству Литовскому, а въ этомъ году, когда послѣдовало вѣчное федеративное соединеніе Литвы съ Польшею, южнорусскія земли были присоединены непосредственно къ Польскому королевству, къ которому уже прежде, со временъ Казимира Великаго, въ XIV вѣкѣ, присоединена часть Южной

скихъ казаковъ существовали казаки татарскіе, въ томъ же значеніи вольныхъ бродячихъ удальцовъ. Если въ глазахъ правительства казачество получало значеніе военнаго сословія, то въ глазахъ народа слово „казакъ" долго имѣло болѣе широкій смыслъ. Оно соединялось вообще со стремленіемъ уйти отъ тягла, отъ подчиненія власти, отъ государственнаго и общественнаго гнета, вообще отъ того строя жизни, который господствовалъ въ тогдашнемъ быту. Издавна въ характерѣ русскаго народа образовалось такое качество, что если русскій человѣкъ былъ недоволенъ средою, въ которой жилъ, то не собиралъ своихъ силъ для противодѣйствія, а бѣжалъ, искалъ себѣ новаго отечества. Это качество и было причиною громадной колонизаціи русскаго племени. Въ древнія времена, когда существовали отдѣльныя земли и княженія, русскіе переходили изъ одного въ другое, или заходили на новыя, ненаселенныя прежде мѣста; такъ населялся отдаленный сѣверъ и сѣверо-востокъ: Вятка, Пермь, Вологда и пр. Монастыри, какъ мы уже говорили, были однимъ изъ важныхъ двигателей такой колонизаціи. Русскій человѣкъ искалъ воли и льготъ, сообразно своей пословицѣ: „рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человѣкъ, гдѣ лучше". При раздѣльности земель, переходъ изъ одной въ другую естественно удовлетворялъ многихъ: нужны были люди, и новымъ людямъ давались льготы. Но когда земли и княженія соединились подъ властью московскихъ государей и, вслѣдствіе этого, бытъ народа получалъ сравнительно болѣе однообразія, такіе переходы уже не могли представлять прежнихъ выгодъ; притомъ, образованіе двора, усиленіе государственныхъ нуждъ, внутренняя и внѣшняя безопасность и частыя войны повлекли за собою несравненно больше поборовъ и повинностей, а потому неизбѣжно было большее отягощеніе народа. Между тѣмъ желаніе „отбыть" всякихъ тягостей, искать льготныхъ мѣстъ не только не исчезло, но еще усилилось съ увеличеніемъ государственныхъ тягостей. Гулящіе люди, не поступившіе въ тягло, искали заранѣе возможности избавиться отъ него на будущее время, за ними—и записанные въ тягло покидали свои выти или жребіи и также разбѣгались. Въ писцовыхъ книгахъ то-и-дѣло, что встрѣчаются пустые дворы въ посадахъ и селахъ. Отъ этихъ побѣговъ оставашимся на мѣстѣ дѣлалось еще тяжелѣе, такъ какъ оставшіеся должны были нести повинности и за бѣжавшихъ. Побѣги были самымъ обычнымъ, самымъ укоренившимися явленіемъ жизни старин-

---

Руси (населенной малорусскимъ племенемъ), именно Червоная Русь подъ названіемъ воеводства Русскаго.

ной Руси. Въ жалобахъ правительству на отягощенія, жители постоянно угрожали разбѣжаться „врознь". Одни перебѣгали внутри государства съ мѣста на мѣсто: изъ тяглыхъ черныхъ волостей въ монастырскія или боярскія вотчины и помѣстья, закладывались частнымъ лицамъ, поступали въ „холопи"; ихъ нерѣдко ловили и водворяли на прежнія мѣста жительства. Служилые люди такимъ же образомъ убѣгали отъ службы; всегда, какъ только собирали въ походъ дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ, непремѣнно слѣдовало распоряженіе ловить нѣтчиковъ, т.-е. неявлявшихся на службу. Болѣе смѣлые и удалые стремились вырваться совсѣмъ изъ прежней общественной среды и убѣжать туда, гдѣ имъ приходилось или пользоваться бо́льшими льготами, какъ напримѣръ въ казаки „украинныхъ" (южныхъ) московскихъ городовъ, или туда, гдѣ уже не было для нихъ никакихъ государственныхъ повинностей: такимъ притономъ были степи. Тамъ образовалось вольное казачество. Но казакъ, по народному понятію, былъ не только тотъ, кто шелъ на Донъ или въ Сѣчь и поступалъ въ военное братство, для всѣхъ открытое: всякій удалецъ, который искалъ воли, не хотѣлъ подчиняться власти и тягостямъ, всякій шатавшійся бѣглецъ былъ въ народномъ смыслѣ казакъ. Отъ этого собирались разбойничьи шайки и называли себя казаками, а предводителей своихъ атаманами, да и само правительство называло ихъ казаками, только „воровскими". Въ глазахъ народа не было строгой черты между тѣми и другими. Казачество стало характеристическимъ явленіемъ народной русской жизни того времени. Это было народное противодѣйствіе тому государственному строю, который удовлетворялъ далеко не всѣмъ народнымъ чувствамъ, идеаламъ и потребностямъ. Народъ русскій, выбиваясь изъ государственныхъ рамокъ, искалъ въ казачествѣ новаго, иного общественнаго строя. Появленіе казачества порождало раздвоеніе въ русской общественной жизни. Одна часть стояла за государство и вмѣстѣ съ нимъ за земство, хотя и подавляемое государствомъ. Другая—становилась враждебно къ государству и стремилась положить своеобразные зачатки иного земства. Идеалъ казачества была полная личная свобода, нестѣсняемое землевладѣніе, выборное управленіе и самосудъ, полное равенство членовъ общины, пренебреженіе ко всякимъ преимуществамъ происхожденія и взаимная защита противъ внѣшнихъ враговъ Этотъ идеалъ ясно выказывается въ исторіи малорусскаго казачества въ ту эпоху, когда оно уже успѣло разлиться на цѣлый народъ. Въ московской Руси черты такого идеала выразились слабѣе, но здѣсь и тамъ, пока этотъ идеалъ могъ быть достигнутъ, казачество не иначе должно было проявиться, какъ

въ формѣ военной, наѣзднической и даже разбойнической. Съ одной стороны сосѣдство татаръ вызывало необходимость безпрестанно вести войны: защищаясь противъ враговъ, казаки неизбѣжно стали и нападать на нихъ. Удачныя нападенія давали имъ добычу, а пріобрѣтеніе добычи увлекало ихъ къ тому, чтобы, вмѣсто мирныхъ земледѣльческихъ и промышленныхъ занятій, жить и обогащаться войною; къ этому присоединялись и религіозныя воззрѣнія: такъ какъ враги ихъ были не христіане, то нападенія на нихъ и грабежи считались не только нравственно позволительнымъ, но и богоугоднымъ дѣломъ. Съ другой стороны, такъ какъ казачество составлялось изъ людей, недовольныхъ государственнымъ строемъ, то отсюда вытекала вражда и къ государственному управленію и ко всему обществу, признававшему это управленіе. Въ казаки шли люди бездомовные, бѣдные, „меньшіе", какъ говорилось тогда, и вносили съ собою непріязнь къ людямъ богатымъ, знатнымъ и большимъ. Отсюда-то происходило, что казаки или шайки, называвшія себя казаками, съ спокойною совѣстью нападали на караваны и грабили царскихъ пословъ и богатыхъ московскихъ гостей. Но казаки, несмотря на все это, были русскіе люди, связанные вѣрою и народностью съ тѣмъ обществомъ, изъ котораго вырывались; государству всегда оставалась возможность съ ними сойтись, и если не съ-разу подчинить ихъ, то до извѣстной степени войти съ ними въ сдѣлку, дать уступки и, по возможности, обратить ихъ силы въ свою пользу. Недовольные государственнымъ строемъ, казаки были все-таки не болѣе какъ бѣглецы, а не какая-нибудь партія, стремившаяся сдѣлать измѣненія или переворотъ въ обществѣ. Убѣжавши съ прежнихъ мѣстъ жительства на новыя, казаки могли быть довольны, если въ этомъ новомъ жительствѣ имъ не мѣшали и оставляли съ пріобрѣтенными льготами; до остальной Руси имъ уже было мало дѣла, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока какія-нибудь новыя потрясенія не поворачивали ихъ дѣятельности къ прежнему ихъ отечеству. Отъ этого, какъ только царская власть обращалась съ ними дружелюбно, они готовы были служить ей, но только остерегаясь, чтобы у нихъ не отняли ихъ льготъ.

Шайки, составленныя изъ донскихъ казаковъ и разныхъ русскихъ бѣглецовъ, нашли себѣ пріютъ на Волгѣ, нападали на пословъ, на купцовъ, не щадили царскихъ судовъ, брали казну и товары. Разбои эти возрастали съ каждымъ годомъ. Правительство посылало противъ нихъ отряды, приказывало хватать и вѣшать, но не легко было съ ними расправиться, потому что,

заслышавъ приближеніе царскихъ силъ, они скрывались въ ущельяхъ и пустыняхъ. Въ 1579 году, они напали, подъ предводительствомъ атамановъ Кольцо, Барбоши и другихъ, на нагайскій городъ Сарайчикъ и разорили его до основанія. По жалобѣ нагаевъ, царь осудилъ Кольцо съ товарищами на смерть, но поймать главныхъ предводителей не могли и казнили только нѣсколькихъ попавшихся. Вслѣдъ затѣмъ толпа казаковъ—и съ нею осужденный на смерть Кольцо—явилась въ пермской странѣ.

Въ половинѣ XVI вѣка на сѣверо-востокѣ нынѣшней Россіи ярко обозначается широкая дѣятельность фамиліи Строгоновыхъ. Отечество этого рода была въ старину Ростовская земля. Уже около половины XV вѣка Строгоновы являются людьми очень богатыми: они содѣйствовали своими средствами выкупу Василія Темнаго. Въ XVI вѣкѣ Аникій Строгоновъ водворился въ Сольвычегодскѣ, завелъ тамъ соляныя варницы, велъ большой торгъ мѣхами съ инородцами, привлекалъ къ себѣ русскихъ переселенцевъ и нажилъ громадное состояніе. Онъ оставилъ двухъ сыновей: Якова и Григорія. Въ 1558 году, по ходатайству Григорія Строгонова, царь подарилъ ему, ниже Перми въ 88 верстахъ, по обѣ стороны Камы до Чусовой, пустое пространство на 146 верстъ, съ правомъ населять его пришлыми людьми, но только не тяглыми и не письменными (т.-е. значившимися по какимъ-нибудь спискамъ), не ворами и не разбойниками, со льготою для новыхъ поселенцевъ отъ государственныхъ налоговъ и повинностей на двадцать лѣтъ; дозволялъ ему также построить городъ, снарядить его пушками и пищалями, прибрать военныхъ людей и открыть въ немъ для пріѣзжающихъ купцовъ безпошлинный торгъ. Для вооруженія своего города Строгоновы имѣли право варить селитру. Въ тотъ вѣкъ, когда въ народѣ сильно господствовало стремленіе переселяться съ цѣлью найти болѣе льготную жизнь, земли Строгоновыхъ быстро населялись. Въ 1564 году, кромѣ прежде построеннаго города Канкара, Строгоновы, съ царскаго дозволенія, построили другой городъ Кергеданъ. Въ 1568 году, царская жалованная грамота прибавила къ владѣніямъ Строгоновыхъ берега рѣки Чусовой на 20 верстъ протяженія. Новыя поселенія Строгоновыхъ не оставались въ покоѣ; на нихъ начали нападать разные инородцы: остяки, вогуличи, черемисы, нагаи, и въ 1572 году царь дозволилъ Строгоновымъ набирать себѣ охочихъ казаковъ и ходить войною противъ враждебныхъ инородцевъ. Вскорѣ Строгоновы вошли въ столкновеніе съ зауральскимъ краемъ. На берегахъ рѣкъ Тобола, Иртыша и Туры существовало татарское царство, носившее на-

званіе Сибири, съ главнымъ городомъ того же имени, иначе называемый Искеръ. Исторія этого царства представляетъ однообразныя черты, общія всѣмъ татарскимъ царствамъ: ханы свергали и убивали другъ друга; одинъ изъ нихъ, Едигеръ, послѣ завоеванія русскими Казани и Астрахани, добровольно поддавался Ивану Грозному съ цѣлью оградить себя отъ соперниковъ. Но Едигеръ былъ низверженъ и убитъ воинственнымъ киргизъ-кайсацкимъ ханомъ Кучумомъ. Это было около 1556 года. Кучумъ сдѣлался сибирскимъ царемъ, покорилъ своей власти остяковъ и частью вогуличей, и усиленно заботился о распространеніи мугамеданской вѣры въ своемъ государствѣ. Вопреки своему предшественнику, онъ не думалъ уже отдавать сибирской страны русскому государю, хотѣлъ, напротивъ, утвердить ея независимость и потому съ неудовольствіемъ услышалъ, что Строгоновы населяютъ и укрѣпляютъ города по близости къ его границѣ и держатъ въ повиновеніи русскому царю остяковъ, которыхъ сибирскій царь считалъ своими подданными. Въ 1573 году сынъ Кучума, царевичъ Махметкулъ, принуждалъ къ повиновенію русскихъ данниковъ, остяковъ, угрожалъ городкамъ Строгоновыхъ и возбуждалъ черемисовъ къ бунту. Это нападеніе вызвало со стороны русскаго царя въ 1574 году грамоту, по которой Строгоновымъ предоставлялось перейти за Уралъ, строить крѣпости па рѣкѣ Тоболѣ и населять тамошнюю страну русскими со льготою на двадцать лѣтъ. Послѣ этой грамоты, естественно возникла у Строгоновыхъ необходимость увеличить свои военныя силы. Казаки были самыми подручными людьми для такого предпріятія. Прошло нѣсколько лѣтъ: Яковъ и Григорій умерли, оставивши продолжать свое дѣло брату Семену и дѣтямъ: Максиму, сыну Якова, и Никитѣ, сыну Григорія.

Мы не знаемъ, дѣлали ли Строгоновы какія-нибудь покушенія на Зауральскій край до 1581 года, но въ этотъ годъ на ихъ Чусовскій городокъ напали остяки, данники сибирскаго царя, и царь своею грамотою, по жалобѣ Строгоновыхъ, приказывалъ пермскому воеводѣ вооружать земскихъ людей и подать помощь Строгоновымъ. Затѣмъ мы узнаемъ, что въ слѣдующемъ 1582 году въ сентябрѣ Строгоновы посылали за Уралъ на вотяковъ и вогуличей, подвластныхъ сибирскому царю, волжскихъ атамановъ и казаковъ Ермака съ товарищами, а между тѣмъ пелымскій князь, данникъ сибирскаго царя, дѣлалъ нападеніе на Чердынь. Когда царь узналъ объ этомъ, то изъявилъ свой гнѣвъ Строгоновымъ, приказалъ Ермака отослать въ Пермь, гдѣ прежде велѣно было ему находиться на службѣ, и отнюдь не затѣвать

ссоръ съ сибирскимъ „салтаномъ". Но грамота эта пришла поздно, тогда уже, когда казаки совершили наполовину свой подвигъ.

Вмѣстѣ съ Ермакомъ былъ тогда опальный, осужденный на смерть, Иванъ Кольцо, и казацкіе атаманы Никита Панъ и Василій Мещерякъ. Неизвѣстно, были ли послѣдніе изъ разбойниковъ. Что касается до Ермака Тимоѳеевича, то нѣтъ основанія предполагать, чтобы онъ принадлежалъ къ разряду волжскихъ удальцовъ, навлекшихъ на себя опалу своими разбоями. Напротивъ, оказывается, что, въ качествѣ казацкаго атамана, онъ находился въ царской службѣ и въ концѣ іюня 1581 г., вмѣстѣ съ русскими силами, былъ подъ Могилевомъ на Днѣпрѣ. Вслѣдъ затѣмъ, въ 1582 году онъ находился въ Перми на царской службѣ, и это доказывается царскою грамотою Строгонову, въ которой, дѣлая выговоръ послѣднему за посылку казаковъ за Уралъ, царь приказывалъ возвратить Ермака въ Пермь на мѣсто его службы [1]).

Какъ бы то ни было, только 1 сентября 1582 г., казаки, снаряженные Строгоновыми, поплыли по Чусовой вверхъ. О числѣ ихъ разногласятъ источники. Съ казаками было нѣсколько пушекъ. Они взяли съ собой „вожей" (вожатыхъ) и толмачей. Въ тѣ времена рѣки были обычнымъ и очень часто единственнымъ путемъ. Гдѣ плаваніе предстояло по глубокой водѣ, тамъ употребляли струги и челны, на мелководьи плавали на плотахъ; по мѣрѣ надобности, на волокахъ — то-есть на пунктахъ сближенія рѣки одной системы съ рѣкою другой—бросали суда или плоты и переволакивались, то-есть переѣзжали къ рѣкѣ другой системы, а иногда переходили пѣшкомъ и переносили съ собою свою поклажу, чтобы снова на другой рѣкѣ доставать суда и плыть. Въ краѣ, болѣе или менѣе заселенномъ, на волокахъ были и судопромышленники и извозчики, готовые къ услугамъ для проѣзжающихъ, но въ такомъ дикомъ краѣ, куда отправился Ермакъ со своими товарищами, казакамъ, вѣроятно, самимъ приходилось дѣлать себѣ суда. Казаки, плывя вверхъ по быстрой и каменистой Чусовой, повернули въ р. Серебряную, потомъ волокомъ перевезлись въ рѣку Жаравлю, впадающую въ Тагилъ; проплывши Тагиломъ, казаки поплыли внизъ по Турѣ; на мѣстѣ нынѣшняго Туринска встрѣтили они городокъ, гдѣ властвовалъ князекъ Епанча, данникъ Кучума. Этотъ Епанча и

---

[1]) По одной лѣтописи у Ермака было 840 человѣкъ, по другой 540, по третьей 5,000—6,000 чел.

его люди никогда не слыхали огнестрѣльнаго оружія; какъ только казаки дали залпъ, они тотчасъ бѣжали. Казаки разорили городокъ Епанчи. При соединеніи рѣкъ Туры и Тауды, казаки выстрѣлами разогнали другую толпу сибиряковъ и взяли въ плѣнъ предводителя ихъ, Кучумова мурзу, Тавзака.

Бѣглецы принесли вѣсть Кучуму о нашествіи русскихъ людей. „Пришли,—говорили они, какъ пишутъ русскія лѣтописи,—воины съ такими луками, что огонь изъ нихъ пышетъ, а какъ толкнетъ, словно громъ съ небеси. Стрѣлъ не видно,—а ранитъ и на смерть бьетъ, и никакими сбруями нельзя защититься! И панцыри, и кольчуги наши на-вылетъ пробиваютъ".

Казаки плыли внизъ по Тоболу, вездѣ устрашали и разгоняли толпы туземцевъ выстрѣлами. Кучумъ собралъ свое войско: и татаръ, и подвластныхъ остяковъ. Онъ сталъ на берегу Иртыша, недалеко отъ устья Тобола, близъ нынѣшняго Тобольска, на горѣ, называемой Чувашево, а впередъ выслалъ царевича Махметкула: одни называютъ его сыномъ, другіе племянникомъ Кучума. Махметкулъ устроилъ засѣку и дожидался казаковъ. Казаки увидали противъ себя такое множество враговъ, что приходилось тридцать сибиряковъ на одного казака. Тогда собрался казачій кругъ и разсуждали, что̀ имъ дѣлать. Нѣкоторые стали совѣтовать уклониться отъ боя; другіе же, и самъ Ермакъ, говорили: „Куда намъ бѣжать? Уже осень; рѣки начинаютъ замерзать. Не положимъ на себя худой славы. Вспомнимъ обѣщаніе, что мы дали честнымъ людямъ (Строгоновымъ) передъ Богомъ. Если мы воротимся, то срамъ намъ будетъ и преступленіе слова своего; а если Всемогущій Богъ намъ поможетъ, то не оскудѣетъ память наша въ этихъ странахъ и слава наша вѣчна будетъ". Всѣ единогласно рѣшили пострадать за православную вѣру и послужить государю до смерти. 23 октября произошла битва. Стрѣлы ничего не могли сдѣлать противъ ружей и пушекъ, хотя сибиряки дрались такъ отчаянно, что казаки потеряли сто семь человѣкъ, которыхъ до сихъ поръ поминаютъ въ синодикахъ тобольскаго собора. Татары бѣжали. За ними и самъ Кучумъ,—который, по сказанію татарскихъ историковъ, тогда уже былъ слѣпъ,—скрылся въ ишимскихъ степяхъ, едва успѣвши захватить часть своей казны. 26 октября Ермакъ съ казаками вступилъ въ столицу сибирскаго царства Искеръ, или Сибирь, и захватилъ тамъ достаточный запасъ мѣховъ, азіатскихъ тканей и разныхъ драгоцѣнностей. Въ городѣ не осталось ни одного сибиряка: быстрый успѣхъ русскихъ навелъ всеобщій страхъ на подданныхъ Кучума. Татары, остяки и вогуличи со

своими князьками приходили бить челомъ побѣдителю, приносили дары и привозили запасы. Ермакъ приводилъ ихъ къ шерти на имя государя, обращался съ ними ласково, отпускалъ въ ихъ юрты и строго запретилъ своимъ казакамъ дѣлать малѣйшее насиліе туземцамъ.

Наступившая зима не дозволила Ермаку продолжать завоеваніе Сибири. Онъ оставался въ Искерѣ. О Кучумѣ не было никакого слуха. Казаки спокойно ѣздили по окрестностямъ ловить рыбу; Махметкулъ напалъ-было на нихъ и умертвилъ двадцать человѣкъ, но самъ былъ разбитъ Ермакомъ. Съ наступленіемъ весны Махметкулъ подбирался къ Искеру, но Ермакъ узналъ объ этомъ заранѣе, выслалъ 60 человѣкъ, которые напали на сонныхъ татаръ, схватили Махметкула и привезли къ своему предводителю. Ермакъ обошелся съ нимъ очень ласково. Неизвѣстно, зимою ли, или еще весною, отправилъ онъ своего товарища, опальнаго Ивана Кольцо, къ царю — извѣстить, что Богъ покорилъ ему, государю, Сибирскую землю, и просить присылки воеводъ и ратныхъ людей въ Сибирскую землю. Между тѣмъ, самъ Ермакъ съ наступленіемъ зимы, продолжалъ подчинять разныхъ данниковъ Кучума, и между прочимъ взялъ остяцкій городъ Назымъ, подъ которымъ потерялъ одного изъ атамановъ, Никиту Пана.

Иванъ Грозный принялъ Кольцо милостиво, объявилъ ему прощеніе въ прежнихъ его преступленіяхъ и отправилъ съ нимъ въ Сибирь воеводу князя Семена Болховского и Ивана Глухова, съ значительнымъ отрядомъ ратныхъ людей. Говорятъ, что царь въ то же время послалъ Ермаку въ подарокъ два панцыря, серебряный ковшъ, камки и шубу съ своего плеча.

Ермакъ передалъ прибывшему въ Сибирь царскому воеводѣ плѣннаго Махметкула, который былъ немедленно отправленъ въ Москву, гдѣ обязался служить царю. Съ этихъ поръ счастье начало измѣнять завоевателямъ Сибири. Сдѣлался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ; распространились болѣзни; воевода Болховской умеръ. Съ наступленіемъ весны 1584 года татары, остяки и вогуличи подвезли русскимъ запасы; нужда миновалась, но казаковъ постигла новая бѣда. Одинъ изъ данниковъ Кучума, Карача-Мурза, притворился вѣрнымъ слугою русскаго царя и просилъ у Ермака помощи противъ нагайцевъ. Ермакъ послалъ къ нему Ивана Кольцо съ небольшою дружиною въ сорокъ человѣкъ. Татары перебили ихъ всѣхъ до послѣдняго. Другой атаманъ, Яковъ Михайловъ, отправился провѣдывать вѣстей о пропавшихъ товарищахъ и былъ самъ взятъ и убитъ.

Вслѣдъ затѣмъ Карача съ большою татарскою силою осадилъ Ермака и атамана Мещеряка въ самомъ Искерѣ, думалъ принудить ихъ къ сдачѣ голодомъ, но атаманъ Мещерякъ сдѣлалъ вылазку и разсѣялъ осаждающихъ. Ермакъ отправился по слѣдамъ Карачи вверхъ по Иртышу и счастливо покорилъ нѣсколько улусовъ. Въ августѣ [1]) провѣдалъ онъ, что въ Сибирь идетъ бухарскій караванъ съ товарами и самъ Кучумъ хочетъ перерѣзать ему путь и захватить товары. Ермакъ отправился со своею дружиною [2]) на устье рѣки Вагая, впадающаго въ Иртышъ, съ тѣмъ, чтобы дать каравану свободный путь по Иртышу. Цѣлый день ожидалъ онъ каравана, не видалъ его и, утомившись, расположился съ казаками на отдыхъ на берегу Иртыша. Ночь была дождливая и бурная. Всѣ казаки заснули глубокимъ сномъ. Татары напали на нихъ и начали рѣзать сонныхъ. Ермакъ, пробудившись, бросился къ своему стругу, но стругъ стоялъ далеко отъ берега. Ермаку нужно было проплыть до него нѣсколько шаговъ. Онъ бросился въ своей бронѣ въ воду и утонулъ. Татары двинулись на Искеръ. Атаманъ Мещерякъ, вмѣстѣ съ присланнымъ изъ Москвы товарищемъ князя Болховского, Иваномъ Глуховымъ, не въ состояніи были при маломъ числѣ воиновъ держаться противъ Кучума, покинули городъ Сибирь и поплыли на стругахъ внизъ по Иртышу, съ тѣмъ, чтобы войти въ Обь, а оттуда черезъ югорскія горы пробраться въ Печору. Такимъ образомъ, Сибирь была покинута и, казалось, всѣ плоды подвига Ермака погибли.

Но Ермакъ сдѣлалъ свое дѣло. По слѣдамъ его двинулась Русь въ неизмѣримыя страны сѣверной Азіи, покоряя страну за страною, подчиняя русскимъ царямъ одинъ татарскій народецъ за другимъ, оставляя повсюду слѣды своего поселенія. Еще въ Москвѣ не знали о гибели Ермака, какъ снова послали въ Сибирь воеводу Мансурова, который, услышавши, что̀ сдѣлалось съ казаками, отправился не вверхъ, а внизъ по Иртышу, при впаденіи Иртыша въ Обь основалъ большой Обскій городокъ и принудилъ окрестныхъ остяковъ платить ясакъ. Въ 1586 году воевода Сукинъ основалъ Тюмень па рѣкѣ Турѣ, а въ слѣдующемъ (1587) воевода Чулковъ заложилъ Тобольскъ близъ бывшаго города Сибири: послѣдній былъ съ тѣхъ поръ заброшенъ окончательно. Кучумъ, одолѣвши Ермака, не удержался на царствѣ, былъ изгнанъ Сейдякомъ, племянникомъ свергнутаго имъ

[1]) Вѣроятно, это было уже въ 1585 году.

[2]) По однимъ извѣстіямъ, съ нимъ было 50 чел., по другимъ 150, по третьимъ триста.

прежняго сибирскаго царя, а самъ Сейдякъ былъ схваченъ Чулковымъ и отправленъ въ Москву. Кучумъ нѣсколько лѣтъ еще боролся съ русскими. Въ 1598 году воевода Воейковъ разбилъ его на-голову и взялъ въ плѣнъ его семейство. Самъ Кучумъ убѣжалъ къ нагаямъ и былъ убитъ ими. Съ тѣхъ поръ русскіе воздвигали городъ за городомъ, подвигались все дальше въ глубь Сибири. Въ 1592 году, построенъ былъ Пелымъ, за нимъ Березовъ и Обдорскъ близъ Ледовитаго моря, а въ 1601—Туринскъ на рѣкѣ Турѣ. Но главнымъ образомъ движеніе русскихъ шло къ востоку, въ нынѣшнюю Томскую губернію. Такъ, въ 1594 году построена была Тара, въ 1596—Нарымъ, въ 1597—Кецкъ, а въ 1604—Томскъ на рѣкѣ Томи. Вмѣстѣ съ построеніемъ городовъ переходили въ Сибирь русскіе поселенцы. Правительство приказывало собирать охочихъ нетяглыхъ людей и раздавать имъ въ Сибири земли для пашни со льготами и набирать въ казаки. Уже при Годуновѣ Сибирь начинала дѣлаться мѣстомъ ссылки, но въ тѣ времена эта новая страна не только не пугала русскаго народа, а, напротивъ, привлекала его. Въ Сибирь уходили не одни гулящіе люди; бѣжали туда и тяглые, и служилые. Казаки составляли самую дѣятельную часть русскаго населенія въ этихъ странахъ, и въ ряды ихъ входили не одни природные русскіе, но также татары, плѣнные литовцы, нѣмцы. Это сословіе проникалось однимъ духомъ, увлекалось однимъ стремленіемъ отыскивать „новыя землицы“, подчинять новые народы и заставлять ихъ платить ясакъ. Ихъ удальство, предпріимчивость и необыкновенная устойчивость въ перенесеніи всевозможныхъ трудностей и лишеній представляется въ наше время почти невѣроятною: идти на лыжахъ сотни верстъ по снѣгамъ въ невѣдомую землю, зимовать гдѣ-нибудь въ пещерѣ, вырытой въ сугробѣ, питаясь только скуднымъ запасомъ сухарей, было для нихъ дѣломъ обычнымъ. Вслѣдъ за ними приходили земледѣльцы, пролагались новыя дороги, строились мосты, возникали села, церкви, водворялась русская жизнь. Инородцы всегда почти сперва не въ силахъ были противиться русскимъ, такъ какъ у послѣднихъ было незнакомое для нихъ огнестрѣльное оружіе, и обязывались платить ясакъ мѣхами; но потомъ, выходя изъ терпѣнія отъ разныхъ грабительствъ и притѣсненій со стороны русскихъ, обыкновенно измѣняли и нападали на русскихъ врасплохъ. Всѣ новопостроенные городки выдерживали съ ними безпрестанную упорную борьбу. Тѣмъ не менѣе, Сибирь сразу открыла для русскаго государства неизмѣримое богатство пушныхъ звѣрей. Лучшіе мѣха доставлялись царю и раздавались

въ огромномъ размѣрѣ въ качествѣ подарковъ, жалованья, по волѣ государя, замѣняя денежныя выдачи. Образовалась въ Москвѣ богатая, такъ-называемая, сибирская казна. За сборщиками ясака позволяли ѣздить по Сибири купцамъ для покупки мѣховъ. Торговля съ инородцами была мѣновая. Купцы платили за мѣха русскими произведеніями, такъ, напримѣръ: холстомъ, сукнами, разными издѣліями, представлявшими новизну для дикарей. Вслѣдъ затѣмъ русскіе познакомили ихъ съ водкой, которая самымъ губительнымъ образомъ дѣйствовала на инородцевъ. Возвращаясь назадъ изъ Сибири, купцы обязаны были платить пошлины лучшими мѣхами въ казну государеву. Вообще, русскіе люди съ такою жадностью бросались на мѣха, что скудость звѣрей скоро давала себя чувствовать въ тѣхъ мѣстахъ, съ которыми русскіе знакомились, и только постоянное движеніе казаковъ къ востоку открывало новыя богатства. Весь XVII вѣкъ мѣха были главнѣйшимъ матеріаломъ, доставляемымъ изъ Сибири, но съ половины этого столѣтія важную, хотя второстепенную роль начали играть моржевыя кости, такъ-называемый рыбій зубъ. Съ Петра Великаго Сибирь начала доставлять Россіи металлическія богатства, составляющія до сихъ поръ важнѣйшее достоинство края, котораго обладаніемъ Россія обязана Ермаку.

XXII.

КНЯЗЬ КОНСТАНТИНЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ ОСТРОЖСКІЙ.

Въ XIV вѣкѣ, когда въ Восточной Руси Москва полагала собою зародыши единаго русскаго государства, на западѣ совершались перевороты, склонявшіе другую половину Руси къ политическому и общественному отчужденію отъ русскаго міра. Въ первой четверти этого столѣтія литовскій князь Гедиминъ, сынъ Витенеса, человѣкъ необыкновенныхъ дарованій, покорилъ бѣлорусскіе и волынскіе города, съ ихъ землями, изгналъ изъ Луцка главнаго князя въ Волынской землѣ Льва, потомъ въ 1319—20 гг. на рѣкѣ Ирпени (Кіевской губерніи) разбилъ соединившихся противъ него князей дома св. Владимира, овладѣлъ Кіевомъ и Переяславлемъ съ ихъ землями. Послѣдствіемъ этихъ завоеваній было то, что княжескій домъ св. Владимира совершенно потерялъ свое значеніе на западѣ. Иные князья бѣжали, другіе были низведены на степень подчиненныхъ владѣтелей, а мѣсто ихъ въ смыслѣ удѣльныхъ князей замѣнили князья литовскаго происхожденія. Гедиминъ раздѣлилъ между своими дѣтьми и родственниками покоренныя имъ русскія владѣнія; на Волыни сдѣлался княземъ Любартъ, въ Новогродкѣ Коріатъ, въ Пинскѣ Наримунтъ; въ Кіевѣ поставленъ былъ подручникомъ Гедимина князь Монтвидъ и т. д. Эти литовскіе князья приняли православіе и русскую народность, а ближайшее потомство ихъ до такой степени обрусѣло, что въ немъ не оставалось никакихъ признаковъ прежняго происхожденія. Этотъ переворотъ въ сущности былъ только династическій; но разница между порядкомъ дѣлъ при князьяхъ дома св. Владимира и при князьяхъ Гедиминова дома состояла въ томъ, что князья литовскаго дома зависѣли отъ великаго князя, который находился въ Литвѣ, и съ

своими удѣлами состояли у него въ ленномъ подчиненіи. Полоцкая и Витебская земли уже прежде находились подъ властью князей литовскаго племени, вѣроятно достигшихъ княженія по выбору, а впослѣдствіи эти земли подчинились Гедимину и потомъ уже находились подъ властью князей его рода.

Вслѣдъ за покореніемъ русскихъ земель Гедиминомъ, въ Червоной Руси произошелъ иной переворотъ. По смерти главнаго князя этой земли, прямого потомка короля Данила, Юрія II, галицкіе и владимирскіе бояре призвали къ себѣ князя Болеслава Мазовецкаго, потомка Данила Галицкаго по женской линіи; но этотъ князь принялъ католичество, оказывалъ вслѣдствіе этого пренебреженіе къ православной вѣрѣ, окружилъ себя чужеземцами и дурно обращался съ русскими; его отравили, и въ 1340 году польскій король Казимиръ, въ качествѣ мстителя за Болеслава, овладѣлъ Львовомъ и всею Галицкою землею, а также и Волынью, но долженъ былъ послѣ того выдержать продолжительную борьбу съ русскими, отстаивавшими свою независимость. Главнымъ дѣятелемъ въ этой борьбѣ съ русской стороны явился князь Острожскій, по имени Данило, иначе Данко; онъ былъ потомокъ Романа, одного изъ сыновей Данила Галицкаго; его ненависть къ польскому владычеству была такъ велика, что Данило Острожскій наводилъ татаръ на Польшу. Съ нимъ за-одно былъ сынъ Гедимина Любартъ, крещеный подъ именемъ Ѳеодора. Послѣ долгаго кровопролитія, Казимиръ удержалъ только часть Волыни. Съ тѣхъ поръ земли, поступившія подъ власть Польши, остались за нею навсегда, и начали мало-по-малу принимать во внутреннемъ своемъ строѣ, жизни и языкѣ польское вліяніе.

Сынъ Гедимина, великій князь Ольгердъ, расширилъ русскія владѣнія, наслѣдованныя отъ отца; онъ присоединилъ къ своей державѣ Подольскую землю, выгнавши оттуда татаръ. Подвластная ему Русь раздѣлялась между князьями, которыхъ, однако, Ольгердъ, человѣкъ сильнаго характера, держалъ въ рукахъ. Въ Кіевѣ онъ посадилъ сына своего Владимира, который далъ начало новому роду кіевскихъ князей, господствовавшихъ тамъ болѣе столѣтія, и называемыхъ обыкновенно Олельковичами, отъ Олелька или Александра Владимировича, Ольгердова внука. Самъ Ольгердъ, два раза женатый на русскихъ княжнахъ, позволялъ своимъ сыновьямъ креститься въ русскую вѣру и, какъ говорятъ русскія лѣтописи, самъ крестился и умеръ схимникомъ. Такимъ образомъ, князья, замѣнившіе въ Руси родъ св. Владимира, сдѣлались такими же русскими по вѣрѣ и по усвоенной ими народности, какими были и князья предшествовавшаго имъ рода. Ли-

товская держава носила названіе Литвы, но, конечно, была чисто русская и не переставала бы на будущее время оставаться вполнѣ русскою, если бы сынъ и преемникъ Ольгерда на великокняжескомъ достоинствѣ Ягелло (иначе Ягайло) въ 1386 году не соединился бракомъ съ польскою королевою Ядвигою. Вслѣдствіе этого брака онъ принялъ католичество, сдѣлался ревностнымъ поборникомъ новопринятой вѣры и, потакая полякамъ, покровительствовалъ какъ распространенію католической вѣры въ русскихъ земляхъ, такъ и внѣдренію польской народности въ Руси. Въ это время былъ положенъ зародышъ явленію, которое впослѣдствіи на многіе вѣка составляло отличительную черту взаимныхъ отношеній Руси и Польши. Понятіе о вѣрѣ тѣсно сливалось съ понятіемъ о народности. Кто былъ католикомъ, тотъ былъ уже полякомъ; кто считалъ себя и назывался русскимъ, тотъ былъ православнымъ, и принадлежность къ православной вѣрѣ была самымъ наглядпымъ признакомъ принадлежности къ русскому народу. Ягелло былъ человѣкъ мягкаго сердца, слабой воли и ограниченнаго ума. Онъ предоставилъ Литву съ Русью управленію своего двоюроднаго брата Александра Витовта, который отличался честолюбивыми замыслами, но вмѣстѣ съ тѣмъ неумѣньемъ доводить ихъ до конца. Витовтъ постоянно колебался и впадалъ въ противорѣчія, помышлялъ о самостоятельности своего русско-литовскаго государства, но самъ принялъ католичество въ-разрѣзъ съ русскимъ народомъ, крѣпко стоявшимъ за православіе, уступалъ во всемъ полякамъ и мирволилъ ихъ притязаніямъ. Ягелло даровалъ литовскимъ и русскимъ землевладѣльцамъ тѣ свободныя независимыя права, снимавшія съ нихъ ленныя обязанности,—права, которыми пользовались поляки у себя въ отечествѣ. Но Ягелло распространилъ эти преимущества въ Литвѣ и Руси только на тѣхъ, которые примутъ римскую вѣру. Въ 1413 году состоялось первое соединеніе Литвы съ Польшею. Поляки и литовцы обязывались совѣтоваться одни съ другими при выборѣ властителей, не предпринимать войнъ однимъ безъ другихъ и съѣзжаться на съѣзды для общихъ совѣтовъ о своихъ взаимныхъ дѣлахъ. Заключивши такой договоръ, Витовтъ послѣ того безпрестанно дѣлалъ попытки къ его уничтоженію, мечталъ о русско-литовскомъ государствѣ, но не добился до него и все-таки остался въ исторіи однимъ изъ важнѣйшихъ подготовителей порабощенія Руси Польшею. Русскіе не терпѣли его, понимая, что государство, которое онъ хотѣлъ создать, не было бы русскимъ. Не такъ относился къ русской народности братъ Витовта, Свидригелло (иначе Свидригайло), сохранившій православную вѣру

и женатый на тверской княжнѣ Іуліаніи Борисовнѣ. Этотъ человѣкъ, какъ и Витовтъ, руководился собственно честолюбіемъ, но превосходилъ перваго умомъ и вѣрностью взгляда. Цѣль его была—сдѣлаться самостоятельнымъ государемъ русско-литовскимъ, независимымъ отъ польскаго короля, но онъ сообразилъ, что для этого нужно идти за-одно съ русскимъ народомъ. Въ продолженіе полустолѣтія Свидригелло боролся съ Польшею, находясь во главѣ русскаго народа, который былъ къ нему долгое время очень привязанъ. Борьба эта происходила еще при жизни Витовта; по смерти послѣдняго, Свидригелло сдѣлался великимъ княземъ литовскимъ, также въ качествѣ подручника Ягелла, какимъ былъ Витовтъ, но не сталъ двоить и колебаться подобно Витовту, а тотчасъ же началъ открыто дѣйствовать, какъ самостоятельный русскій государь, и покусился отнять у Польши тѣ русскія владѣнія, которыя были присоединены къ ней непосредственно. Поляки, въ соумышленіи съ литовскими панами, принявшими католичество, свергли Свидригелла и вмѣсто него великимъ княземъ литовскимъ былъ назначенъ братъ Витовта, католикъ Сигизмундъ, признавшій себя въ ленной зависимости отъ Польши. Но за Свидригелла была Русь. Упорная, кровопролитная борьба продолжалась нѣсколько лѣтъ не только противъ поляковъ, но и противъ литовцевъ, сторонниковъ Сигизмунда; наконецъ, самъ Свидригелло, уже вступившій въ старческій возрастъ, усталъ вести ее и притомъ какъ его поступки, такъ и обстоятельства лишили его опоры въ русскомъ народѣ. Свидригелло вооружилъ противъ себя литовцевъ и русскихъ жестокими казнями надъ своими недоброжелателями, иногда совершаемыми по одному подозрѣнію; такъ, между прочимъ, онъ, подозрѣвая въ сношеніяхъ съ Сигизмундомъ смоленскаго епископа Герасима, своего прежняго любимца, приказалъ сжечь его живьемъ. Во всей этой борьбѣ русскихъ съ поляками, неутомимо дѣйствовалъ за-одно съ Свидригелломъ одинъ изъ русскихъ князей, Ѳедоръ или Ѳедько Острожскій, но Свидригелло сталъ подозрѣвать и его въ измѣнѣ; этого товарища долгихъ лѣтъ борьбы и скитаній Свидригелло велѣлъ посадить въ тюрьму. Ѳедько, освобожденный поляками, помирился съ польскимъ королемъ. Свидригеллу остался одинъ Луцкъ. Новый польскій король, сынъ Ягелла, Владиславъ (называемый въ исторіи Варнскимъ, по случаю своей смерти въ бою съ турками подъ Варною, въ 1444 году) нанесъ покушеніямъ Свидригелла рѣшительный ударъ своими отношеніями къ русскому народу и къ русской вѣрѣ. До сихъ поръ поляки годъ отъ году захватывали силу на Руси путемъ насилія. Король Вла-

диславъ Ягелло строилъ костелы, надѣлялъ ихъ имѣніями, раздавалъ католикамъ земли и должности, заводилъ на Руси города и села, населялъ ихъ поляками и давалъ имъ привилегіи, какихъ не имѣли жители старыхъ русскихъ городовъ и селъ. Тогда явилось такъ-называемое Магдебургское право, состоявшее въ разныхъ льготахъ, вводившее извѣстный строй самоуправленія и вмѣстѣ съ нимъ нѣмецкое раздѣленіе городскихъ ремесленниковъ и торговцевъ на цехи, сообразно ихъ занятіямъ. Это право давалось только новымъ городамъ, населеннымъ католиками—поляками и нѣмцами. Послѣднихъ въ то время селилось много на Руси. Поселенцы новыхъ селъ освобождались отъ разныхъ платежей и повинностей, отъ которыхъ не было изъятія для старыхъ русскихъ селъ. Земяне (бывшіе бояре землевладѣльцы) уравнены были въ правахъ съ польскими шляхтичами и освобождались отъ разныхъ платежей, но только тогда, когда принимали католичество; въ такомъ случаѣ они служили въ войскѣ съ жалованьемъ, а оставаясь въ православіи, не получали его. Принимая католическую вѣру, русскіе, какъ и литовцы, теряли свою народность и почти передѣлывались въ поляковъ. Все населеніе Западной Руси раздѣлялось такимъ образомъ на привилегированныхъ и непривилегированныхъ, и послѣдними были православные жители русскихъ земель. Преемникъ Владислава Ягелла, Владиславъ II (1444 г.), сталъ дѣйствовать въ иномъ духѣ, чѣмъ его отецъ, хотя для одной и той же цѣли. Онъ распространилъ привилегіи и льготы, которыми пользовались русскіе земяне латинской вѣры, на всѣхъ русскихъ земянъ безъ изъятія. Это-то и было началомъ примиренія Руси съ Польшею и главнѣйшею причиною того, что замыслы Свидригелла не могли уже находить прежняго сочувствія, такъ какъ русскіе земяне, составлявшіе силу края, почувствовали для себя выгоды отъ сближенія съ Польшею, вмѣсто того, чтобы видѣть въ ней враждебное начало, какъ было до того времени. Въ 1443 году король Владиславъ II далъ грамоту, по которой во всѣхъ правахъ сравнялъ русскую церковь и русское духовенство съ римско-католическимъ. Такимъ образомъ и со стороны православнаго духовенства прекратились непріязненныя движенія. Сигизмундъ, бывшій великимъ княземъ литовскимъ, въ 1443 г. былъ убитъ князьями Черторижскими; но Свидригелло не могъ уже возвратить себѣ великаго княженія, оставался въ Луцкѣ бездѣйственно и умеръ въ глубокой старости (въ 1452 г.). Новымъ литовскимъ княземъ послѣ Сигизмунда былъ сынъ Ягелла, Казимиръ. Въ слѣдующемъ 1444 году, онъ былъ избранъ польскимъ королемъ, и во все продолженіе его долгаго царствованія

въ Литвѣ уже не было отдѣльнаго великаго князя. Казимиръ дѣйствовалъ во всемъ въ духѣ польской политики; хотя онъ не преслѣдовалъ открыто насильными путями православной вѣры, но способствовалъ распространенію католичества и вводилъ всѣ признаки польскаго устройства въ русскія земли. Земяне получили самыя широкія права: они дѣлались, такъ сказать, полными государями въ своихъ имѣніяхъ. Вмѣсто удѣльныхъ князей, подручныхъ великому князю, введены были, по образцу польскому, воеводы и каштеляны, назначаемые пожизненно. Такимъ образомъ, между прочимъ, и въ Кіевѣ, въ 1476 году, по смерти князя Михаила изъ рода Владимира Ольгердовича, начались воеводы. Должность эту получали знатныя лица. Князья, потомки Гедимина и св. Владимира, сдѣлались самостоятельными владѣтелями въ своихъ имѣніяхъ, наравнѣ съ польскими панами; они обладали огромными богатствами, и вся земля русская, особенно южная, находилась во владѣніи немногочисленныхъ родовъ, каковы были: Острожскіе, Заславскіе (составлявшіе другую вѣтвь одного дома съ Острожскими), Вишневецкіе и Збаражскіе—потомки Ольгерда, Черторижскіе, Сангушки, Воронецкіе, Рожинскіе, Четвертинскіе и другіе. Въ Руси начала господствовать аристократія. Остальной народъ болѣе и болѣе зависѣлъ отъ нея. Владѣльцы имѣли право суда надъ своими подданными и не допускали короля вмѣшиваться въ свое управленіе. Города, наполняемые въ значительной степени іудеями, одинъ за другимъ получали Магдебургское право, но, при силѣ аристократіи, не могли быть огражденными отъ произвола сильныхъ вельможъ. Польскіе порядки болѣе и болѣе приходились по нраву высшему классу, и это повлекло русскихъ земянъ къ большему сближенію съ Польшею. Послѣ Казимира нѣсколько времени Литва и Польша имѣли отдѣльныхъ владѣтелей въ лицѣ польскаго короля Яна Альбрехта и брата его, великаго князя литовскаго Александра. Но это продолжалось короткое время; скоро, по смерти Альбрехта, Польша и Литва опять соединились подъ властью Александра, избраннаго польскимъ королемъ, и съ тѣхъ поръ отдѣльныхъ великихъ князей въ Литвѣ уже не было. Въ это время состояніе низшаго класса народа, такъ-называемыхъ кметей или хлоповъ, дѣлалось тяжелѣе. Паны не стѣснялись болѣе древнимъ обычаемъ — не переводить хлоповъ съ одной земли на другую, и нерѣдко вовсе лишали ихъ земли; такимъ образомъ, низшій классъ, земледѣльцы, очутились собственно безземельными, а тѣмъ самымъ въ порабощеніи у владѣвшихъ землями. Поземельное владѣніе могло быть только достояніемъ людей шляхетскаго званія.

Въ XVI вѣкѣ Польшею и Литвою правили одинъ за другимъ короли: Сигизмундъ I и сынъ его Сигизмундъ-Августъ. Права шляхетства дошли до крайнихъ предѣловъ. Панскіе подданные были совершенно изъяты отъ покровительства короля. Положеніе не-шляхетнаго человѣка до такой степени было унижено, что, по литовскимъ законамъ, вошедшимъ въ сборникъ, называемый Литовскимъ Статутомъ, шляхтичъ, убившій чужого хлопа, или даже вольнаго человѣка, но не шляхтича, наказывался только платежемъ пени (головщина). Хотя одинаковое право предоставлялось всѣмъ людямъ шляхетскаго происхожденія, какъ богатымъ, такъ и бѣднымъ, однако, на дѣлѣ не могло удержаться это равенство, при несоразмѣрности достоянія землевладѣльцевъ: масса вольныхъ шляхтичей дѣлалась въ сущности подчиненною знатнымъ панамъ, которые обладали огромными пространствами земель и сотнями, даже тысячами поселеній. Въ это время Польша, какъ по географическому положенію, такъ и по условіямъ жизни, стоявшая ближе Руси къ Западной Европѣ, гдѣ наступила эпоха духовнаго возрожденія, по умственному образованію была гораздо выше Руси, и русское шляхетство естественно подчинялось ея цивилизующему вліянію. Тогда какъ у поляковъ существовала краковская академія, много училищъ, являлись замѣчательные по своему времени ученые и поэты, распространено было знакомство съ латинскою литературою, не прерывалось общеніе съ западнымъ просвѣщеніемъ, — въ польской и литовской Руси господствовалъ мракъ, не предпринималось почти никакихъ мѣръ къ образованію въ области своей народности. Южная и Западная Русь стояли въ этомъ отношеніи даже ниже Сѣверо-восточной, гдѣ, по крайней мѣрѣ, сохранялись древніе памятники словянской литературы и гдѣ время отъ времени появлялись, какъ мы видѣли, болѣе или менѣе замѣчательные плоды умственной работы. Въ польской и литовской Руси мы долгое время не видимъ ничего, кромѣ оффиціальныхъ бумагъ, писанныхъ на языкѣ, который свидѣтельствуетъ о постоянно увеличивавшемся вліяніи и господствѣ польскаго языка. Такимъ образомъ, въ XVI столѣтіи сложился особый русскій письменный языкъ, представляющій смѣсь древнесловяно-церковнаго съ народными мѣстными парѣчіями и польскимъ языкомъ. Польское вліяніе все болѣе и болѣе господствовало надъ этимъ языкомъ, и, наконецъ, довело его до того, что онъ сталъ почти польскимъ языкомъ, только съ удержаніемъ русской фонетики. Вліяніе польское отразилось и на простонародной рѣчи: польскія слова, выраженія и обороты стали входить въ простонародный языкъ малорусской и бѣлорусской вѣтвей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ начали проникать въ русское высшее общество польскіе нравы и воззрѣнія; такимъ образомъ, польско-литовская Русь принимала особую физіогномію, отличавшую ее отъ Сѣверо-восточной Руси уже не одними издревле существовавшими этнографическими отличіями, но сильною близостію къ Польшѣ, и въ будущемъ очевидно подготовлялось совершенное слитіе Западной и Южной Руси съ Польшею.

Потомки Ѳедора Острожскаго, такъ долго боровшагося за независимость Руси [1]), оставались вѣрны Польшѣ, какъ и вообще русскій высшій классъ, видѣвшій для себя въ соединеніи съ Польшею неисчерпаемую выгоду, былъ ей вѣренъ. Кромѣ безусловнаго права владѣть своими родовыми имѣніями, почти ничего не платя въ казну, русскіе паны, сообразно польскому обычаю, получали еще въ пожизненныя владѣнія государственныя имущества, называемыя староствами, съ обязанностью давать съ нихъ четвертую часть дохода на содержаніе войска и поддержку укрѣпленій. Все это естественно привязывало ихъ къ странѣ, откуда истекали для нихъ такія выгоды.

Правнукомъ Ѳедора Острожскаго, знаменитаго своею борьбою за Русь противъ Польши, былъ знаменитый Константинъ Ивановичъ, гетманъ литовскій, вѣрный слуга польскаго короля, бывшій въ плѣну у Ивана III и потомъ отмстившій за свой плѣнъ пораженіемъ, нанесеннымъ московскому войску подъ Оршею. Вражда къ православной Москвѣ и вѣрная служба королю-католику не мѣшали ему славиться православнымъ благочестіемъ [2]). Онъ щедро строилъ и украшалъ православныя церкви, вмѣстѣ съ тѣмъ заводилъ при церквахъ школы для дѣтей, и, такимъ образомъ, полагалъ начатокъ русскаго просвѣщенія.

Сынъ его Константинъ Константиновичъ былъ кіевскимъ воеводою и однимъ изъ знатнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ пановъ Польши и Литвы долѣе, чѣмъ въ продолженіе полустолѣтія, и притомъ въ самую славную и богатую событіями эпоху польской исторіи. Онъ не отличался ни воинскими подвигами, ни государственными дѣяніями; напротивъ, изъ современныхъ писемъ польскихъ королей мы узнаемъ о немъ, что онъ навлекалъ на

---

[1]) Русскіе высоко цѣнили память этого борца за свою народность; до сихъ поръ тѣло его почиваетъ въ кіевскихъ пещерахъ въ ряду кіевскихъ печерскихъ угодниковъ.

[2]) Онъ умеръ 70 лѣтъ отъ роду въ 1533 году. Тѣло его было погребено въ главной церкви Кіево-печерской Лавры, гдѣ до сихъ поръ сохранился въ нишѣ сѣверной стѣны его мраморный памятникъ съ статуею прекрасной работы, изображающею спящаго героя.

себя упреки въ нерадѣніи о защитѣ ввѣреннаго ему воеводства, оставлялъ кіевскій замокъ въ печальномъ положеніи, такъ что Кіевъ могъ безпрестанно подвергаться разоренію отъ татаръ; кромѣ того, онъ не платилъ податей, слѣдовавшихъ съ его старостъ. Въ молодости своей, какъ разсказываютъ, онъ заявлялъ себя въ домашней жизни не совсѣмъ благовиднымъ образомъ: такъ, между прочимъ, онъ помогъ князю Димитрію Сангушкѣ увезти насильно свою племянницу Острожскую. Нѣкоторыя черты его жизни показываютъ въ немъ суетнаго и тщеславнаго пана. Онъ обладалъ огромнымъ богатствомъ: кромѣ родовыхъ имѣній, заключавшихъ въ себѣ до восьмидесяти городовъ съ нѣсколькими тысячами селъ, у него во владѣніи находились пожалованныя ему огромныя четыре староства въ Южной Руси; доходы его простирались до милліона червонныхъ злотыхъ въ годъ. При такой обстановкѣ, Константинъ Константиновичъ платилъ большую сумму одному каштеляну только за то, что тотъ два раза въ годъ долженъ былъ стоять за его кресломъ во время обѣда; ради своеобразности, онъ держалъ при дворѣ своемъ обжору, который удивлялъ гостей тѣмъ, что съѣдалъ невѣроятное количество пищи за завтракомъ и обѣдомъ. Не столько личныя способности князя Константина Константиновича, сколько его блестящее положеніе давало ему важное значеніе и поставило его въ средоточіе возникавшей въ то время умственной дѣятельности въ Руси. Подобно вельможамъ своего времени, и онъ показалъ себя сторонникомъ Польши; на знаменитомъ сеймѣ 1569 года подписалъ присоединеніе Волыни и Кіевскаго воеводства къ Польскому королевству на вѣчныя времена, и своимъ примѣромъ много содѣйствовалъ успѣху этого дѣла. Будучи русскимъ и считая себя русскимъ, онъ, однако, подчинился вліянію польской образованности и употреблялъ польскій языкъ, какъ показываютъ его семейныя письма. Оставаясь въ вѣрѣ своихъ отцовъ, Острожскій, однако, склонялся къ іезуитамъ, пустилъ ихъ въ свои владѣнія, и особенно ласкалъ одного изъ нихъ, по имени Мотовила: это ясно видно изъ писемъ къ нему Курбскаго. Московскій изгнанникъ укорялъ Острожскаго за то, что Острожскій прислалъ къ нему сочиненіе Мотовила и дружился съ іезуитами. „О, государь мой превозлюбленный,—писалъ къ нему Курбскій,—зачѣмъ ты прислалъ ко мнѣ книгу, написанную непріятелемъ Христа, помощникомъ Антихриста и вѣрнымъ слугою его? Съ кѣмъ ты дружишься, съ кѣмъ сообщаешься, кого на помощь призываешь!... Прими отъ меня, слуги своего вѣрнаго, совѣтъ съ кротостью: перестань дружиться съ этими супостатами, прелукавыми и злыми.

Никто не можетъ быть другъ царя, если ведетъ дружбу съ его непріятелями и держитъ, какъ за пазухою, змѣя; трикратно молю тебя, перестань такъ поступать, будь подобенъ праотцамъ твоимъ по ревности благочестія". Такимъ образомъ, этотъ русскій панъ поддавался іезуитскимъ козням. Впослѣдствіи замѣтно, что Острожскій поддался вліянію и протестантства. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ внуку, сыну дочери своей, Радзивиллу, онъ писалъ наставленіе, чтобы тотъ не ходилъ въ костелъ, но совѣтовалъ ему ходить въ собраніе кальвинистовъ и называлъ ихъ послѣдователями истиннаго закона Христова. Увлеченіе протестантствомъ происходило у него, однако, оттого, что православный князь видѣлъ христіанскіе поступки протестантовъ. Острожскій съ уваженіемъ указывалъ на то, что у нихъ были школы и типографіи, что ихъ пасторы отличались благонравіемъ, и противопоставлялъ имъ упадокъ церковнаго благочинія въ русской церкви, невѣжество священниковъ, матеріальное своеволіе архипастырей, равнодушіе мірянъ къ дѣламъ вѣры. „Правила и уставы нашей церкви — говорилъ онъ — въ презрѣніи у иноземцевъ; наши единовѣрцы не только не могутъ постоять за Божью церковь, но даже смѣются надъ нею; нѣтъ учителей, нѣтъ проповѣдниковъ Божьяго слова, повсюду гладъ слышанія слова Божія, частое отступничество; приходится сказать съ Пророкомъ: кто дастъ воду главѣ моей и источникъ слезъ очамъ моимъ!"

Такимъ настроеніемъ знатнаго пана воспользовались нѣкоторые русскіе люди и побудили Острожскаго сдѣлаться до нѣкоторой степени двигателемъ умственно-религіознаго возрожденія въ польской Руси. Вѣроятно, убѣжденія и упреки Курбскаго много содѣйствовали такому настроенію. Острожскій уважалъ Курбскаго; Острожскій посылалъ ему на просмотръ разныя сочиненія и, между прочимъ, замѣчательную книгу іезуита Скарги: „О Единой Церкви", писанную нарочно съ цѣлью подготовки уніи. Курбскій возвратилъ Острожскому эту книгу съ такими же упреками, какъ и сочиненіе Мотовила; съ своей стороны Курбскій послалъ переведенную имъ съ латинскаго языка „Бесѣду Іоанна Златоуста о Вѣрѣ, Надеждѣ и Любви", и сердился на князя Острожскаго, когда послѣдній сообщилъ переводъ Курбскаго какому-то поляку, котораго Курбскій называлъ „неученымъ варваромъ, воображавшимъ себя мудрецомъ". Московскій изгнанникъ, видя въ своемъ новомъ отечествѣ усиливавшееся вліяніе іезуитовъ, старался всѣми силами противодѣйствовать имъ, какъ равно и господству польскаго языка. Когда Острожскій, которому понравилось писаніе Курбскаго, совѣтовалъ, для бо́льшаго рас-

пространенія, перевести его на польскій языкъ, то Курбскій отвергъ это предложеніе: „Если бы и не мало ученыхъ сошлось,—писалъ онъ,—то не въ силахъ они буквально переложить грамматическія тонкости словянскаго языка на ихъ „польскую барбарію". Не только съ рѣчью словянскою или греческою, и съ любимою ими латинскою они не сладятъ". Тогда между русскими панами вошло въ обычай, ради просвѣщенія, повѣрять воспитаніе дѣтей іезуитамъ. Курбскій съ похвалою отзывался вообще о желаніи учить дѣтей наукамъ, но не видѣлъ никакого проку отъ іезуитовъ. „Уже многіе изъ родителей (писалъ онъ княгинѣ Черторижской) родовъ княжескихъ, шляхетскихъ и честныхъ гражданъ отдали дѣтей своихъ учиться наукамъ, но іезуиты ничему ихъ не научили, а только, пользуясь ихъ молодостью, отвратили отъ правовѣрія". Судя по письмамъ Курбскаго къ разнымъ лицамъ, можно навѣрное полагать, что этотъ московскій бѣглецъ имѣлъ сильное вліяніе на дѣятельность князя Острожскаго въ области охраненія вѣры и возрожденія книжной образованности, такъ какъ онъ съ Острожскимъ находился постоянно въ близкихъ сношеніяхъ.

Зародыши умственнаго и религіознаго движенія въ польско-литовской Руси появились въ началѣ XVI вѣка. Полочанинъ Скорина перевелъ на русскій языкъ библію и напечаталъ ее въ чешской Прагѣ, за отсутствіемъ типографіи на Руси. Въ половинѣ XVI вѣка распространившееся въ Литвѣ протестантство способствовало литературному пробужденію русской рѣчи. Въ 1562 году въ Несвижѣ была типографія, и знаменитый въ свое время Симонъ Будный, человѣкъ большой учености, напечаталъ протестантскій катехизисъ на русскомъ языкѣ [1]). Немного позже, гетманъ литовскій Григорій Александровичъ Ходкѣвичъ основалъ въ своемъ имѣніи Заблудовѣ типографію; туда прибыли къ нему ушедшіе изъ Москвы типографщики Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Мстиславецъ: они напечатали тамъ, въ 1569 году, толковое евангеліе, большой фоліантъ. Это былъ трудъ знаменитаго Максима Грека, перепечатанный впослѣдствіи въ томъ же видѣ въ Москвѣ. Но типографія Ходкѣвича была, какъ видно, только временная панская прихоть. По смерти Григорія Ходкѣвича наслѣдники не поддержали заведенія. Типографщикъ Иванъ Ѳедоровъ перешелъ во Львовъ, а потомъ въ Острогъ, и здѣсь-то основана была типографія, положившая болѣе твердое основаніе

---

[1]) Впослѣдствіи этотъ Будный перешелъ въ аріанство, написалъ аріанскій катехизисъ и издалъ на польскомъ языкѣ переводъ библіи.

литературному и книгопечатному дѣлу въ Южной Руси. Въ 1580 году была напечатана, въ первый разъ, словянская Библія по приказанію Острожскаго. Въ предисловіи къ Библіи говорилось, отъ лица князя Константина Константиновича Острожскаго, что онъ побужденъ былъ къ этому дѣлу печальнымъ положеніемъ церкви, отовсюду попираемой врагами и терзаемой безъ милосердія нещадными волками, и никто не въ силахъ противустать имъ по недостатку духовнаго оружія—слова Божія. Во всѣхъ странахъ словянскаго рода и языка Острожскій не могъ найти ни одного правильнаго списка Ветхаго Завѣта и получилъ его наконецъ только изъ Москвы, черезъ посредство Михайла Гарабурды. Вмѣстѣ съ тѣмъ князь Острожскій списался съ Римомъ, съ островами греческаго архипелага (съ кандійскими), съ константинопольскимъ патріархомъ Іеремією, греческими, болгарскими и сербскими монастырями, съ цѣлью добыть оттуда списки св. писанія какъ эллинскіе, такъ и словянскіе, и желалъ руководствоваться совѣтомъ людей, свѣдущихъ въ писаніи. Изданная Острожскимъ первая печатная Библія составляетъ эпоху въ русской литературѣ и вообще въ исторіи русской образованности. За Библіею послѣдовалъ цѣлый рядъ изданій, какъ богослужебныхъ книгъ, такъ и разныхъ сочиненій религіознаго содержанія. Между ними важное мѣсто занимаетъ книга: „О единой истинной и православной вѣрѣ и святой апостольской церкви“, написанная священникомъ Василіемъ и напечатанная въ 1588 году; книга эта служила опроверженіемъ сочиненія Скарги, вышедшаго на польскомъ языкѣ почти подъ тѣмъ же названіемъ, и имѣла цѣлью защитить восточную церковь противъ упрековъ, дѣлаемыхъ сторонниками латинской церкви. Здѣсь разсматриваются вопросы, составлявшіе сущность различія церквей: объ исхожденіи св. Духа, о власти папы, объ опрѣснокахъ, о безбрачіи духовныхъ, о субботнемъ постѣ. Книга эта имѣла въ свое время важное значеніе, потому что знакомила съ сущностью тѣхъ вопросовъ, которые должны были сдѣлаться предметомъ живыхъ состязаній; православные читатели могли поучаться изъ этой книги: что и какъ возражать имъ слѣдуетъ противъ убѣжденій западнаго духовенства, которое тогда пустило въ ходъ свою пропаганду въ русскомъ народѣ. Въ острожской типографіи напечатано также нѣсколько книгъ религіознаго содержанія: „Листы патріарха Іереміи“ и „Діалогъ патріарха Геннадія“ (въ 1583), „Исповѣданіе о исхожденіи св. Духа“ (1588). Въ 1594 издана большимъ фоліантомъ книга Василія Великаго „о постничествѣ“, а въ 1596 „Маргаритъ“ Іоанна Златоустаго. Въ одно время съ

типографіей, въ 1580 году, Острожскій основалъ у себя въ Острогѣ главную школу и, кромѣ того, нѣсколько школъ въ своихъ владѣніяхъ. Ректоромъ главной острожской школы, родоначальницы высшихъ учебныхъ заведеній въ Русской землѣ, былъ ученый грекъ Кириллъ Лукарисъ, впослѣдствіи получившій санъ константинопольскаго патріарха. Кромѣ Острога, князь Острожскій завелъ типографію въ Дерманскомъ монастырѣ.

Въ то же время другимъ важнымъ двигателемъ пробужденія умственной жизни на Руси было заведеніе братствъ, товариществъ съ нравственно-религіозными цѣлями, куда входили безъ различія люди всякихъ сословій, но непремѣнно принадлежавшіе къ единой церкви. Такія братства стали возникать изъ подражанія западнымъ. Первое изъ этихъ братствъ въ польской Руси, получившее историческое значеніе, было львовское, основанное по благословенію антіохійскаго патріарха Іоакима, посѣщавшаго русскій край въ 1586 году. Главныя цѣли его были воспитаніе сиротъ, призрѣніе убогихъ, пособіе потерпѣвшимъ разныя несчастія, выкупъ плѣнныхъ, погребеніе и поминовеніе умершихъ, помощь во время общественныхъ бѣдствій,—вообще дѣла благотворенія. Члены имѣли свои опредѣленныя сходки и вносили каждый по шести грошей въ общую кружку. Тогда при братствѣ заведена была мѣщанами школа, типографія и больница. Въ школѣ преподавалась, кромѣ священнаго писанія, словянская грамматика вмѣстѣ съ греческою, и для этой цѣли составлена была и напечатана эллино-словянская грамматика, въ которой сравнительно излагались правила обоихъ языковъ. Частное обученіе было стѣснено: каждый могъ обучать только своихъ дѣтей и домашнихъ. По образцу львовскаго братства, заведено было въ Вильнѣ троицкое братство, а потомъ стали основываться братства и въ другихъ городахъ. Изъ нихъ львовскому было предоставлено старѣйшинство. Уже одно то, что люди всѣхъ сословій сходились между собою во имя отеческой вѣры, улучшенія нравственности и расширенія круга понятій, дѣйствовало на поднятіе народнаго духа. Патріархъ Іоакимъ, учреждая львовское братство, поручилъ ему надзоръ надъ исполненіемъ духовными ихъ обязанностей, равно какъ надъ благочестіемъ и добронравіемъ какъ духовенства, такъ и мірянъ; такимъ образомъ духовенство стало зависимымъ отъ общественнаго суда свѣтскихъ людей: это было совершенно противоположно воззрѣніямъ западнаго духовенства, которое всегда ревниво хлопотало о томъ, чтобы люди, не принадлежащіе къ духовному званію, повиновались слѣпо наставленіямъ духовныхъ и отнюдь не смѣли разсуждать

о дѣлахъ вѣры иначе, какъ подъ руководствомъ духовныхъ и не дерзали осуждать ихъ поступковъ. Но и русскимъ высшимъ духовнымъ сановникамъ пришлось не по сердцу основаніе братствъ. Львовскій владыка Гедеонъ тотчасъ вошелъ въ непріязненныя отношенія къ львовскому братству.

Строй православной церкви въ Руси, подвластной Польшѣ, былъ въ печальномъ положеніи. Высшіе духовные сановники, происходя изъ знатныхъ родовъ, вмѣсто того, чтобы, сообразно православнымъ обычаямъ, проходить лѣстницу монашескихъ чиновъ, получали свои мѣста прямо изъ свѣтскаго званія и притомъ не по испытанію, а по связямъ, благодаря покровительству сильныхъ или посредствомъ подкупа, расположивъ къ себѣ королевскихъ придворныхъ. Архіереи и архимандриты управляли церковными имѣніями со всѣми привилегіями суда и произвола свѣтскихъ пановъ своего времени, держали у себя вооруженные отряды, по обычаю свѣтскихъ владѣтелей, въ случаѣ ссоръ съ сосѣдями позволяли себѣ буйные наѣзды, и въ домашнемъ своемъ быту вели образъ жизни, совсѣмъ неподобающій ихъ сану. Были примѣры, что знатные паны испрашивали для себя у короля епископскія и настоятельскія мѣста, и, оставаясь непосвященными, пользовались церковнымъ хлѣбомъ, какъ тогда выражались. Одинъ современникъ замѣчаетъ: „правила св. отецъ не дозволяютъ посвящать въ священники моложе тридцати лѣтъ отъ роду, а у насъ допускаютъ иногда пятнадцатилѣтняго. Онъ по складамъ читать не умѣетъ, а его посылаютъ проповѣдывать слово Божіе; онъ своимъ домомъ не управлялъ, а ему церковный порядокъ поручаютъ“. У владыкъ, архимандритовъ, игуменовъ были братья, племянники, дѣти, которымъ раздавали въ управленіе церковныя имущества. Роскошная жизнь высшихъ сановниковъ повела къ утѣсненію подданныхъ въ церковныхъ имѣніяхъ. „Вы (обличалъ русскихъ архіереевъ аѳонскій монахъ) отнимаете у бѣдныхъ поселянъ воловъ и лошадей, выдираете у нихъ денежныя дани, мучите, томите работою, кровь изъ нихъ сосете“. Низшее духовенство находилось въ крайнемъ униженіи. Бѣдные монастыри обращаемы были въ хутора, владыки устраивали въ нихъ псарни для своей охоты и монахамъ приказывали содержать собакъ. Приходскіе священники терпѣли и отъ владыкъ, и отъ свѣтскихъ людей. Владыки обращались съ ними грубо, надменно, обременяли налогами въ свою пользу, наказывали тюремнымъ заключеніемъ и побоями. Свѣтскій владѣлецъ села назначалъ въ немъ такого священника, какого было ему угодно, и этотъ священникъ ничѣмъ не разнился отъ хлопа по

отношенію къ владѣльцу; господинъ посылалъ его съ подводою, гонялъ на свою работу, бралъ въ услуженіе его дѣтей. Русскій священникъ, — замѣчаетъ современникъ, — по своему воспитанію былъ совершенный мужикъ; не умѣлъ держать себя прилично; не о чемъ было поговорить съ нимъ. Званіе пресвитера дошло до такого презрѣнія, что честный человѣкъ стыдился вступать въ него и трудно было сказать: гдѣ чаще бывалъ священникъ, въ церкви или въ корчмѣ. Не рѣдко богослуженіе отправлялось имъ въ пьяномъ видѣ съ соблазнительными выходками, и обыкновенно священникъ, совершая богослуженіе, не понималъ вовсе того, что̀ читалъ, да и понимать не пытался. При такомъ состояніи духовенства понятно, что простой народъ жилъ своею древнею языческою жизнью, сохранялъ языческія воззрѣнія и вѣрованія, отправлялъ по прадѣдовскимъ обычаямъ языческія празднества и не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о сущности христіанства, а высшій классъ начиналъ стыдиться своей принадлежности къ православной религіи; католики всѣми силами поддерживали этотъ ложный стыдъ. Іезуитъ Скарга, любимецъ короля Сигизмунда III, глумился даже надъ богослужебнымъ языкомъ русской церкви въ такихъ выраженіяхъ: „Что̀ это за языкъ? На немъ нигдѣ не преподаютъ ни философіи, ни богословія, ни логики; на немъ даже грамматики и риторики быть не можетъ! Сами русскіе попы не въ силахъ объяснить, что̀ такое они въ церкви читаютъ, и бываютъ принуждены спрашивать у другихъ объясненій по-польски. Отъ этого языка—одно невѣжество и заблужденія“.

При тогдашнихъ условіяхъ, поднять падающую церковь и народное благочестіе только и можно было, образовавши средоточіе возрожденія не въ духовенствѣ, а внѣ его, въ мірскомъ быту. Братства и должны были сдѣлаться главнымъ орудіемъ этого возрожденія. Патріархъ Іеремія, проѣзжая чрезъ Южную Русь въ 1589 году, утвердилъ права львовскаго братства и даже расширилъ ихъ: освободилъ братство отъ зависимости мѣстнаго владыки и отъ всякой другой свѣтской и духовной власти, не дозволялъ въ Львовѣ быть иному православному училищу, кромѣ братскаго, оставилъ за нимъ надзоръ надъ судомъ епископскимъ и, по жалобѣ братства, наложилъ запрещеніе на львовскаго епископа Гедеона Балабана. Балабанъ обратился къ львовскому римско-католическому епископу и первый изъ тогдашнихъ русскихъ епископовъ заявилъ желаніе подчиниться папѣ.

Во время пребыванія своего въ Южной Руси, патріархъ Іеремія низложилъ кіевскаго митрополита Онисифора Дѣвочку, подъ

тѣмъ предлогомъ, что онъ былъ прежде двоеженецъ, и вмѣсто него посвятилъ Михаила Рагозу, уже, какъ видно, подстроеннаго іезуитами. Патріархъ ошибся въ этомъ человѣкѣ. Но еще болѣе ошибся онъ тѣмъ, что, не давши полной власти митрополиту, назначилъ экзархомъ своимъ (намѣстникомъ) луцкаго епископа Кирилла Терлецкаго, человѣка безнравственнаго и даже обвинявшагося въ самыхъ гнусныхъ злодѣяніяхъ, какъ, напр., въ грабежахъ, изнасилованіяхъ и убійствахъ.

Русское духовенство было сильно недовольно патріархомъ за то, что онъ далъ братствамъ такую власть и поставилъ духовныхъ подъ надзоръ мірянъ; кромѣ того, на него жаловались и за разные поборы съ русскаго духовенства: подчиняясь турецкой власти, патріархи и вообще греческіе святители находились въ такомъ положеніи, что нуждались въ подаяніи, собираемомъ въ православныхъ земляхъ. „Мы у нихъ такія овцы, — говорили русскіе духовные, — которыхъ они только доятъ и стригутъ, а не кормятъ“.

На другой годъ послѣ отъѣзда Іереміи, митрополитъ собралъ въ Брестѣ синодъ изъ православныхъ архіереевъ. Всѣ начали жаловаться на тягость зависимости отъ патріарха и роптали на братства, въ особенности на львовское, которое, по грамотѣ патріарха Іереміи 1593 года, находилось подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ патріарха. „Какъ!—говорили архіереи—какой-нибудь сходкѣ пекарей, торгашей, сѣдельниковъ, кожевниковъ, неучамъ, ничего несмыслящимъ въ богословскихъ дѣлахъ—даютъ право пересуживать судъ установленныхъ церковью властей и составлять приговоры о дѣлахъ, касающихся церкви Божіей!“ Всѣ пришли къ тому, что лучше всего подчиниться, вмѣсто константинопольскаго патріарха, римскому папѣ.

Въ 1593 году, на мѣсто скончавшагося владимирскаго епископа, былъ поставленъ Адамъ Потій, бывшій до того времени свѣтскимъ паномъ и носившій титулъ брестскаго каштеляна. Онъ былъ уже совращенъ изъ православія въ католичество, потомъ притворно обратился въ православіе съ намѣреніемъ посвятить себя дѣлу уніи. Онъ былъ человѣкъ безукоризненной нравственности, казался благочестивымъ и самъ завелъ братство въ Брестѣ. Острожскій уважалъ его, притомъ же Потій былъ въ свойствѣ съ Острожскимъ. Король, давши ему мѣсто епископа, имѣлъ въ виду именно то, что Потій можетъ уломать могучаго русскаго вельможу.

Потій вступилъ съ Острожскимъ въ переписку, и, не заводя самъ рѣчи объ уніи, повелъ дѣло такъ, что князь Константинъ

Острожскій первый заговорилъ о ней. Перебирая всякія средства къ исправленію церковнаго порядка, Острожскій остановился на соединеніи восточной церкви съ западною. Но Острожскій хотѣлъ совсѣмъ не такой уніи, о какой помышляла римская пропаганда. Острожскій признавалъ православную церковь вселенскою, а не національною; Острожскій считалъ правильнымъ соединеніе церквей только въ такомъ случаѣ, когда приступятъ къ нему и въ другихъ православныхъ странахъ, и потому предлагалъ владимирскому епископу отправиться въ Москву, а львовскаго — послать къ волохамъ для совѣщанія по вопросу о соединеніи церквей. Въ видахъ Острожскаго, цѣлью предлагаемаго соединенія было — основаніе школъ, образованіе проповѣдниковъ и вообще распространеніе религіознаго просвѣщенія. Острожскій не могъ утаить передъ Потіемъ своей давней наклонности къ протестантизму; Острожскій замѣчалъ, между прочимъ, что слѣдуетъ измѣнить многое въ церковныхъ обрядахъ, таинствахъ, въ церковномъ управленіи, отдѣлить, какъ онъ выражался, человѣческіе вымыслы. Потій отвѣчалъ на это Острожскому: „восточная церковь совершаетъ свои таинства и обряды правильно; ни осуждать, ни охуждать нечего; въ Москву же я не поѣду; съ такимъ порученіемъ тамъ подъ кнутъ попадешь. Лучше вы, какъ первый человѣкъ нашей вѣры, обратитесь къ своему королю“.

Не успѣвши склонить Острожскаго, владыки нѣсколько разъ съѣзжались толковать, и въ 1595 году составили предложеніе къ папѣ объ уніи и избрали по этому дѣлу послами въ Римъ Потія и луцкаго епископа Кирилла Терлецкаго. Потій извѣстилъ объ этомъ Острожскаго и напоминалъ, что Острожскій самъ же первый и поднялъ рѣчь объ уніи.

Острожскій разсердился, писалъ къ Потію, что владимирскій епископъ измѣнникъ и недостоинъ своего сана, а 24 іюня написалъ и разослалъ (вѣроятно печатное) посланіе ко всѣмъ православнымъ обывателямъ Польши и Литвы, восхвалялъ греческую вѣру, какъ единственную въ мірѣ истинную, извѣщалъ, что главнѣйшіе начальники истинной вѣры нашей, мнимые пастыри: митрополитъ и епископы, обратились въ волковъ, отступили отъ восточной церкви, „приложились къ западнымъ“ и умыслили отторгнуть отъ вѣры всѣхъ благочестивыхъ „здѣшней области“ и вринуть въ погибель. „Многіе — выражался Острожскій — изъ обывателей здѣшней области государства его величества моего короля, послушные святой восточной церкви, меня считаютъ начальнымъ человѣкомъ въ православіи, хотя я самъ считаю себя не бо́льшимъ, но равнымъ другимъ по правовѣрію; по этой-то

причинѣ, опасаясь, чтобы не оказаться виновнымъ передъ Богомъ и вами, я извѣщаю васъ о томъ, о чемъ навѣрное узналъ; желаю вмѣстѣ съ вами за-одно стоять противъ сопостатовъ, чтобы, съ Божіею помощію и при вашемъ стараніи, тѣ, которые приготовили на насъ сѣти, сами въ эти сѣти попались. Что можетъ быть постыднѣе и беззаконнѣе, если шесть или семь злодѣевъ отверглись своихъ пастырей, отъ которыхъ они поставлены, считаютъ насъ за безсловесныхъ скотовъ, дерзаютъ самовольно отрывать насъ отъ истины и вводить насъ въ пагубу съ собою?".

Острожскій просилъ короля открыть соборъ, на которомъ присутствовали бы не одни духовные, но и свѣтскіе. Король, заботясь объ успѣхѣ уніи, писалъ Острожскому убѣдительное письмо, склонялъ его пристать къ уніи и болѣе всего указывалъ на то, что греческая церковь находится подъ властью такого патріарха, который получаетъ свой санъ по волѣ невѣрныхъ мугамеданъ. Сообразно господствующему римско-католическому взгляду, что дѣла духовныя должны быть достояніемъ однихъ духовныхъ, Сигизмундъ не хотѣлъ допустить съѣзда свѣтскихъ особъ по дѣламъ вѣры, а этого не только хотѣлъ Острожскій, но и сами епископы, поддѣлываясь къ Острожскому, заявляли просьбу королю о томъ же. Король писалъ: „такой съѣздъ только будетъ затруднять дѣло; заботиться о нашемъ спасеніи есть обязанность нашихъ пастырей, а мы должны, не допрашиваясь, поступать такъ, какъ они велятъ, потому что Духъ Господень даровалъ намъ ихъ вождями въ жизни". Но такого рода убѣжденія только раздражили Острожскаго, такъ какъ все это оскорбляло, между прочимъ, его панское самолюбіе, внушавшее ему стремленіе быть первымъ между своими единовѣрцами.

Добиваясь отъ короля дозволенія на съѣздъ или соборъ свѣтскихъ людей по дѣламъ вѣры, Острожскій съ однимъ изъ своихъ придворныхъ отправилъ въ Торунь къ протестантскому собору приглашеніе къ совмѣстному противодѣйствію папизму. Православный князь писалъ въ такихъ выраженіяхъ: „Всѣ, признающіе Отца, Сына и Св. Духа, люди одной вѣры. Если бы у людей было болѣе терпимости другъ къ другу, если бы люди съ уваженіемъ смотрѣли, какъ ихъ собратія славятъ Бога, каждый по своей совѣсти, то меньше было бы сектъ и толковъ на свѣтѣ. Мы должны сойтись со всѣми, кто только отдаляется отъ латинской вѣры и сочувствуетъ нашей судьбѣ: всѣ христіанскія исповѣданія должны защищаться противъ „папежниковъ". Его королевское величество не захочетъ допустить нападенія на насъ, потому что у насъ самихъ можетъ явиться двадцать, по меньшей

мѣрѣ пятнадцать тысячъ вооруженныхъ людей а гг. папежники могутъ превзойти насъ развѣ числомъ тѣхъ кухарокъ, которыхъ ксендзы держатъ у себя вмѣсто женъ".

Королю сдѣлалось извѣстнымъ это посланіе и онъ приказалъ написать Острожскому выговоръ за неуважительные отзывы о той вѣрѣ, которую исповѣдуетъ король, а особенно за намекъ на кухарокъ.

Угрозы насчетъ возможности явиться тысячамъ вооруженныхъ людей имѣли важный смыслъ. Въ Польшѣ господствовалъ духъ своеволія. Законы дѣйствовали слабо, и вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ ихъ защитѣ, люди, чувствовавшіе за собою силу, сами расправлялись со своими соперниками. Знатные паны держали у себя вооруженные отряды изъ шляхты: наѣзды на имѣнія и дворы были обычнымъ дѣломъ. Паны самовольно вмѣшивались даже въ дѣла сосѣднихъ государствъ. Удальцы всякаго рода составляли шайки, такъ-называемыя „своевольныя купы", и производили разныя безчинства. Въ Южной Руси годъ отъ году усиливалось козачество, особенно развившееся послѣ удачныхъ походовъ на Крымъ и на Молдавію. Оно пополнялось русскими людьми изъ имѣній наслѣдственныхъ панскихъ и коронныхъ (отдаваемыхъ панамъ въ видѣ староствъ), и черезъ такой наплывъ бѣглецовъ, уходившихъ въ козаки въ противность волѣ пановъ, пріобрѣтало враждебное настроеніе къ панамъ и шляхетству вообще. Кромѣ козаковъ, признаваемыхъ въ этомъ званіи и состоявшихъ подъ начальствомъ старшого или гетмана, составлялись шайки изъ простонародія, называвшія себя козаками, подъ начальствомъ особыхъ предводителей; такія шайки, при удобномъ случаѣ, легко примыкали къ настоящимъ козакамъ и готовы были за-одно съ ними дѣйствовать въ ущербъ владѣльцамъ. Въ 1593 году козацкій гетманъ Криштофъ (Христофоръ) Косинскій поднялъ возстаніе. Козаки нападали на владѣльческіе дворы, разоряли ихъ, уничтожали шляхетскіе документы. Косинскій овладѣлъ украинскими, городами и самымъ Кіевомъ, благодаря нерадѣнію Острожскаго, бывшаго кіевскимъ воеводою: его, какъ мы сказали, давно уже, но безуспѣшно, упрекали короли въ томъ, что кіевскій замокъ остается въ небреженіи. Косинскій вторгся въ имѣнія Острожскаго и требовалъ отъ шляхты и отъ народа присяги себѣ: у Косинскаго явно выражалось намѣреніе отторгнуть Русь отъ Польши, разрушить въ ней аристократическій порядокъ и ввести козацкое устройство, при которомъ не было бы различія сословій, всѣ были бы равны и владѣли съ одинаковымъ правомъ землею. Опасность угрожала Польшѣ политическимъ и соціальнымъ пере-

воротомъ. Король взывалъ къ шляхтѣ южно-русскихъ воеводъ брацлавскаго, кіевскаго и волынскаго, чтобъ всѣ люди шляхетскаго званія ополчались противъ врага, который требуетъ себѣ присяги и попираетъ права короля и государства. Острожскій собралъ всю находившуюся въ его обширныхъ имѣніяхъ шляхту, поручилъ ее начальству сына своего Януша и двинулъ на мятежника. Косинскій потерпѣлъ неудачу, обязался отречься отъ начальства надъ козаками, а освободившись отъ бѣды, снова затѣвалъ возстаніе, но былъ убитъ подъ Черкасами. Преемникомъ ему въ достоинствѣ гетмана былъ избранъ Григорій Лобода. Тогда, кромѣ козаковъ, состоявшихъ подъ начальствомъ гетмана Лободы, явилось другое козацкое ополченіе, своевольное, подъ начальствомъ Северина Наливайка, котораго братъ Даміанъ былъ священникомъ въ Острогѣ. Наливайко питалъ закоренѣлую ненависть къ панству, вслѣдствіе того, что панъ Калиновскій въ мѣстечкѣ Гусятинѣ отнялъ у Наливайкова отца хуторъ и самого хозяина такъ отколотилъ, что тотъ умеръ отъ побоевъ. Наливайко задумалъ продолжать дѣло Косинскаго въ такое время, когда епископы собирались подчинить русскую церковь папѣ, и когда Острожскій въ своемъ посланіи убѣждалъ всѣхъ православныхъ обывателей королевства Польскаго противостать козням епископовъ. Наливайко началъ съ Волыни, и его возстаніе на этотъ разъ получило нѣсколько религіозный оттѣнокъ. Онъ нападалъ на имѣнія епископовъ и міранъ, благопріятствовавшихъ уніи, взялъ Луцкъ, гдѣ злоба козаковъ обратилась на сторонниковъ и слугъ епископа Терлецкаго, повернулъ въ Бѣлую Русь, овладѣлъ Слуцкомъ, гдѣ запасся оружіемъ, взялъ Могилевъ, который былъ тогда сожженъ самими жителями, захватилъ въ Пинскѣ ризницу Терлецкаго и досталъ важные пергаментные документы съ подписями духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, соглашавшихся на унію; Наливайко ограбилъ имѣнія брата епископа Терлецкаго, отмщая на немъ поѣздку епископа въ Римъ. Нѣкоторые православные паны мирволили Наливайку изъ ненависти къ возникавшей уніи. Падало подозрѣніе на самого князя Острожскаго, такъ какъ у него въ имѣніи жилъ братъ Наливайки и у этого брата, священника Даміана, оказывались лошади, принадлежавшія пану Семашку, ограбленному Наливайкомъ. Самъ Острожскій въ своихъ письмахъ къ своему зятю Радзивиллу писалъ: „Говорятъ, будто я Наливайка высылалъ... Ужъ если кому, то мнѣ болѣе всего допекли эти разбойники. Поручаю себя Господу Богу! Надѣюсь, что Онъ, спасающій невинныхъ, и меня не забудетъ“. Нѣтъ основанія полагать, чтобы въ самомъ дѣлѣ Острожскій покровитель-

ствовалъ этому возстанію, тѣмъ болѣе, что, передъ самымъ появленіемъ Наливайка въ Волынской землѣ, Острожскій предостерегалъ пановъ насчетъ своевольниковъ, жаловался, что они разоряютъ имѣнія, давалъ совѣты Рѣчи Посполитой принимать скорѣе дѣятельныя мѣры и гасить пожаръ прежде, чѣмъ онъ успѣлъ распространиться.

Зимою 1595—1596 г. Наливайко соединился съ козацкимъ гетманомъ Лободою и возстаніе начало принимать угрожающій размѣръ. Король выслалъ противъ козаковъ гетмана Жолкѣвскаго. Война съ ними упорно продолжалась до конца мая 1596 года; козаки, тѣснимые польскими войсками, перешли на лѣвый берегъ Днѣпра и были осаждены близъ Лубенъ: между ними поднялись раздоры; Наливайко низвергнулъ съ гетманства Лободу, умертвилъ его, самъ сдѣлался гетманомъ и былъ въ свою очередь низвергнутъ, выданъ полякамъ и казненъ смертію въ Варшавѣ.

Когда такимъ образомъ поляки занимались укрощеніемъ возстанія русскихъ, принимавшаго отчасти характеръ борьбы противъ уніи, въ Римѣ посланники отъ русскаго духовенства, владимирскій и луцкій епископы, были приняты съ подобающей честію, удостоились поцѣловать папскую ногу и 2 декабря 1595 г., отъ лица русскаго духовенства, прочитали исповѣданіе вѣры по римско-католическому ученію. Въ началѣ 1596 года они возвратились на родину. Здѣсь ожидало ихъ противодѣйствіе отъ братствъ и отъ Острожскаго. Въ виленскомъ братствѣ напечатана была „Книга Кирилла объ Антихристѣ“, сочиненная Стефаномъ Зизаніемъ. Книга была направлена противъ папизма; въ ней доказывалось ни болѣе ни менѣе, какъ то, что папа есть тотъ антихристъ, о которомъ издавна сохранялось предреченіе, а время уніи есть время антихристова царства. Книга эта съ жадностью читалась духовенствомъ и грамотными мірянами. Король, услышавши объ ея успѣхѣ, былъ очень разгнѣванъ, приказалъ запретить книгу, схватить и заключить въ тюрьму ея автора и его двухъ сообщниковъ. Львовское братство, съ своей стороны, противодѣйствуя затѣямъ уніи, такъ напугало своего епископа, что Гедеонъ рѣшился отступить отъ уніи и подалъ въ судъ протестацію, въ которой увѣрялъ, что если и подписывалъ наравнѣ съ другими архіереями согласіе на унію, то не зналъ самъ, въ чемъ дѣло: онъ подписывалъ бѣлую бумагу, а на этой бумагѣ, уже послѣ его подписи, написано было то, чего ему и не хотѣлось.

Острожскій извѣстилъ восточныхъ патріарховъ; по просьбѣ его назначены были протосинкеллы (намѣстники): отъ константинопольскаго патріарха Никифоръ, отъ александрійскаго—Кириллъ.

Король оповѣстилъ, чтобы русскіе епископы собрались на соборъ въ Брестѣ къ 6 октября 1596 года для окончательнаго утвержденія уніи.

Къ назначенному королемъ времени Острожскій подготовилъ и свой соборъ въ Брестѣ же [1]). Соборъ этотъ состоялъ изъ двухъ патріаршихъ протосинкелловъ, двухъ восточныхъ архимандритовъ, двухъ русскихъ епископовъ, Гедеона львовскаго и Михаила Копытенскаго, сербскаго митрополита Луки, нѣсколькихъ русскихъ архимандритовъ, протопоповъ и двухсотъ особъ шляхетскаго званія, которыхъ пригласилъ съ собою Острожскій.

Протосинкеллъ Никифоръ предсѣдательствовалъ на этомъ православномъ соборѣ. Сообразно древнимъ обычаямъ церковнаго суда, онъ послалъ къ кіевскому митрополиту троекратный вызовъ къ собору для оправданія, но митрополитъ не явился и объявилъ, что онъ съ епископами подчинился западной церкви; тогда православный соборъ лишилъ сана какъ митрополита, такъ и епископовъ: владимирскаго, луцкаго, полоцкаго (Германа), холмскаго (Діонисія) и пинскаго Іону.

Съ своей стороны, принявшіе унію духовные отплатили непринявшимъ ее тѣмъ же самымъ: они лишили сана епископовъ львовскаго и перемышльскаго, архимандрита печерскаго Никифора Тура и всѣхъ русскихъ духовныхъ, бывшихъ на православномъ соборѣ. Приговоръ каждому изъ нихъ былъ посланъ въ такой формѣ: „кто тебя, отъ насъ проклятаго, будетъ считать въ прежнемъ санѣ, тотъ самъ проклятъ будетъ отъ Отца и Сына и Святаго Духа!“

Обѣ стороны обратились къ королю. Православные ссылались на существовавшія постановленія, просили не считать низложенныхъ духовныхъ въ ихъ прежнемъ санѣ, отнять у нихъ церковныя имѣнія и отдать тѣмъ лицамъ, которыя, вмѣсто нихъ, будутъ избраны. Король взялъ сторону уніатовъ и приказалъ арестовать Никифора, на котораго принявшіе унію особенно злились. Острожскій взялъ его на поруки. Дѣло о немъ отложили до 1597 года.

Въ этомъ году, по требованію короля, Острожскій самъ привезъ Никифора и предалъ суду сената. Никифора старались обвинить и въ шпіонствѣ со стороны турокъ, и въ чернокниже-

---

[1]) Брестскій соборъ подробно описанъ въ книгѣ „Эктезисъ“, изданной православными на польскомъ языкѣ въ 1597 году. Книга эта была и на русскомъ языкѣ, но въ этомъ видѣ почти исчезла.

ствѣ, и въ дурномъ поведеніи. Самъ гетманъ Замойскій обвинялъ его. Обвинить Никифора было невозможно, да поляки и не имѣли права судить его, какъ иноземца. Тогда Константинъ Острожскій проговорилъ королю рѣзкую рѣчь: „Ваше величество — сказалъ онъ — нарушаете права наши, попираете свободу нашу, насилуете совѣсть. Будучи сенаторомъ, я не только самъ терплю оскорбленія, но вижу, что все это ведетъ къ погибели королевства Польскаго: послѣ этого, ничьи права, ничья свобода не ограждены; скоро наступятъ безпорядки; быть можетъ, тогда додумаются до чего-нибудь иного! Предки наши, принося присягу на вѣрность своему государю, и отъ него также принимали присягу въ соблюденіи правосудія, милости и защиты. Между ними была обоюдная присяга. Опомнитесь, ваше величество! Я уже въ преклонныхъ лѣтахъ и надѣюсь скоро покинуть этотъ міръ, а вы оскорбляете меня, отнимаете то, что̀ для меня всего дороже — православную вѣру! Опомнитесь, ваше величество! Поручаю вамъ этого духовнаго сановника; Богъ взыщетъ на васъ кровь его, а мнѣ дай Богъ не видать болѣе такого нарушенія правъ; напротивъ, пусть Богъ сподобитъ меня на старости лѣтъ услышать о добромъ здравіи его и о лучшемъ сохраненіи вашего государства и нашихъ правъ!“.

Проговоривши эту рѣчь, Острожскій вышелъ изъ сената. Король послалъ зятя Острожскаго, Криштофа Радзивилла, воротить взволнованнаго старика. „Король — сказалъ Радзивиллъ — сожалѣетъ о вашемъ огорченіи; Никифоръ будетъ свободенъ“. Разсерженный Острожскій не хотѣлъ вернуться и сказалъ: „нехай же собі и Никифора зъість“. Князь ушелъ, оставивши бѣднаго протосинкелла Никифора на произволъ короля. Никифора заслали въ Маріенбургъ, гдѣ онъ и умеръ въ заточеніи.

Въ 1599 году, Острожскій, съ прочими панами и шляхетствомъ русской вѣры, устроилъ конфедерацію съ протестантами для взаимной защиты противъ католическаго насилія. Но эта конфедерація не имѣла важныхъ послѣдствій.

Гораздо важнѣе было по своимъ послѣдствіямъ движеніе литературное, усилившееся послѣ уніи. Въ острожской типографіи напечатана была (въ 1598) „Отпись на листъ отца Ипатія“ (Потія) и „Листы“, т.-е. посланія: изъ нихъ восемь — Мелетія, патріарха александрійскаго, въ которыхъ излагалась сущность православія и народъ православный побуждался къ защитѣ своей религіи. Одно изъ этихъ посланій (третье) касается вопроса объ измѣненіи календаря, вопроса, тогда очень занимавшаго умы.

Православнымъ пастырямъ не нравилось это измѣненіе именно потому, что оно было нововведеніемъ,—„новость суетныхъ мужей непостоятельныхъ душъ, яко же сырость приражѣніемъ вѣтровъ зыблемыхъ“. По мнѣнію честныхъ пастырей, измѣненіе пасхаліи приноситъ за собою обуреваніе и мятежъ въ церкви, крамолы, раздоры, приближеніе къ жидовству; но если бы этого и не случилось, то все-таки не нужно вносить „неотеризма“, а лучше держаться старины и слушаться стариковъ. (Что же не благочестивѣйше и не благоговѣйнѣйше есть въ различныхъ вещехъ вкупѣ пребывати со старцы?). При этомъ замѣчалось, что вычисленія, на которыхъ основанъ новый календарь, не имѣютъ прочности и, по прошествіи трехсотъ лѣтъ, придется снова „астрономствовати“ и вымышлять новыя перемѣны. Девятый изъ напечатанныхъ въ этой книгѣ „листовъ“ заключаетъ посланіе, писанное Острожскимъ къ православнымъ христіанамъ при самомъ началѣ уніи (о немъ мы говорили выше), а десятый—увѣщательное посланіе аѳонскихъ монаховъ. Въ ряду напечатанныхъ тогда въ Острогѣ книгъ, особенно важна книга „Апокризисъ“ (изд. въ исходѣ 1597 года) [1]) подъ псевдонимомъ Филалета,—написанная, какъ говорятъ, Христофоромъ Бронскимъ, человѣкомъ, подобно Острожскому, склонявшимся къ протестантизму. Вмѣсто строгаго подчиненія духовнымъ властямъ въ дѣлѣ вѣры, она проповѣдывала равное свободное участіе свѣтскихъ людей въ церковныхъ дѣлахъ, ученіе о безусловномъ повиновеніи церкви называла жидовствомъ и доказывала, что свѣтскіе люди могутъ, по своему усмотрѣнію, не слушаться духовныхъ и низлагать ихъ. Въ 1598 году изданъ былъ священникомъ Василіемъ Псалтырь съ возслѣдованіемъ, другой Псалтырь съ часословомъ, въ 1605 и 1606 сочиненія патріарха Мелетія по поводу уніи, переведенныя Іовомъ Борецкимъ, а въ 1607 священникъ Даміанъ, братъ Наливайка, издалъ „Лекарство на оспалый умыселъ человѣчій“, гдѣ помѣстилъ посланіе Златоуста къ Ѳеодору Падшему и нѣкоторыя слова и стихи, отчасти приноровленные къ своему времени. Въ Вильнѣ явились замѣчательныя сочиненія, не только полемическія, но и научныя, показывающія возникавшую потребность воспитанія юношества; въ 1596 году издана была Грамматика словянскаго языка Лаврентіемъ Зизаніемъ, Азбука съ краткимъ словаремъ, Толкованіе

---

[1]) Противъ „Апокризиса“ изданъ былъ въ 1600 г. „Антикризисъ“, соч. грекомъ-уніатомъ Петромъ Аркудіемъ.

на молитву: Отче нашъ, и Катехизизъ, излагавшій основанія православной вѣры. Затѣмъ русскія богослужебныя и религіозно-политическія сочиненія печатались и въ другихъ мѣстахъ.

Такъ положено было начало той южно-русской и западно-русской литературы, которая, впослѣдствіи, въ половинѣ XVII в., развилась до значительной степени.

Самъ Острожскій, несмотря на защиту, которую оказалъ православію въ дѣлѣ возникавшей уніи, какъ аристократъ, для котораго польскій строй слишкомъ много представлялъ дорогого, былъ далекъ отъ какого-нибудь рѣшительнаго противодѣйствія насилію власти; онъ сдерживалъ и другихъ, поучая ихъ терпѣнію. Такимъ образомъ, въ 1600 году онъ писалъ львовскому братству: „Посылаю вамъ декретъ, составленный на прошломъ сеймѣ, въ высокой степени противный народному праву и болѣе всего святой правдѣ, и даю вамъ не иной какой-нибудь совѣтъ, какъ только такой, чтобы вы были терпѣливы и ожидали Божія милосердія, пока Богъ, по своей благости, не склонитъ сердце его королевскаго величества къ тому, чтобы никого не оскорблять и каждаго оставить при своихъ правахъ“.

Въ этомъ совѣтѣ сквозило уже будущее безсиліе русской аристократіи въ дѣлѣ защиты отеческой вѣры.

По жалобѣ кіевскаго и брацлавскаго воеводствъ король назначилъ на сеймѣ судъ между уніатами и православными.

Тогда умеръ Рагоза: мѣсто его въ званіи кіевскаго митрополита заступилъ Ипатій Потій. Явившись вмѣстѣ съ Терлецкимъ на судъ, назначенный королемъ, онъ представлялъ, что духовныя дѣла не подлежатъ приговору свѣтскаго суда, что, сообразно божественному праву, законамъ королевства и правамъ христіанскимъ, они подлежатъ только суду духовному. Уніаты указывали на всякія существовавшія до того времени привилегіи, данныя греческой церкви, какъ на документы, исключительно принадлежащіе по праву теперь только тѣмъ, которые признали главою своей церкви римскаго первосвященника. Король, съ совѣта своихъ радныхъ пановъ, призналъ ихъ доводы вполнѣ справедливыми и обнародовалъ грамоту, по которой новому митрополиту и епископамъ, состоящимъ подъ первенствомъ митрополита, предоставлялъ право пользоваться своимъ саномъ, сообразно прежнимъ привилегіямъ, даннымъ сановникамъ греческой вѣры, управлять церковными имѣніями и творить духовный судъ. Король не признавалъ другой восточной церкви въ польской Рѣчи Посполитой, кромѣ уже соединенной съ римскою.

Всѣ непризнающіе уніи были въ его глазахъ уже не исповѣдники греческой вѣры, но отщепенцы отъ нея. Тотъ же взглядъ раздѣляла съ королемъ вся католическая Польша и Литва.

Острожскій кончилъ жизнь въ февралѣ 1608 года въ глубокой старости. Сынъ его Янушъ еще при жизни родителя перешелъ въ католичество; другой сынъ, Александръ, оставался православнымъ, но дочери его всѣ приняли католичество, и одна изъ нихъ, владѣвшая Острогомъ, Анна-Алоизія, отличалась фанатическою нетерпимостью къ вѣрѣ своихъ праотцевъ.

Высшій классъ въ Польшѣ былъ всемогущъ, и, конечно, если бы русское шляхетство оставалось твердо въ вѣрѣ и крѣпко рѣшилось стать за отеческую вѣру, никакія козни короля и іезуитовъ не въ состояніи были бы ее ниспровергнуть.

Но въ томъ-то и заключалось несчастіе, что это русское шляхетство, — этотъ высшій русскій классъ, которому слишкомъ выгодно было находиться подъ властью Польши, — не могъ устоять противъ нравственнаго гнёта, тяготѣвшаго тогда надъ православною вѣрою и русскою народностью. Породнившись съ польскимъ шляхетствомъ, усвоивши польскій языкъ и польскіе обычаи, сдѣлавшись поляками по пріемамъ жизни, русскіе люди не въ силахъ были удержать вѣру отцовъ своихъ. На сторонѣ католичества былъ бросающійся въ глаза блескъ западнаго просвѣщенія. Въ Польшѣ на русскую вѣру и русскую народность смотрѣли презрительно: все, что̀ было и отзывалось русскимъ, въ глазахъ тогдашняго польскаго общества, казалось мужичьимъ, грубымъ, дикимъ, невѣжественнымъ, такимъ, чего слѣдуетъ стыдиться образованному и высокопоставленному человѣку. У католиковъ средствъ къ образованію было несравненно болѣе, чѣмъ у православныхъ, и потому дѣти православныхъ пановъ учились у католиковъ. Настроенные своими учителями, которые внушали имъ предпочтеніе къ католичеству, вышедши въ свѣтъ, въ которомъ они, при господствовавшемъ духѣ пропаганды, повсюду слышали о томъ же предпочтеніи, русскіе юноши неизбѣжно усвоивали тотъ взглядъ на вѣру и народность своихъ праотцевъ, какой обыкновенно имѣютъ на свое родное тѣ, которые заимствуютъ что̀-нибудь чужое съ полнымъ убѣжденіемъ, что это чужое служитъ признакомъ образованности и даетъ почетъ и уваженіе въ той средѣ, въ которой имъ суждено обращаться. Перешедшіе въ католичество потомки православныхъ знатныхъ родовъ, оглядываясь назадъ на нравственное достояніе своихъ праотцевъ, очутились въ такомъ же настроеніи, въ какомъ были

за много вѣковъ ихъ предки, когда, покидая язычество, усвоивали христіанство. Одни за другими принимали новую вѣру и стыдились старой. Правда, какъ всегда бываетъ въ переходныхъ эпохахъ, и въ эпоху окатоличенія русскаго шляхетства, въ продолженіи полустолѣтія и даже нѣсколько долѣе, оставались изъ русскаго высшаго класса приверженцы старины и заявляли свой голосъ, но ряды ихъ все болѣе и болѣе рѣдѣли, и, наконецъ, ихъ не стало; въ польской Руси особа, принадлежавшая по происхожденію и по состоянію къ высшему классу, стала немыслима иначе, какъ съ римско-католическою религіею, съ польскимъ языкомъ и съ польскими понятіями и чувствованіями. Со временъ уніи въ Руси обнаружилось стремленіе поднять русскую церковь и русскую народность—создать русское образованіе, по крайней мѣрѣ, на первый разъ, религіозное, но это стремленіе опоздало для высшаго класса русскихъ земель, соединенныхъ съ Польшею. Этотъ высшій классъ не нуждался болѣе ни въ чемъ русскомъ и смотрѣлъ на него съ отвращеніемъ, враждебно. Оказалось, что унія, вымышленная сначала для приманки русскаго высшаго класса, также для него не пригодилась; паны безъ нея сдѣлались чистыми католиками; унія осталась только средствомъ для уничтоженія въ громадѣ остальнаго народа признаковъ православной вѣры и русской народности. Унія стала орудіемъ болѣе національныхъ, чѣмъ религіозныхъ цѣлей. Принять унію — значило сдѣлаться изъ русскаго полякомъ или, по крайней мѣрѣ, полу-полякомъ. Это направленіе проявилось съ перваго же раза и неуклонно преслѣдовалось въ грядущія времена до самаго конца существованія уніи. Несмотря на то, что вначалѣ папа, сообразно постановленіямъ флорентійской уніи въ XV вѣкѣ, утвердилъ неприкосновенность обрядовъ восточной церкви, уже въ началѣ XVII вѣка уніатскіе духовные стали измѣнять богослуженіе, вводили разные обычаи, свойственные западной церкви и не существовавшіе въ восточной или положительно отвергаемые послѣднею (какъ, напр., тихую обѣдню, служеніе нѣсколькихъ обѣденъ въ одинъ и тотъ же день на одномъ престолѣ, сокращеніе богослуженій и т. п.). Сближаясь все болѣе и болѣе съ католичествомъ, унія перестала быть восточною церковью, а стала чѣмъ-то посредствующимъ и въ то же время оставалась достояніемъ простого народа: въ странѣ, въ которой простой народъ былъ низведенъ до крайняго порабощенія, вѣра, существовавшая для этого народа, не могла пользоваться равнымъ почетомъ съ вѣрою, которую исповѣдывали господа; поэтому, унія

въ Польшѣ стала вѣрою низшею, простонародною, недостойною высшаго класса; что же касается до православія, то оно въ общественномъ мнѣніи стало вѣрою отверженною, самою низкою, достойною крайняго презрѣнія: то была вѣра не только хлоповъ вообще, какъ унія, но вѣра негодныхъ хлоповъ, не похожихъ или неспособныхъ, по своей дикости и закоснѣлости, стать на нѣсколько высшую ступень религіознаго и общественнаго уразумѣнія, то было не болѣе, какъ жалкое исповѣданіе презрѣнныхъ недовѣрковъ, которымъ и за гробомъ нѣтъ спасенія.

XXIII.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

По смерти Ивана Грознаго, восемнадцать лѣтъ судьба русскаго государства и народа была связана съ личностью Бориса Годунова. Родъ этого человѣка происходилъ отъ татарскаго мурзы Чета, принявшаго въ XIV в. въ Ордѣ крещеніе отъ митрополита Петра и поселившагося на Руси подъ именемъ Захаріи. Памятникомъ благочестія этого новокрещенаго татарина былъ построенный имъ близъ Костромы Ипатскій монастырь, сдѣлавшійся фамильною святынею его потомковъ; они снабжали этотъ монастырь приношеніями и погребались въ немъ. Внукъ Захаріи Иванъ Годунъ былъ прародителемъ той линіи рода мурзы Чети, которая отъ клички Годунъ получила названіе Годуновыхъ. Потомство Годуна значительно развѣтвилось. Годуновы владѣли вотчинами, но не играли важной роли въ русской исторіи до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ правнуковъ перваго Годунова не удостоился чести сдѣлаться тестемъ царевича Ѳеодора Ивановича. Тогда при дворѣ царя Ивана явился близкимъ человѣкомъ братъ Ѳедоровой жены, Борисъ, женатый на дочери царскаго любимца Малюты-Скуратова. Царь Иванъ полюбилъ его. Возвышеніе лицъ и родовъ чрезъ родство съ царицами было явленіемъ обычнымъ въ московской исторіи, но такое возвышеніе было часто непрочно. Родственники Ивановыхъ супругъ погибали наравнѣ съ другими жертвами его кровожадности. Самъ Борисъ по своей близости къ царю подвергался опасности; разсказываютъ, что царь сильно избилъ его своимъ жезломъ, когда Борисъ заступался за убитаго отцомъ царевича Ивана. Но царь Иванъ самъ оплакивалъ своего сына и тогда сталъ еще болѣе, чѣмъ прежде, оказывать Борису благосклонность за смѣлость, стоившую, впрочемъ, послѣднему

нѣсколькихъ мѣсяцевъ болѣзни. Подъ конецъ своей жизни, однако, царь Иванъ, подъ вліяніемъ другихъ любимцевъ, началъ на Годунова коситься, и, быть можетъ, Борису пришлось бы плохо, если бы Иванъ не умеръ внезапно.

Со смертью Ивана, Борисъ очутился въ такомъ положеніи, въ какомъ не былъ еще въ Московскомъ Государствѣ ни одинъ подданный. Царемъ дѣлался слабоумный Ѳедоръ, который ни въ какомъ случаѣ не могъ править самъ и долженъ былъ на дѣлѣ передать свою власть тому изъ близкихъ, кто окажется всѣхъ способнѣе и хитрѣе. Такимъ въ придворномъ кругу тогдашняго времени былъ Борисъ. Ему было при смерти царя Ивана 32 года отъ роду; красивый собой, онъ отличался замѣчательнымъ даромъ слова, былъ уменъ, разсчетливъ, но въ высокой степени себялюбивъ. Вся дѣятельность его клонилась къ собственнымъ интересамъ, къ своему обогащенію, къ усиленію своей власти, къ возвышенію своего рода. Онъ умѣлъ выжидать, пользоваться удобными минутами, оставаться въ тѣни или выдвигаться впередъ, когда считалъ умѣстнымъ то или другое, — надѣвать на себя личину благочестія и всякихъ добродѣтелей, показывать доброту и милосердіе, а гдѣ нужно—строгость и суровость. Постоянно разсудительный, никогда не поддавался онъ порывамъ увлеченія и дѣйствовалъ всегда обдуманно. Этотъ человѣкъ, какъ всегда бываетъ съ подобными людьми, готовъ былъ дѣлать добро, если оно не мѣшало его личнымъ видамъ, а, напротивъ, способствовало имъ; но онъ также не останавливался ни передъ какимъ зломъ и преступленіемъ, если находилъ его нужнымъ для своихъ личныхъ выгодъ, въ особенности же тогда, когда ему приходилось спасать самого себя.

Ничего творческаго въ его природѣ не было. Онъ неспособенъ былъ сдѣлаться ни проводникомъ какой-бы то ни было идеи, ни вожакомъ общества по новымъ путямъ: эгоистическія натуры менѣе всего годятся для этого. Въ качествѣ государственнаго правителя, онъ не могъ быть дальнозоркимъ, понималъ только ближайшія обстоятельства и могъ ими пользоваться только для ближайшихъ и преимущественно своекорыстныхъ цѣлей. Отсутствіе образованія съуживало еще болѣе кругъ его воззрѣній, хотя здравый умъ давалъ ему, однако, возможность понимать пользу знакомства съ Западомъ для цѣлей своей власти. Всему хорошему, на что̀ былъ бы способенъ его умъ, мѣшали его узкое себялюбіе и чрезвычайная лживость, проникавшая все его существо, отражавшаяся во всѣхъ его поступкахъ. Это послѣднее качество, впрочемъ, сдѣлалось знаменательною чертою тогдашнихъ

московскихъ людей. Сѣмена этого порока существовали издавна, но были въ громадномъ размѣрѣ воспитаны и развиты эпохою царствованія Грознаго, который самъ былъ олицетворенная ложь. Создавши опричнину, Иванъ вооружилъ русскихъ людей однихъ противъ другихъ, указалъ имъ путь искать милостей или спасенія въ гибели своихъ ближнихъ, казнями за явно вымышленныя преступленія пріучилъ къ ложнымъ доносамъ, и, совершая для одной потѣхи безчеловѣчныя злодѣянія, воспиталъ въ окружающей его средѣ безсердечіе и жестокость. Исчезло уваженіе къ правдѣ и нравственности, послѣ того какъ царь, который, по народному идеалу, долженъ быть блюстителемъ и того и другого, устраивалъ въ виду своихъ подданныхъ такія зрѣлища, какъ травля невинныхъ людей медвѣдями или всенародныя истязанія обнаженныхъ дѣвушекъ, и въ то же время соблюдалъ самыя строгія правила монашествующаго благочестія. Въ минуты собственной опасности всякій человѣкъ естественно думаетъ только о себѣ; но когда такія минуты для русскихъ продолжались цѣлыя десятилѣтія, понятно, что должно было вырости поколѣніе своекорыстныхъ и жестокосердыхъ себялюбцевъ, у которыхъ всѣ помыслы, всѣ стремленія клонились только къ собственной охранѣ, поколѣніе, для котораго, при наружномъ соблюденіи обычныхъ формъ благочестія, законности и нравственности, не оставалось никакой внутренней правды. Кто былъ умнѣе другихъ, тотъ долженъ былъ сдѣлаться образцомъ лживости; то была эпоха, когда умъ, закованный исключительно въ узкія рамки своекорыстныхъ побужденій, присущихъ всей современной жизненной средѣ, могъ проявить свою дѣятельность только въ искусствѣ, посредствомъ обмана, достигать личныхъ цѣлей. Тяжелыя болѣзни людскихъ обществъ, подобно физическимъ болѣзнямъ, излечиваются не скоро, особенно когда дальнѣйшія условія жизни способствуютъ не прекращенію, а продолженію болѣзненнаго состоянія; только этимъ объясняются тѣ ужасныя явленія Смутнаго времени, которыя, можно сказать, были выступленіемъ внаружу испорченныхъ соковъ, накопившихся въ страшную эпоху Ивановыхъ мучительствъ.

Замѣчательно, что лживость, составляющая черту вѣка, отразилась сильно и въ современныхъ русскихъ источникахъ той эпохи до того, что, руководствуясь ими и довѣряя имъ, легко можно впасть въ заблужденія и неправильные выводы; къ счастію, явныя противорѣчія и несообразности, въ которыя они впадаютъ, обличаютъ ихъ невѣрности.

Непрочность престолонаслѣдія чувствовалась народомъ. Рус-

скіе знали, что изъ двухъ сыновей царя Ивана старшій былъ неспособенъ къ самобытному царствованію, а меньшой былъ еще младенецъ: кого бы изъ нихъ ни провозгласили царемъ — все равно; на дѣлѣ власть должна была бы находиться въ иныхъ, а не въ царскихъ рукахъ. Эта мысль охватила московскій народъ, какъ только разнеслась по столицѣ вѣсть, что царь Иванъ скончался. Сдѣлалось волненіе. Богданъ Бѣльскій, которому Иванъ поручалъ Димитрія въ опеку, былъ негласнымъ виновникомъ этого волненія въ пользу Димитрія. Какъ оно происходило, не знаемъ, но кончилось оно на тотъ разъ тѣмъ, что бояре въ ночь послѣ смерти царя Ивана приказали отправить малолѣтняго Димитрія съ матерью и ея родственниковъ, Нагихъ, въ Угличъ; разомъ съ ихъ отсылкою схвачено было нѣсколько лицъ, которымъ покойный государь передъ своею кончиною оказывалъ милости: нѣкоторыхъ разослали по разнымъ городамъ въ заточеніе, другихъ заперли въ тюрьму, отобрали у нихъ помѣстья и вотчины, разорили ихъ домы. Имена ихъ неизвѣстны, но эти люди были, вѣроятно, сторонники Димитрія, покушавшіеся провозгласить его царемъ. Вся власть находилась тогда въ рукахъ дяди Ѳедора Ивановича — Никиты Романова, шурина — Бориса Годунова, и двухъ князей: Ивана Мстиславскаго и Петра Шуйскаго. Первые два естественно стояли за Ѳедора, какъ его близкіе свойственники; два послѣдніе также не находили для себя выгоднымъ пристать на сторону Димитрія, такъ какъ въ то время, въ случаѣ успѣха, властвовали бы не они, а Нагіе и Богданъ Бѣльскій. На самого Богдана Бѣльскаго въ то время не рѣшались наложить рукъ. Быть можетъ, онъ ловко умѣлъ остаться въ сторонѣ во время расправы, хотя прежде заправлялъ дѣломъ, за которое другіе отвѣчали. Но прошло нѣсколько дней; Богданъ Бѣльскій былъ схваченъ и сосланъ въ Нижній-Новгородъ. Это произошло послѣ смуты, о которой сохранились противорѣчивыя извѣстія. Иностранцы говорятъ, что между Бѣльскимъ и боярами произошло открытое междоусобіе; Бѣльскій съ своими сторонниками былъ осажденъ въ Кремлѣ и принужденъ былъ сдаться. Одно русское извѣстіе показываетъ, что народъ, вообразивши, будто Бѣльскій хочетъ извести царя и бояръ, бросился на Кремль съ оружіемъ и даже хотѣлъ пушечными выстрѣлами разрушить запертыя Фроловскія ворота, но бояре вышли къ мятежникамъ и увѣрили, что царь и бояре всѣ цѣлы и никому нѣтъ опасности, а потомъ сослали Бѣльскаго, какъ-бы въ угоду народу; другое извѣстіе повѣствуетъ, что сами бояре перессорились между собою, взволновали народъ и Бѣльскому грозила смерть, но Годуновъ за

него тогда заступился. Какъ бы то ни было, вѣрно только то, что въ Москвѣ вскорѣ послѣ погребенія Грознаго происходило междоусобіе; тогда былъ поставленъ къ рѣшенію вопросъ, кому царствовать: слабоумному ли Θедору или малолѣтнему Димитрію, и сторона Димитрія на этотъ разъ снова проиграла. За Бѣльскимъ сосланы были другіе. Но вопросъ еще не рѣшался; волненіе не утихало, и бояре положили созвать земскихъ людей въ Думу для того, чтобъ эта Дума утвердила Θедора на престолѣ.

Дума, состоявшая, какъ кажется, изъ служилыхъ людей, собралась 4 мая 1584 года и признала царемъ Θедора Ивановича. Русскіе люди, какъ выражались въ то время, молили его со слезами сѣсть на Московское Государство. Ходъ этой Думы намъ неизвѣстенъ. На праздникъ Вознесенія новый царь вѣнчался царскимъ вѣнцомъ.

Царствовалъ Θедоръ, но онъ не могъ властвовать; властвовать могли за него другіе.

Царь Θедоръ Ивановичъ былъ человѣкъ небольшого роста, опухлый, съ блѣднымъ лицомъ, болѣзненный; онъ ходилъ нетвердыми шагами, и постоянно улыбался. Когда польскій посланникъ Сапѣга представился ему, Θедоръ, одѣтый въ царское облаченіе съ короной на головѣ, сидѣлъ на возвышенномъ мѣстѣ и съ улыбкою любовался своимъ скипетромъ и державнымъ яблокомъ, а когда проговорилъ нѣсколько словъ тихимъ и прерывистымъ голосомъ, то Сапѣга сдѣлалъ такое заключеніе: „хотя про него говорили, что у него ума не много, но я увидѣлъ какъ изъ собственнаго наблюденія, такъ и изъ словъ другихъ, что у него вовсе его нѣтъ". Вѣсть объ этомъ скоро дошла до сосѣдей; въ Польшѣ надѣялись, что при такомъ государѣ въ Московскомъ Государствѣ начнется безурядица, откроются междоусобія и государство придетъ въ упадокъ.

Ожиданіе это, вѣроятно, сбылось бы скоро. Годуновъ отвратилъ его, или, по крайней мѣрѣ, отсрочилъ.

Тотчасъ послѣ вѣнчанія на царство Θедора, Борисъ постарался возможно лучшимъ способомъ устроить свое матеріальное состояніе. Когда, по обычаю, новый царь, послѣ вѣнчанія, разсыпалъ свои милости вельможамъ, Борисъ получилъ всю Важскую область, приносившую большіе доходы съ поташа, сбываемаго англичанамъ; кромѣ того, получилъ онъ луга на берегахъ Москвырѣки вверхъ на тридцать, а внизъ на сорокъ верстъ, съ рощами и пчельниками, доходы съ Рязани, Твери, съ Сѣверской земли, Торжка и со всѣхъ московскихъ бань и купаленъ: все это, съ доходами, получаемыми изъ его родовыхъ вотчинъ, давало Бо-

рису огромную сумму ежегоднаго дохода въ 93,700 р., а владѣнія его были такъ многолюдны, что онъ могъ выставить до 100,000 вооруженныхъ людей. До этихъ поръ онъ носилъ важный санъ конюшаго; теперь онъ получилъ наименованіе ближняго государева боярина и титулъ намѣстника царствъ: казанскаго и астраханскаго.

Царь Ѳедоръ находился подъ вліяніемъ своей жены, а Борисъ былъ постоянно друженъ съ нею, а потому стоялъ ближе всѣхъ къ царю и никто не въ силахъ былъ оттѣснить его. Единственнымъ опаснымъ соперникомъ могъ быть дядя царя Никита Романовъ, но этотъ старикъ въ тотъ же годъ былъ пораженъ параличомъ и хотя жилъ до апрѣля 1586 года, но уже не принималъ участія въ дѣлахъ. Изъ двухъ оставшихся соправителей Бориса, Мстиславскій былъ человѣкъ ограниченный и могъ играть роль только по наущенію другихъ, благодаря своей знатности; болѣе опасности представлялъ для Бориса князь Петръ Ивановичъ Шуйскій: конечно, ему нельзя были пріобрѣсти болѣе Бориса расположенія царя и царицы, за то у него была сильная партія не только между знатными людьми, но и между московскими купцами. Кромѣ того, князь Петръ Шуйскій имѣлъ поддержку въ митрополитѣ Діонисіи. Вначалѣ, какъ видно, Борисъ былъ съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, какъ можно видѣть изъ того, что въ день царскаго вѣнчанія Шуйскій получилъ въ даръ доходы со всего Пскова.

Полтора года Годуновъ уживался съ своими товарищами, но уже захватилъ въ свои руки управленіе всѣми дѣлами, такъ что иностранцы обращались мимо этихъ товарищей къ нему, какъ къ единому правителю государства. Въ это время Годуновъ началъ свое любимое дѣло, постройку городовъ, чѣмъ отличался во все продолженіе своей жизни, справедливо сознавая пользу этой мѣры для государства. Такимъ образомъ, для укрощенія черемисовъ, Борисъ приказалъ строить по берегамъ Волги: Цивильскъ, Уржумъ, Царево-кокшайскъ, Царево-санчурскъ, а ниже по теченію Волги: Саратовъ, Переволоку, Царицынъ. Астрахань была обведена каменною стѣною. На сѣверѣ въ 1584 г. построенъ Архангельскъ, сдѣлавшійся тотчасъ же важнѣйшимъ торговымъ пунктомъ. Въ самой Москвѣ въ 1586 году построена была каменная Бѣлогородская стѣна. На югѣ въ 1586 году построены были Ливны, возобновлены Курскъ и Воронежъ. Отъ города до города устраивались станицы, зазывались жители для поселенія на привольныхъ, но пустыхъ мѣстахъ. Такимъ образомъ, вызывались для поселенія черкасы (малороссіяне), которые поступали

въ число украинныхъ служилыхъ людей, отправляли сторожевую станичную службу, получая за это помѣстья и жалованье деньгами, сукнами и хлѣбомъ. Имъ посылали также свинецъ и селитру.

Вскорѣ послѣ царскаго вѣнчанія, въ іюлѣ 1584 года, былъ созванъ соборъ, на которомъ вновь подтверждено было запрещеніе владыкамъ и монастырямъ пріобрѣтать вотчины и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожались всѣ такъ-называемые тарханныя грамоты, которыми предоставлялись монастырскимъ и владычнымъ имѣніямъ разныя льготы и изъятія отъ общихъ платежей и повинностей. Поводомъ къ уничтоженію этихъ привилегій ставилось то, что крестьяне убѣгали въ тарханныя вотчины изъ вотчинъ и помѣстій служилыхъ людей, а черезъ это послѣдніе лишались своихъ доходовъ, не въ состояніи были отправлять военной службы. Но мѣра эта, несмотря на приговоръ, утвержденный подписями и печатями лицъ знатнѣйшаго духовенства, не была приведена въ исполненіе; набожный царь продолжалъ раздавать тарханныя грамоты, да и самъ Борисъ не настаивалъ на ихъ отмѣнѣ, потому что нуждался въ расположеніи духовенства для своихъ видовъ. Это событіе осталось нагляднымъ примѣромъ той лживости, которая, какъ мы сказали выше, проникла всѣ вѣтви московской общественной жизни. Писались законы, постановленія, а на дѣлѣ не исполнялись и были нарушаемы тѣми же, которые составляли ихъ.

Борисъ былъ милостивъ къ тѣмъ, которые были съ нимъ за-одно, и въ это время особенно приблизилъ къ себѣ двухъ братьевъ, дьяковъ Щелкаловыхъ, изъ которыхъ Андрей былъ посольскимъ, а Василій разряднымъ дьякомъ. Но Борисъ не допускалъ долгое время проживать спокойно тѣмъ, въ которыхъ видѣлъ себѣ соперниковъ и недоброжелателей. Борису, какъ говорятъ, донесли, будто Иванъ Мстиславскій, по наущенію другихъ, хочетъ зазвать Бориса на пиръ и предать его въ руки убійцъ. Трудно рѣшить, дѣйствительно ли было такъ на самомъ дѣлѣ, или же обвиненіе было выдумано. Борисъ, именемъ царя, приказалъ сослать Мстиславскаго въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь и постричь. Затѣмъ — схватили Воротынскихъ, Головиныхъ, Колычевыхъ и отправили въ ссылку по разнымъ мѣстамъ. Одинъ изъ Головиныхъ, Михайло, успѣлъ убѣжать въ Литву, подстрекалъ Баторія идти на Москву, увѣряя, что Бориса всѣ не терпятъ и не станутъ защищать существующаго правительства. Баторій давно только и думалъ о томъ, какъ бы снова начать войну; онъ повѣрилъ разсказамъ бѣглеца. Но Борисъ, узнавши объ этомъ впору, отправилъ въ Польшу пословъ Троекурова и Безнина,

которые разгласили, что Головинъ вовсе не бѣглецъ, что онъ — нарочно подосланный московскими боярами лазутчикъ и умышленно пытается вовлечь Баторія въ войну: послы говорили, что Московское Государство имѣетъ теперь достаточно силы дать отпоръ Польшѣ. Хитрость эта удалась не столько потому, чтобы вѣрили словамъ московскихъ пословъ, сколько потому, что паны, то тѣмъ, то другимъ способомъ, но всѣми силами старались отклонить своего короля отъ всякихъ воинскихъ предпріятій. Польскій сенатъ продолжилъ съ московскими послами перемиріе еще на два года, и отправилъ въ Москву знакомаго тамъ Михаила Гарабурду съ предложеніемъ, которое показалось страннымъ для русскихъ: заключить договоръ, по которому бы, въ случаѣ если умретъ прежде Баторій, возвести на польско-литовскій престолъ Ѳедора и наоборотъ, если Ѳедоръ умретъ прежде бездѣтнымъ, то ему преемникомъ будетъ Баторій. Бояре отвѣчали, что имъ не годится разсуждать о кончинѣ живого государя; дѣло кончилось ничѣмъ, но оно представляетъ своего рода важность, потому что послужило началомъ подобныхъ сношеній послѣ кончины Баторія.

Расправившись со Мстиславскимъ, Годуновъ дожидался случая раздѣлаться съ Шуйскими. Имъ были преданы многіе изъ московскихъ торговыхъ людей; ожидая отъ Годунова чего-нибудь враждебнаго къ Шуйскимъ, они заранѣе кричали, что побьютъ Годунова камнями, если онъ тронетъ кого-нибудь изъ этого рода. Митрополитъ Діонисій пытался-было примирить и сдружить между собою Годунова и Ивана Петровича Шуйскаго; онъ пригласилъ того и другого къ себѣ. Они наружно помирились. Когда Шуйскій сказалъ объ этомъ купцамъ, стоявшимъ толпою на площади, двое изъ нихъ выразились такъ: „помирились вы нашими головами, и намъ и вамъ отъ Бориса пропасть“. Оба эти купца въ ту же ночь исчезли неизвѣстно куда. Тогда Шуйскіе сообразили, что они погибнутъ, если не предупредятъ Годунова и не погубятъ его самого; они, въ соумышленіи съ митрополитомъ, зазвали къ себѣ гостей, купцовъ, нѣкоторыхъ служилыхъ людей и уговорили ихъ подписать царю челобитную, чтобъ царь, какъ-бы по просьбѣ всего русскаго народа, развелся съ безплодною Ириною, и выбралъ себѣ другую жену, чтобы имѣть наслѣдника. Заговорщики предполагали женить царя на княжнѣ Мстиславской, дочери насильно постриженнаго боярина князя Мстиславскаго. Но прежде, чѣмъ успѣли подать царю такую челобитную, Борисъ черезъ своихъ лазутчиковъ узналъ обо всемъ; вмѣсто того, чтобы гнѣваться, онъ кротко обратился къ митрополиту и пред-

ставлялъ ему, что разводъ есть беззаконное дѣло, притомъ и безполезное; Ѳедоръ и Ирина еще молоды и могутъ имѣть дѣтей, а если бы и не было ихъ, то у Ѳедора есть братъ Димитрій. Митрополитъ послушалъ этого совѣта и сталъ уговаривать Шуйскихъ оставить предпринятое намѣреніе. Годуновъ обѣщалъ не мстить за него никому. Спустя нѣсколько времени холопы Шуйскихъ, Ѳедоръ Старовъ съ товарищами, подали доносъ, будто существуетъ заговоръ противъ государя, которымъ руководятъ князья Шуйскіе. Лѣтописцы говорятъ, что самъ Борисъ подучилъ доносчиковъ; въ этомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ по примѣру царя Ивана, который не разъ пользовался такими же ложными доносами, чтобы придать личину справедливости своимъ убійствамъ. По доносу Старова, взяли подъ стражу князя Ивана Петровича и Андрея Ивановича Шуйскихъ, князя Василія Скопина-Шуйскаго, разныхъ ихъ друзей, князей Татевыхъ, Урусовыхъ, Быковыхъ, Колычевыхъ и множество гостей и купцовъ. Происходили допросы и пытки. Въ заключеніе, князей Ивана Петровича и Андрея Ивановича Шуйскихъ сначала приговорили только удалить въ ихъ вотчины, но когда они туда пріѣхали, то ихъ схватили, увезли одного на Бѣлоозеро, другого въ Каргополь, и удавили. Прочихъ знатныхъ людей разослали въ ссылку по городамъ, а Ѳедору Нагому и шестерымъ его товарищамъ отрубили головы. Княжну Мстиславскую, за то, что ее хотѣли враги Бориса посадить царицею на мѣсто Ирины, насильно постригли въ монахини; наконецъ, Годуновъ не простилъ и митрополиту, приказалъ сослать его въ Хутынскій монастырь; такая же участь постигла крутицкаго архіепископа Варлаама за то, что онъ настраивалъ царя противъ Бориса. Вмѣсто Діонисія, посадили на митрополію ростовскаго архіепископа Іова, во всемъ покорнаго Борису и, для сохраненія своего положенія, готоваго угождать во всемъ земной власти.

Съ этихъ поръ Борисъ сдѣлался вполнѣ единымъ и самовластнымъ правителемъ въ Московскомъ Государствѣ. Опытъ долженъ былъ научить всѣхъ, какъ неудобно покушаться отнимать у него власть. На будущее время безпокоили воображеніе Бориса потомки царской линіи: царевичъ Димитрій и Марія, вдова короля Магнуса (дочь Владимира Андреевича) съ малолѣтнею дочерью Евѳиміею. Расправу съ первымъ осторожный Борисъ отложилъ до удобнаго случая, а прежде раздѣлался съ послѣдними. Еще въ 1585 году онъ поручилъ англійскому купцу Горсею уговорить Марію Владимировну переѣхать съ дочерью въ Москву Риги, гдѣ поляки содержали ее очень скудно. Горсей

увѣрилъ ее отъ имени Бориса, что въ Москвѣ ее примутъ хорошо и надѣлятъ вотчинами. Королева съ дочерью убѣжала изъ Риги и прибыла въ Москву на почтовыхъ лошадяхъ, нарочно разставленныхъ для этого Борисомъ. Сначала Борисъ принялъ ее, какъ обѣщалъ, надѣлилъ вотчинами, деньгами, а черезъ нѣсколько времени, именемъ царя, ее разлучили съ дочерью, увезли и постригли въ Пятницкомъ монастырѣ близъ Троицы. Въ 1589 году маленькую дочь ея похоронили у Троицы съ почестями, какъ королевну. Всѣ твердили, что Борисъ приказалъ тайно умертвить ее.

Въ декабрѣ 1586 года умеръ Стефанъ Баторій. Въ слѣдующемъ году въ Польшѣ началось обычное избраніе новаго короля, въ которомъ важное участіе приняло Московское Государство. Предложеніе Гарабурды, хотя и было отвергнуто въ томъ видѣ, въ какомъ было сдѣлано, произвело, однако, сильное впечатлѣніе на правителя. Борисъ увидѣлъ возможность посадить на польско-литовскій престолъ Өедора, сообразно давнему желанію литовскихъ пановъ соединиться съ Московскимъ Государствомъ посредствомъ возведенія на свой престолъ московскаго государя. Вѣроятно, Борисъ разсчитывалъ, что расположеніе къ нему Польши и Литвы пригодится современемъ, и потому-то при вѣнчаніи Өедора онъ царскимъ именемъ выпустилъ на волю всѣхъ польскихъ плѣнниковъ. Слабоуміе Өедора не казалось большимъ препятствіемъ; напротивъ, можно было разсчитывать, что панамъ будетъ тѣмъ лучше, чѣмъ ихъ король меньше будетъ имѣть возможности показывать свою власть. Въ началѣ 1587 года Борисъ отправилъ въ Польшу дворянина Ржевскаго. Этотъ посланецъ повезъ царскую грамоту ко всѣмъ панамъ вообще и, кромѣ того, письма къ отдѣльнымъ духовнымъ и свѣтскимъ сановникамъ отъ имени царя. Каждаго приглашали хлопотать, чтобъ на престолѣ былъ Өедоръ. Давалось обѣщаніе свято сохранять всѣ шляхетскія права и вольности и, сверхъ того, надѣлить пановъ вотчинами и деньгами. Въ Польшѣ въ то время образовалось три партіи: одна, подъ предводительствомъ Зборовскихъ, хотѣла выбрать австрійскаго принца Максимиліана. Другая,—во главѣ которой былъ канцлеръ и гетманъ Замойскій, - склонялась къ избранію шведскаго королевича Сигизмунда, сына короля Іоанна и польской принцессы Екатерины. Третья, состоявшая преимущественно изъ литовскихъ пановъ, хотѣла московскаго государя. Вслѣдъ за Ржевскимъ послы: Степанъ Васильевичъ Годуновъ и князь Өедоръ Троекуровъ, съ думнымъ дьякомъ Василіемъ Щелкаловымъ, отправились въ

Польшу и повезли сорокъ восемь писемъ къ разнымъ панамъ съ самыми лестными предложеніями. Русскій царь обѣщалъ защищать польско-литовскія владѣнія московскими силами, строить на свой счетъ крѣпости, отвоевать у шведовъ и отдать Рѣчи Посполитой Эстонію, обязывался заплатить на 100,000 червонцевъ долги Стефана Баторія ратнымъ людямъ, предоставить свободную торговлю польско-литовскимъ людямъ въ Московскомъ Государствѣ; а главное, обѣщалъ не вступаться вовсе въ королевскіе доходы и все отдать панамъ въ управленіе, такъ что если новый государь пріѣдетъ въ Польшу, то не только не потребуетъ отъ нихъ никакихъ денегъ на свое содержаніе, но еще будетъ раздавать имъ свою казну. Борисъ наказывалъ своимъ посламъ соглашаться, если паны потребуютъ, чтобы царь былъ у нихъ королемъ только по имени, а они бы управлялись сами собою: пусть бы только Польша и Литва оставались въ мирѣ и соединеніи съ Москвою, готовыя дѣйствовать противъ общаго недруга.

Предложенія были дѣйствительно соблазнительны, но послы пріѣхали съ однимъ обѣщаніемъ денегъ, и безъ денегъ. Литовскіе паны объявили имъ, что надобно по крайней мѣрѣ готовыхъ 200,000 рублей, дабы склонить на московскую сторону Зборовскихъ и ихъ партію, а также, чтобы переманить деньгами людей отъ партіи Замойскаго. У пословъ денегъ не было. Несмотря на это, на избирательномъ сеймѣ большинство избирателей заявило себя на сторонѣ московскаго царя. Когда выставили три значка избирателей: австрійской стороны—нѣмецкую шляпу, шведской— сельдь и русской—Мономахову шапку,—то подъ русскимъ значкомъ оказалось болѣе всего избирателей. Выбрали пятнадцать человѣкъ депутатовъ для переговоровъ съ послами. Депутаты предложили московскимъ посламъ, чтобы царь приступилъ къ соединенію съ римскою церковью, прибылъ въ Варшаву черезъ десять недѣль, вѣнчался отъ гнѣзненскаго епископа; царь долженъ былъ написать въ своемъ титулѣ Польское королевство выше Московскаго Государства. Послы отказали наотрѣзъ, но увѣряли, что царь не будетъ вмѣшиваться въ дѣла римско-католической церкви. Замѣчательно, что послы, допуская свободный пріѣздъ польскихъ и литовскихъ людей въ Московское Государство, не хотѣли обѣщать такую же свободу пріѣзда въ Польшу и Литву московскихъ людей; они говорили: „это противно московскимъ обычаямъ, чтобы московскіе люди ѣздили всюду по своей волѣ безъ государева повелѣнія“: этимъ въ Польшѣ были недовольны.

Главное препятствіе къ выбору Ѳедора заключалось въ денежномъ вопросѣ. Послѣ рѣшительныхъ отвѣтовъ московскихъ пословъ, паны еще говорили имъ, что нужны деньги, чтобы подкрѣпить царскую сторону на сеймѣ, указывали на щедрость къ нимъ императора и испанскаго короля, просили немедленно 200,000. Посламъ негдѣ было достать этихъ денегъ. Паны потомъ требовали немедленно хотя 100,000—послы и этого не могли имъ дать!

Тогда на сеймѣ одна польская партія выбрала Максимиліана, другая—Сигизмунда. Литовцы не приставали ни къ той, ни къ другой, и еще разъ пытались сойтись съ московскими послами. Виленскій воевода Христофоръ Радзивиллъ и троцкій Янъ Глѣбовичъ заявляли имъ, что царю можно быть польскимъ королемъ, не приступая къ римской вѣрѣ; нужно только поманить папу надеждою въ будущемъ на соединеніе церквей; но эти паны во всякомъ случаѣ требовали наличными 100,000 рублей для поддержки партіи въ пользу московскаго государя, и наконецъ, спросили: захочетъ ли государь взять одну Литву, если поляки не согласятся на его избраніе? Они, вмѣстѣ съ тѣмъ, подавали надежду, что и южнорусскія области, уже присоединенныя къ Польшѣ, перейдутъ подъ власть московскаго государя. Москвѣ ничего не могло быть пріятнѣе этого предложенія, и Борисъ, узнавши о томъ отъ пословъ, отправилъ панамъ литовскимъ дары на 20,000 рублей, обѣщая дать еще деньгами 70,000. Но уже было поздно; поляки успѣли сойтись съ литовцами и склонить ихъ на сторону Сигизмунда. „Не надобно было—говорили послѣ того московскимъ посламъ паны—писать въ грамотахъ, что царю непремѣнно короноваться по греческому закону: если бы паны радные на это и согласились, то архіепископы и епископы ни за что до того не допустятъ; а они у насъ большіе люди“. Паны, тѣмъ не менѣе, приняли подарки, за исключеніемъ одного Христофора Радзивилла. Слѣдуя прежнимъ дружескимъ отношеніямъ къ Австріи, московскіе послы, увидя, что дѣло объ избраніи Ѳедора не клеится, по силѣ своего наказа, начали было давать совѣтъ объ избраніи Максимиліана: передъ тѣмъ только Максимиліанъ посылалъ въ Москву просить ея содѣйствія въ достиженіи польскаго престола. На рѣчь русскихъ пословъ поляки отвѣчали, что они не требуютъ ни отъ кого указаній, кого имъ избрать въ короли, а литовцы выразились, что „они ни за что не возьмутъ себѣ нѣмца въ государи, потому что нѣмецкій языкъ никогда словянскому добра не мыслитъ“. Послы московскіе успѣли только въ томъ, что заклю-

чили перемиріе на пятнадцать лѣтъ. Избраніе кончилось въ пользу Сигизмунда. Онъ короновался 16 декабря 1587 года. Максимиліанъ пытался-было добывать польскую корону оружіемъ, но былъ разбитъ Замойскимъ, взятъ въ плѣнъ и выпущенъ подъ условіемъ отказа отъ всякихъ притязаній на польскій престолъ.

Такимъ образомъ Борисъ затѣвалъ великое дѣло, но у него не стало ума и умѣнья добиться своей цѣли. Въ Польшѣ сѣлъ на престолѣ государь, котораго особенно не желали въ Москвѣ: сынъ шведскаго короля, съ которымъ Московское Государство находилось не въ дружелюбныхъ отношеніяхъ. Политика Бориса, однако, была не воинственна; онъ думалъ достигать политическихъ цѣлей хитростью и хотѣлъ находиться, насколько возможно, въ мирѣ со всѣми сосѣдями. Съ Швеціею существовало еще прежнее перемиріе, продолженное на четыре года въ 1585 году. Въ отношеніяхъ къ Крыму, Москвѣ помогали междоусобія, возникшія въ этой странѣ. Двое крымскихъ царевичей, Сайдетъ и Муратъ, враги крымскаго хана Исламъ-Гирея, нашли пріютъ въ Московскомъ Государствѣ. Ихъ помѣстили въ Астраханской землѣ и предполагали ими держать въ страхѣ Исламъ-Гирея, чтобы выставить противъ него опасныхъ соперниковъ, когда онъ вздумаетъ относиться непріязненно къ московскому государю. Это не избавило южные предѣлы Московскаго Государства отъ набѣговъ татарскихъ мурзъ; но, по крайней мѣрѣ, самъ ханъ не смѣлъ дѣлать нападенія. Заступившій мѣсто этого хана, въ 1588 году, Казы-Гирей избралъ для своихъ набѣговъ польскія области и извѣщалъ о томъ московское правительство, а Борисъ за это посылалъ ему подарки, несмотря на то, что находился тогда въ перемиріи съ Польшею. Борисъ, скоро по восшествіи Ѳедора на престолъ, отправлялъ посольство въ Турцію съ изъявленіемъ своего миролюбія. Тамъ приняли московскаго посла хотя миролюбиво, но довольно надменно; въ Константинополѣ не вѣрили увѣреніямъ въ дружбѣ и жаловались на буйство козаковъ, а московскій посолъ объяснялъ, что козаки—воры, бѣглые люди и не находятся въ послушаніи у государя. На юго-востокѣ, въ 1586 году, кахетинскій царь Александръ отдался въ подданство московскому государю. Это подданство могло быть полезно для грузиновъ, такъ какъ изъ Москвы отправили къ нимъ для исправленія тамошнихъ обрядовъ нѣсколько монаховъ, священниковъ и иконописцевъ, которые оказались очень учеными и свѣдущими людьми въ сравненіи съ грузинскимъ духовенствомъ; но для Московскаго Государства подданство грузинскаго царя влекло за собою только хлопоты и опасности, втягивало Москву

въ опасное столкновеніе съ Турціею, Персіею и горскими народами, такъ какъ Александръ былъ тѣснимъ со всѣхъ сторонъ и потому искалъ опоры въ Москвѣ. Власть надъ его землями оспаривали и персы, и турки; Борисъ уклонился отъ всякаго разрыва съ Турціею изъ-за царя Александра, а Персія, находясь въ ожесточенной враждѣ съ Турціею, сама предлагала союзъ Москвѣ, думая вооружить ее противъ Турціи. Но Борисъ ограничивался только словами и неясными обѣщаніями, изъ которыхъ ничего не выходило. Между тѣмъ, русскіе, принявши на себя обязанность защищать Александра, послали ему помощь противъ его врага, тарковскаго Шевкала, и напрасно потеряли до 3,000 своихъ людей. Тогда на берегу Терека былъ укрѣпленъ Борисомъ, еще прежде основанный и покинутый казаками, городъ Терскъ, и съ тѣхъ поръ постоянно имѣлъ ратныхъ людей и управлялся воеводами.

Въ 1587 году, Борисъ заключилъ договоръ съ Англіею. Елисавета, узнавши о силѣ Бориса, сама писала къ нему письмо, называла своимъ дорогимъ родственникомъ и просила дать такую привилегію членамъ англійской компаніи, чтобы они не только могли во всей Россіи торговать безпошлинно, но чтобы, кромѣ ихъ, не позволялось торговать никакимъ иноземцамъ; чтобы, сверхъ того, имъ было разрѣшено, при пособіи со стороны русскихъ, искать Китайской земли и пр. Требуя такихъ выгодъ для своихъ, Елисавета никакъ не хотѣла допустить московскимъ купцамъ ѣздить для торговли въ Англію. Борисъ отклонилъ излишнія требованія, какъ, напримѣръ, исключительное право англійской компаніи на торговлю въ русскихъ краяхъ съ изъятіемъ всѣхъ другихъ иноземцевъ; онъ указалъ на несообразность позволенія искать новыхъ земель, но далъ право безпошлинной торговли одной англійской компаніи, тогда какъ всѣ другіе иноземцы и даже англичане, не принадлежавшіе къ компаніи, облагались пошлинами. Торговля англичанъ въ русскихъ земляхъ была оптовая; розничная продажа не была имъ дозволена. Способъ торговли былъ преимущественно мѣновой, хотя англичанамъ предоставлялось право чеканить монету, платя за то пошлину, подобно тому, какъ въ то время монету дозволялось вообще бить денежнымъ мастерамъ по опредѣленной формѣ съ платежомъ пошлинъ въ казну. Главные предметы вызова изъ Россіи были: ленъ, пенька, рыба, икра, кожи, деготь, поташъ, сало, воскъ, медъ, мѣха. Воскъ не иначе дозволялось мѣнять, какъ на порохъ, селитру и сѣру—предметы, необходимые для ратнаго дѣла. По извѣстію англичанъ, въ началѣ царствованія Ѳеодора

чувствовался упадокъ вывоза противъ давняго времени, свидѣтельствовавшій объ уменьшеніи производительности въ странѣ. Такъ воску вывозилось прежде до 50,000 пудовъ, а въ началѣ царствованія Ѳедора только до 10,000; количество же вывозимаго сала упало со 100,000 пудовъ на 3,000; очень упала тогда торговля льномъ и пенькою послѣ утраты Нарвы и нарвской пристани, за то количество мѣховъ, которыхъ цѣнность означена англичанами на 500,000 руб. въ годъ, увеличилась послѣ открытія пути въ Сибирь и съ каждымъ годомъ возрастала по мѣрѣ движенія русскихъ на востокъ.

Извѣстія англичанъ объ упадкѣ вывозной торговли, относящіяся собственно къ послѣднимъ годамъ царствованія Грознаго, показываютъ, въ числѣ другихъ данныхъ, что народъ обѣднѣлъ въ это тяжелое время. Иначе и быть не могло при большихъ налогахъ и обременительныхъ повинностяхъ, вынуждаемыхъ продолжительными войнами, при свирѣпствахъ царя Ивана и произволѣ его слугъ и любимцевъ. Вообще въ Московскомъ Государствѣ устроено было все такъ, что преимущественно богатѣла царская казна, да еще тѣ, кто такъ или иначе служилъ казнѣ и пользовался ею; неудивительно, что иноземцы удивлялись изобилію царскихъ сокровищъ, и въ то же время замѣчали крайнюю нищету народа. Тогдашняя столица своимъ наружнымъ видомъ соотвѣтствовала такому порядку вещей. Иноземца, въѣзжавшаго въ нее, поражала противоположность съ одной стороны позолоченныхъ верховъ кремлевскихъ церквей и царскихъ вышекъ, съ другой—кучи курныхъ избъ посадскихъ людишекъ и жалкій грязный видъ ихъ хозяевъ. Русскій человѣкъ того времени, если имѣлъ достатокъ, то старался казаться бѣднѣе, чѣмъ былъ, боялся пускать свои денежки въ оборотъ, чтобы, разбогатѣвши, не сдѣлаться предметомъ доносовъ и не подвергнуться царской опалѣ, за которою слѣдовало отобраніе всего его достоянія „на государя“ и нищета его семьи; поэтому, онъ пряталъ деньги гдѣ-нибудь въ монастырѣ или закапывалъ въ землю про чорный день, держалъ подъ замкомъ въ сундукахъ вышитые золотомъ дѣдовскіе кафтаны и охабни, собольи шубы и серебряныя чарки, а самъ ходилъ въ грязной потертой однорядкѣ изъ грубаго сукна или въ овчинномъ тулупѣ и ѣлъ кое-что изъ деревянной посуды. Неувѣренность въ безопасности, постоянная боязнь тайныхъ враговъ, страхъ грозы, каждую минуту готовой ударить на него сверху, подавляли въ немъ стремленіе къ улучшенію своей жизни, къ изящной обстановкѣ, къ правильному труду, къ умственной работѣ. Русскій человѣкъ жилъ какъ-по-

пало, пріобрѣталъ средства къ жизни какъ-попало; подвергаясь всегда опасности быть ограбленнымъ, обманутымъ, предательски погубленнымъ, онъ и самъ не затруднялся предупреждать то, что̀ съ нимъ могло быть, онъ также обманывалъ, грабилъ, гдѣ могъ поживлялся на счетъ ближняго ради средствъ къ своему, всегда непрочному, существованію. Отъ этого русскій человѣкъ отличался въ домашней жизни неопрятностью, въ трудѣ лѣнью, въ сношеніяхъ съ людьми лживостью, коварствомъ и безсердечностью. Состояніе народа при Борисѣ было лучше, чѣмъ при Грозномъ, уже потому, что хуже временъ послѣдняго мало можно найти въ исторіи. Но основныя воззрѣнія на государственный порядокъ и общественный строй не измѣнялись. Внутренняя торговля была по прежнему стѣсняема безчисленнымъ множествомъ сборовъ и пошлинъ, а трудность и неудобства путей по прежнему препятствовали легкости сношеній. Притомъ правительство само тогда вело торговлю и съ нимъ невозможна была никакая торговая конкуренція. Казна иногда присвоивала себѣ на время торговлю какимъ-нибудь произведеніемъ (такъ было и весною въ 1589 г.) и никому не дозволялось торговать имъ. Накупивши по дешевымъ цѣнамъ товару, казна продавала купцамъ этотъ товаръ съ барышомъ, принуждая ихъ брать даже испорченный. Торговыя привилегіи англичанъ способствовали на время оживленію торговли, но влекли за собою эксплуатацію народной промышленности. Русскимъ купцамъ запрещалось ѣздить свободно за границу; исключеніе допускалось только по особому царскому позволенію; для иностранцевъ это было выгодно и они сами не желали этого, кромѣ поляковъ, которые не имѣли замысловъ истощать Русь путемъ торговли. Такимъ образомъ, русскіе не могли ознакомиться ни съ лучшимъ бытомъ, ни съ пріемами европейской торговли; въ то же время не предпринималось ни малѣйшихъ средствъ къ народному образованію; при такомъ состояніи, торговля западнымъ европейцевъ съ русскими имѣла печальный видъ сношеній ловкихъ и свѣдущихъ торгашей съ невѣждами, когда послѣдніе всегда бываютъ въ проигрышѣ, а первые наживаются на ихъ счетъ беззастѣнчивымъ образомъ.

Борисъ щеголялъ своею кротостію и тѣмъ благоденствіемъ, какое будто бы испытывалъ народъ подъ его управленіемъ; онъ приказывалъ московскимъ посламъ, отправлявшимся къ сосѣдямъ, разглашать, что въ Московскомъ Государствѣ не то, что̀ было прежде: всѣ живутъ во льготахъ. Вѣсти были преувеличены; если онѣ и были на сколько-нибудь справедливы, то развѣ относительно владычныхъ и монастырскихъ вотчинъ, да можетъ быть—

имѣній самого Бориса. Правда, Борисъ уже тѣмъ облегчалъ народъ, что избѣгалъ войнъ, въ чемъ сходился съ желаніями русскаго народа, роптавшаго, когда правительство начинало войну. Но иностранцы, вглядываясь въ народный бытъ, говорили, что въ это время налоги и повинности все-таки были обременительны. Замѣтимъ, что тогда уже существовала казенная продажа вина, учреждены были кабаки и кружечные дворы (неизвѣстно только, вездѣ ли); первыя извѣстія объ ихъ существованіи относятся къ послѣднимъ лѣтамъ царствованія Грознаго, и, кажется, способъ увеличивать казну на счетъ людского пьянства принадлежитъ ему. При Ѳедорѣ это учрежденіе было уже такъ тягостно для народа, что Борисъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ видѣ милости и особой льготы, по просьбѣ жителей, уничтожалъ кабаки. Управленіе тогдашняго времени не представляетъ ручательствъ для того, чтобъ народу было подъ нимъ очень хорошо. Тогда уже образовалась система управленія посредствомъ приказовъ [1]), въ которыхъ сидѣли бояре, или окольничіе и дьяки, послѣдніе собственно всѣмъ заправляли. Эта система приказнаго управленія имѣла отличительное свойство, вовсе не облегчавшее судьбу народа: все сосредоточивалось въ Москвѣ; часто люди должны были по своимъ нуждамъ обращаться издалека въ столицу, а дьяки тогда уже славились своею алчностью и взяточничествомъ; посулы (взятки) и поминки сдѣлались неизбѣжными признаками приказнаго управленія. По многимъ городамъ назначались воеводы, которые обыкновенно пробывали на одномъ мѣстѣ не болѣе года, а при воеводахъ были дьяки, и послѣдніе, хотя и были ниже дворянъ, обыкновенно посылаемыхъ въ званіи воеводъ, но какъ люди грамотные, болѣе имѣли силы, чѣмъ воеводы, часто безграмотные. Воеводы и дьяки, получая мѣста въ городахъ, должны были давать взятки въ приказахъ, а себя за то вознаграждали всякимъ образомъ на счетъ подчиненныхъ. Награбленное ими не всегда шло имъ впрокъ; нерѣдко ихъ, по лишеніи должности, обвиняли, въ видѣ наказанія ставили на правежъ и вымучивали у нихъ то, что̀ они успѣли высосать съ народа. Земское самоуправленіе сохранялось не вездѣ; мы его встрѣчаемъ въ бо̀льшей силѣ на сѣверѣ, а въ другихъ мѣстахъ

---

[1]) Главныхъ было четыре, называемыхъ четями: посольская, разрядная, помѣстная и казанскаго дворца; имъ подвѣдомственны были части или страны Московскаго Государства. Кромѣ нихъ, существовали еще избы или приказы: разбойный, холопій, приказъ большого прихода (куда собирались пошлины), дворцовый, стрѣлецкій, ямской. Вѣроятно, существовали такіе, о которыхъ первыя извѣстія случайно сохранились отъ нѣсколько поздняго времени.

ощутительна власть намѣстниковъ и воеводъ, и если формы самоуправленія существовали, то были подъ сильнымъ давленіемъ приказнаго порядка. Страхъ, который наводили опричники Ивана Грознаго, въ глазахъ народа оставался и въ это время вообще за царскими чиновниками. Посадскій или волостной человѣкъ, завидя издали дворянина или дьяка, убѣгалъ отъ него, а если встрѣчался съ нимъ или имѣлъ къ нему дѣло, то валялся у него въ ногахъ; за то, по замѣчанію англичанъ, всякій убогій крестьянинъ, ползающій предъ дворяниномъ, дѣлался жестокимъ мучителемъ своихъ братій, если только возвышался надъ ними и получалъ какое-нибудь начальство.

Вообще Борисъ въ дѣлахъ внутренняго строенія имѣлъ въ виду свои личные разсчеты и всегда дѣлалъ то, что̀ могло придать его управленію значеніе и блескъ. Такой смыслъ имѣло преобразованіе, совершенное имъ въ порядкѣ церковной іерархіи. Борисъ задумалъ учредить въ Московскомъ Государствѣ патріархію. Онъ воспользовался пріѣздомъ константинопольскаго патріарха Іереміи, который съ своимъ греческимъ духовенствомъ разъѣзжалъ для сбора милостыни и привезъ царю Ѳедору икону съ каплями Христовой крови. Гостямъ оказали очень блестящій и вмѣстѣ съ тѣмъ чванный пріемъ. Греки были поражены блескомъ золототканныхъ одеждъ царя и царицы, унизанныхъ жемчугомъ, усыпанныхъ дорогими камнями, богатствомъ окладовъ на безчисленныхъ ико̀нахъ, огромными серебряными сосудами, изображавшими звѣрей, птицъ, деревья, стѣнною мозаикою, блиставшею золотомъ и изображеніями изъ священной исторіи. Борисъ сообщилъ патріарху свое намѣреніе на счетъ учрежденія патріаршества. Іеремія одобрилъ это намѣреніе. Борисъ предложилъ самому Іереміи быть въ Москвѣ патріархомъ, но съ тѣмъ, чтобы онъ жилъ не въ Москвѣ, а во Владимірѣ, такъ какъ Борисъ ни за что не хотѣлъ удалять изъ столицы или оставлять въ ней не первымъ, а вторымъ своего любимца Іова. Іереміи не слишкомъ было хорошо въ Турціи; онъ готовъ былъ промѣнять ее на Русь, но не хотѣлъ жить иначе, какъ въ Мо̀сквѣ. Поэтому обѣ стороны сошлись на томъ, что Іеремія, надѣленный богатою милостынею, согласился на возведеніе митрополита Іова въ санъ патріарха. Для соблюденія законности, созвали соборъ и архіереи представили трехъ кандидатовъ, предоставляя царю избрать изъ нихъ по своему усмотрѣнію. Разумѣется, избранъ былъ Іовъ, и 26 января 1589 года совершилось его посвященіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ архіепископы: новгородскій, казанскій, ростовскій и крутицкій (иначе сарскій и подонскій,

жившій въ Москвѣ на Крутицахъ), возведены были въ санъ митрополитовъ, а шесть епископовъ получили архіепископскій санъ. Посѣщеніе Москвы константинопольскимъ патріархомъ было первымъ событіемъ въ своемъ родѣ и повлекло къ нѣкоторому приливу грековъ духовнаго сана въ Московское Государство и къ большему сближенію съ православнымъ Востокомъ. Бывшій въ Москвѣ вмѣстѣ съ Іереміею элассонскій епископъ Арсеній, возвратившись съ нимъ въ Грецію, пріѣхалъ опять въ Русь и получилъ суздальскую епархію; архіепископъ кипрскій Игнатій проживалъ въ Москвѣ. Отъ царя посылалась постоянно богатая милостыня на Востокъ.

Борису нужно было ласкать духовенство и возвышать его, чтобы, при всякой нуждѣ, опираться на него и находить въ немъ для себя могучую поддержку. Учрежденіе патріаршества давало русской церкви блескъ, сообщало этотъ блескъ и самому государству, которое у тогдашнихъ риторовъ называлось третьимъ Римомъ, но болѣе всего возвышало Бориса, получавшаго черезъ то и славу благодѣтеля русской церкви, и болѣе ручательства въ содѣйствіи своимъ видамъ со стороны духовенства: патріархъ былъ какъ бы государь; его титулъ возбуждалъ благоговѣйный страхъ, въ особенности сначала, пока былъ новымъ для русскихъ: что̀ скажетъ патріархъ, то должно быть истиною; а такой патріархъ, какимъ былъ Іовъ, всегда и во всемъ былъ готовъ потакать Борису. Въ сущности патріаршество мало приносило церкви внутренней силы; самостоятельность русской церкви и независимость отъ всякой другой церковной власти и безъ того утвердилась уже временемъ, а ручательства отъ произвола свѣтскихъ властей патріаршество ей не давало болѣе того, чѣмъ могъ бы дать соборъ при нравственной силѣ своихъ членовъ. Для истинной пользы русской церкви въ то время нужны были не титулы, не наружный блескъ, а образованные и нравственные пастыри: патріаршество, какъ показали послѣдствія, напротивъ, ставило преграду внутреннимъ преобразованіямъ какъ въ церкви, такъ и въ гражданскомъ обществѣ, и въ свое время было уничтожено, какъ одинъ изъ признаковъ, наиболѣе препятствовавшихъ культурному движенію русскаго общества.

Какъ ни старался Годуновъ избѣгать всякой войны съ сосѣдями, но въ 1590 году, по истеченіи перемирія со Швеціею, принужденъ былъ начать непріязненныя дѣйствія. Шведы удерживали отнятую при Грозномъ часть Вотской пятины и не хотѣли возвращать ее, хотя Борисъ и предлагалъ за нее деньги. Московскому Государству было особенно тяжело, что у него от-

няли море. Въ январѣ 1590 года началась война. Самого царя взяли въ походъ, находя полезнымъ, чтобъ онъ былъ при войскѣ. Шведы дѣйствовали плохо, не болѣе какъ черезъ мѣсяцъ сами предложили перемиріе на годъ, и уступили царю: Ямъ, Копорье и Иванъ-городъ. Русскимъ этого было недостаточно. Они хотѣли также возвратить Нарву и Корелу, но приступъ ихъ къ Нарвѣ былъ неудаченъ, и осторожный Борисъ, побоявшись подвергаться опасностямъ дальнѣйшей войны, поспѣшилъ взять то, что давалось, отлагая на будущее время возвращеніе остального. Съ тѣхъ поръ нѣсколько лѣтъ съѣзжались между собою русскіе и шведскіе уполномоченные; не могли сойтись, начинались опять военныя дѣйствія, вообще незначительныя; потомъ опять съѣзжались послы толковать о примиреніи, и только уже въ 1595 году заключили миръ. Шведы воротили русскимъ Корелу, а русскіе отказались отъ Нарвы и отъ всѣхъ притязаній на Эстонію.

Между тѣмъ, въ тѣ годы, когда происходили толки со шведами о границахъ, въ Московскомъ Государствѣ совершались важныя трагическія событія. Димитрій росъ въ почетномъ изгнаніи въ Угличѣ и представлялъ въ будущемъ большую опасность для Бориса. Ѳедоръ былъ бездѣтенъ, слабъ здоровьемъ и, въ случаѣ его смерти, царевичъ Димитрій былъ бы провозглашенъ его преемникомъ на престолѣ. Борису естественно грозила погибель. Нагіе и люди Димитріевой партіи, конечно, не простили бы ему ни его прошлаго величія, ни ихъ удаленія отъ царя. Этого мало; Димитрій, пришедши въ возрастъ, могъ быть опасенъ и для самого Ѳедора. Если были люди, которые тотчасъ же по смерти Грознаго думали вмѣсто Ѳедора посадить на престолѣ малолѣтняго Димитрія, то тѣмъ скорѣе самъ Димитрій, достигши совершеннолѣтія, могъ собрать около себя партію людей, которые были недовольны тѣмъ, что на престолѣ сидитъ слабоумный царь, а всѣмъ управляетъ временщикъ, и легко пристали бы къ намѣренію низложить Ѳедора. Разсказывали, что малолѣтній Димитрій уже въ дѣтствѣ показывалъ отцовскія наклонности, любилъ смотрѣть, какъ убиваютъ домашнихъ животныхъ и самъ, ради потѣхи, убивалъ ихъ палкою. Говорятъ, однажды играя съ дѣтьми, онъ сдѣлалъ изъ снѣга нѣсколько человѣкоподобныхъ фигуръ: одну изъ нихъ назвалъ Борисомъ Годуновымъ, другихъ—именами разныхъ бояръ, пріятелей Годунова, билъ ихъ палками, говорилъ, что рубитъ имъ головы, руки, ноги и прибавлялъ: „вотъ какъ будетъ, когда я стану царствовать!“ Смерть этого ребенка казалась не только полезною для видовъ Годунова, но и необходимою для его существованія.

Въ 1591 году Годуновъ отправилъ въ Угличъ надзирать за земскими дѣлами и надъ домашнимъ обиходомъ царицы Маріи своихъ довѣренныхъ людей: дьяка Михаила Битяговскаго съ сыномъ Даниломъ и племянникомъ Качаловымъ. Нагіе и сама царица не терпѣли этихъ людей. Нагіе безпрестанно съ ними ссорились.

15 мая 1591 года въ полдень, пономарь соборной углицкой церкви ударилъ въ набатъ. Народъ сбѣжался со всѣхъ сторонъ во дворъ царицы и увидѣлъ царевича мертваго съ перерѣзаннымъ горломъ. Изступленная мать обвиняла въ убійствѣ людей, присланныхъ Борисомъ. Народъ убилъ Михаила и Данила Битяговскихъ и Никиту Качалова, а сына царевичевой мамки Волоховой притащилъ въ церковь къ царицѣ и убилъ по ея приказанію предъ ея глазами. Умертвили еще нѣсколько человѣкъ по подозрѣнію въ согласіи съ убійцами.

Дали знать въ Москву. Борисъ отправилъ на слѣдствіе боярина князя Василія Ивановича Шуйскаго и окольничаго Андрея Клешнина. Послѣдній былъ человѣкъ, вполнѣ преданный и покорный Борису. Первый принадлежалъ къ роду, нерасположенному къ Борису, но, при стеченіи тогдашнихъ обстоятельствъ, волею-неволею долженъ былъ дѣйствовать въ его видахъ. Свидѣтелей убійства не было. Преступниковъ тоже. Шуйскій, человѣкъ хитрый и уклончивый, разсчиталъ, что если онъ поведетъ слѣдствіе такъ, что Борисъ будетъ имъ недоволенъ, то все-таки Борису ничего не сдѣлаетъ, потому что верховнымъ судьею будетъ тотъ же Борисъ, а себя подвергнетъ впослѣдствіи его мщенію. Шуйскій рѣшилъ вести слѣдствіе такъ, чтобы Борисъ былъ имъ вполнѣ доволенъ.

Слѣдствіе произведено было безсовѣстнымъ образомъ. Все натягивалось къ тому, чтобы выходило, будто царевичъ зарѣзался самъ. Осмотра тѣла не сдѣлали; людей, убившихъ Битяговскаго съ товарищами, не допросили. Царицу также не спрашивали. Показанія, снятыя съ разныхъ лицъ, кромѣ показанія одного Михайла Нагого, гласили одно, что царевичъ зарѣзался въ припадкѣ падучей болѣзни. Одни явно лгали, показывая, что сами видали, какъ происходило дѣло, другіе показывали то же, не выдавая себя очевидцами. Тѣло царевича было предано землѣ въ углицкой церкви св. Спаса.

Годуновъ подалъ это слѣдствіе на обсужденіе патріарха и духовенства. Патріархъ, всѣмъ обязанный Борису, произнесъ такое мнѣніе, какое угодно было его покровителю; ему не противорѣчили и прочіе святители, а заявили только, что это дѣло

земское, не церковное. Бояре не могли сопротивляться не только изъ страха передъ Борисомъ, но и потому, что не имѣли никакихъ данныхъ къ сопротивленію. Борисъ сослалъ всѣхъ Нагихъ въ отдаленные города въ заключеніе; царицу Марію постригли насильно подъ именемъ Маѳы и сослали въ монастырь св. Николая на Выксѣ (въ Череповецкомъ уѣздѣ). Надъ углицкими жителями совершена жестокая расправа: обвиненныхъ въ убійствѣ Битяговскаго съ товарищими казнили смертью; другимъ за смѣлыя рѣчи отрѣзали языки и многихъ жителей сослали въ Сибирь для заселенія города Пелыма. Преданіе говоритъ, что Годуновъ сослалъ въ Сибирь даже тотъ колоколъ, въ который били въ набатъ въ день убіенія Димитрія, и его до сихъ поръ показываютъ въ Тобольскѣ.

Правительство объявило и приказывало народу вѣрить, что смерть царевича произошла отъ самоубійства, но въ народѣ сохранилось убѣжденіе, что царевичъ былъ зарѣзанъ, по тайному приказанію Бориса. Ходили объ этомъ разные разсказы и были вносимы въ лѣтописи. Къ счастью для исторіи, сохранился одинъ разсказъ, носящій на себѣ явные признаки того, что онъ составленъ современникомъ и притомъ близко знавшимъ объ этомъ событіи. По этому разсказу царевичъ Димитрій въ день своей смерти чувствовалъ себя нездоровымъ, но, по обычаю, отслушалъ обѣдню, пришедши домой, перемѣнилъ платье; ему принесли богородицынъ хлѣбецъ (просфору). Царевичъ съѣлъ просфору и потомъ попросилъ пить, а послѣ того пошелъ съ своей кормилицей Тучковой-Ждановой погулять. Матери съ нимъ не было. Дяди Нагіе разъѣхались обѣдать. Когда царевичъ съ кормилицей подошелъ къ церкви св. Константина и Елены, появились Качаловъ и Данило Битяговскій, ударили кормилицу палкой, чтобы ошеломить ее и въ то же мгновеніе перерѣзали царевичу горло, а сами стали громко кричать... Прибѣжала царица, схватила царевича на руки... онъ умеръ. Царица велѣла ударить въ набатъ, сбѣжался народъ; царица съ воплемъ кричала, что царевича зарѣзали, указывала на убійцъ;.... народъ въ остервененіи побилъ камнями тѣхъ, на кого она указала.

Изъ этого разсказа видно, что свидѣтелей убійства собственно не было. Сама кормилица не могла прямо сказать, что видѣла, какъ его зарѣзали; она могла только возбудить подозрѣніе разсказомъ о томъ, какъ ее ударили. За то кормилицу, вмѣстѣ съ ея мужемъ, приказано было взять „бережно“, наблюдая, чтобъ они съ дороги не убѣжали, и привезти въ Москву. Неизвѣстно, куда дѣлась эта несчастная супружеская чета.

Остается неизвѣстнымъ, въ какой степени съ согласія Бориса убійцы совершили это дѣло: былъ ли имъ данъ положительный намекъ, или же (что вѣроятнѣе) они сами поняли, что если ловко обдѣлаютъ это дѣло, то Борисъ съумѣетъ ихъ наградить, не сказавши: за что онъ награждаетъ. Имъ не удалось получить награды; Борисъ только облагодѣтельствовалъ ихъ семейства.

Вскорѣ послѣ смерти царевича, 23 мая, на праздникъ Троицы, во время отсутствія царя, уѣхавшаго въ Сергіевъ монастырь, вспыхнулъ въ Москвѣ пожаръ, обратившій въ пепелъ значительную часть Бѣлаго Города. Борисъ тотчасъ началъ раздавать пособіе погорѣвшимъ и на собственный счетъ отстраивалъ цѣлыя улицы. Несмотря на такую щедрость, въ народѣ ходили слухи, что пожаръ произведенъ былъ людьми Годунова, по его приказанію, для того, чтобы отвлечь вниманіе столицы отъ совершеннаго убійства. Годуновъ съ своей стороны обвинялъ въ поджигательствѣ людей Нагихъ.

Менѣе чѣмъ два мѣсяца спустя, столица испытала новую тревогу. Крымскій ханъ Казы-Гирей долго обманывалъ Москву, увѣрялъ, что будетъ посылать татаръ на Литву, а на Москву не пошлетъ, и вдругъ неожиданно бросился съ громадною силою въ русскіе предѣлы. Тогда ожидали разрыва съ Швеціею и сосредоточивали военныя силы на сѣверѣ. Ханъ такъ скоро очутился на Окѣ, что русскіе думали только о защитѣ столицы. Осторожный Борисъ не взялъ на себя главнаго начальства надъ войскомъ, оборонявшимъ Москву, а поручилъ его князю Ѳедору Мстиславскому, самъ же занялъ послѣ него второе мѣсто. 4-го іюля, ханъ подошелъ къ селу Коломенскому; русскіе стояли въ обозѣ. Татары побились съ русскими и потеряли нѣсколько мурзъ. Ханъ ввечеру приблизился къ селу Воробьеву и смотрѣлъ съ вершины горы на Москву. Годуновъ приказалъ безъ умолку палить изъ пушекъ, а русскіе плѣнники сказали хану, что въ Москвѣ стрѣляютъ отъ радости, потому что туда пришли новыя силы изъ Новгорода и другихъ мѣстъ, и готовы на другой день утромъ ударить на хана. Ханъ немедленно бѣжалъ со всѣми своими силами. Мстиславскій и Годуновъ погнались за непріятелемъ, разбили его отставшія полчища близъ Тулы, но хана не могли нагнать. Онъ ускакалъ въ простой телѣгѣ въ Бакчисарай, растерявши по дорогѣ множество своихъ воиновъ.

Хотя Годуновъ, ожидая хана, сдалъ главное начальство Мстиславскому, но этотъ послѣдній получилъ отъ имени царя выговоръ за то, что въ своемъ донесеніи не упомянулъ имени Бо-

риса. Вся честь побѣды должна была приписываться Борису: объ этомъ велѣно было разсказывать и въ чужихъ земляхъ. Борисъ принялъ тогда титулъ „слуги“, который, по тогдашнему придворному обычаю, давался за важныя побѣды. Въ память спасенія Москвы заложенъ былъ монастырь, названный Донскимъ, отъ имени иконы Богородицы, находившейся съ Димитріемъ на Куликовомъ полѣ; она же была и съ Годуновымъ при защитѣ Москвы отъ Казы-Гирея.

Тогда, говоритъ современное повѣствованіе, писатели сплетали безмѣрныя, несказанныя похвалы правленію Бориса, желая угодить ему и расположить къ себѣ. Люди хоть и видѣли, что все это ложь, но не смѣли не только ничего сдѣлать, но даже чего-нибудь помыслить противъ Годунова. Онъ отнялъ у всѣхъ власть и всѣхъ держалъ въ страхѣ. Въ Алексинѣ начали ходить толки, что Борисъ самъ навелъ хана, чтобы отвлечь русскихъ отъ убійства Димитрія. Годуновъ тотчасъ приказалъ разыскать злословившихъ его, предавать пыткамъ, заключать въ темницы, рѣзать языки, но дѣйствовалъ такъ, какъ будто-бы все это шло не отъ него. Случится—говоритъ то же повѣствованіе,—что кого-нибудь надобно казнить, тогда писали: „приговорили князь Θедоръ Мстиславскій съ товарищи“, а если кого-нибудь жаловали или прощали, то писали: „пожаловалъ царь по прошенію Бориса Θедоровича“.

Въ слѣдующемъ, 1592 году, у царя Θедора родилась дочь Θеодосія. Борисъ показывалъ видъ радости, именемъ царя выпускалъ изъ темницъ узниковъ, раздавалъ милостыню духовенству, но никто не вѣрилъ его искренности, и когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ маленькая царевна умерла, въ народѣ пошли толки, что Борисъ отправилъ ее на тотъ свѣтъ.

Борисъ, однако, дѣлалъ свое дѣло и пріобрѣталъ себѣ всѣми мѣрами сторонниковъ. Уже онъ заручился расположеніемъ духовенства. Тарханы, уничтоженные соборнымъ приговоромъ, оставались въ прежней силѣ и постоянно давались новыя. Духовенство видѣло, что Борисъ защищаетъ его матеріальныя выгоды; нужно было Борису также расположить къ себѣ служилыхъ людей. И вотъ Борисъ издалъ законъ, уничтожавшій Юрьевъ день—право перехода крестьянъ съ земли одного владѣльца на землю другого. Всѣ крестьяне обязаны были навсегда оставаться въ повиновеніи своимъ помѣщикамъ и вотчинникамъ. Этимъ закономъ Борисъ до чрезвычайности угождалъ всей массѣ незнатныхъ землевладѣльцевъ, обязанныхъ службою и постоянно нуждавшихся въ рабочихъ рукахъ для достиженія средствъ благосостоянія и

для исправности на службѣ. Надобно замѣтить, что къ этому располагало еще и слѣдующее обстоятельство. Съ открытіемъ Сибири, съ занятіемъ земель на югѣ Московскаго Государства послѣдовало движеніе народа на новоселье. Пустѣли цѣлые посады и волости. Одинъ англичанинъ, проѣхавшій отъ Вологды до Ярославля, видѣлъ по дорогѣ до пятидесяти деревень, оставленныхъ жителями. Если не поставить предѣловъ такому движенію, то предстояла опасность, что средина государства лишится бо̀льшей части своего населенія, а оставшіеся не въ состояніи будутъ нести налоговъ и придутъ въ нищету. Притомъ же льготы, предоставленныя имѣніямъ монастырскимъ и владычнымъ, естественно приманивали туда крестьянъ отъ служилыхъ землевладѣльцевъ. Борисъ нуждался въ опорѣ со стороны духовенства и потому не рѣшался огорчить его дѣйствительнымъ отнятіемъ у него привилегій, но, съ другой стороны, онъ нуждался также въ расположеніи служилаго сословія. Борисъ прибѣгнулъ къ уничтоженію крестьянскаго перехода,—мѣрѣ, которая, удовлетворяя выгодамъ служилаго сословія, вмѣстѣ съ тѣмъ казалась выгодною для государства. Что касается до бояръ, владѣвшихъ большими вотчинами, то мѣра эта не представляла для нихъ на первыхъ порахъ ни особенныхъ выгодъ, ни чувствительныхъ потерь, такъ какъ они имѣли возможность давать крестьянамъ большія льготы и тѣмъ приманивать ихъ къ себѣ.

Но мѣра эта не по душѣ была простому народу, и съ этихъ поръ, вмѣсто законно переходившихъ отъ владѣльца къ владѣльцу крестьянъ, явились бѣглые, и число ихъ усиливалось съ каждымъ годомъ. Владѣльцы преслѣдовали ихъ, искали на нихъ суда, заводили тяжбы, требовали возвращенія крестьянъ; а тѣ изъ крестьянъ, которые были поудалѣе, бѣжали въ казаки или же умножали собою разбойничьи шайки. Самъ Борисъ, стараясь удержать народонаселеніе въ срединѣ государства, нуждался однако и въ расширеніи его на окраинахъ. Нашествіе крымскаго хана убѣждало его въ необходимости умножать число городовъ на югѣ и населять ратными людьми. Такимъ образомъ, въ концѣ 1593 года, Борисъ построилъ крѣпости внизъ по рѣкѣ Осколу: Бѣлгородъ, Осколъ, Валуйки. Ханъ Казы-Гирей, испытавши неудачу подъ Москвой, въ 1594 году заключилъ миръ и далъ шертную грамоту, обѣщаясь не безпокоить русскихъ предѣловъ, но этотъ миръ былъ купленъ: русскіе заплатили 10,000 рублей и одарили хана тканями и мѣхами; — такой миръ былъ непроченъ, потому что крымцы дружили до тѣхъ поръ, пока брали подарки, а переставши ихъ получать, считали разорительные на-

бѣги лучшимъ средствомъ заставить платить имъ снова. Чтобы обуздать крымскаго хана, Борисъ отправлялъ посольство въ Константинополь, просилъ султана запрещать татарамъ безпокоить русскіе предѣлы, увѣрялъ, что русскій государь питаетъ любовь къ султану и не слушаетъ совѣтовъ императора, папы, короля польскаго и короля испанскаго и персидскаго шаха, которые убѣждаютъ его идти войною на Турцію; но турецкій визирь съ гордостью отвѣчалъ московскому послу, что Турція никого не боится, а если московскій государь желаетъ дружбы султана, то пусть отдастъ ему Астрахань и Казань, отступится отъ грузинскаго царя, который есть подданный султана, пусть, сверхъ того, сведетъ съ Дону казаковъ. Въ Турціи очень хорошо понимали лживость увѣреній въ дружбѣ. Дѣйствительно, московское правительство называло передъ турками казаковъ разбойниками, однако посылало къ казакамъ воинскіе снаряды и готово было пользоваться ихъ услугами противъ мусульманъ. Съ императоромъ велись нѣсколько лѣтъ сношенія: главнымъ предметомъ были переговоры насчетъ предполагаемой войны съ турками. Сношенія эти ничѣмъ не кончились, кромѣ подарковъ, съ обѣихъ сторонъ довольно значительныхъ, такъ что однажды со стороны русскихъ было послано на воинскія издержки мѣховъ на 44,000 рублей. Столько же безплодны были сношенія съ персидскимъ шахомъ Аббасомъ; толковали о томъ, что слѣдуетъ русскимъ сообща съ персіянами воевать противъ турокъ, но ни тѣ, ни другіе ничего не предпринимали. Также мало имѣли значенія два посольства папы Климента VIII, дважды отправлявшаго въ Москву своего легата Комулея съ цѣлью убѣдить московскаго царя дѣйствовать противъ турокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ поговорить и о соединеніи церквей. Болѣе искренни со стороны Бориса были сношенія съ Англіею, въ особенности, когда не стало дьяка Андрея Щелкалова: хотя послѣдній былъ всегда во всемъ за-одно съ Борисомъ, но по отношенію къ англичанамъ—не питалъ того расположенія, какое оказывалъ къ нимъ Годуновъ. Замѣчательно, что Елисавета до того дорожила добрымъ расположеніемъ къ себѣ московскаго правительства, даровавшаго купцамъ такія выгоды, что подвергла запрещенію книгу Флетчера о русскомъ государствѣ, гдѣ представленъ въ черномъ видѣ государственный строй и самъ Борисъ является не въ выгодномъ свѣтѣ.

Всякое общественное бѣдствіе и всякое общественное предпріятіе давали Борису поводъ показывать свою заботливость о судьбѣ народа. Въ Москвѣ, въ 1585 году случился пожаръ въ

Китай-Городѣ, и Борисъ способствовалъ скорѣйшему возобновленію сгорѣвшихъ дворовъ; вслѣдъ затѣмъ открылось покушеніе зажечь Москву: и Борисъ, къ удовольствію народа, предалъ казни виновныхъ. Происходили пожары и въ другихъ городахъ—и тамъ Борисъ подавалъ помощь погорѣвшимъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были неурожаи: Борисъ посылалъ туда хлѣбные запасы. Посѣтило Русь также нерѣдкое въ ея исторіи бѣдствіе—заразительныя болѣзни, сильно опустошавшія тогда Псковъ: Борисъ учреждалъ заставы, чтобы не дать имъ распространиться въ другихъ областяхъ. Въ 1596 г. задумалъ Борисъ строить каменныя стѣны въ Смоленскѣ и, вмѣсто того, чтобы, по обычаю, гонять людей на городовое дѣло, устроилъ работы наймомъ. Онъ самъ отправился на мѣсто постройки, чтобы показать себя тамошнимъ жителямъ: они находились близко къ литовскимъ предѣламъ; у нихъ еще свѣжо было преданіе, что ихъ дѣды принадлежали Литвѣ; имъ особенно полезно было показать, что въ Москвѣ правительство доброе и впередъ можно ожидать отъ него всякаго добра. Борисъ останавливался въ городахъ и селахъ, съ участіемъ выслушивалъ челобитныя, поилъ, кормилъ тамошнихъ людей, раздавалъ бѣднымъ милостыню.

Лаская служилое сословіе, Борисъ, въ 1597 году, подтвердилъ законъ о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ, установилъ, чтобы всѣ, убѣжавшіе изъ помѣстій и вотчинъ въ теченіе предшествовавшихъ пяти лѣтъ, были отыскиваемы и возвращаемы къ повиновенію помѣщикамъ и вотчинникамъ; сверхъ того, онъ узаконилъ, чтобы всѣ тѣ, которые прослужили и прослужатъ у господъ не менѣе полугода, дѣлались черезъ то самое ихъ вѣчными холопами и были записаны въ книги посольскаго приказа. Такое узаконеніе, конечно, было пріятно для служилыхъ, нуждавшихся въ рабочихъ рукахъ, и много было обязанныхъ Борису, а потому готовыхъ стоять за него ради собственныхъ интересовъ, но мало было истинно любившихъ его. Всѣ щедроты и благодѣянія правителя толковались въ дурную сторону, а злые языки безпрестанно приписывали ему новыя злодѣянія. Ослѣпъ Симеонъ Бекбулатовичъ, котораго нѣкогда Грозный сдѣлалъ на время игрушечнымъ русскимъ государемъ: распространили слухъ, будто Борисъ испортилъ его посредствомъ волшебнаго питья.

Царь Ѳедоръ Ивановичъ былъ чуждъ всего, соотвѣтственно своему малоумію. Вставалъ онъ въ четыре часа; приходилъ къ нему духовникъ со святою водою и съ иконою того святого, чья память праздновалась въ настоящій день. Царь читалъ вслухъ молитвы, потомъ шелъ къ царицѣ, которая жила особо, вмѣстѣ

съ нею ходилъ къ заутрени, потомъ садился въ кресло и принималъ близкихъ лицъ, особенно же монаховъ; въ 9 часовъ утра шелъ къ обѣднѣ, въ одиннадцать часовъ обѣдалъ, потомъ спалъ, потомъ ходилъ къ вечернѣ, иногда же передъ вечернею въ баню. Послѣ вечерни царь до ночи проводилъ время въ забавахъ: ему пѣли пѣсни, сказывали сказки; шуты потѣшали его кривляньями. Ѳедоръ очень любилъ колокольный звонъ и самъ иногда хаживалъ звонить на колокольню. Часто онъ совершалъ благочестивыя путешествія, ходилъ пѣшкомъ по московскимъ монастырямъ, посѣщалъ, вмѣстѣ съ царицею, Троицкую обитель, монастырь Пафнутія Боровскаго и другіе. Но кромѣ такихъ благочестивыхъ наклонностей, Ѳедоръ показывалъ и другія, напоминавшія нравъ родителя: онъ любилъ смотрѣть на кулачные бои и на битвы людей съ медвѣдями. Челобитчики, обращавшіеся къ нему, не видѣли отъ него участія: „избѣгая мірской суеты и докуки", онъ отсылалъ ихъ къ Борису. Царица Ирина отъ своего имени иногда давала милостивыя повелѣнія, и въ день своего ангела выпускала узниковъ изъ темницъ. Слабоуміе Ѳедора не внушало, однако, къ нему презрѣнія: по народному воззрѣнію, малоумные считались безгрѣшными и потому назывались „блаженными". Монахи восхваляли благочестіе и святую жизнь царя Ѳедора; ему заживо приписывали даръ прозрѣнія и прорицанія: разсказывали, между прочимъ, что, во время нападенія Казы-Гирея на Москву, блаженный царь молился и предрекъ бѣгство крымцевъ. Болѣзненность склонила его къ преждевременной смерти. Онъ скончался 7 января 1598 года, на сорокъ-первомъ году своей жизни.

Борисъ объявилъ, что умершій царь передалъ державу свою царицѣ Иринѣ и поручилъ „строить свою душу" патріарху Іову, и съ нимъ шурину своему Борису и двоюродному брату Ѳедору Никитичу Романову-Юрьеву.

Это была неслыханная новость: никогда еще женщина не царствовала самобытно, не будучи опекуншею дѣтей; притомъ жена послѣ мужа не могла быть преемницею ни по какому праву. Но права престолонаслѣдія уже не существовало. Еще Иванъ III своими рѣчами и поступками показалъ, что государь можетъ отдавать свое государство кому захочетъ. Грозный пріучилъ не разсуждать ни о какихъ правахъ. Единственное, что̀ сохранилось еще въ воззрѣніи народа—это воля Земли, которую призывалъ Иванъ Грозный для освященія своей опричнины и въ которой оказалась необходимость для утвержденія Ѳедора на престолѣ. Иринѣ мужъ при смерти передалъ державу, но Ирина имѣла только временное значеніе правительницы государства,

пока не установится выборъ всею Землею. Чрезъ девять дней Ирина постриглась въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Тогда собрались бояре и постановили, что правленіе остается въ рукахъ бояръ. Созвали народъ цѣловать крестъ боярской Думѣ, но созванная толпа состояла въ большинствѣ изъ доброжелателей Бориса. Они закричали, чтобы царемъ былъ Борисъ.

Іовъ тотчасъ воспользовался этимъ и сталъ говорить, что слѣдуетъ идти просить Бориса принять царство.

Духовенство было съ нимъ за-одно; толпа служилыхъ одобрила предложеніе; между боярами были родственники и сторонники Годунова, его воцареніе обѣщало имъ выгоды и почести; Шуйскимъ, Мстиславскому, Романовымъ, Черкасскимъ не по сердцу оно было, но они не въ силахъ были противостать общему желанію. Всѣ отправились въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ находился Борисъ съ сестрою, которая уже приняла имя инокини Александры. Борисъ показывалъ видъ, будто весь погрузился въ богомысліе.

Патріархъ просилъ сначала бывшую царицу благословить на царство брата своего, потомъ обратился къ Борису и говорилъ:

„Будь намъ милосердымъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ, не дай въ попраніе православной вѣры и въ расхищеніе христіанъ православныхъ“.

Борисъ на это отвѣчалъ:

„И въ разумъ мнѣ никогда не приходило и въ мысли того не будетъ, чтобы мнѣ царствовать; какъ можно, чтобы я помыслилъ на такую высоту! Да теперь намъ время помышлять, какъ бы устроить праведную и безпорочную душу государя царя и великаго князя Ѳеодора Ивановича, а о государствѣ и земскихъ дѣлахъ радѣть и промышлять тебѣ, отцу святѣйшему патріарху и боярамъ вмѣстѣ съ тобою. А если моя работа пригодится, такъ я радъ голову положить за святыя божіи церкви и за одну пядь земли“.

Патріархъ приводилъ ему примѣры изъ Ветхаго Завѣта и византійской исторіи, когда лица не-царскаго происхожденія пріобрѣтали славу своими заслугами и были избираемы на царство. Но Борисъ не поддался риторикѣ и силѣ историческихъ примѣровъ и отказывался.

Патріархъ еще устраивалъ такія же путешествія, и для большей наглядности служилые, расположенные къ Борису, взяли съ собою женъ и дѣтей. Но и это не помогло. Борисъ говорилъ, что думаетъ о спасеніи души, а не о земномъ величіи.

Тогда патріархъ сказалъ народу, что надобно подождать окончанія сорокоуста: Борисъ Өедоровичъ съ своимъ обычнымъ благочестіемъ весь предался молитвѣ за своего благодѣтеля, царя Өедора Ивановича, а тѣмъ временемъ надобно созвать земскій соборъ изъ людей всякаго чина; когда всею землею начнутъ его просить—онъ не дерзнетъ противиться.

Пособники Борисовы поѣхали по городамъ содѣйствовать, чтобы въ Москву съѣхались такіе люди, которые благопріятствуютъ Борису. Къ началу масляницы собрались въ Москвѣ выборные люди.

Соборъ этотъ устроенъ былъ заранѣе въ видахъ Бориса. Всѣхъ членовъ было 474 человѣка; изъ нихъ 99 было изъ духовнаго званія, а 272 изъ служилыхъ, изъ которыхъ 119 небогатыхъ помѣщиковъ, всѣмъ обязанныхъ Борису; на долю собственно народа приходилось немного: изъ нихъ надобно отнести къ сторонникамъ Годунова гостей, связанныхъ съ нимъ интересами торговли, такъ какъ, владѣя большими имѣніями, онъ продавалъ имъ свои произведенія. Въ числѣ собравшихся были, однако, и недоброжелатели Бориса, да ничего не могли они сдѣлать; имъ даже и говорить не дали.

17 февраля въ первый разъ собрались выборные люди въ Кремлѣ. Патріархъ, спросивши ихъ: кому быть на государствѣ царемъ, не дождался отъ нихъ отвѣта, не допустилъ ихъ ни разсуждать, ни спорить, а сказалъ, что у патріарха, у всего духовенства, у бояръ, дворянъ, приказныхъ и служилыхъ людей и у всѣхъ православныхъ христіанъ, которые были въ Москвѣ прежде, одна мысль: молить Бориса Өедоровича, чтобъ онъ былъ на царствѣ, и не хотѣть иного государя. Сторонники Бориса стали тотчасъ восхвалять его добродѣтели, а патріархъ затѣмъ объявилъ: кто захочетъ искать иного государя, кромѣ Бориса Өедоровича, того предадутъ проклятію, и отдадутъ на кару градскому суду.

Послѣ такого заявленія никто не посмѣлъ и заикнуться противъ воли патріарха.

Патріархъ назначилъ три дня молиться, поститься, а на четвертый день, 20 февраля, въ понедѣльникъ на сырной недѣлѣ, двинулся со всѣми выборными людьми въ Новодѣвичій монастырь. За выборными людьми пошла громада московской черни: мужчины, женщины, дѣти. Пособники Бориса ходили между чернью и объявляли, что кто не пойдетъ просить Бориса на царство, съ того возьмутъ пени два рубля. Борисъ вышелъ и наотрѣзъ сказалъ, что не помышляетъ о высотѣ царства. Тогда,

возвратившись въ Кремль, патріархъ объявилъ, что нужно вновь на другой день просить Бориса Өедоровича и нести къ нему икону Богородицы изъ Вознесенскаго монастыря. „Если Борисъ Өедоровичъ не согласится — говорилъ патріархъ—то мы со всѣмъ освященнымъ соборомъ отлучимъ его отъ церкви Божіей, отъ причастія св. Таинъ, сами снимемъ съ себя святительскіе саны и за ослушаніе Бориса Өедоровича не будетъ въ церквахъ литургіи, и учинится святыня въ попраніи, христіанство въ разореніи и воздвигнется междоусобная брань, и все это взыщетъ Богъ на Борисѣ Өедоровичѣ“.

Во вторникъ, 21 февраля, зазвонили во всѣхъ московскихъ церквахъ и народъ, вслѣдъ за патріархомъ, огромною толпою двинулся къ Новодѣвичью монастырю. Борисъ вышелъ на-встрѣчу чудотворной иконѣ и поклонился до земли. „Не мы сей подвигъ сотворили,— говорилъ патріархъ, — а Пречистая Богородица съ Предвѣчнымъ Младенцемъ и святыми чудотворцами возлюбила тебя и изволила придти напомнить тебѣ волю Сына своего Бога нашего; повинись Его святой волѣ, не наведи на себя своимъ ослушаніемъ гнѣва Божія“.

Борисъ ушелъ къ сестрѣ въ келью; патріархъ отслужилъ обѣдню, потомъ пошелъ въ келью съ нѣсколькими боярами, приверженцами Бориса. Толпа стояла на дворѣ кругомъ кельи. Бояре изъ оконъ кельи давали знакъ приставамъ, а приставы заставляли народъ кланяться, вопить и плакать. Здѣсь было много женщинъ съ младенцами. Многіе москвичи изъ раболѣпства и страха, за недостаткомъ слезъ, мочили глаза слюнями, а тѣхъ, которые неохотно вопили и кланялись, Борисовы пособники понуждали въ спину пинками. „И они — говоритъ лѣтописецъ—хоть не хотѣли, а по неволѣ выли по-волчьи“. Патріархъ, истощивши старанія тронуть сердце Бориса зрѣлищемъ плачущаго русскаго народа, сталъ, наконецъ, грозить ему, что онъ принесетъ Богу отвѣтъ, если въ безгосударное время будетъ въ попраньи святая вѣра и православные христіане въ расхищеніи отъ иноземцевъ.

Инокиня Александра стала уговаривать Бориса. „Неужели— сказалъ онъ—и тебѣ, моей государынѣ, угодно возложить на меня такое невыносимое бремя, о которомъ у меня никогда и на мысли не было и на разумъ не приходило“.

„Это божье дѣло, а не человѣческое, — сказала Александра:—какъ будетъ воля Божья, такъ и твори“.

Тогда Борисъ съ видомъ скорби залился слезами и, поднявши

глаза къ небу, сказалъ: „Господи Боже мой, я твой рабъ: да будетъ воля твоя!“

Патріархъ благословилъ Бориса, сестру и жену его, затѣмъ вышелъ къ народу и провозгласилъ: „Борисъ Ѳедоровичъ насъ пожаловалъ: хочетъ быть на великомъ россійскомъ царствіи“.— „Слава Богу“—кричали всѣ, а приставы толкали людей, чтобъ тѣ кричали погромче и повеселѣе.

26 февраля, Борисъ прибылъ въ Москву, поклонился святынѣ, а потомъ опять уѣхалъ въ Новодѣвичій монастырь, какъ будто на постный подвигъ, и не прежде прибылъ въ столицу, какъ послѣ Пасхи. Вѣнчаніе на царство происходило 1 сентября. Тогда Борисъ сказалъ громко патріарху: „Богъ свидѣтель, отче, въ моемъ царствѣ не будетъ нищихъ и бѣдныхъ“. Затѣмъ, взявшись за воротникъ рубашки, онъ прибавилъ: „и эту послѣднюю раздѣлю со всѣми!“

Борисъ разсчиталъ, что нужно на первыхъ порахъ расположить къ себѣ народъ, пріучить любить себя и повиноваться себѣ. Съ этою цѣлью онъ освободилъ весь сельскій народъ отъ податей на одинъ годъ, а равно и всѣхъ инородцевъ отъ платежа ясака. Всѣмъ торговымъ людямъ Борисъ далъ право безпошлинной торговли на два года, служилымъ людямъ выдалъ одновременно годовое жалованье. Въ Новгородѣ (и быть-можетъ въ другихъ мѣстахъ) онъ закрылъ кабаки. Выказываясь блюстителемъ нравственности, Борисъ преслѣдовалъ безчинное пьянство, что̀ нравилось добронравнымъ людямъ. Сидѣвшіе въ тюрьмахъ получали свободу, опальнымъ прежняго царствованія давалось прощеніе; вдовы, сироты, нуждающіеся получали отъ щедротъ царя вспоможеніе. Борисъ непрестанно кормилъ и одѣвалъ неимущихъ. Казней не было. Борисъ даже воровъ и разбойниковъ не наказывалъ смертью. Но все это была только мишура. Всѣ благія стремленія Бориса клонились только къ одной цѣли: утвердить себя и родъ свой на престолѣ; онъ сочинилъ особую молитву о своемъ здравіи, которую заставлялъ всѣхъ подданныхъ непремѣнно произносить во время заздравныхъ чашъ. Борису хотѣлось чтобы русскіе во что бы то ни стало и какими бы то ни было путями привыкли къ нему и полюбили его. Цѣль мало достигалась. Только духовенство и служилые были дѣйствительно за Бориса; народъ не любилъ его. Законы о прикрѣпленіи къ землѣ и о холопствѣ стали источниками смутъ и безпорядковъ. Крестьяне безпрестанно бѣгали отъ помѣщиковъ; тѣ искали ихъ, преслѣдовали; возникали изъ-за нихъ тяжбы. Законъ о холопствѣ приводилъ ко всевозможнымъ насиліямъ. Не только прослужившіе шесть мѣсяцевъ

попадали въ рабство; иногда судья, въ угоду богатому, приговаривалъ къ холопству и такого, который нѣсколько дней прослужилъ у господина, и это дѣлалось на томъ основаніи, что господинъ на него издержался. Призовутъ мастерового работать въ домъ, а господинъ дома изъявитъ притязаніе, что онъ его холопъ. Начнется судъ; судья потакаетъ господину, взявши съ него взятку. Иного зазовутъ человѣка въ гости, обласкаютъ, покормятъ, а потомъ вымучатъ у него кабалу. Даже дѣтей боярскихъ—которые имѣли помѣстья и поступали къ боярамъ и къ богатымъ дворянамъ служить въ ратномъ дѣлѣ—сильные господа, при случаѣ, принужденіемъ обращали въ холоповъ. Хватали иногда прохожихъ по дорогѣ, затаскивали въ домъ и вымогали съ нихъ кабалу муками и насиліями. Богатый на бѣдняка подаетъ искъ, и бѣдняка присуждаютъ въ рабство богатому. За то ловкіе пройдохи пользовались обстоятельствами: продадутъ себя въ одномъ домѣ, поживутъ и обокрадутъ хозяина; бѣгутъ въ иной домъ или городъ и тамъ сдѣлаютъ то же, перейдутъ къ третьимъ и т. д. Такимъ образомъ, между господами и холопами была круговая порука: то господинъ обращаетъ насильно свободнаго человѣка въ холопа, то послѣдній, сдѣлавшись добровольно холопомъ, разоряетъ господина.

Но минули льготные годы, возобновились кабаки, пьянство опять сдѣлалось источникомъ казенныхъ доходовъ и причиною народнаго развращенія. И вотъ въ то время, когда Борисъ разсыпалъ свои щедроты, по дорогамъ нападали на проѣзжихъ, разбойничьи шайки умножались и увеличивались, и въ самой Москвѣ, стоило выдти ночью съ двора, можно было опасаться, что кто-нибудь свиснетъ кистенемъ въ голову. Каждое утро привозили въ земскій приказъ убитыхъ и ограбленныхъ на улицахъ.

По отношенію къ сосѣдямъ Борисъ держался прежней своей политики: сохранять сколько возможно миръ, хотя при случаѣ не гнушался и коварствомъ. Польско-литовскій посолъ Левъ Сапѣга предлагалъ дружески тѣсный оборонительный союзъ Москвы съ Польшею. Но это намѣреніе не состоялось, потому что русскіе ни за что не хотѣли дозволить постройку костеловъ для поляковъ въ своемъ государствѣ. Заключено было только перемиріе на двадцать лѣтъ. Борисъ, вопреки этому перемирію, думалъ исподтишка возбудить ливонцевъ противъ поляковъ: онъ хотѣлъ расположить ихъ, между прочимъ, тѣмъ, что освободилъ всѣхъ бывшихъ въ плѣну ливонцевъ и пораздавалъ имъ помѣстья. Какъ-бы въ досаду Сигизмунду, Борисъ принялъ къ себѣ Густава, изгнаннаго сына Эрика XIV, далъ ему въ удѣлъ Калугу, хотѣлъ

женить на своей дочери, а потомъ, разсердившись на него за то, что онъ не хотѣлъ разставаться со своей любовницей, сослалъ его въ Угличъ. Съ Елисаветой Борисъ продолжалъ находиться въ самыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ, но, предоставляя право безпошлинной торговли для англичанъ, сбавилъ, однако, на половину пошлины и съ ганзейскихъ торговцевъ. Папа обращался къ Борису съ просьбою о пропускѣ его пословъ въ Персію, и Борисъ велѣлъ дать имъ суда до Астрахани. Борисъ велъ сношенія съ тосканскимъ герцогомъ и просилъ доставить ему искусныхъ медиковъ и разныхъ художниковъ. Съ крымскимъ ханомъ подтвержденъ былъ мирный договоръ. Только дѣла въ Закавказьѣ шли неудачно. Кахетинскій царь Александръ, поддавшійся Москвѣ, былъ умерщвленъ сыномъ своимъ Константиномъ. Русскіе должны были оставить Кахетію. Турки вытѣснили русскихъ изъ Тарковъ съ большою потерею для послѣднихъ.

Никто изъ прежнихъ московскихъ царей не отличался такою благосклонностью къ иностранцамъ, какъ Борисъ. Онъ пригласилъ въ свою службу ливонскихъ нѣмцевъ, принималъ также къ себѣ иностранцевъ, пріѣзжавшихъ изъ Германіи, Швеціи, Франціи, составилъ особый отдѣлъ войска изъ иноземцевъ, далъ всѣмъ ливонцамъ, поселеннымъ еще при Грозномъ въ Москвѣ, льготы отъ податей и повинностей, а для нѣкоторыхъ изъ нихъ предоставилъ право безпошлинной торговли, позволилъ построить въ Нѣмецкой слободѣ протестантскую церковь, пригласилъ къ себѣ нѣсколько иностранныхъ врачей и аптекарей, впрочемъ, для собственнаго обихода, запрещая лечить кого бы то ни было иначе, какъ съ царскаго дозволенія. Иностранцы, довольные обхожденіемъ съ ними Бориса, говорятъ, что онъ даже помышлялъ выписывать изъ-за границы ученыхъ людей и заводить въ Москвѣ высшую школу, но духовенство воспротивилось этому. Борисъ ограничился тѣмъ, что отправилъ учиться въ Англію четырехъ русскихъ дворянъ: это были первые русскіе, поѣхавшіе для образованія за-границу; замѣчательно, что никто изъ нихъ не захотѣлъ вернуться домой. Нѣсколько позже, Борисъ посылалъ еще нѣсколько молодыхъ людей для той же цѣли въ Австрію и Германію. Эти поступки не даютъ, однако, права видѣть въ Борисѣ какого-то преобразователя и ревнителя народнаго просвѣщенія, какъ нѣкоторые полагали. Борису нужно было нѣсколько образованныхъ людей для своего придворнаго обихода; доказательствомъ служитъ то, что Борисъ запрещалъ своимъ иностраннымъ медикамъ лечить подданныхъ.

Воспитанный при дворѣ Грознаго, самъ будучи человѣкомъ

лживымъ и хитрымъ, Борисъ былъ всегда подозрителенъ, недовѣрчивъ и окружалъ себя шпіонами, но въ первые годы его царствованія ему не представлялось необходимости преслѣдовать своихъ враговъ, несмотря на то, что у него ихъ было много. Пока Борису ничего не угрожало, онъ казался щедрымъ, добрымъ, снисходительнымъ. Вдругъ, въ концѣ 1600 года, сталъ въ народѣ ходить слухъ, что Димитрій царевичъ не убитъ, а спасенный друзьями, гдѣ-то проживаетъ до сихъ поръ. Этотъ слухъ доходилъ тогда до служившаго въ Борисовомъ войскѣ француза Маржерета, и, слѣдовательно, долженъ былъ дойти и до царскаго двора, и до самого Бориса. Съ этихъ поръ нравъ Бориса измѣняется; исчезаетъ мягкосердечіе. У него была одна цѣль — утвердить себя и свой родъ на престолѣ: для этой цѣли онъ былъ нѣкогда жестокимъ гонителемъ Шуйскихъ и всѣхъ своихъ враговъ, истребителемъ Углича; для этой цѣли онъ сдѣлался добродушнымъ и милосердымъ; для той же цѣли ему опять приходилось сдѣлаться мрачнымъ и свирѣпымъ, потому что кроткія средства, повидимому, не удавались. Изъ слуха о Димитріѣ онъ понялъ, что у него есть опасные враги, а у этихъ враговъ можетъ быть страшное орудіе. Надобно было, во что бы то ни стало, найти это орудіе, истребить своихъ враговъ, или же — приходилось потерять плоды трудовъ всей жизни. Его положеніе было таково, что онъ не посмѣлъ разглашать, чего онъ ищетъ, что̀ преслѣдуетъ, какого рода измѣны страшится. Заикнуться о Димитріи, — значило вызывать на свѣтъ ужасный призракъ. Притомъ Борисъ не могъ быть вполнѣ увѣренъ, что Димитрія точно нѣтъ на свѣтѣ. Оставалось хватать всѣхъ, кого можно было подозрѣвать въ нерасположеніи къ воцарившемуся государю, пытать, мучить, чтобы случайно напасть на слѣдъ желаемой тайны. Такъ и поступалъ Борисъ.

Онъ напалъ на Богдана Бѣльскаго: этотъ человѣкъ былъ ближе всѣхъ къ Димитрію. Сосланный при воцареніи Ѳедора, онъ черезъ нѣсколько лѣтъ былъ возвращенъ и велъ себя очень сдержанно. Борисъ всегда считалъ его для себя опаснымъ, а потому удалилъ изъ Москвы, поручивъ ему строить въ украинныхъ степяхъ городъ Царевъ-Борисовъ. Бѣльскій зажилъ тамъ богато и содержалъ на свой счетъ ратныхъ людей. Когда разнесся слухъ о Димитріѣ, Борисъ придрался къ Бѣльскому за то, что послѣдній, какъ доносили царю, произнесъ подъ веселый часъ такія неосторожныя слова: „царь Борисъ въ Москвѣ царь, а я въ Царевѣ-Борисовѣ!“ Бѣльскаго привезли въ Москву, а потомъ сослали куда-то въ Низовскую землю. Говорятъ даже, что Бо-

рисъ приказалъ ему выщипать его черную густую бороду, которою онъ щеголялъ. Съ нимъ вмѣстѣ ссылка постигла и другихъ лицъ.

Слѣдъ Димитрія не былъ отыскапъ. Борисъ принялся за бояръ Романовыхъ. Этотъ родъ былъ самый близкій къ прежней династіи; опи были двоюродными братьями покойнаго царя Өедора. Романовы не были расположены къ Борису. Борисъ могъ подозрѣвать Романовыхъ, когда ему приходилось отыскивать тайныхъ враговъ. По извѣстіямъ лѣтописей, Борисъ придрался къ Романовымъ, по поводу доноса одного изъ ихъ холопей, будто Романовы посредствомъ кореньевъ хотятъ извести царя и добыть „вѣдовствомъ“ (колдовствомъ) царство. Четырехъ братьевъ Романовыхъ: Александра, Василія, Ивана и Михаила, разослали по отдаленнымъ мѣстамъ въ тяжелое заключеніе, а пятаго, Өедора, который, какъ кажется, былъ умнѣе всѣхъ ихъ, насильно постригли подъ именемъ Филарета въ монастырѣ Антонія Сійскаго. Затѣмъ сослали ихъ свойственниковъ и пріятелей: Черкасскаго, Сицкаго, Репниныхъ, Карповыхъ, Шестуновыхъ, Пушкиныхъ и другихъ. Ссылка постигла даже дьяка Василія Щелкалова, несмотря па прежнюю къ нему милость и дружбу Бориса съ его братомъ Андреемъ. Помѣстья и вотчины сосланныхъ отбирались въ казну, имущество продавалось, доносчики получали награды. Шпіонство развилось до крайнихъ предѣловъ. По московскимъ улицамъ—говорятъ современники—„то-и-дѣло сновали мерзавцы да подслушивали“, и чуть только кто заведетъ рѣчь о царѣ, о государственныхъ дѣлахъ, сейчасъ говоруновъ хватаютъ и въ пытку... Гдѣ только люди соберутся, тамъ являются соглядатаи и доносчики. Все пустилось на доносы, потому что это было выгодно. Доносили другъ на друга: попы, дьяконы, чернецы, черницы, жены на мужей, отцы на дѣтей; бояре и боярыни доносили одни на другихъ; первые царю, вторыя царицѣ. У холоповъ вошло въ обычай составлять на господъ доносы, и чуть извѣтъ казался правдоподобнымъ, господъ поражала опала, а холопамъ давали свободу, записывали въ число служилыхъ, надѣляли помѣстьями. Случалось и напротивъ, что холопы стояли за своихъ опальныхъ господъ и хотѣли оправдать ихъ: такихъ холоповъ предавали пыткамъ, и если они не выдерживали горячихъ угольевъ и кнута и путались въ показаніяхъ, то имъ рѣзали языки. Вообще достаточно было одного обвиненія въ недоброжелательствѣ государю: подозрѣваемыхъ тотчасъ подвергали пыткамъ, и если они подъ пыткою оказывались сколько-нибудь виновны, ихъ заключали въ темницы или отправляли въ ссылку.

Обыкновенно обвиняли опальныхъ въ вѣдовствѣ. Борисъ упорно скрывалъ то, чего онъ дѣйствительно искалъ, но высказывалъ другого рода страхъ, чтобы его и семью его не испортили чарами, наговорами, зельями. Донесли Борису, что уже въ Польшѣ поговариваютъ, будто законный наслѣдникъ прежнихъ государей московскихъ живъ. Борисъ, не упоминая имени Димитрія, приказалъ поставить на западной границѣ караулы, всѣхъ задерживать и доносить ему. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Трудно было переѣзжать изъ города въ городъ. Всѣ знали, что ищутъ какихъ-то важныхъ преступниковъ, но никому не объявляли, кого ищутъ. По всему Московскому Государству было схвачено и перемучено множество невинныхъ людей, а того, кого нужно было Борису, не находили.

Въ эти тяжелыя времена доносовъ и пытокъ, постигъ Русь страшный голодъ, довершившій подготовку къ потрясеніямъ. Уже въ 1601 году, отъ дождливаго лѣта и отъ раннихъ морозовъ произошелъ во многихъ мѣстахъ неурожай; зимою въ Москвѣ цѣна хлѣба дошла до пяти рублей за четверть. Въ слѣдующемъ 1602 году былъ такой же неурожай. Тогда постигла Московское Государство такая бѣда, какой, говорятъ современники, не помнили ни дѣды, ни прадѣды. Въ одной Москвѣ, куда стекались со всѣхъ сторонъ толпы нищихъ, погибали десятки тысячъ, если вѣрить русскимъ и иностраннымъ извѣстіямъ. Бѣдняки ѣли собакъ, кошекъ, мышей, сѣно, солому и даже, въ припадкѣ бѣшенства, съ голоду, пожирали другъ друга. Вареное человѣчье мясо продавалось на московскихъ рынкахъ. Дорожному человѣку опасно было заѣхать на постоялый дворъ, потому что его могли зарѣзать и съѣсть. Тѣмъ не менѣе, современники свидѣтельствуютъ, что въ то время не было на Руси недостатка въ хлѣбѣ. Въ окрестностяхъ Курска и въ Сѣверской землѣ урожаи были очень хороши. Около Владиміра-на-Клязьмѣ и въ разныхъ уѣздахъ украинныхъ городовъ, стояли полные одонья немолоченнаго хлѣба прошлыхъ годовъ. Но мало было людей, готовыхъ жертвовать личными выгодами для общаго дѣла. Напротивъ, большая часть старалась извлечь себѣ корысть изъ общаго бѣдствія. Нерѣдко зажиточный крестьянинъ выгонялъ на голодную смерть свою челядь и близкихъ сродниковъ, а запасы продавалъ дорогою цѣною. Иной мужикъ-скряга боялся везти свое зерно на продажу, чтобы у него по дорогѣ не отняли голодные, и зарывалъ его въ землю, гдѣ оно сгнивало безъ пользы. Другому удавалось продать хлѣбъ и взять огромные барыши, но потомъ онъ трясся надъ деньгами отъ страха, чтобы на него не напали.

Московскіе торговцы заранѣе накупили множество хлѣба и держали подъ замками въ своихъ лабазахъ, разсчитывая продать тогда, когда цѣны поднимутся до-нельзя. Борисъ преслѣдовалъ ихъ, велѣлъ отбирать у нихъ хлѣбъ и отдавать бѣднякамъ, а хозяевамъ выплачивалъ по умѣреннымъ цѣнамъ. Но посланные стакивались съ хлѣбопродавцами, иногда не показывали найденнаго у нихъ хлѣба, а иногда хлѣбопродавцы отдавали на продажу по установленной тогда цѣнѣ гнилой хлѣбъ. Самъ Борисъ приказалъ отворить всѣ свои житницы, продавать хлѣбъ дешевле ходячей цѣны, а бѣднымъ раздавать деньги. Но въ Московской землѣ, по замѣчанію современниковъ, должностныя лица оказались плутами: они раздавали царскія деньги своей роднѣ, пріятелямъ и тѣмъ, которые дѣлились съ ними барышами. Ихъ сообщники, одѣвшись въ лохмотья, приходили заурядъ съ нищими и получали деньги, а настоящихъ нищихъ разгоняли палками. Раздача милостыни продолжалась съ мѣсяцъ, потомъ Борисъ разсудилъ, что она только обогащаетъ плутовъ, накопляетъ голодный народъ въ столицѣ; можетъ явиться зараза; притомъ подозрительный царь боялся большого стеченія народа, чтобъ не произошло бунта. Онъ запретилъ раздачу. Это было въ такое время, когда вѣсть о щедрости царя распространилась по отдаленнымъ областямъ и въ Москву шли отовсюду толпы народа за пропитаніемъ: вдругъ разразилось надъ ними прекращеніе раздачи милостыни. Многіе погибали на дорогѣ: голодные ихъ собратія терзали ихъ трупы наравнѣ съ волками и собаками. Борисъ, однако, не оставилъ народа совершенно безъ вниманія, но, вмѣсто раздачи милостыни въ Москвѣ, посылалъ чиновниковъ забирать немолоченный и молоченный хлѣбъ у землевладѣльцевъ въ разныхъ мѣстахъ, покупать его по установленной правительствомъ цѣнѣ и доставлять въ мѣста, гдѣ былъ голодъ. Но посланныя отъ царя лица брали съ землевладѣльцевъ взятки и не показывали, что у нихъ сохраняется хлѣбъ. Притомъ же и доставка хлѣба съ одного мѣста въ другое была затруднительна, потому что голодъ разогналъ ямщиковъ, трудно было доставать подводы и лошадей.

Современники говорятъ, будто въ эти ужасные годы въ одной Москвѣ погибло до 127,000 человѣкъ, погребенныхъ въ убогихъ домахъ (такъ назывались общія кладбища для бѣдныхъ и также для найденныхъ убитыми), не считая тѣхъ, которые были погребены у церквей.

Борисъ, однако, не хотѣлъ, чтобы вѣсть о такомъ печальномъ положеніи народа въ его государствѣ дошла за границу,

и воображалъ, что можно утаить его. Поэтому, когда, по окончаніи голода, въ Москву пріѣхали иноземные послы, то Борисъ приказалъ всѣмъ наряжаться въ цвѣтныя платья, а бѣднякамъ запрещено было въ своихъ лохмотьяхъ являться па дорогу. Смертная казнь обѣщана была тому, кто станетъ разсказывать пріѣзжимъ иноземцамъ о бѣдствіяхъ Московскаго Государства. Между тѣмъ, въ это время самъ царь Борисъ перенесъ семейную невзгоду. Послѣ удаленія Густава, принца шведскаго, въ Угличъ, Борисъ сталъ пріискивать другого жениха своей дочери между иностранными принцами, и вотъ, братъ короля датскаго Іоаннъ, въ августѣ 1602 года, очень понравился Борису, но въ октябрѣ того же года умеръ отъ горячки. Борисъ и вся семья его тосковали по немъ, а въ народѣ сталъ носиться слухъ, будто самъ Борисъ отравилъ его изъ боязни, чтобы москвичи, полюбивши зятя Борисова, не избрали его царемъ вмѣсто Борисова сына. Русскіе готовы были тогда всякое злодѣяніе приписать своему царю; ненависть къ нему возрастала. Никто не любилъ его, дорожили имъ только тѣ, которыхъ соединяла съ нимъ личная выгода, а главное—шпіоны, которымъ онъ платилъ за ихъ гнусное ремесло. Возникло въ народѣ убѣжденіе, что царствованіе Бориса не благословляется небомъ, потому что, достигнутое беззаконіемъ, оно поддерживается неправдою; толковали, что если утвердится на престолѣ родъ Бориса, то не принесетъ Русской землѣ счастья. Люди родовитые оскорблялись и тѣмъ, что на царскомъ престолѣ сѣлъ потомокъ татарина. Становилось желательно, чтобъ нашелся такой, который имѣлъ бы въ глазахъ народа гораздо болѣе правъ передъ Борисомъ. Такимъ лицомъ былъ именно Димитрій, сынъ прежняго государя. Мысль о томъ, что онъ живъ и скоро явится отнимать у Бориса похищенный престолъ, все болѣе и болѣе распространялась въ народѣ, а суровыя преслѣдованія со стороны Бориса скорѣе поддерживали ее, чѣмъ искореняли. И вотъ, въ началѣ 1604 года, перехвачено было письмо, писанное однимъ иноземцемъ изъ Нарвы: въ этомъ письмѣ было сказано, что явился сынъ московскаго царя Ивана Васильевича, Димитрій, находится будто-бы у казаковъ, и Московскую землю скоро постигнетъ большое потрясеніе. Вслѣдъ затѣмъ, пришли въ Москву люди, взятые въ плѣнъ казаками подъ Саратовомъ и отпущенные на родину; они принесли вѣсть, что казаки грозятъ скоро придти въ Москву съ царемъ Димитріемъ Ивановичемъ.

Народъ ожидалъ чето-то необычайнаго. Давно носились разсказы о разныхъ видѣніяхъ и предзнаменованіяхъ. Ужасныя

бури вырывали съ корнемъ деревья, опрокидывали колокольни. Тамъ не ловилась рыба, тутъ не видно было птицъ. Женщины и домашнія животныя производили на свѣтъ уродовъ. Въ Москву забѣгали волки и лисицы; инымъ на небѣ стали видѣться по два солнца и по два мѣсяца. Наконецъ, лѣтомъ 1604 года явилась комета, и астрологъ-нѣмецъ предостерегалъ Бориса, что ему грозятъ важныя перемѣны.

Царь Борисъ, услышавши, что въ Польшѣ явился какой-то человѣкъ, выдававшій себя за Димитрія, началъ съ того, что подъ предлогомъ, что въ Литвѣ свирѣпствуетъ какое-то повѣтріе, велѣлъ учредить на литовской границѣ крѣпкія заставы и не пропускать никого, ни изъ Литвы, ни въ Литву, а внутри государства умножилъ шпіоновъ, которые всюду прислушивались: не говоритъ ли кто о Димитріѣ, не ругаетъ ли кто Бориса. Обвиненнымъ рѣзали языки, сажали ихъ на колья, жгли на медленномъ огнѣ или, по одному подозрѣнію, засылали въ Сибирь, гдѣ предавали тюремному заключенію. Борисъ становился недоступнымъ, не показывался народу. Просителей отгоняли пинками и толчками отъ дворцоваго крыльца, а начальные люди, зная, что до царя на нихъ не дойдутъ жалобы, безнаказанно совершали разныя насильства и увеличивали вражду народа къ существующему правительству. Между тѣмъ въ Москву давали знать, что въ польской Украинѣ подъ знаменемъ Димитрія собирается ополченіе и со дня на день нужно ждать вторженія въ московскіе предѣлы, а въ іюлѣ посланникъ нѣмецкаго императора сообщилъ отъ имени своего государя, по сосѣдской дружбѣ, что въ Польшѣ проявился Димитрій и надобно принимать противъ него мѣры. Борисъ отвѣчалъ цесарскому посланнику, что Димитрія нѣтъ на свѣтѣ, а въ Польшѣ явился какой-то обманщикъ и царь его не боится. Однако, посовѣтовавшись съ патріархомъ, царь находилъ, что нужно же объяснить, и самимъ себѣ, и народу, кто такой этотъ обманщикъ. Стали думать и придумали, что это должно быть бѣжавшій въ 1602 году Григорій Отрепьевъ. Онъ былъ родомъ изъ галицкихъ дѣтей боярскихъ, постригся въ Чудовомъ монастырѣ и былъ крестовымъ дьякомъ (секретаремъ) у патріарха Іова. Стали распространять исподволь въ народѣ слухъ, что явившійся въ Польшѣ обманщикъ не кто иной, какъ бѣглый Григорій Отрепьевъ, но не рѣшались еще огласить объ этомъ во всеуслышаніе. Въ сентябрѣ послали въ Польшу гонцомъ дядю Григорія, Смирнаго-Отрепьева, и распространили въ народѣ слухъ, что его посылаютъ для обличенія племянника, но на самомъ дѣлѣ послали его съ грамотою о погра-

ничныхъ недоразумѣніяхъ, и не дали никакого порученія о томъ человѣкѣ, который назывался Димитріемъ. Царь Борисъ, вѣроятно, разсчитывалъ, что лучше помедлить съ рѣшительнымъ заявленіемъ объ Отрепьевѣ, такъ какъ самъ не былъ увѣренъ въ его тождествѣ съ названымъ Димитріемъ. Онъ приказалъ привезти мать Димитрія и тайно допрашивалъ ее: живъ ли ея сынъ или нѣтъ? „Я не знаю“, отвѣтила Марѳа. Тогда царица, жена Бориса, пришла въ такую ярость, что швырнула Марѳѣ горящую свѣчу въ лицо. „Мнѣ говорили, — сказала Марѳа, — что сына моего тайно увезли безъ моего вѣдома, а тѣ, что такъ говорили, уже умерли“. Разсерженный Борисъ велѣлъ ее отвезти въ заключеніе и содержать съ большею строгостью, — такъ повѣствуетъ жившій въ то время въ Москвѣ голландецъ. Между тѣмъ, 16 октября, названый Димитрій съ толпою поляковъ и казаковъ вступилъ въ Московское Государство. Города сдавались ему одинъ за другимъ. Служилые люди переходили къ нему на службу. Въ ноябрѣ онъ осадилъ Новгородъ-Сѣверскъ, но былъ отбитъ посланнымъ туда царскимъ воеводою Басмановымъ. Послѣ того царь выслалъ противъ Димитрія войско подъ главнымъ начальствомъ Ѳедора Мстиславскаго. Это войско 20 декабря потерпѣло неудачу. Долѣе скрываться передъ народомъ было невозможно. Послушный Борису, патріархъ Іовъ взялся объяснить Русской землѣ запутанное дѣло. Первопрестольникъ русской церкви, покрывая благоразумнымъ молчаніемъ вопросъ о томъ, какъ не стало Димитрія, увѣрялъ въ своей грамотѣ народъ, что называющій себя царевичемъ Димитріемъ есть бѣглый монахъ Гришка Отрепьевъ; патріархъ ссылался на свидѣтельство трехъ бродягъ: чернеца Пимена, какого-то Венедикта и ярославскаго посадскаго человѣка иконника Степана; первый провожалъ Отрепьева вмѣстѣ съ товарищами Варлаамомъ и Мисаиломъ въ Литву; послѣдніе два видѣли его въ Кіевѣ и знаютъ, что Гришка потомъ назвался царевичемъ. Патріархъ извѣщалъ, что онъ съ освященнымъ соборомъ проклялъ Гришку и всѣхъ его соучастниковъ, повелѣвалъ во всѣхъ церквахъ предавать анаѳемѣ его и съ нимъ всѣхъ тѣхъ, кто станетъ называть его Димитріемъ. Вслѣдъ затѣмъ, въ февралѣ 1605 года, изъ Москвы отправили въ Польшу гонца Постника Огарева уже съ явнымъ требованіемъ выдачи „вора“. Борисъ заявлялъ королю и всей Польшѣ, что называющій себя Димитріемъ—есть не кто другой, какъ Гришка Отрепьевъ. На сеймѣ въ то время Янъ Замойскій сильно охуждалъ Мнишка и Вишневецкихъ, подавшихъ помощь претенденту, говорилъ, что со стороны короля поддерживать его и изъ-за

него нарушать миръ съ московскимъ государемъ безчестно, доказывалъ, что называющему себя Димитрію вѣрить не слѣдуетъ. „Этотъ Димитрій называетъ себя сыномъ царя Ивана“, говорилъ Замойскій. „Объ этомъ сынѣ у насъ былъ слухъ, что его умертвили. Опъ же говоритъ, что на мѣсто его умертвили другого! Помилуйте, что это за Плавтова или Теренцева комедія? Возможное ли дѣло: приказали убить кого-то, да притомъ наслѣдника, и не посмотрѣли, кого убили! Такъ можно зарѣзать только козла или барана! Да если бы пришлось возводить кого-нибудь на московскій престолъ, то и кромѣ Димитрія есть законные наслѣдники—домъ Владимірскихъ князей: право наслѣдства приходится на домъ Шуйскихъ. Это видно изъ русскихъ лѣтописей“. Большинство пановъ также не расположено было поддерживать Димитрія, но какъ его уже не было въ Польшѣ, то царскій гонецъ получилъ такой отвѣтъ, что этого человѣка легче всего достать въ Московскомъ Государствѣ, чѣмъ въ польскихъ владѣніяхъ.

Ни патріаршая грамота, ни обрядъ проклятія не расположили къ Борису народнаго сердца. Московскіе люди считали всѣ увѣренія патріарха ложью. „Борисъ — говорили они — по неволѣ долженъ дѣлать такъ, какъ дѣлаетъ, а то, вѣдь, ему придется не только отъ царства отступиться, но и жизнь потерять“. Насчетъ проклятія говорили: „Пусть, пусть проклинаютъ Гришку! отъ этого царевичу ничего не станется. Царевичъ—Димитрій, а не Гришка“. Борисовы шпіоны продолжали подслушивать рѣчи и не проходило дня, чтобы въ Москвѣ не мучили людей кнутомъ, желѣзомъ и огнемъ.

21 января 1605 года, Борисово войско подъ начальствомъ Мстиславскаго и Шуйскаго одержало верхъ надъ Димитріемъ и самъ Димитрій ушелъ въ Путивль. Борисъ былъ очень доволенъ, щедро наградилъ своихъ воеводъ, особенно ласкалъ Басманова за его упорную защиту Новгородъ-Сѣверска; но народъ, услышавши о неудачѣ названаго Димитрія, пришелъ въ уныніе. Борисъ вскорѣ понялъ, что сила его врага заключается не въ той военной силѣ, съ которою этотъ врагъ вступилъ въ государство, а въ готовности и народа, и войска въ Московскомъ Государствѣ перейти при первомъ случаѣ на его сторону, такъ какъ всѣ легко поддавались увѣренности, что онъ настоящій царевичъ. Когда Димитрій оставался въ Путивлѣ, украинные города Московскаго Государства одинъ за другимъ признавали его, а въ Путивль со всѣхъ сторонъ приходили русскіе бить челомъ своему прирожденному государю. Имя Гришки Отрепьева

возбуждало одинъ смѣхъ. Самъ Борисъ не могъ поручиться, что врагъ его—обманщикъ. Борисъ, обласкавши Басманова, увѣрялъ его, что названый Димитрій обманщикъ и сулилъ ему золотыя горы, если онъ достанетъ злодѣя. Говорятъ, Борисъ даже обѣщалъ выдать за Басманова дочь свою и дать за нею въ приданое цѣлыя области Басмановъ сказалъ объ этомъ родственнику Бориса, Семену Никитичу Годунову, а тотъ изъ зависти, что Борисъ слишкомъ возвышаетъ Басманова, выразилъ ему сомнѣніе: не въ самомъ ли дѣлѣ этотъ Димитрій настоящій царевичъ? Слова эти запали въ сердце Басманова; несмотря на всѣ увѣренія Бориса. онъ сталъ склоняться къ мысли, что соперникъ Бориса дѣйствительно Димитрій, и рано или поздно возьметъ верхъ надъ Борисомъ. Басмановъ не вѣрилъ ни увѣреніямъ, ни обѣщаніямъ Бориса: онъ зналъ, что этотъ лживый человѣкъ способенъ давать обѣщанія, а потомъ не сдержитъ ихъ.

Борисъ былъ въ страшномъ томленіи, обращался къ ворожеямъ, предсказателямъ, выслушивалъ отъ нихъ двусмысленныя прорицанія, запирался и по цѣлымъ днямъ сидѣлъ одинъ, а сына посылалъ молиться по церквамъ. Казни и пытки не прекращались. Борисъ уже въ близкихъ себѣ лицахъ подозрѣвалъ измѣну, и не надѣялся сладить съ соперникомъ военными силами; онъ рѣшилъ попытаться тайнымъ убійствомъ избавиться отъ своего злодѣя. Попытка не удалась. Монахи, которыхъ въ мартѣ подговорилъ Борисъ ѣхать въ Путивль — отравить названаго Димитрія, попались съ ядомъ въ руки послѣдняго. Неизвѣстно, дошла ли до Бориса объ этомъ вѣсть, но вскорѣ ему пришелъ конецъ.

13 апрѣля, въ недѣлю Муроносицъ, царь всталъ здоровымъ и казался веселѣе обыкновеннаго. Послѣ обѣдни приготовленъ былъ праздничный столъ въ Золотой палатѣ. Борисъ ѣлъ съ большимъ аппетитомъ и переполнилъ себѣ желудокъ. Послѣ обѣда онъ пошелъ на вышку, съ которой часто обозрѣвалъ всю Москву. Но вскорѣ онъ поспѣшно сошелъ оттуда, говорилъ, что чувствуетъ колотье и дурноту. Побѣжали за докторомъ; пока успѣлъ придти докторъ, царю стало хуже. У него выступила кровь изъ ушей и носа. Царь упалъ безъ чувствъ. Прибѣжалъ патріархъ, за нимъ явилось духовенство. Кое-какъ успѣли причастить царя св. Таинъ, а потомъ совершили на-скоро надъ полумертвымъ постриженіе въ схиму и нарекли Боголѣпомъ. Около трехъ часовъ пополудни Борисъ скончался. Цѣлый день боялись объявить народу о смерти царя, огласили только на другой день и начали посылать народъ въ Кремль цѣловать крестъ на вѣрность.

царицѣ Маріи и сыну ея Ѳедору. Патріархъ объявилъ, что Борисъ завѣщалъ имъ престолъ свой. Тотчасъ пошли разсказы, что Борисъ на вышкѣ самъ себя отравилъ ядомъ въ припадкѣ отчаянія. Этотъ слухъ распустили нѣмцы, доктора Бориса. На слѣдующій день останки его были погребены въ Архангельскомъ соборѣ между прочими властителями Московскаго Государства.

Новый царь былъ шестнадцатилѣтній юноша, полный тѣломъ, бѣлъ, румянъ, черноглазъ, и, какъ говорятъ современники — „изученъ всякаго философскаго естествословія". Ему присягнули въ Москвѣ безъ ропота, но тутъ же говорили: „Не долго царствовать Борисовымъ дѣтямъ! Вотъ Димитрій Ивановичъ придетъ въ Москву".

17 апрѣля отправился къ войску, назначенный главнымъ предводителемъ его, Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ съ княземъ Катыревымъ-Ростовскимъ. Мстиславскаго и Шуйскаго отозвали въ Москву. Басманову оказывали больше всѣхъ довѣрія. Но этотъ человѣкъ уже давно поколебался. Надобно было приводить къ присягѣ войско. Для этого пріѣхалъ новгородскій митрополитъ Исидоръ съ духовенствомъ. Собрали войско произносить присягу сыну Бориса. Вдругъ поднялся шумъ. Рязанскіе дворяне Ляпуновы первые закричали, что „знаютъ одного законнаго государя Димитрія Ивановича". Съ ними за-одно были всѣ рязанцы; къ нимъ пристали служилые люди всѣхъ украинныхъ городовъ; наконецъ, имя Димитрія Ивановича заглушило имя Ѳедора, и митрополитъ Исидоръ со своимъ духовенствомъ обратился вспять. Басмановъ написалъ повинное письмо Димитрію и послалъ съ гонцомъ, а самъ собралъ воеводъ: братьевъ Голицыныхъ, Василія и Ивана, и Михаила Глѣбовича Салтыкова и объявилъ имъ, что признаетъ Димитрія настоящимъ государемъ: „Все государство русское приложится къ Димитрію,—говорилъ онъ,—и мы все-таки по-неволѣ покоримся ему, и тогда будемъ у него послѣдними; такъ лучше покоримся ему, пока время, по доброй волѣ и будемъ у него въ чести". Съ нимъ согласились и Голицыны, и Салтыковъ; но зазорно казалось нѣкоторымъ изъ предводителей самимъ объявить объ этомъ войску. Василій Голицынъ сказалъ Басманову: „я присягалъ Борисову сыну, совѣсть зазритъ переходить по доброй волѣ къ Димитрію Ивановичу; а вы меня свяжите и ведите, какъ будто неволею". 7 мая Басмановъ собралъ вторично войско и объявилъ, что признаетъ Димитрія законнымъ наслѣдникомъ государей Русской земли. Священники начали приводить къ присягѣ на имя Димитрія Ивановича. Нѣкоторые стали упрямиться и ихъ прогнали. Товарищъ Басманова

Катыревъ-Ростовскій и князь Андрей Телятевскій убѣжали въ Москву.

Въ Москву пришло извѣстіе о переходѣ войска на сторону Димитрія. Нѣсколько дней въ столицѣ господствовала глубокая тишина. На иностранцевъ она навела страхъ: они поняли, что это затишье подобно тому, какое бываетъ въ природѣ передъ сильной бурей. Годуновы сидѣли въ кремлевскихъ палатахъ и, по извѣтамъ доносчиковъ, которыхъ подкупали деньгами, приказывали ловить и мучить распространителей Димитріевыхъ грамотъ.

30 мая, въ Москвѣ начался шумъ, суетня. Народъ валилъ на улицы. Два какихъ-то молодца говорили, что видѣли за Серпуховскими воротами большую пыль. Разнеслась вѣсть, что идетъ Димитрій. Москвичи спѣшили покупать хлѣбъ-соль, чтобы встрѣчать законнаго государя. Годуновы пришли въ ужасъ, выслали изъ Кремля бояръ узнать: что̀ это значитъ? Народъ молчалъ. Но Димитрія не было. Обманъ открылся. Народъ сталъ расходиться. Многіе еще стояли толпой на Красной площади; какой-то бояринъ началъ имъ говорить нравоученіе и хвалить царя Ѳедора. Народъ молчалъ.

На другой день, 31 мая, по приказанію Годуновыхъ стали взвозить на кремлевскія стѣны пушки; народъ глядѣлъ на это съ кривляньями и насмѣшками.

1 іюня, дворяне Плещеевъ и Пушкинъ привезли Димитріеву грамоту и остановились въ Красномъ селѣ. Народъ, узнавши объ этомъ, подхватилъ гонцовъ и повезъ на Красную площадь. Ударили въ колокола. Посланцевъ поставили на Лобномъ мѣстѣ. На Красной площади сдѣлалась такая давка, что невозможно было протѣсниться. Вышли-было изъ Кремля думные люди и закричали: „Что это за сборище, берите воровскихъ посланцевъ, ведите въ Кремль!“

Народъ отвѣчалъ неистовыми криками и приказывалъ читать грамоту. Димитрій извѣщалъ о своемъ спасеніи, прощалъ московскимъ людямъ, что они по незнанію присягали Годуновымъ, припоминалъ всякія утѣсненія и насилія, причиненныя народу Борисомъ Годуновымъ, обѣщалъ всѣмъ льготы и милости и приглашалъ прислать къ нему посольство съ челобитьемъ.

Въ толпѣ поднялось сильное смятеніе. Одни кричали: „Буди здравъ, царь Димитрій Ивановичъ“! Другіе говорили: „Да точно ли это Димитрій Ивановичъ? Можетъ быть это не настоящій“. Наконецъ раздались голоса: „Шуйскаго! Шуйскаго! Онъ розыскивалъ, когда царевича не стало. Пусть скажетъ по-правдѣ:

точно ли похоронили царевича въ Угличѣ“?. Шуйскаго взвели на Лобное мѣсто. Сдѣлалась тишина. Шуйскій громко сказалъ: „Борисъ послалъ убить Димитрія царевича; но царевича спасли; вмѣсто него погребенъ поповъ сынъ“.

Тогда вся толпа неистово заревѣла: „Долой Годуновыхъ! Всѣхъ ихъ искоренить! Нечего жалѣть ихъ, когда Борисъ не жалѣлъ законнаго наслѣдника! Господь намъ свѣтъ показалъ. Мы доселева во тьмѣ сидѣли. Буди здравъ, Димитрій Ивановичъ!“

Толпа безъ удержу бросилась въ Кремль. Защищать Годуновыхъ было некому. Стрѣльцы, стоявшіе на караулѣ во дворцѣ, отступились отъ нихъ. Θедоръ Борисовичъ бѣжалъ въ Грановитую палату и сѣлъ на престолъ. Мать и дочь стали подлѣ него съ образами. Но ворвался народъ; царя стащили съ престола. Мать униженно плакала и просила не предавать смерти ея дѣтей. Годуновыхъ отвезли на водовозныхъ клячахъ въ прежній Борисовъ домъ и приставили къ нимъ стражу. Тогда схватили и посадили въ тюрьму всѣхъ родственниковъ и сторонниковъ Годуновыхъ, опустошили ихъ домы, ограбили также нѣмецкихъ докторовъ и перепились до безчувствія, такъ что многіе тутъ же лишились жизни.

Отъ Москвы поѣхали къ Димитрію выбранные люди: князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій и Андрей Телятевскій съ повинною грамотою, въ которой приглашали законнаго царя на престолъ. Грамота была написана отъ лица всѣхъ сословій, а впереди всѣхъ поставлено было имя патріарха Іова. Невозможно рѣшить: въ какой степени участвовалъ въ этомъ Іовъ; но, по сверженіи Годуновыхъ, патріархъ не удалялся и священнодѣйствовалъ.

10 іюня пріѣхали въ Москву князь Василій Голицынъ и князь Рубецъ-Масальскій съ приказаніемъ устранить Годуновыхъ и свести съ престола патріарха Іова. Патріарха на простой тележкѣ отвезли въ Старицкій-Богородицкій монастырь. Всѣхъ свойственниковъ Годуновыхъ отправили въ ссылку по разнымъ городамъ. Говорятъ, что такимъ образомъ сослано было тогда 24 семейства. Наконецъ, Голицынъ и Рубецъ-Масальскій поручили дворянамъ: Михайлѣ Молчанову и Шефѣрединову, раздѣлаться съ семействомъ Бориса. Посланные взяли съ собою троихъ дюжихъ стрѣльцовъ, вошли въ домъ и развели Годуновыхъ по разнымъ комнатамъ. Вдову Бориса удавили веревкой. Молодой Годуновъ, сильный отъ природы, сталъ-было защищаться, но его ударили дубиной, а потомъ удавили. Царевна Ксенія лишилась чувствъ и оставлена была живою на безотрадную жизнь.

Голицынъ и Масальскій объявили народу, что Борисова вдова и сынъ отравили себя ядомъ. Тѣла ихъ были выставлены на показъ. Въ заключеніе вынули изъ Архангельскаго собора гробъ Бориса и зарыли въ убогомъ монастырѣ Варсонофьевскомъ (между Срѣтенкой и Рождественкой). Тамъ же похоронили рядомъ съ нимъ жену и сына безъ всякихъ обрядовъ, какъ самоубійцъ. Мы не знаемъ, дѣйствительно ли названый Димитрій приказалъ совершить это убійство, или же бояре безъ его приказанія постарались услужить новому царю и сказали ему, что Годуновы сами лишили себя жизни, а онъ, хотя и понималъ, какъ все сдѣлалось, но показывалъ видъ, что вѣритъ ихъ разсказамъ о самоубійствѣ Годуновыхъ.

XXIV.

НАЗВАНЫЙ ДИМИТРІЙ.

Первое появленіе личности, игравшей такую важную роль подъ именемъ царя Димитрія, и оставшейся въ нашей исторіи съ именемъ перваго Самозванца, остается до сихъ поръ темнымъ. Есть много разнорѣчивыхъ свѣдѣній въ источникахъ того времени, но нельзя остановиться ни на одномъ изъ нихъ съ полною увѣренностью. Необходимо имѣть въ виду то обстоятельство, что передъ тѣмъ въ польской Украинѣ козаки, вмѣстѣ съ польскими удальцами, помогали уже нѣсколькимъ самозванцамъ, стремившимся овладѣть молдавскимъ престоломъ. Такъ, въ 1561 году, нѣкто грекъ Василидъ, съ острова Крита, выдававшій себя за племянника Самосскаго герцога Гераклида. съ помощью украинской вольницы изгналъ изъ Молдавіи тирана Александра, овладѣлъ молдавскимъ престоломъ, два года былъ признаваемъ за того, за кого себя выдавалъ, и погибъ отъ возмущенія, вспыхнувшаго впослѣдствіи за то, что онъ хотѣлъ вводить въ Молдавіи европейскіе обычаи и жениться на дочери одного польскаго пана, ревностнаго протестанта, что для молдаванъ казалось оскорбленіемъ религіи. Въ 1574 году козаки помогали другому самозванцу Ивоніи, который назвался сыномъ молдавскаго господаря, Стефана VII; а въ 1577 году тѣ же козаки выставили третьяго самозванца Подкову, называвшагося братомъ Ивоніи. Оба эти самозванца имѣли успѣхъ, но только на короткое время. Въ 1591 году у козаковъ явился четвертый самозванецъ, котораго они, однако, сами выдали полякамъ. Въ самомъ концѣ XVI вѣка, козаки стекались подъ знамена одного сербскаго искателя приключеній Михаила, овладѣвшаго Молдавіей. Украинскіе удальцы постоянно искали личности, около ко-

торой могли собраться; давать пріютъ самозванцамъ и вообще помогать смѣлымъ искателямъ приключеній у козаковъ сдѣлалось какъ-бы обычаемъ. Король Сигизмундъ III, для обузданія козацкихъ своевольствъ, наложилъ на козаковъ обязательство не принимать къ себѣ разныхъ „господарчиковъ". Когда въ Московской землѣ сталъ ходить слухъ, что царевичъ Димитрій живъ и этотъ слухъ дошелъ въ Украину, ничего не могло быть естественнѣе, какъ явиться такому Димитрію. Представился удобный случай перенести въ Московскую землю украинское своевольство подъ тѣмъ знаменемъ, подъ которымъ оно привыкло разгуливать по Молдавской землѣ.

Современныя извѣстія разсказываютъ, что молодой человѣкъ, назвавшійся впослѣдствіи Димитріемъ, явился сначала въ Кіевѣ, въ монашеской одеждѣ, а потомъ жилъ и учился въ Гощѣ, на Волыни. Были тогда два пана, Гавріилъ и Романъ Гойскіе (отецъ и сынъ), ревностные послѣдователи такъ-называемой Аріанской секты, которой основанія состояли въ слѣдующемъ: признаніе единаго Бога, но не Троицы, признаніе Іисуса Христа не Богомъ, а боговдохновеннымъ человѣкомъ, иносказательное пониманіе христіанскихъ догматовъ и таинствъ и вообще стремленіе поставить свободное мышленіе выше обязательной вѣры въ невидимое и непостижимое. Гойскіе завели двѣ школы съ цѣлью распространенія аріанскаго ученія. Здѣсь молодой человѣкъ успѣлъ кое-чему поучиться и нахвататься вершковъ польскаго либеральнаго воспитанія; пребываніе въ этой школѣ свободомыслія наложило на него печать того религіознаго индифферентизма, который не могли стереть съ него даже іезуиты Отсюда, въ 1603 и 1604 годахъ, этотъ молодой человѣкъ поступилъ въ „оршакъ" (придворная челядь) князя Адама Вишневецкаго, объявилъ о себѣ, что онъ царевичъ Димитрій, пріѣхалъ потомъ къ брату Адама, князю Константину Вишневецкому, который привезъ его къ тестю своему Юрію Мнишку, воеводѣ сендомирскому, гдѣ молодой человѣкъ страстно влюбился въ одну изъ дочерей его, Марину [1]).

[1]) Способъ, какимъ этотъ человѣкъ назвалъ себя Димитріемъ, разсказывается различно. По одному извѣстію, онъ притворился больнымъ или въ самомъ дѣлѣ заболѣлъ, призвалъ духовника и просилъ похоронить его по смерти, какъ хоронятъ царскихъ дѣтей, а для объясненія этого далъ прочитать бумагу, которая была у него подъ постелью. Бумагу эту тотчасъ достали и изъ нея узнали, что онъ Димитрій. Князь Адамъ Вишневецкій тотчасъ окружилъ его царскими почестями. Такъ разсказываютъ наши лѣтописи. По другому извѣстію, въ современной хроникѣ Буссова разсказывается, что князь Адамъ Вишневецкій взялъ его съ собою въ баню въ качествѣ слуги, и, разсердившись за что-то, обругалъ его и ударилъ. Слуга горько заплакалъ и сказалъ: „Если бы ты зналъ, кто я таковъ, то не ругалъ бы и не билъ

Этотъ панъ, сенаторъ Рѣчи-Посполитой [1]), подвергся самой дурной репутаціи въ своемъ отечествѣ, хотя былъ силенъ и вліятеленъ по своимъ связямъ. Въ молодости, вмѣстѣ со своимъ братомъ, онъ былъ близокъ къ королю Сигизмунду-Августу и, пользуясь умственнымъ ослабленіемъ короля, доводившимъ его до ребячества, оказывалъ ему предосудительныя услуги доставленіемъ любовницъ и колдуній; а въ день смерти короля такъ обобралъ его казну, что не во что было одѣть смертные останки короля. По жалобѣ королевской сестры, поступки Мнишка были подвергнуты слѣдствію; но сильные люди, бывшіе съ нимъ въ свойствѣ, заступились за него и слѣдствіе было прекращено по недостатку доказательствъ. Тѣмъ не менѣе, при королѣ Генрихѣ, когда Мнишекъ за торжественнымъ обѣдомъ исполнялъ должность крайчаго, одинъ изъ королевскихъ придворныхъ, Заленскій, гласно заявилъ, что Мнишекъ человѣкъ дурного поведенія и не достоинъ исполнять своей должности. Но зять Мнишка, Фирлей, уговорилъ короля оставить этотъ извѣтъ безъ вниманія. Съ тѣхъ поръ никто уже не преслѣдовалъ Мнишка, хотя ничто не могло смыть съ него дурныхъ воспоминаній. Огромное богатство, награбленное у короля Сигизмунда-Августа, сдѣлало его значительнымъ и вліятельнымъ человѣкомъ. Мнишекъ былъ воеводою сендомирскимъ, старостою львоскимъ и получилъ въ управленіе (въ аренду) королевскія экономіи въ Самборѣ. Суетная и роскошная жизнь уже значительно истощила его состояніе; нажившп отъ пресыщенія подагру, онъ вошелъ въ большіе долги и хотѣлъ поправить свои денежныя дѣла, пристраивая своихъ дочерей. Одну изъ нихъ онъ уже выдалъ за чрезвычайно богатаго пана Вишневецкаго. Теперь представилась ему соблазнительная надежда отдать другую за московскаго царя и онъ ревностно сталъ поддерживать названаго Димитрія. Такъ какъ его домъ, болѣе или менѣе, подобно всѣмъ домамъ тогдашнихъ знатныхъ пановъ, былъ открытъ для множества гостей, то вѣсть о чудесно-спасенномъ Димитріѣ разнеслась повсюду и возбуждала искате-

---

меня; я московскій царевичъ Димитрій"; и въ доказательство истины своихъ словъ показалъ ему крестъ, осыпанный драгоцѣнными камнями, будто бы данный ему при крещеніи. По третьему извѣстію, сохраненному итальянцемъ Бизачьони, претендентъ открылся не у Адама, а у Константина Вишневецкаго, куда онъ пріѣхалъ со своимъ паномъ Адамомъ въ качествѣ слуги. Тамъ онъ увидѣлъ сестру княгини Вишневецкой панну Марину Мнишекъ, страстно влюбился въ нее и положилъ ей на окно записку, въ которой объяснялъ, что онъ по рожденію совсѣмъ не тотъ, чѣмъ принужденъ быть по несчастнымъ обстоятельствамъ и подписался: царевичъ Димитрій. Вишневецкіе узнали объ этомъ и повѣрили ему.

[1]) Юрій Мнишекъ по отцу былъ родомъ чехъ.

лей приключеній къ надеждѣ сдѣлать для себя изъ этого карьеру. Вишневецкіе дали знать объ этомъ королю. Сигизмундъ III находился подъ сильнымъ вліяніемъ іезуитовъ, а іезуиты увидали въ явленіи московскаго царевича самый удобный случай проложить путь къ осуществленію завѣтныхъ цѣлей римскаго престола,—подчиненію русской церкви папскому владычеству. Сигизмундъ приглашалъ Вишневецкаго и Мнишка привезти царевича въ Краковъ. Въ концѣ марта 1604 года, названаго Димитрія привезли въ польскую столицу и окружили іезуитами, которые старались убѣдить его въ истинахъ римско-католической вѣры. Названый царевичъ понялъ, что въ этомъ состоитъ его сила, представлялся, что поддается ихъ увѣщаніямъ и, какъ разсказываютъ іезуиты, принялъ св. причастіе изъ рукъ папскаго нунція Рангони, былъ помазанъ отъ него муромъ и обѣщалъ ввести римско-католическую вѣру въ Московскомъ Государствѣ, когда получитъ престолъ. Король Сигизмундъ допустилъ его къ себѣ, объявилъ, что вѣритъ ему, назначилъ на его нужды 40,000 золотыхъ въ годъ и позволилъ ему пользоватъся помощью и совѣтомъ поляковъ. Тогда съ Димитрія взяли условіе, что по восшествіи на престолъ, онъ долженъ возвратить Польской Коронѣ Смоленскъ и Сѣверскую землю, дозволить сооружать въ своемъ государствѣ костелы, ввести іезуитовъ, помогать Сигизмунду въ пріобрѣтеніи шведской короны и содѣйствовать на будущее время соединенію Московскаго Государства съ Польшею. Самъ Мнишекъ взялъ съ него условіе, по восшествіи на престолъ, непремѣнно жениться на Маринѣ, заплатить долги Мнишка, дать ему пособіе на поѣздку въ Москву, записать своей женѣ Новгородъ и Псковъ, съ правомъ раздавать тамъ своимъ служилымъ людямъ помѣстья и строить костёлы, наконецъ самому Мнишку дать въ удѣльное владѣніе Смоленскъ и Сѣверскую землю: Димитрій обѣщалъ разомъ эти земли и Польской Коронѣ и Мнишку, въ надеждѣ, какъ оказалось впослѣдствіи, не дать ихъ ни тому, ни другому.

Сигизмунду и его друзьямъ іезуитамъ хотѣлось гласно объявить себя за Димитрія, но многіе польскіе паны тогда же воспротивились этому. Янъ Замойскій, врагъ іезуитскихъ козней, рѣзко называлъ опаснымъ и безчестнымъ дѣломъ всякое содѣйствіе претенденту и открыто именовалъ названаго Димитрія обманщикомъ. Король долженъ былъ ограничиться только тѣмъ, что тайно побуждалъ своихъ подданныхъ помогать Димитрію и сложилъ временно съ Мнишка платежъ денегъ, слѣдовавшихъ съ

самборскихъ королевскихъ имѣній, для того, чтобы Мнишекъ могъ обратить эту сумму на помощь московскому царевичу.

Возвратясь къ сендомирскому воеводѣ, Димитрій написалъ письмо папѣ, но такъ ловко, что въ немъ не было ни явнаго принятія католичества, ни положительнаго обѣщанія за свой народъ; все ограничивалось двусмысленными изъявленіями расположенія. Такимъ образомъ, если католики могли толковать его слова въ свою пользу, то Димитрій оставлялъ себѣ возможность толковать ихъ въ смыслѣ терпимости римско-католическаго исповѣданія заурядъ съ другими исповѣданіями въ своемъ государствѣ. Тогда онъ написалъ грамоты московскому народу и козакамъ. Все, что̀ было въ Южной Руси буйнаго, удалаго, отозвалось дружелюбно на воззванія названаго московскаго царевича. Когда у него набралось до 3000 охочаго войска и до 2000 запорожцевъ, онъ двинулся къ московскимъ предѣламъ; а между тѣмъ силы его увеличивались съ каждымъ днемъ. Въ октябрѣ сдались ему Моравскъ и Черниговъ. Вездѣ жители береговъ Десны и ея притоковъ выходили къ нему съ хлѣбомъ-солью, и способные къ оружію приставали къ нему, какъ къ законному государю. 11 ноября 1604 года Димитрій подступилъ къ Новгороду-Сѣверску, но воевода Басмановъ, расторопный и храбрый, умѣлъ держать въ повиновеніи подчиненныхъ, заранѣе сжегъ посадъ, чтобы не дать непріятелю утвердиться въ немъ въ ненастное время, и нѣсколько разъ такъ отразилъ всѣ нападенія Димитрія, что поляки, бывшіе съ нимъ, начали уходить отъ него. За то русскіе прибывали къ нему съ разныхъ сторонъ. Города: Рыльскъ Путивль, Курскъ, Сѣвскъ, Кромы признали его власть; нѣкоторые воеводы сами добровольно объявляли себя за Димитрія, другихъ вязали подчиненные и приводили къ царевичу; но связанные тотчасъ освобождались и присягали служить Димитрію. Такимъ образомъ, у Димитрія набралось до 15,000 человѣкъ. Посланное Борисомъ войско подъ начальствомъ Мстиславскаго потерпѣло пораженіе. Но поляки все-таки были недовольны Димитріемъ, потому что нѐчего было грабить, и расходились отъ него. Димитрій оставилъ осаду Новгородъ-Сѣверска и перешелъ къ Сѣвску, гдѣ народонаселеніе заявляло ему свою преданность, но здѣсь, 21 января, присланное Борисомъ войско нанесло ему пораженіе; онъ убѣжалъ въ Путивль.

Неудача подъ Сѣвскомъ не испортила дѣло претендента. Русскіе города сдавались ему и измѣняли Борису одинъ за другимъ. Силы Димитрія увеличились. Три мѣсяца сидѣлъ онъ въ Путивлѣ, который принялъ тогда видъ многолюдной столицы.

Димитрій приказалъ привезти изъ Курска чудотворную икону Божьей Матери и говорилъ, что отдаетъ себя и свое дѣло покрову св. Дѣвы. Между прочимъ, онъ приглашалъ къ себѣ на обѣды русскихъ и поляковъ, православныхъ священниковъ и ксендзовъ, старался сблизить между собою тѣхъ и другихъ. Самъ онъ былъ очень любознателенъ, много читалъ, бесѣдовалъ съ образованными поляками, сообщалъ имъ разныя замѣчанія, которыя удивляли ихъ своею мѣткостью, а русскимъ онъ внушалъ уваженіе къ просвѣщенію и стыдъ своего невѣжества. „Какъ только съ Божьею помощью стану царемъ,—говорилъ онъ,—сейчасъ заведу школы, чтобы у меня во всемъ государствѣ выучились читать и писать; заложу университетъ въ Москвѣ, стану посылать русскихъ въ чужіе края, а къ себѣ буду приглашать умныхъ и знающихъ иностранцевъ, чтобы ихъ примѣромъ побудить моихъ русскихъ учить своихъ дѣтей всякимъ наукамъ и искуствамъ". Нѣсколько монаховъ, явившихся въ Путивль съ ядомъ по приказанію Бориса, были схвачены и заключены въ тюрьму, но послѣ Димитрій простилъ ихъ. Названому царевичу помогало то обстоятельство, что когда въ Москвѣ его проклинали подъ именемъ Гришки Отрепьева, Димитрій всенародно показывалъ лицо, называвшее себя Григорьемъ Отрепьевымъ. Это обстоятельство еще болѣе увѣрило народъ, что Димитрій настоящій царевичъ. Наконецъ, въ маѣ, войско, которое стояло подъ Кромами и осаждало донскихъ казаковъ, запершихся въ этомъ городѣ, присягнуло Димитрію въ вѣрности, и воеводы явились къ нему съ повинною. Тогда Димитрій, 24 мая, прибылъ къ Кромамъ и, предводительствуя сдавшимся войскомъ, двинулся къ Орлу, гдѣ встрѣтили его выборные отъ всей Рязанской земли съ поклономъ. Изъ Орла Димитрій отправился въ Тулу. Въ каждомъ селеніи его встрѣчали съ хлѣбомъ-солью. Люди сбѣгались на большую дорогу смотрѣть на своего царя. Изъ Тулы Димитрій послалъ въ Москву Гаврила Пушкина и Наума Плещеева съ грамотою, а самъ, оставаясь въ Тулѣ, занимался, какъ царь, государственными дѣлами, разослалъ грамоты, въ которыхъ возвѣщалъ о своемъ прибытіи, вмѣстѣ съ ними разослалъ форму присяги себѣ на вѣрность, приказалъ воротить англійскаго посла Смита, уѣхавшаго съ письмами Бориса, принялъ его ласково и далъ ему письмо отъ своего имени, извѣщая англійскаго короля о своемъ воцареніи, обѣщалъ англичанамъ дать такія выгоды, какія даровалъ его отецъ. Среди этихъ занятій прибыли къ нему московскіе бояре и въ ихъ числѣ трое братьевъ Шуйскихъ и Ѳеодоръ Ивановичъ Мстиславскій. Димитрій принялъ ихъ на первый разъ сухо, сдѣлалъ имъ

замѣчаніе, что казаки и простой народъ предупредили ихъ въ вѣрности и ранѣе отторглись отъ крамольниковъ. Ихъ приводилъ къ присягѣ въ соборной церкви рязанскій архіепископъ грекъ Игнатій. Димитрій полюбилъ его и назначилъ патріархомъ вмѣсто Іова: Игнатій былъ человѣкъ нрава веселаго, снисходительный къ себѣ и другимъ, раздѣлялъ съ Димитріемъ его вѣротерпимость и расположеніе къ западному просвѣщенію. Наконецъ, объявляя, что идетъ въ свою столицу, Димитрій послалъ въ Москву князя Василія Васильевича Голицына и князя Рубца-Масальскаго съ приказаніемъ устранить изъ Москвы всѣхъ его опасныхъ враговъ; а вслѣдъ за ними выступилъ самъ и медленно прибылъ въ Серпуховъ. Онъ безпрестанно останавливался, говорилъ съ народомъ, разспрашивалъ объ его житьѣ-бытьѣ и обѣщалъ льготы. Въ Серпуховѣ, на берегу Оки, на лугу ожидалъ его привезенный изъ Москвы огромный шатеръ, богато разукрашенный, въ которомъ можно было помѣстить нѣсколько сотъ человѣкъ. Одновременно съ шатромъ прибыла изъ Москвы царская кухня и множество прислуги. Въ этомъ шатрѣ Димитрій давалъ первый пиръ и угощалъ бояръ, окольничихъ и думныхъ дьяковъ. Когда его извѣстили, что Годуновы отравили себя ядомъ, Димитрій изъявлялъ сожалѣніе, а относительно сосланныхъ изъ Москвы приверженцевъ Годуновыхъ—говорилъ, что готовъ помиловать ихъ.

Изъ Серпухова Димитрій ѣхалъ уже въ богатой каретѣ, въ сопровожденіи знатныхъ особъ, и остановился въ селѣ Коломенскомъ. Здѣсь, на пространномъ лугу, окаймляющемъ Москву-рѣку, его ожидалъ новый шатеръ. Попы, монахи, гости, посадскіе люди, крестьяне приходили поклониться своему царю. То была, по старому обычаю, почетная встрѣча. Царю подносили подарки: ткани, мѣха, золото, серебро, жемчугъ, а бѣдняки—хлѣбъ-соль. Димитрій особенно ласково принималъ хлѣбъ-соль отъ бѣдняковъ. „Я не царемъ у васъ буду,—говорилъ онъ,—а отцомъ, все прошлое забыто; и во вѣки не помяну того, что вы служили Борису и его дѣтямъ; буду любить васъ, буду жить для пользы и счастья моихъ любезныхъ подданныхъ“.

Наконецъ, 20 іюня 1605 года, молодой царь торжественно въѣхалъ въ столицу при радостныхъ восклицаніяхъ безчисленнаго народа, столпившагося въ Москву съ разныхъ сторонъ. Онъ былъ статно сложенъ, но лицо его не было красиво, носъ широкій, рыжеватые волосы; за то у него былъ прекрасный лобъ и умные выразительные глаза [1]). Онъ ѣхалъ верхомъ, въ золотномъ

[1]) До насъ дошелъ его современный портретъ въ гравюрѣ Луки Киліяна.

платьѣ, съ богатымъ ожерельемъ, на превосходномъ конѣ, убранномъ драгоцѣнной сбруей, посреди бояръ и думныхъ людей, которые старались перещеголять одинъ другого своими нарядами. На кремлевской площади ожидало его духовенство съ образами и хоругвями, но здѣсь русскимъ показалось кое-что несовсѣмъ ладнымъ: польскіе музыканты во время церковнаго пѣнія играли на трубахъ и били въ литавры; а монахи замѣтили, что молодой царь прикладывался къ образамъ не совсѣмъ такъ, какъ бы это дѣлалъ природный русскій человѣкъ. Народъ на этотъ разъ извинилъ своего новообрѣтеннаго царя. „Что дѣлать, — говорили русскіе - онъ былъ долго въ чужой землѣ". Въѣхавши въ Кремль, Димитрій молился сначала въ Успенскомъ соборѣ, а потомъ въ Архангельскомъ, гдѣ, припавши къ гробу Грознаго, такъ плакалъ, что никто не могъ допустить сомнѣнія въ томъ, что это не истинный сынъ Ивана. Строгимъ ревнителямъ православнаго благочестія тогда же не совсѣмъ понравилось то, что вслѣдъ за Димитріемъ входили въ церковь иноземцы.

Вступивши во дворецъ, Димитрій принималъ поздравленія съ новосельемъ; а Богданъ Бѣльскій вошелъ на Лобное мѣсто, снялъ съ себя образъ, на которомъ былъ крестъ и изображеніе Николая Чудотворца, и сказалъ: „Православные! Благодарите Бога за спасеніе нашего солнышка, государя царя, Димитрія Ивановича. Какъ бы васъ лихіе люди ни смущали, ничему не вѣрьте. Это истинный сынъ царя Ивана Васильевича. Въ увѣреніе я цѣлую передъ вами животворящій крестъ и св. Николу Чудотворца". Народъ отвѣчалъ громкими восклицаніями: „Боже, сохрани царя нашего, Димитрія Ивановича! Подай ему, Господи, здравія и долгоденственнаго житія. Покори подъ ноги его супостатовъ, которые не вѣрятъ ему". Московскіе колокола безъ умолку гремѣли цѣлый день такъ сильно, что іезуиты, пріѣхавшіе съ Димитріемъ, думали, что оглохнутъ. Иноземцевъ особенно поражалъ огромный колоколъ въ 55 футовъ шириною и 15 вышиною.

Первымъ дѣломъ новаго царя было послать за матерью, инокинею Маѳою: выбранъ былъ князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, котораго Димитрій наименовалъ мечникомъ. Царь отложилъ свое царское вѣнчаніе до пріѣзда матери.

Едва только прошло нѣсколько дней послѣ пріѣзда Димитрія въ столицу, какъ Басмановъ, вошедшій въ милость новаго царя, поймалъ купца Ѳедора Конева и нѣсколько торговыхъ людей, которые показали, что князь Василій Шуйскій давалъ имъ наставленіе вооружить противъ царя народъ, указать на то, что

царь дозволяетъ некрещеннымъ иноземцамъ входить въ церковь, что онъ подосланъ Сигизмундомъ и польскими панами, что царь не Димитрій, а Гришка Отрепьевъ, что онъ хочетъ разорить церкви, искоренить вѣру. Такія возбужденія приходились тогда отчасти кстати, потому что поляки, пришедшіе съ Димитріемъ, вели себя нагло, особенно въ обращеніи съ женщинами. Царь отстранилъ себя отъ дѣла, касавшагося его чести и престола, и отдалъ Шуйскаго съ братьями суду, составленному изъ лицъ всѣхъ сословій. Ходъ этого суда намъ неизвѣстенъ, но судъ приговорилъ Василія Шуйскаго къ смерти, а братьевъ его къ ссылкѣ. Когда осужденнаго привели къ плахѣ на Красную площадь, прискакавшій изъ Кремля вѣстовой остановилъ казнь и объявилъ, что государь, не желая проливать крови даже важныхъ преступниковъ, замѣняетъ смертную казнь Василія Шуйскаго ссылкою въ Вятку. Народъ былъ въ восторгѣ отъ такого великодушія. Современники разсказываютъ, что Димитрій показывалъ народу въ Москвѣ настоящаго Гришку Отрепьева, о которомъ впослѣдствіи объясняли, что это былъ не настоящій, а подставной Отрепьевъ. Димитрій не преслѣдовалъ вообще тѣхъ, которые сомнѣвались въ его подлинности. Астраханскій владыка Ѳеодосій упорно держался Годунова и усердно проклиналъ Гришку Отрепьева, пока наконецъ народъ изругалъ его и отправилъ къ воцарившемуся Димитрію. „За что ты—спросилъ его царь—прирожденнаго своего царя называешь Гришкою Отрепьевымъ“?— Владыка отвѣчалъ: „намъ вѣдомо только то, что ты теперь царствуешь, а Богъ тебя знаетъ, кто ты такой и какъ тебя зовутъ“. Димитрій не сдѣлалъ ему ничего дурного.

18 іюля прибыла царица, инокиня Марѳа. Царь встрѣтилъ ее въ селѣ Тайнинскомъ. Безчисленное множество народа побѣжало смотрѣть на такое зрѣлище. Когда карета, гдѣ сидѣла царица, остановилась, царь быстро соскочилъ съ лошади. Марѳа отдернула занавѣсъ, покрывавшій окно кареты. Димитрій бросился къ ней въ объятія. Оба рыдали. Такъ прошло нѣсколько минутъ въ виду всего народа.

Потомъ царь до самой Москвы шелъ пѣшкомъ подлѣ кареты. Марѳа въѣзжала при звонѣ колоколовъ и при ликованіи народа: тогда уже никто въ толпѣ не сомнѣвался въ томъ, что на московскомъ престолѣ истинный царевичъ; такое свиданіе могло быть только свиданіемъ сына съ матерью. Царица Марѳа была помѣщена въ Вознесенскомъ монастырѣ. Димитрій ежедневно посѣщалъ ее, и при началѣ каждаго важнаго дѣла испрашивалъ ея благословенія.

30 іюля, Димитрій вѣнчался царскимъ вѣнцомъ отъ новаго патріарха Игнатія. Посыпались милости. Возвращены всѣ опальные прежняго царствованія. Филаретъ Романовъ сдѣланъ митрополитомъ ростовскимъ. Димитрій возвратилъ изъ ссылки Шуйскихъ къ прежнимъ почестямъ. Всѣ Годуновы, ихъ свойственники и приверженцы, сосланные при началѣ царствованія, получили прощеніе. „Есть два способа царствовать, —говорилъ Димитрій:—милосердіемъ и щедростью, или суровостью и казнями; я избралъ первый способъ; я далъ Богу обѣтъ не проливать крови подданныхъ и исполню его“. Когда кто-нибудь, желая подслужиться Димитрію, заговаривалъ дурно о Борисѣ, царь замѣчалъ: „Вы ему кланялись, когда онъ былъ живъ, а теперь, когда онъ мертвый, вы хулите его. Другой бы кто говорилъ о немъ, а не вы, когда сами выбрали его“. Всѣмъ служилымъ удвоено было содержаніе; помѣщикамъ удвоили ихъ земельные надѣлы, все судопроизводство объявлено безплатнымъ; всѣмъ должностнымъ лицамъ удвоено содержаніе и строго запрещено брать посулы и поминки. Для того, чтобы при сборѣ податей не было злоупотребленій, обществамъ предоставлено самимъ доставлять свои подати въ казну. Димитрій воспретилъ давать потомственныя кабалы: холопъ могъ быть холопомъ тому, кому отдавался, и тѣмъ самымъ подходилъ къ наемнику, служившему господину по взаимному соглашенію. Помѣщики теряли свое право на крестьянъ, если не кормили ихъ во время голода; постановлено было не давать суда на бѣглыхъ крестьянъ далѣе пяти лѣтъ. Всѣмъ предоставлено было свободно заниматься промыслами и торговлей; всякія стѣсненія къ выѣзду изъ государства, къ въѣзду въ государство, къ переѣздамъ внутри государства, уничтожены. „Я не хочу никого стѣснять,—говорилъ Димитрій, — пусть мои владѣнія будутъ вовсемъ свободны. Я обогащу свободною торговлею свое государство. Пусть вездѣ разнесется добрая слава о моемъ царствованіи и моемъ государствѣ. Англичане того времени замѣчаютъ, что это былъ первый государь въ Европѣ, который сдѣлалъ свое государство въ такой степени свободнымъ. Димитрій преобразовалъ боярскую Думу и назвалъ ее сенатомъ. Каждый день онъ присутствовалъ въ сенатѣ, самъ разбиралъ дѣла, иногда самыя мелочныя, и удивлялъ думныхъ людей быстротою своего соображенія. Два раза въ недѣлю, въ среду и въ субботу, царь лично принималъ челобитныя и всѣмъ представлялась возможность объясниться съ нимъ по своимъ дѣламъ. Вопреки обычаямъ прежнихъ царей, которые послѣ сытныхъ обѣдовъ укладывались спать, Димитрій, пообѣдавши, ходилъ пѣшкомъ по городу, заходилъ въ

разныя мастерскія, толковалъ съ мастерами, говорилъ со встрѣчными на улицахъ. Прежніе цари, когда садились на лошадь, то имъ подставляли скамьи, подсаживали подъ руки, а Димитрію подведутъ ретиваго коня: онъ быстро схватитъ одною рукою за поводъ, другою за сѣдло, вмигъ вскочитъ на него и заставитъ идти по своей волѣ. Никто лучше Димитрія не ѣздилъ верхомъ. Любилъ онъ охоту, но не такъ какъ прежніе цари. Прежде, бывало, наловятъ медвѣдей, держатъ въ подгородныхъ селахъ, а когда царю будетъ угодно, то подданные потѣшали его борьбою съ лютыми звѣрьми, нерѣдко жертвуя собственною жизнью. Димитрій, напротивъ, лично ходилъ на медвѣдей и удивлялъ подданныхъ своею ловкостью. Онъ болѣе всего любилъ бесѣдовать со своими боярами о томъ, что нужно дать народу образованіе, убѣждалъ ихъ путешествовать по Европѣ, посылать дѣтей для образованія за границу, заохочивалъ ихъ къ чтенію и пріобрѣтенію свѣдѣній. Самъ Димитрій хорошо зналъ св. писаніе и любилъ приводить изъ него мѣста, но не терпѣлъ исключительности. „У насъ — говорилъ онъ духовнымъ и мірянамъ — только одни обряды, а смыслъ ихъ укрытъ. Вы поставляете благочестіе только въ томъ, что сохраняете посты, поклоняетесь мощамъ, почитаете иконы, а никакого понятія не имѣете о существѣ вѣры, — вы называете себя новымъ Израилемъ, считаете себя самымъ праведнымъ народомъ въ мірѣ, а живете совсѣмъ не по-христіански, мало любите другъ друга, мало расположены дѣлать добро. Зачѣмъ вы презираете иновѣрцевъ? Что же такое латинская, лютерская вѣра? Все такія же христіанскія, какъ и греческая. И они въ Христа вѣруютъ". Когда ему заговорили о семи соборахъ и о неизмѣняемости ихъ постановленій, онъ на это сказалъ: „Если было семь соборовъ, то отчего же не можетъ быть и восьмого, и десятаго, и болѣе? Пусть всякій вѣритъ по своей совѣсти. Я хочу, чтобы въ моемъ государствѣ всѣ отправляли богослуженіе по своему обряду".

Димитрій не любилъ монаховъ, называлъ ихъ тунеядцами и лицемѣрами, приказалъ сдѣлать опись всѣмъ монастырскимъ имѣніямъ и заранѣе заявлялъ, что хочетъ оставить имъ небходимое на содержаніе, а все прочее отберетъ въ казну. По этому поводу онъ говорилъ: пусть богатства ихъ пойдутъ на защиту св. вѣры и православныхъ христіанъ. Наслушавшись въ Польшѣ толковъ о всеобщемъ христіанскомъ ополченіи противъ турокъ, о которомъ во всей Европѣ говорили, не приступая къ дѣлу, Димитрій хотѣлъ привести эту мысль въ исполненіе, тѣмъ болѣе, что русскихъ она касалась ближе, чѣмъ другихъ народовъ, во-

первыхъ, по духовному родству съ порабощенными греками, а во-вторыхъ, по сосѣдству съ крымскимъ хищническимъ гнѣздомъ, отъ котораго московская Русь находилась постоянно въ страхѣ и въ бѣдственномъ положенiи: ея лучшiя земли оставались малонаселенными, ея жители постоянно уводились въ плѣнъ; ихъ приходилось выкупать дорогою цѣною; пока существовало такое сосѣдство, русскiй народъ долженъ былъ оставаться въ бѣдности и всякое стремленiе къ его улучшенiямъ встрѣчало съ этой стороны препятствiе и замедленiе. Съ самаго прибытiя въ Москву намѣренiе воевать съ турками и татарами не сходило съ языка у Димитрiя. На пушечномъ дворѣ дѣлали новыя пушки, мортиры, ружья. Димитрiй часто ѣздилъ туда, самъ пробовалъ оружiе и устраивалъ военные маневры, которые вмѣстѣ были и потѣхою, и упражненiемъ въ военномъ дѣлѣ. Царь, забывая свой санъ, работалъ вмѣстѣ съ другими, не сердился, когда его въ давкѣ толкали или сбивали съ ногъ. Димитрiй надѣялся на союзъ съ нѣмецкимъ императоромъ, съ Венецiей, съ французскимъ королемъ Генрихомъ IV, къ которому Димитрiй чувствовалъ особое расположенiе. Война съ Турцiею побуждала его вести дружескiя сношенiя съ папою, но онъ не поддавался папскимъ уловкамъ по вопросу о соединенiи церквей, и на всѣ заявленiя со стороны папы въ своихъ отвѣтахъ искусно обходилъ этотъ вопросъ. Такимъ образомъ, въ дошедшихъ до насъ письмахъ Димитрiя къ папѣ нѣтъ даже намека, похожаго на обѣщанiе вводить католичество въ Русской землѣ. Московскiй государь толковалъ съ папою только о союзѣ противъ турокъ и вскорѣ iезуиты совершенно разочаровались на счетъ своихъ блестящихъ надеждъ, а папа писалъ ему выговоръ за то, что онъ окружаетъ себя еретиками и не слушается благочестивыхъ мужей. Въ самомъ дѣлѣ, предоставляя католикамъ свободу совѣсти въ своемъ государствѣ, Димитрiй, равнымъ образомъ, предоставлялъ ее протестантамъ всѣхъ толковъ. Домашнiй секретарь его Бучинскiй былъ протестантъ. Относясь къ папѣ дружелюбно, Димитрiй посылалъ денежную помощь и ласковую грамоту русскому львовскому братству, котораго задачею было охранять въ польско-русскихъ областяхъ русскую вѣру отъ покушенiй папизма. Ясно было, что Димитрiй не думалъ исполнять тѣхъ обѣщанiй iезуитамъ, которыя онъ поневолѣ давалъ, будучи въ Польшѣ. Также мало расположенъ былъ онъ исполнять свои вынужденныя обѣщанiя отдавать Польшѣ Смоленскъ и Сѣверскую область. Прiѣхалъ къ нему посолъ отъ Сигизмунда Корвинъ-Гонсѣвскiй. Димитрiй напрямикъ объявилъ ему, что отдача русскихъ земель рѣшительно невозможна, но

обѣщалъ, что, вмѣсто этихъ земель, онъ по дружбѣ, въ случаѣ нужды, готовъ помочь Сигизмунду денежною суммою. И это обѣщаніе давалось вѣроятно только потому, что невѣста царя находилась пока въ Польшѣ и онъ не хотѣлъ раздражать Сигизмунда. Объявляя, что онъ предоставляетъ всѣмъ иновѣрцамъ одинаковую свободу совѣсти въ своемъ государствѣ, Димитрій отказалъ польскому королю въ требованіи заводить костелы и вводить римско-католическое духовенство, особенно іезуитовъ, во вредъ православной вѣрѣ. Увидѣвши, что Сигизмундъ хочетъ обращаться съ нимъ, какъ съ вассаломъ, онъ принялъ гордый тонъ и требовалъ, чтобы его называли цезаремъ; ни за что не хотѣлъ онъ, въ угоду Сигизмунду, удалить Густава, сына Эрика, короля шведскаго.

Съ дѣятельностью Димитрій соединялъ любовь къ веселой жизни и забавамъ. Ему не по душѣ былъ старый дворецъ царей съ его мрачными воспоминаніями. Онъ приказалъ построить для себя и для будущей жены два дворца деревянные. Его собственный дворецъ былъ не великъ, хотя высокъ, и заключалъ всего четыре комнаты съ огромными сѣнями, уставленными шкафами съ серебряною посудою; комнаты были обиты персидскими тканями, окна занавѣшаны золототканными занавѣсами, изразцовыя печки съ серебряными рѣшетками, потолки кидались въ глаза превосходной рѣзною работою, а полъ былъ устланъ богатыми восточными коврами. Близъ этого дворца Димитрій приказалъ поставить мѣдное изваяніе Цербера, устроенное такъ, что челюсти его, раздвигаясь и закрываясь, издавали звукъ. За обѣдомъ у Димитрія была музыка, чего не дѣлалось при прежнихъ царяхъ. Онъ не преслѣдовалъ народныхъ забавъ, какъ это бывало прежде; веселые „скоморохи", съ волынками, домрами и накрами свободно тѣшили народъ и представляли свои „дѣйства"; не преслѣдовались ни карты, ни шахматы, ни пляска, ни пѣсни. Димитрій говорилъ, что желаетъ, чтобы все кругомъ его веселилось. Свобода торговли и обращенія въ какіе-нибудь полгода произвела то, что въ Москвѣ все подешевѣло и небогатымъ людямъ стали доступны такіе предметы житейскихъ удобствъ, какими прежде пользовались только богатые люди и бояре. Но современники разсказываютъ, что благодушный царь былъ слишкомъ падокъ до женщинъ и дозволялъ себѣ въ этомъ отношеніи грязныя и отвратительныя удовольствія. Въ особенности бросаетъ на него тѣнь его отношеніе къ несчастной Ксеніи: и русскіе, и иноземные источники говорятъ объ этомъ, и самъ будущій тесть Димитрія, Мнишекъ, писалъ къ нему, что носятся слухи, будто Димитрій

держитъ близко себя дочь Бориса. Въ заключеніе, несчастную дѣвушку отвезли во Владиміръ и постригли въ монахини подъ именемъ Ольги [1]).

Исполняя обѣщаніе вступить въ бракъ съ Мариною, Димитрій отправилъ въ Краковъ посломъ дьяка Аѳанасія Власьева, который, представляя лицо своего государя, 12 ноября совершилъ за него актъ обрученія въ присутствіи Сигизмунда. Послѣдній внутренно не совсѣмъ былъ доволенъ этимъ, такъ какъ по всему видно, король надѣялся отдать за царя свою сестру.

Между тѣмъ, въ Москвѣ враги уже вели подкопъ подъ своего царя. Во главѣ ихъ былъ, прощенный имъ, Василій Шуйскій. Бѣда научила его: теперь онъ повелъ заговоръ осторожно. Шуйскій понялъ, что нельзя уже произвести переворота одними увѣреніями, что царь не настоящій Димитрій. На это всегда былъ готовый отвѣтъ: „Какъ же не настоящій, когда родная мать признала его"! Шуйскій возбуждалъ ропотъ тѣмъ, что царь любитъ иноземцевъ, ѣстъ, пьетъ съ ними, не наблюдаетъ постовъ, ходитъ въ иноземномъ платьѣ, завелъ музыку, хочетъ отъ монастырей отобрать достояніе, тратитъ безъ толку казну, затѣваетъ войну съ турками, раздражаетъ шведовъ въ угоду Сигизмунду и намѣренъ жениться на поганой полькѣ. Къ Шуйскому пристали: князь Василій Васильевичъ Голицынъ, князь Куракинъ, Михайло Татищевъ и кое-кто изъ духовныхъ сановниковъ: особенно ненавидѣли царя казанскій митрополитъ Гермогенъ и епископъ коломенскій Іосифъ, строгіе противники всякаго общенія съ иновѣрцами. Сообщники Шуйскаго распространили неудовольствіе между стрѣльцами, и въ январѣ 1606 года составился умыселъ убить царя: убійцею вызвался быть тотъ самый Шефединовъ, который вмѣстѣ съ Молчановымъ извелъ Ѳедора Борисовича съ матерью. 8 января они проникли-было во дворецъ, но сдѣлался шумъ... Шефединовъ бѣжалъ и пропалъ безъ вѣсти. Семерыхъ схватили и они повинились. Тогда Димитрій созвалъ всѣхъ стрѣльцовъ къ крыльцу и сказалъ: „Мнѣ очень жаль васъ, вы грубы и нѣтъ въ васъ любви. Зачѣмъ вы заводите смуты? Бѣдная наша земля и такъ страдаетъ. Что-же, вы хотите ее довести до конечнаго разоренія? За что вы ищете меня погубить! Въ чемъ вы можете меня обвинить? спрашиваю я васъ. Вы говорите: я не истинный Димитрій! Обличите меня и вы тогда вольны лишить меня жизни! Моя мать

[1]) Во время троицкой осады Сапѣгою, Ксенія находилась въ Троицкомъ монастырѣ. Она умерла въ Суздалѣ въ 1622 году. Передъ смертью она просила положить ея тѣло рядомъ съ отцомъ и матерью въ Троицкомъ монастырѣ, что и было исполнено.

и бояре въ томъ свидѣтели. Я жизнь свою ставилъ въ опасность не ради своего возвышенія, а затѣмъ, чтобы избавить народъ, упавшій въ крайнюю нищету и неволю подъ гнетомъ гнусныхъ измѣнниковъ. Меня призвалъ къ этому Божій перстъ. Могучая рука помогла мнѣ овладѣть тѣмъ, что̀ принадлежитъ мнѣ по праву. Говорите прямо, говорите свободно: за что вы меня не любите?"

Толпа залилась слезами, упала на колѣни и говорила: „Царь-государь, смилуйся, мы ничего не знаемъ. Покажи намъ тѣхъ, что насъ оговариваютъ".

Тогда Басмановъ по царскому приказанію вывелъ семерыхъ сознавшихся, и Димитрій сказалъ: „вотъ, они повинились и говорятъ, что всѣ вы на меня зло мыслите".

Съ этими словами онъ ушелъ во дворецъ, а стрѣльцы разорвали въ клочки преступниковъ.

Съ тѣхъ поръ страшно было заикнуться противъ царя. Народъ любилъ Димитрія и строже всякой верховной власти готовъ былъ наказывать его враговъ; въ особенности донскіе казаки, бывшіе тогда въ Москвѣ, свирѣпо наказывали за оскорбленіе царскаго имени. Тогда—говоритъ современникъ—назови кто-нибудь царя не настоящимъ, тотъ и пропалъ: будь онъ монахъ или мірянинъ—сейчасъ убьютъ или утопятъ". Самъ царь никого не казнилъ, никого не преслѣдовалъ, а судъ народный и безъ него уничтожалъ его враговъ. Но, къ его несчастію, погибали менѣе опасные, а тѣ враги, отъ которыхъ все исходило, находились близъ него и пользовались его расположеніемъ. Услыхавши, что Сигизмундъ не любитъ Димитрія, бояре поручили гонцу Безобразову передать втайнѣ польскимъ панамъ, что они недовольны своимъ царемъ, думаютъ его свергнуть и желаютъ, чтобы въ Московскомъ Государствѣ государемъ былъ сынъ Сигизмунда, королевичъ Владиславъ. Тогда же черезъ какого-то шведа было сообщено польскимъ панамъ, будто мать Димитрія велѣла передать королю, что на московскомъ престолѣ царствуетъ не сынъ ея, а обманщикъ. Сигизмундъ, узнавши объ этомъ, приказалъ дать отвѣтъ, что онъ не загораживаетъ московскимъ боярамъ дороги и они могутъ промышлять о себѣ; что же касается до королевича Владислава, то король не такой человѣкъ, чтобы увлекаться честолюбіемъ. Но въ то время, когда Сигизмундъ коварно одобрялъ козни бояръ, надѣясь извлечь изъ нихъ для себя выгоду, въ самой Польшѣ, люди, недовольные поступками Сигизмунда, имѣли намѣреніе низвергнуть его съ престола и посадить на немъ Димитрія. Въ числѣ ихъ былъ одинъ изъ родственниковъ Мнишка,

Станиславъ Стадницкій. Говорятъ, онъ сносился объ этомъ съ Димитріемъ. Кромѣ него, канцлеръ Левъ Сапѣга, въ собраніи сенаторовъ, указывалъ на кого-то изъ Краковской академіи, который писалъ къ московскому государю, что Сигизмундомъ недовольны и поляки желаютъ возложить на Димитрія корону. „Если—говорилъ Левъ Сапѣга такія посланія будутъ перелетать изъ Польскаго королевства въ Москву, то намъ нечего ждать хорошаго“...

Царь всю зиму ждалъ своей невѣсты, а Мнишекъ медлилъ и безпрестанно требовалъ съ нареченнаго зятя денегъ. Уже Димитрій передалъ ему 300,000 злотыхъ, подарилъ его сыну 50,000 злотыхъ. Мнишекъ все еще водилъ царя и царь переслалъ ему еще около 19,000 рублей. Этого мало: Мнишекъ безъ церемоніи забиралъ у московскихъ купцовъ товары, занималъ у нихъ деньги и все на счетъ царя. Когда Мнишекъ написалъ, что онъ пріѣдетъ только спустя нѣсколько дней послѣ Пасхи, Димитрій потерялъ терпѣніе и написалъ ему, что если онъ такъ опоздаетъ, то не застанетъ его въ Москвѣ, потому что царь намѣренъ тотчасъ послѣ Пасхи выступить въ походъ. Это заставило Мнишка поторопиться.

Въ ожиданіи прибытія невѣсты, царь стягивалъ войско, назначая сборъ подъ Ельцомъ, чтобы тотчасъ послѣ свадьбы ударить на Крымъ. Онъ постоянно приглашалъ къ себѣ иноземцевъ и составилъ около себя стражу изъ французовъ и нѣмцевъ.

Приближенные русскіе все болѣе и болѣе оскорблялись предпочтеніемъ, которое царь оказывалъ иностранцамъ. Димитрій рѣзко говорилъ о превосходствѣ западныхъ европейцевъ передъ русскими, насмѣхался надъ русскими предразсудками, наряжался въ иноземное платье, даже умышленно старался показывать, что презираетъ русскіе обычаи. Такъ, напримѣръ, русскіе не ѣли телятины; Димитрій нарочно приказывалъ подавать ее къ столу, когда обѣдали у него бояре. Однажды Татищевъ сказалъ ему по этому поводу какую-то дерзость. Димитрій вспылилъ и отдалъ приказъ отправить его въ Вятку, но тотчасъ же опомнился и оставилъ при всѣхъ почестяхъ. Но Татищевъ былъ мстителенъ и утвердился въ мысли такъ или иначе погубить Димитрія.

24 апрѣля прибылъ въ столицу Мнишекъ съ дочерью. Съ нимъ пріѣхали знатные паны: братья Адамъ и Константинъ Вишневецкіе, Стадницкіе, Тарлы, Казановскіе, съ толпою всякаго рода челяди и со множествомъ служившихъ у нихъ шляхтичей. Всѣхъ гостей было болѣе 2,000 человѣкъ. Кромѣ того, въ Москву пріѣхали отъ Сигизмунда паны: Олѣсницкій и Гон-

сѣвскій со своими свитами. Начались роскошные обѣды, балы, празднества. Димитрій, сохраняя свое достоинство, чуть-было не поссорился съ польскими послами, требуя, чтобы Сигизмундъ называлъ его не иначе, какъ цезаремъ, да еще непобѣдимымъ. 8 мая, Марина была предварительно коронована царицею, а потомъ совершилось бракосочетаніе. Съ тѣхъ поръ пиры слѣдовали за пирами. Царь въ упоеніи любви все забылъ, предавался удовольствіямъ, танцовалъ, не уступая полякамъ въ ловкости и раздражая чопорность русскихъ; а между тѣмъ, шляхтичи и челядь, разставленные по домамъ московскихъ жителей, вели себя до крайности нагло и высокомѣрно. Получивъ, напримѣръ, отъ царя предложеніе вступить въ русскую службу, они хвастались этимъ и кричали: „Вотъ вся ваша казна перейдетъ къ намъ въ руки". Другіе, побрякивая саблями, говорили: „Что вашъ царь! мы дали царя Москвѣ". Въ пьяномъ разгулѣ они бросались на женщинъ по улицамъ, врывались въ дома, гдѣ замѣчали красивую хозяйку или дочь. Особенно нагло вели себя панскіе гайдуки. Слѣдуетъ замѣтить, что большая часть этихъ пришельцевъ только считались поляками, а были русскіе, даже православные, потому что въ то время въ южныхъ провинціяхъ Польши не только шляхта и простолюдины, но и многіе знатные паны не отступили еще отъ предковской вѣры. Сами, пріѣхавшіе тогда въ Москву, братья Вишневецкіе, исповѣдывали православіе. Но московскіе люди съ трудомъ могли признать въ пріѣзжихъ гостяхъ единовѣрцевъ и русскихъ по разности обычаевъ, входившихъ по московскимъ понятіямъ въ область религіи. Притомъ же всѣ гости говорили или по-польски, или по-малорусски. Если мы вспомнимъ, что польское правительство то-и-дѣло, что издавало распоряженія о прекращеніи своевольствъ въ южныхъ областяхъ Польши, то не трудно понять, почему прибывшіе съ панами въ Москву отличались такимъ буйствомъ. Благочестивыхъ москвичей, привыкшихъ жить со звономъ колоколовъ, замкнутой однообразной жизнью, видѣть нравственное достоинство въ одномъ монашествѣ, соблазняло то, что въ Кремлѣ, между соборами, по цѣлымъ днямъ играли 68 музыкантовъ, а пришельцы скакали по улицамъ на лошадяхъ, стрѣляли изъ ружей на воздухъ, пѣли пѣсни, танцовали и безмѣрно хвастались своимъ превосходствомъ надъ москвичами. „Крикъ, вопль, говоръ неподобный!—восклицаетъ лѣтописецъ.—О, какъ огнь не сойдетъ съ небеси и не попалитъ сихъ окаянныхъ!" Но, какъ ни оскорбляла наглость пришельцевъ русскій народъ, онъ все-таки на столько любилъ своего царя, что не поднялся бы на него и извинилъ бы ему,

ради его свадьбы. Погибель Димитрія была устроена путемъ заговора.

Въ почь, со вторника на среду, съ 13-го на 14-е мая Василій Шуйскій собралъ къ себѣ заговорщиковъ, между которыми были и служилые, и торговые люди, раздраженные поступками поляковъ; положили спачала отмѣтить домы, въ которыхъ стоятъ поляки, а утромъ рапо, въ субботу, ударпть въ набатъ и закричать народу, будто поляки хотятъ убить царя и перебить думныхъ людей: народъ бросится бить поляковъ, а заговорщики покончатъ съ царемъ.

Въ четвергъ, 15 мая, какіе-то русскіе донесли Басманову о заговорѣ. Басмановъ доложилъ царю. „Я этого слышать не хочу,—сказалъ Димитрій—не терплю доносчиковъ и буду наказывать ихъ самихъ".

Царь продолжалъ веселиться; къ воскресенью готовили большой праздникъ. Царскій деревянный домъ, построенный самимъ Димитріемъ, и дворецъ обставляли лѣсами для иллюминаціи.

Въ пятницу, 16 мая, нѣмцы подали Димитрію письменный извѣтъ о томъ, что въ столицѣ существуетъ измѣна и слѣдуетъ какъ можно скорѣе принять мѣры. Димитрій сказалъ: „Это все вздоръ, я читать этого не хочу".

И Мнишекъ, и Басмановъ совѣтовали не пренебрегать предостереженіями. Димитрій ничему не вѣрилъ и вечеромъ созвалъ гостей въ свой новый, красиво-убранный дворецъ. Заиграло сорокъ музыкантовъ, начались танцы; царь былъ особенно веселъ, танцовалъ и веселился; а между тѣмъ, Шуйскій именемъ царя приказалъ изъ сотни нѣмецкихъ алебардщиковъ, державшихъ по обыкновенію караулъ у дворца, удалиться семидесяти человѣкамъ и оставилъ только тридцать. По окончаніи бала, Димитрій удалился къ женѣ въ ея новопостроенный и еще неоконченный дворецъ, соединенный съ царскимъ дворцомъ переходами, а въ сѣняхъ царскаго дворца расположилось нѣсколько человѣкъ прислуги и музыкантовъ.

На разсвѣтѣ Шуйскій приказалъ отворить тюрьмы, выпустить преступниковъ и раздать имъ топоры и мечи. Какъ только начало всходить солнце, ударили въ набатъ на Ильинкѣ, а потомъ во всѣхъ другихъ московскихъ церквахъ стали также звонить, не зная, въ чемъ дѣло. Главные руководители заговора: Шуйскіе, Голицынъ, Татищевъ, выѣхали на Красную площадь верхомъ съ толпою около двухъ-сотъ человѣкъ. Народъ, услышавши набатъ, сбѣгался со всѣхъ сторонъ, а Шуйскій кричалъ ему: „Литва собирается убить царя и перебить бояръ, идите

бить Литву!“ Народъ съ яростными криками бросился бить поляковъ, многіе съ мыслью, что въ самомъ дѣлѣ защищаютъ царя; другіе—изъ ненависти къ полякамъ за своевольство; иные—просто изъ страсти къ грабежу Василій Шуйскій, освободившись такою хитростью отъ народной толпы, въѣхалъ въ Кремль: въ одной рукѣ у него былъ мечъ, въ другой крестъ. За нимъ слѣдовали заговорщики, вооруженные топорами, бердышами, копьями, мечами и рогатинами.

Набатный звонъ разбудилъ царя. Онъ бѣжалъ въ свой дворецъ и встрѣтилъ тамъ Димитрія Шуйскаго, который сказалъ ему, что въ городѣ пожаръ. Димитрій отправился къ женѣ, чтобы успокоить ее, а потомъ ѣхать на пожаръ, какъ вдругъ неистовые крики раздались у самаго дворца. Онъ снова поспѣшилъ въ свой дворецъ; тамъ былъ Басмановъ. Отворивши окно, Басмановъ спросилъ: „Что вамъ надобно, что за тревога?“ Ему отвѣчали: „Отдай намъ своего вора, тогда поговоришь съ нами“.—„Ахти, государь,—сказалъ Басмановъ царю:—не вѣрилъ ты своимъ вѣрнымъ слугамъ! Спасайся, а я умру за тебя!“

Тридцать человѣкъ нѣмецкихъ алебардщиковъ стали-было у входа, но по нимъ дали нѣсколько выстрѣловъ. Они увидали, что ничего не могутъ сдѣлать, и пропустили толпу. Царь искалъ своего меча, но меча не было. Царь схватилъ у одного алебардщика алебарду, подступилъ къ дверямъ и крикнулъ: „Прочь, я вамъ не Борисъ“. Басмановъ выступилъ впередъ царя, сошелъ внизъ и сталъ уговаривать бояръ, но Татищевъ ударилъ его ножемъ въ сердце. Димитрій заперъ дверь. Заговорщики стали ломать ее. Тогда Димитрій бросилъ алебарду, бѣжалъ по переходамъ въ каменный дворецъ, но выхода не было; всѣ двери были заперты; онъ глянулъ въ окно, увидѣлъ вдали стрѣльцовъ и рѣшился выскочить въ окно, чтобы спуститься по лѣсамъ, приготовленнымъ для иллюминаціи, и отдаться подъ защиту народа. Бывшій въ то время въ Москвѣ голландецъ замѣчаетъ, что если бы Димитрію удалось спуститься благополучно внизъ, то онъ былъ бы спасенъ. Народъ любилъ его и непремѣнно бы растерзалъ заговорщиковъ. Но Димитрій споткнулся и упалъ на землю съ высоты 30 футовъ. Онъ разбилъ себѣ грудь, вывихнулъ ногу, зашибъ голову и на время лишился чувствъ.

Стрѣльцы, державшіе караулъ, подбѣжали къ нему, облили водой и положили на каменный фундаментъ сломаннаго Борисова дома. Пришедши въ чувство, Димитрій упрашивалъ ихъ отнести его къ міру на площадь передъ Кремль, обѣщалъ отдать стрѣльцамъ все имущество мятежныхъ бояръ и даже семьи ихъ

въ холопство. Стрѣльцы стали-было защищать его, но заговорщики закричали, что они пойдутъ въ Стрѣлецкую слободу и перебьютъ стрѣлецкихъ женъ и дѣтей. Стрѣльцы оставили Димитрія.

Заговорщики внесли его во дворецъ. Одинъ нѣмецъ вздумалъ-было подать царю спирту, чтобъ поддержать въ немъ сознаніе, но заговорщики убили его за это.

Надъ Димитріемъ стали ругаться, приговаривая: „латинскихъ поповъ привелъ, нечестивую польку въ жену взялъ, казну московскую въ Польшу вывозилъ". Сорвали съ него кафтанъ, надѣли какія-то лохмотья и говорили: „Каковъ царь всея Руси, самодержецъ! вотъ такъ самодержецъ"! Кто тыкалъ пальцемъ въ глаза, кто щелкалъ по носу, кто дергалъ за ухо... Одинъ ударилъ его въ щеку и сказалъ: „Говори такой-сякой, кто твой отецъ? какъ тебя зовутъ? Откуда ты"?...

Димитрій слабымъ голосомъ проговорилъ: „Вы знаете, я царь вашъ Димитрій. Вы меня признали и вѣнчали на царство. Если теперь не вѣрите, спросите мать мою; вынесите меня на Лобное мѣсто и дайте говорить народу".

Но тутъ Иванъ Голицынъ крикнулъ: „Сейчасъ царица Мароа сказала, что это не ея сынъ".

„Винится ли злодѣй"?—кричала толпа со двора.

„Винится"! отвѣчали изъ дворца.

„Бей! руби его"! заревѣла толпа со двора.

„Вотъ я благословлю этого польскаго свистуна", сказалъ Григорій Валуевъ и застрѣлилъ Димитрія изъ короткаго ружья, бывшаго у него подъ армякомъ.

Тѣло обвязали веревками и потащили по землѣ изъ Кремля черезъ Фроловскія (Спасскія) ворота. У Вознесенскаго монастыря вызвали царицу Мароу и кричали: „Говори, твой ли это сынъ"?

„Не мой", отвѣчала Мароа [1]). Тѣло умерщвленнаго царя положили на Красной площади на маленькомъ столикѣ. Къ ногамъ его приволокли тѣло Басманова. На грудь мертвому Димитрію положили маску, а въ ротъ воткнули дудку. Въ продолженіе двухъ дней москвичи ругались надъ его тѣломъ, кололи и пачкали всякою дрянью, а въ понедѣльникъ свезли въ „убогій домъ" (кладбище для бѣдныхъ и безродныхъ) и бросили въ яму, куда складывали замерзшихъ и опившихся. Но вдругъ, по Москвѣ сталъ ходить слухъ, что мертвый ходитъ; тогда снова вырыли

---

[1]) По другому, польскому, извѣстію она сказала: „Было бы меня спрашивать, когда онъ былъ живъ, а теперь, когда вы его убили, онъ уже не мой"; но первое извѣстіе вѣроятнѣе.

тѣло, вывезли за Серпуховскія ворота, сожгли, пепелъ всыпали въ пушку и выстрѣлили въ ту сторону, откуда названый Димитрій пришелъ въ Москву.

Вопросъ о томъ, кто былъ этотъ загадочный человѣкъ, много занималъ умы и до сихъ поръ остался неразрѣшеннымъ. Его поведеніе было таково, что скорѣе всего его можно было признать за истиннаго Димитрія; но противъ этого существуютъ слѣдующіе важные доводы: если бы малолѣтняго Димитрія успѣли заблаговременно спасти отъ убійства, то невозможно предположить, чтобы спасители пустили его ходить по монастырямъ, а потомъ шататься въ чужой землѣ по панскимъ дворамъ. Ихъ прямой разсчетъ побудилъ бы увезти его въ Польшу и отдать тому же Сигизмунду, къ которому названый Димитрій явился изгнанникомъ. Безъ сомнѣнія, Сигизмундъ, имѣя въ рукахъ такой важный залогъ, щедро наградилъ бы тѣхъ лицъ, которыя ему доставили царскаго сына. Кромѣ того, если предположить, что Димитрія укрывали въ отечествѣ, то почему же не объявили о немъ тотчасъ по смерти Ѳедора, когда въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль Борисъ Годуновъ ломался и отказывался отъ предлагаемой ему короны?

Нѣкоторые ученые, обращая вниманіе на искренній и открытый характеръ царствовавшаго подъ именемъ Димитрія, приходили къ такому заключенію, что подобнаго характера человѣкъ не способенъ на гнусный обманъ, и хотя не признавали его настоящимъ Димитріемъ, сыномъ Грознаго, но думали, что самъ онъ былъ внутренно убѣжденъ въ томъ, что онъ сынъ царя Ивана Васильевича и былъ настроенъ въ этой мысли боярами. Мнѣніе это представляетъ много вѣроятія, но есть обстоятельства, возбуждающія сомнѣніе въ его достовѣрности. Изъ писемъ Сигизмунда видно, что этотъ человѣкъ разсказывалъ о себѣ, что его спасли именно въ то время, когда совершилось убійство въ Угличѣ. Но тогда Димитрію было уже восемь лѣтъ. Намъ кажется едва ли возможнымъ, чтобъ человѣкъ не помнилъ, что̀ съ нимъ происходило на восьмилѣтнемъ возрастѣ, и безъ умышленнаго обмана разсказывалъ о томъ, чего съ нимъ не было. Одно только можно сказать по этому поводу: быть можетъ, ему описали углицкое событіе происходившимъ ранѣе того времени, въ какомъ оно дѣйствительно происходило, и онъ повторялъ разсказы со словъ другихъ съ полною къ нимъ вѣрою. Но если такимъ образомъ онъ былъ подготовленъ, то едва ли русскими боярами въ Московской землѣ, а скорѣе всего въ польскихъ владѣніяхъ или какими-нибудь русскими выходцами, которыхъ и при Гроз-

номъ, и при Борисѣ было много, или тѣми же Мнишками и Вишневецкими, среди которыхъ мы застаемъ его. Послѣднее тѣмъ болѣе можетъ показаться вѣроятнымъ, что, по низверженіи его съ престола, эти паны сейчасъ же создавали и подставляли другихъ самозванцевъ съ именемъ Димитрія; слѣдовательно, могли выдумать и перваго. Оставляя пока нерѣшеннымъ вопросъ о томъ: считалъ ли онъ себя настоящимъ Димитріемъ, или былъ сознательнымъ обманщикомъ, мы, однако, не должны слишкомъ увлекаться блескомъ тѣхъ свѣтлыхъ чертъ, которыя проглядываютъ не столько въ его поступкахъ, сколько въ словахъ. Въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ своего правленія, Димитрій болѣе наговорилъ хорошаго, чѣмъ исполнилъ, а если что̀ и сдѣлалъ, то не слѣдуетъ забывать, что властители вообще въ началѣ своего царствованія стараются дѣлать добро и выказывать себя съ хорошей стороны: исторія представляетъ много примѣровъ, когда самые дурные государи сначала являлись въ свѣтломъ видѣ. Притомъ же, если въ поступкахъ названаго Димитрія есть черты, несообразныя со свойствами сознательнаго обманщика, то есть и такія, которыя достойны этого призванія; таковы его развратныя потѣхи, о которыхъ разсказываетъ голландецъ Масса, вовсе невооруженный противъ его личности, поступокъ со злополучною Ксеніею, наконецъ слѣдуетъ принять во вниманіе его лживость и притворство, съ которыми онъ показывалъ видъ, будто сожалѣетъ о смерти Годуновыхъ и вѣритъ въ ихъ самоубійство, а между тѣмъ, приближалъ къ себѣ убійцу ихъ, Молчанова, доставлявшаго ему женщинъ для гнусныхъ удовольствій.

Борисъ и патріархъ Іовъ провозгласили его Григоріемъ Отрепьевымъ. Впослѣдствіи то же сдѣлалъ Шуйскій и подтверждалъ это показаніями монаха Варлаама, странствовавшаго съ Григоріемъ Отрепьевымъ. Противъ этого можно сдѣлать слѣдующія возраженія:

1) Если бы названый Димитрій былъ бѣглый монахъ Отрепьевъ, убѣжавшій изъ Москвы въ 1602 году, то никакъ не могъ бы въ теченіе какихъ-нибудь двухъ лѣтъ усвоить пріемы тогдашняго польскаго шляхтича. Мы знаемъ, что царствовавшій подъ именемъ Димитрія превосходно ѣздилъ верхомъ, изящно танцовалъ, мѣтко стрѣлялъ, ловко владѣлъ саблею и въ совершенствѣ зналъ польскій языкъ; даже въ русской рѣчи его слышенъ былъ не московскій выговоръ. Наконецъ, въ день своего прибытія въ Москву, прикладываясь къ образамъ, онъ возбудилъ вниманіе своимъ неумѣніемъ сдѣлать это съ такими пріемами, какіе были въ обычаѣ у природныхъ москвичей.

2) Названый царь Димитрій привелъ съ собою Григорія Отрепьева и показывалъ его народу. Впослѣдствіи говорили, что это не настоящій Григорій: одни объясняли, что это былъ инокъ Крыпецкаго монастыря, Леонидъ, другіе, что это былъ монахъ Пименъ. Но Григорій Отрепьевъ былъ вовсе не такая малоизвѣстная личность, чтобъ можно было подставлять на мѣсто его другого. Григорій Отрепьевъ былъ крестовый дьякъ (секретарь) патріарха Іова, вмѣстѣ съ нимъ ходилъ съ бумагами въ царскую Думу. Всѣ бояре знали его въ лицо. Григорій жилъ въ Чудовомъ монастырѣ, въ Кремлѣ, гдѣ архимандритомъ былъ Пафнутій. Само собою разумѣется, что если бы названый царь былъ Григорій Отрепьевъ, то онъ болѣе всего долженъ былъ бы избѣгать этого Пафнутія и прежде всего постарался бы отъ него избавиться. Но чудовскій архимандритъ Пафнутій въ продолженіе всего царствованія названаго Димитрія былъ членомъ учрежденнаго имъ сената и, слѣдовательно, видѣлся съ царемъ почти каждый день.

3) Въ Загоровскомъ монастырѣ (на Волыни) есть книга съ собственноручною подписью Григорія Отрепьева; подпись эта не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ почеркомъ названаго царя Димитрія.

XXV.

МАРИНА МНИШЕКЪ.

Женщина, въ началѣ XVII вѣка игравшая такую видную, но позорную роль въ нашей исторіи, была жалкимъ орудіемъ той римско-католической пропаганды, которая, находясь въ рукахъ іезуитовъ, не останавливалась ни передъ какими средствами для проведенія завѣтной идеи подчиненія восточной церкви папскому престолу. Мы уже говорили выше о нравственныхъ качествахъ отца Марины, Юрія Мнишка. Съ наступленіемъ господства іезуитовъ, овладѣвшихъ польскимъ королемъ Сигизмундомъ, Мнишекъ, прежде находившійся въ дружескихъ связяхъ съ протестанскими панами, сдѣлался горячимъ католикомъ, готовъ былъ отдать и себя, и свою семью на служеніе іезуитскимъ цѣлямъ, ожидая отъ этого выгодъ и возвышенія для себя. Появленіе Димитрія подало ему удобный поводъ выказать себя вполнѣ. Мы не знаемъ, до какой степени вначалѣ названый Димитрій самъ плѣнился красотою его дочери Марины и въ какой степени долженъ былъ обязаться будущимъ бракомъ съ дочерью пана, который такъ горячо поддерживалъ его предпріятіе. Существуетъ нѣсколько романтическихъ разсказовъ того времени о знакомствѣ Димитрія съ Мариною, объ его любовныхъ объясненіяхъ съ нею, объ ея гордости и кокетствѣ, съ которымъ она разжигала страсть молодого человѣка, наконецъ, о поединкѣ, который имѣлъ будто-бы Димитрій съ какимъ-то польскимъ княземъ за прекрасную дочь Юрія: все это, однако, могли быть вымыслы, не имѣющіе для насъ исторической достовѣрности.

Марина была одна изъ нѣсколькихъ дочерей Юрія Мнишка [1]).

---

[1]) По гербовнику Нѣсецкаго, Юрій Мнишекъ былъ два раза женатъ. Отъ первой жены изъ фамиліи Тарло, кромѣ двухъ сыновей, Яна и Станислава, у него были

Судя по старымъ портретамъ и современнымъ описаніямъ, она была съ красивыми чертами лица, черными волосами, небольшого роста. Глаза ея блистали отвагою, а тонкія сжатыя губы и узкій подбородокъ придавали что-то сухое и хитрое всей физіономіи. Мнишекъ свозилъ Димитрія въ Варшаву, увѣрился въ томъ, что и духовенство, и король благосклонно относятся къ названому царевичу, и тогда взялъ съ послѣдняго запись на очень выгодныхъ для себя условіяхъ, о которыхъ мы уже говорили. Названый Димитрій, именемъ св. Троицы, обѣщая жениться на паннѣ Маринѣ, наложилъ на себя проклятіе въ случаѣ неисполненія этого обѣщанія; кромѣ тѣхъ суммъ, которыя онъ обязывался выдать будущему тестю, онъ обѣщалъ еще, сверхъ всего, выслать своей невѣстѣ изъ московской казны для ея убранства и для ея обихода разныя драгоцѣнности и столовое серебро. Маринѣ, будущей царицѣ, предоставлялись во владѣніе Новгородъ и Псковъ съ тѣмъ, что самъ царь не будетъ уже управлять этими землями, а въ случаѣ, если царь не исполнитъ такого условія въ теченіе года, Маринѣ предоставлялъ право развестись съ нимъ. Наконецъ, въ этой записи, которою названый царевичъ такъ стѣснялъ себя для своей будущей жены, было выразительно сказано и нѣсколько разъ повторено, также въ числѣ условій брака, что царь будетъ промышлять всѣми способами привести къ подчиненію римскому престолу свое Московское Государство. Такимъ образомъ, будущая царица принимала въ глазахъ католиковъ высокое, апостольское призваніе. Мнишекъ совѣтовалъ Димитрію держать свое намѣреніе втайнѣ, пока не вступитъ на престолъ. Мнишекъ не довѣрялъ Сигизмунду и опасался, что король захочетъ отдать за Димитрія свою сестру. Сама Марина, какъ говорятъ, вела себя сдержанно и давала понять названому Димитрію, что она тогда только осчастливитъ его своею любовью, когда онъ добудетъ себѣ престолъ и тѣмъ сдѣлается ея достойнымъ.

Димитрій сдѣлался царемъ, но не тотчасъ обратился со своимъ сватовствомъ. Прошло лѣто. Димитрій занимался дѣлами, и развлекался женщинами: это до извѣстной степени заставляетъ

двѣ дочери: Марина и Урсула (Вишневецкая); отъ второй жены, княжны Головинской—четыре сына и три дочери: Анна, Августина и Евфросина, которыя въ описываемое нами время были всѣ несовершеннолѣтнія. По родословной книгѣ Долгорукова у Мнишка было четыре сына и пять дочерей; старшая изъ нихъ Христина была монахиня, вторая Анна, вышедшая замужъ за пана Шишковскаго, третья Урсула Вишневецкая, четвертая Марина, пятая Евфросина въ супружествѣ съ паномъ Іорданомъ.

подозрѣвать, что Димитрій могъ къ обѣщанію, данному сендомирскому воеводѣ, отнестись такъ, какъ относился ко многимъ обѣщаніямъ, даннымъ въ Польшѣ; быть можетъ, онъ бы и не погибъ, если бы нарушилъ это обѣщаніе. Не знаемъ вполнѣ, что побуждало Димитрія исполнить его, но, кажется, что Марина оставила впечатлѣніе въ его сердцѣ. Въ ноябрѣ 1605 года, дьякъ Аѳанасій Власьевъ, отправленный посломъ въ Польшу, заявилъ Сигизмунду о намѣреніи своего государя сочетаться бракомъ съ Мариною въ благодарность за тѣ великія услуги и усердіе, какія оказалъ ему сендомирскій воевода. Во время обрученія, 12 ноября, Власьевъ, представлявшій лицо государя, удивилъ поляковъ своимъ простодушіемъ и своими московскими пріемами. Когда, по обряду, совершавшій обрученіе кардиналъ Бернардъ Мацѣевскій, спросилъ его: не давалъ ли царь прежде кому-нибудь обѣщанія? посолъ отвѣчалъ: „А почему я знаю? онъ мнѣ не говорилъ этого“. Всѣ присутствующіе разсмѣялись, а Власьевъ, какъ будто для большей потѣхи, прибавилъ: „коли-бъ кому обѣщалъ, то меня бы сюда не прислалъ“. Благоговѣніе его къ будущей своей государынѣ было такъ велико, что онъ не рѣшился надѣть, какъ слѣдовало, обручальное кольцо и прикоснуться обнаженной рукой до руки Марины. Послѣ обрученія былъ обѣдъ, а потомъ балъ. Марина — говоритъ одинъ изъ очевидцевъ — была дивно хороша и прелестна въ этотъ вечеръ въ коронѣ изъ драгоцѣнныхъ камней, расположенныхъ въ видѣ цвѣтовъ. Московскіе люди и поляки равно любовались ея стройнымъ станомъ, быстрыми, изящными движеніями и роскошными черными волосами, разсыпанными по бѣлому серебристому платью, усыпанному каменьями и жемчугомъ. Посолъ не танцовалъ съ нею, говоря, что онъ не достоинъ прикоснуться къ своей государынѣ. Но послѣ танцевъ, этого посла поразила непріятная для московскаго человѣка сцена. Мнишекъ подвелъ дочь къ королю, приказалъ кланяться въ ноги и благодарить короля за великія его благодѣянія, а король проговорилъ ей поученіе о томъ, чтобъ она не забывала, что родилась въ Польскомъ королевствѣ и любила бы обычаи польскіе. Власьевъ тогда же замѣтилъ канцлеру Сапѣгѣ, что это оскорбительно для достоинства русскаго государя.

Димитрій отправилъ чрезъ своего секретаря Бучинскаго къ сендомирскому воеводѣ требованіе, клонившееся къ тому, чтобы его будущая супруга, по крайней мѣрѣ наружно, соблюдала религіозные пріемы, обычные въ Московскомъ Государствѣ, дабы не вводить въ соблазнъ русскихъ, а именно: чтобъ она причa-

щалась въ русской церкви и соблюдала ея уставы, оказывала всякое почтеніе греческому богослуженію, не ходила бы послѣ замужества съ открытыми волосами и постилась бы въ среду, а въ субботу ѣла мясо; вмѣстѣ съ тѣмъ, у себя дома, Димитрій предоставлялъ ей исполнять, какъ угодно, обязанности благочестія. Требованіе это очень не нравилось римско-католическому духовенству. Собственно Димитрій требовалъ совсѣмъ противное тому, чего желали папа и католическіе духовные, т.-е., онъ домогался, чтобъ его жена въ глазахъ всего русскаго народа присоединилась къ православію. Что касается до позволенія выражать какъ угодно у себя благочестіе, то это не показывало въ немъ особаго расположенія къ распространенію католичества: то была свобода совѣсти, которую онъ проповѣдывалъ всѣмъ своимъ подданнымъ. Требованіе насчетъ исполненія православныхъ обрядовъ пришло въ такое время, когда папа заботился о томъ, чтобы сдѣлать Марину своимъ орудіемъ, и написалъ ей письмо, въ которомъ, поздравляя съ обрученіемъ, выражался такъ: „теперь-то мы ожидаемъ отъ твоего величества всего того, чего можно ждать отъ благородной женщины, согрѣтой ревностью къ Богу. Ты, вмѣстѣ съ возлюбленнымъ сыномъ нашимъ, супругомъ твоимъ, должна всѣми силами стараться, чтобы богослуженіе католической религіи и ученіе св. апостольской церкви были приняты вашими подданными и водворены въ вашемъ государствѣ прочно и незыблемо. Вотъ твое первое и главнѣйшее дѣло“. Папскій нунцій въ Польшѣ, Рангони, на требованіе Димитрія отвѣчалъ, что онъ не можетъ исполнить желанія царя относительно его невѣсты, что это требуетъ власти больше той, какою облеченъ нунцій, убѣждалъ оставить свои домогательства и устранить всѣ затрудненія силою своей самодержавной власти. Римскій дворъ, получивши извѣстіе о требованіи Димитрія, догадался, что московскій царь обращается совсѣмъ не въ ту сторону, куда надѣялись направить его отцы іезуиты; тамъ нашли недозволительнымъ, чтобы Марина соблюдала обряды греческой церкви, и кардиналъ Боргезе писалъ къ папскому нунцію въ Польшѣ: „пусть Марина остается непремѣнно при обрядахъ латинской церкви, иначе Димитрій будетъ находить новое оправданіе своему упорству“. Весьма можетъ быть, что замедленіе пріѣзда Марины въ Москву зависѣло, между прочимъ, отъ недоразумѣній, возникшихъ по этому религіозному вопросу. Обѣ стороны, не сошедшись между собою, рѣшились на хитрости: Димитрій надѣялся, что его жена, живучи въ Москвѣ, свыкнется съ необходимостью дѣлать уступки народнымъ обычаямъ, а католическая пропаганда

отпускала Марину въ Москву, надѣясь, что она силою женской прелести съумѣетъ все передѣлать сообразно папскимъ видамъ.

Марина, со множествомъ сопровождавшихъ ее лицъ, переѣхала границу 8 апрѣля. Паны ѣхали не на короткое время и надѣялись попировать на славу. Мнишекъ везъ за собою одного венгерскаго нѣсколько десятковъ бочекъ. Тысячи московскихъ людей устраивали для нихъ мосты и гати. Вездѣ въ Московской землѣ встрѣчали Марину священники съ образами, народъ съ хлѣбомъ-солью и дарами. Мнишекъ съ роднею нѣсколькими днями ранѣе ея прибылъ въ Москву. Нареченная царица ѣхала за нимъ медленно и, приблизившись къ Москвѣ, остановилась въ заранѣе приготовленныхъ для нея шатрахъ. Здѣсь московскіе гости и купцы приносили ей поклоны и подносили подарки. 3 мая Марина самымъ пышнымъ образомъ въѣхала въ столицу. Народъ въ огромномъ стеченіи привѣтствовалъ свою будущую государыню. Посреди множества каретъ, ѣхавшихъ впереди и сзади и нагруженныхъ панами и паньями, ѣхала будущая царица, въ красной каретѣ съ серебряными накладками и позолочеными колесами, обитой внутри краснымъ бархатомъ, сидя на подушкѣ, унизанной жемчугомъ, одѣтая въ бѣлое атласное платье, вся осыпанная драгоцѣнными каменьями. Звонъ колоколовъ, громъ пушечныхъ выстрѣловъ, звуки польской музыки, восклицанія, раздававшіяся разомъ и по-великорусски, и по-малорусски, и по-польски, сливались между собою. Едва ли еще когда-нибудь Москва принимала такой шумный праздничный видъ. Молодая царица, въѣзжая въ ворота Кремля, казалось, приносила съ собою залогъ великой и счастливой будущности, мира, прочнаго союза для взаимной безопасности словянскихъ народовъ, роскошныя надежды славы и побѣдъ надъ врагами христіанства и образованности. Но то былъ день обольщенія; ложь была подкладкою всего этого мишурнаго торжества.

Марина остановилась въ Вознесенскомъ монастырѣ у матери царя, принявшей невѣстку, какъ говорятъ, радушно.

Но тяжела показалась励 полькѣ обстановка русскаго почета. Марина съ перваго раза не съумѣла переломить себя настолько, чтобы скрыть неуваженіе къ русскимъ обычаямъ. Прискорбно ей было, что ее лишали возможности слушать католическую обѣдню; ее тяготило то, что она должна была жить въ схизматическомъ монастырѣ, а народъ, не допускавшій сомнѣнія въ приверженности своего царя къ отеческой вѣрѣ, думалъ и говорилъ тогда, что царскую невѣсту для того и помѣстили въ монастырѣ, чтобъ познакомить съ обрядами православной церкви, къ которой она

присоединится. Шляхтянки, окружавшія Марину, подняли вопль, побѣжали къ панье, сохачевской старостинѣ, слушать обѣдню, которую отправлялъ пріѣхавшій съ этою паньею ксендзъ въ ея помѣщеніи, и Димитрій долженъ былъ утѣшать этихъ женщинъ, обѣщая имъ скорое возвращеніе на родину. Когда Маринѣ принесли кушанье, она объявила, что не можетъ сносить московской кухни, и царь прислалъ къ ней польскаго повара. Царь угощалъ у себя родственниковъ невѣсты, а невѣста должна была изъ приличія сидѣть въ монастырѣ, но чтобъ ей не было скучно, царь послалъ ей для развлеченія польскихъ музыкантовъ и пѣсенниковъ, не обращая вниманія, что русскіе соблазнялись: неслыханное для нихъ было явленіе — пѣсни и музыка въ святой обители; и Димитрій, и Марина отнеслись къ этому съ достойнымъ другъ друга легкомысліемъ. Не только пѣснями и музыкою забавлялъ Димитрій свою будущую подругу: онъ прислалъ ей для развлеченія еще шкатулку, въ которой было много драгоцѣнностей, говорятъ даже будто цѣнность ихъ простиралась до 500,000 р. Марина могла утѣшаться, пересматривая ихъ и примѣривая къ себѣ то, что служило для женскаго украшенія. Ея родитель, не знавшій границъ любви своей къ деньгамъ, въ то же время для своего утѣшенія получилъ также сто тысячъ злотыхъ.

Между тѣмъ, у духовенства поднялся вопросъ: слѣдуетъ ли допустить къ бракосочетанію Марину католичку, или необходимо крестить ее въ православную вѣру, какъ не-христіанку? Царь, вѣрный своему всегдашнему взгляду, что всѣ христіанскія религіи равны и слѣдуетъ предоставить вѣру внутренней совѣсти каждаго, требовалъ отъ своей жены только наружнаго исполненія обрядовъ и уваженія къ церкви; патріархъ Игнатій потакалъ ему; но поднялся тогда казанскій митрополитъ Гермогенъ и коломенскій епископъ Іосафъ, оба суровые ревнители православія, оба ненавистники всего иноземнаго. Димитрій выпроводилъ Гермогена въ его епархію. Въ четвергъ 8 мая назначенъ былъ день свадьбы.

По русскому обычаю, не вѣнчались наканунѣ постныхъ дней; правда, это собственно не составляло церковнаго правила, а только благочестивый обычай: царь не хотѣлъ оказывать уваженія къ обычаямъ. Съ пріѣздомъ Марины, Димитріемъ черезъчуръ овладѣло польское легкомысліе.

Свадьба устроена была по завѣтному прадѣдовскому чину съ короваями, съ тысяцкимъ, съ дружками, съ свахами. Марина, не любившая русской одежды, должна была на этотъ разъ перело-

мить себя и явилась въ столовую избу въ русскомъ бархатномъ платьѣ съ длинными рукавами, усаженномъ дорогими каменьями и жемчугомъ до того густо, что трудно было распознать цвѣтъ матеріи; она была обута въ сафьянные сапоги; голова у нея была убрана по-польски, повязкою, переплетенною съ волосами. Послѣ обычныхъ церемоній, новобрачные со свадебнымъ поѣздомъ отправились въ Успенскій соборъ; пришлось цѣловать иконы; польки, къ соблазну православныхъ, цѣловали изображенія святыхъ въ уста. Прежде вѣнчанія, царь изъявилъ желаніе, чтобъ его супруга была коронована. Неизвѣстно: было ли это желаніе самого царя изъ любви къ своей невѣстѣ, или же, что̀ вѣроятнѣе, слѣдствіе честолюбія Марины и ея родителя, видѣвшихъ въ этомъ обрядѣ ручательство въ силѣ титула: чтобъ Марина пріобрѣла этотъ титулъ не по бракосочетанію съ царемъ, подобно многимъ царицамъ, изъ которыхъ уже не одну цари спроваживали, по ненадобности, въ монастырь, а вступила въ бракъ съ царемъ уже со званіемъ московской царицы. Послѣ коронованія Марина была помазана на царство и причастилась св. Таинъ.

Принятіе св. Таинъ по обряду восточной церкви уже дѣлало ее православною: такъ думалъ царь и съ нимъ тѣ русскіе, которые, отрѣшаясь отъ строгихъ взглядовъ, были снисходительнѣе къ иновѣрію; но въ глазахъ такихъ, для которыхъ католики были въ равной степени погаными, какъ жиды и язычники, это было оскорбленіе святыни.

Совершилось вѣнчаніе. Ксендзъ проговорилъ въ Успенскомъ соборѣ проповѣдь или рѣчь; она тѣмъ болѣе была неумѣстною, что произносилась на латинскомъ языкѣ, ни для кого изъ русскихъ непонятномъ. Свадьба, однако, какъ началась, такъ и окончилась во дворцѣ по всѣмъ правиламъ русскаго свадебнаго чина.

Потекли веселые дни пировъ и праздниковъ. Марина, по требованію царя, хотя и являлась въ русскомъ платьѣ, когда принимала поздравленія отъ русскихъ людей, но предпочитала польское, и самъ царь одѣвался по-польски, когда веселился и танцовалъ съ своими гостями. Марину плѣнялъ рядъ готовившихся удовольствій. Въ воскресенье готовился маскерадъ съ великолѣпнымъ освѣщеніемъ дворцовъ, а за городомъ устраивали примѣрную крѣпость, которую царь прикажетъ однимъ брать приступомъ, а другимъ защищать. Поляки затѣвали рыцарскій турниръ въ честь новобрачной четы. Много иныхъ веселыхъ плановъ представлялось для суетной и избалованной судьбою Марины.

Но, вмѣсто ожидаемыхъ празднествъ и забавъ, настало 16 мая. Разбуженная набатнымъ звономъ, не нашедши подлѣ себя супруга, царица наскоро надѣла юбку и съ растрепанными волосами бросилась изъ своихъ комнатъ, сбѣжала въ нижніе покои каменнаго дворца и хотѣла-было укрыться въ закоулкѣ. Но ея уши поражали звонъ набата, трескъ выстрѣловъ, неистовые крики. Марина выскочила изъ своего убѣжища, поднялась опять на лѣстницу; тутъ встрѣтили ее заговорщики, искавшіе царя, убѣжавшаго изъ деревяннаго дворца. Ее не узнали и только столкнули съ лѣстницы. Она вбѣжала въ свои покои, къ своимъ придворнымъ дамамъ. Толпа московскихъ людей бросилась туда, съ намѣреніемъ найти ненавистную еретичку. Изъ мужчинъ былъ одинъ только юноша, пажъ Марины, Осмольскій. Двери заперли. Осмольскій сталъ съ саблею въ рукѣ и говорилъ, что убійцы только по его трупу доберутся до царицы. Двери разломали. Осмольскій палъ подъ выстрѣлами; тѣло его изрубили въ куски. Испуганныя польки сбились въ кружокъ. Если Шуйскій, для пополненія своихъ соумышленниковъ, выпустилъ изъ тюремъ преступниковъ, то неудивительно, что ворвавшіеся къ женщинамъ москвичи начали прежде всего отпускать непристойныя выходки и съ площадною бранью спрашивали, гдѣ царь и гдѣ его еретичка-царица. Бѣдная Марина, какъ разсказываютъ, будучи небольшого роста, спряталась подъ юбкою своей охмистрины. Къ счастію, прибѣжали бояре и разогнали неистовую толпу.

Съ тѣхъ поръ Марина оставалась во дворцѣ до среды будущей недѣли; къ ней приставили стражу. Шуйскій былъ внимателенъ къ ней. Зная, что она не любитъ московскаго кушанья, приказалъ носить ей кушанье отъ отца: ея собственный поваръ былъ умерщвленъ въ день расправы съ Димитріемъ и поляками. Въ среду пришли къ ней московскіе люди отъ бояръ и сказали: „мужъ твой, Гришка Отрепьевъ, воръ, измѣнникъ и прелестникъ, обманулъ насъ всѣхъ, назвавшись Димитріемъ, а ты знала его въ Польшѣ и вышла за него замужъ, тебѣ вѣдомо было, что онъ воръ, а не прямой царевичъ. За это отдай все и вороти, что̀ воръ тебѣ въ Польшу пересылалъ и на Москвѣ давалъ“.

Марина указала имъ на свои драгоцѣнности и сказала:

„Вотъ мои ожерелья, камни, жемчугъ, цѣпи, браслеты... все возьмите, оставьте мнѣ только ночное платье, въ чемъ бы я могла уйти къ отцу. Я готова вамъ заплатить и за то, что̀ проѣла у васъ съ моими людьми“.

— Мы за проѣсть ничего не беремъ,—сказали москвичи,— но вороти намъ тѣ 55,000 руб., что воръ переслалъ тебѣ въ Польшу.

— Я истратила на путешествіе сюда не только то, что̀ мнѣ присылали, но еще и много своего, чтобъ честнѣе было вашему царю и вашему государству. У меня болѣе ничего нѣтъ. Отпустите меня на свободу съ отцомъ; мы вышлемъ вамъ все, что̀ требуется.

Въ то же время у Мнишка забрали десять тысячъ рублей деньгами, кареты, лошадей и вино, которое онъ привезъ съ собою.

Марину, обобранную до-чиста, отослали къ отцу, а на другой день прислали ей, какъ будто на посмѣяніе, пустые сундуки. Къ отцу и дочери приставили стражу.

И такъ, недавнее царственное величіе, радость родныхъ, поклоненіе подданныхъ, пышность двора, богатство нарядовъ, надежды тщеславія, все исчезло! Изъ вѣнчанной повелительницы народа, такъ недавно еще встрѣчавшаго ее съ восторгомъ, она стала невольницею; честное имя супруги великаго монарха замѣнилось позорнымъ именемъ вдовы обманщика, соучастницы его преступленія.

Часть поляковъ отпущена была домой, но знатные паны съ своею ассистенціею оставлены подъ стражею. Новый царь задержалъ также и польскихъ пословъ, а въ Польшу отправилъ своихъ. Онъ опасался, что Сигизмундъ начнетъ мстить за рѣзню, произведенную въ Москвѣ надъ поляками; царь хотѣлъ, до поры до времени, удержать въ своихъ рукахъ заложниками и пословъ съ ихъ свитами, и свадебныхъ гостей низверженнаго царя, и его супругу съ тестемъ. Марина съ отцомъ помѣщены были въ домѣ, принадлежавшемъ дьяку Аѳанасію Власьеву, котораго новый царь сослалъ за вѣрную службу Димитрію, приказавъ, какъ велось, все его имущество отписать на себя.

Между тѣмъ, на Шуйскаго готовился идти другой Димитрій. Михайло Молчановъ, убѣжавши изъ Москвы, прибылъ въ Самборъ и въ соумышленіи съ женою Мнишка началъ пріискивать новаго самозванца. Ему самому сначала хотѣлось разыгрывать Димитрія, но наружность его черезъ-чуръ не подходила къ этой роли; онъ могъ сказаться только Димитріемъ передъ Болотниковымъ, русскимъ плѣнникомъ, возвращавшимся въ отечество, никогда не видавшимъ прежняго названаго Димитрія. Онъ поручилъ ему собирать противъ Шуйскаго силы русскаго народа, увѣряя всѣхъ и каждаго, что Димитрій спасся отъ смерти въ Москвѣ и явится снова отнимать свой престолъ у похитителя. Шуйскому показалось опаснымъ оставлять поляковъ въ Москвѣ. Въ столицѣ стали появляться подметныя письма, извѣщавшія,

что Димитрій [1]) живъ. Не всѣ могли удостовѣриться собственными глазами, что прежній царь былъ убитъ: трупъ его, выставленный на Красной площади, былъ до такой степени обезображенъ, что нельзя было распознать въ немъ чертъ человѣческаго лица. Начали ходить толки о томъ, что выставленный трупъ совсѣмъ не былъ трупомъ царя. Шуйскій боялся мятежа: тогда поляковъ могли освободить. Онъ разсудилъ за благо отправить ихъ подальше, и въ августѣ 1606 года разослалъ по разнымъ городамъ: Марину съ отцомъ, братомъ, дядею и племянникомъ Мнишка послали въ Ярославль. Тамъ они пребывали подъ стражею до іюня 1608 года.

Между тѣмъ, совершились важные перевороты. Болотниковъ именемъ спасшагося въ другой разъ отъ смерти Димитрія успѣлъ поднять на ноги русскій народъ; Шуйскій едва-едва удержался, но Димитрій, котораго всѣ ждали, не явился; народъ, утомившись ожиданіемъ, оставилъ Болотникова; Шуйскій, послѣ упорной борьбы, уничтожилъ его. Но вдругъ новый названый Димитрій явился въ Стародубѣ. Объ его личности сохранились до крайности противорѣчивыя извѣстія. По всему видно, онъ былъ только жалкимъ орудіемъ партіи польскихъ пановъ, рѣшившейся во что бы ни стало произвести смуту въ Московскомъ Государствѣ. Здѣсь несомнѣнно участіе жены Мнишка, мстившей за плѣнъ своего мужа. Разсказываютъ, что самозванецъ, вышедшій изъ литовскихъ владѣній въ Московское Государство, по внушенію агента жены Мнишка, Мѣховецкаго, не рѣшился съ-разу назвать себя царемъ, а назвался дядею Димитрія Нагимъ. Пришедши въ Стародубъ, вмѣстѣ съ подъячимъ Алексѣемъ Рукинымъ, онъ объявлялъ, что самъ онъ Нагой, а за нимъ идетъ Димитрій съ паномъ Мѣховецкимъ. Рукинъ отправился въ Путивль и тамъ объявлялъ, что Димитрій уже въ Стародубѣ. Путивльцы съ нимъ отправились въ Стародубъ, приступили къ названому Нагому, спрашивали: „гдѣ Димитрій"? Мнимый Нагой отвѣчалъ: „Не знаю". Тогда путивльцы вмѣстѣ съ стародубцами напали на Рукина за то, что онъ ложно сказалъ, будто Димитрій въ Стародубѣ, стали бить его кнутомъ, приговаривая: „говори, гдѣ Димитрій"? Рукинъ, не стерпя муки, указалъ на того, кто назвался Нагимъ, и сказалъ: „Вотъ Димитрій Ивановичъ, онъ стоитъ передъ вами

[1]) По однимъ извѣстіямъ, онъ назывался Богданомъ и былъ литвинъ, по другимъ — крещеный, по третьимъ — некрещеный еврей, по четвертымъ — сынъ Курбскаго, по пятымъ—его отыскалъ въ Кіевѣ путивльскій попъ Воробей, по шестымъ—его выслала въ Московское Государство жена Мнишка, по седьмымъ—онъ былъ родомъ стародубецъ и училъ дѣтей сначала въ Шкловѣ, а потомъ въ Могилевѣ.

и смотритъ, какъ вы меня мучите. Онъ вамъ не объявилъ о себѣ съ-разу,—потому что не зналъ, рады-ли вы будете его приходу". Новопоказанному Димитрію не оставалось ничего, какъ только назваться Димитріемъ или подвергнуться пыткѣ. Онъ принялъ повелительный видъ, грозно махнулъ палкою и закричалъ: „Ахъ вы сякіе дѣти, я государь!" Стародубцы и путивльцы упали къ его ногамъ и закричали: „Виноваты, государь, не узнали тебя; помилуй насъ. Рады служить тебѣ и животъ свой положить за тебя". Съ тѣхъ поръ онъ остался Димитріемъ. Немедленно къ нему стеклось до трехъ тысячъ русскихъ съ Сѣверской земли. Пришелъ выславшій его, Мѣховецкій, съ отрядомъ украинской вольницы, дожидавшійся на границѣ, что̀ станется съ самозванцемъ, когда онъ объявитъ о себѣ русскимъ. Потомъ присталъ къ нему донской атаманъ Заруцкій, родомъ изъ Червоной Руси, отправленный Болотниковымъ искать Димитрія. Мѣховецкій разослалъ въ Польшу письма и извѣщалъ, что Димитрій явился, что пришла для поляковъ пора военной славы и мщенія за убитыхъ въ Москвѣ. По этимъ письмамъ одинъ за другимъ прибыли къ самозванцу паны: Адамъ Вишневецкій, Хруслинскій, Хмѣлевскій, Валавскій, Самуилъ Тишкевичъ и самый сильный, князь Романъ Рожинскій. У всѣхъ ихъ было по значительному отряду вольницы, человѣкъ до тысячи въ каждомъ, а у Рожинскаго болѣе четырехъ тысячъ; кромѣ того, князь Рожинскій былъ человѣкъ съ вѣсомъ и его войско увеличивалось съ каждымъ днемъ новыми пришельцами. Тутъ были преступники, такъ-называемые „банниты", осужденные за разныя своевольства и избѣгавшіе законной казни, проигравшіеся и пропившіеся шляхтичи, которымъ, ради насущнаго хлѣба, надобно было приняться за какое-нибудь ремесло, а по тогдашнимъ польскимъ понятіямъ, только военное ремесло и было достойно шляхетскаго званія. Были здѣсь и неоплатные должники, бѣжавшіе отъ заимодавцевъ, наконецъ, были такіе молодцы, для которыхъ было все равно, въ какую бы сторону ни отправиться, лишь бы весело пожить; а, по ихъ понятіямъ, весело пожить—значило грабить, разорять и вообще дѣлать кому-нибудь вредъ. Польская вольность произвела чрезвычайное множество такихъ, о чемъ свидѣтельствуютъ и современные акты, и горькія жалобы польскихъ моралистовъ. Все это бросилось въ Московскую землю подъ знамя ново-отысканнаго Димитрія. Никто не вѣрилъ, чтобъ онъ былъ настоящимъ. Князь Рожинскій отстранилъ Мѣховецкаго, принялъ званіе гетмана и началъ такъ помыкать названымъ царемъ, что послѣдній два раза хотѣлъ убѣжать отъ чести называться царемъ,

но его возвращали и принуждали снова играть взятую роль. Въ третій разъ въ отчаяніи онъ началъ пить водку, которой прежде не пилъ, хотѣлъ допиться до смерти; но это ему не удалось и онъ рѣшился предаться своему жребію.

Дѣла новаго самозванца пошли успѣшно. Вѣсть о томъ, что Димитрій живъ, быстро разносилась по Руси. Поляки съ нимъ двинулись—и города сдавались за городомъ. Взяты были Карачевъ, Брянскъ, Орелъ. Отсюда, остановившись, самозванецъ разослалъ грамоту, въ которой убѣждалъ русскій народъ—съ одной стороны отступиться отъ Шуйскаго, а съ другой — не вѣрить царевичамъ, которые тогда появлялись одинъ за другимъ въ разныхъ мѣстахъ. „Вѣдомо намъ учинилось, — писалъ онъ, — что, грѣхъ ради нашихъ и всего Московскаго Государства, объявилось въ немъ еретичество великое: вражьимъ навѣтомъ, злокозненнымъ умысломъ, многіе стали называться царевичами московскими“. Онъ приказывалъ такихъ царевичей ловить, бить кнутомъ и сажать въ тюрьму до царскаго указа. Выступивши весною изъ Орла, самозванецъ со своею шайкою разбилъ войско Шуйскаго подъ Болховомъ и безпрепятственно дошелъ до самой Москвы. Перваго іюня онъ прибылъ къ Москвѣ, а на другой день поляки заложили лагерь въ восьми верстахъ отъ Москвы, въ селѣ Тушинѣ, между Москвою-рѣкою и впадавшею въ нее рѣкою Всходнею [1]). Съ тѣхъ поръ, каждый день шайка увеличивалась, и поляками, и русскими. Пришли къ самозванцу паны: Млоцкій, Александръ Зборовскій, Выламовскій, Стадницкій и отважный богатырь Янъ Сапѣга, племянникъ канцлера Льва, осужденный въ отечествѣ за буйство. Всѣ они привели съ собою отряды вольницы, подъ названіемъ гусаръ и казаковъ. Толпы русскихъ стекались въ Тушино; пріѣхали къ самозванцу съ поклономъ и люди знатнаго рода: стольникъ князь Димитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой, князь Димитрій Черкасскій, князь Алексѣй Сицкій, князь Василій Мосальскій, князья Засѣкины и другіе. Люди, чувствовавшіе за собою мало значенія въ государствѣ Шуйскаго, желая подняться въ чинахъ, увидѣли возможность возвышенія, примкнувши къ иному государю. Города за городами стали отпадать отъ Шуйскаго и провозгласили царемъ спасеннаго Димитрія; сторонники Шуйскаго прозвали его Тушинскимъ воромъ, и это имя осталось за нимъ въ исторіи.

Въ это время Шуйскій, послѣ двухлѣтнихъ недоразумѣній и споровъ, заключилъ съ польскими послами перемиріе на три года и

---

[1]) На этомъ мѣстѣ донынѣ уцѣлѣлъ валъ.

одиннадцать мѣсяцевъ. По этому перемирію, всѣхъ задержанныхъ поляковъ слѣдовало отпустить и дать все нужное до границы. Марину съ семьею привезли въ Москву. Она должна была отказаться отъ титула московской царицы, а Мнишекъ далъ обязательство не называть вора зятемъ. Такъ какъ затруднительно было ѣхать прямо на Смоленскъ, то ихъ повезли въ Угличъ, оттуда на Тверь, а изъ Твери на Бѣлую. Мнишекъ какъ-то успѣлъ дать знать въ Тушино, что они ѣдутъ въ Польшу, съ тѣмъ, чтобъ ихъ перехватили на дорогѣ. Провожалъ ихъ князь Владимиръ Долгорукій съ тысячью ратныхъ людей. Рожинскій изъ тушинскаго лагеря послалъ въ погоню отрядъ подъ начальствомъ Зборовскаго; съ нимъ поѣхали и русскіе люди подъ начальствомъ Мосальскаго. Такъ какъ поляки навѣрно не знали, согласится ли Марина признать обманщика за прежняго мужа, то отправили погоню только для того, чтобъ русскіе повсюду узнали, что царь посылаетъ за женою. На самомъ же дѣлѣ они не желали, чтобъ она была захвачена. Но Мнишекъ нарочно ѣхалъ медленно, такъ что 16 августа его нагнали подъ деревнею Любеницами, уже недалеко отъ границы. Провожатые разбѣжались. Марина, страшась за неизвѣстность своей судьбы, отдалась подъ защиту Яна Сапѣги, который съ 7,000 удальцовъ шелъ къ Тушину; Сапѣга увѣрилъ Марину, что мужъ ея дѣйствительно спасся, и повезъ ее съ собою. Марина не видала трупа названаго царя Димитрія, повѣрила, и такъ была рада, что, ѣдучи въ каретѣ, веселилась и пѣла. Тогда къ ней подъѣхалъ князь Мосальскій и сказалъ: „Вы, Марина Юрьевна, пѣсеньки распѣваете, оно бы кстати было, если бы вы въ Тушинѣ нашли вашего мужа; на бѣду тамъ уже не тотъ Димитрій, а другой“. Марина стала вопить и плакать. Князь Мосальскій, страшась за это мщенія отъ поляковъ, бѣжалъ съ дороги къ Шуйскому.

Марину 1 сентября привезли противъ воли въ Тушино. Рожинскій явился къ ней и пригласилъ въ обозъ. Марина кричала, что не поѣдетъ ни за что. Везти ее насильно оказывалось неудобнымъ; нужно было, чтобы всѣ видѣли нѣжную радость супруговъ при свиданіи. Пять дней уговаривалъ Марину Сапѣга: она не поддавалась. Но Мнишекъ вмѣстѣ съ Рожинскимъ и Зборовскимъ отправился къ „вору“; тотъ обѣщалъ ему 300,000 руб. и Сѣверскую землю съ четырнадцатью городами. Мнишекъ продалъ свою дочь.

Воръ на другой день пріѣхалъ къ Маринѣ. Марина отвернулась отъ него съ омерзеніемъ. Паны принуждены были приставить къ ней стражу. Но, при помощи нѣжнаго родителя, па-

конецъ, уговорили Марину. Къ этому присоединились убѣжденія какого-то іезуита, который увѣрялъ, что съ ея стороны это будетъ высокій подвигъ въ пользу церкви. Марина согласилась играть комедію съ условіемъ, что называвшій себя Димитріемъ не будетъ жить съ нею, какъ съ женою, пока не овладѣетъ московскимъ престоломъ. Замѣчательно, что польскій посолъ Олесницкій, также захваченный на дорогѣ и привезенный въ тушинскій лагерь, ѣздилъ съ воромъ въ одной коляскѣ къ Маринѣ и, вѣроятно, уговаривалъ ее играть позорную комедію, а при отъѣздѣ получилъ отъ вора грамоту на владѣніе городомъ Бѣлою. На другой день Сапѣга съ распущенными знаменами повезъ Марину въ воровской таборъ; тамъ посреди многочисленнаго войска, мнимые супруги бросились другъ другу въ объятія и благодарили Бога за то, что далъ имъ соединиться вновь.

Мнишекъ пробылъ въ таборѣ вора около четырехъ мѣсяцевъ и потомъ уѣхалъ въ Польшу. Между Мнишкомъ и дочерью возникли холодныя отношенія. Мнишекъ сносился съ воромъ, а къ дочери не писалъ. Въ январѣ 1609 года, Марина писала къ отцу: „Я нахожусь въ печали, какъ по причинѣ вашего отъѣзда, такъ и потому, что простилась съ вами не такъ, какъ хотѣлось; я надѣялась услышать изъ устъ вашихъ благословеніе, но, видно, я того недостойна. Слезно и умиленно прошу васъ, если я когда-нибудь, по неосторожности, по глупости, по молодости или по горячности, оскорбила васъ, простите меня и пошлите дочери вашей благословеніе... Какъ будете писать его царской милости, упомяните и обо мнѣ, чтобъ онъ оказывалъ мнѣ любовь и уваженіе, а я обѣщаю вамъ исполнить все, что вы мнѣ поручили и вести себя такъ, какъ вы мнѣ повелѣли“. Но отвѣта не получила Марина. Она просила у отца чернаго бархата на платье. Отвѣта не было. Вскорѣ и воръ началъ жаловаться, что Мнишекъ ему не пишетъ. Въ мартѣ того же года Марина писала къ отцу и жаловалась, что съ нею поступаютъ не такъ, какъ было обѣщано при отъѣздѣ Мнишка; припоминала, какъ отецъ ея вмѣстѣ съ нею кушалъ вкусныхъ лососей и пилъ старое вино; скорбѣла о томъ, что въ Тушинѣ нѣтъ ни того, ни другого и просила прислать. Отецъ не отвѣчалъ. Наконецъ, въ августѣ, она опять писала ему, жаловалась, что, несмотря на множество писемъ, не получала никакого отвѣта и только отъ чужихъ узнавала о родителяхъ. Видно, Мнишекъ сообразилъ, что дѣло Тушинскаго Вора въ Польшѣ не можетъ обратиться въ его пользу, такъ какъ Сигизмундъ не намѣренъ былъ поддерживать самозванца, а затѣвалъ самъ овладѣть Московскимъ Государствомъ; поэтому сендо-

мирскій воевода игралъ роль, будто не участвуетъ въ обманѣ, не одобряетъ поступковъ дочери, и оставилъ ее на произволъ судьбы.

Признаніе Мариною новаго Димитрія своимъ мужемъ сильно подняло его сторону. Русскіе города съ землями одинъ за другимъ признавали его. Южныя области, кромѣ Рязани, уже прежде были за него; послѣ того, какъ разошлась вѣсть о соединеніи его съ Мариною, сдались ему: Псковъ, Иванъ-Городъ, Орѣшекъ, Переяславль-Залѣсскій, Суздаль, Угличъ, Ростовъ, Ярославль, Тверь, Бежецкій-Верхъ, Юрьевъ, Кашинъ, Торжокъ, Бѣлоозеро, Вологда, Владиміръ, Шуя, Балахна, Лухъ, Гороховецъ, Арзамасъ, Романовъ и другіе. Новгородъ едва держался; Нижній и Смоленскъ стояли за Шуйскаго, но мордва безпокоила Нижній и многіе изъ этого города бѣжали къ Димитрію. Сапѣга осаждалъ Троицу, но не могъ взять, несмотря ни на какія усилія. Въ такомъ положеніи были дѣла вора нѣсколько мѣсяцевъ. Тушинскій лагерь безпрестанно наполнялся и поляками, и русскими. Въ немъ было до 18,000 конныхъ и 2,000 пѣшихъ поляковъ, болѣе 40,000 разныхъ казаковъ: и запорожскихъ, и донскихъ, и неопредѣленное число московскихъ людей. Сами предводители не знали, сколько ихъ было, потому что одни убывали, другіе прибывали. Польское войско у Димитрія состояло изъ сбродныхъ командъ, составленныхъ на свой счетъ панами или же образовавшихся въ видѣ товариществъ; во всякой командѣ были свои правила и всѣ присягали повиноваться своему предводителю. Кромѣ того, въ обозѣ было множество всякаго рода слугъ. Поляки надѣвали на голову желѣзный шишакъ, на тѣлѣ, сверхъ жупана, большею частью бѣлаго цвѣта, носили сѣтку изъ плетеной проволоки или изъ желѣзныхъ колецъ а иные—панцыри изъ бляхъ. Сверхъ вооруженія накидывали синій плащъ. У гусаровъ оружіемъ былъ „концеръ", (короткій палашъ), маленькое ружье и длинное копье, воткнутое у луки сѣдла съ двуцвѣтнымъ значкомъ; конецъ копья волочился по землѣ и оттого такія копья назывались „влочнями". Гусарскія сѣдла покрывались звѣриными шкурами, а къ бокамъ коней привязывались крылья. Запорожцы, вооруженные самопалами и копьями, узнавались по широкимъ краснымъ шароварамъ, чернымъ киреямъ и высокимъ бараньимъ шапкамъ. Донцы и московскіе люди были одѣты чрезвычайно разнообразно: иные были вооружены луками и колчанами; но ихъ можно было по наружности отличать отъ поляковъ и малороссіянъ по колпакамъ, высокимъ воротникамъ и длиннымъ рукавамъ, собраннымъ въ складки. Главная сила вора состояла тогда въ

казачествѣ, которое стремилось къ ниспроверженію прежняго порядка и установленію казачьей вольности. У нашего царя—писалъ одинъ изъ служившихъ у него поляковъ,—все дѣлается, какъ по Евангелію, всѣ равны у него по службѣ! Но когда стали приставать къ нему люди родовитые, въ Тушинѣ начали возникать споры о старшинствѣ, явилась зависть и соперничество другъ съ другомъ.

Съ наступленіемъ осени начались постройки; для жилья вырыли землянки и въ нихъ устроили печи, для лошадей сплели изъ хвороста съ соломою загоны. Тѣ, которые были познатнѣе и побогаче, ставили себѣ избы. Особымъ обозомъ отъ военнаго стояли торговые люди, которыхъ было до трехъ тысячъ. Отовсюду привозили: печеный хлѣбъ, масло, гнали быковъ, барановъ, гусей; водки и пива было изобильно. Поляки приказывали русскимъ въ окрестностяхъ курить вино, варить пиво и доставлять въ лагерь. Изъ Литвы, Польши и Московскаго Государства стеклись толпами въ Тушино распутныя женщины; сверхъ того, удальцы хватали русскихъ женъ и дѣвицъ, привозили въ лагерь и не иначе отпускали, какъ за деньги, но часто, отпустивши, гнались за отпущенными и снова хватали, и въ другой и въ третій разъ брали за нихъ деньги. Иныя женщины до того освоивались съ веселою жизнью въ лагерѣ, что когда отцы и мужья выкупали ихъ, то онѣ снова бѣжали въ Тушино. Игра въ карты и кости забавляла удальцовъ и доводила до частыхъ дракъ и убійствъ.

Поляки и русскіе „воры“, которыхъ отправлялъ Рожинскій по городамъ, скоро вооружили противъ себя русскій народъ. Сначала воръ обѣщалъ тарханныя грамоты, освобождавшія русскихъ отъ всякихъ податей; жители вскорѣ увидѣли, что имъ придется давать столько, сколько захотятъ съ нихъ брать. Изъ Тушина посылались сборщики запасовъ, а Сапѣга изъ-подъ Троицы туда же посылалъ своихъ сборщиковъ. И такъ, съ одного и того же мѣста брали вдвое. Потомъ—являлись предводители командъ и еще собирали съ крестьянъ запасы. Разорительна была также доставка подводъ, потому что ратные люди, взявши лошадей, не возвращали ихъ хозяину. Наконецъ, поляки и русскіе воры сами собою составляли шайки, нападали на села и неистовствовали надъ людьми; для потѣхи истребляли они достояніе русскаго человѣка, убивали скотъ, бросали мясо въ воду, насиловали женщинъ и даже недорослыхъ дѣвочекъ. Были случаи, что женщины, спасаясь отъ безчестія, рѣзались и топились на глазахъ злодѣевъ, а другія бѣжали отъ насилія и замерзали по полямъ и лѣсамъ. Поляки умышленно оказывали пренебреженіе

къ святынѣ, загоняли въ церкви скотъ, кормили собакъ въ алтаряхъ, шили себѣ штаны изъ священническихъ ризъ, клали мясо на церковную утварь и, разгулявшись, для забавы приказывали монахамъ и монахинямъ пѣть срамныя пѣсни и плясать.

Такіе поступки ожесточили народъ; увѣренность въ томъ, что въ Тушинѣ настоящій Димитрій, быстро исчезала. Спустя три мѣсяца послѣ признанія Тушинскаго вора, города съ землями одни за другими присягали Шуйскому, собирали ополченія; началась народная война; стали убивать, хватать и топить тушинцевъ. Изъ Тушина посылались для усмиренія народа отряды, которые своими злодѣйствами еще болѣе озлобили народъ противъ вора. Между тѣмъ, съ сѣвера шелъ Скопинъ съ шведскою помощью, одерживалъ верхъ надъ тушинцами и своими успѣхами ободрялъ народное возстаніе, а съ Волги пришло къ нему на помощь другое ополченіе, Шереметева. Тушинцы увидѣли, что ихъ дѣло проиграно, и старались какимъ-нибудь образомъ взять поскорѣе Москву, гдѣ Василія Шуйскаго не терпѣли, какъ и во всей остальной Руси. Они подкупали измѣнниковъ зажечь городъ, но покушеніе это не удалось. Съ другой стороны, имъ грозилъ польскій король.

Сигизмундъ подступилъ къ Смоленску осенью 1609 года и требовалъ сдачи, прямо заявляя о своемъ намѣреніи овладѣть Московскимъ Государствомъ. Въ ноябрѣ онъ послалъ депутатовъ къ войску вора, въ Тушино, съ тѣмъ, чтобы отвлечь поляковъ отъ самозванца и привлечь ихъ къ своему войску.

Не обращаясь ни къ вору, ни къ Маринѣ, королевскіе коммиссары вступили въ переговоры съ Рожинскимъ, Зборовскимъ и другими панами, убѣждали оставить обманщика и служить своему королю. Поляки, служившіе вору, запросили съ короля 20 милліоновъ злотыхъ, которые имъ обѣщалъ заплатить Димитрій. Начался торгъ. Несчастный воръ, узнавши объ этомъ, попробовалъ-было спросить Рожинскаго: зачѣмъ пріѣхали королевскіе коммиссары? Но Рожинскій отвѣчалъ ему на это: „А тебѣ... сынъ, что за дѣло? Они ко мнѣ пріѣхали, а не къ тебѣ. Чортъ тебя знаетъ, кто ты таковъ! Довольно мы уже тебѣ служили“. Поляки въ глаза обзывали самозванца обманщикомъ и воромъ и кричали на него такъ, что онъ прятался отъ нихъ. Не приставая пока къ королю всѣмъ составомъ войска, находившагося въ Тушинѣ, поляки поодиночкѣ переходили на его сторону. Бояре, находившіеся съ воромъ, вмѣстѣ съ митрополитомъ Филаретомъ Романовымъ, котораго, взявши въ Ростовѣ силою, поневолѣ держали въ Тушинѣ, отрекались разомъ и отъ самозванца, и отъ

Шуйскаго, и заявляли желаніе отдаться Сигизмунду, съ тѣмъ только, чтобы православная вѣра была сохранена ненарушимо.

Когда воръ увидѣлъ, что ему нѣтъ надежды и его могутъ не сегодня-завтра лишить свободы,—переодѣлся въ крестьянское платье, бѣжалъ изъ табора, вмѣстѣ со своимъ шутомъ Кошелевымъ, въ Калугу, и оттуда разослалъ грамоты, возбуждая русскихъ вездѣ по городамъ бить поляковъ, а ихъ имущество свозить въ Калугу. Одни говорятъ, что онъ сдѣлалъ это съ согласія Марины, другіе,—что тайно отъ нея.

Сначала бѣгство его произвело большое волненіе въ таборѣ, но потомъ оно содѣйствовало тому, что поляки стали податливѣе къ предложеніямъ коммиссаровъ. Общее волненіе всего лучше утишили бывшіе въ Тушинѣ московскіе бояре, объявивши, что они желаютъ имѣть царемъ Сигизмундова сына, Владислава. Поляки рѣшили послать къ своему королю депутацію съ тѣмъ, чтобы выторговать побольше выгодъ, а московскіе люди послали изъ своей среды митрополита Филарета и боярина Салтыкова съ товарищами, въ числѣ сорока двухъ человѣкъ, просить на царство Владислава.

Послѣ этого, Стадницкій написалъ Маринѣ письмо, не называлъ ее ни царицею, ни великою княгинею, а просто сендомирскою воеводянкою, уговаривалъ оставить честолюбивые замыслы и возвратиться въ Польшу. Марина отвѣчала: „я надѣюсь, что Богъ, мститель неправды, охранитель невинности, не дозволитъ моему врагу, Шуйскому, пользоваться плодами своей измѣны и злодѣяній. Ваша милость должны помнить, что кого Богъ разъ осіялъ блескомъ царскаго величія, тотъ не потеряетъ этого блеска никогда, такъ какъ солнце не потеряетъ блеска оттого, что его закрываетъ скоропреходящее облако“.

5-го января Марина отправила письмо изъ Тушина къ королю и писала такъ: „если кѣмъ на свѣтѣ играла судьба, то, конечно, мною; изъ шляхетскаго званія она возвела меня на высоту московскаго престола только для того, чтобы бросить въ ужасное заключеніе; только лишь проглянула обманчивая свобода, какъ судьба ввергнула меня въ неволю, на самомъ дѣлѣ еще злополучнѣйшую, и теперь привела меня въ такое положеніе, въ которомъ я не могу жить спокойно, сообразно своему сану. Все отняла у меня судьба: остались только справедливость и право на московскій престолъ, обезпеченное коронаціею, утвержденное признаніемъ за мною титула московской царицы, укрѣпленное двойною присягою всѣхъ сословій Московскаго Государства. Я увѣрена, что ваше величество, по мудрости своей,

щедро вознаградите и меня, и мое семейство, которое достигало этой цѣли съ потерею правъ и большими издержками, а это неминуемо будетъ важною причиною къ возвращенію мнѣ моего государства въ союзѣ съ вашимъ королевскимъ величествомъ".

Бояре уѣхали къ Сигизмунду просить Владислава; депутаты отъ тушинскаго войска поѣхали торговаться со своимъ королемъ о вознагражденіи; они не забыли Марины и король обѣщалъ ей дать удѣлъ въ Московскомъ Государствѣ.

Но въ тушинскомъ лагерѣ началось полное разложеніе: воръ изъ Калуги требовалъ казни Рожинскаго и другихъ, приказывалъ доставить въ Калугу для казни измѣнниковъ бояръ, обратившихся къ польскому королю, убѣждалъ служившихъ ему поляковъ ѣхать въ Калугу вмѣстѣ съ Мариною и расточалъ разныя обѣщанія. Тогда Марина явилась передъ войскомъ съ распущенными волосами, плачущая, перебѣгала отъ одной ставки къ другой, умоляла, заклинала не оставлять ее; „она—говоритъ современникъ—не останавливалась ни передъ какими средствами, противными женской стыдливости". Ея появленіе довело волненія до междоусобія. Донскіе казаки и часть польскихъ удальцовъ вышли изъ табора, съ тѣмъ, чтобы идти въ Калугу; атаманъ Заруцкій, впослѣдствіи соединившій свою судьбу съ Мариною, былъ тогда противникомъ ея; онъ сталъ останавливать казаковъ, донесъ объ ихъ намѣреніи Рожинскому, а Рожинскій приказалъ ударить на уходящихъ казаковъ оружіемъ. Произошла драка, стоившая жизни двумъ тысячамъ людей. Казаки все-таки ушли въ Калугу, а съ ними отправился князь Димитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой и князь Засѣкинъ.

Тогда Марина оставила у себя въ шатрѣ письмо такого содержанія: „безъ родителей, безъ кровныхъ, безъ друзей и покровителей, мнѣ остается спасать себя отъ послѣдней бѣды, уготовляемой мнѣ тѣми, которые должны были бы оказывать защиту и попеченіе. Меня держатъ, какъ плѣнницу. Негодяи ругаются надъ моею честью; въ своихъ пьяныхъ бесѣдахъ приравниваютъ меня къ распутнымъ женщинамъ, за меня торгуются, замышляютъ отдать въ руки того, кто не имѣетъ ни малѣйшаго права ни на меня, ни на мое государство. Гонимая отовсюду, свидѣтельствуюсь Богомъ, что буду вѣчно стоять за мою честь и достоинство. Бывши разъ московскою царицею, повелительницею многихъ народовъ, не могу возвратиться въ званіе польской шляхтянки, никогда не захочу этого. Поручаю честь свою и охраненіе храброму рыцарству польскому. Надѣюсь, оно бу-

детъ помнить свою присягу и тѣ дары, которыхъ отъ меня ожидаютъ".

Ночью съ 16-го на 17-е февраля, Марина ускакала изъ Тушина, переодѣтая въ гусарское платье съ одною служанкою и нѣсколькими казаками. Путь ея лежалъ въ Калугу, но она сбилась съ дороги и попала въ Дмитровъ, гдѣ былъ Сапѣга, который принялъ ее вѣжливо. Въ это время, Скопинъ послалъ противъ Сапѣги отрядъ подъ начальствомъ князя Куракина. Ѣхать дальше Маринѣ было нельзя. Она поневолѣ должна была запереться вмѣстѣ съ Сапѣгою въ Дмитровѣ и когда, отъ сильнаго напора, осажденные начали падать духомъ, тогда Марина вышла на стѣну и сказала: „смотрите и стыдитесь, я женщина, а не теряю мужества!" Къ счастію Сапѣги и Марины, сами русскіе не могли долго оставаться подъ Дмитровомъ по недостатку запасовъ. Тогда Марина рѣшилась ѣхать въ Калугу къ самозванцу.

Сапѣга сначала ее удерживалъ: „не безопаснѣе-ли вамъ — говорилъ онъ — воротиться въ Польшу къ отцу и матери, а то вы попадете въ руки Скопина или Делагарди".

„Я царица всея Руси — отвѣчала Марина. — Лучше исчезну здѣсь, чѣмъ со срамомъ возвращусь къ моимъ ближнимъ въ Польшу".

„Я васъ не пущу противъ вашей воли", — сказалъ Сапѣга.

„Никогда этого не будетъ, — отвѣтила Марина. — Я не позволю собою торговать. Если вы меня не пустите, то я вступлю съ вами въ битву; у меня 350 казаковъ.

Сапѣга не сталъ ее удерживать. Она надѣла польскій красный бархатный кафтанъ, сапоги со шпорами, вооружилась саблею и пистолетомъ и отправилась въ дорогу. Она ѣхала до Калуги, то верхомъ, то въ саняхъ. Казаки провожали ее до Калуги.

Вслѣдъ затѣмъ, спустя мѣсяцъ, Рожинскій, остававшійся еще въ Тушинѣ, боялся, что при всеобщей неурядицѣ, если нападетъ на таборъ Скопинъ, то будетъ ему плохо. 15 марта онъ объявилъ, что всякій можетъ идти куда хочетъ, зажегъ таборъ и ушелъ въ Волокъ. Часть казаковъ тогда же ушла къ вору въ Калугу; другая, тысячъ до трехъ, пошла за Рожинскимъ. Подъ Іосифовымъ монастыремъ произошло новое междоусобіе. Въ этой суматохѣ Рожинскій упалъ на каменную лѣстницу монастыря, зашибъ себѣ бокъ, заболѣлъ и вскорѣ умеръ. Бо́льшая часть изъ бывшихъ съ нимъ поляковъ перешла къ королю. Немногіе ушли въ Калугу. Сапѣга поѣхалъ также къ королю, а отъ короля от-

правился къ вору, и тамъ служившіе самозванцу поляки избрали его гетманомъ.

Не долго оставался воръ съ Мариною въ Калугѣ, живя сначала въ монастырѣ, а потомъ въ построенномъ для него дворцѣ. Скопина не стало. Польскій гетманъ Жолкѣвскій разбилъ на голову войско Шуйскаго. Народъ явно не терпѣлъ своего царя. Какъ только вѣсть объ этомъ дошла въ Калугу, воръ съ Мариной быстро двинулся къ Москвѣ. Сапѣга предводительствовалъ его полчищами. Высланное Василіемъ войско, подъ начальствомъ князей Воротынскаго и Лыкова, не вступало противъ него въ битву; отрядъ союзныхъ татаръ, выставленный впередъ, бѣжалъ. Воръ взялъ Боровскъ. Кашира и Коломна сдались добровольно. Полчище подошло къ Москвѣ. Марина помѣстилась въ монастырѣ Николая на Угрѣшѣ, а самозванецъ, 11 іюня, расположился въ селѣ Коломенскомъ. Это было въ то время, когда, съ другой стороны, шелъ къ столицѣ побѣдитель войскъ Шуйскаго, Жолкѣвскій.

Василій былъ сведенъ съ престола. Гетманъ Жолкѣвскій расположился съ войскомъ на Дѣвичьемъ полѣ, на сторонѣ, противоположной той, гдѣ стоялъ воръ. Сапѣга началъ колебаться и вмѣстѣ со сторонниками самозванца попытался въ послѣдній разъ сойтись съ Сигизмундомъ въ пользу самозванца и Марины. Отправили посольство въ Смоленскъ къ королю. Воръ и Марина дѣлали Сигизмунду выгодныя предложенія, съ условіемъ, что онъ не станетъ мѣшать имъ овладѣть столицею. Они обѣщали въ теченіе десяти лѣтъ платить королю по 300,000 злотыхъ, а королевичу Владиславу по 100,000 злотыхъ, уступить Польшѣ Сѣверскую землю, возвратить Польшѣ Ливонію, помогать казною и войскомъ противъ шведовъ и быть въ готовности противъ всякаго непріятеля, по приказанію польскаго короля. Паны смѣялись надъ такимъ предложеніемъ; нелѣпо казалось имъ оказывать помощь вору въ овладѣніи Москвою, когда уже Москва отдалась Польшѣ.

Тогда послы вора, природные поляки, сказали имъ:

„Мы не запираемся, что человѣкъ, который называетъ себя Димитріемъ, вовсе не Димитрій, и мы сами не знаемъ, кто онъ таковъ. Было много примѣровъ, когда Богъ возвышалъ людей изъ низшаго званія, какъ, напримѣръ, Саула или Давида. Онъ Божіе орудіе. Больше будетъ славы и пользы для Польши тогда, когда вы посадите его на московскій престолъ, чѣмъ тогда, когда сядетъ на этотъ престолъ Владиславъ. Бояре выбираютъ Владислава, а попробуйте заикнуться имъ, чтобы они уступили

Польшѣ московскія провинціи, увидите, что они вамъ скажутъ; а нашъ князь московскій будетъ совершенный данникъ Польши и отдастъ ей Сѣверскую и Рязанскую земли, которыя и теперь въ нашихъ рукахъ. Московскій народъ привыкъ жить подъ рабствомъ. Ему нужно такого царя, какъ нашъ, а не Владислава, который приметъ царство съ условіями. Мы своего Димитрія посадимъ на престолъ безъ всякихъ условій и онъ будетъ дѣлать все, что вы захотите".

На это паны отвѣчали:

„Какъ вы можете сравнивать своего вора съ Давидомъ? Это мерзко и гнусно. Правда, московскій народъ не любитъ свободы и готовъ переносить всякое тиранство, но отъ природныхъ своихъ государей, а не отъ воровъ. Вы уже видѣли примѣръ на первомъ ворѣ. Если вашего вора возвести на престолъ, то придется вести войну; развѣ легко усмирить такое пространное государство? А Владиславу оно добровольно отдается!"

Послы объявили, что поляки отступятъ отъ вора; пусть только Рѣчь-Посполитая заплатитъ имъ за прежнія услуги; но паны отвѣчали:

„Невозможно платить вамъ за то, что вы, безъ воли Рѣчи-Посполитой, нарушая народныя права, вторглись въ чужое государство и служили у обманщика. Условія вы бы могли предлагать, если бы за вами была какая-нибудь сила!"

Поляки, служившіе у вора, получивши такой отвѣтъ, разсердились до того, что хотѣли брать столицу приступомъ и биться хотя бы съ Жолкѣвскимъ. Между тѣмъ, сторона вора усиливалась. Изъ Суздаля, Владиміра, Галича стали присылать въ его обозъ съ повинною; въ самой Москвѣ чернь, страшась польскаго владычества, склонялась къ вору. Бояре московскіе стали умолять Жолкѣвскаго, чтобы онъ вмѣстѣ съ московскими людьми расправился окончательно съ воромъ. Жолкѣвскій обогнулъ Москву и шелъ на битву. Сапѣга вывелъ противъ него свое войско. Воръ ушелъ къ женѣ, въ Угрѣшскій монастырь. Но прежде, чѣмъ дошло до битвы между Жолкѣвскимъ и Сапѣгою, оба предводителя съѣхались между собою въ виду двухъ войскъ. Жолкѣвскій успѣлъ склонить Сапѣгу обѣщаніями удовлетворить служившихъ у вора поляковъ, и Сапѣга далъ слово отступить отъ самозванца и Марины, но съ тѣмъ однако, чтобы называвшій себя Димитріемъ былъ обезпеченъ. Вожди разъѣхались, и вечеромъ, въ тотъ же день, Жолкѣвскій послалъ Сапѣгѣ письменное условіе, въ которомъ обѣщалъ именемъ короля дать самозванцу и Маринѣ въ удѣлъ Самборъ или Гродно, если названый Димит-

рій удовлетворится этимъ. Всѣ поляки, служившіе у Сапѣги, порѣшили оставить Димитрія и перейти въ королевскую службу. Съ своей стороны, московскіе бояре отправили къ Сапѣгѣ боярина Нагого отвести отъ вора русскихъ людей и привести къ присягѣ Владиславу. Тогда князья: Ѳедоръ Долгорукій, Алексѣй Сицкій, Ѳедоръ Засѣкинъ, а также Михайло Туренинъ и разные дворяне оставили вора и прибыли въ Москву. Только Димитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой остался при ворѣ.

Когда представили вору и Маринѣ условія, предложенныя Жолкѣвскимъ, Марина сказала польскимъ депутатамъ:

„Пусть король Сигизмундъ дастъ царю Краковъ, а царь изъ милости уступитъ ему Варшаву".

Воръ прибавилъ:

„Лучше я буду служить гдѣ-нибудь у мужика и добывать трудомъ кусокъ хлѣба, чѣмъ смотрѣть изъ рукъ его польскаго величества".

Когда такой отвѣтъ переданъ былъ Жолкѣвскому, гетманъ, съ дозволенія бояръ, двинулся съ войскомъ черезъ Москву, съ тѣмъ, чтобы захватить вора и Марину въ монастырѣ. Но какой-то измѣнникъ москвичъ сообщилъ объ этомъ вору заранѣе. Воръ съ Мариною и ея женскою прислугою, не успѣвши ничего захватить съ собою, убѣжалъ въ Калугу въ сопровожденіи отряда донцовъ подъ начальствомъ атамана Заруцкаго. Сапѣга остался подъ Москвою; черезъ нѣсколько времени, по настоянію Жолкѣвскаго, онъ отправился въ Сѣверскую землю приводить ее въ подданство Владиславу, гдѣ его шайка вооружала противъ себя жителей своимъ безчинствомъ и своеволіемъ. Съ тѣхъ поръ Жолкѣвскій, стоя подъ Москвою, не преслѣдовалъ болѣе вора, посылалъ его уговаривать согласиться на предложенія Сигизмунда и грозилъ усмирить его оружіемъ только въ случаѣ совершеннаго непокорства королевской волѣ. Многимъ московскимъ людямъ не нравилось такое великодушіе и было однимъ изъ поводовъ къ неудовольствію противъ поляковъ. Къ концу 1610 года, взаимныя недоразумѣнія между поляками и русскими возрасли уже до сильной степени. Во многихъ городахъ не хотѣли признавать королевича и признавали Димитрія, не потому, чтобы въ самомъ дѣлѣ вѣрили въ послѣдняго, а потому, чтобы имѣть какой-нибудь значокъ противъ поляковъ. Воръ и Марина послали въ Москву какого-то попа Харитона возмущать бояръ. Этотъ попъ попался въ руки поляковъ, былъ подвергнутъ пыткѣ и наговорилъ на князей Воротынскаго и Андрея Голицына, которыхъ Гонсѣвскій, заступившій мѣсто Жолкѣвскаго, посадилъ подъ

стражу. Это обстоятельство усилило раздраженіе русскихъ противъ поляковъ и способствовало успѣху партіи Димитрія. Но въ декабрѣ съ воромъ случилось трагическое событіе.

Касимовскій царь Уразъ-Махметъ (называемый у насъ Уръ-Маметъ) присталъ къ вору еще въ Тушинѣ, а когда воръ убѣжалъ изъ Тушина, онъ пріѣхалъ служить Жолкѣвскому, но его сынъ и бабка поѣхали за воромъ въ Калугу. Касимовскому царю понравилось у поляковъ и онъ, поживши нѣсколько недѣль подъ Смоленскомъ, отправился въ Калугу, съ намѣреніемъ отвлечь сына отъ вора. Убѣждая сына перейти къ полякамъ, самъ онъ прикидывался передъ воромъ, будто преданъ ему попрежнему; но сынъ подружился съ воромъ искренно и сообщилъ ему правду о своемъ родителѣ. Воръ пригласилъ касимовскаго царя на охоту и въ присутствіи двухъ приверженцевъ своихъ убилъ его собственноручно. Тѣло было брошено въ Оку. Воръ послѣ этого кричалъ, что касимовскій царь хотѣлъ убить его, но не успѣлъ и убѣжалъ куда-то. Послѣ того воръ подавалъ дѣлу такой видъ, будто Уразъ-Махметъ пропалъ безъ вѣсти. Но за касимовскаго царя явился мстителемъ его другъ, крещеный татаринъ Петръ Урусовъ. Онъ упрекнулъ вора убійствомъ касимовскаго царя. Воръ посадилъ Урусова въ тюрьму и держалъ шесть недѣль, а въ началѣ декабря 1610 г., по просьбѣ Марины, простилъ, обласкалъ и приблизилъ къ себѣ. 10 декабря, воръ, вмѣстѣ съ Урусовымъ и нѣсколькими русскими и татарами, отправился на прогулку за Москву-рѣку. Нѣкогда трезвый, въ это время воръ страшно пьянствовалъ и, ѣдучи въ саняхъ, безпрестанно кричалъ, чтобы ему подавали вино. Урусовъ, слѣдовавшій за нимъ верхомъ, ударилъ его саблею, а меньшой братъ Урусова отсѣкъ ему голову. Тѣло раздѣли и бросили на снѣгу. Урусовы съ татарами убѣжали. Русскіе, провожавшіе вора, прискакали въ Калугу и извѣстили Марину.

Марина, ходившая тогда на послѣднихъ дняхъ беременности, привезла на саняхъ тѣло вора, и ночью, съ факеломъ въ рукѣ, бѣгала по улицамъ, рвала на себѣ волосы и одежду, съ плачемъ молила о мщеніи. Калужане не слишкомъ чувствительно отнеслись къ ней. Она обратилась тогда къ донцамъ. Ими начальствовалъ Заруцкій: онъ воодушевилъ казаковъ; они напали на татаръ и перебили до 200 человѣкъ. Черезъ нѣсколько дней, Марина родила сына, котораго назвали Иваномъ. Она требовала ему присяги, какъ законному наслѣднику русскаго престола. Янъ Сапѣга, узнавши, что вора не стало, подступилъ къ Калугѣ и требовалъ сдачи на имя короля. Донцы вступили съ нимъ въ

бой, но калужане извѣстили его, что они цѣлуютъ крестъ тому, кто на Москвѣ будетъ царемъ. Марина написала Сапѣгѣ такое письмо: „ради Бога, избавьте меня. Мнѣ, быть можетъ, какихъ-нибудь двѣ недѣли осталось жить на свѣтѣ. Избавьте меня, избавьте! Богъ вамъ заплатитъ!“

Сапѣгѣ нечего было дѣлать подъ Калугою, такъ какъ Калуга признала Владислава. Онъ оставилъ Марину.

Смерть вора лишила многіе города знамени, подъ которымъ они сопротивлялись полякамъ, и это послужило къ возрожденію нравственной силы народа. Прокопій Ляпуновъ взывалъ къ русскому народу во имя спасенія отечества уже безъ всякаго обмана, и русскіе люди присягали стоять за православную вѣру и Московское Государство, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи, очистивши свою землю отъ поляковъ и литовцевъ, служить тому царю, кого, по Божьему соизволенію, изберутъ всею землею. Но предводитель возстанія принималъ къ себѣ всѣхъ безъ исключенія, лишь бы только было побольше ратной силы; поэтому онъ не отказалъ и Заруцкому, и Трубецкому, когда они изъявили согласіе служить русскому дѣлу. Заруцкій, выѣхавши изъ Калуги съ Мариною, оставилъ Марину въ Тулѣ, а самъ прибылъ въ Рязань, гдѣ условился съ Ляпуновымъ, возвратился въ Тулу и сталъ собирать казаковъ. Неизвѣстно: была ли Марина съ Заруцкимъ подъ Москвою во время страшнаго пожара, истребившаго столицу въ концѣ марта 1611 года, но, вѣроятно, она находилась впослѣдствіи въ станѣ подъ Москвою въ то время, когда Ляпуновъ, Заруцкій и Трубецкой избраны были главными предводителями и правителями Русской земли. Ляпуновъ былъ руководителемъ всего дѣла, и ни Заруцкій, ни Марина не смѣли заикнуться о присягѣ малолѣтнему сыну Марины. Заруцкій не терпѣлъ Ляпунова и вооружалъ противъ него казаковъ. Еще болѣе не терпѣла его Марина. 25 іюля Ляпуновъ былъ убитъ казаками.

Съ тѣхъ поръ Марина смѣло уже могла заявлять о правахъ своего сына. Заруцкій и Трубецкой провозгласили этого младенца наслѣдникомъ престола, присягнули ему, требовали отъ русскихъ людей ему вѣрности и именемъ его бились съ поляками. Они со своимъ полчищемъ стояли подъ Москвою; Марину помѣстили въ Коломнѣ. Казацкія шайки свирѣпствовали по Русской землѣ. Между тѣмъ, въ Астрахани, убійца Тушинскаго Вора, Урусовъ еще подставилъ какого-то Димитрія, а въ Иванъ-городѣ провозгласилъ себя Димитріемъ воръ Сидорка, бывшій московскій дьяконъ, былъ признанъ во Псковѣ и утвердился въ этомъ городѣ. Ка-

заки, подъ Москвою, услышавши о псковскомъ Димитріѣ, провозгласили его царемъ. Заруцкій тотчасъ присталъ къ нимъ, и князь Трубецкой, изъ угожденія казакамъ, также призналъ псковскаго самозванца, желая сохранить вліяніе на дѣла.

Но къ Нижнемъ, осенью, начало составляться новое земское ополченіе, съ цѣлью освобожденія Москвы, какъ отъ поляковъ, такъ равно и казаковъ, воевавшихъ за-одно съ поляками. Предводителемъ избранъ князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій. Всю зиму составлялось это ополченіе, а раннею весною двинулось медленно, присоединяя къ себѣ городъ за городомъ, и въ апрѣлѣ остановилось въ Ярославлѣ. Марина и Заруцкій чувствовали, что на нихъ идетъ гроза. Въ грамотахъ, которыя разсылалъ Пожарскій, выразительно было заявлено, чтобы отнюдь не признавать ни Маринкина сына, ни того вора, который проявился во Псковѣ. Марина отправила посла въ Персію, чтобы заключить союзъ и вооружить Персію противъ русскихъ; но этотъ посолъ попался въ руки Пожарскаго. Въ маѣ, псковичи, недовольные своимъ воромъ за насиліе и распутство, посадили его въ тюрьму, а въ іюлѣ отправили въ кандалахъ въ Москву: по однимъ извѣстіямъ, его убили дорогой казаки, а по другимъ— его казнили подъ Москвою. Князь Трубецкой открыто отступилъ отъ Заруцкаго и Марины, и звалъ Пожарскаго въ Москву. Заруцкій съ Мариною прибѣгли къ послѣднему средству, подкупили убійцъ извести Пожарскаго, но казакъ Степька, взявшій на себя это порученіе, вмѣсто того, чтобы зарѣзать въ толпѣ Пожарскаго, промахнулся, обрѣзалъ ногу казаку Роману, своему товарищу, былъ схваченъ и сознался. Пожарскій не казнилъ убійцъ, а приказалъ везти ихъ къ Москвѣ, для обличенія Заруцкаго. Земское ополченіе по частямъ прибывало къ Москвѣ. Въ казацкомъ таборѣ господствовало несогласіе. Не дожидаясь прибытія Пожарскаго, Заруцкій съ отрядомъ вѣрныхъ ему казаковъ, 17 іюня, убѣжалъ въ Коломну, гдѣ жила Марина. Остальные казаки перешли подъ начальство Трубецкого.

Когда земское ополченіе приближалось къ Москвѣ, и въ Коломнѣ казалось небезопаснымъ. Заруцкій съ Мариною ограбили городъ, убѣжали въ Михайловъ, и тамъ оставались нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ октября, 1612 года, Москва была освобождена отъ поляковъ. Въ февралѣ 1613 года, съѣхавшіеся въ Москву для избранія царя выборные люди прежде всего заявили единодушно, чтобы отнюдь не выбирать законопреступнаго сына Марины. На престолъ былъ избранъ Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ; Заруц-

кій и Марина, между тѣмъ, разсылали грамоты, требуя присяги малолѣтнему сыну Марины, Ивану Димитріевичу. Великорусскіе казаки въ большинствѣ обращались къ новоизбранному Землею Михаилу; но по Московской землѣ бродило тогда много черкасъ (малорусскихъ казаковъ): они были чужды Московскому Государству и готовились терзать его. Они теперь составили силу Заруцкаго.

Еще съ дороги, ѣдучи изъ Костромы въ Москву, новый царь назначилъ противъ Заруцкаго главнымъ воеводою князя Ивана Никитича Одоевскаго и приказалъ сходиться къ нему изъ разныхъ городовъ воеводамъ съ ихъ силами. Заруцкій съ Мариною перешли изъ Михайлова въ Лебедянь. Одоевскій двинулся противъ него съ войскомъ. Заруцкій со своею неизмѣнною спутницею бѣжалъ въ Воронежъ, Одоевскій погнался за ними. Подъ Воронежемъ, въ концѣ 1613 года, произошла кровопролитная битва, продолжавшаяся два дня. Воровское полчище было разбито, потеряло весь свой обозъ и знамена. Заруцкій съ Мариною убѣжали за Донъ. Одоевскій не преслѣдовалъ ихъ и сдѣлалъ тѣмъ большую ошибку.

Заруцкій съ Мариною убѣжали въ Астрахань; тамъ нашли они послѣдній притонъ. Они убили астраханскаго воеводу Хворостинина, склонили на свою сторону нагайскихъ татаръ и затѣвали широкое дѣло: вооружить противъ Руси персидскаго шаха Аббаса, втянуть въ войну и Турцію, поднять волжскихъ казаковъ, возбудить всѣхъ удальцовъ на Руси, привыкшихъ къ смутамъ и потому недовольныхъ возстановлявшимся порядкомъ. Съ этой цѣлью они разослали такъ называемыя „прелестныя письма“ къ волжскимъ и донскимъ казакамъ. Но донскіе казаки рѣшительно не поддались ихъ увѣщаніямъ. Изъ волжскихъ пришли къ нимъ только два атамана, для которыхъ, по ихъ собственнымъ словамъ, было все равно, куда ни идти, лишь бы зипуны наживать. Другіе выманивали у нихъ деньги, давали обѣщанія, но не думали исполнять обѣщаній. Всю зиму Заруцкій готовилъ лошадей и запасы, намѣреваясь весною идти вверхъ по Волгѣ. Марина жила въ каменномъ городѣ (кремлѣ) въ постоянномъ страхѣ: она не приказывала звонить рано къ заутрени, подъ предлогомъ, чтобы ея сынъ не пугался звона, а на самомъ дѣлѣ, боялась набата.

Въ мартѣ снаряжено было большое войско, подъ начальствомъ того же князя Одоевскаго, а въ товарищи ему приданъ былъ окольничій Семенъ Головинъ, шуринъ и сподвижникъ Михаила Скопина-Шуйскаго. Но передъ началомъ рѣшительныхъ

дѣйствій царь отправилъ къ Заруцкому грамоту, въ которой исчислилъ преступленія его и Марины, и въ заключеніе говорилъ:

„Вспомни Бога и душу свою и нашу православную христіанскую вѣру; самъ видишь Божью милость на насъ, великомъ государѣ и на всемъ великомъ государствѣ, и надъ врагами нашими побѣду и одолѣніе, отстань отъ своихъ непригожихъ дѣлъ, не учиняй кровопролитія въ нашихъ государствахъ, не губи души и тѣла своего, добей челомъ и принеси вину свою намъ, великому государю, а мы, государь, по своему царскому милостивому нраву, тебя пожалуемъ, вины твои всѣ тебѣ простимъ и покроемъ нашимъ царскимъ милосердіемъ; и впередъ вины твои никогда помянуты не будутъ; а вотъ тебѣ и наша царская опасная грамота!“ Такая же грамота послана была Заруцкому отъ собора, гдѣ подробнѣе исчислялись вины Заруцкаго, а въ заключеніе все духовенство ручалось за истину царскаго слова. Безъ сомнѣнія, писавшіе были увѣрены, что эти увѣщанія ни къ чему не послужатъ, а потому, въ то же время, послали грамоты донскимъ и волжскимъ казакамъ и жителямъ Астрахани, съ убѣжденіемъ отстать отъ Заруцкаго и Марины, которую называли „главною заводчицею“ всего зла, нанесеннаго Русской землѣ.

Но прежде чѣмъ снаряженному войску пришлось укрощать Заруцкаго въ Астрахани, на страстной недѣлѣ, въ 1614 году, произошло междоусобіе между волжскими казаками, пришедшими служить сыну Марины, и астраханцами. Астраханцы отступились отъ „воровства“ и провозгласили царемъ Михаила Өедоровича. Заруцкій съ 800 человѣкъ заперся въ каменномъ городѣ. Городъ Терскъ, пиставшій-было также къ Маринѣ, отступилъ отъ нея, и тамошній воевода Головинъ отправилъ астраханцамъ на помощь стрѣльцовъ, подъ начальствомъ Василія Хохлова. Заруцкій, сообразивши, что ему не сдобровать, передъ прибытіемъ Хохлова прорвался ночью, вмѣстѣ съ Мариною, изъ каменнаго города, сѣлъ на струги и поплылъ изъ Астрахани вверхъ по Волгѣ, потому что снизу плылъ въ Астрахань Хохловъ. 13 мая, утромъ, Хохловъ прибылъ въ Астрахань и всѣ жители, при звонѣ колоколовъ, цѣловали крестъ царю Михаилу. 14 мая, на зарѣ, Заруцкій съ Мариною думали проскользнуть по Волгѣ мимо Астрахани и убѣжать въ море; но Хохловъ вмѣстѣ съ астраханцами и стрѣльцами ударилъ на нихъ; бывшіе съ Заруцкимъ, воровскіе казаки, разбѣжались по камышамъ: многіе попались въ плѣнъ; тогда взяли также польку Варвару Казановскую, подругу Марины, но Заруцкаго и Марины не успѣли схватить; они вос-

пользовались извилистымъ русломъ Волги, и стрѣльцы не могли скоро сообразить, куда они скрылись.

29 мая, одинъ стрѣлецъ, бывшій на рыбномъ учугѣ, извѣстилъ, что видѣлъ Заруцкаго съ Мариною. По этому извѣстію Хохловъ отправилъ на указанное мѣсто погоню, но узналъ, что бѣглецы, выплывши въ море, повернули въ Яикъ. 1 іюня прибылъ въ Астрахань Одоевскій и тотчасъ отправилъ самого Хохлова съ вѣстью въ Москву, а 7 іюня выслалъ на Яикъ отрядъ подъ начальствомъ стрѣлецкихъ головъ: Гордѣя Пальчикова и Севастьяна Онучина. Посланные, плывя вверхъ по Яику, нападали на слѣдъ, гдѣ останавливались Заруцкій съ Мариной, и 24 іюня наткнулись на воровской таборъ: онъ стоялъ на Медвѣжьемъ островѣ, посреди лѣсистыхъ береговъ Яика. Съ Заруцкимъ и Мариною было до 600 волжскихъ казаковъ. Они сдѣлали на островѣ острогъ. Всѣмъ заправлялъ атаманъ Треня Усъ, ни въ чемъ не давалъ никакой воли Заруцкому и Маринѣ; онъ даже отнялъ у послѣдней сына и держалъ при себѣ.

Стрѣльцы осадили воровъ. Казаки не ожидали гостей, не вступили въ битву со стрѣльцами, на другой же день связали Заруцкаго и Марину и выдали съ сыномъ да съ какимъ-то чернецомъ Николаемъ, а сами объявили, что цѣлуютъ крестъ царю Михаилу Ѳедоровичу. Треня Усъ бѣжалъ и нѣсколько времени послѣ того разбойничалъ.

Плѣнниковъ привезли въ Астрахань, а 13 іюля Одоевскій отправилъ ихъ по-одиночкѣ вверхъ по Волгѣ. Марину съ сыномъ везъ стрѣлецкій голова Михайло Соловцовъ съ 500 человѣкъ самарскихъ стрѣльцовъ. Марину везли скованною. Въ наказѣ, данномъ Соловцову, приказано было убить ее вмѣстѣ съ сыномъ, если нападутъ на нихъ воровскіе люди, съ цѣлью отбить преступницу. Въ такомъ видѣ прибыла Марина въ Москву, куда восемь лѣтъ тому назадъ въѣзжала съ такимъ великолѣпіемъ въ первый разъ въ жизни, надѣясь тамъ царствовать и принимать поклоненіе.

Четырехлѣтняго сына Марины повѣсили всенародно за Серпуховскими воротами; Заруцкаго посадили на колъ. По извѣстію русскихъ, сообщенному полякамъ при размѣнѣ плѣнныхъ, Марина умерла въ Москвѣ, въ тюрьмѣ, отъ болѣзни и „съ тоски по своей волѣ“. Въ народной памяти она до сихъ поръ живетъ подъ именемъ „Маринки безбожницы, еретицы“. Народъ воображаетъ ее свирѣпою разбойницею и колдуньею, которая умѣла, при случаѣ, обращаться въ сороку.

XXVI.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Печальныя обстоятельства предшествующей исторіи наложили на великорусское общество характеръ азіатскаго застоя, тупой приверженности къ старому обычаю, страхъ всякой новизны, равнодушіе къ улучшенію своего духовнаго и матеріальнаго быта и отвращеніе ко всему иноземному. Но было бы клеветою на русскій народъ утверждать, что въ немъ совершенно исчезла та духовная подвижность, которая составляетъ отличительное качество европейскихъ племенъ, и думать, что русскіе въ описываемое нами время неспособны были вовсе откликнуться на голосъ, вызывающій ихъ на путь новой жизни. Умные люди чувствовали тягость невѣжества; лица, строго хранившія благочестивую старину, сознавали, однако, потребность просвѣщенія, по ихъ понятіямъ, главнымъ образомъ религіозно-нравственнаго; думали о заведеніи школъ и распространеніи грамотности. Люди, съ болѣе смѣлымъ умомъ, обращались прямо къ иноземному, чувствуя, что собственныя средства для расширенія круга свѣдѣній слишкомъ скудны. Несмотря на гнетъ того благочестія, которое отплёвывалось отъ всего иноземнаго, какъ отъ дьявола, въ Москвѣ, по извѣстію иностранцевъ, находились лица, у которыхъ стремленіе къ познаніямъ и просвѣщенію было такъ велико, что они выучивались иностраннымъ языкамъ, съ большими затрудненіями, происходившими, какъ отъ недостатка руководствъ и руководителей, такъ и отъ преслѣдованія со стороны тѣхъ, которые готовы были заподозрить въ этомъ ересь и измѣну отечеству. Такъ Ѳедоръ Никитичъ Романовъ, нареченный по постриженіи Филаретомъ, учился по-латыни; поляки въ Москвѣ видѣли людей, выучившихся тайкомъ иностраннымъ языкамъ и съ жадностью хва-

тавшихся за чтеніе. Аѳанасій Власовъ, разсмѣшившій поляковъ своими простодушными выходками, въ то же время удивилъ ихъ чистымъ латинскимъ произношеніемъ, показавшимъ, что языкъ латинскій былъ ему знакомъ. О многихъ изъ Ивановыхъ жертвъ Курбскій говоритъ, какъ о людяхъ ученыхъ и начитанныхъ по своему времени, и самъ Курбскій своимъ собственнымъ примѣромъ доказываетъ, что московскіе люди XVI-го вѣка не оставались совершенно неспособными понять пользу просвѣщенія и необходимость сближенія съ иноземцами. У насъ думали, что названый царь Димитрій вооружилъ противъ себя русскій народъ своею привязанностью къ иноземцамъ, пренебреженіемъ къ русскимъ обычаямъ и равнодушіемъ къ требованіямъ тогдашняго благочестія. Но вглядываясь ближе въ смыслъ событій, увидимъ не совсѣмъ то: поведеніе Димитрія дѣйствительно не могло нравиться строгимъ блюстителямъ неподвижности, но никакъ не большинству, не массѣ народа; такъ же, какъ и впослѣдствіи великій преобразователь Руси, хотя и встрѣтилъ противъ себя сильное, упорное и продолжительное противодѣйствіе, но никакъ не отъ всѣхъ, а, напротивъ, нашелъ не мало искреннихъ сторонниковъ и ревнителей своихъ преобразовательныхъ плановъ: иначе бы, конечно, онъ и не успѣлъ. Гибель названаго Димитрія была дѣломъ не русскаго народа, а только заговорщиковъ, воспользовавшихся оплошностью жертвы; это доказывается тѣмъ, что народъ русскій тотчасъ же обольстился вѣстью, что царь его, спасенный разъ въ дѣтствѣ въ Угличѣ, спасся въ другой разъ въ Москвѣ; народъ русскій почти весь послѣдовалъ за тѣнью Димитрія, до тѣхъ поръ, пока не убѣдился, что его обманывали и царствовавшаго въ Москвѣ Димитрія нѣтъ на свѣтѣ. Самый способъ убійства показываетъ, что народъ былъ далекъ оттого, чтобъ погубить своего царя за его пріемы, несогласные съ пріемами прежнихъ царей. Шуйскій вооружилъ народъ противъ поляковъ именемъ того же царя и такимъ обманомъ отвлекъ его вниманіе отъ Кремля. Число участниковъ Шуйскаго не могло быть велико, оттого-то Шуйскій наканунѣ убійства поспѣшилъ удалить изъ сотни караульныхъ семьдесятъ человѣкъ: очевидно, онъ боялся не сладить съ цѣлою сотнею. Такимъ образомъ, убійство Димитрія было вовсе не народнымъ дѣломъ.

Кто бы ни былъ этотъ названый Димитрій, и что̀ бы ни вышло изъ него впослѣдствіи, несомнѣнно, что онъ для русскаго общества былъ человѣкъ, призывавшій его къ новой жизни, къ новому пути. Онъ заговорилъ съ русскими голосомъ свободы, настежъ открылъ границы прежде замкнутаго государства и для

въѣзжавшихъ въ него иностранцевъ, и для выѣзжавшихъ изъ него русскихъ, объявилъ полную вѣротерпимость, предоставилъ свободу религіозной совѣсти: все это должно было освоить русскихъ съ новыми понятіями, указывало имъ иную жизнь. Его толки о заведеніи училищъ оставались пока словами, но почва для этого предпріятія уже подготовлялась именно предоставленною жизни свободою. Объявлена была война старой житейской обрядности. Царь собственнымъ примѣромъ открылъ эту борьбу, какъ поступилъ впослѣдствіи и Петръ Великій, но названый Димитрій поступалъ безъ того принужденія, съ которымъ соединялись преобразовательныя стремленія послѣдняго. Царь Димитрій одѣвался въ иноземное платье, царь танцовалъ, тогда какъ всякій знатный родовитый человѣкъ Московской Руси почелъ бы для себя такое развлеченіе крайнимъ униженіемъ. Царь Димитрій ѣлъ, пилъ, спалъ, ходилъ и ѣздилъ не такъ, какъ слѣдовало московскому царю по правиламъ прежней обрядности; царь Димитрій безпрестанно порицалъ русское невѣжество, выхвалялъ предъ русскими превосходство иноземнаго образованія. Повторяемъ: что̀ бы впослѣдствіи ни вышло изъ Димитрія—все-таки онъ былъ человѣкъ новаго, зачинающагося русскаго общества.

Врагъ, погубившій его, Василій Шуйскій былъ совершенною противоположностью этому загадочному человѣку. Трудно найти лицо, въ которомъ бы до такой степени олицетворялись свойства стараго русскаго быта, пропитаннаго азіатскимъ застоемъ. Въ немъ видимъ мы отсутствіе предпріимчивости, боязнь всякаго новаго шага, но въ то же время терпѣніе и стойкость—качества, которыми всегда русскіе приводили въ изумленіе иноземцевъ; онъ гнулъ шею предъ силою, покорно служилъ власти, пока она была могуча для него, прятался отъ всякой возможности стать съ нею въ-разрѣзъ, но измѣнялъ ей, когда видѣлъ, что она слабѣла, и вмѣстѣ съ другими топталъ то, передъ чѣмъ прежде преклонялся. Онъ бодро стоялъ передъ бѣдою, когда не было исхода, но не умѣлъ заранѣе избѣгать и предотвращать бѣды. Онъ былъ неспособенъ давать починъ, избирать пути, вести другихъ за собою. Рядъ поступковъ его, запечатлѣнныхъ коварствомъ и хитростью, показываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ тяжеловатость и тупость ума. Василій былъ суевѣренъ, но не боялся лгать именемъ Бога и употреблять святыню для своихъ цѣлей. Мелочной, скупой до скряжничества, завистливый и подозрительный, постоянно лживый и постоянно дѣлавшій промахи, онъ менѣе, чѣмъ кто-нибудь, способенъ былъ пріобрѣсть любовь подвластныхъ,

находясь въ санѣ государя. Его стало только на составленіе заговора, до крайности грязнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ вовсе не искуснаго, заговора, который можно было разрушить при малѣйшей предосторожности съ противной стороны. Знатность рода помогла ему овладѣть престоломъ, главнымъ образомъ оттого, что другіе надѣялись править его именемъ. Но когда онъ сталъ царемъ, природная неспособность сдѣлала его самымъ жалкимъ лицомъ, когда-либо сидѣвшимъ на московскомъ престолѣ, не исключая и Ѳедора, котораго слабоуміе покрывалъ собою Борисъ. Самая наружность Василія была очень непривлекательна: это былъ худенькій, приземистый, сгорбленный старичокъ, съ больными подслѣповатыми глазами, съ длиннымъ горбатымъ носомъ, большимъ ртомъ, морщинистымъ лицомъ, рѣдкою бородкою и волосами.

Василію, при вступленіи на престолъ, было уже за пятьдесять лѣтъ. Молодость свою провелъ онъ при Грозномъ и рѣшительно ничѣмъ не выказалъ себя. Когда родственники его играли важную роль въ государствѣ, Василій оставался въ тѣни. Опала, постигшая его родного брата Андрея, миновала Василія. Борисъ не боялся Василія, вѣроятно считая его ничтожнымъ по уму и притомъ всегдашнимъ угодникомъ силы; говорятъ, однако, Борисъ запрещалъ ему жениться, какъ и Мстиславскому. Василій все терпѣлъ и повиновался безпрекословно. Посланный на слѣдствіе по поводу убійства Димитрія, Василій исполнилъ это слѣдствіе такъ, какъ нужно было Борису и какъ, вѣроятно, ожидалъ того Борисъ. Явился Димитрій. Борисъ послалъ противъ него Шуйскаго, и Василій до поры до времени вѣрно служилъ Борису. Бориса не стало. При первомъ народномъ возстаніи противъ Годуновыхъ въ Москвѣ, Василій выходилъ на площадь, уговаривалъ народъ оставаться въ вѣрности Годуновымъ, увѣрялъ, что царевича нѣтъ на свѣтѣ и человѣкъ, назвавшійся его именемъ, есть Гришка Отрепьевъ. Но когда послѣ того воззваніе, прочитанное Пушкинымъ съ Лобнаго мѣста взволновало народъ до того, что можно было ясно видѣть непрочность Годуновыхъ, Шуйскій, призванный рѣшить вопросъ о подлинности Димитрія, рѣшилъ его въ пользу претендента и окончательно погубилъ несчастное семейство Годуновыхъ.

Само собою разумѣется, что если кто изъ бояръ былъ вполнѣ увѣренъ, что названый Димитрій не дѣйствительный сынъ царя Ивана, то, конечно, Василій Шуйскій, видѣвшій собственными глазами трупъ убитаго царевича. Съ Шуйскимъ были въ пріязни московскіе торговыя люди: это была старая фамильная пріязнь; и въ то время, когда Шуйскіе хотѣли развести Ѳедора съ

женою, опирались они на торговыхъ людей. Торговые люди были вхожи въ домъ Василія, и вотъ одному изъ нихъ Ѳедору Коневу съ товарищами Шуйскій сообщаетъ, что новый царь вовсе не Димитрій; Шуйскій возбуждаетъ опасеніе, что этотъ царь измѣняетъ православію, что у этого ложнаго Димитрія съ Сигизмундомъ и польскими панами поставленъ уговоръ разорить церкви и построить вмѣсто нихъ костелы; Шуйскій указываетъ на то, что некрещеные поляки и нѣмцы входятъ въ церковь, что при дворѣ соблюдаются иноземныя обычаи, что настаетъ великая бѣда старому благочестію. Торговые люди начали болтать о томъ, что слышали отъ большого боярина, попались и выдали Шуйскаго. Не царь, а народный судъ всѣхъ сословій приговорилъ Василія къ смерти. Съ терпѣніемъ и мужествомъ Василій пошелъ на казнь, и, не ожидая спасенія, безтрепетно сказалъ народу: „Умираю за вѣру и правду!“ Палачъ хотѣлъ съ него снять кафтанъ и рубаху съ воротомъ, унизаннымъ жемчужинами. Князь, потомокъ св. Владимира, съ гордостью и достоинствомъ воспротивился, говоря: „Я въ ней отдамъ Богу душу“. Великодушіе названаго Димитрія спасаетъ его отъ смерти. Онъ отправленъ въ Вятку, но только-что успѣлъ прибыть въ этотъ городъ, какъ царскій гонецъ привозитъ ему извѣстіе о возвращеніи ему боярскаго сана и всѣхъ прежнихъ вотчинъ. Шуйскій притворяется вѣрнымъ слугою Димитрія, склоняется передъ нимъ такъ же, какъ склонялся передъ Годуновымъ, и кто знаетъ, какъ долго оставался бы онъ въ этомъ положеніи, если бы самъ Димитрій своею крайнею неосторожностью не подалъ ему удобства составить заговоръ. Не обладая способностью давать починъ важному дѣлу, Шуйскій составилъ заговоръ потому, что уже черезчуръ было легко его составить. Пріѣздъ поляковъ, наглое поведеніе пришельцевъ, и черезчуръ явное нарушеніе обычнаго хода жизни въ Москвѣ, соблазнившее строго благочестивыхъ людей, естественно образовали кружокъ недовольныхъ. Старымъ боярамъ не нравилось стремленіе царя къ нововведеніямъ и къ иноземнымъ обычаямъ, при которомъ имъ, дѣтямъ старой Руси, не представлялось играть первой роли. Торговые, зажиточные люди свыклись со своимъ образомъ жизни; ихъ безпокоило то, что дѣлалось передъ ихъ глазами и грозило нарушить вѣковой застой; притомъ же, въ ихъ домахъ поставили „нечестивую Литву“, которая нахально садилась имъ на шею. Наконецъ, можно было найти недовольныхъ и между служилыми, которыхъ пугала предпринимаемая война съ турками и татарами. Шуйскому легко было собрать ихъ къ себѣ, когда надъ его дѣйствіями не только не было надзора, но

даже запрещалось имѣть его. Голосъ Шуйскаго не могъ остаться безъ вниманія, когда онъ говорилъ собраннымъ у него гостямъ то, что у нихъ самихъ шевелилось на душѣ Знатность его рода, какъ старѣйшей отрасли св. Александра Невскаго, содѣйствовала уваженію къ его рѣчамъ, также какъ и достоинство боярина, стараго по лѣтамъ и по службѣ. При всемъ томъ, однако, онъ нашелъ очень мало соумышленниковъ; видно, что находились между ними и такіе, которые тогда же думали предать его съ заговорщиками. За недостаткомъ соумышленниковъ, Шуйскій выпустилъ изъ тюрьмъ преступниковъ: подобные товарищи естественно готовы были исполнять всякое дѣло. Раздѣлавшись съ Димитріемъ, Шуйскій бросился усмирять народъ, возмущенный имъ же противъ поляковъ во имя царя, но москвичи успѣли уже перебить до четырехъсотъ человѣкъ пришельцевъ, сопровождая свое убійство самыми неистовыми варварствами, нападали на сонныхъ и безоружныхъ и не только убивали, но мучили: отсѣкали руки и ноги, выкалывали глаза, обрѣзывали уши и носы, ругались надъ женщинами, обнажали ихъ, гоняли по городу въ такомъ видѣ и били. Съ большимъ трудомъ Шуйскій и бояре остановили кровопролитіе и всякія неистовства. Народъ въ этотъ день до того перепился, что не могъ долго дать себѣ отчета въ происходившемъ. Волею-неволею народъ сдѣлался участникомъ убійства названаго Димитрія. Возвратить потеряннаго уже нельзя было. Народъ молчалъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Черезъ три дня бояре согласились выбрать Шуйскаго въ цари, съ тѣмъ, что онъ будетъ править не иначе, какъ съ согласія бояръ. Созвали народъ на площадь звономъ колокола. Приверженцы Шуйскаго немедленно „выкрикнули“ его царемъ. Нѣкоторые заявили, что слѣдуетъ разослать во всѣ московскіе города грамоты, чтобы съѣхались выборные люди для избранія царя; но бояре рѣшили, что этого не нужно, и сейчасъ же повели Василія въ церковь, гдѣ онъ далъ присягу управлять согласно боярскимъ приговорамъ, никого не казнить безъ воли бояръ, не отнимать у родственниковъ осужденныхъ служилыхъ людей вотчинъ, а у гостей и торговыхъ людей лавокъ и домовъ, и не слушать ложныхъ доносовъ. Послѣ произнесенія Шуйскимъ этой присяги, бояре сами присягнули ему въ вѣрности.

Немедленно разослана была по всѣмъ городамъ грамота, извѣщавшая, будто, по приговору всѣхъ людей Московскаго Государства, и духовныхъ и свѣтскихъ, избранъ на престолъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій, по степени прародителей происходящій отъ св. Александра Невскаго и суздальскихъ князей.

О бывшемъ царѣ сообщалось, что богоотступникъ, еретикъ чернокнижникъ, сякой-такой сынъ Гришка Отрепьевъ, прельстивши московскихъ людей, хотѣлъ, въ соумышленіи съ папою, Польшею и Литвою, попрать православную вѣру, ввести латинскую и лютерскую и, вмѣстѣ съ поляками, намѣревался перебить бояръ и думныхъ людей. Одновременно разослана была грамота отъ имени царицы Мареы, извѣщавшая о томъ, что ея сынъ убитъ въ Угличѣ, а она признала вора сыномъ по-неволѣ, потому что онъ угрожалъ ей и всему ея роду смертнымъ убійствомъ. Въ заключеніе въ грамотѣ вдовствующей царицы объявлялось, что она, вмѣстѣ съ другими, била Василію челомъ о принятіи царскаго сана. До какой степени на самомъ дѣлѣ уважалъ царь Василій мать Димитрія, показываетъ ея просьба къ польскому королю, писанная по низложеніи Шуйскаго, въ которой инокиня Мареа жалуется, что Шуйскій держалъ ее въ неволѣ и даже не кормилъ, какъ слѣдуетъ.

Первымъ дѣломъ Шуйскаго, послѣ разсылки грамотъ, было перевезти тѣло царевича Димитрія въ Москву. За этимъ тѣломъ въ Угличъ поѣхалъ митрополитъ Филаретъ Никитичъ съ двумя архимандритами, двое Нагихъ: Григорій и Андрей, князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій и Петръ Никитичъ Шереметевъ. 1-го іюня Василій вѣнчался на царство, а 3-го іюня перевезены мощи Димитрія и поставлены въ Архангельскомъ соборѣ. Въ грамотѣ, разосланной по поводу явленія новаго святого, было сказано, что царица Мареа всенародно каялась въ томъ, что по-неволѣ признавала вора Гришку сыномъ, а смерть царевича Димитрія прямо приписана была Борису Годунову. Для бóльшого убѣжденія народа, на Лобномъ мѣстѣ показывали родныхъ Гришки Отрепьева. Но всему этому не вѣрили тогда въ Московскомъ Государствѣ и, въ день открытія мощей, народъ чуть было не взбунтовался и не убилъ каменьями Шуйскаго. Даже тѣ, которые сомнѣвались въ подлинности бывшаго царя Димитрія, не вѣрили, чтобъ онъ былъ Гришка, а считали его полякомъ, котораго подготовили іезуиты, научили по-русски и пустили играть роль Димитрія. На патріаршескій престолъ, вмѣсто низверженнаго Игнатія, былъ поставленъ казанскій митрополитъ Гермогенъ, отличавшійся въ противоположность прежнему патріарху фанатическою ненавистью ко всему иновѣрному. Страшась мести со стороны Польши за перебитыхъ въ Москвѣ поляковъ, Шуйскій съ боярами разсудили, что лучше всего задержать у себя всѣхъ уцѣлѣвшихъ отъ рѣзни поляковъ и даже пословъ Сигизмунда, Олесницкаго и Гонсѣв-

скаго, а между тѣмъ послать своихъ пословъ въ Польшу и вывѣдать тамъ, что намѣрены дѣлать поляки.

Не долго Шуйскому пришлось утѣшаться безопасностью. Въ Москвѣ происходили волненія; 15 іюня, въ воскресенье, сдѣлался шумъ и бунтъ. Шуйскій подозрѣвалъ, что это происходитъ отъ козней знатныхъ лицъ, созвалъ въ Кремлѣ думныхъ людей и сталъ спрашивать: „кто это изъ васъ волнуетъ народъ? Зачѣмъ вымышляете разныя коварства? коли я вамъ нелюбъ, я оставлю престолъ, возьмите мой царскій посохъ и шапку, выбирайте, кого хотите". Думные люди увѣряли, что они вѣрны въ своемъ крестномъ цѣлованіи. „Такъ наказывайте виновныхъ", сказалъ Шуйскій. Думные люди вышли на площадь и уговорили народъ разойтись. Пятерыхъ крикуновъ схватили, высѣкли кнутомъ и сослали.

Но то было только начало смутъ. Черезъ два мѣсяца, на югѣ разнесся слухъ, что Димитрій живъ и убѣжалъ въ Польшу. Вся Сѣверская земля, Бѣлгородъ, Осколъ, Елецъ провозгласили Димитрія. Ратные люди, собранные подъ Ельцомъ прежнимъ царемъ, не хотѣли повиноваться Шуйскому, избрали предводителемъ Истому Пашкова и присягнули всѣ до единаго стоять за законнаго царя Димитрія. Въ Комарницкой волости Болотниковъ возвѣстилъ, что онъ самъ видѣлъ Димитрія и Димитрій нарекъ его главнымъ воеводою. Болотниковъ былъ взятъ еще въ дѣтствѣ въ плѣнъ татарами, проданъ туркамъ, освобожденъ венеціанцами, жилъ нѣсколько времени въ Венеціи и, возвращаясь въ отечество черезъ Польшу, видѣлся съ Молчановымъ, который увѣрилъ его, что онъ Димитрій. Болотниковъ, никогда не видавшій царя Димитрія, дѣйствовалъ съ полною увѣренностью, что стоитъ за законнаго государя. Онъ началъ возбуждать боярскихъ людей противъ владѣльцевъ, подчиненныхъ противъ начальствующихъ, безродныхъ противъ родовитыхъ, бѣдныхъ противъ богатыхъ. Его грамоты произвели мятежъ, охватившій Московское Государство подобно пожару. Въ Веневѣ, Тулѣ, Каширѣ, Алексинѣ, Калугѣ, Рузѣ, Можайскѣ, Орлѣ, Дорогобужѣ, въ Зубцовѣ, Ржевѣ, Старицѣ провозгласили Димитрія. Дворяне Ляпуновы подняли, именемъ Димитрія, всю Рязанскую землю. Возмутился городъ Владиміръ со всею своею землею. Во многихъ поволжскихъ городахъ и въ отдаленной Астрахани провозгласили Димитрія. Только Казань и Нижній-Новгородъ еще держались кое-какъ за Шуйскаго. Въ Пермской землѣ отказали Василію давать ратныхъ людей, служили молебны о спасеніи Димитрія и пили чаши за его здоровье. Новгородъ и Псковъ оставались пока вѣрными Шуйскому, но псков-

скіе пригороды стояли за Димитрія. Если бы въ это время на самомъ дѣлѣ явился человѣкъ съ именемъ Димитрія, то вся Русская земля пошла бы за нимъ. Но онъ не являлся, и многіе сомнѣвались въ справедливости слуховъ объ его спасеніи, а потому и не рѣшались открыто отпасть отъ царствовавшаго въ Москвѣ государя. Тѣмъ не менѣе къ Болотникову стеклась огромная толпа. Онъ изъ Сѣверской земли двинулся къ Москвѣ: города сдавались за городами. 2 декабря Болотниковъ былъ уже въ селѣ Коломенскомъ. Къ счастью Шуйскаго, въ полчищѣ Болотникова сдѣлалось раздвоеніе. Дворяне и дѣти боярскіе, недовольные тѣмъ, что холопи и крестьяне хотятъ быть равными имъ, не видя притомъ Димитрія, который бы могъ разрѣшить между ними споры, стали убѣждаться, что Болотниковъ ихъ обманываетъ и начали отступать отъ него. Братья Ляпуновы первые подали этому отступленію примѣръ, прибыли въ Москву и поклонились Шуйскому, хотя не терпѣли его. Болотниковъ былъ отбитъ Скопинымъ-Шуйскимъ и ушелъ въ Калугу.

Избавившись отъ осады, Шуйскій, по совѣту съ патріархомъ Гермогеномъ, пригласилъ въ Москву бывшаго патріарха Іова. 20 февраля 1607 года, послѣдній разрѣшилъ народъ отъ клятвы, наложенной имъ за нарушеніе крестнаго цѣлованія Борису. Еще прежде того Шуйскій приказалъ перевезти тѣла Бориса, его жены и сына, и похоронить въ Троицко-сергіевскомъ монастырѣ. Этими поступками хотѣлъ Шуйскій примириться съ прошлымъ и тѣмъ придать своей власти болѣе законности. Но съ наступленіемъ лѣта, силы Болотникова опять начали увеличиваться пришедшими казаками. Явился новый самозванецъ, родомъ муромецъ, незаконный сынъ „посадской женки", Илейка, ходившій прежде въ бурлакахъ по Волгѣ. Онъ назвалъ себя царевичемъ Петромъ, небывалымъ сыномъ царя Ѳедора; съ волжскими казаками присталъ онъ къ Болотникову. Послѣ нѣсколькихъ битвъ, Шуйскій осадилъ Болотникова и названаго Петра въ Тулѣ. Какой-то муромецъ Мѣшокъ Кравковъ сдѣлалъ гать черезъ рѣку Упу и наводнилъ всю Тулу: осажденные сдались. Шуйскій, обѣщавши Болотникову пощаду, приказалъ ему выколоть глаза, а потомъ утопить. Названаго Петра повѣсили: простыхъ плѣнниковъ бросали сотнями въ воду, но бояръ, князей Телятевскаго и Шаховскаго, бывшихъ съ Болотниковымъ, оставили въ живыхъ.

Воротившись въ Москву, Шуйскій думалъ, что теперь для него наступила пора успокоиться, и женился на княжнѣ Марьѣ Петровнѣ Буйносовой-Ростовской, съ которою обручился еще при жизни названаго царя Димитрія. Новыя тревоги не давали

ему отдохнуть: вмѣсто повѣшеннаго названаго Петра явилось нѣсколько царевичей. Въ Астрахани явился царевичъ Августъ, называвшій себя небывалымъ сыномъ царя Ивана Васильевича отъ жены Анны Колтовской; потомъ—тамъ же явился царевичъ Лаврентій, также небывалый сынъ, убитаго отцомъ, царевича Ивана Ивановича. Въ украинныхъ городахъ явилось восемь царевичей, называвшихъ себя разными небывалыми сыновьями царя Ѳедора (Ѳедоръ, Ерофей, Клементій, Савелій, Семенъ, Василій, Гаврило, Мартынъ). Всѣ эти царевичи исчезли такъ же быстро, какъ появились. Но въ Сѣверской землѣ явился, наконецъ, долго жданный Димитрій и, весною 1608 года, съ польскою вольницею и казаками двинулся на Москву. Дѣло его шло успѣшно. Ратные люди измѣнили Шуйскому и бѣжали съ поля битвы. Новый самозванецъ, въ началѣ іюля 1608 года, заложилъ свой таборъ въ Тушинѣ. Города и земли русскіе одни за другими признавали его. Полчище его увеличивалось съ каждымъ часомъ.

Переговоры Шуйскаго съ Польшею должны были рѣшить, чего нужно было Московскому Государству ждать отъ польскаго правительства. Переговоры эти шли очень медленно. Задержавши въ 1606 году польскихъ пословъ Олесницкаго и Гонсѣвскаго, Василій отправилъ князя Григорія Волконскаго съ объясненіями. Волконскій пробылъ въ Польшѣ болѣе года и натерпѣлся тамъ всякихъ упрековъ и оскорбленій. Вслѣдъ затѣмъ, въ октябрѣ 1607 года, прибыли новые польскіе послы (Друцкій-Соколинскій и Витовскій) въ Москву. Переговоры съ ними шли до іюля 1608 года и, наконецъ, кончились тѣмъ, что обѣ стороны заключили перемиріе на три года и одиннадцать мѣсяцевъ, а въ продолженіе этого времени Польша обязалась не помогать никакимъ самозванцамъ и запретить всѣмъ полякамъ поддерживать Тушинскаго Вора. Со своей стороны, царь Василій отпускалъ всѣхъ задержанныхъ поляковъ, съ условіемъ, чтобы они не сносились съ тѣми изъ своихъ соотечественниковъ, которые находились въ тушинскомъ таборѣ; Марина не именовала бы себя царицей, а Мнишекъ не называлъ бы своимъ зятемъ Тушинскаго Вора.

Но въ противность этимъ условіямъ, Мнишекъ съ Мариною и другими поляками очутились въ тушинскомъ таборѣ. Марина всенародно признала вора своимъ мужемъ, большая часть русскихъ городовъ и земель опять отпала отъ Шуйскаго и провозгласила Димитрія. Въ такихъ печальныхъ обстоятельствахъ Шуйскій обратился за помощью къ шведамъ.

Положеніе царя Василія въ Москвѣ было самое жалкое.

Никто не уважалъ его. Имъ играли, какъ ребенкомъ, по выраженію современниковъ. Шуйскій то обращался къ церкви и къ молитвамъ, то призывалъ волшебницъ и гадальщицъ, то казнилъ измѣнниковъ, но только незнатныхъ, то объявлялъ москвичамъ: „кто мнѣ хочетъ служить, пусть служитъ, а кто не хочетъ служить—пусть идетъ; я никого не насилую". Москвичи увѣряли своего царя въ вѣрности, а потомъ многіе перебѣгали въ Тушино; побывавши въ Тушинѣ, ворочались въ Москву; поживши въ Москвѣ, опять бѣжали въ Тушино; бѣглецъ, явившійся въ Тушино, цѣловалъ крестъ Димитрію и получалъ отъ него жалованье, а вернувшись въ Москву, цѣловалъ крестъ Василію и отъ него получалъ также жалованье. Чтобы отводить народъ отъ вора, Шуйскій постановилъ давать свободу тѣмъ холопамъ, которые уйдутъ изъ Тушина, но выходило, что многіе холопы изъ Москвы бѣжали въ Тушино, чтобы послѣ, вернувшись, получить отъ царя свободу. Московскіе торговцы безъ зазрѣнія совѣсти возили въ Тушино всякіе товары, разживались и копили копѣйку про черный день, не пускали въ Москвѣ своихъ денегъ въ оборотъ и отъ этого въ Москвѣ дѣлался недостатокъ: онъ сталъ особенно чувствителенъ зимою, когда тушинцы отрѣзали путь изъ Рязани въ Москву.

17-го февраля 1609 года, толпа, подъ начальствомъ князя Романа Гагарина, Григорія Сумбулова, бросилась въ Кремль; она состояла изъ многихъ служилыхъ людей разныхъ городовъ и, обратившись къ боярамъ, кричала: „надобно перемѣнить царя! Василій сѣлъ самовольствомъ, не всею землею выбранъ". Нѣкоторые бояре уже были не въ ладахъ съ Шуйскимъ, особенно Голицыны, такъ какъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ самъ помышлялъ о престолѣ. Но они не рѣшились стать заодно съ мятежниками, потому что за Шуйскаго былъ патріархъ Гермогенъ. Замѣчательно, что патріархъ самъ постоянно не ладилъ съ царемъ, но изъ чувства законности стоялъ за него, какъ уже за существующую верховную власть. Толпа мятежниковъ вышла изъ Кремля на Красную площадь. Ударили въ набатъ. Явился патріархъ.

„Князь Василій Шуйскій не любъ намъ на царствѣ,—кричала толпа.—Онъ тайно убиваетъ и сажаетъ нашу братію въ воду!"

„А кого же казнилъ Шуйскій?" спросилъ патріархъ.

Мятежники не назвали именъ, но кричали:

„Изъ-за Василія кровь льется, и земля не умирится, пока

онъ будетъ на царствѣ. Его одна Москва выбрала, а мы хотимъ избрать иного царя!“

Патріархъ на это сказалъ:

„До сихъ поръ Москва всѣмъ городамъ указывала, а ни Новгородъ, ни Псковъ, ни Астрахань и никакой другой городъ не указывалъ Москвѣ; а что кровь льется, то это дѣлается по волѣ Божіей, а не по хотѣнію вашего царя“.

Убѣжденія патріарха спасли на этотъ разъ Василія; но дороговизна увеличилась; въ апрѣлѣ, бояринъ Крюкъ-Колычевъ составилъ заговоръ убить Василія. Умыселъ былъ открытъ. Зачинщика казнили. Положеніе царя становилось все ужаснѣе: до него доходили слухи, что его убьютъ то на Николинъ день, то на Вознесенье. Народъ врывался къ нему во дворецъ и кричалъ: „Чего еще намъ дожидаться! Развѣ голодною смертью помирать?“ Царь обнадеживалъ москвичей скорымъ прибытіемъ Скопина со шведскими людьми и убѣждалъ купцовъ не поднимать цѣны на хлѣбъ. Но московскіе купцы поступали также, какъ нѣкогда при Борисѣ: припрятывали хлѣбъ, чтобы продавать его по дорогой цѣнѣ. На счастье Василію въ это время дѣла Тушинскаго Вора пошли неудачно. Города, прежде признававшіе его, выведенные изъ терпѣнія безчинствомъ поляковъ и русскихъ воровъ, одинъ за другимъ отпадали и признавали царя Василія. Крестьяне собирались шайками, били и топили шатавшихся тушинцевъ. Сапѣга ничего не могъ сдѣлать съ Троицкимъ монастыремъ. Онъ безпрестанно палилъ по его стѣнамъ изъ 90 орудій; монастырь не сдавался, несмотря на то, что начальствующіе въ монастырѣ воеводы Долгорукій-Роща и Голохвастовъ были во враждѣ между собою, а осажденные, при большой тѣснотѣ и недостаткѣ, умирали отъ цынги. Ратные люди, оборонявшіе монастырь, дѣлали частыя вылазки и наносили непріятелю много вреда. Наконецъ, и попытки тушинцевъ овладѣть Москвою не имѣли успѣха. 25 іюня москвичи отбили ихъ нападеніе на Ходынку и взяли въ плѣнъ двѣсти человѣкъ. Прокопій Ляпуновъ очистилъ отъ воровъ рязанскіе города. Стоявшій подъ Коломной отрядъ тушинцевъ ушелъ оттуда. Но болѣе всего поправились дѣла Василія послѣ успѣховъ Скопина. Зимою тушинскій лагерь пришелъ въ совершенное разстройство. 12 января 1610 года, Сапѣга отступилъ отъ Троицы; въ февралѣ убѣжалъ воръ въ Калугу, а въ началѣ марта Тушино совершенно опустѣло. Почти вся Русь покорилась Василію; но съ запада на него наступала бѣда: Сигизмундъ стоялъ подъ Смоленскомъ, а русскіе, бывшіе въ Тушинѣ, явились къ польскому государю просить на москов-

ское царство Владислава. Судьба, казалось, не давала Василію ни минуты отдыха. Одна бѣда проходила, другая погрознѣе наступала. Въ концѣ апрѣля скоропостижно скончался Скопинъ и это приблизило паденіе Василія. Народная молва считала царя участникомъ его смерти. Уже поляки и запорожцы забирали южные города: Стародубъ, Почепъ, Черниговъ взяты были приступомъ и ограблены. Новгородъ-Сѣверскій и Рославль цѣловали крестъ Владиславу.

Вмѣсто Скопина царь назначилъ главнымъ предводителемъ войска своего брата Димитрія, но русскіе не терпѣли его, а жену его Екатерину считали убійцею Скопина. Шведскій полководецъ Делагарди презиралъ Димитрія Шуйскаго за неспособность. Московскіе плѣнники сообщили подъ Смоленскомъ полякамъ, что народъ не любитъ Василія, что войско не захочетъ за него биться и вся Русь охотно признаетъ Владислава царемъ. По этимъ извѣстіямъ, Сигизмундъ отправилъ къ Москвѣ войско, подъ начальствомъ коронного гетмана Жолкѣвскаго. Войско Шуйскаго, тысячъ въ тридцать, двинулось къ Можайску; съ нимъ шелъ и Делагарди со своею ратью, состоящею изъ людей разныхъ націй. Въ московскомъ войскѣ было много новобранцевъ, въ первый разъ шедшихъ на бой. Охоты защищать царя Василія не было ни у кого. Враги встрѣтились 23 іюня между Москвою и Можайскомъ, при деревнѣ Клушино. Отъ перваго напора поляковъ побѣжала московская конница, смяла пѣхоту: иноземцы, бывшіе подъ начальствомъ Делагарди, взбунтовались и стали передаваться непріятелю. Тогда начальники московскаго войска, Димитрій Шуйскій, Голицынъ, Мезецкій убѣжали въ лѣсъ, а за ними и всѣ бросились въ разсыпную. Жолкѣвскому досталась карета Димитрія Шуйскаго, его сабля, булава, знамя, много денегъ и мѣховъ, которые Димитрій намѣревался раздать войску Делагарди, но не успѣлъ. Делагарди, оставленный своими подчиненными, изъявилъ желаніе переговорить съ гетманомъ Жолкѣвскимъ и когда гетманъ пріѣхалъ къ нему, то Делагарди выговорилъ у него согласіе уйти безпрепятственно изъ предѣловъ Московскаго Государства. „Наша неудача, — сказалъ Делагарди, — происходитъ отъ неспособности русскихъ и вѣроломства моихъ наемныхъ воиновъ. Не то было бы съ тѣми же русскими, если бы ими начальствовалъ доблестный Скопинъ. Но его извели и счастье измѣнило московскимъ людямъ“.

Жолкѣвскій принудилъ сидѣвшихъ въ Царевѣ-Займищѣ Елецкаго и Валуева присягнуть Владиславу, присоединиться къ нему

съ ихъ пятитысячнымъ отрядомъ, и пошелъ прямо на Москву. Можайскъ сдался ему безъ сопротивленія. Волокъ-Ламскій, Ржевъ, Погорѣлое-Городище, Іосифовъ монастырь, покорились доброво́льно. По совѣту Валуева, Жолкѣвскій послалъ агентовъ своихъ въ Москву съ грамотами, въ которыхъ обѣщалъ Русской землѣ тишину и благоденствіе подъ правленіемъ Владислава, если русскіе изберутъ королевича царемъ. Эти грамоты разбрасывались по улицамъ, ходили по рукамъ, всенародно читались на сходкахъ. Царь Василій не могъ ничего сдѣлать.

Съ другой стороны подходилъ Тушинскій Воръ изъ Калуги и 11 іюля сталъ въ Коломенскомъ селѣ. Тогда Прокопій Ляпуновъ написалъ своему брату Захару и боярину Василію Васильевичу Голицыну, что слѣдуетъ удалить и Шуйскаго, и вора.

17 іюля Захаръ Ляпуновъ собралъ сходку дворянъ и дѣтей боярскихъ за Арбатскими воротами и сказалъ:

„Наше государство доходитъ до конечнаго разоренія. Тамъ поляки и Литва, тутъ калужскій воръ, а царя Василія не любятъ. Онъ не по правдѣ сѣлъ на престолъ и несчастенъ на царствѣ. Будемъ бить ему челомъ, чтобъ онъ оставилъ престолъ, а калужскимъ людямъ пошлемъ сказать, пусть они своего вора выдадутъ, и мы сообща выберемъ всею землею иного царя и встанемъ единомысленно на всякаго врага“. Послали въ Коломенское.

Русскіе, бывшіе при ворѣ, сказали: „сведите Шуйскаго, а мы своего Димитрія свяжемъ и приведемъ въ Москву“.

Послѣ такого отвѣта толпа отправилась къ царю Василію. Выступилъ впередъ дюжій плечистый Захаръ Ляпуновъ и сказалъ царю:

„Долго ли за тебя кровь христіанская будетъ литься? Ничего добраго отъ тебя не дѣлается. Земля раздѣлилась, разорена, опустошена; ты воцарился не по выбору всей земли; братья твои окормили отравою государя нашего Михаила Васильевича, оборонителя и заступника нашего. Сжалься надъ нами, положи посохъ свой! Сойди съ царства. Мы посовѣтуемъ сами о себѣ иными мѣрами“.

Василій вышелъ изъ себя, обнажилъ большой ножъ, который носилъ при себѣ, бросился на Ляпунова и закричалъ:

„Какъ ты смѣешь мнѣ это говорить, когда бояре мнѣ того не говорятъ?“

Ляпуновъ погрозилъ ему своею крѣпкою рукою и сказалъ:

„Василій Ивановичъ! Не бросайся на меня, а то я тебя вотъ такъ тутъ и изотру!“

Бывшіе съ Ляпуновымъ дворяне сказали: „Пойдемъ, объявимъ народу“.

Они вышли на Красную площадь и зазвонили въ колоколъ. Народъ сбѣжался. Захаръ Ляпуновъ съ Лобнаго мѣста приглашалъ патріарха, духовенство, бояръ, служилыхъ людей и всякаго чина православныхъ христіанъ за Серпуховскія ворота на всенародную сходку.

Народъ повалилъ за Серпуховскія ворота.

Пріѣхали патріархъ, бояре.

„Вотъ три года — четвертый сидитъ Василій Шуйскій на царствѣ, — говорили народу: — неправдою сѣлъ, не по выбору всей земли, и нѣтъ на немъ благословенія Божія: нѣтъ счастья землѣ! Какъ только его братья пойдутъ на войну, такъ и понесутъ пораженіе; сами прячутся, а ратные разбѣгаются! Собирайтесь въ совѣтъ, какъ намъ Шуйскаго отставить, а иного выбрать всею землею“.

Патріархъ хотѣлъ-было защищать Шуйскаго, но потомъ уѣхалъ.

Бояре отправились къ царю. Своякъ царя Василія, Иванъ Михайловичъ Воротынскій, сказалъ ему:

„Вся земля бьетъ тебѣ челомъ; оставь свое государство ради междоусобной брани, за тѣмъ, что тебя не любятъ и служить тебѣ не хотятъ“.

Царю Василію ничего не осталось, какъ повиноваться. Онъ положилъ свой царскій посохъ и переѣхалъ изъ царскихъ палатъ въ свой княжій домъ.

Верховное правленіе на время перешло къ боярскому совѣту, подъ предсѣдательствомъ князя Ѳедора Мстиславскаго.

На другой день, 18 іюля, толпа москвичей вышла къ Данилову монастырю и послала въ Коломенское сказать:

„Мы свое клятвенное слово совершили — Шуйскаго свели; теперь ведите къ намъ своего вора“.

Но изъ Коломенскаго села имъ дали такой отвѣтъ:

„Дурно, что вы не помните крестнаго цѣлованія своему государю, а мы за своего померетъ рады“.

Тогда многимъ въ Москвѣ стало жаль Шуйскаго, а Шуйскій, узнавши это, послалъ денегъ стрѣльцамъ, которыхъ было тысячъ до восьми въ Москвѣ, чтобы съ ихъ помощью возвратить себѣ престолъ. Патріархъ охуждалъ низложеніе царя.

Тогда, 19 іюля, Захаръ Ляпуновъ подобралъ себѣ товарищей, подговорилъ чудовскихъ іеромонаховъ. Они пришли въ домъ къ Василію Шуйскому, разлучили его съ женой, увезли его въ Воз-

несенскій монастырь и объявили, что Василію слѣдуетъ постричься въ монахи.

„Люди московскіе, что я вамъ сдѣлалъ,—сказалъ Шуйскій.— Какую обиду учинилъ? развѣ мнѣ это за то, что я воздалъ месть тѣмъ, которые содѣяли возмущеніе на нашу православную вѣру и тщилися разорить домъ Божій?“

Ему повторили, что надобно постричься. Шуйскій на-отрѣзъ сказалъ, что не хочетъ.

Тогда іеромонахамъ велѣно было совершать обрядъ постриженія, и когда, по обряду, спросили его: желаетъ-ли онъ? Василій громко закричалъ: „не хочу“; но князь Тюфякинъ, одинъ изъ соумышленниковъ Ляпунова, произносилъ за него обѣщаніе, а Ляпуновъ крѣпко держалъ Василія за руки, чтобъ онъ не отмахивался. Его одѣли въ иноческое платье и увезли въ Чудовъ монастырь.

Въ то же время въ Вознесенскомъ монастырѣ постригли жену Василія. Марья Петровна также не дала обѣта и твердо говорила, что никто не можетъ разлучить ее съ мужемъ, съ которымъ соединилъ Богъ. Патріархъ Гермогенъ вопіялъ противъ такого беззаконія и говорилъ, что инокомъ сталъ теперь тотъ, кто за Василія отрекался отъ міра.

Василій былъ послѣдній государь изъ дома св. Владимира, слишкомъ шесть вѣковъ господствовавшаго въ Русской землѣ со времени принятія христіанства. Москвичи вспомнили тогда, что, за нѣсколько времени передъ его низверженіемъ, въ Архангельскомъ соборѣ, гдѣ почивали останки всѣхъ потомковъ Даніила Александровича московскаго, въ полночь слышали люди плачъ великій, чтеніе сто-восемнадцатаго псалма и пѣніе вѣчной памяти. Плачемъ началось, плачемъ окончилось. Этотъ плачъ въ усыпальницѣ московскихъ государей предвѣщалъ низверженіе царя Василія и грядущія бѣдствія, послѣ которыхъ уже иному роду суждено было господствовать въ Русской землѣ.

Черезъ три дня послѣ постриженія царя Василія, прибылъ гетманъ Жолкѣвскій къ Москвѣ съ польскимъ войскомъ. Бояре волею-неволею должны были соглашаться на избраніе Владислава и показывать видъ, будто поступаютъ добровольно. Патріархъ Гермогенъ сначала сильно противился, всегда вѣрный своему неизмѣнному отвращенію ко всякой иноземщинѣ; но потомъ, видя, что невозможно устоять противъ печальныхъ обстоятельствъ, соглашался, но по крайней мѣрѣ съ тѣмъ, чтобы новый царь принялъ православіе и крестился. Переговоры съ Жолкѣвскимъ шли три недѣли. Жолкѣвскій былъ одинъ изъ немногихъ въ то

время благороднѣйшихъ и честнѣйшихъ людей въ Польшѣ, чуждый іезуитскихъ козней, уважающій права не только своего народа, но и чужихъ народовъ, ненавистникъ насилія, столько же храбрый, сколько умѣвшій держать въ порядкѣ войско, великодушный, обходительный и справедливый. Онъ не могъ согласиться на требованіе Гермогена, но заключилъ такой договоръ, который показывалъ, что гетманъ вовсе не думалъ о порабощеніи Руси Польшѣ, напротивъ, уважалъ и даже ограждалъ права русскаго народа. Московское Государство избирало царемъ своимъ Владислава съ тѣмъ, что власть его была ограничена по управленію боярами и думными людьми, а по законодательству думою всей Земли. Владиславъ не имѣлъ права измѣнять народныхъ обычаевъ, отнимать имущества, казнить и ссылать безъ боярскаго приговора; обязанъ былъ держать на должностяхъ только русскихъ, не долженъ былъ раздавать по польскимъ обычаямъ полякамъ и литовцамъ староствъ, но могъ жаловать ихъ деньгами и помѣстьями наравнѣ съ иноземцами; не могъ строить костеловъ и не долженъ былъ дозволять насиліемъ и хитростью совращать русскихъ въ латинство; обязывался оказывать уваженіе къ греческой вѣрѣ, не отнимать церковныхъ имѣній и отнюдь не впускать жидовъ въ Московское Государство. Бояре поставили въ договорѣ условіе, чтобы крестьяне не переходили съ земли одного владѣльца на земли другого. 17 августа трое главнѣйшихъ бояръ князей: Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій, Василій Васильевичъ Голицынъ и Данило Ивановичъ Мезецкій съ двумя думными дьяками: Телепневымъ и Луговскимъ, взяли на себя право заключить этотъ договоръ отъ имени всѣхъ чиновъ Московскаго Государства. То была ложь: участія всей Земли не было, и выборные люди не съѣзжались.

Простой московскій народъ недоволенъ былъ избраніемъ Владислава. Въ Москвѣ усиливалась партія, хотѣвшая снова возвести на престолъ Шуйскаго. Бояре, приписывая эти волненія козпямъ Василія и его братьевъ, до такой степени раздражились противъ Шуйскихъ, что поднимали вопросъ: не перебить ли всѣхъ Шуйскихъ? Но за сверженнаго царя заступился Жолкѣвскій. Онъ объявилъ, что Сигизмундъ приказалъ ему беречь Василія и не допускать надъ нимъ насилій. Бояре отдали Жолкѣвскому въ распоряженіе сверженнаго царя и его родственниковъ. Гетманъ отправилъ братьевъ Василія Шуйскаго: Ивана Пуговку и Димитрія съ женой—въ Польшу, самого сверженнаго царя—въ Іосифовъ монастырь, а супругу его на время въ Суздальско-покровскій монастырь. Жолкѣвскій не хотѣлъ признавать ихъ постри-

женія, такъ какъ оно было насильное и дозволилъ имъ ходить въ мірскомъ платьѣ.

Вслѣдъ затѣмъ, 19 сентября, гетманъ Жолкѣвскій вступилъ съ войскомъ въ Москву: онъ такъ умѣлъ держать въ повиновеніи свое войско и обращаться съ русскими, что даже самъ суровый патріархъ Гермогенъ началъ смотрѣть на него болѣе дружелюбными глазами. Русскіе города одинъ за другимъ присягали Владиславу, кромѣ нѣкоторыхъ, все еще державшихся вора. Достойно замѣчанія, что Прокопій Ляпуновъ, въ рукахъ котораго была вся Рязанская земля, не только безъ противорѣчія одобрилъ избраніе Владислава, но послалъ къ Жолкѣвскому сына своего Владимира, хлопоталъ о доставкѣ съѣстныхъ припасовъ полякамъ въ Москву и былъ самымъ ревностнымъ ихъ приверженцемъ. Бояре, по настоянію Жолкѣвскаго, снарядили пословъ къ Сигизмунду.

Жолкѣвскій не долго остался въ Москвѣ. Сигизмундъ былъ вовсе не доволенъ договоромъ, постановленнымъ Жолкѣвскимъ. Сигизмундъ не хотѣлъ давать Московскому Государству сына, а думалъ самъ завладѣть этимъ государствомъ и присоединить его къ Польшѣ. Управлявшіе имъ іезуиты не видѣли для своихъ плановъ никакой пользы изъ того, что Владиславъ сдѣлается московскимъ царемъ, когда при этомъ не дозволено будетъ ни строить костеловъ, ни совращать православныхъ въ латинство и унію. Полякамъ вообще не нравилось запрещеніе давать имъ староства и должности въ Московской землѣ, такъ какъ они надѣялись поживиться при новомъ порядкѣ вещей. Сигизмундъ отозвалъ Жолкѣвскаго изъ Москвы. Въ концѣ октября, гетманъ сдалъ начальство надъ оставшимся въ Москвѣ войскомъ Александру Гонсѣвскому, а самъ выѣхалъ подъ Смоленскъ, взявши съ собою сверженнаго царя Василія и жену его.

Сигизмундъ принялъ Жолкѣвскаго съ гнѣвомъ, съ презрѣніемъ бросилъ представленный гетманомъ договоръ и сказалъ: „я не допущу сына моего быть царемъ московскимъ“.

Съ тѣхъ поръ плѣнный царь находился подъ Смоленскомъ до взятія этого города. Русскіе послы, находившіеся подъ Смоленскомъ, замѣтили, что гетманъ Жолкѣвскій поступилъ вопреки договору, по которому не слѣдовало ни одного человѣка выводить въ Польшу и Литву, и находили, что Жолкѣвскій нанесъ оскорбленіе православной вѣрѣ тѣмъ, что дозволилъ Василію и женѣ его ходить въ мірскомъ платьѣ. „Я сдѣлалъ это—сказалъ Жолкѣвскій — по просьбѣ бояръ, чтобы отстранить смятеніе въ народѣ. Притомъ же Василій въ Іосифовомъ монастырѣ чуть съ

голода не умиралъ... Я привезъ его въ мірскомъ платьѣ, потому что онъ самъ не хочетъ быть монахомъ; его постригли насильно, а насильное постриженіе противно и вашимъ, и нашимъ церковнымъ уставамъ. Самъ патріархъ это утверждаетъ".

Смоленскъ защищался упорно, благодаря мужеству воеводы Шеина. И воевода, и всѣ смольняне охотно присягали Владиславу, но не хотѣли ни за что, по требованію Сигизмунда, сдавать польскому королю русскаго города, который король хотѣлъ присоединить къ польской Рѣчи Посполитой, тѣмъ болѣе, что Сигизмундъ показывалъ явное пренебреженіе ко всѣмъ правамъ русскихъ и къ особамъ пословъ, прибывшихъ къ нему отъ всей Русской земли: онъ приказалъ заключить ихъ въ оковы и отправить въ Польшу.

Много приступовъ къ Смоленску было отбито. Наконецъ, 3 іюня 1611 года, взорвана была часть смоленскихъ стѣнъ; поляки ворвались въ городъ. Владыка смоленскій Сергій, съ толпою народа, былъ взятъ въ полуразрушенномъ соборѣ; русскіе бросались въ огонь, рѣшаясь лучше погибнуть, чѣмъ терпѣть поруганіе отъ побѣдителей. Шеинъ съ женою, малолѣтнимъ сыномъ, товарищемъ своимъ княземъ Горчаковымъ и нѣсколькими дворянами, заперся въ башнѣ и храбро защищался до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ польскихъ военачальниковъ, Потоцкій, не убѣдилъ его сдаться, обѣщая отъ короля милость. „Я всѣмъ сердцемъ былъ преданъ королевичу,—сказалъ Шеинъ полякамъ,—но если бы король не далъ сына своего на царство, то земля не можетъ быть безъ государя и я бы поддался тому, кто былъ бы избранъ царемъ на Москвѣ". Сигизмундъ не оцѣнилъ ни прямоты, ни храбрости этого человѣка. Его подвергли пыткѣ, желая дознаться, гдѣ спрятаны въ Смоленскѣ сокровища, но не добились ничего. Послѣ пытки, Шеина отправили въ Литву въ оковахъ, разлучивши съ семьею [1]).

Послѣ взятія Смоленска, Сигизмундъ уѣхалъ въ Варшаву, и приказалъ везти за собою Шуйскаго и его братьевъ. Успѣхи Польши надъ Русью произвели радость во всемъ католическомъ мірѣ. Въ Римѣ празднества шли за празднествами. Іезуиты надѣялись, что они теперь достигли своей цѣли и овладѣли Московскою землею. Въ Варшавѣ, по обыкновенію, побаивались, чтобы успѣхи короля не послужили къ стѣсненію шляхетскихъ

---

[1]) Впрочемъ, впослѣдствіи судьба его улучшилась и въ продолженіе своего долгаго плѣна Шеинъ пользовался свободою и сошелся съ паномъ Новодворскимъ, главнымъ виновникомъ взятія Смоленска.

вольностей, но дали на время волю патріотическому восторгу и восхищались торжествомъ своей націи надъ давними врагами.

Королю устроили торжественный въѣздъ. Жолкѣвскій везъ за собою плѣннаго низверженнаго царя. Поляки сравнивали его съ римскимъ Павломъ Эмиліемъ. Сослуживцы Жолкѣвскаго щеголяли блескомъ своихъ одеждъ и вооруженія. Самъ коронный гетманъ ѣхалъ въ открытой, богато убранной коляскѣ, которую везли шесть турецкихъ бѣлыхъ лошадей. За его коляской везли Шуйскаго въ открытой королевской каретѣ. Бывшій царь сидѣлъ со своими двумя братьями. На немъ былъ длинный, бѣлый, вышитый золотомъ кафтанъ, а на головѣ высокая шапка изъ черной лисицы. Поляки съ любопытствомъ всматривались въ его изможденное сухощавое лицо и ловили мрачный взглядъ его красноватыхъ больныхъ глазъ. За нимъ везли плѣннаго Шеина со смольнянами, а потомъ: пословъ — Голицына и Филарета съ товарищами. Это было 29 октября 1611 года. Поѣздъ двигался по Краковскому Предмѣстью въ зáмокъ, гдѣ въ сенаторской „избѣ" былъ въ сборѣ весь сенатъ, дворъ, знатнѣйшіе паны Рѣчи Посполитой. На тронѣ сидѣлъ король Сигизмундъ съ королевой, а по бокамъ члены королевской фамиліи. Ввели плѣнныхъ; Василія съ братьями поставили передъ трономъ. Жолкѣвскій выступилъ впередъ и громко произнесъ латинскую цвѣтистую рѣчь, въ которой упомянулъ разныхъ римскихъ героевъ. Указывая на Василія, онъ сказалъ: „вотъ онъ, великій царь московскій, наслѣдникъ московскихъ царей, которые столько времени своимъ могуществомъ были страшны и грозны Польской Коронѣ и ея королямъ, турецкому императору и всѣмъ сосѣднимъ государствамъ. Вотъ братъ его, Димитрій, предводитель 60-тысячнаго войска, мужественнаго, храбраго и сильнаго. Недавно еще они повелѣвали царствами, княжествами, областями, множествомъ подданныхъ, городами, зáмками, неисчисленными сокровищами и доходами, но, по волѣ и благословенію Господа Бога надъ вашимъ величествомъ, мужествомъ и доблестью польскаго войска, нынѣ стоятъ они жалкими плѣнниками, всего лишенные, обнищалые, поверженные къ стопамъ вашего величества и, падая на землю, молятъ о пощадѣ и милосердіи". При этихъ словахъ, низложенный царь поклонился, и держа въ одной рукѣ шапку, прикоснулся пальцами другой руки до земли, а потомъ поднесъ ихъ къ губамъ; Димитрій поклонился въ землю одинъ разъ, а Иванъ, по обычаю московскихъ холоповъ, отвѣсилъ три земныхъ поклона. Иванъ Пуговка горько плакалъ. Василій сохранялъ тупое спокойствіе. Гетманъ продолжалъ: „Ваше величество, я

васъ умоляю за нихъ, примите ихъ не какъ плѣнныхъ, окажите имъ свое милосердіе, помните, что счастье непостоянно и никто изъ монарховъ не можетъ назвать себя счастливымъ, пока не окончитъ своего земного поприща“. По окончаніи этой рѣчи, плѣнники были допущены до руки королевской. Послѣ этого, произнесены были еще двѣ рѣчи, одна—канцлеромъ, другая—маршаломъ посольской „избы“ въ похвалу Сигизмунду, гетману и польской націи. Въ заключеніе всего, всталъ со своего мѣста Юрій Мнишекъ, вспоминалъ о вѣроломномъ убійствѣ Димитрія, коронованнаго и всѣми признаннаго, говорилъ объ оскорбленіи своей дочери, царицы Марины, о предательскомъ избіеніи гостей, пріѣхавшихъ на свадьбу, и требовалъ правосудія. Василій стоялъ молча. Мнишекъ проговорилъ свою рѣчь; но никто изъ пановъ Рѣчи Посполитой не произнесъ ни слова, никто не обратилъ на него вниманія; напротивъ, всѣ глядѣли съ состраданіемъ и участіемъ на плѣннаго царя. Король отпустилъ Василія милостиво.

Василія съ братьями отправили въ Гостынскій замокъ, гдѣ назначили ему пребываніе подъ стражею. Содержаніе давали имъ нескудное, какъ это видно изъ описи вещей и одеждъ, оставшихся послѣ Василія и пожалованныхъ плѣннымъ по милости Сигизмунда. Неволя и тоска свела Василія въ могилу на слѣдующій же годъ. Надъ могилой его поставили памятникъ съ латинскою надписью, восхваляющею великодушіе Сигизмунда. Братъ его, Димитрій, и жена послѣдняго Екатерина умерли послѣ него въ неволѣ, въ плѣну. Супруга царя Василія значится умершею, по русскимъ лѣтописямъ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, въ 1625 году, подъ именемъ Елены. Иванъ Пуговка, вскорѣ по заключеніи въ Гостыни, изъявилъ желаніе служить Польшѣ, присягнулъ Владиславу, и когда въ 1619 году былъ размѣнъ плѣнныхъ, Иванъ не рѣшился возвращаться въ отечество и объявилъ, что пріѣдетъ только тогда, когда Владиславъ разрѣшитъ его отъ данной ему присяги. Черезъ нѣсколько лѣтъ, однако, онъ былъ отпущенъ.

Прошло двадцать-три года съ тѣхъ поръ, какъ Василія привезли въ Варшаву. Тогда Московское Государство заключило съ Польшею уже не перемиріе на извѣстный срокъ, какъ бывало столько разъ до этого времени, а такъ-называемый вѣчный миръ. Тогда царь Михаилъ Ѳедоровичъ попросилъ у польскаго короля Владислава прислать въ Москву гробъ плѣннаго царя и его родныхъ. Сначала паны Рѣчи Посполитой воспротивились-было этому, потому что считали для Польши славою то обстоятельство, что тѣло плѣннаго московскаго царя лежитъ въ ихъ землѣ, но согла-

сились, когда московскіе послы одарили ихъ соболями. Отрывши могилу, нашли каменную палатку, въ которой гробъ Василія стоялъ одиноко, а гробъ Димитрія былъ поставленъ на гробъ его жены. Король Владиславъ приказалъ покрыть новые гробы, въ которые поставлены были старые, атласомъ, бархатомъ и камкою. Гробы привезли въ Москву. Московскіе дѣти боярскіе и дворяне несли гробъ бывшаго царя Василія на плечахъ отъ Дорогомилова до Кремля, при многочисленномъ стеченіи народа. Самъ царь встрѣтилъ его у собора Успенскаго, со всѣми боярами и ближними людьми, одѣтыми въ смирное (траурное) платье. Тѣло несчастнаго царя Василія погребено 11 іюня, 1635 года, въ Архангельскомъ соборѣ, въ ряду другихъ потомковъ св. Владимира, правившихъ Москвою.

XXVII.

КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ.

Личность эта быстро промелькнула въ нашей исторіи, но съ блескомъ и славою, оставила по себѣ поэтическія, печальныя воспоминанія. Характеръ этого человѣка, къ большому сожалѣнію, по скудости источниковъ, остается недостаточно яснымъ; несомнѣнно только то, что это былъ человѣкъ необыкновенныхъ способностей.

Въ старинныхъ родовыхъ обычаяхъ нерѣдко случалось, что кто-нибудь изъ членовъ рода получитъ прозвище, которое остается за его прямыми потомками и, такимъ способомъ, образуется двойная фамилія, состоящая изъ этого прозвища и родового древняго наименованія. Такъ, въ потомствѣ суздальскихъ князей, получившихъ наименованіе Шуйскихъ, былъ князь, прозванный Скопа, давшій начало вѣтви Шуйскихъ, носившихъ названіе Скопиныхъ-Шуйскихъ: эта вѣтвь окончилась правнукомъ Скопы, Михаиломъ Васильевичемъ. Во время царствованія названаго Димитрія, Михаилъ Васильевичъ имѣлъ не болѣе двадцати лѣтъ отъ роду, но Димитрій отличилъ его и приблизилъ къ себѣ. Онъ далъ ему санъ своего царскаго мечника и возложилъ на него важное порученіе—привезти въ Москву царицу Марѳу. Въ какихъ отношеніяхъ былъ Михаилъ къ заговору Шуйскаго—мы вполнѣ не знаемъ, хотя есть извѣстіе, что Димитрій, во время нападенія заговорщиковъ, не нашелъ своего меча, который хранился у князя Михаила, какъ царскаго мечника. Когда Болотниковъ стоялъ подъ Москвою и 26 ноября собирался брать приступомъ столицу, царь Василій повѣрилъ Скопину охраненіе Серпуховскихъ воротъ. Михаилъ исполнилъ превосходно свое порученіе и не только отбилъ мятежниковъ, но 2 декабря ударилъ на Ко-

ломенское село и заставилъ Болотникова бѣжать отъ столицы. Несмотря на то, что князь Скопинъ заявилъ уже свои способности, Шуйскій не далъ ему главнаго начальства надъ войскомъ противъ Тушинскаго Вора, а поручилъ своему бездарному брату, Димитрію, который постыдно бѣжалъ и допустилъ Самозванца до Москвы. Видно было, что подозрительный царь не довѣрялъ князю Михаилу Васильевичу и выдвинулъ его на дѣло только тогда, когда большая часть государства отпала отъ московскаго царя, и самъ Василій, со дня на день, дожидался гибели. Въ это время Скопинъ отправился въ Новгородъ для заключенія союза съ шведами.

Еще въ февралѣ 1607 года, шведы черезъ корельскаго воеводу предлагали Василію свою помощь; но Василій, вѣрный прадѣдовскому обычаю скрывать передъ чужими свои затруднительныя обстоятельства и представлять свое положеніе въ самомъ лучшемъ видѣ, приказалъ выразить шведамъ негодованіе за такое предложеніе. Шведскій король сдѣлалъ вторично подобное же предложеніе, когда Василій стоялъ подъ Тулою. Василій отвѣчалъ, что онъ помощи ни отъ кого не требуетъ и у него есть несчетныя рати. Тогда только, когда Самозванецъ уже угрожалъ столицѣ, Василій долженъ былъ укротить свою гордость и ухватиться за средство, которое ему предлагали прежде. Онъ поручилъ это важное дѣло Скопину.

Прибывши въ Новгородъ, Скопинъ отправилъ въ Швецію своего шурина, Семена Васильевича Головина, а самъ оставался въ Новгородѣ; но тутъ онъ увидѣлъ, что новгородцы волнуются и въ большинствѣ готовы провозгласить Димитрія. Уже Псковъ и другіе сосѣдніе города отпали отъ Шуйскаго. Войска у Скопина было немного. Онъ вышелъ изъ города, но кругомъ его все было враждебно; пограничные города: Иванъ-Городъ и Орѣшекъ, были уже за Димитрія. Скопинъ хотѣлъ уйти въ Швецію, какъ при устьѣ Невы явились къ нему новгородскіе старосты и просили воротиться въ Новгородъ, обѣщая вѣрность Василію. Такую перемѣну настроенія въ Новгородѣ произвели убѣжденія тамошняго митрополита Исидора. Но когда Скопинъ возвратился въ Новгородъ, то услышалъ неожиданную вѣсть, что изъ Тушина идетъ на Новгородъ полковникъ Кернозицкій съ толпою поляковъ и русскихъ воровъ. Новгородскій воевода Михайло Игнатьевичъ Татищевъ вызвался идти противъ Кернозицкаго. Татищева не любили въ Новгородѣ; его недоброжелатели пришли къ Скопину и сказали: „Татищевъ затѣмъ идетъ на Литву, чтобы измѣнить Василію и сдать Новгородъ!“

Скопинъ, вмѣсто того, чтобы защищать Татищева или разбирать справедливость доноса, собралъ ратныхъ новгородскихъ людей и сказалъ: „вотъ что̀ мнѣ говорятъ противъ Михаила Татищева; разсудите сами!“ Враги Татищева подняли крикъ и такъ вооружили всѣхъ, что толпа бросилась на него и растерзала. Скопинъ похоронилъ тѣло Татищева, а имущество велѣлъ продать съ публичнаго торга, какъ поступали встарину въ Новгородѣ послѣ народнаго суда. Самъ Скопинъ взялъ себѣ нѣсколько вещей. Это дѣло остается темнымъ, какъ по отношенію къ личности Татищева, такъ и самого Скопина. Страннымъ должно показаться, чтобы въ самомъ дѣлѣ могъ покуситься пристать къ Самозванцу Татищевъ, одинъ изъ главныхъ виновниковъ убійства названаго Димитрія, фанатическій приверженецъ русскихъ обычаевъ; но тогда всѣхъ подозрѣвали и рѣдкій могъ за себя поручиться. Кернозицкій подступилъ къ Хутынскому монастырю; многіе изъ служилыхъ новгородскихъ людей послѣ смерти Татищева перебѣжали къ непріятелю, а противъ Кернозицкаго вышли собравшіеся крестьяне; нѣкоторые изъ нихъ попались въ плѣнъ и подъ пытками наговорили, что въ Новгородъ идетъ большое войско. Кернозицкій испугался и отступилъ въ Старую-Русу.

Между тѣмъ, Головинъ заключилъ договоръ, по которому Швеція обязывалась доставить Московскому Государству на первый разъ пять тысячъ войска, за плату 32,000 рублей, да, кромѣ того, Московское Государство должно было дать Швеціи 5,000 рублей не въ зачетъ. Сверхъ того, шведы обѣщали прибавить еще вспомогательнаго войска безденежно, съ условіемъ, чтобы и московскій государь отпускалъ безденежно свое войско въ Швецію въ случаѣ нужды. За это Московское Государство уступало Швеціи Корелу со всѣмъ ея уѣздомъ. По силѣ этого договора, весною 1609 года, прибыло въ Новгородъ 5,000 шведовъ, а за ними должно было придти еще 10,000 разноплеменныхъ охочихъ людей, но число пришедшихъ, на самомъ дѣлѣ, оказалось неполнымъ. Шведскимъ войскомъ начальствовалъ Яковъ Понтусъ Делагарди, сынъ французскаго выходца-реформата. Скопинъ встрѣтилъ его въ Новгородѣ 30 марта съ пушечными и ружейными выстрѣлами. Оба предводителя были молоды: Делагарди было 27 лѣтъ, Скопину всего 23 года. Народъ любовался ими. Иноземцы, описывая русскаго вождя, говорятъ, что онъ, при своей молодости, былъ необыкновенно красивъ, статенъ, привѣтливъ и привлекалъ всѣхъ своимъ умомъ и тою силою души, которая выказывалась во всѣхъ его пріемахъ. По московскому

обычаю, Скопинъ, благодаря шведскаго короля за помощь, старался, однако, скрыть передъ Делагарди крайнее положеніе отечества. „Нашъ великій государь—говорилъ онъ—находится въ благополучіи и всѣ подданные ему прямятъ; есть какихъ-нибудь тысячъ восемь русскихъ бездѣльниковъ, которые пристали къ полякамъ и казакамъ“. Скопинъ выдалъ шведскому предводителю деньги, слѣдуемыя шведамъ не въ зачетъ, а изъ суммы, назначенной на жалованье войску, могъ дать только три тысячи, да и то собольими мѣхами; звонкой монеты не хватило. Онъ успокоивалъ союзниковъ обѣщаніями, между тѣмъ разсылалъ грамоты въ сѣверо-восточные города, менѣе другихъ разоренные, умолялъ скорѣе собирать и присылать деньги и вмѣстѣ съ тѣмъ приглашалъ отправлять къ нему ратныхъ людей. Планъ его былъ таковъ, чтобы идти прямо къ Москвѣ, не останавливаясь подъ городами, потому что всѣ города, по его разсчету, должны будутъ изъявить покорность, когда Москва освободится.

Первое дѣло соединеннаго русско-шведскаго войска было подъ селомъ Каменкою, 5 мая. Кернозицкій былъ разбитъ наголову отрядомъ, которымъ начальствовали Горнъ и Чулковъ. Побѣдители взяли у него пушки, порохъ, лошадей, набрали множество плѣнниковъ и въ томъ числѣ толпу женщинъ. Скопинъ, послѣ этой побѣды, отправилъ отряды по сосѣднимъ городамъ. Вѣсть о побѣдѣ надъ Кернозицкимъ произвела такое впечатлѣніе, что города: Торопецъ, Невель, Холмъ, Великія-Луки, Ржева, отступили отъ Самозванца. Порховъ избавился отъ осаждавшихъ его воровъ. Псковъ держался Димитрія, потому что въ этомъ городѣ захватили власть черные люди, вопреки желанію лучшихъ людей, расположенныхъ отступиться отъ вора. Затѣмъ Торжокъ, а за нимъ другіе сосѣдніе города прислали къ Скопину повинную и признали царя Василія. Скопинъ и Делагарди выступили изъ Новгорода и шли отдѣльно; къ досадѣ Скопина, Делагарди шелъ медленнѣе, чѣмъ хотѣлось русскому вождю. Быть можетъ, шведскій предводитель разсчитывалъ, что русскіе не въ состояніи будутъ уплатить жалованья, котораго сумма возвысится отъ долгаго времени службы шведовъ въ Московскомъ Государствѣ, и тогда будетъ предлогъ захватить сѣверныя области, какъ сдѣлалось впослѣдствіи.

Воръ отправилъ противъ нихъ Зборовскаго съ поляками и князя Шаховскаго съ русскими людьми. Воровское войско истребило городъ Старицу, не взяло Торжка, отступило и заперлось въ Твери. Скопинъ и Делагарди, соединившись, напали на Тверь; сначала они были отбиты, но потомъ, 13 іюля, возобновили на-

паденіе, выгнали непріятеля изъ Твери, погнались за нимъ и разбили на-голову.

Скопинъ, послѣ этой побѣды, торопился идти къ Москвѣ, но иноземное войско взбунтовалось, требовало уплаты жалованья и не хотѣло идти далѣе. Делагарди долженъ былъ уступить, самъ остался подъ Тверью и, съ своей стороны, сталъ требовать уплаты жалованья и отдачи Корелы по условію. Заплатить было нечѣмъ. Делагарди воротился къ Торжку, и его наемные воины стали обращаться съ русскими поселянами не лучше поляковъ.

Въ этомъ затруднительномъ положеніи Скопинъ не упалъ духомъ. Онъ пригласилъ, по особому договору, отрядъ шведскаго войска подъ начальствомъ Христіерна Зоме и сталъ подъ Колязинымъ. Отсюда онъ безпрестанно разсылалъ гонцовъ по городамъ и просилъ присылки денегъ и ратныхъ людей. Монастыри: Соловецкій, Печенскій, Устюжскій, Спасо-Прилуцкій снабдили его деньгами. Пермская земля приводила его въ досаду своею медлительностью; за то усердными показали себя вологжане и сольвычегодцы, особенно Строгоновы, которые, кромѣ присылки денегъ, снаряжали и отправляли на свой счетъ къ Скопину много ратныхъ людей. Прибывавшіе въ Колязинъ ратные люди были хорошо вооружены, но не знали военнаго дѣла, и Христіернъ Зоме занимался ихъ обученіемъ. Въ половинѣ августа, тушинцы, осаждавшіе Троицу подъ начальствомъ Сапѣги и Зборовскаго, пошли на Скопина, но Скопинъ предупредилъ ихъ и на рѣкѣ Жабнѣ, впадающей въ Волгу, поразилъ и обратилъ въ бѣгство. Получивши деньги, Скопинъ выплатилъ еще часть жалованья шведскому войску, отправилъ, отъ имени царя, Ѳедора Чулкова сдать шведамъ Корелу и тѣмъ побудилъ Делагарди прибыть къ нему съ войскомъ 26 сентября. Союзники очистили отъ воровъ Переяславль и въ октябрѣ взяли Александровскую слободу. Тогда не только Сапѣга и Зборовскій, но и самъ главный военачальникъ Тушинскаго Вора Рожинскій двинулся на Скопина; послѣ кровопролитнаго боя подъ Александровской слободой, они воротились назадъ съ большой потерею. Скопинъ и Делагарди составили планъ строить засѣки одну за другою и такимъ способомъ приближаться къ Москвѣ. Самъ Скопинъ порывался къ столицѣ, но Делагарди удерживалъ его, представляя, что не слѣдуетъ оставлять въ тылу непріятеля, а нужно очистить сосѣднюю страну отъ воровъ. Такимъ образомъ, Скопинъ простоялъ всю зиму въ Александровской слободѣ.

Слава его распространилась повсюду. Царя Василія не терпѣли, и русскіе стали поговаривать, что слѣдуетъ его низложить,

а царемъ сдѣлать Михаила Васильевича. Прокопій Ляпуновъ прислалъ къ Скопину посольство отъ всей Рязанской земли и извѣщалъ, что вся Русская земля хочетъ его избрать въ цари, признавая, что кромѣ Михаила Васильевича никто не достоинъ сидѣть на престолѣ. Скопинъ не вошелъ по этому поводу ни въ какія объясненія, удалилъ отъ себя посольство, но никого не казнилъ, не разбиралъ дѣла и не извѣстилъ объ этомъ царя Василія.

Между тѣмъ, тушинскій лагерь разошелся. Москва освободилась отъ осады. Отовсюду повезли припасы къ столицѣ. Скопинъ съ Делагарди отправились въ Москву и въѣхали въ нее 12 марта 1610 года. Толпа московскаго народа обоего пола встрѣчала его за городомъ. Бояре подносили ему хлѣбъ-соль. Скопинъ ѣхалъ верхомъ рядомъ съ Делагарди. Народъ падалъ передъ нимъ ницъ, называлъ освободителемъ и спасителемъ Земли. Самъ царь Василій всенародно со слезами обнималъ и цѣловалъ его. Начались пиры за пирами. Москвичи, наперерывъ одинъ за другимъ, приглашали шведовъ въ свои дома и угощали ихъ. Скопинъ хотѣлъ отдохнуть въ Москвѣ до просухи, а потомъ идти на Сигизмунда. Но Василій уже ненавидѣлъ Михаила Васильевича. Торжественная встрѣча, безпрестанные знаки народнаго расположенія, сопровождавшіе каждое появленіе Скопина среди народа, внушали ему страхъ. Русскіе люди открыто говорили, что надобно низложить Василія и избрать царемъ Скопина. Василій рѣшился прямо объясниться съ послѣднимъ и изъявить ему свои опасенія. Князь Михаилъ Васильевичъ увѣрялъ, что не помышляетъ о коронѣ, но Василія этимъ нельзя было увѣрить: Василій самъ помнилъ, какъ онъ, въ былыя времена, клялся въ своей вѣрности Борису и Димитрію. Къ большему страху Василія, какіе-то гадатели напророчили ему, что послѣ него сядетъ на престолъ царь Михаилъ; и Василій воображалъ, что этотъ Михаилъ есть Скопинъ Но всего болѣе ненавидѣлъ Скопина неспособный братъ царя, Димитрій Шуйскій. Зависть точила его. Въ то время, когда всѣ московскіе люди расточали восторженныя похвалы князю Михаилу Васильевичу, Димитрій Шуйскій подалъ на него царю обвиненіе, что онъ самовольно отдалъ шведамъ Корелу съ областью. Царь Василій умѣлъ лучше сдерживать себя, чѣмъ братъ, и не только оправдалъ Скопина, но замахнулся палкою на брата. Тѣмъ не менѣе вездѣ говорили, что царь готовитъ Михаилу Васильевичу тайную гибель; и самъ Делагарди совѣтовалъ ему поскорѣе выбраться изъ Москвы, въ поле, чтобы избѣжать худа.

23 апрѣля, князь Иванъ Воротынскій, свякъ царя Василія, пригласилъ Скопина крестить своего младенца. На пиру, Михаилу Васильевичу сдѣлалось дурно. Его отвезли домой. Делагарди прислалъ къ нему медика: ничто не помогло. Михаилъ Васильевичъ скончался на рукахъ своей матери и жены [1]). Когда тѣло его лежало готовое къ погребенію, пріѣхалъ Делагарди; москвичи не хотѣли-было допустить къ мертвецу неправославнаго, но Делагарди сказалъ, что покойный былъ его другъ и товарищъ, и былъ пропущенъ. Онъ взглянулъ на мертваго, прослезился и сказалъ:

„Московскіе люди, не только въ вашей Руси, но и въ земляхъ государя моего, не видать уже мнѣ такого человѣка!"

Всеобщая молва приписывала смерть Скопина отравѣ, которую будто-бы поднесла ему на пиру, „въ чашѣ на перепиваніи", жена Димитрія Шуйскаго, Екатерина, дочь Малюты Скуратова, „кума крестная, змѣя подколодная", какъ выражается народная пѣсня. Народъ до того взволновался, что чуть не разорилъ двора Димитрія Шуйскаго. Царь Василій военною силою охранилъ его отъ ярости толпы. Современные иностранцы положительно утверждаютъ, что Скопинъ былъ отравленъ по приказанію царя Василія [2]).

Гробъ Михаила Васильевича несли товарищи его подвиговъ. За ними слѣдовали вдовы, сестры и матери убитыхъ въ бою. Они поддерживали мать и вдову Скопина, которыя почти лишились памяти и чувства отъ горя. Былъ тутъ и царь Василій, разливался въ слезахъ и вопилъ. Ему не вѣрили. Не удалось Скопину сѣсть на московскомъ престолѣ, на которомъ его такъ хотѣлъ видѣть народъ русскій. За то гробъ его опустили въ землю въ Архангельскомъ соборѣ, посреди царей и великихъ князей Московскаго Государства.

---

[1]) Жена Скопина была Анастасья Васильевна, урожденная Головина.

[2]) „Procul dubio jussu Suischii" (безъ всякаго сомнѣнія по приказанію Шуйскаго), говоритъ шведскій историкъ Видекиндъ. Въ нѣмецкой хроникѣ Буссова говорится: Suiski demselben ein Gift beybringen und damit ertödten liess. Изъ русскихъ источниковъ Псковская лѣтопись положительно приписываетъ смерть Скопина царю Василію. Другіе лѣтописцы, сообщая объ этомъ, какъ о слухѣ, прибавляютъ: а подлинно то единому Богу извѣстно.

XXVIII.

ПАТРІАРХЪ ГЕРМОГЕНЪ И ПРОКОПІЙ ЛЯПУНОВЪ.

Эти двѣ личности, совершенно съ различнымъ призваніемъ, во многомъ одна другой противоположныя, были, такъ-сказать, сведены судьбою для взаимнодѣйствія въ самую бѣдственную и знаменитую эпоху русской исторіи, и потому вполнѣ умѣстно, для связи событій, изложить ихъ жизнеописанія вмѣстѣ.

Ранняя жизнь патріарха Гермогена неизвѣстна, какъ равно его происхожденіе и мѣсто рожденія. Поляки впослѣдствіи говорили, что онъ нѣкогда служилъ въ донскихъ казакахъ, а потомъ былъ попомъ въ Казани; они ссылались на дѣла казанскаго дворца, гдѣ будто бы находились обвиненія на Гермогена въ предосудительныхъ поступкахъ, совершенныхъ имъ въ то время. Это извѣстіе не можетъ быть принято за достовѣрное. Историческая дѣятельность Гермогена начинается съ 1589 г., когда, при учрежденіи патріаршества, онъ былъ поставленъ казанскимъ митрополитомъ. Находясь въ этомъ санѣ, Гермогенъ заявилъ себя ревностію къ православію. Въ Казанской землѣ были крещеные инородцы, только по имени считавшіеся христіанами; чуждые русскимъ, они водились съ своими одноплеменниками татарами, чувашами, черемисами, жили по-язычески, не приглашали священниковъ въ случаѣ рожденія младенцевъ, не обращались къ духовенству при погребеніяхъ, а ихъ новобрачные, обвѣнчиваясь въ церкви, совершали еще другой брачный обрядъ по своему. Другіе жили въ незаконномъ супружествѣ съ нѣмецкими плѣнницами, которыя для Гермогена казались ничѣмъ не отличавшимися отъ некрещеныхъ. Гермогенъ собиралъ и призывалъ такихъ плохихъ православныхъ къ себѣ для поученія, но поученія его не дѣйствовали, и митрополитъ въ 1593 г. обратился къ пра-

вительству съ просьбою припять съ своей стороны понудительныя мѣры. Вмѣстѣ съ тѣмъ, его возмущало еще и то, что въ Казани стали строить татарскія мечети, тогда какъ въ продолженіе сорока лѣтъ, послѣ завоеванія Казани, тамъ не было ни одной мечети. Послѣдствіемъ жалобъ Гермогена было приказаніе собрать со всего Казанскаго уѣзда новокрещеныхъ, населить ими слободу, устроить церковь, поставить надъ слободою начальникомъ надежнаго боярскаго сына, и смотрѣть на-крѣпко, чтобы новокрещеные соблюдали православные обряды, держали посты, крестили своихъ плѣнницъ нѣмецкихъ и слушали бы отъ митрополита поученія, а непокорныхъ слѣдовало сажать въ тюрьму, держать въ цѣпяхъ и бить. Суровый и дѣятельный характеръ Гермогена проявляется уже въ этомъ дѣлѣ.

Съ восшествіемъ на престолъ названаго Димитрія, былъ устроенъ сенатъ, гдѣ надлежало засѣдать и знатному духовенству; Гермогенъ былъ членомъ этого сената и потому былъ приглашенъ въ Москву. По случаю бракосочетанія царя съ Мариною, Гермогенъ рѣзко началъ требовать крещенія католички, и за это былъ удаленъ въ свою епархію. Ставши царемъ, Василій Шуйскій приказалъ возвести его на патріаршество, но скоро не поладилъ съ нимъ. Гермогенъ былъ человѣкъ чрезвычайно упрямый, жесткій, грубый, неуживчивый, притомъ слушалъ наушниковъ и довѣрялъ имъ. Подчиненные его не любили: онъ былъ человѣкъ черезъ-чуръ строгій. Но при всемъ томъ, это былъ человѣкъ прямой, честный, непоколебимый, свято служившій своимъ убѣжденіямъ, а не личнымъ видамъ. Находясь постоянно въ столкновеніяхъ съ царемъ, онъ, однако, не только не подавалъ руки его многочисленнымъ врагамъ, но всегда защищалъ Василія. Строгій приверженецъ формы и обряда, Гермогенъ уважалъ въ немъ лицо, которое, какими бы путями ни достигло престола, но уже было освящено царскимъ вѣнцомъ и помазаніемъ. Онъ выходилъ на площадь усмирять толпу, вооружавшуюся противъ Шуйскаго, заступался за него во время низложенія, проклиналъ Захара Ляпунова съ братіею, не признавалъ насильственнаго пострижения царя, наконецъ, и тогда, когда уже Шуйскій былъ въ Чудовомъ монастырѣ, совѣтовалъ возвести его снова на престолъ. Когда уже Жолкѣвскій стоялъ подъ Москвою и бояре по неволѣ предложили корону Владиславу, Гермогенъ настаивалъ, чтобъ Владиславъ крестился въ православную вѣру. Когда послѣ долгихъ толковъ объ этомъ, Жолкѣвскій далъ боярамъ замѣтить, что можетъ прибѣгнуть и къ силѣ, если мирнымъ путемъ ничего не добьется, бояре составили договоръ, стараясь, по возможности,

оградить православную вѣру и пошли просить благословенія патріарха. „Если,—сказалъ патріархъ,—вы не помышляете нарушить православную вѣру, да пребудетъ надъ вами благословеніе, а иначе: пусть на васъ ляжетъ проклятіе четырехъ патріарховъ и нашего смиренія; и пріимете вы месть отъ Бога, наравнѣ съ еретиками и богоотступниками!" Увидѣвши въ церкви съ боярами Михаила Молчанова, убійцу Борисова сына, недавно игравшаго роль Димитрія въ Самборѣ, Гермогенъ прогналъ его такими словами: „Прочь отсюда, окаянный еретикъ, ты недостоинъ входить въ церковь Божію!"

Посольство Филарета и Голицына отправилось отъ всей земли Русской въ Смоленскъ, съ просьбою о дарованіи въ цари русскіе Владислава на условіяхъ договора, заключеннаго съ Жолкѣвскимъ. Патріархъ, вѣрный своему желанію признать Владислава не иначе, какъ послѣ принятія имъ православной вѣры, написалъ Сигизмунду письмо, въ которомъ выражался такъ:

„Великій самодержавный король, даруй намъ сына своего, котораго возлюбилъ и избралъ Богъ въ цари, въ православную греческую вѣру, которую предрекли пророки, проповѣдали апостолы, утвердили св. отцы, соблюдали всѣ православные христіане, которая красуется, свѣтлѣетъ и сіяетъ, яко солнце. Даруй намъ царя, съ вѣрою принявшаго св. крещеніе во имя Отца и Сына и св. Духа, въ нашу православную греческую вѣру; ради любви Божіей, смилуйся, великій государь, не презри этого нашего прошенія, чтобы и вамъ Богу не погрубить и насъ, богомольцевъ, и неисчетный народъ нашъ не оскорбить".

Послы, отправленные подъ Смоленскъ къ королю, обязаны были всѣми силами добиваться, чтобы будущій царь принялъ православную вѣру. Когда, послѣ того, возникъ вопросъ о допущеніи польскаго войска въ Москву, Гермогенъ сильно этому противился, и возбуждалъ другихъ къ противодѣйствію такъ, что одинъ изъ бояръ сказалъ ему: „Твое дѣло, святѣйшій отче, смотрѣть за церковными дѣлами, а въ мірскія тебѣ не слѣдуетъ вмѣшиваться!"

Польское войско вошло въ столицу, несмотря на ропотъ, возбуждаемый Гермогеномъ. Жолкѣвскій, зная его крутой нравъ, не поѣхалъ къ нему сначала, но сталъ писать вѣжливыя и почтительныя письма, съ увѣреніями въ своемъ уваженіи къ православію, а наконецъ, посѣтилъ его и такъ ловко держалъ себя, что суровый патріархъ обращался съ нимъ дружелюбно, хотя все-таки неискренно: не было на свѣтѣ латинника, съ которымъ бы могъ сойтись строгій архипастырь.

Жолкѣвскій не долго пробылъ въ Москвѣ. Александръ Гонсѣвскій, заступившій его мѣсто, былъ самъ по себѣ человѣкъ, который могъ бы сойтись съ московскими людьми; онъ держалъ подчиненныхъ въ дисциплинѣ, говорилъ хорошо по-русски, былъ знакомъ съ русскимъ народомъ и Русскою землею, но, исполняя предписанія своего короля, началъ распоряжаться и судомъ, и казною. Сигизмундъ явно показывалъ видъ, что не хочетъ посадить на московскомъ престолѣ сына, а помышляетъ самъ царствовать въ Московскомъ Государствѣ, раздавалъ на Руси помѣстья, должности, возвысилъ торговаго человѣка Ѳедора Андронова,, за готовность служить его видамъ, и посадилъ его въ боярской думѣ. Въ то время, когда вся земля Московскаго Государства избирала въ государи сына польскаго короля, Сигизмундъ требовалъ сдачи Смоленска, русскаго города; польское войско метало въ этотъ городъ ядра, лилась русская кровь; король настаивалъ, чтобы послы, прибывшіе въ его станъ по дѣлу объ избраніи Владислава, понуждали Смоленскъ сдаться королю; а когда послы отговаривались неимѣніемъ уполномочія, и послали въ Москву спрашивать, то въ Москвѣ преданные Сигизмунду бояре, Салтыковъ и Ѳедоръ Андроновъ, нахально объявляли патріарху и боярамъ, что слѣдуетъ во всемъ положиться на королевскую волю.

Понятно, какъ всѣ эти обстоятельства возмущали патріарха. Въ одинаковой степени возмутился всѣмъ этимъ и Прокопій Петровичъ Ляпуновъ.

Фамилія Ляпуновыхъ происходила изъ дома св. Владимира; давно уже лишившись владѣтельныхъ правъ, „захудавши", какъ говорилось встарину, она потеряла и княжеское достоинство. Оставаясь только дворянами, Ляпуновы были, однако, богаты и вліятельны въ Рязанской землѣ. Два брата Ляпуновыхъ, Прокопій и Захаръ, по своему произволу, ворочали всѣми дѣлами этой земли. По смерти Грознаго, Ляпуновы вмѣстѣ съ Кикиными участвовали въ московскомъ мятежѣ, предпринятомъ съ цѣлью отстранить слабоумнаго Ѳедора и возвести Димитрія; за то они подверглись ссылкѣ. Впослѣдствіи прощенные, они ненавидѣли Бориса и въ 1603 году царь Борисъ приказалъ высѣчь кнутомъ Захара Ляпунова за то, что послѣдній посылалъ донскимъ казакамъ боевые запасы. Во время перехода войска на сторону названаго Димитрія подъ Кромами, Ляпуновы, какъ сказано выше, были изъ первыхъ, провозгласившихъ имя Димитрія, и увлекли за собою все рязанское ополченіе.

Въ описываемое нами время Прокопію Петровичу было лѣтъ

подъ пятьдесятъ; онъ былъ высокаго роста, крѣпко сложенъ, красивъ собою, чрезвычайно пылкаго, порывистаго нрава, а потому легко попадался въ обманъ, но вмѣстѣ былъ настойчивъ и дѣятеленъ. Онъ въ высокой степени обладалъ способностью увлекать за собою толпу и, подъ вліяніемъ страсти, не разбиралъ людей, стараясь только направить ихъ къ одной цѣли. Послѣ убійства названаго Димитрія, котораго онъ искренно считалъ настоящимъ, Ляпуновъ присталъ-было къ Болотникову, повѣривъ, что Димитрій живъ, но отсталъ тотчасъ же, какъ убѣдился въ обманѣ. Не терпя Шуйскаго, Ляпуновъ призналъ его царемъ ради спокойствія земли, служилъ ему, но видѣлъ его неспособность и, какъ только Скопинъ заявилъ себя своими подвигами, Ляпуновъ смѣло, не долго думая, послалъ князю Михаилу Васильевичу предложеніе принять корону. Скоропостижная смерть Скопина окончательно сдѣлала его врагомъ Шуйскаго. Сообразно своей увлекающейся натурѣ, онъ вполнѣ повѣрилъ молвѣ объ отравѣ. По его подущенію, Шуйскій былъ сведенъ съ престола. Избраніе Владислава казалось Прокопію Ляпунову самымъ лучшимъ средствомъ успокоить Русскую землю. Условія, на которыхъ избрали Владислава, были ему по-сердцу. Ляпуновъ уговаривалъ всѣхъ и каждаго соединиться подъ знамя Владислава для спасенія Русской земли. Но какъ только дошло до него извѣстіе о томъ, что̀ дѣлаетъ Сигизмундъ подъ Смоленскомъ, Ляпуновъ понялъ, что со стороны поляковъ одинъ только обманъ, что Сигизмундъ готовитъ Московскому Государству порабощеніе; Ляпуновъ написалъ въ Москву боярамъ укорительное письмо и требовалъ, чтобъ они объяснили, когда прибудетъ королевичъ и почему нарушается договоръ, постановленный Жолкѣвскимъ. Письмо это было отправлено боярами къ Сигизмунду, а Гонсѣвскій, зная, что Ляпуновымъ пренебрегать нельзя, обратился къ патріарху и требовалъ, чтобы Гермогенъ написалъ этому человѣку выговоръ. Но Гермогенъ понималъ, что̀ изъ этого выйдетъ, и отказалъ наотрѣзъ.

5 декабря, 1610 года, пришли къ Гермогену бояре. Во главѣ ихъ былъ Мстиславскій. Они составили грамоту къ своимъ посламъ подъ Смоленскъ въ такомъ смыслѣ, что слѣдуетъ во всемъ положиться на королевскую волю. Они подали патріарху эту грамоту подписать и, вмѣстѣ съ тѣмъ, просили его усмирить Ляпунова своею духовною властью. Патріархъ отвѣчалъ:

„Пусть король дастъ своего сына на Московское Государство и выведетъ своихъ людей изъ Москвы, а королевичъ пусть приметъ греческую вѣру. Если вы напишете такое письмо, то я къ

нему свою руку приложу. А чтобъ такъ писать, что намъ всѣмъ положиться на королевскую волю, то я этого никогда не сдѣлаю, и другимъ не приказываю такъ дѣлать. Если же меня не послушаете, то я наложу на васъ клятву. Явное дѣло, что, послѣ такого письма, намъ придется цѣловать крестъ польскому королю. Скажу вамъ прямо: буду писать по городамъ,—если королевичъ приметъ греческую вѣру и воцарится надъ нами, я имъ подамъ благословенiе; если же воцарится, да не будетъ съ нами единой вѣры, и людей королевскихъ изъ города не выведутъ, то я всѣхъ тѣхъ, которые ему крестъ цѣловали, благословлю идти на Москву и страдать до смерти".

Слово за слово, споръ между патрiархомъ и боярами дошелъ до того, что Михайло Салтыковъ замахнулся на Гермогена ножомъ.

„Я не боюсь твоего ножа—сказалъ Гермогенъ: —я вооружусь противъ ножа силою креста святого. Будь ты проклятъ отъ нашего смиренiя въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ!"

На другой же день патрiархъ приказалъ собраться народу въ соборной церкви и слушать его слово. Поляки испугались и окружили церковь войскомъ. Нѣкоторые изъ русскихъ успѣли, однако, заранѣе войти въ церковь и слышали проповѣдь своего архипастыря. Гермогенъ уговаривалъ ихъ стоять за православную вѣру и сообщать о своей рѣшимости въ города. Послѣ такой проповѣди, приставили къ патрiарху стражу.

Ляпуновъ узналъ обо всемъ и, не думая долго, написалъ боярамъ письмо такого содержанiя: король не держитъ крестнаго цѣлованiя; такъ знайте же, я сослался уже съ сѣверскими и украинскими городами; цѣлуемъ крестъ на томъ, чтобы со всею землею стоять за Московское Государство и биться на смерть съ поляками и литовцами.

Ляпуновъ разослалъ по разнымъ городамъ свое воззванiе и присовокупилъ къ нему списки съ двухъ грамотъ: съ присланной изъ-подъ Смоленска дворянами и дѣтьми боярскими, да съ грамоты, доставленной изъ Москвы.

Въ грамотѣ изъ-подъ Смоленска говорилось въ томъ смыслѣ:

„Мы пришли изъ разоренныхъ городовъ и уѣздовъ къ королю въ обозъ, подъ Смоленскъ, и живемъ тутъ другой годъ, чтобы выкупить изъ плѣна, изъ латинства, изъ горькой работы, бѣдныхъ своихъ матерей, женъ и дѣтей. Никто не жалѣетъ насъ. Иные изъ нашихъ ходили въ Литву за своими матерями, женами и дѣтьми и потеряли тамъ свои головы. Собранъ былъ Христовымъ именемъ окупъ — все разграбили... во всѣхъ горо-

дахъ и уѣздахъ, гдѣ завладѣли литовскіе люди, поругана православная вѣра, разорены Божіи церкви! Не думайте и не помышляйте, чтобъ королевичъ былъ царемъ въ Москвѣ. Всѣ люди въ Польшѣ и Литвѣ никакъ не допустятъ до того. У нихъ въ Литвѣ положено, чтобы лучшихъ людей отъ насъ вывести и овладѣть всею Московскою землею. Ради Бога, положите крѣпкій совѣтъ между собою. Пошлите списки съ нашей грамоты въ Нижній, въ Кострому, въ Вологду, въ Новгородъ, и свой совѣтъ отпишите, чтобы всѣмъ было вѣдомо, чтобы всею землею стать намъ за православную вѣру, покамѣстъ мы еще свободны, не въ рабствѣ и не разведены въ плѣнъ".

Въ московской грамотѣ указывалось первенство Москвы; она называлась корнемъ древа, припоминалась ея мѣстная святыня, образъ Богородицы, писанный евангелистомъ Лукою, мощи Петра, Алексія, Іоны и между прочимъ говорилось: „у насъ святой патріархъ Гермогенъ прямъ, яко самъ пастырь, душу свою за вѣру полагаетъ несомнѣнно, и ему всѣ православные христіане послѣдуютъ, только неявственно стоятъ".

„Встанемъ крѣпко,—писалъ Ляпуновъ,—пріимемъ оружіе Божіе и щитъ вѣры, подвигнемся всею землею къ царствующему граду Москвѣ и со всѣми православными христіанами Московскаго государства учинимъ совѣтъ: кому быть на Московскомъ государствѣ государемъ. Если сдержитъ слово король и дастъ сына своего на Московское государство, крестивши его по греческому закону, выведетъ литовскихъ людей изъ земли и самъ отъ Смоленска отступитъ, то мы ему государю, Владиславу Жигимонтовичу, цѣлуемъ крестъ и будемъ ему холопами, а не захочетъ, то намъ всѣмъ за вѣру православную и за всѣ страны россійскія земли стоять и биться. У насъ одна дума: или вѣру православную нашу очистить, или всѣмъ до одного помереть".

Въ городахъ уже кипѣло негодованіе противъ поляковъ. Въ каждомъ городѣ читались въ соборной церкви грамоты, присланныя Ляпуновымъ, списывались съ нихъ списки и отправлялись съ гонцами въ другіе города; каждый городъ передавалъ другому городу приглашеніе собраться со всѣмъ своимъ уѣздомъ и идти на выручку Русской земли. Изъ каждаго города бѣгали посыльщики по своему уѣзду, созывали помѣщиковъ, собирали даточныхъ людей съ монастырскихъ и церковныхъ имѣній. Вездѣ, по прибытіи такихъ посыльщиковъ, собирались сходки, постановлялись приговоры, люди вооружались, чѣмъ могли, спѣшили въ свой городъ, кто верхомъ, кто пѣшкомъ, везли въ городъ порохъ, свинецъ, сухари, всякіе запасы. Въ городѣ звономъ коло-

кола собирали сходку людей своего уѣзда. Тутъ постановлялся приговоръ, произносилось крестное цѣлованіе. Русскіе люди обѣщались дружно и крѣпко стоять за православную вѣру и за Московское Государство, не цѣловать креста польскому королю, не сноситься ни съ нимъ, ни съ поляками, ни съ Литвою, ни съ русскими сторонниками короля, а идти ополченіемъ вмѣстѣ съ другими своими соотечественниками выручать Москву, и во время похода не дѣлать смутъ, пребывать въ согласіи, не грабить, не дѣлать дурного русскимъ людямъ и единодушно заступаться за тѣхъ русскихъ, которыхъ пошлютъ въ заточеніе или предадутъ наказанію московскіе бояре. Такимъ способомъ, возстаніе быстро охватило Нижній-Новгородъ, Ярославль, Владиміръ, Суздаль, Муромъ, Кострому, Вологду, Устюгъ, Новгородъ со всѣми новгородскими городами; вездѣ собирались ополченія и, по приказанію Ляпунова, стягивались къ Москвѣ. Съ другой стороны, съ Ляпуновымъ вошли въ соглашеніе сторонники убитаго Тушинскаго Вора и даже самъ Янъ Сапѣга нѣсколько времени манилъ Ляпунова готовностью сражаться за русское дѣло. Всѣ украинные города пристали къ Ляпунову. Въ своемъ увлеченіи Ляпуновъ вездѣ только преслѣдовалъ одну свою высокую цѣль, спасеніе погибающаго отечества, и простодушно братался съ такими людьми, какъ Заруцкій и Сапѣга, для будущей гибели своей и своего дѣла.

Въ началѣ марта, Ляпуновъ уже шелъ къ Москвѣ, соединяясь по дорогѣ съ разными ополченіями городовъ.

Въ Москвѣ давно уже происходила тревога. Смѣльчаки позволяли себѣ надъ поляками оскорбительныя выходки, ругались надъ ними, давали разныя бранныя клички. Гонсѣвскій сдерживалъ своихъ людей и старался не допустить до кровопролитія. Приближалась страстная недѣля. Поляки черезъ своихъ лазутчиковъ узнали, что силы возставшаго народа приближаются къ Москвѣ. Салтыковъ, по приказанію Гонсѣвскаго, явился вмѣстѣ съ боярами къ Гермогену и сказалъ:

„Ты писалъ по городамъ; видишь, идутъ на Москву. Отпиши же имъ, чтобы не ходили“.

Патріархъ отвѣчалъ:

„Если вы, измѣнники, и съ вами всѣ королевскіе люди выйдете изъ Москвы вонъ, тогда отпишу, чтобы они воротились назадъ. А не выйдете, такъ я, смиренный, отпишу имъ, чтобъ они совершили начатое непремѣнно. Истинная вѣра попирается отъ еретиковъ и отъ васъ, измѣнниковъ; Москвѣ приходитъ разореніе, святымъ Божіимъ церквамъ запустѣніе; костёлъ ла-

тины устроили на дворѣ Бориса. Не могу слышать латинскаго пѣнія!“

Наступилъ вторникъ страстной недѣли. Уже русскія ополченія съ разныхъ сторонъ подходили къ Москвѣ. Въ Москвѣ русскіе показывали видъ, будто ничего не ждутъ и все обстоитъ обычнымъ порядкомъ. Московскіе торговцы отворили свои лавки. Народъ сходился на рынкахъ. Одно только было необычно: на улицахъ съѣхалось очень много извозчиковъ. Поляки смекнули, что это дѣлается для того, чтобы загородить улицы и не дать полякамъ развернуться, когда придетъ русское ополченіе. Поляки стали принуждать собравшихся извозчиковъ втаскивать пушки на стѣны Кремля и Китай-города.

Извозчики отказались. Поляки давали имъ денегъ—извозчики не брали денегъ. Тогда поляки начали бить извозчиковъ; извозчики стали давать сдачи; за тѣхъ и за другихъ заступились свои. Поляки обнажили сабли и начали рубить и стараго, и малаго.

Народъ бѣжалъ въ Бѣлый-городъ; поляки бросились за нимъ; но въ Бѣломъ-городѣ всѣ улицы были загромождены извозчичьими санями, столами, скамьями, бревнами, кострами дровъ; русскіе изъ-за нихъ, съ кровель, заборовъ, изъ оконъ, стрѣляли въ поляковъ, били ихъ каменьями и дубьемъ. По всѣмъ московскимъ церквамъ раздавался набатный звонъ, призывавшій русскихъ къ возстанію. Вся Москва поднялась, какъ одинъ человѣкъ, а между тѣмъ ополченія Русской земли входили въ городъ съ разныхъ сторонъ.

Поляки увидѣли, что съ ихъ силами невозможно устоять, прибѣгнули къ послѣднему средству и зажгли Бѣлый-городъ въ разныхъ мѣстахъ, потомъ зажгли также и Замоскворѣчье, а сами заперлись въ Китай-городѣ и Кремлѣ. Съ ними были бояре: князь Мстиславскій, князь Куракинъ, князь Борисъ Мстиславовичъ Лыковъ, Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ, Иванъ Никитичъ Романовъ, Салтыковъ и другіе, многія боярыни, дворяне съ женами и пр. Большая часть должна была сидѣть тамъ по-неволѣ. Русскія войска никакъ не могли прорваться сквозь пылающую столицу.

Въ продолженіе трехъ дней большая часть Москвы сгорѣла. Торчали только стѣны Бѣлаго-города съ башнями, множество почернѣвшихъ отъ дыма церквей, печи уничтоженныхъ домовъ и каменныя подклѣти. Поляки успѣли нахватать кое-чего въ церквахъ и богатыхъ домахъ, и многіе такъ обогатились, что иной, войдя въ Бѣлый-городъ въ изодранномъ кунтушѣ, воро-

тился въ Китай-городъ въ золотѣ, а жемчугу набрали они такое множество, что заряжали имъ ружья и стрѣляли въ москвичей. Затворившись въ Китай-городѣ, польскіе воины съ досады перебили оставшихся тамъ русскихъ, пощадили только красивыхъ женщинъ и дѣтей и проигрывали ихъ другъ другу въ карты.

Съ тѣхъ поръ ополченіе стояло подъ Москвою и вело ожесточенную драку съ поляками. Рѣдкій день проходилъ безъ боя. Бояре и Гонсѣвскій принялись за патріарха.

„Если ты,—говорилъ ему Салтыковъ, —не напишешь Ляпунову и его товарищамъ, чтобъ они отошли прочь, то самъ умрешь злою смертью".

„Вы мнѣ обѣщаете злую смерть,—сказалъ Гермогенъ,—а я надѣюсь чрезъ нее получить вѣнецъ и давно желаю пострадать за правду. Не буду писать—я вамъ уже сказалъ, и болѣе отъ меня ни слова не услышите!"

Гермогена посадили въ Чудовъ монастырь, не позволяли ему переступать черезъ порогъ своей кельи, дурно содержали и неуважительно обращались съ нимъ.

Но русское ополченіе не могло достигнуть своей цѣли, потому что въ немъ начались раздоры. Неразборчивость Ляпунова въ наборѣ товарищей скоро возымѣла печальныя послѣдствія. Подмосковное войско составило приговоръ, по которому правителями не только войска, но и всей Русской земли временно назначили трехъ предводителей: Димитрія Трубецкаго, Прокопія Ляпунова и Заруцкаго. Первымъ считался Трубецкой, какъ болѣе знатный по рожденію, но всѣмъ распоряжался Ляпуновъ; онъ былъ нравомъ крутъ и настойчивъ, не разбиралъ лицъ родовитыхъ и неродовитыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ. Когда къ нему разныя лица обращались за дѣлами, онъ заставлялъ ихъ дожидаться очереди, стоя у его избы, а самъ занимался дѣлами и никакому знатному лицу не оказывалъ настолько предпочтенія, чтобы выслушать его не въ очередь. Онъ строго преслѣдовалъ неповиновеніе, своевольство и всякое безчинство, а иной разъ, не сдерживая своего горячаго нрава, попрекалъ тѣхъ, которые служили въ Тушинѣ и Калугѣ вѣдомому вору; но болѣе всего вооружилъ онъ противъ себя казаковъ и ихъ предводителя Заруцкаго. Ляпуновъ не позволялъ имъ своевольничать и за всякое безчинство казнилъ жестоко. Раздоръ усиливался черезъ раздачу помѣстій; одни получали право помѣстій отъ Ляпунова, другіе отъ Заруцкаго, и такъ какъ Заруцкій раздавалъ помѣстья тѣмъ, которые были въ шайкѣ вора, то Ляпуновъ отнималъ эти

помѣстья и отдавалъ тѣмъ, которые не служили въ Тушинѣ и Калугѣ.

Однажды за казнь двадцати-восьми казаковъ, утопленныхъ за своевольства, все казацкое полчище поднялось противъ Ляпунова и онъ долженъ былъ уйти изъ стана, но земскіе люди воротили его. Объ этомъ происшествіи узналъ Гонсѣвскій и отправилъ съ однимъ плѣннымъ казакомъ письмо, подписанное подъ руку Ляпунова, гдѣ говорилось, что казаки—враги и разорители Московскаго Государства и что казаковъ, куда только они придутъ, слѣдуетъ бить и топить. 25 іюля письмо это было прочтено въ казацкомъ кругѣ. Позвали Ляпунова.

Онъ отправился къ казакамъ оправдываться, заручившись обѣщаніемъ, что ему не сдѣлаютъ ничего дурного.

„Ты это писалъ?“ спросили его.

„Нѣтъ, не я,—отвѣчалъ Ляпуновъ,—„рука похожа на мою, но это враги сдѣлали; я не писалъ“.

Казаки, озлобленные уже прежде противъ него, не слушали оправданій и бросились на него съ саблями. Тутъ нѣкто Иванъ Ржевскій, прежде бывшій врагомъ Ляпунова, понялъ, что письмо фальшивое, заступился за Ляпунова, и кричалъ: „Прокопій не виноватъ!“ Но казаки изрубили и Ляпунова, и Ржевскаго,

Ни Трубецкаго, ни Заруцкаго не было въ этомъ собраніи.

Съ этого времени ополченіе, хотя находилось подъ Москвою, но состояло главнымъ образомъ изъ казаковъ. Заруцкій смѣло провозгласилъ тогда будущимъ царемъ сына Марины, но Гермогенъ, несмотря на свое заключеніе, успѣлъ переслать тайнымъ образомъ, черезъ двухъ безстрашныхъ людей, грамоту въ Нижній, въ которой увѣщевалъ, чтобы во всѣхъ городахъ отнюдь не признавали царемъ Маринкина сына: „проклятъ онъ отъ святаго собора и отъ насъ“, выражался патріархъ. Грамота эта, по его приказанію, была разсылаема по разнымъ городамъ и подготовляла русскій народъ къ новому возстанію.

Подъ Москвою, земскіе люди переносили отъ казаковъ оскорбленія всякаго рода и насилія и убѣгали изъ табора. Казаки расходились изъ-подъ Москвы по окрестностямъ и разоряли русскія земли. Повсюду шатались польскія шайки, жгли селенія, убивали и мучили жителей; въ особенности свирѣпствовали шайки Лисовскаго и Сапѣги. Послѣдняго уже въ то время не было въ живыхъ, но шайка, которою онъ предводительствовалъ, носила его имя. Зимою положеніе народа стало еще ужаснѣе. Лишившись жилищъ, многіе русскіе замерзали по полямъ и дорогамъ. Тѣ, которые были поудалѣе, образовали шайки удальцовъ, назы-

ваемыхъ „шишами“; они нападали на поляковъ нежданными налетами, вели съ ними партизанскую войну.

„Было тогда—говоритъ современное сказаніе — такое лютое время Божья гнѣва, что люди не чаяли себѣ спасенія; чуть не вся земля Русская опустѣла; и прозвали старики наши это лютое время—лихолѣтье, потому что тогда на Русской землѣ была такая бѣда, какой не бывало отъ начала міра“.

Въ довершеніе бѣдствій, сѣверныя области отпали отъ московской державы: шведскій полководецъ Делагарди, бывшій союзникъ русскихъ, 8 іюля 1611 года взялъ приступомъ Новгородъ, и новгородцы по-неволѣ избрали своимъ государемъ шведскаго королевича Карла-Филиппа, изъявляя надежду, что и прочія части Московскаго Государства выберутъ его себѣ въ цари. Делагарди заключилъ договоръ, которымъ Швеція обязалась не нарушать православнаго исповѣданія и сохранять всѣ права, законы и обычаи Новгородскаго государства.

Въ февралѣ окончилъ Гермогенъ свой подвигъ. Поляки, услышавши, что въ Нижнемъ собирается новое возстаніе по воззванію Минина, потребовали отъ патріарха, чтобъ онъ написалъ увѣщаніе нижегородцамъ и приказалъ имъ оставаться въ вѣрности Владиславу. Гермогенъ рѣзко и твердо отвѣчалъ: „да будетъ надъ ними милость отъ Бога и благословеніе отъ нашего смиренія! А на измѣнниковъ да изліется гнѣвъ Божій и да будутъ они прокляты въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ!“

За эти слова Гермогена заперли еще тѣснѣе, и 17 февраля онъ умеръ, какъ говорятъ современники, голодною смертью.

XXIX.

ТРОИЦКІЙ АРХИМАНДРИТЪ ДІОНИСІЙ И КЕЛАРЬ АВРАМІЙ ПАЛИЦЫНЪ.

Въ городѣ Ржевѣ жилъ нѣкто по имени Ѳедоръ съ женою Іуліаніею и сыномъ Давидомъ. Изъ Ржева онъ перешелъ въ Старицу, и былъ тамъ старостою въ Ямской слободѣ. Онъ отдалъ своего единственнаго сына учиться грамотѣ у монаховъ, какъ обыкновенно дѣлалось. Давидъ оказался очень способнымъ, любилъ чтеніе и былъ рукоположенъ въ священника одного изъ селъ старицкаго Богородицкаго монастыря. Черезъ шесть лѣтъ Давидъ лишился жены, оставившей ему двухъ сыновей, и, по обычаю того времени, постригся въ монахи въ томъ же Богородицкомъ монастырѣ, подъ именемъ Діонисія. Онъ былъ еще молодъ, чрезвычайно красивъ и статенъ, глаза его блистали постоянною веселостью, спокойствіемъ и добротою, русая окладистая борода его спускалась до пояса. Онъ обладалъ звучнымъ, прекраснымъ голосомъ, хорошо пѣлъ, съ чувствомъ читалъ на богослуженіи и увлекательно говорилъ. Разсказываютъ, что однажды онъ поѣхалъ изъ своего монастыря въ Москву и разсматривалъ книги въ книжномъ ряду. Кто-то сталъ подшучивать надъ нимъ, дѣлая намеки на то, что подобный монахъ-красавецъ едва-ли способенъ удержаться отъ соблазновъ плоти. Слышавшіе эту выходку напустились на шутника, называли его невѣжею, но Діонисій сказалъ ему: „ты правъ, братъ, если бы я былъ хорошій монахъ, то не шатался бы по торжищамъ, а сидѣлъ бы въ кельѣ“. Насмѣшнику стало стыдно и онъ просилъ прощенія у Діонисія. Чрезъ нѣсколько времени Діонисій былъ поставленъ архимандритомъ въ томъ же монастырѣ, пробылъ въ этомъ санѣ около двухъ лѣтъ и бывалъ часто въ Москвѣ; здѣсь сошелся онъ

съ патріархомъ Гермогеномъ, который полюбилъ его. Оба они были совершенно противоположны по характеру: Гермогенъ — вѣчно суровый, сердитый, всѣмъ недовольный, подозрительный, тяжелый въ обращеніи съ людьми, Діонисій—всегда спокойный, кроткій, благодушный. Но оба сходились между собою потому, что какъ тотъ, такъ и другой одинаково были прямодушны, честны, благочестивы, одинаково любили отечество. Во все продолженіе осады Москвы тушинцами, Діонисій пробылъ въ столицѣ и вмѣстѣ съ Гермогеномъ выходилъ для увѣщанія народа, возмущавшагося противъ царя Василія. Въ 1610 году, уже послѣ того, какъ шайки Сапѣги и Лисовскаго отступили отъ Троицкаго монастыря, скончался троицкій архимандритъ Іосафъ, и въ іюлѣ, за нѣсколько недѣль до паденія Шуйскаго, Діонисій возведенъ былъ въ званіе троицкаго архимандрита. Съ этихъ поръ началась его высокая, доблестная дѣятельность, какъ христіанина, такъ и гражданина.

Наступило то ужасное время, которое русскій народъ въ своей памяти прозвалъ „лихолѣтьемъ“. Безчисленное множество народа страдало и погибало отъ звѣрства польскихъ и казацкихъ шаекъ. Толпы русскихъ людей обоего пола, нагія, босыя, измученныя, бѣжали къ Троицкой обители. „Нѣкоторые—говоритъ очевидецъ—были всѣ испечены огнемъ; у иныхъ вырваны на головѣ волосы; множество калѣкъ валялось по дорогамъ; у тѣхъ были вырѣзаны полосы кожи на спинѣ, у другихъ отсѣчены руки и ноги, у иныхъ были слѣды обжоговъ на тѣлѣ отъ раскаленныхъ камней“. Архимандритъ Діонисій посылалъ подбирать ихъ по окрестностямъ, привозить въ монастырь и лечить. Для этой цѣли онъ приказалъ построить больницы, страннопріимные домы, какъ въ самомъ монастырѣ, такъ и въ монастырскихъ селахъ (въ Служней и въ селѣ Клементьевѣ). Монахи и служки, по его приказанію, безпрестанно ѣздили по окрестностямъ, подвергаясь сами смерти отъ разбойниковъ, привозили раненыхъ и голодныхъ. Діонисій всѣхъ приказывалъ кормить, поить, лечить, давать имъ одежду и обувь, а женщины безпрестанно мыли и шили имъ бѣлье. Кромѣ того, подбирали мертвыхъ и предавали христіанскому погребенію. „Я помню,—говоритъ одинъ изъ участниковъ, Иванъ ключарь,—какъ въ одинъ день похоронили 860 человѣкъ въ Клементьевѣ-селѣ, кромѣ другихъ мѣстъ, а по смѣтѣ, въ теченіе тридцати недѣль погребли болѣе 3,000; случалось, по десяти и пятнадцати труповъ зарывали въ одну могилу“. Діонисій рѣшился употребить на доброе дѣло всю казну монастырскую, все, что давали туда вкладчики на поминовеніе своихъ душъ. „Отъ

осады большой Богъ избавилъ насъ,—говорилъ онъ, — а за лѣность и скупость можетъ хуже еще смирить. Видимъ всѣ, что Москва въ осадѣ, а литовскіе люди разсыпались по землѣ; что у насъ ни есть хлѣба ржанаго и пшеницы и квасовъ въ погребѣ,— все отдадимъ раненымъ людямъ, а сами будемъ ѣсть хлѣбъ овсяной; и безъ кваса, съ одной водой не умремъ". Самъ Діонисій за всѣмъ смотрѣлъ, наблюдалъ, чтобъ у людей, которымъ давали пріютъ, былъ мягкій хлѣбъ и свѣжая пища, самъ осматривалъ больныхъ, давалъ лекарство, причащалъ умирающихъ, ни день, ни ночь не зная покоя. Этого мало: онъ заботился о томъ, чтобы русскій народъ не оставлялъ борьбы съ врагами, посадилъ у себя въ кельѣ писцовъ и приказывалъ имъ переписывать списки съ грамотъ, которыя безпрестанно разсылалъ съ гонцами по всѣмъ городамъ, возбуждалъ ратныхъ людей къ мужеству, стыдилъ за лѣность, и безпрестанно служилъ молебны о спасеніи отечества. Еще лѣтомъ, когда живъ былъ Ляпуновъ, Діонисій разсылалъ грамоты въ Казань, Новгородъ, Вологду, Пермь и другіе города, убѣждалъ посылать къ Москвѣ ратныхъ людей и доставлять казну. Когда уже Ляпунова не стало, и въ ополченіи подъ Москвою, господствовали казаки, Діонисій вмѣстѣ съ келаремъ Авраміемъ, отъ 6 октября 1611 года, отправилъ по разнымъ городамъ новую грамоту. Желая соединить всѣ силы Русской земли, троицкія власти не стали раздражать казаковъ, и потому не поминали объ убійствѣ Ляпунова, но съ похвалою отзывались о Трубецкомъ и Заруцкомъ за то, что они стояли подъ Москвой противъ поляковъ и русскихъ измѣнниковъ. Русскіе призывались дѣйствовать за-одно съ казаками противъ поляковъ. „Видите—писалось въ этой грамотѣ,—приходитъ намъ конечная погибель. Все разорено, поругано, безчисленное множество народа въ городахъ и селахъ кончили жизнь подъ лютыми, горькими муками. Нѣтъ пощады ни сѣдинамъ многолѣтнихъ старцевъ, ни сосущимъ молоко младенцамъ. Сжальтесь надъ нашею погибелью, чтобы и васъ самихъ не постигла лютая смерть. Бога ради, пусть весь народъ положитъ подвигъ страданья, чтобъ всѣмъ православнымъ людямъ быть въ соединеніи, а вы, служилые люди, поспѣшайте безъ малѣйшаго замедленія къ Москвѣ въ сходъ, къ боярамъ и воеводамъ и ко всему множеству христіанскаго народа. Сами знаете, что всякому дѣлу есть свое время, а безвременное начинаніе бываетъ суетно и бездѣльно. Если между вами есть и будутъ недоволы (что-нибудь неладное), Бога ради, отложите это до времени, чтобъ намъ всѣмъ за одно положить свой подвигъ и пострадать для избавленія христіанской

православной вѣры. Если мы прибѣгнемъ къ прещедрому Богу и пречистой Богородицѣ и ко всѣмъ святымъ и пообѣщаемся сообща сотворить нашъ подвигъ, то милостивый владыка, человѣколюбецъ, отвратитъ праведный свой гнѣвъ и избавитъ насъ отъ лютой смерти и латинскаго порабощенія“.

Это воззваніе ободряло народный духъ, падавшій подъ гнетомъ ужасныхъ бѣдствій. Въ посылкѣ воззваній участникомъ Діонисія является также келарь Аврамій Палицынъ, котораго имя, вмѣстѣ съ именемъ Діонисія, ставилось въ этихъ грамотахъ. Онъ происходилъ изъ знатнаго рода малорусскихъ выходцевъ, прибывшихъ въ Москву въ XIV вѣкѣ и принявшихъ фамилію Палицыныхъ отъ одного своего предка, прозваннаго Палицею. Въ концѣ XVI вѣка онъ вступилъ въ монашество, а во время осады Лавры Сапѣгою, носилъ важное званіе келаря — завѣдующаго монастырскими дѣлами. Онъ въ это время не находился въ монастырѣ, жилъ въ Москвѣ на Троицкомъ подворьѣ и во время скудости, происшедшей отъ осады, пустилъ въ продажу пониженною цѣною хлѣбные запасы, находившіеся въ столицѣ, впрочемъ воспользовавшись этимъ и въ свою пользу. Царь Василій утвердилъ за нимъ спорную вотчину его двоюроднаго брата, хотя собственно, по соборнымъ постановленіямъ, въ подобныхъ случаяхъ ему, какъ монаху, слѣдовало получить изъ казны, вмѣсто вотчины, деньги, а не самую вотчину. По низверженіи Шуйскаго, келарь Аврамій былъ посланъ подъ Смоленскъ однимъ изъ членовъ посольства. Когда поляки стали притѣснять это посольство, подозрѣвая его въ соумышленіи съ Ляпуновымъ, нѣкоторые дворяне, бывшіе въ посольствѣ, стали выходить изъ него. Подобнымъ образомъ поступилъ и Аврамій Палицынъ: онъ поклонился Сигизмунду, выпросилъ у него для своего монастыря грамоту на собираніе пошлинъ съ Конской Площадки въ Мосвкѣ и уѣхалъ въ Москву. Этотъ поступокъ едвали можно поставить ему въ вину: онъ только показываетъ благоразуміе. Аврамій предвидѣлъ, что пословъ за ихъ упорство возьмутъ въ неволю и отправятъ въ Польшу, а потому разсудилъ заранѣе убраться, чтобы имѣть возможность служить русскому дѣлу.

Во все время похода Пожарскаго и Минина къ Москвѣ, Діонисій и Аврамій писали къ нимъ грамоты, торопили ихъ идти скорѣе къ столицѣ, чтобы предупредить Ходкѣвича, который долженъ былъ привести свѣжія силы и запасы польскому гарнизону, оставшемуся въ Кремлѣ; а когда услыхали, что въ Ярославлѣ въ русскомъ ополченіи происходятъ раздоры и безпорядки, то послали сначала, жившаго у Троицы на покоѣ, ростовскаго

митрополита Кирилла, а потомъ отправился туда келарь Аврамій водворять согласіе и убѣждалъ Пожарскаго спѣшить скорѣе къ Москвѣ. Аврамій въ своемъ разсказѣ о событіяхъ этого времени порицаетъ Пожарскаго за его медленность и неспособность удерживать въ войскѣ порядокъ. Двинувшись, наконецъ, къ Москвѣ, Пожарскій 14 августа остановился подъ Троицею. Діонисій служилъ молебенъ, кропилъ войско святою водою, и Аврамій, вмѣстѣ съ Пожарскимъ, отправился къ Москвѣ. Если вѣрить разсказу самого Палицына, то онъ болѣе всего способствовалъ успѣхамъ казаковъ, убѣдивши и воодушевивши ихъ своимъ краснорѣчіемъ. Впослѣдствіи, во время пребыванія русскаго ополченія подъ Москвою, нѣсколько разъ возобновлялись недоразумѣнія между земскими людьми и казаками. Казаки требовали жалованье. Келарь Аврамій отправился къ Троицѣ, и архимандритъ Діонисій съ братіею, не имѣя денегъ, послали казакамъ въ видѣ залога богатыя церковныя одежды, но казаки, тронутые этимъ, не взяли такого залога и дали обѣтъ не отходить отъ Москвы прежде, чѣмъ не очистятъ ее отъ поляковъ.

Въ февралѣ 1613 года, подъ Москвою происходилъ выборъ новаго царя. Аврамій Палицынъ, вмѣстѣ съ другими духовными, былъ отправленъ въ посольствѣ для приглашенія новоизбраннаго царя на престолъ.

Смуты улегались. На престолѣ сидѣлъ избранный государь, но, по молодости и по недавности своей власти, находился подъ вліяніемъ бояръ. Въ это время возстановленъ былъ печатный дворъ (типографія) въ Москвѣ и предпринято печатаніе церковнаго требника. Дѣло это было поручено Діонисію. Ему дали для работъ двухъ монаховъ Троицкаго монастыря, Арсенія и Антонія и священника Ивана изъ монастырскаго Клементьевскаго села. Царь выбралъ этихъ людей потому, что имъ извѣстно было книжное ученіе, грамматика и риторика. Разсматривая напечатанный прежде „Потребникъ“ (требникъ), Діонисій замѣтилъ въ немъ неправильности, а равнымъ образомъ нашелъ въ старыхъ рукописныхъ экземплярахъ много ошибокъ, вкравшихся въ нихъ отъ невѣжества. Такимъ образомъ, въ концѣ многихъ молитвъ встрѣчались неправильныя выраженія, имѣвшія смыслъ смѣшенія лицъ св. Троицы по савеліанской ереси. Въ молитвѣ, читаемой при водоосвященіи, „Пріиди, Господи, и освяти воду сію Духомъ Твоимъ Святымъ“, прибавлялось „и огнемъ“. Прибавка эта вошла во всеобщее употребленіе, а между тѣмъ, она вкралась въ требникъ единственно по невѣжеству. Діонисій приказалъ выбросить ее изъ новопечатаемаго Потребника. Но въ Троицкомъ монастырѣ,

какъ вообще въ русскихъ монастыряхъ, между монахами господствовало невѣжество, а нѣкоторые изъ нихъ воображали себя при этомъ людьми учеными и пользовались уваженіемъ въ средѣ своей братіи. Такими были у Троицы головщикъ (управляющій пѣніемъ въ церкви) Логинъ и уставщикъ Филаретъ. Діонисій былъ человѣкъ до чрезвычайности кроткій, а они отличались безмѣрнымъ нахальствомъ. Діонисій, глубоко проникнутый христіанскимъ чувствомъ, видѣлъ безплодность одного безсмысленнаго соблюденія обрядовъ, и ввелъ чтеніе бесѣдъ евангельскихъ и апостольскихъ, нѣкогда переведенныхъ Максимомъ Грекомъ и остававшихся безъ употребленія. Діонисій приказывалъ ихъ списывать и разсылалъ по другимъ монастырямъ и соборнымъ церквамъ. Это до крайности не нравилось монахамъ; Логинъ и Филаретъ возбуждали братію противъ Діонисія и дерзко говорили ему: „не твое это дѣло читать и пѣть; стоялъ бы ты, архимандритъ, съ твоимъ мотовиломъ на клиросѣ, какъ болванъ нѣмой". Діонисій переносилъ такія выходки. Логинъ и Филаретъ хвастались своимъ пѣніемъ и умѣньемъ читать, называли еретичествомъ „хитрость грамматическую и философство" и пускались въ умствованія самымъ нелѣпымъ образомъ. Такъ, опираясь на словахъ св. писанія, что Богъ сотворилъ человѣка по образу своему и по подобію, они представляли себѣ Бога съ членами человѣческаго тѣла. Діонисій долженъ былъ напрасно объяснять этимъ невѣждамъ первичныя понятія о томъ, что духовные предметы выражаются тѣлеснымъ образомъ. Обличая укоренившуюся привычку довольствоваться только формою и не вникать въ смыслъ, Діонисій говорилъ имъ: „что̀ толку изъ этого, что ты поешь и читаешь, самъ не разумѣя, что̀ произносишь? Видишь ли, апостолъ Павелъ говоритъ: „воспою языкомъ, восхвалю же умомъ". Тотъ же апостолъ говоритъ: „если не знаю силы слова, какая изъ того польза? Быхъ яко кимвалъ", т.-е.—все равно, что бубенъ или колоколъ. Человѣкъ, не знающій смысла слова, которое произноситъ, похожъ на собаку, лающую на вѣтеръ; впрочемъ, и умная собака не лаетъ напрасно, а подаетъ лаяньемъ вѣсть господину. Только безумный песъ, слыша издалека шумъ вѣтра, лаетъ всю ночь!" Надменные враги Діонисія возражали ему на это: „Пропали мѣста святыя отъ васъ, дураковъ, неученыхъ сельскихъ поповъ. Людей учите, а сами ничего не знаете". Наглость ихъ, наконецъ, дошла до того, что однажды Логинъ вырвалъ у Діонисія въ церкви книгу изъ рукъ; архимандритъ махнулъ на него своимъ жезломъ и сказалъ: „перестань, Логинъ! Не мѣшай богослуже-

нію, не смущай братію". Но Логинъ вырвалъ у него изъ рукъ жезлъ и изломалъ.

Такъ обращались эти нахалы съ своимъ архимандритомъ, пользуясь его кротостью. Наконецъ, Логинъ и Филаретъ подали на Діонисія доносъ въ Москву и обвиняли въ ереси за то, что онъ выбросилъ изъ требника слово: „и огнемъ". Патріарха въ Москвѣ еще не было. Главнымъ духовнымъ сановникомъ былъ крутицкій митрополитъ Іона, грубый и корыстолюбивый невѣжда. Собравши около себя такихъ же невѣждъ, какимъ былъ самъ, сталъ онъ разсуждать съ ними; и нашли они, что Діонисій еретикъ, вооружили противъ него и мать царя Михаила, инокиню Марѳу Ивановну, женщину набожную въ старомъ смыслѣ слова.

Діонисій былъ призванъ въ Москву и въ Вознесенскомъ монастырѣ, въ присутствіи матери царя, защищался отъ обвиненій; но все было напрасно. Его признали еретикомъ, потребовали уплаты пяти-сотъ рублей пени. Но у Діонисія денегъ не было: онъ все растратилъ на дѣло спасенія отечества. Его поставили на правежъ въ сѣняхъ, на патріаршемъ дворѣ, заковали, глумились надъ нимъ, плевали на него. Діонисій не только не падалъ духомъ, но смѣялся и шутилъ съ тѣми, которые ругались надъ нимъ. „Денегъ нѣтъ — говорилъ онъ—да и давать не за что. Эка бѣда, что разстричь хотятъ! Это значитъ не разстричь, а достричь. Грозятъ мнѣ Сибирью, Соловками,—я не боюсь этого! Я тому и радъ. Это мнѣ и жизнь". Правежъ продолжался нѣсколько дней. За Діонисіемъ посылали, приводили его пѣшкомъ или привозили на клячѣ. Въ народѣ распространился слухъ, что явились такіе еретики, которые хотятъ огонь изъ міра вывести. Раздражились противъ Діонисія особенно тѣ, которые по роду своихъ занятій, постоянно обращались съ огнемъ, какъ напримѣръ, разнаго рода мастера и повара. Когда Діонисія вели на правежъ, они бѣжали за нимъ, ругались и кидали въ него пескомъ и грязью, а онъ, вмѣсто того, чтобы сердиться или унывать, смѣялся намъ своимъ положеніемъ и острилъ надъ невѣждами. Уважающіе его люди говорили: „ахъ какая надъ тобою бѣда, отче Діонисій!"—„Это не бѣда", говорилъ имъ Діонисій, „это притча надъ бѣдою. Это милость на мнѣ явилась: господинъ мой первосвященный митрополитъ Іона паче всѣхъ человѣкъ творитъ мнѣ добро". Раздраженіе противъ Діонисія усиливалось оттого, что въ это время подступалъ къ Москвѣ Владиславъ, и въ народѣ возникалъ страхъ, что Богъ посылаетъ свою кару за проявившуюся ересь. Не взявши ничего съ Діонисія, его отправили на заточеніе въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, но не могли

провезти его туда, потому что въ это время Москву окружали непріятели. Діонисія засадили въ московскій Новоспасскій монастырь на покаяніе.

Но не долго приходилось страдать ему. Царь заключилъ перемиріе съ поляками въ Деулинѣ. Послѣдовалъ размѣнъ плѣнныхъ. Отецъ царя, митрополитъ Филаретъ, возвратился въ отечество въ іюнѣ 1619 года, а находившійся въ это время іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ посвятилъ его въ санъ московскаго патріарха. Филаретъ зналъ Діонисія и, черезъ семь дней послѣ своего посвященія, принялся разбирать его дѣло вмѣстѣ съ Ѳеофаномъ. Голосъ восточнаго патріарха считался авторитетомъ на Руси въ подобныхъ вопросахъ. Ѳеофанъ объявилъ, что Діонисій совершенно правъ, что прибавка „и огнемъ“ неупотребительна на Востокѣ. Діонисія воротили въ Троицкій монастырь съ честью.

Во время заключенія Діонисія, въ Лаврѣ оставался келарь Аврамій Палицынъ; вмѣстѣ съ воеводами, поставленными у Троицы, онъ готовился отражать нападеніе Владислава на монастырь и принужденъ былъ сжечь монастырскій посадъ. Со стѣнъ Троицкаго монастыря встрѣтили Владислава пушечные выстрѣлы. Королевичъ отступилъ и въ трехъ верстахъ отъ Троицы, въ селѣ Деулинѣ, 1 декабря 1618 года, заключено были перемиріе, послѣ котораго дѣло о размѣнѣ плѣнныхъ тянулось до половины іюня 1619. года.

Дальнѣйшая жизнь Діонисія, по возвращеніи его въ Троицкій монастырь, не прошла, однако, безъ новыхъ испытаній. Троицкіе монахи не отличались благонравіемъ, были корыстолюбивы, заводили тяжбы за земли и за людей. Діонисій не терпѣлъ этого, старался искоренить пороки, но былъ слишкомъ кротокъ, прямодушенъ и гнушался всякою хитростью. Архимандритъ вообще, по правиламъ, не имѣлъ въ монастырѣ безусловной власти: все дѣлалось съ согласія келаря и братіи; Діонисій строго уважалъ законный порядокъ, не употреблялъ никакихъ кривыхъ мѣръ для захвата власти и оттого былъ безсиленъ. Его ласковое, учтивое обращеніе развивало только между монахами наглость и непослушаніе. Русскіе люди того времени исполняли приказанія властей только тогда, когда онѣ внушали страхъ. Діонисій, если что̀ приказывалъ монаху, говорилъ: „сдѣлай это, если хочешь, братъ“. Монахъ, выслушавши такого рода приказаніе, не исполнялъ сказаннаго и говорилъ: „архимандритъ мнѣ на волю далъ: хочу дѣлаю, хочу нѣтъ“. Какой-то экономъ поссорилъ Діонисія и съ Филаретомъ. Этотъ экономъ выпросилъ мимо архимандрита у Филарета право промѣнять свою лѣсную пустопорожнюю землю

на монастырскую вотчину и назвалъ монастырскую вотчину ненаселенною, тогда какъ она была жилая. Филаретъ согласился, если вотчина дѣйствительно окажется пустою. Но архимандритъ, зная, что вотчина населена и если будетъ отдана эконому, то, вмѣстѣ съ нею, подъ власть эконома должны будутъ перейти поселенные въ этой вотчинѣ люди, воспротивился и хотѣлъ обличить обманъ. Экономъ, испугавшись обличенія, умолилъ архимандрита не начинать дѣло. Вслѣдъ затѣмъ, экономъ, черезъ своихъ благопріятелей, самъ оставшись въ сторонѣ, оклеветалъ Діонисія разными способами и, между прочимъ, бросилъ на него подозрѣніе, будто бы Діонисій сталъ помышлять о патріаршествѣ. Филаретъ призывалъ Діонисія въ Москву, держалъ его три дня въ тюрьмѣ, а потомъ отпустилъ. Этотъ экономъ, злобствуя на Діонисія, однажды, на одномъ монастырскомъ соборѣ, при всей братіи, ударилъ его по щекѣ. Діонисій не жаловался на него, но до самого царя дошла вѣсть объ оскорбленіяхъ, наносимыхъ Діонисію. Царь приказалъ сдѣлать обыскъ, но Діонисій, не желая, чтобы кто-нибудь пострадалъ изъ-за него, самъ покрылъ виновнаго.

Въ 1633 года скончался Діонисій. Патріархъ Филаретъ приказалъ привезти его тѣло въ Москву, самъ отпѣвалъ его и отправилъ назадъ въ Лавру, гдѣ оно было предано землѣ 10 мая.

О судьбѣ Аврамія Палицына извѣстно то, что онъ умеръ въ 1627 году, 13 сентября, проживши въ Соловкахъ семь лѣтъ. Изъ дѣлъ Соловецкаго монастыря видно, что существовала царская грамота о его погребеніи, въ которой онъ названъ „присланнымъ". Это выраженіе въ старину употреблялось о сосланныхъ и даетъ поводъ заключать, что келарь Аврамій попалъ въ Соловецкій монастырь недобровольно. Самое существованіе грамоты о погребеніи указываетъ, что онъ находился подъ какимъ-то особымъ надзоромъ [1]).

Должно быть, онъ подвергся опалѣ, и такъ какъ отправка его въ Соловецкій монастырь произошла вскорѣ послѣ возведенія Филарета на патріаршій престолъ, то, вѣроятно, ссылка эта была дѣломъ Филарета, быть можетъ, припомнившаго ему то время, когда онъ, подъ Смоленскомъ, покинулъ посольство, по-

---

[1]) Нѣтъ основанія думать, чтобъ это было слѣдствіемъ уваженія царя къ его личности, такъ какъ мы не знаемъ, чтобы при этомъ данъ былъ по душѣ его какой-нибудь вкладъ или приказано было записать имя его въ синодикъ. Напротивъ, царь приказалъ его похоронить заурядъ съ прочею братіею (*Грамота царя Михаила Ѳедоровича къ игумену Макарію о погребеніи присланнаго старца Аврамія Палицына на его обьщаніи съ прочею братіею*).

клонился Сигизмунду и, осыпанный милостями польскаго короля, вернулся въ Москву.

Келарь Аврамій оставилъ потомству повѣствованіе о событіяхъ своего времени, посвятивши бо̀льшую часть его описанію осады Троицкаго монастыря Сапѣгою и Лисовскимъ. Сочиненіе это носитъ названіе: *Сказаніе о осадѣ троицкаго-сергіева монастыря отъ поляковъ и литвы, и о бывшихъ потомъ въ Россіи мятежахъ*. Это сочиненіе составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ русскихъ источниковъ о Смутномъ времени, хотя имѣетъ недостатки. Оно въ высшей степени загромождено многословіемъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заключаетъ въ себѣ извѣстія сомнительной достовѣрности; это тѣмъ естественнѣе, что келарь Аврамій не былъ очевидцемъ осады монастыря и писалъ по слухамъ и преданіямъ. Кромѣ того, нельзя не замѣтить, что сочинитель выставляетъ на видъ важность собственнаго участія въ дѣлахъ, въ особенности во время освобожденія Москвы; извѣстія этого рода невольно внушаютъ сомнѣніе, хотя, съ другой стороны, при настоящемъ положеніи науки, нельзя доказать ихъ недостовѣрности.

XXX.

КОЗЬМА ЗАХАРЫЧЪ МИНИНЪ-СУХОРУКЪ И КНЯЗЬ ДИМИТРІЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ПОЖАРСКІЙ.

Движеніе, поднятое Гермогеномъ и Ляпуновымъ, не было задавлено неудачами. Города продолжали переписываться съ городами и убѣждали другъ друга дѣйствовать взаимно для спасенія вѣры и государства. Шиши отдѣльными отрядами повсемѣстно дрались съ врагами. Духовенство старалось всѣми средствами благочестія ободрять народъ. Въ разныхъ городахъ, въ знакъ покаянія, для умилостивленія Божія гнѣва, налагались особые строгіе посты, совершались молебны о спасеніи отечества, ходили утѣшительныя вѣсти о разныхъ видѣніяхъ и откровеніяхъ, съ цѣлью поддержать падающій духъ народа; троицкія власти разсылали свои призывныя грамоты одна за другою. Но въ народномъ противодѣйствіи не было уже ни порядка, ни опредѣленнаго плана. Все шло врознь. Начали распространяться уныніе и недовѣріе къ собственнымъ силамъ. Когда въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ соборной церкви, прочитана была грамота троицкихъ властей, народъ, прослушавши ее, пришелъ въ умиленіе, плакалъ надъ погибелью государства, но выражалъ отчаяніе такими словами: „вѣрно намъ не будетъ избавленія! Чаять намъ бо̀льшей гибели“.

Тогда, въ томъ-же Нижнемъ-Новгородѣ, выступилъ передъ народомъ выборный нижегородскій земскій староста Козьма Захарычъ召Мининъ-Сухоруковъ, ремесломъ „говядарь“ [1]). На всенародной сходкѣ у собора, онъ говорилъ народу въ такомъ смыслѣ:

---

[1]) Быть можетъ, мясникъ или же торговецъ скотиною—гуртовщикъ.

„Православные люди, похотимъ помочь Московскому государству, не пожалѣемъ животовъ нашихъ, да не токма животовъ—дворы свои продадимъ, женъ, дѣтей заложимъ, и будемъ бить челомъ, чтобъ кто-нибудь сталъ у насъ начальникомъ. Дѣло великое! Мы совершимъ его, если Богъ поможетъ. И какая хвала будетъ всѣмъ намъ отъ Русской земли, что отъ такого малаго города, какъ нашъ, произойдетъ такое великое дѣло: я знаю, только мы на это подвинемся, такъ и многіе города къ намъ пристанутъ и мы избавимся отъ иноплеменниковъ".

Нижегородцамъ показались любы такія рѣчи, но не сразу рѣшились они на великое дѣло. Еще нѣсколько разъ они сходились слушать Минина и наконецъ проговорили:

„Будь ты намъ старшій человѣкъ; отдаемъ себя во всемъ на твою волю".

Стали нижегородцы думать: кого избрать имъ въ предводители, кто бы въ ратномъ дѣлѣ былъ искусенъ и прежде не объявлялся въ измѣнѣ. По совѣту Минина, всѣ остановились на стольникѣ князѣ Димитріѣ Михайловичѣ Пожарскомъ. Этотъ князь происходилъ изъ стародубскихъ князей Суздальской земли, потомковъ Всеволода Юрьевича, и принадлежалъ къ такъ-называемымъ „захудалымъ" княжескимъ родамъ, т.-е. не игравшимъ важной роли въ государственныхъ дѣлахъ въ предшествовавшія времена. Самъ Димитрій Пожарскій не выдавался никакими особенными способностями, исполнялъ въ военномъ дѣлѣ второстепенныя порученія, но за то въ прежнія времена не лежало на немъ никакой неправды, не приставалъ онъ къ Тушинскому Вору, не просилъ милостей у польскаго короля. Въ царствованіе Шуйскаго, Пожарскій удачно разбивалъ отдѣльныя воровскія шайки, а въ 1610 году, будучи зарайскимъ воеводою, упорно держался стороны Шуйскаго, не поддался убѣжденіямъ Ляпунова провозгласить царемъ Скопина и удерживалъ, насколько могъ, свой городъ въ повиновеніи существующей власти. Возмутившіеся посадскіе люди города Зарайска хотѣли убить его за то, что не поддается Калужскому Вору, и онъ выдержалъ отъ нихъ осаду въ каменномъ городѣ (кремль) Зарайска. Но Шуйскаго свели съ престола. Законнаго государя не стало на Руси; тогда Пожарскій объявилъ, что станетъ цѣловать крестъ тому, кто на Москвѣ будетъ выбранъ царемъ, и присягнулъ Владиславу, котораго въ столицѣ тогда избрали въ цари.

Вскорѣ послѣ того, русскимъ людямъ стало ясно, что поляки обманываютъ, не думаютъ присылать Владислава, а намѣреваются завладѣть Московскимъ Государствомъ. Пожарскій со-

шелся съ Ляпуновымъ и вмѣстѣ съ нимъ двинулся на Москву. Пожарскій, первый изъ товарищей Ляпунова, вступилъ со своимъ отрядомъ въ стѣны зажженнаго уже Бѣлаго-города, укрѣпился-было около церкви Введенія Богородицы на Лубянкѣ, но огонь принудилъ его отступить. Пожарскій былъ при этомъ раненъ и, упавши на землю, кричалъ: „Охъ, хоть бы мнѣ умереть, только бы не видать того, что́ довелось увидѣть!“ Ратные люди подняли его, положили на повозку и вывезли изъ пылающей столицы по троицкой дорогѣ.

Съ этой поры князь Пожарскій находился въ своей вотчинѣ Линдехѣ, за 120 верстъ отъ Нижняго, и едва оправился отъ ранъ, полученныхъ въ Москвѣ, какъ къ нему прибыли: нижегородскаго Печерскаго монастыря архимандритъ Ѳеодосій и дворянинъ Жданъ Болтинъ съ посадскими людьми приглашать его сдѣлаться начальникомъ ополченія, которое затѣвалось въ Нижнемъ-Новгородѣ. Князь Пожарскій отвѣчалъ: „радъ за православную вѣру страдать до смерти, а вы изъ посадскихъ людей изберите такого человѣка, который бы могъ со мною быть у великаго дѣла, вѣдалъ бы казну на жалованье ратнымъ людямъ. У васъ есть въ городѣ человѣкъ бывалый: Козьма Мининъ-Сухорукъ; ему такое дѣло за обычай“.

По возвращеніи посланцевъ въ Нижній, міръ, услышавши, на кого указалъ князь Пожарскій, сталъ выбирать Козьму къ такому важному дѣлу. Мининъ сначала отказывался, а потомъ, какъ-бы нѐхотя, принялъ предлагаемую должность и сказалъ:

„Если такъ, то составьте приговоръ и приложите къ нему руки, чтобъ слушаться меня и князя Димитрія Михайловича во всемъ, ни въ чемъ не противиться, давать деньги на жалованье ратнымъ людямъ; а если денегъ не станетъ, то я силою стану брать у васъ животы, женъ и дѣтей отдавать въ кабалу, чтобы ратнымъ людямъ скудости не было!“

Приговоръ былъ составленъ и Мининъ поспѣшилъ отослать его къ Пожарскому, опасаясь, чтобы нижегородцы не одумались и не передѣлали своего приговора. По этому мірскому приговору, земскій староста Мининъ обложилъ всѣхъ пятою деньгою, т.-е. отбиралъ пятую часть достоянія на земское дѣло. Для этого избраны были оцѣнщики имуществъ. Не допускалось ни льготъ, ни отсрочекъ. Были такіе, что давали охотно и больше. Одна вдова принесла сборщикамъ десять тысячъ рублей и сказала: „я осталась послѣ мужа бездѣтною, у меня двѣнадцать тысячъ: десять отдаю вамъ, а двѣ себѣ оставляю!“ Кто скупился, у тѣхъ отнимали силою. Не спускали ни попамъ, ни мо-

пастырямъ. Неимущихъ людей отдавали въ кабалу тѣмъ, кто за нихъ платилъ. Конечно, покупать имущество и брать въ кабалу людей могли только богачи; такимъ путемъ вытягивались у послѣднихъ спрятанныя деньги. Безъ сомнѣнія, такая мѣра должна была повлечь за собою зловредныя послѣдствія; изгнавши чужеземныхъ враговъ, Русь должна была испытать внутреннее зло— порабощеніе, угнетеніе бѣдныхъ, отданныхъ во власть богатымъ. Мѣры Минина были круты и жестоки, но время было черезчуръ жестокое и крутое: приходилось спасать существованіе народа и державы на грядущія времена.

По прибытіи въ Нижній Пожарскаго, отправлены были во всѣ стороны гонцы съ грамотами; описывалось несчастное положеніе Московскаго Государства, русскіе всѣхъ городовъ призывались стать за-одно съ нижегородцами. Въ этихъ грамотахъ говорилось: „Будемъ надъ польскими и литовскими людьми промышлять всѣ за-одинъ, сколько милосердый Богъ помочи дастъ. О всякомъ земскомъ дѣлѣ учинимъ крѣпкій совѣтъ, а на государство не похотимъ ни литовскаго короля, ни Маринки съ сыномъ, ни того вора, что стоитъ подъ Псковомъ“.

Нижегородскія грамоты повсюду читались на народныхъ сходкахъ, потомъ постановлялись приговоры, собирали деньги на жалованье ратнымъ людямъ. Затѣмъ изъ ближнихъ городовъ приходили въ Нижній и ополченія. Пришли туда дѣти боярскіе изъ Арзамаса, пришло рязанское ополченіе; въ Казани медлили, потому что тамъ люди, прежде служившіе вору, умышленно противодѣйствовали Минину.

Нижегородское ополченіе вышло изъ Нижняго вверхъ по Волгѣ. Балахна, Юрьевецъ, Рѣшма, Кинешма дали Минину свою казну и присоединились къ нижегородцамъ со своими ополченіями.

Въ Костромѣ воевода Иванъ Шереметевъ, оставаясь вѣрнымъ Владиславу, хотѣлъ-было сопротивляться, но костромичи выдали его Пожарскому и присоединились къ нижегородцамъ.

Въ началѣ апрѣля ополченіе прибыло въ Ярославль. Ярославцы встрѣтили Пожарскаго съ образами и предложили все имущество, какое у нихъ есть, на общее дѣло. Въ знакъ почета, они поднесли Минину и Пожарскому подарки, но тѣ ничего не взяли.

Здѣсь ополченіе оставалось нѣсколько мѣсяцевъ, пополняясь новоприбывшими силами.召 召Мининъ значился выборнымъ человѣкомъ всей Русской земли, а за его безграмотностью подписывался князь Пожарскій. Самъ князь Пожарскій держалъ въ сво-

ихъ рукахъ управленіе не только войскомъ, но и Землею, назывался „по избранію всѣхъ чиновъ и людей Московскаго Государства многочисленнаго войска у ратныхъ и земскихъ дѣлъ“, давалъ именемъ своимъ судъ всей землѣ Русской, опредѣлялъ награды и наказанія, раздавалъ помѣстья, распоряжался постройкою городовъ и требовалъ денежныхъ пособій. Троицкія власти, слѣдившія за тѣмъ, что дѣлалось у поляковъ, торопили князя Пожарскаго идти скорѣе къ Москвѣ на соединеніе съ княземъ Трубецкимъ. Польскій гарнизонъ въ Кремлѣ былъ немногочисленъ и отъ дурныхъ распоряженій постоянно терпѣлъ скудость. Жолнѣры (солдаты) роптали, что имъ не даютъ жалованья; часть буйныхъ сапѣжинцевъ самовольно ушла въ Польшу грабить королевскія имѣнія. На мѣсто Гонсѣвскаго, въ маѣ, присланъ былъ туда другой предводитель Струсь, а литовскій гетманъ Ходкѣвичъ ходилъ со своимъ войскомъ по Московской землѣ собирать запасы. Силы поляковъ въ Русской землѣ были тогда немногочисленны и разрознены, но могли въ непродолжительное время значительно увеличиться, такъ какъ носились слухи, что въ Москву придетъ король съ сильнымъ войскомъ. Надобно было предупредить прибытіе короля и овладѣть столицею. Въ этихъ-то видахъ троицкій архимандритъ Діонисій и келарь Аврамій убѣждали Пожарскаго идти скорѣе изъ Ярославля, и даже сердились на него за медленность. Но Пожарскій не имѣлъ такихъ качествъ, которыя бы внушали къ нему всеобщее повиновеніе. Его мало слушали: въ ярославскомъ ополченіи была безладица, происходили даже драки. Самъ князь Пожарскій сознавался въ своей неспособности. Къ нему прислали новгородцы толковать съ нимъ о призваніи на русскій престолъ шведскаго королевича. Пожарскій подавалъ имъ надежду на призваніе королевича, если онъ приметъ правос [illegible], но при этомъ замѣтилъ: „Былъ бы у насъ такой столпъ, какъ [illegible] Васильевичъ Голицынъ, всѣ бы его держались и слушались, а я къ такому великому дѣлу мимо его не принялся. Меня къ тому дѣлу насильно приневолили бояре и вся земля“.

Князь Пожарскій боялся идти подъ Москву, пока тамъ были казаки, и хотя Трубецкой убѣждалъ его поспѣшать, Пожарскій все не рѣшался и только высылалъ впередъ къ Москвѣ отряды. Когда Заруцкій, послѣ неудачнаго покушенія избавиться отъ Пожарскаго, посредствомъ подосланныхъ убійцъ, въ половинѣ іюля, 1612 года, убѣжалъ изъ-подъ Москвы, Пожарскій сталъ смѣлѣе, но все-таки не довѣрялъ Трубецкому. Выступивши изъ Ярославля, онъ шелъ къ Москвѣ очень медленно. Оставивши

свое войско въ Ростовѣ, Пожарскій ѣздилъ въ Спасскій суздальскій монастырь молиться Богу и поклониться гробамъ своихъ предковъ. Готовясь къ битвѣ съ поляками, Пожарскій ослаблялъ свое войско, отправляя въ одиночку свои отряды въ разныя стороны. 14 августа прибылъ Пожарскій къ Троицѣ и опять остановился тамъ на нѣсколько дней, а между тѣмъ, изъ-подъ Москвы дворяне и казаки торопили его идти какъ можно скорѣе, потому что Ходкѣвичъ приближался къ столицѣ съ усиленнымъ войскомъ. Наконецъ, 20 августа, Пожарскій и Мининъ со своимъ ополченіемъ прибыли къ Москвѣ. Трубецкой выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу и приглашалъ стать въ одномъ таборѣ съ казаками. Но Пожарскій и Мининъ отвѣчали, что не будутъ стоять въ одномъ таборѣ съ казаками.

Земское ополченіе стало вдоль Бѣлогородской стѣны до Алексѣевской Башни на Москвѣ-рѣкѣ. Главное ядро его было у Арбатскихъ воротъ: тамъ стояли Пожарскій и Мининъ. Заложивши станъ, ратные люди стали окапывать его рвомъ. Казаки занимали восточную и южную часть Бѣлаго-города и Замоскворѣчья, которое все нарочно было изрыто рвами, а во рвахъ должна была сидѣть казацкая пѣхота. 22 августа русскіе увидѣли идущее съ западной стороны литовское войско. То былъ Ходкѣвичъ съ свѣжими силами. За нимъ тянулись огромные ряды нѣсколькихъ сотъ возовъ съ набранными запасами, которые слѣдовало провезти польскому гарнизону въ Кремль и Китай-городъ. Ходкѣвичъ сталъ переправляться черезъ Москву-рѣку у Дѣвичьяго поля. Часть литовцевъ успѣла переправиться черезъ рѣку, сбивши московскую конницу, которая стерегла переправу. Въ то же время осажденные въ Кремлѣ поляки сдѣлали вылазку; земское московское войско очутилось среди двухъ огней; казаки не хотѣли и[illegible]гать ему. Но здѣсь дѣло поправилось и [illegible]. Воины Ходкѣвича погнали-было московскихъ людей до Тверскихъ воротъ; тогда, съ одной стороны, московскіе стрѣльцы отбили вылазку польскаго гарнизона, и заставили его уйти обратно въ Кремль, а съ другой—изъ-за печей и церквей разрушеннаго Земляного-города русскіе такъ начали поражать выстрѣлами литовское войско Ходкѣвича, что оно поворотило назадъ за Москву-рѣку. Гетманъ сталъ у Донского монастыря.

Слѣдующій день прошелъ безъ боя.

24 августа, на разсвѣтѣ, Ходкѣвичъ рѣшился со всѣмъ своимъ войскомъ пробиться черезъ Замоскворѣчье и, во что бы то ни стало, доставить осажденнымъ привезенные запасы. Путь былъ

труденъ по причинѣ развалинъ и множества прорытыхъ рвовъ. Конные должны были спѣшиться; на возахъ медленно везли запасы, расчищая путь. Казаки Ходкѣвича успѣли выгнать казаковъ московскихъ изо рвовъ. Ходкѣвичъ уже достигъ до Пятницкой улицы и здѣсь-то завязался ожесточенный бой съ казаками. Между тѣмъ, Мининъ, взявши съ собою передавшагося поляка Хмѣлевскаго и три сотни дворянъ, ударилъ на двѣ литовскія роты, оставленныя въ тылу, и смялъ ихъ, потерявши племянника, убитаго на его глазахъ. Въ полдень московскіе казаки, у церкви св. Климента, отбили литовцевъ, отрѣзали и захватили изъ ихъ обоза четыреста возовъ съ запасами. Тогда Ходкѣвичъ увидалъ, что цѣль, для которой онъ прибылъ на этотъ разъ въ Москву, не достигнута: продовольствія гарнизону онъ доставить не можетъ. Онъ приказалъ спасать остатокъ возовъ и ушелъ къ Воробьевымъ горамъ. Пораженіе, нанесенное ему, было такъ велико, что у него оставалось только четыреста коней.

Ходкѣвичъ съ трудомъ сообщилъ осажденнымъ, что онъ уходитъ съ цѣлію набрать запасы, и обѣщалъ воротиться черезъ три недѣли. 28 августа Ходкѣвичъ ушелъ.

Послѣ побѣды надъ литовскимъ войскомъ, Пожарскій съ Трубецкимъ помирились и положили вести осаду сообща, съѣзжаясь для совѣщаній на Неглинной, на Трубѣ. Казаки все еще не ладили съ земскими людьми, однако дѣйствовали уже за-одно съ ними противъ поляковъ еще съ бо́льшею злобою къ послѣднимъ. Кремль и Китай-городъ были осаждены со всѣхъ сторонъ. Русскіе устроили туры и палили съ нихъ изъ своихъ пушекъ.

15 сентября, Пожарскій, минуя Струся, отправилъ къ полковникамъ Стравинскому и Будзилѣ письмо: убѣждалъ осажденныхъ сдаться, обѣщалъ отпустить гарнизонъ въ отечество невредимымъ. На это великодушное предложеніе, польскіе предводители написали Пожарскому надменный отвѣтъ, восхваляли въ немъ мужество и доблести поляковъ, называли московскій народъ самымъ подлѣйшимъ въ свѣтѣ, выражали надежду на скорое прибытіе Владислава и грозили жестокою карою Пожарскому и его товарищамъ. Осажденные были еще убѣждены, что гетманъ вернется; но проходили недѣли,—гетмана не было. Запасы ихъ приходили къ концу. 6 октября, они послали двухъ воиновъ извѣстить гетмана, что если еще пройдетъ недѣля, то имъ придется умереть съ голода. Все было напрасно. Въ половинѣ октября голодъ достигъ ужасающихъ размѣровъ. Осажденные переѣли лошадей, собакъ, кошекъ, мышей, грызли ремни,

выкапывали изъ земли гнилые трупы и пожирали. Отъ такого рода пищи смертность увеличилась. Живые стали бросаться на живыхъ, рѣзали другъ друга и пожирали. 22 октября Трубецкой ударилъ на Китай-городъ; голодные поляки не были въ состояніи защищать его, покинули и ушли въ Кремль. Первое, что̀ увидѣли русскіе въ Китай-городѣ, были чаны, наполненные человѣческимъ мясомъ. Поляки, потерявши Китай-городъ, выгнали изъ Кремля русскихъ женщинъ и дѣтей. Пожарскій выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу. Казаки зашумѣли и кричали, что надобно ограбить боярынь, но земскіе люди окружили боярынь, спасли отъ ярости казаковъ и благополучно провели въ свой станъ. Тогда въ Китай-городъ торжественно внесли икону Казанской Божьей Матери и дали обѣтъ построить церковь, которая послѣ дѣйствительно была построена и до сихъ поръ существуетъ на Кремлевской площади противъ Никольскихъ воротъ. Въ память этого-то дня установленъ 22 октября праздникъ иконы Казанской Богоматери, до сихъ поръ соблюдаемый православною русскою церковью.

Стали въ Кремлѣ поляки совѣтоваться, что̀ имъ дѣлать далѣе. Михаила Салтыкова уже не было. Онъ убрался заблаговременно съ Гонсѣвскимъ, но оставался товарищъ его, Ѳедоръ Андроновъ, съ нѣкоторыми, подобными ему, услужниками Сигизмунда; они сильно противились сдачѣ, думая, что отъ своей братіи русскихъ имъ придется еще хуже, чѣмъ отъ голода. Весь гарнизонъ зашумѣлъ и порывался отворять ворота. Тогда Струсь отправилъ къ Пожарскому просить пощады, умоляя оставить осажденнымъ жизнь. Зная свирѣпство казаковъ, поляки уговаривались, чтобы начальствующія лица сдались только Пожарскому. Оба русскихъ предводителя дали обѣщаніе, что ни одинъ плѣнникъ не погибнетъ отъ меча.

24 октября поляки отворили кремлевскія ворота, выходящія на Неглинную (нынѣ Троицкія); прежде всего выпустили русскихъ людей, бояръ, дворянъ, купцовъ, сидѣвшихъ въ осадѣ. Казаки тотчасъ закричали: „надобно убить этихъ измѣнниковъ, а животы подѣлить на войско“. Но земскіе люди стали въ боевой порядокъ, готовясь защищать своихъ братьевъ противъ казаковъ. Выпущенные русскіе стояли на мосту, ожидая, что изъ-за нихъ начнется бой. Видъ ихъ возбуждалъ состраданіе. До междоусобнаго боя не дошло. Казаки покричали, погрозили и отошли. Пожарскій и Мининъ проводили русскихъ въ свой земскій станъ.

25-го октября всѣ кремлевскія ворота стояли уже настежъ

отворенными; русскія войска входили въ Кремль, предшествуемыя крестнымъ ходомъ, впереди котораго шелъ архимандритъ Діонисій, а изъ Кремля вышелъ къ нему на-встрѣчу элассонскій архіепископъ, грекъ Арсеній, съ Владимірскою Богородицею въ рукахъ. Поляки побросали оружіе. Ихъ погнали въ русскій станъ. Струся заперли въ Чудовомъ монастырѣ. Все имущество плѣнныхъ сдали въ казну и Мининъ раздавалъ его казакамъ въ видѣ награды.

Казаки не вытерпѣли, и, въ противность крестному цѣлованію, перебили много плѣнныхъ. Но тѣ плѣнники, которые достались Пожарскому и земскимъ людямъ, уцѣлѣли всѣ до одного. Ихъ разослали по разнымъ городамъ: въ Нижній, Ярославль, Галичъ, Вологду, на Бѣлоозеро, и посадили въ тюрьмы. Народъ былъ сильно ожесточенъ противъ нихъ. Въ Нижнемъ, куда былъ посланъ Будзило съ товарищами, служившій прежде въ войскѣ Сапѣги, плѣнныхъ чуть не разорвали и едва-едва мать Пожарскаго своими убѣжденіями спасла ихъ отъ смерти [1]).

Вскорѣ, однако, услыхали русскіе, что на Московское Государство идетъ король Сигизмундъ съ сыномъ. Дѣйствительно, въ ноябрѣ Сигизмундъ подошелъ подъ Волокъ-Ламскій и отправилъ двухъ русскихъ, бывшихъ въ посольствѣ Филарета и остававшихся въ плѣну у поляковъ: князя Данила Мезецкаго и дьяка Грамотина. Ихъ сопровождалъ польскій отрядъ въ 1000 человѣкъ. Они должны были уговаривать московское войско признать Владислава царемъ. Но подмосковные воеводы выслали противъ нихъ войско и объявили, что не хотятъ вступать ни въ какіе толки о Владиславѣ. Поляки повернули назадъ, а князь Мезецкій успѣлъ убѣжать къ своимъ подъ Москву.

Король пытался-было взять Волокъ-Ламскій, но это не удалось ему, и онъ удалился со своимъ сыномъ въ Польшу.

21-го декабря извѣщалось по всей Руси объ избавленіи Москвы, а вслѣдъ затѣмъ послана была грамота во всѣ города, чтобы отовсюду посылали въ Москву лучшихъ и разумныхъ людей для избранія государя.

Къ большому сожалѣнію, мы не знаемъ подробностей этого важнаго событія. По нѣкоторымъ извѣстіямъ видно, что подъ Москвою происходило нѣсколько съѣздовъ, на которыхъ дѣло избранія царя не удалось. По всей Московской землѣ наложенъ былъ трехдневный строгій постъ, служились молебны, чтобы

---

[1]) Впослѣдствіи новоизбранный царь приказалъ ихъ содержать такъ милостиво, что они позволяли себѣ даже буянить. Черезъ посредство Струся царь отправлялъ своему плѣнному отцу деньги.

Богъ вразумилъ выборныхъ, чтобы дѣло царскаго избранія совершилось не по человѣческимъ козням, но по волѣ Божiей. Когда, послѣ такихъ благочестивыхъ приготовленій, съѣхались снова всѣ выборные люди, явился изъ Новгорода нѣкто Богданъ Дубровскій съ предложеніемъ выбрать шведскаго королевича; но выборные люди въ одинъ голосъ закричали: „у насъ того и въ умѣ нѣтъ, чтобъ выбрать иноземца; мы, съ Божьей помощью, готовы идти биться за очищеніе Новгородскаго государства“. Нѣкоторые изъ бояръ домогались получить вѣнецъ и подкупали голоса. Есть извѣстіе, что были голоса въ пользу Василія Голицына; иные не кстати упоминали о возвращеніи вѣнца Шуйскому. Были мнѣнія въ пользу Трубецкаго, Воротынскаго и даже, какъ говорили послѣ, въ пользу Пожарскаго: впослѣдствіи обвиняли его въ томъ, будто онъ истратилъ до двадцати тысячъ рублей, подкупая голоса въ свою пользу [1]).

Дворяне и дѣти боярскіе начали подавать письменно извѣщенія, что они хотятъ царемъ Михаила Романова; за ними выборные люди отъ городовъ и волостей, а также и казаки стали за Романова. Въ народномъ воспоминаніи свѣжи были страданія семейства Романовыхъ при Борисѣ, заточеніе Ѳеодора (Филарета) и его супруги. Народъ въ послѣднее время слишкомъ много перенесъ бѣдствій, и потому естественно его сочувствіе обращалось къ такому роду, который за-одно съ народомъ много пострадалъ. Послѣдній подвигъ Филарета, его твердое поведеніе въ дѣлѣ посольства, его плѣненіе, совершенное баззаконно врагами, все давало ему въ народномъ воображеніи значеніе мученика за вѣру и за Русскую землю. Наконецъ, въ народѣ сохранились болѣе давнія преданія о царицѣ Анастасіи, жившей въ лучшее время для русскаго народа, о Никитѣ Романовичѣ, о которомъ говорили и даже пѣли въ пѣсняхъ, что онъ по своему благодушію заступался за жертвы Иванова сумасбродства. Все это вмѣстѣ располагало русскихъ избрать Михаила Романова.

Въ недѣлю православія собрали всѣхъ выборныхъ на Красную площадь. Кромѣ нихъ было множество народа обоего пола. Рязанскій архіепископъ Ѳеодоритъ, новоспасскій архимандритъ Іосифъ, келарь Авраміи и бояринъ Василій Морозовъ взошли на Лобное мѣсто, чтобы спросить у выборныхъ людей рѣшительнаго приговора объ избраніи царя. Прежде чѣмъ они начали свою рѣчь къ народу, все многочисленное сборище въ одинъ голосъ закричало: „Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ будетъ царь-госу-

---

[1]) Это извѣстіе нельзя считать справедливымъ.

дарь Московскому государству и всей русской державѣ“. Тотчасъ въ Успенскомъ соборѣ пропѣли молебенъ съ колокольнымъ звономъ, провозгласили многолѣтіе новонареченному царю, а потомъ произнесена была новому царю присяга, начиная отъ бояръ до казаковъ и стрѣльцовъ. Во всѣ города были посланы извѣстительныя грамоты; въ Кострому отправилось отъ всего земскаго собора посольство къ Михаилу Ѳедоровичу съ приглашеніемъ на царство [1]).

Посольство это, прибывши въ Кострому, явилось 13 марта въ Ипатьевскій монастырь, гдѣ жилъ шестнадцатилѣтній Михаилъ съ матерью. Мать и сынъ удалились туда послѣ освобожденія изъ кремлевской осады. На другой день, 14 марта, собрали толпу народа; духовенство несло чудотворную икону Ѳедоровской Богоматери. Инокиня Марѳа съ сыномъ встрѣтила ихъ за воротами. Послѣ молебна въ соборной церкви, посольство вручило имъ грамоту земскаго собора, извѣщавшую объ избраніи Михаила на царство, и просило ѣхать въ царствующій градъ.

На это послѣдовалъ отказъ. Михаилъ и его мать вспоминали измѣну Годуновымъ, службу Тушинскому Вору, насильное постриженіе Шуйскаго. „Московскіе люди измалодушествовались, —говорили они,—а государство отъ польскихъ и литовскихъ людей и отъ непостоянства русскихъ разорено до конца. Царская казна расхищена. Дворцовыя села и черныя волости розданы въ помѣстья. Служилые люди бѣдны,—чѣмъ ихъ жаловать? Какъ стоять противъ недруговъ?“ — „Мнѣ, — сказала Марѳа, — нельзя благословить своего сына на царство: отецъ его Филаретъ въ плѣну. Свѣдаетъ король, что сынъ его на царствѣ: велитъ надъ отцомъ какое-нибудь зло сдѣлать!“

Послы объясняли имъ, что прежніе государи не такъ получали престолъ, какъ теперь получаетъ Михаилъ; Борисъ сѣлъ на государствѣ по своему хотѣнію, убивши Димитрія; растрига принялъ местъ по своимъ дѣламъ; Василія выбрали на государство немногіе люди; Михаила же выбираютъ не по его желанію, а единомышленно, всею Землею, по соизволенію Божію, и если онъ откажется, то Богъ взыщетъ на немъ конечное разореніе государства.

Тогда мать благословила сына; Михаилъ согласился и принялъ изъ рукъ Ѳеодорита царскій посохъ, какъ знакъ власти.

---

[1]) Рязанскій епископъ Ѳеодоритъ, келарь Аврамій, новоспасскій и симоновскій архимандриты, бояре: Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ и князь Владиміръ Ивановичъ Бахтіаровъ-Ростовскій, окольничій Ѳедоръ Васильевичъ Головинъ и многіе служилые люди разныхъ наименованій.

11 іюля вѣнчался на царство Михаилъ Ѳеодоровичъ. Князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій былъ пожалованъ бояриномъ, а Мининъ возведенъ въ званіе думнаго дворянина.

Новому думному дворянину не долго пришлось оставаться въ этомъ санѣ. Въ 1616 году Мининъ скончался, оставивши послѣ себя сына Нефеда (Меѳодія), умершаго бездѣтнымъ около 1632 г.

Димитрій Михайловичъ Пожарскій жилъ долго, но не игралъ важной роли, какъ можно было бы ожидать. Онъ не былъ ни особенно близкимъ къ государю совѣтникомъ, ни главнымъ военачальникомъ. Ему не поручали особенно важныхъ государственныхъ дѣлъ. Служба его ограничивалась второстепенными порученіями. Въ переговорахъ съ послами мы встрѣчаемъ его не болѣе трехъ или четырехъ разъ и только товарищемъ другихъ.

Черезъ годъ послѣ восшествія Михаила, по поводу пожалованія бояриномъ родственника матери царской, Бориса Михайловича Салтыкова, царь показалъ ему немилость. Пожарскій не хотѣлъ сказывать (объявлять) Салтыкову боярство, потому что считалъ себя по роду выше Салтыкова; на основаніи прежнихъ служебныхъ случаевъ царь требовалъ отъ него исполненія своей воли; Пожарскій не послушался и притворился больнымъ. Царь приказалъ одному думному дьяку сказывать боярство Салтыкову, а въ разрядѣ написать, будто сказывалъ Пожарскій. Салтыковъ билъ челомъ государю на Пожарскаго, что онъ его обезчестилъ своимъ отказомъ, и царь приказалъ выдать Пожарскаго Борису головою. Изъ этого видно, что царь не считалъ за Пожарскимъ особыхъ заслугъ, которыя бы выводили его изъ ряду другихъ. Въ 1617 году Пожарскій былъ отправленъ воеводою въ Калугу по просьбѣ жителей, гдѣ удачно отразилъ нападенія поляковъ; въ 1618 г. Пожарскій посланъ былъ въ Боровскъ противъ Сагайдачнаго, но заболѣлъ на дорогѣ, а товарищъ его Волконскій пропустилъ враговъ черезъ Оку. Только по возвращеніи Филарета въ 1619 году, Пожарскій получилъ отъ царя нѣсколько вотчинъ, да и то незначительныхъ [1]), тогда какъ Димитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой, долгое время служившій ворамъ, владѣлъ богатѣйшею областью Вагою (нѣкогда принадлежавшею Борису), по грамотѣ, данной ему соборомъ еще до избранія Михаила. Въ 1621 году Пожарскій управлялъ разбойнымъ приказомъ, затѣмъ съ 1628—31 онъ былъ воеводою въ Новгородѣ, а въ 1632 участвовалъ во вспыхнувшей войнѣ съ Польшею, но въ званіи второго вое-

---

[1]) Село, проселокъ, сельцо и четыре деревни.

воды, товарищемъ князя Мамстрюка-Черкасскаго. Въ 1635 онъ управлялъ суднымъ приказомъ, а въ 1638 былъ одинъ годъ воеводою въ Переяславлѣ-Рязанскомъ. Съ тѣхъ поръ до 1641 года мы его встрѣчаемъ большею частью въ Москвѣ. Въ числѣ другихъ бояръ онъ былъ приглашаемъ къ царскому столу, но не особенно часто: проходили мѣсяцы, когда его имя не упоминается въ числѣ приглашенныхъ, хотя онъ находился въ столицѣ. Въ мѣстническихъ спорахъ, въ удовлетвореніе его родовой чести, царь сажалъ въ тюрьму Волконскаго и Пушкина. Съ осени 1641 года имя его болѣе нигдѣ не упоминается: вѣроятно, около этого времени онъ скончался. Онъ погребенъ въ суздальскомъ Спасоевѳиміевскомъ монастырѣ, гдѣ покоились и его предки. Замѣтимъ въ заключеніе, что князь Пожарскій, какъ гласитъ современное извѣстіе, страдалъ „чернымъ недугомъ“: меланхоліей. Быть можетъ, это и было причиною того, что Пожарскій при Михаилѣ не игралъ первостепенной роли, такъ какъ люди съ подобнымъ настроеніемъ духа не бываютъ искательны и стараются держаться въ тѣни. Самый подвигъ освобожденія Москвы былъ предпринятъ имъ противъ собственнаго его исканія, по настоянію земства.

XXXI.

ФИЛАРЕТЪ НИКИТИЧЪ РОМАНОВЪ.

Родоначальникомъ дома Романовыхъ былъ выѣхавшій изъ прусской земли выходецъ, Андрей Ивановичъ Кобыла съ роднымъ братомъ своимъ Ѳедоромъ Шевлягою. Онъ оставилъ по себѣ пять сыновей, отъ которыхъ, кромѣ третьяго бездѣтнаго, пошло многочисленное потомство, давшее начало очень многимъ родамъ, какъ-то: Шереметевымъ, Колычевымъ, Неплюевымъ, Кокоревымъ, Беззубцовымъ, Лодыгинымъ, Коновницынымъ. Пятый сынъ Андрея Кобылы былъ Ѳедоръ Кошка, знаменитый въ свое время бояринъ, оставившій четырехъ сыновей; изъ нихъ у старшаго, Ивана, было четыре сына; послѣдній изъ нихъ, Захарій, далъ своему потомству наименованіе Захарьиныхъ. Изъ трехъ сыновей Захарія средній, Юрій, оставилъ потомство, которое носило названіе Захарьиныхъ-Юрьиныхъ. Одинъ изъ этихъ сыновей Захарія, Романъ, былъ отецъ царицы Анастасіи (первой жены Грознаго) и брата ея Никиты. Съ этого Никиты Романовича родъ сталъ называться Романовыми. Близкое свойство дѣтей Никиты съ царскимъ домомъ и добрая память, которую оставилъ по себѣ Никита, поставили подозрительнаго Бориса во враждебное отношеніе къ его дѣтямъ. Онъ рѣшился уничтожить этотъ родъ, и всѣхъ сыновей Никиты разослалъ въ тяжелое заключеніе. Александръ, Василій и Михаилъ Никитичи не пережили царской опалы. Лѣтописцы говорятъ, что Александра удавили въ ссылкѣ, у береговъ Бѣлаго моря. Василій и Иванъ были посланы въ Пелымъ. Борисъ велѣлъ ихъ содержать строго, однако не мучить. Но слуги Бориса показывали ему болѣе усердія, чѣмъ онъ, повидимому, того требовалъ. Василій скоро умеръ отъ дурного обращенія съ нимъ приставовъ. Михаила Никитича держали

въ земляной тюрьмѣ въ Ныробской волости, въ окрестности Чердыни. До сихъ поръ показываютъ тамъ въ церкви его тяжелыя цѣпи. Болѣе всѣхъ братьевъ выказывался дарованіями и умомъ Ѳедоръ Никитичъ. Онъ отличался привѣтливымъ обращеніемъ, былъ любознателенъ, научился даже по-латыни. Никто лучше его не умѣлъ ѣздить верхомъ, не было въ Москвѣ красивѣе и щеголеватѣе мужчины. Современникъ голландецъ говоритъ, что если портной, сдѣлавши кому-нибудь платье и примѣривъ, хотѣлъ похвалить, то говорилъ своему заказчику: теперь ты совершенный Ѳедоръ Никитичъ. Этого-то перваго московскаго щеголя насильно постригли въ Сійскомъ монастырѣ подъ именемъ Филарета и приставили къ нему пристава Воейкова, который долженъ былъ наблюдать за каждымъ его шагомъ, прислушиваться къ каждому его слову и о всемъ доносить Годунову. Жену его Ксенію Ивановну, происходившую изъ незнатнаго рода Шестовыхъ, постригли подъ именемъ Мареы и сослали въ Заонежье въ Егорьевскій погостъ, Толвуйской волости. Малолѣтнихъ дѣтей ихъ, Михаила съ сестрою, сослали на Бѣлоозеро съ теткою ихъ, дѣвицею Анастасіею, сестрою Романовыхъ. Филаретъ, какъ доносилъ приставъ Воейковъ, сильно тосковалъ о семьѣ и говорилъ, „милыя мои дѣтки, маленькія бѣдныя остаются, кто-то будетъ ихъ кормить, поить! А жена моя, бѣдная, наудачу жива-ли? Чаю, гдѣ-нибудь туда ее замчали, что и слухъ не зайдетъ“. „Охъ, мнѣ лихо, что жена и дѣти: какъ помянешь ихъ, такъ словно рогатиною въ сердце кольнетъ! Хоть бы ихъ раньше Богъ прибралъ. Чаю, жена сама тому рада, чтобы имъ Богъ далъ смерть, а мнѣ бы уже не мѣшали. Я бы сталъ промышлять одинъ своею душою!..“ Между тѣмъ, при всей строгости надзора за Филаретомъ, попъ Ермолай и нѣкоторые крестьяне Толвуйской волости сообщали ему о женѣ его, а ей переносили вѣсти о немъ [1]).

Въ 1605 году, когда борьба Бориса съ Самозванцемъ была во всемъ разгарѣ, Филаретъ вдругъ измѣнился и смѣло отгонялъ отъ себя палкою монаховъ, которые приходили слѣдить за нимъ. Воейковъ доносилъ на него въ такихъ словахъ: „Живетъ старецъ Филаретъ не по монастырскому чину, невѣдомо чему смѣется; все говоритъ про птицъ ловчихъ, да про собакъ, какъ онъ въ мірѣ живалъ. Старцевъ бранитъ и бить хочетъ, и говоритъ имъ: увидите, каковъ я впередъ буду“.

Воцареніе названаго Димитрія избавило оставшихся въ живыхъ

---

[1]) За эту услугу впослѣдствіи царь Михаилъ наградилъ ихъ, освободивъ ихъ потомство на вѣчныя времена отъ всякихъ государственныхъ податей и повинностей.

двухъ братьевъ Романовыхъ отъ тяжелой ссылки и сдѣлало ихъ знатными людьми въ государствѣ. Иванъ Романовъ возведенъ былъ въ санъ боярина, Филаретъ—въ санъ ростовскаго митрополита. Мы не знаемъ отношеній послѣдняго къ названому Димитрію, но, послѣ его убіенія, Филаретъ, еще до избранія Гермогена въ патріархи, ѣздилъ за мощами царевича Димитрія въ Угличъ. Потомъ онъ оставался въ своей епархіи, въ Ростовѣ.

Когда уже русскіе города одинъ за другимъ начали признавать Тушинскаго Вора, Филаретъ удерживалъ Ростовъ въ повиновеніи Шуйскому. Воръ приказалъ, во что бы то ни стало, достать Филарета и привезти въ свой станъ. 11 октября 1608 г. переяславцы съ московскими людьми, присланными Сапѣгою изъ-подъ Троицы, напали врасплохъ на Ростовъ. Филаретъ облачился въ архіерейскія одежды и сталъ въ церкви съ народомъ. Когда переяславцы ворвались въ церковь, Филаретъ сталъ уговаривать ихъ не отступать отъ законной присяги. Но переяславцы не послушались, сорвали съ него святительскія одежды, надѣли на него сермягу, покрыли ему голову татарскою шапкою и повезли въ Тушино, въ насмѣшку посадивши съ нимъ на возъ какую-то женщину. Тушинскій Воръ принялъ его съ почетомъ и нарекъ патріархомъ. „Филаретъ—говоритъ Аврамій Палицынъ—былъ разуменъ, не склонялся ни направо, ни налѣво". Онъ отправлялъ богослуженіе, поминалъ Тушинскаго Вора Димитріемъ. Тѣмъ не менѣе однако, патріархъ Гермогенъ, строгій къ измѣнникамъ, въ своихъ воззваніяхъ къ народу отзывался о Филаретѣ, что онъ не своею волею, а по нуждѣ находится въ Тушинѣ, что за это патріархъ не порицаетъ его, а молитъ за него Бога. Когда тушинскій станъ началъ разлагаться, Филаретъ, вмѣстѣ съ Михаиломъ Салтыковымъ, сыномъ его Иваномъ, и княземъ Рубцомъ-Масальскимъ, князьями: Юріемъ Хворостининымъ, Ѳедоромъ Мещерскимъ, дьякомъ Грамотинымъ, отправился къ Сигизмунду бить челомъ о дарованіи Русской землѣ въ цари Владислава. Мы не знаемъ, гдѣ находился Филаретъ послѣ уничтоженія тушинскаго лагеря, до низложенія Шуйскаго. Но, послѣ этого событія, онъ былъ въ Москвѣ, и бояре, по благословенію Гермогена, назначили его во главѣ посольства вмѣстѣ съ бояриномъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ и окольничимъ княземъ Даниломъ Мезецкимъ. Здѣсь-то Филарету предстояло выдержать трудный подвигъ.

Сначала поляки приняли русское посольство очень любезно, но потомъ стали требовать, чтобы послы отъ себя приказали смольнянамъ сдать городъ Смоленскъ королю. Споры объ этомъ

были продолжительны. Филаретъ съ товарищами доказывалъ, что это противно заключенному уже договору съ Жолкѣвскимъ, а болѣе всего напиралъ на то, что посольство не имѣетъ права поступать такъ безъ совѣта съ патріархомъ и со всею Русскою землею. Никакія принужденія и угрозы поляковъ не заставили посольство исполнить волю короля; Филаретъ болѣе всего утверждалъ своихъ товарищей быть стойкими. Поляки хитро предлагали дозволить пустить хотя небольшое количество своихъ воиновъ въ Смоленскъ. „Если мы—говорилъ Филаретъ своимъ товарищамъ—пустимъ хотя одного королевскаго человѣка въ Смоленскъ, то намъ Смоленска не видать болѣе. Пусть лучше король возьметъ Смоленскъ силою противъ договора и крестнаго цѣлованія, а мы слабостью своею не отдадимъ Смоленска". Поляки перестали совѣщаться съ послами и въ глазахъ ихъ дѣлали приступы къ Смоленску. Въ февралѣ, 1611 года, паны, получивъ отъ бояръ грамоту, въ которой посламъ приказывалось сдать Смоленскъ и присягать на имя короля вмѣстѣ съ сыномъ, показали ее посламъ. „Эта грамота написана безъ патріаршаго согласія — сказалъ Филаретъ; — хотя бы мнѣ смерть принять, я, безъ патріаршей грамоты о крестномъ цѣлованіи на королевское имя, никакими мѣрами ничего не буду дѣлать". Паны стали имъ грозить, что ихъ отправятъ въ Вильну, и опять прекратили совѣщаніе съ послами.

Когда поляки, стоя подъ Смоленскомъ, узнали, что Русская земля ополчается подъ знаменемъ Ляпунова, они вообразили себѣ, что все это дѣлается съ вѣдома пословъ, и 26 марта канцлеръ Левъ Сапѣга сказалъ имъ: „мы знаемъ ваши коварства, неприличныя званію пословъ. Вы нарушили народное право, пренебрегли указомъ московскихъ бояръ, отъ которыхъ посланы, поджигали народъ къ неповиновенію и мятежу, возбуждая ненависть къ королю, отклоняли Шеина отъ сдачи Смоленска, обнадеживая его помощью отъ Ляпунова. Вы отправитесь въ Польшу". Ихъ посадили подъ стражу. Послѣ того, когда зашла рѣчь о сожженіи Москвы, ихъ призвали снова и объявили о томъ, что̀ сталось со столицею. Филаретъ сказалъ: „Мы сами не знаемъ, что̀ мы такое и что̀ намъ теперь дѣлать. Насъ отправила вся Русская земля и во-первыхъ патріархъ. Теперь патріархъ, нашъ начальный человѣкъ, подъ стражею, а Московскаго государства люди пришли подъ Москву и бьются съ королевскими людьми. Одно средство—отойдите отъ Смоленска и утвердите договоръ, съ которымъ мы пріѣхали; тогда мы напишемъ подмосковному войску, чтобы оно разошлось".

Ихъ опять оставили подъ стражею. Между тѣмъ, случилось такое событіе: Иванъ Никитичъ Салтыковъ, ревностный угодникъ Сигизмунда и испытавшій за то строгіе упреки отъ Филарета, получивши отъ Сигизмунда порученіе не допускать къ соединенію съ Ляпуновымъ ополченіе, составившееся въ Дорогобужѣ, раскаялся въ своей измѣнѣ, объявилъ себя сторонникомъ возстанія и написалъ смольнянамъ увѣщаніе не сдаваться. Это еще болѣе озлобило поляковъ. 12 апрѣля, Левъ Сапѣга призвалъ Филарета и угрожающимъ тономъ потребовалъ отъ него, чтобъ онъ немедленно написалъ отъ себя московскому войску объ отступленіи отъ столицы, а къ Шеину въ Смоленскъ о сдачѣ города.

Филаретъ отвѣчалъ: „Я все согласенъ перетерпѣть, а этого не сдѣлаю, пока не утвердите всего, чтò вамъ подано въ договорѣ“.

„Ну, такъ вы завтра поѣдете въ Польшу“, сказалъ Сапѣга.

На другой день, 13 апрѣля, пословъ отправили водою въ Польшу, все ихъ имущество ограбили, а слугъ перебили. Пословъ сопровождали польскіе жолнѣры съ заряженными ружьями, какъ военно-плѣнныхъ. Когда они плыли мимо имѣнія Жолкѣвскаго, коронный гетманъ, внутренно уважавшій ихъ за твердость, послалъ спросить ихъ о здоровьѣ.

Съ этихъ поръ надолго прекратилась свободная дѣятельность Филарета. Его взялъ къ себѣ въ домъ Левъ Сапѣга. По избраніи Михаила, земскій соборъ хотѣлъ обойти поляковъ, и, умолчавши объ избраніи новаго царя, въ мартѣ 1613 года предлагалъ размѣнъ плѣнныхъ, надѣясь освободить царскаго родителя. Но это не удалось. По восшествіи на престолъ Михаила, отправленъ былъ посломъ въ Варшаву Желябужскій и повезъ Филарету грамоту отъ сына.

„Вы не хорошо сдѣлали,—сказалъ Филаретъ Желябужскому: меня послали отъ всего государства посломъ просить Владислава, а сына моего государемъ выбрали. Могли бы выбрать и другого, кромѣ моего сына. За это вы передо мною неправы, что сдѣлали такъ безъ моего вѣдома“.

Посолъ сказалъ ему:

„Царственное дѣло ничѣмъ не останавливается; хотя бы и ты былъ у насъ,—такъ и тебѣ нельзя было бы перемѣнить этого. На то воля Божія. Сынъ твой самъ не хотѣлъ этого“.

Тогда Филаретъ, обратившись къ Сапѣгѣ, сказалъ:

„Вотъ, говорятъ: сынъ мой очутился государемъ не по моему хотѣнію; да и какъ было это сдѣлать моему сыну? Онъ остался послѣ меня молодъ, всего шестнадцати лѣтъ!“

Поляки ни за что не соглашались сноситься съ новоизбраннымъ царемъ Михаиломъ. Московское правительство отправило еще въ Польшу князя Воротынскаго, но и тотъ не могъ устроить примиренія.

Пропустивши удобное время, Сигизмундъ въ 1617 году рѣшился отпустить сына Владислава, достигшаго уже двадцатидвухлѣтняго возраста, добывать оружіемъ престолъ, на который его избрали уже семь лѣтъ тому назадъ. Владиславъ успѣлъ взять Дорогобужъ и Вязьму: воеводы этихъ городовъ передались ему. Въ слѣдующемъ 1618 году, Владиславъ пригласилъ идти на Московское Государство 20,000 днѣпровскихъ козаковъ подъ начальствомъ козацкаго гетмана Сагайдачнаго. Козаки удачно овладѣли многими украинными городами; королевичъ шелъ на Москву отъ Смоленска и 20 сентября 1618 года оба войска, и польское, и козацкое, стояли уже подъ Москвою.

Положеніе царя Михаила было опасное. Русскіе начинали склоняться къ Владиславу. Къ счастію, московское войско храбро отбило приступъ къ столицѣ съ большимъ урономъ для поляковъ. Приближалось холодное время. Стоять подъ Москвою было трудно, тѣмъ болѣе, что запорожскіе козаки не терпѣли продолжительныхъ осадъ и могли разойтись; покушеніе на Троицкій монастырь также не удалось полякамъ. Все это побудило Владислава вступить въ переговоры.

Въ трехъ верстахъ отъ Троицы, въ селѣ Деулинѣ, послѣ нѣсколькихъ съѣздовъ, заключили перемиріе на 14 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ. По этому перемирію положено было съ обѣихъ сторонъ размѣняться плѣнными. Однако, дѣло о плѣнныхъ затянулось до іюня. Поляки жаловались, что рускіе, и особенно князь Пожарскій, неволею обратили многихъ плѣнныхъ поляковъ въ своихъ холоповъ, а многихъ, выпустивши изъ тюрьмы, отпустили въ морозъ чуть не нагихъ и босыхъ. Бояре клялись, что этого никогда не бывало. Споръ дошелъ-было до того, что поляки, по условію привезши Филарета и прочихъ плѣнныхъ къ рѣчкѣ Поляновкѣ, съ цѣлью возвратить русскимъ, хотѣли отправить ихъ назадъ. Чтобы избавить царскаго отца изъ плѣна, бояре должны были согласиться на требованіе поляковъ сыскивать и возвращать своихъ соотечественниковъ, которые не были сданы въ числѣ плѣнныхъ.

14 іюня, Филаретъ прибылъ въ Москву. Царь встрѣтилъ его за городомъ при безчисленномъ множествѣ народа и поклонился ему въ ноги, а Филаретъ поклонился въ ноги царю, и оба ле-

жали на землѣ, проливая слезы. Въ то же время въ Москвѣ гостилъ патріархъ іерусалимскій Ѳеофанъ. По царскому прошенію, онъ посвятилъ, 24 іюня, Филарета въ санъ московскаго патріарха.

До сихъ поръ царь Михаилъ, человѣкъ очень кроткаго характера, мягкосердечный, былъ только по имени самодержцемъ. Окружавшіе его бояре дозволяли себѣ своевольства. Все управленіе государствомъ зависѣло отъ нихъ. Но Филаретъ, человѣкъ съ твердымъ характеромъ, тотчасъ захватилъ въ свои руки власть и имѣлъ большое вліяніе не только на духовныя, но и на свѣтскія дѣла. Иностранные послы являлись къ нему, какъ къ государю. Самъ онъ, патріархъ, какъ и сынъ его царь, носилъ титулъ великаго государя. Въ его личности было что-то повелительное: царственный сынъ ничего не смѣлъ дѣлать безъ его воли и благословенія. Бояре и всѣ думные и близкіе къ царю люди находились у него въ повиновеніи; правдивый и милостивый съ покорными, онъ былъ грозенъ для тѣхъ, кто рѣшался идти противъ него, и тотчасъ отправлялъ въ ссылку строптивыхъ. Во всей патріаршей епархіи, которая обнимала большую часть Московскаго Государства, кромѣ Казани и Новгорода, всѣ монастыри со всѣми ихъ имѣніями отданы были его управленію, исключая уголовныхъ дѣлъ. Всѣ важные указы царя писались не иначе, какъ съ совѣта отца его. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ періода власти Филарета въ области свѣтскаго управленія было собраніе земской думы, которая должна была представить полное изображеніе разореннаго состоянія государства, сообщить мѣры, „чѣмъ Московскому государству полниться, и устроить Московское государство такъ, чтобы пришли всѣ въ достоинство", а государь, при содѣйствіи отца своего, обѣщалъ „промышлять, чтобы во всемъ поправить и какъ лучше". Тогда, по настоянію Филарета, были посланы въ тѣ города Московскаго Государства, которые уцѣлѣли отъ разоренія, писцы, а въ разоренные города „дозорщики", привести въ извѣстность состояніе государства и возвратить разбѣжавшихся посадскихъ и волостныхъ людей на прежнія мѣста жительства, чтобы они правильно платили государству подати. По своему духовному управленію Филаретъ былъ строгъ, старался водворить благочиніе, какъ въ богослуженіи, такъ и въ образѣ жизни духовенства, преслѣдовалъ кулачные бои и разныя народныя игры, отличавшіяся непристойностью, наказывалъ какъ безнравственность, такъ и вольнодумство. Образчикомъ случаевъ перваго рода можетъ служить дѣло объ одномъ боярскомъ сынѣ, Нехорошкѣ Семичевѣ, котораго патріархъ за развратную жизнь

приказалъ сослать на Бѣлое море, въ Корельскій монастырь, держать скованнаго въ хлѣбнѣ, велѣть ему сѣять муку и выгребать золу изъ печи, а кормить однимъ хлѣбомъ, и то половиною того, что дается каждому брату. Въ такомъ положеніи несчастный узникъ долженъ былъ находиться до смерти. Какъ примѣръ второго рода, можно привести судъ Филарета надъ княземъ Иваномъ Хворостининымъ. Этотъ князь былъ однимъ изъ приближенныхъ названаго Димитрія, и, слѣдуя его примѣру, вольнодумствовалъ относительно религіозныхъ предметовъ; говорилъ, что все равно образа—что римскіе, что греческіе, не хранилъ постовъ, читалъ еретическія книги. Василій Шуйскій сослалъ его въ Іосифовъ монастырь. Михаилъ воротилъ его; но Хворостининъ дошелъ еще до бо̀льшаго вольнодумства: говорилъ, что молиться не для чего, что воскресеніе мертвыхъ — ложь, смѣялся надъ угодниками Божьими, билъ своихъ слугъ за то, что ходятъ въ церковь, пилъ вино и ѣлъ мясо на страстной недѣлѣ, не захотѣлъ идти на пасху къ царю, замышлялъ уйти изъ отечества и уже началъ съ этою цѣлью продавать свои вотчины. „Для меня—говорилъ онъ—нѣтъ людей въ Москвѣ; не съ кѣмъ слова сказать; народъ глупъ; буду просить у царя отпустить меня въ Римъ, или въ Литву, или куда-нибудь". Пока царствовалъ одинъ Михаилъ, Хворостинину все сходило съ рукъ. Но Филаретъ скоро принялся за него. У Хворостинина нашли сатирическое стихотвореніе, въ которомъ онъ смѣялся надъ благочестіемъ москвичей: „они кланяются иконамъ только по подписи, а образъ неподписанный у нихъ и не образъ". Между прочимъ, онъ выразился: „московскіе люди сѣютъ всю землю рожью, а живутъ все ложью". За все это Филаретъ приказалъ сослать Хворостинина въ Кирилловъ монастырь, держать его безвыходно въ кельѣ, давать читать только церковныя книги и заставлять молиться. Это было въ 1623 году. Хворостининъ просидѣлъ тамъ девять лѣтъ и былъ отпущенъ въ 1632 году, когда далъ обѣщаніе и клятву соблюдать уставы греческой церкви и не читать никакихъ еретическихъ книгъ.

Что касается до степени церковной учености Филарета, то современники говорятъ, что онъ только отчасти разумѣлъ священное писаніе.

Филаретъ скончался въ октябрѣ 1633 года и былъ погребенъ въ Успенскомъ соборѣ [1]).

---

[1]) Менѣе относящееся непосредственно къ личности Филарета заключается въ біографіи царя Михаила Θеодоровича.

Его патріаршество было важною эпохою въ исторіи русской іерархіи. Какъ родитель царя, Филаретъ естественно имѣлъ болѣе власти, чѣмъ всякій другой имѣлъ бы, находясь въ его званіи, и какъ патріархъ, управлялъ независимо въ церковныхъ дѣлахъ. Это вообще подняло и возвысило санъ патріарха и для преемниковъ Филарета.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

Типографія М. М. Стасюлевича. Спб. Вас. Остр., 2 линія, 7.

2007088281